This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

RCH LIBRARIES
7856208 3

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.

МАЙ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1890.

Стр.

I.—БРУСИНЪ.—Разсказъ **М. Е. Салтыкова** 5

II.—РЕФОРМА ГИМНАЗІЙ ВЪ ГЕРМАНІИ.—II-IV.—Окончаніе.—**Ант. Окольскаго** 57

III.—НА УЩЕРБѢ.—Романъ.—Часть третья.—I-XI.—**П. Д. Боборыкина** 108

IV.—ВПЕЧАТЛѢНІЯ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ.—**И. М. Сѣченова** 157

V.—НОВАЯ ФАНТАЗІЯ НА СТАРУЮ ТЕМУ.—II-III.—Окончаніе.—**И. И. Янжула.** 173

VI.—НАКАНУНѢ ПЕРЕВОРОТА.—Романъ, соч. М. Крофорда.—Часть вторая: XII-XVI.—Окончаніе.—**А. Э.** 204

VII.—ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.—„Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историческій Вѣстникъ".—**А. В—нъ.** 257

VIII.—СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.—1. О правдивости.—2. О правдѣ.—3. О приличіи.—4. О духовной скудости.—Стих. **А. М. Жемчужникова** 302

IX.—СТАРЫЯ И НОВЫЯ ПОНЯТІЯ О ГОСУДАРСТВѢ.—III-IV.—Окончаніе.—**Л. З. Слонимскаго** 304

X.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—Цвѣтокъ, обманутый горячими лучами.—**М. А. Д.** . . . 330

XI.—ИЗУЧЕНІЕ ПСИХОФИЗИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ.—Д. А. Дриль: „Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями.—**Д. Анучина** 331

XII.—НА МОТИВЪ СТЕКЕТТИ.—Стих. **О. М—вой.** 344

XIII.—ХРОНИКА.—Исполненіе государственной росписи за 1889 г., по предварительнымъ свѣдѣніямъ.—**О.** 346

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предстоящій международный пенитенціарный конгрессъ.—Подготовительные къ нему труды петербургскаго юридическаго общества.—Вопросы о неисправимыхъ преступникахъ, о судейскихъ внушеніяхъ и выговорахъ, объ условномъ осужденіи.—Предстоящая реформа фабричнаго законодательства.—Газетныя извѣстія объ обязательномъ выкупѣ въ остзейскихъ губерніяхъ. 353

XV.—ЗАМѢТКА.—Кустарная промышленность въ Германіи.—**А. А. Исаева.** 371

XVI.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новыя вѣянія въ правительствѣ Германіи.—Первыя заявленія генерала Каприви.—Вопросъ о личномъ „престижѣ" канцлера.—Роль военнаго элемента въ государственномъ управленіи Пруссіи.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Рабочее движеніе въ Австро-Венгріи и Германіи.—Толки о празднованіи 1-го мая въ западной Европѣ.—Одна изъ особенностей національной борьбы въ Чехіи.—Старочехи и младочехи.—Чешско-нѣмецкое соглашеніе и антагонизмъ двухъ чешскихъ партій . . . 379

XVII.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10-ое.—Бѣлоруссія и Литва, П. Н. Батюшкова.—Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II, ч. I и II, В. К. Андріевича.—Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири, А. И. Розова.—**А. П.**—Новыя книги и брошюры. 391

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Vue générale de l'histoire politique de l'Europe, par Ernest Lavisse.—II. Das Problem der Grundbesitzvertheilung in geschichtlicher Entwickelung, von Aug. von Miaskowsky.—**Л. С.** 405

IX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Двадцатипятилѣтіе закона 6-го апрѣля 1865 г.—Существуетъ ли прямая связь между свободною печатью и ея вліяніемъ?—Процессъ печати въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Вопросъ о подставныхъ акціонерахъ.—Двѣ журнальныя статьи о Финляндіи.—„Московскія Вѣдомости" и наши гимназіи 408

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I.—Отъ Комитета научно-промышленной выставки въ Казани.—II.—Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нужд. литерат. и ученымъ за 1889 годъ.—III. Отъ Редакціи 426

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Исторія русской этнографіи, т. I, А. Н. Пыпина.—Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго.—Руководство для живописи на фарфорѣ, А. К. Ламанской.—Очеркъ торговаго московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изд. 2-ое. Историч. монографія Николая Костомарова.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LIV. — ТОМЪ CCCXVII. — 1/13 МАЯ, 1890.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СОРОКЪ-ТРЕТІЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академич. переулокъ № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1890

Digitized by Google

-5317-

JAN 24 1891

(1702)

Digitized by Google

БРУСИНЪ

РАЗСКАЗЪ.

М. Е. Салтыкова.

1849 года *).

Вечеръ былъ пасмурный; дождикъ шелъ на дворѣ какъ изъ ведра, вѣтеръ безпрестанно захлопывалъ ставнями окна нашей дачи; взглянешь на небо—небо все въ тучахъ: видно, надолго зарядило ненастье; на дворѣ сыро и холодно; баба идетъ по задворкамъ и, заворотивши подолъ до колѣнъ, флегматически шлепаетъ босыми ногами по густой грязи...

Мы всѣ сидѣли кружкомъ противъ горящаго камина; разговоръ былъ вялъ и тяжеловѣсенъ; и форма, и содержаніе его, прямо согласовались съ цѣпенящимъ настроеніемъ безъ сравненія гнусной и безконечно мерзостной петербургской природы. Чувство жизни гасло подъ бременемъ этого удушья, какъ будто и оно, вмѣстѣ съ бабой, заворотившей подолъ, вязло въ сѣрой грязи, замокло на дождѣ и отупѣло подъ тяжелыми тучами гадкаго петербургскаго неба. И въ самомъ дѣлѣ, рѣчь шла о скукѣ, этой прародительницѣ „всякаго дыханія", хвалящаго Господа.

*) Настоящій разсказъ имѣетъ, главнымъ образомъ, значеніе какъ новый матеріалъ для литературной біографіи скончавшагося годъ тому назадъ М. Е. Салтыкова. Въ его столѣ найдена была старая рукопись тщательно и собственноручно переписанная авторомъ на обыкновенной писчей бумагѣ большого формата и составляющая тетрадь въ 156 страницъ, въ изящномъ шагреневомъ переплетѣ. Оригинально въ этой рукописи—то, что только одна заглавная ея страница не написана, а напечатана въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она воспроизведена нами выше. Одинъ изъ молодыхъ собесѣдниковъ разсказчика—очевидно, самъ авторъ, которому тогда едва исполнилось 23 года. Разсказъ написанъ въ первый же годъ службы М. Е. Салтыкова въ канцеляріи вятскаго губернатора.—*Ред.*

Digitized by Google

Вѣроятно, и вамъ не разъ случалось встрѣтиться съ нею, благосклонный читатель; это—дама чрезвычайно скромная, съ потупленными глазками, съ опущенной на лицо вуалью и въ до крайности сѣренькомъ платьицѣ; она вѣчно ходитъ съ вами подъ руку; сопровождаетъ васъ на службу, читаетъ съ вами „Сѣверную Пчелу", засыпаетъ съ вами въ Александринскомъ театрѣ и охотно раздѣляетъ ваше одинокое ложе. Однимъ словомъ, таинственная незнакомка дѣлается неизмѣнною подругой вашей жизни. Но кто эта незнакомка, гдѣ родилась она, какое солнце пригрѣло и воспитало ее? Люди мы были всѣ молодые, и всѣ рѣшительно согласились, что у общей нашей пріятельницы, какъ и у всѣхъ вообще пріятельницъ, есть своего особаго рода маменька, тоже дама, по преимуществу, сѣренькая, называющаяся—бездѣятельностью.

Но, рѣшивши такимъ образомъ вопросъ, мы тутъ же весьма кстати догадались, что вовсе ничего не рѣшили, и что, для удовлетворительнаго разъясненія этого запутаннаго дѣла, нужно добраться до того, отчего дѣятельность-то наша такъ бѣдна и ничтожна, или лучше, отчего мы цѣлый вѣкъ какъ будто толчемся и движемся, а результаты выходятъ все самые крохотные, самые обидные.

Предположенія на этотъ счетъ были совсѣмъ разнообразныя. Одни приписывали это воспитанію, другіе—непониманію дѣйствительныхъ интересовъ; третьи, наконецъ, тому, что въ самой дѣйствительности слишкомъ мало силъ, вызывающихъ и поддерживающихъ истинную дѣятельность.

Одинъ Николай Иванычъ, общій нашъ пріятель и человѣкъ бывалый, ходилъ по комнатѣ и въ глубокомысленномъ молчаніи покручивалъ усы. Онъ глядѣлъ на всѣхъ насъ какъ-то особенно затѣйливо, и вся его физіономія какъ будто превратилась въ одно длинное и глубоко значительное—„гм".

— Да, странные бываютъ случаи!—разразился онъ, наконецъ: —чортъ его знаетъ, иной, съ виду, кажется, и порядочный человѣкъ, и говоритъ какъ будто дѣло, и на вещи смотритъ почеловѣчески, а вотъ какъ дойдетъ до практики, тутъ разомъ дрянь-то вся и выльется наружу, тутъ и окажется вся гнусность, да еще и не простая гнусность, а съ затѣями, съ прибаутками...

Николай Иванычъ усиленно зашагалъ по комнатѣ и зло началъ крутить усы.

— Да вѣдь до чего доходитъ!—продолжалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ: — не только другимъ, и себѣ, самому себѣ, съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ начинаетъ человѣкъ гадить да

Digitized by Google

понемножку на маломъ огнѣ себя жарить, какъ будто всѣмъ и каждому на стѣнкѣ зарубить хочетъ: смотрите, дескать, добрые господа, какъ я себя исказилъ и изуродовалъ, на что, молъ, я теперь похожъ?!

— Ну, вѣрно, у Николая Иваныча какая-нибудь новая исторія въ подтвержденіе старой идеи, что нужно всегда пребывать въ золотой серединѣ, избѣгать крайностей и такъ далѣе... Знаемъ, знаемъ мы всѣ эти погудки, и не разъ ужъ, кажется, вы были биты на этомъ полѣ. А bas Николая Иваныча! не нужно намъ золотой посредственности!

Николай Иванычъ остановился посреди комнаты и окинулъ насъ взоромъ сожалѣнія, какъ будто вызывая на бой того дерзновеннаго, который бы осмѣлился сразиться съ нимъ на поприщѣ силлогизмовъ. Мы всѣ были люди молодые; онъ же былъ, хоть и не старъ, а все-таки пожилыхъ лѣтъ, да притомъ же и волоса на головѣ рѣденьки какъ-то стали. Но по какому-то особенному инстинкту онъ всегда чувствовалъ себя какъ-то лучше, когда находился въ обществѣ молодыхъ людей, и тщательно избѣгалъ компаніи своихъ ровесниковъ, открыто называя ихъ существами, погрязшими въ болотѣ предразсудковъ и покрытыми тиною привычки.

— То-то вотъ, молодые люди!—сказалъ онъ,—вѣдь только глумитесь вы надо мной съ вашей золотой посредственностью, а того и не подумаете, что не въ названьѣ сила. Пожалуй себѣ, самую почтенную вещь можно назвать шутовскимъ именемъ, да стыдно-то будетъ не ей, а тому, кто далъ ей глупое прозвище... Я говорилъ и теперь утверждаю, что каждое дѣйствіе свое надо обдумать, сообразить съ обстоятельствами, выяснить себѣ его послѣдствія, а не бросаться въ воду, не спросясь броду... Если вы это называете золотой посредственностью,—быть по вашему: я не нахожу ничего безчестнаго въ этомъ названіи.

— Однако-жъ, не легкую вы опеку навязали человѣку, почтеннѣйшій Николай Иванычъ,—возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ, весьма молодой человѣкъ:—вѣдь подумаешь, маленькая какая задача: поди-ка, сообрази сперва съ обстоятельствами, да потомъ обсуди, какія будутъ послѣдствія... Да покуда все это соображаешь да обсуживаешь, такъ и время, пожалуй, уйдетъ... Этакъ намъ съ вами всю жизнь придется сидѣть сложа руки да снаряжаться на великіе подвиги, которые, къ несчастью, никогда не будутъ совершены.

— Лучше мало дѣлать, но дѣлать съ увѣренностью и осно-

Digitized by Google

вательно,—возразилъ Николай Иванычъ, и, какъ въ неприступной крѣпости, заперся въ своей фразѣ.

— Скажите лучше: не „мало“, а просто ничего не дѣлать, это будетъ добросовѣстнѣе,—отозвался въ свою очередь молодой человѣкъ.

— Пожалуй, хоть и ничего; по моему, даже это сноснѣе. Что̀ изъ того, что мы дѣлаемъ, безпрестанно дѣлаемъ? менѣе ли скаредна отъ этого жизнь наша? легче ли намъ отъ того, что мы безпрерывно толчемся? Для дѣятельности надобна цѣль, надобно будущее, а дѣятельность для одной дѣятельности... какъ хотите, а это, во времена о̀ны, называлось романтизмомъ или самоудовлетвореніемъ.

— Позвольте, Николай Иванычъ, тутъ дѣло идетъ не о дѣятельности для дѣятельности — на этотъ предметъ мы смотримъ точно такъ же, какъ и вы—а объ томъ, отчего безплодно направлена наша дѣятельность? Вы приписываете это винѣ самого человѣка, непониманію какихъ-то „дѣйствительныхъ интересовъ“; мы же относимъ это къ тому, что самая дѣйствительность запираетъ человѣку всѣ выходы для обнаруженія полезной дѣятельности. Вотъ положеніе вопроса.

— Эй, господа, берегитесь романтизма!—прервалъ Николай Иванычъ, очевидно уклоняясь отъ прямого пути: — это такая заразительная болѣзнь, которая сто̀итъ иной проказы... Время турнировъ и рыцарей прошло, да не въ турнирахъ дѣло; и во фракѣ случается иной разъ встрѣтить такого рыцаря, который сдѣлалъ бы честь варварской памяти среднимъ вѣкамъ; оболочка только измѣнилась, слова другія, а сущность все та же; прежде дѣлала романтикомъ любовь, чувство рыцарской чести; нынче... да нынче на всякомъ шагу обязанъ быть романтикомъ: живешь въ обществѣ—ты гражданинъ; женишься—семьянинъ; служишь—товарищъ. Такъ и обхватываетъ съ самой колыбели, такъ и пронизываетъ насквозь романтизмомъ. Идолы, идолы и идолы... Созданъ, господа, человѣкъ такъ, что безъ божка, хоть крошечнаго, обойтись никакъ не можетъ!

— Да нѣтъ, — подхватилъ молодой человѣкъ, завязавшій споръ, — вы намъ сперва докажите, что можно что-нибудь дѣлать, какъ вы говорите, соображаясь съ обстоятельствами, обсудивши напередъ послѣдствія.

— Дѣлать немного, но твердо и основательно,—возразилъ Николай Иванычъ.—Вы хотите вдругъ все выворотить на изнанку, а того и не возьмете въ толкъ, что въ мірѣ все дѣлается посте-

Digitized by Google

пенно, и что нуженъ великій запасъ терпѣнья, если хочешь быть сколько-нибудь полезнымъ.

— Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute! знаете ли вы, чья добродѣтель терпѣнье, Николай Иванычъ! а впрочемъ, зачѣмъ же васъ обижать! я берусь безъ шутокъ доказать вамъ, что ваше терпѣнье ведетъ къ насильственному бездѣйствію.

— Любопытно было бы знать ваши доказательства.

— Да дѣло очень просто; на практикѣ ваше золотое правило рѣшительно никуда не годится; еслибы намъ вѣчно обдумывать послѣдствія своихъ дѣйствій, вѣчно сидѣть надъ собою съ пучкомъ розогъ, то это едва ли бы не значило постоянно приговаривать себѣ: этого не дѣлай, къ этому не прикасайся, того не моги... Потому что много ли изъ насъ, да полно, есть ли еще хоть одинъ, кто могъ бы съ увѣренностью сказать: вотъ на это я имѣю право, вотъ это мнѣ принадлежитъ? Не справедливѣе ли, что каждый изъ насъ имѣетъ тысячу поводовъ сказать себѣ: имѣю ли я на это право? Итакъ, еслибы всѣ дѣйствовали по вашей теоріи, не значило ли бы это, спрашиваю я васъ, умышленно наполнить себѣ жизнь такими ужасами, которые, въ самомъ большомъ смѣльчакѣ, могутъ навѣки убить охоту дѣйствовать хоть какъ-нибудь.

— Романтизмъ, мой милый, романтизмъ! — торжественно вскричалъ Николай Иванычъ: — только больная голова не можетъ вынести дѣйствительности, а здоровая никогда не наполнится ужасами при взглядѣ на нее.

— Въ томъ-то и дѣло, что вы совершенно напрасно называете ваше воззрѣніе на жизнь здоровымъ. То̀, что̀ вы величаете здоровымъ анализомъ дѣйствительности, есть не что иное, какъ больная, очень больная ваша мнительность. Хорошъ анализъ, когда человѣкъ, открывши на тѣлѣ рану, ограничивается тѣмъ, что констатируетъ ея существованіе, уясняетъ себѣ происхожденіе ея и обсуживаетъ, какія могутъ быть отъ того послѣдствія! И не поднять руки, чтобы завязать эту рану? И не позволить сердцу даже содрогнуться при видѣ этого безобразія? И отчего? отъ того, что все это, изволите видѣть, романтизмъ, романтизмъ, романтизмъ!

— Однакожъ, вы не станете пить холодную воду, когда разгорячены,—возразилъ Николай Иванычъ побѣдоносно.

— Экую хитрую штуку вы сказали! конечно, не стану, да вѣдь тутъ результатъ мнѣ положительно извѣстенъ, а въ жизни много ли такихъ случаевъ? Соображать свою жизнь съ обстоя-

Digitized by Google

тельствами! предвидѣть послѣдствія! да спрашиваю я васъ: гдѣ вы найдете указаніе на всѣ подробности жизни, какъ предугадаете послѣдствія? Если бы все повиновалось опредѣленному закономъ—à la bonne heure! вы были бы правы! а то, видите ли, нынче и природа-то дѣйствуетъ какъ будто со сна: вотъ теперь должно бы быть лѣту, а у насъ осень; мы и дрожимъ противъ камина отъ холода.

Николай Иванычъ молчалъ.

— Вы вообразите себѣ,—продолжалъ молодой человѣкъ,—что вы, въ самомъ дѣлѣ, поставлены въ необходимость все взвѣшивать и обдумывать; вѣдь вамъ жить будетъ невозможно. Если у васъ есть сегодня кусокъ хлѣба, чтобы утолить голодъ, вы не будете его ѣсть: кто знаетъ, можетъ быть, сегодня же васъ обокрадутъ, лишатъ возможности купить другой кусокъ хлѣба... И вы не смѣете ѣсть, вы морите себя голодомъ въ томъ разсчетѣ, что вамъ, *можетъ быть*, завтра еще понадобится этотъ самый кусокъ хлѣба... А завтра что? да вѣдь и завтра не легче, потому что изъ-за завтра глядитъ столь же черное и чреватое разными невзгодами послѣзавтра... Нѣтъ, Николай Иванычъ, птицамъ небеснымъ не слѣдуетъ думать о завтрашнемъ днѣ, а мы всѣ, въ настоящую минуту, болѣе или менѣе птицы небесныя! Это не утѣшительно, но несомнѣнно.

— A bas Николая Иваныча! à bas золотую посредственность, ослиныя добродѣтели!—закричали хоромъ присутствующіе.

— Да вѣдь это такъ,—началъ тотъ же юноша;—вы, пожалуй, всю вину свалите на человѣка; этакъ, если я оборванъ да оглоданъ, такъ я отчета нигдѣ попросить не могу, отчего, дескать, я оглоданъ: пеняй, молъ, самъ на себя, самъ во всемъ виноватъ. Гнусно, Николай Иванычъ, ужасно гнусно!

— Гнусно, Николай Иванычъ!—кричала толпа.

Николай Иванычъ ходилъ по комнатѣ и только отдувался, теребя усы.

— Однакожъ, Николай Иванычъ, вы что-то начали говорить о людяхъ, которые сами себѣ съ особеннымъ удовольствіемъ пакостятъ,—замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ:—вѣрно, у васъ въ запасѣ какая-нибудь исторія. Не ради принципа, а ради скуки, снѣдающей насъ, разскажите намъ ее.

— Нѣтъ, это было простое воспоминаніе... да притомъ же, вѣдь и то дѣло конченное: я побитъ, слѣдовательно, и разсказывать не для чего, — сказалъ Николай Иванычъ обиженнымъ тономъ, не лишеннымъ, однакожъ, легкаго сардоническаго оттѣнка, какъ будто бы въ самомъ-то дѣлѣ онъ и не былъ побитъ.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, вы и обидѣлись! Сжальтесь надъ нами; посмотрите, какая на дворѣ гадость; не умирать же намъ здѣсь отъ скуки; разскажите свою исторію.

Николай Иванычъ началъ.

— Исторія моя, будь она издана лѣтъ безъ малаго сотню тому назадъ, навѣрное имѣла бы заглавіемъ: „Пагубныя послѣдствія праздной жизни, или какимъ образомъ человѣкъ самъ сознательно устроиваетъ собственное свое несчастье“...

...Въ мое время, господа, молодые люди жили въ Петербургѣ какъ-то особенно странно. То-есть, если я говорю вамъ: „молодые люди“, то разумѣю подъ этимъ названіемъ только извѣстный кружокъ такихъ людей, людей близкихъ между собою по убѣжденіямъ, по взгляду на вещи, по болѣе или менѣе смѣлымъ и не совсѣмъ удобоисполнимымъ теоріямъ, которыя они себѣ составили,—однимъ словомъ, кружокъ, къ которому принадлежалъ я самъ.

Жизнь мы вели совершенно затворническую; бо́льшую часть дня сидѣли дома, а по вечерамъ собирались другъ у друга. Сначала-то оно шло хорошо; люди были мы всѣ молодые, сошедшіеся не случайно; покуда запасъ новостей не истощился, покуда мы не узнали еще другъ друга вполнѣ, намъ весело было собираться вмѣстѣ по вечерамъ. Само собою разумѣется, на этихъ сборищахъ не было ни тѣни буйства, то-есть, если хотите, оно и было, но только въ области мысли, гдѣ мы рѣшительно не признавали никакой опеки,—а отнюдь не въ дѣйствіяхъ. Дѣло ограничивалось обыкновенно неизбѣжной чашкой чаю и разговоромъ... зато разговоръ выкупалъ собою невинность чашки чаю. Но все это было сносно только сначала; мало-по-малу всѣ личности, составлявшія этотъ кружокъ (а ихъ было очень немного), сдѣлались извѣстны другъ другу въ такой изумительной подробности, что общество наше совершенно упало духомъ и готово было распасться. Было извѣстно, напримѣръ, что въ такой-то день М-нъ будетъ упрекать М-ва за его систематическую, ребяческую непосредственность, за его безразсудное ни къ чему не ведущее и немного скиѳское удальство, и что̀ всего хуже—извѣстно было даже и то, что̀ М-въ будетъ возражать на подобныя обвиненія. Однимъ словомъ, мы страшно скучали, потому что наизусть знали другъ друга. Въ понедѣльникъ будутъ говорить о послѣдней книжкѣ любимаго журнала; во вторникъ М*** будетъ развивать какой-нибудь экономическій вопросъ;

Digitized by Google

въ среду—вопросъ психологическій; въ четвергъ — что дѣлается за границей и хорошо ли дѣлается, и т. д.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ и всѣ люди праздные, мы много занимались сочувствіемъ, и радовались паденію какого-нибудь нелюбимаго министерства съ такою глубокою искренностью, какъ будто бы случай этотъ самимъ намъ открывалъ дорогу въ министры. Иногда, впрочемъ, для разнообразія порядокъ измѣняли, и экономическіе вопросы развивались въ понедѣльникъ, тогда какъ толки о послѣдней книжкѣ журнала отлагались на самый конецъ недѣли. Но, при всей непринужденности отношеній, мы какъ-то все еще боялись сознаться въ этомъ другъ другу, и всякій разъ съ необыкновеннымъ самоотверженіемъ тотъ изъ насъ, который былъ завтра на очереди, уходя домой и обращаясь къ присутствующимъ, говорилъ: „а что, господа, такъ завтра у меня?“ И всѣ съ не меньшимъ самоотверженіемъ отвѣчали: „да, у тебя; будемъ, непремѣнно будемъ“. —„То-то, смотрите же, я буду ждать“, отвѣчалъ очередной, и накрѣпко наказывалъ всѣмъ, чтобы не забыли, что у него, дескать, будетъ собраніе, а не у С. или у М... Теперь, когда я обдумываю свое прошедшее (вы извините мнѣ, господа, это маленькое отступленіе отъ скуки), мнѣ дѣлается явнымъ, какимъ образомъ зародилось въ нашихъ сношеніяхъ это коррозивное начало всего сущаго, называемое скукой. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ мы собирались? чтобы сообщать другъ другу свои наблюденія? да вѣдь эти наблюденія надобно было дѣлать надъ чѣмъ-нибудь живымъ, дѣйствительнымъ, а мы имѣли только книги. Да и узнанное нами изъ книгъ не могло быть интереснымъ предметомъ для нашихъ вечернихъ бесѣдъ, съ тѣхъ поръ, какъ личность каждаго изъ насъ была намъ совершенно подробно извѣстна. Читали мы все больше однѣ и тѣ же книги; образомъ мысли, характерами такъ близко подходили другъ къ другу, что извѣстная мысль производила почти одно и то же впечатлѣніе на всѣхъ насъ. Одно только и могло бы истинно заинтересовать насъ—это наблюденія, извлеченныя изъ практической дѣятельности нашей, а ихъ-то именно и недоставало. Кто его знаетъ, мы ли сами насильно оторвались отъ общества, или общество оторвало насъ отъ себя, только—практической дѣятельности ни у одного изъ насъ не было никакой. Эта-то насильственная скудость живой дѣйствительности и, напротивъ того, чрезмѣрное, болѣзненное обиліе дѣйствительности чисто-книжной и было тѣмъ зломъ, которое неутомимо грызло цѣпь, долго всѣхъ насъ связывавшую. Положимъ, что нѣкоторые изъ насъ далеко пошли въ сферѣ мысли, да гдѣ же факты для под-

Digitized by Google

твержденія смѣлыхъ теорій, которыя каждый изъ насъ болѣе или менѣе создавалъ или скорѣе вычиталъ себѣ изъ книгъ? Гдѣ земля, на которую можно смѣло упереться? Никакихъ, рѣшительно никакихъ положительныхъ знаній мы не имѣли, и потому по-неволѣ должны были пробавляться общими мѣстами и безплодной силлогистикой. Многіе, напримѣръ, изъ насъ весьма отчетливо могли себѣ представить будущность человѣчества, а не видѣли, что дѣлается у нихъ подъ руками, не могли бы сказать, какъ нужно дѣйствовать въ данную минуту, въ данной срединѣ...

Кто виноватъ въ этой праздности—предоставляю судить вамъ самимъ, господа. Достовѣрно извѣстно, что мы, дѣйствительно, наконецъ, страшно облѣнились и находили неистовое удовольствіе въ сознательномъ переливаніи изъ пустого въ порожнее; но достовѣрно извѣстно и то, что и мы не всегда были такъ апатичны, что и въ насъ когда-то была жажда дѣятельности, да по какимъ-то независящимъ (отъ кого?) обстоятельствамъ, въ одно прекрасное утро, оказалась выписанною изъ наличности.

Жизнь есть рядъ вопросительныхъ знаковъ, господа.

Такъ вотъ такую-то удивительную жизнь вели мы во время оно.

Въ послѣднее время, критики наши ввели похвальный обычай нападать на тѣ произведенія литературы, въ которыхъ изображаются такъ-называемые „больные", то-есть полоумные и юродивые. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть презрѣннѣе, нелѣпѣе „разочарованныхъ". Это, по большей части, школьники, въ юныхъ лѣтахъ вкусившіе трубки, вина и женщинъ и воображающіе, что, внѣ этихъ трехъ капитальныхъ факторовъ жизни человѣческой, остальная вселенная есть не что иное, какъ tabula rasa. Люди эти всего болѣе боятся всякаго увлеченія, называя это дѣтскими игрушками, а сами и не догадываются, что ихъ разочарованіе есть тоже игрушка (да притомъ еще и какая дѣтская!), и что ихъ вполнѣ вѣрно можно опредѣлить, назвавъ „очарованными разочарованными"... Итакъ, критика очень хорошо дѣлаетъ, выказывая всю пошлость подобныхъ людей, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она крайне неправа, обвиняя литераторовъ въ пристрастіи къ изображенію характеровъ подобнаго рода. Если правда, что литература должна быть зеркаломъ современнаго общества, то люди, одержимые тихимъ помѣшательствомъ, должны составить капитальное ея достояніе. Видовъ этого помѣшательства ужасно много, и ихъ тѣмъ труднѣе подмѣтить, что нерѣдко они имѣютъ всѣ признаки нормальнаго, здороваго состоянія. Нѣкоторые помѣшаны на самопожертвованіи, другіе—на нравственности; третій

Digitized by Google

желалъ бы, чтобъ всѣ люди, не исключая даже чиновъ петербургской полиціи, были добродѣтельны; четвертый—чтобы всѣ были счастливы, не исключая даже князя Чернышева. Основаніемъ всѣхъ этихъ желаній служитъ извѣстное сочиненіе Тредьяковскаго: „Ѣзда въ островъ любви". Гдѣ взять здоровыхъ людей? По-неволѣ придется заниматься уродами, тѣмъ болѣе, что naturalia non sunt turpia.

На одномъ изъ такихъ пріятныхъ вечеровъ, которые я вамъ сейчасъ описывалъ, явилось однажды новое лицо, Александръ Андреичъ Брусинъ. Въ маленькихъ кружкахъ, гдѣ собираются все знакомыя, примелькавшіяся лица, явленіе новаго человѣка всегда производитъ порядочную кутерьму. Въ этого человѣка вглядываются особенно пристально, допытываютъ, такъ сказать, обнюхиваютъ его, узнаютъ всѣ мелкія подробности жизни, и когда, наконецъ, всѣ члены кружка удостовѣрятся, что новаго собственно эта новая личность ничего не представляетъ, тогда всѣ успокаиваются и кружокъ умножается еще однимъ членомъ. Деспотизмъ такого рода кружковъ доходитъ даже до того, что если новобранецъ оказываетъ хотя малѣйшее поползновеніе выбраться изъ колеи затѣйливыхъ, но безплодныхъ желаній, то, бываетъ, безвозвратно исключается, какъ недостойный и недостаточно развитый, чтобъ стать въ уровень съ членами кружка.

Такого же рода испытанію подвергнутъ былъ и Брусинъ. Оказалось, что онъ удовлетворялъ даже самымъ строгимъ требованіямъ: мечтательности, стремленія строить утопіи была доза препорядочная; практическаго смысла—нисколько. Какъ и всѣ мы, онъ мечталъ про какія-то отдаленныя времена, которыя должны были придти послѣ скончанія вѣковъ, съ удивительной легкостью устроивалъ счастье и будущія судьбы человѣчества, и между тѣмъ не могъ предложить ни одного средства, какимъ образомъ нужно бы вести человѣка къ этимъ „будущимъ судьбамъ". А безъ этого всякая утопія—нелѣпость, потому что человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что и на счастье-то какъ будто неохотно и недовѣрчиво смотритъ, такъ что и счастье ему надо навязывать!..

Я сошелся съ Брусинымъ скоро и близко, и не мудрено: насъ связывали не только одинаковыя убѣжденія, не только одинаковый образъ жизни, но и одинаковое сознаніе глубокой безполезности этой жизни, сознаніе того, что мы начали читать, не научившись азбукѣ, начали ходить, не научившись твердо стоять.

Мы поселились вмѣстѣ и, отъ нечего дѣлать, по цѣлымъ днямъ вздыхали надъ нашей собственной инепціей. Когда запасъ нашихъ взаимныхъ изліяній истощился, то и къ намъ змѣей под-

Digitized by Google

ползла скука и грозила тѣми же грустными результатами, которые ужъ осуществились надъ небольшимъ кружкомъ нашимъ. Тысячу разъ мы давали другъ другу твердое обѣщаніе бросить эту праздную жизнь и приняться за дѣло. Но вопросъ: какъ приняться за дѣло? какое это дѣло? И мы по прежнему пребывали въ косности.

Брусинъ былъ романтикъ въ душѣ, романтикъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Обстоятельства ли его такъ изуродовали или ужъ въ колыбели судьба задумала доставить себѣ невинную утѣху, создавъ нравственнаго уродца,—право, не могу достовѣрно сказать вамъ. Это такія темныя, запутанныя дѣла, надъ которыми тысячи здоровыхъ и счастливо организованныхъ головъ сломаются прежде, нежели будутъ хоть на шагъ подвинуты къ вожделѣнному рѣшенію. Пріятель мой весь былъ составленъ изъ противорѣчій. Послушать, бывало, его, такъ всякій подумаетъ: „вотъ, наконецъ, хоть одинъ человѣкъ, одаренный высокимъ практическимъ смысломъ". Онъ до такой степени легко усваивалъ себѣ всякую прекрасную идею, что она внезапно становилась его собственностью, являлась его уму со всѣми мельчайшими подробностями, со всѣмъ дальнѣйшимъ развитіемъ, со всѣмъ практическимъ примѣненіемъ. Въ воображеніи его мигомъ устроивалась жизнь дѣятельная, кипучая, въ которой ни одной минуты нѣтъ праздной, въ которой нѣтъ возможности опомниться человѣку: до того полна она, до того поглощаетъ всего человѣка. Но все это только въ будущемъ, все это не обусловлено ни пространствомъ, ни временемъ, а потому тамъ легко и удобно распоряжаться по усмотрѣнію. Въ настоящемъ же дѣло гораздо труднѣе и туже дѣлается. Тутъ безпрестанно встрѣчаемъ на пути такъ-называемые faits accomplis, съ которыми не легко бороться, которые глубоко пустили корни. Жизнь есть пробный камень больныхъ натуръ.

И дѣйствительно, рѣдко случалось мнѣ встрѣтить человѣка, до такой степени негоднаго для жизни, какъ Брусинъ. Онъ былъ капризенъ и требователенъ до ребячества; повелителенъ до деспотизма; непостояненъ и измѣнчивъ до самаго узкаго эгоизма. А всему причиной было ложное воспитаніе, которое получилъ онъ, подобно всѣмъ намъ, и которое развило въ насъ только потребности и стремленія, а не указывало на средства удовлетворить имъ. Слѣдствіемъ такого направленія было то, что мы до того забѣжали впередъ, до того разошлись съ дѣйствительностью, что не имѣли ни одной точки, на которой бы могли, безъ тягостнаго чувства, помириться съ нею. Изъ всего воспитанія мы видѣли только конецъ, а начала и средины для насъ не существовало.

Digitized by Google

— Вы спросите меня, быть можетъ, почему же я, сознавая столь ясно его глубоко безсильную и извращенную натуру, такъ сильно привязался къ нему? Отвѣтъ на это очень простъ. Во-первыхъ, я самъ, въ то время, недалеко ушелъ отъ него въ этомъ отношеніи. Во-вторыхъ, несмотря на всѣ его яркіе недостатки, рѣдко можно было встрѣтить въ чьемъ-либо характерѣ столько симпатіи ко всему страждущему и вопіющему, сколько нашелъ я въ немъ. Малѣйшее чужое горе, малѣйшее угнетеніе или несправедливость глубоко и искренно терзали его. Еще больше гнело его въ этомъ случаѣ сознаніе его собственнаго безсилія въ дѣлѣ помощи, и онъ, дѣйствительно, бывалъ глубоко и тяжко несчастливъ. Хотя, конечно, все это несчастіе ограничивалось однѣми жалобами, но за намѣреніе многое прощается, господа. Такъ вотъ гдѣ тайна моей привязанности къ Брусину.

Жизнь наша въ ту пору была самая горькая и тяжелая. Я ужъ далъ вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, какимъ образомъ мы проводили время, но это только нравственная сторона вопроса; матеріальная была едва ли еще не плоше. Я-то, правда, служилъ да и отъ отца получалъ немного; слѣдовательно, могъ еще какъ-нибудь пробиваться; но Брусинъ никакъ не хотѣлъ вступить на службу, а между тѣмъ собственныя его средства были самыя ничтожныя: всего тысячи двѣ или полторы ассигнаціонныхъ рублей въ годъ. Согласитесь, чѣмъ же тутъ существовать?

А потребности были у него гигантскія, какъ у всѣхъ людей, у которыхъ воображеніе развито на счетъ разсудка. Воспитанъ же онъ былъ въ какомъ-то заведеніи или пансіонѣ, въ кругу разныхъ баловней фортуны; тамъ-то именно и впились въ него разныя претензіи,—а ужъ куда какъ худо, какъ бѣденъ человѣкъ да еще и затѣи разныя въ головѣ заводятся. Да притомъ еще и безпечность, или не то что безпечность, а равнодушіе какое-то дьявольское ко всякой работѣ, которою можно было бы доставить себѣ кусокъ хлѣба, какъ будто родился этотъ человѣкъ на то, чтобъ жить ему на всемъ готовомъ. А иной разъ—кто его знаетъ—начнетъ, бывало, безпокоиться, и цѣлый день жалуется, цѣлый день мучитъ себя и все придумываетъ различныя средства добыть себѣ денегъ, и все-таки остановится на томъ, что сложитъ себѣ руки и начнетъ клясть часъ своего рожденія, жаловаться на людей, на какія-то обстоятельства, будто бы отбившія его отъ честнаго труда, называть себя безталантнымъ, ни на что негоднымъ человѣкомъ.

Это бывали едва ли не самыя грустныя минуты нашей жизни вдвоемъ. Тщетно упрашивалъ я его успокоиться, тщетно

Digitized by Google

доказывалъ, что жалобы ни къ чему не ведутъ, а развѣ еще больше раздражаютъ воображеніе; что если онъ дѣйствительно не находитъ для себя приличной сферы дѣятельности, то нечего объ этомъ говорить, такъ какъ это дѣло ужъ конченное, а надобно покориться обстоятельствамъ и отъ обстоятельствъ же ждать наступленія лучшей поры...

Однажды, однакожъ, мнѣ удалось склонить его вступить на службу. Сначала онъ принялся-было съ рвеніемъ, сильно занимался и даже надоѣлъ мнѣ своими разговорами о службѣ. Черезъ два-три мѣсяца, смотрю, малый-то начинаетъ сидѣть по утрамъ дома, дѣлъ къ себѣ на квартиру ужъ не беретъ.—„Что-жъ, почтеннѣйшій Александръ Андреичъ, или ужъ вамъ надоѣло? спрашиваю я его.—„Да нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ,—это не мое призваніе; я тутъ ничего не могу сдѣлать".—Да гдѣ же вы надѣетесь что-нибудь сдѣлать, Александръ Андреичъ?—„А вотъ подумаю; можетъ быть, и нигдѣ; нельзя же мнѣ брать вознагражденіе за трудъ, къ которому я не чувствую ни охоты, ни привязанности". И вѣдь вышелъ въ отставку.

Великій онъ былъ романтикъ, господа. На все смотрѣлъ сквозь увеличительныя стекла, вездѣ хотѣлъ совершить что-то гигантское, удивить міръ какимъ-то необычайнымъ подвигомъ, а того не могъ понять, что то дѣло только и прочно, которое трудно и помаленьку дѣлается, что тѣ только и могутъ назваться истинными дѣятелями, которые неутомимо на всѣхъ пунктахъ равно преслѣдуютъ свою цѣль. Да притомъ же на всякое свое дѣйствіе смотрѣлъ онъ какъ на совершеніе какой-то священной обязанности, гнушался личнымъ интересомъ и никакъ не могъ свыкнуться съ тою весьма простой и ходящей по рукамъ мыслью, что исполненіе обязанности нисколько не мѣшаетъ обдѣлыванію своихъ собственныхъ дѣлишекъ. Брусинъ создалъ себѣ великое множество всякаго рода призраковъ, и самъ же былъ первый страдалецъ своего затѣйливаго воображенія. Онъ никогда не хотѣлъ взяться за вещь прямо; нѣтъ, онъ подходилъ къ ней издалека, заранѣе преувеличивалъ себѣ ея важность; отъ этого и выходило всегда такъ, что начнетъ-то онъ, бывало, превеликолѣпно, а кончатся всегда эти пышныя приготовленія преобидно: или жалобами на судьбу, или самою ничтожною любовишкой...

Теперь позвольте мнѣ описать вамъ его наружность. Роста былъ онъ довольно высокаго, чрезвычайно строенъ, но худъ и хрупокъ до крайности; я помню, разъ какъ-то, въ шутку, я поднялъ его къ себѣ на руки и самъ удивился его легковѣсности. Лицо его было тоже худощаво и очень блѣдно, но это была

Digitized by Google

нѣжная, матовая блѣдность, отъ которой такъ и вѣяло теплотой жизни; глаза были каріе и постоянно задумчивые; углы рта нѣсколько опущены внизъ, что̀ въ особенности нравилось женщинамъ; лобъ высокій, подбородокъ круглый,—чтобы кончить мое паспортное описаніе. Однимъ словомъ, ни одна часть его лица не выдавалась рѣзко впередъ, не представляла угловатости, и оттого въ лицѣ его не было никакого особенно-энергическаго выраженія, а все оно дышало какою-то кроткою, но тѣмъ не менѣе недозрѣвшею, преждевременною задумчивостью.

Но что̀ особенно хорошо было въ немъ, и даже болѣе, чѣмъ хорошо,—великолѣпно, такъ это его густые темные волосы. И надо сказать правду, онъ распоряжался ими съ особенной любовью и даже кокетствомъ; зато, по истинѣ, такихъ волосъ я никогда, даже ни у одной женщины, не встрѣчалъ. Однажды даже какъ-то... но, впрочемъ, что̀ объ этомъ и говорить... тѣмъ болѣе, что это обстоятельство касается собственно одного меня.

Вы меня извините, господа, за эти мелочи; въ свое время, человѣкъ этотъ былъ очень, очень мнѣ дорогъ.

И онъ не неглижировалъ своей наружностью, а, напротивъ того, занимался ею очень тщательно; я думаю даже, что бо̀льшая часть его расходовъ именно на то шла, чтобы добыть хорошее бѣлье и хорошее платье.

Такъ жили мы съ нимъ около года. Вдругъ я началъ замѣчать, что пріятель мой что-то часто подходитъ къ окну, застаивается на одномъ мѣстѣ и все кого-то высматриваетъ наискосокъ. Я обратилъ на это вниманіе. Дѣйствительно, въ той сторонѣ дома (мы жили на дворѣ), въ окнѣ, начала показываться чья-то стройненькая талія, чье-то розовенькое личико... Сначала личико какъ будто кокетничало, задергивало занавѣску, потупляло застѣнчиво глаза въ пяльцы, въ которыхъ, повидимому, съ незапамятныхъ временъ вышивалась извѣстная пара туфлей, въ подарокъ дорогому другу; но, несмотря на эти уловки, мнѣ удалось, однакожъ, замѣтить, что уголокъ ревнивой занавѣски почасту робко и какъ будто невзначай поднимался, и два зоркихъ и быстрыхъ глаза смотрѣли въ окно къ Брусину. Я молчалъ и ждалъ, что̀ изъ этого будетъ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, вижу, что личико ужъ не скрывается за занавѣской и не потупляется стыдливо въ завѣтную пару туфлей, что глазки прямо и смѣло смотрятъ на моего сожителя, что и губки какъ-то особенно лукаво улыбаются, и что къ нимъ, розовымъ губкамъ, по какому-то странному случаю, бываетъ очень часто подносима крошечная и самая аппетитная ручка. Часто даже случалось мнѣ

Digitized by Google

замѣтить между Брусинымъ и сосѣдкой самую короткую степень дружественности. Такъ, иногда движенія ея были особенно живы; она дѣлала моему пріятелю самые выразительные жесты, отрицательно качала головой, какъ будто выговаривая ему; иногда проскакивали даже минуты какой-то необыкновенно-граціозной bonderie; она отворачивала отъ окна голову, углублялась въ свое шитье, или даже совсѣмъ задергивала занавѣску и надувала при этомъ такъ мило свои розовенькія губки и дѣлала такой жестъ, такой жестъ... „Вотъ, молъ, вамъ за то, что вы дурно себя ведете"... За одинъ этотъ жестъ, за одно это граціозно-гнѣвное выраженіе губокъ, чортъ знаетъ, чего бы я не отдалъ, господа... И все я, бывало, допытывался, что̀ бы это за причина такая, что они вдругъ поссорились. Заглянешь къ нему въ комнату— онъ тоже сидитъ задомъ къ окну и какъ будто читаетъ книгу, а самъ то-и-дѣло поглядываетъ искоса на окошко сосѣдки. А впрочемъ, не успѣвалъ я опять подойти къ пункту моихъ наблюденій, ужъ размолвка и кончилась; занавѣска снова отдернута, и снова сосѣдка стоитъ у окна, и смѣется, и грозитъ ему пальчикомъ. „Что, наказаны вы, будете впередъ слушаться? а не то, смотрите, сейчасъ же опять занавѣску на мѣсто, да еще и всю штору, пожалуй, спущу—вотъ какъ!"

Зло меня взяло, господа. Надо вамъ сказать, что человѣкъ— животное, по преимуществу, завистливое и безпокойное, и этими только качествами собственно и отличается отъ безсловесныхъ. Характеръ ли мой дикій тому причиной, или наружность моя— право, не знаю, какъ тутъ растолковать, но только такая ужъ случилась, видно, со мной оказія, что женщины вообще какъ-то мало привязывались ко мнѣ. Не знаю, какъ это мнѣ Богъ помогаетъ, но всякій разъ, какъ я соберусь сказать женщинѣ какую-нибудь любезность, непремѣнно скажу или страшную грубость, или глупость. И не то чтобы нарочно, а такъ ужъ несчастье такое, что̀ ни скажу, все невпопадъ. Одну даму, помню, спросилъ я объ здоровьѣ мужа, а почтенный Прохоръ Семенычъ, между тѣмъ, съ недѣлю только-что отошелъ въ вѣчность. Выходитъ, я посмѣялся надъ горестью неутѣшной вдовы, раскрылъ еще незакрывшіяся раны горести, отчаянья. У другой, однажды, спросилъ, давно ли она ѣздила верхомъ, а она ужъ девятый мѣсяцъ носила слѣды ревностнаго исполненія супружескаго долга. Посмѣялся, слѣдовательно, надъ священнѣйшей изъ обязанностей, уничтожилъ однимъ разомъ семейство, нравственность, права природы, права супруга. И потому я, бо̀льшею частью, старался молчать при женщинахъ или говорить только о погодѣ, въ томъ

Digitized by Google

вниманьѣ, что эта благонамѣренная дама, повидимому, не отправляетъ никакихъ супружескихъ обязанностей и ничѣмъ не оскорбляется.

А вѣдь, какъ хотите, холостая жизнь хоть кого взбеленитъ! Все одинъ да одинъ; вздуришься и пошелъ чертить. Вотъ оттого-то и досадно мнѣ было, что живетъ со мной человѣкъ рядомъ, и на него умильно посматриваютъ, за нимъ приволакиваются, а ко мнѣ въ окно хоть бы однимъ глазкомъ взглянули.

Однакожъ, я все выжидалъ, не скажетъ ли мнѣ чего самъ Брусинъ, и между тѣмъ замѣчалъ, что и съ его стороны производятся кой-какія отвѣтныя эволюціи руками, глазами и такъ далѣе.

Дѣйствительно, однажды, послѣ обѣда, онъ подвелъ меня къ окну. Время было лѣтнее; жильцы побогаче всѣ разъѣхались на дачи; домъ, въ которомъ мы жили, былъ невеликъ и имѣлъ всего два этажа; слѣдовательно, мы почти одни и жили въ это время въ цѣломъ домѣ, да еще мастеровые какіе-то занимали нижній этажъ. Окно наискосокъ было отворено, и тѣ же плутовскіе глазенки глядѣли прямо на насъ. Когда мы подошли къ окну, хорошенькая головка улыбнулась и высунулась изъ окошка.

— Видишь?—спросилъ меня Брусинъ.

Я не только видѣлъ, но даже злился пуще, нежели когда-нибудь: до того хороша была она. На ней было простенькое голубое ситцевое платье; на шеѣ повязанъ маленькій шолковый платочекъ—но какъ онъ былъ повязанъ, этотъ платочекъ, какъ кокетливо глядѣло все на ней, какъ все было у мѣста!

— Это Николай Иванычъ,—сказалъ Брусинъ, указывая на меня.

— А, такъ вы Николай Иванычъ? очень рада съ вами познакомиться, сосѣдъ,—отозвался маленькій, но хорошенькій голосокъ.

Я только и дѣлалъ, что кланялся.

— Вотъ вы ходите на службу каждое утро, вамъ не скучно, —продолжалъ тотъ же голосокъ,—а мнѣ одной, не повѣрите, какая тоска! вотъ мы съ Александромъ Андреичемъ и переговариваемся отъ скуки... право!

— Право? и давно вы такъ переговариваетесь?—спросилъ я.

— Да, право, не знаю... спросите у него. Да вы то гдѣ-жъ бываете, что васъ никогда не видно?

— А онъ занятъ важными дѣлами, онъ трудится на государственной службѣ,—отвѣчалъ Брусинъ.

— Сдѣлайте одолженіе, не съ вами, сударь, говорятъ; раз-

Digitized by Google

уѣется, они заняты службой... Это не то, что есть другіе, которые цѣльный день сидятъ у окошка да выглядываютъ дѣвушекъ... да-съ; смѣйтесь, смѣйтесь; лучше бы вы мѣсто себѣ пріискали—вотъ что̀!

— Ну, хорошо; я буду искать себѣ мѣста.

— И лучше сдѣлаете, гораздо лучше...

И все это было сказано такимъ тономъ, что слѣдовало, тысячу разъ слѣдовало расцѣловать губки, произнесшія эти слова.

— Хоть бы вы, право, посмотрѣли за нимъ, — продолжала сосѣдка, обращаясь ко мнѣ:—такой негодный; просто, покою не даетъ... Я, знаете, сначала изъ любопытства, да къ тому же вижу, что молодой человѣкъ все одинъ да одинъ; скучно, думаю, ему, жалко мнѣ стало; я и начала разговаривать, а онъ и взаправду подумалъ... Такъ нѣтъ же, сударь, ошибаетесь! вы противный, вы гадкій! я совсѣмъ, совсѣмъ, вотъ ни на столько не хочу любить васъ... Да и хотѣла бы, такъ не могу... вотъ вамъ!

И она показала самую крошечную часть на мизинцѣ; я взглянулъ на Брусина: грудь его поднималась высоко; онъ впился въ нее глазами и, казалось, всѣмъ существомъ своимъ любовался каждымъ ея движеніемъ.

— Оля! голубчикъ ты мой!—едва могъ онъ проговорить задыхающимся отъ волненія голосомъ.

— „Оля“! вотъ еще новости! покамѣстъ еще Ольга Николаевна—прошу помнить это!

— Знаете что̀!—продолжала она, обращаясь снова ко мнѣ:—отведите-ка его отъ окна и будемте говорить съ вами, а то вѣдь есть такіе дерзкіе молодые люди, которые—маленькое имъ снисхожденіе сдѣлай,—такъ ужъ и Богъ знаетъ что̀ возьмутъ себѣ въ голову.

— А я такъ думаю, не пріятнѣе ли вамъ будетъ, если я самъ, вмѣсто него, отойду отъ окна.

— Съ чего вы это взяли? ужъ не думаете ли вы...

— Да, я думаю, и очень думаю...

— Напрасно вы думаете, и если вамъ это сказали нѣкоторые господа, такъ скажите этимъ господамъ, что это неправда, и что они напрасно воображаютъ себѣ...

— Ну, такъ я отойду,—сказалъ Брусинъ.

Оля молчала.

— Вамъ, можетъ быть, доставитъ удовольствіе, если я не буду у окна?—снова началъ Брусинъ.

— Сдѣлайте одолженіе, съ вами не говорятъ; дѣлайте какъ

Digitized by Google

угодно; стойте тутъ, если хотите; ни удовольствія, ни неудовольствія это мнѣ не сдѣлаетъ... пожалуйста!

Брусинъ отошелъ; Оля разсмѣялась.

— А какая у васъ миленькая квартирка!—сказала она;— мнѣ все видно къ вамъ въ комнаты; да вотъ теперь, какъ ни посмотришь, все встрѣчаешь въ окнѣ нѣкоторыхъ несносныхъ господъ... Такая, право, досада! на дворъ посмотрѣть нельзя, все эти господа на глазахъ.

Брусинъ снова подошелъ къ окну.

— А кто же вамъ велитъ смотрѣть въ окна чужой квартиры?—сказалъ онъ.

Оля затопала ножками.

— Не вамъ, не вамъ, сударь, говорятъ! Пожалуйста, избавьте меня отъ своихъ разговоровъ... Да отведите, сдѣлайте милость, отъ окна этого господина!

Брусинъ опять удалился. Послѣдовало нѣсколько секундъ молчанія. Пріятель мой, ходившій въ это время въ глубинѣ комнаты, началъ снова, мало-по-малу, приближаться и, наконецъ, очутился у самаго окна.

— Ну, миръ, Оля?—сказалъ онъ нѣжно.

— Вотъ еще! съ чего вы это взяли, что я съ вами ссорилась! развѣ мы друзья, чтобы намъ ссориться!

Оля отворотила головку, а все-таки мы слышали очень явственно, что она тамъ втихомолку смѣялась.

— Да вѣдь ты сама смѣешься, Оля!—сказалъ Брусинъ.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Да я слышу...

— Совсѣмъ нѣтъ, и очень серьёзно говорю, что это просто ни на что не похоже.

— Что̀ ни на что не похоже?

— Да то, что не даете мнѣ покою...

— Да полно же, Оля; вѣдь тебѣ самой, плутовка, хочется, чтобъ тебѣ не давали покою.

Снова послышался смѣхъ.

— Ну, миръ что-ли, Оля? да отвѣчай же!

— Не сто̀ите вы, право...

Но хотя онъ и не сто̀илъ, а все-таки личико понемногу оборачивалось къ намъ. Когда они посмотрѣли другъ на друга, то оба, неизвѣстно почему, разсмѣялись, и я снова увидѣлъ тотъ жестъ, про который говорилъ вамъ, и который ясно обозначалъ: „что̀, натерпѣлся ты? будешь ты впередъ слушаться?“

Digitized by Google

хотя я рѣшительно не понимаю, какъ можно не слушаться подобнаго ангела!

— За что̀ же ты сердишься на меня, дурочка?—спросилъ Брусинъ.

— Ахъ, отстань отъ меня; ты глупый и ничего не понимаешь.

Оля потупилась.

— Благодарю за комплиментъ.

— Это не комплиментъ, а правда. Не правда ли, Николай Иванычъ, вѣдь онъ глупый?

— Не знаю; я такъ думаю, что не совсѣмъ...

— Ну, вотъ вы какіе, и вы за этого негоднаго?.. А право, премиленькая у васъ квартирка...

Молчаніе. Видно было, что ей ужасно хотѣлось, чтобъ ее пригласили на эту миленькую квартирку.

— Оля! а Оля!—молвилъ Брусинъ.

— Ну, что̀ еще?

— Знаешь ли, что̀ я вздумалъ?

— Вотъ какой глупый! развѣ я Анна-пророчица, чтобы знать, что̀ ты думаешь! И онъ не глупъ, послѣ этого, Николай Иванычъ!

— А я думаю, кабы ты...

— Вотъ еще вздоръ какой! пойду я къ тебѣ на квартиру; съ меня и своей довольно...

— Да я и не думалъ тебѣ предлагать...

Оля зардѣлась и топнула съ досады ножкой.

— Совсѣмъ и не думалъ, — продолжалъ Брусинъ, въ свою очередь кокетничая и дразня Ольгу;—и съ чего берутъ, право, эти дѣвушки!.. А я просто-на-просто хотѣлъ попросить запереть окошко.

— А вамъ что за дѣло до моего окошка?

— Да такъ; видишь нѣкоторыя лица... непріятно! Право, заперла бы ты окно, Оля!

— Ну, вотъ, теперь ужъ ты началъ бѣсить меня. Мало мы ссорились! довольно, что и я иногда пристаю къ тебѣ!

— А! попалась, попалась же ты, плутовка! ну, за это надѣвай же шляпку да и маршъ къ намъ на квартиру!

— Зачѣмъ же шляпку?.. я и такъ...

— Безъ шляпки? смотрите, какъ теперь спѣшитъ!

— Да я совсѣмъ не къ тебѣ, а къ нимъ... да, къ Николаю Иванычу—вотъ же тебѣ!

— Ну, хорошо, хорошо; только, пожалуйста, поскорѣе, а то все черезъ дворъ переговаривайся... такая скука!

Digitized by Google

— Она ужъ была у тебя?—спросилъ я его, покуда Оля собиралась.

— Нѣтъ; это въ первый разъ.

— Хорошая дѣвушка!

— Не правда ли? и какое сердце! я когда-нибудь разскажу ея исторію... она мнѣ все съ перваго же раза пересказала.

— Поздравляю тебя...

— А ты и не замѣтилъ ничего? ужъ мы давно...

— Какъ же, какъ же! куда мнѣ замѣтить что-нибудь...

Въ это время Оля проходила по двору.

— Посмотри, какая славная дѣвушка!—сказалъ онъ мнѣ, и потомъ закричалъ ей: — а каковъ Николай-то, Оля! вѣдь онъ давно ужъ все знаетъ, а мнѣ и виду не подавалъ... право!

Оля улыбнулась и погрозила мнѣ пальчикомъ.

Черезъ нѣсколько секундъ, она была ужъ у насъ. Пріятель мой былъ внѣ себя; онъ цѣловалъ ея руки, цѣловалъ ея губы, глаза, прижималъ ее къ сердцу, и потомъ опять цѣловалъ, опять обнималъ, до того даже, что мнѣ сдѣлалось тошно.

— Да полно же тебѣ, Александръ!—говорилъ я;—ты точно ребенокъ.

— За дѣло ему, за дѣло!—отзывалась Оля:—покою мнѣ не даетъ: такой негодный!

А между тѣмъ нисколько не противилась ласкамъ Брусина, а только еще пуще раззадоривала его.

Наконецъ, онъ выпустилъ ее изъ рукъ; съ ребяческимъ любопытствомъ начала она оглядывать каждый уголокъ нашей квартиры. Квартира была, какъ и всѣ петербургскія квартиры, назначенныя для храненія капиталистовъ; всего двѣ комнаты: одна моя, другая—Брусина, и обѣ довольно скудно убраны; но Ольга осталась очень довольна и замѣтила, что такой удобной квартиры не только въ Петербургѣ, но даже и у француза нѣтъ. Въ особенности нравилась ей комната Брусина. Она попеременно садилась то на диванъ, то на кресла, и все находила превосходнымъ. Стала даже, мало-по-малу, давать совѣты, какъ бы все получше устроить, и весьма удивлялась, какъ это у Александра нѣтъ въ заводѣ кровати, и тотчасъ же изъявила сомнѣніе въ удобности дивана.

— Да вѣдь я не женатъ,—говорилъ Брусинъ;—зачѣмъ же мнѣ кровать?

Она покраснѣла слегка и погрозила ему.

— То-то вотъ и есть, не умѣете вы ничего сдѣлать,—гово-

Digitized by Google

рила она;—вотъ я бы поставила тамъ у задней стѣны кровать; купила бы ширмочки; тутъ бы диванъ и столъ, тамъ кресла...

— Такъ ты бы намъ все и устроила, Оля...

— Это что̀ выдумалъ! вѣдь я тебѣ чужая.

— Да ты не будь мнѣ „чужая“.

— Какъ же это можно! вѣдь я тебѣ не сестра.

Оля плутовски посмотрѣла на Брусина.

— Да ты будь... моей женой.

Оля засмѣялась.

— Вотъ прекрасно! сдѣлайте одолженіе, Александръ Андреичъ! вѣдь я не какая-нибудь, я и дядюшкѣ, пожалуй, сейчасъ пожалуюсь—вотъ какъ!

— А! у васъ есть и дядюшка?—спросилъ я.

— Да, и пресердитый; онъ теперь въ Москвѣ, а то бы...

— Ну, что̀-жъ, еслибъ онъ былъ здѣсь? — спросилъ Александръ.

И протянулъ руку, чтобы обнять ея талію.

— А то, сударь, — отвѣчала она, ударивъ его по рукѣ и увертываясь отъ его объятій,—что онъ не позволилъ бы всякому негодному мальчишкѣ не давать покою честной дѣвушкѣ!

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказалъ Брусинъ и быстро поцѣловалъ ее въ самыя губы.

— Ахъ, да что-жъ это за негодный такой!—говорила Оля притворно жалобнымъ тономъ.—Уведите его, Николай Иванычъ; посмотрите, пожалуйста, все платье на мнѣ измялъ... Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ за это, скверный мальчишка!..

И она пребольно выдрала его за ухо; но онъ ничего, даже схватилъ наказывавшую его ручку и съ большимъ аппетитомъ поцѣловалъ. Правда, что ручка-то была такая маленькая да пухленькая...

Такъ проболтали мы цѣлый вечеръ и, право, превесело провели время; Ольга разливала намъ чай, а Брусинъ весь растаялъ отъ удовольствія. Я, впрочемъ, давно ужъ думалъ, что въ немъ есть сильное поползновеніе къ „фамилизму“.

Подъ конецъ, Оля даже развернулась и выказала себя опредѣленнѣе; она закурила папироску и затягивалась не совсѣмъ дурно, потомъ начала класть ногу на ногу и опираться рукою въ колѣно съ какою-то особенной граціей, свойственной только извѣстнаго рода женщинамъ.

Однакожъ, совсѣмъ у насъ не осталась, какъ я сначала было думалъ; да, впрочемъ, и Брусинъ не настаивалъ много на этотъ разъ.

На другой день она опять пришла къ намъ; тѣ же самыя сцены повторились, что и наканунѣ, съ тою только разницей, что

Digitized by Google

она распоряжалась въ нашей квартирѣ какъ полная хозяйка; все передвигала съ мѣста на мѣсто, безпрестанно дразнила и затрогивала Брусина, заставляла его бѣгать; однимъ словомъ, подняла такую кутерьму, которой, вѣрно, наша скромная квартира никогда не видала въ стѣнахъ своихъ. Въ этотъ вечеръ также она окончательно отдалась моему пріятелю.

Съ тѣхъ поръ Брусинъ началъ жить совершенно новой жизнью; онъ съ мѣсяцъ былъ въ какомъ-то чаду; цѣлые дни просиживалъ дома и ни на шагъ не отпускалъ ее отъ себя. И она тоже души въ немъ не слышала; цѣлый день все пѣла да прыгала около него; украдкой подползала къ нему сзади; какъ кошка взбиралась къ нему на плечи, закрывала ему ручонками глаза и ужъ цѣловала его, цѣловала его. А сама такъ и заливается звонкимъ, веселымъ смѣхомъ.

Да и онъ-то, впрочемъ, хорошъ былъ! сидитъ, бывало, и книгу въ рукахъ держитъ, какъ бы имъ и не замѣчалось, что она подкрадывается сзади. А самъ вѣдь все видитъ и знаетъ напередъ, что вотъ она вспрыгнетъ къ нему на плечи и будетъ его цѣловать. Да и книгу-то только для виду держалъ въ рукахъ, а самъ и не смотрѣлъ въ нее.

Но, признаюсь, мое положеніе было самое скверное. Быть дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ случаѣ, можетъ быть, и очень пріятно—я противъ этого не спорю,—но зрителемъ быть, смотрѣть, какъ люди цѣлуются и любовь водятъ! Да къ тому жъ они какъ-то совсѣмъ наизнанку выворотили мой прежній образъ жизни. Бывало, жизнь моя шла по заведенному порядку; я зналъ, что вотъ тогда-то я буду то-то дѣлать, что такая-то вещь или книга лежитъ у меня тамъ-то; а теперь, примешься за дѣло, анъ у сосѣдей стукъ и возня; хватишься какой-нибудь вещи, а она въ углу гдѣ-нибудь заброшена. И все эта негодная Ольга! ужасно не любила книгъ, настоящій Омаръ въ юбкѣ! Я было вздумалъ однажды серьезно выбранить ихъ, да прошу покорно сохранить серьезное выраженіе съ такими сорванцами! Ольга съ перваго же раза зажала мнѣ ручкой ротъ, повисла мнѣ на шею и, чтобы окончательно сбить меня съ толку, даже поцѣловала меня въ губы. Да, поцѣловала, господа, и она даже весьма часто цѣловала меня, да только безъ всякой задней мысли... безъ малѣйшей, увѣряю васъ! Меня очень многія женщины цѣловали, и всегда безъ задней мысли: такова, видно, судьба моя.

Когда же я не переставалъ ворчать, Ольга соблазняла меня обѣщаніемъ познакомить когда-нибудь съ одной изъ своихъ по-

Digitized by Google

другъ, которыя, разумѣется, были всѣ прехорошенькія... Противъ такого аргумента я тоже оказывался совершенно безоружнымъ.

Когда она уходила хоть на минутку къ себѣ на квартиру или со двора, Брусинъ дѣлался скученъ, и тогда ему приходили въ голову самыя дикія мысли, то-есть, не то чтобы мысли эти были дики въ существѣ своемъ, а—vu les circonstances,—это были мысли несбыточныя, насквозь пронизанныя романтизмомъ, идеализмомъ и прочими отвлеченными „измами".

Однажды мы какъ-то сидѣли вдвоемъ; Брусинъ вскочилъ съ дивана и подбѣжалъ ко мнѣ, будто озаренный какою-то необычайной мыслью.

— Знаешь,—сказалъ онъ мнѣ,—знаешь, какая мысль у меня?

— Что̀ такое? вѣрно, какая-нибудь страшная несообразность? —сказалъ я, зѣвая и потягиваясь въ креслахъ, потому что мыслей, и притомъ самыхъ разнообразныхъ, являлась у него куча, и я имѣлъ ужъ достаточно времени, чтобъ привыкнуть къ нимъ.

— Я хочу сдѣлать изъ нея женщину.

— Да она, кажется, и такъ женщина, природа создала ее такою: чего-жъ тебѣ еще хочется?

— Ахъ, ты меня не понимаешь!.. Я хочу сдѣлать изъ нея женщину въ высокомъ значеніи этого слова.

— А какое же высокое значеніе этого слова?

— Да я хочу ее образовать; хочу пробудить въ ней сознаніе ея назначенія.

— Фу, какой вздоръ вы несете, Александръ Андреичъ! Стоило же изъ такихъ пустяковъ прерывать мои мечтанія!

Брусинъ оскорбился.

— Отчего-жъ это вздоръ?—сказалъ онъ обиженнымъ тономъ: —я не вижу тутъ ничего несбыточнаго.

— Помилуйте, Александръ Андреичъ, вѣдь она не ребенокъ; почему же вы полагаете, что она живетъ безсознательною жизнью?

— Да она не сознаетъ своей жизни; она несчастна и между тѣмъ не понимаетъ своего собственнаго несчастія.

— Полноте, другъ мой, кто же вамъ сказалъ, что тутъ есть несчастіе! Вы, кажется, въ пылу своего романтизма, надѣляете ее несчастіемъ, которое существуетъ только въ вашемъ воображеніи. Живетъ себѣ дѣвушка беззаботно и весело, такъ нѣтъ же: вздоръ все! совсѣмъ она не счастлива! и если, дескать, она весело смотритъ да не жалуется на судьбу свою, такъ это потому, изволите видѣть, что она не понимаетъ своего несчастія! Да ну, не понимаетъ, чортъ возьми! что-жъ, лучше что-ли ей-то собственно будетъ оттого, что она, вмѣсто того, чтобы быть без-

Digitized by Google

сознательно счастливой, будетъ сознательно несчастна? Ахъ, Александръ Андреичъ, Александръ Андреичъ!

Онъ задумался и быстрыми шагами ходилъ по комнатѣ.

— Нѣтъ, ты все не то, ты все что-то не такъ разсуждаешь, —отвѣчалъ онъ на мои возраженія.

— Ну, да, положимъ, что твое перевоспитаніе можетъ принести ей пользу, дастъ ей, какъ ты выражаешься, сознаніе ея назначенія. Но надобно вѣдь прежде знать, приметъ ли она это перевоспитаніе?.. Ты, кажется, забываешь, что ея жизнь совершенно иная, нежели какъ ты, можетъ быть, рисуешь ее въ воображеніи своемъ. Да притомъ, что̀ это за слова: сознаніе своего назначенія? ты подумай, что̀ ты говоришь! Гдѣ это назначеніе, въ чемъ состоитъ оно? растолкуйте мнѣ, Александръ Андреичъ! А мнѣ такъ кажется, что вы забѣжали что-то слишкомъ впередъ. То-то вотъ все утопіи; надѣлаете вы вздору съ вашими „въ высокомъ значеніи этого слова“!

Но онъ-таки не послушался меня, и, къ удивленію моему, въ квартирѣ нашей начало появляться великое множество всякихъ азбукъ, между которыми, впрочемъ, красовался какой-то курсъ психологіи, вѣроятно, тоже предназначенный для Ольги. И она, увидѣвъ эти приготовленія, испугалась не менѣе моего; ея здравый смыслъ очень ясно говорилъ ей о дикости затѣй моего пріятеля.

Какимъ-то образомъ, однакожъ, она умѣла отлавировать отъ перевоспитанія; чуть, бывало, Александръ за книжку, она къ нему на колѣни, щиплетъ его, задираетъ, а впрочемъ никогда прямо не отказывается отъ ученія, а только задираетъ его. Тѣмъ это перевоспитаніе и кончилось.

Въ другой разъ ея какъ-то цѣлый вечеръ не было дома (это было ужъ мѣсяца два послѣ короткаго ихъ знакомства). Брусинъ все сидѣлъ въ углу такой угрюмый и ни слова не говорилъ. Наконецъ, онъ подошелъ ко мнѣ.

— Какъ ты думаешь?—спросилъ онъ меня:—счастлива она со мной?

— Право, не знаю; тебѣ, кажется, лучше слѣдуетъ это видѣть.

Онъ началъ ходить по комнатѣ, какъ это всегда дѣлывалъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

— Да, — говорилъ онъ сквозь зубы, какъ будто размышляя самъ съ собой;—однакожъ, вотъ ужъ цѣлый вечеръ ея нѣтъ съ нами.

Я расхохотался.

— Что-жъ ты смѣешься? развѣ мое предположеніе не можетъ быть справедливымъ?

Digitized by Google

— Странно, однакожъ, изъ того, что она одинъ вечеръ проводитъ безъ тебя, заключать, что она тебя разлюбила!

Онъ снова началъ ходить, и только урывками я могъ слышать, что онъ ворчалъ себѣ подъ носъ: „однакожъ, она прежде ни одной минуты не хотѣла быть безъ меня, а вотъ теперь ужъ и цѣлый вечеръ". И безпрестанно поглядывалъ на часы.

Потомъ вдругъ опять остановился передо мной.

— Знаешь ли что̀? у меня явилась мысль.

— Опять мысль? ну, говори, что̀ еще такое?

— Не сдѣлать ли мнѣ ей какой-нибудь сюрпризъ?

— То-есть, что-жъ такое „сюрпризъ"?

— Ну, подарить что-нибудь... платьице, мантильку.

Я глядѣлъ на него во всѣ глаза.

— Это, вѣрно, для того, чтобъ возвратилась ея нѣжность къ вамъ, Александръ Андреичъ?

Онъ оскорбился.

— Съ тобой, право, ни о чемъ серьезно говорить нельзя,— сказалъ онъ обиженнымъ тономъ.

— Одно меня только удивляетъ тутъ, Александръ Андреичъ: зачѣмъ вы себя мучите безпрестанно, зачѣмъ шпигуете себя разными пугалами? Вѣдь этакъ, знаете, не мудрено, что она и въ самомъ дѣлѣ перестанетъ любить васъ.

— Это какъ?

— Да очень ясно; вотъ вы теперь ни изъ-за чего, просто изъ какого-то дикаго удовольствія волнуете себѣ кровь. Что, если она воротится домой? Вы думаете, что ваши химеры не отразятся на вашемъ обхожденіи съ ней? Вы думаете, что это не положитъ печати принужденія на ваши взаимныя отношенія? А вѣдь отъ принужденія куда какъ недалеко до равнодушія! Эй, берегитесь, Александръ Андреичъ, опасную игру вы затѣяли!

Но онъ никакъ не хотѣлъ убѣдиться и все продолжалъ пичкать себѣ голову всякими дикостями. Ужъ я не могу вамъ пересказать, чего онъ ни передумалъ: ужъ и разлюбила-то она его, да и не любила совсѣмъ, а такъ только отдалась, въ надеждѣ поживиться отъ него чѣмъ-нибудь. Даже досадно и обидно было слышать, какъ человѣкъ такъ глубоко унижаетъ себя. Иногда вдругъ снова начиналъ придумывать средства возбудить въ ней quasi-остывшую нѣжность, и тутъ была тьма-тьмущая всякихъ нелѣпостей. То хотѣлъ онъ ей купить платье, то свозить на Крестовскій, то конфектъ фунтъ подарить. А надо вамъ сказать, что о будущности женщины онъ имѣлъ самыя широкія понятія,

Digitized by Google

—да вотъ то-то и есть: всѣ они таковы, романтики! Какъ на словахъ, такъ хоть кого за поясъ заткнутъ, а дойдетъ до дѣла...

Какъ я предугадывалъ, такъ и случилось, и въ отношеніяхъ ихъ поселилась совершенная холодность. Я рѣшительно не могъ понять этого человѣка, несмотря на то, что часто и пристально вглядывался въ него. Съ одной стороны, мнѣ казалось, что онъ вовсе никогда и не любилъ Ольгу, что весь этотъ чадъ восторговъ и упоеній, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, былъ не что иное какъ болѣзненное раздраженіе воображенія. Но, съ другой стороны, отчего эти мученія, отчего эта ревность? зачѣмъ преслѣдовалъ онъ ее, и, признаюсь, преслѣдовалъ иногда такъ, что обхожденіе его глубоко оскорбляло меня?...

Воспитаніе, господа, воспитаніе извратило его умъ и сердце, а онъ не имѣлъ силы пересоздать себя. Воспитаніе сдѣлало то, что онъ ни на чемъ не могъ остановиться и безпрестанно кидался въ крайности. То чувствовалъ онъ порывы лихорадочной дѣятельности, то вдругъ погружался въ самую болѣзненную апатію. То же самое было и въ любви; ни смѣло любить, ни смѣло отказаться отъ любви онъ не могъ, потому что воспитаніе чудовищно развило въ немъ одно только качество — мнительность, которая и сдѣлалась господствующимъ дѣятелемъ всей его жизни. Видимой причины разлюбить Ольгу не было (по крайней мѣрѣ, въ то время), но ему непремѣнно нужна была какая-нибудь причина, чтобъ удовлетворить этой мнительности, и онъ самъ настегивалъ себѣ воображеніе, чтобы создать себѣ тысячи придирокъ. Къ тому же и самое содержаніе этой любви было такъ скудно, и при томъ съ такою безумною непредусмотрительностью расходовано, что черезъ полтора мѣсяца отъ прежняго упоенія не осталось и слѣдовъ. Другой съумѣлъ бы выйти изъ ложнаго положенія, нашелъ бы силу отказаться отъ этой любви, и все-таки остался бы счастливымъ, а онъ не могъ этого сдѣлать, потому что не имѣлъ никакой точки опоры, потому что и внѣ этой любви его ожидала та же неопредѣленность, тѣ же страданія. Эта-то неизвѣстность, въ которой онъ постоянно находился, и была причиной всѣхъ его колебаній; а если и рѣшался онъ на какой-нибудь шагъ, то ужъ какой работы это ему стоило, черезъ какой тугой и трудный процессъ колебаній нужно было перейти этому рѣшенію! Не знаю, сколько разъ онъ ненавидѣлъ Ольгу и сколько разъ снова возвращался къ любви. Иногда онъ цѣлые дни, шагъ за шагомъ, преслѣдовалъ ее. И это не было преслѣдованіе смѣлое и открытое, а какое-то уклончивое и мелочное, свойственное только слабымъ людямъ и женщинамъ, которыхъ

Digitized by Google

(то-есть, сихъ послѣднихъ) въ настоящее время еще надобно тщательно отличать отъ „людей". Напримѣръ, онъ не считалъ за нужное отвѣчать на ея вопросы, смѣялся надъ ея нѣсколько легкими манерами, надъ ея наивными и дѣйствительно слишкомъ неразвитыми понятіями. Замѣтьте, впрочемъ, что въ другое время, всѣ эти наивности возбудили бы въ немъ неистовый восторгъ и однѣ были бы достаточны, чтобъ заставить его стать передъ ней на колѣни и до истощенія цѣловать ея ноги.

По временамъ сцена перемѣнялась: онъ вдругъ начиналъ плакать, рвалъ на себѣ волосы, называлъ себя безчестнымъ и негоднымъ человѣкомъ, просилъ у Ольги прощенія, и снова на цѣлыя сутки оба были счастливы... Но, со временемъ, и эти рѣдкія минуты самообольщенія стали все рѣже и рѣже. Ольга тоже начала плакать, такъ что я вдругъ, вмѣсто квартиры веселія и любви, очутился въ квартирѣ скорби и скрежета зубовъ. По временамъ она какъ будто возмущалась и хотѣла свергнуть съ себя иго деспотизма, и часто, когда онъ ужъ слишкомъ давалъ волю своему подозрительному воображенію, изъ ихъ комнаты долетали до моего слуха ея слова: „да чтожъ, крѣпостная я ваша что-ли, что вы мной такъ командуете!"—но этимъ все и ограничивалось: до того справедливо изреченіе, освященное мудростью вѣковъ, что женщину, что̀ хорошую собаку, чѣмъ болѣе бьешъ, тѣмъ привязаннѣе она къ своему господину...

Разъ какъ-то послѣ такого возраженія, Брусинъ, убѣжавъ изъ своей комнаты, явился въ мой кабинетъ; настегавъ все количество паѳоса, которымъ онъ могъ распоряжаться, и ставъ въ приличную трагическую позу, онъ обратился ко мнѣ съ видимымъ отчаяньемъ.

— Вы слышали? вы слышали, что̀ сказала эта женщина?

Я не отвѣчалъ.

— И я могъ любить ее! я могъ любить женщину, которая не стыдится дѣлать подобные отвѣты!

— Да что̀ жъ она сказала такого оскорбительнаго?

— Какъ? вы не слышали? она не постыдилась сказать мнѣ, что она не крѣпостная! Какъ будто я раздѣляю людей на крѣпостныхъ и не-крѣпостныхъ!

— Да, не крѣпостная, не крѣпостная я ваша, что вы надо мной такъ куражитесь!—послышался изъ другой комнаты голосъ Ольги.

— Вы слышите?—сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— А вы не слышите, что она плачетъ?—спросилъ я.

Онъ сконфузился.

Digitized by Google

— Плачетъ? — сказалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ: — да развѣ она понимаетъ, о чемъ плачетъ, развѣ ее можетъ оскорбить что-нибудь...

— И вы это отъ чистаго сердца говорите, Александръ Андреичъ?

— Да, я говорю это, хотя мнѣ и больно сознаться въ томъ, что я встрѣтилъ грубость и тупоуміе тамъ, гдѣ ожидалъ найти...

— Что̀?

Онъ смѣшался и не отвѣчалъ.

— Грустно мнѣ, Александръ Андреичъ, обидно мнѣ слышать ваши оскорбленія! Когда вы полюбили ее, развѣ вы не знали, куда вы идете, на что̀ рѣшаетесь и съ кѣмъ имѣете дѣло...

— Да какъ же я могъ знать это?

— А! по вашему лучше сдѣлать несчастье бѣдной дѣвушки, принести ее въ жертву своему уродливому самолюбію, нежели, какъ слѣдуетъ всякому честному человѣку, обдумать шагъ, на который вы рѣшаетесь! Спрашиваю я васъ опять: чего, какой особенной любви вы ожидали отъ нея?

Онъ молчалъ.

— А вѣдь она, между тѣмъ, дала вамъ всю любовь свою! А вы не можете простить ей неразвитости ума, васъ оскорбляетъ малѣйшій промахъ въ ея манерахъ! Да не въ тысячу ли разъ она болѣе въ правѣ упрекать васъ въ скудости и развращенности чувства? Не въ правѣ ли она обвинять васъ въ томъ, что вы каждую минуту съ какимъ-то дикимъ остервенѣніемъ отравляете ея жизнь?

— Да что̀ же мнѣ дѣлать, что̀ дѣлать мнѣ, когда меня все это глубоко оскорбляетъ?

— Да кто жъ виноватъ-то въ этомъ, Александръ Андреичъ? вѣдь она даетъ вамъ, что̀ можетъ, и не обязывалась никогда осуществлять въ себѣ тотъ идеалъ женщины, который вамъ угодно было состроить въ своемъ воображеніи. Не видите ли вы, что вы одинъ виновникъ вашего несчастія, потому что смотрите на вещи не обыкновенными глазами, а сквозь увеличительныя стекла?...

Замѣчательно, что, несмотря на оправдывающую ее сторону моихъ словъ, Ольга едва-ли не болѣе оскорблялась ими, нежели обиднымъ обхожденіемъ Брусина. Ея простой, но чрезвычайно здравый смыслъ очень ясно понималъ, что въ этихъ словахъ заключалась и другая сторона, клонившая прямо къ тому, чтобы разорвать эту странную, больную связь... Поэтому-то, когда

Digitized by Google

разговоръ нашъ принималъ такой оборотъ, она уводила его отъ меня и ужъ цѣлый вечеръ ластилась около него и кое-какъ старалась замазать брешь, причиненную моими словами въ его сердцѣ.

По истинѣ увѣряю васъ, никакъ не могу и до сихъ поръ объяснить себѣ причину этой живучей привязанности! Развѣ ужъ принять въ соображеніе то мудрое, освященное вѣками, изреченіе, о которомъ я вамъ упоминалъ.

Такимъ-то образомъ они и перебивались кой-какъ, то огрызаясь другъ на друга, то взаимно прося другъ у друга прощенія, пока, наконецъ, одно обстоятельство окончательно не рѣшило этого затруднительнаго и сложнаго вопроса.

Въ одинъ изъ тѣхъ дней, когда Ольга казалась Брусину въ розовомъ цвѣтѣ, мы рѣшились отправиться на Острова. Я не понимаю, какъ она не нашла въ себѣ довольно ума, чтобы отклонить эту поѣздку! Дѣло было въ августѣ. День стоялъ жаркій, въ городѣ духота страшная; въ улицахъ вездѣ пусто, только и видишь, что мастеровые шныряютъ, да и тѣ такіе блѣдные, испитые... Однимъ словомъ, такъ и рветъ все за городъ, на вольный воздухъ, гдѣ и груди дышать привольнѣе, и мыслямъ есть гдѣ успокоиться. Оля сама напросилась на эту прогулку, и цѣлый день были у нея все сборы да приготовленія точно къ празднику. Все пѣла да прыгала и такъ была весела, что пріятель мой растаялъ совсѣмъ, да и я съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на ея рѣзвость.

Поѣхали мы въ лодкѣ къ Кушелеву саду. Ольга ни минуты не оставалась въ покоѣ: то брызгала въ насъ водою, то раскачивала нарочно лодку, такъ что нѣсколько разъ чуть было не опрокинула ея. Все это, впрочемъ, и меня, и Брусина чрезвычайно радовало, потому что мы выѣхали изъ дому съ намѣреніемъ веселиться и ужъ во что бы то ни стало дали себѣ слово исполнить это намѣреніе.

День былъ воскресный, и дѣло шло ужъ къ вечеру, но гуляющихъ было немного; по срединѣ одной площадки стоялъ хоръ военныхъ музыкантовъ и наяривалъ какую-то дикую арію. Гуляющіе были большею частью изъ нѣмцевъ, по той причинѣ, что музыка играла даромъ, садъ былъ тоже открытъ даромъ, а нѣмецъ, какъ извѣстно, никакъ не пропуститъ случая попользоваться чѣмъ нибудь даромъ. Мнѣ кажется даже, что еслибы нѣмцу сказали, что въ такомъ-то мѣстѣ будутъ его бить *даромъ*, то онъ и тутъ не отказалъ бы себѣ въ даровомъ удовольствіи; это ужъ, изволите видѣть, національный характеръ

Digitized by Google

такой; нѣмцы по бо́льшей части сидѣли по скамьямъ, покуривали превонючія копѣечныя сигары и занимались молчаніемъ. Гуляло также нѣсколько чиновниковъ изъ живущихъ на дачахъ. Эти господа, несмотря на жаркую погоду, были одѣты всѣ въ черномъ и гуляли, повидимому, только потому, что, живши на дачѣ, нельзя ужъ не гулять. Нѣкоторые изъ нихъ водили за руки сынка или дочку, по временамъ останавливались и, указывая возлюбленнымъ дѣтищамъ на небо, преподавали имъ уроки астрономіи, ограничивавшіеся по бо́льшей части тѣмъ, что этотъ, дескать, душенька, шаръ, который вонъ-вонъ тамъ далеко на ниточкѣ у Бога виситъ, называется солнцемъ, и что есть на землѣ люди, не то мартинисты, не то коммунисты (преглупѣйшій, душенька, народъ, и за счастье, умница, почитай, что мы не въ той сторонѣ, а въ нашей любезной матушкѣ Россіи родились), которые солнцу молебны служатъ и обѣдни поютъ... По сторонамъ стояли группы кормилицъ и нянекъ съ золотушными, слюнявыми и пребезобразными дѣтьми, и тоже хранили молчаніе. Изрѣдка только, когда безобразное дитя желало учинить какую-нибудь кувырколлегію, слышался дряблый голосъ няньки: „а вотъ погоди, я тебя рогатому нѣмцу отдамъ“, и безобразное дитя немедленно дѣлалось тише воды, ниже травы. Однимъ словомъ, тутъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, было мѣсто примѣнить извѣстный разговоръ, подписанный подъ одной каррикатурою: „Кого здѣсь хоронятъ?—Помилуйте, здѣсь гуляютъ!“

Зато палатка, въ которой находился трактиръ, была полна народу; въ бильярдной дымъ стоялъ такой, что у непривычнаго выжималъ изъ глазъ слезы и не позволялъ ясно различать предметы. Мы сѣли за особый столъ и насилу добились себѣ чаю. Я началъ ужъ проклинать всѣ эти загородныя такъ-называемыя удовольствія, и твердо рѣшился, напившись чаю, немедленно уѣхать домой, что̀ и было одобрено моими спутниками. Но пока я хлопоталъ около чаю, успѣло произойти многое; какъ-то нечаянно взглянулъ я на Ольгу: она сидѣла блѣдная и потупивъ глаза; Александръ тоже напрасно хотѣлъ казаться хладнокровнымъ; по стиснутымъ его губамъ и мертвенной блѣдности лица я угадывалъ, что въ немъ происходило что-то не совсѣмъ хорошее. Въ самомъ дѣлѣ, не вдалекѣ отъ насъ стояли у окошка двое военныхъ, которые, указывая на Ольгу и на насъ, перешептывались между собою. Мнѣ даже показалось, что одинъ изъ нихъ былъ нѣсколько веселѣе обыкновеннаго и слегка кивнулъ Ольгѣ головой.

Digitized by Google

— Пойдемте домой,—сказалъ я, не ожидая ничего хорошаго отъ этой встрѣчи.

Ольга поспѣшно начала собираться.

— Нѣтъ, зачѣмъ же домой!—отвѣчалъ Брусинъ дрожащимъ голосомъ и притоптывая отъ волненія ногой.—Зачѣмъ домой?—останемся лучше здѣсь! Ольга Николаевна встрѣтила здѣсь старыхъ и, повидимому, весьма пріятныхъ знакомыхъ—зачѣмъ же лишать ее этого невиннаго удовольствія?

Ольга молчала; военные все перешептывались и искоса поглядывали на насъ.

— Чтожъ вы не идете къ знакомымъ-то, Ольга Николаевна!—злобно шепталъ между тѣмъ Брусинъ:—вѣдь мы вамъ можемъ дать только чаю, а они, вѣрно, напоятъ васъ виномъ... Ступайте же...

Она бросила на него умоляющій взглядъ. Военные господа отошли въ сторону, но все-таки поглядывали искоса на насъ. Вѣроятно, эти господа думали, что когда они отойдутъ въ другой уголъ комнаты, то мы ужъ будемъ въ невозможности замѣчать ихъ дьявольски-плутовскихъ взглядовъ и канальски-лукавыхъ улыбокъ. Такъ красивый, но глупый страусъ, спрятавъ голову свою подъ крыло, ни о чемъ не безпокоится, полагая, что если охотнику не видна его голова, то и все его туловище останется незамѣченнымъ.

Я самъ былъ такъ сконфуженъ неожиданностью этой встрѣчи, что рѣшительно не находилъ словъ для оправданія Ольги.

— Однакожъ, — сказалъ Брусинъ, смѣясь насильственнымъ смѣхомъ,—эти господа и на насъ что-то поглядываютъ, какъ будто и мы принадлежимъ къ почтенному сословію... Вотъ что̀ значитъ быть въ хорошей компаніи.

Слова эти были сказаны такъ громко, что всѣ курившіе и некурившіе, нѣмцы и не-нѣмцы, посмотрѣли въ нашу сторону. Ольга вся вспыхнула и отшатнулась отъ него въ сторону, но онъ былъ внѣ себя; давно накипѣвшая въ сердцѣ его горечь должна была выразиться; онъ взялъ ея руку и съ бѣшенствомъ стиснулъ такъ крѣпко въ своей рукѣ, что бѣдная едва не заплакала отъ боли.

— Такимъ образомъ мстятъ женщинѣ только негодяи, — сказалъ я ему шопотомъ, теряя наконецъ всякое терпѣніе.

— Съ низкою тварью и поступать нужно низко,—отвѣчалъ онъ ужъ не то что со злобою, а даже съ нѣкоторымъ самодовольствомъ.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ ваше правило можетъ быть примѣнено къ вамъ первымъ,— сказалъ я ему, и потомъ, обращаясь къ Ольгѣ, прибавилъ:—Пойдемъ отсюда; отъ подобныхъ людей, кромѣ безславія, нельзя ничего ожидать, потому что они, повидимому, находятся въ вѣчномъ чаду.

Онъ вспыхнулъ, потому что и я въ свою очередь началъ говорить громко.

— Позвольте, однакожъ, вамъ замѣтить,—сказалъ онъ весь блѣдный и дрожащій отъ бѣшенства,—что прежде, чѣмъ уводить отъ меня мою любовницу, вы должны спросить ее, согласна ли еще будетъ она идти съ вами.

Я посмотрѣлъ на Ольгу; она потупила глаза и снова опустилась на лавку. Онъ торжествовалъ.

— Послушайте, однакожъ,—сказалъ я, снова обращаясь къ нему,—прежде нежели мучить ее и безславить публично, вы должны бы были, по крайней мѣрѣ, удостовѣриться, точно ли она такъ виновата, какъ вы предполагаете.

Ольга съ ужасомъ взглянула на меня.

— Мнѣ кажется, — отвѣчалъ онъ, иронически улыбаясь,— достаточно взглянуть на лицо Ольги Николаевны, чтобы удостовѣриться въ истинѣ моихъ предположеній. А впрочемъ, чтобы доставить вамъ удовольствіе, я готовъ...

И онъ отправился прямо къ тому мѣсту, гдѣ стояли военные.

— Что̀ вы надѣлали! — говорила мнѣ между тѣмъ Ольга, вся трепеща отъ ужаса:—ради Бога! уведите, уведите меня отсюда: онъ убьетъ меня!

Положеніе мое было просто невыносимо; дѣло запутывалось все болѣе и болѣе, такъ что я съ минуты на минуту могъ ожидать вмѣшательства постороннихъ и во всѣхъ случаяхъ жизни всегда и вездѣ равно пакостныхъ лицъ. Не думая лишней секунды, я взялъ ее подъ руку и вышелъ въ садъ.

Выходя, я видѣлъ, однакожъ, что Брусинъ подошелъ къ одному изъ военныхъ, и слышалъ даже мелькомъ начало ихъ разговора.

Разговоръ этотъ былъ такого рода:

— Позвольте узнать,—спросилъ Александръ:—вамъ знакома женщина, которая сію минуту находилась со мной?

Офицеръ двусмысленно улыбнулся.

— А хоть бы и знакома, вамъ на что̀?—отвѣчалъ онъ.

— Да я бы желалъ знать, какого рода именно было это знакомство?..

Digitized by Google

— Вы довольно любопытны; я полагаю, впрочемъ, что такого же рода, какъ и ваше...

— Я ея любовникъ,—сказалъ Брусинъ.

— Ну, и я тоже,—отвѣчалъ офицеръ и поклонился.

Кругомъ все захохотало; но что̀ было затѣмъ, мнѣ неизвѣстно: я скорѣе спѣшилъ выбраться изъ этого ада и попасть домой.

Мы сѣли въ лодку и отправились; Ольга закрыла себѣ лицо руками и всю дорогу плакала. Я тоже сначала рѣшился-было молчать, но потомъ мнѣ стало и жалко, и досадно на нее.

— Ну, чтожъ ты плачешь?—говорилъ я ей.—Есть о чемъ плакать! связалась ты съ дуракомъ...

Ольга молчала и плакала еще пуще.

— Зачѣмъ же ты скрывала отъ него, что у тебя есть другіе?

— Да какъ же я могла сказать ему,—отвѣчала она прерывающимся отъ слезъ голосомъ:—вѣдь онъ не сталъ бы любить меня...

— А развѣ лучше, что̀ теперь случилось?

Молчаніе.

— Ужъ если ты любишь его, если не можешь разстаться съ нимъ, хоть бы другихъ-то бросила...

Этотъ разговоръ я передаю вамъ въ совершенной точности, не щадя своего собственнаго самолюбія. Дѣйствительно, я явился въ этомъ случаѣ довольно въ невыгодномъ свѣтѣ касательно изобрѣтательности и совѣтовъ, но въ моемъ положеніи рѣшительно ничего иного выдумать не было возможности.

Но что̀ я ни говорилъ,—никакъ не могъ добиться отъ нея никакого отвѣта. Ясно было для меня только то, что Ольга принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, которыя въ любви не держатся никакихъ предразсудковъ, не хотятъ никакъ во что бы то ни стало видѣть въ ней тягостную и утомительную работу сердца, а напротивъ того привязываются легко, хотя и искренно.

— По крайней мѣрѣ, на будущее-то время старайся какъ-нибудь избѣгать этого,—сказалъ я.

— Постараюсь,—отвѣчала она сквозь слезы.

— Ну, что-жъ ты намѣрена теперь дѣлать?—спросилъ я ее, когда мы пришли къ нашему дому.

Она опустила глаза.

— Я бы совѣтовалъ тебѣ отправиться къ себѣ.

— А онъ?—спросила она робко.

— Ахъ, право, онъ мнѣ надоѣлъ съ своими глупостями, и я рѣшительно хочу разстаться съ нимъ.

— А онъ-то какъ же?—снова спросила она, поблѣднѣвъ.

Digitized by Google

— Да какъ хочетъ: мнѣ что за дѣло!

— Да какъ же это? вѣдь онъ не можетъ жить одинъ...

Я посмотрѣлъ на нее съ невольнымъ удивленіемъ, хотя послѣ всего видѣннаго и слышаннаго мною въ теченіе этого вечера довольно странно было чему-нибудь удивляться.

— Видно мало онъ тебя еще мучитъ,—сказалъ я съ нѣкоторою досадою.

Мы вошли во дворъ.

— Рѣшайся, однакожъ, на что-нибудь: къ себѣ ты пойдешь или къ намъ?

Она снова потупила глазенки, и мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно жалко ее.

— Ну, какъ хочешь,—сказалъ я ей,—глупенькая ты, право, глупенькая: вѣдь опять будешь плакать! Ты видишь, каковъ онъ; что жъ путнаго можешь ожидать ты отъ своей любви?

Черезъ часъ явился и Брусинъ. Мы пробыли нѣсколько времени вмѣстѣ, и мнѣ показалось, что онъ нѣсколько успокоился. Проглядывала, правда, въ его обхожденіи съ Ольгой какая-то принужденность, но послѣ всѣхъ сценъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, нельзя было и требовать, чтобы онъ былъ откровененъ по прежнему. Черезъ полчаса я оставилъ ихъ и сѣлъ заниматься.

Вдругъ онъ явился ко мнѣ.

— Нѣтъ ли у тебя десяти рублей? — спросилъ онъ меня.

Я далъ ему.

— Да на что они тебѣ?

— Да такъ... нужно...

Я пошелъ за нимъ.

— Возьмите!—сказалъ онъ, подходя къ Ольгѣ и подавая ей ассигнацію.

Она поблѣднѣла и только могла пробормотать:—Зачѣмъ?

— Это за вашу снисходительность,—сказалъ онъ совершенно равнодушно.

Она вся вспыхнула и вскочила какъ ужаленная; глазенки ея блестѣли какъ два горящихъ угля, ноздри поднимались, губы дрожали.

— Славно!—подумалъ я:—ай-да Ольга, давно бы такъ!

— За мою снисходительность?—говорила она между тѣмъ:—такъ знайте же, что моя снисходительность дороже десяти рублей продается, а за то, что я для васъ дѣлала и отъ васъ вытерпѣла... у васъ слишкомъ мало денегъ, чтобъ заплатить мнѣ...

И она бросила ему деньги въ лицо; онъ въ свою очередь поблѣднѣлъ, губы его судорожно сжались; я видѣлъ даже, что

Digitized by Google

онъ одну минуту поднималъ ужъ руку... Но все это было только минутно; онъ не могъ болѣе вынести нравственнаго своего изнеможенія и почти безъ чувствъ повалился на диванъ. Ольга ушла.

Нѣсколько времени спустя онъ снова пришелъ ко мнѣ.

— Что, дождались вы, наконецъ?—сказалъ я ему.

Онъ молча сѣлъ въ кресло неподалеку отъ меня.

— Я еще удивляюсь, какъ она давно не бросила васъ...

Онъ все молчалъ.

— Что же мнѣ дѣлать?—сказалъ онъ, наконецъ:—что жъ дѣлать, коли у меня такой несчастный характеръ?!

— Согласитесь, однакожъ, Александръ Андреичъ, изъ того, что у васъ, какъ вы говорите, несчастный характеръ, слѣдуетъ ли, чтобъ она терпѣла всѣ оскорбленія, которыми вы ее съ какимъ-то дикимъ удовольствіемъ столько времени преслѣдовали?

— Что жъ дѣлать мнѣ! научите меня, что̀ мнѣ дѣлать! Къ чему мнѣ ваши упреки, когда я самъ очень хорошо вижу, что я виноватъ передъ нею! Какъ же поправить это?

— Послушайте, Александръ Андреичъ, мнѣ ужъ надоѣло разыгрывать съ вами роль Здравомысла или Добросерда, да и вамъ пора бы перестать представлять изъ себя Ловеласа, мучителя сердецъ... Замѣтьте, что она вѣдь не Кларисса...

— Однакожъ, вѣдь вы очень хорошо знаете, что я не по своей волѣ играю эту роль.

— Въ такомъ случаѣ, право, не знаю, что̀ вамъ совѣтовать.

Послѣдовало нѣсколько минутъ молчанія.

— Другому я принялся бы, можетъ быть, объяснять, что изъ того, что его любитъ женщина, вовсе не слѣдуетъ, чтобы эта же женщина не могла полюбить другого, что во всякомъ случаѣ она ничѣмъ ему не обязана... Другой, можетъ быть, и послушался бы меня и принялъ бы вещь, какъ она есть, а вы вѣдь и сами очень хорошо все это знаете,—что жъ я могу вамъ сказать новаго?

— Однакожъ, предположимъ, что я послушаюсь вашего совѣта...

— Зная вашъ характеръ, я думаю, что для васъ было бы полезнѣе разстаться съ ней навсегда... Но совѣтовать, впрочемъ, ничего не могу, потому что напередъ знаю, что вы все-таки не оставите ея...

Онъ задумался и долго не говорилъ ни слова; наконецъ, всталъ и сказалъ мнѣ твердымъ голосомъ.

— Рѣшено! я перестаю о ней думать.

Однакожъ минуты черезъ двѣ опять задумался и снова опустился въ кресло. Я ждалъ, что̀ отъ него будетъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, не могу,—сказалъ онъ, наконецъ, слабымъ голосомъ,—не могу, это выше силъ моихъ.

Я посмотрѣлъ на него и покачалъ головою.

— Говорите что̀ хотите: я самъ чувствую, что я слабъ, что я достоинъ презрѣнія... но не могу иначе!

— И замѣтьте, Александръ Андреичъ,—сказалъ я,—что не въ одной любви вы такъ поступаете: во всей вашей жизни вы точно такъ же вѣчно колеблетесь и вѣчно какъ будто бы умышленно насмѣхаетесь надъ самимъ собою.

— Да что жъ мнѣ дѣлать, коли я такъ несчастно устроенъ?

— Ужъ я не знаю, устроены ли вы отъ природы несчастно, обстоятельства ли васъ сдѣлали такимъ, или вы сами себя изуродовали, только я вижу, что вы до сихъ поръ ничего не сдѣлали, хотя за многое принимались.

Молчаніе.

— А я такъ думаю,—продолжалъ я,—что все ваше несчастіе происходитъ оттого, что вы никогда не дадите себѣ труда обдумать ваше положеніе... Вы человѣкъ небогатый, а ведете себя какъ будто бы у васъ Богъ знаетъ какіе доходы... Есть же, наконецъ, предѣлъ этой праздности! Вѣдь вы не ребенокъ, чтобы васъ водить на помочахъ; пора вамъ понять свои обязанности къ самому себѣ и перестать вѣчно полагаться на другихъ.

Онъ вспыхнулъ.

— Что̀ вы разумѣете,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—подъ словами: „полагаться на другихъ“?

— Вы напрасно сердитесь,—отвѣчалъ я, теряя всякое терпѣнье:—я говорю вамъ правду.

— Зачѣмъ же вы давно не сказали мнѣ эту правду? я бы не заставилъ васъ повторять ее.

И онъ вышелъ отъ меня, хлопнувъ дверью. Я думалъ, что онъ выѣдетъ, и ужъ начиналъ-было раскаиваться въ своихъ неосторожныхъ словахъ, но, къ великому удивленію, утромъ на другой день онъ пришелъ опять ко мнѣ весь въ слезахъ, началъ просить меня забыть прошедшее, обвиняя во всемъ самого себя, обѣщалъ разорвать всѣ сношенія съ Ольгой и приняться за дѣло...

— Вы меня извините, господа, что я, можетъ быть, утомляю васъ всѣми этими подробностями, но тутъ онѣ только и важны. Происшествія этой любви такъ просты и такъ бѣдны сами по себѣ, что вы, я думаю, давно ужъ угадали, чѣмъ кончится вся эта исторія. Поэтому первое мѣсто въ разсказѣ моемъ занимаютъ

Digitized by Google

не факты, а, такъ сказать, внутренній процессъ фактовъ, и именно, какимъ образомъ человѣкъ довелъ себя до того, что самъ надъ собою сознательно и даже какъ будто умышленно издѣвался.

Я вамъ говорилъ, что онъ рѣшился разстаться съ Ольгой и приняться за дѣло. Онъ обѣщалъ мнѣ это такъ искренно и притомъ съ такою твердою рѣшимостью, что я не могъ не повѣрить ему. И дѣйствительно, онъ досталъ себѣ работу въ какой-то журналъ, обложилъ себя книгами и занялся компилированіемъ какой-то статьи.

Иногда онъ прочитывалъ мнѣ свою работу. Вы по опыту, можетъ быть, знаете, какая это скука быть оффиціальнымъ слушателемъ какого-нибудь сочинителя, но я, признаюсь вамъ, выслушивалъ его съ участіемъ, во-первыхъ потому, что мнѣ интересно было слѣдить за нимъ въ этомъ новомъ направленіи его дѣятельности, а во-вторыхъ, дѣйствительно, все, за что бы онъ ни взялся, необходимо принимало какую-то особую жизненную печать, облекалось въ необыкновенно ясныя и образныя формы.

Вообще онъ сдѣлался и веселъ, и дѣятеленъ, иногда только вспоминалъ объ Ольгѣ, но безъ горечи да и то потому только, что натура того требовала.

— Вѣдь вотъ, право,—говорилъ онъ мнѣ иногда шутя,—какъ ни запирайся внутри себя, а отъ себя, видно, никакъ уйти нельзя.

— А что?—спрашивалъ я.

— Да вотъ не знаю, какъ бы натуру-то свою...

— Ну, ужъ ты самъ озаботься объ этомъ... и я тоже не знаю...

Разъ какъ-то возвращаюсь ужъ довольно поздно отъ должности, смотрю—Иванъ, нашъ фактотумъ, отворяя мнѣ дверь, дѣлаетъ многозначительный жестъ, указывая на комнату Александра.

Дѣйствительно, онъ былъ не одинъ; противъ него сидѣла какая-то краснощекая и полная дѣвица, которая при моемъ появленіи отвернула голову и закрыла себѣ платкомъ лицо. Это, изволите видѣть, ей стыдно было чужого человѣка!

— А, очень радъ!—сказалъ Александръ, вставая:—рекомендую тебѣ: повелительница острова Стультиціи!..

Я откланялся; но прекрасная царица никакъ не хотѣла отнять отъ лица своего платокъ, который закрывалъ его.

— Достойная супруга великаго Комуса,—продолжалъ Брусинъ, становясь передъ нею на колѣни,—удостойте вашего лицезрѣнія бѣднаго смертнаго, который жаждетъ съ такимъ нетер-

Digitized by Google

пѣніемъ, чтобъ на него упалъ хоть одинъ животворный лучъ вашихъ божественныхъ глазъ!

Но супруга Комуса барахталась, безпрестанно испуская изъ-подъ платка легонькіе „ги-ги-ги!"

— Ахъ, отстаньте!—говорила она, закрываясь все пуще и пуще въ платокъ.

— Сдѣлайте одолженіе!—приставалъ Александръ.

— Никакъ нельзя.

— Отчего же нельзя?

— Да никакъ не можно.

— Да отчего же не можно?

— Да мнѣ стыдно; они чужіе.

— Скажите пожалуйста, они чужіе!..

И онъ вырвалъ у нея платокъ.

— Ахъ, какіе безстыдники! ахъ, какіе озорники!—возопила королева, въ свою очередь овладѣвая платкомъ и снова закрывая имъ лицо свое.

— Это, изволите видѣть, маленькій образчикъ нашего милаго кокетства,—сказалъ Брусинъ, обращаясь ко мнѣ.

Мы сѣли обѣдать. Она долго и за обѣдомъ не соглашалась открыть свое лицо, но вдругъ, когда мы перестали даже и думать объ ней, услышали мы легонькое: „ахъ!" Это, изволите видѣть, она рѣшилась показать намъ свое личико и внезапно сама испугалась своей смѣлости.

— Ахъ!—сказалъ Брусинъ, передразнивая ее:—это вамъ такъ стыдно?

— Да, конечно, стыдно...

— Кого же вамъ такъ стыдно?

— Да вотъ ихъ...

— Скажите, пожалуйста... То-есть, что̀ можетъ быть наивнѣе и прелестнѣе!—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Чѣмъ же вы занимались?—спросилъ я.

— Ахъ, какіе вы насмѣшники!

— Что жъ тутъ смѣшного!—сказалъ Брусинъ.

— Извѣстно что̀!

— Такъ вы смѣшнымъ занимались?—сказалъ я:—хорошо!

— Да мы препріятно провели съ нею время!—отвѣчалъ Брусинъ.

— Право! посидимъ, посидимъ, да помолчимъ, а потомъ, помолчавши, займемся этакъ наглядною и осязательною анатоміею! Ты хочешь учиться анатоміи?

— Благодарствуй...

Digitized by Google

— Жаль, а преполезная наука, и какъ легко и понятно: разомъ весь курсъ пройти можно! Спроси ее!

— Вы все смѣетесь надо мной!

— Какъ это можно!

— Да вы такіе озорники!..

— Вы гдѣ живете?—спросилъ я.

— У родителей.

— И часто вы этакъ прогуливаетесь?

— Какъ это можно! У меня родители такіе строгіе, цѣльный день меня все бранятъ.

— Ну, и этакъ бываетъ?—спросилъ Брусинъ, сдѣлавъ рукою значительное движеніе сверху внизъ.

— На то они родители,—отвѣчала она, закрываясь платкомъ;—да вы все надо мною смѣетесь!

— Какъ это можно!

Онъ расхохотался.

— Прелесть ты моя! – сказалъ онъ:—золото ты мое! вѣдь выкопалъ же я тебя себѣ на отраду!

— А знаешь, что̀ мнѣ вздумалось,—обратился онъ ко мнѣ, когда мы встали изъ-за стола:—ты видишь Ольгу?

— Вижу, а что̀?

— Мнѣ ужасно хочется подойти къ окну и показать ей супругу Комуса.

— Зачѣмъ это?

— Да пусть хоть немножко побѣсится.

— Не знаю, какъ хочешь!

— Право, такъ!

И мы всѣ трое подошли къ окну.

— Здравствуйте,—сказалъ Александръ.

— Здравствуйте,—отвѣчалъ знакомый голосокъ.

— Рекомендую,—продолжалъ онъ, указывая на повелительницу острова Стультиціи.

— Очень рада! что̀ это—Николай-Иваныча?

— Нѣтъ-съ, моя...

— А! ваша!.. Дяденька! дяденька! Прохоръ Макарычъ!

Намъ послышались приближающіеся тяжелые шаги, и вслѣдъ затѣмъ въ окнѣ появилась тяжелая и неуклюжая фигура.

— Рекомендую,—сказала Ольга, указывая на фигуру.

Я наблюдалъ за лицомъ Александра; оно, по прежнему, осталось весело и спокойно, но все-таки, хоть на мгновенье, хоть слегка, щеки его поблѣднѣли.

Digitized by Google

— Очень радъ,—сказалъ онъ въ свою очередь.—Вы давно изволили возвратиться изъ вояжа?..

Но дяденька не отвѣчалъ, а только раскланивался.

— Да отвѣчайте же, дяденька!—сказала Оля.—Вы его извините; онъ у меня такой стыдливый, не привыкъ съ чужими.

Дяденька все еще кланялся; Ольга провела рукою по его лицу, дернула за усы и хлопнула пальчиками по лбу.

— Ну, ступай, спи, дяденька!—сказала она.

Дяденька раскланялся и исчезъ.

— Каковъ у меня дяденька?—спросила Ольга.

— А какова у меня тетенька?—отвѣчалъ Александръ.

— Я вамъ совсѣмъ не тетенька,—замѣтила супруга Комуса: —вотъ еще что выдумали!

Ольга улыбнулась, Александръ тоже улыбнулся; но Александръ не вытерпѣлъ и послалъ ей рукою поцѣлуй; она отвернулась.

— Не стоите вы!—сказала она.—Эй, Амишка! Амишка!

Амишка вскочила на окно и замахала хвостомъ.

— Гдѣ ты, негодница, была!—выговаривала ей Оля;—другихъ, вѣрно, лучше меня нашла, капризная собачонка! Отвѣчай, мерзкая!

Амишка залаяла.

— Оленька!—сказалъ умоляющимъ голосомъ Александръ.

Я дернулъ его за полу сюртука.

— Что жъ ты, въ самомъ дѣлѣ,—сказалъ я,—опять за свои глупости принимаешься! Отойдемъ отъ окна.

— Сейчасъ, сейчасъ...

— Такъ вотъ же, гадкая ты! злая ты! я не хочу любить тебя!—продолжала Ольга, по прежнему выговаривая собачонкѣ; —и если ты думаешь, что мнѣ тебя жалко, такъ нѣтъ же, ошибаетесь, сударыня, очень ошибаетесь! не надо мнѣ васъ, у меня есть дяденька, вотъ что!

— Оленька! голубчикъ ты мой!—задыхающимся голосомъ говорилъ Брусинъ.

— Пошла прочь, мерзкая собачонка, пошла, пошла прочь! Прощайте, Александръ Андреичъ, желаю вамъ покойной ночи!

Окно ея захлопнулось. Александръ стоялъ на мѣстѣ какъ ошибенный; на силу-то я могъ кое-какъ оторвать его отъ окна.

Впрочемъ вечеръ прошелъ безъ дальнѣйшихъ приключеній; чрезъ нѣсколько времени Александръ даже сдѣлался веселъ по прежнему и безпрестанно повторялъ:

— А! какова Ольга-то! ужъ у ней и дяденька явился! Чтожъ,

Digitized by Google

у меня тетенька есть и, вѣрно, получше ея дяденьки. Да здравствуетъ высокомощная повелительница острова Стультиціи!..

Такимъ образомъ мы жили около мѣсяца. Супруга Комуса по прежнему посѣщала Александра, и всякій разъ, когда она уходила, Брусинъ давалъ ей денегъ и говорилъ:

— Ты приходи этакъ черезъ недѣлю; раньше, я думаю, мнѣ не будетъ надобности.

Я одобрялъ такое поведеніе, потому что оно было и неубыточно, да и занятіямъ не мѣшало. Вообще я держусь такого правила, что молодому человѣку, небогатому и занятому, въ дѣлахъ любви нужно какъ можно избѣгать всякой серьезной и продолжительной привязанности: не то какъ разъ облѣнишься, обабишься и пропадешь ни за грошъ.

Итакъ, я былъ совершенно спокоенъ; тѣмъ болѣе, что у насъ ужъ и двойныя рамы вставили, и слѣдовательно сообщеніе съ Ольгою сдѣлалось еще затруднительнѣе. Однакожъ, на всякій случай велѣлъ фактотуму Ивану присматривать, и если что окажется, то немедленно донести.

Разъ какъ-то, возвращаясь отъ должности, я ужъ началъ было входить по лѣстницѣ, какъ вдругъ мнѣ послышался голосъ Ольги. Я остановился и сталъ прислушиваться; дѣйствительно, это была она, да еще и не одна, а съ Брусинымъ. Оба они всходили по лѣстницѣ къ нашей квартирѣ...

— Только ты, пожалуйста, Оля, скажи ему, что ты сама ко мнѣ пришла,—говорилъ Александръ.

— А будешь капризничать?

Мнѣ послышался звонкій поцѣлуй.

— А глупая королева будетъ къ тебѣ ходить?

— Не будетъ, Оленька, не будетъ, голубчикъ мой!

Дернули за звонокъ.

— Никогда?

— Никогда, голубчикъ ты мой, никогда!

— Ну, то-то же!

— Такъ ты такъ ему и скажи, Оля, что сама пришла ко мнѣ, а то онъ мнѣ покою не дастъ.

— Ужъ я скажу, только ты... Смотри же у меня, не капризничать!

Въ это время дверь отворилась, и они вошли. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ; мнѣ было съ одной стороны и досадно такое нелѣпое ребячество, а съ другой стороны—и смѣшно. Я подождалъ минутъ съ пять на лѣстницѣ и позвонилъ.

Вѣрный Иванъ сдѣлалъ значительный знакъ рукою.

Digitized by Google

— Вотъ мы и помирились!—сказала Ольга, подавая мнѣ руку.

— А мнѣ что̀ за дѣло!—отвѣчалъ я сухо и прошелъ къ себѣ въ комнату, не дотрогиваясь до ея руки.

— Какъ вамъ угодно!

Послѣ обѣда она, однакожъ, пришла ко мнѣ; Александръ заранѣе ушелъ со двора.

— За чтожъ ты на меня сердишься?—сказала она.

— Я сержусь? ни мало! какое мнѣ дѣло!

— Да то-то и есть, что мы не хотимъ, чтобы тебѣ не было до насъ дѣла...

Она сѣла ко мнѣ на колѣни и обхватила рукою мою шею. Прошу покорно возражать что-нибудь въ подобномъ плѣну!

— Ну, говори же, за что̀ ты надулъ губы?

— А зачѣмъ вы обманываете меня?

— Какъ обманываемъ?

— А что̀ вы говорили на лѣстницѣ! вѣдь я все слышалъ.

— А! ты слышалъ! такъ только-то! ну, цѣлуй же меня!

Я повиновался.

— Вотъ сюда!—и она подставила шейку.

Я опять повиновался.

— Куда же дѣвался Александръ?—спросилъ я.

— Да онъ боится тебя! ушелъ гулять, покуда я буду тутъ тебя соблазнять! Ну, а я безстрашная, я тебя не боюсь! Правда? я безстрашная?

И она топнула ногой.

— Только смотри, безстрашная,—сказалъ я,—чтобы не было между вами по прежнему.

Пришелъ Александръ; мы послали за бутылкой шампанскаго, и Иванъ съ превеликимъ удивленіемъ смотрѣлъ на меня, никакъ не будучи въ состояніи понять, отчего и я пью вмѣстѣ съ ними, да едва ли еще и не больше ихъ.

И снова началась у нихъ, какъ въ первое время ихъ любви, возня и стукотня. Однакожъ онъ занимался по прежнему, и Ольга не цѣлые дни проводила у насъ. Я смотрѣлъ иногда къ ней въ окно и нерѣдко видѣлъ въ ея комнатахъ толстую фигуру стыдливаго дядюшки, но Брусинъ, повидимому, сталъ смотрѣть на это обстоятельство какъ на неизбѣжное зло.

Вдругъ Ольга приходитъ къ намъ и объявляетъ, что у нея будетъ балъ!!.. Цѣлую недѣлю потомъ она прожужжала намъ уши, разсказывая, какіе будутъ у нея музыканты, какія дѣвицы, что будетъ стоить входъ... Иногда она задумывалась очень долго.

Digitized by Google

— О чемъ ты думаешь, Оля?—спрашивалъ я ее.

— Да я все думаю, не лучше ли балъ съ ужиномъ? А? Какъ вы думаете?

— Да, балъ съ ужиномъ хорошо...

— Можно будетъ по цѣлковому за входъ прибавить...

— Стоитъ ли объ такихъ пустякахъ говорить! — вступался обыкновенно Александръ.

— Тебѣ все о пустякахъ! Что жъ по твоему не пустяки? Сейчасъ видно, что не любишь меня.

И она дула на него цѣлый вечеръ губки.

Наконецъ онъ насталъ, этотъ давно ожидаемый день бала. Въ ея маленькой залѣ о трехъ окнахъ собралась довольно большая куча всякаго народу, и танцы ужъ начались, когда мы вошли съ Александромъ. Дѣвицы въ бѣлыхъ, черныхъ и разныхъ цвѣтныхъ платьяхъ, кавалеры въ сюртукахъ и даже бархатныхъ архалукахъ выдѣлывали ногами и плечами такія удивительныя штуки, какихъ намъ и во снѣ не удавалось видѣть. Мы стали въ углу вмѣстѣ съ двумя-тремя другими молодыми людьми и смотрѣли. Танцовали собственно кадриль, но тутъ я не узналъ ее; я не могъ себѣ вообразить, чтобъ этотъ созерцательный, цѣломудренный танецъ могъ сдѣлаться до такой степени буйнымъ и двусмысленнымъ. Всѣ лица танцующихъ дышали какимъ-то особеннымъ, безотчетнымъ весельемъ; смотря на нѣкоторыхъ кавалеровъ, мнѣ казалось, что всѣ члены ихъ какъ будто развинчены: до того живы и бойки были всѣ ихъ движенія; безпрестанно слышалось то притоптыванье каблука, то хлопанье руки о колѣно, то прищелкиванье пальцевъ... и при этомъ корпусъ гнулся, гнулся—ну, точно старая, истертая ветошка.

Черезъ полчаса подошла къ намъ Ольга.

— Ну, что, вамъ скучно?—сказала она.

— Нѣтъ, мнѣ очень любопытно,—отвѣчалъ я:—я никогда еще не бывалъ на такихъ вечерахъ.

— Да это что еще: это только начало; погоди, что потомъ будетъ!

— Это только начало?—спросилъ я удивленный.

— Да, это все нѣмцы; они только танцуютъ; а вотъ погоди пріѣдетъ Надя съ своими, да Катя съ своими...

— Тогда что жъ будетъ?..

— Тогда будетъ кутежъ... Дай мнѣ затянуться!..

Она взяла у меня папироску, затянулась, подняла руку вверхъ и сдѣлала на одной ножкѣ пируэтку, между тѣмъ какъ другая

Digitized by Google

рука готова была сдѣлать извѣстное движеніе, столь милое всякому записному посѣтителю шикарныхъ баловъ...

— Ты сегодня, просто, восхитительна до невѣроятности, Оля!—сказалъ я, невольно залюбовавшись ею.

— Право? да это еще ничего; погоди, вотъ когда Надя да Катя... вотъ тогда ты что̀ скажешь!

— Да, право, я не знаю, что жъ будетъ тогда?

— Ну, да ужъ увидишь; извѣстно, будетъ кутежъ.

И немного погодя прибавила:

— А теперь что̀! это все нѣмцы!

— Да развѣ нѣмцы не кутятъ?

— Нѣтъ; они любятъ больше танцовать; то-есть, видишь ли, и они тоже кутятъ, да все на чужой счетъ.

— Ну, а Надя и Катя? хорошенькія онѣ?

— Ужъ разумѣется хорошенькія, когда у нихъ своя компанія есть!

— Ты меня когда-нибудь познакомь съ ними, Оля!

— Позвольте васъ ангажировать на вальсъ, — сказалъ какой-то бѣлокурый сынъ Эстляндіи, достаточно оснабженный угрями, приблизившись къ Ольгѣ.

— Нѣтъ-съ, я съ нѣмцами не танцую.

— Однакожъ, вы танцовали кадриль съ господиномъ Зималь?

— Онъ не нѣмецъ... онъ полурусскій-съ.

— Однакожъ, отчегожъ вы не хотите танцовать съ нѣмцемъ?

— Оттого, что между нѣмцами мастеровыхъ много.

Бѣлокурый господинъ сконфузился; еслибъ Ольга была безъ „компаніи“, то, конечно, она рисковала бы получить отъ него всякую горькую непріятность, но она знала натуру бѣлокурыхъ господъ, и потому, опираясь на „компанію“, смѣло могла натягивать имъ носы

— Такъ ты меня познакомишь съ Катей и съ Надей? — спросилъ я снова, когда бѣлокурый господинъ удалился.

— Да; а ты не танцуешь?

— Нѣтъ.

— Жалко; вотъ кабы ты танцовалъ, такъ и самъ бы познакомился; вѣдь у насъ не по вашему.

— А которая лучше: Надя или Катя?

— Надя будетъ понаряднѣе.

— Однакожъ, лучше этихъ?—спросилъ я, указывая на проходившихъ дѣвицъ.

— Эти что̀! это прихвостницы! я такъ, только изъ состраданья позвала ихъ на балъ. Да куда жъ дѣвался Александръ?

Digitized by Google

— Не знаю, онъ сейчасъ былъ со мною.

— Ну, поди же, ищи его; скажи, что мнѣ теперь некогда, а что ужъ я его послѣ за то поцѣлую.

— Зачѣмъ же послѣ? лучше теперь!

— Да гдѣ его сыщешь?

— Да ты послала бы съ кѣмъ-нибудь.

— Ужъ не съ тобой ли?.. Смотри, какой лакомка! Ну, да хорошо, поди скажи ему, что я его вотъ такъ, крѣпко-крѣпко цѣлую.

Она поцѣловала меня и исчезла.

Александръ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ и вертѣлъ отъ скуки въ рукахъ цѣпочку.

— Пойдемъ домой!—сказалъ онъ, когда я подошелъ.

— Это зачѣмъ?

— Да мнѣ больно видѣть...

— Что̀ жъ ты нашелъ тутъ для себя оскорбительнаго?

Онъ смѣшался.

— Видно, опять у тебя въ головѣ пугалы? Что̀ жъ тебѣ больно видѣть?

— Да она все танцуетъ...

— Не сидѣть же сложа руки, коли ты не умѣешь танцовать.

— Да; да вонъ видишь... этотъ мальчишка пакостный... видишь, какъ онъ ее крѣпко обнялъ?

— Коли здѣсь обычай такой!

— Да мнѣ это больно...

— Чортъ знаетъ что такое!

Въ дверяхъ показалась жирная фигура стыдливаго дядюшки.

— А, Прохоръ Макарычъ! кстати, подите-ка сюда! вотъ мой пріятель скучаетъ: развеселите-ка его!

Дядюшка приблизился.

— Кажется, имѣлъ честь...—проговорилъ онъ, конфузясь.

— Какъ же, какъ же... помните у окна? еще такая славная погода была? помните?

— Да-съ, хорошая! но у меня въ деревнѣ...

И снова сконфузился. Меня всегда особенно удивляло, какъ такое огромное тѣло могло такъ легко конфузиться.

— Что жъ у васъ въ деревнѣ, Прохоръ Макарычъ?—сказалъ я.—Да вы не конфузьтесь, Прохоръ Макарычъ!

— Погода бываетъ лучше,—проговорилъ онъ.

— А! а у васъ много деревень?

— Три-съ...

— А много вы получаете доходу?

Digitized by Google

— Пятнадцать тысячъ-съ...

— Такъ этакъ вы, чай, и шампанское пьете?

— Какъ же-съ; это мнѣ все наплевать...

— Скажите, пожалуйста! да не подать ли ужъ теперь? Какъ вы думаете?

— Я съ удовольствіемъ-съ; мнѣ все это наплевать...

— А между тѣмъ вотъ и онъ развеселится, да и вы перестанете конфузиться. Такъ что-ли, Прохоръ Макарычъ?

Подали вина; Прохоръ Макарычъ скоро развеселился, сдѣлался сообщителенъ и безпрестанно упрашивалъ Александра пить, по чести увѣряя его, что ему наплевать, и что мужички его сотни такихъ бутылокъ вынесутъ.

Между тѣмъ къ намъ присоединилось еще нѣсколько молодыхъ людей съ заспанными лицами, которые тоже спросили пить. Оля шепнула мнѣ на ухо, чтобъ я остерегался, потому что это, дескать, сочинители, которые все, что ни на есть смѣшного на свѣтѣ, сейчасъ замѣтятъ, да послѣ въ книжкѣ и опишутъ.

Я помню, что въ простодушіи своемъ я тогда весьма удивлялся, какъ могутъ люди съ заспанными лицами что-нибудь подмѣтить... Ихъ было всего трое и всѣ какъ кажется, связаны святыми узами убѣжденій и происшедшей отъ того дружбы. Одинъ, однакожъ, повидимому, считался между ними геніемъ, потому что двое другихъ подобострастно глядѣли ему въ глаза и, при всякомъ мало-мальски остромъ его словѣ, считали за нужное тутъ же залиться самымъ пріятнымъ хохотомъ. И видно было, что уваженіе ихъ къ генію было нелицемѣрно и хохотъ истиненъ, потому что и на лицахъ ихъ выражалось при этомъ совершенное свѣтлое воскресеніе. Одинъ даже, казалось, такъ издавна напрактиковался въ этой роли поклонника, что никакъ не могъ ужъ и обойтись безъ господина, и даже побѣлѣлъ весь отъ рабства.

— Я художникъ!—говорилъ геній, сиплымъ голосомъ, когда выпито было ужъ значительное число бутылокъ.—Отчего и ты, и ты, и вы всѣ (онъ обратился ко всѣмъ намъ, хотя мы и не имѣли чести быть съ нимъ знакомыми) видите во мнѣ главу? Оттого, что я художникъ, и какъ художникъ—творю безсознательно... Попробуй ты творить безсознательно — выйдетъ дрянь, или лучше сказать... ну, да ужъ, просто, дрянь выйдетъ... а я художникъ, пророкъ, и творю безсознательно... вотъ что!

Одинъ изъ поклонниковъ подлилъ вина въ стаканъ генія.

— Вотъ у меня бываютъ иногда сны,—продолжалъ геній,—удивительные сны! Сперва явится женщина съ аллигаторской ро-

Digitized by Google

жей—отвррратительно! потомъ аллигаторъ съ женскимъ лицомъ —мерррзость!.. Да ты подожди, это все чистилище, чрезъ которое, такъ сказать, проходитъ откровеніе... Третій разъ ужъ явится тебѣ не аллигаторъ, а женщина, братецъ, женщина такая, что магнетизмъ и электричество такъ и текутъ изъ очей ея свѣтлыми струями, такъ и слышишь, какъ она шевелитъ въ тебѣ то неопредѣленное чувство, которое подступаетъ все выше и выше и, наконецъ, давитъ тебѣ горло... Такъ вотъ какая женщина, братецъ, во мнѣ является, а я, просто, сижу себѣ да записываю...

За симъ геній понесъ такую ерунду, что я почелъ за нужное поскорѣе удалиться.

Танцы продолжались попрежнему, съ тѣмъ только измѣненіемъ, что народу было еще болѣе, затѣмъ, что прибыли Надя и Катя съ своими. Александръ стоялъ со мною въ сторонѣ и наблюдалъ за танцующими. Вдругъ онъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

И дѣйствительно, смотря въ ту сторону, гдѣ танцовала Ольга, я самъ видѣлъ, какъ г. Зималь поцѣловалъ ее въ губы.

— Пойдемъ домой!—сказалъ мнѣ Брусинъ.

— Подожди немного, вотъ пусть Ольга познакомитъ меня съ Катей,—отвѣчалъ я, какъ будто вовсе не подозрѣвая, въ чемъ дѣло.

— Я не могу здѣсь быть...

— Ну, такъ ступай одинъ; развѣ необходимо нужно, чтобъ я шелъ вмѣстѣ съ тобою!

Я остался еще нѣсколько времени, но послѣ не вытерпѣлъ и пошелъ-таки за нимъ. Надо вамъ сказать, что я этого человѣка любилъ какъ сына, ибо материнскія чувства развиты во мнѣ особенно сильно. И меня всегда за живое трогало, что онъ несчастливъ, да еще и по своей волѣ... Иногда даже я обвинялъ въ этомъ несчастьѣ самого себя, потому что вѣдь какъ бы то ни было, а мнѣ казалось, что я имѣю на него какое-нибудь вліяніе, а вдругъ на повѣрку выходило, что вліянія тутъ вовсе никакого нѣтъ...

Онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ и плакалъ. Это меня еще больше сконфузило: я шелъ-было къ нему съ наставленіями и при случаѣ, пожалуй, даже съ строгою рѣчью, и вдругъ человѣкъ плачетъ; сами посудите, до выговоровъ ли тутъ!

Онъ подошелъ ко мнѣ.

— Послушай,—сказалъ онъ мнѣ:—переѣдемъ изъ этого дома.

— Переѣдемъ, коли ужъ нечего дѣлать,—отвѣчалъ я; — а жалко! и квартира такая удобная, да и зима же теперь...

— Я чувствую, что мнѣ нельзя больше здѣсь оставаться.

Digitized by Google

— Да, переѣдемъ, переѣдемъ; разумѣется, тутъ нечего разсуждать, коли необходимость велитъ...

На другой же день нанялъ я квартиру и сталъ собираться. Александра съ утра ужъ не было дома. Вдругъ вижу—бѣжитъ къ намъ черезъ дворъ Ольга. „Ну, опять слезы, опять объясненія!“ подумалъ я.

— Это вы выѣзжаете?—спросила она дрожащимъ голосомъ.

— Да.

— То-есть, ты выѣзжаешь, а Александръ остается по прежнему здѣсь?

— Нѣтъ, и Александръ со мною.

Она поблѣднѣла.

— А я то какъ же?—спросила она, какъ будто еще не понимая, въ чемъ дѣло.

Я молчалъ.

— Такъ это онъ меня и оставитъ?.. Да отвѣчай же мнѣ: бросить, что-ли, онъ меня хочетъ?

Но я все-таки не зналъ, что̀ отвѣчать. Она постояла, постояла, пошла-было къ двери, но потомъ воротилась, упала на диванъ и горько заплакала.

Признаюсь, и во мнѣ таки-шевельнулось сердце.

Вдругъ она вскочила съ дивана и бросилась ко мнѣ на шею.

— Голубчикъ ты мой, упроси его! скажи ему, чтобъ онъ этого не дѣлалъ со мною... что я всѣхъ брошу, хлѣбъ съ водой буду ѣсть... а! поди же, ради Бога... только чтобъ онъ не бросалъ меня... хоть за прежнюю любовь мою!

— Послушай, Оля, что̀ жъ это такое будетъ? Сколько разъ вы ужъ мирились... Вѣдь ты видишь, что онъ не можетъ...

— Да нѣтъ, я сама во всемъ виновата... ну, пожалуйста, прошу тебя! скажи ему, что я совсѣмъ буду другая...

— Какъ же ты можешь ручаться за себя, Оля? вѣдь ужъ это не въ первый разъ.

Она посмотрѣла на меня пристально и поблѣднѣла.

— Такъ не хочешь для меня этого сдѣлать?

Я не отвѣчалъ.

— Звѣрь ты! каменное въ тебѣ сердце! это ты его всему научилъ! Смотри же, не будетъ тебѣ за это счастья ни въ чемъ... Встрѣчусь я съ тобой когда-нибудь... увидишь!

Чортъ знаетъ что̀ такое! ни тѣломъ ни душою не виноватъ человѣкъ, а осыпаютъ со всѣхъ сторонъ проклятіями!

Наконецъ, мы переѣхали. Александръ опять принялся за работу. Ольга нѣсколько разъ навѣдывалась-было къ намъ, но я

Digitized by Google

приказалъ Ивану не впускать ее. Однажды утромъ, иду я на службу, смотрю: у воротъ нашего дома стоитъ Ольга и злобно смотритъ на меня. Я хотѣлъ-было пройти мимо, какъ будто никогда и не зналъ ея, но она остановила меня.

— Что, любо тебѣ, небось,—сказала она мнѣ:—любо, что успѣлъ насъ поссорить?

— Ахъ, оставь меня въ покоѣ! никогда я не думалъ васъ ссорить; сами вы грызлись между собою.

— Сами!.. вотъ какъ! А кто велѣлъ не пускать меня въ квартиру? сами!.. Да вотъ же не удастся тебѣ! Хоть цѣлый день простою здѣсь, да увижу его! Тогда посмотримъ, чья возьметъ!

— Въ такомъ случаѣ, я пойду, попрошу его, чтобъ онъ не выходилъ,—сказалъ я сухо, возвращаясь домой.

— Небось, не пойдешь!—говорила она мнѣ съ насмѣшкой вслѣдъ:—ты вѣдь знаешь, что если скажешь ему хоть слово объ томъ, что я жду его здѣсь, такъ онъ мой!

Разсудивъ, что она говорила правду, я пошелъ своей дорогой на службу.

Когда я воротился, Иванъ ждалъ меня въ дверяхъ.

— Ольга Николаевна тутъ,—сказалъ онъ.

— Сама пришла?

— Нѣтъ; съ Александромъ Андреичемъ.

— И давно она тутъ?

— Да съ самаго утра.

Я велѣлъ ему собрать мои пожитки и въ тотъ же день переѣхалъ въ нумеръ.

Съ тѣхъ поръ я потерялъ Брусина изъ виду; слышалъ, что будто онъ опять поссорился съ Ольгой, связался съ какой-то актрисой, и ту будто-бы бросилъ... Но на службу не вступилъ, и статьи, которую при мнѣ началъ, не кончилъ никогда.

Недавно, впрочемъ, какой-то знакомый говорилъ мнѣ, что онъ встрѣтилъ его въ Москвѣ, что будто-бы Брусинъ живетъ тамъ съ родителями, которые водятъ его по воскресеньямъ къ обѣднѣ, къ Николѣ-Явленному...

Николай Иванычъ кончилъ—и задумчиво покручивалъ себѣ усы.

— Такъ вотъ, господа,—сказалъ онъ, спустя нѣсколько секундъ,—какъ нѣкоторые люди безпрестанно кричатъ о жаждѣ дѣятельности, жалуются на какія-то препоны,—а на повѣрку выходитъ, что вся эта жажда дѣятельности ограничивается какою-нибудь любовишкой,—да какъ еще обидно, нелѣпо ограничивается!

Мы молчали.

Digitized by Google

— А отчего эта неспособность? отчего это нравственное безсиліе?—оттого, что мы не можемъ покончить съ нашимъ прошедшимъ; оттого, что мы, видя всю гнусность такъ-называемаго спекулятивно-энциклопедическаго образованія нашего, не имѣемъ силы пересоздать себя. А потомъ жалуемся на другихъ, на судьбу и Богъ знаетъ еще на что!

Николай Иванычъ вошелъ въ азартъ.

— Вездѣ идолы, вездѣ пугалы — и, главное, что̀ обидно? обидно то, что мы сами знаемъ, что это идолы, глупые, деревянные идолы, и все-таки кланяемся имъ. Однажды, помнится, встрѣтился я въ обществѣ съ однимъ форменнымъ господиномъ. Человѣкъ онъ оказался хорошій, и мы превесело проболтали съ нимъ цѣлый вечеръ. Вдругъ, ужъ подъ конецъ, когда намъ нужно было разстаться, онъ говоритъ мнѣ:—„Такая, право, досада: черезъ недѣлю или черезъ двѣ придется быть въ одномъ мѣстѣ, гдѣ, чего добраго, если головы не размозжатъ, такъ изуродуютъ всего".—А вы не ѣздите въ это мѣсто, сказалъ я.—„Какъ это можно! да это мой долгъ,—говоритъ; — что̀ скажутъ про меня другіе!"—Странный вы человѣкъ! да что вамъ за дѣло, что̀ скажутъ про васъ другіе!—„Оно конечно,—отвѣчалъ онъ:—глупо вѣкъ руководиться чужимъ мнѣніемъ, особливо если доказалъ себѣ, что мнѣніе это ложно,—да что же прикажете дѣлать?—Однакожъ, что̀ вамъ дороже: жизнь ваша или общественное мнѣніе, которое вы, замѣтьте, сами не хотите признать за непреложное.—„Да нѣтъ, все-таки какъ-то неловко".—Но вы рискуете потерять жизнь вашу!—„Знаю, да что жъ мнѣ дѣлать".—Ну, въ такомъ случаѣ, отъ души желаю вамъ быть убитымъ!—И дѣйствительно, вѣдь убили его! А хорошій былъ молодой человѣкъ!

— Нравоученіе, Николай Иванычъ! нравоученіе! — закричала толпа.

— А нравоученіе вотъ какое: во-первыхъ, предметовъ для дѣятельности много, такъ много, что стоитъ только нагнуться, чтобы наполнить жизнь свою; если мы ничего не дѣлаемъ, то никто другой, кромѣ насъ, въ этомъ не виноватъ, и жаловаться въ этомъ случаѣ совершенно безполезно; во-вторыхъ: весьма часто мы жалуемся на отсутствіе счастья, а на повѣрку выходитъ, что не насъ несчастье ищетъ, а мы сами себѣ его устроиваемъ. Вотъ хоть бы и Брусинъ: онъ, пожалуй, и счастливъ былъ, и любилъ, и любимъ былъ—да испортилъ же самъ все дѣло.

— Ну, нѣтъ, я никакъ не могу вывести этого нравоученія изъ вашего разсказа,—сказалъ молодой человѣкъ.

— Это какъ?

Digitized by Google

— Да все оттого, что мы разнимся съ вами въ главномъ: въ воззрѣніи на вещи. Вы всю вину сваливаете на личность человѣка, а я утверждаю, что человѣкъ тутъ вовсе не виноватъ, что виноватаго тутъ надобно искать гдѣ-нибудь подальше—гдѣ? достовѣрно сказать вамъ не могу, но думаю—въ воздухѣ... Вотъ хоть бы и въ разсказѣ вашемъ: гдѣ причина этой упорной неспособности Брусина къ какой бы то ни было положительной дѣятельности? гдѣ, какъ не въ уродливомъ воспитаніи, которое ровно ничему не учитъ? Вы и сами соглашаетесь съ этимъ, но прибавляете, что должно имѣть силу пересоздать себя? Да вѣдь для этого надобно не только родиться героемъ, но и чтобъ обстоятельства расположились такъ, чтобы сдѣлать изъ васъ героя. А что вы будете дѣлать, когда воспитаніе, вмѣсто того, чтобы закалить васъ и сдѣлать изъ васъ стоика, вложило въ ваше сердце потребности, мягкость эпикурейца, да когда еще вы, къ вашему горю, пришли къ признанію законности этой мягкости и этихъ потребностей.

— Да вѣдь человѣкъ животное разумное; онъ долженъ отличать условное отъ безусловнаго, долженъ понимать, гдѣ дѣйствительный его интересъ и гдѣ ложный.

— Долженъ?! вотъ грустное слово, которое, признаюсь, всегда сжимаетъ мнѣ сердце холодомъ... Для чего же все „долженъ“? Для чего не „хочу“ или „желаю“? А между тѣмъ героевъ такъ мало, такъ мало, а грѣшныхъ, слабыхъ натуръ такъ много... Да притомъ же, слова „дѣйствительный интересъ“, сколько я понимаю, означаютъ то, что приноситъ человѣку пользу и удовольствіе. Какъ скоро одного изъ этихъ условій недостаетъ, дѣйствительный интересъ нарушенъ. Въ идеѣ долга я вижу одну пользу... Вы не любите идоловъ, Николай Иванычъ, а между тѣмъ создаете себѣ самый ужасный, самый мертвящій изъ всѣхъ— идолъ долга.

Николай Иванычъ сконфузился.

— Я согласенъ, — сказалъ онъ черезъ минуту, что и та жизнь, которую я защищаю, далеко не полна; но такъ какъ надобно выбирать непремѣнно изъ двухъ золъ, то я всегда предпочту такой образъ дѣйствія, который, по крайней мѣрѣ, дастъ спокойствіе моей совѣсти, поселитъ во мнѣ сознаніе, что не понапрасну потратилъ я свою жизнь, а сдѣлалъ все, что могъ, чтобъ быть полезнымъ.

— Да; это было бы справедливо, еслибъ выборъ той или другой дороги былъ въ нашей власти; но вѣдь тутъ фатализмъ, Николай Иванычъ, и мы совершенно безсильны! Я радъ бы, на-

Digitized by Google

примѣръ, сдѣлать какое-нибудь чудо, но чѣмъ же я виноватъ, если у меня руки не поднимаются, ноги не ходятъ? Чѣмъ я виноватъ, что весь распался и превратился въ живую рану?

Молчаніе.

— Что же касается до второго пункта вашего нравоученія, то-есть, до того, что Брусинъ самъ сознательно устроивалъ свое несчастье, то и тутъ вы неправы: Брусинъ былъ счастливъ, какъ только могъ быть счастливымъ.

Николай Иванычъ изумился.

— Да, его болѣе плѣнила его безпокойная, судорожная любовь, нежели скаредное, болотное счастье, составленное по вашему рецепту. Что до того, что онъ страдалъ?—коли въ этомъ страданьѣ была вся его жизнь? Вѣдь вы же толковали ему, чтобъ онъ поступалъ такимъ-то и такимъ-то образомъ, если хочетъ быть счастливымъ. Отчего же онъ не послушался васъ? Не дуракъ же онъ былъ, чтобы не понять, что его счастье не есть счастье. Нѣтъ, онъ очень хорошо понималъ это, да видно, сила не въ томъ, какимъ образомъ быть счастливымъ, а въ томъ, чтобъ хоть какимъ бы ни было образомъ да быть счастливымъ.

— Однакожъ, вы, пожалуй, скажете мнѣ, что и тотъ, кто будетъ сдирать съ себя живого кожу, тоже будетъ счастливъ.

— Отчего нѣтъ? какъ вы не хотите понять, что въ ненормальной средѣ одна неестественность только и можетъ быть названа нормальною? Нѣтъ, Николай Иванычъ, повѣрьте, укоры и нравоученія безполезны, когда возможности къ исправленію не представляется никакой, когда мы всѣ скованы, спутаны обстоятельствами. Закинь васъ судьба въ какой-нибудь сквернѣйшій уѣздный городишко—что нужды, что вы будете презирать всѣхъ этихъ глупыхъ, жирныхъ людей, у которыхъ о нравственности и тѣни понятія нѣтъ; вы все-таки принуждены якшаться съ ними, потому что вы—человѣкъ...

— Такъ, по вашему, приходится сложить руки и смотрѣть равнодушно на всѣ уродства и нелѣпости?

— О, нѣтъ, сохрани Боже! Нужно дѣйствовать, какъ можно больше дѣйствовать! Но я хочу, чтобы каждому оставили полную свободу жить, какъ онъ понимаетъ, а не навязывались съ своими теоріями, которыя только раздражаютъ. Я иду за вами слѣдомъ въ отрицаніи идоловъ, но поступаю откровеннѣе васъ, потому что не хочу ровно никакого идола, даже... идола пользы. Я той вѣры, что самое лучшее въ этомъ случаѣ—поставить себѣ девизомъ: *живи—какъ живется, дѣлай—какъ можется.*

Digitized by Google

РЕФОРМА ГИМНАЗІЙ

ВЪ

ГЕРМАНІИ

Окончаніе.

II *).

Среди множества предложеній, замѣчаній, мнѣній, выраженныхъ въ нѣмецкой печати относительно желаемой гимназической реформы, можно отмѣтить только нѣкоторыя основныя мысли, обозначающія извѣстное ея направленіе въ развитіи этого вопроса. Поэтому, отказываясь отъ невозможной почти задачи представить всѣ эти мнѣнія, мы должны довольствоваться однимъ указаніемъ на главныя направленія, которыя намъ удалось замѣтить.

Однимъ изъ такихъ направленій служитъ стремленіе къ устройству такъ-называемой однородной школы (Einheitsschule).

Къ многочисленнымъ сторонникамъ этого направленія принадлежатъ Горнеманъ, Мейнардусъ, Фронау, Кюнгольцъ и многіе другіе. Къ нимъ можно тоже причислить Ноля, Фелькера, Остендорфа, Фивегера, принадлежащихъ отчасти къ другому направленію, о которомъ будетъ рѣчь впослѣдствіи. Считая невозможнымъ разсматривать здѣсь подробно мнѣніе каждаго изъ вышеприведенныхъ авторовъ, мы остановимся болѣе обстоятельно надъ однимъ проявленіемъ ихъ стремленія къ устройству однородной

*) См. выше: апр., 465 стр.

Digitized by Google

школы, именно—надъ дѣятельностью общества того же названія. Общество это мы считаемъ важнѣйшимъ явленіемъ потому, что всѣ вышеуказанные авторы, развивая болѣе или менѣе удачно идею однородной школы, представляли только свои собственныя, индивидуальныя воззрѣнія—между тѣмъ общество это является уже представителемъ цѣлаго кружка, который сознательно добивается извѣстной цѣли общими усиліями.

Цѣль и задача общества были ясно опредѣлены въ воззваніи, изданномъ, по почину учителя гимназіи въ Ганноверѣ, Горнемана, многими профессорами университетовъ и учителями гимназіи весною 1886 г. [1]). Въ воззваніи этомъ было сказано, что вслѣдствіе многосторонняго и глубокаго раздѣленія общества по поводу противорѣчащихъ интересовъ и страстной борьбы за начала,—необходимо, для дальнѣйшаго народнаго преуспѣянія, чтобы каждый по силамъ своимъ содѣйствовалъ къ укрѣпленію единства народнаго духа. Однимъ изъ препятствій, мѣшающихъ полному объединенію народа, есть существующая въ настоящее время двойственность учебныхъ заведеній; между тѣмъ духовное единство народа опирается, главнымъ образомъ, на единствѣ высшаго образованія. Поэтому, взамѣнъ гимназій классической и реальной, слѣдуетъ устроить одно общее высшее учебное заведеніе, которое, сохраняя признаки старой гуманистической гимназіи, посредствомъ древнихъ языковъ и исторіи, обновилось бы, соотвѣтственно духу новаго времени, посредствомъ новыхъ языковъ, въ особенности же французскаго, и математическихъ и естественныхъ наукъ. Такой реформы высшаго школьнаго образованія требуетъ не только состояніе современной культуры, для требованій которой школа не можетъ быть закрыта, но и нѣкоторыя весьма важныя экономическія соображенія. Въ настоящее время значительная часть молодежи принуждена слишкомъ преждевременно рѣшать вопросъ, слѣдуетъ ли ей идти въ гимназію, или въ реальное училище, то-есть рѣшать вопросъ относительно будущаго своего званія. Несоотвѣтственное рѣшеніе этого вопроса причиняетъ также народу значительный матеріальный и нравственный ущербъ. Изъ этого видно, что учредители общества однородной школы усматривали въ настоящемъ устройствѣ училищъ почти такіе же недостатки, какъ и нѣмецкое академическое общество.

Идею однородной школы развивалъ подробнѣе *Штейнмейеръ* (Steinmeyer), директоръ реальной гимназіи въ Ашерслебенѣ, въ

[1]) Vollbrecht. Bericht ueber die im Hannover um 5 und 6 October 1886 zur Begründung eines deutschen Einheitschulvereins gehaltene Versammlung. Neue Jahrbücher für Phil. und Paedagogik. 1887, стр. 43.

Digitized by Google

рѣчи, произнесенной на предварительномъ собраніи 5-го октября 1886 г., въ Ганноверѣ.

По Штейнмейеру, мысль однородной школы не можетъ быть признана новою, такъ какъ уже со времени Меланхтона, учредителя нѣмецкихъ училищъ, такая школа существовала. Правда, она носила различныя названія, но, въ сущности, она была Lateinschule, Gelehrtenschule. Цѣль ея состояла въ обученіи закону Божію и латинскому языку. Въ концѣ XVIII столѣтія въ школы эти было введено преподаваніе другихъ предметовъ, а именно исторіи, математики, географіи, естественныхъ наукъ, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Но и тогда еще онѣ были однородными школами, несмотря на разнообразіе обучаемыхъ въ нихъ предметовъ, такъ какъ имѣли въ виду приготовленіе къ университетскимъ занятіямъ, къ ученымъ званіямъ (Gelehrtenstand). Народъ получалъ тогда образованіе въ народныхъ училищахъ. Тогда же возникло дѣленіе общества вообще на образованныхъ, получающихъ образованіе въ Gelehrtenschulen, и простой народъ. Въ XVIII столѣтіи стали возникать и другія училища, такъ-называемыя реальныя школы. Они имѣли въ виду доставить практическое образованіе среднимъ классамъ общества, такъ какъ Gelehrtenschulen, гимназіи, сдѣлались заведеніями, приготовляющими въ университетъ. Такимъ образомъ возникъ дуализмъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній.

Впрочемъ мнѣніе, что исключительная цѣль гимназій состоитъ въ приготовленіи въ университетъ, установилось окончательно только въ послѣднее время. По инструкціи 1816 г., изданной Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, онѣ должны были, кромѣ этой цѣли, имѣть въ виду доставленіе молодежи общечеловѣческаго образованія [1]). Въ инструкціи же 7-го января 1856 г., изданной Визе, говорилось прямо, что онѣ составляютъ заведенія, приготовляющія въ университетъ [2]).

По мысли Штейнмейера, это послѣднее мнѣніе ошибочно, такъ какъ еслибы гимназіи имѣли только такую задачу, то онѣ должны бы доставлять ученикамъ только такія свѣденія, которыя нужны имъ впослѣдствіи для университетскихъ занятій. Между тѣмъ будущій юристъ учится греческому, несмотря на то, что не нуждается въ немъ для пониманія Corpus juris. Для будущаго врача или математика тоже ненужны древніе языки. Съ другой сто-

[1]) Sie sollen auch die Schüler mit der Sinnes und Empfindungsweise einer edlen Menschlichheit ausrüsten. Neue Jahrbücher, 1887, стр. 48.

[2]) Zunächst für Vorbereitungsanstalten für das Studium auf den Universitäten. Neue Jahrbücher, 1887, стр. 49.

Digitized by Google

роны, будущій филологъ или богословъ не нуждается въ основательномъ знаніи естественныхъ наукъ. Поддерживать противное мнѣніе было бы слишкомъ неблагоразумно [1]). Изъ воззрѣнія Визе на гимназіи вытекала потребность многихъ приготовительныхъ заведеній, смотря по будущимъ занятіямъ каждаго. Впрочемъ, и Визе, и министерство народнаго просвѣщенія, не придерживались строго вышеуказаннаго воззрѣнія. Въ доказательство того можно привести то, что хотя реальныя училища были признаны заведеніями, имѣющими только практическія цѣли, однакожъ, распоряженіемъ 1870 г. ученикамъ ихъ дозволено было поступать въ университетъ съ нѣкоторыми во всякомъ случаѣ ограниченіями. Ограниченія эти должны быть, по Штейнмейеру, отмѣнены съ тѣмъ, чтобы ученикамъ реальныхъ училищъ дозволено было поступать на медицинскій факультетъ, такъ какъ они лучше къ тому въ этихъ училищахъ приготовлены.

Впрочемъ, и само государство не можетъ согласиться съ мнѣніемъ, по которому гимназіи составляютъ заведенія, приготовляющія только въ университетъ. Государство нуждается въ томъ, чтобы тѣ, которые впослѣдствіи должны руководить обществомъ, церковью, управлять государственными дѣлами—обладали общечеловѣческимъ образованіемъ, вслѣдствіе котораго были бы способны постичь всѣ человѣческія отношенія. Государству нужно, чтобы уже гимназія образовала благородныя, прекрасныя свойства человѣческаго духа, о которыхъ упоминалъ Гумбольдтъ въ инструкціи 1816 г. [2]). Требованіе это тѣмъ болѣе настоятельно, что, вслѣдствіе спеціализаціи наукъ, университетъ въ сущности сдѣлался соединеніемъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ нѣтъ ни времени, ни способности для пріобрѣтенія такого образованія. Послѣдующая же за этимъ жизнь до того поглощаетъ человѣка, что ему невозможно доставить себѣ общечеловѣческое образованіе, если онъ не вынесъ его изъ гимназіи.

Хотя бы признать,—говоритъ Штейнмейеръ,—что цѣль гимназіи есть доставленіе общечеловѣческаго образованія, то не изъ этого вытекаетъ еще необходимость устройства школы однородной. По его мнѣнію, главнѣйшая причина, вызывающая устройство такой школы, состоитъ въ томъ, что при дальнѣйшемъ существованіи раздѣленія училищъ на двѣ группы, классическихъ и реальныхъ, такой дуализмъ произведетъ въ образованіи высшихъ общественныхъ классовъ глубокую пропасть, вслѣдствіе

[1]) Das wäre in der That zu thöricht. Neue Jahrbücher. 1887, стр. 49.

[2]) Jene schöne freie Menschlichkeit und edle Geistesbildung. Neue Jahrbücher, 1887, стр. 52.

Digitized by Google

которой невозможно будетъ придти къ какому-нибудь согласію относительно самыхъ важныхъ жизненныхъ вопросовъ. Согласіе такое сдѣлается просто невозможнымъ. Другая причина, на которую онъ указываетъ съ горечью, состоитъ въ исчезновеніи всякаго идеальнаго направленія въ современной молодежи. Поэтому нужно спасти этотъ идеализмъ, чтобы молодое поколѣніе научилось любить добро, красоту, истину для нихъ самихъ. Время, въ которое живемъ, нуждается не только въ ученыхъ спеціалистахъ, —ему нужны и люди, могущіе понимать общія задачи человѣческой жизни, обладающіе благородно образованнымъ характеромъ. Между тѣмъ дуализмъ школъ есть непримиримый врагъ такого идеальнаго направленія. Впрочемъ Штейнмейеръ не желаетъ, чтобы будущая „однородная школа" воспитывала людей, преслѣдующихъ какія-то мечты, фантасмагоріи. Ученики должны учиться не для школы, но для жизни, чтобы впослѣдствіи быть способнымъ къ содѣйствію въ ея устройствѣ или преобразованіи. Но они должны всегда дѣйствовать подъ вліяніемъ идеальнаго направленія, которое составляетъ ручательство постояннаго усовершенствованія и облагороженія человѣчества. Противъ реформы, имѣющей въ виду достиженіе такой цѣли, не окажетъ, по его мнѣнію, никакого сопротивленія ни незначительная горсть филологовъ, которые въ отнятіи хотя бы одного часа греческому или латинскому языку видятъ грѣхъ противъ Св. Духа, ни недоброжелательство тѣхъ, которые видятъ спасеніе въ естественныхъ наукахъ.

Штейнмейеръ не выставилъ, однакожъ, подробнаго плана устройства школы однородной, а только привелъ общія относительно того заключенія. Она должна быть извѣстнаго рода гимназіею, имѣющею въ виду доставленіе общечеловѣческаго образованія. Это образованіе должно составлять основаніе для всѣхъ ученыхъ занятій и условіе для занятія государственныхъ должностей. Учителями въ такой школѣ могутъ быть лица, имѣющія не только спеціальное, но и гуманитарное или общечеловѣческое образованіе. Предметами преподаванія должны быть такіе, которые слѣдуетъ считать необходимыми для достиженія общечеловѣческаго образованія. Размѣры каждой науки, а равнымъ образомъ и методъ обученія, должны быть таковы, чтобы цѣль эта могла быть достигнута [1]).

Слѣдующій ораторъ, *Горнеманъ*, иниціаторъ собранія, старался

[1]) Neue Jahrbücher, 1887, стр. 57. Тѣ же мысли Штейнмейеръ изложилъ еще въ своихъ „Betrachtungen ueber unser klassischer Schulwesen" и въ „Halbbildung und Gymnasium".

Digitized by Google

выяснить будущее устройство „однородной школы". По его мнѣнію, ошибаются тѣ, которые думаютъ, что однородная школа основывается на такомъ устройствѣ училищъ, при которомъ прежде всего мальчики обучаются въ начальномъ училищѣ, изъ котораго часть могла бы обратиться къ практическимъ занятіямъ, а другая часть перейти въ среднее шестиклассное училище. Изъ этой школы опять часть могла бы перейти въ высшее училище, приготовляющее въ университетъ, а другая могла бы заняться практическими занятіями. Для облегченія этого перехода учениковъ изъ одного заведенія въ другое, низшіе классы среднихъ училищъ должны отвѣчать высшимъ классамъ начальнаго училища. Сверхъ того, низшіе классы среднихъ училищъ должны отвѣчать классамъ отъ VI до II теперешнихъ девятилѣтнихъ гимназій. Высшее училище отличалось бы отъ среднихъ тѣмъ только, что въ немъ существовали бы три высшіе класса, приготовляющіе учениковъ для поступленія въ университетъ.

Такое устройство училищъ было бы, однакожъ, по мнѣнію Горнемана, неудобнымъ по педагогическимъ соображеніямъ, указаннымъ уже Гербартомъ, по мысли котораго высшія школы должны имѣть въ виду болѣе глубокое изученіе предметовъ, вслѣдствіе чего ни одинъ классъ не можетъ быть устроенъ въ нихъ такимъ же образомъ, какъ соотвѣтственный классъ средняго или начальнаго училища. Не подлежитъ также сомнѣнію, что ученики, принадлежащіе къ высшимъ общественнымъ классамъ, вслѣдствіе вліянія окружающей ихъ среды, болѣе развиты и способны къ наукѣ, чѣмъ ученики соотвѣтственныхъ классовъ средняго или начальнаго училища. Поэтому смѣшеніе ихъ съ менѣе развитыми учениками препятствовало бы имъ въ достиженіи лучшихъ успѣховъ въ наукѣ. Хотя нѣкоторые полагаютъ, что посредствомъ такого смѣшенія учениковъ можно содѣйствовать къ уменьшенію взаимной ненависти общественныхъ классовъ и предупредить угрожающую отъ этого соціальную опасность, но, съ другой стороны, слѣдуетъ спросить, не будетъ ли это составлять искусственной нивелировки существующихъ общественныхъ различій?

Для Горнемана было бы желательно, чтобы положеніе каждаго въ обществѣ было зависимо менѣе отъ случайностей рожденія, а болѣе отъ его личнаго достоинства; но, несмотря на то, онъ полагаетъ, что каждый человѣкъ есть плодъ окружающей его среды. Поэтому если въ обществѣ возникли извѣстныя естественныя различія, то нужно сохранить ихъ посредствомъ устройства соотвѣтственныхъ училищъ. По его мнѣнію, должны быть устроены три отдѣльныя школы. Для высшихъ классовъ—гимна-

Digitized by Google

зіи, для образованнаго средняго сословія—среднія школы, а для низшихъ классовъ—начальныя училища. Во всякомъ случаѣ, школы эти должны быть такъ устроены, чтобы можно было перейти изъ одной въ другую; чтобы принципъ современнаго общества, состоящій въ томъ, что каждый собственными усиліями можетъ подняться въ обществѣ, не сдѣлался неправдою. Вслѣдствіе того, Горнеманъ приходитъ къ заключенію, что теперешняя шестиклассная Bürgerschule, безъ латинскаго языка, отвѣчаетъ самымъ лучшимъ образомъ потребностямъ среднихъ классовъ общества.

Изъ этого мы видимъ, что еслибы предложенія Горнемана были приняты, то существовали бы только три рода училищъ, а именно: начальныя—для низшихъ классовъ общества; среднія, шестиклассныя, безъ древнихъ языковъ, для среднихъ, и девятиклассныя, съ обоими древними языками, отвѣчающія теперешнимъ гимназіямъ, для высшихъ классовъ общества. Напротивъ, были бы закрыты теперешнія реальныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ и всѣ высшія реальныя училища, безъ всякаго древняго языка. Разумѣется, что такіе результаты казались нежелательными другимъ членамъ съѣзда, которые вслѣдствіе того представили различныя возраженія противъ предложеній Горнемана. Для лучшаго выясненія столь важнаго вопроса считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣкоторыя болѣе выдающіяся мнѣнія противниковъ Горнемана.

Такъ напр., была группа голосовъ, требовавшихъ заведенія не особаго шестиклассного училища, но такого устройства гимназіи, чтобы низшіе классы были общи всѣмъ ученикамъ, въ высшихъ же было проведено раздѣленіе, согласно извѣстнымъ научнымъ направленіямъ. Директоръ реальнаго училища въ Брауншвейгѣ, *Круммъ*, считалъ мысль Горнемана о трехъ родахъ училищъ, согласно различнымъ общественнымъ классамъ, вполнѣ неудачною (ganz verkehrt), такъ какъ пріемъ въ одно или другое учебное заведеніе не можетъ зависѣть отъ сословія, къ которому ученикъ принадлежитъ, но отъ выдержанія имъ успѣшно испытанія. Главные недостатки теперешняго школьнаго устройства состоятъ, по его мнѣнію, во-первыхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе школьнаго дуализма, родители слишкомъ рано принуждены рѣшать вопросъ относительно школы, въ которую они должны посылать дѣтей, а вслѣдствіе того и о будущемъ ихъ развитіи, о которомъ можно судить только позже, согласно ихъ способностямъ и другимъ обстоятельствамъ. Другой недостатокъ состоитъ въ томъ, что ученики, оставляющіе гимназію или реальное училище съ правомъ на одногодичнаго вольноопредѣляющагося и составляющіе, какъ извѣстно,

Digitized by Google

80% всего количества учениковъ, выносятъ изъ этихъ учебныхъ заведеній вполнѣ неудовлетворительное образованіе. Третій, наконецъ, недостатокъ состоитъ въ томъ, что въ теперешнихъ гимназіяхъ обращается слишкомъ мало вниманія на индивидуальныя качества учениковъ. Недостатки эти можно бы устранить, еслибы въ заведеніяхъ такого рода, послѣ шести классовъ, общихъ всѣмъ ученикамъ, высшіе классы были раздѣлены на отдѣленія, одно съ лингвистическимъ, а другое съ математически-естественнымъ направленіемъ и съ общимъ преподаваніемъ нѣкоторыхъ предметовъ. Такимъ образомъ, даже ученики, оставляющіе гимназію послѣ полученія права на одинъ годъ воинской повинности, выносили бы изъ нея извѣстное законченное образованіе. Свидѣтельство зрѣлости, полученное на томъ или другомъ отдѣленіи, должно предоставлять право поступать во всѣ высшія учебныя заведенія. Греческій языкъ, не составляющій необходимаго условія общаго образованія, слѣдуетъ преподавать только въ высшихъ классахъ лингвистическаго отдѣленія. Въ этомъ отношеніи Круммъ ссылается на то, что языкъ этотъ, даже 50 лѣтъ тому назадъ, не имѣлъ того значенія, которое желаютъ ему придать теперь. Поэтому нельзя принуждать къ изученію его тѣхъ, которые не имѣютъ къ тому ни наклонности, ни необходимости, и которые въ знаніи его не нуждаются. Точно также *Кильнштейнъ*, представитель академическаго общества, требовалъ однороднаго училища, общаго для всѣхъ учениковъ до класса II-го, съ раздѣленіемъ высшихъ классовъ на два или на три отдѣленія. Въ томъ же смыслѣ говорили *Рамдоръ*, директоръ гимназіи въ Іеверѣ, и *Шаумбургъ*, директоръ реальной гимназіи въ Крефельдѣ.

Само собою разумѣется, что вопросъ о значеніи древнихъ языковъ для школы однородной не могъ остаться незатронутымъ въ дальнѣйшихъ преніяхъ о ея устройствѣ. И это неудивительно, такъ какъ вопросъ этотъ всегда будетъ возбуждаемъ, какъ только возьмутся за вопросъ объ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Нѣкоторые, какъ *Штейнмейеръ*, *Штернбургъ*, *Рунге*, *Энгельгардтъ*, *Фивегеръ*, *Берендтъ*, высказали мнѣніе, что изъ однородной школы нельзя устранить греческаго языка. Другіе, какъ *Киперть*, полагали, что въ изученіи этого языка слѣдуетъ обращать вниманіе больше на пониманіе авторовъ, чѣмъ на грамматику, вслѣдствіе чего и обученіе должно принять соотвѣтственное тому направленіе. Большинство выражало мнѣніе, что, по причинѣ уменьшившагося значенія латинскаго языка, преподаваніе его можно или вполнѣ исключить изъ школьнаго обученія, или, по крайней мѣрѣ, ограничить количество уроковъ, для него пре-

Digitized by Google

доставленныхъ, которые могли бы быть употреблены на другіе предметы. Иные положительно возражали противъ греческаго языка. Такъ напр. *Штейнбартъ*, директоръ реальнаго училища въ Дунсбургѣ, указывалъ, что неосновательно Горнеманъ, изъ пристрастія къ греческому, требовалъ, чтобы этотъ языкъ былъ обязательнымъ, начиная съ III-го класса. По его мнѣнію, Горнеманъ не обратилъ вниманія на то, что многихъ людей можно считать украшеніемъ общества, несмотря на то, что они не учились греческому языку. Прежде не требовали столько, какъ теперь, греческаго, — и было хорошо. Въ Ганноверѣ инструкція 15 авг. 1845 г. требовала знанія этого языка только отъ будущихъ богослововъ и филологовъ, но не требовала его ни отъ юристовъ, ни отъ медиковъ. Капитальную ошибку совершаютъ тѣ, которые думаютъ, что если они сами находятъ удовольствіе въ чтеніи греческихъ авторовъ и восхищаются ихъ формою, то и ученики будутъ раздѣлять эти чувства. Напротивъ, ученикъ, читая Софокла, не находитъ въ немъ никакого удовольствія относительно формы, по причинѣ встрѣчаемыхъ при этомъ затрудненій; относительно же содержанія онъ выноситъ несравненно меньше пользы, чѣмъ реалистъ, читающій этого автора въ переводѣ. Нужно помнить, какъ легко забывается греческій языкъ, на изученіе котораго, однакожъ, жертвуется такая масса времени въ школѣ. Поэтому Штейнбартъ былъ бы даже открытымъ противникомъ однородной школы, еслибы въ ней греческій языкъ былъ оставленъ. Директоръ реальной гимназіи въ Эрфуртѣ, *Цанге*, полагалъ, что греческій языкъ необходимъ тѣмъ, которые намѣреваются заниматься науками, требующими историческихъ изслѣдованій. Напротивъ, для всѣхъ тѣхъ, которые стремятся только къ достиженію общечеловѣческаго образованія, онъ составляетъ лишнюю роскошь. Такіе ученики могутъ доставить себѣ нужныя имъ свѣденія изъ древностей посредствомъ переводовъ. Знаніе греческаго языка не ведетъ, по его мнѣнію, къ истинному гуманизму, къ которому путь указываетъ христіанство. Мѣсто греческаго долженъ въ однородной школѣ занять англійскій языкъ [1]). Учитель гимназіи въ Ганноверѣ, *Киль*, полагалъ, что при теперешнемъ развитіи наукъ необходимо знаніе французскаго и англійскаго языковъ. Поэтому, еслибы требовать еще обязательно знанія двухъ древнихъ языковъ, то ученики были бы принуждены, кромѣ отечественнаго, учиться еще четыремъ языкамъ. Это, однакожъ, было бы для нихъ очевидно слишкомъ обременительно.

[1]) Neue Jahrbücher, тамъ же, стр. 122.

Digitized by Google

Вслѣдствіе того онъ требовалъ устраненія изъ программы однородной школы греческаго языка, нужнаго, впрочемъ, только богословамъ и филологамъ. Наконецъ, *Шаумбургъ* призналъ, что, на основаніи своего долголѣтняго опыта, онъ пришелъ къ убѣжденію, что время, употребленное для усвоенія греческаго языка, только напрасно теряется. Поэтому онъ полагалъ, что теперешняя монополія гимназіи относительно правъ ея учениковъ поступать въ высшія учебныя заведенія должна быть отмѣнена.

Изъ другихъ ораторовъ въ собраніи нѣкоторые обращали вниманіе на необходимость усиленія преподаванія отечественнаго языка; другіе требовали того же относительно новыхъ языковъ или математически-естественныхъ наукъ. Намъ кажется, что если-бы всѣ эти требованія были удовлетворены, тогда возникло бы еще болѣе значительное обремененіе учениковъ, въ ущербъ не только ихъ физическому здоровью, но и всему нравственному развитію. Одинъ только *Кипертъ* обратилъ вниманіе на пользу, которую можно бы извлечь изъ сокращенія преподаванія древнихъ языковъ, но черезъ сокращеніе времени пребыванія учениковъ въ школѣ съ 9 до 8 лѣтъ, вслѣдствіе чего они могли бы однимъ годомъ раньше обратиться къ практической жизни.

Несмотря на столь всестороннія разсужденія, это приготовительное собраніе не успѣло придти къ положительнымъ выводамъ относительно устройства будущей однородной школы, имѣющей устранить недостатки теперешняго училищнаго устройства. Выводы оказались при голосованіи, которое обнаружило, что одни хотѣли, согласно съ предложеніями Горнемана, полной девятиклассной школы, однородной, отдѣльной отъ шестиклассной средней школы; другіе, напротивъ, требовали, чтобы въ гимназіи низшіе классы были общи всѣмъ ученикамъ и только со II-го класса начиналось бы раздѣленіе. Большинствомъ голосовъ было постановлено, что въ будущей однородной школѣ слѣдуетъ оставить греческій языкъ въ нынѣшнемъ объемѣ, а сократить обученіе латинскому. Несмотря, однакожъ, на разрозненность мнѣній, даже относительно самыхъ важныхъ вопросовъ, участвующіе въ предварительномъ съѣздѣ постановили учредить общество однородной школы (Einheitsschulverein), имѣющее въ виду стремиться общими усиліями къ осуществленію этой идеи. Засѣданія собранія были закрыты рѣчью директора гимназіи въ Галле, *Фрика*, который, признавая заслугою Горнемана поднятіе столь важнаго вопроса, указывалъ на спеціальное значеніе и задачу каждаго изъ языковъ, изучаемыхъ въ школѣ. По его мнѣнію, латинскій языкъ развиваетъ логическій элементъ въ образованіи, греческій — эстети-

Digitized by Google

ческій, новые языки—практическій, и отечественный — всѣ эти элементы вмѣстѣ. Фрикъ радовался, что постановлено было сохранить греческій языкъ, такъ какъ этотъ языкъ имѣетъ особенное значеніе въ образованіи по поводу духовнаго родства греческаго и германскаго народовъ (Geistesverwandtschaft der deutschen und griechischen Nation?). Взамѣнъ того онъ изъявлялъ готовность сдѣлать нѣкоторыя уступки насчетъ латинскаго языка, который не приноситъ пользы соразмѣрно употребленному на изученіе его времени. Такимъ образомъ, логическій элементъ въ образованіи долженъ былъ пасть жертвою эстетическаго!

Идея однородной школы была обсуждаема послѣ на ежегодныхъ съѣздахъ общества. Первый такой съѣздъ происходилъ 13 и 14 апрѣля 1887 г. въ Галле [1]). И на этомъ съѣздѣ были произнесены опять рѣчи, заслуживающія особеннаго вниманія.

Такъ напр., вышеупомянутый Фрикъ указывалъ на недостатки теперешняго устройства училищъ, вызвавшіе стремленіе къ учрежденію однородной школы. По его мнѣнію, главный недостатокъ классическихъ училищъ состоитъ въ томъ, что они не доставляютъ извѣстнаго законченнаго образованія; недостатокъ же реальныхъ училищъ есть преобладаніе абстракціонныхъ наукъ. Задача общества состоитъ въ пріисканіи формы училища, которая отвѣчала бы всѣмъ требованіямъ, а учительское сословіе должно отказаться отъ своей обычной щекотливости, когда затрогивается этотъ вопросъ, такъ какъ и оно должно признать, что не все въ настоящей школѣ—совершенство, и что многое въ ней можетъ дать поводъ къ заслуженной критикѣ. Лозунгъ настоящей борьбы: должна ли будущая однородная школа быть съ греческимъ языкомъ или безъ него? Было бы необходимо тоже ввести въ высшихъ классахъ такой школы англійскій языкъ и рисованіе, но это возбудило бы опасеніе чрезмѣрнаго обремененія учениковъ. Цѣль эта могла бы, однакожъ, быть достигнута, еслибы отнять отъ преподаванія латинскаго языка, начиная со II класса, по два часа въ недѣлю и обратить ихъ на англійскій языкъ. Рисованіе тоже необходимо, такъ какъ до настоящаго времени въ гимназіи искусство смотрѣть, наблюдать—пренебрегается до неимовѣрности.

Замѣчательна тоже рѣчь доцента химіи изъ Тюбингена, Лотара *Мейера*, объ изученіи математически-естественныхъ наукъ въ однородной школѣ. По его мнѣнію, теперешнее преподаваніе этихъ наукъ въ гимназіяхъ недостаточно; доказательствомъ тому

[1]) Vollbrecht. Bericht über die erste Hauptversammlung des deutschen Einheitsschulvereins in Halle a. S., am 13 und 14 April 1887. Neue Jahrbücher. 1887, стр. 309.

Digitized by Google

можетъ служить то, что значительное большинство гимназистовъ только съ чрезвычайною трудностью приходитъ въ университетѣ къ пониманію естественныхъ наукъ и даже самыхъ элементарныхъ лекцій по этимъ наукамъ. Это происходитъ отъ того, что гимназія не развиваетъ въ ученикахъ способности дѣлать наблюденія и выводить правильныя изъ нихъ заключенія. Гимназисты тоже очень рѣдко способны сдѣлать употребленіе изъ своихъ математическихъ познаній. Вслѣдствіе того только незначительный процентъ учениковъ отвѣчаетъ требованіямъ университета. Главный упрекъ, который можно сдѣлать въ этомъ отношеніи реальнымъ училищамъ, состоитъ въ томъ, что они стремятся къ осуществленію трудной задачи приготовлять одновременно къ университету и къ практической жизни. Поэтому они занимаются этими науками слишкомъ экстенсивно съ ущербомъ для учащихся. Однородная школа должна стремиться къ устраненію всѣхъ этихъ недостатковъ, доставляя образованіе приготовительное ко всѣмъ высшимъ научнымъ занятіямъ, но не спеціальное образованіе (Vorbildung, но не Fachbildung). Цѣль эта можетъ быть достигнута исключеніемъ изъ обученія всего, что не можетъ быть признано необходимымъ для общаго образованія, и примѣненіемъ соотвѣтственнаго метода. Обученіе этимъ наукамъ въ школѣ должно имѣть въ виду преимущественно развитіе въ ученикахъ способности наблюденія и способности дѣлать правильные выводы. Правда, что и при этомъ методѣ ученики пріобрѣтаютъ извѣстный запасъ положительныхъ свѣденій, но это не составляетъ окончательной задачи школы, для которой останется цѣлью развитіе способности наблюденія. Положительныя свѣденія преимущественно нужны ученикамъ, не намѣревающимся изучать дальше естественныя науки—для того, чтобы они не были столь безпомощными передъ явленіями природы, какъ въ настоящее время богословы, филологи или юристы. Въ концѣ онъ признаетъ, что главное препятствіе для здороваго, отвѣчающаго духу времени, развитія училищъ состоитъ въ односторонности филологическаго образованія, признаваемаго неправильно универсальнымъ. Несмотря на то, это развитіе проложитъ себѣ путь, съ пользою даже и съ удовольствіемъ для тѣхъ филологовъ, которые, помимо односторонности своего образованія, сохранили болѣе свободныя и широкія воззрѣнія [1]).

Слѣдующая затѣмъ рѣчь *Горнемана* имѣла въ виду выяснить значеніе для школьнаго образованія развитія зрѣнія и способ-

[1]) Neue Jahrbücher. Тамъ же, стр. 317.

Digitized by Google

ности дѣлать наблюденія. По его мнѣнію, вопросъ однородной школы есть прежде всего вопросъ о реформѣ классической гимназіи. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ основаній. Гимназій больше въ сравненіи съ реальными учебными заведеніями. Классическая гимназія ближе всѣхъ прочихъ училищъ къ школѣ однородной, такъ какъ въ ней преподается греческій языкъ. Наконецъ, гимназія, имѣя право приготовлять во всѣ высшія учебныя заведенія, болѣе другихъ училищъ обязана развиться въ направленіи однородной школы. Всѣ недостатки теперешней гимназіи могутъ быть выражены однимъ словомъ: филологическая односторонность! И теперь еще не приняты на дѣлѣ надлежащимъ образомъ во вниманіе въ школѣ народные элементы образованія, и теперь еще не признано надлежащимъ образомъ, что развитіе современной культуры увеличило въ высшей степени для высшихъ классовъ общества значеніе новыхъ языковъ математики, естественныхъ наукъ и географіи. И теперь еще жизненное развитіе находится въ полномъ пренебреженіи, а столь прославленное формальное образованіе понимается слишкомъ односторонне. Развитіе чувствъ и воли (des Gefühls und des Willens) пренебрегается въ сравненіи съ развитіемъ и образованіемъ ума и знаній (der Erkentniss und Denkkraft). И это послѣднее, впрочемъ, происходитъ тоже одностороннимъ способомъ, только посредствомъ изученія языковъ. Между тѣмъ окружающій насъ міръ можно изучить не только посредствомъ языковъ и литературы, но и посредствомъ ближайшаго наблюденія и пониманія, къ чему орудіемъ для насъ служатъ наши чувства, а именно зрѣніе и слухъ. Изъ этого вытекаетъ необходимость обращать болѣе вниманія на развитіе нашей способности наблюдать и смотрѣть. На этомъ основаніи Горнеманъ требовалъ, чтобы во всѣхъ классахъ однородной школы было заведено обязательно рисованіе [1]).

Эти рѣчи вызвали различныя пренія, во время которыхъ были высказаны многія мѣткія замѣчанія въ педагогическомъ отношеніи. Такъ напр., *Гофманъ*, редакторъ лейпцигскаго журнала для математически-естественныхъ наукъ, выразилъ опасеніе, что сохраненіе греческаго и латинскаго языковъ и усиленіе преподаванія новыхъ будетъ причиною еще болѣе значительнаго обремененія учениковъ. По его мнѣнію, нельзя одновременно учиться болѣе чѣмъ двумъ языкамъ, если мы желаемъ достигнуть хорошихъ результатовъ. Поэтому въ будущей однородной школѣ слѣдо-

[1]) Всѣ эти три рѣчи были напечатаны въ первомъ выпускѣ: Schriften des deutschen Einheitsschulvereins. Во второмъ выпускѣ было напечатано Горнемана: Die Zukunft unserer höcheren Schulen. 1887.

Digitized by Google

вало бы обязательно учить только двумъ языкамъ, а именно латинскому и англійскому. Профессоръ унив. въ Галле, *Вайнгингеръ*, доказывалъ, что самымъ большимъ врагомъ однородной школы, является теперешняя гимназія, съ ея формальнымъ направленіемъ въ наукѣ, въ особенности же вслѣдствіе преувеличенныхъ требованій отъ латинскихъ упражненій (lateinischer Aufsatz). Направленіе это возникло вслѣдствіе отжившихъ уже идеаловъ XVI ст., когда латинскій языкъ былъ въ обыкновенномъ у всѣхъ употребленіи, но ошибочность этого направленія была давно доказана. Директоръ гимназіи въ Данцигѣ *Фивегеръ* доказывалъ, что изученіе иностранныхъ языковъ слѣдуетъ начинать съ самаго легкаго, именно англійскаго, ссылаясь въ этомъ отношеніи на мнѣнія Латтмана, Евгенія Вальтера, Рихтера и др. филологовъ, утверждающихъ, что начинать изученіе латинскаго языка съ VI класса ни къ чему не ведетъ.

Всѣ эти рѣчи и пренія не возстановили, однакожъ, окончательнаго согласія относительно устройства однородной школы. Болѣе удачнымъ въ этомъ отношеніи былъ второй съѣздъ общества однородной школы, 4 и 5 апрѣля 1888 г. въ Касселѣ [1]).

Горнеманъ вновь старался въ обширной рѣчи выяснить состояніе вопроса объ однородной школѣ. По его мнѣнію, существовали въ этомъ отношеніи два воззрѣнія. По первому изъ нихъ, сверхъ начальныхъ училищъ должны быть шестиклассныя школы, окончаніе которыхъ предоставляло бы право на одногодичный срокъ воинской повинности. Школа эта должна быть безъ древнихъ языковъ, и во всякомъ случаѣ безъ греческаго. Къ этой школѣ должно быть присоединено высшее училище, отвѣчающее настоящимъ тремъ высшимъ классамъ гимназіи и раздѣленное на два или три отдѣленія. Греческій языкъ слѣдуетъ преподавать только въ одномъ изъ этихъ отдѣленій. Несмотря на то, ученики каждаго изъ нихъ должны имѣть одинаковыя права относительно поступленія въ высшія учебныя заведенія.

Но, по мнѣнію Горнемана, такое устройство было бы вредно, такъ какъ оно открыло бы доступъ въ университетъ реалистамъ, не обучающимся греческому языку; вслѣдствіе того увеличилось бы чрезмѣрно количество лицъ, обладающихъ университетскимъ образованіемъ и не бывшихъ въ состояніи добиться въ жизни положенія, отвѣчающаго ихъ научному образованію.

Другія возраженія Горнемана противъ такого устройства училищъ

---

[1]) Vollbrecht. Bericht über die zweite Hauptversammlung des deut. Einheitsschulvereins in Kassel, am 4 und 5 April 1888. Neue Jahrbücher f. Ph. u. Paed. 1888, стр. 408.

Digitized by Google

основывались уже на педагогическихъ соображеніяхъ. Онъ полагалъ, что вслѣдствіе такого устройства уже въ самыхъ низшихъ училищахъ были бы собраны ученики, принадлежащіе къ самымъ разнообразнымъ классамъ общества, что̀ составляло бы затрудненіе при обученіи ихъ. Не думаемъ однакожъ, чтобы это возраженіе заслуживало вниманія болѣе перваго, такъ какъ и теперь въ каждой школѣ мы встрѣчаемъ учениковъ, принадлежащихъ къ разнороднымъ классамъ общества, и тѣмъ не менѣе никто не видитъ въ томъ препятствія въ обученіи. Еслибы обращать вниманіе на такія различія, тогда слѣдовало бы сразу уже отказаться отъ всякой мысли о школѣ однородной, за которую однакожъ Горнеманъ ратуетъ.

Наконецъ, такое устройство училищъ Горнеманъ оспаривалъ и по историческимъ соображеніямъ, такъ какъ вслѣдствіе того греческій языкъ былъ бы пренебреженъ, несмотря на то, что онъ со времени Шиллера и Гете пріобрѣлъ большое значеніе; основаніемъ же гуманистическаго образованія остался бы латинскій языкъ, потерявшій въ послѣднее время много своего прежняго значенія и болѣе чуждый духу нѣмецкаго народа, чѣмъ греческій (?).

Итакъ, Горнеманъ не одобрялъ такой школы, несмотря на то, что она находила множество приверженцевъ, или потому, что отвѣчала всеобщимъ требованіямъ и нерасположенію многихъ общественныхъ классовъ къ гуманистическому образованію, а въ особенности къ греческому языку, или потому что вызывала основательныя, отчасти по крайней мѣрѣ, жалобы на обремененіе. По его мнѣнію, однородная школа должна слить въ себѣ гимназіи классическую и реальную, соединяя ихъ преимущества и устраняя недостатки. Но во всякомъ случаѣ, даже при ней требуется, какъ необходимое дополненіе, реальное училище, отвѣчающее потребностямъ среднихъ образованныхъ классовъ общества.

Разсматривая преимущества и недостатки настоящихъ гимназій, Горнеманъ приходитъ къ заключенію, что преимущества реальныхъ гимназій состоятъ въ томъ, что онѣ лучше развиваютъ зрѣніе и наблюдательныя способности, успѣшнѣе развиваютъ индуктивное мышленіе и приготовляютъ лучше къ пониманію современной жизни, окружающей насъ природы и наукъ необходимыхъ въ дѣйствительной жизни. Напротивъ, классическія гимназіи содѣйствуютъ болѣе глубокому пониманію историческаго развитія, пониманію свойствъ другихъ народовъ, развившихся въ совершенно другихъ условіяхъ жизни, развиваютъ дедуктивное мышленіе и чувство идеальной красоты, кроющейся въ плодахъ

Digitized by Google

греческаго искусства. Однородная школа должна стараться соединить эти качества. Эта цѣль можетъ быть достигнута посредствомъ соотвѣтственнаго распредѣленія порядка преподаванія наукъ и употребленія подходящихъ методовъ обученія (Lehrordnung und Lehrweise). Количество уроковъ, предназначаемыхъ на одинъ или другой предметъ, имѣетъ здѣсь второстепенное значеніе. Горнеманъ считаетъ, что было бы достаточною реформою, еслибы на математическія и естественныя науки назначить во всѣхъ классахъ по 4 часа въ недѣлю. Рисованіе должно быть обязательно до II класса, въ высшихъ же классахъ — добровольное. Съ того же класса слѣдуетъ назначить на англійскій языкъ по два часа въ недѣлю. Необходимые для этого часы должны быть отняты у латинскаго языка.

Въ виду улучшенія методовъ преподаванія Горнеманъ требовалъ назначенія во всѣхъ университетахъ чтеній по педагогикѣ, а также устройства „семинарій умовъ", въ которыхъ кандидаты на учителей должны бы приготовляться, по крайней мѣрѣ въ продолженіе года, къ будущимъ своимъ занятіямъ. Наконецъ, принимая во вниманіе, что предоставленіе ученикамъ II-го класса права вольноопредѣляющагося годичнаго охотника составляетъ препятствіе къ окончанію ими полнаго курса гимназіи и полученію въ ней извѣстнаго законченнаго образованія, онъ предлагалъ отмѣну этого права.

Всѣ предложенія Горнемана, сформулированныя въ опредѣленныя положенія, были приняты обществомъ. На этомъ основаніи слѣдуетъ признать, что предложенія эти сдѣлались программою всего общества, такъ что осуществленіе ихъ сдѣлалось его цѣлью, задачею, и что въ нихъ была выставлена идея однородной школы.

Программа эта была дополнена рѣчью, произнесенною директоромъ гимназіи въ Касселѣ, *Гейснеромъ* (Heussner), въ которой былъ имъ опредѣленъ объемъ преподаванія латинскаго языка въ однородной школѣ.

По его мнѣнію, извѣстное ограниченіе латинскаго языка въ пользу усиленія преподаванія другихъ предметовъ вовсе не противорѣчитъ цѣлямъ и задачамъ настоящей гимназіи. Вслѣдствіе того, количество часовъ, предназначенныхъ на преподаваніе этого языка, должно, въ классахъ VI — IV, остаться безъ измѣненія (т.-е. 9), но въ III оно можетъ быть уменьшено двумя, т.-е. до 7; во II же и I—до 6. Въ виду такого сокращенія количества часовъ, нужно заботиться—преподаваніе устроить такъ, чтобы вообще цѣль обученія этому языку была достигнута. Гейснеръ признаетъ, что латинскій языкъ постепенно теряетъ преж-

Digitized by Google

нее свое значеніе, какъ условіе народнаго образованія; другіе же культурные элементы требуютъ бо̀льшаго уваженія. Школа обязана также принимать во вниманіе новыя воззрѣнія и понятія, и заботиться о такомъ образованіи руководящихъ классовъ народа, чтобы они были въ состояніи понимать развитіе человѣческой культуры. Народная жизнь, проявляющаяся въ государствѣ, законовѣденіи, церкви, словесности, изящныхъ искусствахъ, оставалась съ самаго начала среднихъ вѣковъ подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ римской культуры. Вліяніе это, однакожъ, постоянно умаляется. Въ доказательство того можно привести, что латинскій языкъ пересталъ быть языкомъ ученаго міра, мѣсто же его занялъ родной языкъ. По мѣрѣ того какъ латинскій языкъ утрачивалъ свое значеніе съ XVIII ст., увеличивалось вліяніе греческаго. По этому поводу Гейснеръ остановился подробно надъ методомъ, который слѣдуетъ принять въ обученіи латинскаго языка. Не останавливаясь надъ столь спеціальными вопросами, довольно вспомнить, что, по его мнѣнію, слѣдовало бы ограничить изученіе грамматики, ариѳметики, устранить латинскія упражненія (lateinischer Aufsatz) и латинскій разговоръ, такъ какъ они производятъ вредныя послѣдствія въ педагогическомъ отношеніи, портя чувство хорошей латыни. Несмотря на то, онъ полагалъ, что языкъ этотъ останется основнымъ въ высшей школѣ и основаніемъ лингвистическаго образованія. Два часа, отнятые въ III классѣ у латинскаго языка, могутъ быть обращены на рисованіе, а во II и I кл.—на англійскій языкъ. Больше часовъ у этого языка отнимать нельзя. Гейснеръ требовалъ, наконецъ, чтобы въ однородную школу ученики были принимаемы болѣе зрѣлые, именно послѣ достиженія ими 10-ти-лѣтняго возраста.

Предложенія Гейснера, относительно сокращенія преподаванія латинскаго языка, были приняты обществомъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ пользу сохраненія латинскихъ упражненій не поднялся ни одинъ голосъ.

Изъ этого—слишкомъ, можетъ быть, пространнаго—изложенія мы можемъ уже составить себѣ понятіе объ однородной школѣ, какъ оно представлялось обществу. Теперь попытаемся оцѣнить, насколько понятіе это отвѣчало цѣлямъ и задачамъ общества, насколько оно въ состояніи устранить недостатки настоящаго школьнаго устройства, бывшіе причиною образованія „общества однородной школы“.

Цѣль и задача общества были ясно опредѣлены, какъ въ первоначальномъ объявленіи, приглашавшемъ къ его образованію, такъ и въ рѣчи Штейнмейера, во время приготовительнаго

Digitized by Google

съѣзда. Цѣль общества должна была состоять въ устраненіи вредныхъ послѣдствій нынѣшняго школьнаго дуализма, т.-е. раздѣленія школъ на классическія и реальныя, приготовляющія молодое поколѣніе въ двухъ совершенно различныхъ направленіяхъ. Средствомъ къ достиженію этой цѣли должна быть однородная школа, въ которой все молодое поколѣніе могло бы найти общую научную подготовку, посредствомъ общечеловѣческаго, гуманистическаго образованія. Поэтому въ этой школѣ должны быть преподаваемы науки, получившія въ новое время преобладающее значеніе, въ особенности же новые языки и математически-естественныя науки, безъ которыхъ нельзя даже понимать современной культуры. На предметы эти указывалъ даже и Горнеманъ на съѣздѣ общества въ Галле. Такая школа, кромѣ другихъ полезныхъ сторонъ, отличалась бы еще и тѣмъ качествомъ, что ученики, получая въ ней общее образованіе, не въ извѣстномъ—спеціальномъ направленіи, могли бы дѣлать выборъ будущаго своего званія только послѣ достиженія извѣстной умственной зрѣлости. Между тѣмъ въ настоящее время они принуждены дѣлать этотъ выборъ еще въ дѣтствѣ, вслѣдствіе именно школьнаго дуализма.

Судя по всему, можно было надѣяться, что общество придетъ къ заключенію о необходимости какого-нибудь существеннаго преобразованія гимназій. Между тѣмъ случилось совершенно иначе. Общество выставило себѣ великую задачу, богатую послѣдствіями, могущими обезпечить неслыханныя благодѣянія обществу, но оно думало, что этой цѣли можно достигнуть самыми ничтожными средствами. Какъ видно изъ вышеизложеннаго, вся реформа, по мнѣнію Горнемана и Гейснера, одобренному всѣмъ обществомъ, должна была состоять въ сокращеніи преподаванія латинскаго языка въ высшихъ классахъ гимназіи на два часа въ недѣлю, и обращеніи времени, выиграннаго такимъ образомъ, на рисованіе, англійскій языкъ и математику. Этимъ должна была ограничиться вся уступка, на которую рѣшились защитники древнихъ языковъ въ гимназіи. На болѣе значительную уступку нельзя, по мнѣнію Гейснера, согласиться, безъ ущерба для латинскаго языка. Смотря, однакожъ, на этотъ предметъ совершенно безпристрастно, нельзя сказать, чтобы уступка эта была достаточна, если только однородная школа должна имѣть въ виду доставленіе общечеловѣческаго образованія и если она должна приноровиться къ условіямъ современной культуры. Въ этомъ отношеніи мы полагаемъ, что и тѣ члены общества, которые столь много говорили объ условіяхъ этой культуры, о потребности новыхъ языковъ и математически-естественныхъ наукъ, не иначе смотрятъ на этотъ во-

Digitized by Google

просъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что ученики школы однородной, устроенной такимъ образомъ, выносили бы изъ нея не общечеловѣческое образованіе, а попрежнему только лингвистическое, основанное, впрочемъ, исключительно на знаніи древнихъ языковъ. Они не получили бы даже ключа къ открытію себѣ пониманія современной культуры, такъ какъ оставляли бы школу безъ достаточнаго знанія новыхъ языковъ.

Такая реформа была бы въ результатахъ своихъ не только безполезною, но даже и вредною для учениковъ и классическихъ и реальныхъ гимназій. Для учениковъ классическихъ гимназій, отнятіе нѣсколькихъ часовъ отъ преподаванія латинскаго языка было бы облегченіемъ болѣе кажущимся, чѣмъ дѣйствительнымъ, такъ какъ, по мнѣнію Гейснера, слѣдовало бы въ этомъ случаѣ такъ сосредоточить обученіе, чтобы въ продолженіе сокращеннаго времени достигнуть почти такихъ же результатовъ. Поэтому ученики были бы принуждены работать болѣе для достиженія почти такой же цѣли. Въ этомъ отношеніи Гейснеръ сдѣлалъ въ ихъ пользу уступку, освобождая ихъ отъ латинскихъ упражненій и латинскаго разговора. Взамѣнъ за это мнимое облегченіе ученики были бы еще болѣе обременены добавленіемъ еще одного языка, именно англійскаго, и усиленіемъ преподаванія математически-естественныхъ наукъ. Поэтому непремѣнно усилились бы еще болѣе и безъ того довольно основательныя жалобы на обремененіе учениковъ. Гейснеръ, предвидя эти жалобы, а равнымъ образомъ сознавая, что однородная школа выставляетъ преувеличенныя требованія отъ учениковъ, желалъ отсрочить на годъ время поступленія ихъ въ училище. Нельзя, однакожъ, такую реформу считать желательною для общества или родителей, которые, напротивъ, желали бы сократить нѣсколько время пребыванія учениковъ въ школѣ. Въ пользу такого сокращенія говорилъ только одинъ изъ ораторовъ общества—*Киперть*. Если обратить вниманіе на то, что ученикъ въ однородной школѣ оканчивалъ бы ее обыкновенно на 20-мъ году жизни, а въ случаѣ задержанія въ классѣ,—что̀ и въ Германіи составляетъ общее правило,—и позже, то слѣдуетъ признать этотъ срокъ слишкомъ продолжительнымъ. Еще болѣе обременительнымъ сдѣлалось бы это обстоятельство въ приближающемся XX ст., когда условія жизни сдѣлаются, вѣроятно, еще болѣе затруднительными.

Съ другой стороны, ученики нынѣшнихъ реальныхъ гимназій, обучающіеся въ Германіи, какъ извѣстно, только латинскому языку, были бы еще болѣе обижены. Они были бы обязаны учиться двумъ совершенно новымъ для нихъ языкамъ, именно

Digitized by Google

греческому и англійскому. Разумѣется, преподаваніе этихъ предметовъ могло бы быть введено только вслѣдствіе сокращенія преподаванія наукъ, имѣющихъ для этихъ учениковъ первостепенное значеніе. Но можно весьма сомнѣваться, чтобы ученики реальныхъ гимназій пожелали перейти въ однородную школу въ случаѣ открытія ея. Предвидя это, самъ Горнеманъ утверждалъ, что возлѣ школы однородной не только могутъ, но даже должны существовать реальныя училища, какъ необходимое дополненіе первой. Онъ забылъ только о томъ, что, требуя того, онъ впалъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Вѣдь однородная школа должна устранить вредный дуализмъ въ устройствѣ училищъ, предупредить образованіе пропасти во взглядахъ и понятіяхъ, раздѣляющихъ въ настоящее время воспитанниковъ классическихъ и реальныхъ гимназій. Между тѣмъ существованіе рядомъ съ однородною школою другихъ учебныхъ заведеній съ чисто реальнымъ направленіемъ не только не уменьшило бы этой пропасти, но, напротивъ, расширило бы ее еще болѣе. Вообще, на основаніи всѣхъ этихъ данныхъ, можно сказать, что идея однородной школы, какъ она была формулирована Горнеманомъ и Гейснеромъ, есть недозрѣлый плодъ, отъ котораго не можетъ быть никакой пользы.

Программа однородной школы, принятая обществомъ, не отвѣчаетъ и другимъ условіямъ, которыхъ удовлетворенія можно требовать отъ школы, выставившей себѣ такую задачу. Самъ Горнеманъ сказалъ, что такая школа должна имѣть качества нынѣшнихъ реальныхъ гимназій, — качества, которыхъ недостаетъ классическимъ гимназіямъ. Къ качествамъ этимъ онъ причислялъ то, что эти заведенія лучше развиваютъ въ ученикахъ способность наблюденія, индуктивное мышленіе; что они въ высшей степени содѣйствуютъ къ пониманію современной жизни и природы, къ усвоенію наукъ, необходимыхъ въ практической жизни. Смотря, однакожъ, на это безпристрастно, слѣдуетъ признать, что отнятіемъ у латинскаго языка двухъ часовъ въ недѣлю и назначеніемъ ихъ на англійскій и рисованіе нельзя обезпечить въ пользу однородной школы всѣхъ вышеуказанныхъ качествъ. Это средство вполнѣ недостаточно для достиженія такой цѣли. Слѣдуетъ полагать, что Горнеманъ, Гейснеръ, а за ними и все общество подверглись вліянію той филологической односторонности, на которую указывалъ Лотаръ Мейеръ, какъ на главнаго врага въ развитіи училищъ; они думали, что столь ничтожная реформа можетъ довести ихъ до желаемой цѣли. Въ программѣ однородной школы нѣтъ даже и помину о физическомъ развитіи, находящемся въ

Digitized by Google

такомъ пренебреженіи во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Еслибы эти реформаторы помнили о томъ, какое было образованіе у грековъ, какъ заботливо греки старались о физическомъ развитіи человѣка, то и они не оставили бы, можетъ быть, безъ вниманія столь важнаго условія въ устройствѣ однородной школы. Но воспрепятствовала имъ въ этомъ ихъ филологическая односторонность.

Нельзя также сказать, чтобы однородная школа, по программѣ Горнемана и Гейснера, могла устранить вредныя послѣдствія, возникающія теперь вслѣдствіе того, что ученики, самымъ поступленіемъ въ одно или другое училище, принуждены преждевременно рѣшать относительно своего будущаго званія. И впослѣдствіи они были бы принуждены выбирать между однородною школою и реальнымъ училищемъ, и подвергнуться тѣмъ же пагубнымъ послѣдствіямъ.

Изъ всего этого можно придти къ заключенію, что программа, выставленная обществомъ однородной школы, вовсе не отвѣчаетъ предположенной цѣли. Намъ кажется даже, что общество, пріискивая средства для осуществленія своей задачи, попало на такой путь, съ котораго трудно ему будетъ выйти на прямую дорогу.

По нашему мнѣнію, одно обстоятельство заслуживаетъ уваженія, какъ въ обсужденіяхъ общества, такъ и въ окончательно принятой имъ программѣ, хотя и въ этомъ отношеніи слѣдуетъ сдѣлать извѣстную оговорку. Мы имѣемъ въ виду признаніе, сдѣланное многими ораторами во время преній, что древніе языки, по крайней мѣрѣ одинъ изъ нихъ, латинскій, потеряли часть значенія, въ сравненіи съ тѣмъ, какое они имѣли прежде въ жизни и въ школѣ. Напротивъ, многіе ораторы указывали на громадное значеніе, пріобрѣтенное въ наше время новыми языками, сдѣлавшимися ключомъ для пониманія современной культуры. Сознаніе это было даже столь сильно, что склонило общество пожертвовать нѣсколькими часами, предназначенными на латинскій, въ пользу предметовъ, которыхъ великое значеніе въ школьномъ образованіи было признано только въ новое время. Это слѣдуетъ считать уступкою, сдѣланною духу новаго времени.

Не думаемъ, однакожъ, чтобы и въ этомъ отношеніи можно было безусловно согласиться съ мнѣніями, высказанными во время преній, относительно того, который изъ двухъ древнихъ языковъ потерялъ больше значенія, и который вслѣдствіе того слѣдуетъ и можно ограничить въ школьномъ образованіи. Общество вообще высказалось, что языкомъ этимъ долженъ быть латинскій; мы,

Digitized by Google

однакожъ, были бы другого мнѣнія. Напрасно, по нашему мнѣнію, Фрикъ въ защиту греческаго языка ссылался на духовное родство греческаго и нѣмецкаго народовъ. Нужно обладать въ высшей степени фантазіею и подвергаться національному самообольщенію, чтобы усмотрѣть это родство. Намъ кажется, что даже и тѣ, которые признаютъ и цѣнятъ отличныя качества нѣмецкаго народа, не въ состояніи не видѣть громаднаго различія между всѣмъ нравственнымъ и духовнымъ существомъ, напримѣръ, аѳинянина и нѣмца.

Противъ предпочтенія, оказаннаго Фрикомъ греческому языку передъ латинскимъ, говорило бы даже имъ самимъ приведенное обстоятельство, что латинскій языкъ представляетъ въ образованіи народа логическій элементъ, греческій же—только эстетическій. Намъ кажется, что въ образованіи народа никогда нельзя приносить въ жертву эстетическому элементу логическаго элемента. Человѣкъ можетъ обойтись безъ точныхъ эстетическихъ понятій, можетъ обладать ими въ высшей или низшей степени, но онъ не можетъ обойтись безъ логики въ мышленіи. Поэтому если латинскій языкъ содѣйствуетъ къ развитію логическаго мышленія, то имъ нельзя жертвовать въ пользу греческаго.

Впрочемъ, есть еще другія, болѣе важныя соображенія, говорящія въ пользу латинскаго языка и противъ воззрѣній общества однородной школы, — а именно, то великое историческое значеніе, какое пріобрѣтено этимъ языкомъ для всѣхъ культурныхъ народовъ. Относительно этого мы сошлемся на мнѣніе такого авторитета въ дѣлахъ педагогическихъ, какъ Паульсенъ [1]).

По мнѣнію Паульсена, латинскій языкъ составляетъ звено, соединяющее новую культуру съ древнею. Можно жалѣть о томъ, но нельзя этого измѣнить. Можно жалѣть, что греческая культура не пришла къ намъ непосредственно изъ Аѳинъ, но посредственно—черезъ Римъ; все же совершившихся фактовъ не въ состояніи отмѣнить самыя воодушевленныя желанія эллинофиловъ. Съ другой стороны, тотъ историческій фактъ, что Римъ втянулъ весь европейскій міръ въ культурную сферу античнаго міра, отразился неизгладимыми слѣдами на нашемъ историческомъ развитіи. Вездѣ мы встрѣчаемъ отраженіе римскихъ учрежденій—въ церкви, въ государствѣ, законодательствѣ, наукѣ. Еще очень недавно, —если къ историческому развитію примѣнять мѣрило столѣтій, — въ началѣ XVIII ст., латинскій языкъ былъ языкомъ

[1]) Paulsen. Das Realgymnasium und die humanistische Bildung. 1889, стр. 60. По его словамъ, весь Realschulmännerverein, общество реальныхъ учителей, считаетъ однородную школу съ греческимъ языкомъ невозможною. Тамъ же, стр. 63.

Digitized by Google

науки, университетовъ. Изъ этого вытекаетъ, что для всякаго историческаго изслѣдованія, необходимо еще и теперь знаніе латинскаго языка. Кто самъ не читаетъ на этомъ языкѣ, тотъ встрѣчается съ цѣлыми фразами, положеніями или отдѣльными словами, заимствованными у латинскихъ авторовъ. Довольно взять въ руку любую книгу юридическаго, медицинскаго, философскаго или богословскаго содержанія, чтобы убѣдиться, насколько латинскій языкъ проникаетъ всю нашу ученую жизнь до послѣднихъ временъ. На этомъ языкѣ воспитывались цѣлыя поколѣнія въ историческомъ развитіи, на немъ развилась вся современная культура. Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе и на то обстоятельство, что еще и теперь нѣкоторые новые языки, происходящіе отъ латинскаго, только при его помощи могутъ быть изслѣдованы и истолкованы.

Историческаго значенія для европейскихъ народовъ греческій языкъ никогда не имѣлъ и не имѣетъ, несмотря на свое превосходство, несмотря на то, что плоды греческаго генія, какъ относительно формы, такъ и относительно содержанія, стоятъ выше произведеній латинскихъ авторовъ. Поэтому слѣдуетъ считать мечтою желаніе общества однородной школы отдать ему преимущество передъ латинскимъ языкомъ [1]).

III.

Для опредѣленія второго направленія въ стремленіяхъ къ гимназической реформѣ выработалось въ Германіи спеціальное названіе: *первенство французскаго языка*, Priorität der französischen Sprache; нельзя сказать, чтобы названіе это было вполнѣ удачно, такъ какъ нѣкоторые первенство хотятъ отдать французскому, другіе, напротивъ, англійскому языку. Но сущность этого направленія все-же состоитъ въ томъ, что гимназическая молодежь должна сперва изучить одинъ изъ новыхъ языковъ и только послѣ того приступить къ изученію древнихъ языковъ.

Основная мысль, что изученіе иностранныхъ языковъ слѣдуетъ начинать съ одного изъ новыхъ языковъ, впрочемъ, вовсе не нова. Она высказывалась и раньше, — лицами, пользующимися большою извѣстностью и авторитетомъ въ наукѣ. Но такъ какъ она проявлялась, большею частью, случайно, то на нее не

[1]) Того же, что и Паульсенъ, мнѣнія Völcker: Die Reform des höheren Schul-Wesens, стр. 175; Schräder: Unterrichtslehre, стр. 333; Lattmann въ статьѣ: Ueber die Einfügung der induktiven Methode и др.

Digitized by Google

обратили надлежащаго вниманія, не старались ни оправдать ее теоретически, ни примѣнить къ практикѣ. Это послѣднее случилось только въ послѣднее время.

Уже *Локкъ* (Locke), въ своихъ мысляхъ о воспитаніи (Some thoughts concerning education), высказалъ мнѣніе, что какъ только мальчикъ выучится говорить по-англійски, то пора ему учиться иностранному языку; языкомъ же этимъ долженъ быть французскій [1]). Въ этомъ отношеніи Локкъ ссылался на то, что въ этомъ возрастѣ самымъ легкимъ образомъ можно выучиться иностранному языку чрезъ употребленіе и пріучить свой языкъ къ правильному произношенію чужестранныхъ звуковъ. При этомъ онъ выразилъ мнѣніе, что считаетъ латинскій языкъ необходимымъ для дворянина; обычай привелъ теперь къ тому, что даже такихъ учениковъ принуждаютъ розгами заниматься этимъ языкомъ, которымъ никогда не представится случай примѣнить его въ практической жизни. Можетъ ли быть, говоритъ онъ, что-нибудь смѣшнѣе отца, теряющаго свои деньги и время своего сына для того, чтобы выучить его языку, въ которомъ онъ никогда не будетъ нуждаться, который неминуемо забудетъ, и къ которому—можно держать пари—десять противъ одного чувствуютъ отвращеніе, по поводу дурного обращенія съ нимъ во время науки.

Франклинъ въ своей автобіографіи совѣтовалъ педагогамъ учить дѣтей сперва французскому языку, а только послѣ того латинскому, такъ какъ онъ, по собственному своему опыту, убѣдился, съ какою легкостью онъ учился этому послѣднему языку тогда, когда уже зналъ по-французски [2]).

Гердеръ въ своемъ планѣ лифляндскаго патріотическаго училища (Plan einer livländischen Vaterlandsschule) требовалъ, чтобы послѣ изученія отечественнаго языка наступило обученіе французскому, потомъ англійскому, а наконецъ латинскому. Это первенство французскаго языка вытекаетъ, по его мнѣнію, оттуда, что это языкъ самый распространенный и самый необходимый въ Европѣ; что онъ достигъ высшей степени развитія; что слогъ его самый выработанный, самый простой, вслѣдствіе чего, изучая этотъ языкъ, можно развить въ себѣ наклонность къ философской грамматикѣ. Наконецъ, онъ считалъ этотъ языкъ самымъ соотвѣтственнымъ для повѣствованія и разсужденій. Гердеръ тре-

---

[1]) I. Locke's Gedanken über Erziehung, eingeleitet, übersetzt und erläutert von v. Sallwürk, стр. 166. Völcker: Die Reform des höheren Schulwesens auf Grund der Ostendorfschen These etc., стр. 133.

[2]) Völcker: Die Reform, etc., стр. 134.

Digitized by Google

бовалъ даже, чтобы ученые знали лучше по-французски, чѣмъ по-латыни.

К. Шмидтъ въ своей гимназической педагогикѣ (Gymnasial Paedagogik. 1857) высказалъ мнѣніе, что по психологическимъ соображеніямъ онъ убѣдился въ несообразности начинать обученіе дѣтей латинскому языку на девятомъ или десятомъ году отъ роду; что этимъ обременяются чрезмѣрно и ослабляются ихъ умственныя способности. По его мнѣнію, нуженъ какой-нибудь переходъ чрезъ глубокую пропасть, раздѣляющую отечественный языкъ отъ латинскаго, и нужно помнить объ основномъ началѣ каждаго воспитанія, состоящаго въ томъ, что слѣдуетъ переходить отъ вещей болѣе легкихъ къ болѣе труднымъ, отъ физическихъ къ отвлеченнымъ, отъ родственныхъ къ чуждымъ. Но такъ какъ въ образованіи начало это было забыто, такъ какъ вслѣдствіе того изученіе латинскаго языка начиналось слишкомъ рано, то слѣдствіемъ этого было уничтоженіе въ дѣтяхъ лингвистическихъ способностей, заучиваніе ими словъ вмѣсто мыслей, формъ вмѣсто вещей, убіеніе въ нихъ чувственнаго міра, наполненіе ума механическими формулами. Результатомъ этого была разительная несоразмѣрность между временемъ, употребленнымъ на изученіе латинскаго языка, и полученными отъ этого плодами, отвращеніе къ изученію этого языка и вообще притупленіе интереса къ наукѣ. Изъ этого можно вывести заключеніе, что, по мнѣнію Шмидта, только тогда можно бы заполнить глубокую пропасть, раздѣляющую отечественный языкъ отъ латинскаго, когда бы обученіе этому послѣднему наступало послѣ изученія одного изъ новыхъ языковъ.

Подобныя мнѣнія высказывались Жанъ-Полемъ Рихтеромъ, Нагелемъ, Соденомъ и другими. По ихъ мнѣнію, латинскій языкъ есть основной, а французскій—производный. Все основное дальше отъ настоящихъ міровоззрѣній и поэтому менѣе доступно для пониманія молодежи, живущей въ настоящемъ мірѣ. Языкъ—это форма, развивающаяся параллельно съ понятіями и воззрѣніями, въ которой эти послѣднія отражаются. Нельзя, однакожъ, отдѣлять этой формы отъ вещи, для которой языкъ служитъ выраженіемъ, то-есть отъ понятій извѣстнаго народа. Между тѣмъ, такъ какъ понятія нынѣшняго нѣмца несравненно ближе къ понятіямъ француза или англичанина, чѣмъ римлянина, то очевидно и языкъ ихъ тоже для него ближе. Въ этомъ можно убѣдиться, отказавшись отъ чисто формальнаго воззрѣнія, по которому слѣдуетъ учиться языку для его правилъ и формулъ, и придерживаясь мнѣнія, все болѣе и болѣе распространяющагося

Digitized by Google

въ обществѣ, что такое изученіе должно имѣть въ виду ознакомленіе съ тѣмъ, что̀ этимъ языкомъ выражается. Изъ этого вытекаетъ, что нельзя слишкомъ рано обучать дѣтей классическимъ языкамъ, если они вообще необходимы для лучшаго уразумѣнія нашей современной культуры, пока умъ ихъ не достигъ извѣстной зрѣлости. Соденъ считаетъ безсмысленнымъ общимъ мѣстомъ говорить объ образовательной силѣ изученія языковъ, если изученіе это имѣетъ въ виду только выучиваніе наизусть грамматическихъ формъ и правилъ. Между тѣмъ ученики видятъ въ этой наукѣ именно такое накопленіе правилъ и поэтому не находятъ въ ней никакого удовольствія. Вотъ почему изученіе классическихъ языковъ слѣдуетъ начинать позже, когда умъ учениковъ настолько созрѣлъ, что они въ состояніи дѣйствительно заинтересоваться ими. Возраженіе, что вслѣдствіе того ученики не будутъ въ состояніи усвоить себѣ основательнаго знанія этихъ языковъ, онъ признаетъ незаслуживающимъ уваженія, потому что болѣе интенсивный трудъ въ болѣе зрѣломъ возрастѣ можетъ принести такіе же, если не лучшіе, результаты. На этомъ основаніи и Соденъ пришелъ къ такому же заключенію, какъ и вышеприведенные педагоги.

Все это, однакожъ, были мнѣнія только, такъ сказать, случайно высказанныя, изъ которыхъ тѣ даже, кто ихъ выражалъ, не пробовали вывести дальнѣйшихъ заключеній; это были мнѣнія, хотя правильныя съ педагогической точки зрѣнія, но не доведенныя до дальнѣйшихъ своихъ послѣдствій. Лица, высказывавшія ихъ, не требовали вовсе перемѣнъ въ устройствѣ учебныхъ заведеній, которыя должны бы были произойти въ случаѣ примѣненія этихъ мнѣній на практикѣ. Поэтому эти мнѣнія не могли составить основанія для дальнѣйшаго развитія, не могли создать новаго направленія въ стремленіяхъ къ реформѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ только *Остендорфу*, директору реальной гимназіи въ Дюссельдорфѣ, который въ двухъ сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ 1873 г., подробно развилъ свои мысли относительно этого вопроса [1]).

Въ первомъ трудѣ своемъ Остендорфъ старается доказать, что нынѣшняя училищная система страдаетъ многими недостатками, такъ какъ каждая гимназія переполнена учениками, которые въ другой школѣ могли бы получить болѣе соотвѣтственное

[1]) Первое изъ нихъ носитъ заглавіе: Mit welcher Sprache beginnt zweckmässiger Weise der fremdsprachliche Unterricht, 1873; второе: Das höhere Schulwesen unseres Staates. Ein Bericht den städtischen Behörden zu Düsseldorf erstattet, 1873.

Digitized by Google

образованіе. Хорошо, если четвертая часть учениковъ оканчиваетъ классическую гимназію, а шестнадцатая—реальную гимназію. Но и изъ этого количества только болѣе способные выносятъ лучшее приготовленіе къ практической жизни. Изъ этого оказывается, что самый важный классъ народа, среднее сословіе, лишенъ почти совершенно училищъ. Всѣ прежнія попытки реформы разбились о принципъ, по которому вся школьная наука должна начинаться съ латинскаго языка. Хотя изученіе древности чрезвычайно важно, но наука древнихъ языковъ только тогда оплачивается, когда она открываетъ намъ дѣйствительно врата къ античному міру. Вопросъ, съ какого языка начинать лингвистическое образованіе, слѣдуетъ считать рѣшеннымъ со времени Людовика XIV, когда французскій языкъ сдѣлался языкомъ всѣхъ образованныхъ людей, латинскій же—мертвымъ языкомъ.

Разсматривая качества, отличающія французскій языкъ въ сравненіи съ латинскимъ, какъ основнымъ, Остендорфъ пришелъ къ слѣдующему заключенію. Изученіе французскаго языка, какъ новаго, можетъ легче возбудить въ ученикахъ желаніе его усвоенія. Методическія упражненія въ произношеніи пріучаютъ къ внимательности, развиваютъ слухъ и звуковые органы, чувство точности и красоты. Не столь точно отдѣланныя формы требуютъ меньшаго труда и усилій. Простота спряженій, или почти полное ихъ отсутствіе, и замѣна ихъ членомъ представляетъ особенную важность для нѣмецкихъ учениковъ. Громадный запасъ словъ въ новыхъ языкахъ даетъ обильный матеріалъ для упражненія памяти. Французскій слогъ имѣетъ также качества, не уступающія латинскому. Строй французскаго предложенія, приспособленный къ мысли, пріучаетъ къ точному мышленію. Употребленіе опредѣленнаго и неопредѣленнаго члена доставляетъ тоже средство для упражненія мышленія. Приготовленіе съ помощью словаря также болѣе удобно. Такъ какъ въ новыхъ языкахъ есть слова для опредѣленія всѣхъ дѣйствій или вещей, для которыхъ ученики имѣютъ соотвѣтственныя выраженія въ отечественномъ языкѣ, то несравненно легче переходить при образованіи дѣтей постепенно отъ вещей обыденнаго употребленія къ сельскому хозяйству, торговлѣ, промышленности, къ образцовымъ произведеніямъ иностранной литературы, и такимъ образомъ, обучая ихъ полезнымъ вещамъ, одновременно вводить ихъ въ нравственный и умственный міръ другого народа. Такой образъ дѣйствій невозможенъ съ латинскимъ языкомъ, въ которомъ нѣтъ и не можетъ быть элементарныхъ книгъ, отвѣчающихъ этому возрасту

Digitized by Google

учениковъ [1]). Причина этого состоитъ въ томъ, что авторы латинскихъ руководствъ или берутъ примѣры изъ обыденной жизни, и тогда доходятъ до анахронизмовъ, такъ какъ языкъ умершій нельзя приспособить къ теперешней жизни, или берутъ примѣры изъ классическихъ авторовъ, подражая ихъ слогу, и тогда обыкновенно составляютъ выраженія, недоступныя для понятія учениковъ этого возраста, или, наконецъ, усиливаются доставить имъ свѣденія изъ исторіи или географіи—и тѣмъ производятъ только путаницу. Напротивъ, изученіе латинскаго языка могло бы выиграть, еслибы оно начиналось позже, такъ какъ сами ученики были бы лучше приготовлены къ нему обученіемъ одного изъ новыхъ языковъ; они были бы болѣе зрѣлы, классы были бы очищены отъ учениковъ мало способныхъ или менѣе прилежныхъ. Такимъ образомъ, можно было бы достигнуть болѣе значительныхъ результатовъ въ менѣе продолжительное время [2]).

Мы имѣли бы, однакожъ, очень ошибочное понятіе о значеніи мыслей, высказанныхъ Остендорфомъ, еслибы думали, что реформа, предлагаемая имъ, ограничивалась только этимъ первенствомъ, отдаваемымъ французскому языку въ порядкѣ изученія языковъ вообще. Онъ имѣлъ въ виду проникнуть глубже во все устройство училищъ, положить основаніе новой ихъ организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, уже на первый взглядъ бросается въ глаза то, что еслибы завести въ нѣсколькихъ низшихъ классахъ гимназіи французскій языкъ, то вслѣдствіе того изученіе латинскаго языка необходимо должно было бы начинаться нѣсколькими годами позже. То же самое было бы и съ греческимъ языкомъ. Поэтому самъ Остендорфъ выработалъ проектъ реформы среднихъ учебныхъ заведеній. По его мысли, заведенія эти должны бы быть такъ устроены, чтобы низшіе классы по предметамъ, въ нихъ преподаваемымъ, сдѣлались доступными для учениковъ начальныхъ училищъ, кто хотѣлъ бы продолжать дальше свое образованіе. Въ пяти низшихъ классахъ всѣ ученики должны обучаться по одинаковому плану всѣмъ предметамъ. Въ этихъ классахъ слѣдуетъ обучать преимущественно оте-

---

[1]) Es giebt kein für neunjährige Sextaner und zehnjährige Quintaner lateinisches Elementarbuch, weil es keins geben kann. Ostendorf: Mit welther Sprache etc, стр. 20.—То же самое Völcker: Die Reform des höheren Schulwesens, стр.—Сравни тоже статью А. Дмитріевскаго: Древніе языки въ нашихъ гимназіяхъ передъ авторитетомъ митрополита Филарета. Журн. Мин. Нар. Просв. 1889. Январь.

[2]) Критику мыслей Остендорфа дали Perthes: Zur Reforme des lateinischen Unterrichts. 1874; Lattman: Paedagogisches Archiv. 1874, стр. 178—201; Sallwürk: Paedagogisches Archiv. 1874, стр. 388—393.

Digitized by Google

чественному и французскому языкамъ, а начиная съ III-го класса— и латинскому языку. Четыре высшіе класса должны быть раздѣлены на три отдѣленія, изъ которыхъ одно съ строго классическимъ направленіемъ, другое съ математически-естественнымъ направленіемъ, а третье преимущественно для новыхъ языковъ.

Не вдаваясь здѣсь въ болѣе подробное разсмотрѣніе и оцѣнку этого проекта, мы только замѣтимъ, что онъ разсматривался въ коммиссіи, составленной по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, Фалька, въ 1873 г., изъ знаменитѣйшихъ педагоговъ и членовъ прусскаго сейма, для обсужденія различныхъ школьныхъ реформъ. Въ засѣданіяхъ этой коммиссіи принимали тоже участіе Боницъ, управлявшій департаментомъ высшихъ учебныхъ заведеній въ министерствѣ, и Визе, бывшій управляющій тѣмъ же департаментомъ [1]). *Визе*, говоря о проектѣ Остендорфа, выразился, что планъ его такъ хорошо обдуманъ и оправданъ съ теоретической точки зрѣнія, что слѣдовало бы дозволить, по крайней мѣрѣ, его автору, примѣнить его на практикѣ. Онъ имѣлъ бы нѣкоторыя противъ него возраженія съ этической точки зрѣнія, но давнымъ-давно въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ изученіе языковъ начинается съ французскаго и не производитъ никакихъ вредныхъ этическихъ послѣдствій, а потому онъ не думаетъ, чтобы въ мужскихъ учебныхъ заведеніяхъ могли угрожать по тому же поводу какія-нибудь опасности. *Боницъ* полагалъ, что было бы желательно проектъ, основывающійся на первенствѣ французскаго языка передъ латинскимъ, испробовать на практикѣ, такъ какъ такимъ образомъ можно бы получить общую основу для гимназій классическихъ и реальныхъ. Впрочемъ, хотя онъ не считалъ возможнымъ въ настоящемъ положеніи вещей ручаться за послѣдствія, но, однакожъ, не думаетъ, чтобы послѣдовательно проведенная попытка представляла затрудненія. Мнѣнія эти тѣмъ болѣе заслуживаютъ уваженія, что были высказаны вскорѣ послѣ войны 1870 г., возвысившей, какъ извѣстно, нѣмецкій шовинизмъ и возбудившей высокомѣріе или презрѣніе ко всему французскому.

Остендорфъ, какъ мы замѣтили выше, основалъ цѣлую педагогическую школу, положилъ начало новому педагогическому направленію, по которому основнымъ языкомъ (die grundlegende Sprache), съ котораго должно начинаться лингвистическое образованіе учениковъ, долженъ быть одинъ изъ новыхъ языковъ.

---

[1]) Отчетъ изъ засѣданій этой коммиссіи помѣщенъ въ „Centralblatt für die gesammte Unterrichtsverwaltung Preussens". 1874, стр. 85.

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи безразлично то, что нѣкоторые предпочитали французскій, другіе же—англійскій языкъ. Въ Швеціи и Норвегіи такимъ языкомъ былъ признанъ нѣмецкій. Все это не измѣняетъ существа дѣла, состоящаго въ томъ, что лингвистическое образованіе учениковъ слѣдуетъ начинать съ одного изъ новыхъ языковъ, болѣе близкаго къ ихъ понятіямъ, такъ какъ древніе языки представляютъ слишкомъ много затрудненій для незрѣлаго еще ума учениковъ низшихъ классовъ.

Къ послѣдователямъ Остендорфа, который хотѣлъ сдѣлать французскій языкъ основнымъ въ школьномъ обученіи, принадлежатъ преимущественно Фольгерингъ, Кюнъ, Ноль и Фелькеръ. Къ такимъ, которые отдаютъ въ этомъ отношеніи предпочтеніе англійскому языку, принадлежитъ Фивегеръ.

Каждый изъ нихъ, кромѣ перемѣны въ порядкѣ обученія языковъ, требовалъ и соотвѣтственной реформы среднихъ учебныхъ заведеній, которая изъ этого вытекала. Такъ напр., *Фольгерингъ* въ сочиненіи о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Германіи, съ точки зрѣнія народныхъ потребностей [1]), требовалъ троякаго рода училищъ, именно: школы однородной и гимназій классическихъ и реальныхъ. Шестиклассное однородное училище должно было имѣть въ виду не только доставленіе общечеловѣческаго образованія среднимъ классамъ народонаселенія, но и приготовленіе къ обѣимъ гимназіямъ. Для того три низшихъ класса его должны были вполнѣ отвѣчать такимъ же классамъ обѣихъ гимназій. Въ этихъ классахъ французскій языкъ долженъ быть основнымъ, послѣ же него наступалъ англійскій. Въ четвертомъ классѣ классической гимназіи долженъ былъ начинаться латинскій языкъ, а въ пятомъ греческій. Въ реальной гимназіи слѣдовало преподавать съ шестого класса латинскій языкъ, въ качествѣ необязательнаго предмета, для того чтобы въ этой гимназіи могли приготовиться будущіе юристы и филологи новыхъ языковъ.

Особенно интересны въ этомъ отношеніи выводы, на коихъ основывался *Кюнъ*, требуя подобнаго рода реформы [2]). По его мнѣнію, всѣ родители, болѣе зажиточные или принадлежащіе къ высшимъ классамъ общества, для того посылаютъ своихъ сыновей предпочтительно въ гимназію, чтобы обезпечить въ ихъ пользу предоставленныя ей привилегіи и вмѣстѣ съ тѣмъ открыть имъ доступъ ко всѣмъ званіямъ въ будущности. Болѣе способные и болѣе примѣрные ученики переводятся изъ одного класса

[1]) Vollhering: Das höhere Schulwesen Deutschlands vom Gesichtspunkte der nationalen Bedürffnissen.

[2]) Kühn: Die Einheitsschule, eine Forderung des praktischen Lebens. 1885.

Digitized by Google

въ другой, но другіе переходятъ въ реальную гимназію или Bürgerschule, чтобы добыть себѣ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство на вольноопредѣляющагося. Изъ этого вытекаетъ, что въ городахъ, имѣющихъ одно только училище, болѣе зажиточные граждане и чиновники требуютъ, чтобы училище это было съ латинскимъ языкомъ. Между тѣмъ, вслѣдствіе чрезмѣрнаго прилива учениковъ въ классическія и реальныя гимназіи, только $^1/_5$ часть ихъ оканчиваетъ эти учебныя заведенія; остальныя же переходятъ или къ практическимъ занятіямъ, или къ второстепенной государственной службѣ, не вынесши изъ школы надлежащаго ни къ тому, ни къ другому, приготовленія. Отрывочное, незаконченное образованіе этихъ учениковъ, съ начатками только латинскаго и греческаго, приноситъ имъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, возбуждая въ нихъ слишкомъ высокое о себѣ мнѣніе и отвращеніе къ практическимъ занятіямъ и физическому ручному труду. Изъ этого вытекаетъ громадный ихъ приливъ къ низшимъ чиновническимъ мѣстамъ, къ канцелярскому занятію. Другіе, которые съ трудомъ пробились чрезъ высшіе классы и окончили гимназію, продолжаютъ свои научныя занятія безъ особеннаго рвенія. А это и составляетъ причину переполненія такъ-называемыхъ ученыхъ занятій и умственнаго пролетаріата. Тѣ же, которые по неспособности не могли получить свидѣтельства для военной службы, составляютъ нездоровый элементъ въ обществѣ, вслѣдствіе того, что они проникнулись горечью въ дальнѣйшей жизни, которая пошла не по ихъ желанію. Они, приготовляясь къ занятію высшаго мѣста въ обществѣ, съ отвращеніемъ смотрятъ на свои занятія, а съ другой стороны считаютъ недостойнымъ себя занятія выгоднымъ ремесломъ. Даже подчиненные чиновники не получаютъ въ этихъ начаткахъ латинскаго и греческаго языковъ нужнаго имъ приготовленія.

Всѣ эти вредныя послѣдствія можно было бы предупредить, еслибы рѣшеніе вопроса относительно будущихъ занятій можно было отсрочить, такъ чтобы обученіе не потерпѣло на этомъ ущерба. Единственное средство къ тому состоитъ въ томъ, чтобы изученіе латинскаго языка начиналось позже. По убѣжденію Кюна, не можетъ быть ничего хуже порядка, принятаго въ настоящее время при изученіи языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Германіи. Въ его оправданіе можно привести только то, что онъ выработался исторически. Но этотъ порядокъ составляетъ отрицаніе общепринятыхъ въ педагогикѣ началъ, по которымъ слѣдуетъ всегда переходить отъ близкихъ вещей къ отдаленнымъ, отъ легкихъ къ болѣе труднымъ. Древніе языки очень трудны, а потому

Digitized by Google

зрѣлый человѣкъ можетъ ихъ легче изучить, чѣмъ ребенокъ. Напротивъ, новые языки, представляющіе звуковыя затрудненія, легче можно изучить въ молодости, когда наши звуковые органы болѣе къ тому способны, чѣмъ въ позднѣйшемъ возрастѣ. Поэтому, говоритъ Кюнъ, естественный порядокъ изученія языковъ долженъ быть слѣдующій: нѣмецкій, англійскій, французскій, латинскій и греческій. Но такъ какъ не всѣ согласились бы на этотъ порядокъ, то онъ считаетъ возможнымъ отдать первенство французскому языку.

По его мнѣнію, задача среднихъ учебныхъ заведеній состоитъ въ введеніи, такъ сказать, ученика въ современность, для того, чтобы онъ могъ отдать себѣ отчетъ въ явленіяхъ современной жизни; проникнуть же въ духъ древности настолько можетъ быть полезнымъ, на сколько это содѣйствуетъ къ достиженію вышеуказанной задачи. Изъ этого вытекаетъ, что значеніе, придаваемое въ настоящее время древнимъ языкамъ въ училищахъ, должно быть въ извѣстномъ размѣрѣ ограничено. По отношенію къ методу обученія ограниченіе это отразится прежде всего на томъ, что цѣлью изученія перестанетъ быть то, чтобы писать и говорить на этихъ языкахъ, но чтобы знать древнихъ авторовъ. Вслѣдствіе этого будутъ устранены письменныя, греческія и латинскія, ученическія работы, главныя же усилія будутъ направлены на чтеніе авторовъ.

На этомъ основаніи Кюнъ требуетъ, какъ и Остендорфъ, такого устройства училищъ, чтобы къ шестиклассному однородному среднему училищу были присоединены три высшихъ класса, составляющихъ собственную гимназію, и въ которыхъ ученики могли бы приготовляться къ университету. Классы эти должны раздѣляться на три отдѣленія, изъ которыхъ одно гуманистическое, съ преобладаніемъ древнихъ языковъ, другое—лингвистически-реальное съ перевѣсомъ новыхъ языковъ, а третье—математически-естественное. Порядокъ обученія языковъ былъ бы такой: въ VI (нашемъ приготовительномъ) начинается французскій языкъ, въ IV (нашемъ второмъ)—англійскій, а въ III b (нашемъ третьемъ)—латинскій. Этотъ послѣдній языкъ былъ бы только факультативнымъ для тѣхъ учениковъ, которые намѣревались бы поступить въ гуманистическое отдѣленіе. Ученики, не желающіе учиться латинскому языку, могли бы продолжать дальше обученіе англійскому языку.

Подобнымъ образомъ *Ноль* [1]), основываясь на началахъ, вы-

---

[1]) Nohl: Paedagogik für höhere Lehranstalten. 1886.

Digitized by Google

ставленныхъ Остендорфомъ, желалъ бы лингвистическое образованіе молодого поколѣнія начинать съ французскаго языка, послѣ котораго наступалъ бы англійскій, а только послѣ него латинскій и греческій. Латинскій языкъ Ноль хотѣлъ бы удержать еще временно въ училищахъ, такъ какъ на немъ есть много книгъ, не лишенныхъ значенія и теперь для богослововъ и юристовъ. Согласно тому, и онъ выставляетъ такой же проектъ устройства среднихъ учебныхъ заведеній.

Однимъ изъ важнѣйшихъ представителей этого направленія можетъ быть признанъ *Фелькеръ*, который въ двухъ своихъ трудахъ развивалъ дальше мысли, высказанныя Остендорфомъ [1]). Раздѣляя вполнѣ эти мысли, Фелькеръ полагалъ, что небольшое уваженіе, съ какимъ до послѣднихъ почти временъ относились въ школахъ къ французскому языку, происходило, большею частью, отъ того, что о немъ имѣли ложное понятіе, будто онъ былъ только испорченнымъ латинскимъ языкомъ (ein verdorbenes Latein). Новѣйшія, однакожъ, лингвистическія изслѣдованія доказали, что этотъ языкъ, какъ и прочіе романскіе—не вырожденіе классической письменной латыни, но дальнѣйшее развитіе уже во время Цицерона господствовавшаго простонароднаго языка [2]). А потому ему обучали въ школахъ не столько по причинѣ его внутренняго совершенства (innern Vortrefflichkeit) и образовательныхъ свойствъ его устройства, сколько ради его полезности въ практической жизни. Утилитаризмъ придалъ цѣлому обученію этого языка характеръ безцвѣтной полезности въ педагогическомъ отношеніи. Воззрѣніе это отразилось даже на распоряженіяхъ 24-го октября 1837 и 6-го октября 1859 г., опредѣляющихъ значеніе этого языка въ школьномъ преподаваніи. Только *Шредеръ* [3]) первый обратилъ вниманіе на значеніе этого языка для образованія, по филологическимъ соображеніямъ, а *Сальвюркъ* [4])—

---

[1]) Die Reform des höheren Unterrichtswesens—а также: In welcher Weise würde die Priorität des französischen Unterrichts auf den deutschen Elementarunterricht einwirken. Neue Jahrbücher für Phil. und. Paed. 1888, стр. 561—592; и въ статьѣ: Werden die grammatischen Grundbegriffe besser an der lateinischen oder an der französischen Sprache erkannt. Neue Jahrbücher für Ph. und. Paed. 1889, стр. 44.—Критику Фелькера помѣстилъ Вольфграммъ въ Neue Jahrb. f. Ph. und Paed. 1888, стр. 101.—Отвѣтъ Фелькера: Zur Priorität der französischen Sprache въ Neue Jahrb. f. Ph. u. Paed. 1888, стр. 231.

[2]) Въ этомъ отношеніи Фелькеръ ссылается на Fuchs: Die romanischen Sprachen in ihrem Verhältniss zum Lateinischen,—и Schuchardt: Der Vokalismus des Vulgärlateins. Völcker: Die Reform, стр. 41.

[3]) Schräder: Erziehung und Unterrichtslehre, 1868, стр. 477.

[4]) Sallwürk: Zeitschrift für das Gymnasialwesen. 1873, стр. 717

Digitized by Google

по педагогическимъ. Сальвюркъ утверждалъ, что современное наше умственное развитіе, которое должны понять ученики, можно вывести и выяснить только посредствомъ философскихъ, историческихъ и политическихъ писателей XVIII ст., въ особенности же французскихъ. Поэтому языкъ этотъ для училищъ несравненно важнѣе, какъ то обыкновенно полагаютъ, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ произвести значительное вліяніе на учениковъ въ эстетическомъ и литературномъ отношеніяхъ. Перемѣна въ этихъ воззрѣніяхъ отразилась уже въ прусскомъ школьномъ регламентѣ 31-го марта 1882 г., въ которомъ было сказано, что училища должны доставить ученикамъ основательное знаніе французскаго языка, столь важнаго для всѣхъ научныхъ и общечеловѣческихъ отношеній.

Во всякомъ случаѣ большинство педагоговъ, въ особенности же классическихъ филологовъ, до послѣдняго времени смотрѣли свысока на французскій языкъ, во-первыхъ, по причинѣ принципа полезности, въ силу котораго его учили въ школахъ, и, во-вторыхъ, потому, что ему будто бы недоставало образовательныхъ свойствъ въ формальномъ отношеніи (formalbildende Kraft), которыя признавались исключительною привилегіею древнихъ языковъ. Въ гимназическихъ педагогическихъ сферахъ, въ особенности между учителями древнихъ языковъ, глубоко укоренилось убѣжденіе въ важности этихъ языковъ, во-первыхъ, потому, что ихъ учили не для какихъ-то пошлыхъ требованій полезности (Utilitätsrücksichten), но для идеальныхъ цѣлей, для ихъ внутренняго достоинства, а во-вторыхъ, ради способности доставить формальное образованіе. На это далъ отвѣтъ уже *Пертесъ* [1]), замѣтивъ, что во все продолженіе среднихъ вѣковъ учили латинскому языку именно ради этихъ соображеній полезности, такъ какъ каждый желающій занять мѣсто въ церкви, государствѣ, наукѣ былъ принужденъ учиться ему. Что же касается образовательныхъ его свойствъ, то они составляютъ весьма недавнее изобрѣтеніе. Въ настоящее время мѣсто латинскаго языка занялъ отечественный, а потомъ новые языки. Итакъ, нельзя этими соображеніями о полезности столь пренебрегать при изученіи французскаго языка, потому только, что они потеряли значеніе для латинскаго. Это—особенная нѣмецкая идеологія, говоритъ по этому поводу Фелькеръ [2]).

По мѣрѣ того, какъ эти соображенія полезности теряли значеніе для латинскаго языка, педагоги XVIII ст. стали все болѣе и болѣе говорить о его значеніи, и вообще древнихъ языковъ,

---

[1]) Perthes въ „Paedagogisches Archiv". 1880, стр. 494.

[2]) Völcker: Die Reform, стр. 47.

Digitized by Google

для такъ-называемаго формальнаго образованія. „Сколько нагрѣшили этимъ формальнымъ образованіемъ,—говоритъ Фелькеръ,—сколько пробовали дать ему опредѣленій, сколько было воспѣто воодушевленныхъ гимновъ въ честь формально-образовательныхъ свойствъ обоихъ древнихъ языковъ! Догматомъ сдѣлалось убѣжденіе, будто основательное знаніе грамматики, въ особенности латинской и греческой, доставляетъ человѣческому духу волшебную способность проникнуть во всѣ отрасли человѣческаго знанія, обращаться въ каждой изъ нихъ самостоятельно съ величайшею легкостью, или, выражаясь иначе, — для промышленника, купца, техника, агронома, не можетъ быть лучшаго образованія, какъ то, которое можетъ имъ доставить латинская и греческая грамматика“ [1]). Между тѣмъ уже Гербартъ высказалъ мнѣніе, что нѣтъ науки, которая могла бы образовать только формально, независимо отъ своего содержанія. То, что педагоги называютъ формальнымъ образованіемъ, совершенная безсмыслица (ein völliges Unding). Формальнаго образованія нельзя отдѣлить отъ матеріальнаго, то-есть отъ пріобрѣтенія свѣденій въ извѣстной отрасли знанія. Поэтому каждая наука, математика, грамматика и т. п., образуетъ не только матеріально, но и формально. Изъ этого можно было придти прежде всего къ заключенію, что древніе языки не имѣютъ никакого преимущества передъ новыми относительно формальнаго образованія [2]). Изъ этого можно придти къ дальнѣйшему заключенію, что, напротивъ, новые языки заслуживаютъ предпочтенія, такъ какъ древніе языки—это языки народовъ давно умершихъ, которые уже не въ состояніи обогатить сокровищъ знанія, кроющихся въ ихъ литературныхъ произведеніяхъ. Между тѣмъ новые народы живутъ, они постоянно увеличиваютъ свои умственныя богатства, которыхъ мѣры предвидѣть даже нельзя. Поэтому въ пользу этихъ языковъ говоритъ значеніе ихъ не только для формальнаго, но и для матеріальнаго знанія [3]). На этомъ основаніи Фелькеръ приходитъ къ заключенію, что первенство въ школахъ должно быть отдано французскому языку.

---

[1]) Völcker: Die Reform, стр. 49.—Wehrmann: Herbart und der fremdsprachliche Unterricht. Neue Jahrbücher für Ph. u. Paed. 1888, стр. 480.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ Гербартъ, говоря о значеніи латинскаго языка для образованія вообще, выражается такъ: „что́ бы филологи ни говорили о своей старой аксіомѣ о формальномъ образованіи посредствомъ лингвистическихъ занятій, они не въ состояніи убѣдить никого, кто только знаетъ образовательную силу, даже въ высшей степени, другихъ наукъ, и кто только смотритъ съ открытыми глазами на міръ, въ которомъ есть очень много лицъ высокаго достоинства, и не получившихъ образованія въ латинской школѣ“. Völcker: Die Reform, стр 55.

[3]) Völcker: Die Reform, стр. 58.

Digitized by Google

Не довольствуясь этимъ, Фелькеръ останавливается впослѣдствіи надъ психологическимъ процессомъ, происходящимъ въ умѣ ученика при обученіи латинскому языку. Слѣдуя въ этомъ отношеніи Лихтенгельду (Das Studium der Sprachen, insbesondere der classischen, und die intellektuelle Bildung), онъ приходитъ къ заключенію, что самая важная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая трудная часть труда встрѣчается съ начала обученія, именно тогда, когда незрѣлый умъ учениковъ не въ состояніи преодолѣть его. Затрудненія эти тѣмъ болѣе значительны, что нѣтъ и даже не можетъ быть хорошихъ элементарныхъ книгъ, по которымъ можно бы начинать обученіе латинскому языку. Напротивъ, французскій языкъ не представляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ затрудненій, богатая же его современная литература въ состояніи доставить обильный матеріалъ для обученія самыхъ младшихъ учениковъ.

Фелькеръ не принадлежитъ къ сторонникамъ однородной школы. Напротивъ, онъ, придерживаясь мысли о первенствѣ французскаго языка, приходитъ къ заключенію, что предлагаемую имъ реформу можно осуществить даже и при нынѣшнемъ устройствѣ училищъ, вводя въ нихъ только извѣстныя измѣненія или улучшенія, имѣющія въ виду облегчить переходъ ученикамъ изъ однихъ учебныхъ заведеній въ другія, а равнымъ образомъ обезпечить громадному большинству учениковъ, оставляющихъ теперь школу до окончанія ея, извѣстное законченное образованіе. Вслѣдствіе того онъ хотѣлъ бы сохранить теперешнія гимназіи и прогимназіи съ двумя древними языками, а реальныя гимназіи съ однимъ только латинскимъ языкомъ. Наблюдая фактъ, что на 150 классическихъ гимназій въ Пруссіи существуетъ только 40 такихъ же прогимназій, а на 93 реальныхъ гимназій столько же реальныхъ прогимназій, приготовляющихъ въ первыя учениковъ и содержимыхъ, большею частью, на счетъ городовъ, несмотря на то, что ученикамъ ихъ предоставлено меньше правъ, Фелькеръ приходитъ къ заключенію, что, очевидно, реальная гимназія отвѣчаетъ болѣе потребностямъ народонаселенія и той массы учениковъ, которые желали бы вынести изъ школы и общечеловѣческое образованіе, и свидѣтельство, по крайней мѣрѣ, на вольноопредѣляющагося. Поэтому онъ хотѣлъ бы сохранить и ту, и другую гимназію, какъ взаимное дополненіе, и предоставить ученикамъ, окончившимъ ихъ, совершенно одинаковыя права. Изученіе иностранныхъ языковъ должно въ трехъ низшихъ классахъ начинаться съ французскаго, послѣ котораго только наступаетъ латинскій. Сверхъ того, онъ желалъ бы, чтобы

Digitized by Google

ученики реальныхъ училищъ были, по требованію родителей, освобождаемы отъ латинскаго языка, если они считаютъ, что языкъ этотъ для будущихъ занятій дѣтей не нуженъ. Въ этомъ отношеніи Фелькеръ обращаетъ вниманіе на т.-н. диспенсаціи, часто практиковавшіяся въ школахъ прежде и въ настоящее время почти совершенно прекращенныя, на основаніи которыхъ ученики могли быть освобождаемы отъ изученія извѣстныхъ предметовъ, если они не имѣли къ нимъ наклонностей или способностей [1]). Такимъ образомъ, можно было бы лучше сообразоваться съ индивидуальными способностями учениковъ, развитію коихъ новѣйшая педагогика придаетъ столько значенія. Такія же диспенсаціи можно бы завести въ гимназіяхъ относительно греческаго языка [2]). Масса учениковъ, не могущихъ или не нуждающихся въ окончаніи полнаго, девятилѣтняго курса наукъ въ гимназіи, довольствовались бы реальною прогимназіею. Потому этихъ заведеній должно быть больше всѣхъ. Ученики же ихъ могли бы, вслѣдствіе диспенсацій, продолжать обученіе въ гимназіи реальной или даже классической, если въ прогимназіи учились латинскому языку. Вслѣдствіе этого количество гимназій въ Пруссіи можно сократить съ 250 на 67. Соразмѣрно тому увеличивалось бы постепенно количество реальныхъ гимназій и прогимназій, безъ латинскаго языка, которыя составляли бы среднія учебныя заведенія, вполнѣ отвѣчающія потребностямъ народонаселенія.

Начала, высказанныя Фелькеромъ и другими, поименованными выше, педагогами, были, впрочемъ, уже въ 1878 г. приведены въ исполненіе директоромъ Шлее въ реальной гимназіи въ Альтонѣ. Реформа эта оказалась полезною, и въ этомъ можно убѣдиться изъ того, что распоряженіемъ министра народнаго просвѣщенія

---

[1]) Въ Пруссіи распоряженіе 1856 г. опредѣляло, что ученики гимназіи въ городахъ, въ которыхъ не было реальныхъ училищъ, могутъ быть провинціальнымъ школьнымъ совѣтомъ освобождены отъ греческаго языка. Такіе ученики, по распоряженію 1865 г., должны вмѣсто того учиться новымъ языкамъ или другимъ реальнымъ предметамъ. Съ другой стороны, ученики реальныхъ училищъ тамъ, гдѣ не было классич. гимназій, могутъ добавочно обучаться латинскому и греческому языкамъ, если предполагали перейти впослѣдствіи въ классическую гимназію. Равнымъ образомъ, диспенсація можетъ быть допущена относительно закона Божія, если было удостовѣрено, что обученіе ему было другимъ способомъ обезпечено. Völcker: Die Reform, стр. 242.

[2]) Völcker: Die Reform. Ноль недостатокъ диспенсацій считаетъ прямо жестокостью. По его мнѣнію, освобожденіе слабѣйшихъ учениковъ отъ извѣстнаго предмета можетъ оказаться полезнымъ для дѣлающихъ большіе успѣхи. По мнѣнію Фелькера, изъ общаго количества учениковъ, обучающихся греческому языку, едва только 10% обучаются ему съ охотою. Völcker: Die Reform, стр. 246.

Digitized by Google

28-го апрѣля 1881 г. гимназія эта была признана казенною [1]).

На началахъ Остендорфа основывается тоже и *Фивегеръ*, съ тѣмъ только различіемъ, что онъ отдаетъ преимущество не французскому, но англійскому языку, какъ болѣе близкому къ нѣмецкому и самому легкому для обученія изъ всѣхъ языковъ [2]). Затрудненія, вытекающія изъ совершенно различнаго правописанія и произношенія, могли бы быть, по его мнѣнію, устранены посредствомъ соотвѣтственной фонетической транскрипціи. Согласно тому и онъ представляетъ планъ наукъ въ классической и реальной гимназіи, а равнымъ образомъ и въ однородномъ училищѣ. Поэтому слѣдовало бы въ трехъ низшихъ классахъ (VI—IV) преподавать англійскій языкъ, какъ основной. Не думаемъ, однако, чтобы планъ, представленный Фивегеромъ, отличался большою ясностью [3]), или чтобы рѣшалъ удовлетворительно вопросъ объ обремененіи учениковъ.

Оцѣнивая вообще это направленіе, слѣдуетъ придти къ заключенію, что оно отличается большими достоинствами въ педагогическомъ отношеніи и также большимъ удобствомъ въ практическомъ примѣненіи, въ сравненіи съ направленіемъ школы однородной. Въ подкрѣпленіе этого можно привести, что оно, несмотря на свою новизну, нашло уже примѣненіе въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Швеціи и Норвегіи, и не возбудило никакихъ жалобъ въ педагогическомъ отношеніи. Такая же реформа въ порядкѣ обученія иностраннымъ языкамъ заведена въ нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи, какъ напр. бернскомъ съ 1888 г. [4]). Не подлежитъ также сомнѣнію, что и въ самой Германіи направленіе это снискиваетъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Въ доказательство тому можно привести то, что и либеральное училищное общество прирейнской провинціи и Вестфаліи въ 1885 г., а также общество нѣмецкихъ инженеровъ въ 1886 г., кромѣ школьной реформы, основанной на началѣ шестиклассной однородной школы, домогались также обученія не

[1]) Völcker: Die Reform, стр. 169.

[2]) Vieweger: Das Einheitsgymnasium als psychologisches Problem behandelt zugleich eine Lösung des Ueberbürdungsfrage. 1887, стр. 78.

[3]) Это возраженіе можно бы сдѣлать даже по поводу распредѣленія часовъ, предназначенныхъ на англійскій языкъ. Такъ напр., въ VI классѣ должно быть 12 часовъ въ недѣлю, въ V только 3, а въ IV—2 часа. Потомъ, въ классической гимназіи не было англійскаго вовсе въ III кл., а въ класс. II и I по 2 часа, но не обязательно. Въ реальной гимназіи должно быть въ III по 4 часа, а во II и I по 3 часа въ недѣлю. Vieweger: Das Einheitsgymnasium, стр. 74.

[4]) Völcker: Die Reform, стр. 167.

Digitized by Google

болѣе какъ двумъ иностраннымъ языкамъ, изъ которыхъ одинъ, новый, долженъ быть основнымъ.

Реформа эта можетъ быть прежде всего полезною въ педагогическомъ отношеніи, такъ какъ она основывается на примѣненіи въ практикѣ начала, столь важнаго въ педагогикѣ, по которому слѣдуетъ въ обученіи начинать всегда съ болѣе легкихъ предметовъ и переходить постоянно къ болѣе труднымъ. Но такая реформа была бы весьма важною и въ томъ отношеніи, что она произвела бы вліяніе на все устройство училищъ, хотя относительно того нѣтъ согласія между приверженцами этого направленія. Нѣкоторые, какъ Остендорфъ, Ноль и другіе, хотѣли бы имѣть одну общую основу въ шестиклассномъ училищѣ, которое только въ высшихъ классахъ раздѣлялось бы на нѣсколько отдѣленій. Поэтому ихъ можно считать сторонниками однородной школы, о которой было говорено выше. Другіе, какъ Фелькеръ, желали бы, сохраняя настоящее устройство училищъ съ его дѣленіемъ на два направленія, классическое и реальное, удовлетворить потребностямъ молодежи и общества, главнымъ образомъ посредствомъ диспенсацій.

Противъ перваго проекта нѣкоторые возражали, ссылаясь на то, что устройство такихъ училищъ стоило бы слишкомъ дорого государству и обществу. Они указывали, что количество учениковъ въ каждомъ изъ отдѣленій высшихъ классовъ не могло бы быть слишкомъ значительно—между тѣмъ для нихъ слѣдовало бы содержать необходимое количество учителей. Противъ того, однако, можно привести то, что не вездѣ нужно было бы содержать такія училища съ полнымъ составомъ классовъ. Довольно было бы, еслибъ полноклассныя училища существовали только въ большихъ городахъ. Въ другихъ, менѣе значительныхъ, могли бы быть только шестиклассныя училища, изъ которыхъ ученики могли бы переходить въ первыя, въ случаѣ нужды, безъ всякаго затрудненія, такъ какъ не встрѣтили бы въ этомъ отношеніи никакихъ препятствій, по причинѣ одинаковаго курса наукъ, обязательнаго въ тѣхъ и въ другихъ. Болѣе важное, повидимому, возраженіе можно было бы сдѣлать этому проекту по поводу несоотвѣтственнаго, по нашему мнѣнію, раздѣленія высшихъ классовъ на отдѣленія. Сомнѣваемся именно въ томъ, нужно ли въ нихъ особое отдѣленіе новыхъ языковъ. По нашему мнѣнію, такое отдѣленіе только тогда могло бы быть необходимымъ, когда гимназіи имѣли бы въ виду доставить спеціально лингвистическое образованіе по новымъ языкамъ. Но съ этимъ нельзя согласиться, такъ какъ въ гимназіи наука языковъ составляетъ

Digitized by Google

только *средство* для пріобрѣтенія образованія, а не можетъ быть самостоятельною *цѣлью*.

Не останавливаясь, впрочемъ, болѣе подробно на этомъ предметѣ, перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію третьяго направленія въ стремленіяхъ къ преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній въ Германіи.

IV.

Представителемъ третьяго направленія въ преобразовательныхъ стремленіяхъ въ Германіи можно считать *Паульсена*, автора извѣстной исторіи научнаго образованія въ Германіи, а равнымъ образомъ и все общество учителей реальныхъ училищъ (Realschulmännerverein), котораго убѣжденія онъ высказываетъ.

Мнѣнія свои въ этомъ отношеніи Паульсенъ изложилъ главнымъ образомъ въ сочиненіи: „Реальныя гимназіи и гуманистическое образованіе“ [1]). За основную его мысль можно считать то, что потребностямъ современнаго общества вполнѣ удовлетворяетъ реальная гимназія, вслѣдствіе чего классическая гимназія съ двумя древними языками не имѣетъ никакой причины существованія. И вотъ на основаніи чего Паульсенъ пришелъ къ такому заключенію.

По его мнѣнію, главнымъ препятствіемъ къ признанію реальной гимназіи „общимъ училищемъ“ есть распространившееся убѣжденіе, что она не въ состояніи доставить общечеловѣческаго образованія, ибо она основывается на такъ-называемыхъ реальныхъ наукахъ. Изъ этого возникъ предразсудокъ, что реальная гимназія недоступна для идеальныхъ стремленій, что она относится къ нимъ даже враждебно, что цѣль ея состоитъ въ достиженіи того, что̀ полезно, въ самомъ обыкновенномъ понятіи этого слова. По мнѣнію Паульсена, убѣжденіе это совершенно неправильно. Цѣлью школьнаго обученія должно всегда оставаться гуманистическое образованіе, но образованіе это можетъ быть вполнѣ достигнуто и въ реальной гимназіи.

По общепринятому понятію, подъ реальнымъ образованіемъ понимается образованіе, основывающееся, главнымъ образомъ, на математикѣ и естественныхъ наукахъ. А подъ гуманистическимъ образованіемъ разумѣютъ образованіе, основывающееся на знаніи языковъ, литературы и исторіи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ своемъ историческомъ развитіи училищъ реальныя науки добились

---

[1]) Paulsen: Das Realgymnasium und die humanistische Bildung. 1889.

Digitized by Google

большаго признанія, и что вслѣдствіе того гуманистическія науки уронили часть своего значенія и, вѣроятно, потеряютъ его еще больше [1]).

Въ средніе вѣка, существовавшія тогда латинскія школы, позднѣйшія гимназіи, имѣли въ виду доставленіе только лингвистически-литературнаго образованія. Въ продолженіе, однакожъ, XVIII ст. онѣ должны были сдѣлать извѣстныя уступки въ пользу положительныхъ наукъ, подъ вліяніемъ новыхъ потребностей. Въ XIX столѣтіи уступки эти пошли еще дальше. Такъ напр., уже прусскій школьный регламентъ 1816 г. назвалъ математически-естественныя науки „третьимъ" главнымъ предметомъ гимназическаго обученія, рядомъ съ древними языками и нѣмецкимъ. Правда, что впослѣдствіи естественныя науки, подъ вліяніемъ стремленія къ такъ-называемой концентраціи преподаванія, подверглись ограниченію, и если математика не подверглась такой же участи, то она одолжена этимъ только тому, что за ней признавали способность доставлять формальное образованіе. Въ концѣ концовъ, по программамъ 1882 г., математически-естественныя науки опять добились прежняго значенія. Паульсенъ не думаетъ однако, чтобы математически-естественныя науки могли получить полный перевѣсъ въ школѣ, или чтобы онѣ устранили гуманистическія науки, или оставили имъ только второстепенное значеніе,—и такого мнѣнія онъ придерживается, несмотря на то, что вполнѣ признаетъ громадное значеніе математически-естественныхъ наукъ, которымъ современное общество одолжено своимъ освобожденіемъ отъ средневѣковыхъ предразсудковъ и невѣжества, постоянствомъ и вѣрностью своего развитія. Будущій историкъ XIX-го столѣтія, описывая развитіе культуры настоящаго столѣтія, будетъ принужденъ начать съ описанія великихъ техническихъ изобрѣтеній и открытій и выяснить вліяніе, произведенное ими на всѣ экономическія, общественныя и государственныя отношенія. Поэтому и молодое поколѣніе должно вынести уже изъ школы основательное знаніе этихъ наукъ. И несмотря на то, гуманистическія науки останутся въ школѣ краеугольнымъ камнемъ всего образованія.

Это преимущество гуманистическихъ наукъ основывается, по мнѣнію Паульсена, на трехъ соображеніяхъ.

Во-первыхъ, онъ думаетъ, что понятія и способности, развиваемыя гуманистическими науками, важнѣе тѣхъ, на развитіе которыхъ предпочтительно вліяютъ реальныя науки, а задачи и цѣли чело-

---

[1]) Paulsen: Das Realgymnasium, стр. 13.

Digitized by Google

вѣка состоятъ преимущественно въ пониманіи отношеній къ другимъ людямъ. Каждый есть членъ семьи, извѣстнаго общественнаго класса, экономическаго союза, народа и государства, вслѣдствіе чего онъ живетъ только историческою жизнью того общества, къ которому принадлежитъ. Отношеніе къ этимъ общественнымъ формамъ для отдѣльнаго лица имѣетъ рѣшительное значеніе, такъ какъ именно окружающая его среда, выработанная исторически, составляетъ естественную сферу, въ которой онъ живетъ и развивается. О достоинствѣ каждаго отдѣльнаго человѣка можно судить, смотря по отношенію его къ той средѣ, въ которой онъ жилъ: былъ ли онъ хорошимъ сыномъ или братомъ, господиномъ или слугою, гражданиномъ общества или государства, насколько онъ принималъ участіе въ религіозной, научной, эстетической, поэтической жизни народа, насколько онъ произвелъ вліяніе на развитіе ея? Изъ этого вытекаетъ, что задачею каждаго человѣка должно быть пониманіе вообще человѣческой жизни и стараніе о томъ, чтобы произвести благотворное вліяніе на развитіе человѣческихъ отношеній. Безъ сомнѣнія, такое пониманіе человѣческой жизни можетъ быть несравненно легче достигнуто посредствомъ гуманистическихъ, чѣмъ реальныхъ наукъ, хотя и послѣднія необходимы для образованія [1]).

Другое основаніе, по которому слѣдуетъ отдать преимущество въ образованіи гуманистическимъ наукамъ, состоитъ въ томъ, что онѣ обладаютъ въ болѣе высокой степени, чѣмъ реальныя науки, способностью формально образовывать, о которой столь много говорилось въ педагогикѣ. Подъ этимъ формальнымъ образованіемъ Паульсенъ понимаетъ способность строгаго пониманія усложненныхъ фактовъ, вѣрнаго анилизированія ихъ и извлеченія изъ нихъ общаго правила. Условіями всего этого служатъ напряженное, постоянное и всестороннее вниманіе при наблюденіи, вѣрность въ отдѣленіи обстоятельствъ существенныхъ отъ несущественныхъ, точность въ пріисканіи основныхъ пунктовъ и, наконецъ, методическая строгость и несомнѣнность въ представленіи доказательствъ и изложеніи. Единственнымъ средствомъ для пріобрѣтенія этихъ условій есть *упражненіе* (Uebung). Паульсенъ при этомъ полагаетъ, что упражненіе, которое ученики пріобрѣтаютъ при изученіи жизни умственно-исторической, лингвистически-литературной,—если не выше, то, по крайней мѣрѣ, равно, по своему достоинству, съ упражненіемъ, пріобрѣтаемымъ посредствомъ математически-естественныхъ наукъ. И съ мнѣніемъ этимъ слѣдуетъ,

---

[1]) Paulsen, тамъ же, стр. 18.

Digitized by Google

отчасти, согласиться, такъ какъ постоянное занятіе математическими формулами приводитъ къ извѣстной сухости и безотносительности въ мышленіи, вслѣдствіе чего мы не въ состояніи иногда правильно оцѣнить различныя явленія жизни, которыя не могутъ быть подведены подъ эти формулы.

Наконецъ, третье основаніе, говорящее противъ математически-естественныхъ наукъ, состоитъ въ томъ, что результаты изслѣдованій этихъ наукъ могутъ быть представлены въ извѣстныхъ готовыхъ формулахъ, чего не даютъ гуманистическія науки. Такъ напр., результаты изслѣдованій Галилея, Коперника, Ньютона, можно выразить въ извѣстныхъ положительныхъ заключеніяхъ, доступныхъ каждому образованному человѣку, который, однакоже, для пониманія ихъ не обязанъ дѣлать такихъ же, какъ и они, изслѣдованій. Напротивъ, для того, чтобы имѣть правильное понятіе о картинѣ Рафаэля, произведеніяхъ Шекспира, сочиненіяхъ Канта и т. п., мы не можемъ ограничиться тѣмъ, что̀ мы о нихъ слышали. Мы должны ихъ видѣть, слышать, читать; мы должны сами воспроизвести ихъ отчасти въ нашемъ умѣ. Все это въ гуманистическихъ наукахъ побуждаетъ къ самостоятельному мышленію.

Доказавъ такимъ образомъ преимущество гуманистическаго образованія, которое должно вслѣдствіе того остаться основаніемъ всего школьнаго обученія, Паульсенъ доказываетъ еще, что и реальная гимназія вполнѣ способна доставить это образованіе, посредствомъ преподаваемыхъ въ ней наукъ.

Такъ напр., относительно обученія языкамъ Паульсенъ требуетъ, чтобы главное вниманіе было обращено на изученіе отечественнаго языка, какъ основанія всякаго стилистически-литературнаго и историко-философскаго образованія. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы на обученіе этому языку назначалось самое большое количество уроковъ. Вѣдь сердце въ человѣческомъ тѣлѣ не самый большой его органъ, а между тѣмъ оно оживляетъ весь нашъ организмъ [1]). Дѣло въ томъ только, чтобы преподаваніе этого языка вести такъ, чтобы оно приносило пользу, требуемую прежде отъ изученія одного латинскаго языка. Паульсенъ предвидитъ, что учителя древнихъ языковъ будутъ смотрѣть враждебно на то, что отечественный языкъ сдѣлается краеугольнымъ камнемъ всего лингвистическаго образованія, но на ихъ упреки отвѣчаетъ тѣмъ, что латинскій языкъ давно утратилъ то значеніе, которымъ пользовался въ средніе вѣка. Пристрастіе къ латинскому языку онъ считаетъ воспоминаніемъ прежнихъ временъ, когда этотъ языкъ

---

[1]) Паульсенъ, тамъ же, стр 32.

Digitized by Google

былъ языкомъ науки, литературы. Но съ того времени прошло уже два столѣтія. Въ концѣ XVII ст. Германія, относительно своей культуры, была, въ сущности, латинскою страною, такъ что начатіе Томазіемъ чтенія лекцій въ лейпцигскомъ университетѣ по-нѣмецки произвело самое дурное впечатлѣніе. Впослѣдствіи, въ высшемъ образованіи въ Германіи пользовались равными правами три языка, именно: латинскій, французскій и нѣмецкій. Но уже сто лѣтъ прошло съ того времени, когда Германія сдѣлалась страною, имѣющею только одинъ литературный языкъ, научный, философскій языкъ, именно—нѣмецкій. Въ университетахъ и академіяхъ языкъ этотъ сдѣлался господствующимъ. Вся латинская атмосфера, которая существовала еще 50—60 лѣтъ тому назадъ въ училищахъ и въ университетахъ, подъ вліяніемъ нео-гуманизма, исчезла безвозвратно подъ вліяніемъ послѣднихъ событій, отдалившихъ Германію, по крайней мѣрѣ, на сто лѣтъ отъ древняго міра. Несмотря на то, нѣмецкая гимназія не хочетъ признать этой глубокой перемѣны и усиливается удержать перевѣсъ за латинскимъ языкомъ. Въ результатѣ является то, что ученики не знаютъ хорошо ни по латыни, ни по-нѣмецки [1]).

Важное мѣсто въ гуманистическомъ образованіи въ реальной гимназіи принадлежитъ, по мнѣнію Паульсона, новымъ языкамъ, именно французскому и англійскому. Относительно того онъ полагаетъ, что еслибы реальная гимназія осталась вполнѣ вѣрною тому началу, изъ котораго она возникла, тогда изученіе иностранныхъ языковъ начиналось бы въ ней новыми языками. Но это начало было извращено вслѣдствіе того, что съ цѣлью приблизить это учрежденіе къ классической гимназіи низшіе его классы были устроены одинаковымъ образомъ. Вслѣдствіе того первымъ, преподаваемымъ въ реальной гимназіи „иностраннымъ“ языкомъ сдѣлался латинскій. Но, по его мнѣнію, скоро придетъ время, когда этотъ языкъ уступитъ свое первенство одному изъ новыхъ языковъ. Начинаніе школьнаго обученія съ латинскаго языка Паульсенъ считаетъ отголоскомъ давно минувшаго времени, когда въ школѣ ничему болѣе не учили, по той простой причинѣ, что и не было ничего, чему могли бы учить. Тогда и учитель не зналъ ничего, кромѣ латинскаго языка, бывшаго языкомъ не только науки, но и школы. Въ настоящее

[1]) Paulsen, тамъ же, стр. 36. По этому поводу онъ выступаетъ противъ латинскихъ упражненій (lateinischer Aufsatz) и считаетъ заслугою общества однородной школы, что оно высказалось смѣло противъ нихъ. „Пусть прусское министерство народнаго просвѣщенія,—говоритъ онъ,—имѣетъ такую же смѣлость и, наконецъ, признаетъ, что то́, что́ давно умерло, не можетъ воскреснуть“.

Digitized by Google

время мы вовсе не находимся въ столь затруднительномъ положеніи, мы не чувствуемъ недостатка въ предметахъ обученія, которымъ могли бы учить дѣтей, начиная съ самаго ранняго возраста. Что латинскій языкъ выставляетъ требованія, превышающія умственныя способности учениковъ, о томъ знали педагоги даже XVI-го ст., но не были въ состояніи найти противъ того средствъ. Наше же средство состоитъ въ томъ, чтобы изученіе иностранныхъ языковъ начинать именно съ одного изъ новыхъ языковъ, болѣе легкаго для изученія. Тѣмъ болѣе такая реформа заслуживаетъ вниманія, что она обѣщаетъ несравненно лучшіе результаты въ обученіи, такъ какъ новые языки, находящіеся въ ежедневномъ употребленіи, легче могутъ заинтересовать дѣтей, чѣмъ древніе [1]). Такое почетное мѣсто въ гимназическомъ обученіи слѣдуетъ предоставить новымъ языкамъ не только потому, что они болѣе легки, но и по другимъ, не менѣе важнымъ, соображеніямъ.

Паульсонъ обращаетъ прежде всего вниманіе на громадное значеніе новыхъ языковъ для литературно-историческаго образованія. Обыкновенно утверждаютъ, говоритъ онъ, что безъ знанія древнихъ языковъ нельзя вникнуть глубже въ пониманіе своей собственной литературы. Но это еще вопросъ, какая литература произвела на развитіе нѣмецкой болѣе вліянія—французская, англійская, или классическая? Вліяніе Шекспира на великихъ нѣмецкихъ поэтовъ, безъ сомнѣнія, глубже и шире, чѣмъ вліяніе Гомера или Софокла. Ни одинъ изъ древнихъ философовъ не произвелъ столь громаднаго вліянія на развитіе Германіи въ концѣ XVIII-го ст., какъ Вольтеръ и Руссо. Кантъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, Песталоцци, Базедовъ — представляютъ несомнѣнные слѣды того направленія, которому далъ первоначальный толчокъ этотъ послѣдній философъ—Руссо.

Если новѣйшая литература не менѣе важна, чѣмъ древняя, въ историческомъ отношеніи, то то же самое можно сказать о значеніи ея для современныхъ поколѣній. Что бы мы ни говорили о томъ, что всегда съ удовольствіемъ возвращаемся къ классической литературѣ—всякій, однакожъ, во время досуга берется не за Гомера или Ѳукидида, Горація или Тацита, а за Шекспира или Мольера, Дикенса или Додэ, Карлейля или Тэна, смотря по наклонности. Причину того легко понять, такъ какъ авторы эти ближе къ нашимъ чувствамъ, понятіямъ, воззрѣніямъ, чѣмъ древніе, такъ какъ они занимаются вопросами и за-

[1]) Paulsen, тамъ же, стр. 52.

Digitized by Google

дачами, насъ интересующими, живутъ нашею жизнью, раздѣляютъ наши мысли, а можетъ быть и ошибки [1]).

Не подлежитъ также сомнѣнію, что вся жизнь европейскихъ народовъ въ средніе вѣка и теперь составляетъ одинъ умственно-историческій міръ. Несмотря на все различіе въ происхожденіи, языкѣ, вѣроисповѣданіи, народы эти состоятъ въ самой тѣсной между собою связи, взаимно воздѣйствуя другъ на друга въ политическомъ, экономическомъ, общественномъ, литературномъ, философскомъ и религіозномъ отношеніи. На этомъ именно различіи и взаимномъ воздѣйствіи основываются богатство и живучесть ихъ культуры. Изъ Италіи вышло возрожденіе наукъ, изъ Германіи—церковная реформа. Англія, Голландія, Франція имѣли громадное вліяніе на новыя литературы и политическіе идеалы. Вслѣдствіе того можно сказать, что всѣ европейскіе народы — члены одной семьи, живущіе одной общей историческою жизнью. Для пониманія этой жизни, этой общности европейскихъ народовъ, необходимо, конечно, знаніе новыхъ языковъ. Необходимо также, чтобы молодежь уже въ школѣ достигла пониманія этой общности, такъ какъ это можетъ принести самые прекрасные плоды. Извѣстно, что народы ненавидятъ себя взаимно и презираютъ одни другихъ, пока не знаютъ себя взаимно. По мѣрѣ того, какъ они узнаютъ себя больше, возникаетъ въ нихъ взаимное уваженіе, а уваженіе — это основа справедливости и доброжелательства (des Wohlwollens). Потому, когда политическія и экономическія отношенія приводятъ къ столкновеніямъ, когда политическая печать нерѣдко возбуждаетъ взаимныя страсти, —школа должна имѣть другую, болѣе благородную задачу,—возбуждать это уваженіе, успокоивать страсти, уменьшать преувеличенное народное самолюбіе и отрезвлять пылкіе порывы національнаго шовинизма [2]). Задачи этой школа не въ состояніи выполнить безъ новыхъ языковъ.

Только третье мѣсто въ гимназическомъ обученіи занимаютъ, по плану Паульсена, древніе языки. Въ этомъ отношеніи онъ является защитникомъ латинскаго языка, противъ тѣхъ, которые желали бы ограничить его въ пользу греческаго; хотя, съ другой стороны, онъ признаетъ, что этотъ языкъ былъ только навязанъ реальному училищу [3]). Знаніе греческаго языка можетъ быть, по его мнѣ-

[1]) Paulsen, тамъ же, стр. 56.

[2]) Paulsen, тамъ же, стр. 57.

[3]) Paulsen: Das Realgymnasium, стр. 89. И теперь еще въ прусской реальной гимназіи на латинскій языкъ назначено самое большое количество уроковъ, именно 54. Между тѣмъ въ другихъ странахъ количество это менѣе значительно, именно:

Digitized by Google

нію, пріятнымъ, но никакъ нельзя признать его необходимымъ. Если сто лѣтъ тому назадъ никому не приходило и въ голову, чтобы будущихъ юристовъ или врачей обучать обязательно греческому языку, то тѣмъ болѣе въ настоящее время нѣтъ причины, по которой можно бы требовать отъ нихъ знанія его [1]). Напротивъ, и теперь еще латинскій языкъ не потерялъ всего прежняго своего значенія, по соображеніямъ, на которыя мы уже прежде имѣли случай указать. Во всякомъ случаѣ, Паульсенъ полагаетъ, что современное общество плыветъ теперь по теченію, удаляющему его быстро отъ древнихъ временъ. Въ доказательство тому онъ приводитъ, что 100, даже 50 лѣтъ тому назадъ, во времена Фосса, Вольфа, Бёка, всѣ знали о знаменитыхъ филологахъ, всѣ интересовались ихъ трудами,—теперь же никто, за исключеніемъ самихъ филологовъ, ими не занимается [2]).

Такимъ образомъ, Паульсенъ пришелъ къ заключенію, что реальная гимназія можетъ обезпечить гуманистическое, общечеловѣческое образованіе, котораго именно требуетъ такого рода школа. Эта гимназія сдѣлалась, по его мнѣнію, фактически новою формою гимназіи; преобразованіемъ же этимъ она обязана тому, что чрезъ отреченіе отъ греческаго языка пріобрѣла возможность обучать другимъ новымъ наукамъ и языкамъ, составляющимъ основаніе новаго образованія. На этомъ основаніи онъ полагаетъ, что настоящая монополія классическихъ гимназій приготовлять въ университетъ—несправедлива; что она не что иное, какъ только воспоминаніе давно минувшаго времени, когда кромѣ латинскихъ училищъ не было другихъ учебныхъ заведеній, могущихъ удовлетворить этой задачѣ. По его мнѣнію, реальная гимназія должна въ этомъ отношеніи пользоваться одинаковыми правами съ классическою гимназіею.

Изъ этого можно бы придти къ заключенію, что, по мысли Паульсена, и дальше будутъ существовать два рода гимназій, одна—съ чисто-классическимъ, другая же—съ нѣмецки-гуманистическимъ образованіемъ, и что въ этой послѣдней латинскій языкъ останется навсегда. Но заключеніе такое было бы неправильно, такъ какъ въ концѣ своей исторіи научнаго образованія въ Германіи, говоря о будущемъ развитіи реальнаго училища, онъ высказываетъ убѣжденіе, что стремленіе настоящаго времени и состоитъ именно въ постепенномъ ограниченіи древнихъ языковъ въ школѣ.

въ австрійскихъ даже класс. гимназіяхъ только 50, въ шведскихъ—48, а во французскихъ—39 въ недѣлю.

[1]) Paulsen, тамъ же, стр. 64.

[2]) Paulsen, тамъ же, стр. 70.

Digitized by Google

Признаніе этого факта, говоритъ онъ, можетъ быть, непріятно тѣмъ, которые привыкли видѣть въ классическомъ образованіи основу вообще образованія, но нерасположеніе ихъ къ этому факту не въ состояніи измѣнить историческаго развитія. Нельзя сохранить навсегда гимназіи, которыя съ изученіемъ древнихъ языковъ соединяли бы изученіе еще новыхъ. Придетъ время, можетъ быть не столь отдаленное, когда будетъ признано, что извѣстное знакомство съ латинскимъ и греческимъ языками недостаточно для приготовленія къ университетскимъ занятіямъ, и когда то, что̀ обыкновенно называютъ классическимъ образованіемъ, перестанетъ считаться основою вообще образованія, тогда классическая гимназія сдѣлается просто лишнею и уступитъ мѣсто реальной [1]).

Предсказывая такую будущность классической гимназіи, Паульсенъ обсуждаетъ далѣе способъ осуществленія этой перемѣны въ практикѣ, переходъ отъ классически-гуманистическаго къ нѣмецко-гуманистическому образованію. Въ этомъ отношеніи онъ полагаетъ, что реформа эта совершится допущеніемъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ учениковъ реальныхъ гимназій въ университеты и внутреннимъ преобразованіемъ самихъ этихъ гимназій согласно потребностямъ новаго гуманизма. Принципъ, что только классическія гимназіи могутъ открыть доступъ къ университету, былъ уже потрясенъ распоряженіемъ 1870 г., по которому ученики реальныхъ гимназій были допущены къ университетскимъ занятіямъ, если они приготовлялись на званіе будущихъ учителей математически-естественныхъ наукъ или новыхъ языковъ. Придетъ время, когда будетъ признано, что эта гимназія доставитъ вполнѣ достаточную подготовку врачамъ, а потомъ и юристамъ. Тогда классическая гимназія останется средствомъ поступленія въ университетъ только для филологовъ и богослововъ, составляющихъ теперь $^1/_5$ часть всѣхъ абитуріентовъ. Количество это впослѣдствіи еще болѣе уменьшится, вслѣдствіе того, что одновременно съ этимъ уменьшится тоже спросъ на учителей древнихъ языковъ; значительная же часть учениковъ нерѣшительныхъ, которые въ настоящее время поступаютъ въ классическія гимназіи безъ точно опредѣленныхъ намѣреній, предпочтетъ поступить въ реальныя. Если въ то же время реальная гимназія проникнется еще болѣе своею задачею доставлять гуманистическое образованіе, *но безъ древнихъ языковъ*, и согласно тому преобразуется внутренно, тогда не будетъ препятствій, чтобы и филологи, и богословы въ ней приготовлялись для поступленія въ университетъ. Потребно-

---

[1]) Paulsen: Geschichte des gelehrten Unterrichts, стр. 762.

Digitized by Google

стмъ ихъ въ классическомъ образованіи можно будетъ удовлетворить посредствомъ устройства особыхъ курсовъ греческаго языка; мѣсто же латинскаго будетъ занято нѣмецкимъ. Это будетъ окончательный, такъ сказать, результатъ того долгаго культурнаго движенія, продолжающагося въ послѣдніе четыре вѣка и имѣющаго въ виду медленное возникновеніе новой культуры и освобожденіе отъ непосредственной связи съ культурою античнаго міра [1]).

Такимъ образомъ, Паульсенъ является самымъ радикальнымъ реформаторомъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ заключеніе позволимъ себѣ еще сдѣлать нѣкоторыя общія замѣчанія относительно всѣхъ образовательныхъ стремленій, проявившихся въ послѣднее время въ Германіи и имѣющихъ въ виду реформу гимназій.

Изъ всего сказаннаго выше можно придти къ заключенію, что всѣ эти стремленія до настоящаго времени почти не вышли изъ сферы теоріи и не нашли еще практическаго примѣненія. Одна только реальная гимназія въ Альтонѣ, въ которой произведена была реформа въ порядкѣ обученія языкамъ, согласно почину первенства французскаго языка, составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе. Но это исключеніе столь незначительно, что его нельзя считать ни окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, ни даже вѣрнымъ указаніемъ относительно направленія, въ которомъ реформа совершится.

При такомъ состояніи, въ какомъ теперь находится вопросъ гимназической реформы въ Германіи, можно только дѣлать нѣкоторыя предположенія, могущія доставить указанія относительно будущаго направленія всей реформы. Однимъ изъ такихъ, впрочемъ, не малозначащихъ, указаній есть все болѣе и болѣе распространяющееся убѣжденіе въ томъ, что древніе языки много потеряли въ своемъ значеніи для новаго общества и для такъ-называемаго „новаго образованія“ (die moderne Bildung), вслѣдствіе чего изученіе ихъ должно подвергнуться нѣкоторому ограниченію. Но и относительно этого, однакожъ, нѣтъ согласія въ мнѣніяхъ. Нѣкоторые хотѣли бы пожертвовать латинскимъ языкомъ, другіе — греческимъ. Иные, наконецъ, хотѣли бы ограничить въ извѣстномъ размѣрѣ оба эти языка. Убѣжденіе о необходимости всего этого отражается, можетъ быть даже безсознательно, на самихъ филологахъ, являющихся защитниками древнихъ языковъ. Въ доказательство того можно привести совершенно измѣнившееся положеніе, занимаемое нынѣ этими языками въ школѣ, въ сравненіи съ прежними временами.

---

[1]) Paulsen: Geschichte, стр. 782.

Digitized by Google

Въ средніе вѣка, въ латинской школѣ XVI-го ст. латинскій языкъ былъ все. Цѣлью всякой науки было достиженіе въ знаніи этого языка такой степени совершенства, на какой находились сами древніе авторы. Писать и говорить, какъ они, въ особенности же какъ Цицеронъ, считалось идеаломъ, къ достиженію котораго нужно было направить всѣ усилія. Вслѣдствіе того и методъ обученія былъ особый, и стремился къ одному обученію учениковъ говорить и писать по-латыни. Въ XIX-мъ столѣтіи, подъ вліяніемъ нео-гуманизма, основаннаго Винкельманомъ, Шлегелемъ, Вольфомъ и др., цѣль ученія въ школѣ древнихъ языковъ совершенно измѣнилась. Школа отказалась отъ недостижимаго идеала выучить учениковъ говорить и писать на латинскомъ языкѣ, такъ какъ говорили и писали древніе римляне. Цѣлью ея сдѣлалось одно основательное изученіе и уразумѣніе древняго міра, для пониманія связи, существующей между античною и современною культурою. Для достиженія этой цѣли не было уже необходимо прежнее совершенство въ знаніи древнихъ языковъ,—довольно было обладать ими настолько, чтобы быть въ состояніи понимать древнихъ авторовъ. Изъ этого вытекало убѣжденіе, распространяющееся въ новѣйшее время въ Германіи, что въ методѣ школьнаго обученія не слѣдуетъ налегать, какъ то было до настоящаго времени, на грамматику, стилистику, но болѣе на ознакомленіе учениковъ съ авторами,—что латинскія упражненія, долженствующія вести въ практическому усвоенію этого языка, вовсе не нужны.

Что убѣжденія эти не вытекаютъ изъ какого то безосновательнаго нерасположенія къ древнимъ языкамъ—видно уже изъ того, что за ограниченіе ихъ преподаванія высказываются даже и такія лица, которыя сами принадлежатъ къ глубокимъ поклонникамъ древней культуры. Причины этого явленія коренятся въ глубокомъ преобразованіи, которому подверглось и все еще подвергается наше общество, — преобразованіи, требующемъ соотвѣтственной тому реформы учебныхъ заведеній. Въ доказательство тому можно привести хотя бы слѣдующія слова, произнесенныя въ Штутгартѣ нынѣшнимъ германскимъ императоромъ, получившимъ классическое образованіе въ гимназіи въ Касселѣ, когда онъ былъ еще принцемъ прусскимъ: „Я долженъ сознаться въ своемъ еретическомъ убѣжденіи, что не одно гуманистическое (классическое) образованіе можетъ выработать человѣка. Напротивъ, я придерживаюсь мнѣнія, что въ этомъ отношеніи реальная гимназія успѣетъ сыграть такую же, если не большую, роль въ развитіи нашей культуры“ [1]).

---

[1]) „Ich muss mich zu der ketzerischen Ansicht bekennen, dass ich wirklich

Digitized by Google

Другое указаніе относительно будущаго устройства среднихъ учебныхъ заведеній, бывшее, впрочемъ, непосредственнымъ послѣдствіемъ идеи ограниченія древнихъ языковъ, состоитъ въ убѣжденіи, что въ будущей средней школѣ преподаваніе новыхъ языковъ должно пріобрѣсти болѣе значенія. И это убѣжденіе вытекаетъ не изъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, изъ пристрастія къ одному или другому новому языку, но изъ состоянія, въ которомъ находится настоящее общество, изъ потребности принять во вниманіе условія и элементы современной культуры, изъ того, что потребность народовъ въ международномъ, такъ сказать, взаимномъ пониманіи другъ друга все болѣе и болѣе дѣлается чувствительною.

Во всякомъ случаѣ, хотя до настоящаго времени въ Германіи не послѣдовало рѣшенія относительно окончательныхъ основъ будущаго устройства гимназій, не подлежитъ однако сомнѣнію, что такая реформа рано или поздно совершится. Ручательствомъ въ этомъ отношеніи можно считать какъ тотъ интересъ, которымъ проникнулось все общество въ Германіи относительно столь важной для него реформы, касающейся будущаго воспитанія молодого поколѣнія, такъ и сознаніе общества, требующаго реформы, не по какимъ-нибудь a priori выставленнымъ идеямъ или одностороннимъ воззрѣніямъ, но вслѣдствіе потребностей той же современной культуры. Общество чувствуетъ, что жизнь его развивается не по абстрактнымъ началамъ, а согласно могущественнымъ культурнымъ стремленіямъ, которыхъ изслѣдованіе и изученіе составляютъ одну изъ важнѣйшихъ его задачъ. И школа также не можетъ быть какимъ-то абстрактнымъ явленіемъ, безъ связи съ современною жизнью; на ея устройствѣ также должны отразиться всѣ эти культурныя стремленія. И она точно также должна измѣняться, согласно измѣняющимся потребностямъ и условіямъ жизни. Non scholae, sed vitae discimus.

Ант. Окольскій.

---

nicht meine, die humanistische Bildung allein mache den Mann. Vielmehr glaube ich, dass in der That dem Realgymnasium zum mindesten eine ebenso wichtige, wenn nicht wichtigere Rolle in unserem Bildungsleben zufallen muss". Klinghardt: Das höhere Schulwesen in Schweden. 1887, стр. 168.

Digitized by Google

НА УЩЕРБѢ

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

I.

— Какъ хорошо!!..

Восклицаніе, на русскомъ языкѣ, вылетѣло полнымъ звукомъ изъ груди рослой и стройной женщины, облокотившейся о балюстраду нижней площадки, передъ казино, въ Монте-Карло.

Это была Анна Гавриловна Куликова. Она попала сюда въ первый разъ, изъ Ниццы, куда пріѣхала наканунѣ.

Глаза ея нѣжились на блистающей приморской картинѣ, на изсиня-зеленыхъ полосахъ воды и лазури неба, откуда нежаркое солнце слало свои лучи,—на очертаніяхъ продолговатой скалы, гдѣ пріютилось каменное гнѣздо Монако, съ его крѣпостями, башнями, дворцомъ и соборомъ.

Надъ нею, справа и слѣва, глядѣли на море купы пальмъ и стволы кактусовъ затѣйливыми листьями нагибались надъ оградой. Внизу ярко-зеленый газонъ шелъ полукругомъ—передъ навѣсомъ голубиной охоты.

Молодая женщина въ шляпѣ съ длиннымъ щиткомъ, покрытымъ цѣлымъ букетомъ цвѣтовъ, и въ короткомъ пальто съ шолковыми отворотами, дышала полной грудью и осматривалась, широко раскрывая свои продолговатые глаза.

Восклицаніе, вылетѣвшее изъ ея груди, никого не удивило.

*) См выше: апр., 498 стр.

Digitized by Google

Вблизи было еще мало гуляющихъ. Шелъ второй часъ декабрскаго дня, теплаго и сухого, съ чуть осязаемыми налетами морской свѣжести. Черезъ нѣсколько минутъ ожидался приходъ игрецкаго поѣзда изъ Ниццы. Тѣ, кто обыкновенно ходитъ глядѣть на вереницу пассажировъ, поднимающуюся по крутой лѣстницѣ, отъ станціи къ казино, скучились въ концѣ террасы.

Анна Гавриловна стояла на другомъ концѣ, и около нея никто не сидѣлъ и на скамейкахъ. Она обернулась лицомъ къ фасаду наряднаго зданія съ его минаретами, медальонами, изразцами и позолотой, прошлась взглядомъ дальше, вправо, къ саду, полному вѣчно зелеными букетами деревьевъ и кустовъ, къ кіоску и дальше, къ гребнямъ шоколадныхъ горъ, по дорогѣ къ Ментонѣ, и весь этотъ роскошный уголокъ земли наполнилъ ее неиспытанной еще жаждой жизни и всего, что̀ деньги, молодость, чувственный и душевный порывъ могутъ дать женщинѣ...

Ей просто не вѣрилось, что десять дней передъ тѣмъ, въ Москвѣ, около половины декабря, она ѣхала на смоленскій вокзалъ, вся закутанная какъ мумія, въ тяжеломъ извозчичьемъ рыдванѣ, съ замерзлыми окнами. На дворѣ стоялъ морозъ въ двадцать градусовъ. Отъ дыханія шелъ паръ и ложился ледяною пылью на вязаномъ оренбургскомъ платкѣ, которымъ она была увязана.

И это не сонъ! Она—Анна Гавриловна Куликова—стоитъ на террасѣ въ Монте-Карло, пьетъ живительный воздухъ, смотритъ на пальмовый садъ, чуетъ на себѣ ласку нежаркаго солнца и позади—отрадный рокотъ морского прибоя.

Была минута, когда она забыла, что̀ потянуло ее на югъ, неудержимо и почти безумно; но теперь стремленіе, приказавшее ей устроить, какъ можно скорѣе, поѣздку въ Италію, черезъ Парижъ и Ниццу, слилось съ захватывающимъ сострастіемъ всему, что̀ ее окружало тутъ.

Да, она на французской Ривьерѣ. Она увидитъ любимаго человѣка. Онъ въ двухъ шагахъ, тамъ, вправо, вонъ за тѣмъ мысомъ, въ Ментонѣ, около своей умирающей жены. И онъ будетъ ей принадлежать не нынче, такъ черезъ мѣсяцъ, не черезъ мѣсяцъ, такъ черезъ годъ.

„Будетъ, будетъ, будетъ!“—шептали ея извилистыя, выразительныя губы, и глаза хмуро и радостно искрились.

Она пополнѣла въ бюстѣ, но лицо стало менѣе румяно, удлиннилось и пріобрѣло бо̀льшую тонкость въ очертаніяхъ рта, носа и подбородка. И голову держала она иначе. Парижскій туаетъ давалъ всей фигурѣ совсѣмъ другой абрисъ. Анна Гав-

Digitized by Google

риловна носила его легко и съ своимъ особымъ оттѣнкомъ... И теперь, послѣ Парижа, одѣтая съ иголочки, во всемъ новомъ, она сохраняла въ себѣ прежнюю московскую „боярышню“ и домовладѣлицу.

Пришелъ поѣздъ. Локомотивъ выдвинулся изъ-за плоскаго зданія станціи, и длинный хвостъ вагоновъ чернѣлъ вдоль береговой линіи.

Анна Гавриловна сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ лѣстницѣ, ведущей къ станціи, облокотилась на перила и стала смотрѣть.

Омнибусы отелей заслоняли задній фасадъ станціи. Они выстроились въ одинъ рядъ съ лошадьми, обращенными къ горѣ...

Показались пассажиры. Очень немногіе садились въ омнибусы. Потянулась довольно густая вереница къ лѣстницѣ и начала не скоро подниматься по ступенькамъ.

Это была все игорная публика изъ Ниццы и Канна, въ которой на двоихъ мужчинъ приходилось непремѣнно одна женщина,—пестрая, на особый ладъ нарядная. Французы преобладали въ ней.

Оттуда, сверху, ей удобно было разглядывать пассажировъ, по-одиночкѣ. Во многихъ женщинахъ она распознавала что-то, напоминавшее ей кокотокъ, какихъ она видѣла на бульварахъ и въ театрахъ Парижа.

Но не женщины и ихъ туалеты притягивали ея взгляды.

Ее пронизывала мысль—можетъ быть, въ числѣ мужчинъ отыщетъ она его? Онъ живетъ въ Ментонѣ; но почему же не могъ онъ возвращаться изъ Ниццы и, на пути, заглянуть въ казино Монте-Карло? Играть онъ не станетъ. А кто знаетъ? У него теперь скверно на душѣ. Стало быть, есть потребность забыться, во что-нибудь уйти. Черезъ полчаса будетъ денной концертъ въ театральной залѣ, куда она еще не заглянула. Онъ любитъ музыку...

Извилистымъ хвостомъ поднимались пассажиры курьерскаго поѣзда; глаза Анны Гавриловны быстро перескакивали съ одной мужской фигуры на другую, но все это были иностранцы, пестро одѣтые, или длинные и сухіе, или женоподобные, сухопарые. Она не различила худощаваго невысокаго стана, и длинноватыхъ волосъ, и сѣдѣющей бороды, и головы, наклоненной къ правому плечу.

Сегодня она справлялась въ спискѣ пріѣзжихъ, проживающихъ на французской Ривьерѣ, и не нашла его фамиліи. Жена живетъ здѣсь уже около года, а прошлогодняго списка

Digitized by Google

Анна Гавриловна не могла достать въ своемъ отелѣ. Онъ, до сихъ поръ, не прописанъ въ отеляхъ. Вѣроятно, они живутъ въ какой-нибудь дешевой квартиркѣ.

Послѣдній пассажиръ—старичокъ, съ бритымъ лицомъ актера, въ свѣтло-шоколадномъ сюртучкѣ и штиблетахъ, опираясь на палку, поднялся на нижнюю площадку, снялъ шляпу, отеръ голову фуляромъ, пошелъ дальше, къ проходу вправо, мимо киоска, гдѣ продаютъ газеты, и скрылся.

Кругомъ Анны Гавриловны опустѣло, но на верхней террасѣ замелькали цвѣтные зонтики дамъ.

И ей пора въ казино, гдѣ она оставила мужа и Ермилова, и назначила имъ быть, въ половинѣ третьяго, въ „атріумѣ"—какъ называютъ первую залу съ колоннами, гдѣ прохаживаются и курятъ.

Они уговаривались поставить нѣсколько пятифранковыхъ монетъ и вчера изучали по книжкѣ, купленной въ кіоскѣ, разныя системы выигрыша.

Безъ мужа ей неудобно было улетѣть, зимой, на Ривьеру. Не представлялось приличнаго предлога. Но она настроила его на поѣздку въ Италію, заблаговременно, такъ что онъ успѣлъ въ зимней вакаціи выхлопотать себѣ отпускъ на двадцать восемь дней, съ разсчетомъ опоздать недѣли на двѣ, на три, и вернуться въ концѣ января.

Ермиловъ „увязался" за ними, какъ непочтительно выразилась ея горничная. Вотъ уже около года, какъ этотъ грѣшникъ и сластолюбецъ сдѣлался ея рабомъ. Ничего между ними нѣтъ; нѣтъ даже и подобія интриги, или интимной короткости, хотя бы въ формѣ ни къ чему не обязывающей ласки...

И чѣмъ она дѣлалась къ нему жестче, безпощаднѣе, презрительнѣе и подчасъ ядовитѣе, тѣмъ его запоздалая страсть разгоралась. Онъ не смѣлъ позволить себѣ ничего, кромѣ смѣшныхъ, для нея, выходокъ добровольнаго униженія, цѣловалъ складки ея платья, позволялъ обращаться съ собою какъ съ неодушевленнымъ предметомъ, и въ этомъ находитъ до сихъ поръ высшій „трепетъ"—его любимое выраженіе.

Но она не прогоняла его, а находила болѣзненное удовлетвореніе въ этой безнадежной страсти старѣющаго сенсуалиста, который былъ, всю свою жизнь, убѣжденъ въ томъ, что онъ не „поймается" ни на одной женщинѣ. Она знала, что Ермиловъ переѣхалъ на постоянное житье въ Москву только для того, чтобы быть около нея. И теперь она разрѣшила ему провожать ихъ за границу, изъ особаго разсчета своей, такой же какъ и

Digitized by Google

его, нераздѣленной еще страсти... Кто знаетъ?.. Женщинѣ всегда полезно показывать на живомъ существѣ свою силу—это дѣйствуетъ на самыхъ цѣльныхъ мужчинъ, не менѣе чистенькихъ, чѣмъ тотъ, кого она сейчасъ искала въ хвостѣ пассажировъ.

Къ мужу своему она заставила Ермилова относиться необычайно почтительно и этимъ еще жесточе принижала его; а сама показывала ему, что мужъ, въ ея глазахъ, стоитъ на той же высотѣ, какъ и „милѣйшій" Юрій Петровичъ, котораго она звала просто „Егоромъ" Петровичемъ.

II.

Тяжелая духота волнами ходила по тремъ игорнымъ заламъ. Сумерки сгущались въ углахъ, вдоль расписныхъ пестрыхъ стѣнъ и надъ зелеными столами, уже освѣщенными двойственнымъ свѣтомъ висячихъ масляныхъ лампъ подъ широкими металлическими колпаками.

Въ проходѣ, между двумя столами средней, самой большой залы, остановился Ермиловъ.

Онъ постарѣлъ, лобъ обнажился, бѣлокурая борода была подкрашена. Издали на немъ еще лежалъ налетъ моложавости—на всей головѣ и на выборѣ цвѣтовъ его пиджака, галстуха, панталонъ. Но вблизи, по лицу, прошлись новыя черты, грозившія перейти въ морщины: вдоль крыльевъ носа и на вискахъ, около глазъ, скрытыхъ подъ pince-nez, съ темноватыми стеклами.

Долгимъ боковымъ взглядомъ обвелъ Ермиловъ залу, гдѣ игроки все прибывали.

Несмолкаемое звяканье серебряныхъ и золотыхъ монетъ и мельканіе женщинъ, кочующихъ отъ одного стола къ другому, вызвали на его губахъ усмѣшку, на половину скрытую усами, растрепанными по модѣ, въ видѣ щетки.

Деньги и женщины, такія же, какъ и луидоры, переходящія изъ рукъ въ руки—двѣ недавнія приманки всей его жизни. И онѣ для него точно не существуютъ теперь. Онъ сѣлъ играть вмѣстѣ съ мужемъ Анны Гавриловны. Тотъ ставилъ по пяти франковъ, глазки его горѣли жадностью и желаніемъ удачи, а голова работала и сочиняла какія-то комбинаціи. Но у него, послѣ нѣсколькихъ ставокъ по золотому и по два, разломило поясницу, его начала разбирать зѣвота. Онъ почувствовалъ всю тоскливость и глупость игры, между тѣмъ какъ еще года два тому назадъ ему нравились ощущенія рулетки. И видъ золота, этихъ стопокъ

Digitized by Google

передъ мѣстами крупье, пересталъ щекотать его пріобрѣтательскій инстинктъ.

Такими же равнодушными затуманенными глазами смотрѣлъ онъ и на этихъ женщинъ, слетѣвшихся сюда со всѣхъ сторонъ свѣта, для добычи. Нѣкоторыя были красивы, въ парижскомъ и лондонскомъ стилѣ; не всѣ намазаны и съ крашеными волосами; попадались даже совсѣмъ молоденькія дѣвушки, въ сопровожденіи пожилыхъ дамъ-„тетенекъ", подставныхъ или настоящихъ, но для него и онѣ уже не существовали больше.

Онъ почти отказывался понимать, что вотъ это все—видитъ онъ въ дѣйствительности, а не во снѣ; любители легкой жизни, какимъ былъ и онъ, дежурятъ здѣсь съ утра до полуночи, ничего не знаютъ, кромѣ азартной игры и—въ антрактахъ—легкихъ женщинъ, по отелямъ и ресторанамъ Монте-Карло. Разыгрывать изъ себя моралиста Ермиловъ не хотѣлъ и не умѣлъ; но слова презрительнаго недоумѣнія просились наружу. И онъ ни на одну секунду не пожалѣлъ о томъ, что его инстинктъ замолкъ, что два могучихъ источника наслажденій—миражъ золота и скорое обладаніе женщиной, отошли, быть можетъ, безвозвратно.

Лакей въ голубоватой ливреѣ, съ галунами, проносилъ мимо него подносъ съ стаканомъ воды—единственное прохладительное игорныхъ залъ.

Ермиловъ окликнулъ его, взялъ стаканъ и медленно выпилъ воду, съ чувствомъ человѣка, которому хочется запить дурной вкусъ чего-то только-что проглоченнаго.

Онъ посмотрѣлъ потомъ на часы. До денного концерта оставалось всего десять минутъ. Ему надо было поторопить Куликова, игравшаго въ рулетку въ первой поперечной залѣ, у праваго стола отъ входа, гдѣ стояла двойная стѣна играющихъ надъ тѣми, кто захватилъ съ утра свободные стулья. Анна Гавриловна назначила имъ быть до начала концерта; а ждать она не любитъ.

Въ дверяхъ, широко раскрытыхъ изъ средней залы въ послѣднюю, съ нимъ повстрѣчался блѣднолицый, жидкій молодой человѣкъ въ пестромъ англійскомъ костюмѣ, почти безбородый и гнущійся на ходу.

— М-г Ермиловъ?—выговорилъ онъ вопросительно и поглядѣлъ на него веселыми глазами съ лихорадочнымъ блескомъ.

Ермиловъ вспомнилъ, что встрѣчалъ этого русскаго въ Петербургѣ, что это—поэтикъ новой школы, поклонникъ „перваго" сонетиста Хозе-Маріа-Эредіа, что фамилія его—графъ Загаринъ.

„Хозе-Маріа-Эредіа,—сонеты, проза и стихи декадентовъ—какъ все это отошло!".. Онъ не смѣетъ и заикаться о нихъ,

Digitized by Google

сидя около Анны Гавриловны, считающей все это литературное движеніе „неопрятнымъ, полубезумнымъ вздоромъ“.

— Графъ Загаринъ, — выговорилъ высокимъ фальцетомъ молодой человѣкъ.

— Какъ же, какъ же... Очень пріятно!..

Ермиловъ пожалъ ему руку, наклонившись къ нему туловищемъ и головой, по своей манерѣ.

Ладонь руки его была влажная, что̀ Ермиловъ прежде выносилъ съ трудомъ. Но теперь его брезгливость ко всѣмъ подобнымъ ощущеніямъ притуплялась.

— Вы житель Монако?—спросилъ онъ Загарина, повернувшагося вмѣстѣ съ нимъ къ выходной двери.

— Собственно я живу въ Ментонѣ, но часто ѣзжу сюда.

— Щекотать удачу?

Поэтикъ разсмѣялся и вслухъ перевелъ по-французски:

— Taquiner la guigne!

Черезъ лѣвую, выходную дверь они прошли въ атріумъ и присѣли на одинъ изъ кожаныхъ дивановъ въ нишѣ.

— Безъ казино,—говорилъ Ермилову поэтикъ,—я не узналъ бы особой, очень захватывающей эмоціи...

— Игрецкой?..—подсказалъ Ермиловъ.

— Позвольте мнѣ иначе выразить: эмоціи—отъ борьбы съ фатумомъ... Тутъ случай, то-есть рокъ, судьба—въ своей самой быстрой и сгущенной формѣ—золота.

— Пожалуй!—согласился Ермиловъ.

Фраза Загарина отзывалась „декадентствомъ“. Въ прежнее время Ермиловъ сейчасъ же бы насторожилъ уши и сталъ бы пріятно направлять молодого человѣка въ духѣ послѣдней книжки, какую прочелъ. Теперь онъ только слушалъ.

— Вѣдь согласитесь,—продолжалъ поэтикъ и нервно повелъ узкими плечами:—вся наша жизнь сводится къ *я*, которое само себя созерцаетъ и стремится создавать себѣ самыя яркія эмоціи, предается культу энтузіазма, но такъ, что инстинкты только служатъ этому „*я*“, а не руководятъ имъ.

— На самомъ дѣлѣ,—съ тихой усмѣшкой возразилъ Ермиловъ,—это какъ разъ наоборотъ.

— Да, для массы, для всѣхъ, кого мы, избранное меньшинство, называемъ варварами, les barbares, какъ греки звали всѣхъ иностранцевъ. Нѣмецъ Шопенгауеръ кажется нашему поколѣнію уже брюзгой, филистеромъ, съ его теоріей рабскаго подчиненія инстинкту расы. Вовсе нѣтъ!.. Мое *я* есть отраженіе божества! Оно способно на безконечное совершенствованіе...

Digitized by Google

— Даже играя въ рулетку?..

Ермиловъ откинулся на спинку дивана и сталъ крутить вокругъ пальца свое pince-nez.

— Конечно!.. Мы играемъ потому, что намъ нужны новыя эмоціи. Мы ихъ варьируемъ; но я не допускаю страсть овладѣть мною... Такъ и во всемъ!.. Да и какое намъ дѣло до нашей внѣшней жизни, до того, чрезъ какія паденія пройдетъ наша оболочка? Въ ея униженіи есть своего рода высшая услада. Мы чувствуемъ къ ней высшую жалость.

„Это ты выкралъ,—перебилъ его мысленно Ермиловъ.—Это отзывается какой-то новинкой... И она вышла въ Парижѣ, а сочинилъ ее одинъ изъ тамошнихъ „эготистовъ".

Онъ не зналъ однако этой книжки. Вотъ уже болѣе полугода, какъ онъ не интересуется тамошнимъ крайнимъ движеніемъ, налагающимъ оттѣнокъ духовный, съ подражаніемъ аскетамъ христіанства и съ подниманіемъ до небесъ нѣкоторыхъ подвижниковъ и творцовъ воинствующей пропаганды—отъ Ѳомы Кемпійскаго до Игнатія Лойолы.

Онъ не осадилъ однако поэтика вопросомъ: „А гдѣ вы все это изволили вычитать?"

— И во сколько вамъ обошлась эмоція рулетки? — снисходительно спросилъ онъ Загарина.

— Это—деталь. Я не могу проводить цѣлые дни въ этой ужасной Ментонѣ. Природа для насъ мертва, когда она дастъ все одну и ту же ноту глупой и дерзкой радости, чего-то праздничнаго... Въ Ниццѣ мнѣ доктора не разрѣшили жить... Тамъ все-таки настраиваешь себя разнообразнѣе...

— Зато въ тиши курорта можете творить.

— Еще такъ недавно я искалъ ощущеній, успѣха, сочувствія. Но вѣдь славы нѣтъ безъ обращенія съ варварами.

— Какъ это?

— Съ варварами—съ публикой, даже съ кружками... Это все чужіе, иностранцы. Чтобы заставить ихъ вибрировать душою, надо свои собственныя душевныя вибраціи сдѣлать банальными.

— Или заставить ихъ подчиниться.

— Это все усилія воли... низменная подкладка человѣческой машины. Высшій смыслъ жизни—воздѣлывать свое *я*, созерцать его метаморфозы, его безконечную способность къ экстазу. Воля должна служить одному: такъ изучить свое *я*, чтобы быть въ состояніи всегда, въ любой обстановкѣ, однимъ полетомъ духа вызывать въ себѣ экстазъ!

— Зачѣмъ же вы бѣгаете изъ Ментоны?

Digitized by Google

— Я еще не достигъ такой благодати.

— Ого!.. Это уже отзывается полетомъ на небо св. Терезы!..

— Она одна изъ нашихъ святыхъ!

Дверь въ концертную залу отворили.

Ермиловъ всталъ.

— Вы не ходите на музыку?—спросилъ онъ Загарина.

— Иногда! Когда чувствую потребность во внушеніи особыхъ состояній души! Сегодня не пойду!

— До свиданія!..

III.

Въ хвостѣ ждавшихъ у концертной залы Ермиловъ не замѣчалъ ни Куликова, ни Анны Гавриловны. Проникнувъ въ залу, онъ нарочно сѣлъ на поперечномъ проходѣ, чтобы видѣть всѣхъ входившихъ.

Задыхающаяся дикція чахоточнаго петербуржца, его фистула и гнилое дыханіе, фразы, которыя онъ точно прочитывалъ по книгѣ, переводя ихъ на русскій языкъ, произвели въ Ермиловѣ осадокъ раздраженія.

И въ то же время что-то въ этой вычитанной французской книжкѣ религіи своего „я", съ погоней за эмоціями и экстазами, было отвѣчающее на его собственную душевную жизнь.

Развѣ онъ, порою, не испытывалъ уже особой жалости къ собственному „я", когда оно унижается передъ женщиной, не способной понять столькихъ усладъ его недавняго, высшаго эпикурейства?

Вѣдь и онъ раздваивается... Его страсть, поздняя и смѣшная, безнадежная и тягучая, владѣетъ его тѣломъ; а духъ то-и-дѣло созерцаетъ эту болѣзнь и въ созерцаніи какъ бы ищетъ горькой отрады.

Зала, вся облѣпленная матовой позолотой и рядами бархатныхъ креселъ, стояла еще прохладной. Роскошь ея отдѣлки не давила и не раздражала. Талантливый архитекторъ, построившій парижскую оперу, захотѣлъ и сюда перенести тотъ же стиль и ту же расточительность однотонной орнаментаціи.

Не въ первый разъ попадалъ Ермиловъ въ эту залу. Не больше какъ два года назадъ онъ сидѣлъ тамъ, впереди, на проходѣ и переглядывался съ венгеркой, за которой началъ слѣдить еще у рулетки. Какъ тогда все здѣсь пріятно щекотало его

Digitized by Google

слабость къ Европѣ, какъ все ему нравилось: орнаменты вотъ этой залы, ея полумракъ, оркестръ, самый запахъ пудры, какимъ онъ дышалъ здѣсь, туалеты, легкость жизни, сочетаніе всего, что только приносятъ деньги, всего, что воображеніе и вкусъ утомленной эпохи могутъ собрать въ одномъ уголкѣ.

Теперь казино находилъ онъ безвкусно отдѣланнымъ; золоченая лѣпка концертной залы оставляла его равнодушнымъ; публику находилъ онъ тусклой и нимало не занимательной. Какое-то русское брюзжаніе поднимало въ немъ особое чувство вѣчнаго протеста и недовольства. И онъ зналъ, откуда оно шло, около кого заразился онъ имъ...

Московская профессорша заразила его, хотя она, быть можетъ, сама и восхищается теперь всѣмъ, что видитъ въ Монте-Карло. Страсть къ ней точно выѣла въ немъ его коренную способность смаковать всѣ блага и приманки стараго, грѣшнаго запада...

Оркестръ помѣщался на сценѣ. Ливрейные лакеи раздавали программы при входѣ. Ермиловъ разсѣянно просмотрѣлъ то, что значилось въ программѣ концерта. Второй пьесой стояла „Torreador et Andalouse", Рубинштейна. Русскій языкъ слышался влѣво отъ Ермилова, но зала была далеко не полна. Онъ съ безпокойствомъ оглянулся на входную дверь.

Вотъ и Куликовы. Анна Гавриловна впереди.

Каждый разъ, какъ онъ увидитъ ее, послѣ ожиданія или безпокойства, онъ чувствуетъ ударъ чего-то и легкое жженіе въ груди, ощущеніе, сходное съ дѣйствіемъ тока. И кровь непремѣнно прильетъ ему къ лицу.

Анна Гавриловна плыла на ходу. Ея походка отзывалась Москвой, чѣмъ-то старо-дворянскимъ, немножко театральнымъ. Но и эта походка такъ была похожа на всю ея личность. Онъ уже не могъ отдавать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что въ ней вящно и что нѣтъ.

Мужъ пробирался рядомъ съ ней, бочкомъ, своимъ юркимъ подпрыгивающимъ шагомъ. Глазки его блестѣли, кудрявые волосы немного растрепались на лбу. Онъ о чемъ-то возбужденно шепталъ женѣ. Анна Гавриловна снисходительно улыбалась.

Ермиловъ тотчасъ поднялся и пошелъ на встрѣчу, чтобы вести ихъ къ тѣмъ свободнымъ кресламъ на проходѣ, которыя онъ намѣтилъ.

— Пожалуйте сюда,— пригласилъ онъ Анну Гавриловну и хотѣлъ ей предложить руку, отъ чего она уклонилась.

Зато мужъ взялъ его подъ руку и шепнулъ:

Digitized by Google

— Моя комбинація удалась.

— Выиграли?

— По два золотыхъ пять разъ давали.

— На простые шансы?

— Иначе играть безуміе!

Они сѣли въ антрактѣ между первымъ и вторымъ нумерами программы. Мужъ былъ отъ него по лѣвую руку, жена по правую. Куликовъ продолжалъ передавать ему подробности своей игры въ рулетку и въ его глазкахъ мелькалъ огонекъ удачника, вѣрующаго въ свой умъ, ловкость и находчивость. Ермилову онъ всегда былъ противенъ; но сегодня его близкое сосѣдство обдавало невыносимымъ самодовольствомъ и торжествующей жадностью мелкаго игрока.

Будь этотъ мужъ обманутъ женой, а любовникомъ будь онъ, Ермиловъ, тогда онъ испытывалъ бы, по крайней мѣрѣ, терпкое чувство тайнаго торжества. А кто же онъ?... Вздыхатель, только носящій на себѣ личину возлюбленнаго... И его ревность къ законному обладателю Анны Гавриловны доставляетъ ему двойной рядъ мученій. Она принадлежитъ—не любя его—мужу и преслѣдуетъ—какъ и онъ—химеру обладанія существомъ, которое одно вызываетъ въ ней душевный трепетъ.

О разгорающейся упорной и злобной страсти ея къ его пріятелю „хуторянину" Ермиловъ догадывался. До сихъ поръ она еще не дѣлала его своимъ наперсникомъ. Но это будетъ; онъ пройдетъ и черезъ такой видъ униженія. Можетъ быть, это случится здѣсь... Она, конечно, прилетѣла сюда, чтобы видѣть *его*.

Боковой, робкій взглядъ, брошенный имъ на Анну Гавриловну, доложилъ ему, что она въ праздничномъ настроеніи. Музыка грянула знакомую плясовую мелодію. Въ оркестрѣ загремѣли кастаньеты, загудѣлъ бубенъ.

Она повернулась къ нему въ полъ-оборота, и въ ея заискрившемся взглядѣ онъ прочелъ чувственную мечту о томъ, для кого она притащила ихъ обоихъ сюда, на Ривьеру.

И ничего этого онъ измѣнить не можетъ... Она не будетъ ему принадлежать и не броситъ мужа, прежде чѣмъ Кустаревъ не овдовѣетъ. Здѣсь она во-очію убѣдится въ томъ, какъ „маленькая женщина" близка къ смерти. Отыскивать для нея Кустаревыхъ въ Ментонѣ придется ему же.

— Вы, кажется, не слушаете музыки?—шопотомъ спросила она, слегка нагнувъ голову въ его сторону.

— Виноватъ!—шутливо извинился онъ.

Digitized by Google

И больше ничего не сказалъ. Она бы не позволила ему разговаривать.

Ермиловъ не ошибся: Анна Гавриловна, подъ музыку Рубинштейна, отдалась все той же страстной думѣ о человѣкѣ, такъ не похожемъ ни на ея мужа, ни на этого кающагося и приниженнаго ею сластолюбца, которому она можетъ навязать какую ей угодно роль.

Зачѣмъ толкутся они около нея?.. Зачѣмъ *онъ* женатъ, прикованъ къ умирающей женѣ? А та, быть можетъ, и не собирается вовсе умирать!..

Какъ было бы чудно здѣсь, въ этомъ райскомъ уголкѣ, найти его одного... и самой быть безъ провожатыхъ! Она знаетъ, что только побѣда надъ нимъ дастъ ей неизвѣданное сладостное чувство своей силы и только передъ нимъ возможно будетъ для нея полное преклоненіе.

Взрывъ повторенной андалузской мелодіи заставилъ ее вздрогнуть и далъ ея думамъ другой оборотъ.

Зачѣмъ торопить теченіе жизни?.. Все придетъ своимъ чередомъ... Она увѣрена въ этомъ... Чего же ей желать лучшаго, въ настоящую минуту?.. Мужа она держитъ въ рукахъ, хотя онъ и думаетъ, что способенъ во всемъ руководить ею. Эта поѣздка на Ривьеру обошлась какъ нельзя быть лучше. На Ермилова мужъ смотритъ ея глазами. Онъ увѣренъ въ совершенной безопасности такого записного ухаживателя. Онъ даже льститъ ему. Въ такой безнадежной привязанности блестящаго стараго холостяка онъ видѣлъ дипломъ своей „женкѣ“ на первоклассную репутацію покорительницы сердецъ.

И ей такъ, въ сущности, очень удобно, до поры до времени. А главное, обожаніе Ермилова, смѣшноватое только въ ея глазахъ, можетъ сослужить ей службу и въ ея борьбѣ съ натурой и темпераментомъ „цѣльнаго“ и „чистаго“ человѣка.

То̀, что̀ полчаса назадъ смутно проходило по душѣ ея, когда она стояла на террасѣ, здѣсь, сливаясь съ подмывающей музыкой, приняло осязательныя формы.

Ей извѣстно, что Ермиловъ и Кустаревъ—товарищи; черезъ Ермилова она узнала множество интимныхъ чертъ хуторянина, заставляя его говорить о ихъ гимназическихъ и студенческихъ годахъ, убѣдилась въ томъ, что Ермиловъ, какая бы въ немъ ни зажглась ревность къ своему пріятелю, не посмѣетъ вредить ей въ его глазахъ; почувствовала и то, что у Кустарева есть запасъ слабости къ Ермилову, что онъ для него нѣчто особенное, порочное и легкое, но избранное, даровитое и нарядное.

Digitized by Google

Преклоненіе такого человѣка можетъ вызвать и въ добродѣтельномъ народникѣ сложный душевный процессъ, въ концѣ котораго должна настать желанная минута.

А мужъ думалъ подъ ту же музыку о своемъ выигрышѣ, о томъ, какая у него красивая и тонкая „женка", и какъ пріятно, обладая ею, сознавать, что она признаетъ ваше мужское превосходство и будетъ всегда вѣрной помощницей въ устройствѣ вашей судьбы.

Оркестръ смолкъ. Анна Гавриловна знакомъ пригласила мужа и Ермилова зааплодировать.

IV.

Море тихо рокотало внизу у прибрежья. Языки пѣны взбѣгали и разсыпались тотчасъ же; новый медлительный валъ катился съ горизонта и настигалъ черту темнѣющаго, сырого гравія...

Крутой спускъ къ морю шелъ по разрушенной на половину лѣсенкѣ изъ мшистыхъ и скважистыхъ осколковъ камня. Немного выше—родъ террасы, сжатой голыми, побурѣлыми отъ времени столбами, безъ рѣшетки въ промежуточныхъ пространствахъ, со сплошнымъ, низкимъ фундаментомъ и стертыми украшеніями, гдѣ прежде вились какія-нибудь ползучія растенія. Надъ этимъ рядомъ столбовъ шла площадка виллы съ двумя башенками, розоватаго цвѣта, кое-гдѣ побурѣвшими, въ два этажа, капризной и тревожной архитектуры. Лѣсенки и балкончики перерѣзали оба ея фаса, передній и задній.

Въ верхнемъ этажѣ никто не жилъ. Въ нижнемъ заняты были только три комнаты, выходившія на площадку, узкую, часто заставленную полузасохшими пальмами и двумя-тремя апельсинными деревьями.

Позади виллы высился тѣнистый, чисто итальянскій садъ, тоже довольно запущенный. Аллея эвкалиптусовъ вела къ лужайкѣ; купы оливъ виднѣлись въ глубинѣ, ближе къ дорогѣ, шедшей у подножія скалъ.

Надъ всѣмъ стояли голые гребни скалъ, такіе же, какъ и въ Монте-Карло, но болѣе суровые, мѣстами покрытые сизеватою зеленью оливъ, тянущихся широкими полосами вправо и влѣво.

Внизу попадались мраморныя скамьи и вазы съ отбитыми краями, но не было ни одной статуи. Садъ притихъ въ теплый полуденный часъ, и только по листвѣ деревьевъ пробѣгала дрожь отъ морского прибоя.

Digitized by Google

На площадку, изъ балконной двери, часу въ третьемъ вывезли въ креслахъ больную. Мужчина пододвинулъ кресло ближе къ краю, между двумя пальмами, гдѣ видъ былъ всего красивѣе. Справа огибалъ море длинный выступъ съ маякомъ вдали. На линіи, гдѣ темная, почти черная, вода переходила въ ярко-синее небо, бѣлѣлось нѣсколько парусовъ.

— Гаря, до тебя въ спину не доходитъ вѣтерокъ?—спросилъ Кустаревъ жену, глубоко ушедшую въ кресло, съ головой, обвязанной платкомъ и съ плэдомъ на ногахъ.

Лица ея почти не было видно изъ-подъ зонтика. Все ея тѣло ссохлось, и всякій принялъ бы ее за дѣвочку двѣнадцати лѣтъ. Подъ тѣнью зонта выдавался впередъ заостренный носикъ и два глаза чернѣли и нервно озирались.

Евменій Филипповичъ не особенно измѣнился въ лицѣ; только борода посѣдѣла, въ двухъ мѣстахъ, по бокамъ подбородка, и весь онъ сталъ плотнѣе, однако безъ толщины. На немъ, по московскому обычаю, была пара изъ китайскаго сырца, захваченная съ собою на всякій случай. Въ ней онъ чувствовалъ себя какъ на хуторѣ, въ іюнѣ.

На его вопросъ, не безпокоитъ ли ее вѣтерокъ, Маргарита Сергѣевна сначала ничего не отвѣтила. Она подставила лицо подъ свѣжесть моря, и ей дышалось легче, чѣмъ въ душной и сѣроватой спальнѣ, темной и узкой комнатѣ, загроможденной всякими ненужными вещами французской отдѣлки.

— Ты скажи, — выговорилъ Кустаревъ и сѣлъ рядомъ, на желѣзный стулъ, прислоненный къ одному изъ четырехъ-угольныхъ столбовъ:—тебя, на воздухѣ, папироса моя не будетъ безпокоить?

— Нисколько,—глухо и отрывисто отвѣтила Маргарита Сергѣевна и положила зонтикъ на лѣвое плечо, такъ что лицо ея въ профиль стало ему виднѣе.

— И не свѣженько тебѣ?

— Мнѣ хорошо...

Она сдѣлала усиліе улыбнуться. На болѣзнь она вообще не жаловалась, даже въ его отсутствіе, въ тѣ долгіе мѣсяцы, которые она одна провела на морѣ, въ два періода, сначала предыдущей зимой съ марта по май и съ октября до половины декабря. На лѣто они съѣхались въ Швейцаріи, въ горной станціи, гдѣ ея легкія должны были окрѣпнуть. Вышло совсѣмъ не такъ. На высотахъ, слишкомъ суровыхъ для нея, открылось кровохарканіе. Она испугалась больше за мужа, чѣмъ за себя. Въ ней жило, съ самаго отъѣзда изъ Москвы, упорное предчувствіе, что домой она уже не вернется.

Digitized by Google

Стремительно уѣхали они изъ бернскаго Оберланда и конецъ лѣта провели около Монтрё, по дорогѣ въ Сенъ-Морисъ. Тамъ она страдала отъ влажной жары, но поправилась и стала усиленно гнать своего Меню въ Россію, на хуторъ, хоть къ поздней уборкѣ хлѣба. Тогда она еще ходила и даже позволяла себѣ гулять по небольшимъ подъемамъ.

Одна, безъ горничной или компаніонки, прожила она тамъ до начала октября и опять двинулась къ Ривьерѣ. Ментону, гдѣ протянулись первые мѣсяцы ея одиночества, послѣ перваго возвращенія мужа въ Россію, она не любила. Этотъ городъ больныхъ и толкущихся всюду англичанъ наводилъ на нее ужасную тоску, какой она не переживала никогда, въ самые тусклые дни хуторского житья, подъ Москвой, во время проливныхъ дождей и снѣжныхъ заносовъ.

Вообще Маргарита Сергѣевна страшно скучала за границей. Пока она могла сидѣть за табльд'отами, она выносила ихъ съ великимъ напряженіемъ. Кругомъ разговоры иностранцевъ были ей до-нельзя чужды, подавляли ее своей низменностью, если не раздражали постоянно чувствомъ того, что вотъ всѣ эти здоровенныя англичанки только и хлопочутъ о томъ, какъ бы имъ, не поступаясь ни одной своей британской привычкой, прожить подольше на югѣ, гдѣ имъ тепло, свѣтло и дешево, гдѣ они постоянно среди земляковъ, замаринованныхъ въ своей респектабельности.

А въ ней догораетъ жизнь: она это сознавала, отчетливо и безповоротно. Докторовъ она не звала иначе, какъ въ крайности, когда, по ночамъ, случалось что-нибудь чрезвычайное. Она считала своимъ долгомъ передъ Меней не умереть скоропостижно, отъ собственной небрежности, и отъ каждаго доктора, попадавшаго къ ней, требовала категорическаго отвѣта: сколько, по его мнѣнію, она проживетъ, и нѣтъ ли серьезной опасности,—не для себя, а затѣмъ, чтобы во-время приготовить мужа. Только за нимъ признавала она право на собственную жизнь, а не за собою; но съ каждымъ днемъ она считала себя все болѣе и болѣе виновной въ томъ, что навязываетъ Менѣ несносную обузу—умирающую жену, портитъ ему и безъ того не красную его долю. По ея разсчетамъ,—она ихъ вела про себя, съ безстрастнымъ мужествомъ,—ей слѣдовало умереть весной, передъ переѣздомъ въ Швейцарію.

По дорогѣ на Ривьеру, изъ Швейцаріи, съ горничной нѣмкой, нанятой за дешевую цѣну, остановились они въ Санъ-Ремо. Положеніе городка понравилось ей. Оно избавляло ее отъ Мен-

Digitized by Google

тоны. Но Евменій Филипповичъ изъ Москвы, въ письмахъ своихъ, настаивалъ на томъ, чтобы она къ концу ноября непремѣнно перебралась въ Ментону. Ослушаться она не считала себя въ правѣ и опять очутилась въ Ментонѣ, но выносить отельную жизнь уже не могла, взяла меблированную квартирку, стала держать кухарку. Но даже и крошечное хозяйство не могло идти. По цѣлымъ суткамъ лежала она какъ пластъ, не могла говорить, не могла ничего приказать и находила, что проживаетъ непомѣрно дорого; это заставляло ее страдать больше всего.

Такою нашелъ ее Евменій Филипповичъ и, по совѣту доктора, перевезъ ее на прибрежье, между Вилла-Франка и Больё, въ самое мягкое и теплое мѣсто окрестностей Ниццы. Имъ посчастливилось найти за недорогую цѣну цѣлую квартирку, въ нижнемъ этажѣ запущенной виллы, оставшейся безъ нанимателей на зиму.

Жена привратника вызвалась готовить; дочь ея, толковая дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, исполняла обязанности горничной. Самъ привратникъ ходилъ на рынокъ, топилъ каминъ, бралъ на себя всякія порученія, когда бывало нужно послать его въ Ниццу.

Кустаревъ, когда пріѣхалъ въ Ментону, прочелъ на лицѣ своей Гари близкую кончину. Первыя слова Маргариты Сергѣевны были:

— Прости, Менюшка, что я запоздала... Дольше марта не протяну и здѣсь...

Онъ посердился на нее за эти слова, не хотѣлъ самъ вѣрить близкому исходу, но докторъ подтвердилъ ему, что его жена врядъ ли доживетъ и до марта. Съ того дня онъ уже и въ шутку не пенялъ на нее за ея „кладбищенскія“ мысли.

Сегодня она проснулась безъ кашля и обычной изнурительной испарины, скушала котлетку и немного поговорила за ѣдой, разспрашивала его про Москву, друзей, университетъ и городскія новости.

Освѣдомилась она и о Куликовыхъ, объ Аннѣ Гавриловнѣ, о томъ, есть ли у нея ребенокъ, бывалъ ли онъ у нихъ или только встрѣчаетъ ее гдѣ-нибудь у общихъ знакомыхъ.

Кустаревъ какъ-то нехотя отвѣчалъ ей... Ему показалось, и не въ первый разъ, что въ Маргариту Сергѣевну засѣли какія-то подозрѣнія. Еслибъ онъ не боялся волновать ее, онъ долженъ былъ бы разсказать ей, что отъ болѣе частыхъ встрѣчъ съ Куликовой онъ не ушелъ, что эта женщина съумѣла выбрать такую минуту, когда ему было до-нельзя тяжело, и на хуторѣ, и въ городѣ, что она начала бывать каждый вторникъ у Симбирце-

Digitized by Google

выхъ одна, потому что ея мужъ боялся появляться въ этомъ кружкѣ, что она втягивала его въ долгія бесѣды, въ которыхъ не скрывала своего желанія—видѣть его въ числѣ своихъ друзей, выдавала мужа, живьемъ, называла свое супружество промахомъ дѣвушки, еще не сознавшей себя хорошенько.

Ничего этого онъ не хотѣлъ передавать женѣ и находилъ такую утайку обязательной.

V.

На лѣсенкѣ, ведущей кверху, въ садъ, показалась дѣвочка въ сандаліяхъ, на босу ногу, съ курчавыми рыжеватыми волосами.

Она сдѣлала Кустареву знакъ и крикнула сверху, съ мѣстнымъ акцентомъ:

— Il y a un monsieur qui demande à parler à monsieur.

Маргарита Сергѣевна спросила мужа:

— Кто бы это? Если докторъ, онъ очень ужъ зачастилъ... Все по десяти франковъ выдавай...

Курчавая дѣвочка переминалась съ ноги на ногу, и ея бѣлые зубы блестѣли на солнцѣ. Фартукъ ея немножко развѣвался.

Кустаревъ былъ бы скорѣе радъ приходу доктора. Ему хотѣлось вѣрить въ возможность если не выздоровленія, то хоть нѣкотораго подъема силъ. Чахотки онъ не признавалъ, а только дурно залеченное воспаленіе и общую невростэнію.

— Лучше принять, Гаря,—тихо выговорилъ онъ, наклонившись къ женѣ.—Если тебѣ непріятно, я къ нему пойду...

— Какъ тебѣ угодно,—кротко отвѣтила больная, и пожала ему руку.

Онъ взбѣжалъ по ступенькамъ.

— Le docteur?—спросилъ онъ у дѣвочки на ходу, отстранивъ ее рукой.

Но это былъ не докторъ. Она подала карточку, на которой стояло: „George Ermiloff. Moscou“.

Онъ хотѣлъ крикнуть женѣ, что пріѣхалъ Егоръ Петровичъ, и не крикнулъ, а подумалъ вслѣдъ за первымъ своимъ движеніемъ, что Гаря можетъ сильно заволноваться. Почему-то у него явилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предположеніе, что Ермиловъ—не одинъ на Ривьерѣ.

Но этотъ неожиданный пріѣздъ пріятеля, съ которымъ они видѣлись въ Москвѣ какъ-то урывками, подбодрилъ его. Онъ пошелъ быстрымъ шагомъ. Дѣвочка побѣжала впередъ просить

Digitized by Google

гостя, дожидавшагося у рѣшетчатой входной двери на кремнистой мостовой узкаго прохода, съ крутымъ подъемомъ.

Въ нѣсколько секундъ Евменій Филипповичъ, вернувшись мыслью къ Москвѣ, что-то еще сообразилъ насчетъ пріятеля. Всплыла тутъ же и роскошная фигура Анны Гавриловны, и ея длинные глаза поглядѣли на него. Вспомнилось и то чувство, съ какимъ онъ въ послѣдній разъ простился съ Ермиловымъ. И тогда уже онъ не видалъ въ немъ искренняго эпикурейца, удивился его намѣренію перебраться въ Москву, на постоянное житье.

— Егоръ Петровичъ!.. Родной... Вотъ одолжилъ!..

Онъ уже обнималъ Ермилова и оглядывалъ его.

— Вотъ это отлично!.. Какъ всегда, экспромтомъ—и сейчасъ отыскали насъ... Даже удивленія достойно!..

— Отыскалъ, отыскалъ!.. На днѣ морскомъ нашелъ бы!

Голосъ Ермилова звучалъ такъ же, но въ его лицѣ Кустаревъ сразу отмѣтилъ нѣчто новое, да и во всей его повадкѣ. Стоялъ онъ передъ нимъ франтовато и пестро одѣтый, въ башмакахъ, подъ парусиннымъ зонтомъ, въ шляпѣ съ синимъ вуалемъ.

— Вы подъ прикрытіемъ, дружище, а я простоволосъ! Пойдемте, присядемъ на минуту, вонъ подъ ту магнолію... И античная скамейка насъ тамъ ждетъ.

Магнолія была такъ же запущена, какъ и весь садъ; много мертвыхъ листьевъ валялось вокругъ нея, и на деревѣ не мало выглядывало пожелтѣлыхъ, среди болѣе сочной листвы, лоснившейся тамъ и сямъ.

— Ну, еще здравствуйте, родной!—продолжалъ Кустаревъ все въ томъ же возбужденномъ московскомъ тонѣ.—Почеломкаемся!

И онъ еще разъ его обнялъ.

Ему показалось, что Ермиловъ суше обыкновеннаго принимаетъ это пріятельское объятіе.

— Тепленько!—выговорилъ онъ и снялъ шляпу, оглянулся и прибавилъ:—да у васъ тутъ настоящее buen-retiro.

— Это, кажется, по-гишпански?—шутливо освѣдомился Кустаревъ.

— По-гишпански...

Юморъ скользнулъ по крупному рту Егора Петровича, но лицо его тотчасъ перемѣнило выраженіе.

Онъ наморщилъ слегка переносицу и спросилъ условнымъ звукомъ барскаго воспитанія людей, когда они попадаютъ въ домъ, гдѣ есть опасно больные.

— А какъ здоровье Маргариты Сергѣевны?

Digitized by Google

Этотъ звукъ сразу охолодилъ Кустарева. Отъ него пахло тѣмъ, что̀ жена его никогда не любила въ Ермиловѣ, но къ чему онъ самъ былъ нечувствителенъ.

— Какое ужъ здоровье!..

Кустаревъ махнулъ рукой и тяжело опустилъ голову.

— Неужели плохо?

Вопросъ зазвучалъ иначе, какъ будто даже съ дрожью въ голосѣ.

И въ самомъ дѣлѣ, Ермиловъ, произнося эти два слова, почувствовалъ, что смерть заноситъ ударъ надъ этимъ домомъ и дѣйствуетъ въ угоду ей, женщинѣ, которая приказала ему развѣдать. какъ можно скорѣе, гдѣ живутъ Кустаревы,—ихъ въ Ментонѣ не оказалось,—узнать, дѣйствительно ли Маргарита Сергѣевна при смерти, а потомъ пожалуетъ сюда сама убѣдиться въ этомъ и закинетъ новую сѣть на его пріятеля и соперника.

Соперникъ—вотъ онъ, добрѣйшій и честнѣйшій Кустаревъ... Успѣла ли она заронить въ него капельку любовнаго яда—Ермиловъ не зналъ. Врядъ-ли; да и зачѣмъ онъ будетъ заподозрѣвать это?.. Къ чему, прежде времени, растравлять свою рану?

Видъ Кустарева не вызвалъ въ немъ спазма злобы или зависти, никакого тайнаго сарказма, язвительной остроты... Онъ, должно быть, уже неспособенъ и на такія мужественныя чувства самца и хищника. Иначе, развѣ онъ взялъ бы на себя роль сообщника Анны Гавриловны, сталъ ли бы онъ проникать сюда съ намѣреніемъ: вывѣдать то̀, что̀ ей угодно и пріятно знать?..

Онъ сталъ разспрашивать, обстоятельно, ободрялъ пріятеля, сказалъ нѣсколько общихъ мѣстъ насчетъ благодарности климата Ривьеры и, говоря все это, продолжалъ испытывать гадливость къ себѣ и недовѣріе къ горю Кустарева. Ему какъ бы хотѣлось, чтобы этотъ пуританинъ лицемѣрилъ, чтобы онъ, про себя, желалъ смерти жены, чтобы и онъ былъ уже уколотъ той же иглой съ дурманомъ.

Дѣвочка, въ началѣ ихъ разговора, пробѣжала внизъ, на террасу. Она подумала, что оставить больную одну нельзя, а мать ея ушла къ сосѣдкѣ, жарить кофе—Маргарита Сергѣевна не могла выносить этотъ запахъ.

Они сидѣли на скамейкѣ, все въ тѣхъ же грустныхъ позахъ.

Кустаревъ, первый, почувствовалъ потребность встряхнуться.

— Что жъ тутъ подѣлаешь, дружище?—громче заговорилъ онъ и положилъ широкую ладонь на пухлое плечо Ермилова. —Вѣра у меня есть въ равновѣсіе въ природѣ. Должны же мы получить что-нибудь въ награду за всѣ гадости, посылаемыя намъ

Digitized by Google

случаемъ? Близкую кончину Гари—онъ покачалъ головой—я не хочу допускать: ужасныя передряги въ нервной системѣ—такъ; но въ легкихъ нѣтъ ни кавернъ, ни гангрены. Единственный сносный врачъ, въ Ментонѣ, изъ австріяковъ, который способенъ былъ произвести микроскопическій анализъ, находилъ, не такъ давно, что Коховскихъ столбиковъ нѣтъ въ отдѣленіяхъ.

— Когда?—спросилъ Ермиловъ безстрастнѣе, чѣмъ считалъ себя на то способнымъ.

— Когда?.. Да еще въ началѣ осени.

— А если это—phthisie galopante?..

И французскій терминъ выговорилъ онъ необыкновенно отчетливо, точно самый звукъ его нравился ему.

Въ этомъ бездушіи онъ распозналъ свое теперешнее отношеніе къ Кустареву. Тотъ товарищъ, къ которому онъ явился на хуторъ просить о своей незаконной дочери, умеръ для него...

И о дочери онъ совсѣмъ забылъ. Около года онъ не знаетъ, жива она или нѣтъ; съ той дамой—ея матерью—у него нѣтъ никакой переписки.

— Можно видѣть Маргариту Сергѣевну?—опять съ наморщенной переносицей спросилъ Ермиловъ.

— Вотъ я сейчасъ пойду. Быть можетъ, она уснула. Да и вообще я боюсь, чтобы она не взволновалась.

Кустаревъ поднялся, тревожно поглядѣлъ въ сторону спуска на площадку и сталъ прислушиваться.

Голосовъ на площадкѣ не раздавалось.

— Простите, дружище. Если можно, я кликну.

Поспѣшно скрылся Кустаревъ за деревомъ и началъ спускаться по лѣсенкѣ.

„Хитришь,—говорилъ про себя Ермиловъ.—Тебѣ пріѣлась хворость маленькой женщины; это вышибло тебя изъ твоего сѣдла. Дай срокъ, и ты будешь, какъ я, сидѣть за той же рулеткой и ждать, что выскочитъ твой нумеръ“.

Эти недобрыя мысли не могли забраться въ голову, годъ тому назадъ; тогда онъ вѣрилъ Кустареву гораздо больше, чѣмъ себѣ.

— Ну что̀?—громкимъ шопотомъ пустилъ онъ, когда Кустаревъ показался съ другой стороны; онъ вышелъ изъ дома заднимъ ходомъ.

— Видите что̀, родной! Она захотѣла васъ видѣть, очень оживилась. Только ей надо полежать—я настоялъ. А мы вотъ что̀ сдѣлаемъ. Вы не торопитесь?

— Я могу взять поѣздъ въ пять съ чѣмъ-то.

Digitized by Google

— И распрекрасно! Тутъ на полугорѣ, подъ шоссе, есть курьезнѣйшій кабачокъ. Напоминаетъ декорацію изъ „Риголетто". Тамъ мы разопьемъ бутылочку Asti Spumante и по душѣ все перетряхнемъ. Въ десяти минутахъ ходьбы.

Голову Кустарева уже покрывалъ изъ бураго войлока берэтъ, нахлобученный напередъ, придававшій его головѣ живописность.

„Да онъ сталъ красивѣе!"—подумалъ Ермиловъ и тотчасъ же сдержанно крикнулъ:

— Andiamo!

VI.

На дворикѣ, приткнутомъ къ скалѣ, гдѣ жерди лежали на узкихъ каменныхъ столбикахъ, перевитыя голыми отпрысками виноградной лозы, за некрашенымъ столикомъ сидѣли два москвича.

Хозяйка, улыбающаяся, плотная женщина, похожая на русскую нестарую няньку, принесла имъ бутылку мутнаго, но вкуснаго Асти, нѣсколько ломтиковъ салями, отъ котораго пошелъ чесночный запахъ, полубѣлаго хлѣба и ломоть стараго сыра Горгондзола...

Кабачокъ не совсѣмъ походилъ на притонъ изъ „Риголетто", но годился въ любой итальянскій жанръ. Къ нему надо было спускаться съ шоссе, по узенькой тропинкѣ, между мглистыхъ камней и запущенныхъ оградъ.

Съ дворика видна была полоска моря; а слѣва обливались яркимъ свѣтомъ отвѣсныя скалы, надвинувшись на дорогу—мѣсто Ривьеры, прозванное „маленькой Африкой".

Тутъ было прохладно, почти свѣжо. Изъ открытыхъ дверей лачуги, гдѣ помѣщалась стойка, шелъ запахъ вина и сушеныхъ травъ.

Оба москвича чувствовали то особое нервное возбужденіе, какое даетъ воздухъ Ривьеры.

Сначала разговоръ перескакивалъ съ предмета на предметъ, и обоимъ пріятелямъ, отъ перваго же стакана пѣнистаго Асти, захотѣлось сбросить съ себя то, съ чего они начали—тамъ, въ саду виллы; забыть хоть на нѣсколько минутъ тоску жизни.

Это имъ не удалось. Кустарева не веселила бесѣда съ Ермиловымъ, и здѣсь онъ не находилъ въ немъ прежняго Егора Петровича. Онъ не могъ выяснить—что̀ между ними точно встало, какъ тонкая, но непроницаемая стѣнка?

Между ними встала женщина.

Не та, что̀ дожидалась своего конца, на старой виллѣ; а та,

Digitized by Google

что ждала, въ Ниццѣ, возвращенія Ермилова и вѣрныхъ вѣстей о Кустаревыхъ.

Первый заявилъ объ этомъ Евменій Филипповичъ.

— Слушайте, дружище,—онъ положилъ локоть на столъ и наклонилъ къ нему голову:—что это какъ ровно я васъ не совсѣмъ чую?.. Какъ будто мнѣ моего эпикурействующаго россіянина Егора Петровича кто-то подмѣнилъ.

Ермиловъ вкось усмѣхнулся.

— Можетъ быть,—вымолвилъ онъ совсѣмъ не своимъ голосомъ.

— Съ какой же стати, родной?

Что было отвѣтить на это? Сиди передъ нимъ не Кустаревъ, не тотъ „объектъ", на который женщина, владѣвшая имъ какъ вещью, навела свои продолговатые глаза, съ цѣлью обладать имъ и отдаться ему, онъ не устыдился бы своего теперешняго паденія, разсказалъ бы чистосердечно, какъ подкрался къ нему этотъ недугъ, быть можетъ въ видѣ возмездія за двадцать-пять лѣтъ игры съ любовью и женщиной...

Кустареву онъ не могъ изливаться... Не могъ его и вывѣдывать, надѣвъ на себя личину: ка́къ тотъ теперь смотритъ на профессоршу, послѣ осени проведенной на хуторѣ, съ частыми поѣздками въ городъ?—забраться потихоньку къ нему въ душу и опредѣлить, какъ быстро, послѣ неминуемой смерти „маленькой женщины", ея Меня сдѣлается возлюбленнымъ Анны Гавриловны, а то такъ и ея законнымъ супругомъ, если она найдетъ болѣе удобнымъ добиться развода отъ своего ловкача-мужа...

На такіе подходы у него недоставало ни двоедушія, ни мужества.

На Кустарева онъ привыкъ смотрѣть какъ на роднаго брата. Сухость, сознанная имъ въ себѣ, полчаса передъ тѣмъ, не пропадала въ немъ и теперь. Асти не помогало что-то. Но въ немъ все-таки оставалось прежнее почтительное чувство къ личности Кустарева, хотя онъ и не преклонялся передъ народниками и ихъ полумистическимъ идеализмомъ.

Онъ сдѣлалъ бы надъ собою усиліе и заговорилъ бы про Монте-Карло, про женщинъ, про какія-нибудь эстетическія ощущенія, испытанныя имъ въ этомъ благодатномъ краю, но ему становилось неловко отъ опасной болѣзни Маргариты Сергѣевны, отъ ея кончины.

Невольно онъ выговорилъ съ протянутымъ стаканомъ:

— За выздоровленіе жены вашей!

И ему искренно, до болѣзненнаго порыва, захотѣлось этого

Digitized by Google

выздоровленія... Она не уступитъ своего Меню, и Меня не такой человѣкъ, чтобы тайно блудить...

Развѣ ужъ и онъ подпадетъ тому же недугу, что̀ гложетъ теперь его недавняго друга, „эпикурействующаго россіянина"?... Да, пусть живетъ „маленькая женщина", и много, много лѣтъ, пускай переживетъ ихъ обоихъ, вмѣстѣ съ разлучницей...

— Полноте!—остановилъ его движеніемъ руки Кустаревъ, ожидая вѣрно цѣлаго заздравнаго спича.—Во мнѣ живетъ еще вѣра... родъ упрямства; но въ ней самой ея нѣтъ... Вотъ это меня всего сильнѣе и сокрушаетъ, другъ Егоръ Петровичъ...

Опять, откуда-то, изъ самой скептической складки души, въ Ермиловѣ, какъ острая струйка, поднялось сомнѣніе... Онъ глядѣлъ вбокъ на лицо Кустарева и не распознавалъ на немъ несомнѣнныхъ признаковъ глубокой печали... Что-то уже забралось, разъѣдающее, въ сердце прямолинейнаго хуторянина.

— Климатъ восторжествуетъ!—попробовалъ еще Ермиловъ, и звукъ фразы вышелъ у него двойственный.

— Сосудъ скудельный, друже! — вотъ что̀ такое женщина... Онѣ воображаютъ себѣ, что духъ—все, что онѣ—безтѣлесныя и несутся на всѣхъ парахъ, зря, безумно, расточаютъ свою нервную силу на ежесекундное нравственное возбужденіе, а тамъ глядь—и разсыпалась машинка!..

— Маргарита Сергѣевна вела такую строго правильную жизнь,—замѣтилъ, какъ бы про себя, Ермиловъ.

— Заблужденіе, другъ, великое заблужденіе!..—почти гнѣвно крикнулъ Кустаревъ и началъ ковырять въ ломтѣ сыра, ища исхода овладѣвшей имъ нервности...—Не могутъ и не умѣютъ наши интеллигентныя женщины нормально переносить ни ударовъ жизни, всегда возможныхъ, ни прѣсноты ея... Маргарита Сергѣевна, съ первыхъ дней нашего сожительства, начала исходить въ черезчурную впечатлительность, въ заботу обо мнѣ, внѣ всякой мѣры, потомъ въ дѣтей... Со смертью ихъ она не умѣла помириться; за меня продолжала глодать себя, почти выдумывала мнѣ душевныя страданія, скорбѣла часто вслухъ о томъ, что дѣло мое не задалось, и какъ разъ—когда я почиталъ себя счастливымъ, что убѣжалъ изъ того ученаго клоповника, гдѣ безъ толку исходилъ въ мелкомъ раздраженіи. Въ предпослѣднюю минуту, она начала сдерживаться, и это стало еще хуже. Потомъ схватила она болѣзнь уже на почвѣ полной развинченности всей нервной системы...

Кустаревъ не договорилъ и допилъ остатокъ вина, мутнѣвшагося на днѣ стакана.

Digitized by Google

„Да, да“, думалъ Ермиловъ: „такъ и есть... Ты, не сознавая того, тяготишься... Эта умирающая жена лишаетъ тебя всякой личной жизни; ты ни публицистъ, ни хозяинъ, ни товарищъ своихъ сверстниковъ, людей одного кружка... А встрѣчи съ Анной Гавриловной могли додѣлать остальное“.

— Право,— продолжалъ сдавленнымъ звукомъ Кустаревъ,— женщины новой генераціи здоровѣе натурой. Онѣ, быть можетъ, болѣе себѣ на умѣ, идеалы ихъ помельче сортомъ. Да, зато, цѣну себѣ знаютъ и съумѣютъ къ зрѣлымъ лѣтамъ приберечь здоровье и нервную гибкость.

„Онъ объ ней думаетъ!“ мысленно воскликнулъ Ермиловъ и слегка покраснѣлъ, чего собесѣдникъ его не замѣтилъ.

— Какія такія женщины?—тихо вымолвилъ онъ, отводя голову въ сторону.

— А хоть бы ваша знакомая, Анна Гавриловна.

„Такъ и есть!“ чуть не вырвалось вслухъ у Ермилова.

— Вы находите? — спросилъ онъ, чувствуя, какъ его забираетъ желаніе—заставить Кустарева говорить, и въ то же время какъ бы совѣстясь за него.

— Всенепремѣнно! Нехорошо, что за этого конториста отъ Юнкера—пошла, за Лису-Патрикѣевну, которую она не можетъ не видѣть насквозь. Ну, да тутъ одинъ человѣчекъ кругомъ виноватъ.

— Кто это?

Вопросъ Ермилова заставилъ Кустарева поднять голову.

— Да вы, дружище, собственной особой. Она вамъ нравилась. Вотъ бы тогда конецъ сдѣлать всѣмъ экспериментамъ. Лучше не найдете, и какъ эстетикъ, и какъ умница. И она пошла бы, ничто же сумняся! А вы—сдается мнѣ, страха ради, не іудейска, а—холостяка заскорузлаго—на попятный. Она и очутилась приватъ-доцентшей, а теперь профессоршей Куликовой. Такъ-то!

Онъ налилъ себѣ и Ермилову и поднялъ свой стаканъ.

— За здоровье Анны Гавриловны!..

Этотъ тостъ показался Ермилову почти циническимъ. Онъ чокнулся молча и сидѣлъ съ опущенной головой.

— Вы мнѣ ничего не разсказали про нее, Егоръ Петровичъ. А я, грѣшный человѣкъ, когда дѣвочка подала мнѣ вашу карточку, подумалъ, что вы сюда не одни на Ривьеру пожаловали.

— И вы не ошиблись. Я съ Куликовыми.

— Быть не можетъ!

Кустаревъ всталъ и заходилъ вокругъ стола.

— Анна Гавриловна здѣсь! И со своимъ карьеристомъ?

Digitized by Google

— Они въ Ниццѣ и желали бы васъ видѣть.

Не сказать этого—было бы глупо.

Лобъ Кустарева немножко нахмурился.

— Къ намъ-то что же безпокоиться... Они надолго ли?

— По дорогѣ въ Италію. Побудутъ съ недѣлю.

— И вы за ними туда же?

Глаза Кустарева шутливо заиграли, когда онъ это спросилъ, глядя на Ермилова.

— И я туда же.

— Вотъ видите, дружище, до сихъ поръ въ васъ влеченіе не улеглось, а мясоѣдъ-то пропустили.

Тонъ этихъ словъ показывалъ, что Кустаревъ подозрѣвалъ пріятеля въ вѣчномъ селадонствѣ, но былъ далекъ, за тысячу верстъ, отъ настоящей правды.

— Что жъ прикажете передать?—спросилъ Ермиловъ?

— Да я къ нимъ заверну, какъ только Гарѣ будетъ получше. А къ намъ ей зачѣмъ же безпокоиться... Завтра, послѣ завтра. .

Порученіе Анны Гавриловны Ермиловъ исполнилъ блистательно.

VII.

Громкіе голоса раздались сверху, со стороны шоссе, гдѣ только-что остановился экипажъ.

Разговоръ былъ прерванъ.

Кустаревъ прислушался и сказалъ первый:

— Это, никакъ, соотечественники?

— Да,—подтвердилъ Ермиловъ:—только компатріоты могутъ такъ кричать.

Онъ внутренно обрадовался, что имъ помѣшаютъ. Дольше—сдѣлалось бы для него жутко.

По каменистой тропинкѣ спускались гуськомъ нѣсколько человѣкъ. Ермилову, съ его мѣста, было удобнѣе разглядѣть ихъ.

Впереди шелъ, переваливаясь, мужчина лѣтъ за пятьдесятъ въ русской „крылаткѣ“ изъ свѣтлаго шевіота и въ мягкой пуховой шляпѣ съ широкими полями. Ермиловъ сейчасъ же спросилъ себя: „какъ будто я его гдѣ-то видалъ?“

Господинъ въ крылаткѣ кричалъ тѣмъ, что̀ начали только сходить внизъ:

— Да ужъ, дѣти мои, коль я вамъ говорю, что тутъ найдется рафрешисментъ перваго сорта... Даромъ, что это кабачокъ! Мнѣ

Digitized by Google

еще не знать?.. Слава Богу!.. Пятнадцать лѣтъ по здѣшнимъ мѣстамъ путаюсь!..

Онъ повернулъ лицо, и солнце заиграло на его уже морщинистыхъ щекахъ, съ красными жилками, и на толстоватомъ, чисто-русскомъ носѣ помѣщичьяго типа. Бородка, изжелта сѣдая, моложавила его.

И голосъ былъ знакомъ Ермилову; но онъ еще не могъ ни назвать этого русскаго, ни сказать, гдѣ именно встрѣчалъ его.

Второю показалась дама, рослая, полная, почти толстая, въ бруснично-красномъ cache poussière, съ длинными рукавами и сборчатой шеей, и въ низкой шолковой шляпкѣ, безъ полей, формой въ родѣ купеческой „головки", нѣжно-абрикосоваго цвѣта.

И ее Ермиловъ узналъ, но тоже не могъ сразу сказать, кто это и какъ ея фамилія.

Но когда всмотрѣлся въ того, кто шелъ за нею, то сейчасъ же вспомнилъ, что толстая и бѣлолицая дама—вдова Мещерина, которую онъ видѣлъ у Капцовыхъ постоянно со студентомъ, по всей вѣроятности ея фаворитомъ. Григорій Порфирьевичъ сильно возмужалъ, запустилъ густые кавалерійскіе усы, былъ въ высокой шляпѣ и свѣтломъ длинномъ пальто англійскаго покроя.

Онъ успѣлъ загорѣть и держался съ прежней офицерской осанкой.

Позади, развихленной походкой, какъ-то подпрыгивая, двигался тщедушный, блѣднолицый молодой человѣкъ съ усиками и удлиненнымъ профилемъ, въ шоколадномъ сьютѣ, такого же цвѣта котелкѣ и башмакахъ съ гетрами.

Все это общество возвращалось изъ Ниццы въ Монте-Карло. Экипажъ ихъ—четырехъ-мѣстное ландо—видно было снизу.

Баринъ въ крылаткѣ, войдя во дворикъ, воззрился въ Ермилова и даже заслонилъ себя отъ свѣта ладонью.

— Позвольте!—крикнулъ онъ дворянскимъ звукомъ:—кажется, не ошибаюсь?.. Имѣлъ удовольствіе встрѣчаться съ вами!.. Знаете, гора съ горой...

Онъ уже пожалъ руку Ермилова.

— Кажется,—проговорилъ еще недовѣрчиво Ермиловъ.

— Сипуновъ моя фамилія... Мы и въ Питерѣ, и въ Москвѣ хлѣбъ-соль ѣдали. У Варсановьевыхъ и у Чибисовыхъ, кажется?..

— Скорѣй, у Чибисовыхъ,—поправилъ Ермиловъ.

Сипуновъ оглянулся на Кустарева.

— Вашей компаніи?—спросилъ онъ тихо, указывая на Кустарева глазами.—Навѣрно, землячокъ, а?..

— Мой пріятель...

Digitized by Google

— Какъ по фамиліи?

— Кустаревъ, бывшій профессоръ.

— Слыхалъ, слыхалъ!.. Вотъ это чудесно!.. Дѣти!—крикнулъ онъ остальному обществу.—Землячковъ нашли. Мы вонъ туда за столикъ. Позвольте вамъ отрекомендовать... Мадамъ Мещерина изъ Петербурга... человѣкъ-душа... Капцовъ, кончилъ петербургскій университетъ...

Но Григорій Порфирьевичъ остановилъ Сипунова и, поклонившись Ермилову и Кустареву двумя наклоненіями головы, сказалъ:

— Меня эти господа знаютъ.

Тутъ только Кустаревъ приподнялся, протянулъ ему руку и спросилъ:

— Давно изъ Питера?.. Батюшка какъ поживаетъ?..

Онъ не видалъ Порфирія Николаевича съ конца лѣта. На Ривьеру проѣхалъ онъ въ этотъ разъ прямо изъ Москвы, на Вѣну и Миланъ.

— Благодарю васъ,—отчеканилъ Григорій Порфирьевичъ,—старикъ поскрипываетъ.

— Куда опредѣлились?—спросилъ, въ свою очередь, Ермиловъ.

— Да пока еще никуда. Какъ вернусь, поступлю въ одинъ изъ полковъ кирасирской дивизіи.

Мещерина, въ своемъ красно-брусничномъ салопѣ похожа была на огромное выкрашенное яйцо. Она весело озиралась и находила въ эту минуту, что ея Гриша, подъ горячимъ солнцемъ, еще краше.

— Что̀ же мы здѣсь получимъ? — спросила она и подала руку Ермилову, прибавивъ:—можетъ быть, и меня помнитъ m-r Ермиловъ?

— Что̀ получимъ?—подхватилъ Сипуновъ.—Вотъ сейчасъ... Боттéга!—крикнулъ онъ къ двери:—Локандьера! Madame l'aubergiste!.. Или кто тамъ? Пограмотнѣе? Вино—Асти, формаджіо, стакани, макарони, сýбито!..

И онъ застучалъ своей тростью по столу.

Тщедушный молодой человѣкъ засмѣялся фистулой и тоже застучалъ по столу толстой палкой изъ апельсиннаго дерева.

Общество разсѣлось у другого стола.

Кустаревъ, нагнувшись къ Ермилову, шепнулъ ему:

— Расплатимся, да и маршъ...

Составъ этой компаніи былъ ему очень не по нутру.

— Позвольте, я пойду, расплачусь...

Digitized by Google

— Расходы общіе,—возразилъ Кустаревъ.

Они пошли расплачиваться вмѣстѣ. Но хозяйкой овладѣлъ Сипуновъ, и они должны были подождать.

— Да вы что же это, дорогіе земляки?—обратился тотъ къ нимъ послѣ того, какъ протурилъ хозяйку за виномъ и закуской, взявши ее за плечи:—нешто мы васъ гонимъ?

— Нисколько,—отвѣтилъ Ермиловъ,—но намъ пора...

— За компанію бы!.. Вы въ Ниццѣ проживаете, или въ Монако?

— Я только-что пріѣхалъ.

— И господинъ ученый?.. тоже?..

Не дожидаясь отвѣта, Сипуновъ продолжалъ, обращаясь ко всѣмъ:

— Дѣти мои, лучше на свѣтѣ мѣста нѣтъ, какъ владѣнія князя Монакскаго... Былъ свѣтъ и будетъ свѣтъ, а такого другого царства не найдете...

— Это вѣрно!—откликнулась Мещерина.

— Ну, барынька, вы особъ-статья!.. Дѣло женское, дѣло слабое... Вашей сестрѣ вездѣ хорошо, гдѣ чувствамъ своимъ находите пріятность. Играть и ваша сестра охотница, но больше наскокомъ... Прилетѣла изъ Парижа, изъ Лондона, или изъ орловской вотчины, спустила—и опять тѣмъ же аллюромъ обратно. Но смаковать, какъ должно, все благородство учрежденія, вонъ тамъ, на террасѣ Монте-Карло, вы не можете...

— Объясните вашу мысль,—сказалъ Капцовъ и насмѣшливо поглядѣлъ на Сипунова.

— Да, объясните!—повторилъ молодой человѣкъ.

— А то какъ же? Гдѣ это, въ какомъ это другомъ мѣстѣ вамъ дадутъ сорвать банкъ и чинно-благородно поднесутъ на подносикѣ двѣсти слишкомъ тысячекъ? Извольте, получайте и насъ лихомъ не поминайте!

— Только Геннадій Евграфовичъ,—пояснилъ Капцовъ въ сторону Ермилова и Кустарева,—вотъ пятнадцать лѣтъ дожидается этого момента... А сколько вы спустили?

— Не считалъ хорошенько, потому что это дѣло безполезное. Мнѣ хватаетъ! Чего же больше? Дѣло не въ томъ, сколько проиграть и сколько ставить. Пятакъ или золотушка—все едино. Одолѣть вертѣлку... Нумеръ отгадать—вотъ что обжигаетъ васъ.

— Вы поэтъ игры!—вскрикнула Мещерина.

Имъ подали вино.

— Господа! пригубьте, откушайте за компанію!

Digitized by Google

Сипуновъ загородилъ путь двумъ пріятелямъ, и рукава его крылатки широко развѣвались.

— Да мы только-что пили это самое,—сказалъ Кустаревъ, дѣлая жестъ отказа.

Ермиловъ также отказался. Обоимъ хотѣлось поскорѣе уйти. Компанія пахнула на обоихъ кутильнымъ петербургскимъ и подмосковнымъ помѣщичьимъ тономъ, въ лицѣ этого Сипунова; а Ермиловъ уже пересталъ бояться возобновленія разговора съ Кустаревымъ на щекотливыя темы.

— Да вы здѣсь по близости?—приставалъ Сипуновъ. — Не хотите ли взять наше ландо? Мы еще здѣсь покалякаемъ. У меня возница—Викторомъ его зовутъ—курьезная обезьяна. Ростомъ съ карлыша... и рожа вся смуглая .. Родомъ изъ Авиньона. И гоноръ какой! Бичемъ хлопаетъ—точно священнодѣйствуетъ.

— Намъ пора... Благодарю васъ,—прерваль Ермиловъ одной изъ своихъ барскихъ интонацій, за которую Кустаревъ сказалъ ему тайное спасибо.

Капцовъ и молодой человѣкъ съ фальцетомъ поклонились имъ издали. Дама все такъ же весело кивнула головой.

Сипуновъ проводилъ ихъ до поворота въ закоулокъ и предлагалъ свое гостепріимство въ Монте-Карло.

— Ежели вы, паче чаянія, ночлега и внизу, въ кондаминѣ, не найдете, заигравшись грѣшнымъ дѣломъ, прошу покорно ко мнѣ, въ Grand-Hôtel... Кровать прикажемъ вамъ въ салонѣ. И во всякое время, коли около рулетки меня нѣтъ, и не поѣхалъ въ Ниццу,—въ кафешку—Café-de-Paris загляните, на площади-то, гдѣ женскому полу самая главная биржа. Хе-хе!.. И по этой части добрый совѣтъ могу дать. Потому, на такую невинность, при маменькѣ, наскочите... Для меня ужъ это не опасно. Да и жалость къ нимъ я чувствую. Дѣло женское—слабое дѣло. Тоже и имъ, сердешнымъ, не легко достается рулеточная служба. Себѣ я скромненькихъ лектрисъ только беру. Глаза плохи... газетъ не могу читать... До пріятнаго свиданія...

Рукава крылатки заколыхались вверхъ по спуску.

VIII.

До самой почти виллы они промолчали.

— Цвѣтистый россіянинъ!—выговорилъ первый Кустаревъ: —вы его подлинно знаете, Егоръ Петровичъ, или это онъ самъ назвался вамъ въ знакомцы?

Digitized by Google

— Я его встрѣчалъ,—отвѣтилъ съ унылой усмѣшкой Ермиловъ.

— Да кто же онъ, какого званія?

— Кажется, бывшій концессіонеръ какой-то дороги, а можетъ, и коннозаводчикъ.

— Коли не то и не другое вмѣстѣ.

На нихъ обоихъ пахнула струя русской дѣйствительности. Кустаревъ точно ждалъ этого нашествія соотечественниковъ, чтобы перейти къ нѣкоторымъ итогамъ.

— Видѣли,—спросилъ онъ Ермилова и взялъ его за руку,—какимъ хватомъ смотритъ нашего бѣднаго Порфирія сынокъ?.. Вѣдь онъ на счетъ той вдовы совершаетъ первую поѣздку въ Монте-Карло. И нимало ему не стѣснительно, ни васъ, ни меня. Въ послѣдній разъ, какъ я видѣлъ Порфирія, по осени, плакалъ онъ—вотъ у меня, на груди.

— Плакалъ? — переспросилъ Ермиловъ, сознавая въ то же время какое-то равнодушіе къ невзгодамъ и радостямъ Капцова, своего однокурсника.

— Горючими слезами заливался! Такъ, какъ былъ въ мундирѣ и съ крестомъ на шеѣ, прямо изъ своего министерства пришелъ. „Евменій,—говоритъ,—я самъ себѣ жалокъ и презираю себя до послѣдней возможности“.

— За что же? — болѣе искренней нотой спросилъ Ермиловъ.

— „Мое постыдное, говоритъ, слабоуміе довело всю семью Богъ знаетъ до чего“...

— И онъ узналъ, наконецъ, про связь жены?.. Вѣдь мужья всегда подъ самый конецъ...

Ермиловъ не докончилъ. Ему показалось слишкомъ уже бездушнымъ прохаживаться въ такомъ духѣ надъ бѣднымъ мужемъ...

— Недостало у него мужества прямо про жену сказать, да и хорошо, что оно такъ вышло: мнѣ за него было бы черезъчуръ прискорбно. А о дѣтяхъ онъ на чистоту говорилъ. Григорій если теперь не форменный Альфонсъ—на линіи его; Диночку мать загубила...

— Что такое?—полюбопытствовалъ Ермиловъ.

— Да выходитъ, что инженеръ-подрядчикъ... Вы его тамъ видали, рыжеватый изъ себя... былъ на правахъ жениха, а между прочимъ о женитьбѣ онъ и не помышлялъ. И, кажется, преспокойно пользуется всѣми правами. Отецъ это видитъ. Сорятъ деньгами, и мать, и дочь. Карету держатъ. Откуда же все это? Хоть онъ и работаетъ, что твой каторжный, однако сейчасъ сложеніе,

Digitized by Google

вычитаніе подскажетъ, что заработокъ у него не такой! И это всего пуще въ собственныхъ глазахъ срамитъ его и сосетъ день и ночь. А онѣ, поганки, мало, что отъ того, яко бы жениха, принимаютъ субсидіи, и съ Порфирія-то продолжаютъ драть три шкуры.

Щеки Кустарева разгорѣлись. Онъ ускорилъ шагъ и Ермилова подталкивалъ, держа его подъ руку.

Спускаться стало очень круто. Ноги Ермилова служили ему гораздо плоше, чѣмъ годъ назадъ. При спускѣ съ лѣстницы или по такимъ каменистымъ дорожкамъ съ крутыми ступеньками, изъ покосившихся камней, онъ долженъ былъ съ трудомъ приспособляться, и на щекахъ его то-и-дѣло вздрагивали нервныя струйки боли и усилія.

Онъ остановился и придержалъ Кустарева за руку, на которую тотъ упирался.

— Однако,—подавляя боль, выговорилъ онъ,—можетъ же онъ положить этому предѣлъ? Онъ, глава—наконецъ! Съ какой же стати опускаться, по доброй волѣ, въ тину самопрезрѣнія?

Онъ это выговорилъ торопливо, точно боялся не докончить, и ему тотчасъ же пришлось отвѣтить на собственный вопросъ:

„А ты? Развѣ ты себя не презираешь, въ иныя минуты? Ну, попробуй, положи предѣлъ твоему рабству передъ той бабенкой, что послала тебя сюда, въ качествѣ соглядатая?“

— Эхъ, батюшка, Егоръ Петровичъ,—слышалъ онъ въ отвѣтъ тихій говоръ Кустарева.—Хорошо такъ вчужѣ рѣшать; а коли духъ немощенъ?.. Порфирій и всегда-то былъ такой. Вотъ она, крайняя деликатность, и сослужила ему предательскую службу. Да и кто можетъ за себя поручиться?.. Бабье, по нынѣшнему времени, взяло великую силу. Одна умная переводчица, въ Москвѣ, мнѣ не такъ давно сказала: „Никто, говоритъ, Евменій Филипповичъ, изъ васъ не застрахованъ отъ революціи своего сорокъ-восьмого года“.

— Какъ, какъ?—крикнулъ Ермиловъ и опять пріостановилъ Кустарева на ходу.

— Революція сорокъ-восьмого года—это вотъ въ нашъ съ вами возрастъ, или около того. Одинъ мнитъ себя легкимъ эпикурейцемъ, другой—суровымъ ригористомъ, а глядь... врагъ-то и одолѣетъ. Баба возьметъ верхъ и нравъ передѣлаетъ, и правила, и мозгъ, и темпераментъ. Эстетикъ очутится въ притонѣ и тамъ въ послѣднюю потаскушку будетъ класть весь остатокъ своихъ душевныхъ силъ! Такъ-то-съ!..

Съ полузакрытыми отъ горячаго солнца глазами слушалъ

Digitized by Google

Ермиловъ эту тираду, и ему вспомнился цѣлый рядъ мыслей, въ прошлую осень, когда онъ подъѣзжалъ къ хутору Кустарева и думалъ о томъ, какой вздоръ всѣ толки о томъ, что сложившійся человѣкъ мѣняется. Тогда онъ былъ убѣжденъ, что онъ и Кустаревъ до могилы останутся въ своихъ основныхъ чертахъ тѣми, чѣмъ были еще въ гимназическіе годы.

А развѣ онъ—тотъ же Ермиловъ, который ѣхалъ на хуторъ въ телѣжкѣ, подъ плэдомъ, въ жидковатомъ заграничномъ эльстерѣ и перебиралъ въ головѣ пріятныя свои встрѣчи съ женщинами въ Біаррицѣ и Парижѣ?..

Да и Кустаревъ... И онъ какъ будто наканунѣ какого-то перелома.

— Февральская революція, — промолвилъ онъ медленно.— Очень удачный терминъ.

— Да, батюшка,—революція сорокъ-восьмого года. Намъ съ вами до этой годовщины не то чтобы много осталось.

— Не очень чтобы много,—повторилъ Ермиловъ и началъ спускаться скорѣе.

Онъ вспомнилъ, что время у него уже въ обрѣзъ, и что онъ долженъ привезти Аннѣ Гавриловнѣ описаніе того, въ какомъ видѣ онъ самъ засталъ „маленькую женщину“.

Еще разъ у него зашевелилось внутри что-то похожее на желаніе перейти къ самому себѣ и крикнуть Кустареву: „Да посмотрите на меня! Развѣ я все тотъ же?.. И какую я роль играю вотъ сейчасъ, притворяясь вашимъ пріятелемъ?.. Капцовъ —жертва своей слабости къ женѣ и дѣтямъ, а я?!“..

Но ничего такого онъ не сказалъ—и даже испугался своего внутренняго движенія.

Они подходили къ рѣшетчатой входной двери.

Кустаревъ оставилъ его руку и хотѣлъ-было позвонить.

Но дверь стояла незапертой.

— Что за притча!—вслухъ сказалъ онъ.—Они этого обыкновенно не дѣлаютъ. Нешто забыли?..

Тихо вошли они на виллу. Къ задней площадкѣ вела узкая аллейка съ плющемъ.

Онъ окликнулъ въ сторону оконца кухни, помѣщавшейся въ подвальномъ этажѣ.

Ему никто не отвѣтилъ.

— Притча! — повторилъ Кустаревъ съ безпокойствомъ въ голосѣ.—Что-нибудь неладно.

При поворотѣ къ спуску на террасу, гдѣ часъ передъ тѣмъ

Digitized by Google

сидѣла въ креслѣ Маргарита Сергѣевна, на нихъ налетѣла дѣвочка, дочь привратницы.

— Madame!..

Больше она ничего не могла выговорить и потащила Кустарева внизъ.

„Неужели умерла?“ — Вопросъ пронзилъ Ермилова, и ему захотѣлось крикнуть:

„Не бывать этому! Она должна жить!“..

Кустаревъ побѣжалъ за дѣвочкой. Оба сейчасъ же скрылись въ двери балкона.

„Пойти и мнѣ туда?“ — спросилъ себя Ермиловъ и сдѣлалъ два-три шага въ томъ же направленіи.

Но его что-то удержало—родъ стыда.

Въ другое время онъ самъ бы устремился вслѣдъ за ними.

Не больше, какъ черезъ минуту, показался Кустаревъ, блѣдный, но не растерянный.

— Что̀ такое?—противъ воли искренно спросилъ Ермиловъ.

— Да припадокъ страшной слабости. Однако пульсъ я нащупалъ.

— Доктора?.. я могу сейчасъ же!..

И эти слова вылетѣли у Ермилова сами собою: прежній порядочный человѣкъ еще не совсѣмъ умеръ.

— Двое побѣжали за докторомъ.

— Куда?

— Въ Вилла-Франку. Не знаю, найдутъ ли еще!.. Эхъ!..— Кустаревъ махнулъ рукой.—Напрасно я согласился перебраться сюда. Вотъ такой вотъ припадокъ...

Онъ не договорилъ, стиснулъ руку Ермилова и на ходу кинулъ ему:

— Вамъ пора, дружище!.. Ступайте!.. Я и самъ справлюсь!.. Ступайте, опоздаете...

Оставшись одинъ на площадкѣ запущенной виллы, Ермиловъ почуялъ, что теперь только охватило его со всѣхъ сторонъ чѣмъ-то, предвѣщающимъ неизбѣжную кончину „маленькой женщины“. Совсѣмъ разбитый, еле волоча больныя ноги, грузно и съ поникшей головой поднялся онъ къ той скамьѣ, гдѣ они сидѣли съ Кустаревымъ, и опустился на нее.

Никто не возвращался, ни привратникъ, ни его жена. Ни одного звука не доносилось отъ дома. Только проснувшаяся къ часу прибоя волна заговорила внизу по мелкимъ камешкамъ береговой линіи.

Чего же ему еще ждать? Жена Кустарева очень плоха. Онъ

Digitized by Google

не врывался въ ея спальню, но можетъ передать своей повелительницѣ, что „маленькая женщина“ была слишкомъ слаба, чтобы принять его, а потомъ съ ней сдѣлался припадокъ „мертвенной слабости“.

Онъ также грузно поднялся и на цыпочкахъ, точно тайкомъ, пошелъ къ плющевой аллеѣ. Сухіе, желтые листья магнолій хрустѣли подъ подошвами его башмаковъ. Дверь все еще стояла незапертой; онъ ее такъ и оставилъ; выйдя въ переулокъ, вынулъ часы и сообразилъ, какъ ему идти къ станціи: вправо или влѣво.

IX.

По плоскому пригорку раскинуты развалины древне-римскаго цирка. Часть наружныхъ стѣнъ уцѣлѣла, обглоданная временемъ, изъ мелкаго камня съ щебнемъ; сохранились очертанія сводовъ, впадины и отверстія.

Солнце давало тѣнь на одну сторону руинъ. Другая купалась въ волнахъ мягкаго и незнойнаго свѣта. Вправо и влѣво, по склонамъ холмовъ, шли сизыя купы оливъ; бѣлѣли и розовѣли виллы, роскошныя и простыя; туда, книзу,—Ницца, скученная полукругомъ, въ своемъ заливѣ, съ высокимъ выступомъ налѣво, гдѣ ютится полуразрушенная твердыня „стараго замка“.

Извозчичій фаэтонъ виднѣлся внутри развалинъ цирка. Кучеръ спалъ; сѣрая старая лошадь тоже дремала, и ноги ея вздрагивали отъ укусовъ насѣкомыхъ.

Вокругъ стояла большая тишина.

Мужчина и дама шли по полотну каменистой дороги, вверхъ. Они направлялись мимо совсѣмъ бѣлой обширной виллы греческаго стиля, съ террасами и колоннадой—она смотрѣла совсѣмъ пустой—къ церкви, позади которой помѣщается кладбище.

Оба шли подъ зонтиками: у дамы былъ кружевной, очень модный, въ формѣ звѣзды, у мужчины—изъ сѣраго шолка. На ходу мужчина казался болѣе чѣмъ на голову выше дамы. Онъ двигался съ легкой раскачкой, немного гнулся, и лѣвая рука, длинная, въ рукавѣ просторнаго темнаго пальто, качалась ритмически.

Плотная фигура дамы съ узко-затянутой таліей въ шерстяномъ свѣтло-песочномъ платьѣ какъ-то вздрагивала на ходу; маленькія подъемистыя ноги, въ открытыхъ башмакахъ, мелькали изъ-подъ короткой юбки.

Они шли медленно — мужчина лѣнивой походкой, его спут-

Digitized by Google

ница короткими шажками—и молчали, почти до того мѣста, гдѣ дорога сворачиваетъ къ церкви и кладбищу.

— Вамъ что̀ же это захотѣлось на погостъ?—спросилъ по-русски высокій мужчина.

Въ воздухѣ задрожали басовые звуки.

— Что̀ такое?.. какъ вы сказали?..

— Погостъ!..

— По-каковски это?..

— По-русски... небось!

Она тихо разсмѣялась.

— Кто же этакъ говоритъ?

— Да, почитай, полъ-Россіи такъ выражается, въ деревняхъ, а я—какъ вамъ не безъизвѣстно—на сельскомъ погостѣ и родился.

Она ничего не сказала и только повела плечами.

Подходя къ площадкѣ, гдѣ паперть церкви въ видѣ портика стояла въ тѣни и изъ-за каменной ограды глядѣли деревья просторнаго сада, который велъ къ задамъ „семейнаго пансіона", дама окликнула довольно громко:

— Благомировъ!

— Чего угодно, Доротея Васильевна?

— Я не понимаю, какъ вы такъ мало интересуетесь тѣмъ, что̀ вы здѣсь видите... Вотъ ужъ русскій-то, en chair et en os!

— Чѣмъ же интересоваться?—возразилъ онъ.—Насмотрѣлся я достаточно и на такіе виды. Мнѣ, признаться вамъ, Неаполь-то хуже горькой полыни пріѣлся. А онъ не чета этой самой Ниццѣ. Ну, вонъ, та груда мусора... Циркъ былъ во времена римской Галліи... И пускай его!.. Послѣ Колизея, или, бишь, этихъ, ну, какъ ихъ, бань Каракаллы, на что жъ тутъ смотрѣть?.. Дорога плоская, съ пыльцой... А кладбище окажется какъ кладбище!..

Они стояли другъ противъ друга подъ своими зонтиками, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ церкви. Два фіакра примостились въ тѣни, подальше, и кучера отъ скуки стали смотрѣть на этихъ иностранцевъ.

— Отъ посѣщенія церкви я васъ, пожалуй, избавлю, а по кладбищу пройдемтесь.

— Не суть важно! — отвѣтилъ Благомировъ, и въ его словахъ зазвучала нота не то ироніи, не то своего превосходства.

Кладбище, обнесенное со всѣхъ сторонъ высокой стѣной, итальянской постройки, все переполненное монументами и фамильными склепами, смотрѣло празднично. Бюсты, статуи, горшки съ цвѣтами, гирлянды, даже портреты и фотографіи на самыхъ надгробныхъ памятникахъ запестрѣли передъ русскими посѣтителями.

Digitized by Google

Въ ту минуту никого больше не было. На ступеньку одной изъ нишъ спутница Благомирова присѣла и опустила свой зонтикъ.

На ней живописно сидѣла шляпка, вся покрытая фіалками, съ круглою вуалью, спускавшеюся до половины лица. Она загорѣла. Глаза были чуть-чуть подведены. На верхней губѣ пушокъ обозначался уже очень явственно. Въ общемъ, ея красота стала эффектнѣе, но грубѣе. Съ перваго взгляда, всякій призналъ бы въ ней пѣвицу или актрису. На губахъ лежала черта условной усмѣшки, которая всегда моложавитъ на сценѣ и на эстрадѣ концертной залы.

И наружность Благомирова получила другой оттѣнокъ. Въ лицѣ онъ не похудѣлъ, но черты стали тоньше; кожа, слегка загорѣлая, лежала на щекахъ плотнѣе; бороду онъ подстригалъ, по заграничному; волосы носилъ короче.

Жизнь въ Италіи прошлась по всему существу даровитаго семинариста; жесты рукъ съ длинными бѣлыми пальцами получили значительность и красивость.

Его спутница остановила на немъ взглядъ изъ-подъ вуалетки, но тотчасъ же отвела его. Въ этомъ взглядѣ промелькнуло какъ бы признанье, что онъ сталъ еще красивѣе, но въ ней не было уже того обожанія, которое охватило ее годъ назадъ въ Петербургѣ. Въ ея минахъ чувствовалась только женщина, имѣющая счеты съ мужчиной.

И все это онъ прекрасно понималъ; предчувствовалъ и то, что прогулку на это кладбище предложила она не спроста, что будетъ объясненіе.

Когда они медленно двигались по плитамъ, вдоль наружной стѣны даже въ склепахъ, гдѣ бѣлѣлись мраморныя фигуры, все смотрѣло нарядно и весело.

„Хоть бы кладбищенскій сюжетецъ начать развивать“, подумалъ Благомировъ, но ему никакихъ меланхолическихъ мыслей не приходило.

— Пойдемте туда, въ садъ... напротивъ,—сказала Карусъ.

— Какъ угодно, — выговорилъ онъ и помогъ ей оправить складки платья.

Они перешли площадку, гдѣ прибавилось экипажей, и попали въ фруктовый садъ, довольно тѣнистый и разбитый на дорожки, обсаженный деревьями, по своему общему характеру, напоминающій наши помѣщичьи сады.

Влѣво, въ павильонѣ, журчалъ ключъ. Вдали было развѣшено бѣлье.

Digitized by Google

На Благомирова нашло настроеніе, еще менѣе отвѣчавшее желанію его спутницы начать „бабій“ разговоръ. Ему вспомнились деревня, огородъ, куда онъ ходилъ рвать огурцы, вытягивать изъ грядъ красную морковь и полоскать ее тутъ же въ кадушкѣ, въ дождевой водѣ. Только тамъ пахло русскими овощами. Какъ бы ему отрадно было задремать на землѣ, подъ оливой, дающей своей сизой листвой полупрозрачную тѣнь!

— Вы, кажется, совсѣмъ не хотите двигаться, Благомировъ? —вдругъ спросила Доротея Васильевна, круто повернувшись къ нему лицомъ.

— Почему?

— Такъ присядемте... вонъ тамъ скамья... въ тѣни...

Онъ наклонилъ голову, покорнымъ жестомъ, но въ его умныхъ семинарскихъ глазахъ, въ ту минуту особенно красивыхъ, сидѣла невольная усмѣшка.

Гдѣ-то позади полаяла собака и перестала. Въ воздухѣ проносились струи южныхъ запаховъ листвы, фіалокъ, цвѣта апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Свѣтъ уже опускавшагося солнца больше не безпокоилъ. День доживалъ свои послѣдніе два часа тепла и солнца, передъ быстрымъ наступленіемъ свѣжести и сумерекъ.

Въ такую пору съ пріятелемъ Благомировъ поговорилъ бы всласть. Онъ попрежнему любилъ русскія задушевныя бесѣды; но не такія, какой онъ хотѣлъ—и все-таки не могъ—избѣжать въ ту минуту.

— Вы чѣмъ же покончили съ агентомъ? — спросила она послѣ довольно длинной паузы.

„Вотъ куда махнула!“ подумалъ Благомировъ и сталъ закуривать папиросу.

Она не могла этого знать. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцевъ, какъ они не видались. Сюда она пріѣхала изъ Парижа, кажется, съ намѣреніемъ выступить въ концертахъ казино, въ Монте-Карло, а можетъ быть пропѣть двѣ-три роли въ муниципальномъ театрѣ, въ Ниццѣ.

Въ Парижѣ она не нашла своей „тарелки“, „assiette“, какъ она выражалась, по-французски. Въ Большой-Оперѣ ей дали audition, но на первыя роли не приняли. У нея не было подъ рукой ни музыкальнаго критика, ни пѣвца, съ вліяніемъ въ труппѣ. Была возможность, но не безъ подарковъ и обѣдовъ, выступить въ Комической-Оперѣ... Она сама понервничала, находила, что этотъ театръ, послѣ пожара, совершенно тусклый, что туда не ѣздитъ тотъ Парижъ, который установляетъ репутацію.

Digitized by Google

А года шли. Она все также стремилась къ успѣху, къ тому, что она называла „frapper le grand coup“. Слава ускользала, и это ее глодало, именно теперь пуще, чѣмъ когда-либо.

Красавецъ-семинаристъ также ускользалъ отъ нея. Онъ пойдетъ быстро. Онъ наканунѣ блистательной карьеры. Это она почувствовала вполнѣ ясно здѣсь, въ Ниццѣ.

— Чѣмъ покончилъ?—переспросилъ Благомировъ, когда раскурилъ папиросу и раза два затянулся.—Жду отъ него депеши...

— Съ ангажементомъ?

— Извѣстное дѣло.

Онъ мотнулъ головой и пустилъ длинную струю дыма.

— Вы ему довѣряете?

— Они всѣ разбойники,—медленно и спокойно выговорилъ Благомировъ, — но вѣдь и я не малый младенецъ. Дѣло пошло на перебой, у двоихъ агентовъ, въ Миланѣ и Лондонѣ.

— Отъ какого же вы теперь ждете отвѣта?

— Отъ миланскаго. Лондонъ у насъ въ карманѣ...

— Вотъ какъ!

Она густо покраснѣла. Это была зависть.

— Въ карманѣ,—повторилъ онъ, не глядя на нее; но онъ почувствовалъ, еще разъ, въ ея разспросахъ, не влюбленную въ него женщину, а товарку по профессіи.

— Берите! Чего же ломаться?..

Это выраженіе „ломаться“ вылетѣло у нея противъ воли, и она разсердилась на самое себя.

— Кто жъ ломается?

Онъ повернулся къ ней въ полъ-оборота.

— Въ Ковенъ-Гарденъ?

— Извѣстно... Только я еще не рѣшилъ.

„Да къ чему я ей обо всемъ этомъ болтаю?“—вдругъ подумалъ онъ.

Но отнѣкиваться онъ тоже не хотѣлъ.

— Есть, стало, еще лучшая комбинація?..

— Есть.

Косая, недобрая усмѣшка повела ея пунцовый, все такой же сочный, ротъ.

— Я вѣдь васъ не допрашиваю, Благомировъ...

Въ этихъ словахъ не было упрека, однако его пронизала мысль:

„Пожалуй, она меня считаетъ неблагодарнымъ эѳіопомъ... Я, дескать, тебя въ люди вывела, добыла тебѣ субсидію, дала возможность провести годъ въ Италіи и такъ быстро „сдѣлать пер-

Digitized by Google

воклассныя сцены",—онъ употребилъ про себя терминъ миланскаго жаргона русскихъ: „сдѣлать",—а ты хоронишься отъ меня.

— Либо Лондонъ, либо Америка...

— Вотъ какъ!..

Она имѣла бы поводъ упрекнуть его за то, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ не писалъ ей, ни разу не справился о томъ, что̀ она дѣлаетъ въ Парижѣ, какъ идутъ ея дѣла... Если онъ хотѣлъ совсѣмъ уйти отъ нея, можно было показать это менѣе сухо и безцеремонно.

Въ Ниццѣ они встрѣтились случайно, на „Promenade des Anglais". Конечно, не ее пріѣхалъ онъ искать сюда. Онъ и не могъ знать, что она здѣсь. И она его не искала, была увѣрена, что онъ въ Миланѣ, и давно должна была сознаться, что разлука съ нимъ не грызетъ ее. Будущій артистъ привлекалъ ее, изумительно благообразный мужчина снова дѣйствовалъ на ея нервы, но человѣкъ уже не трогалъ ея сердца, не вызывалъ слезъ на ея слегка подведенные глаза.

— Послушайте, Благомировъ,—измѣнившейся интонаціей заговорила Доротея Васильевна:—я васъ до сихъ поръ не спросила, зачѣмъ вы собственно въ Ниццу пріѣхали,—конечно, не выступать здѣсь?..

— Боже избави!

Въ этомъ возгласѣ заслышалось уже сознаніе того, какая ему теперь цѣна.

— И не играть же въ рулетку?

— Влеченія не имѣю... да и капиталовъ не припасъ...

Онъ не договорилъ и опять поглядѣлъ на нее вбокъ и съ чуть замѣтной усмѣшкой.

— Съ однимъ мусьякомъ повидаться. А я оповѣстился, что онъ по близости, на своей виллѣ, проживаетъ.

— Званцевъ?—вскричала она.

— Хотя бы и онъ.

И оба опять примолкли.

— А! я понимаю,—протянула она и начала нервно тыкать кончикомъ своего роскошнаго зонтика въ рыхлый дернъ, сбоку отъ скамьи.

Благомировъ ничего не отвѣтилъ и только затянулся.

— Я понимаю,—повторила Доротея Васильевна.—Вы хотите съ нимъ расквитаться.

И на это онъ не сразу отвѣтилъ.

— Ежели вамъ мое поведеніе понятно, то ни изумляться, ни возмущаться тутъ, кажется, нечего, Доротея Васильевна.

Digitized by Google

Слова были не мягкія, но выговорилъ онъ ихъ искренно, своимъ прежнимъ тономъ простого малаго, который когда-то приводилъ ее въ такой восторгъ.

— Стало, вы должны получить большой задатокъ?

Вопросъ вылетѣлъ у нея стремительно, но она готова была бы взять его тотчасъ же назадъ. Это отзывалось уже выспрашиваніемъ.

„Что за каботинство!“ выбранила она себя.

— Извѣстное дѣло,—также просто сказалъ Благомировъ.— Я тоже выученъ достаточно, не даромъ два сезона *сдѣлалъ* въ Миланѣ,—повторилъ онъ жаргонное выраженіе тамошнихъ русскихъ.

— И, можетъ быть, вы попадете въ Америку?..

„Пусть онъ уйдетъ отъ меня окончательно!“—вскричала она про себя. И у нея не забилось сердце, кровь не отлила отъ него. Она должна была признаться тутъ же, что страсть въ ней замолкла, даже отъ увлеченія ничего почти не оставалось, но все-таки заныло въ груди. Она не хотѣла упускать его. Быть можетъ, теперь, въ эту минуту, рѣшалась ея артистическая судьба. Да, если онъ попадетъ въ руки ловкаго Барнума, онъ прогремитъ за океаномъ, а потомъ въ Лондонѣ, въ Мадридѣ, гдѣ угодно. Она съ нимъ выплыветъ непремѣнно. Связи, актерскаго „collage“ онъ боится. Бракъ болѣе въ его правилахъ... Можно вызвать въ немъ чувство признательности широкимъ порывомъ.

У нея слегка начала кружиться голова. Она хотѣла бы снять шляпу, хотя воздухъ уже свѣжѣлъ.

— Да, я васъ понимаю,—начала она совсѣмъ тихимъ звукомъ,—и меня всегда привлекала ваша суровость въ извѣстныхъ правилахъ. Enfin, — вскричала она, — vous êtes d'un bloc, et cela me plait!

Благомировъ сидѣлъ съ низко опущенной головой. На его губахъ появилась чуть замѣтная усмѣшка.

По его позѣ она ничего не могла распознать. Тщеславіе красивой женщины съ дарованіемъ и умственнымъ блескомъ не позволяло ей спросить себя: да полно, этотъ семинаристъ не раскусилъ ли ее давно, не видитъ ли онъ насквозь всю ея душу?..

Digitized by Google

X.

— Вы даже не понимаете, что̀ такое страсть, Благомировъ!

Эти слова были произнесены полчаса позднѣе, все въ томъ же фруктовомъ саду, но ближе къ пансіону, на широкой аллеѣ, служившей границей двухъ владѣній.

— Ой-ли?..

Окликъ Благомирова зазвучалъ добродушнымъ юморомъ и показывалъ, какъ онъ спокоенъ въ ея присутствіи, когда другой бы чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ.

— Вотъ Гремушинъ!.. Это—страсть!..

— Вы нѐшто его и сюда съ собой приволокли?..

— Выражайтесь поделикатнѣе!—не выдержала она и встала со скамьи.

Онъ продолжалъ сидѣть.

— Простите великодушно! — заговорилъ онъ и поднялъ на нее свои умные глаза.—Мнѣ этого старичка...

— Онъ совсѣмъ уже не такъ старъ!

— Ну, положимъ! Во всякомъ разѣ, мнѣ его вчужѣ жаль. Совсѣмъ рехнулся! Бросилъ никакъ семейство и теперь вашъ рабъ. И такую партію распѣваетъ, что одинъ срамъ-стыдобушка!

— Срамъ! говорите вы?—тщеславіе взяло въ ней верхъ, и она закусила удила:—а онъ счастливъ, онъ блаженствуетъ, онъ ушелъ совсѣмъ въ свою безпредѣльную любовь, въ свое идіотское, на вашъ вкусъ, обожаніе. Только такія безумства и значатъ что-нибудь въ глазахъ тѣхъ, кто понимаетъ мужчинъ! Молодость и красота—случайность! У васъ евангельскій ликъ, васъ прославили писанымъ красавцемъ...

— Помилосердуйте!—рванулъ густой нотой Благомировъ.

— Нечего лицемѣрить! Вамъ это очень хорошо извѣстно! А можетъ случиться, что вы врѣжетесь въ какую-нибудь дрянную бабенку—qui ne vous gobera pas—вы понимаете... которой вы не по вкусу, и вы будете играть такую же идіотскую роль, какъ Гремушинъ...

— Слѣдственно,—остановилъ онъ ее:—я тогда въ глазахъ понимающихъ женщинъ и поднимусь, какъ вы сейчасъ изволили излагать. Логика того требуетъ, Доротея Васильевна.

„Ахъ, кутейникъ!“—выбранилась она внутренно сейчасъ же.

Но она сдержала себя, сѣла поближе къ нему и заговорила мягко, тономъ сестры.

— Послушайте, Благомировъ, я не хотѣла бы навсегда раз-

Digitized by Google

статься съ вами,—къ этому вѣдь идетъ,—унося черствый и обидный для васъ итогъ.

— Какъ это?—осторожно спросилъ онъ.

— Въ васъ меня прельщала высокая наивность души и таланта. И, кажется, вы не можете сказать, что я васъ хитро завлекала. Моя вина состояла, напротивъ, въ томъ, что я сразу была съ вами душа на-распашку.

Онъ сжалъ губы съ видомъ человѣка, слѣдящаго за ходомъ противника въ шахматной игрѣ.

— Вѣдь такъ?—переспросила она.

— Извольте кончать, я слушаю,—откликнулся онъ.

— И мнѣ обидно за васъ, а не за себя: видѣть въ вашей личности—я не говорю: разсчетъ, хищное „себѣ на умѣ",—но непониманіе, что-то отзывающееся уклончивостью, недовѣріемъ, за которымъ кроются коренныя свойства русскаго мужчины: „всякая бабенка—я буду выражаться языкомъ нашихъ первыхъ сюжетовъ—норовитъ нашего брата объегорить". Вотъ это обидно и горько! И безъ того жизнь—печальная исторія, а русскіе мужчины—великіе мастера всякій проблескъ поэзіи, всякій порывъ—все это свести Богъ знаетъ къ чему?!..

Она опять разгорѣлась, и тонъ послѣднихъ словъ былъ уже совсѣмъ не грустно-задушевный.

Благомировъ молчалъ.

— Можетъ быть,—продолжала она,—я грубо ошибаюсь, и виновата какая-то стѣнка между нами, безсиліе людей очень близкихъ проникнуть взаимно въ душу. Это безсиліе прекрасно выразилъ въ одномъ мѣстѣ мой поэтъ—Бодлэръ... Говорите, не церемоньтесь. Я вамъ позволяю всякую смѣлость, и въ чувствѣ, и въ оцѣнкѣ, и въ вашихъ выраженіяхъ...

— Увольте!—вымолвилъ онъ и тряхнулъ головой прежнимъ своимъ жестомъ церковнаго регента.

— Почему же?

— По какому праву стану я разбирать вашу личность и ваши чувства?

— Вамъ принадлежитъ право защиты. Я васъ обвиняю.

— Увольте!—повторилъ онъ.

— Это рисовка, Благомировъ, или полное отсутствіе искренности.

Она поднялась со скамьи.

Благомировъ оставался все въ той же позѣ, только повелъ правымъ плечомъ и сильно на нее покосился.

— Вы такъ полагаете, Доротея Васильевна?—спросилъ онъ,

Digitized by Google

и голосъ его, сдѣлавшись глуше, въ первый разъ дрогнулъ.—Я уклоняюсь не страха ради іудейска, а потому—ежели на чистоту говорить—что надо вторгаться, такъ сказать, въ чужую душевную область.

— Вторгайтесь! Прошу васъ!.. Вы мнѣ самой окажете большую услугу. Можетъ быть, я не понимаю себя, нахожусь въ самообольщеніи?

— Можетъ быть,—искренно выговорилъ онъ.—Между нами, Доротея Васильевна, вотъ какая есть разница...

Онъ остановился.

— Говорите, говорите!

— Я вотъ теперь на дорогѣ. Видите, могу даже выбирать между Лондономъ и Америкой. И это меня не ахти какъ радуетъ.

— Конечно! Все обличительные взгляды!

— Такая ужъ у насъ, у настоящихъ русаковъ, повадка! Не можемъ мы служить мамонѣ такъ, чтобы самихъ себя услаждать, вотъ какъ въ старой Европѣ дѣлается...

— Въ этомъ нѣтъ ничего относящагося ко мнѣ,—прервала она.

— Я и не говорю! У васъ жажда настоящая, игрецкая! Пріемы, слава, чтобы прогремѣть всюду. Безъ этого вы не справитесь съ вашимъ пессимизмомъ—это точно. Это для васъ какъ дурманъ! Выше всего.

Она слушала его, стоя съ опущенной головой, и грудь ея тихо колыхалась.

— Остальное—тамъ увлеченье что-ли, игра чувствъ, темпераментъ, всему этому вы отдали дань и будете еще отдавать; но превыше всего—актерство! Я этакъ называю это свойство и достаточно его изучилъ теперь.

— Актерство?—повторила она вслухъ и подняла голову.—Вы хотите сказать, что я каботинка?

— Какъ-съ?—переспросилъ онъ и тоже поднялъ свою голову.

— Une cabotine! Это парижское слово. Въ родѣ того, что вы хотите опредѣлить вашимъ словомъ: „актерство“.

— Только оно, кажется, пообиднѣе будетъ?—спросилъ онъ, съ тихой и веселой игрой въ глазахъ.

— Да, обиднѣе...

— Слово—звукъ пустой. Своя же братія выдумала обидный терминъ для обозначенія общаго душевнаго свойства. Мнѣ это актерство не по душѣ—вотъ и все. И теперь, если ужъ совсѣмъ на чистоту говорить, положи на такую женщину, какъ вы, всего себя,—я ли-бъ это былъ, или кто другой,—вы не можете отвѣчать

Digitized by Google

тѣмъ же, хотя, по своему, и будете любить его. Вы обязательно вдадитесь въ самообманъ...

„Неужели ты меня раскусилъ?“ думала она, дѣлая по аллеѣ маленькіе шаги впередъ и назадъ. Она почувствовала еще и то, чего онъ не досказалъ. „Ты считаешь меня каботинкой и разсуждаешь такъ: ко мнѣ, какъ къ мужчинѣ, ты, милая моя, уже охладѣла, но моя актерская звѣзда влечетъ тебя ко мнѣ. Ты суевѣрна, ты желаешь добиваться успѣховъ, рука въ руку со мною. Пожалуй, и бракъ мнѣ предложишь... Но это не любовь, а жажда славы“.

Она не стала ему возражать. Помолчавъ, она сказала, собираясь идти:

— Благодарю... Вы говорили по-товарищески.

— Не взыщите!—отвѣтилъ онъ весело и выпрямился во весь свой ростъ, точно хотѣлъ вытянуть руки и сладко зѣвнуть. — Жаль, что мусьякъ, который ваши вериги носитъ, московскій-то чудачина, старенекъ. Вамъ такіе рабы необходимы, какъ воздухъ, Доротея Васильевна. Безъ нихъ и не можетъ быть успѣха. А хотите и себѣ, и ближнимъ вашимъ мужского пола, доброе дѣло оказать, оставайтесь весь свой вѣкъ холостой женщиной, на полной волѣ. Идолъ-то этотъ, котораго актерской славой зовутъ, сгрызетъ васъ, рано или поздно. Такъ благороднѣе ужъ одной ему въ пасть попадать, чѣмъ еще человѣческую душу на закланіе вести.

Тихій смѣхъ закончилъ эту тираду.

— Пойдемте!—сказала она и пошла впередъ, медленно и все еще держа низко голову.

Ихъ фаэтонъ стоялъ около церкви. Благомировъ подсадилъ свою даму шутливымъ жестомъ. Съ него соскочила сдержанность. Она это почуяла, но не съумѣла настроить себя на пріятельскій, развязный тонъ.

На спускѣ къ городу въ сторону „Boulevard-Carabassel“ ее вывелъ изъ раздумья басъ ея спутника. Онъ вдругъ запѣлъ что-то церковное.

— Что это?—спросила она его.—Дѣтство вспомнилось?..—На языкѣ у нея было другое, болѣе безцеремонное, слово.

— Ха, ха, ха! Не узнали. Это я, грѣшнымъ дѣломъ, кощунствовалъ разъ въ Миланѣ, прошлой весной. Разсказать вамъ?..

Веселыми дѣтскими глазами посмотрѣлъ онъ на нее,—глазами „русака“, подумала она, вспомнивъ его слово.

— Разскажите.

Пускай его болтаетъ,—ей легче будетъ. Она выслушала свой

Digitized by Google

приговоръ и старалась утѣшиться. Съ тѣмъ, кто проникъ такъ легко ея личность, безуміе было бы связывать свою судьбу!..

— Видите ли, Доротея Васильевна,—разсказывалъ онъ, покачиваясь въ экипажѣ:—нашелъ я, по пріѣздѣ въ Миланъ, около *Альберго-дель-Поцио*,—выговоръ у него остался чисто русскій,—такой пансіонъ, гдѣ наша братія учетчики водятся, у бывшаго хориста—синьора Корбари—за четыре лиры въ день, съ комнатой, ну, и харчи ничего себѣ: вина, сыру и хлѣба до отвалу!.. Однако, въ общемъ, скудновато для моего желудка. Вотъ только когда первый мой профессоръ началъ меня сильно одобрять, я и рѣшилъ, что можно же мнѣ хоть одну порцію въ *кафе-Кова* затребовать. А наслышанъ я былъ объ этомъ кафе—первая, молъ, ѣда въ Миланѣ. Городъ я зналъ еще плоховато. Говорили мнѣ: противъ театра *Скала*. Пошелъ — вижу маленько наискосокъ отъ Скалы, читаю „Caffe dell'Academia". Это, молъ, самое и есть. Вхожу. Народу много. Часъ обѣденный. Какъ будто, для первостатейнаго заведенія, съ грязцой. Подаютъ карту. Вижу—все пятьдесятъ да семьдесятъ чентезимовъ за порцію. Я семь порцій и уплелъ!.. Даже гарсонъ въ изумленіе пришелъ!.. Какъ выкатилъ я на площадь, на радостяхъ-то и пустилъ, по старой памяти, какъ въ свѣтлый праздникъ пѣвалъ: „Снизшелъ еси въ преисподняя земли и сокрушилъ еси вереи вѣчныя"...

Новый взрывъ здороваго, беззаботнаго смѣха покатился за нимъ внизъ.

„Кутейникъ, кутейникъ!"—беззвучно шептали поблѣднѣвшія сочныя губы его спутницы.

Экипажъ спустился къ бульвару.

XI.

На „Promenade des Anglais" въ утренній часъ, передъ завтракомъ, обычная публика дѣлала моціонъ, въ обѣ стороны. Мужчины въ желтыхъ башмакахъ и фланелевыхъ панталонахъ и женщины въ пестрыхъ утреннихъ туалетахъ — всѣ были подъ зонтиками.

Лучи солнца безпощадно слѣпили глаза, играли на морской чешуѣ и отражались отъ стѣнъ виллъ и отелей, большею частью бѣлыхъ или желтоватыхъ, на цѣлую версту, вдоль плоскаго заворота бухты. Пожелтѣлыя, низменныя пальмы, не дающія никакой тѣни, жарились на солнцѣ и смотрѣли ненарядно, точно вѣники, концомъ вверхъ.

Digitized by Google

Экипажей почти не проѣзжало. Около половины двѣнадцатаго отъ моста черезъ безводную рѣку Paillon, перешелъ къ тротуару Ермиловъ, посмотрѣлъ вправо, въ сторону садика, гдѣ ротонда стояла пустая, а кругомъ копошились дѣти и няни возили телѣжки, и сѣлъ на одну изъ скамеекъ съ подвижными спинками, откинувъ ее лицомъ къ фасадамъ строеній.

И на немъ былъ только-что принесенный ему отъ портного изъ-подъ аркадъ площади Массенà, синій шевіотовый пиджакъ съ такимъ же жилетомъ и бѣлыми фланелевыми широкими панталонами, въ тонкихъ розоватыхъ полоскахъ. Галстухъ онъ надѣлъ ярко-красный, также по англійской модѣ. Сѣрая мягкая шляпа, сдавленная съ боковъ, сидѣла немного на-бокъ. Ботинки его приближались больше къ красноватому, чѣмъ къ желтому колеру. Шолковый зонтикъ набрасывалъ на него мягкую тѣнь. Отъ блеска стѣнъ онъ защищался дымчатыми стеклами своего pince-nez.

Онъ долженъ былъ тутъ дежурить.

Наканунѣ Анна Гавриловна, выслушавъ отъ него всѣ подробности его визита къ Кустаревымъ, послала туда депешу съ оплаченнымъ отвѣтомъ, подписавъ ее: „Анна Куликова", гдѣ спрашивала о здоровьѣ Маргариты Сергѣевны. Кустаревъ отвѣтилъ, въ тотъ же день, что его женѣ получше, и благодарилъ за искреннее участіе.

Это участіе заставило Ермилова спросить ее:

— Неужели онъ вѣритъ въ ваше участіе?

На что она только поглядѣла на него стальнымъ взглядомъ и приподняла уголъ рта. Дальше онъ не пошелъ въ своихъ комментаріяхъ.

Она же приказала пригласить Кустарева, если тому случится надобность пріѣхать въ Ниццу, позавтракать, и на это Кустаревъ далъ очень скорый отвѣтъ. И она снова послала ему депешу, гдѣ предложила сойтись на „Promenade des Anglais", противъ сада, на что Кустаревъ опять-таки согласился и назначилъ сегодня, ровно въ двѣнадцать.

Онъ же долженъ былъ вести его завтракать въ „London House", гдѣ будутъ ждать Куликовы, мужъ съ женою. Послѣ завтрака поѣдутъ, конечно, кататься, наверхъ, въ „Старый Замокъ", и тамъ Анна Гавриловна вывѣдаетъ все, что̀ ей нужно, распознаетъ чутьемъ женщины, закинувшей сѣть на мужчину, опасна ей будетъ или нѣтъ любовь его къ умирающей женѣ.

Мимо Ермилова проходили гуляющіе. Пожилой баринъ съ брюшкомъ подъ ярко-краснымъ зонтикомъ, раскачиваясь на ходу, оглядѣлъ его. Онъ узналъ одного петербургскаго генерала, изъ

Digitized by Google

ученыхъ. Черезъ шоссе двигался, опираясь на палку и зонтикъ, худой молодой мужчина, съ вытянутымъ и синеватымъ лицомъ человѣка, страдающаго атаксіей. И его узналъ Ермиловъ. Они вмѣстѣ кучивали не такъ давно. Года два тотъ пропадалъ: говорили, что онъ въ Парижѣ, лечится отъ паралича ногъ.

Слѣдовало бы встать, догнать его, разспросить о здоровьѣ.

Но ему ни до кого дѣла нѣтъ. Не хочется говорить, ни по-русски, ни по-французски.

Вотъ приближается на фонѣ пестраго заведенія морскихъ купаленъ тучная, очень рослая мужская фигура въ свѣтло-сѣромъ сьютѣ. Ермиловъ смотритъ на него и долго не узнаетъ.

„Да это Званцевъ!“ —наконецъ-то выговорилъ онъ, но не сдѣлалъ ему издали поклона.

— Ермиловъ! Bonjour!.. Давно здѣсь?

Званцевъ стоялъ передъ нимъ безъ зонтика, вынося съ видимымъ удовольствіемъ удары солнечныхъ лучей по своему свѣтло-шоколадному пальто.

— Какъ видите!

Ермиловъ подалъ ему руку, но не поднялся.

Въ его головѣ смутно замелькали петербургскія лица: квартира Богучарова, басъ Благомировъ, кабинетъ Званцева, проба баса въ отелѣ у Карусъ; но все это казалось ему такъ давно и далеко, точно двадцать лѣтъ назадъ.

— На всю зиму?—спросилъ Званцевъ съ менѣе скучающимъ видомъ, чѣмъ въ Петербургѣ.

— Нѣтъ, проѣздомъ.

— А я, какъ видите, беру ванны, des bains de soleil. Да въ Ниццѣ еще не то солнце, какъ у меня, въ Больё.

— Вы тамъ поселились?

— Давно есть у меня тамъ pied-à-terre. Но въ прошломъ году я какъ-то совсѣмъ закисъ въ Петербургѣ. Абулія напала или, пожалуй, та форма, которую называютъ агорафобіей: просто черезъ улицу боялся перейти и даже переѣхать. Ужъ если переносить плесень жизни, такъ, конечно, на Ривьерѣ. Милости прошу ко мнѣ. Villa Ruthenia... Не забудьте. Я каждый день до обѣда дома. Нынче случилось дѣло, да и то, видите, тороплюсь на поѣздъ.

— Благодарю васъ,—отвѣтилъ Ермиловъ, и звукъ его голоса показался ему самому до-нельзя вялымъ и деревяннымъ.

Такимъ же вялымъ взглядомъ проводилъ онъ тучную фигуру Званцева и тотчасъ же посмотрѣлъ на часы. До двѣнадцати оставалось еще четырнадцать минутъ.

Digitized by Google

Къ саду, со стороны набережной не приближался никто, похожій на Кустарева.

„И въ ресторанѣ „London-House“ черезъ нѣсколько минутъ начнутъ ждать“,—подумалъ онъ. Ему точно хотѣлось разбередить себя, но сердце его не ныло. Что-то тупое и сонливое овладѣвало имъ, какъ коммиссіонеромъ, которому велѣно дежурить и отдать записку господину съ знакомыми примѣтами. Вѣки его слипались... Можетъ быть, онъ вздремнулъ одну, двѣ минуты.

— Мое почтенье!..

Русское привѣтствіе, произнесенное высокимъ и деревяннымъ звукомъ, заставило его немного вздрогнуть.

Къ нему присаживался господинъ съ бритымъ лицомъ и сѣдыми висками, въ черной суконной парѣ и черной же шляпѣ съ широкими полями, нѣчто въ родѣ пастора.

Ермилову понадобилось усиліе, чтобы сказать себѣ мысленно: „Это—Гремушинъ“.

И вслѣдъ затѣмъ онъ, неожиданно для самого себя, почувствовалъ, что если у него будетъ наперсникъ, человѣкъ, съ которымъ онъ захочетъ перебирать свое теперешнее душевное состояніе, то именно этотъ московскій чудакъ. Онъ отчетливо и быстро припомнилъ ихъ маленькій, но характерный разговоръ на Чистыхъ-Прудахъ, годъ тому назадъ, на святкахъ.

Да, такой человѣкъ только и можетъ быть его повѣреннымъ. Вѣдь онъ, навѣрно, подверженъ тому же психическому внушенію.

— Не изволили узнать меня?—спросилъ Гремушинъ, невозмутимо мягкимъ тономъ.

— Помилуйте!.. И очень!

Ермиловъ крѣпко пожалъ ему руку и даже потрясъ ее.

Ему захотѣлось-было спросить сейчасъ о Карусъ, но онъ нашелъ это слишкомъ безцеремоннымъ.

— Одинъ здѣсь?.. Уѣхали отъ московской стужи?—косвенно освѣдомился онъ.

— Я совсѣмъ покончилъ съ Москвой,—выговорилъ Гремушинъ, и такъ на него взглянулъ, что Ермиловъ распозналъ въ этомъ взглядѣ товарища, человѣка съ одинаковой судьбой.

— Какъ совсѣмъ?

— И съ Москвой, и со всѣмъ, что̀ тамъ осталось,—выговорилъ Гремушинъ безстрастно и немного торжественно.

— Вотъ какъ?!

„Да, мы побратимы,—думалъ Ермиловъ:—намъ нужно вступить въ дружбу“.

Digitized by Google

Глаза Гремушина быстро обратились влѣво; за его взглядомъ потянулъ голову и Ермиловъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ онъ увидалъ даму въ синемъ женскомъ smoking съ шолковымъ отворотомъ, подъ кружевнымъ зонтикомъ, совсѣмъ скрывавшимъ голову. Рядомъ шелъ плотный мужчина, по походкѣ и туалету французъ.

— Не узнаете?—спросилъ Гремушинъ и печально усмѣхнулся.

— Не сразу.

— Это—Карусъ... Доротея Васильевна... Она въ переговорахъ съ директоромъ здѣшней оперы. Какъ ваше мнѣніе? Стòитъ здѣсь выступить?

— Право, не могу вамъ сказать,—отвѣтилъ Ермиловъ, и ему стало досадно, что онъ дѣйствительно не взялся бы рѣшить: стòитъ или не стòитъ.

— Она съѣздитъ въ Миланъ, и если тамъ не состоится одна комбинація, то опять сюда вернется. Можетъ, и въ Монте-Карло будетъ пѣть.

Глаза Гремушина нервозно замигали.

Они повернули въ переулокъ.

— Стало, по набережной пойдутъ назадъ, — думалъ онъ вслухъ. — Мое почтенье! Черезъ недѣлю можемъ повидаться. Адресъ мой Boulevard Dubauchage, нумеръ двадцать-третій.

Онъ высоко приподнялъ шляпу и торопливо пошелъ мелкими шажками.

„Одинъ барбосъ побѣжалъ за своей барыней, другой сейчасъ побѣжитъ",—выговорилъ про себя Ермиловъ, разглядѣвъ невдалекѣ широкую фигуру и тяжеловатую походку Кустарева. Тотъ озирался въ это время, похаживая около ротонды, и съ его бородой, посадкой головы и походкой съ развальцемъ—смотрѣлъ ужасно русскимъ.

„Дежурство, значитъ, кончилось, „барыня" будетъ довольна", промелькнуло въ мысляхъ Ермилова: онъ явится къ ней не одинъ, а съ желаннымъ гостемъ...

П. Боборыкинъ.

Digitized by Google

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

и

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

I.

Вопросъ, разбираемый мною въ этомъ бѣгломъ очеркѣ, представляетъ, я думаю, помимо научнаго значенія, большой интересъ для всякаго мыслящаго человѣка. Не любопытно ли въ самомъ дѣлѣ знать, имѣютъ ли какое-нибудь сходство, и какое именно, предметы и явленія внѣшняго міра, сами по себѣ, съ тѣми впечатлѣніями, которыя получаются отъ нихъ человѣческимъ сознаніемъ? Существуютъ ли, напримѣръ, въ горномъ ландшафтѣ очертанія, краски, свѣтъ и тѣни—въ дѣйствительности, или все это—чувственные миражи, созданные нашей нервно-психической организаціей подъ вліяніемъ непостижимыхъ для насъ, въ ихъ обособленности, внѣшнихъ воздѣйствій? Словомъ, можно ли считать наше сознаніе родомъ зеркала, и въ какихъ именно предѣлахъ, для окружающей насъ дѣйствительности? Если поставить послѣдній вопросъ, что называется, ребромъ, т.-е. сопоставить между собою внѣшній источникъ, какъ причину, и впечатлѣніе, какъ эффектъ,—то вопросъ оказывается неразрѣшимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ основаніи всякаго впечатлѣнія извнѣ лежитъ совершенно нерасчленимая до сихъ поръ форма чувствованія—то, что называютъ ощущеніемъ свѣта, вкуса, запаха и пр.; и хотя форма эта несомнѣнно зависитъ какъ отъ устройства воспринимающаго органа, такъ и отъ внѣшняго источника, но послѣдній

Digitized by Google

исчезаетъ въ ощущеніи безслѣдно. Въ чувствѣ боли не содержится прямо никакихъ указаній, какою причиною она произведена. Чувство сладости или горечи въ веществахъ совершенно непостижимо по происхожденію. Какимъ образомъ изъ колебаній, т.-е. движеній, родится чувство свѣта—опять неразрѣшимая загадка. Словомъ, во всей области чувствованія между ощущеніемъ и его внѣшнимъ источникомъ переходнаго моста нѣтъ. Очень многіе думаютъ, что такого моста вообще и быть не можетъ, потому что чувствованіе несоизмѣримо съ вызывающими его внѣшними матеріальными процессами [1]). Оттого и говорятъ, что мы получаемъ черезъ посредство органовъ чувствъ лишь родъ условныхъ знаковъ отъ предметовъ внѣшняго міра.

II.

Какъ же однако помирить фактъ такой повидимому условной познаваемости внѣшняго міра съ тѣми громадными успѣхами естествознанія, благодаря которымъ человѣкъ покоряетъ все больше и больше своей власти силы природы? Выходитъ такъ, что эта наука работаетъ надъ условными чувственными знаками изъ недоступной дѣйствительности, а въ итогѣ получается все болѣе и болѣе стройная система знаній, и знаній дѣйствительныхъ, потому что они безпрерывно оправдываются блистательными приложеніями на практикѣ, т.-е. успѣхами техники.

Такое рѣзкое несогласіе или даже противорѣчіе между принципіальной недоступностью внѣшняго и естественно-научной практикой, конечно, уже давно сознавалось мыслителями, и для примиренія его установленъ слѣдующій компромиссъ: познаніе внѣшняго можетъ быть и неусловнымъ, если законы духа, по которымъ строится наука о внѣшнемъ мірѣ имѣютъ одинаковые корни съ законами внѣ насъ сущаго и совершающагося; или если—по меньшей мѣрѣ!—законы эти стоятъ въ опредѣленномъ строгомъ соотвѣтствіи другъ съ другомъ. Перваго доказать еще нельзя; поэтому въ настоящее время признается лишь послѣднее, но это—уже какъ безспорное. Этимъ мы и воспользуемся, чтобы сдѣлать слѣдующіе два вывода.

Краеугольными камнями компромисса должны быть признаны слѣдующія положенія: тождеству чувственныхъ знаковъ отъ внѣш-

[1]) Послѣдній аргументъ считается очень сильнымъ, хотя въ немъ, очевидно, лежитъ логическая фальшь, ибо говорить о соизмѣримости можно только въ отношеніи вещей извѣстныхъ, а внѣшнее считается неизвѣстнымъ.

Digitized by Google

нихъ предметовъ должно соотвѣтствовать тождество реальностей; сходству знаковъ — сходство реальностей и, наконецъ, разницѣ знаковъ—разница въ дѣйствительности.

Если между законами представляемаго и дѣйствительнаго существуетъ строгое соотвѣтствіе, то этимъ самымъ уже признается возможность частныхъ сходствъ между ними, какъ наиболѣе простыхъ случаевъ соотвѣтствія.

III.

Послѣдній выводъ невольно наводитъ на слѣдующія соображенія. Не проистекаетъ ли мнѣніе о недоступности для насъ дѣйствительности изъ того обстоятельства, что, сравнивая внѣшній источникъ впечатлѣнія съ самымъ впечатлѣніемъ, мы беремъ въ большинствѣ случаевъ нерасчленимыя формы чувствованія (ощущенія), сопоставляемъ другъ съ другомъ только крайніе члены длинныхъ въ сущности причинныхъ рядовъ? Не зависитъ ли, другими словами, такое мнѣніе отъ нашего незнанія тѣхъ промежуточныхъ звеньевъ, которыя соединяютъ въ причинный рядъ внѣшній источникъ съ впечатлѣніемъ? Можетъ быть, такія звенья въ нѣкоторыхъ случаяхъ уже найдены, и только подъ гнетомъ прочно установившейся догмы на нихъ не обращено еще никѣмъ вниманія? Отсюда до попытки пересмотрѣть съ этой стороны всѣ имѣющіяся на-лицо физіологическія данныя изъ области чувствованія—уже одинъ шагъ. Прежде однако, чѣмъ идти на поиски, необходимо уяснить себѣ заранѣе, въ чемъ собственно, въ какихъ данныхъ устройства чувствующихъ органовъ, могутъ лежать несомнѣнныя условія искомаго сходства.

Высшіе органы чувствъ (зрѣнія, слуха и осязанія), гдѣ всего скорѣе можно расчитывать на успѣхъ, имѣютъ несомнѣнное сходство съ физическими снарядами; поэтому отвѣта на нашъ вопросъ всего естественнѣе искать въ такихъ физическихъ комбинаціяхъ, гдѣ первоначальная причина и конечный эффектъ, будучи сходны между собою, связаны другъ съ другомъ соединительными звеньями. Двухъ примѣровъ будетъ для насъ достаточно.

Почему струна, настроенная на извѣстный тонъ, легко отвѣчаетъ (созвучитъ) на тонъ той же высоты, даже при условіи, если источникъ послѣдняго, какое-нибудь звучащее тѣло, отдѣленъ отъ струны большимъ слоемъ воздуха?—Потому, что источникъ явленія—колеблющееся тѣло, промежуточная среда—колеблющійся воздухъ и воспринимающая эти колебанія струна пред-

Digitized by Google

ставляютъ непрерывно связанныя звенья системы, наиболѣе сходныя другъ съ другомъ именно въ отношеніи способности ихъ колебаться съ одинаковою частотою. Еслибы звучащимъ тѣломъ былъ кларнетъ, то между производящей причиной и эффектомъ было бы сходство; а еслибы съ обоихъ концовъ ряда были струны, то тождество.

Возьмемъ другой, болѣе сложный примѣръ — телефонъ. Суть дѣла здѣсь та же, что въ первомъ примѣрѣ. Съ одного конца звуками человѣческаго голоса приводится въ колебанія пластинка, а съ другого происходятъ такія же колебанія второй пластинки, которыя улавливаются ухомъ, какъ рѣчь. Разница противъ прежняго случая только въ промежуточной средѣ: тамъ—воздухъ, съ его почти идеальной упругостью и крайней податливостью частичекъ, благодаря чему онъ способенъ колебаться въ унисонъ съ самыми причудливыми вибраціями звучащаго тѣла; а здѣсь—извращенная съ обоихъ концовъ электро-магнитная комбинація. Однако функція обѣихъ средъ одинакова: и тамъ, и здѣсь она передаетъ всѣ характерныя черты колебанія безъ измѣненія. Въ этомъ именно и лежитъ вся гарантія сходства между крайними членами причиннаго ряда. Представимъ себѣ въ самомъ дѣлѣ физика, слушающаго черезъ телефонъ за нѣсколько верстъ рѣчь незнакомаго ему человѣка. Голосъ говорящаго, какъ 1-й членъ причиннаго ряда, составляетъ для физика неизвѣстное X, а между тѣмъ, зная свойства телефона, какъ соединительнаго звена въ причинномъ ряду, онъ увѣренъ, что слышимый голосъ похожъ на скрытый отъ него дѣйствительный.

Итакъ, сходство между крайними членами причиннаго ряда несомнѣнно, когда извѣстно, что въ основаніи его лежитъ сходная дѣятельность крайнихъ членовъ, не нарушаемая существующею между ними связью; или когда свойство вытекаетъ для нашего ума изъ формы связи между началомъ и концомъ явленія. Въ послѣднемъ случаѣ одинъ изъ крайнихъ членовъ ряда, напр. начальный, можетъ даже оставаться отъ насъ скрытымъ (какъ голосъ говорящаго за нѣсколько верстъ), лишь было бы на-лицо соединительное звено (телефонъ), опредѣляющее форму связи. Тогда скрытый начальный членъ находится приблизительно такимъ же образомъ, какъ неизвѣстный членъ геометрической пропорціи: неизвѣстное внѣшнее относится къ соединительному звену, какъ послѣднее къ конечному эффекту.

Digitized by Google

IV.

Руководясь такими соображеніями при пересмотрѣ физіологическихъ данныхъ изъ области чувствованія, уже не трудно было убѣдиться, что искать разгадки можно было только въ сферѣ зрительныхъ актовъ. Только здѣсь развитое, оформившееся впечатлѣніе имѣетъ рѣзко выраженный объективный характеръ: того, что происходитъ въ глазу при видѣніи, мы не чувствуемъ, а видимъ *непосредственно* все внѣшнее стоящимъ внѣ насъ. Такое вынесеніе впечатлѣнія наружу—родъ матеріализаціи чувствованія—можно сравнить съ построеніемъ образа предмета плоскимъ зеркаломъ, съ тѣмъ лишь отличіемъ, что физическое зеркало даетъ образы позади себя, тогда какъ зеркало сознанія строитъ ихъ передъ собою. Благодаря этому, *видимый образъ*, т.-е. чувственный знакъ отъ внѣшняго предмета и вмѣстѣ съ тѣмъ конечный членъ причиннаго зрительнаго ряда, становится доступнымъ наблюденію въ такой же мѣрѣ, какъ любой матеріальный предметъ [1]); а черезъ это сразу устраняется та несоизмѣримость впечатлѣнія (какъ чувственнаго акта) съ его внѣшнимъ источникомъ (какъ матеріальнымъ объектомъ), которая дѣлала для многихъ мыслителей сравненіе обоихъ принципіально невозможнымъ. Но кромѣ того *въ зрительномъ причинномъ ряду есть всегда средній членъ между двумя крайними.*

V.

Когда человѣкъ получаетъ зрительное впечатлѣніе, то соединительнымъ звеномъ между неизвѣстнымъ по виду внѣшнимъ предметомъ и его образомъ въ сознаніи всегда является изображеніе внѣшняго предмета на днѣ глаза, на т.-наз. сѣтчатой оболочкѣ. Это промежуточное звено и есть тотъ переходный мостъ, котораго мы искали. Связь его съ внѣшнимъ предметомъ (нашимъ неизвѣстнымъ!) чисто физическая и вполнѣ соотвѣтствуетъ случаю построенія образа на экранѣ посредствомъ двояко-выпуклой чечевицы, потому что и въ глазу изображеніе на сѣтчаткѣ строится (главнымъ образомъ) т.-наз. хрусталикомъ, тѣломъ, имѣющимъ форму двояко-выпуклаго стекла. Кромѣ того

[1]) Въ жизненной практикѣ видимый образъ предмета считается самимъ предметомъ, но это, конечно, несправедливо.

Digitized by Google

физикъ утверждаетъ, что внѣшній предметъ и его образъ, построенный чечевицей, сходны между собою; а вслѣдъ за нимъ и физіологъ утверждаетъ то же самое относительно внѣшняго предмета и его образа на сѣтчаткѣ. Съ виду выходитъ очень странно: и тотъ, и другой утверждаютъ сходство для двухъ вещей, изъ которыхъ одна (внѣшній предметъ) считается неизвѣстной, а между тѣмъ оба правы. Наблюдая неизвѣстный предметъ и его образъ (на экранѣ и сѣтчаткѣ), оба получаютъ отъ двухъ вещей два сходныхъ между собою чувственныхъ знака; а такому сходству, по закону строгаго соотвѣтствія между представляемымъ и дѣйствительнымъ, должно соотвѣтствовать сходство дѣйствительное. Значитъ, фактъ сходства неизвѣстнаго внѣшняго предмета съ его образомъ на сѣтчаткѣ не подлежитъ сомнѣнію. Но между послѣднимъ и сознаваемымъ образомъ (т.-е. впечатлѣніемъ!), какъ учитъ физіологія, опять сходство. Треугольникъ, кругъ, серпъ луны, оконная рама и т. п. на сѣтчаткѣ чувствуются и сознаніемъ, какъ треугольникъ, кругъ, серпъ луны и т. д. Расплывчатый образъ на сѣтчаткѣ даетъ расплывчатый образъ и въ сознаніи. Неподвижная точка рисуется неподвижной, летящая птица кажется движущейся; слабо освѣщенныя мѣста изображенія сознаются отѣненными, блестящія точки свѣтятся и т. д. Словомъ, въ отношеніи образовъ на сѣтчаткѣ сознаніе является не менѣе вѣрнымъ зеркаломъ, чѣмъ сѣтчатка съ преломляющими средами глаза въ отношеніи внѣшняго предмета. Если же 1-й членъ въ ряду сходенъ со 2-мъ, а 2-й съ 3-мъ, то и 3-й сходенъ съ 1-мъ. Значитъ, неизвѣстный внѣшній предметъ, или предметъ самъ по себѣ, сходенъ съ его оптическимъ образомъ въ сознаніи.

VI.

Для всѣхъ ли однако характерныхъ чертъ зрительнаго образа —фигуры, красокъ, свѣта и тѣней — можно утверждать это подобіе съ одинаковой степенью достовѣрности? Вѣдь на экранѣ и на сѣтчаткѣ рисуется всегда плоскій образъ, а внѣшній предметъ имѣетъ обыкновенно измѣреніе и въ толщину, и такимъ же онъ рисуется въ сознаніи. Значитъ, сходство нашего соединительнаго звена съ крайними членами ряда неполное и соотвѣтствуетъ въ самомъ счастливомъ случаѣ сходству между предметомъ и его живописнымъ изображеніемъ на бумагѣ или полотнѣ. Кромѣ того въ системѣ нашихъ доказательствъ существенную роль играетъ чечевицеобразная форма главной преломляющей

Digitized by Google

среды глаза, съ ея способностью вѣрно передавать всѣ линейныя очертанія предмета; а вѣдь въ передачѣ цвѣтовъ, свѣта и тѣней форма хрусталика не при чемъ.

Отвѣчаю прямо:—вѣрная передача глазомъ дѣйствительности можетъ быть доказана только для тѣхъ сторонъ зрительнаго образа, которыя можно выразить на рисункѣ линейными очертаніями, т.-е. для контура предмета и тѣхъ детальныхъ штриховъ, которыми выражаютъ на поверхности предмета выступы, впадины, ребра, трещины и пр. Ни для красокъ, ни для свѣта и тѣней доказать подобія дѣйствительности невозможно. Нельзя напр. утверждать даже отъ человѣка къ человѣку, что они видятъ одинъ и тотъ же цвѣтъ одинаково. Съ дѣтства меня выучили обозначать цвѣтъ голубыхъ предметовъ—словомъ: голубой, и я всю жизнь называю такъ соотвѣтственное ощущеніе; но это не значитъ, что *мое голубое*, какъ ощущеніе, сходно съ голубымъ другого человѣка, потому что и этотъ называетъ цвѣта по заученной привычкѣ. Фигуру же правильнаго круга и квадрата всѣ люди съ нормальными глазами видятъ навѣрное одинаково, потому что изъ всѣхъ учившихся геометріи со временъ Эвклида не было еще человѣка, у котораго чувственный образъ круга и квадрата стоялъ бы въ противорѣчіи со свойствами обѣихъ фигуръ, открываемыхъ геометріей.

VII.

Какъ же однако понимать только-что сдѣланный выводъ? Сказано, что глазъ способенъ передавать вѣрно контуръ предметовъ, а наполненъ ли нашъ земной міръ свѣтомъ — знать нельзя. Но вѣдь зрительный контуръ предполагаетъ свѣтъ—значитъ, эта сторона видимаго образа представляетъ, можетъ быть, исключительный продуктъ нервно-психической организаціи и не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью?

Разбирая этотъ вопросъ, я буду имѣть въ виду для простоты какой-нибудь плоскій предметъ, напр. фигуру неправильной формы, вырѣзанную изъ картона.

Контуръ такого предмета можно опредѣлить не только глазомъ, но и *безъ свѣта*, осязаніемъ. Ручныя работы слѣпыхъ самоучекъ доказываютъ это непосредственно, показывая вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ общемъ осязательное опредѣленіе мало чѣмъ отличается

Digitized by Google

отъ зрительнаго [1]). Въ первую минуту это можетъ показаться страннымъ, такъ какъ осязательныя и зрительныя ощущенія совсѣмъ не похожи другъ на друга; однако дѣло объясняется просто. Чувствованіе контура предполагаетъ двѣ вещи: различеніе двухъ соприкасающихся разнородныхъ средъ и орудіе для опредѣленія формы пограничной черты между ними. Различію средъ, чувствуемому глазомъ, соотвѣтствуетъ т.-наз. оптическая разнородность веществъ, а разницѣ, опредѣляемой осязаніемъ,—разныя степени плотности, или точнѣе сопротивляемости веществъ давленію. Фигура же пограничной черты опредѣляется, какъ учитъ физіологія, въ томъ и другомъ случаѣ движеніемъ чувствующаго органа, глаза и руки. То самое движеніе, которое дѣлаетъ рука съ карандашемъ при нанесеніи контура на бумагу, продѣлываетъ глазъ при разсматриваніи предметовъ и рука слѣпого при ихъ ощупываніи. Отсюда и становится понятной опредѣленность одной и той же вещи на два лада, равно какъ возможность ежеминутной провѣрки видѣнія контуровъ путемъ осязанія, разумѣется, на предметахъ близкихъ, до которыхъ можетъ достать рука смотрящаго. Дѣлается это такъ. Глаза устремляются неподвижно на какую-нибудь точку по окружности фигуры и въ то же время со стороны подводится палецъ къ разсматриваемой точкѣ. Въ тотъ самый мигъ, какъ глазъ видитъ прикосновеніе пальца къ контуру, палецъ получаетъ осязательное ощущеніе; и такое совпаденіе повторяется неизмѣнно на всѣхъ безъ исключенія точкахъ по окружности фигуры. Другими словами, наблюдатель, подобно ученику геометріи, накладываетъ другъ на друга два образа, видимый и осязаемый, и находитъ, что контуры ихъ совпадаютъ.

Послѣ этого едва-ли кто рѣшится утверждать, что зрительный контуръ есть, можетъ быть, фикція безъ реальной подкладки. Какъ понятіе, контуръ есть конечно отвлеченность, но какъ чувственный знакъ—это раздѣльная грань двухъ реальностей, ибо въ силу соотвѣтствія между представляемымъ и дѣйствительнымъ, чувствуемой разницѣ средъ соотвѣтствуетъ разница реальная. Стоитъ въ самомъ дѣлѣ поставить на мѣсто раздѣльной черты систему пограничныхъ точекъ изъ той или другой матеріальной среды, и это будетъ контуръ реальности.

Легко понять послѣ этого, что если на картонную фигуру

---

[1]) Въ селѣ, гдѣ я родился, живетъ можетъ быть по сіе время слѣпой съ младенчества, сдѣлавшій собственными руками, безъ посторонней помощи, скрипку, ничѣмъ не отличающуюся по внѣшнему виду отъ инструментовъ этого рода.

Digitized by Google

со стороны, обращенной къ глазу, налѣпить выступы или ребра, сдѣлать въ ней трещины и т. д., то провѣрка зрѣнія осязаніемъ дастъ и для этихъ деталей внутри контура совпаденіе видимыхъ и осязаемыхъ очертаній; а эти уже будутъ тѣ детальные штрихи, которыми въ рисункахъ изображаются неровности на поверхности предметовъ [1]).

VIII.

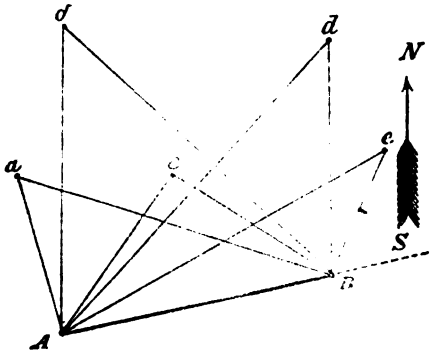
Разсужденія наши относились до сихъ поръ къ единичному предмету, а теперь возьмемъ группу таковыхъ и расположимъ ихъ такъ, чтобы они стояли не въ одномъ планѣ, а въ нѣсколькихъ (какъ въ ландшафтахъ), и были раздѣлены пустыми промежутками. Если группа очень удалена отъ наблюдателя, то онъ можетъ построить ея изображеніе на экранѣ помощію чечевицы, и этотъ образъ будетъ сходенъ съ картиной, получаемой глазомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, т.-е. и для чечевицы, и для глаза, группа предметовъ съ свободными промежутками является равнозначной единичному предмету, состоящему изъ разнородныхъ частей, отдѣленныхъ другъ отъ друга трещинами; слѣдовательно этотъ случай ничѣмъ не отличается отъ разобраннаго выше. Если же группа стоитъ близко къ чечевицѣ, то получить ясное изображеніе всѣхъ предметовъ на экранѣ, какъ извѣстно, нельзя; а глазъ выходитъ и здѣсь побѣдителемъ. Мы способны видѣть ясно не только всѣ звенья группы и промежутки между ними, но видимъ также, что предметы стоятъ не въ одномъ планѣ—одинъ ближе къ намъ, другой дальше и т. д.,—*видимъ*, однимъ словомъ, картину *въ глубь*.

Чтобы выучиться этой формѣ видѣнія, человѣкъ ненамѣренно, не сознавая того, что̀ дѣлаетъ, пускаетъ въ ходъ тѣ самые пріемы, которые употребляетъ топографъ или землемѣръ, когда снимаетъ на планъ различно удаленные отъ него пункты мѣстности, напр. точки a, b, c, d и e. Съ этой цѣлью онъ выбираетъ двѣ новыхъ точки A и B, изъ которыхъ всѣ снимаемые пункты были бы ясно видны и разстояніе между которыми можно было бы

[1]) Въ виду того, что въ системѣ нашихъ доказательствъ главную роль играетъ аналогія преломляющихъ средъ глаза, съ двояко-выпуклой чечевицей, и именно свойство послѣдней давать изображенія геометрически подобныя предметамъ, фактъ присутствія чечевицеобразныхъ преломляющихъ тѣлъ въ глазу всѣхъ позвоночныхъ и даже у насѣкомыхъ невольно заставляетъ думать, что и для нихъ существуетъ вѣроятно геометрическое подобіе между видимымъ и дѣйствительнымъ.

Digitized by Google

измѣрить прямо, наприм. цѣпью. Послѣ того изъ точки *A* опредѣляются угломѣрнымъ инструментомъ углы *aAB* *bAB*, *cAB* и т. д., и то же самое продѣлывается въ точкѣ *B* съ углами *aBA*, *bBA*, *cBA* и т. д. Когда такимъ образомъ извѣстны: длина *AB* и величины всѣхъ угловъ при *A* и *B*, то остается только опредѣлить направленіе *AB* относительно четырехъ странъ свѣта, для чего достаточно измѣрить уголъ между *AB* и направленіемъ *NS* магнитной стрѣлки. Собравъ эти данныя и нанеся на листъ бумаги *NS* и *AB*—послѣднюю въ уменьшенномъ масштабѣ,—топографъ, не сходя съ мѣста, уже можетъ вѣрно опредѣлить на планѣ положеніе точекъ *a*, *b*, *c*... Для этого ему нужно только отложить при *A* и *B* измѣренные имъ углы; тогда пересѣченіе линій *Aa* и *Ba* дастъ точку *a*, пересѣченіе *Ab* и *Bb* точку *b* и т. д. Вся суть дѣла слѣдовательно въ томъ, чтобы при извѣстной и неизмѣнной длинѣ линіи *AB* знать попарно углы *aAB* и *aBA*, *bAB* и *bBA* и т. д. при концахъ этой линіи.



Теперь вмѣсто топографа представимъ себѣ просто человѣка, смотрящаго поочередно на точки *a*, *b*, *c*, *d* и *e*, и пусть линія *AB* соотвѣтствуетъ прямой, соединяющей центры обоихъ его глазъ. Тогда въ *A* и *B*, вмѣсто угломѣровъ, будутъ способнѣе вращаться отъ виска къ носу и обратно глаза; линія *Aa* будетъ зрительной осью лѣваго глаза, а *Ba* зрительной осью праваго, когда оба глаза устремлены въ точку *a*. При этомъ человѣкъ, подобно топографу, мѣряетъ углы *aAB* и *aBA* (сведеніе зрительныхъ осей), но только не градусами, а чувствомъ, связаннымъ съ передвиженіями глазъ; и такъ какъ эта мѣрка не столь вѣрна, какъ первая, то опредѣленіе удаленія точекъ *a*, *b*, *c*... отъ *AB*, какъ говорится на глазъ, выходитъ лишь приблизительно вѣрнымъ. Но когда тѣ же операціи повторяются послѣдовательно надъ точками, одна за другой, то сравнительная разница ихъ удаленія будетъ чувствоваться очень ясно.

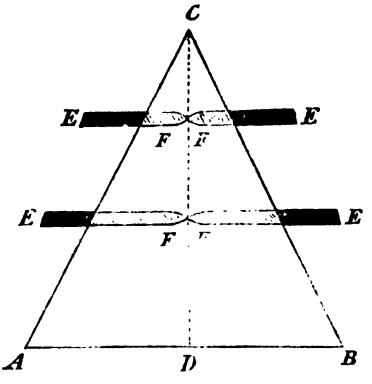
Итакъ, пріемъ, употребляемый человѣкомъ для глазомѣрнаго опредѣленія удаленій предметовъ отъ его собственнаго тѣла, есть въ сущности пріемъ геометрическій, только съ употребленіемъ менѣе точнаго угломѣра, чѣмъ при съемкахъ мѣстности.

Digitized by Google

Значитъ, *то, что въ зрительной картинѣ называютъ перспективой, имѣетъ основаніе въ дѣйствительности.*

IX.

Чувствую, что мнѣ сдѣлаютъ сейчасъ же такое возраженіе. Перспективное видѣніе предполагаетъ смотрящаго человѣка; слѣдовательно, если его нѣтъ, то нѣтъ и перспективы. — Отвѣчаю.— Когда человѣкъ *чувствуетъ* удаленіе отъ *себя* внѣшняго предмета, то личность человѣка, съ ея умственными свойствами, тутъ не при чемъ. Его *я* сводится на точку переносья, лежащую какъ разъ по серединѣ между обоими глазами. Слѣдовательно въ перспективномъ видѣніи участвуютъ исключительно геометрическіе факторы. Убѣдиться въ томъ, что удаленіе предметовъ отсчитывается отъ воображаемой точки на переносьѣ, очень легко изъ слѣдующаго опыта. Ставъ передъ окномъ примѣрно въ разстояніи аршина и сдѣлавъ на стеклѣ чернилами точку *C*, глаза *A* и *B* устремляютъ пристально на послѣднюю и въ то же время съ боковъ, въ промежуткѣ между глазами и окномъ, сдвигаютъ потихоньку на-встрѣчу другъ другу указательные пальцы *E* и *E* рукъ. Едва только концы пальцевъ коснутся зрительныхъ осей *AC* и *BC*, тотчасъ же кажется, что къ обоимъ пальцамъ какъ будто приросли полупрозрачные наконечники *F* и *F*, встрѣчающіеся какъ разъ въ линіи *CD*. Въ какомъ бы мѣстѣ между глазомъ и окномъ ни сводились пальцы, результатъ всегда получается одинаковый. Что же это значитъ?—Это значитъ, что всякая точка, лежащая на пути сведенныхъ зрительныхъ осей, переносится съ этихъ линій на прямую, лежащую въ промежуткѣ между ними, которая изъ опытовъ оказывается линіей *CD*, т.-е. прямой, конецъ которой *D* падаетъ какъ разъ на середину *AB*. Когда мы смотримъ, въ самомъ дѣлѣ, двумя глазами, то переносья не видимъ, и намъ всегда кажется, будто мы смотримъ однимъ глазомъ, лежащимъ посерединѣ между дѣйствительными. Точка *D* и есть центръ этого воображаемаго циклопическаго глаза—*зрительное я*, когда человѣкъ, смотря на предметы, непосредственно чувствуетъ, что



Digitized by Google

одинъ лежитъ отъ него дальше, другой ближе, одинъ влѣво, другой вправо, третій кверху и т. д. Во всѣхъ такихъ случаяхъ мѣсто человѣка заступаетъ точка *D*.

Слѣдовательно, *помимо линейныхъ очертаній, глазъ передаетъ приблизительно вѣрно, т.-е. согласно съ дѣйствительностью, относительное размѣщеніе предметовъ на небольшихъ участкахъ земной поверхности.*

X.

Теперь, когда глазомѣрное опредѣленіе отстояній предметовъ отъ наблюдателя извѣстно, не трудно уже показать, въ чемъ состоятъ естественные пріемы глаза мѣрять величину предметовъ, или точнѣе, опредѣлять ихъ размѣры въ вышину и ширину [1]).

Устремивъ оба глаза на какую-нибудь точку предмета, человѣкъ передвигаетъ сведенныя зрительныя оси повторительно—то по длиннику предмета сверху внизъ и обратно, то въ поперечномъ направленіи по размѣру въ ширину. Черезъ это—сознаніе получаетъ одновременно двѣ системы угломѣрныхъ знаковъ (соотвѣтственно акту сведенія зрительныхъ осей и передвиженію ихъ въ сведенномъ положеніи по тому или другому размѣру предмета), показанія которыхъ могутъ чувствоваться или раздѣльно, или слитно. Вѣрное опредѣленіе размѣровъ на глазъ соотвѣтствуетъ послѣднему случаю, хотя при этомъ чувство отстоянія предмета сознается очень слабо. Извѣстно, далѣе, что напрактикованный глазъ узнаетъ размѣры приблизительно вѣрно и тѣмъ точнѣе, чѣмъ ближе лежитъ предметъ (конечно, оставаясь въ предѣлахъ яснаго видѣнія); — но всегда подъ условіемъ, чтобы мѣрять можно было только передвиженіемъ глазъ. Иначе, если напримѣръ передъ глазами стоитъ настолько высокій или широкій предметъ, что кромѣ глазъ приходится ворочать и голову, то глазомѣръ сильно ошибается.

Весь этотъ рядъ условій извѣстенъ и простолюдину изъ жизненной практики, но онъ конечно не знаетъ, почему все это надо. А причина лежитъ въ томъ, что и здѣсь глаза, какъ не тонкіе угломѣры, ошибаются въ оцѣнкѣ величины угловъ, опредѣляющихъ удаленіе и величину предметовъ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ

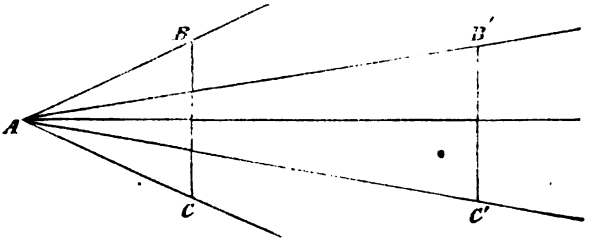
---

[1]) Эти размѣры могутъ опредѣляться безъ измѣненія положенія предмета, а размѣръ въ толщину опредѣляется какъ размѣръ въ ширину послѣ поворота предмета.

Digitized by Google

дальше предметъ отстоитъ отъ глаза, потому что при этомъ условіи уже маленькимъ колебаніямъ въ величинѣ угловъ соотвѣтствуютъ значительныя колебанія въ величинѣ удаленій и размѣровъ.

Если одинъ и тотъ же предметъ занимаетъ напр. два положенія BC и $B'C'$ передъ глазомъ A, то углами, измѣряющими величину предмета, будутъ углы BAC и $B'AC'$, соотвѣтственно передвиженію зрительныхъ осей изъ положеній AB и AB' въ положенія AC и AC'.



Нечего и говорить, что колебанія въ величинѣ BC отражаются на углѣ BAC гораздо сильнѣе, чѣмъ такія же колебанія $B'C'$ на углѣ $B'AC'$. На этомъ же рисункѣ легко показать далѣе, что естественный пріемъ опредѣленія размѣра BC глазомъ, по своему основному смыслу, есть пріемъ точный. Въ самомъ дѣлѣ, когда отстояніе линіи BC отъ A, т.-е. предмета отъ глаза, извѣстно, то по величинѣ угла BAC—а зрительная ось описываетъ именно этотъ уголъ при передвиженіи по длиннику предмета!—можно и вычислить, и построить длину BC. Для сознанія эта величина будетъ длиною пути, пройденнаго глазомъ.

Выше было сказано, что при глазомѣрномъ опредѣленія величины удаленіе предмета всегда чувствуется, хотя и слабо. Доказывается это зрительными ошибками (очень странными на видъ, но легко объяснимыми), когда вниманіе смотрящаго бываетъ чѣмъ-нибудь отвлечено въ сторону отъ видимаго предмета. Я слышалъ отъ одного охотника за болотной дичью, что если въ минуту, когда собака сдѣлала стойку и вся душа охотника ушла въ сторону собаки, передъ глазами его промелькнетъ въ нѣсколькихъ вершкахъ муха, то онъ принимаетъ ее за летящую птицу. Ошибка здѣсь только въ томъ, что образъ мухи отнесенъ охотникомъ не на вершки, какъ бы слѣдовало, а на сажени, въ сторону собаки; съ разстоянія же въ нѣсколько саженъ образъ птицы на сѣтчаткѣ соотвѣтствуетъ по величинѣ какъ разъ образу мухи съ разстоянія въ нѣсколько вершковъ; оттого муха и принимается за птицу.

Итакъ, кромѣ фигуры и распредѣленія предметовъ въ пространствѣ, глазъ (и осязаніе слѣпого) даетъ *согласными съ дѣйствительностью показанія и относительно величины предметовъ.*

Digitized by Google

Идти однако дальше въ проведеніи параллели между видимыми и дѣйствительными картинами покоящихся предметовъ невозможно. Поэтому въ заключеніе приведу одинъ суммарный доводъ въ пользу того, что̀ было доказано по частямъ. Самъ по себѣ онъ можетъ быть и не высокъ, но въ связи съ приведенными доводами не лишенъ доказательнаго значенія. Кто не знаетъ, что человѣкъ и животныя, передвигаясь между окружающими ихъ предметами, руководятся показаніями глазъ, часто драгоцѣнными по быстротѣ и точности,—насколько именно зрѣніе позволяетъ успѣшно лавировать даже на быстромъ ходу между многочисленными препятствіями (напр., при движеніи въ лѣсу). Едва-ли показанія эти могли бы отличаться обоими названными качествами, еслибы глазъ строилъ картины несходными съ дѣйствительностью. Правда, судить правильно о результатѣ можно и тогда, если результатъ добытъ невѣрнымъ орудіемъ: сужденіемъ можно поправлять ошибку наблюденія, и разъ привычка поправлять укоренилась, невѣрное орудіе служитъ правильно. Но вѣдь въ нашемъ случаѣ весь циклъ зрительныхъ промаховъ, въ отношеніи локомоціи, ровно какъ исторія усилій поправлять ошибки глаза сужденіемъ, должны были бы упасть на дѣтскій возрастъ человѣка и не могли бы ускользнуть отъ наблюденій; а наблюденій такого рода не имѣется.

Теперь отъ неподвижныхъ предметовъ обратимся къ находящимся въ движеніи.

XI.

Если подъ явленіемъ разумѣть какую-нибудь ощутимую перемѣну въ состояніи или положеніи тѣлъ, то наиболѣе простой формой явленія будетъ ощутимое движеніе. Главнымъ орудіемъ для распознаванія его служитъ глазъ, и снарядъ этотъ, къ немалому удивленію всякаго мыслящаго человѣка, оказывается именно здѣсь настолько совершеннымъ орудіемъ воспріятія, что даетъ возможность даже простолюдину схватывать сразу всѣ тѣ стороны движенія, которыми оно опредѣляется въ наукѣ столь точной, какъ механика. — Я разумѣю направленіе движенія и его скорость.

Какимъ же образомъ это достигается? [1])

Ежедневный опытъ показываетъ, что человѣкъ, слѣдя глазами

---

[1]) Я разберу здѣсь только главный исходный случай, когда человѣкъ опредѣляетъ перемѣщеніе тѣлъ, находясь самъ въ покоѣ.

Digitized by Google

за движущимся тѣломъ, упираетъ обѣ зрительныя оси глаза въ перемѣщающійся предметъ и передвигаетъ ихъ въ сведенномъ положеніи вслѣдъ за послѣднимъ по всему пути его перемѣщенія. При этомъ глазъ продѣлываетъ то же самое, что въ случаѣ обведенія скрещенными осями контура неподвижнаго предмета; только здѣсь осямъ приходится часто то сильно удлиняться, то сильно укорачиваться. Въ этомъ отношеніи ихъ можно уподобить двумъ очень длиннымъ щупальцамъ, способнымъ то вытягиваться, то сокращаться на многія сажени въ длину, смотря по тому, удаляется ли отъ насъ, или приближается къ намъ перемѣщающаяся въ пространствѣ точки. Щупальцы эти повторяютъ вслѣдъ за предметомъ не только весь его путь, но и различныя скорости въ разныхъ мѣстахъ пути. — Дѣло въ томъ, что передвиженіе зрительныхъ осей, будучи связано съ передвиженіемъ глазныхъ яблокъ, производится мышцами глазъ; а мышцы способны сокращаться съ очень различной скоростью, какъ это всякій знаетъ изъ передвиженій, напримѣръ, собственныхъ рукъ. Оттого и выходитъ, что глазъ различаетъ одновременно обѣ характерныя черты движенія, направленіе и скорость (вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и измѣненія въ направленіи и скорости).

Фактъ этотъ имѣетъ глубокое значеніе, представляя въ организаціи человѣка единственный случай, гдѣ *воспринимаемое внѣшнее*, т.-е. перемѣщающійся предметъ, *и орудіе воспріятія*, т.-е. перемѣщающійся по тому же пути чувствующій органъ, *совпадаютъ другъ съ другомъ въ своихъ дѣятельностяхъ*, подобно тому, какъ совпадаютъ въ физическихъ комбинаціяхъ двѣ созвучащія струны или воспринимающая и передающая пластинки телефона.

Отсюда уже само собою слѣдуетъ, что *въ отношеніи движеній*, за которыми глазъ въ силахъ услѣдить, *представляемое и дѣйствительное совпадаютъ другъ съ другомъ*.

Въ этомъ лежитъ, я думаю, главная причина, почему изъ всѣхъ міровыхъ явленій движеніе представляется намъ наиболѣе простымъ и удобопонятнымъ; почему наука о внѣшнемъ мірѣ стремится свести всѣ явленія на движеніе; и почему физикъ, получивъ такую возможность въ отношеніи какого-нибудь частнаго случая, считаетъ его рѣшеннымъ даже тогда, если объяснительное движеніе, по его быстротѣ, недоступно нашимъ чувствамъ. Разгадка послѣдняго лежитъ въ томъ, что внѣчувственныя движенія физиковъ представляютъ въ сущности лишь количественныя видоизмѣненія формъ доступныхъ чувству, познаніе же послѣднихъ не условное, а прямое, идущее въ корень.

Digitized by Google

Нечего и говорить, что въ основаніе всѣхъ разсужденій положено мною присущее всякому человѣку непреложное убѣжденіе въ существованіи внѣшняго міра, — непреложное въ той же или даже значительно большей мѣрѣ, чѣмъ увѣренность всякаго въ томъ, что завтра, послѣ сегодняшней ночи, будетъ день.

И. Сѣченовъ.

Москва,
15 февр., 1890 г.

Digitized by Google

НОВАЯ ФАНТАЗІЯ

НА

СТАРУЮ ТЕМУ

— Looking backward 2000—1887, by *Edward Bellamy*. London 1889. 18-е изданіе.
— The Cooperative Commonwealth in its Outlines, by *Laurence Gronlund*. English edition, 1886.

Окончаніе.

II *).

Знаменитая „Утопія“ сэра Томаса Мора появилась въ свѣтъ въ 1515—1516 году, т.-е. вскорѣ послѣ открытія Америки. Онъ былъ молодымъ человѣкомъ, всего лишь двадцати лѣтъ отъ роду, когда Колумбъ впервые вступилъ на новый неизвѣстный материкъ, имъ открытый, но которому впослѣдствіи далъ свое имя флорентинецъ Америго Веспуччи. Старую Европу волновали самые чудесные слухи о вновь открытомъ материкѣ и о разныхъ диковинкахъ и людяхъ, тамъ находящихся. Воображеніе людей, однимъ словомъ, было настроено, подготовлено и расположено вѣрить тамъ всему чудесному, и Америка съ ея неизслѣдованными странами сдѣлалась не только любимымъ мѣстомъ, куда текли со всѣхъ сторонъ авантюристы, но и любимой сценой для всякаго рода фантазій. Понятно отсюда, когда восемнадцать лѣтъ спустя

*) См. выше: апр., стр. 553.

Digitized by Google

Томасъ Моръ, уже умудренный опытомъ жизни и разочарованный въ ея прелестяхъ, вздумалъ написать сатиру на всѣ окружающія его дурныя стороны тогдашней экономической и политической жизни Европы и спеціально Англіи,—то мѣстомъ дѣйствія для своей фантазіи онъ точно также избралъ мало изслѣдованную Америку и придалъ ей форму путешествія на неизвѣстный островъ „Утопію“ (что значитъ по-гречески—„нигдѣ“) неизвѣстнаго путешественника Рафаэля Гителёдэй (Hythloday—„знающій пустяки“—по-гречески). Глубокое недовольство жизнью наполняло душу великаго государственнаго человѣка Англіи XVI вѣка: на престолѣ сидѣлъ Генрихъ VIII, одинъ изъ самыхъ тиранническихъ и беззаконныхъ государей Англіи въ теченіе всей ея исторіи, который не стѣснялся ничѣмъ въ своемъ произволѣ и своихъ капризахъ. Послѣ продолжительной эпохи процвѣтанія Англія какъ будто и экономически клонилась къ упадку: бѣдность жителей усиливалась вслѣдствіе такъ-называемаго „огораживанія“ полей и превращенія пашенъ въ пастбища для овецъ, благодаря начавшемуся развитію шерстяного экспорта и собственнаго шерстяного производства. Законодательство отличалось жестокостью, доходящей до кровожадности: для огромнаго большинства преступленій было одно лишь наказаніе — смертная казнь: вѣшали за простое воровство; вѣшали, какъ Томасъ Моръ сообщаетъ, въ его время иногда по двадцати человѣкъ на одну висѣлицу. Невѣжество, грубость, суевѣріе царили въ странѣ. Очевидно, что открытіе новаго государства съ иными нравами, иными обычаями являлось въ то время удобной и прекрасной формой сатиры для Мора и въ то же время давало свободу его мечтаніямъ о лучшемъ будущемъ, желательномъ для людей...

„Утопія“ появилась (на латинскомъ языкѣ) въ городѣ Лувенъ во Фландріи, подъ редакціей извѣстнаго Эразма, въ бытность Томаса Мора тамъ въ качествѣ члена англійскаго посольства. Значеніе ея для Англіи, прежде всего какъ философской сатиры, было настолько хорошо понято современниками, что она въ Англіи въ теченіе царствованія Генриха VIII не перепечатывалась. Скелетъ разсказа весьма простъ и незатѣйливъ,—обратно съ извѣстнымъ намъ романомъ Беллами. Авторъ передаетъ о своемъ пребываніи въ Антверпенѣ, гдѣ его пріятель, молодой секретарь городского магистрата, Петръ Жиль (Giles) или Эгидій, познакомилъ его съ интереснымъ путешественникомъ, упомянутымъ Рафаэлемъ Гителёдэй, видѣвшимъ на своемъ вѣку многія малоизвѣстныя страны и съ большимъ образованіемъ соединявшимъ значительную наблюдательность и умъ. Онъ только-что вернулся изъ отдаленнѣй-

Digitized by Google

шихъ мѣстностей вновь открытой Америки, участвуя въ экспедиціи Веспуччи. Бесѣдуя съ авторомъ и съ Петромъ Жилемъ о разныхъ дурныхъ сторонахъ европейской жизни, а также англійской, которую онъ хорошо зналъ, Рафаэль, какъ образецъ превосходства во всѣхъ отношеніяхъ, приводитъ открытый имъ островъ Утопію; ознакомленіе съ его устройствомъ и бытомъ составляетъ главную суть произведенія Томаса Мора. Разсказъ этотъ распадается на двѣ части: сначала передается бесѣда автора съ его пріятелемъ Жилемъ и Рафаэлемъ—и тутъ же длинный пересказъ Рафаэля о его спорѣ, въ бытность въ Англіи въ гостяхъ у кардинала-епископа кентербёрійскаго, съ однимъ юристомъ по поводу необходимости смертной казни для воровъ и средствъ къ уменьшенію бѣдности въ странѣ. Вся эта половина произведенія сплошь представляетъ собой критику умнаго и свѣдущаго человѣка на жестокіе нравы его времени и общества, безнравственность или точнѣе произволъ власти, что̀ выражается иногда въ формѣ иронической похвалы ей, и, наконецъ, въ указаніяхъ на тѣ коренныя причины, безъ устраненія которыхъ, по мнѣнію автора, нельзя ожидать и успѣха въ смыслѣ уменьшенія бѣдности. Вторая книга составляетъ всецѣло описаніе жителей острова Утопіи, ихъ порядковъ и нравовъ.

Возражая юристу въ его защитѣ драконовскихъ законовъ Англіи, онъ не только высказываетъ сомнѣніе въ справедливости и соразмѣрности такого страшнаго наказанія, какъ лишеніе жизни за воровство, но и сообщаетъ совершенно новую, вѣроятно, для своего времени мысль, что было бы гораздо лучше, вмѣсто подобныхъ наказаній, „постараться придумать способы, чтобы каждый человѣкъ получилъ возможность существованія безъ фатальной необходимости воровать и платиться за это жизнью“ [1]). Затѣмъ перечисляется длинный рядъ причинъ, способствовавшихъ въ то время нищетѣ народа и косвенно—воровству; таковы безпрестанныя войны, которыя создаютъ массу калѣкъ—отставныхъ солдатъ, негодныхъ ни къ какой работѣ и въ то же время необезпеченныхъ. Само содержаніе постоянныхъ армій для многихъ странъ, особенно для Франціи, по его мнѣнію, является источникомъ большой бѣдности и косвенно—разнообразныхъ преступленій. Многочисленное джентри, безцѣльно проживающее съ

[1]) То же самое пожеланіе высказываетъ и современный намъ писатель и въ настоящее время: „Настоящее общество говоритъ: „помогай самъ себѣ, или ступай въ тюрьму!“ а будущее общество будетъ помогать всякому, *удаливши всѣ покушенія дѣлать злое*. *Gronlund*: The Cooperative Commonwealth in its Outlines. 1886, стр. 236.

Digitized by Google

безчисленными свитами дармоѣдовъ, безъ всякихъ заботъ о помощи своимъ ближнимъ, тоже не мало способствуетъ, по его мнѣнію, распространенію бѣдности и воровства. Для полученія бо́льшаго дохода, растрачиваемаго по пустякамъ, землевладѣльцы сносятъ фермы, превращаютъ пашни въ пастбища и „кроткія отъ природы овцы, по выраженію автора, пожираютъ людей и обращаютъ въ пустыри не только деревни, но и цѣлые города". Въ заключеніе Рафаэль высказываетъ длинныя реплики противъ злоупотребленій королевской власти, какъ одной изъ причинъ, которая отвращаетъ его отъ намѣренія вступить куда-либо на службу. Тутъ же онъ указываетъ на обязанность королей не слушаться дурныхъ совѣтниковъ и сообразоваться единственно съ прямыми выгодами и благополучіемъ всего своего народа; какъ хорошій настухъ болѣе печется о своемъ стадѣ, нежели о себѣ, такъ долженъ заботиться и король о своемъ народѣ, и тотъ изъ нихъ находится въ заблужденіи, кто полагаетъ, что бѣдность народа можетъ служить средствомъ общественной безопасности. Авторъ въ лицѣ Рафаэля горячо возстаетъ противъ подобнаго мнѣнія, очевидно распространеннаго тогда въ обществѣ. „Кто ссорится,—восклицаетъ онъ,—больше, нежели нищіе? Кто болѣе серьезно заботится о перемѣнѣ, чѣмъ тотъ, которому неудобно жить при его настоящихъ условіяхъ? Кто смѣлѣе бросается на самыя отчаянныя предпріятія, чѣмъ тотъ, кому нечего терять и кто надѣется лишь выиграть?.. Королю достойно царствовать не надъ нищими, а надъ счастливыми и богатыми подданными"... Но авторъ въ то же время мало надѣется, чтобы могли услышать его совѣты и послѣдовать имъ. „При королевскихъ дворахъ нѣтъ мѣста,—говоритъ онъ,—для философіи" [1]).

Вслѣдъ за критикой и отрицаніемъ слѣдуетъ положительная сторона: изображеніе идеаловъ автора, какъ они воплотились между жителями фантастической Утопіи.

Островъ Утопія, по описанію автора, имѣетъ въ длину четыреста англійскихъ миль и столько же въ ширину въ наиболѣе широкомъ мѣстѣ, представляя собой фигуру полумѣсяца, въ углубленіи котораго лежитъ обширная и глубокая бухта, удобная для стоянки судовъ. Островъ густо заселенъ и имѣетъ сорокъ четыре большихъ и хорошо обстроенныхъ города, расположенныхъ довольно равномѣрно, на такомъ, приблизительно, разстояніи другъ отъ друга, что человѣкъ можетъ отъ одного города до другого

---

[1]) См. Ideal Commonwealths. Morley's Universal Library. London. 1889. Utopia, стр. 80, 81, 82.

Digitized by Google

достигнуть въ однѣ сутки перехода. Складъ жизни въ Утопіи семейный, образъ же занятій—земледѣльческій. Каждыя тридцать семействъ избираютъ ежегодно начальника, такъ-называемаго „сифогранта“ или „филларха“; десять человѣкъ этихъ послѣднихъ избираютъ изъ себя другого высшаго администратора „транибора“ или „архифилларха“; наконецъ, всѣ „сифогранты“ въ общемъ собраніи—а ихъ до двухсотъ лишь въ одномъ главномъ городѣ острова Аморотъ—избираютъ пожизненно принца, который, съ помощью совѣта сифогрантовъ, и управляетъ страной, причемъ важное вниманіе обращается, чтобы принцъ отнюдь не пытался лишить народъ его вольностей или обратить ихъ въ рабовъ.

Главное отличіе Утопіи отъ Европы заключается прежде всего въ организаціи собственности. Государство является тамъ единственнымъ собственникомъ какъ земли, такъ и всей прочей цѣнности, или иначе—все находится въ общей собственности, а отдѣльныя лица являются лишь временными владѣльцами, которыя подчиняются относительно своего владѣнія извѣстнымъ строгимъ правиламъ и узаконеніямъ, причемъ, видимо, индивидуальность въ Утопіи играетъ весьма малую роль. Живутъ, напримѣръ, всѣ семьями и при томъ недѣлимыми, такъ что женатые члены семьи остаются въ ней со своими дѣтьми и внуками, пока ихъ численность не превзошла положенную закономъ норму: никакая семья не можетъ состоять менѣе чѣмъ изъ десяти человѣкъ, не считая дѣтей, и болѣе шестнадцати человѣкъ—въ городѣ и сорока—въ деревнѣ; въ случаѣ, если семья переростетъ эти цифры, то новые ея члены или эмигрируютъ и составляютъ колонію на сосѣднемъ островѣ, или материкѣ, или же причисляются къ другой малой семьѣ, составляя такимъ образомъ какъ бы новую искусственную семью. Величина деревенской семьи зависитъ какъ отъ свойствъ сельской работы и потребности въ рукахъ, такъ и отъ другой особенности организаціи Утопіи: половина каждой сельской семьи, т.-е. 20 человѣкъ, обязательно поочередно на два года переселяется въ городъ, чтобы участвовать въ городскихъ работахъ и занятіяхъ, и обратно,—и такимъ образомъ городское населеніе, повидимому, по мысли автора, постоянно, хотя частью, мѣняется съ сельскимъ, пользуясь благами той и другой жизни.

Каждая обширная семья утопійцевъ имѣетъ во главѣ своей родоначальника—патріарха, которому и подчиняются всѣ члены; кромѣ того, жены подчиняются мужьямъ, дѣти—родителямъ, а младшіе служатъ старшимъ. При сельскихъ семьяхъ допускаются еще два раба, такъ какъ рабство существуетъ въ Утопіи, хотя

Digitized by Google

и въ ограниченныхъ формахъ. Вмѣстѣ съ отсутствіемъ личной собственности отсутствуютъ и деньги: все, что нужно, утопіецъ получаетъ на общественномъ рынкѣ даромъ, безплатно, гдѣ всего — подъ надзоромъ сифогрантовъ—запасается въ изобиліи. Главное же потребленіе—ѣда—въ городахъ совершается въ общественныхъ столовыхъ, учрежденныхъ въ каждомъ участкѣ, управляемомъ сифогрантомъ, а въ селеніяхъ—по семьямъ. Готовятъ кушанье женщины изъ всѣхъ семей поочереди; всѣ же грязныя работы совершаются рабами. Точно также на этихъ послѣднихъ въ Утопіи возложены закономъ обязанности мясниковъ—профессія, признаваемая хотя и необходимой, но постыдной для свободнаго человѣка, одинаково съ охотой на животныхъ, которая допускается опять-таки лишь для рабовъ. Они убѣждены, что подобныя занятія непремѣнно должны способствовать загрубѣнію души и ожесточенію людей. Весь распорядокъ этотъ общественныхъ трапезъ описывается съ большою подробностью и обстоятельностью до мельчайшихъ деталей.

Главнѣйшее занятіе жителей составляетъ земледѣліе, такъ какъ нѣтъ человѣка въ Утопіи, одинаково какъ изъ мужчинъ, такъ и женщинъ, который не былъ бы съ нимъ знакомъ при описанной выше смѣнѣ городской жизни сельскою. Всѣ учатся такимъ образомъ земледѣлію съ дѣтства, частью практикой, частью въ школѣ, но кромѣ того каждый обязательно изучаетъ какое-нибудь ремесло, смотря по силамъ и по полу. Всякая семья приготовляетъ все необходимое для членовъ платье непремѣнно дома, начиная съ пряденія и ткачества и кончая его отдѣлкой и шитьемъ. На всемъ островѣ, при этомъ, носятъ всѣ лица одинаковый костюмъ, одного и того же цвѣта и покроя; различіе дѣлается лишь, конечно, для пола и затѣмъ допускается маленькая разница въ костюмѣ для холостыхъ и женатыхъ; никакихъ модъ не признается, и фасонъ не мѣняется ни лѣтомъ, ни зимой. Обыкновенно одинъ и тотъ же промыселъ, добавочный къ земледѣлію, ведется въ семьѣ и передается наслѣдственно, но если кто-либо изъ членовъ ея почувствовалъ влеченіе къ другому занятію, то ему въ такомъ случаѣ предоставляется переписаться или перейти въ другое семейство съ соотвѣтствующимъ занятіемъ. Никакихъ стѣсненій для подобныхъ перемѣнъ въ занятіяхъ, обратно съ старыми цехами въ Европѣ, въ Утопіи не существуетъ; единственно требуется, чтобы каждый трудился по мѣрѣ силъ и умѣнья, въ предѣлахъ, притомъ, указанныхъ закономъ. Главная и почти единственная обязанность сифогранта заключается именно въ наблюденіи, чтобы ни одинъ человѣкъ въ его участкѣ не оставался

Digitized by Google

бездѣятельнымъ, но въ то же время чтобъ онъ и не истощалъ свои силы безпрестанной работой съ утра до ночи, какъ возовыя животныя, какъ это встрѣчается въ Европѣ. Каждый утопіецъ обязанъ работать лишь шесть часовъ въ день: три до обѣда и три послѣ обѣда. Затѣмъ восемь часовъ они посвящаютъ на сонъ, остальное же время находится въ полномъ распоряженіи каждаго по его наклонностямъ, съ тѣмъ однако, чтобы время не уходило на совершенное бездѣлье и не вело къ распущенности. Поэтому значительная часть ихъ свободнаго времени идетъ на чтеніе и на многочисленныя публичныя лекціи, посѣщаемыя всѣми жителями. Сверхъ того, занимаются, смотря по вкусамъ, въ своихъ садикахъ, слушаютъ или упражняются въ музыкѣ и краснорѣчіи и забавляются иногда играми, полезными физически или умственно.

Авторъ предвидѣлъ какъ бы возраженіе о недостаточности столь краткаго термина работы, какъ 6 часовъ въ сутки, для удовлетворенія всѣхъ многочисленныхъ нуждъ человѣческаго общества, и старается разными аргументами подкрѣпить свою мысль. Прежде всего онъ указываетъ на массу лицъ въ Европѣ его времени совершенно или частью праздныхъ, тогда какъ въ Утопіи всѣ одинаково работаютъ. „Во-первыхъ, говоритъ авторъ, *женщины у насъ вообще дѣлаютъ очень мало*, а вѣдь онѣ составляютъ половину человѣчества, а если нѣкоторыя женщины прилежны, то ихъ мужья часто лѣнивы; затѣмъ, примите во вниманіе огромное количество бездѣятельныхъ лицъ изъ духовенства; прибавьте къ нимъ всѣхъ богатыхъ людей, особенно землевладѣльцевъ, такъ-называемое дворянство, вмѣстѣ съ ихъ семействами; добавьте сюда всѣхъ этихъ сильныхъ и здоровыхъ лѣнтяевъ, которые нищенствуютъ въ странѣ подъ разными благовидными предлогами и ссылками. Принявши все это во вниманіе, вы увидите, что та часть человѣчества, которая дѣйствительно работаетъ и приноситъ своими трудами что-нибудь новое, далеко не такъ многочисленна, какъ вы воображали, можетъ быть, сначала“. Во-вторыхъ, авторъ обращаетъ вниманіе на безполезныя для народа занятія, вызванныя на свѣтъ хозяйственной организаціей европейскаго общества, отвлекающей много рукъ отъ производительнаго труда. Сюда принадлежитъ множество ремесленниковъ, приготовляющихъ предметы роскоши или прихоти, лавочниковъ, прислуги и т. д. Наконецъ, въ-третьихъ, онъ указываетъ на неудовлетворительную экономизацію труда въ Европѣ, т. е. на безполезную затрату его при существующей системѣ по при-

Digitized by Google

хоти, неразсчетливости и неблагоразумію какъ хозяевъ, такъ и самихъ работниковъ.

Не зная употребленія денегъ и въ отличіе отъ Европы, утопійцы относятся совершенно иначе къ благороднымъ металламъ и драгоцѣннымъ камнямъ. Они цѣнность ихъ мѣряютъ лишь полезностью употребленія; а такъ какъ практическое примѣненіе золота, серебра и каменьевъ не важно, сравнительно съ другими металлами, то всѣ эти драгоцѣнности не только не уважаются въ Утопіи, а скорѣе презираются и пренебрегаются. Не имѣя сами денегъ, они, однако, получаютъ ихъ при сношеніяхъ съ чужестранцами въ обмѣнъ за свои товары; не пуская ихъ въ обращеніе, они держатъ эти деньги въ государственномъ складѣ, обыкновенно на случай войны, такъ какъ за это золото имѣютъ возможность нанимать иностранныхъ солдатъ. Другое употребленіе благородныхъ металловъ имѣетъ своею ближайшею цѣлью лишь возбудить къ нимъ презрѣніе въ народѣ; такъ, утопійцы ѣдятъ и пьютъ изъ каменныхъ, глиняныхъ и стеклянныхъ сосудовъ, а изъ золота и серебра выдѣлываютъ ту часть домашней утвари, которую люди обыкновенно прячутъ отъ посторонняго взгляда. Мало того, они не дѣлаютъ другихъ цѣпей для своихъ рабовъ и преступниковъ, какъ золотыя и серебряныя; дѣтямъ же даютъ вмѣсто игрушекъ драгоцѣнные камни; такимъ образомъ, въ Утопіи укоренилось полное пренебреженіе какъ къ деньгамъ, такъ и къ благороднымъ металламъ вообще, какъ единственно годнымъ лишь на забаву дѣтей, на цѣпи рабовъ и подобныя назначенія.

Что касается происхожденія рабства въ Утопіи, то оно имѣетъ два источника: большею частью, это преступники, осужденные за какое-нибудь важное нарушеніе; они находятся на постоянной работѣ и постоянно скованы. Другая категорія рабовъ, участь которыхъ гораздо легче и обращеніе съ ними мягче—это бѣдные изъ сосѣднихъ странъ, которые пожелали поступить на службу или закабалиться въ Утопіи; обращеніе съ ними несравненно гуманнѣе; они менѣе обременены работой и всегда могутъ, когда хотятъ, покинуть свое зависимое положеніе и вернуться во-свояси. Вообще, какъ отношенія утопійцевъ къ рабамъ, такъ и другъ къ другу и къ чужестранцамъ, въ значительной степени построены на другой почвѣ, нежели въ современной автору Европѣ: ихъ моральная философія основана на томъ положеніи, что истинная мудрость человѣка заключается въ томъ, что собственные интересы допустимо преслѣдовать лишь настолько, насколько это закономъ дозволяется; они считаютъ необходимымъ предпочитать

Digitized by Google

общественное благо частной выгодѣ и находятъ несправедливымъ, когда человѣкъ стремится къ удовлетворенію какой-либо своей потребности, нарушая для того чужія права; напротивъ, они считаютъ знакомъ благородной и доброй души, когда человѣкъ отступается отъ собственной выгоды ради чужого добра [1]).

Авторъ посвящаетъ затѣмъ большое вниманіе такимъ сторонамъ жизни Утопіи, которыя уже теряютъ для нашего времени всякій практическій интересъ. Такъ, онъ подробно трактуетъ вопросъ о военной организаціи, системѣ веденія войнъ, обращеніи съ врагами, взятыми въ плѣнъ, и со своими союзниками; знакомитъ крайне детально съ религіей своего фантастическаго государства и даетъ нѣсколько курьезныхъ объясненій, относящихся къ способу заключенія тамошнихъ браковъ [2]). Далѣе, остальныя стороны общественной, а главное экономической жизни изображены довольно бѣгло; очевидно, 375 лѣтъ тому назадъ эти вопросы не имѣли еще того значенія и не пользовались тою популярностью, какъ нынѣ; сама жизнь была еще весьма неразвита: промышленность, напримѣръ, еще не вышла изъ сферы домашняго и ремесленнаго производства и рабочаго класса, какъ отдѣльнаго сословія, не существовало. Тѣмъ не менѣе Томасъ Моръ настойчиво нѣсколько разъ возвращается къ одной и той же любимой идеѣ, которою онъ мечтаетъ осчастливить человѣчество— къ вопросу о государственной и частной собственности и деньгахъ, какъ орудіи мѣны. Такъ, въ концѣ первой книги, напримѣръ, словами Рафаэля онъ выражаетъ свое „искреннее убѣжденіе" въ невозможности на землѣ справедливости и счастія, пока существуетъ иная собственность, кромѣ государственной или общей, и пока деньги служатъ мѣриломъ всѣхъ вещей. Точно также въ концѣ второй книги онъ опять налегаетъ на мысль, что съ прекращеніемъ денегъ прекратилась бы и масса людскихъ несчастій. „Самая бѣдность,—говоритъ онъ,—для помощи которой многіе считаютъ деньги необходимыми, пала бы тогда сама собой".

Лишь одна Утопія, по мнѣнію автора, представляетъ собою благоустроенное государство, достойное этого названія; во всѣхъ же другихъ странахъ народъ лишь толкуетъ о благоустройствѣ,

---

[1]) См. Morley. Universal Library. Utopia, стр. 118.

[2]) По описанію автора, предъ заключеніемъ каждаго брака въ Утопіи происходитъ при свидѣтеляхъ взаимный осмотръ жениха и невѣсты для избѣжанія различныхъ уродствъ и болѣзней, скрытыхъ подъ платьемъ!! Одинъ изъ біографовъ Томаса Мора предполагаетъ по этому поводу, что первая жена Т. Мора (онъ былъ женатъ два раза) обладала какимъ-нибудь серьезнымъ физическимъ недостаткомъ, вѣроятно скрытымъ до брака.

Digitized by Google

а думаетъ исключительно о своемъ богатствѣ, и всѣ люди живутъ лишь личными интересами, про свой собственный карманъ. Правительства всѣхъ странъ несправедливы не только тѣмъ, что оказываютъ одностороннюю заботливость объ интересахъ одного лишь класса народа (дворянства), но и потому, что пренебрегаютъ совершенно судьбою истинныхъ тружениковъ. Весь народъ пользуется трудами пахарей, рудокоповъ, кузнецовъ; когда же приходитъ къ послѣднимъ старость, болѣзнь и нужда, то всѣ забываютъ объ ихъ трудахъ и добрѣ, ими сдѣланномъ; въ награду имъ предоставлено лишь умирать въ крайней нищетѣ; богатые же часто лишь заботятся о томъ, чтобы наемную плату рабочихъ понизить еще больше, даже путемъ закона, который они съ этою цѣлью издаютъ [1]).

„Утопія" кончается маленькимъ примѣчаніемъ автора къ разсказу Рафаэля: „хотя онъ (т.-е. Рафаэль), — кончаетъ Томасъ Моръ,—и ученый человѣкъ, притомъ съ большимъ знаніемъ свѣта, тѣмъ не менѣе я не могу совершенно согласиться со всѣмъ, что онъ разсказываетъ; однакоже я долженъ признать, что въ „Утопіи" много такихъ вещей что я скорѣе желалъ бы, нежели надѣялся, чтобы наше правительство имъ послѣдовало"...

III.

Если окинуть мысленно содержаніе обѣихъ знакомыхъ намъ фантазій — Мора и Беллами, раздѣленныхъ болѣе чѣмъ тремя съ половиной вѣками другъ отъ друга, то, несмотря на одну и ту же задачу, одинаковый исходный пунктъ, даже нѣкоторыя общія положенія замысла, читатель, однако, первоначально болѣе поражается ихъ глубокимъ различіемъ, нежели упомянутымъ сходствомъ. Очевидно, людскіе идеалы начала XVI вѣка и конца XIX весьма отличны другъ отъ друга. Отправная точка у обоихъ писателей одна и та же: общее благо человѣчества, какъ оно ими понимается; но понимается оно во многихъ отношеніяхъ совершенно различно. „Люди благоденствуютъ тамъ и сямъ" — въ Утопіи Мора и въ Бостонѣ XXI вѣка у Беллами, но понятіе этого благоденствія за триста слишкомъ лѣтъ весьма измѣнилось. Въ Утопіи Мора люди безличны и лишены воли, всецѣло поглощенной государствомъ или общиной; утопійцы строго

[1]) Здѣсь очевидный намекъ на таксу заработной платы, много сотъ лѣтъ существовавшую въ Англіи и уничтоженную лишь въ концѣ прошлаго вѣка.

Digitized by Google

подчинены своимъ сифогрантамъ на каждомъ шагу своей личной дѣятельности; они не могутъ работать больше или меньше, нежели это дозволено закономъ; они не могутъ носить другого платья, иного фасона или цвѣта, жить въ другомъ жилищѣ, кромѣ того, какой законъ указываетъ; они не могутъ располагать своей семьей иначе, какъ это допускается закономъ,—напримѣръ, не могутъ выдѣлиться изъ нея или даже обратиться къ иному занятію, не мѣняя той семьи, или, точнѣе, рода, съ которымъ утопіецъ живетъ. Мало того, утопіецъ не можетъ даже отлучиться изъ своего мѣстожительства безъ разрѣшенія сифогранта и не можетъ путешествовать безъ паспорта отъ своего принца. Въ современной американской фантазіи Беллами свобода людей въ XXI вѣкѣ, правда, ограничена, условна, но тѣмъ не менѣе дѣйствующія лица его фантазіи сохраняютъ широкое право располагать какъ хотятъ своими поступками и, до извѣстной степени, своей собственностью; они не только имѣютъ право по своему личному усмотрѣнію тратить свой заработокъ („трудовые чеки"), но и вполнѣ распоряжаются имъ, оставляя даже по наслѣдству свои вещи близкимъ и знакомымъ. Внѣшній же образъ жизни и вообще вся житейская обстановка нашего времени, насколько можно судить, въ фантазіи Беллами, какъ и Гронлёнда, оставлены неприкосновенными и для будущаго.

Очевидно, такое глубокое внутреннее различіе двухъ идеаловъ народнаго благополучія двухъ мыслителей начала XVI и конца XIX вѣка нельзя объяснить случаемъ или только личными воззрѣніями авторовъ ихъ, а лишь продолжительнымъ временемъ, длиннымъ періодомъ индивидуализма и господства началъ личной свободы, которые ихъ отдѣляютъ другъ отъ друга. Въ этомъ случаѣ уже весьма много сдѣлалъ одинъ лишь XVIII вѣкъ, съ его скептическимъ отношеніемъ къ существовавшимъ учрежденіямъ и стремленіемъ къ широкой индивидуальной свободѣ. Онъ принесъ съ собой господство разума, признаніе вѣротерпимости, свободу изслѣдованія, но въ связи съ ними и начало свободной конкурренціи, возвѣщенное и установленное трудомъ Смита; а оно привело въ свою очередь за собой, какъ необходимое послѣдствіе, и то разнообразное зло для людей, которое породило и самое появленіе на свѣтъ фантазіи Беллами. Такимъ образомъ, на различіи обоихъ идеаловъ лежитъ прежде всего печать времени.

Далѣе, у Мора въ его фантазіи главная забота заключается во внѣшнемъ устройствѣ человѣчества, въ политической сторонѣ быта, у Беллами же—въ экономической сторонѣ. Во всемъ произведеніи Мора на первомъ планѣ проглядываетъ недовѣріе къ

Digitized by Google

власти и мечтаніе о необходимости той или иной ея передѣлки, недовѣріе тѣмъ болѣе странное, когда оно высказывается устами государственнаго человѣка и впослѣдствіи канцлера великаго государства. Въ отношеніи религіи, напримѣръ, Томасъ Моръ рекомендуетъ государственной власти самую широкую свободу, ставя ей какъ образецъ тѣхъ же самыхъ утопійцевъ, гдѣ каждый не только исповѣдуетъ религію, какую хочетъ, но можетъ свободно привлекать къ ней и другихъ лицъ силою убѣжденія и дружественныхъ увѣщаній, „но безъ всякой для нихъ горечи", не говоря уже о насиліяхъ, за которыя полагается въ Утопіи строгое наказаніе, кѣмъ бы насиліе ни было оказано. Вмѣстѣ съ Платономъ Томасъ Моръ выражаетъ убѣжденіе, что „народы будутъ счастливы лишь тогда, когда философы сдѣлаются королями или короли сдѣлаются философами" (стр. 75). Но тутъ же, нѣсколькими страницами ниже (стр. 82), выражается сомнѣніе, „чтобы для философіи нашлось мѣсто при дворѣ принцевъ" (очевидно, здѣсь подъ философіей разумѣется здравое и умѣлое управленіе страной). Не ограничиваясь этимъ утвержденіемъ, въ разныхъ видахъ, повторяемымъ въ произведеніи по поводу тѣхъ или иныхъ недостатковъ и злоупотребленій власти, Моръ стремится подорвать даже довѣріе къ необходимости со стороны подданныхъ доставлять своему правительству большія суммы денегъ для нуждъ государственнаго казначейства. Онъ рекомендуетъ примѣръ народа макарійцевъ, живущихъ недалеко отъ Утопіи, у которыхъ король въ день восшествія на престолъ обязуется торжественною клятвою отнюдь не допускать, чтобы въ его сокровищницѣ накоплялось болѣе одной тысячи фунтовъ денегъ,—„дабы народъ не бѣднѣлъ,—объясняетъ онъ дальше,—а король не могъ нарушать права народа". Видимо, все окружающее въ Англіи и Европѣ того времени питало сильное недовѣріе къ тогдашней власти.

Все это значительно измѣнилось нынѣ: соотечественники и современники другого нашего фантазера, американца Беллами, не имѣютъ уже нынѣ необходимости волноваться заботами о свободѣ совѣсти или посвящать свое время исключительно критикѣ или обличенію различныхъ злоупотребленій власти. Вся политическая машина, какъ въ Америкѣ, такъ и на родинѣ Томаса Мора, за три съ половиною вѣка значительно усовершенствовалась и улучшилась и уже не является главной злобой дня. Для американцевъ и европейцевъ XIX вѣка одинаково важность политическихъ интересовъ въ значительной степени затемняется еще бо́льшею серьезностью экономическихъ, и главнѣйшее вниманіе поглощено свободной конкурренціей и ея послѣдствіями. Ни въ

Digitized by Google

чемъ такъ рѣзко не сказывается различіе двухъ народныхъ идеаловъ за разныя эпохи, какъ именно въ этомъ послѣднемъ отношеніи; замѣчательно, что самое слово *конкурренція* ни разу не встрѣчается въ произведеніи Мора, какъ будто тогда его не было, и во всякомъ случаѣ оно не имѣло своего нынѣшняго громаднаго значенія. Въ эпоху Томаса Мора, т.-е. въ первой половинѣ XVI вѣка, вся внутренняя государственная политика отличалась такимъ широкимъ вмѣшательствомъ правительства въ частную жизнь подданныхъ, о какомъ послѣдующая исторія не знаетъ, а въ настоящее время едва-ли кто мечтаетъ. Весьма долго законы Англіи предписывали каждому подданному, во что онъ долженъ одѣваться и что ѣсть, и всего лишь за три года до появленія въ свѣтъ „Утопіи" Томаса Мора прошелъ новый законъ, установившій обязательную таксу заработной платы для различныхъ видовъ труда (3 and 6 Henry VIII). Любопытно знать, что, хотя рабочіе этой платой не были довольны и самъ Томасъ Моръ, какъ мы видѣли, считалъ ее несправедливо малой и установленной въ интересахъ нанимателей,—тѣмъ не менѣе экономическое положеніе тогдашняго рабочаго было много выше настоящаго. Взявши за основаніе эту таксу и переведя ее на нынѣшнія деньги, извѣстный англійскій историкъ Фраудъ получилъ 20 шиллинговъ въ недѣлю для такихъ категорій труда, которыя нынѣ получаютъ лишь отъ 12 до 15, не считая многихъ иныхъ экономическихъ выгодъ тогдашней жизни [1]). Но всего поразительнѣе законодательное отрицаніе, въ XVI вѣкѣ, началъ конкурренціи выразилось нѣсколько позднѣе (въ годъ отставки Мора отъ его канцлерской должности), въ 1533 году, когда прошелъ, несмотря на оппозицію землевладѣльцевъ, терявшихъ большія выгоды, законъ противъ дальнѣйшаго развитія овцеводства, на которое такъ жаловался Томасъ Моръ въ „Утопіи". Актъ этотъ воспретилъ держать одному лицу болѣе двухъ тысячъ овецъ и болѣе двухъ фермъ въ однѣхъ рукахъ, чтобы не лишать другихъ заработка, а земледѣльцевъ—работы.

Изъ этихъ объясненій понятно, почему Томасъ Моръ не упоминаетъ о конкурренціи, не имѣвшей въ его время никакого крупнаго значенія, подобнаго настоящему. Вся обширная область фабричной промышленности создалась также не раньше XVIII вѣка, почему Моръ не сообщаетъ о ней ничего и даже не догадывается о возможности ея возникновенія. Для него Англія еще

---

[1]) *James Anthony Froude.* History of England from the fall of Wolsey to the death of Elisabeth. 1861. Vol. I, стр. 17—20.

Digitized by Google

страна по преимуществу земледѣльческая; такой же онъ дѣлаетъ и Утопію. Трудъ женщинъ, какъ мы видѣли, онъ ставитъ почти ни во что въ производствѣ. Даже гораздо позже, знаменитый отецъ политической экономіи, Адамъ Смитъ, нигдѣ въ своемъ „Богатствѣ народовъ" не упоминаетъ о промышленномъ трудѣ женщинъ, имѣя всегда въ виду, въ этомъ случаѣ, лишь одну половину рода человѣческаго—мужчинъ. Женщинѣ онъ отводитъ мѣсто у домашняго очага, лишь какъ хозяйкѣ семейства, съ соотвѣтствующими этому положенію занятіями, но отнюдь не участіе въ общемъ трудѣ. Прошло съ тѣхъ поръ не болѣе ста лѣтъ, какъ это взаимное отношеніе двухъ половъ къ труду успѣло рѣзко измѣниться, благодаря гигантскому росту фабричной промышленности. Главнѣйшая отрасль ея безъ сомнѣнія—это такъ-называемая обработка волокнистыхъ веществъ, и между тѣмъ въ ней именно въ Англіи женщинъ работаетъ вдвое больше, чѣмъ мужчинъ, не считая малолѣтнихъ; всего же работающихъ женщинъ на этой промышленности 61,7%, т.-е. чуть не двѣ трети всѣхъ богатствъ прядильно-ткацкой индустріи наиболѣе промышленнаго государства въ мірѣ создается слабыми женскими и дѣтскими руками (дѣтей обоего пола 11% всего числа рабочихъ), а не здоровыми мужскими! [1]) Такимъ образомъ, если во времена Томаса Мора „овцы пожирали людей", т.-е. отнимали у нихъ хлѣбъ, или заработокъ, то еще худшее дѣлается при настоящей системѣ промышленности: дѣти отнимаютъ его у родителей, жены—у мужей, такъ какъ по общему правилу, съ усовершенствованіемъ и распространеніемъ машинъ, женскій и дѣтскій трудъ повсемѣстно медленно, но постепенно вытѣсняетъ мужской.

Другое крупное различіе, которое кладетъ рука времени на два однородныя произведенія, заключается въ понятіяхъ о нравственности. Кодексъ нравственности Томаса Мора и его хваленыхъ утопійцевъ совершенно не соотвѣтствуетъ нашимъ нынѣшнимъ воззрѣніямъ и претитъ имъ во многихъ отношеніяхъ. Мы уже знаемъ, что онъ допускаетъ рабство, хотя и въ исключительномъ случаѣ; рабами становятся всѣ преступники, чѣмъ искупаютъ свои преступленія, но, кромѣ того, позволяется закабалять и бѣдныхъ иностранцевъ. Въ военномъ дѣлѣ и спеціально въ войнѣ Моръ даетъ въ своемъ произведеніи такіе совѣты, которые, конечно, не могутъ вызвать сочувствія въ XIX вѣкѣ. Напримѣръ: нанимать солдатъ за хорошую плату и аккуратно ее

[1]) Factories. Return to an Adress of the Honourable House of Commons, dated 16 May, 1878.

Digitized by Google

платить, но зато чаще посылать ихъ въ опасность, чтобы этимъ окупить и самую плату; рекомендуется назначать высокую награду за смерть или плѣненіе непріятельскаго полководца или короля, черезъ что посѣется недовѣріе между самими непріятелями и можетъ ускориться исходъ войны. Мало того, Моръ защищаетъ такіе подкупы отъ обвиненія въ безнравственности, называя ихъ „мудрой мѣрой". Зато единственными допустимыми поводами къ объявленію войны онъ считаетъ лишь оборону или защиту отъ вторженія въ свою страну или страну союзниковъ, или наступательную войну для освобожденія послѣднихъ отъ ига завоеванія. Еще страннѣе и въ то же время безнравственнѣе обычай въ Утопіи, который онъ рекомендуетъ вниманію читателей относительно неизлечимо больныхъ: для такихъ, съ согласія совѣта жрецовъ и врачей, допускается и даже совѣтуется самоубійство („Утопія", стр. 130).

Совершенно иной строй нравственныхъ понятій—въ американской фантазіи. Рабы замѣняются машинами, сберегающими человѣческій трудъ, а необходимѣйшая въ домѣ работа исполняется частью членами семьи, частью же въ общественныхъ мастерскихъ и учрежденіяхъ (напр., ѣда, стирка бѣлья, починка и проч.); какъ выражается Беллами, домашняя прислуга въ его будущемъ человѣчествѣ не будетъ существовать. Другой же фантазеръ—его единомышленникъ Гронлёндъ—ставитъ вопросъ этотъ еще рѣзче: домашняя прислуга войдетъ въ семью, составитъ ея членовъ, говоритъ онъ [1]). Мало того, Беллами вноситъ въ экономическую дѣятельность своего фантастическаго государства совершенно новый факторъ, о которомъ Томасъ Моръ для своихъ утопійцевъ и не мечталъ, хотя, можетъ быть, лично самъ положилъ свою голову на плаху ради него: я разумѣю чувство долга и любовь къ человѣчеству, которыя Беллами думаетъ сдѣлать двигателями людскихъ дѣйствій для будущихъ людей. Такъ, напомнимъ: въ распредѣленіи занятій въ своемъ фантастическомъ государствѣ Беллами предполагаетъ единственнымъ стимуломъ выбора непріятныхъ или опасныхъ профессій (кромѣ сокращеннаго срока работы) „чувство долга и благородное соревнованіе ради общаго блага", которыя всегда вызовутъ „охотниковъ для исполненія профессіональныхъ обязанностей, признанныхъ опасными, но въ то же время наиболѣе существенными для пользы всего государства". То же самое касается и относительно одина-

---

[1]) См. Looking Backward, Edward Bellamy, стр. 89, и The Cooperative Commonwealth, *Laurence Gronlund*. 1886, стр. 240.

Digitized by Google

коваго размѣра вознагражденія при различныхъ профессіяхъ и способностяхъ рабочихъ, предполагаемаго Беллами для будущихъ людей. Мѣсто мотивовъ матеріальнаго свойства замѣнятъ моральные, какъ это бываетъ, по его словамъ, въ XIX вѣкѣ, гдѣ двигателемъ человѣческой дѣятельности часто является не любовь къ деньгамъ, а иные мотивы высшаго нравственнаго порядка. Вообще, значеніе нравственности сознается выше и выше, и сличеніе этихъ двухъ народныхъ идеаловъ, раздѣленныхъ періодомъ времени безъ малаго въ четыреста лѣтъ, доказываетъ, намъ кажется, положительный прогрессъ въ сознаніи человѣчества. Съ теченіемъ времени смягчаются не только уголовные кодексы, но и самые нравы; ростъ симпатіи человѣка къ человѣку замѣтно увеличивается въ теченіе всего историческаго періода нашего существованія. Онъ находитъ себѣ выраженіе, напримѣръ, во множествѣ благотворительныхъ учрежденій, которыхъ численность въ нашъ индивидуалистическій вѣкъ, тѣмъ не менѣе, ростетъ и увеличивается со всѣхъ сторонъ, и въ тѣхъ могучихъ филантропическихъ движеніяхъ, которыя постепенно появляются на свѣтъ то въ той, то въ другой изъ культурныхъ странъ. Между тѣмъ какъ преступленія противъ собственности замѣтно ростутъ, преступленія животнаго характера, какъ продуктъ страсти, ростутъ медленнѣе, какъ числомъ, такъ и жестокостью.

Любопытный образчикъ различія, положеннаго временемъ на содержаніе обѣихъ фантазій, заключается, между прочимъ, также въ отношеніяхъ къ вопросу о народномъ образованіи. Нѣтъ сомнѣнія, Томасъ Моръ, одинаково, какъ и наши современники, уважалъ образованіе, будучи самъ высокообразованнымъ человѣкомъ своего вѣка; но отсутствіе чего-нибудь похожаго, въ его дни, хотя бы съ нынѣшней обширной системой народнаго образованія въ культурныхъ странахъ Европы и Америки не давало ему и пищи для воображенія, а потому во всемъ своемъ произведеніи Томасъ Моръ лишь два раза мелькомъ по нѣскольку строчекъ упоминаетъ объ этомъ важномъ вопросѣ, и то—самаго общаго свойства. Дѣти въ Утопіи учатся у жрецовъ или духовенства, при чемъ они заботятся не столько обучить дѣтей грамотѣ, какъ „развить ихъ души и привычки, и вообще стараются привить гибкой душѣ дѣтей такія воззрѣнія, которыя были бы одинаково хороши какъ для нихъ самихъ, такъ и полезны для страны“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ говорится лишь объ единовременномъ обученіи жителей Утопіи вмѣстѣ съ земледѣліемъ и ка-

[1]) Utopia, стр. 156.

Digitized by Google

кому-нибудь мастерству. Обратно съ этимъ, какъ мы видѣли, Беллами говоритъ о народномъ образованіи будущаго человѣчества много, охотно и подробно,—конечно, имѣя передъ собой въ виду уже успѣхи, достигнутые современнымъ обществомъ. До двадцати одного года, до поступленія въ ряды промышленной арміи, всѣ люди получаютъ высшее образованіе, которое такимъ образомъ дѣлается всенароднымъ; затѣмъ три года всѣ состоятъ чернорабочими, всѣ начинаютъ съ ручного труда, а позднѣе, послѣ двадцати-четырехъ-лѣтняго возраста, каждый желающій получаетъ профессіональное образованіе въ дополненіе къ прежнему высшему. Такимъ образомъ, разница въ направленіи фантазій обоихъ писателей въ вопросѣ народнаго образованія весьма рѣзкая; сходно лишь одно: оба автора признаютъ одинаково необходимымъ физическій или ручной трудъ для всѣхъ людей безъ исключенія и устанавливаютъ его обязательность въ своихъ мечтаніяхъ о будущемъ [1]).

При всѣхъ описанныхъ отличіяхъ, которыя вѣка́, а частью личныя свойства авторовъ наложили на двѣ разбираемыя фантазіи, главныя основныя черты идеала оказываются, однако, одинаковыми, несмотря на всю разницу времени. Прежде всего всеобщіе миръ и гармонія царятъ между жителями обоихъ фантастическихъ государствъ (у Мора война — рѣдкость и крайность; у Беллами —совершенно отмѣнена); затѣмъ слѣдуетъ распредѣленіе всѣхъ занятій согласно личнымъ наклонностямъ и желаніямъ, и въ то же время равенство вознагражденія; общее благополучіе и довольство жизнью; укороченные часы работы (у Мора и Гронлёнда—по 6 часовъ) и въ то же время совершенное прекращеніе лѣности и тунеядства. Такова общая картина благоденствія будущаго человѣчества, такова суть народныхъ идеаловъ—одинаково и въ XVI, и въ XIX вѣкѣ, какъ выражаютъ ихъ эти мыслители. Эти цѣли, лежащія въ основѣ обѣихъ фантазій, раздѣленныхъ столь продолжительнымъ періодомъ, указываютъ и общій способъ всей реформы, которая должна произвесть эти чудеса; главнымъ образомъ онъ заключается въ отмѣнѣ нынѣшнихъ формъ собственности и денегъ. Томасъ Моръ предполагаетъ въ Утопіи общую собственность, т.-е. принадлежащую всему государству, а деньги называетъ величайшимъ зломъ, которое создало чуть не всѣ несчастія на землѣ и, навѣрное, бѣдность и большую часть преступленій („Утопія", стр. 85 и 165). Одинаковыми почти словами выражается объ условіяхъ счастія человѣчества и Беллами;

---

[1]) Utopia, стр. 96; *Bellamy*, стр. 98, 146.

Digitized by Google

все различіе лишь въ названіи, такъ какъ выраженіе „общая собственность“ онъ замѣняетъ: „государственная“. Въ то же самое время у обоихъ замѣчается почти въ одинаковой мѣрѣ одинъ и тотъ же недостатокъ: они не даютъ достаточныхъ указаній или объясненій, какимъ образомъ, при какихъ условіяхъ такія важныя перемѣны въ устройствѣ быта человѣчества могутъ совершиться. Представлены отношенія между людьми, непохожія на наши: эгоизмъ является совершенно въ иной степени развитія и одинаково въ обѣихъ фантазіяхъ замѣщается часто самоотреченіемъ и самопожертвованіемъ, столь необычными и несхожими съ дѣйствительной жизнью. Правда, Беллами какъ бы пытается дать объясненіе, ссылаясь на законы эволюціи, согласно которымъ совершится перемѣна; но такая попытка собственно ничего не объясняетъ, ибо сами законы эволюціи еще слишкомъ мало въ этомъ отношеніи изслѣдованы и извѣстны, и, во-вторыхъ, самый способъ, или—фигурально выражаясь—мостъ, перекинутый отъ неудовлетворительнаго настоящаго къ прекрасному будущему—синдикаты и картелли и тому подобные союзы различныхъ промышленныхъ предпріятій, которымъ въ этомъ случаѣ такую важность приписываетъ Беллами,—являются совершенно новымъ факторомъ экономической жизни современнаго человѣчества, о которомъ еще слишкомъ рано утверждать что-либо положительное.

Такимъ образомъ, изъ сличенія двухъ фантазій, раздѣленныхъ другъ отъ друга 375 годами, мы должны придти къ слѣдующимъ общимъ выводамъ. Какъ во времена Мора, такъ и нынѣ, для современниковъ Беллами, важнѣйшимъ факторомъ человѣческаго счастія и благополучія является устраненіе людской бѣдности и водвореніе на землѣ согласія и спокойствія. Способы для этого у обоихъ авторовъ также имѣютъ извѣстное сходство и одинаково, притомъ, чисто-внѣшніе, формальные и необоснованные. Мѣняя формы учрежденій, они думаютъ достигнуть этимъ желанной цѣли; между тѣмъ эта послѣдняя, разумѣется, находится въ тѣсной зависимости прежде всего отъ перемѣны внутренней въ человѣчествѣ, отъ его нравственнаго духовнаго перерожденія. Оба писателя, повидимому, понимаютъ слабость своей аргументаціи, обращаясь иногда къ чувству человѣческой любви, къ важности и необходимости развитія его, но при постройкѣ своихъ фантазій въ одинаковой степени уже совершенно забываютъ о благихъ пожеланіяхъ, какъ будто они были осуществлены и достигнуты. Лучше всего этотъ слабый пунктъ всѣхъ подобныхъ фантазій, впрочемъ, можно прослѣдить на книгѣ Беллами, къ разбору которой мы и обратимся.

Digitized by Google

III.

Какъ было уже нами ранѣе упомянуто, романъ Беллами: „Взглядъ назадъ“, имѣлъ чрезвычайный успѣхъ, какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ, и особенно въ первой. Очевидно, онъ отвѣчалъ назрѣвшей потребности у людей взглянуть нѣсколько глубже на такъ-называемый соціальный вопросъ и, не ограничиваясь одной отрицательной стороной его, указаніемъ тѣхъ или иныхъ вопіющихъ недостатковъ современнаго строя, поискать возможнаго разрѣшенія сомнѣній—какъ же все устроить къ лучшему въ будущемъ, и что это неизвѣстное будущее обѣщаетъ. Беллами посильно отвѣтилъ на этотъ вопросъ и отвѣтилъ по разуму и по вкусу многихъ сотенъ тысячъ читателей своего произведенія; послѣднее и опредѣлило успѣхъ книги: она появилась во-время, отвѣчала требованіямъ времени и удовлетворяла господствовавшимъ желаніямъ многочисленной нынѣ грамотной публики изъ рабочихъ классовъ.

Беллами породилъ или, точнѣе, возбудилъ въ Америкѣ, особое, такъ-называемое „націоналистическое“ движеніе, имѣющее своею задачей подготовку средствъ и ускореніе къ достиженію идеала будущаго человѣчества, представленнаго въ его произведеніи. Немедленно по основаніи, новое общество сочло нужнымъ предать гласности тѣ начала, которыми оно руководствуется, или принципы своей дѣятельности. Главнѣйшіе пункты этой программы слѣдующіе: „принципы конкурренціи составляютъ лишь простое приложеніе животнаго закона о переживаніи сильнѣйшаго и хитрѣйшаго; поэтому, до тѣхъ поръ, пока конкурренція является руководящимъ факторомъ въ нашей промышленной системѣ, высшее развитіе недѣлимаго не можетъ быть достигнуто, и высшія цѣли человѣчества не могутъ быть осуществлены. Вслѣдствіе этого всякій, кто желаетъ блага людей, долженъ стараться содѣйствовать уничтоженію системы, основанной на животномъ принципѣ конкурренціи, и помогать поставить на ея мѣсто другое учрежденіе, основанное на болѣе благородномъ принципѣ—ассоціаціи“. Затѣмъ, указывая на то, что пути его, избранные для достиженія поставленной цѣли, исключительно мирные, основанные на одномъ лишь убѣжденіи, лига утверждаетъ, что развитіе всевозможныхъ комбинацій и синдикатовъ въ промышленности служитъ, будто бы, лучшимъ доказательствомъ практичности и осуществимости принципа ассоціаціи, ею проповѣдуемаго. „Мы только стараемся тотъ же принципъ (т.-е. устройство комбинацій, синди-

Digitized by Google

катовъ и проч.) вести нѣсколько далѣе, чтобы всѣ промыслы и занятія работали лишь въ интересѣ всего народа, народа организованнаго, а не въ интересахъ отдѣльныхъ лицъ [1]).

Этотъ любопытный документъ повторяетъ и въ краткихъ положеніяхъ излагаетъ знакомыя намъ уже стремленія Беллами, необходимыя къ осуществленію его фантазіи. На первомъ планѣ стоитъ національзація земли, а за нею—и большей части другой собственности. Касаясь столь важнаго условія перехода отъ настоящаго экономическаго строя къ будущему, Беллами не даетъ себѣ труда достаточно выяснить способы національзаціи и указать тѣ пути, которыми долженъ его планъ осуществиться. Правда, онъ говоритъ, какъ мы видѣли, въ самомъ началѣ своего произведенія, о концентраціи промышленныхъ предпріятій, происходящихъ нынѣ во всѣхъ странахъ образованнаго свѣта и особенно въ Америкѣ, гдѣ разнаго рода синдикаты и картелли промышленниковъ, соединяя и безъ того обширныя предпріятія, часто акціонерныя, въ своихъ рукахъ, ведутъ во всѣхъ отрасляхъ промысловъ къ замѣнѣ многихъ мелкихъ производствъ немногими крупными. Это комбинированіе капиталовъ, всюду замѣтное, кончится, утверждаетъ онъ, и при томъ весьма скоро, уже въ началѣ XX вѣка сліяніемъ всѣхъ синдикатовъ въ единый синдикатъ, представленный государствомъ, къ которому перейдетъ вся собственность, и который сдѣлается единымъ капиталистомъ на мѣсто всѣхъ капиталистовъ.

Высказывая такое рѣшительное утвержденіе, Беллами оставляетъ его, однако, совершенно голословнымъ. Такъ, указанный ходъ въ исторіи развитія промышленности можетъ дать основаніе самымъ различнымъ предположеніямъ и притомъ съ одинаковою степенью вѣроятности. Какъ извѣстно, въ Америкѣ уже давно озабочены тѣмъ важнымъ зломъ для общественныхъ интересовъ, которое проистекаетъ изъ означеннаго комбинированія всевозможныхъ предпріятій въ немногихъ рукахъ, союзы или картелли которыхъ насчитываются нынѣ въ Америкѣ сотнями, ко вреду потребителей и рабочихъ. По слухамъ, тамъ уже проектируются въ настоящее время весьма рѣшительныя законодательныя мѣры противъ дальнѣйшаго хода развитія этихъ вредныхъ для интересовъ народа формъ соединенія капитала, и вполнѣ компетентные изслѣдователи, какъ напримѣръ Бэкеръ, въ его недавнемъ трудѣ („Monopolies and the People", Нью-Іоркъ, 1889 г.), нисколько не сомнѣваются въ возможности и цѣлесообразности

[1]) Declaration of Principles; The Nationalist, May, 1889. Boston.

Digitized by Google

въ этихъ видахъ установленія правительственнаго контроля и регулированія означенныхъ монополій. Если только этому будущему закону удастся разрушить или даже серьезно задержать развитіе картелей, то что сдѣлается со всей замысловатой схемой Беллами, служащей основаніемъ націонализаціи?!

Само собою разумѣется, что до тѣхъ поръ, пока законодательныя попытки въ этомъ отношеніи не окажутся тщетными, весь исходный пунктъ реформы современнаго экономическаго быта, по Беллами, является болѣе, нежели гадательнымъ и не имѣетъ никакого значенія. Защитники его соображеній, правда, могутъ указать на фактическое осуществленіе этой стороны его плановъ въ древнемъ Перу во времена инковъ, гдѣ вся земля, единственное богатство страны, принадлежала государству, а между тѣмъ благосостояніе жителей и вообще культура страны въ эпоху завоеванія ея испанцами достигала высокой степени развитія. Но и этотъ аргументъ, который можно привести за Беллами, едва-ли заслуживаетъ вниманія, такъ какъ благосостояніе древняго Перу достигалось путемъ полнѣйшаго рабскаго подчиненія жителей государству и уничтоженія личности, на которое не согласится не только никто изъ соотечественниковъ Беллами, но навѣрное даже и изъ современниковъ Томаса Мора. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ сэръ Генри Мэнъ, до сихъ поръ человѣчество знаетъ, къ сожалѣнію, только два рода мотивовъ и двѣ системы, съ помощью которыхъ создается человѣческое богатство и ведется хозяйство: одна система—это экономическая конкурренція, которою міръ главнымъ образомъ держится до настоящаго времени; другая—система рабскаго принудительнаго труда, подстрекаемаго кнутомъ и тюрьмой, какъ это было въ Перу.

Другой вопросъ, не менѣе спорный, въ фантазіи Беллами представляетъ собой его организація распредѣленія занятій. Какъ мы только-что упоминали, единственнымъ стимуломъ въ Бостонѣ XXI-го вѣка для принятія людьми тѣхъ или иныхъ непріятныхъ или опасныхъ занятій будетъ, по словамъ Беллами, сравнительное сокращеніе времени для нихъ,—а затѣмъ „чувство долга и благородное соревнованіе ради общаго блага". Но первый мотивъ,—хотя, нужно сознаться, весьма остроумный,—во многихъ случаяхъ, по свойствамъ производства, навѣрное окажется невыгоднымъ до полной своей непригодности. Одинъ изъ непріятнѣйшихъ и опаснѣйшихъ родовъ труда есть, безъ сомнѣнія, занятіе рудокопа (не даромъ его назначаютъ для каторжниковъ важнѣйшихъ категорій преступленій), и, чтобы сдѣлать его привлекательнымъ для людей, по теоріи Беллами, пришлось бы довести про-

Digitized by Google

должительность его работы чуть не до нѣсколькихъ минутъ, и безпрестанныя смѣны рабочихъ стали бы тратить времени на подниманіе и опусканіе въ шахту и ходьбу взадъ и впередъ болѣе, нежели на самую работу! То же относится и къ занятіямъ, напримѣръ, кочегаровъ, литейщиковъ, пудлинговщиковъ, выдувальщиковъ на стеклянныхъ заводахъ и многихъ иныхъ. Въ значительномъ количествѣ видовъ труда примѣненіе этого принципа до извѣстнаго предѣла оказалось бы прямо физически невозможнымъ. Что касается до ссылки на „чувство долга", то оно, конечно, можетъ имѣть значеніе въ принятіи человѣкомъ на себя непріятнаго или опаснаго предпріятія, но, какъ правило, въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, чувство долга и чести сознается сравнительно небольшимъ количествомъ людей и является двигателемъ человѣческихъ дѣйствій сравнительно рѣдкимъ. Чтобы чувство это сознавалось сильнѣе и проявлялось чаще, необходимо заключить отсюда полное перевоспитаніе человѣчества въ духѣ взаимной симпатіи, но о способахъ и средствахъ осуществить такую метаморфозу Беллами почти ничего не говоритъ, а Гронлёндъ ограничивается лишь варіированіемъ въ этомъ случаѣ „Этики" Спенсера, считая фактъ такого нравственнаго перерожденія человѣчества въ своей „Кооперативной Республикѣ" какъ бы осуществившимся.

Въ связи съ постановкой вопроса о распредѣленіи занятій является одинаково необъяснимой и странной его система *одинаковаго* вознагражденія для всѣхъ видовъ занятій. Планъ этотъ, отнюдь не составляющій новости и лишь повторяющій извѣстную коммунистическую формулу по этому поводу („отъ каждаго—по его силѣ, каждому—по его потребностямъ"), не только противорѣчитъ всѣмъ общепризнаннымъ понятіямъ, но можетъ считаться діаметрально противоположнымъ всѣмъ свойствамъ человѣка и хозяйственной практикѣ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Нравственность людей въ смыслѣ человѣческой симпатіи, филантропіи, какъ было уже упомянуто ранѣе, правда, замѣтно возростаетъ и увеличивается, если взять для сличенія многовѣковый періодъ времени, но отсюда чрезвычайно далеко до принятія людьми за руководство смѣлаго парадокса Беллами. Ссылка его въ этомъ случаѣ на военную службу и на честь солдата и его долга, который не мѣшаетъ ему, при одинаковомъ съ своими товарищами жалованьи исполнять образцовымъ образомъ, свои обязанности,—включая сюда опасность самой смерти и иные разнообразные труды и лишенія,—слишкомъ искусственна и едва-ли основательна. Солдатъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ странъ

Digitized by Google

и случаевъ, является таковымъ принудительно, въ силу повинности или въ силу большой бѣдности—въ странахъ, не имѣющихъ повинности, какъ Англія, или иногда—любви къ родинѣ и своему очагу, которому грозитъ опасность. Рабочій же въ фантастическомъ государствѣ Беллами—свободный и обезпеченный въ средствахъ существованія человѣкъ, который добровольно выбираетъ себѣ тотъ или другой родъ труда. Кромѣ того, постоянное руководство чувствомъ долга и чести дѣлаетъ изъ человѣка героя—между тѣмъ героизмъ имѣетъ мѣсто обыкновенно въ моментальныхъ проявленіяхъ (опасность, великодушіе, любовь къ ближнему), работа же длительна; поэтому, какъ справедливо замѣчаетъ Лавелэ, „честь можетъ сдѣлать героя, но не работника“ [1]). Наконецъ, всѣ практическія попытки въ этомъ родѣ, которыхъ произошло нѣсколько въ 1848 году, между прочимъ, по иниціативѣ Луи Блана, кончились полнѣйшей неудачей. При одинаковомъ вознагражденіи въ подобныхъ ассоціаціяхъ, лѣнивый обыкновенно начиналъ отставать отъ своихъ товарищей и лѣниться, а болѣе прилежный или живой чувствовалъ себя обиженнымъ и пытался упрекать перваго; въ концѣ концовъ, начиналось съ мелкихъ ссоръ, а заключалось тѣмъ, что „храмъ братства превращался въ мѣсто кулачной расправы“ (boite aux giffles), и ассоціація распадалась. Въ то же самое время распредѣленіе вознагражденія, сообразно труду и его качеству, какъ указываетъ опытъ многочисленныхъ товариществъ и ассоціацій, является истиннымъ яблокомъ раздора, ведетъ за собой несогласіе, способствуя, въ свою очередь, болѣе или менѣе скорому и всецѣлому паденію общаго дѣла. Но остановимся и разсмотримъ этотъ важный вопросъ подробнѣе.

Вся промышленная дѣятельность будущаго человѣчества у Беллами организована въ огромную кооперацію, представляющую народъ и устроенную на военный образецъ. Прежде всего читателя поражаетъ въ этой картинѣ возможность соединенія земледѣльческихъ промысловъ съ фабричною промышленностью вмѣстѣ въ одно цѣлое: извѣстно глубокое различіе этихъ двухъ отраслей экономической дѣятельности по ихъ свойствамъ и характеру. Въ то время, когда фабричная промышленность вездѣ ведется болѣе или менѣе коллективно, съ помощью соединенія многихъ силъ и рабочихъ, земледѣліе значительною частью во многихъ странахъ, особенно въ Америкѣ, является промысломъ индивидуальнымъ или, точнѣе, семейнымъ, въ большинствѣ случаевъ со-

[1]) The Contemporary Review, January, 1890. Two new Utopias. *Emile de Laveleye*, стр. 14.

Digitized by Google

вершаемымъ съ гораздо большею затратою труда, нежели капитала. Вообще земледѣліе сохранило за собой гораздо бо́льшую индивидуальную свободу дѣятельности человѣка, нежели другіе промыслы; поэтому, можетъ быть, до настоящаго времени наименьшее число попытокъ и наименьшій успѣхъ имѣли кооперативные принципы именно по отношенію къ земледѣлію.

Беллами, однако, игнорируетъ всѣ эти различія и соединяетъ земледѣльческій трудъ, какъ и всѣ его виды, въ одну и ту же общую государственную кооперацію или ассоціацію, въ одно и то же время потребительную и производительную. Но произведеніе его отличается отъ предшествовавшихъ сочинителей подобныхъ фантазій тѣмъ, что онъ, давая предѣлъ своему воображенію, стремится въ то же время обосновать экономически свои положенія, т.-е. опровергнуть могущія быть возраженія съ точки зрѣнія существующей науки народнаго хозяйства. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ, въ столь кардинальномъ вопросѣ, существенномъ для всей схемы его фантазіи, Беллами дѣлаетъ исключеніе и принимаетъ планъ *ассоціаціи* или *коопераціи*, имъ предположенной, какъ фактъ, не требующій доказательствъ и не внушающій сомнѣній. Какъ онъ, такъ одинаково и его единомышленникъ Гронлёндъ въ своей „Кооперативной Республикѣ", исходятъ отъ понятія коопераціи, какъ отъ такой формы экономической дѣятельности, превосходство которой какъ бы доказано не только теоретически, но и практически. Они не берутъ на себя труда отпарировать многочисленныя экономическія возраженія противъ этой формы производства—нѣтъ сомнѣнія, крайне важной и полезной въ отдаленномъ будущемъ, но оказавшейся до сихъ поръ совершенно непригодной, въ большинствѣ случаевъ, при нынѣшнихъ условіяхъ жизни. Стóитъ лишь обратиться на практикѣ къ тѣмъ выводамъ, къ коимъ опытъ привелъ по этому поводу людей, чтобы убѣдиться во всей слабости указанной постановки этого вопроса у Беллами.

Сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ вопросъ объ ассоціаціяхъ въ Европѣ былъ новый, и на него смотрѣли не только съ величайшимъ довѣріемъ, но и съ полною вѣрою въ его великое будущее въ ближайшемъ же времени. Многіе надѣялись, что въ нихъ, т.-е. въ ассоціаціяхъ, именно найденъ ключъ, наконецъ, къ разрѣшенію соціальнаго вопроса, что̀ и должно скоро послѣдовать. Къ сожалѣнію, огромное большинство этихъ попытокъ къ основанію ассоціацій окончилось полной неудачей и привело лишь къ большимъ потерямъ денегъ и, главное, утратѣ вѣры въ самую идею ассоціацій у многихъ лицъ. Какъ во Франціи, такъ и въ

Digitized by Google

Англіи число основанныхъ ассоціацій въ сороковыхъ годахъ насчитывалось многими сотнями, а уцѣлѣли лишь единицы. Главная причина неудачи, при этомъ, являлась вовсе не въ деньгахъ и ихъ недостаткѣ, какъ можно было бы думать, а въ трудности создать и организовать необходимыя рабочія силы и снабдить ихъ извѣстными свойствами ума и характера и дисциплиной. Было много случаевъ помощи образованію ассоціацій со стороны государства, напримѣръ, во Франціи; не мало ассоціацій заводилось на деньги филантроповъ, какъ въ Англіи и Германіи; но вездѣ одинаково эти товарищества или банкротились и распадались, или, при самомъ счастливомъ исходѣ, превращались въ обыкновенныя коммерческія предпріятія, какъ, напримѣръ, знаменитая ассоціація „Рочдэльскихъ піонеровъ" въ Англіи. Чтобы объяснить причину этого, съ перваго взгляда, страннаго явленія и дать ему надлежащую оцѣнку,—а отъ таковой зависитъ отчасти и самый приговоръ о значеніи произведенія Беллами,—слѣдуетъ разсмотрѣть вопросъ издалека въ его деталяхъ.

Всякая коллективная дѣятельность между людьми имѣетъ два типа: военный и индустріальный, промышленный, при чемъ послѣдній въ современномъ обществѣ беретъ рѣшительное преобладаніе. Военная организація подвергалась много разъ и чрезвычайно большимъ перемѣнамъ; начиная съ войска какихъ-нибудь дикихъ ордъ и до современной—германской, положимъ,—арміи, совершился цѣлый рядъ всевозможныхъ перемѣнъ, но одна характеристическая черта, тѣмъ не менѣе, осталась за всѣ вѣка неизмѣнной. Всегда и во всякой арміи ею командовали военачальники, облеченные огромною отвѣтственностью, но снабженные зато и огромною властью. Всякая самая легкая попытка ослабить эту власть или уменьшить отвѣтственность вела армію къ пораженію и вообще ослабляла ея достоинства. Это одинаково приложимо ко всѣмъ вѣкамъ и народамъ,—къ солдатамъ-рабамъ восточныхъ государствъ, какъ и къ свободнымъ гражданамъ временъ греческой и римской республикъ и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Второй типъ коллективной дѣятельности — индустріальный, къ которому относится вся современная промышленность—имѣетъ чрезвычайную аналогію съ первымъ типомъ, и сходство это не случайно, такъ какъ условія фундаментально тѣ же самыя, почему Беллами и сдѣлалъ весьма остроумно, воспользовавшись военнымъ строемъ для образца организаціи труда будущаго человѣчества. Сражаться и работать, по выраженію одного нѣмецкаго писателя, суть двѣ великія формы дѣятельности, и если вы желаете организовать ихъ на большую ногу, то, есте-

Digitized by Google

ственно, въ обоихъ случаяхъ долженъ быть приложенъ одинъ и тотъ же методъ, а такимъ, разумѣется, должно быть прежде всего признаніе во главѣ всего дѣла лицъ съ большою властью и отвѣтственностью, которымъ всѣ остальные строго подчинялись бы. Въ одномъ случаѣ это подчиненіе и дисциплина поддерживаются страхомъ наказаній или чувствомъ гражданскаго долга, или тѣмъ и другимъ, наконецъ, вмѣстѣ; въ другомъ же, въ индустріальномъ, въ современныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ дисциплина поддерживается прямой выгодой рабочаго, т.-е. размѣрами его жалованья,—соображеніе, не могущее имѣть мѣсто для гражданъ будущаго государства Беллами (при системѣ одинаковаго вознагражденія),—а также страхомъ наказанія и штрафовъ, что опять-таки въ фантазіи Беллами, повидимому, отмѣняется.

Если мы затѣмъ всмотримся въ условія веденія дѣла въ ассоціаціи, то нельзя не придти къ заключенію, что они не могутъ удовлетворять требованіямъ и соотвѣтствовать условіямъ описаннаго нами индустріальнаго типа. Всякая ассоціація, конечно, добровольна и покоится на экономическомъ принципѣ выгоды для вступающаго въ нее. Между тѣмъ такой принципъ или побужденіе отнюдь не достаточно, чтобы создать и поддерживать должную дисциплину, одинаково необходимую въ промышленномъ предпріятіи, какъ и въ военномъ; первое время участники являются, большею частью, энтузіастами, готовыми на всякія жертвы, но остынетъ первый пылъ—и картина быстро измѣняется. Начинаетъ сказываться индивидуализмъ во всѣхъ отношеніяхъ,—во вкусахъ, стремленіяхъ, мнѣніяхъ, и за нимъ необходимая рознь и болѣе или менѣе быстрое распаденіе самой ассоціаціи. Одинъ экономическій принципъ, лежащій въ основаніи соглашенія сочленовъ при среднемъ уровнѣ ихъ развитія и среднихъ способностяхъ, отнюдь не достаточенъ для того, чтобы необходимымъ образомъ, такъ сказать, цементировать ихъ и сдерживать въ должномъ подчиненіи руководительству общимъ дѣломъ или тоже покоряться идеѣ общаго блага, лежащаго въ основѣ самаго возникновенія ассоціаціи. Какъ показываетъ опытъ всѣхъ странъ, большинство людей среднихъ способностей и развитія,—не говоря о низшемъ,—не будучи тѣсно сплочено или одушевлено какой-нибудь сильной религіозной идеей, неспособно ни отрекаться отъ своихъ обычныхъ вкусовъ или стремленій на сколько-нибудь продолжительное время, ни видѣть, ни желать чего-нибудь иного, кромѣ непосредственной выгоды или удовлетворенія своихъ ближайшихъ, узко понимаемыхъ, интересовъ. Этимъ именно и объясняется тотъ замѣчательный и общеизвѣстный фактъ, что изъ ассоціацій и обще-

Digitized by Google

житій, до сихъ поръ устраиваемыхъ въ разныхъ государствахъ, особенно той же Америкѣ, удались и просуществовали долгое время исключительно тѣ, которыя были основаны на религіозныхъ началахъ (какъ, напримѣръ, цвѣтущая колонія американскихъ шэкеровъ); остальныя же, какъ правило, болѣе или менѣе быстро распадались (какъ колонія „Икарія", схожая съ государствомъ Беллами, три раза переселявшаяся съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе вѣчныхъ ссоръ между членами, изгнавшими даже своего основателя, Кабэ) [1]).

Беллами взялъ форму военной организаціи для своего будущаго человѣчества, но не воспользовался ея духомъ или, точнѣе, не указалъ, какими именно путями человѣчество придетъ къ этой организаціи, гдѣ оно получитъ необходимую для того дисциплину духа, выработку характера и отсутствіе узкаго себялюбія, т.-е. черты, которыя совершенно противорѣчатъ условіямъ современной жизни рабочихъ классовъ у всѣхъ народовъ. Онъ взялъ какъ посылку неудовлетворительность существующаго экономическаго строя людей, но не принялъ или умышленно замолчалъ неизбѣжный выводъ изъ этой первой — неудовлетворительность или, точнѣе, неподготовленность самихъ современныхъ людей для его эдема. Какъ правило, человѣкъ всегда наклоненъ принимать и вѣрить скорѣе тому мнѣнію, которое соотвѣтствуетъ его чувству и желанію, а не противорѣчитъ, хотя бы оно и не выдерживало строгой критики опыта и разума. Беллами въ своемъ произведеніи указаннымъ пробѣломъ повторилъ лишь тотъ же промахъ, который совершали многіе предшествовавшіе соціальные реформаторы ранѣе его. Несмотря на ихъ отрицательное отношеніе къ существующему, они, какъ правило, постоянно игнорируютъ наличныя условія жизни и поражаютъ своимъ оптимизмомъ. Рѣдкимъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ является развѣ англійскій реформаторъ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, Чарльзъ Брэй: грустная нотка разбитыхъ надеждъ звучитъ у него въ отзывѣ какъ разъ по поводу своихъ собственныхъ попытокъ по устройству разныхъ ассоціацій и общежитій. „Еслибы существовала,—говоритъ онъ,—достаточно крѣпкая связь,—будь это религія или особый видъ фанатизма,—чтобы держать людей вмѣстѣ, то такія общества всегда бы имѣли экономическій успѣхъ. Но, къ сожалѣнію, между рабочими классами въ настоящее время нѣтъ такой связи, *нѣтъ принциповъ, достаточно сильныхъ, чтобы преодолѣть индиви-*

---

[1]) См. изслѣдованіе *Shaw* (Abbert): *Icaria*, A Chapter in the History of Communism. New York, 1884.

Digitized by Google

дуализмъ, себялюбіе и невѣжество, еще всюду преобладающіе. Когда моральная натура человѣка, въ настоящее время еще находящаяся въ первобытномъ состояніи, вполнѣ разовьется, когда желаніе человѣка поступать справедливо будетъ такъ же сильно, какъ его теперешнія естественныя стремленія (наклонности), когда совѣсть его будетъ мучить, въ случаѣ пренебреженія имъ справедливости, въ такой же сильной мѣрѣ, какъ теперь страдаетъ его желудокъ, въ случаѣ пренебреженія имъ труда (т.-е. лѣности), тогда лишь *нѣкоторыя формы* этихъ обществъ (ассоціацій) сдѣлаются возможными, но не раньше" [1]).

Другое заблужденіе Беллами, также общее для него съ многими изъ его предшественниковъ, заключается въ непонятномъ для насъ ослѣпленіи, съ которымъ онъ вѣруетъ въ возможность быстраго совершенствованія, перевоспитанія и перерожденія человѣческой расы: какъ извѣстно, знаменитый когда-то филантропъ Оуэнъ предсказывалъ начало своего millenium'а или „будущаго существованія на землѣ" уже въ 1855 году!.. Точно также Беллами вѣритъ, что уже въ началѣ будущаго вѣка совершится предсказываемый имъ процессъ національзаціи промышленности, а черезъ сто лѣтъ,—пророчитъ онъ,—люди, по крайней мѣрѣ въ Америкѣ, не будутъ ни знать преступленій, кромѣ рѣдкихъ случаевъ *атавизма*, ни вести войнъ, ни отравлять взаимнаго существованія духомъ стяжанія; вообще, будутъ гораздо дальше отъ нынѣшняго поколѣнія людей, чѣмъ мы отстоимъ отъ какихъ угодно туземцевъ внутренней Африки или папуасовъ Австраліи!!.. Спрашивается: откуда проистекаетъ эта слѣпая вѣра въ такую близость счастливаго эдема и благополучія на землѣ? Объясненіе, намъ кажется, можно найти, если обратиться, такъ сказать, къ исторіи самаго появленія на свѣтъ книги Беллами и его творческаго процесса.

Въ первомъ нумерѣ „Націоналиста", журнала лиги, вызванной движеніемъ, имъ созданнымъ, Беллами тоже объясняетъ этотъ процессъ писанія своего произведенія. Сначала онъ сознается, что ранѣе не имѣлъ никакой близости или отношенія къ какимъ-либо соціальнымъ реформаторамъ; сознается даже, что не имѣлъ къ подобнымъ предпріятіямъ никакой особой симпатіи. Принявшись писать „Взглядъ назадъ", онъ не питалъ идеи сдѣлать его серьезнымъ пособіемъ или такъ или иначе содѣйствовать соціальному движенію. Первоначально мѣстомъ фантазіи избрана

[1]) См. *Charles Bray*, The Income of the Kingdom and the Mode of its Distribution. A Paper read before the British Association for the Advancement of Social Science. 1857, стр. 10.

Digitized by Google

была собственно не Америка, а весь міръ, все человѣчество и эпоха въ 3000, а не 2000 году, причемъ главнымъ центромъ дѣйствія являлась воображаемая столица міра—нынѣшній городъ Бернъ въ Швейцаріи, а вовсе не Бостонъ. Позднѣе, однако, разработывая свою тему, взвѣшивая всѣ pro и contra положеній соціальнаго вопроса. авторъ проникся важностью и серьезностью взятаго на себя дѣла и настолько увѣровалъ въ него, что счелъ тѣмъ дѣйствительнымъ способомъ, который долженъ привести людей къ счастью и благополучію. „Вмѣсто простого фантастическаго разсказа о соціальномъ совершенствѣ людей будущаго,—говоритъ нашъ авторъ,—появилось созданіе опредѣленной схемы промышленной переорганизаціи. Форма романа была удержана, хотя съ неохотою, исключительно въ надеждѣ пріобрѣсти, благодаря ей, большее число читателей... Но зато значительная часть чисто фантастическаго матеріала, касающагося нравовъ, обычаевъ, многихъ политическихъ учрежденій и механическихъ усовершенствованій того времени, помѣщеннаго первоначально въ книгѣ, была отброшена прочь, чтобы не отвлекать вниманіе читателя отъ главной темы". Далѣе, XXXI вѣкъ, въ виду составившагося у автора на то „искренняго убѣжденія", былъ перемѣненъ на XXI, а весь міръ замѣненъ лишь Соединенными Штатами Америки, какъ наиболѣе передовымъ государствомъ среди человѣчества [1]). То же самое убѣжденіе въ краткости срока наступленія его millenium'а Беллами высказалъ даже раньше, уже въ мартѣ 1888 года, т.-е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по выходѣ книги, въ отвѣтъ одному критику бостонскаго журнала, который проектировалъ необходимость не одного, какъ Беллами, а цѣлыхъ 75 столѣтій для осуществленія его фантазіи [2]).

Успѣхъ книга, какъ мы знаемъ, имѣла чрезвычайный: до января настоящаго года, напримѣръ, по словамъ Лавелэ, въ Америкѣ уже разошлось 240.000 экземпляровъ книги и въ Англіи—40.000. Неожиданное и чрезмѣрное счастіе способно, какъ доказываетъ часто дѣйствительность, сводить съума даже великихъ людей. Огромный успѣхъ вскружилъ голову Беллами, до тѣхъ поръ бывшему малоизвѣстнымъ американскимъ романистомъ второго ранга и внезапно сдѣлавшемуся крупной общественной величиной, для осуществленія на практикѣ идей котораго десятками каждый мѣсяцъ основываются въ разныхъ кон-

[1]) How I came to write „Looking Backward"? The Nationalist, May, 1889. Boston.

[2]) См. Nationalist in the United States, by *N. Gilman*. The Quarterly Journal of Economics. Vol. IV. October, 1889, № 1.

Digitized by Google

цахъ Америки клубы и общества, произведеніе переводится на многіе языки, а имя повторяется во всѣхъ уголкахъ цивилизованнаго міра. Такая удача дала поводъ автору думать, что онъ не только творецъ громкаго беллетристическаго произведенія, но и настоящій соціальный реформаторъ, пророкъ, призванный указать человѣчеству истинный путь къ спасенію отъ удручающихъ его экономическихъ золъ.

Это лишь предположеніе даетъ намъ объясненіе довольно странному поведенію автора „Взглядъ назадъ". Еслибы не это слѣпое увлеченіе, граничащее съ своего рода „mania gloriosa", Беллами не могъ бы проглядѣть, конечно, столь яркаго противорѣчія между его идеаломъ будущаго и настоящимъ американской жизни. Нигдѣ, какъ извѣстно, „Money making spirit" и „Business", т.-е. попросту дѣланіе денегъ и погоня за ними, не играютъ такой роли и не доходятъ до такихъ крайностей, какъ именно въ Америкѣ, въ этомъ отношеніи даже перещеголявшей Старый Свѣтъ. Картелли и синдикаты, о великомъ будущемъ которыхъ такъ много говоритъ Беллами, и „объявленіе принциповъ" его лиги, приведенное нами раньше, въ сущности являются вовсе не аргументами въ пользу близости этого желаннаго эдема, а скорѣе наоборотъ, ибо всѣ подобные союзы и стачки предпринимателей дѣлаются всегда съ цѣлью возвышенія цѣны продукта или уменьшенія расходовъ и въ томъ числѣ главнаго — платы рабочимъ, т.-е., другими словами, имѣютъ противообщественный характеръ, рѣзко противорѣчащій самымъ скромнымъ требованіямъ морали, какъ заговоръ противъ общественнаго блага и общихъ интересовъ народа. Тѣмъ же самымъ возможно лишь объяснить и непонятное, почти преступное, умолчаніе Беллами, въ апогеѣ его успѣха и громкой извѣстности, о книгѣ Гронлёнда, вышедшей за три года до его произведенія, которой, какъ мы неоднократно указывали, этотъ романъ въ своихъ принципахъ составляетъ лишь повтореніе съ немногими варіаціями. Данное обстоятельство является тѣмъ болѣе страннымъ, что Гронлёндъ не только живъ, но состоитъ даже членомъ „Націоналистической Лиги" и сотрудникомъ ея журнала. Какія причины заставляютъ его молчать о своихъ авторскихъ правахъ не только на мнѣнія крупныя, но даже и мелкія положенія изъ столь громкаго и, нѣтъ сомнѣнія, обогатившаго Беллами произведенія,—для насъ остается совершенно неизвѣстнымъ.

Какъ бы то ни было, сочиненіе Беллами имѣетъ много хорошихъ сторонъ, безъ которыхъ новый соціальный романъ теперь и не могъ бы имѣть описаннаго успѣха. Онъ живо и талантливо

Digitized by Google

съ внѣшней стороны написанъ, увлекаетъ воображеніе своими пріятными картинками будущаго и легко, нисколько не наскучая и не утомляя вниманіе читателя, знакомитъ его со всѣмъ экономическимъ бытомъ этого будущаго, рѣзко подчеркивая крупными штрихами въ то же время всѣ недостатки и пороки настоящаго. Этими достоинствами и опредѣляется главнымъ образомъ значеніе этого новаго произведенія, надѣлавшаго столько шуму. Оно представляетъ собой лишь фантазію, которая тѣшитъ воображеніе и даже, пожалуй, нѣсколько бодритъ человѣческій духъ, но отнюдь не даетъ ни новыхъ принциповъ и не указываетъ новыхъ путей, по которымъ человѣчество должно слѣдовать. Нѣтъ сомнѣнія, наконецъ, какъ мѣтко замѣчаетъ Лавелэ въ своей критикѣ того же произведенія, что „грёзы Беллами навсегда останутся утопіей, пока самое сердце человѣка всецѣло не измѣнится". Что же касается націоналистическаго движенія и лиги, порожденныхъ этимъ оригинальнымъ романомъ, то здѣсь судьба можетъ быть иная, и движеніе, если вѣрить свидѣтельству извѣстнаго бостонскаго экономиста, Гильмана, способно оказать безусловную и скорую пользу на практикѣ, не быстрымъ, конечно, созданіемъ millenium'а, предсказаннаго Беллами, а усовершенствованіемъ формъ общественной жизни и ослабленіемъ крайняго индивидуализма,—если только представители новаго движенія захотятъ ограничить свою дѣятельность скромными задачами и сферой городского хозяйства и нуждъ мѣстнаго управленія Штатовъ [1]).

Ив. Янжулъ.

---

[1]) См. The Quarterly Journal of Economics. Boston. Vol. IV, October 1889, № 1, и—The Contemporary Review, January 1890, London.

Digitized by Google

НАКАНУНѢ ПЕРЕВОРОТА

ВЪ 60-хъ ГОДАХЪ.

Романъ въ двухъ частяхъ, соч. Маріонъ Крофорда.

Окончаніе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

XII.

Количество дневной работы, которое выпадало на долю Арнольдо Мескини, зависѣло безусловно отъ его доброй воли. Разъ въ недѣлю, по понедѣльникамъ, библіотека открывалась для публики, и въ этихъ случаяхъ библіотекарь обязанъ былъ присутствовать. Все остальное время онъ посвящалъ, какъ предполагалось, непрерывнымъ занятіямъ, какихъ требовала такая значительная коллекція книгъ; и дѣйствительно, онъ дѣлалъ больше, чѣмъ даже отъ него требовалось.

Князь Монтеварки никогда не предлагалъ ему нанять помощника, да онъ и не согласился бы на это предложеніе, потому что присутствіе посторонняго лица помѣшало бы ему поддѣлывать старинные документы. Изъ домашнихъ же никто, кромѣ князя, не приходилъ въ библіотеку; никто изъ остальной семьи не интересовался ею и ничего въ ней не смыслилъ.

Когда князь умеръ, Мескини сталъ на дѣлѣ единственнымъ хозяиномъ всѣхъ сокровищъ, стоявшихъ на полкахъ. Никто его

---

*) См. выше: апрѣль, 673 стр.

Digitized by Google

не безпокоилъ, никто не спрашивалъ, чѣмъ онъ занятъ. Жалованье аккуратно выдавалось бы ему управителемъ и, по всей вѣроятности, его оставили бы до самой смерти прозябать въ званіи библіотекаря. Когда бы онъ умеръ, другой былъ бы приглашенъ на его мѣсто. Такъ было бы при естественномъ ходѣ вещей.

Мескини проснулся поздно по утру на другой день послѣ убійства и нѣкоторое время лежалъ, не понимая, почему ему такъ скверно, почему голова у него болитъ, мысли путаются, и почему онъ ничего не помнитъ, что̀ было передъ тѣмъ, какъ онъ легъ спать. Громадное количество спирта, проглоченное имъ, на время отуманило его способности, такъ какъ онъ не привыкъ къ употребленію алкоголя. Съ трудомъ повернувъ голову на подушкѣ, онъ увидѣлъ бутылки на столѣ, догорѣвшую свѣчку въ мѣдномъ подсвѣчникѣ и общій безпорядокъ въ комнатѣ. Онъ взглянулъ на самого себя и увидѣлъ, что лежитъ, совсѣмъ одѣтый, на постели.

Тутъ истина вдругъ озарила его мозгъ, точно молнія. Онъ весь содрогнулся, точно его кто сильно ударилъ по затылку, и въ глазахъ у него все закружилось. Съ трудомъ поднялся онъ на ноги, держась за кровать, такъ какъ ноги отказывались ему служить.

Онъ убилъ своего хозяина. Первый моментъ, когда онъ вспомнилъ объ этомъ, былъ самый ужасный изъ всѣхъ, какіе ему приходилось переживать. Онъ убилъ князя и не помнилъ ничего или почти ничего изъ того, что̀ происходило послѣ того. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, онъ безсознательно заперъ дверь и придвинулъ къ ней всю мебель: столъ, стулья и все, что̀ только могъ. Ему казалось, что онъ уже слышитъ стукъ сабель жандармовъ, которые идутъ его арестовать. Онъ дико озирался кругомъ: не увидитъ ли какихъ слѣдовъ, могущихъ повести къ открытію его преступленія. Непривычная возня, однако, возстановила кровообращеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ припомнилось смутно чувство торжества, съ какимъ онъ вошелъ въ свою комнату наканунѣ. Онъ спросилъ себя, какъ онъ могъ торжествовать, еслибы не былъ увѣренъ въ томъ, что обезпечилъ свою безнаказанность. Мертвое тѣло, вѣроятно, давно уже погребено.

Мало-по-малу передъ нимъ воскресла вся сцена въ кабинетѣ, когда его призвали туда испуганные слуги: мертвый князь, лежавшій на столѣ, блѣдныя лица, префектъ, голосъ донны Фаустины, рядъ вопросовъ, предлагавшихся металлическимъ, безжалостнымъ голосомъ. Онъ, значитъ, не былъ пьянъ, когда они послали за нимъ. И однако онъ зналъ, что не былъ и трезвъ. Въ какомъ же, однако, состояніи находился онъ? Съ дрожью припоминалъ

Digitized by Google

онъ, какъ ему было страшно въ библіотекѣ, какъ онъ испугался привидѣнія, которое оказалось просто-на-просто его собственнымъ пальто, какъ онъ вернулся въ свою комнату и выпилъ водки. Съ этого пункта память его становилась все тусклѣе и тусклѣе. Оказалось, что онъ не можетъ никакъ припомнить всего, что̀ было затѣмъ.

Одно, однако, несомнѣнно: его не арестовали, такъ какъ онъ оказывается у себя въ комнатѣ, на полной свободѣ. Кто-то, значитъ, арестованъ вмѣсто него? Онъ удивился, что не знаетъ этого. Должно же, однако, подозрѣніе пасть на кого-нибудь и лицо это—арестовано. Законъ никогда не уходитъ съ пустыми руками. Онъ ломалъ измученную голову, стараясь припомнить объ этомъ инцидентѣ, но нѣтъ... память отказывалась ему служить, по той простой причинѣ, что нечего было помнить. Онъ не зналъ объ арестѣ Фаустины.

Но у него все же отлегло отъ сердца при мысли, что его допрашивали и ни въ чемъ не заподозрили. Тѣмъ не менѣе, онъ несомнѣнно совершилъ дѣло, одна мысль о которомъ заставляла его дрожать какъ осиновый листъ. Или же это все бредъ пьянаго человѣка? Нѣтъ, это-то ужъ никакъ не можетъ быть.

Долгое время бродилъ онъ между баррикадой у двери и окномъ, стараясь увидѣть, что̀ дѣлается внизу на улицѣ. Но комната его помѣщалась на чердакѣ, и широкій каменный карнизъ дворца мѣшалъ что-либо увидѣть. Наконецъ, онъ началъ отодвигать мебель отъ двери; сначала медленно, когда сообразилъ о безполезности такой баррикады, и затѣмъ съ лихорадочной поспѣшностью, когда вдругъ опомнился, что такая попытка оградиться въ своей комнатѣ можетъ показаться подозрительной. Въ нѣсколько секундъ онъ привелъ комнату въ прежній видъ. Бутылки исчезли въ шкафу у стѣны; новый огарокъ былъ вставленъ въ подсвѣчникъ. Онъ снялъ платье, легъ въ постель и сталъ въ ней ворочаться, чтобы она имѣла такой видъ, какъ будто на ней спали. Послѣ того снова всталъ и принялся одѣваться. Все его платье было черное и выбирать было почти не изъ чего. Онъ смутно понималъ, однако, что будутъ происходить похороны или какого-нибудь рода церемонія, на которой всѣ домочадцы должны присутствовать, и одѣлся какъ можно лучше: въ приличную пару изъ чернаго сукна, чистую рубашку и черный галстухъ и поглядѣлся въ разбитое зеркало. Лицо его было желто, глаза налиты кровью, жилы на вискахъ вздуты. Онъ боялся, какъ бы наружность его не обратила на себя вниманія, хотя, въ сущности, онъ мало измѣнился.

Digitized by Google

Послѣ того онъ сообразилъ, что встрѣтится съ толпой людей, изъ которыхъ нѣкоторые навѣрное съ любопытствомъ будутъ глядѣть на него. Нервы его были совсѣмъ разстроены, и онъ чуть не свалился съ ногъ отъ страха, что̀ очутится среди людей. Какъ выдержитъ онъ то̀, что̀ его ожидаетъ? А вѣдь онъ долженъ храбро сойтись со всѣми домашними на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ вчера совершилъ преступленіе. Онъ присѣлъ, весь охваченный непобѣдимымъ ужасомъ. Комната заходила передъ нимъ, и онъ ухватился за столъ, чтобы не упасть. Но не могъ же онъ оставаться здѣсь весь день! Всякое промедленіе даже можетъ имѣть роковыя послѣдствія. Одно есть средство набраться необходимой храбрости: это снова выпить; но такая мысль его отталкивала. Онъ еще не пріобрѣлъ увѣренности привычнаго пьяницы въ томъ, что водка придастъ ему бодрость духа и твердость членамъ, и ему противно было о ней думать. Онъ всталъ на ноги и постарался представить себѣ, что находится въ толпѣ людей. Какъ обезьяна, кланялся онъ направо и налѣво, ходилъ по комнатѣ, громко заговаривалъ, какъ будто встрѣчаясь съ живыми людьми, пріискивалъ фразы, выражавшія глубокое горе. Онъ растворилъ даже дверь и сдѣлалъ видъ, что здоровается съ воображаемымъ лицомъ. Но точно потокъ холодной воды обдалъ его шею. Колѣни его подогнулись, онъ чуть не упалъ отъ страха. Очевидно, нечего было и думать сойти внизъ, не подкрѣпивъ себя предварительно. Чуть не съ отвращеніемъ заперъ онъ дверь и вынулъ бутылку съ водкой. Онъ отпилъ нѣсколько глотковъ, терпѣливо дожидаясь дѣйствія, пока руки его не согрѣлись и не перестали дрожать.

Десять минутъ спустя онъ стоялъ вмѣстѣ съ другими на колѣняхъ передъ катафалкомъ. Свѣтъ отъ множества свѣчей ослѣплялъ его, а глухой говоръ голосовъ и стукъ ногъ оглушалъ; но онъ зналъ, что по наружности онъ спокоенъ и приличенъ и не проявляетъ никакой нервозности. Санъ-Джіачинто стоялъ около одной изъ дверей, такъ какъ вмѣстѣ съ сыновьями по очереди дежурилъ при покойникѣ. Онъ наблюдалъ за библіотекаремъ и даже пожалѣлъ о немъ.

— Бѣдный Мескини!—думалъ онъ.—Онъ потерялъ друга. Онъ искреннѣе чѣмъ кто-либо сожалѣетъ о покойникѣ, бѣдняга!

Арнольдо Мескини, стоя на колѣняхъ передъ трупомъ человѣка, котораго онъ убилъ, съ бутылкой водки въ карманѣ длиннаго сюртука, не снесъ бы головы, еслибы великанъ догадался объ истинѣ. Но на видъ онъ казался тѣмъ, чѣмъ его считали: смиреннымъ, нищенски-оплачиваемымъ, полу-голоднымъ библіоте-

Digitized by Google

каремъ, оплакивавшимъ хозяина, которому служилъ вѣрой и правдой тридцать лѣтъ. Онъ долго стоялъ на колѣняхъ; губы его машинально повторяли слова привычной молитвы. На дѣлѣ онъ боялся встать съ колѣнъ и ждалъ, чтобы другіе тоже поднялись вмѣстѣ съ нимъ.

Но толпа слугъ, предполагавшихъ, вѣроятно, что размѣръ ихъ будущаго жалованья зависитъ отъ того усердія, съ какимъ они выкажутъ свою печаль по господинѣ, не проявляла желанія прекратить молитву. Для Мескини время тянулось нестерпимо долго, и храбрость начинала измѣнять ему. И вдругъ страшная галлюцинація овладѣла имъ: ему показалось, что мертвецъ медленно, почти непримѣтно, поворачиваетъ голову въ его сторону. Вотъ-вотъ раскроются сомкнутые глаза и глянутъ ему въ лицо, и сверхъестественный голосъ назоветъ его по имени. Какъ и наканунѣ, холодный потъ выступилъ у него на лбу. Онъ готовъ былъ вскрикнуть отъ ужаса, какъ вдругъ человѣкъ, стоявшій около него на колѣняхъ, поднялся на ноги. Въ одинъ мигъ онъ тоже очутился на ногахъ. Оба перекрестились и вмѣстѣ вышли. Мескини споткнулся и ухватился за его руку, но кое-какъ добрелъ до двери.

Когда онъ проходилъ въ дверь, лицо его было до того разстроено, что Санъ-Джіачинто вновь съ состраданіемъ поглядѣлъ на него и затѣмъ, пройдя за нимъ нѣсколько шаговъ, положилъ ему руку на плечо. Библіотекарь сильно вздрогнулъ и сталъ какъ вкопанный.

— Онъ былъ добрымъ другомъ вамъ, синьоръ Мескини, — сказалъ великанъ милостиво.—Но ободритесь, мы васъ не оставимъ.

Страшная минута наступила, и сердце у Мескини замерло; но тонъ Санъ-Джіачинто былъ успокоительный. Онъ ничего не подозрѣвалъ, хотя слуги и говорили, что онъ человѣкъ непроницаемый, глубокій въ своихъ мысляхъ и страшный во гнѣвѣ. Онъ—одинъ изъ всей фамиліи, кого Мескини страшился всего сильнѣе.

— Господи, спаси его душу!—захныкалъ библіотекарь, дрожа какъ листъ. — Онъ былъ добрый человѣкъ и теперь навѣрное находится среди праведниковъ.

— Безъ сомнѣнія,—сухо отвѣтилъ Санъ-Джіачинто.

У него были свои мнѣнія на этотъ счетъ, и ему не понравился тонъ библіотекаря.

— Безъ сомнѣнія,—повторилъ онъ. — Мы постараемся выполнить его желанія относительно васъ.

Digitized by Google

— Благодарю, eccellenza! — сказалъ Мескини съ большимъ смиреніемъ и дѣлая рога изъ пальцевъ за своей спиной противъ дурного глаза. Послѣ чего направился къ главной лѣстницѣ.

Санъ-Джіачинто вернулся къ дверямъ покойницкой, не обращая больше на него никакого вниманія. Тогда Мескини чуть не бѣгомъ спустился съ лѣстницы и умѣрилъ шагъ не прежде, чѣмъ очутился на улицѣ.

Холодный зимній воздухъ оживилъ его, и онъ быстро пошелъ по направленію къ Ponte Quattro Capi. Онъ обыкновенно поворачивалъ въ эту сторону, когда шелъ безъ опредѣленной цѣли, такъ какъ его пріятель Тиберіо Колессо, бѣдный аптекарь, держалъ лавочку на островкѣ св. Варѳоломея, соединявшемся съ берегомъ двойнымъ мостомъ, откуда и его названіе „Моста Четырехъ Головъ".

Мескини остановился и посмотрѣлъ черезъ парапетъ на желтую, бурливую воду. Волны принимали какія-то странныя формы, и онъ долго наблюдалъ за ними. У него страшно болѣла голова, и ему было больно глядѣть на быстро вертящуюся воду, и вмѣстѣ съ тѣмъ она неотразимо притягивала его взоры. Почти безсознательно, онъ сравнивалъ свою жизнь съ этой рѣкой—грязной, бурливой, разрушительной. Сравненіе было безсвязное, какъ и всѣ его мысли сегодня, но нравилось ему, и онъ почувствовалъ страшную симпатію къ грязной рѣкѣ. Но вотъ у него закружилась голова, и онъ отошелъ отъ парапета. Должно быть, въ лицѣ его было нѣчто странное, потому что одинъ прохожій, взглянувъ на него, спросилъ: не дурно ли ему. Онъ покачалъ головой съ гордой улыбкой и пошелъ дальше.

Аптекарь стоялъ праздно въ дверяхъ, поджидая кліентовъ, которые рѣдко заходили въ его лавочку. То былъ мертвеннаго вида человѣкъ, лѣтъ около пятидесяти, съ глубоко впавшими мутными глазами. Неопрятная, сѣдая борода спускалась на грудь и придавала неряшливый видъ всей его персонѣ. Истрепанная зеленая феска, вышитая почернѣвшимъ серебромъ, была сдвинута на затылокъ, открывая морщинистый лобъ, казавшійся еще больше отъ лысины, но все же обличавшій большой и дѣятельный умъ. Что онъ обильно нюхалъ табакъ, было очевидно. Въ прочемъ онъ не былъ ни очень грязенъ, ни очень чистъ, но пальцы имѣлъ той формы, которая образуется отъ постояннаго катанія пилюль. Мескини остановился передъ нимъ.

— Здравствуйте, sor Arnoldo,—сказалъ химикъ, съ любопытствомъ глядя въ лицо пріятеля.

Digitized by Google

— Здравствуйте, sor Tiberio, — отвѣчалъ библіотекарь. — Можно васъ видѣть на минутку?

Въ его тонѣ слышалась какъ бы шутка, и аптекарь улыбнулся въ отвѣтъ.

— Padrone,—проговорилъ онъ, отходя отъ двери,—милости просимъ.

— Можете вы удѣлить мнѣ хоть сколько-нибудь времени?

Они всегда прикидывались, будто бы Тиберіо заваленъ дѣломъ.

— Сегодня какъ нарочно,—съ улыбкой отвѣтилъ Тиберіо,— я совершенно свободенъ. Кромѣ того, еще рано.

— Значитъ, мы сначала поиграемъ въ карточки, а затѣмъ отобѣдаемъ въ трактирѣ.

— Теперь постъ, да еще вдобавокъ пятница, и я думалъ поститься, но такъ какъ вы очень любезны и приглашаете меня, то я не откажусь.

У аптекаря не было ни гроша въ карманѣ, но Мескини ничего не сказалъ, потому что понималъ, въ чемъ дѣло. Пріятель его вынулъ затасканную колоду картъ, почти черную отъ употребленія. Онъ пододвинулъ Мескини единственное кресло, а самъ сѣлъ на трехногій стулъ.

Сцена была зловѣщая. Лавчонка была изъ тѣхъ, какихъ много въ бѣднѣйшихъ кварталахъ Рима. Мѣста въ ней было ровно столько, чтобы могъ помѣститься прилавокъ и человѣка три покупателей, при затворенной двери. Полъ былъ вымощенъ избитымъ кирпичемъ.

Въ то время какъ они играли, на улицѣ пошелъ мелкій, частый дождикъ, и изъ кирпичей тотчасъ же выступила сырость. Небо омрачилось тучами, и въ лавкѣ стало полутемно. Три стѣны заставлены были шкафами съ стеклянными дверцами, содержавшими ассортиментъ кувшиновъ изъ майолики, отъ которыхъ современный аматёръ пришелъ бы въ восторгъ, но которые тутъ не производили ни малѣйшаго эффекта. Тамъ и сямъ между ними стояли большія и маленькія бутылки, однѣ разбитыя и пыльныя, другія наполненныя жидкостью и съ наклеенными этикетами, потемнѣвшими отъ времени.

Единственными вещами, казавшимися довольно чистыми, были небольшіе мѣдные вѣсы и бѣлая мраморная дощечка для составленія твердыхъ лекарствъ.

Оба пріятеля были подъ-стать этой лавчонкѣ. Желтое лицо Мескини такъ же гармонировало съ окружающимъ, какъ и сѣрая, безцвѣтная физіономія химика. Его налитые кровью глаза блуждали отъ картъ по предметамъ, находившимся въ лавкѣ, и

Digitized by Google

онъ совсѣмъ плохо игралъ. Товарищъ поглядывалъ на него, какъ бы стараясь рѣшить трудную задачу, смущавшую его.

Самъ онъ, подобно библіотекарю, началъ жизнь при благопріятныхъ условіяхъ, изучая медицину, и занимался практикой. Но ему не повезло въ жизни, и хотя онъ былъ талантливый человѣкъ, но не обладалъ самыми необходимыми качествами для своей профессіи. Онъ занимался химіей и изобрѣлъ всеобщую панацею, которая не имѣла успѣха, но на которую онъ ухлопалъ почти весь свой небольшой капиталъ. Подавленный неудачами, онъ мало-по-малу дошелъ до своего настоящаго положенія. Видя его безпечность и равнодушіе къ ихъ нуждамъ, кліенты мало-по-малу оставили его, одинъ за другимъ, и въ концѣ концовъ онъ съ трудомъ заработывалъ себѣ пропитаніе. Только бѣднѣйшій людъ, ободряемый жалкимъ видомъ лавчонки, приходилъ купить пластырь, мазь или тому подобное по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

И однако по нѣкоторымъ отраслямъ Тиберіо Колессо былъ ученый человѣкъ. Во всякомъ случаѣ, онъ доказалъ, что способенъ сдѣлать все, чего отъ него требовалъ Мескини. Онъ былъ такъ же хитеръ, хотя и лѣнивъ, и ему достаточно было только взглянуть на библіотекаря, чтобы увидѣть, что съ нимъ случилось нѣчто необыкновенное. Онъ терпѣливо наблюдалъ за нимъ, надѣясь, что узнаетъ правду, не прибѣгая къ разспросамъ. Въ то же самое время надежда выиграть нѣсколько грошей заставляла его слѣдить зорко и за игрой. Къ своему удивленію, онъ легко выигралъ, и удивленіе его усилилось отъ того, что скупой Мескини не жаловался на свои потери и не обвинялъ его въ плутовствѣ.

— Вамъ сегодня не везетъ,—замѣтилъ онъ, наконецъ, когда выигрышъ его достигъ нѣсколькихъ paoli, т.-е. приблизительно около франка.

Мескини съ смущеніемъ взглянулъ на него и вытеръ лобъ, откидываясь на спинку дряхлаго кресла. Руки его дрожали.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ,—я сегодня самъ не свой. Дѣло въ томъ, что страшная трагедія произошла вчера вечеромъ въ нашемъ домѣ, и отъ одной мысли о ней у меня дѣлается лихорадка. Я даже вынужденъ время отъ времени прибѣгать къ укрѣпляющему напитку.

Говоря это, онъ вынулъ изъ кармана бутылку и поднесъ ее къ губамъ. Онъ надѣялся, что ему не нужно будетъ прибѣгать къ ней, но оказалось, что онъ не можетъ обойтись безъ водки, такъ какъ нервы его были расшатаны тѣмъ количествомъ,

Digitized by Google

какое онъ выпилъ въ предыдущую ночь. Колессо молча глядѣлъ, дивясь все сильнѣе и сильнѣе.

Библіотекарь, отпивъ водки, какъ будто ожилъ и заговорилъ бодрѣе.

— Страшная трагедія,—повторилъ онъ.—Князя убили вчера. Я не могъ сразу сказать вамъ это.

— Убили? но кто же?

— Въ этомъ-то и тайна. Его нашли мертвымъ въ кабинетѣ. Я вамъ разскажу все, что̀ знаю.

Мескини сообщилъ исторію пріятелю очень несвязно, пересыпая разсказъ различными комментаріями, чтобы придать себѣ храбрость досказать ее до конца. Онъ, очевидно, неохотно сообщалъ ее и только потому, что не могъ этого избѣжать. Еслибы Тиберіо Колессо прочиталъ разсказъ объ убійствѣ въ вечерней газетѣ, то, безъ сомнѣнія, могъ бы удивиться, отчего пріятель не сообщилъ ему о катастрофѣ, а удивленіе легко могло перейти въ подозрѣніе.

Лучше было бы совсѣмъ не приходить къ аптекарю; но разъ онъ уже пришелъ, то нельзя было уйти, не извѣстивъ его о томъ, что̀ случилось.

— Это очень странно,—сказалъ химикъ, выслушавъ разсказъ.

И Мескини показалось, что въ глазахъ его мелькнуло что-то непріятное.

— Да, дѣйствительно,—отвѣчалъ онъ.—Я совсѣмъ заболѣлъ отъ этого. Поглядите, какъ дрожатъ мои руки. Меня бросаетъ то въ жаръ, то въ холодъ.

— Вы слишкомъ много пили, — сказалъ вдругъ Колессо съ рѣзкостью, поразившей его пріятеля.—Вы не трезвы. Вы, должно быть, пропасть пили ночью. Справляли поминки по мертвецѣ, должно быть, на манеръ древнихъ.

Мескини видимо смутился и сталъ мѣшать карты, пытаясь улыбнуться, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Мнѣ вчера нездоровилось... не знаю, право, отчего... голова болѣла... И потомъ, эта ужасная катастрофа... ужасная! Мои нервы расшатаны. Я съ трудомъ говорю.

— Вамъ слѣдуетъ выспаться, а затѣмъ принять успокоительное,—сказалъ аптекарь дѣловымъ тономъ.

— Я спалъ до поздняго утра. Но это мнѣ не помогло. Я самъ еле живъ. Да, еслибы я могъ уснуть, это бы мнѣ было полезно.

— Ступайте домой и лягте въ постель. На вашемъ мѣстѣ я не пилъ бы больше водки. Отъ нея только хуже.

Digitized by Google

— Дайте мнѣ чего-нибудь усыпительнаго. Я приму.

Аптекарь долго глядѣлъ на него и какъ будто что-то соображалъ. Злая мысль мелькнула у него въ головѣ. Онъ былъ очень бѣденъ и хорошо зналъ, что Мескини, несмотря на его увѣренія, вовсе не такъ бѣденъ, какъ говорилъ. Еслибы онъ былъ такъ бѣденъ, то не могъ бы такъ аккуратно платить за химическіе составы и эксперименты, необходимые для приготовленія его чернилъ. Не разъ оказывалось, что опыты стоили очень дорого, но библіотекарь никогда не жаловался, хотя трясся надъ каждой копѣйкой и злился, если проигрывалъ бездѣлицу въ карты. У него водились деньги, несомнѣнно. Очевидно, что онъ въ сильномъ нервномъ возбужденіи. Если заставить его разъ-другой принять опіума, то это можетъ войти у него въ привычку. Продавать опіумъ очень выгодно, и Колессо зналъ силу этого порока и размѣры, которые онъ скоро приметъ, въ особенности если Мескини будетъ думать, что въ лекарство положено какое-нибудь безвредное снадобье.

— Очень хорошо,—сказалъ аптекарь.—Я дамъ вамъ капли. Но вы должны принять ихъ только когда ляжете въ постель. Онѣ дѣйствуютъ очень быстро.

Капли, какія Мескини унесъ съ собой домой, были не что иное, какъ опіумъ съ водой. Онѣ казались довольно невинными въ пузырькѣ съ надписью: „усыпительное лекарство". Но дѣйствіе ихъ, какъ и говорилъ Колессо, было очень быстрое. Измученный всѣмъ произошедшимъ, библіотекарь заперъ окна и легъ въ постель. Черезъ четверть часа онъ уже крѣпко спалъ. Въ сновидѣніяхъ онъ былъ счастливѣе, чѣмъ когда-либо въ дѣйствительности. Весь міръ, казалось, ему принадлежалъ, и онъ дѣлалъ все, что ему угодно. Онъ превратился въ великолѣпное существо, какимъ никогда не былъ на-яву. Онъ переходилъ отъ одной блестящей сцены къ другой, отъ торжества къ торжеству, окруженный всѣми формами красоты, озаряемый золотыми лучами счастія и испытывая блаженство внѣ всякаго описанія. Онъ какъ будто внезапно сталъ императоромъ вселенной. Онъ носился въ чудныхъ сферахъ, гдѣ глазъ лелѣяли нѣжныя краски, а ухо ласкала дивная музыка.

Но вотъ, наконецъ, онъ сталъ опускаться внизъ, сначала медленно, затѣмъ съ увеличивающеюся быстротой, пока, наконецъ, у него не закружилась голова и онъ не почувствовалъ, что падаетъ. Онъ проснулся и вскрикнулъ отъ ужаса. Стояла ночь, и онъ былъ одинъ въ темнотѣ. Онъ продрогъ до костей и голова у него болѣла, но темнота была нестерпима, и хотя ему хотѣлось

Digitized by Google

опять заснуть, но онъ не смѣлъ оставаться въ потемкахъ. Онъ сталъ искать спички, нашелъ ихъ и зажегъ свѣчу.

На сосѣднихъ часахъ пробило двѣнадцать, и бой часовъ устрашилъ его невыразимо.

Нервозность его усиливалась отъ опіума и отъ голода, котораго онъ не сознавалъ, и у него подъ руками было только одно средство. Усыпительныхъ капель отпущено было какъ разъ столько, сколько было нужно на одинъ пріемъ, и онъ весь вышелъ. Онъ пытался выжать еще нѣсколько капель изъ пузырька, откуда несся тяжелый, одуряющій запахъ, отъ котораго его чуть не стошнило.

Но у него ничего, ничего не было, кромѣ водки и при томъ слишкомъ полбутылки. Этого было достаточно пока. Онъ жадно выпилъ ее, потому что его томила жажда, хотя онъ и этого не сознавалъ. Послѣ того онъ проспалъ до утра. Но когда онъ раскрылъ глаза, то почувствовалъ себя еще хуже, чѣмъ наканунѣ. Онъ былъ не только нервенъ, но и обезсиленъ, и едва доплелся до лавки пріятеля, чтобы достать двойную дозу усыпительной микстуры. Еслибы ему удалось проспать двадцать-четыре часа, думалось ему, такъ, чтобы не просыпаться ночью, то онъ поправится.

Когда онъ появился, Тиберіо Колессо зналъ, чего ему нужно, и хотя онъ почти раскаялся въ томъ, что̀ сдѣлалъ, но возможность продать еще дорогого снадобья была такъ соблазнительна, что онъ не могъ устоять.

День слѣдовалъ за днемъ, и каждое утро Арнольдо Мескини ходилъ къ аптекарю. При обычномъ ходѣ вещей человѣкъ не дѣлается потребителемъ опіума въ одинъ день или даже въ одну недѣлю, но для библіотекаря наркотическое вещество стало потребностью почти съ самаго начала. Его дѣйствіе, за-одно съ непрерывными пріемами алкоголя, было разрушительно, но сложеніе этого человѣка было сильнѣе, нежели можно было думать. Кромѣ того, онъ обладалъ большимъ искусствомъ владѣть своимъ лицомъ, когда его не одолѣвалъ сверхъестественный страхъ, а потому вышло такъ, что никто въ палаццо Монтеварки не замѣтилъ его состоянія, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ почти въ уединеніи.

А состояніе его было очень нехорошо: когда онъ не былъ пьянъ отъ водки, то спалъ подъ вліяніемъ опіума. По истеченіи трехъ дней, онъ сталъ готовъ платить аптекарю все, чего онъ ни запроситъ, и какъ будто не сознавалъ, что тратитъ деньги. Онъ дѣлалъ видъ, что играетъ въ карты, но былъ очень разсѣянъ

Digitized by Google

и даже не сердился на ежедневные проигрыши. У аптекаря давно уже не бывало столько денегъ. По мѣрѣ того какъ Арнольдо Мескини падалъ все ниже и ниже, химикъ все пріободрялся и пріобрѣталъ видъ непривычнаго благоденствія. Однимъ изъ первыхъ результатовъ униженнаго состоянія библіотекаря было то, что Тиберіо Колессо купилъ себѣ новую зеленую ермолку, отдѣланную серебрянымъ позументомъ.

XIII.

Сантъ-Иларіо не ошибся, когда подумалъ, что безопасное мѣсто, куда его упрятали, не что иное, какъ тюрьма инквизиціи. Онъ хорошо зналъ внутренность этого зданія и то, что въ немъ не существовало никакихъ тѣхъ ужасовъ, которые ему вообще приписывали, и былъ доволенъ выборомъ кардинала.

Келья, куда его перевели съ наступленіемъ сумерекъ, была большая комната второго этажа, комфортабельно меблированная и вовсе не походившая на тюрьму, еслибы не было желѣзныхъ рѣшетокъ на окнахъ.

Стѣны не были толще стѣнъ большинства римскихъ дворцовъ и комната была сухая и свѣтлая, достаточно согрѣваемая большой жаровней съ угольями. Ясно было по тому, какъ съ нимъ обращались, что кардиналъ полагался больше на его честь, чѣмъ на силу, чтобы удержать его въ тюрьмѣ.

Молчаливый субъектъ въ черномъ сюртукѣ подвезъ его въ каретѣ къ главному подъѣзду, гдѣ другой такой же молчаливый и черный человѣкъ отвелъ его въ келью. То же лицо вскорѣ вернулось, принеся сытный обѣдъ изъ рыбы и овощей—по случаю пятницы,—прекрасно изготовленный и почти роскошно сервированный. Часъ спустя тотъ же человѣкъ пришелъ убрать со стола. Онъ спросилъ: не требуется ли чего узнику на ночь.

— Я бы желалъ знать,—сказалъ Джіованни,—позволятъ ли моимъ друзьямъ видѣться со мной, если я объ этомъ попрошу.

— Мнѣ поручено сказать, что всякая ваша просьба или жалоба будетъ передана его свѣтлости спеціальнымъ посланнымъ,—отвѣчалъ человѣкъ.—Все, что не касается вашего личнаго комфорта,—прибавилъ онъ.—Въ этомъ отношеніи я могу исполнить все, что вамъ будетъ угодно.

— Благодарю васъ. Постараюсь быть разсудительнымъ. Очень вамъ обязанъ.

Человѣкъ вышелъ изъ комнаты и заперъ дверь такъ тихо,

Digitized by Google

что узникъ не слышалъ чтобы онъ повернулъ ключъ въ замкѣ. Разсмотрѣвъ панели, онъ увидѣлъ однако, что онѣ гладкія и безъ всякаго слѣда замочныхъ скважинъ. Запоръ, удерживавшій дверь, находился извнѣ и не было никакой возможности отпереть дверь.

Джіованни удивлялся, почему нашли нужнымъ выбрать спеціальнаго посланнаго для передачи его просьбъ кардиналу. Распоряженіе было сдѣлано, конечно, не даромъ, да и не по-пусту ему сообщили о немъ. Безъ сомнѣнія его свѣтлость не ожидалъ, чтобы и князь раскаялся въ своемъ поступкѣ и послалъ ему сказать, что желаетъ, чтобы его выпустили. Такая мысль нелѣпа. Великій человѣкъ могъ предполагать, конечно, что Джіованни пожелаетъ послать женѣ какое-нибудь порученіе, такъ какъ она естественно должна безпокоиться объ его отсутствіи. Но Сантъ-Иларіо уже послалъ ей записку, котораа должна была ее успокоить. Нѣсколько дней пройдетъ прежде, чѣмъ она станетъ ждать его возвращенія, и ему было время хорошенько обдумать свой будущій образъ жизни. А пока онъ рѣшилъ ни о чемъ не просить. Ему ничего не требовалось. У него были деньги въ карманѣ, чтобы купить бѣлья, и незачѣмъ было посылать за нимъ домой.

Онъ былъ въ такомъ душевномъ настроеніи, когда ничто не могло ему быть пріятнѣе одиночнаго заключенія. Онъ испытывалъ чувство отдыха и свободы отъ всякой отвѣтственности, которое успокоивало его нервы и мысли. Въ продолженіе многихъ дней онъ находился на краю безумія. Каждое свиданіе съ Короной было разочарованіемъ и приносило новое страданіе. Какъ ни страшила его мысль о продолжительной разлукѣ съ нею, временная невозможность ее видѣть была успокоительна, и онъ сознавалъ это все болѣе и болѣе, по мѣрѣ того, какъ часы проходили.

Джіованни не размышлялъ о своемъ положеніи, ни о послѣдствіяхъ своего поступка. Напротивъ того, онъ легъ въ постель и крѣпко уснулъ, какъ спитъ сильный человѣкъ послѣ большихъ физическихъ упражненій. Онъ спалъ такъ долго, что тюремщикъ, наконецъ, разбудилъ его, войдя и растворивъ окно. Утро было прекрасное и солнце проникало сквозь желѣзную рѣшетку. Джіованни оглядѣлся и сообразилъ, гдѣ находится. Онъ чувствовалъ себя спокойнымъ и сильнымъ и готовъ былъ бы посмѣяться надъ мыслью, что его неосмотрительный поступокъ можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Корона, безъ сомнѣнія, уже тоже встала и предполагаетъ, что онъ въ деревнѣ охотится на дикаго кабана или какъ-нибудь иначе развлекается. Вмѣсто того онъ въ тюрьмѣ.

Digitized by Google

Факта отрицать нельзя, но странно, что ему не жаль свободы. Онъ слышалъ про нравственныя страданія людей, находящихся въ одиночномъ заключеніи. Джіованни же, оглядѣвъ свѣтлую, просторную комнату, рѣшилъ, что можетъ прожить въ ней годъ, не заботясь о томъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Нѣсколько книгъ для чтенія, письменныя принадлежности — ничего больше ему не нужно. Быть одному уже составляло счастіе.

Онъ медленно позавтракалъ и, сидя въ старомодномъ креслѣ, курилъ папиросу, грѣясь на солнышкѣ. Комната не походила на тюрьму, и онъ не чувствовалъ себя какъ человѣкъ, арестованный за убійство. Долгое время онъ ничего не испытывалъ, кромѣ неопредѣленнаго, мирнаго довольства. Онъ далъ списокъ вещей, включая нѣсколько романовъ, какія ему требовалось купить, человѣку, который ему прислуживалъ, и черезъ нѣсколько часовъ все было принесено.

День прошелъ спокойно, и когда онъ ложился въ постель, то улыбнулся, задувая свѣчу, частью надъ самимъ собой, частью надъ своимъ положеніемъ.

„Мои знакомые не скажутъ, чтобы во мнѣ отсутствовала всякая оригинальность“, подумалъ онъ, засыпая.

Утромъ онъ меньше читалъ и больше думалъ. Во-первыхъ, онъ соображалъ, какъ долго останется онъ отрѣзаннымъ отъ всего остального міра. Во-вторыхъ, о томъ, приняты ли мѣры, чтобы судить его, или же кардиналъ знаетъ, что онъ невиненъ, и только участвуетъ въ комедіи, придуманной Джіованни.

Онъ не былъ нетерпѣливъ, а только хотѣлъ знать истину. Сегодня уже третій день, что онъ не видѣлъ Корону...

Онъ просидѣлъ нѣсколько часовъ неподвижно въ креслѣ, стараясь представить себѣ, что̀ же будетъ дальше. Тишина уединенія уже меньше нравилась ему сегодня, и онъ сталъ подозрѣвать, что очень скоро пожелаетъ обратно вернуться въ свѣтъ. Быть можетъ, Корона можетъ пріѣхать повидаться съ нимъ? Быть можетъ, кардиналъ найдетъ за лучшее сообщить ей о томъ, что̀ случилось?

Въ комнатѣ стемнѣло, и служитель принесъ двѣ свѣчи и поставилъ ихъ на столъ.

До сихъ поръ нельзя было сказать, чтобы онъ страдалъ. Напротивъ того, характеръ его оправился отъ многихъ недѣль унынія и отчаянія. Второй день окончился, и онъ легъ спать, но спалъ уже не такъ крѣпко, какъ въ предыдущую ночь, и на слѣдующее утро проснулся рано. Монотонность такого существованія сразу предстала ему съ полной ясностью. Четвертый день

Digitized by Google

будетъ подобенъ третьему и сотни другихъ послѣдующихъ будутъ подобны четвертому, если только его свѣтлости благоугодно будетъ держать его въ заточеніи. Корона, конечно, не догадается, что онъ въ рукахъ инквизиціи, а если даже и догадается, то какъ она проникнетъ къ нему? А если она придетъ, то что̀ онъ ей скажетъ? Что онъ совершилъ безумно глупый поступокъ оттого, что его раздосадовала ея холодность къ нему? Да онъ будетъ смѣшонъ во весь остатокъ дней своихъ...

Весь день онъ проходилъ по комнатѣ въ состояніи глубокаго недовольства самимъ собой. Онъ почти не притрогивался до пищи и не замѣчалъ служителя, много разъ входившаго въ комнату, подавая и прибирая что нужно. Снова наступила ночь, но сонъ бѣжалъ его очей. Четвертый день дѣйствительно оказался точь-въ-точь такимъ, какъ предыдущіе. Онъ тянулся безконечно, и къ вечеру Джіованни почувствовалъ себя несчастнымъ и потеряннымъ. Наконецъ, наступилъ вечеръ, и онъ сѣлъ за обѣдъ, почти не притрогиваясь къ кушаньямъ и машинально глядя въ закрытое окно.

Дверь тихо отворилась, но онъ не оглянулся, предполагая, что это вошелъ служитель. Вдругъ послышался шелестъ женскаго платья, и дверь вмѣстѣ съ тѣмъ затворилась. Онъ вскочилъ на ноги, недвижно простоялъ одну минуту и затѣмъ вскрикнулъ отъ удовольствія. Корона стояла передъ нимъ, очень блѣдная, глядя ему въ глаза. На ней былъ надѣтъ густой вуаль, и теперь она его откинула: вуали въ ту эпоху носили длинные и тяжелые, и онъ ниспадалъ съ ея головы и плечъ, точно драпировка.

— Корона!—вскричалъ Джіованни, протягивая къ ней руки.

Что-то въ ея лицѣ помѣшало ему обнять ее, что-то непохожее, однако, на ея обычную холодность; въ глазахъ ея онъ прочиталъ упрекъ.

— Джіованни! хорошо ли было бросить меня? — спросила она, не двигаясь съ мѣста.

Вопросъ такъ соотвѣтствовалъ его собственнымъ чувствамъ, что онъ ожидалъ его, хотя отвѣта и не приготовилъ. Она все знаетъ и оскорблена тѣмъ, что̀ онъ сдѣлалъ.

— Я думалъ, что поступилъ какъ слѣдуетъ,—отвѣчалъ онъ, самъ не зная, что̀ говоритъ.

— Развѣ слѣдовало бросать меня безъ всякихъ объясненій?

— Развѣ тебѣ не все равно? а что касается до меня, то я вездѣ буду несчастливъ.

— Неужели я выжила тебя изъ дому, Джіованни?—спросила Корона съ страннымъ взглядомъ черныхъ глазъ.

Digitized by Google

Голосъ ея дрожалъ.

— Нѣтъ, не ты,—отвѣчалъ онъ, отворачиваясь и принимаясь ходить по комнатѣ, въ силу привычки, пріобрѣтенной въ послѣдніе два-три дня.—Нѣтъ, не ты,—повторилъ онъ горькимъ тономъ.

Корона опустилась на кресло, оставленное имъ, и закрыла лицо руками, какъ бы подавленная большимъ и внезапнымъ горемъ. Джіованни остановился передъ нею и взглянулъ на нее, не вполнѣ понимая, что̀ происходитъ у нея въ душѣ.

— О чемъ ты печалишься? развѣ разлука нѣсколькихъ дней измѣнила тебя? развѣ тебѣ меня стало жаль?

— Зачѣмъ ты забрался сюда?—вскричала она вмѣсто отвѣта. —Почему именно сюда, а не въ другое мѣсто?

— У меня не было выбора. Кардиналъ рѣшилъ за меня.

— Кардиналъ? зачѣмъ ты довѣрился ему? Прежде ты этого никогда не дѣлалъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но я ему не довѣряю, хотя онъ и очень добръ. Если ты нуждался въ совѣтѣ, то почему не отправился къ падре Филиппо?..

— Совѣтѣ? я не понимаю тебя, Корона.

— Развѣ ты не говорилъ кардиналу, что несчастливъ и желалъ бы отдохнуть въ уединеніи, гдѣ бы никто не могъ тебя найти? И развѣ онъ не посовѣтовалъ тебѣ помѣститься здѣсь, обѣщая сохранить твою тайну и разрѣшивъ пробыть здѣсь такъ долго, какъ тебѣ заблагоразсудится? Вотъ что̀ онъ мнѣ сказалъ.

— Онъ сказалъ тебѣ это?—вскричалъ Джіованни съ великимъ удивленіемъ.

— Да... это—и ничего болѣе. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ сегодня и сказалъ, что боится, какъ бы я не встревожилась твоимъ долгимъ отсутствіемъ, и что онъ считаетъ себя въ правѣ сообщить мнѣ, гдѣ ты находишься, и дать мнѣ пропускъ, въ случаѣ, еслибы ты пожелалъ меня видѣть. Но если это не такъ, то какъ же ты попалъ сюда?

— Ты не знаешь истины? ты не знаешь, что̀ я сдѣлалъ? ты не догадываешься, почему я въ рукахъ инквизиціи?

— Я знаю только то̀, что̀ мнѣ сказалъ кардиналъ,—отвѣчала Корона, удивленная вопросами Джіованни.

Но Джіованни не тотчасъ отвѣтилъ. Онъ ходилъ по комнатѣ въ такомъ возбужденіи, въ какомъ она никогда его еще не видѣла, нервно сжимая руки и ломая пальцы и издавая короткія, безсвязныя восклицанія. Глядя на него, ее вдругъ охватилъ страхъ, но она его ни о чемъ не разспрашивала. Вдругъ онъ остановился передъ нею.

Digitized by Google

— Ты не знаешь, что я въ тюрьмѣ?

— Въ тюрьмѣ?!

Она вскочила съ крикомъ и схватила его обѣ руки въ свои.

— Не бойся, душа моя,—сказалъ онъ совсѣмъ другимъ голосомъ.—Я совсѣмъ не виноватъ. Но вѣдь ты же должна знать, что это тюрьма?

— Ахъ, Джіованни!—упрекнула она:—какъ можно говорить такія страшныя вещи, даже въ шутку?

— Это не шутка. Я говорю серьезно. Не вздрагивай. Я разскажу тебѣ все, что̀ было. Такъ будетъ лучше. Когда я оставилъ тебя въ Термини, я видѣлъ, что ты всей душой желаешь освободить бѣдную Фаустину. Я не видѣлъ возможности это сдѣлать, но понималъ, что ты думаешь, будто я не хочу постараться. Я отправился прямо къ кардиналу и далъ себя арестовать вмѣсто нея.

— Какъ заложника?—спросила Корона растерянно.

— Нѣтъ. Онъ не согласился бы на это, потому что былъ предубѣжденъ противъ нея. Я выдалъ себя какъ убійцу.

Онъ говорилъ совершенно спокойно, точно пересказывалъ самую обыкновенную вещь. Съ минуту она простояла передъ нимъ молча, пораженная ужасомъ. Затѣмъ съ раздирающимъ крикомъ охватила его руками и страстно прижала къ груди.

— Милый! милый!

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ она такъ крѣпко сжимала его, что онъ не могъ ни двинуться съ мѣста, ни заглянуть ей въ лицо; но біеніе сердца сказало ему, что великая перемѣна совершилась въ его жизни въ этотъ моментъ. Крикъ шелъ изъ души, неудержимый, неподготовленный. Того выраженія, съ какимъ она произнесла эти два слова, онъ больше уже не надѣялся услышать въ ея голосѣ. Онъ ожидалъ, что она будетъ упрекать его за безумный поступокъ. Вмѣсто того, его безуміе пробудило любовь, которая не умерла, хотя и была смертельно ранена.

Но вотъ она отшатнулась отъ него и заглянула ему въ глаза горящимъ огнемъ взглядомъ.

— Я люблю тебя!—сказала она.

Удивительная улыбка появилась на его лицѣ, озаряя смуглыя, строгія черты точно небеснымъ свѣтомъ. Послѣ того тяжелыя вѣки медленно закрылись точно отъ собственной тяжести, голова поникла, а губы побѣлѣли. Она почувствовала, какъ онъ тяжело склонился къ ней на руки, и еслибы не была такъ сильна, то упала бы. Но она удержалась на ногахъ и тихо опу-

Digitized by Google

стилась на полъ, положивъ его голову къ себѣ на колѣни. Сердце у нея перестало биться, пока она прислушивалась къ его дыханію. Еслибы его обморокъ продлился еще нѣсколько минутъ, то она сама лишилась бы чувствъ. Но въ этотъ мигъ глаза его снова открылись съ такимъ выраженіемъ, какое она видѣла въ нихъ раньше раза два или три.

— Корона... это слишкомъ много счастія!—кротко, почти мечтательно, проговорилъ онъ. Затѣмъ сила вновь вернулась къ нему; онъ вскочилъ на ноги и обнялъ ее. Слезы ея катились градомъ, но то были скорѣе слезы радости, нежели горя.

— Какъ могъ ты это сдѣлать?—проговорила она, наконецъ, взглядывая на него.—О! Джіованни, чѣмъ же это все кончится? Вдругъ случится что-нибудь ужасное!

— Не все ли это равно теперь, мое сокровище?

Они сѣли, держа другъ друга за руку, какъ въ былое время. Послѣдніе два мѣсяца въ ихъ жизни были какъ бы вычеркнуты.

— Ты не можешь здѣсь долѣе оставаться,— сказала Корона, когда они, наконецъ, могли разговаривать о ближайшемъ будущемъ.

— Не вижу, какъ я отсюда выберусь,—отвѣчалъ Джіованни съ улыбкой.

— Я отправлюсь къ кардиналу...

— Это безполезно. Онъ, вѣроятно, догадывается объ истинѣ, но не любитъ, чтобы съ нимъ шутили. Онъ продержитъ меня здѣсь до суда или до тѣхъ поръ, пока будетъ найденъ настоящій убійца. Онъ упрямъ, я его знаю.

— Немыслимо, чтобы онъ такъ поступилъ!—съ негодованіемъ воскликнула Корона.

— Боюсь, что вполнѣ мыслимо. Но, конечно, это вопросъ времени... нѣсколькихъ дней, быть можетъ. На худой конецъ я могу попросить, чтобы было назначено слѣдствіе, хотя не вижу, какъ могу я заявить о своей невинности, не повредивъ тѣмъ самымъ Фаустинѣ. Она была освобождена оттого, что я былъ посаженъ на ея мѣсто... Дѣло, какъ видишь, сложное.

— Скажи мнѣ, Джіованни,—сказала Корона,—что ты говорилъ кардиналу. Неужели же, въ самомъ дѣлѣ,—ты убилъ Монтеварки?

— Нѣтъ. Я доказывалъ, что могъ убить старика князя, и, кромѣ того, поручился честнымъ словомъ, что Фаустина невинна.

— Но вѣдь ты самъ не былъ въ этомъ увѣренъ?

— Когда ты сказала мнѣ, что это правда, я повѣрилъ,— просто замѣтилъ онъ.

Digitized by Google

— Благодарю тебя, милый.

— Нѣтъ, не благодари меня, это отъ меня не зависитъ; съ меня довольно, что ты увѣрена въ этомъ. Увѣрена ли ты также и въ другомъ, Корона? такъ же ли ты увѣрена, что любишь меня?

— Можешь ли ты спрашивать? но ты правъ... ты въ правѣ сомнѣваться во мнѣ. Но ты больше не сомнѣваешься, не правда ли? Выслушай меня, милый, я все разскажу тебѣ.

Она соскользнула съ кресла и стала передъ нимъ на колѣни, точно собиралась исповѣдоваться. Послѣ того взяла его за руку и любовно взглянула ему въ лицо. Въ глазахъ ея онъ читалъ правду.

— Прости меня, Джіованни. Да, тебѣ есть что прощать. Я сама себя не понимала: когда ты усомнился во мнѣ, я сочла, что у меня ничего больше въ жизни не остается, что ты больше никогда мнѣ не повѣришь. Я думала, что не люблю тебя. Я ошибалась. Мое жалкое тщеславіе было поранено и ныло во мнѣ. Я чувствовала, что моя любовь умерла, что ты умеръ и что другой человѣкъ занялъ твое мѣсто. Ахъ! это было помимо моей воли! Еслибы я лучше знала тебя, милый, еслибы я лучше понимала себя, ничего бы этого не случилось. Но я была безразсудна... нѣтъ, я была несчастна. Все было темно и нечисто. О! милый мой, я думала, что съумѣю разсказать тебѣ, а вотъ и не умѣю. Прости меня, прости меня и люби какъ прежде! Я никогда не оставлю тебя, хотя бы мнѣ пришлось пробыть тутъ съ тобой вѣчно, но только позволь мнѣ любить тебя, какъ только умѣю!

— Не мнѣ прощать, милая,—отвѣчалъ Джіованни, нагибаясь и цѣлуя ея черные волосы,—а тебѣ...

— Нѣтъ, мнѣ пріятнѣе думать, что я во всемъ виновата.

— Не будь такъ безразсудна, Корона. Я одинъ во всемъ виноватъ.

Они вели безсвязный разговоръ въ продолженіе нѣкотораго времени, когда вошелъ служитель и подалъ Джіованни большое запечатанное письмо съ папскимъ гербомъ.

— Требуется отвѣтъ,—сказалъ человѣкъ и вышелъ изъ комнаты.

— Вѣроятно, это сообщеніе о назначеніи суда или что-нибудь въ этомъ родѣ,—замѣтилъ Джіованни, вдругъ насупившись и ломая печать.

Онъ желалъ бы получить это извѣстіе въ другое время. Корона, затаивъ дыханіе, слѣдила за его лицомъ въ то время, какъ онъ читалъ письмо.

Digitized by Google

Вдругъ лицо его оживилось, а глаза загорѣлись счастіемъ и удивленіемъ.

— Я свободенъ!—закричалъ онъ, дочитавъ письмо.—Свободенъ, если только подпишу эту бумагу. Я, конечно, подпишу ее.

Письмо было отъ кардинала и написано имъ собственноручно; онъ извѣщалъ, что подозрѣніе пало на новое лицо, и что Джіованни воленъ вернуться домой, если подпишетъ прилагаемый документъ. Послѣдній былъ очень кратокъ и въ немъ требовалось, чтобы Джіованни Сарачинеска обязался честнымъ словомъ появиться на судѣ убійцы князя Монтеварки, если это понадобится, и не оставлять Рима, пока дѣло не будетъ окончательно рѣшено.

Онъ взялъ перо, лежавшее на столѣ, и подписался твердой рукой,—фактъ тѣмъ болѣе замѣчательный, что Корона опиралась на его плечо, слѣдя за тѣмъ, какъ онъ писалъ. Онъ сложилъ бумагу и положилъ ее въ открытый конвертъ, присланный кардиналомъ, который былъ человѣкъ обстоятельный. Онъ считалъ возможнымъ, что документъ вернется къ нему распечатаннымъ оттого, что не окажется сургуча для того, чтобы его запечатать. Онъ вовсе не желалъ, чтобы секреты его стали достояніемъ всѣхъ чиновниковъ инквизиціи. Это былъ образчикъ его предусмотрительности въ мелочахъ, которыя могли вліять и на крупныя дѣла.

Когда Джіованни кончилъ, онъ всталъ и остановился передъ Короной. Оба поглядѣли въ глаза другъ другу и у обоихъ навернулись слезы. Но они ничего не говорили, пока тюремщикъ не вернулся.

— Вы свободны,—коротко сказалъ онъ и, не прибавивъ больше ни слова, сталъ укладывать немногія вещи, принадлежавшія бывшему узнику.

Полчаса спустя Джіованни обѣдалъ за столомъ отца. Старикъ встрѣтилъ его радостной воркотней.

— Блудный сынъ вернулся, наконецъ, и какъ разъ поспѣлъ къ обѣду,—говорилъ онъ.—Я думалъ, что ты уѣхалъ въ Парижъ и предоставилъ мнѣ съ Короной пріятную заботу улаживать дѣла. Гдѣ тебя носило?

— Я наслаждался уединеніемъ въ благочестивомъ домѣ,—отвѣтилъ Джіованни, и сказалъ правду.

Корона взглянула на него, и оба весело разсмѣялись, чего уже давно не бывало. Сарачинеска недовѣрчиво глянулъ на сына черезъ столъ.

— Ты выбралъ странный моментъ для благочестивыхъ заня-

Digitized by Google

тій. Желалъ бы я знать, куда теперь направится твое благочестіе. Но если Корона довольна, то и я доволенъ; это ея дѣло.

— Увѣряю васъ, что я вполнѣ довольна,—сказала Корона съ сіяющими отъ счастія глазами.

Джіованни поднялъ стаканъ, взглянулъ на нее и любовно улыбнулся, затѣмъ выпилъ вино до послѣдней капли и поставилъ на мѣсто, не говоря ни слова.

— Какой-нибудь секретъ, должно быть!—сказалъ старикъ ворчливо.

XIV.

Арнольдо Мескини не былъ, пожалуй, помѣшаннымъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова, то-есть нормальное равновѣсіе способностей, вѣроятно, вернулось бы къ нему, еслибы онъ могъ удержаться отъ наркотиковъ и отъ алкоголя и еслибы онъ могъ отдѣлаться отъ мучительнаго страха, что его изобличатъ, который овладѣвалъ имъ, когда онъ не находился въ состояніи опьяненія. Но послѣднее было невозможно, а потому страхъ заставлялъ его прибѣгать къ опьяненію тѣмъ или другимъ способомъ. Люди сходили съ ума отъ внезапнаго испуга и постепенно мѣшались въ умѣ отъ постояннаго присутствія страха, отъ котораго не было спасенія.

Человѣкъ, который постоянно вызываетъ ненормальное состояніе въ своемъ умѣ, глотая огромныя дозы водки и опіума, можетъ быть теоретически и не безумнымъ, но фактически онъ опасный маніакъ. По мѣрѣ того, какъ дни шли за днями, Мескини находилъ все болѣе и болѣе невозможнымъ существовать безъ своего двойного наркоза.

Стоило его уму чуть-чуть проясниться, какъ онъ приходилъ въ неописанный ужасъ. Въ каждомъ человѣкѣ ему видѣлся шпіонъ, въ каждомъ равнодушномъ взглядѣ мерещилась ему угроза. Вскорѣ имъ овладѣла мысль, что онъ станетъ жертвой какой-нибудь ужасной личной мести.

Санъ-Джіачинто не такой человѣкъ, думалось ему, чтобы удовольствоваться тѣмъ, что онъ отправитъ его въ пожизненную каторгу. Убійцъ рѣдко казнятъ въ наши дни, а для фамиліи Монтеварки будетъ малымъ удовлетвореніемъ знать, что Арнольдо перешелъ изъ ихъ библіотеки на каменоломни въ Чивитта-Веккіа. Гораздо вѣроятнѣе, что они захотятъ сами какъ-нибудь отомстить ему.

Digitized by Google

Разстроенному воображенію его мерещились страшныя картины. Санъ-Джіачинто разставитъ для него западню, придетъ къ нему ночью, возьметъ его и засадитъ въ какое-нибудь подземелье подъ дворцомъ. Гдѣ ему справиться съ такимъ великаномъ?

Онъ представлялъ себя на тайномъ судилищѣ, среди котораго высится колоссальная фигура Санъ-Джіачинто. Ему слышался страшный голосъ, который произносилъ надъ нимъ приговоръ. Его должны были разорвать на клочки, сжечь на медленномъ огнѣ. Не было такой мучительной пытки, какая бы не мерещилась ему въ такія минуты. Правда, что онъ постоянно ложился вечеромъ спать безъ памяти отъ опіума или водки и даже забывалъ запереть дверь. Но днемъ, когда онъ не находился подъ вліяніемъ наркоза, воображеніе мучило его несказанно.

Разъ, когда онъ медленными шагами проходилъ по узкой улицѣ близъ фонтана Треви, глаза его остановились на окнѣ оружейника. Внезапно у него сверкнула мысль въ головѣ, что онъ безоруженъ на случай, еслибы Санъ-Джіачинто или его агенты напали на него невзначай. А между тѣмъ пуля, пущенная мѣткой рукой, справится даже съ такимъ Геркулесомъ, какъ человѣкъ, котораго онъ такъ боялся.

Онъ остановился и тревожно оглядѣлъ улицу. Было темно и накрапывалъ дождь. Никого не было, кто бы могъ узнать его, а другого случая, пожалуй, не представится купить незамѣтно тò, чтò ему требовалось.

Онъ вошелъ въ лавку и купилъ револьверъ. Купецъ показалъ ему, какъ заряжать его, и продалъ ему ящикъ съ патронами. Мескини положилъ револьверъ въ одинъ изъ кармановъ сюртука и улыбнулся тому, что онъ составлялъ противовѣсъ бутылкѣ, болтавшейся въ другомъ. Послѣ того вышелъ изъ лавки и пошелъ дальше.

Мысль нажить капиталъ, пустивъ въ оборотъ оригиналъ документовъ Сарачинески, которая возникла у него въ умѣ тотчасъ послѣ убійства, часто возвращалась къ нему, но онъ чувствовалъ, что не въ состояніи обработать теперь это дѣло, и рѣшилъ подождать, пока поправится. Онъ воображалъ, что боленъ и что его состояніе скоро улучшится.

Обратиться съ этимъ къ Санъ-Джіачинто было немыслимо. Легче было ему влѣзть на крестъ, увѣнчивающій главу св. Петра, съ расшатанными нервами и трясущимися руками и ногами, чѣмъ стать лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, котораго онъ такъ боялся.

Digitized by Google

Онъ могъ, слѣдовательно, воспользоваться единственнымъ представлявшимся для него исходомъ и пойти къ старику Сарачинескѣ.

Минутами онъ уже готовъ былъ отправиться къ нему, но врожденная осторожность удерживала отъ свиданія, представлявшаго громадный рискъ, если только онъ не проявитъ полнаго спокойствія духа. Написать тò, чтò ему требовалось сказать, значило просто-на-просто дать оружіе противъ себя, такъ какъ онъ не могъ объяснить въ письмѣ все дѣло, не сознавшись въ своемъ участіи въ поддѣлкѣ. Единственное средство—это добиться отъ Сарачинески торжественнаго обѣщанія сохранить тайну и гарантировать ему личную безопасность; а чтобы добиться этого, нужно было повести дѣло очень дипломатично. Въ настоящую минуту онъ былъ рѣшительно на это неспособенъ; но когда онъ находился вполпьяна, то любилъ разглядывать старинные документы и строить воздушные замки. Когда онъ станетъ вновь крѣпокъ и спокоенъ, онъ осуществитъ всѣ свои мечты, и это время—онъ былъ въ этомъ увѣренъ—недалеко.

Тѣмъ не менѣе дни проходили за днями—и ничего не дѣлалось. Постепенно боязнь Санъ-Джіачинто овладѣвала его умомъ даже и тогда, когда онъ былъ подъ вліяніемъ наркоза или опьяненія. Пока идея нова и еще не завладѣла умомъ, водка можетъ прогнать ее, но неизбѣжно наступаетъ моментъ, когда горячительные напитки теряютъ способность заглушать воспоминанія о предметѣ, внушающемъ страхъ.

Опіумъ въ этомъ отношеніи дѣйствительнѣе, но и его дѣйствіе не вѣчно. Наступаетъ время, когда властительная идея пробивается сквозь искусственный сонъ, такъ что уму нѣтъ больше покоя.

Это опасный періодъ, предшествующій ослабленію и полному затмѣнію ума, которое обыкновенно называется idée fixe. Въ нѣкоторыхъ состояніяхъ ума и въ особенности у преступниковъ, боящихся открытія, дѣйствіе опіума очень быстро видоизмѣняется; всѣ градаціи проходятся съ страшной быстротой, и конецъ бываетъ въ тысячу разъ болѣе ужасный.

Мескини не могъ бы принимать такія дозы опіума, какія принимаетъ безнаказанно привычный потребитель этого наркотическаго вещества, но результатъ былъ, тѣмъ не менѣе, гораздо ощутительнѣе. Не прошло и недѣли, какъ у него начались галлюцинаціи уже наяву. Безформенныя, прозрачныя существа ползали по полу его комнаты, по столу, даже по подушкамъ кровати. Темныя тѣни выростали передъ нимъ и неожиданно мѣняли свои

Digitized by Google

очертанія. Видѣнія поднимались съ полу и сразу выростали до самаго потолка, принимали образъ Санъ-Джіачинто и внезапно пропадали въ воздухѣ.

Въ какихъ нибудь два-три дня эти видѣнія приняли такіе размѣры, что онъ могъ спасаться отъ нихъ, лишь приводя себя въ состояніе полнѣйшаго безчувствія.

Для каждаго стало бы ясно, что такое положеніе вещей не могло долго длиться. У него не было почти ни часу полнаго сознанія, и если его состояніе не было замѣчено, то только благодаря уединенной жизни.

Онъ не выходилъ изъ дворца весь день отъ смутной мысли, что его отсутствіе можетъ возбудить подозрѣнія. Часть времени онъ проводилъ въ библіотекѣ, ничего не дѣлая, хотя старательно обкладывался книгами и отъ времени до времени обмакивалъ перо въ чернила, машинально, оттого, что пальцы его не отвыкли еще отъ этой долгой привычки.

Глаза его, прежде необыкновенно блестящіе, стали тусклы, хотя часто и торопливо оглядывали комнату. Эти взгляды вызывались странными видѣніями, которыя носились между нимъ и книжными шкафами; когда видѣнія исчезали, глаза снова дѣлались стеклянными и, казалось, только отражали свѣтъ, какъ неодушевленные предметы, не поглощая его.

Лицо его становилось день ото дня все худѣе и мертвеннѣе. Только въ силу долголѣтней привычки могъ онъ просиживать подолгу въ мѣстѣ, гдѣ провелъ большую часть жизни. Промежутки сознанія казались страшно долгими, хотя, въ сущности, они были очень коротки.

Онъ ни разу не сходилъ внизъ, въ тѣ покои, гдѣ жила семья и гдѣ онъ стоялъ на колѣняхъ передъ катафалкомъ, на другой день послѣ убійства. Такъ какъ этого и не требовалось, то никто не замѣчалъ его отсутствія. Онъ былъ очень ничтожный человѣкъ во дворцѣ.

Что же касается того, чтобы кто-нибудь пришелъ къ нему въ библіотеку, то это было совсѣмъ невѣроятно. Библіотеку подметали рано по утру и затѣмъ никто больше въ нее не входилъ въ теченіе сутокъ. Онъ больше никогда не выходилъ въ коридоръ и вѣшалъ пальто на креслѣ около себя, когда догадывался захватить его. Въ видѣ предосторожности онъ запиралъ дверь, выходившую въ коридоръ, когда приходилъ въ библіотеку по утру, и снова отпиралъ ее, когда уходилъ, чтобы слуга, приходившій подметать, могъ пройти.

Княгиня Монтеварки все еще была опасно больна, и Фау-

Digitized by Google

стина не отходила отъ нея. Санъ-Джіачинто и Флавія не жили во дворцѣ, но проводили въ немъ бо́льшую часть времени, потому что у Санъ-Джіачинто были свои понятія о долгѣ, которому жена его должна была волей-неволей подчиняться.

Фаустина не была нервна, не боялась одиночества, и вовсе не нуждалась въ обществѣ сестры; поэтому ихъ бесѣда, когда онѣ были вдвоемъ, не всегда отличалась дружелюбіемъ. Вслѣдствіе этого и молодая дѣвушка старалась быть одной какъ можно больше, когда она не была у постели матери.

Разъ, когда ей рѣшительно нечего было дѣлать, она пришла въ отчаяніе. Трудно было не думать объ Анастазѣ, когда она находилась одна въ своей комнатѣ безъ всякаго занятія для ума.

Недѣлю тому назадъ она была бы рада случаю помечтать на свободѣ. Но теперь она не могла думать о Гуашѣ, не представляя себѣ, что со смертью отца устранилось главное препятствіе къ ея браку съ нимъ. Она была не изъ набожныхъ или святыхъ; у нея было то̀, что̀ принято называть сердцемъ, и безсердечность казалась ей худшимъ изъ всѣхъ пороковъ.

Въ оправданіе такихъ небогословскихъ доктринъ слѣдуетъ сказать, что ея идеи о порокѣ вообще были весьма ограничены и почти дѣтскія въ своей простотѣ. Несомнѣнно, однако, что она сочла бы гораздо мѐньшимъ проступкомъ убѣжать съ Гуашемъ, наперекоръ желаніямъ семьи, чѣмъ усмотрѣть въ трагической смерти отца личную выгоду.

Будучи праздной, она никакъ не могла думать о немъ, а думая о немъ, она никакъ не могла не придти къ заключенію, что ей гораздо легче выйти за него замужъ теперь, когда старый князь не можетъ ей этого запретить. Поэтому безусловно необходимо было найти какое-нибудь занятіе.

Сначала она безцѣльно бродила по дому, пока ее вдругъ не поразила чопорная, старомодная отдѣлка дома. Она задумалась о томъ, согласится ли ея мать произвести теперь какія-нибудь перемѣны въ этомъ отношеніи.

Домъ Короны былъ отдѣланъ совсѣмъ иначе. Она бы хотѣла принять его за образецъ. Но попытка разставить иначе мебель доказала ей, что эта задача вовсе не легкая. Ей стыдно было позвать слугъ, чтобы они помогли ей: это было бы похоже на то, что она собирается принимать гостей. Ея идеи о томъ, что̀ можетъ теперь происходить во дворцѣ Монтеварки, не шли дальше перестановки мебели. Ей, тѣмъ не менѣе, было стыдно взяться за это, и кромѣ того она подумала, что, будучи младшей въ семьѣ, и не имѣетъ права брать на себя починъ въ дѣлѣ преобразованій.

Digitized by Google

Но время тянулось нестерпимо долго. Она пыталась занять себя изученіемъ живописи, разсматривая картины на стѣнахъ и проводя по четверти часа передъ каждой, съ похвальной настойчивостью. Но и это не помогло. Всѣ мужчины въ картинахъ принимали образъ monsieur Гуаша въ щегольскомъ мундирѣ зуава, а всѣ женщины были до противности похожи на Флавію.

Тогда она вспомнила про библіотеку—единственное мѣсто въ домѣ, какое она еще не осмотрѣла. Она колебалась не болѣе минуты, размышляя, какъ бы ей попасть туда, не проходя черезъ кабинетъ и черезъ площадку большой лѣстницы, ведущей къ главному подъѣзду. Подумавъ, она сообразила, что можетъ пройти въ коридоръ черезъ небольшую площадку, находившуюся около ея комнаты.

Черезъ нѣсколько минутъ она стояла у дверей библіотеки, стараясь повернуть тяжелую мѣдную ручку. Къ своему удивленію, она не могла отворить двери, которая очевидно была заперта изнутри.

Тогда она постучалась въ надеждѣ, что кто-нибудь ее услышитъ, и въ отвѣтъ на ея стукъ послышался странный крикъ—точно испуганнаго животнаго, сопровождаемый топотомъ ногъ.

Она вспомнила про Мескини и догадалась, что это онъ.

— Прошу, пустите меня!—закричала она звонкимъ, молодымъ голосомъ, который эхо подхватило и отнесло къ ней обратно изъ-подъ высокихъ сводовъ.

Снова послышался ей топотъ ногъ, но на этотъ разъ по направленію къ двери, и минуту спустя послѣдняя отворилась: мертвенное лицо библіотекаря предстало передъ нею. Она отступила назадъ. Фаустина совсѣмъ позабыла, что онъ такъ безобразенъ. Но было бы глупо уйти послѣ того, какъ онъ уже стоитъ у дверей.

— Я хочу видѣть библіотеку. Покажите мнѣ ее.

— Favorisca, eccelenza!—отвѣчалъ Мескини прерывающимся голосомъ. Стукъ въ дверь испугалъ его, и отвратительно было видѣть гримасы, какія онъ дѣлалъ, стараясь улыбнуться. Онъ низко поклонился, однако, и затворилъ дверь, когда она вошла. Едва сознавая, что̀ дѣлаетъ, онъ плелся за нею въ то время, какъ она обходила библіотеку, оглядывая длинные ряды книгъ, въ одинаковыхъ переплетахъ. Мѣсто было для нея мало знакомо, потому что она всего два или три раза въ жизни была въ библіотекѣ, и она испытывала нѣчто въ родѣ благоговѣйнаго страха въ присутствіи столь многихъ тысячъ томовъ, гдѣ излагалась вся человѣческая премудрость, которая навсегда останется для нея не-

Digitized by Google

доступной. Она пришла съ смутной идеей, что найдетъ что-нибудь почитать, непохожее на романы, до которыхъ ей не позволяли дотрогиваться.

Она сразу поняла, что ничего ровно не знаетъ о томъ, что̀ было написано въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, литература коихъ была представлена въ этой обширной коллекціи. Она едва знала названія двадцати книгъ изъ числа многихъ сотенъ милліоновъ, которыя существовали въ мірѣ. Но она могла спросить Мескини.

Фаустина взглянула на него, и снова лицо его произвело отталкивающее впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе она была слишкомъ добра, чтобы не заговорить съ одинокимъ человѣкомъ, котораго хотя и рѣдко видала, но который былъ однимъ изъ старѣйшихъ домочадцевъ отцовской свиты.

— Вы провели почти всю свою жизнь здѣсь, не правда ли? —спросила она, чтобы что-нибудь сказать.

— Около тридцати лѣтъ, — отвѣчалъ Мескини глухимъ голосомъ.

Ея присутствіе невыразимо терзало его.

— Это долгій срокъ, а я еще не старикъ.

— И вы всегда одинъ здѣсь? Неужели вы никогда не выходите отсюда? Что̀ вы дѣлаете весь день?

— Я работаю надъ книгами, eccelenza. Здѣсь тысячи томовъ, за которыми много дѣла.

— Да... но что̀ же вы именно дѣлаете? Вы всѣ ихъ прочитали?—спросила невинно Фаустина.—Въ этомъ ваше дѣло?

— Я больше прочиталъ, чѣмъ можно повѣрить, для собственнаго удовольствія. Но мое дѣло заключается въ томъ, чтобы содержать ихъ въ порядкѣ; наблюдать, чтобы не вкралось ошибокъ въ каталогѣ, такъ чтобы, когда ученые явятся за справками, они сразу нашли бы то̀, что̀ имъ нужно. Я долженъ также сохранять книги, смотрѣть за тѣмъ, чтобы онѣ какъ-нибудь не испортились. Онѣ очень цѣнныя. Здѣсь цѣлое состояніе.

Онъ почувствовалъ себя менѣе нервнымъ, когда заговорилъ о библіотекѣ и о книгахъ, и слова легко сходили у него съ языка. При маленькомъ поощреніи онъ могъ бы стать даже болтливымъ. Несмотря на его безобразіе, Фаустина заинтересовалась имъ.

— Это, должно быть, очень трудное дѣло!—замѣтила она.— Вамъ оно нравится? вы не хотѣли бы промѣнять его на другое? Я думаю, что вамъ бываетъ иногда скучно оттого, что вы всегда одинъ.

— Я очень терпѣливъ,—отвѣтилъ Мескини смиренно.—И, кромѣ того, привыкъ къ этой жизни съ самыхъ молодыхъ лѣтъ.

Digitized by Google

— Вы говорите, что коллекція драгоцѣнна? Есть въ ней хорошія книги? Я бы хотѣла ихъ поглядѣть.

Красивое, молодое созданіе усѣлось на одномъ изъ высокихъ рѣзныхъ стульевъ на концѣ стола. Мескини пошелъ на другую сторону залы и отперъ одинъ изъ ящиковъ, помѣщавшихся въ нижней части книжныхъ шкафовъ на высотѣ трехъ или четырехъ футъ отъ полу. На каждомъ былъ вырѣзанъ гербъ Монтеварки. Въ этихъ хранилищахъ лежали драгоцѣнные манускрипты. Онъ вернулся съ небольшимъ квадратнымъ томикомъ переплетенной рукописи и положилъ ее передъ Фаустиной.

— Это стоитъ громадныхъ денегъ,—сказалъ онъ.—Это единственный экземпляръ въ мірѣ. Въ библіотекѣ Ватикана имѣется неполная копія.

— Что это такое?

— Это Данте, фамиліи Монтеварки, старѣйшее изданіе въ мірѣ.

Фаустина съ любопытствомъ перевертывала страницы, любуясь письмомъ, хотя не могла прочитать много словъ, такъ какъ старинный шрифтъ былъ ей незнакомъ.

Вдвоемъ съ Мескини они составляли удивительную картину въ этой громадной залѣ. По обѣимъ сторонамъ отъ полу до сводовъ потолка шли большіе рѣзные шкафы изъ орѣха, почернѣвшіе отъ времени и отражавшіеся на гладко-полированномъ полу изъ цвѣтного мрамора.

Изъ высокаго, полукруглаго окна падалъ лучъ свѣта поперекъ старинныхъ столовъ, стоявшихъ по срединѣ залы.

Въ центрѣ двѣ фигуры склонились надъ манускриптомъ: ангельская головка Фаустины, озаренная свѣтомъ, выдѣлялась съ необыкновенной граціею на темномъ фонѣ въ то время, какъ она переворачивала тонкими, прозрачными пальчиками желтыя страницы.

Возлѣ нея сгорбленная фигура библіотекаря въ смиренной и почтительной позѣ, съ длинными руками, повисшими вдоль боковъ, въ истасканномъ черномъ сюртукѣ, спускавшемся почти до пятъ, съ головой, наклоненной надъ рукописью. Всѣ его черты какъ будто обострились и на желтомъ лицѣ появились теперь багровыя пятна на щекахъ. Сѣрые глаза мимолетно зажглись огнемъ, сверкавшимъ изъ-подъ густыхъ бровей, огнемъ ума, характеризовавшимъ ихъ первоначально и снова вспыхнувшимъ, быть можетъ, отъ усилія остановить вниманіе на драгоцѣнной книгѣ.

Его большія, толстыя уши, казалось, наклонялись впередъ, какъ

Digitized by Google

у животнаго, слѣдуя за направленіемъ его глазъ. По внѣшности онъ представлялъ странную смѣсь дряхлости, хитрости и грубости. Въ одну недѣлю онъ очень измѣнился. Нѣсколько дней тому назадъ большинство людей поглядѣло бы на него съ безпечнымъ состраданіемъ. Теперь въ немъ было нѣчто прямо отталкивающее. Рядомъ съ юной и прелестной Фаустиной онъ почти не походилъ на человѣка.

— Вѣрю, что это удивительная вещь, — сказала, наконецъ, молодая дѣвушка, — но я недостаточно знаю толкъ въ книгахъ, чтобы понимать ея значеніе. Что̀, мои братья приходятъ когда-нибудь въ библіотеку?

Она оттолкнула книгу и поглядѣла въ лицо Мескини, удивляясь, почему небо создало его такимъ безобразнымъ.

— Нѣтъ. Никогда не приходятъ, — отвѣчалъ библіотекарь, инстинктивно притягивая къ себѣ книгу, какъ бы онъ сдѣлалъ, будь посѣтитель чужой человѣкъ, который могъ бы украсть изъ нея страницу или двѣ, если за нимъ зорко не слѣдить.

— Но мой бѣдный отецъ очень любилъ книги, не правда ли? Что, онъ часто приходилъ сюда, къ вамъ?

Она совсѣмъ не думала о Мескини, а потому не замѣтила, что онъ внезапно поблѣднѣлъ и затрясся какъ въ лихорадкѣ. Вотъ чего онъ боялся все время, съ тѣхъ поръ какъ она вошла въ комнату. Она подозрѣваетъ его, и, быть можетъ, ее подослалъ Санъ-Джіачинто, чтобы втянуть его въ разговоръ и заставить проговориться.

Будь дѣйствительно у нея такое намѣреніе, то его поведеніе не оставило бы и тѣни сомнѣнія въ ней насчетъ истинности обвиненія. Лицо выдавало его неудержимый страхъ; испуганные глаза говорили о внутреннемъ волненіи.

Но она только мелькомъ взглянула на него и опять стала оглядывать книги на полкахъ. Когда она снова поглядѣла на него, то онъ отходилъ отъ нея. Она удивилась, видя, какъ нетвердъ его шагъ и какъ онъ шатается и хватается за мебель, чтобы не упасть. Она вздрогнула, но не встала съ мѣста.

— Вы нездоровы? — спросила она. — Не позвать ли кого-нибудь?

Онъ не отвѣчалъ, но какъ будто пришелъ въ себя при звукахъ ея голоса, потому что быстро шмыгнулъ за высокую рѣзную конторку, на которой лежалъ раскрытый каталогъ.

Ей показалось, что сверкнула полоска свѣта, отраженная отъ какого-то гладкаго предмета, и она услышала какое-то журчанье, котораго не понимала. Мескини подкрѣплялъ себя нѣсколькими

Digitized by Google

глотками водки. Когда онъ появился вновь изъ-за конторки, то шагъ его былъ тверже. Онъ былъ сильно потрясенъ, но, по обыкновенію, не рѣшился бѣжать, считая, что бѣгство будетъ неизбѣжно сочтено за доказательство вины.

— Мнѣ нездоровится,—пояснилъ онъ. — Я вынужденъ безпрестанно принимать лекарство. Прошу ваше сіятельство извинить меня.

— Мнѣ очень жаль, — отвѣтила Фаустина съ добротой.—Не можемъ ли мы вамъ помочь? Есть ли у васъ все, что нужно?

— Все рѣшительно, благодарю васъ. Я скоро поправлюсь.

— Надѣюсь и увѣрена въ томъ. Да, что̀ я говорила? О, я спрашивала, часто ли приходилъ въ библіотеку мой отецъ. Онъ любилъ книги?

— Его сіятельство—Господь упокой его душу!—былъ ученый человѣкъ. Да, онъ часто приходилъ.

Мескини взялъ манускриптъ и отнесъ его на мѣсто въ ящикъ. Онъ долго копался, запирая его. Фаустина не безъ любопытства наблюдала за нимъ.

— Вы были здѣсь въ тотъ день?—спросила она, когда онъ, наконецъ, повернулся къ ней.

Вопросъ былъ вполнѣ естественный при существующихъ обстоятельствахъ.

— Мнѣ кажется, ваше сіятельство присутствовали при томъ, какъ меня допрашивалъ префектъ,—отвѣчалъ Мескини непріятнымъ тономъ.

— Правда. Вы говорили, что пробыли здѣсь весь тотъ день, какъ обыкновенно. Я позабыла... Какъ это ужасно! И вы никого не видѣли, никого не слышали? Но я полагаю, что отъ библіотеки далеко до кабинета.

Библіотекарь ничего не отвѣчалъ, но по его виду явно было, что онъ очень разстроенъ. Онъ воображалъ, что худшія изъ его опасеній осуществились, и что Фаустина, въ самомъ дѣлѣ, пытается вытянуть изъ него показанія, которыми можно воспользоваться для его обвиненія.

Между тѣмъ она была очень далека отъ такой мысли. Она бы нашла вполнѣ нелѣпымъ обвинять бѣдняка, какъ считала оскорбительнымъ то, что ее обвиняли. Отецъ всегда казался ей очень внушительной особой, и она не могла представить себѣ, чтобы смерть его послѣдовала отъ руки такого жалкаго созданія какъ Арнольдо Мескини, который, конечно, по внѣшности не казался ни сильнымъ, ни храбрымъ.

Digitized by Google

Онъ же совсѣмъ иначе понималъ ея слова и спрашивалъ себя, не лучше ли принять немедленно мѣры для своей безопасности.

Рука его была заложена за спину, и онъ нащупывалъ ею пистолетъ въ карманѣ длиннополаго сюртука. Фаустина была отъ природы удивительно безстрашна; но еслибы она подозрѣвала, какой опасности подвергается, то, вѣроятно, немедленно удалилась бы, вмѣсто того, чтобы продолжать разговоръ.

— Это ужасная тайна,— говорила она, вставая съ кресла и медленно прохаживаясь по гладкому мраморному полу, пока глазъ ея не былъ привлеченъ яркимъ переплетомъ какихъ-то большихъ фоліантовъ, передъ которыми она и остановилась.—Мы всѣ должны стараться раскрыть истину. Конечно, современемъ она будетъ обнаружена, но очень трудно ждать до тѣхъ поръ. Знаете ли,—вдругъ повернулась она къ Мескини съ рѣзкостью совсѣмъ для нея непривычной,—что они подозрѣвали меня? Точно я могла это сдѣлать, я, слабая дѣвушка?! И однако... еслибы человѣкъ, убившій его, былъ передо мной... мнѣ кажется, я бы убила его собственными руками!

Она топнула ногой, какъ бы для того, чтобы придать больше силы своимъ словамъ. Ея мягкіе темные глаза сверкали гнѣвомъ, а щеки поблѣднѣли при мысли объ отмщеніи за отца. Должно быть, въ ея лицѣ было нѣчто очень грозное, потому что Мескини страшно струсилъ, и нервы его не выдержали. Онъ хотѣлъ отойти отъ нея, но поскользнулся и упалъ на колѣни, громко вскрикнувъ.

Даже и тутъ Фаустина не заподозрила истинной причины его слабости, но приписала ее болѣзни, о которой онъ говорилъ.

Она бросилась впередъ и пыталась помочь жалкому созданію встать на ноги; но онъ, вмѣсто того, чтобы приподняться, валялся у нея въ ногахъ, испуская безсвязныя восклицанія.

— Обопритесь на меня! — говорила Фаустина, протягивая ему руку. — Что съ вами? О! Боже мой, неужели вы умираете?

— Ой, ой! Не казните меня... ради самого неба!—кричалъ Мескини, робко взглядывая на нее.

— Казнить васъ? Нѣтъ! зачѣмъ васъ казнить? Вы больны... мы пошлемъ за докторомъ. Попробуйте встать и сѣсть на кресло.

Ея тонъ нѣсколько успокоилъ его, а также и ея прикосновеніе. Онъ съ трудомъ приподнялся, съ ея помощью, на ноги и стоялъ, опираясь на шкафъ и трясясь отъ страха.

— Ничего,—говорилъ онъ, съ трудомъ переводя духъ послѣ каждаго слова.—Мнѣ лучше... мои нервы... ваше сіятельство... О! какой же я трусъ!

Послѣднее восклицаніе, въ которомъ слышалось глубокое

Digitized by Google

отвращеніе къ собственной слабости, поразило Фаустину своей странностью.

— Развѣ я васъ испугала? — спросила она. — Мнѣ очень жаль. Сядьте теперь, и я позову кого-нибудь къ вамъ на помощь.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста, не надо. Мнѣ лучше, когда я одинъ. Я теперь могу идти. Если... если ваше сіятельство позволитъ, то я пойду въ свою комнату. У меня тамъ есть другое лекарство. Я приму его, и мнѣ станетъ лучше.

— Вы дойдете одинъ безъ помощи? вы въ этомъ увѣрены?— спрашивала Фаустина тревожно.

Но онъ пошелъ къ двери, сначала медленно и нетвердо, хотя, быть можетъ, только чувство самосохраненія мѣшало ему бѣжать. Молодая дѣвушка прошла нѣсколько шаговъ за нимъ, боясь, какъ бы онъ опять не упалъ. Но онъ держался на ногахъ и дошелъ до порога. Тамъ онъ сдѣлалъ попытку отпустить низкій поклонъ и пробормоталъ что-то, чего Фаустина не разслышала.

Черезъ секунду онъ исчезъ, и она осталась одна.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ она глядѣла на затворенную дверь, въ которую онъ вышелъ. Затѣмъ покачала головой немного грустно и тихо пошла назадъ въ свою комнату.

„Все это очень странно, но можетъ быть объяснено болѣзнью", думала она. Ей хотѣлось бы посовѣтоваться съ Санъ-Джіачинто, но, хотя по виду она и была съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ и не могла не чувствовать почтенія къ его мужественному характеру,—попытка его разлучить ее съ Гуашемъ съ самаго начала помѣшала однако ихъ сближенію. Она никому не сказала про свиданіе съ Мескини въ библіотекѣ, и никто даже не подозрѣвалъ, что она туда ходила.

XV.

Несмотря на желаніе какъ можно скорѣе покончить съ передачей всего имущества въ руки Санъ-Джіачинто, старикъ Сарачинеска убѣдился, что въ одну недѣлю съ этимъ не справиться, какъ онъ воображалъ.

Очень сложной операціей являлось отдѣленіе его личнаго имущества отъ того, какое его кузенъ унаслѣдовалъ бы отъ ихъ прапрадѣда.

Значительная часть настоящаго богатства Сарачинески происходила отъ приданаго, какое приносили съ собой женщины,

Digitized by Google

вступившія въ семью путемъ брака. Но Сарачинески были люди аккуратные, и приходо-расходныя книги велись съ величайшей точностью въ продолженіе нѣсколькихъ поколѣній—фактъ, который можно встрѣтить лишь въ большихъ римскихъ семьяхъ, и который, чего добраго, замѣчательнѣе того, что можно видѣть аналогичнаго въ современныхъ дѣловыхъ фирмахъ.

Благодаря настойчивости и при помощи многочисленнаго персонала счетчиковъ, нотаріусамъ удалось подготовить довольно удовлетворительный разсчетъ въ продолженіе двухъ недѣль, и обѣ стороны рѣшили признать его окончательнымъ.

Собраніе, на которомъ должна была произойти ликвидація, назначено было на субботу, двѣ недѣли спустя послѣ убійства князя Монтеварки. Вопросъ былъ только въ томъ, гдѣ произойти этому собранію.

Старикъ Сарачинеска предложилъ, чтобы Санъ-Джіачинто и нотаріусы пріѣхали во дворецъ Сарачинески. Онъ готовъ былъ до конца выдержать тяжелый искусъ и даже передать лично инвентарь дома, гдѣ родился. Безграничное мужество и, можно сказать, прямодушіе поддержали бы его, какъ бы ни было это непріятно ему, но Санъ-Джіачинто отказался отъ этого предложенія.

Онъ неоднократно повторялъ, что желаетъ, чтобы старикъ князь до конца жизни проживалъ во дворцѣ Сарачинески, и что готовъ употребить всѣ усилія, чтобы онъ удержалъ за собой титулъ. Оба эти предложенія были отвергнуты.

Но что касается того, чтобы собраніе состоялось во дворцѣ, тутъ уже Санъ-Джіачинто оказалъ упорное сопротивленіе. Онъ ни за что не хотѣлъ появиться въ роли завоевателя, приходящаго завладѣть своей добычей.

Жена его не раздѣляла этихъ великодушныхъ чувствъ. Она хотѣла бы воспользоваться своимъ торжествомъ въ полной мѣрѣ, такъ какъ была очень честолюбива и притомъ не любила Сарачинесковъ. Какъ она увѣряла, она чувствовала, когда бывала въ ихъ обществѣ, отъ старика князя до Короны включительно, что они смотрятъ на нее какъ на очень легкомысленную молодую особу.

Такимъ образомъ Санъ-Джіачинто дѣйствовалъ по личной иниціативѣ, и если требуется объясненіе для его поведенія, то его слѣдуетъ искать въ природномъ великодушіи и чувствѣ собственнаго достоинства, отличавшемъ его даже тогда, когда онъ еще стоялъ на низшей общественной ступени. Онъ отнюдь не былъ типомъ безупречнаго нобльмена: поведеніе его въ дѣлѣ

Digitized by Google

Гуаша и Фаустины это доказываетъ. Онъ поступалъ по своему крайнему разумѣнію и не стыдился дѣлать вещи, которыя его кузенъ Джіованни назвалъ бы низкими. Но при всемъ томъ онъ былъ мужественный человѣкъ, и если часть его достоинства можно приписать колоссальному росту и непобѣдимой силѣ воли, то въ нѣкоторой мѣрѣ она проистекала также отъ добраго сердца и врожденнаго чувства справедливости.

До сихъ поръ въ его образѣ дѣйствія, послѣ того какъ онъ пріѣхалъ въ Римъ, не было ничего безчестнаго. Онъ пріобрѣлъ состояніе, которое позволило ему занять мѣсто, по праву ему принадлежавшее.

Ему понравилась Флавія, и онъ торговался съ отцомъ изъ-за приданаго, но зато съ буквальной точностью выполнилъ и свои обязательства. Онъ не выдавалъ себя за такого человѣка, какимъ не былъ, и не злоупотреблялъ преимуществами своего положенія.

Въ дѣлѣ процесса онъ былъ жертвой обмана со стороны старика Монтеварки и былъ вполнѣ убѣжденъ, что представляетъ собой старшую отрасль фамиліи. Трудно представить себѣ. чтобы человѣкъ въ его положеніи велъ себя скромнѣе, и теперь, при окончательной разверсткѣ, единственной его заботой было какъ можно меньше причинить униженія своимъ обездоленнымъ родственникамъ. Пойти въ ихъ домъ—значило разыграть въ нѣкоторомъ родѣ роль судебнаго пристава. Допустить ихъ прибыть въ его жилище—значило заставить ихъ идти въ Каноссу.

Палаццо Монтеварки былъ нейтральной почвой, и онъ предложилъ, чтобы всѣ формальности совершены были тамъ. Сарачинески охотно согласились, и назначенный день наступилъ.

Нотаріусы явились въ десять часовъ утра, въ сопровожденіи клерковъ, нагруженныхъ книгами, инвентарями и свитками манускриптовъ.

Мѣстомъ собранія выбранъ былъ кабинетъ, частью потому, что онъ былъ въ сторонѣ отъ остальныхъ покоевъ, частью оттого, что въ немъ стоялъ громадный столъ, на которомъ можно было сложить и провѣрить объемистые документы.

Самъ Санъ-Джіачинто дожидался пріѣзда Сарачинесковъ въ большой пріемной комнатѣ. Онъ удалилъ жену, потому что вовсе не былъ такъ спокоенъ, какъ казался, и ея болтовня мѣшала ему. Онъ расхаживалъ по комнатѣ большими, размѣренными шагами, высоко держа голову и заложивъ руки за спину, по временамъ останавливаясь и прислушиваясь, не идутъ ли тѣ, кого онъ ждалъ. Сегодня былъ великій день въ его жизни. До наступленія вечера онъ уже будетъ княземъ Сарачинеска.

Digitized by Google

Моменты, предшествующіе великому торжеству, всегда мучительны, въ особенности когда человѣкъ давно уже дожидается его. Все равно, хоть онъ и увѣренъ въ результатѣ, но сомнѣнія все-таки одолѣваютъ его. Мало ли что̀ можетъ случиться? возникнетъ какой-нибудь вопросъ—какой, и предвидѣть невозможно, —но который измѣнитъ все дѣло.

Онъ повторялъ себѣ сотни разъ, что неудача немыслима, но это не успокоивало. Непрочность всего земного, непрочность его собственной жизни ясно представлялась ему. Сердце его то сильно билось, то замирало. Въ самый тотъ мигъ, какъ онъ мечталъ о будущемъ, возможность разочарованія мелькала у него въ умѣ. Онъ не могъ бы объяснить этого, но жаждалъ поскорѣе пережить рѣшительную минуту.

Въ жизни Санъ-Джіачинто переходы отъ смиренной и темной доли къ значительному положенію въ обществѣ и къ богатству были такъ быстры, что у него невольно кружилась голова. Впервые послѣ того, какъ покинулъ старое попелище въ Аквилѣ, онъ почувствовалъ, что его какъ будто подмѣнили и онъ вовсе не тотъ, что̀ былъ прежде.

Наконецъ, дверь отворилась, и Сарачинеска, Джіованни и Корона вошли въ комнату. Санъ-Джіачинто былъ удивленъ появленіемъ жены Джіованни на семейномъ совѣтѣ, гдѣ должны были присутствовать одни мужчины, но она объяснила, что пріѣхала провести утро съ Фаустиной, и дождется, пока все будетъ кончено.

Собраніе было отнюдь не дружественное, хотя обѣ стороны считали его неизбѣжнымъ. Если Сарачинеска и чувствовалъ личное недоброжелательство къ Санъ-Джіачинто, то зналъ, что оно неразумно, и, какъ человѣкъ хорошаго тона, не показывалъ его.

Онъ былъ молчаливъ, но вѣжливъ въ обращеніи. Джіованни же, странно сказать, казался совсѣмъ равнодушнымъ къ тому, что̀ происходило.

— Надѣюсь, — сказалъ Санъ-Джіачинто, когда всѣ четверо усѣлись,—что вы согласитесь посмотрѣть на все это какъ на простую формальность. Я уже говорилъ это черезъ посредство моихъ повѣренныхъ, но теперь желаю лично высказать то же самое.

— Извините меня,—отвѣчалъ Сарачинеска,—если я попрошу не обсуждать этого вопроса. Мы цѣнимъ ваше великодушіе, но не считаемъ возможнымъ принять ваше предложеніе.

— Прошу вашего снисхожденія, если не послѣдую вашему желанію,—отвѣчалъ Санъ-Джіачинто.—Если даже вы и отказываетесь отъ всякаго обсужденія, то я никакъ не могу приступить къ дѣлу, не объяснивъ предварительно, чего хочу. Если

Digitized by Google

искъ былъ вполнѣ правильно рѣшенъ судомъ, то рѣшеніе это не вполнѣ справедливо по своимъ послѣдствіямъ. Я не отрицаю — и понимаю, что вы и не ожидаете отъ меня иного образа дѣйствій, — что намѣренъ обезпечить за собой и за своими дѣтьми имущество и личныя привилегіи, отъ которыхъ отказался мой предокъ. Я получилъ то, чего хотѣлъ и на что имѣю право, и благодаренъ вамъ за великодушіе въ томъ отношеніи, что вы не оспаривали иска, противъ котораго могли бы привести много аргументовъ, если не доказательствъ. Разъ дѣло рѣшено по закону, намъ остается только столковаться насчетъ того, какъ наилучше воспользоваться имъ. Лишить васъ вашего имени и дома, въ которомъ вы родились и выросли, значитъ поступить съ вами такъ низко, какъ я неспособенъ.

— Вы не можете лишить насъ того, что намъ не принадлежитъ,—объявилъ Сарачинеска тономъ, который доказывалъ, что онъ не намѣренъ принимать никакихъ подачекъ.

— Я плохой грамматикъ,—отвѣчалъ Санъ-Джіачинто серьезно и безъ всякаго напускного смиренія.—Я воспитывался какъ фермеръ и сталъ трактирщикомъ лишь впослѣдствіи. Я не могу препираться съ вами о значеніи словъ. По моему, я отнимаю у васъ то, что было вашимъ, если не по праву, то потому, что вы этимъ такъ долго пользовались. Я не стану распространяться о своихъ чувствахъ: скажу только, что не приму вашего имени и не переѣду въ вашъ домъ, пока вы живы. Я предлагаю компромиссъ и надѣюсь, что вы его примете.

— Боюсь, что это невозможно. Мое рѣшеніе твердо.

— Я предлагаю, чтобы вы оставались княземъ Сарачинеска, чтобы вы оставили себѣ помѣстье Сарачинески и дворецъ въ Римѣ на все время вашей жизни, которая, надѣюсь, будетъ продолжительна. Послѣ вашей смерти все это отойдетъ къ намъ. Мой кузенъ Джіованни и княгиня Сантъ-Иларіо...

— Зовите меня Короной, если угодно, — сказала вдругъ княгиня.

Глаза ея съ улыбкой были устремлены ему въ лицо.

Оба, старикъ Сарачинеска и Джіованни, поглядѣли на нее съ удивленіемъ. Имъ показалось страннымъ, что она выбрала такой моментъ для короткаго обращенія съ Санъ-Джіачинто. Но въ послѣднее время она стала уважать бывшаго трактирщика и его великодушіе окончательно тронуло ее.

Смуглое лицо Санъ-Джіачинто стало еще темнѣе отъ того, что кровь прилила къ его щекамъ. Корона доставила ему одно

Digitized by Google

изъ первыхъ ощущеній искренней радости, какія ему случилось испытать въ жизни.

— Благодарю васъ,—сказалъ онъ просто.—У васъ у обоихъ есть свои дворцы и вы не такъ сжились съ этимъ домомъ, какъ тотъ, кто прожилъ въ немъ всю жизнь. Вы же,—обратился онъ къ старику князю,—надѣюсь, примете предложеніе, которое не можетъ оскорбить вашего достоинства, а мнѣ доставитъ величайшее удовольствіе.

— Я очень вамъ обязанъ,—отвѣчалъ поспѣшно Сарачинеска. —Вы очень великодушны, но я не могу принять вашего предложенія.

— Если вамъ кажется, что вы принимаете отъ меня одолженіе, то взгляните на это съ другой точки зрѣнія, а именно: вы не одолженіе принимаете, а оказываете мнѣ милость. Вникните, какое будетъ мое положеніе, когда я займу ваше мѣсто. Вѣдь оно будетъ не изъ пріятныхъ. Свѣтъ будетъ страшно ругать меня и говорить, что я отвратительно поступилъ съ вами. Неужели вы думаете, что во мнѣ признаютъ вашего преемника, князя Сарачинеска? Неужели вы думаете, что обстоятельства моей жизни неизвѣстны и что надо мной не посмѣются за спиной, какъ надъ выскочкой? У меня немного знакомыхъ въ Римѣ, а друзей, кромѣ васъ, никого. Пожалуйста вникните въ то, что, поступивъ такъ, какъ я васъ прошу, вы спасете меня отъ весьма непріятныхъ послѣдствій.

— Я бы сдѣлалъ это въ ущербъ собственному достоинству, —отвѣчалъ твердо старикъ.—Каковы бы ни были для васъ послѣдствія, средства перенести ихъ въ вашихъ рукахъ. У васъ явится завтра же достаточно друзей или, по крайней мѣрѣ, людей, которые охотно будутъ называть себя этимъ именемъ. Они выростутъ сегодня ночью какъ грибы и завтра по утру явятся къ вамъ чисто выбритые и улыбающіеся.

— Я боюсь, что вы меня не понимаете,—сказалъ Санъ-Джіачинто.—Я могу предоставить вамъ одинъ титулъ и взять себѣ другой. Вы будете зваться княземъ Сарачинеска, а я буду Сарачинеска di Санъ-Джіачинто. Что касается дворца и помѣстья, то они такъ незначительны сравнительно съ остальнымъ, что ваше достоинство не можетъ пострадать отъ того, что вы будете въ нихъ жить. Постарайтесь уговорить отца, Джіованни!—обратился онъ къ кузену.

— Вы очень добры, что дѣлаете такое предложеніе,—отвѣчалъ тотъ,—но я могу сказать только одно: я согласенъ съ отцомъ.

Наступило молчаніе и длилось въ продолженіе нѣсколькихъ ми-

Digitized by Google

нуть. Корона глядѣла то на одного, то на другого и думала про себя: чѣмъ-то все это кончится? Она понимала обѣ стороны лучше, чѣмъ онѣ понимали другъ друга. Она сочувствовала отказу мужа и свекра. Принять такое предложеніе—значило стать въ обязательное отношеніе къ Санъ-Джіачинто, какого они не могли перенести и какое раздражало бы ее самое. Съ другой стороны она жалѣла кузена, который, очевидно, желалъ поступить справедливо и великодушно по своимъ понятіямъ и былъ разочарованъ, что его добрыя намѣренія отвергаются. Онъ дѣйствительно очень желалъ этого,—иначе не сталъ бы увѣрять, что проситъ какъ милости принять его предложеніе. Онъ велъ себя такъ просто и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такимъ достоинствомъ, что она не могла не симпатизировать ему. Но она не видѣла, чтобы своимъ вмѣшательствомъ или выраженіемъ своей симпатіи могла измѣнить ходъ вещей.

Сарачинеска первый прервалъ молчаніе. Ему казалось, что все было сказано и что ничего не остается кромѣ того, какъ выполнить необходимыя формальности.

— Не приступить ли къ дѣлу?—спросилъ онъ, какъ бы игнорируя предыдущій разговоръ.—Время идетъ, а намъ предстоитъ не мало занятій.

Санъ-Джіачинто не отвѣчалъ, но всталъ съ серьезнымъ лицомъ и сдѣлалъ жестъ, какъ бы прося показать дорогу въ кабинетъ. Сарачинеска хотѣлъ-было сначала отказаться, но затѣмъ согласился и пошелъ впередъ. Санъ-Джіачинто поджидалъ у двери Корону и Джіованни.

— Я сейчасъ приду къ вамъ,—отвѣчалъ послѣдній.—Я знаю дорогу,—и остался съ женой позади.

Когда они остались вдвоемъ, онъ отвелъ ее къ одному изъ оконъ, какъ бы затѣмъ, чтобы никто не могъ ихъ услышать. Стоя тамъ, онъ взглянулъ ей прямо въ глаза.

— Желала бы ты, чтобы мы приняли такое одолженіе отъ него?—спросилъ онъ.—Скажи правду.

— Нѣтъ,—отвѣчала Корона безъ малѣйшаго колебанія.—Но мнѣ жаль Санъ-Джіачинто. Я думаю, что онъ искренно желаетъ быть справедливымъ и великодушнымъ. Отвѣтъ твоего отца его обидѣлъ.

— Еслибы я думалъ, что тебѣ пріятно будетъ ѣздить въ замокъ Сарачинески, то постарался бы убѣдить отца перемѣнить мнѣніе.

— Неужели?

Она знала, какая это была бы жертва для его гордости.

Digitized by Google

— Да, душа моя. Я бы это сдѣлалъ для тебя.

— Джіованни..., Какъ ты добръ!

— Нѣтъ, я не добръ. Но я люблю тебя, вотъ и все. Попытаться?

— Ни за что! Мнѣ жаль Санъ-Джіачинто, но я не могла бы больше жить въ старомъ домѣ или въ Сарачинеска такъ же, какъ и вы оба. Развѣ я не чувствую все то, что̀ ты чувствуешь, и даже болѣе того?

— Все?

— Все.

Они стояли рука въ руку, глядя въ окно, но на глазахъ у обоихъ были слезы. Пальцы ихъ все крѣпче сжимались, какъ бы подъ вліяніемъ непреодолимой силы. Медленно повернули они другъ къ другу лицо, и губы ихъ слились въ одномъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которые никогда не забываются. Послѣ того Джіованни оставилъ ее. Все было сказано; оба знали, что ничего больше не желаютъ и будутъ отнынѣ всѣмъ другъ для друга, точно добрый ангелъ запечатлѣлъ небесной печатью союзъ ихъ душъ.

Корона не сейчасъ оставила комнату, но простояла нѣсколько мгновеній у окна, прислонясь къ массивной амбразурѣ. Царственная фигура ея слегка сгорбилась, смуглое лицо склонилось на грудь и слезы катились по ея щекамъ. Но въ этихъ слезахъ не было ни капли горечи; напротивъ того, она чувствовала себя въ эту минуту невыразимо счастливой.

И она имѣла къ тому основаніе. Среди бѣдствія, которое поглотило бы все существо большинства мужчинъ, Джіованни думалъ только о ней одной...

Фаустина Монтеварки тихо вошла въ гостиную и, не видя никого, пошла по комнатѣ, пока, наконецъ, не очутилась около Короны въ амбразурѣ окна. Княгиня вздрогнула, увидя, что она не одна.

— Корона!—вскричала молодая дѣвушка:—вы плакали? что̀ случилось?

— О, Фаустина! я такъ счастлива!

Ей пріятно было кому-нибудь высказать это.

— Счастлива?—съ удивленіемъ повторила Фаустина.—Но вы плачете...

— Вы не понимаете, что можно плакать отъ радости?..

— Я бы желала быть на вашемъ мѣстѣ!—печально проговорила молодая дѣвушка:—я бы желала быть счастливой!

— Въ чемъ дѣло, дитя?—спросила мягко Корона.

Digitized by Google

Она подвела Фаустину къ жесткой старинной софѣ, стоявшей на одномъ концѣ громаднаго покоя, и онѣ сѣли рядомъ.

— Въ чемъ дѣло?—повторила она, нѣжно обнимая молодую дѣвушку.

— Вы знаете. Никто не можетъ помочь мнѣ. О, Корона, мы такъ любимъ другъ друга!

— Я знаю, знаю. Но имѣйте терпѣніе. Любовь все превозмогаетъ. Теперь же, при существующихъ обстоятельствахъ...

Она не договорила, но задѣла больное мѣсто въ душѣ Фаустины.

— Это-то и хуже всего,—былъ отвѣтъ.—Я такъ несчастна, потому что знаю, что онъ никогда бы этого не позволилъ... и мнѣ стыдно даже вамъ признаваться въ своей любви... я покажусь вамъ такой безсердечной!

Она спрятала лицо на плечѣ у пріятельницы.

— Никогда, милая Фаустина. Вы не виноваты, что любите. Любовь царитъ надъ міромъ и надъ всѣми нами.

— Но моя любовь не такая, какъ ваша, Корона. Быть можетъ, когда-нибудь и ваша любовь была похожа на мою. Но теперь вы замужемъ, вы счастливы; вы сами только-что это сказали.

— Да, душа моя я счастлива, потому, что люблю очень, очень много. Современемъ и вы будете такъ же счастливы.

— Ахъ! можетъ быть... но... я такая дурная, Корона!

— Вы, дитя! да вы и не знаете, что̀ значитъ быть дурной.

— Нѣтъ, знаю. Мнѣ такъ стыдно, что я едва рѣшаюсь высказать вамъ... но только я привыкла вамъ все говорить, потому что вы мой единственный другъ. Корона... это ужасно... мнѣ кажется, что теперь это возможнѣе, когда его больше нѣтъ въ живыхъ... О! я рада, что сказала вамъ!

Фаустина принялась рыдать такъ отчаянно, какъ будто бы каялась въ какомъ-нибудь ужасномъ преступленіи.

— Вотъ и все?—спросила Корона, улыбаясь невинности дѣвушки и нѣжно прижимая ее къ груди.—Вотъ и все, отъ чего вы чувствуете себя такой несчастной?

— Да... развѣ это не очень... очень дурно?

И новый потокъ слезъ сопровождалъ этотъ вопросъ.

— Быть можетъ, я тоже дурная, но я не считаю это дурнымъ.

— О, нѣтъ! Вы хорошая; я бы желала быть такой, какъ вы.

— Нѣтъ, не желайте. Но сознаюсь, что мнѣ кажется естественнымъ, чтобы вы такъ думали, потому что это правда. Вашъ отецъ, Фаустина, могъ заблуждаться насчетъ вашей судьбы. Еслибы... еслибы онъ остался въ живыхъ, вы могли бы заставить его перемѣнить мнѣніе. Но во всякомъ случаѣ мы можемъ надѣяться,

Digitized by Google

что теперь онъ видитъ вещи болѣе ясно и понимаетъ, какъ ужасно для женщины быть выданной замужъ за человѣка, котораго она не любитъ, и когда она знаетъ навѣрно, что любитъ другого.

— Да, вы мнѣ это говорили. Помните? это было намедни, послѣ того, какъ Флавія наговорила такихъ ужасныхъ вещей. Но это не все, Корона!—проговорила Фаустина, немного помолчавъ. —Онъ писалъ мнѣ, Корона. Очень дурно, что я прочитала его письмо?

Теперь она улыбалась, краснѣя.

— Не думаю, чтобы это было очень дурно,—отвѣчала Корона, нѣжно смѣясь.

Она была такъ счастлива, что дѣвушка, наконецъ, улыбнулась.

— Показать вамъ его письмо?—спросила Фаустина застѣнчиво.

И въ то же время рука ея исчезла въ карманѣ чернаго платья и немедленно затѣмъ вытащила сложенную бумажку, которую, повидимому, она много разъ перечитывала, судя потому, какъ она была измята.

Корона не считала нужнымъ словами выражать свое согласіе, и Фаустина, раскрывъ письмо, подала его ей.

„Когда вы прочтете эти строки, вы поймете, съ какою цѣлью я ихъ пишу, потому что вы понимаете меня и знаете, что все, что̀ я дѣлаю, клонится только къ одной, единственной цѣли. Нѣсколько дней тому назадъ мы еще могли видаться довольно часто. Но ужасное несчастье, постигшее васъ и въ которомъ никто глубже и искреннѣе меня вамъ не сочувствуетъ, положило конецъ нашимъ встрѣчамъ. Мы не можемъ больше видѣться въ церкви; для васъ это показалось бы теперь неуваженіемъ къ памяти отца. Я самъ бы нашелъ это безчестнымъ съ своей стороны и показался бы самому себѣ низкимъ. Вѣдь я просилъ у него вашей руки и получилъ отказъ... не скажу, оскорбительный, но, во всякомъ случаѣ, выражавшій удивленіе къ моей самонадѣянности. Могу ли я воспользоваться его смертью... и его трагической смертью... чтобы добиваться цѣли, которой онъ не можетъ долѣе противиться? Я чувствую, что это было бы дурно. Хотя я не умѣю выразиться такъ, какъ бы хотѣлъ, но вы понимаете меня, потому что думаете такъ же, какъ и я. Можетъ ли быть иначе? вѣдь мы—одна нераздѣльная душа. Да, вы поймете меня, поймете, что я поступаю какъ слѣдуетъ. Я немедленно выѣзжаю изъ Рима. Я не могу жить въ одномъ съ вами городѣ и не видѣть васъ. Но я не могу выйти также изъ зуавовъ въ минуту опасности. Поэтому я отправляюсь въ Витербо, куда меня посылаютъ, благодаря ходатайству одного изъ нашихъ

Digitized by Google

офицеровъ. Тамъ я пробуду до тѣхъ поръ, пока время утолитъ вашу печаль и вернетъ здоровье вашей матери. Къ ней мы обратимся, когда придетъ время. Она не будетъ глуха къ нашимъ мольбамъ и слезамъ. До тѣхъ поръ прощайте! это слово не такъ страшно, какъ кажется, потому что наши души будутъ вмѣстѣ. Я оставляю васъ на короткій срокъ,—нѣтъ! я оставляю ваши чудные глаза, ваше ангельское лицо и ваши прелестныя ручки, которыя обожаю, но васъ самихъ я не оставляю. Я увожу васъ съ собой въ сердцѣ, которое вамъ принадлежитъ, какъ это извѣстно Богу".

Корона внимательно дочитала письмо до конца. Будучи опытнѣе Фаустины, она сначала увидѣла въ немъ первый шагъ къ разрыву, но, подумавъ немного, рѣшила, что это не такъ. То, что онъ говорилъ, было чистѣйшей правдой и вполнѣ согласовалось съ взглядомъ Фаустины на дѣло. Самое серьезное препятствіе къ союзу влюбленныхъ было устранено со смертью князя Монтеварки и было бы непостижимо, еслибы Гуашъ разлюбилъ Фаустину, какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ явилась для него возможность на ней жениться. Кромѣ того, Корона хорошо знала Гуаша и не ошибалась въ оцѣнкѣ его характера. Онъ былъ честенъ до дон-кихотства и вполнѣ способенъ отказаться отъ такого шага, который въ его глазахъ будетъ недобросовѣстнымъ. Принимая во вниманіе оригинальную натуру Фаустины, ея удивительную податливость первымъ впечатлѣніямъ и трогательное невѣденіе зла, было бы легко убѣдить ее бѣжать изъ дому и обвѣнчаться тайкомъ. Она бы такъ же охотно послѣдовала за нимъ на край свѣта, какъ и въ Серристорійскія казармы.

Гуашъ былъ не мальчикъ и, вѣроятно, такъ же хорошо понималъ ея оригинальныя свойства, какъ и всякій другой. Уѣзжая въ настоящую минуту, онъ доказывалъ несомнѣнно свою деликатность и все уваженіе, какое питалъ къ Фаустинѣ и къ идеальному понятію о долгѣ.

Хотя письмо его не было образцомъ литературнаго слога, но нѣкоторыя фразы въ немъ шли прямо изъ сердца. Корона поняла, почему Фаустинѣ оно пришлось по душѣ и почему она съ такой готовностью согласилась на отъѣздъ Гуаша. Она свернула бумажку и подала ее обратно дѣвушкѣ.

— Я рада, что онъ написалъ такое письмо,—сказала она послѣ нѣкотораго молчанія.—Я всегда вѣрила въ него, а теперь... я нахожу, что онъ достоинъ васъ, Фаустина.

Фаустина охватила руками шею Короны и нѣсколько разъ ее поцѣловала.

Digitized by Google

— Я такъ рада, что и вы знаете, какой онъ хорошій!—закричала она.—Я не была бы счастлива, еслибы вы его не любили.

Все утро обѣ пріятельницы просидѣли вдвоемъ въ большой гостиной, разговаривая, какъ умѣютъ разговаривать только женщины, необыкновенно изящно о большихъ пустякахъ или же переходя къ серьезнымъ вопросамъ и не уставая обсуждать ихъ.

Часы протекали, но онѣ не замѣчали, какъ шло время. На часахъ сосѣдней колокольни пробило одиннадцать, двѣнадцать, часъ пополудни, а онѣ все еще не наговорились до-сыта и даже не замѣчали боя часовъ.

День былъ ясный и солнечный свѣтъ лился сквозь высокія окна, извѣщая о времени съ большей точностью, чѣмъ сами часы. Все было тихо и спокойно кругомъ двухъ женщинъ и ничто не мѣшало ихъ бесѣдѣ. А между тѣмъ въ громадномъ зданіи, гдѣ онѣ находились, происходили странныя вещи. Хорошо, что онѣ ихъ не видѣли.

Прежде чѣмъ описывать событія, которыми заключается эта часть этой исторіи, считаю нужнымъ сказать, что Фаустина въ послѣдній разъ появляется въ ней.

Съ точки зрѣнія всѣхъ ея знакомыхъ, ея бракъ съ Гуашемъ представляется совсѣмъ невѣроятнымъ событіемъ.

Если кто потребуетъ отъ меня извиненія въ томъ, что я оставляю читателей въ невѣденіи насчетъ ея судьбы, тому я скажу, что пишу исторію Сарачинески, а не кого другого. Въ этой исторіи есть естественные этапы, на которыхъ позволительно историку и отдохнуть, а также и его читателямъ, если таковые у него найдутся; притомъ же невозможно, чтобы жизнь столькихъ людей такъ совпадала, чтобы можно было переплести ее въ одну общую нить, хотя и несомнѣнно, что рано или поздно всѣ придутъ къ одному и тому же концу.

XVI.

Сцену въ кабинетѣ, гдѣ нотаріусъ читалъ объемистые документы, стоитъ описать.

На одномъ концѣ длиннаго, покрытаго зеленымъ сукномъ, стола, сидѣлъ Санъ-Джіачинто, и его фигура, даже въ то время какъ онъ сидѣлъ, поражала своей массивностью и господствовала надъ всѣми остальными. Трауръ, въ который онъ былъ облеченъ, гармонировалъ съ его черноволосой массивной головой. Выра-

Digitized by Google

женіе его лица было спокойное и задумчивое, безъ всякой тѣни торжества или самодовольства.

Время отъ времени глаза его, глубоко сидѣвшіе въ глазныхъ впадинахъ, обращались вопросительно къ Сарачинескѣ, какъ будто бы онъ желалъ удостовѣриться, что князь согласенъ съ различными пунктами сдѣлки, и хотѣлъ, чтобы онъ, если несогласенъ, высказалъ это теперь, потому что затѣмъ уже будетъ поздно.

На другомъ концѣ стола оба Сарачинески, отецъ и сынъ, сидѣли рядомъ. Большое сходство ихъ другъ съ другомъ явственно выступало при этомъ, несмотря на различіе въ возрастѣ. Хотя черты лица у нихъ были почти тождественныя, но выраженіе совсѣмъ разное.

Сѣдая голова старика и его борода клиномъ какъ будто ходуномъ ходили отъ подавленнаго волненія. Густыя брови были сдвинуты, точно ему стоило большого усилія сдерживать гнѣвъ, и время отъ времени глаза его сердито сверкали.

Онъ сидѣлъ, выпрямившись на стулѣ, какъ будто находился лицомъ къ лицу съ врагомъ, но держалъ руки подъ столомъ, потому что не хотѣлъ, чтобы Санъ-Джіачинто видѣлъ, какъ онѣ дрожали.

Напротивъ того, Джіованни относился ко всей этой процедурѣ съ равнодушіемъ, которое было очень замѣтно. По временамъ онъ взглядывалъ на часы, подавлялъ зѣвоту и разглядывалъ свои ногти съ большимъ интересомъ. Было ясно, что его нимало не занимаетъ тò, чтò происходитъ.

Не легкое дѣло было для старика Сарачинески выслушивать чтеніе документовъ, лишавшихъ его титуловъ и помѣстій въ пользу человѣка, который хотя былъ и родственникъ, но на котораго онъ не могъ не глядѣть какъ на низшаго. Онъ всегда считалъ себя старѣйшимъ представителемъ фамиліи, обязаннымъ по праву рожденія передать сыну всю массу гордыхъ традицій, въ которыхъ онъ выросъ какъ въ своей родной стихіи.

Напротивъ того, Джіованни отличался тѣмъ равнодушіемъ, которое характеризуетъ молодыхъ людей девятнадцатаго столѣтія. Онъ былъ вполнѣ доволенъ своимъ настоящимъ положеніемъ и такъ давно привыкъ зависѣть отъ самого себя и жить на личныя средства, что нисколько не гонялся за тяжелой отвѣтственностью, выпадающей на долю главы знатнаго дома.

Кромѣ того, недавнія событія совсѣмъ измѣнили направленіе его мыслей. Онъ былъ въ своемъ родѣ такъ же счастливъ, какъ и Корона, и зналъ, что истинное счастіе зависитъ не отъ титуловъ и милліоновъ, но отъ чего-то другого. Онъ считалъ всю

Digitized by Google

настоящую процедуру нестерпимо скучной, такъ какъ она мѣшала ему проводить время въ обществѣ жены.

У середины стола сидѣли два нотаріуса, а по ихъ бокамъ четыре клерка; все это были блѣдные люди въ черномъ одѣяніи, гладко выбритые, различныхъ возрастовъ, но съ лицами, носившими отпечатокъ ихъ профессіи. Тотъ, который читалъ документы, былъ въ очкахъ. По временамъ онъ сдвигалъ ихъ на лобъ и взглядывалъ сначала на Санъ-Джіачинто, затѣмъ на князя Сарачинеску, послѣ чего старательно поправлялъ очки на длинномъ носу и продолжалъ чтеніе.

Долгое время это длилось съ монотонностью, отъ которой Джіованни чуть не убѣжалъ изъ комнаты. И дѣйствительно, только крайняя необходимость удерживала его здѣсь.

Наконецъ, дошли до послѣдняго документа. То былъ актъ, по которому возвращались всѣ права первородства Санъ-Джіачинто, въ простой формѣ и краткихъ словахъ вмѣщавшій въ себѣ всѣ предыдущіе документы. Въ немъ говорилось, что Леоне Сарачинеска, „находясь въ здравомъ умѣ и твердой памяти", сынъ покойнаго Джіованни Сарачинески, „котораго Господь да упокоитъ въ селеніи праведныхъ", возвращаетъ обратно по добровольному согласію всѣ тѣ имѣнія, титулы и преимущества, которые онъ наслѣдовалъ непосредственно отъ Джіованни Сарачинески, одиннадцатаго по имени, „котораго Господь да упокоитъ въ селеніи праведныхъ", Джіованни Сарачинескѣ, маркизу ди Санъ-Джіачинто, „въ здравомъ умѣ и твердой памяти", сыну Орсино Сарачинески, девятаго по имени, „котораго Господь" и проч.

Ни одна изъ этихъ освященныхъ обычаемъ фразъ не была пропущена. Нотаріусъ умолкъ, оглядѣлся, поправилъ очки и продолжалъ чтеніе.

Дальше въ документѣ говорилось, что вышеупомянутый Джіованни Сарачинеска, маркизъ ди Санъ-Джіачинто, признаетъ, что получилъ имѣнія, титулы и преимущества обратно и отказывается отъ всякихъ дальнѣйшихъ претензій къ вышеупомянутому Леону Сарачинескѣ и его наслѣдникамъ.

Чтецъ еще разъ пріостановился и затѣмъ внятнымъ голосомъ прочиталъ послѣднія слова:

— „Обѣ благородныя стороны обѣщаютъ касательно настоящей сдѣлки принять ее и хранить нерушимо, на вѣки вѣчные"...

Затѣмъ слѣдовала подпись нотаріуса, свидѣтельствовавшаго, что актъ совершенъ въ его присутствіи, число и годъ. Когда

Digitized by Google

онъ кончилъ читать, то всталъ и положилъ документъ на столъ, чтобы обѣ стороны могли подписать его.

Ни слова не говоря, но съ легкимъ поклономъ, онъ подалъ перо старику Сарачинескѣ. Старикъ отодвинулъ стулъ и пошелъ съ высоко поднятой головой и твердыми шагами подписывать свое отреченіе отъ права первородства. Съ самаго начала онъ призналъ, что право на сторонѣ его кузена, и не таковъ онъ былъ человѣкъ, чтобы поколебаться въ рѣшительную минуту. Его волосы двигались сильнѣе прежняго и глаза бросали молніи, но онъ взялъ перо и подписалъ такимъ же твердымъ почеркомъ, какимъ подписалъ свой брачный контрактъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ. Джіованни глядѣлъ на него съ восхищеніемъ.

Послѣ того Санъ-Джіачинто, вставшій съ мѣста изъ уваженія къ старику, подошелъ и взялъ перо въ свою очередь. Онъ подписалъ свое имя четко и съ росчеркомъ, которымъ какъ будто хотѣлъ подчеркнуть совершившееся.

— Требуются два свидѣтеля,—сказалъ нотаріусъ, среди послѣдовавшаго неловкаго молчанія.—Донъ Джіованни можетъ быть однимъ,—прибавилъ онъ, называя послѣдняго съ точностью законовѣда, единственнымъ именемъ, которое теперь ему принадлежало.

— Одинъ изъ вашихъ клерковъ можетъ быть другимъ свидѣтелемъ,—замѣтилъ Сарачинеска, которому хотѣлось поскорѣе покончить со всѣмъ этимъ.

— Это не въ обычаѣ,—отвѣчалъ нотаріусъ.—Нѣтъ ли кого во дворцѣ? пригласите одного изъ молодыхъ князей.

— Ихъ никого нѣтъ дома,—отвѣчалъ Санъ Джіачинто.—Постойте... есть библіотекарь. Пригоденъ ли онъ, какъ свидѣтель? Онъ долженъ быть въ настоящее время въ библіотекѣ. Почтенный человѣкъ... тридцать лѣтъ служитъ въ домѣ. Если нѣтъ, то можно позвать буфетчика.

— Библіотекарь самое подходящее лицо,—отвѣчалъ нотаріусъ.

— Я сейчасъ приведу его.

И Санъ-Джіачинто вышелъ изъ кабинета въ ту дверь, которая вела въ коридоръ. Слышно было, какъ его тяжелые шаги быстро удалялись. Старикъ Сарачинеска заходилъ по комнатѣ, не въ силахъ будучи скрывать своего нетерпѣнія. Джіованни усѣлся на мѣстѣ и спокойно дожидался, равнодушный до конца.

Арнольдо Мескини находился въ библіотекѣ. Онъ сидѣлъ на обычномъ мѣстѣ, окруженный книгами и письменными принадлежностями, которыя онъ нервно перебиралъ, не пытаясь приняться за работу.

Digitized by Google

Къ счастію для него, никто не обращалъ на него вниманія въ послѣднія двѣ недѣли. Онъ былъ растрепанъ и грязенъ и сгорбился болѣе прежняго. Глаза его были совсѣмъ стеклянные, но по временамъ въ нихъ выражался ужасъ, когда ему казалось, что онъ видитъ что-то страшное, ползущее къ нему по полу или по столу. Куда дѣвались его прежняя респектабельность и смиренный видъ! Растрепанные волосы, растерзанное платье, желтое съ багровыми пятнами лицо, грязныя руки—вся наружность говорила о послѣдней степени паденія.

Но до сихъ поръ никто не замѣчалъ его, такъ какъ онъ пребывалъ или на своемъ чердакѣ, или въ пустынной библіотекѣ, или же въ аптекарской лавкѣ на островѣ св. Варѳоломея. Умъ его почти постоянно находился въ оцѣпенѣніи, когда онъ не спалъ, и только оживлялся страхомъ отъ малѣйшаго повода. Ночью его мучили сны, а днемъ видѣнія, въ которыхъ главную роль игралъ Санъ-Джіачинто. Онъ не видѣлъ его съ того дня, какъ встрѣтился передъ мертвымъ тѣломъ князя, но страхъ, который онъ внушалъ ему, росъ не по днямъ, а по часамъ. Мысль, что этотъ гигантъ сторожитъ его, укоренилась въ его мозгу, и онъ безсиленъ былъ отъ нея отдѣлаться. Энергія его вся ушла подъ вліяніемъ пьянства, и постоянный ужасъ парализировалъ его волю.

Въ это утро онъ, по обыкновенію, вернулся изъ похода къ Ponte Quattra Capi съ запасомъ снотворнаго снадобья въ карманѣ. Онъ сидѣлъ въ креслахъ, сложивъ длинныя руки на книгахъ и на бумагахъ.

Вдругъ онъ привскочилъ на мѣстѣ. Разъ, два, три... да, въ коридорѣ послышались шаги... тяжелые, точно шаги покойнаго князя... но болѣе быстрые... Это шаги Санъ-Джіачинто... ближе, ближе. Рука повернула ручку двери и затѣмъ потрясла ею.

Мескини былъ безпомощенъ. Онъ не могъ ни встать на ноги, ни убѣжать въ другую дверь, ни найти кармана, откуда вынуть оружіе.

Снова ручкой двери потрясли, и затѣмъ густой голосъ, котораго онъ такъ боялся, позвалъ:

— Синьоръ Мескини!

Онъ вскринулъ отъ страха, но всѣ члены его были парализованы. Моментъ спустя страшный трескъ заглушилъ его крики, потому что Санъ-Джіачинто, услышавъ его отчаянные вопли, подумалъ, что съ нимъ случилась какая-нибудь бѣда. Онъ отступилъ на шагъ и затѣмъ всей своей колоссальной фигурой навалился на дверь, которая затрещала, замокъ выскочилъ и дверь отворилась.

Digitized by Google

Въ одинъ мигъ Санъ-Джіачинто очутился около библіотекаря, пытаясь вытащить его изъ-за стола и стащить съ кресла. Онъ думалъ, что съ нимъ припадокъ. Въ дѣйствительности же Мескини обезумѣлъ отъ ужаса.

— Казните смертью, ради самого неба!—вопилъ несчастный, извиваясь въ желѣзныхъ рукахъ, которыя его держали.—Ради Бога! Я все скажу вамъ... не мучайте меня... о! о! только поскорѣе убейте... да, да... я все скажу: я убилъ князя... сжальтесь, сжальтесь, ради Христа!

Руки Санъ-Джіачинто вцѣпились еще крѣпче въ библіотекаря, а лицо его помертвѣло. Онъ приподнялъ Мескини съ кресла и прижалъ его къ стулу, глядя на него глазами, сверкавшими непобѣдимымъ бѣшенствомъ. Для крѣпкаго отъ природы сложенія Мескини не было спасенія въ обморокѣ.

— Вы убили его... зачѣмъ?—спросилъ Санъ-Джіачинто сквозь зубы, съ трудомъ выговаривая слова.

— Ради васъ, ради васъ... о! сжальтесь... не...

— Молчать!—заревѣлъ великанъ голосомъ, который потрясъ своды залы.—Отвѣчайте мнѣ, или я собственными руками оторву вамъ голову! Зачѣмъ вы убили его ради меня?

Мескини весь затрясся, но затѣмъ искаженное лицо его вдругъ стало спокойно. Онъ достигъ того состоянія, которое можно назвать сомнамбулизмомъ страха. Потъ моментально покрылъ все его тѣло и голосъ сталъ едва слышенъ.

— Онъ заставилъ меня поддѣлать документы и не захотѣлъ заплатить мнѣ за нихъ. Тогда я убилъ его.

— Какіе документы?

— Документы, черезъ которые вы стали княземъ Сарачинеска. Если мнѣ не вѣрите, то ступайте въ мою комнату и тамъ въ комодѣ найдете настоящіе. Ключъ въ моемъ правомъ карманѣ.

Онъ не могъ самъ достать ключа, потому что Санъ-Джіачинто крѣпко держалъ его и наблюдалъ за каждымъ движеніемъ. Его лицо было смертельно блѣдно и помертвѣлыя губы крѣпко стиснуты.

— Вы поддѣлали новые документы, а старые не тронули?—спросилъ онъ, безсознательно крѣпче сжимая Мескини, пока тотъ не закричалъ отъ боли.

— Да!—кричалъ онъ.—О! не мучьте меня... скорѣе убейте...

— Идемъ со мной!—сказалъ Санъ-Джіачинто, выпуская его руки и беря за шиворотъ.

Онъ протащилъ его сквозь дверь въ коридоръ. На порогѣ Мескини сталъ биться и пытался вырваться, но это было для

Digitized by Google

него такъ же невозможно, какъ ягненку вырваться изъ когтей орла.

— Идемъ!—ревѣлъ силачъ.—Вы прошли черезъ этотъ коридоръ, чтобы убить его, такъ дорога вамъ знакома.

И быстрымъ движеніемъ правой руки онъ вышвырнулъ негодяя въ коридоръ. Всю дорогу Мескини кричалъ о пощадѣ, громко и пронзительно, но никто его не слышалъ. Стѣны были толстыя, а разстояніе отъ жилыхъ комнатъ очень большое. Но, наконецъ, крики его достигли кабинета.

Сарачинеска, ходившій по комнатѣ, пріостановился. Джіованни вскочилъ съ мѣста. Нотаріусы сидѣли смирно, но испугались. Шумъ все приближался и, наконецъ, дверь распахнулась. Санъ-Джіачинто втащилъ жалкое существо въ комнату и швырнулъ его на полъ, такъ что тотъ свалился у самыхъ ногъ старика князя.

— Вотъ свидѣтель для документовъ!—закричалъ Санъ-Джіачинто, дикимъ голосомъ:—онъ поддѣлалъ ихъ и теперь засвидѣтельствуетъ ихъ въ аду. Онъ убилъ своего господина въ этой самой комнатѣ и здѣсь же покается во всей правдѣ, прежде чѣмъ умретъ. Признавайся, собака! И скорѣе, а не то я вытяну изъ тебя правду!

Онъ толкнулъ ногой жалкое созданіе. Мескини катался по полу, пряча лицо. Тогда громадная ручища схватила его и поставила на ноги, лицомъ къ присутствовавшимъ, которые всѣ поднялись съ мѣстъ и столпились въ молчаливомъ удивленіи.

— Говори!—заревѣлъ Санъ-Джіачинто на ухо Мескини.—Ты еще не умеръ... ты еще поживешь, не безпокойся!

Несчастный снова весь затрясся, затѣмъ сталъ спокоенъ и покоренъ. Все, что онъ видѣлъ въ дикихъ снахъ и галлюцинаціяхъ, теперь осуществилось: мрачный покой, откуда никакіе звуки не доносились до внѣшняго міра, суровые судьи въ черномъ одѣяніи и Санъ-Джіачинто въ роли палача, готовящійся подвергнуть его пыткѣ. Тѣнь смерти пронеслась передъ его глазами.

— Пустите меня сѣсть!—проговорилъ онъ прерывистымъ голосомъ.

Санъ-Джіачинто подвелъ его къ стулу, который всѣ присутствующіе окружили, самъ сталъ у однѣхъ дверей, а кузену предложилъ сторожить другія. Но Арнольдо Мескини и не надѣялся на спасеніе. Часъ его насталъ, и ему это было извѣстно.

— Вы поддѣлали документы, которые представлены были въ судъ вмѣсто настоящихъ. Сознайтесь при этихъ господахъ,—сказалъ Санъ-Джіачинто.

Digitized by Google

— Князь заставилъ меня это сдѣлать,—отвѣтилъ Мескини чуть слышно:—онъ обѣщалъ мнѣ двадцать тысячъ скуди за это.

— Чтобы уплатить... ну, говори все!

— Чтобы уплатить звонкой монетой въ тотъ день, когда приговоръ будетъ произнесенъ.

— Вы пришли къ нему за деньгами?

— Онъ отрекся, что обѣщалъ мнѣ двадцать тысячъ. Я разсердился и убилъ его.

Онъ весь содрогнулся съ головы до ногъ.

— Вы задушили его носовымъ платкомъ?

— Да, платкомъ донны Фаустины. Князь бросилъ его на полъ, когда прибилъ ее. Я видѣлъ ихъ ссору. Я ждалъ у дверей денегъ и наблюдалъ за ними.

— Вы знаете, что васъ ожидаетъ смерть? Гдѣ подлинные документы?

— Я говорилъ вамъ... въ комодѣ въ моей комнатѣ. Вотъ и ключъ. Только... ради самого Бога!

Присутствіе духа опять измѣнило ему. Быть можетъ, по привычкѣ прежнихъ дней онъ почувствовалъ потребность выпить водки въ этотъ роковой мигъ, потому что рука его опустилась въ карманъ. Вмѣсто бутылки, онъ нащупалъ холодную сталь пистолета, про который совсѣмъ позабылъ.

Санъ-Джіачинто обратился къ нотаріусу.

— Что, достаточно этого показанія, чтобы предать этого человѣка суду?

Но прежде чѣмъ нотаріусъ успѣлъ отвѣтить, голосъ Мескини раздался уже не слабый и разбитый, но громкій и торжествующій:

— Достаточно! достаточно!—закричалъ онъ съ внезапнымъ оживленіемъ.—Я все разсказалъ. Документы будутъ говорить сами за себя. Ахъ! вы лучше бы сдѣлали, еслибы оставили меня среди моихъ книгъ!

Онъ обратился къ Санъ-Джіачинто.

— Не бывать вамъ княземъ Сарачинеска! Но я ускользну отъ васъ. Вы не будете томить меня медленной смертью... не будете... не будете!

Санъ-Джіачинто шагнулъ-было къ нему. Приближеніе человѣка, внушавшаго ему такой унизительный страхъ, положило конецъ его колебаніямъ.

— Не будете!—завопилъ онъ.—Но кровь моя на васъ...

Три оглушительныхъ выстрѣла раздались въ комнатѣ одинъ за другимъ, и Арнольдо Мескини бездыханный повалился на полъ.

Digitized by Google

Въ комнатѣ нѣкоторое время царствовало безмолвіе. Затѣмъ Санъ-Джіачинто подошелъ и наклонился надъ трупомъ, между тѣмъ какъ нотаріусы и клерки забились въ уголъ. Сарачинеска и Джіованни стояли рядомъ серьезные и безгласные, какъ подобаетъ храбрымъ людямъ, присутствующимъ при ужасномъ зрѣлищѣ и невластнымъ что-либо измѣнить. Мескини былъ мертвъ. Когда Санъ-Джіачинто убѣдился въ этомъ фактѣ, онъ поднялъ голову. Всякій слѣдъ бѣшенства исчезъ съ его лица.

— Онъ мертвъ,—спокойно сказалъ онъ.—Вы всѣ это видѣли. Вамъ придется засвидѣтельствовать это передъ полиціей, которая сейчасъ сюда явится. Будьте такъ добры отворить дверь.

Онъ осторожно взялъ трупъ на руки, но съ такой легкостью, что удивилъ тѣхъ, кто наблюдалъ за нимъ. Джіованни растворилъ дверь, и Санъ-Джіачинто осторожно сложилъ свою ношу на полъ коридора. Затѣмъ вернулся въ кабинетъ.

Среди мертвой тишины, Санъ-Джіачинто подошелъ къ столу, гдѣ лежалъ документъ, такъ и не подписанный вторымъ свидѣтелемъ. Онъ взялъ его въ руки и обратился къ Сарачинескѣ. Ему не надо было оправдываться отъ обвиненія въ соучастничествѣ въ ужасной поддѣлкѣ, подготовленной Монтеварки передъ смертью. Никому изъ присутствующихъ и въ голову не приходило его заподозривать. Ясно, что онъ не привелъ бы Мескини и не заставилъ бы его сознаться въ своемъ преступленіи, еслибы участвовалъ въ немъ.

Но въ глазахъ его было такое выраженіе, которое лучше всякихъ словъ говорило о его невинности. Онъ подалъ документъ Сарачинескѣ.

— Желаете сохранить его на память?—спросилъ онъ.—Или же мнѣ разорвать его въ вашемъ присутствіи?

Голосъ его нисколько не дрожалъ, лицо не было разстроено. Джіованни, какъ самъ великодушный человѣкъ, дивился, могъ ли бы онъ мужественнѣе перенести такой ударъ, чѣмъ его трактирщикъ кузенъ.

Надежды на величіе, почести, колоссальное богатство—все было убито въ тотъ самый мигъ, когда, казалось, готово было осуществиться.

И однако, человѣкъ, претерпѣвшій такое крушеніе, стоялъ передъ ними, по виду безусловно спокойный. И, въ сущности, онъ былъ хладнокровнѣе ихъ всѣхъ.

— Разорвать его?—снова спросилъ онъ, держа документъ въ рукахъ.

Тутъ старикъ князь заговорилъ:

Digitized by Google

— Дѣлайте съ нимъ что̀ хотите. Но дайте мнѣ пожать вашу руку: вы храбрѣе меня.

Оба поглядѣли другъ другу въ глаза, когда жали руки.

— Это не послѣдняя сдѣлка между нами,—продолжалъ Сарачинеска.—Вы будете вознаграждены.

— Нѣсколько часовъ тому назадъ вы отказались отъ всякаго вознагражденія... Прикажете повторить ваши же собственныя слова?

— Хорошо, хорошо, мы объ этомъ поговоримъ позже. Теперь у насъ много дѣла на рукахъ. Трупъ лежитъ за дверями. Надо имъ заняться и послать за полиціей. Джіованни, ступай и сообщи обо всемъ Коронѣ. Она, должно быть, еще здѣсь въ домѣ.

Джіованни не заставилъ повторить себѣ этого два раза. Онъ пошелъ въ гостиную, гдѣ Корона все еще сидѣла съ Фаустиной на софѣ.

Должно быть, лицо его было блѣдно, потому что Корона съ тревогой поглядѣла на него.

— Что-нибудь случилось?—спросила она.

— Да, и очень непріятное,—отвѣчалъ онъ, глядя на Фаустину.—Мескини, библіотекарь, только-что умеръ скоропостижно въ кабинетѣ, гдѣ мы всѣ находились.

— Мескини? — вскричала Фаустина съ удивленіемъ и не безъ тревоги.

— Да. У васъ нервы крѣпки, донна Фаустина? Могу я сообщить нѣчто поразительное?

— Да... что̀ такое?

— Мескини сознался при всѣхъ, что онъ былъ причиной... короче говоря, онъ убилъ вашего отца. И прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ остановить его,—застрѣлился. Это ужасно!

Фаустина вскрикнула и опустилась на стулъ. Джіованни же отвелъ жену къ окну:

— Корона... я еще не все сказалъ. Мескини поддѣлалъ документы, въ силу которыхъ наше имущество отходило къ Санъ-Джіачинто. Монтеварки обѣщалъ ему двадцать тысячъ скуди за эту штуку. Мескини убилъ его за то, что онъ не сдержалъ слова и не хотѣлъ уплатить ему этихъ денегъ. Поняла?

— Значитъ, ты сохранишь всѣ свои права и преимущества?

— Да... но мы должны вознаградить Санъ-Джіачинто. Онъ велъ себя какъ герой. Онъ все открылъ и заставилъ Мескини сознаться. Когда онъ узналъ истину, ни одинъ мускулъ его лица не дрогнулъ, и онъ предложилъ отцу взять на память документъ, который тотъ только-что подписалъ.

— Если такъ, то онъ ничего не возьметъ, также какъ и

Digitized by Google

ты и твой отецъ. Но все это вѣрно, Джіованни? никакой ошибки быть не можетъ?

— Нѣтъ, вполнѣ вѣрно. Настоящіе документы находятся здѣсь въ домѣ.

— Я рада за тебя. Тебѣ трудно было бы перенести.

— Послѣ сегодняшняго утра? послѣ того дня, какой мы провели въ тюрьмѣ святой инквизиціи?—сказалъ Джіованни, глядя въ великолѣпные глаза жены.—Развѣ можетъ быть что-либо для меня труднымъ, когда ты любишь меня!

— О, милый! мнѣ хотѣлось услышать это отъ тебя.

И голова ея склонилась къ нему на плечо.

Тутъ оканчивается второй актъ исторіи Сарачинески. Прослѣдить далѣе ихъ исторію значило бы вступить въ совершенно новый рядъ событій, которыя сами по себѣ не такъ, быть можетъ, необыкновенны, но достойны описанія, потому что обнимаютъ собою тотъ періодъ времени, когда Римъ и римляне начали преобразовываться на новый ладъ. Во всѣхъ событіяхъ, какъ политическихъ, такъ и общественныхъ, которыя затѣмъ воспослѣдовали, Сарачинески играли роль: они участвовали и въ вихрѣ удовольствій, который по многимъ причинамъ происходилъ зимою, когда созванъ былъ вселенскій соборъ, и въ паденіи свѣтской власти папы, и въ общественной смутѣ, которая наступила вслѣдъ за давно ожидаемой катастрофой и которая быстрыми этапами привела къ современному положенію вещей.

А. Э.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ

— Русская Старина, 1888—89.
— Русскій Архивъ, 1888—89.
— Историческій Вѣстникъ, 1888—89.

I.

Въ прежнее время историческіе писатели и преподаватели науки любили говорить о „пользѣ" исторіи: она просвѣщала умъ и учила любви къ отечеству и добродѣтели. Впослѣдствіи, когда изученіе исторіи перешло съ псевдо-классической почвы нравоученія и занимательности повѣствованія на почву чисто-научную, гдѣ оно направлено было на изслѣдованіе историческаго процесса, безъ всякихъ соображеній о практической назидательности, вопросъ о полезности науки стали считать не только излишнимъ, но ложнымъ. Наука считалась сама себѣ цѣлью. И дѣйствительно, поставленная въ ея основныхъ задачахъ и критическихъ требованіяхъ, наука не можетъ руководиться практическими цѣлями, которыя, въ концѣ концовъ, принятыя буквально, могли бы даже нарушать или совсѣмъ устранять ея строгій, правильный ходъ. Наука ищетъ только истины, и въ исторіи она должна установлять эти истины совершенно независимо отъ того, будутъ нравиться или не нравиться намъ ея выводы, сочтемъ ли мы ихъ полезными или неполезными для нашихъ практическихъ цѣлей въ настоящую минуту. Исторія въ этомъ отношеніи, собственно говоря, должна быть понимаема такъ же, какъ всякая иная наука, какъ физика или химія: она должна собрать факты, распредѣлить ихъ на категоріи, изучить ихъ соотношенія, опредѣлить ихъ видоизмѣненія во времени и ихъ всевозможныя комбинаціи и затѣмъ установить результатъ для данной эпохи. „Без-

Digitized by Google

пристрастіе" историка должно заключаться именно въ томъ, что въ этомъ анализѣ историческихъ явленій онъ долженъ руководиться только требованіями научной критики, устраняя не только личные, но и національные вкусы, привычки и притязанія.

На дѣлѣ, достиженіе этой возвышенной точки зрѣнія бываетъ, однако, чрезвычайно трудно. Самъ историческій писатель, какъ бы глубоко ни проникался онъ философскимъ понятіемъ о значеніи своей науки, такимъ множествомъ нитей связанъ съ условіями данной минуты, съ характеромъ своего общества и народа, что въ немъ неизбѣжно будетъ отражаться совокупность всѣхъ тѣхъ особенностей его собственной личности, которыя даны природой его страны, его племенемъ, государствомъ, обычаями и преданіями, среди которыхъ онъ выросъ. И здѣсь начинается то радикальное различіе исторіи (какъ и другихъ параллельныхъ съ нею наукъ о человѣческомъ обществѣ) отъ другихъ наукъ, которое обозначаютъ какъ различіе наукъ точныхъ и наукъ нравственныхъ. За этими послѣдними вообще не признается та абсолютная строгость, какая считается необходимой и достижимой для наукъ какъ математика и естествознаніе. Натуралисты и математики смотрятъ на науки нравственныя даже съ пренебреженіемъ, какъ на науки мнимыя, неспособныя къ строгому методу и изслѣдованію. Въ настоящемъ положеніи нравственныхъ наукъ это остается справедливымъ; но, собственно говоря, это различіе не простирается на самую ихъ сущность. Науки нравственныя, въ томъ числѣ и исторія, отличаются чрезвычайною сложностью: включая въ себѣ элементы естествознанія (въ антропологіи и психо-физіологіи), онѣ заключаютъ въ себѣ и изслѣдованіе внутренней жизни отдѣльнаго человѣка и цѣлыхъ народовъ. Ихъ задача, въ этомъ широкомъ объемѣ, едва намѣчается только въ послѣднее время: только теперь начинаетъ выработываться методъ изслѣдованія и только теперь въ смыслѣ этого метода начинаетъ подбираться матеріалъ. Если труды естествознанія лишь въ недавнее время становятся на настоящую дорогу точнаго изслѣдованія, хотя наблюденія природы начаты уже на самыхъ первыхъ порахъ пробужденія человѣческой мысли, то не удивительно, что труды наукъ нравственныхъ, начатые, во многихъ отрасляхъ, едва съ прошлаго столѣтія или только нѣсколько десятилѣтій тому назадъ (какъ политическая экономія, статистика, антропологія, изслѣдованія соціологическія, филологія, археологія быта и др.), не представляютъ до сихъ поръ ничего, что̀ могло бы равняться съ естествознаніемъ, не говоря о математикѣ, по точности изслѣдованія. Къ трудности работы въ наукахъ нрав-

Digitized by Google

ственныхъ присоединяется то чрезвычайно важное обстоятельство, что громадная масса фактовъ совсѣмъ ускользаетъ отъ опредѣленія (отсутствіе свѣденій объ отдаленныхъ временахъ за исчезновеніемъ памятниковъ; трудность, почти невозможность, уловить сложные колеблющіеся факты настоящаго); но въ тѣхъ областяхъ, гдѣ изслѣдованіе остается возможнымъ, наука стремится, по крайней мѣрѣ, точно опредѣлить данныя и извлечь изъ нихъ законы развитія, *законы историческіе*. Это послѣднее и составляетъ настоящую задачу науки, и справедливая оцѣнка новѣйшихъ успѣховъ нравственныхъ наукъ должна признать, что въ этомъ направленіи усилія науки не были безплодны, что она уже въ настоящее время намѣтила многое, что̀ должно представляться закономъ. Понятно, что, насколько выработаны въ настоящее время эти „законы", они еще очень далеки отъ незыблемой строгости точныхъ наукъ, но, по крайней мѣрѣ, найденъ путь, и неполнота этихъ законовъ будетъ зависѣть отъ упомянутыхъ свойствъ трудно уловимаго матеріала.

По обыкновенному опыту ежедневной жизни мы привыкли думать—и на томъ же настаиваетъ извѣстная доля ученыхъ мнѣній, — что данныя формы быта у того или другого народа составляютъ неизбѣжную, фатальную необходимость, происходящую отъ врожденныхъ свойствъ народа, отъ естественныхъ условій его жизни и потому неистребимую никакими усиліями такъ-называемой культуры. Начало національности или, другими словами, начало чисто-племенной, антропологической или физической особности считается своего рода фатумомъ, будто бы разъ на всегда опредѣляющимъ напередъ всю историческую судьбу народа. На этомъ основаніи намъ въ настоящую минуту доказываютъ, что, напримѣръ, русская жизнь должна идти совершенно особнякомъ отъ европейской, что для насъ не только необязательны, но даже непоучительны и абсолютно неприложимы тѣ или другія пріобрѣтенія западнаго просвѣщенія и культуры; намъ доказываютъ, что русская жизнь уже выработала наилучшія формы и не нуждается ни въ какихъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ, и т. п. Отлагая въ сторону тенденціозныя цѣли, внушенныя современными соображеніями, надо сказать, что эта точка зрѣнія даетъ, видимо, того не подозрѣвая, весьма печальные виды на будущее общества и самой національности. Отдѣльный человѣкъ и цѣлая національная масса именно живутъ надеждами на лучшее будущее, на исправленіе тѣхъ или другихъ недостатковъ, которыми страдаетъ настоящее, и этому естественному, человѣчески необходимому, стремленію противопоставляется какая-то не-

Digitized by Google

возможная, противная человѣческой природѣ, неподвижность. Довольно самаго небольшого знакомства съ исторіей, чтобы увѣриться, что такая неподвижность противорѣчила бы всѣмъ фактамъ, извѣстнымъ намъ о судьбѣ народовъ и просвѣщенія. Новѣйшія изслѣдованія не оставляютъ сомнѣній, что древнѣйшія эпохи въ исторіи просвѣщеннѣйшихъ народовъ древняго міра, напримѣръ грековъ, были эпохами крайне грубаго быта, напр. самаго настоящаго каннибальства; по мнимому закону племенного фатализма, высшіе представители греческой мысли и искусства, Сократъ и Платонъ, Софоклъ и Аристофанъ должны были бы остаться людоѣдами. Слѣдуя правилу племенного фатализма, надо было бы отказаться отъ самой исторіи. На дѣлѣ наука указываетъ на нѣчто иное. Человѣческая личность, общество, государство несомнѣнно связаны съ условіями своего физическаго существованія и по инерціи склонны сохранять свое данное положеніе, если тѣ или другія обстоятельства (какъ обособленность или слишкомъ неблагопріятныя условія страны) уединяютъ ихъ отъ сношеній съ другими народами. Исторія даетъ много примѣровъ такого уединеннаго существованія и обыкновенно связанной съ нимъ большей или меньшей неподвижности. Таковы бывали, безъ сомнѣнія, древнѣйшія государства Азіи; таковы были полудикія племена древней Европы; таковы донынѣ дикари Полинезіи или современной Африки; но, съ другой стороны, та же исторія указываетъ, что при первой возможности сношеній между народами, стоявшими даже на самой низкой ступени цивилизаціи, возникаетъ обмѣнъ культурныхъ пріобрѣтеній, а съ другой стороны, въ самой средѣ уединенныхъ народовъ работаетъ собственная мысль, и такимъ образомъ рождается цивилизація, которая затѣмъ стремится все къ большему развитію, распространенію и объединенію. Въ настоящее время успѣхъ въ цивилизаціи становится уже абсолютно невозможнымъ внѣ культурнаго общенія. Далѣе исторія указываетъ, что какъ путемъ собственной работы, путемъ развитія собственныхъ общественныхъ элементовъ и возростающаго знанія, такъ и путемъ сношеній и заимствованій народы теряютъ возможность культурной неподвижности. Всегда и вездѣ старшія поколѣнія убѣждены въ преимуществахъ стараго обычая и преданія, и всегда и вездѣ новыя поколѣнія стремятся въ будущее, ищутъ новизны и нарушаютъ консервативную неподвижность.

„Польза“ исторіи заключается, между прочимъ, въ томъ, что она даетъ обществу то сознаніе историческаго процесса, которое можетъ бросать нѣкоторый свѣтъ и на дальнѣйшій предстоящій

Digitized by Google

путь. Въ исторіи цѣлаго человѣчества и въ исторіи отдѣльнаго народа является не случайный рядъ безсвязныхъ событій, а обширный органическій процессъ, не всегда еще понятный для современной науки, но въ разъясненіи котораго она несомнѣнно дѣлаетъ успѣхи; чтобы убѣдиться въ послѣднемъ, довольно сравнить положеніе исторіографіи сто лѣтъ тому назадъ и теперь. Для общества, гдѣ нѣтъ еще широкой политической жизни и самодѣятельности, эта польза исторіи также не подлежитъ спору. Если въ настоящую минуту онѣ не имѣютъ условій самодѣятельности и въ массѣ лишены пониманія совершающихся событій, то, въ восполненіе этого недостатка, историческое наблюденіе прошедшаго можетъ разъяснить имъ, въ чемъ состояло прежде положеніе народа и государства, какъ обнаруживалось историческое движеніе въ развитіи понятій и учрежденій, въ чемъ сказывались недостатки даннаго быта и какіе пути намѣчала сама исторія для болѣе правильнаго дѣйствія жизненныхъ силъ государства и народа.

То расширеніе нашихъ историческихъ знаній, какое отличаетъ послѣднія десятилѣтія, справедливо привѣтствуется какъ важное пріобрѣтеніе для нашего общественнаго образованія. Въ самомъ дѣлѣ, сравнивъ тотъ крайне скудный запасъ свѣденій, напримѣръ, о XVIII столѣтіи, какой имѣлся въ 40-хъ и даже 60-хъ годахъ, съ тѣмъ, что̀ имѣемъ теперь, нельзя не признать здѣсь два совершенно различныя положенія литературы. Нѣсколько періодическихъ изданій заняты спеціально собираніемъ историческихъ матеріаловъ по прошлому и нынѣшнему вѣку; литература пріобрѣла длинный рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, а иногда по истинѣ драгоцѣнныхъ мемуаровъ изъ прошлаго и нынѣшняго столѣтія, которые бросаютъ яркій свѣтъ на событія, извѣстныя до тѣхъ поръ только по смутнымъ преданіямъ или совсѣмъ забытыя. Въ свое время ничего подобнаго этимъ разсказамъ не являлось и не могло являться въ печати, и можно себѣ представить, какимъ неблагопріятнымъ результатомъ отзывалось это на самыхъ общественныхъ понятіяхъ. Наше общество множество разъ обвиняли въ недостаткѣ сознанія, въ незнаніи вчерашняго дня, въ равнодушіи къ историческому изученію своего прошлаго; но должно быть и справедливымъ: довольно обширное, болѣе или менѣе образованное общество, но разсѣянное у насъ на громадныхъ пространствахъ, лишенное физически нѣсколько близкаго общенія, могло находить это общеніе только въ книгѣ, и опять только книга могла бы замѣнять отсутствіе преподаванія ближайшей и новѣйшей исторіи въ школѣ средней и

Digitized by Google

высшей,—между тѣмъ этой книги не было или она изрѣдка существовала только по немногимъ отдѣламъ исторіи, особливо или даже исключительно по отдѣлу внѣшнихъ войнъ, и притомъ только въ формѣ оффиціальныхъ реляцій. Положеніе было столь странно, что немногія историческія свѣденія, между прочимъ о весьма крупныхъ лицахъ и событіяхъ, существовали по средневѣковому обычаю въ формѣ устнаго преданія—источникъ знанія конечно слишкомъ недостаточный для XIX вѣка. Когда съ прошлаго царствованія открылась возможность коснуться до извѣстной степени самихъ источниковъ историческаго знанія, когда стали появляться въ печати старые и новые архивные документы, старые письма и мемуары, наша историческая литература почти вдругъ получила совершенно новый видъ; въ самомъ обществѣ эта первая возможность вспомнить о старинѣ пробудила къ ней живѣйшій интересъ; стали собираться уцѣлѣвшіе остатки старины, и въ редакціяхъ историческихъ журналовъ составились изъ матеріаловъ, доставленныхъ любителями исторіи, цѣлые обширные архивы, о важности которыхъ можно судить по тому, что̀ является въ печати; въ архивахъ можетъ заключаться даже нѣчто еще болѣе интересное, что̀ должно ожидать времени для своего публикованія. Въ біографіи покойнаго издателя „Кіевской Старины", Лебединцева, приведено письмо его къ одному изъ его сотрудниковъ, гдѣ, разсказывая о трудностяхъ своего предпріятія при его началѣ, онъ надѣется, что ему поможетъ время; также трудно было, по словамъ Лебединцева, въ первые годы положеніе „Русской Старины", у которой однако теперь (1885) собралось матеріала, по крайней мѣрѣ, на десять лѣтъ. Редакція этого послѣдняго изданія дѣлаетъ къ словамъ Лебединцева такое примѣчаніе (въ іюнѣ 1889 года): „Эта истина остается таковою же и въ настоящее время (май 1889 года). Всѣхъ мемуаровъ, воспоминаній, изслѣдованій, очерковъ, замѣтокъ и цѣлыхъ серій матеріаловъ поступило, въ 1870—1889 гг. (по 1 мая), въ распоряженіе „Русской Старины" 6.870 нумеровъ; около половины этихъ сообщеній напечатано; нѣкоторыя же почему-либо возвращены; затѣмъ безъ малаго половина сообщеній признаны нами вполнѣ интересными и совершенно приготовленныя къ печати ожидаютъ времени и мѣста къ появленію на страницахъ „Русской Старины". Вполнѣ вѣрно то, что если бы притокъ мемуаровъ, статей и матеріаловъ внезапно прекратился,—а онъ продолжается ежедневно,—то, не выходя изъ кабинета нашей редакціи, мы могли бы продолжать *лѣтъ двѣнадцать* ежемѣсячный выпускъ книгъ „Русской Старины" въ томъ же объемѣ и столь

Digitized by Google

же интересныхъ по содержанію, какъ то ведется уже двадцать лѣтъ,—такъ богатъ архивъ нашего журнала; это не мѣшаетъ намъ, однако, и просить, и принимать новыя сообщенія, такъ какъ таковыя печатаются не по времени поступленія оныхъ въ редакцію, а по степени интереса и тѣхъ или другихъ соображеній редакціи" [1]). Быть можетъ, еще бо́льшая масса матеріала собралась въ редакціи „Русскаго Архива", и эта масса продолжаетъ постоянно возрастать.

Появляющійся матеріалъ чрезвычайно разнообразенъ: это воспоминанія, опыты историческихъ изложеній, біографіи, письма, замѣтки, литературныя произведенія, которыя не могли въ свое время появиться въ печати, оффиціальные документы, словомъ цѣлый хоръ голосовъ прошлаго и нынѣшняго вѣка, которые не могли быть поданы и услышаны въ свое время. Матеріалы различнаго объема, отъ мемуаровъ, которые являлись потомъ цѣлыми книгами (записки извѣстнаго Андрея Тимоѳеевича Болотова вышли въ четырехъ томахъ мелкой компактной печати) до мелкихъ замѣтокъ и отдѣльныхъ анекдотовъ; лишь немногіе документы этого рода писаны были съ прямою литературною цѣлью; не говоря о письмахъ, которыя совсѣмъ не имѣли въ виду публикаціи, большинство мемуаровъ писаны какъ личныя домашнія воспоминанія, безъ литературной отдѣлки, но зато съ другимъ драгоцѣннымъ качествомъ—простоты и правдивости.

Если прибавить, что кромѣ нѣсколькихъ періодическихъ изданій, посвященныхъ спеціально историческимъ интересамъ, множество историческихъ работъ и матеріаловъ появляется въ изданіяхъ оффиціальныхъ учрежденій и ученыхъ обществъ (Академія наукъ, московское Общество исторіи и древностей, изданія университетовъ, Археологическаго института и архивныхъ коммиссій и пр.), а также въ обыкновенныхъ, не спеціальныхъ журналахъ, и что съ конца прошлаго царствованія дѣйствуетъ Русское Историческое Общество, издавшее съ тѣхъ поръ до 70 большихъ томовъ, посвященныхъ особливо дипломатической исторіи прошлаго вѣка, и, наконецъ, что къ этому прибавляется все возростающее количество отдѣльныхъ историческихъ изслѣдованій, то въ цѣломъ получается громадный запасъ историческихъ источниковъ, ожидающихъ разработки.

Отчасти она и начинается. Въ послѣднее время вышелъ цѣлый рядъ монографій о XVIII и XIX вѣкѣ, особливо жизнеописаній, исполненныхъ иногда съ большою подробностью. Назовемъ

[1]) „Р. Старина", 1889, іюнь, стр. 727.

Digitized by Google

„Семейство Разумовскихъ“, г. Васильчикова; жизнеописаніе кн. Безбородко, Григоровича; жизнь Суворова, г. Петрушевскаго; жизнь цесаревича Павла Петровича, г. Кобеко; жизнь Мордвинова, г. Иконникова; жизнь графа Кисилева, Заблоцкаго, и пр.; далѣе опыты монографій о Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ II, г. Брикнера; о Пугачевскомъ бунтѣ, г. Дубровина; новую монографію Екатерины II, предпринятую въ обширномъ объемѣ г. Бильбасовымъ; исторію крестьянскаго вопроса, В. Семевскаго; обширное изученіе Екатерининской коммиссіи о составленіи новаго уложенія и т. д. Все это важно и любопытно, но очевидно, что остается впереди много задачъ и между прочимъ самыхъ существенныхъ: идетъ пока разработка частностей, но еще мало тронуты, во-первыхъ, цѣлый вопросъ о внутреннемъ развитіи русскаго общества и государства съ Петровской реформы, и, во-вторыхъ, исторія нравовъ. Относительно перваго до сихъ поръ наше общество и литература остаются въ нѣкоторомъ туманѣ, который въ послѣднее время, кажется, еще усиливается. Цѣлые два вѣка исторія нашего государства и образованія шла въ болѣе или менѣе близкихъ связяхъ съ внѣшней политической жизнью западной Европы и съ ея просвѣщеніемъ; полагалось, что эти связи были небезполезны для развитія не только русскаго просвѣщенія, но и самого государства, которое только благодаря имъ могло широко развить національныя силы, пріобрѣсти свои грандіозные размѣры и внѣшнее могущество; полагалось, что только благодаря общенію, хотя и далеко не полному, съ европейскимъ просвѣщеніемъ могла развиться та литература, корифеи которой составляютъ нашу національную гордость, и та наука, съ которой наше общество получаетъ впервые научный аттестатъ зрѣлости. Теперь, вслѣдствіе жалкой путаницы понятій, начинаютъ опять распространять мысль, будто бы національное достоинство должно заключаться въ отрицаніи этого общенія, и придумываются теоріи мнимо-національной философіи, политики и т. п. Нельзя не пожалѣть, что чрезвычайно важный въ общественномъ отношеніи и любопытный въ отношеніи научно-историческомъ вопросъ дѣлается достояніемъ развязной публицистики обскурантовъ вмѣсто того, чтобы вызвать правильное критическое изслѣдованіе. Въ настоящемъ состояніи умовъ въ большой массѣ общества, неумѣвшей разобраться съ тѣми опытами, какіе дало послѣднее время, подобное изслѣдованіе, обнимающее внѣшній политическій ростъ и внутреннее развитіе государства съ одной стороны, а съ другой, жизнь культурную и развитіе просвѣщенія, было бы большой заслугой. Не менѣе любопытно могло бы быть изслѣдованіе дру-

Digitized by Google

гого рода—исторіи нравовъ и обычаевъ со времени Петровской реформы и донынѣ. Дѣлаются попытки и въ этомъ направленіи въ книгахъ, какъ „Старый Петербургъ“ и другіе опыты изображенія нравовъ прошлаго вѣка; но до сихъ поръ эти попытки были весьма недостаточны и, между прочимъ, остается пока очень мало разработаннымъ тотъ историческій матеріалъ, который мы выше указывали и который въ этомъ отношеніи могъ бы также дать многія характерныя черты.

Въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли бы указать нѣсколько новыхъ пріобрѣтеній нашей литературы въ этомъ отношеніи. Эти пріобрѣтенія относятся въ особенности къ временамъ имп. Екатерины II и позднѣйшимъ; болѣе раннему времени принадлежитъ лишь немногое. Историческій матеріалъ въ видѣ мемуаровъ или переписки за Петровское время былъ вообще не такъ обширенъ, какъ мы находимъ его впослѣдствіи, и это было, конечно, не случайно. Прежде всего, было еще слишкомъ мало людей образованныхъ, или нѣсколько грамотныхъ, а тѣмъ, которые были полуграмотны (не говоря о совсѣмъ безграмотныхъ), не было, разумѣется, охоты вести какія-нибудь продолжительныя корреспонденціи, а тѣмъ менѣе писать записки и воспоминанія. Тѣ немногія записки, какія остались отъ Петровскаго времени, носятъ обыкновенно свой особый отпечатокъ—именно непривычки излагать свои мысли, а вмѣстѣ недостатка самаго пониманія историческаго интереса. Нѣсколько позднѣе, уже во времена Елизаветы, а особливо Екатерины II, мы находимъ нѣчто иное. Въ обществѣ стало больше образованія: начинается болѣе сознательное отношеніе къ происходящимъ событіямъ; рядомъ съ общественно-политическимъ интересомъ, какой нѣкогда Петръ старался распространять своими реляціями, вѣдомостями, рѣчами, позднѣйшіе опыты мемуаровъ свидѣтельствуютъ и о большемъ развитіи сознанія личнаго. Мемуары временъ Екатерины II имѣютъ уже выработанную форму произведеній этого рода: писатель не ведетъ только, какъ бывало прежде, случайную лѣтопись отрывочныхъ происшествій; напротивъ, онъ сознаетъ себя членомъ своего общества; принимаясь за перо, онъ разсказываетъ не только свои личныя приключенія, но даетъ и черты нравовъ общества, среди котораго ему приходилось жить и дѣйствовать. Таковы, напримѣръ, уже записки Болотова, начатыя со временъ Семилѣтней войны (и доведенныя потомъ до начала XIX-го столѣтія) и затѣмъ многочисленныхъ писателей мемуаровъ во времена Екатерины, какъ Добрынинъ, Гарновскій, Винскій и пр. Историческій интересъ событій для нихъ уже совер-

Digitized by Google

шенно ясенъ и они чувствуютъ, что ихъ собственныя приключенія, разсказъ о видѣнномъ и слышанномъ, будутъ важны и любопытны для потомства не ради ихъ собственной особы, а ради историческаго значенія цѣлой эпохи, для описанія которой они послужатъ своими частными извѣстіями. По литературному складу мемуаровъ можно положительно слѣдить за развитіемъ общественнаго чувства.

Самыя старыя изъ записокъ, на которыхъ мы здѣсь остановимся,—записки князя Юрія Владиміровича Долгорукова (1740—1830). Это—еще записки стараго типа, разсказъ почти только о личныхъ приключеніяхъ, довольно отрывочный, безъ всякаго освѣщенія тѣхъ общихъ событій, въ которыхъ складывалась собственная біографія писавшаго, и оттого иногда и не совсѣмъ ясный. Юрій Вл. Долгорукій былъ настоящимъ героемъ знаменитаго Чесменскаго боя и записки его, въ рукописи, были давно извѣстны: ими пользовался Бантышъ-Каменскій въ біографіи Долгорукаго, въ извѣстномъ „Словарѣ достопамятныхъ людей", но въ полномъ составѣ онѣ никогда не были напечатаны. Карьера Долгорукаго была спеціально военная и частью дипломатическая. Онъ началъ службу участіемъ въ Семилѣтней войнѣ, въ 1769 году былъ посланъ въ южно-славянскія земли, именно въ Черногорію, гдѣ низложилъ самозванца Степана Малаго, называвшаго себя Петромъ III, а потомъ, выѣзжая оттуда, поставилъ того же Степана правителемъ Черной Горы. Затѣмъ онъ принималъ участіе въ турецкой войнѣ, гдѣ, какъ упомянуто, ему вмѣстѣ съ адмираломъ Грейгомъ едва ли не принадлежала главная заслуга успѣха русскаго флота. Онъ участвовалъ потомъ въ русско-турецкихъ войнахъ 1773—1774 и 1787—1791. Записки Долгорукаго написаны, кажется, только для домашней памяти: въ началѣ ихъ онъ обращается именно къ своей дочери. По своему складу и по самой біографіи онѣ весьма характерны для половины XVIII-го вѣка. Нравы отличались еще большой патріархальностью, и даже въ высшей аристократіи, къ которой Долгорукій принадлежалъ, образованіе было скудное и случайное: люди даже этого круга нерѣдко вступали въ жизнь безъ какой-нибудь правильной подготовки въ образованіи и учились въ школѣ жизни; понятно, что многіе въ этихъ условіяхъ оставались заурядными людьми своего вѣка, а съ другой стороны этотъ примѣръ, какъ множество другихъ подобныхъ, указываетъ, что говорить о вліяніи Запада, отрывавшаго людей прошлаго вѣка отъ почвы, надо съ осторожностью, чтобы не впасть въ грубую и даже смѣшную ошибку. Исторія, столкнув-

Digitized by Google

шая насъ съ Европой въ началѣ прошлаго вѣка, шла, конечно, своимъ путемъ, но непосредственное воздѣйствіе Запада на умы было чрезвычайно медленное и ограниченное, и люди, которые, повидимому, должны бы были въ особенности испытывать это воздѣйствіе, напротивъ, въ гораздо большей степени жили массой стараго обычая и преданія, которыхъ не могла вдругъ истребить реформа. Въ запискахъ Долгорукаго прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе самый языкъ: это оригинальная смѣсь обыкновеннаго разговорнаго языка тѣхъ временъ, въ которомъ намъ бросится теперь въ глаза извѣстная доля простонародности, и языка служебнаго, канцелярскаго, съ неловкими книжными оборотами, а также съ иностранными словами. Во всѣхъ отношеніяхъ получается впечатлѣніе переходной эпохи, смѣшенія старыхъ и новыхъ нравовъ, полуобразованія и неустановившагося литературнаго или письменнаго языка.

Долгорукій росъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ, который былъ старше его на два года.

„*Прежи* нежели что нибудь могъ понимать, братъ мой оказывалъ ко мнѣ *привязанную дружбу*, *кой часъ* я что либо сталъ понимать, тѣмъ же образомъ ему соотвѣтствовалъ. Сія дружба до послѣдняго часа его жизни не премѣнялась, такъ что къ удивленію всеобщему служила. Къ сему можно добавить, что жены наши *не только* сіе (не) *разрушали*, но ежели бы возможность, еще бы и болѣе усовершили.

„Что касается до воспитанія нашего, признаться долженъ, что всѣ науки, намъ преподаваемыя, были единственно начальныя, но усовершенствованы быть не могли по разнымъ причинамъ частыхъ перемѣнъ учителей и что рано были отъ оныхъ отлучены и такъ сами себѣ *устроили правила*“.

„Устроили правила“, то-есть безъ всякаго чужого руководства выработывали себѣ понятія и взгляды на жизнь, очевидно, подъ внушеніемъ обычая. По разсказу Долгорукаго не совсѣмъ ясно, когда именно онъ началъ дѣйствительную службу: номинально онъ зачисленъ былъ на службу девяти лѣтъ; двѣнадцати лѣтъ онъ имѣлъ аттестатъ инженерной науки, на семнадцатомъ году онъ отправился уже въ походъ въ Семилѣтнюю войну и тогда же получилъ первую рану.

„Въ 749 году въ августѣ мѣсяцѣ насъ обоихъ записали въ унтеръ-офицеры и желанія родителя нашего были, чтобы мы въ сей части достигали добраго достоинства, слѣдственно, начавъ оное въ самомъ младенчествѣ, могли судить о ней въ худѣ и добрѣ. Въ 752 году произвели насъ, по аттестату инженерной

Digitized by Google

науки, въ прапорщики, опредѣливъ къ рижской инженерной чертежной. Въ 754 году досталось намъ въ подпоручики.

„Вскорѣ послѣ сего дядя нашъ родной, князь Сергѣй Петровичъ Долгоруковъ, посланъ былъ въ Царьградъ и, по волѣ нашего родителя, взялъ съ собою моего брата дворяниномъ посольства.

„Въ 756 году родитель мой изъ губернаторовъ назначенъ генералъ-поручикомъ къ арміи. Я былъ опредѣленъ къ нему въ адъютанты капитанскаго чина. Между тѣмъ, война съ Пруссіей начиналась, а родитель мой оставался при прежней должности. По волѣ его и моему желанію, я былъ отправленъ въ 757 году въ армію.

„Въ 757 году въ первомъ сраженіи я былъ раненъ въ голову; въ 758 году блаженной памяти императрица Елизавета Петровна приказала, чтобы всѣхъ бывшихъ въ дѣйствительномъ сраженіи произвесть въ слѣдуемые чины, почему я произведенъ въ маіоры въ семъ году".

Послѣ Цорндорфскаго сраженія Долгорукій уже командуетъ полкомъ.

Такъ рано начиналась тогда жизнь и дѣятельность. Дальнѣйшій разсказъ Долгорукаго состоитъ въ описаніи военныхъ дѣйствій, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Поѣздка въ Черногорію, въ то время производившую на него впечатлѣніе „разбойничьяго гнѣзда", разсказана Долгорукимъ опять только какъ рядъ личныхъ приключеній, безъ всякаго указанія на общее положеніе дѣлъ, на цѣль самого путешествія, такъ что разсказъ остается весьма неяснымъ; этой неясности содѣйствуетъ, между прочимъ, и упомянутая непривычка къ письменному изложенію, обыкновенная у людей чисто практическаго дѣла, не имѣвшихъ правильной школы. Въ такомъ родѣ разсказъ ведется до самаго конца записокъ. Долгорукому пришлось имѣть дѣло съ Орловымъ, Потемкинымъ, Румянцовымъ, но взглядъ Долгорукаго на людей и отношенія высказывается только отрывочными замѣтками, для которыхъ требовался бы комментарій. Записки кончаются вступленіемъ на престолъ императора Павла.

Ко временамъ имп. Екатерины II относятся записки извѣстнаго адмирала Павла Васильевича Чичагова. Изданіе ихъ началось въ „Русской Старинѣ" въ 1886 году и возобновлено было въ 1888. Нѣсколько главъ, здѣсь помѣщенныхъ, не имѣютъ, впрочемъ, общаго интереса, такъ какъ заняты спеціальной исторіей морской войны съ Швеціей 1788—1789 годовъ, гдѣ, между прочимъ, былъ дѣйствующимъ лицомъ адмиралъ Чичаговъ-отецъ. Изъ

Digitized by Google

общихъ свѣденій отмѣтимъ любопытную характеристику упоминаемаго во всѣхъ исторіяхъ той эпохи принца Нассау-Зигена, который, по словамъ Чичагова, былъ не болѣе какъ темная личность и ловкій авантюристъ, считавшійся принцемъ только въ Россіи.

Другія записки изъ того времени, писанныя Александромъ Михайловичемъ Тургеневымъ, также начаты были въ „Русской Старинѣ" еще въ 1885 году и продолжались болѣе или менѣе значительными частями въ послѣдующіе годы. Мы имѣли случай раньше (по поводу начальныхъ главъ) говорить о величайшемъ интересѣ этихъ записокъ, описывающихъ конецъ царствованія Екатерины II, царствованія Павла, Александра I и частью Николая I-го. А. М. Тургеневъ, который умеръ на 92 году уже въ царствованіе Александра II, въ 1863, прошелъ долгое служебное поприще: онъ началъ съ военной службы при Екатеринѣ II, былъ очевидцемъ послѣднихъ дней ея царствованія и вступленія на престолъ императора Павла, вынесъ тяжелую военную службу 1796—1801 годовъ; въ началѣ царствованія Александра I вышелъ въ отставку и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ прослушалъ университетскій курсъ въ Гёттингенѣ; по возвращенію въ Россію, служилъ при Сперанскомъ. Въ 1811 году онъ снова поступилъ въ военную службу, былъ тяжело раненъ подъ Бородинымъ; въ 1814 году вышелъ въ отставку капитаномъ и поступилъ на службу гражданскую, былъ губернаторомъ въ Тобольскѣ и въ Казани, наконецъ, директоромъ медицинскаго департамента.

Въ теченіе своей долгой жизни Тургеневъ имѣлъ случай къ обширному и разнообразному наблюденію русской жизни; кажется, онъ никогда не выступалъ въ литературѣ, но явился чрезвычайно интереснымъ писателемъ въ оставшихся послѣ него запискахъ. Мы указывали ихъ начало, появившееся въ „Русской Старинѣ" 1885 года. Въ прошломъ году напечатано было продолженіе, нѣсколько главъ, относящихся ко временамъ императора Павла. Тургеневъ не успѣлъ дать своимъ запискамъ окончательной обработки. Говоря о нихъ прежде, мы указывали, что есть даже нѣкоторыя противорѣчія, не въ сообщаемыхъ фактахъ прошлаго времени, а въ ихъ исторической оцѣнкѣ: видимо, что въ разное время записаны были разныя впечатлѣнія, которыхъ авторъ не имѣлъ потомъ случая снова пересмотрѣть и свести къ общему выводу. Оказывается теперь, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ записокъ осталось два текста и, напримѣръ, въ изданныхъ теперь главахъ повторяются отчасти тѣ же свѣденія, но приводимыя

Digitized by Google

теперь съ бо́льшими подробностями. Записки писались, вѣроятно, гораздо позднѣе описываемыхъ событій и съ той точки зрѣнія, какая выработалась изъ многихъ опытовъ у просвѣщеннаго автора, который послѣ многихъ лѣтъ службы такъ сильно чувствовалъ необходимость образованія, что уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ (ему было тогда уже за 30) отправился учиться въ Гёттингенъ. Біографическія свѣденія о немъ говорятъ, что Тургеневъ былъ въ числѣ ближайшихъ друзей Жуковскаго, Блудова, князя Вяземскаго, графовъ Строгановыхъ, Канкрина и другихъ видныхъ дѣятелей временъ имп. Александра I и Николая, и былъ глубоко уважаемъ за честность, умъ и горячую любовь къ отечеству. Воспоминанія Тургерева любопытны именно тѣмъ, что онъ разсказываетъ событія и характеризуетъ людей не съ ихъ показной стороны, а въ ихъ, такъ сказать, домашнемъ реальномъ видѣ; многихъ подробностей мы никогда не нашли бы въ исторіи оффиціальной. Свои сужденія Тургеневъ высказываетъ, не колеблясь, въ точныхъ, часто рѣзкихъ выраженіяхъ; быть можетъ, иногда при этомъ онъ ошибается или преувеличиваетъ, но и въ этомъ случаѣ показанія его сохраняютъ важность, какъ впечатлѣніе разумнаго и честнаго наблюдателя отъ переживаемой дѣйствительности.

Его впечатлѣнія отъ временъ Екатерины не совсѣмъ отвѣчаютъ распространенному представленію объ этой эпохѣ: ему слишкомъ бросались въ глаза тягости, лежавшія на народѣ; напримѣръ, упомянувъ о привилегіяхъ, предоставленныхъ тогда дворянству, Тургеневъ приводитъ слова императрицы: „Я въ душѣ республиканка, деспотизма ненавижу. Но для блага народа русскаго абсолютная власть необходима. Вы видѣли на опытѣ, что̀ сдѣлалъ народъ во время Пугачева“,—и затѣмъ Тургеневъ продолжаетъ:

„Окружавшіе Екатерину на это разсужденіе отвѣчали ей: „И премудро, и милостиво, всемилостивѣйшая матушка государыня“.

„Разговоръ этотъ Екатерины, въ кругу царедворцевъ ея слышанный, нѣсколько сотъ разъ ею повторенный, пересказанъ мнѣ бывшимъ камердинеромъ ея, Ф. Е. Секретаревымъ.

„Екатерина никогда не наказывала начальниковъ или постановленныхъ управителей своихъ за притѣсненія и ограбленія народа, т.-е. крестьянъ, котораго именовали въ ея время черный народъ—чернь.

„Губернаторъ тобольскій Денисъ Чичеринъ ужаснѣйшія дѣлалъ варварства въ Сибири; послѣ него генералъ-губернаторъ Якобій грабилъ Сибирь, какъ Батый. Мельгуновъ, генералъ-гу-

Digitized by Google

бернаторъ ярославскій, Воронцовъ—владимірскій и костромской, грабившіе безъ всякой пощады, не были наказаны. Сумасшедшій Каменскій—въ Рязани, глуповатый Ступишинъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ и Пензѣ, Кречетниковъ — въ Тулѣ и Калугѣ, пьяница Воинъ Васильевичъ [1]) Нащокинъ—въ Симбирскѣ, самовольничали, какъ хотѣли, и также безнаказанно".

Онъ разсказываетъ потомъ исторію о сожженіи кабака въ Казани дочерью генералъ-губернатора князя Мещерскаго, которая хотѣла скрыть короткость съ лакеемъ своимъ (въ кабакѣ пировалъ этотъ лакей со своими пріятелями), отчего выгорѣла вся Казань; о невѣроятныхъ дѣяніяхъ другого генералъ-губернатора, Павла Потемкина, который, принявъ на русскій корабль въ Каспійскомъ морѣ низложеннаго персидскаго шаха (императрица обѣщала ему убѣжище въ Астрахани), утопилъ несчастнаго шаха, чтобы завладѣть его сокровищами; передъ утопленіемъ Потемкинъ будто бы велѣлъ сначала отрубить шаху руки. „Не скоро истина сего событія дошла до слуха всемилостивѣйшей Екатерины, — продолжаетъ Тургеневъ,—наказанія явнаго по законамъ Павлу Потемкину не было. Государыня прислала ему съ кабинетъ-курьеромъ рескриптъ.

„Какъ разсказывали тогда, въ рескриптѣ было написано только одно слово: „умри!" Справедливо ли это, или выдумано, сказать утвердительно невозможно. Однако же, П. С. Потемкинъ чрезъ шесть или восемь часовъ послѣ полученія высочайшаго рескрипта дѣйствительно и предѣйствительно изволилъ скончаться и погребенъ въ какомъ-то монастырѣ въ Москвѣ. Проповѣдникъ въ надгробномъ словѣ превознесъ усопшаго болярина похвалами паче всѣхъ земнородныхъ сыновъ человѣческихъ. Но хвалилъ не даромъ: пятью стами рублями благодарили благовѣстителя. Рой поэтовъ исписалъ также цѣлую стопу бумаги стихами всѣхъ размѣровъ, хваля Павла Потемкина. Но слово надгробное, всѣ хвалы поэтовъ, самъ Потемкинъ погибли съ шумомъ. Думаю, и проповѣдникъ, и поэты также стерты рукою времени съ лица земли".

Разсказы о временахъ императора Павла въ запискахъ Тургенева являются опять большою новостью въ нашей исторической литературѣ. Въ самый день кончины императрицы Екатерины и вступленія на престолъ Павла, Тургеневъ былъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ („я началъ службу мою, — говоритъ онъ,—на военномъ поприщѣ съ молодыхъ, можно сказать, юно-

[1]) Въ „Русск. Старинѣ" это имя напечатано такъ: „пьяница воинъ Василій Нащокинъ". Очевидно, Воинъ есть имя. Это былъ, вѣроятно, отецъ извѣстнаго пріятеля Пушкина.

Digitized by Google

шескихъ, лѣтъ, вахмистромъ лейбъ-гвардіи въ конномъ полку") и былъ свидѣтелемъ страшнаго переполоха, причиненнаго этимъ событіемъ. Онъ видѣлъ залы дворца, „наполненнаго людьми, какъ толкучій рынокъ: всѣ были, казалось мнѣ, печальные, съ отчаяніемъ на лицѣ, перешептывались, ходили туда и сюда, спрашивали, разспрашивали другъ друга, но все шопотомъ"... „Всѣ мнѣ казались блѣдными, испуганными, всѣ хранили молчаніе!"...

„Видѣнное мною въ залахъ дворца усилило мое любопытство посмотрѣть, что̀ происходило внѣ царскаго дома, и я, вмѣсто ближайшаго пути въ кордегардію, чрезъ черный дворикъ, взялъ дирекцію по большой лѣстницѣ на выходъ подъ фонарикъ, изъ котораго Екатерина сматривала на собиравшійся народъ на дворцовую площадь въ торжественные дни и всегда кармливала пшеницею пріученныхъ и прикормленныхъ голубей, которыхъ въ 10 часовъ утра обыкновенно прилетало къ фонарику большое стадо.

„Площадь была покрыта экипажами и народомъ; народъ толпился въ разныхъ мѣстахъ на площади кучами, голуби стаями летали вокругъ фонарика; но народъ и голуби тщетно ожидали женщину, предъ которою раболѣпствовали милліоны подвластныхъ ей народовъ и которой страшились цари и народы сосѣдственные".

Въ то время, когда толпа въ залахъ дворца и на площади не знала, что̀ дѣлается съ императрицей, Тургеневъ уже зналъ объ этомъ черезъ своего капрала, родственникъ котораго былъ истопникомъ кабинета Екатерины и видѣлъ ее при первомъ болѣзненномъ припадкѣ. „Я, Синтяковъ (капралъ) и харчевникъ конногвардейской кордегаріи были если не первые, то, конечно, изъ первыхъ въ Петербургѣ, знавшихъ о семъ приключеніи съ такою подробностію".

Тургеневъ разсказываетъ потомъ, какъ очевидецъ, о пріѣздѣ во дворецъ императора Павла. Гроза началась съ перваго дня его вступленія на престолъ; настроеніе общества—была всеобщая паника и затѣмъ униженіе передъ любимцами новаго повелителя. Странно, что въ обществѣ и у самихъ любимцевъ императрицы Екатерины какъ будто не было и мысли о возможности переворота, который по всѣмъ даннымъ долженъ былъ наступить съ новымъ царствованіемъ. Всѣ были захвачены врасплохъ.

„Павелъ, воцарившись, не слѣдовалъ системѣ Екатерининой. Онъ единственно самъ хотѣлъ и былъ ужаснѣйшимъ властителемъ. Всѣ разряды въ народѣ его безъ малѣйшаго различія были въ понятіи его смѣшаны, всѣ равно были рабы предъ нимъ...

„При восшествіи на тронъ Павелъ повелѣлъ весь народъ,

Digitized by Google

то-есть, безъ различія казеннаго вѣдомства и помѣщичьихъ крѣпостныхъ крестьянъ, привесть къ присягѣ ему, воцарившемуся. Народъ, 34 года ожидавшій восшествія его, чаявшій увидѣть въ немъ избавителя своего, видѣвшій безпрестанно фельдъегерей, провозившихъ тѣхъ, на которыхъ онъ до того взглянуть боялся, въ Сибирь скованными, услышавшій въ первый разъ присягу, полудикій, невѣжествующій народъ принялъ присягу знакомъ освобожденія отъ ига, отъ рабства крѣпостного, пересталъ повиноваться господамъ своимъ, исполнять приказанія управителей; во многихъ мѣстахъ истязатели крестьянъ приняли заслуженное ими, но безсудное возмездіе, многіе были убиты, многіе повѣшены. Бунтъ, повсемѣстное возстаніе рабовъ могло и было готово разлиться, какъ изверженная лава.

„Случайное велѣніе Павла спасло государство отъ общей гибели.

„Мы видѣли, что въ первые часы владычества своего Павелъ, движимый нерасположеніемъ къ всему, содѣянному Екатериною, рѣшилъ все измѣнить. Повелѣвъ арміи, подъ начальствомъ Зубова въ Персіи находившейся, каждому полку особенно возвратиться въ предѣлы имперіи, назначивъ прочимъ полкамъ другія непремѣнныя квартиры, Павелъ Петровичъ невѣдомо, какъ бы само Провидѣніе его руководствовало, приведя всѣ войска въ движеніе, спасъ государство отъ конечной гибели. По дошедшимъ извѣстіямъ о волненіяхъ крестьянъ, Павелъ повелѣлъ истреблять возмущавшихся крестьянъ вооруженною силою. Десятки тысячъ переколоты, тысячи наказаны кнутомъ и обезображенные вырваніемъ ноздрей пошли въ пустыни сибирскія. Происшествіе это ни мало не помѣшало, однако, сурово относиться и къ дворянству".

Не будемъ повторять множества любопытнѣйшихъ подробностей о временахъ императора Павла, подробностей, которыя Тургеневъ нерѣдко сообщаетъ какъ очевидецъ. Эта эпоха, вѣроятно, еще не скоро найдетъ своего историка; между тѣмъ въ разныхъ отношеніяхъ она чрезвычайно любопытна. Укажемъ только одну черту, рисующую и личный характеръ императора, у котораго среди многихъ странностей бывали наилучшія побужденія, и свойства общества. Тургеневъ разсказываетъ интересный эпизодъ о томъ, какое необычайное вліяніе возъимѣло, въ началѣ царствованія, личное вмѣшательство Павла въ общественные нравы. При имп. Екатеринѣ, особливо, кажется, къ концу ея царствованія, развилось страшное взяточничество. Тургеневъ разсказываетъ:

„За губернаторство или губернаторское мѣсто платили у

Digitized by Google

Зубова Грибовскому. За полкъ или назначеніе начальникомъ полка платили у Салтыкова Д. М. Волынскому. За вице-губернаторскія мѣста, за предсѣдательскія и всѣ прочія, отъ короны наполняемыя, платили у Самойлова — Петру Алексѣевичу Ермолову. По части провіантской — кривой Новосильцевъ — Петръ Петровичъ, генералъ-провіантмейстеръ, бралъ самъ обѣими руками. Генералъ-кригскоммиссаръ, Николай Дмитріевичъ Дурновъ, также бралъ, да былъ богобоязливъ, биралъ по-христіански, не разорялъ православныхъ. Въ иностранной коллегіи и по управленію почтоваго департамента у Безбородко черезъ женщинъ было можно все получить, кто что хотѣлъ. Что же принадлежитъ до духовенства въ Россіи, то оно, съ уничтоженіемъ Петромъ I патріарха, было въ XVIII вѣкѣ (слабымъ) въ составѣ правительства.

„Наказанія въ 1797—1800 гг. набѣгали, какъ духъ бурный, какъ падаетъ громъ, мгновенно разитъ и удушаетъ! Ужасъ быть пораженнымъ неожиданно, не имѣть никакой возможности уклониться, ускользнуть отъ стрѣлы пущенной: фельдъегеря, развозившіе (особыя) велѣнія, подобны были стрѣламъ, которыхъ ничто не останавливало, не возвращало съ пути, имъ назначеннаго,—произвелъ во всѣхъ служащихъ, во всѣхъ сословіяхъ народа русскаго потрясеніе, какъ ударъ силы электрической!

„Поставленъ передъ дворцомъ ящикъ съ прорѣзанною крышкою, въ которой сквозь прорѣзъ было предоставлено всѣмъ и каждому опускать прошенія, жалобы, извѣты, доносы, словомъ, кто что хотѣлъ. Ящикъ каждый вечеръ приносили къ Павлу Петровичу. Его величество самъ изволилъ сламывать печать, отпирать ключемъ, который всегда носилъ въ карманѣ, вынималъ вложенныя бумаги, потомъ попрежнему запиралъ его, обвязывалъ снуркомъ и, приложивъ печать съ императорскимъ гербомъ, повелѣвалъ ставить ящикъ на назначенное ему мѣсто.

„Первый любимецъ, первый сановникъ его, знатный вельможа, царедворецъ и послѣдній ничтожный рабъ, житель отдаленной страны отъ столицы—равно страшились ящика. Лишеніе дворянства, чиновъ и сосланіе въ Сибирь, въ каторжную работу генераловъ, князя Сибирскаго и Турчанинова за взятки и сдѣлку ихъ съ поставщиками коммиссаріата, о чемъ императоръ свѣдалъ чрезъ ящикъ, омертвили руки лихоимственныя. Генералы и полковники не отваживались удержать горсть муки у солдата, изъ полка ему ежемѣсячно отпускаемаго, отнять гарнецъ овса у казенной лошади; перестали грабить жителей, у которыхъ были постояльцами. Правосудіе и безкорыстіе въ первый разъ послѣ Петра I ступили черезъ порогъ въ храмины, гдѣ творили судъ

Digitized by Google

и расправу вѣрноподданнымъ. Народъ былъ восхищенъ, былъ обрадованъ, и приказанія чтилъ благодѣяніемъ, съ небесъ посланнымъ.

„Шесть обрѣзовъ доски сосновой, длиною аршинъ съ четвертью, изъ которыхъ былъ сколоченъ ящикъ — другъ царя, стоившій царству полтора рубля, въ продолженіе года трехъ мѣсяцевъ указывалъ самодержцу зло, гдѣ и какъ оно творилося, и вѣрнѣй, и справедливѣй, чѣмъ жандармы-назидатели, чѣмъ наемные лазутчики“.

Къ Александровскому времени относится опять цѣлый рядъ весьма любопытныхъ воспоминаній. Таковы въ особенности новые разсказы о двѣнадцатомъ годѣ. Упомянемъ, во-первыхъ, воспоминанія извѣстнаго драматурга, князя А. А. Шаховского, въ обширномъ письмѣ къ извѣстному историку двѣнадцатаго года Михайловскому-Данилевскому, писанномъ, впрочемъ, долго спустя, въ 1836 году. Письмо написано въ обычномъ тогда стилѣ, съ высокопарными эпизодами, излишество которыхъ такъ бросается въ глаза въ наше время, что, печатая письмо, редакція „Русской Старины“ сочла полезнымъ исключить нѣкоторыя мѣста подобнаго рода и замѣнить ихъ точками. Кн. Шаховской самъ замѣчалъ свою излишнюю болтливость. „Слишкомъ 40 лѣтъ, какъ драматическій писатель, говоря языкомъ страстей, я на 60 году не могу отстать отъ долгой привычки; впрочемъ, мнѣ невозможно обойтись безъ отступленій, наводящихъ меня на прямой путь“.

Въ двѣнадцатомъ году, въ августѣ, когда Наполеонъ неудержимо подвигался къ Москвѣ, въ окрестныхъ губерніяхъ стали формироваться ополченія, и въ концѣ мѣсяца въ тверской губерніи былъ собранъ пѣшій казацкій полкъ, который по дворянскому выбору отданъ былъ въ команду князю Шаховскому. Полкъ „былъ готовъ къ выступленію изъ Твери и не безъ воинскаго устройства“, такъ какъ подъ начальство Шаховского поступило при этомъ много отставныхъ офицеровъ. Какъ извѣстно, тверское ополченіе тотчасъ двинулось къ Москвѣ и въ Клину узнало о вступленіи Наполеона въ столицу. Шаховской разсказываетъ о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ извѣстіемъ, распространителей котораго считали сначала измѣнниками; но уже вскорѣ взяла верхъ патріотическая увѣренность въ побѣдѣ, и эту увѣренность питала развившаяся теперь партизанская война. Шаховской разсказываетъ нѣсколько анекдотовъ о разныхъ случайностяхъ этой войны. При первыхъ извѣстіяхъ объ оставленіи французами Москвы, отрядъ генерала Винценгероде, которому подчинено было и тверское ополченіе, тотчасъ двинулся къ Москвѣ.

Digitized by Google

Въ числѣ первыхъ вступилъ въ Москву и князь Шаховской. Онъ описываетъ картину страшнаго разрушенія. Въ Кремлѣ еще продолжались пожары зажженныхъ непріятелемъ зданій, догоралъ дворецъ и Грановитая палата; вступавшія войска слышали послѣдній взрывъ кремлевскихъ стѣнъ и можно было опасаться еще новыхъ взрывовъ; въ кремлевскихъ рвахъ, въ разрушенныхъ и неразрушенныхъ домахъ валялось множество неубранныхъ труповъ людей и животныхъ, вездѣ слѣды разоренія. Въ первыя сутки „Москва, освѣщенная тогда вокругъ бивачными огнями, представляла чудное, несообразное ни съ чѣмъ зрѣлище: мертвую тишину ея прерывали только хриплый окрикъ часовыхъ, ржаніе лошадей и топотъ разъѣздовъ, никакъ не напоминающихъ той столичной суеты и жизни, которыя еще недавно въ ней повсемѣстно слышались".

Къ третьему дню возвращенія русскихъ въ Москву, благодаря хлопотамъ кн. Шаховского, „какъ соправителя театральной дирекціи", по его словамъ, было пріискано и приготовлено необходимое для благодарственнаго молебствія. Оно было совершено въ Страстномъ (женскомъ) монастырѣ. „Французы,—говоритъ кн. Шаховской,—изъ всегдашняго уваженія ихъ къ прекрасному полу, исполнили просьбу оставшихся въ монастырѣ, хотя только престарѣлыхъ монахинь, и учтиво не осквернили въ немъ храма божія. Нѣсколько священниковъ отыскались; но серебряные сосуды были вывезены и кто-то, сохранившій древній стеклянный, явился съ нимъ къ досужему земляку моему, подполковнику Курису, которому я поручилъ хлопотать объ исполненіи придуманнаго мною сильнаго дѣйствія, нѣсколько *въ сценическомъ родѣ*". Такимъ образомъ, страсть къ театральному эффекту не покидала кн. Шаховского и здѣсь. Впечатлѣніе перваго богослуженія, по словамъ его, было очень сильное. „Передъ входомъ нашимъ въ монастырь, дворъ его, переходы, паперть и церковь были уже наполнены богомольцами, и вся тогдашняя столица всероссійскихъ царей втѣснилась въ одно не чрезвычайно обширное зданіе. Сильный трезвонъ, заколебавшій московское поднебесье, усилилъ ожиданное мною дѣйствіе; всѣ какъ будто встрепенулись и, конечно, съ побѣды Пожарскаго и всенароднаго избранія царя Михаила Ѳедоровича не было ни одной обѣдни, пѣтой въ Москвѣ съ такимъ умиленіемъ и слушанной съ такимъ благочестіемъ; но когда, по ея окончаніи, священный клиръ возгласилъ предъ царскими дверями: „Царю небесный, утѣшителю!"— всѣ наполнявшіе монастырское зданіе: начальники, воины, дворяне, купцы, народъ русскій и иностранцы, православные и разно-

Digitized by Google

вѣрные, даже башкирцы и калмыки, пали на колѣни и хоръ рыданій смѣшался съ священнымъ пѣніемъ, всемѣстнымъ трезвономъ колоколовъ и, помнится, пальбою какихъ-то пушекъ"...

Вскорѣ, затѣмъ, съ Шаховскимъ произошелъ такой случай. Онъ разсказываетъ, что имъ написано было, отъ имени генерала Иловайскаго 4-го, донесеніе къ государю о занятіи русскими Москвы и, кажется, также извѣщеніе въ главную квартиру, которое понравилось Кутузову, и продолжаетъ:

„Къ слову объ авторствѣ: я не могу утерпѣть, чтобы не сообщить, какъ меня, вскорѣ послѣ того, поддѣло авторство, только не мое. Фельдъегерь, присланный отъ военнаго министра, подалъ мнѣ толстый пакетъ; судя по письму А. С. Шишкова и по Высочайшему благоволенію къ нашимъ дѣйствіямъ, я ожидалъ найти въ немъ звѣздное или, по крайней мѣрѣ, крестное одобреніе моей отдѣльной отъ ополченія службы; но, развернувъ пакетъ, не безъ сердечнаго трепета, я увидѣлъ въ немъ... что̀ вы думаете?.. кипу печатныхъ стиховъ гр. Хвостова, который былъ, къ моему несчастію, зятемъ министра и нашимъ сочленомъ въ русской академіи, а потому прислалъ мнѣ 120 экземпляровъ радостной оды своей на освобожденіе Москвы. Вы можете себѣ представить, какъ обрадовала меня эта, никому не радостная, ода и только утѣшило то, что никого не было въ комнатѣ, стало быть, никто не видалъ забавнаго для другихъ измѣненія лица моего".

Въ Москвѣ Шаховской встрѣтился, между прочимъ, съ Ростопчинымъ, которому онъ видимо не совсѣмъ сочувствовалъ. Между прочимъ, „гр. Ростопчинъ *съ самодовольствіемъ говорилъ* о томъ истинно славномъ дѣлѣ, отъ котораго чрезъ нѣсколько лѣтъ печатно отрекался въ Парижѣ, и почти съ такимъ же самодовольствіемъ читалъ мнѣ черновое письмо свое къ фельдмаршалу и старался дать почувствовать игру словъ или каламбуръ въ упрекѣ, что онъ, фельдмаршалъ, своимъ покоемъ очень безпокоитъ всю Россію".

„Истинно славное дѣло" есть, конечно, сожженіе Москвы.

Шаховской передаетъ нѣсколько разсказовъ Ростопчина изъ тогдашнихъ крупныхъ и мелкихъ происшествій и замѣчаетъ, что Ростопчинъ до войны и послѣ войны любилъ французское остроcловіе, которымъ и самъ отличался. На вопросъ Ростопчина, какъ нравятся ему знаменитыя афиши, Шаховской отвѣчалъ уклончиво и вообще разсуждаетъ о тогдашнемъ настроеніи такъ: „не хотя оскорбить самолюбіе сочинителя (Ростопчина) или согрѣшить противъ моей совѣсти, я объяснилъ, что̀ нахожу въ нихъ хорошаго, т.-е. они писаны точно простонароднымъ слогомъ, должны

Digitized by Google

были дѣйствовать въ нижнихъ сословіяхъ сильнѣе и вѣрнѣе высокопарнаго ораторства, что, читая ихъ, русскія сердца запалялись молодечествомъ, но умолчалъ, что площадной языкъ черни казался мнѣ не вовсе приличнымъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго столицей, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ. Хотя гр. Ростопчинъ въ этомъ могъ бы оправдаться предположеніемъ, что просвѣщенные люди не имѣли надобности въ его побужденіяхъ на подвигъ, внушаемый ихъ честью и любовью къ отечеству, можетъ быть, онъ такъ и думалъ, но, кажется, хотѣлъ своими площадными обнародованіями возбудить старорусскій духъ московской черни, противъ новомыслія вышедшей изъ ея же полупросвѣщенной молодежи. Это я замѣтилъ изъ объясненія его поступка съ купецкимъ сыномъ Верещагинымъ, обучавшимся иностраннымъ языкамъ въ московскомъ университетѣ, гдѣ давно уже мартинистъ Шварцъ и недавно нѣмецкій философъ Буле трудились заводить русскій умъ за чужой разумъ и хулить нашъ православный бытъ. Угорѣвшій отъ чада новопросвѣщенія, купчикъ Верещагинъ пустился переводить, толковать и распускать въ народѣ Наполеоновы прокламаціи, когда онъ самъ уже былъ подъ Москвою, гдѣ начали проявляться другіе Верещагины и верещать по заморскому, то должно было, чтобы унять своихъ и показать чужимъ русскую ненависть къ ихъ соблазнамъ, предать одного народной казни и ея ужасамъ, если не образумить, то хотя устрашить прочихъ сумасбродовъ".

Отзывы Шаховского могутъ служить образчикомъ той путаницы понятій, какая отличала тогдашнихъ приверженцевъ народности во вкусѣ Шишкова, котораго онъ былъ послѣдователемъ и сочленомъ по россійской академіи. Выходитъ, что „мартинистъ" Шварцъ, профессоръ московскаго университета, извѣстный другъ Новикова, и не менѣе извѣстный профессоръ Буле трудились только съ тѣмъ, чтобы сбивать русскихъ людей съ пути: довольно припомнить, что тому и другому много обязаны были своимъ умственнымъ и нравственнымъ воспитаніемъ столь знаменитые русскіе писатели и патріоты, какъ Карамзинъ и Грибоѣдовъ. Для Шаховского достаточно было, что это были иноземцы, чтобы доказать его обвиненія и какъ будто дѣлать ихъ воспитателями того Верещагина, который слылъ тогда за измѣнника. Г. Петровъ, доставившій въ „Русскую Старину" это письмо князя Шаховского, замѣчаетъ, что обвиненіе Верещагина, какъ дознано въ настоящее время, было совершенно несправедливо. „Верещагинъ былъ растерзанъ разъяренной толпой, какъ измѣнникъ, только потому, что графъ Ростопчинъ предалъ его народу, какъ измѣн-

Digitized by Google

ника, когда, напротивъ, все говорило въ пользу невинности павшей жертвы".

Прибавимъ, что обвиненія противъ „новопросвѣщенія" писались Шаховскимъ не въ двѣнадцатомъ году, когда могло еще ослѣплять возбужденіе отъ событій, а почти 25 лѣтъ спустя, когда можно было судить нѣсколько хладнокровнѣе и благоразумнѣе о свойствахъ русскаго просвѣщенія. „Новопросвѣщеніе" на европейскій и именно на французскій ладъ было тогда всеобщей чертой русскаго образованія въ высшемъ и среднемъ кругѣ общества: французскій языкъ былъ привычнымъ языкомъ множества патріотовъ двѣнадцатаго года и позднѣйшихъ (напр., самого Пушкина). Гр. Ростопчинъ, такъ усердно поддѣлывавшійся подъ народный языкъ въ своихъ афишахъ, отличался галломаніей не меньше тѣхъ, кого онъ изобличалъ, и кн. Шаховской, только-что окончивъ приведенную тираду, приводитъ изреченіе Корнеля.

Въ послѣднее время было издано вообще много разнаго рода воспоминаній о двѣнадцатомъ годѣ. Въ ряду тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся не столько къ крупнымъ военнымъ и политическимъ событіямъ, сколько къ частнымъ бытовымъ чертамъ того времени, могутъ быть упомянуты записки г-жи Золотухиной [1]). Печатая ихъ, журналъ рекомендуетъ ихъ, какъ хронику русской женщины, самоотверженно любившей мужа и многочисленную семью. „Она безхитростно, съ необычайною искренностью, на память близкимъ своимъ, начертала поразительную картину тѣхъ душевныхъ мукъ и матеріальныхъ лишеній, каковыя выносили, за шпалерами и въ тылу арміи, близъ театра военныхъ дѣйствій и на немъ, обыватели и обывательницы русскихъ городовъ и селъ въ эпоху народной войны, въ 1812 году. Это то, что ни въ какихъ реляціяхъ, ни въ какихъ „исторіяхъ" не находитъ мѣста, это прямо жизнь, какъ она дѣйствительно текла подъ громомъ пушекъ, при заревахъ пожаровъ, при всѣхъ бѣдствіяхъ, которыми сопровождается война, этотъ бичъ Божій,— война, хотя бы и побѣдоносная". Въ запискахъ г-жи Золотухиной есть дѣйствительно нѣсколько живыхъ подробностей, рисующихъ положеніе ближайшей подмосковной провинціи въ двѣнадцатомъ году, но въ цѣломъ эти записки, быть можетъ, слишкомъ проникнуты чисто домашнимъ интересомъ, такъ что нѣкоторыя ихъ части могли бы быть, кажется, вовсе не нужны для публикаціи. Мужъ Золотухиной, повидимому, довольно состоятельный мѣстный помѣщикъ, поступилъ въ тульское ополченіе, которое

[1]) Изданныя въ „Р. Старинѣ", 1889, ноябрь; 1890, февраль.

Digitized by Google

стало вмѣстѣ съ другими формироваться передъ занятіемъ Москвы французами. Ополченіе передвигалось сначала въ разныхъ мѣстахъ тульской и калужской губерній и затѣмъ подвинуто было въ одну изъ западныхъ губерній, витебскую или минскую. Золотухина не покидала мужа, затѣмъ разсталась съ нимъ, но не могла вынести разлуки и глубокой осенью или въ началѣ зимы отправилась его разыскивать. Разсказъ ея сосредоточенъ на томъ, гдѣ находился, что дѣлалъ ея „Матя" и какъ она стремилась потомъ къ этому Матѣ; все остальное замѣчается только мимоходомъ. Такъ, только мимоходомъ она упоминаетъ о томъ, какъ собиралось ополченіе (гдѣ, разумѣется, было множество знакомыхъ и пріятелей помѣщиковъ), какъ бабушка увезла дѣтей, сначала въ одну, потомъ въ другую деревню, какъ видѣла она цѣлый таборъ московскихъ выселенцевъ въ самомъ жалкомъ положеніи, какой разгромъ видѣла она на пути изъ тульской губерніи въ витебскую, и т. д. Къ сожалѣнію, всѣ эти подробности военной суеты, тревоги, разрушенія она намѣчаетъ мелькомъ, а потому, большею частію, и не весьма ясно; онѣ только случайно видны изъ-за главнаго предмета ея разсказа—того же „Мати".

Къ числу интереснѣйшихъ воспоминаній о двѣнадцатомъ годѣ принадлежатъ записки Ростопчина (1763—1826). Ими отчасти пользовался А. Н. Поповъ въ своей исторіи двѣнадцатаго года, но теперь онѣ являются цѣликомъ въ переводѣ съ ихъ *французскаго* подлинника [1]). Эти записки Ростопчина въ рукописи хранятся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба, въ Петербургѣ, куда онѣ переданы были нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ архива канцеляріи военнаго министра, вмѣстѣ съ письмами Ростопчина о разныхъ предметахъ, относящихся до военныхъ обстоятельствъ 1812 года, занятія Москвы французами и оставленія ея. Письма напечатаны были Поповымъ; записки въ полномъ составѣ являются теперь въ печати въ первый разъ въ переводѣ И. И. Ореуса. Французская рукопись (на 84 страницахъ) съ большими полями, испещрена вставками и поправками Ростопчина. Какъ извѣстно, напечатаніе перевода записокъ вызвало протестъ сына графа Ростопчина, который счелъ этотъ фактъ нарушеніемъ его литературной собственности — одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые остаются не вполнѣ выяснены юридически. Въ данномъ случаѣ вопросъ, однако, не можетъ, кажется, возбуждать сомнѣній: не говоря о томъ, что истекло болѣе 50 лѣтъ со смерти самого автора, рукопись, находившаяся въ архивѣ канце-

[1]) „Р. Старина", 1889, декабрь.

Digitized by Google

ляріи военнаго министра, считалась оффиціальнымъ документомъ и, переданная въ военно-ученый архивъ главнаго штаба, становилась доступною для спеціалистовъ и печати наравнѣ съ другими документами этого архива. Притомъ ранѣе того гр. Ростопчинъ-сынъ, кажется, не предъявлялъ своихъ правъ на это произведеніе.

Записки Ростопчина, занимающія въ „Р. Старинѣ" около 80 страницъ, чрезвычайно любопытны какъ по находящимся въ нихъ даннымъ для исторіи событій 1812 года, такъ и для опредѣленія самого ихъ автора. Его біографія еще не написана, не выясненъ его характеръ, какъ дѣятеля временъ императора Павла и Александра, не совершенно выяснено то „истинно славное дѣло", какъ называетъ Шаховской, которое считалось и считается величайшимъ актомъ патріотизма и отъ котораго самъ Ростопчинъ отрекался впослѣдствіи въ книжкѣ, изданной въ Парижѣ [1]). Это былъ, повидимому, сложный характеръ, соединеніе патріота и честолюбца, привыкшаго къ дипломатическому разсчету и интригѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ, человѣкъ несомнѣннаго ума, хотя только тѣсно практическаго, съ запасомъ желчнаго остроумія, направлявшагося, конечно, на тѣхъ, кто ему такъ или иначе не нравился. Каковъ былъ его взглядъ на болѣе широкія задачи русской политической и общественной жизни, не совсѣмъ ясно; повидимому, это былъ обычный взглядъ тогдашняго консерватизма, не выходившаго изъ рутины. Въ свое время молва дѣлала его соучастникомъ въ интригѣ, поведшей къ паденію Сперанскаго; въ настоящихъ запискахъ Ростопчинъ рѣшительно это отвергаетъ; повидимому, онъ достаточно презиралъ главныхъ дѣятелей этой интриги, Балашова и Армфельда, чтобы не быть ихъ союзникомъ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что показанія Ростопчина въ этихъ запискахъ не разъ потребовали бы исторической провѣрки.

Отзывы его о людяхъ и событіяхъ того времени, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно интересны: нѣкогда, при Павлѣ, онъ стоялъ во главѣ дѣлъ и послѣ близко зналъ все происходящее, зналъ хорошо людей, игравшихъ тогда первыя роли, наконецъ, по своему положенію въ Москвѣ, лучше, чѣмъ кто-нибудь, могъ разсказать то, что̀ тамъ происходило. Его разсказы и характеристики людей драгоцѣнны для историка, потому что вводятъ въ настоящую дѣйствительность, которая такъ часто стиралась подъ оффиціальными изложеніями.

Ростопчинъ начинаетъ разсказъ нѣсколькими словами о со-

---

[1]) „La vérité sur l'incendie de Moscou", Paris. 1823.

Digitized by Google

бытіяхъ, предшествовавшихъ двѣнадцатому году. Онъ осуждаетъ тильзитскій миръ, заключенный именно тогда, когда силы Наполеона были истощены и „когда вся Европа подстерегала лишь минуту для довершенія его гибели". Прошло нѣсколько лѣтъ и дѣйствія Наполеона стали возбуждать безпокойство, котораго не устраняли и преувеличенныя свѣденія, распространяемыя правительствомъ о силѣ нашихъ войскъ. „Старыя бабы возопили и стали высказывать опасеніе (раздѣляемое и людьми разумными) относительно необезпеченности пребыванія въ Москвѣ въ виду могущихъ возникнуть безпорядковъ, мятежа и рѣзни дворянъ". Эти опасенія казались ему тогда преждевременными, а вмѣстѣ указывали на недовѣріе къ правившему тогда Москвой фельдмаршалу Гудовичу. Онъ даетъ ему слѣдующую характеристику: „то былъ честнѣйшій въ мірѣ человѣкъ, достигшій фельдмаршальскаго званія благодаря тому, что всю жизнь провелъ на службѣ, не имѣвшій за собою никакой военной репутаціи, необразованный, ограниченнаго ума, кичившійся своими чиномъ и мѣстомъ, вполнѣ состоявшій подъ властью и вліяніемъ своего брата и своего врача—двухъ безстыдныхъ плутовъ, которые думали лишь объ извлеченіи всевозможныхъ выгодъ изъ того вліянія, которое они имѣли на престарѣлаго фельдмаршала". Въ дальнѣйшемъ разсказѣ Ростопчинъ не разъ дѣлаетъ характеристики людей, занимавшихъ и крупныя, и менѣе крупныя административныя мѣста, и любопытно, что въ нихъ очень часто повторяется эта черта необразованности, отмѣченная, безъ сомнѣнія, совершенно справедливо: такъ невысокъ былъ уровень и самого общества, и правительственныхъ требованій, что необразованность не казалась недостаткомъ, не мѣшала управлять дѣлами часто и такими, гдѣ она была бы очень нелишнею.

Какъ мы сказали, Ростопчинъ отвергаетъ свое участіе въ паденіи Сперанскаго: послѣдній былъ „жертвою темной интриги, никогда порядкомъ не разъясненной", „и меня,—говоритъ онъ,—заставили играть роль въ этой исторіи—меня, который былъ однимъ изъ наиболѣе изумленныхъ, когда узналъ на другой день о его высылкѣ".

Передъ отъѣздомъ въ армію императоръ Александръ, какъ извѣстно, поручилъ дѣла комитету министровъ, а дѣла особенной важности—особому верховному комитету изъ графа Салтыкова, князя Лопухина и генерала Вязмитинова, который былъ въ Петербургѣ главнокомандующимъ, то-есть генералъ-губернаторомъ. Ростопчинъ рисуетъ ихъ портреты и они не польщены. Объ извѣстномъ гр. Салтыковѣ, воспитателѣ имп. Александра, „пользовав-

Digitized by Google

шемся нѣкотораго рода фаворомъ въ продолженіе трехъ царствованій съ ряду", Ростопчинъ говоритъ, между прочимъ: „человѣкъ этотъ, будучи очень умнымъ, обладая большими познаніями и привычкою къ дѣламъ, оказывался совершенно безполезнымъ, вслѣдствіе своего малодушія и фальшивости. Ни разу въ жизни своей онъ не сказалъ „да" или „нѣтъ", и мнѣніе его въ дѣлахъ равнялось нулю, такъ какъ онъ никогда онаго не высказывалъ, а выработалъ себѣ непонятный образъ выраженій. Жадный къ деньгамъ и скупой, онъ составилъ бы себѣ громадное состояніе, если бы имѣлъ немного той энергіи, которая нужна какъ великимъ героямъ, такъ и великимъ разбойникамъ". Крупная роль князя Лопухина, вышедшаго изъ небогатыхъ дворянъ, создана, какъ извѣстно, его услужливостью къ князю Безбородкѣ и къ императору Павлу, но Ростопчинъ говоритъ о немъ, тѣмъ не менѣе, какъ о человѣкѣ замѣчательнаго ума. „Трудно быть болѣе способнымъ, нежели этотъ человѣкъ. Съ обширнымъ умомъ въ немъ соединяется глубокая прозорливость и умѣнье легко работать. Онъ вкрадчивъ, льстивъ, притворно простодушенъ, большой любитель прекраснаго пола (который пользуется у него крупнымъ вліяніемъ), лѣнивъ и фальшивъ до крайности. Умъ, пороки и терпѣніе этого человѣка поддерживали его кредитъ и доставили ему средства привязать къ себѣ множество лицъ, которымъ онъ оказывалъ услуги и на поведеніе которыхъ глядѣлъ равнодушно". Отзывъ Ростопчина о Вязмитиновѣ, который былъ сынъ солдата и дослужился до графскаго титула, вообще благопріятный. Интересны дальше отзывы Ростопчина о тогдашнихъ министрахъ. Во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ извѣстный канцлеръ Румянцовъ, который въ политикѣ относительно Наполеона старался только выигрывать время и избѣжать войны. „Публика, постоянно пребывающая покорнѣйшимъ слугою клеветы и послушнымъ эхомъ глупости, глядѣла на него какъ на человѣка, преданнаго Наполеону и жертвующаго ему интересами Россіи; но для отраженія этой клеветы достаточно вспомнить имя, которое онъ носитъ, его привязанность къ государю и возвышенность его души".

Министръ финансовъ Гурьевъ—„человѣкъ умный, не имѣющій другого образованія, кромѣ умѣнья свободно объясняться по-французски, интриганъ и честолюбецъ въ высшей степени... обремененъ дѣлами, которыми занимается въ полу-дремотѣ... великій охотникъ до лакомыхъ блюдъ"... Министръ народнаго просвѣщенія Разумовскій—„человѣкъ обширныхъ ума и познаній; эгоистъ и лѣнивъ до крайности". Морской министръ де-Траверсе—„чело-

Digitized by Google

вѣкъ былъ ничтожный, не имѣвшій ни собственной воли, ни собственнаго мнѣнія, занятый сколачиваніемъ себѣ состоянія посредствомъ подрядовъ"... Отзывъ о Дмитріевѣ, который назначенъ былъ тогда министромъ юстиціи, довольно оригинально рисуетъ поэта-классика и друга Карамзина: „Человѣкъ этотъ могъ бы быть существомъ болѣе полезнымъ, нежели былъ на самомъ дѣлѣ; но—онъ поэтъ и состоитъ подъ властью своего воображенія; весьма щекотливъ; въ обществѣ тяжелъ и весьма ревниво относится къ значенію своего сана. Онъ оставилъ службу съ пенсіею въ 10 тыс. руб. и принялъ на себя, въ Москвѣ, обязанности директора тайной полиціи". Послѣдняя подробность осталась, кажется, неизвѣстна біографамъ поэта. Князь Горчаковъ, исправлявшій временно должность военнаго министра за отсутствіемъ Барклая де-Толли, по отзыву Ростопчина, былъ также человѣкъ совершенно ничтожный.

Война уже началась, когда Ростопчинъ назначенъ былъ военнымъ губернаторомъ (впослѣдствіи „главнокомандующимъ") въ Москву. Настроеніе московскаго общества въ началѣ лѣта Ростопчинъ представляетъ такъ: „несмотря на всеобщее безпокойство, всѣ старались заглушать въ себѣ это чувство, какъ могли, и бахвальствомъ подавляли размышленіе. Всего хуже было, что недовольные и трусы обвиняли государя въ томъ, что онъ причиною близкой гибели Россіи, потому что не хотѣлъ предупредить или избѣжать третьей войны съ противникомъ, который уже дважды побѣждалъ его. Я слышалъ странныя выходки; нѣкоторые господа доходили до такой степени возбужденія, что превозносили до небесъ добродѣтели императора Павла и сожалѣли о времени его царствованія. Фельдмаршалъ Гудовичъ не принималъ противъ этого никакихъ мѣръ и воображалъ себя, что успокоиваетъ общество, обнадеживая, что еслибы государь поручилъ ему (Гудовичу) начальство надъ войсками, то армія Наполеона была бы уничтожена въ одинъ мѣсяцъ".

Ростопчинъ разсказываетъ, что въ первые же два дня своего управленія Москвою онъ успѣлъ пріобрѣсти популярность въ городѣ. „Въ день моего водворенія (въ новой должности) я приказалъ отслужить молебны передъ всѣми иконами, которыя считаются чудотворными и пользуются большимъ уваженіемъ у народа. Я выказывалъ большую учтивость къ тѣмъ лицамъ, которымъ приходилось имѣть дѣло со мною. Я снискалъ благоволеніе старыхъ сплетницъ и ханжей, приказавъ убрать гробы, служившіе вывѣсками магазинамъ, ихъ поставлявшимъ. Также приказалъ я снять афишки и объявленія, наклеенныя на стѣнахъ церквей.

Digitized by Google

Два утра были для меня достаточны для того, чтобы пустить пыль въ глаза и убѣдить большинство московскихъ обывателей въ томъ, что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду".

Любопытенъ опять составъ лицъ, служившихъ подъ его начальствомъ. Онъ хвалитъ, какъ человѣка очень умнаго, гражданскаго губернатора Обрѣзкова; но вице-губернаторъ „отупѣлъ отъ злоупотребленія крѣпкими напитками"; военный комендантъ былъ прекраснѣйшій и честный человѣкъ, но „былъ годенъ для дѣла лишь до шести часовъ вечера"; начальникъ гарнизоннаго полка—человѣкъ ничтожный, съ которымъ Ростопчинъ „имѣлъ постоянныя столкновенія вслѣдствіе его грабительствъ"; архіепископъ Августинъ „обладалъ крупнымъ ораторскимъ талантомъ... благочестія было у него немного... въ обществѣ онъ высказывался человѣкомъ свѣтскимъ... и обладалъ большимъ количествомъ племянницъ, которыя видались съ нимъ запросто во всякіе часы", и т. д.

Далѣе, Ростопчинъ рисуетъ картину старинной Москвы:

„Самая Москва, съ теченіемъ времени, сдѣлалась городомъ священнымъ для русскихъ. Всѣ важнѣйшіе вельможи, за старостію дѣлавшіеся неспособными къ работѣ, или разочарованные, или уволенные отъ службы, пріѣзжали мирно доканчивать свое существованіе въ этомъ городѣ, къ которому всякаго тянуло или по его рожденію, или по его воспитанію, или по воспоминаніямъ молодости, играющимъ столь сильную роль на склонѣ жизни. Каждое семейство имѣло свой домъ, а наиболѣе зажиточные—имѣніе подъ Москвою. Часть дворянства проводила зиму въ Москвѣ, а лѣто въ ея окрестностяхъ. Туда пріѣзжали, чтобы веселиться, чтобы жить со своими близкими, съ родственниками и современниками. Дѣтямъ давали тамъ приличное воспитаніе и пользовались преимуществами (жизни), которыя только и представлялись въ столицѣ, потому что въ губернскихъ городахъ проживали только чиновники да купцы, а слѣдовательно и не представляли они никакой приманки для профессоровъ и учителей. Весною, въ концѣ февраля, бѣднѣйшіе дворяне, какъ и самые богатые, оставляли городъ для деревни—частію по привычкѣ, частію по наклонности, а всего чаще изъ экономіи. Эта эмиграція дворянства оставляла за собою сильную пустоту въ городѣ и уменьшала на одну треть его населеніе, доходившее зимою до 300 т. Ничего не могло быть великолѣпнѣе баловъ, въ домѣ дворянскаго собранія, гдѣ можно было видѣть до 2.000 персонъ, богато или нарядно одѣтыхъ, но все это кончилось вмѣстѣ съ царствованіемъ Екатерины.

„Роскошь, которою окружало себя дворянство, представляло

Digitized by Google

нѣчто особенное: тутъ являлось великолѣпіе рядомъ съ нищетою. Такъ напр., встрѣчались огромные дворцы, одна часть которыхъ блистала богатымъ убранствомъ, а въ другой недоставало мебели; —громадныя залы, множество гостиныхъ и отсутствіе внутреннихъ покоевъ для хозяина и хозяйки дома. Числительность домашней прислуги почти всегда не соотвѣтствовала имущественнымъ средствамъ владѣльца. Всѣ эти служители помѣщались въ домѣ съ ихъ женами и дѣтьми и представляли собою видъ колоніи. Послѣ смерти гр. Алексѣя Орлова, въ палатахъ его оказалось 370 чел. При всемъ этомъ, услуженіе было весьма плохое; часть этихъ людей была довольно порядочно одѣта, другая ходила оборванною; бездѣлье располагало ихъ къ безпорядочности и, разсчитывая одинъ на другого, никто изъ нихъ не хотѣлъ заниматься работою. Единственными обязанностями они считали: пить, ѣсть и спать. Лакеи, камердинеры, кучера, конюхи, музыканты, пѣвчіе, горничныя и прачки—всѣ имѣли свой обѣдъ и ужинъ дома. Жили они, приблизительно, какъ на кораблѣ, переполненномъ войсками. Естественнымъ послѣдствіемъ такого столпленія людей былъ развратъ, и барскій домъ изображалъ собою, одновременно, подобіе тюрьмы, воспитательнаго дома, конуры и харчевни. Число лошадей соотвѣтствовало числу прислуги; дворянинъ, имѣвшій не болѣе 20 т. дохода, держалъ на конюшнѣ около 20 лошадей, которыхъ плохо кормили, плохо чистили и которыя назначались для того, чтобы возить хозяевъ, проживавшихъ у нихъ пріятелей, гувернеровъ и гувернантокъ, состоящихъ при дѣтяхъ. При отъѣздѣ въ деревню, конюшня эта подкрѣплялась еще лошадьми, которыхъ приказывали приводить изъ своего помѣстья. Штукъ 20, 30 и даже до 50-ти лошадей увозили за московскія заставы эти караваны, состоявшіе изъ господъ и прислуги; причемъ первые попрекали себя за то, что въ четыре мѣсяца промотали весь годовой доходъ".

Ростопчинъ замѣчаетъ, что со временъ Петра русскіе государи чувствовали какое-то отчужденіе къ Москвѣ; оно было понятно у Петра, который видѣлъ тамъ наибольшее противодѣйствіе своимъ планамъ, но продолжалось и послѣ во все теченіе XVIII вѣка; государи очень рѣдко бывали въ Москвѣ и никогда долго тамъ не жили. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эту отчужденность, они относились къ Москвѣ самымъ внимательнымъ образомъ „изъ политическихъ видовъ", какъ замѣчаетъ Ростопчинъ. Генералъ-губернаторомъ Москвы былъ всегда кто-нибудь изъ прежнихъ главнокомандующихъ, часто фельдмаршалъ, имѣвшій право сноситься непосредственно съ государемъ. „Въ военное время,

Digitized by Google

каждый разъ, когда надо было извѣщать о побѣдѣ, отправлялся изъ Петербурга курьеръ съ рескриптомъ генералъ-губернатору, заключавшимъ въ себѣ лестныя для Москвы выраженія. При каждомъ восшествіи на престолъ посылался туда кто-либо изъ выдающихся офицеровъ, чтобы возвѣстить объ этомъ событіи". Управленіе Москвой, по словамъ Ростопчина, было не трудно: „народъ велъ себя смирно; дворянство было покорно, хотя иногда предавалось болтливости и фрондерству" [1]).

Но эта Москва, описываемая Ростопчинымъ, къ двѣнадцатому году, собственно говоря, отжила свое время. Обыкновенно принимаютъ, что именно двѣнадцатый годъ былъ переломомъ въ складѣ ея общественной жизни въ дворянскомъ кругу, и безъ сомнѣнія этотъ переломъ во многихъ случаяхъ дѣйствительно произошелъ, но начало его относится еще къ болѣе раннему времени. Ростопчинъ указываетъ, что перемѣна произошла съ конца прошлаго столѣтія.

„Москва въ 12 лѣтъ [2]),—пишетъ Ростопчинъ,—совершенно перемѣнилась. Жили тамъ и думали уже по другому. Войны, которыя велись въ Италіи и Германіи, нарушили старинныя привычки и ввели новые обычаи. Гостепріимство—одна изъ русскихъ добродѣтелей—начало исчезать, подъ предлогомъ бережливости, а въ сущности вслѣдствіе эгоизма. Расплодились трактиры и гостинницы, и число ихъ увеличивалось по мѣрѣ увеличенія трудности являться къ обѣду незваннымъ, проживать у родственниковъ или пріятелей. Эта перемѣна повліяла и на многочисленность слугъ, которыхъ удерживали (еще) изъ чванства, или изъза привычки видѣть ихъ. Важныхъ баръ, подобныхъ Долгорукимъ, Голицынымъ, Волконскимъ, Еропкинымъ, Панинымъ, Орловымъ, Чернышевымъ и Шереметевымъ, больше уже не было. Съ ними исчезъ и тотъ вельможный бытъ, который они сохраняли съ начала царствованія Екатерины. Она (императрица) имѣла много причинъ, чтобы бережно обращаться съ этими господами, которые играли роль въ государствѣ, или по заслугамъ своимъ, или по богатству, или по авторитету надъ всѣми членами своей семьи, что доставляло имъ множество приверженцевъ и великій почетъ".

Затѣмъ Ростопчинъ даетъ рядъ новыхъ портретовъ—главнѣйшихъ представителей тогдашней московской знати, гдѣ опять не

---

[1]) „Шумимъ, братецъ, шумимъ!"—у Грибоѣдова. Любопытно, что Вигель въ своихъ запискахъ, упоминая о политическихъ толкахъ въ обществѣ и въ клубахъ, употребляетъ какъ бы техническое выраженіе: „врать о политикѣ".

[2]) Т.-е. къ Двѣнадцатому году.

Digitized by Google

стѣсняется въ выраженіяхъ. Одинъ генералъ съ знатнымъ именемъ „содержалъ, пополамъ съ женою одного русскаго актера, общественныя бани и пробовалъ даже производить уплаты фальшивыми наполеоновскими ассигнаціями,—чему я, однако, тотчасъ же положилъ предѣлъ. Онъ жилъ домосѣдомъ и оказывалъ протекцію развратнымъ людямъ, которыхъ часто ссужалъ деньгами. Домъ его обратился въ игорный вертепъ, содержимый его дочкою“... Другой—„великій болтунъ, подленькій и низкопоклонный, но человѣкъ добродушный... передъ властью держался не иначе какъ на четвереньках“. Третій—„хвастунъ, фрондеръ, характера низкаго и трусливаго“. Четвертый (Обольяниновъ)—могущественный человѣкъ при Павлѣ—„человѣкъ безъ воспитанія, безъ познаній, горланъ“ и т. д. въ этомъ родѣ. Соотвѣтственно всему этому, Ростопчинъ говоритъ: „Я нисколько не стѣснялся въ своей манерѣ держать себя. Я зналъ, что не подамъ никакого повода къ жалобамъ, и къ тому же я разсчитывалъ на трехъ благонадежныхъ помощниковъ, т.-е. на гордость, на глупость и на низость“.

Ростопчинъ разсказываетъ далѣе о настроеніи московскаго населенія и о томъ, какъ онъ самъ своими средствами дѣйствовалъ на это настроеніе. Любопытны затѣмъ страницы, гдѣ онъ разсказываетъ объ извѣстномъ пріѣздѣ императора Александра въ Москву, гдѣ онъ сдѣлалъ воззваніе къ дворянству и купечеству о сборѣ ополченія и пожертвованій на него людей и денегъ. Ростопчинъ встрѣтилъ имп. Александра на первой станціи по смоленской дорогѣ; императоръ долго съ нимъ бесѣдовалъ, и Ростопчинъ, кажется, не ожидалъ увидѣть его столь спокойнымъ: „онъ говорилъ о войнѣ, не обвинялъ никого въ дурныхъ дѣйствіяхъ, казался увѣреннымъ въ соединеніи армій Барклая и Багратіона и нисколько не казался унылымъ, но былъ спокоенъ и въ хорошемъ расположеніи духа“. Масса народа вышла далеко за Москву для встрѣчи государя, который намѣренно пріѣхалъ въ Кремль поздно, около полуночи, чтобы избѣжать чрезмѣрнаго скопленія народа. Въ каждомъ селѣ, по дорогѣ къ Москвѣ, священники, въ церковномъ облаченіи и въ сопровожденіи толпы, съ зажженными свѣчами выходили изъ церквей, чтобы благословить царя на его пути. „Эти свѣчи, эти священники, ихъ появленіе—все это поражало воображеніе, волновало чувства и порождало множество мыслей, которыя, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, покрывались (какъ бы) черною дымкой. На сердцѣ была тяжесть, въ душѣ смятеніе, умъ въ тревогѣ. Эти процессіи напоминали собою похороны; при видѣ ихъ, невольно хотѣлось поднимать глаза къ

Digitized by Google

небу, чтобы прочесть тамъ будущность и грядущую судьбу своего отечества".

Но Ростопчинъ не былъ человѣкъ сантиментальный. На другой день назначено было собраться дворянству и купечеству (въ залахъ Слободского дворца), которымъ императоръ хотѣлъ лично объявить свои намѣренія.

„Ночью я узналъ (и это было подтверждено мнѣ и на другой день утромъ), что нѣкоторыя лица, принадлежавшія къ обществу мартинистовъ, сговорились между собою, чтобы, когда государь предложитъ собранію наборъ ратниковъ, поставить ему (государю) вопросы: каковы силы нашей арміи? какъ сильна армія непріятельская? какія имѣются средства для защиты? и т. п. Намѣреніе было дерзкое, неумѣстное и опасное при (тогдашнихъ) обстоятельствахъ; но насчетъ исполненія его я вовсе не испугался, зная, что (указанные) господа столь же храбры у себя дома, сколько трусливы внѣ его. Я преднамѣренно и неоднократно говорилъ при всѣхъ, что надѣюсь представить (государю) зрѣлище собранія дворянства вѣрнаго, и что я буду въ отчаяніи, если кто-либо изъ неблагонамѣренныхъ людей нарушитъ спокойствіе и забудется въ присутствіи своего государя, потому что такой человѣкъ, прежде окончанія того, что̀ хотѣлъ бы сказать, начнетъ весьма далекое путешествіе. Дабы сообщить болѣе вѣроятія такимъ (моимъ) рѣчамъ, я приказалъ поставить невдалекѣ отъ дворца двѣ повозки, запряженныя почтовыми лошадьми, и подлѣ нихъ прохаживаться двумъ полицейскимъ офицерамъ, одѣтымъ покурьерски. Если кто-либо изъ любопытныхъ освѣдомлялся: для кого назначены эти повозки? они отвѣчали: „а для тѣхъ, кому прикажутъ ѣхать". Эти отвѣты и вѣсть о появленіи повозокъ дошли до собранія, и фанфароны, во все продолженіе онаго, не промолвили слова и вели себя, какъ подобаетъ благонравнымъ дѣтямъ".

Далѣе, Ростопчинъ возвращается къ этимъ „мартинистамъ" но онъ, кажется, не чувствуетъ, что его распорядительность нѣсколько портитъ впечатлѣніе патріотическаго разсказа.

Собравшимся отдѣльно въ двухъ залахъ дворянству и купечеству сначала былъ прочитанъ Шишковымъ манифестъ. Дворянство выслушало его спокойно, но въ купеческомъ собраніи чтеніе манифеста вызвало цѣлый взрывъ патріотическаго озлобленія. „Это было единственное, въ своемъ родѣ, зрѣлище, потому что русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно и, забывая, что онъ рабъ, приходилъ въ негодованіе, когда ему угрожали цѣпями, которыя готовилъ чужеземецъ, и предпочиталъ смерть позору

Digitized by Google

быть побѣжденнымъ. При подобныхъ-то обстоятельствахъ вновь выказывали себя прежніе русскіе".

Рѣчь императора къ дворянству, по словамъ Ростопчина, имѣла очень сильное дѣйствіе. Послѣ молебна въ дворцовой церкви, императоръ направился въ залу дворянства. „При входѣ туда, онъ имѣлъ видъ озабоченный; шагъ, который ему приходилось дѣлать, долженъ быть тяжелъ для всякаго властителя. Онъ милостиво поклонился присутствующимъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, съ лицомъ воодушевленнымъ, произнесъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Дѣйствіе, ею произведенное, было подобно дѣйствію электричества и расположило всѣхъ къ пожертвованію части своего имущества, чтобы спасти все". Дворянство предложило даже больше, чѣмъ ожидалъ императоръ. Ожидалось, что дворяне поставятъ одного человѣка изъ двадцати-пяти; они предложили десятаго. Но Ростопчинъ и здѣсь не замедлилъ указать оборотную сторону дѣла. „Предложеніе фельдмаршала Гудовича (о поставкѣ одного человѣка съ двадцати-пяти) было правильнымъ и разумнымъ; но два первые голоса, усилившіе это предложеніе до десятаго человѣка, исходили изъ двухъ головъ, весьма одна отъ другой отличныхъ. Одинъ изъ этихъ господъ, человѣкъ чрезвычайно умный, предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что онъ не имѣлъ помѣстій въ московской губерніи, и пустилъ въ ходъ свое предложеніе, какъ пускаютъ какую-нибудь шутку. Другой же господинъ, обладавшій сильными легкими, былъ человѣкъ низкій, глупый, на дурномъ счету при дворѣ; онъ предложилъ мнѣ свой голосъ изъ-за чести быть приглашеннымъ къ Высочайшему столу. И вотъ, чѣмъ столь часто руководятся собранія, вотъ какъ дѣйствуютъ они, подавая голоса по увлеченію и необдуманно! Газетчики, біографы, сочинители историческихъ романовъ превозносили иного человѣка до небесъ за какой-либо его поступокъ или за слово, а между тѣмъ онъ, можетъ быть, совершивъ этотъ поступокъ или сказавъ это слово, тотчасъ же въ томъ раскаялся".

Мы упоминали выше о мартинистахъ. Ростопчинъ не однажды возвращается къ нимъ, разсказывая о нихъ разныя вещи, отчасти неточныя или же маловѣроятныя. Родоначальникомъ ихъ онъ считаетъ профессора Шварца, а послѣ его смерти — Новикова. Ростопчинъ утверждаетъ (совершенно ошибочно), будто бы преступность Новикова доказана была письмомъ нѣкоего Вейсгаупта, дошедшимъ какимъ-то образомъ до императрицы Екатерины. Надо сказать, что этотъ Вейсгауптъ былъ основателемъ особой секты „иллюминатовъ" (въ Германіи), которая не имѣла ничего

Digitized by Google

общаго съ нашими мистиками и, какъ секта съ либеральными идеями, совершенно противорѣчила идеямъ нашихъ мистиковъ и была для нихъ предметомъ почти суевѣрнаго ужаса. Слова Ростопчина, который по своему положенію имѣлъ возможность знать вещи съ нѣкоторой точностью, показываютъ, что даже въ этомъ кругу имѣли самое смутное представленіе о нашей сектѣ „мартинистовъ", которая была такою новостью среди умственно-лѣниваго и испорченнаго общества (характерно описываемаго самимъ Ростопчинымъ) и возбуждала своей таинственностью такое недоумѣніе, что на него считали возможнымъ взваливать самыя невѣроятныя вещи. Выше мы видѣли, что князь Шаховской еще во второй половинѣ тридцатыхъ годовъ повторялъ въ весьма нелѣпомъ видѣ легенду о мартинистахъ. Не знаемъ, насколько достовѣрны сообщенія Ростопчина, но онъ разсказываетъ, что въ 1812 году у московскихъ „мартинистовъ" (къ которымъ въ Петербургѣ принадлежали Р. А. Кошелевъ и князь А. Н. Голицынъ), къ которымъ причислялись въ особенности три сенатора: Лопухинъ, Руничъ и Кутузовъ, былъ даже свой особый планъ. По словамъ Ростопчина, они задумали послать депутацію въ главную квартину, чтобы узнать отъ главнокомандующаго, не находится ли Москва въ опасности, и думали также пригласить въ сенатъ самого Ростопчина, чтобы спросить его о средствахъ обороны. „Все это было игрою самолюбія, при которой московскій сенатъ претендовалъ на присвоеніе себѣ верховныхъ правъ". Но этого мало. Эти три сенатора-мартиниста намѣревались уговорить своихъ товарищей не покидать Москвы, представляя такой поступокъ самопожертвованіемъ для отечества по примѣру сенаторовъ римскихъ при нападеній галловъ, но на дѣлѣ для того, чтобы, оставшись, играть роль при Наполеонѣ, который могъ бы воспользоваться ими для своихъ цѣлей. Къ несчастію, разсуждаетъ Ростопчинъ, сенатъ, называемый притомъ правительствующимъ, имѣетъ значеніе въ умахъ народа, хотя на дѣлѣ не имѣетъ никакого правительственнаго вліянія и составляется обыкновенно изъ плохихъ генераловъ и изъ людей, съ которыми не знаютъ, что дѣлать. Поэтому, когда сенаторы—мартинисты и „честные" — разсуждали объ отправленіи депутаціи, Ростопчинъ принялъ мѣру, которую онъ считалъ необходимой, хотя въ то время и послѣ ее считали самоуправствомъ: во время совѣщанія сенаторовъ „одинъ изъ моихъ адъютантовъ принесъ имъ отъ меня посланіе, въ которомъ я, именемъ государя, предлагалъ имъ прекратить засѣданіе, избрать который-либо изъ губернскихъ городовъ, куда имъ отправиться, и уѣзжать безотлагательно. Прихо-

Digitized by Google

дилось повиноваться, такъ какъ не оставалось выбора между послушаніемъ и мятежемъ".

Все это довольно странно и было, вѣроятно, просто пустяками, но Ростопчинъ былъ убѣжденъ, что отклонилъ отъ отечества немалую опасность. „Такимъ-то образомъ,—говоритъ онъ,—я отнималъ у Наполеона страшное орудіе (?), которое въ его рукахъ могло бы возбудить нерѣшительность и парализовать энергію во внутреннихъ областяхъ имперіи, поставить ихъ въ такое положеніе, что онѣ не знали бы кого слушаться. Изъ предосторожности относительно сенаторовъ-мартинистовъ, я говорилъ нѣсколькимъ лицамъ—съ тѣмъ, чтобы это дошло и до нихъ,—что, въ случаѣ неповиновенія, я отошлю въ Петербургъ, подъ надежнымъ конвоемъ, того изъ сенаторовъ, который будетъ упорствовать и оставаться въ Москвѣ".

Мы упоминали объ его отношеніяхъ къ Кутузову. Ростопчинъ говоритъ о немъ вообще въ тонѣ негодованія, какъ о человѣкѣ фальшивомъ и дѣйствовавшемъ какъ будто только по случайнымъ обстоятельствамъ, а не по строго обдуманному плану, какой вообще ставится ему въ великую заслугу. Съ другой стороны, по разсказу Ростопчина можно думать, что Кутузовъ намѣренно не сообщалъ ему своихъ плановъ, какъ того настойчиво желалъ Ростопчинъ. Русскія войска уже отступали черезъ Москву. Ростопчинъ получилъ донесеніе, что Милорадовичъ съ нашимъ арьергардомъ уже прошелъ черезъ Арбатъ и что непріятельскій авангардъ идетъ слѣдомъ за нимъ. „Я направилъ мою лошадь къ Рязанской заставѣ и у моста черезъ Яузу, думая обогнать одинъ изъ нашихъ конныхъ отрядовъ, увидѣлъ, что это кн. Кутузовъ съ своимъ конвоемъ. Я поклонился ему, но не хотѣлъ говорить съ нимъ; однако онъ самъ, пожелавъ мнѣ добраго дня (что можно было бы принять за сарказмъ), сказалъ: „могу васъ увѣрить, что я не удалюсь отъ Москвы, не давъ сраженія". Я ничего не отвѣтилъ ему, такъ какъ отвѣтомъ на нелѣпость можетъ быть только какая-нибудь глупость". Слова Кутузова могли казаться насмѣшкой.

Изъ многихъ другихъ изданныхъ теперь воспоминаній объ императорѣ Александрѣ I, мы остановимся еще на двухъ весьма разнородныхъ.

Однѣ принадлежатъ гр. А. Д. Блудовой [1]). Правда, онѣ вовсе не могутъ считаться новостью, потому что въ „Русскомъ Архивѣ" просто перепечатаны изъ одного журнала, гдѣ были помѣщены

[1]) „Р. Архивъ", 1889, № 1.

Digitized by Google

въ 1870 году; журналъ, конечно, забытъ и повтореніе записокъ можетъ представляться вторымъ изданіемъ. Составительница этихъ воспоминаній съ самаго дѣтства поставлена была въ такія условія, что могла очень много видѣть и слышать такого, что̀ было очень важно въ исторіи русскаго общества. и надо жалѣть, что записки ея не болѣе обширны. Онѣ начинаются съ родовыхъ воспоминаній, которыя восходятъ, по семейному преданію, до временъ Петра. Прадѣдъ со стороны матери, кн. Щербатовъ, былъ сподвижникомъ Петра и его великимъ почитателемъ; затѣмъ члены рода переживали различныя эпохи XVIII вѣка, были въ родственныхъ и дружескихъ связяхъ съ извѣстнѣйшими фамиліями нашей высшей аристократіи, и гр. Блудова передаетъ не мало интересныхъ разсказовъ, слышанныхъ ею въ дѣтствѣ и молодости и отчасти весьма характерныхъ для исторіи нашихъ нравовъ. Бо̀льшая доля настоящихъ записокъ занята именно этими разсказами, въ которыхъ, между прочимъ, по духу прежняго времени играютъ роль чудесное и таинственное, вѣщіе сны, видѣнія и привидѣнія; кромѣ того, записки постоянно прерываются историческими и нравственными размышленіями о различныхъ явленіяхъ русской жизни прежней и новѣйшей; во многихъ случаяхъ гр. Блудова передаетъ взгляды своего отца, особливо историческіе. Записки интересны вообще какъ отголосокъ особаго кружка нашей аристократіи строго консервативнаго характера, кружка, который нѣкогда примыкалъ къ Карамзину и многія лица котораго принадлежали къ извѣстному „Арзамасу". Въ дѣтствѣ гр. Блудова видѣла еще молодыми сочленовъ этого кружка, какъ Уваровъ, Дашковъ, Сѣверинъ, Вигель, Ал. Ив. Тургеневъ; тогда же она видѣла Карамзина, къ которому раздѣляла благоговѣйное уваженіе того круга, видѣла Батюшкова, Каподистрію, кн. Кочубея; тогда и позднѣе она видѣла Пушкина и Лермонтова.

„Вотъ и Пушкинъ,—говоритъ гр. Блудова, перебирая воспоминанія своей молодости, — съ своимъ веселымъ, заливающимся, ребяческимъ смѣхомъ, съ безпрестаннымъ фейерверкомъ остроумныхъ, блистательныхъ словъ и добродушныхъ шутокъ, а потомъ растерзанный, измученный, убитый жестокимъ легкомысліемъ пустыхъ, тупыхъ умниковъ салонныхъ, не постигшихъ ни нѣжности, ни гордости его огненной души...

„Вотъ Лермонтовъ, съ страннымъ смѣшеніемъ самолюбія не совсѣмъ ловкаго свѣтскаго человѣка и скромности даровитаго поэта, неумолимо строгій въ оцѣнкѣ своихъ стиховъ, взыскательный до крайности къ собственному таланту и гордый весьма посредственными успѣхами въ гостиныхъ. Они скоро бы надоѣли ему, еслибы

Digitized by Google

не сгубили безвременно тогда именно, когда возросталъ и зрѣлъ его высокій поэтическій даръ".

Позднѣе завязались сношенія съ другимъ кругомъ, о которомъ гр. Блудова вспоминаетъ слѣдующими словами:

„Вотъ и недавно исчезнувшій, благородный, честный, свѣтлый, хочется сказать, благочестивый кружокъ московскій: Хомяковъ, съ его многостороннимъ образованіемъ, съ истиннымъ даромъ языковъ, съ изумительнымъ блескомъ и глубиной ума, съ добродушною, почти дѣтскою веселостью и свѣтлою возвышенностью души; Константинъ Аксаковъ, съ его цѣльною, непреклонною и вмѣстѣ нѣжною натурой, честностью и чистотою христіанина первыхъ вѣковъ; Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, съ задумчивымъ и пытливымъ взглядомъ, съ какою-то меланхоліей человѣка, живущаго въ отвлеченномъ созерцаніи духовнаго міра. Какъ-то свѣтло становится чрезъ воспоминанія о нихъ: такъ глубоко проникнуты были они христіанскими чувствами, христіанскою истиной, что и скорбь по нихъ возвышается далеко выше житейской печали, и надъ этими могилами самыя слезы безъ горечи. Останавливаешься надъ ними, какъ на мѣстѣ покоя на пути въ ту горнюю Галилею, гдѣ опередили они насъ".

Историческія замѣтки, разсѣянныя въ запискахъ гр. Блудовой, всегда болѣе или менѣе любопытны. Она замѣчаетъ, напримѣръ, о своемъ отцѣ, что „онъ очень любилъ Петра и говаривалъ, что все въ немъ, и добро, и зло, всѣ его блистательныя качества и пороки были колоссальны, и что среди всѣхъ, даже худшихъ, дѣйствій его жизни, какъ, напримѣръ, смерть царевича Алексѣя, любовь къ Россіи, къ славѣ и могуществу ея, стояла выше всякаго личнаго чувства, и что это все-таки имѣло отголосокъ въ народѣ, несмотря на противодѣйствіе, на неудовольствія, на бунты. Это свидѣтельствуютъ многія пѣсни, сложившіяся въ народѣ о немъ и многія преданія, еще жившія въ памяти простолюдиновъ, приближенныхъ къ моему дѣду и бабушкѣ. Уже въ тогдашнее время, Петръ являлся въ колоссальномъ, легендарномъ образѣ, въ разсказахъ его современниковъ. Между прочимъ, было повѣрье, что Петръ *пропадалъ* и находился въ какомъ-то невѣдомомъ, заколдованномъ краю, откуда вынесъ несокрушимую силу и волшебныя знанія, и потому всегда побѣждалъ враговъ и успѣвалъ во всѣхъ предпріятіяхъ. Одна старушка даже считала время отъ этой эпохи: я вышла замужъ или такой-то родился или умеръ передъ тѣмъ, или послѣ того, какъ *царь пропадалъ*. Такъ глубоко дѣйствовали на воображеніе народное путешествія Петра и всѣ перемѣны, которыя онъ сталъ вводить по своемъ возвращеніи. На-

Digitized by Google

добно вспомнить тоже, что, какъ ни былъ онъ крутъ, а часто и жестокъ, однакожъ въ немъ жестокость не была кровожадностью, не была безумной прихотью".

Если въ запискахъ гр. Блудовой мы имѣемъ передъ собой воспоминанія изъ аристократическаго круга и именно изъ той среды, гдѣ соединялись и административныя преданія, и сантиментальный консерватизмъ, и куда достигали потомъ проповѣди славянофильскаго идеализма, что̀ вмѣстѣ составляло особую точку зрѣнія, понятную только въ условіяхъ той среды, то въ другихъ воспоминаніяхъ изъ тѣхъ же временъ, конца Александровской эпохи и начала царствованія Николая, мы встрѣчаемъ картину иного рода, картину незамысловатаго захолустнаго быта съ тѣми нравами добраго стараго времени, объ исчезновеніи которыхъ едва-ли можно жалѣть. Это—новые отрывки изъ воспоминаній покойнаго Ростиславова, нѣкогда профессора петербургской духовной академіи, которому принадлежитъ нѣсколько трудовъ, чрезвычайно любопытныхъ для освѣщенія быта нашего духовенства [1]). Самъ Ростиславовъ вышелъ изъ среды бѣднаго провинціальнаго духовенства, прошелъ ту школу учебную и школу жизненную, какую проходятъ въ огромномъ большинствѣ низшіе слои этого сословія. Невольно вспоминаются при этомъ размышленія гр. Блудовой въ одномъ мѣстѣ ея записокъ, гдѣ она говоритъ о противоположностяхъ знатнаго и незнатнаго происхожденія, богатства и бѣдности, и отдаетъ справедливость, даже преимущество, предъ богатыми тунеядцами тѣмъ людямъ, которые изъ бѣдности собственнымъ трудомъ составили себѣ болѣе или менѣе видное общественное положеніе. Нельзя, безъ сомнѣнія, не раздѣлить этихъ сочувствій; можно бы только продолжить размышленіе далѣе: не оставляетъ ли, однако, эта бѣдность своихъ слѣдовъ на направленіи понятій и на внѣшней манерѣ людей, которые ее нѣкогда преодолѣвали? Въ тѣхъ же запискахъ выражается довольно враждебное отношеніе къ отсутствію свѣтской воспитанности, къ внѣшней грубоватости новѣйшихъ поколѣній, которыя строго осуждаются вмѣстѣ съ ихъ мнѣніями. Нѣтъ сомнѣнія, что грубоватость не есть такое качество, которое заслуживало бы похвалы или было полезно; но невольно приходитъ мысль о томъ, могла ли бы она въ той или другой степени отсутствовать даже у людей съ избранной натурой и впослѣдствіи заслуженныхъ, если имъ приходилось прожить такую біографію,

[1]) Эти записки начали печататься въ „Русской Старинѣ" еще въ 1880 году, продолжались потомъ въ 1882, 1884, 1887 и 1888 г. Одинъ историческій трудъ его напечатанъ былъ въ „Вѣстникѣ Европы".

Digitized by Google

какую разсказываетъ Ростиславовъ. Онъ началъ свое ученіе въ низшемъ духовномъ училищѣ въ уѣздномъ городѣ (рязанской губерніи), училищѣ самой старозавѣтной формаціи, въ крайне бѣдной, можно почти сказать, нищенской обстановкѣ, жилъ въ такъ-называемыхъ, „ученическихъ квартирахъ", съ такими же бѣдняками, какъ онъ, гдѣ, напримѣръ, *годовая* плата за его квартиру составляла десять рублей ассигнаціями (въ то время три рубля серебромъ составляли десять рублей съ полтиной на ассигнаціи, то-есть, по нынѣшнему, годовая квартирная плата была менѣе трехъ рублей); пища была собственная, то-есть, отцы выдавали дѣтямъ муку, крупу и т. п., изъ которыхъ хозяйка должна была готовить имъ пищу, но прибавляла *отъ себя* капусту, соль и еще что-то; мальчики набивались кучей въ тѣсную комнату, гдѣ жила сама хозяйка; мебель состояла изъ лавокъ, но на ночь жильцы не умѣщались на этихъ лавкахъ и каждую ночь двое по очереди должны были спать на полу; постель состояла изъ войлока и подушки, которые на день выносились въ чуланъ. Въ такихъ условіяхъ нельзя было думать объ опрятности самой элементарной, а также, конечно, и о свѣтскихъ манерахъ. Если люди подобнаго рода, конечно, только благодаря труду и дарованію, пріобрѣтали потомъ положеніе въ обществѣ, они приносили въ него не свою личную грубоватость, а свойство цѣлой среды, изъ которой они выходили: въ жизнь классовъ образованныхъ входила демократическая полоса съ отличавшими ее чертами; если эти черты не бывали привлекательны, это была вина всей жизни, которая не оставляла для низшихъ классовъ хотя бы нѣкоторой культуры. Салоны могли быть непріятно шокированы людьми безъ свѣтскихъ манеръ; но они не думали, что въ этой формѣ являются въ ихъ средѣ представители той народной массы, о которой говорятъ иногда въ салонахъ такими красивыми фразами, а съ другой стороны, что эти представители массы приносили съ собой въ общество и нѣчто иное, кромѣ несвѣтскихъ манеръ. Несомнѣнно, что въ этихъ людяхъ вступала въ общественное обращеніе и извѣстная струя демократическаго *содержанія*, болѣе живого чувства народной жизни и ея насущныхъ потребностей, чѣмъ сколько могло быть когда-нибудь достигнуто въ салонахъ.

Въ изданномъ теперь отрывкѣ записокъ Ростиславова разсказывается о его школѣ и о нравахъ города Касимова. Разсказы собственно о школѣ не представляютъ особенно новаго: много разъ было говорено о томъ, что представляла собой не только низшая школа, но и семинарія и ея „бурса", но очень

Digitized by Google

любопытны черты городского быта. Цивилизація еще очень мало коснулась этого быта и многія черты его восходили несомнѣнно еще къ XVII вѣку. Приводимъ нѣсколько подробностей: „Касимовъ въ то время никакъ нельзя было назвать барскимъ городомъ: неслужащихъ дворянъ въ немъ жило весьма немного, хотя нѣкоторымъ изъ нихъ, какъ, напримѣръ, Засѣцкому, перьинскому помѣщику, принадлежали большіе дома. Уѣздное дворянство проживало въ своихъ деревняхъ и пріѣзжало въ городъ, чтобы покутить или по какимъ-либо дѣламъ; даже дворянскіе предводители любили жить болѣе въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Изъ чиновниковъ отъ правительства и по выборамъ, постоянно жившихъ въ городѣ, самые важные были, разумѣется, городничій, уѣздный судья, стряпчій, исправникъ, казначей. Но такъ какъ на безлюдьи и Ѳома дворянинъ, по русской пословицѣ, то играли замѣтную роль частный приставъ, секретари уѣзднаго и земскаго судовъ, и проч. Ученое сословіе сосредоточивалось въ нашемъ и свѣтскомъ уѣздномъ училищахъ“.

„Духовенство жило какою-то своеобразною жизнью. Оно, въ своемъ приходѣ, разумѣется, волею или неволею приглашалось или само приходило въ дома для исполненія различныхъ требъ, но за предѣлами прихода мало имѣло знакомыхъ, исключая протопопа и Краснова, предъ которыми двери всюду растворялись. Съ другой стороны, духовныя лица и между собою жили не очень близко и ладно, по крайней мѣрѣ въ гости другъ къ другу вовсе почти не ходили. Можетъ быть, причиною этого была и бѣдность... но, кромѣ бѣдности, причиною разъединенія между священниками были то зависть, то мелочное самолюбіе, какое между ними замѣчается. И дьяконы городскіе тоже находили поводы быть недовольными другъ другомъ; тутъ все дѣло состояло въ голосѣ. Самый лучшій басъ былъ у дьяконовъ благовѣщенскаго и егорьевскаго, но у соборныхъ дьяконовъ Дмитрія, особенно же Матвѣя, была какая-то козлиная фистула, между тѣмъ, по іерархическому порядку, при общихъ молебствіяхъ въ соборѣ, въ царскіе дни, первое мѣсто принадлежало соборнымъ дьяконамъ и притомъ Матвѣю. Жителямъ очень бы желалось, чтобы многолѣтіе прокричалъ или благовѣщенскій, или егорьевскій дьяконъ, да и эти отцы понимали свои права на восклицновеніе. Какъ же имъ не смотрѣть съ презрѣніемъ на какого-то пискуна, соборнаго дьякона Матвѣя, и, съ другой стороны, какъ же и послѣднему не отстаивать своихъ іерархическихъ правъ?

„Настоящее ядро, даже, можно сказать, аристократію города

Digitized by Google

составляли купцы, между которыми было много богатыхъ людей и первое мѣсто занималъ Иванъ Осиповичъ Алянчиковъ; онъ былъ мужчина очень толстый, разбогатѣвшій отъ откуповъ и почти вовсе не занимавшійся торговлею, такъ сказать, отдыхавшій на лаврахъ. Домъ у него былъ великолѣпный, устроенный на барскую ногу; гостиная его, чуть не каждый день, наполнялась гостями, которые, можетъ быть, и не всѣ, приходили алчущими и жаждущими, но уходили непремѣнно насыщенными. Поэтому въ городѣ онъ былъ самою уважаемою особою... Изъ другихъ городскихъ купеческихъ знаменитостей можно указать на татарина Салеха Бурхаича, Дмитрія Сергѣевича Барнова, Михаила Абрамовича Якунчикова, Колчиныхъ, Шишкиныхъ, и пр. Салехъ имѣлъ большіе кожевенные заводы и велъ обширную торговлю азіатскими товарами. Хотя онъ ходилъ какъ татаринъ и жилъ въ татарскихъ слободахъ, но имѣлъ знакомство съ русскими, нашъ протопопъ былъ его задушевнымъ пріятелемъ... Барновъ сдѣлался милліонеромъ, торгуя желѣзомъ, но въ богатствѣ его есть что-то темное. Якунчиковъ, бывшій долго приказчикомъ Алянчикова, въ то время шелъ уже въ гору, богатѣлъ, богатѣлъ и, умирая, въ царствованіе Николая I, оставилъ состояніе въ семь милліоновъ серебромъ. Было еще нѣсколько очень богатыхъ купеческихъ фамилій.

„Но бо́льшая часть касимовскихъ жителей, какъ людей православныхъ, жили по преданіямъ старины глубокой, не увлекаясь новѣйшими идеями, принципами 1789 года; сытно ѣли, много спали, ходили по праздникамъ въ церковь, и пр., и пр., словомъ сказать, благоденствовали во славу имени Христова. Я послѣ, кажется, нигдѣ не встрѣчалъ такого множества толстяковъ, какое пришлось мнѣ видѣть въ купеческомъ и мѣщанскомъ сословіяхъ Касимова. Что за тузы были! Алянчиковъ, Иванъ Осиповичъ, Яковъ Петровичъ Курбатовъ, Колчины, Шишкины, и пр. Особенно меня поражали мужъ-купецъ и его жена; фамилію ихъ забылъ. Они ѣзжали въ стариннаго фасона дрожкахъ, съ зонтиками съ обѣихъ сторонъ. Лошадь была здоровенная, ѣзжали всегда шагомъ, да и нельзя было торопиться: ну, право, кажется, въ каждомъ изъ сѣдоковъ было не менѣе 10 пудовъ. Изъ купчихъ еще немногія тогда стали одѣваться по модному, въ чепцы и шляпки, платья, салопы и пр., большинство ходило въ кокошникахъ, сарафанахъ, епанечкахъ или повязывали голову платками. Всѣ эти вещи стоили очень дорого. Кокошники унизаны были жемчугомъ, на епанечки употреблялась богатая парча, головные платки вышивались серебромъ и золотомъ“.

Digitized by Google

Наконецъ было военное сословіе—стоявшій въ городѣ кавалерійскій полкъ.

„Отличившись, какъ слышно было, во время войны своею храбростью, чины его перенесли лагерныя и походныя свои привычки въ мирный уголокъ рязанской губерніи; они и здѣсь любили распоряжаться такъ же, какъ поступали въ землѣ непріятельской. Офицеры рѣшительно почти знать не хотѣли даже почетныхъ гражданъ и чиновниковъ; къ величайшей досадѣ жителей, въ соборѣ, во время царскихъ молебновъ, оттѣсняли всѣ касимовскія знаменитости, даже городничаго и Алянчикова, на задній планъ, мало знакомились съ жителями и составляли особый кружокъ, кутили, какъ прилично было гусарамъ, современникамъ Давыдова и Бурцева. Деньги, назначенныя на содержаніе солдатъ и лошадей, полковникъ и ротмистры находили лучшимъ удерживать, по возможности, у себя, а гусарамъ предоставляли кормиться на квартирахъ на счетъ хозяевъ; даже и для лошадей часто не хотѣли покупать, по крайней мѣрѣ, сѣно, которое солдаты добывали иногда фуражировкою“.

Жители сначала воображали, что они въ самомъ дѣлѣ обязаны содержать полкъ, но когда узнали, что на пищу солдатамъ и на фуражъ отпускаются деньги, то стали принимать мѣры противъ фуражировокъ и дѣло доходило до формальныхъ сраженій, гдѣ бывали и убитые. Эти безпорядки вызвали, наконецъ, строгія мѣры военнаго начальства; одинъ полковникъ застрѣлился, какъ говорили, боясь быть разжалованнымъ.

„Но жители Касимова и сами, безъ вліянія гусаръ, склонны были къ воинственнымъ упражненіямъ. Склонность эта выражалась, главнымъ образомъ, въ кулачныхъ бояхъ. Участниками въ нихъ были мѣщане, ямщики, татары и вообще, такъ сказать, низшій классъ; не прочь были поколотить другихъ и подставить свои бока подъ кулаки и молодые, небогатые купчики. Но солидное народонаселеніе, пожилые и старые люди, именитые купцы и чиновники, конечно, лично не становились въ ряды кулачныхъ бойцовъ, но любили ободрять ихъ и словомъ, и водкою, и подарками, и деньгами; этотъ кулачный патріотизмъ доходилъ иногда, какъ я скажу сейчасъ, до смѣшного экстаза. Противныя партіи составлялись разнообразно. Если дрались только русскіе съ русскими, то съ одной стороны стояли ямщики, кузнецы, прихожане егорьевскаго прихода, а съ другой—прочіе горожане“... „Бои происходили на Соборной улицѣ. Ямщики употребляли усилія, чтобы горожанъ прогнать до собора. Это было верхомъ безчестья для послѣднихъ: „соборъ потеряли“, кричали имъ ямщики, одер-

Digitized by Google

жавъ побѣду... Отъ разыгравшагося воинственнаго азарта многіе бойцы выходили: тотъ—съ подбитымъ глазомъ, другой—съ разбитымъ носомъ, иной—съ подбородкомъ, повернутымъ въ сторону; бывали примѣры, что, отъ сильныхъ ударовъ, глаза выскакивали вонъ изъ своихъ мѣстъ; объ ударахъ въ грудь, въ бока нечего и говорить; наживали даже чахотку. Но все тутъ не было того полнаго воодушевленія, настоящаго воинственнаго азарта, которые обнаруживались, когда одна часть сражающихся состояла изъ татаръ, а другая—изъ всего русскаго народонаселенія".

Наконецъ:

„Колотя другъ друга на кулачныхъ бояхъ, касимовскіе жители не могли же не любить тѣхъ зрѣлищъ, гдѣ они имѣли удовольствіе видѣть, какъ другихъ бьютъ и притомъ самымъ безпощаднымъ, но законнымъ образомъ. Сцены наказанія преступниковъ кнутомъ и плетьми были любимыми у жителей города, но уже не у однихъ кулачныхъ бойцовъ, а и у людей солидныхъ. Довольно сказать, что нашъ протопопъ являлся очень часто на мѣсто казни въ своей камилавкѣ и стоялъ въ первыхъ рядахъ".

Такимъ образомъ, въ томъ немногомъ, что мы пересмотрѣли изъ появившейся въ послѣдніе годы литературы мемуаровъ, передъ нами проходятъ самые разнообразные слои и стороны русской жизни. Почти нечего говорить, что наша исторіографія далеко не воспользовалась тѣмъ матеріаломъ, который только теперь начинаетъ появляться на свѣтъ: у насъ все еще преобладаетъ исторія оффиціальныхъ событій, если и не съ оффиціальной точки зрѣнія. Исторія общества, нравовъ, культуры должна стать необходимымъ дополненіемъ исторіи общей, внѣшней политической и внутренней, исторіи учрежденій и правленія: въ самомъ дѣлѣ, безъ этого освѣщенія обычныхъ нравовъ, быта, степени культуры, общая исторія остается слишкомъ безцвѣтна и отвлеченна; факты, о которыхъ она говоритъ, остаются какъ бы формулами безъ примѣненія, безъ живыхъ людей. Лишь въ послѣднее время начинаются попытки исторіи этого рода, и надо желать, чтобы онѣ размножились и расширились: многое представилось бы намъ въ значительно иномъ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ яснѣе и полнѣе, и главное, мы исправили бы многія преувеличенія, какихъ до сихъ поръ не мало въ нашихъ историческихъ представленіяхъ. Мы увидѣли бы, что мы вовсе не такъ далеки отъ патріархальной и грубоватой старины, которую считаемъ давно отжитой; мы не считали бы столь желаннымъ возвращенія къ этой старинѣ, которая при ближайшемъ знакомствѣ окажется далеко не столь привлекательна, какъ она представляется намъ издали; мы

Digitized by Google

увидѣли бы, наконецъ, что какъ старинѣ, такъ и современному быту недостаетъ еще слишкомъ многаго и въ просвѣщеніи, и въ здравыхъ общественныхъ отношеніяхъ. Когда мы читаемъ въ мемуарахъ прошлаго вѣка или начала нынѣшняго о бытѣ какой-нибудь отдаленной провинціи, насъ часто останавливаетъ странное впечатлѣніе, какъ будто до этой провинціи не достигало совсѣмъ то движеніе, которое совершалось въ центрахъ нашей общественности; провинція жила своимъ традиціоннымъ бытомъ и до нея доходили только слабые отголоски этого движенія. Такъ бывало даже въ среднемъ дворянскомъ кругу, который всего ближе могла затрогивать эта образованность; бытъ духовенства съ нѣкоторымъ вліяніемъ схоластической школы стоялъ особнякомъ, точно бытъ особой касты; бытъ купеческій держался въ стародавнихъ преданіяхъ; народъ былъ безсознательной массой съ одними неясными инстинктами.

А. В—нъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ

1.

О ПРАВДИВОСТИ.

Всѣ тайны—на-голо̀! Всѣ души—на-распашку!..
Такъ люди не были правдивы никогда.
Но можно маску снять—зачѣмъ снимать рубашку?
Пусть лицемѣрья нѣтъ—зачѣмъ же нѣтъ стыда?
Чтожъ! Просто ль ихъ тѣснятъ приличныя одежды?
Иль представляются имъ выше, наконецъ,
Гонитель знанія—стыдливаго невѣжды,
И робкаго льстеца—отъявленный подлецъ?

2.

О ПРАВДѢ.

Друзьямъ правдивымъ лжи свѣтъ правды ненавистенъ.
И вотъ—они на мысль, искательницу истинъ,
Хотѣли бъ наложить молчанія печать,
И съ повелѣніемъ—безропотно молчать!

Digitized by Google

3.

О ПРИЛИЧІИ.

Чернить особенно людей онъ честныхъ хочетъ!
Блудница трезвая, однако, не порочитъ
Нахально женщину за то лишь, что она—
И мать хорошая, и честная жена.
Вотъ только гдѣ теперь встрѣчаются примѣры—
Какъ и въ безстыдности блюдется чувство мѣры!..

4.

О ДУХОВНОЙ СКУДОСТИ.

Для творческихъ идей духъ времени—препона;
Отъ лучшихъ замысловъ получится уродъ.
Изъ мрамора рѣзцомъ ваяютъ Аполлона,
Но развѣ вылѣпишь его изъ нечистотъ?!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Digitized by Google

СТАРЫЯ И НОВЫЯ ПОНЯТІЯ

о

ГОСУДАРСТВѢ.

Окончаніе.

III *).

Какъ въ концѣ прошлаго столѣтія лучшіе умы въ Европѣ увлекались преувеличенными надеждами въ области политическихъ реформъ, такъ въ настоящее время господствуетъ склонность ожидать слишкомъ многаго отъ государства въ области соціальныхъ задачъ. Оттого вопросъ о роли и функціяхъ государственной власти сохраняетъ теперь такое же жгучее значеніе, какое онъ имѣлъ сто лѣтъ тому назадъ. Идеи, которыя высказывалъ по этому предмету Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, не потеряли своей свѣжести до сихъ поръ; онѣ не только логичнѣе и основательнѣе воззрѣній новѣйшихъ нѣмецкихъ систематиковъ, но и гораздо глубже захватываютъ предметъ и обнаруживаютъ несравненно бо́льшее пониманіе человѣческой природы и исторіи.

Гумбольдту было всего 25 лѣтъ, когда онъ написалъ свою книжку о границахъ государственной дѣятельности. Годомъ раньше. по поводу широкихъ плановъ французскаго учредительнаго собранія, онъ съ замѣчательною дальновидностью оцѣнилъ практическую слабость конституцій, вырабатываемыхъ „по однимъ лишь принципамъ разума“. Новое устройство — писалъ онъ — „должно слѣдовать за старымъ. На мѣсто системы, разсчитанной только на

*) См. выше: апрѣль, стр. 722 и слѣд.

Digitized by Google

то, чтобы извлекать изъ народа возможно больше средствъ для удовлетворенія честолюбія и расточительности немногихъ, должна вступить въ силу другая система, имѣющая цѣлью только свободу, спокойствіе и счастіе всѣхъ отдѣльныхъ гражданъ. Такимъ образомъ, два совершенно противоположныя состоянія должны слѣдовать одно за другимъ. Гдѣ соединяющая ихъ связь? Кто возьмется соткать ее? Какъ мы ни изучили бы настоящее положеніе, съ какой бы точностью ни разсчитали мы, что̀ можетъ быть приспособлено къ нему, всегда это будетъ недостаточно. Все наше знаніе основывается на общемъ, т.-е. на неполныхъ и неточныхъ идеяхъ, насколько рѣчь идетъ о предметахъ опыта; индивидуальное представляется намъ весьма неясно. А между тѣмъ все зависитъ здѣсь отъ индивидуальныхъ силъ, индивидуальныхъ дѣйствій и стремленій. Въ человѣкѣ можетъ развиться успѣшно только то̀, что̀ возникаетъ изъ внутреннихъ побужденій, а не дается ему извнѣ; государство же есть не что иное, какъ сумма дѣйствующихъ и страдающихъ человѣческихъ силъ. Всякое творчество требуетъ дѣятельнаго воспріятія. Поэтому настоящее должно быть уже подготовлено для будущаго; гдѣ послѣднее остается еще чуждымъ настоящему, тамъ все мертво и холодно. Разумъ можетъ обработать существующій матеріалъ, но не имѣетъ силы создать новый. Эта сила заключается единственно въ природѣ вещей; истинный разумъ поощряетъ ее къ дѣйствію, старается направлять ее,—и скромно останавливается на этомъ. Государственныя учрежденія не могутъ быть насаждаемы среди людей, какъ ростки на деревьяхъ. Гдѣ время и природа не сдѣлали своего, тамъ это было бы все равно, что привязывать почки нитками: онѣ увянутъ при первыхъ полуденныхъ лучахъ солнца". Задавая себѣ вопросъ, продержится ли новая французская конституція (1791 г.), Гумбольдтъ категорически отвѣчаетъ: нѣтъ! „Но она вновь прояснитъ идеи,—прибавляетъ онъ,—вновь поощритъ всякую активную добродѣтель, и далеко за предѣлы Франціи распространитъ свое благотворное вліяніе. Она этимъ подтвердитъ обычный ходъ человѣческихъ дѣлъ, въ которыхъ доброе никогда не дѣйствуетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно совершается, а проявляетъ свои плоды на далекихъ разстояніяхъ пространствъ и временъ"... Желаніе предусмотрѣть всѣ многоразличныя стороны жизни и удовлетворить одновременно главнѣйшія потребности общежитія должно быть признано неосуществимымъ потому, что „человѣчество вообще осуждено на односторонность".

Въ немногихъ словахъ Гумбольдтъ мѣтко характеризуетъ роль „могущественнаго случая" въ историческомъ развитіи государ-

Digitized by Google

ственности въ западной Европѣ. Торжество монархіи надъ феодализмомъ было выигрышемъ для свободы, ибо народъ, подчиненный больше центральному правительству, чѣмъ дворянству, чувствовалъ себя легче, уже вслѣдствіе большаго разстоянія отъ власти. „Цѣли правителя уже не могли быть достигаемы непосредственно физическими силами подданныхъ; требовалось средство—деньги. Всѣ стремленія направились къ тому, чтобы обезпечить добываніе возможно большаго количества денегъ изъ народа. Для этого нужно было прежде всего, чтобы самъ народъ имѣлъ деньги, и потому необходимо было открыть ему всякіе источники промышленности; съ другой стороны, надо было устанавливать такіе способы собиранія налоговъ, которые не слишкомъ раздражали бы населеніе, не вызывали бы безпорядковъ и не обходились бы дорого казнѣ. На этомъ основываются собственно всѣ наши современныя политическія системы. Чтобы достигнуть главной цѣли, нужно было имѣть въ виду благосостояніе націи, какъ подчиненное въ сущности средство, а неизбѣжнымъ условіемъ этого благосостоянія было предоставленіе ей большей степени свободы; но добродушные люди, особенно писатели, перевернули дѣло и приняли благосостояніе за цѣль, а собираніе податей за необходимое къ тому орудіе. Кое-гдѣ эта идея проникаетъ въ голову какого-нибудь правителя, и этимъ способомъ возникъ принципъ, что правительство обязано заботиться о счастіи и благѣ народа, физическомъ и нравственномъ. А это именно самый худшій и тягостный деспотизмъ: средства угнетенія столь скрыты и запутаны, что люди считали себя свободными, хотя были парализованы въ благороднѣйшихъ своихъ силахъ... Распространеніе знаній и просвѣщенія напомнило людямъ объ ихъ правахъ и оживило идею свободы; а въ то же время управленіе сдѣлалось столь сложнымъ и искусственнымъ, что требовало необычайной мудрости и предусмотрительности. Какъ разъ въ той странѣ, гдѣ образованіе наибольше распространилось, правительство особенно опустилось и обнаружило опаснѣйшіе недостатки. Оттого тамъ впервые произошла революція, и тогда, при извѣстной неспособности людей найти средній путь и при горячемъ темпераментѣ націи, нельзя было ожидать другой системы, кромѣ той, въ которой видѣли наибольшее осуществленіе свободы,—системы разума, идеала государственнаго устройства. Человѣчество страдало отъ одной крайности и потому должно было искать спасенія въ другой крайности“ [1]).

[1]) „Ideen über Staatsverfassung, durch die neue französische Constitution veranlasst“—небольшая статья, напечатанная, въ видѣ извлеченія изъ „Письма къ другу“

Digitized by Google

Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ молодого Гумбольдта выраженъ весь его трезвый скептическій взглядъ на исторію и роль государственной власти въ западной Европѣ. Сколько глубокой ироніи въ этомъ указаніи на дѣйствительныя заботы и стремленія прежнихъ правителей, понимаемыя навыворотъ „добродушными людьми"! Едва ли многіе въ Европѣ способны были сохранить такое философское спокойствіе при оцѣнкѣ событій, совершавшихся во Франціи; и нельзя не удивляться той холодной проницательности, съ какою Гумбольдтъ въ августѣ 1791 года предсказывалъ неудачу конституціи, возбуждавшей самыя восторженныя надежды въ большинствѣ передового французскаго общества. Статья обратила на себя вниманіе и послужила первымъ ядромъ болѣе обстоятельной работы, предпринятой авторомъ въ началѣ 1792 года, по общему теоретическому вопросу о нормальныхъ предѣлахъ дѣятельности государства.

Резюмируя сущность своего труда въ одномъ изъ писемъ, относящихся къ тому времени, Гумбольдтъ замѣчаетъ, что цѣлью его было по возможности противодѣйствовать страсти къ управленію и точнѣе опредѣлить границы правительственнаго вмѣшательства. „Высшее и наиболѣе пропорціональное развитіе всѣхъ человѣческихъ силъ" было единственнымъ руководящимъ принципомъ его разсужденій [1]). Но эта точка зрѣнія не считалась благонамѣренною въ тогдашней Пруссіи, и берлинская цензура не разрѣшила печатанія книжки. Послѣ тщетныхъ попытокъ найти издателя внѣ прусскихъ владѣній, авторъ отказался отъ мысли выпустить свое сочиненіе въ свѣтъ и ограничился помѣщеніемъ нѣсколькихъ главъ въ берлинскомъ журналѣ Бистера и въ изданіи Шиллера „Thalia", въ теченіе 1792 года. Книга была напечатана впервые, какъ мы уже упоминали, въ 1851 году, съ критическимъ предисловіемъ, въ которомъ говорится, между прочимъ, о невысокой абсолютной цѣнности „идей" Гумбольдта, вслѣдствіе недостаточнаго основного представленія о государствѣ [2]). Гумбольдтъ дѣйствительно не интересовался отвлеченными теоріями государства и имѣлъ въ виду исключительно интересы реальной человѣческой личности, потребности и выгоды живого реальнаго

(помѣченнаго августомъ 1791 года), въ „Berlinische Monatsschrift", herausg. von Biester, 1792, Januar, и вошедшая потомъ въ собраніе сочиненій: Wilhelm von Humboldt's Gesammelte Werke, Berlin, 1841, Bd. I, стр. 301—311.

[1]) Briefe W. v. H. an G. Forster, XII (отъ 1-го іюня 1792 г.),—Gesammelte Werke. Bd. I, стр. 296.

[2]) См. вступительную статью G. W. въ изданіи „Universal-Bibliothek", Ф. Реклама, № 1991 и 1992, стр. 6—7.

Digitized by Google

народа, который столь часто отдавался въ жертву фиктивнымъ политическимъ принципамъ. Точка зрѣнія Гумбольдта совершенно противоположна господствующему нѣмецкому взгляду на государство и потому не могла быть оцѣнена по достоинству даже такимъ ученымъ теоретикомъ, какъ Блюнчли [1]).

Оригинальная особенность воззрѣній Гумбольдта заключается въ томъ, что онъ разсматриваетъ общественную и частную жизнь совершенно независимо отъ начала государственности и ставитъ на первомъ планѣ самые источники и элементы человѣческаго развитія, а не результаты, считаемые желательными для населенія въ данное время. Государство, безъ сомнѣнія, имѣетъ возможность достигнуть извѣстныхъ общественныхъ цѣлей гораздо легче и скорѣе, чѣмъ само общество, предоставленное собственной иниціативѣ; но, стремясь къ непосредственной практической пользѣ гражданъ при помощи государственнаго вмѣшательства, заботливые правители ослабляютъ и парализуютъ самостоятельную энергію частныхъ лицъ, пріучаютъ общество къ пассивному выжиданію и воспріятію внѣшнихъ мѣръ, вносятъ однообразіе въ проявленія общественной и умственной дѣятельности и этимъ подрываютъ для будущаго жизненныя силы націи и государства. Обыкновенно,—говоритъ Гумбольдтъ,—въ разсужденіяхъ о государствѣ, равно какъ и въ проектахъ политическихъ реформъ, исключительное вниманіе обращается на вопросы государственнаго строя и управленія, а всего меньше говорится о томъ, какіе именно предметы должны или не должны входить въ кругъ правительственнаго воздѣйствія; между тѣмъ послѣднее касается самой цѣли государственныхъ учрежденій и слѣдовательно представляетъ бо̀льшую важность, чѣмъ опредѣленіе средствъ и способовъ государственной дѣятельности. Свобода отдѣльныхъ лицъ ограничивалась преимущественно съ двухъ точекъ зрѣнія: въ видахъ необходимости, для прочнаго устройства и обезпеченія правительственнаго порядка, или же въ интересахъ пользы, для облегченія заботъ о физическомъ и нравственномъ состояніи націи. Часто обѣ категоріи интересовъ дѣйствовали одновременно. Въ древнихъ государствахъ почти всѣ установленія, относившіяся къ частной жизни гражданъ, были въ собственномъ смыслѣ политическими. Но старые законодатели и особенно философы-реформаторы имѣли также въ виду человѣка и то, что̀ въ немъ наиболѣе цѣнилось,—нравственное достоинство, и потому, напримѣръ,

[1]) Пренебрежительный отзывъ его о теоріи Гумбольдта см. въ „Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts und der Politik“, von I. C. Bluntschli (München, 1864), стр. 393—4.

Digitized by Google

въ „Республикѣ“ Платона воспитательныя соображенія преобладаютъ надъ государственными. Справедливо было замѣчено, что свобода частной жизни ростетъ по мѣрѣ того, какъ падаетъ общественная свобода, съ которою параллельно идетъ и держится безопасность. Новыя государства, какъ поясняетъ далѣе Гумбольдтъ, существенно отличаются отъ древнихъ по отношеніямъ своимъ къ человѣческой личности. Древніе заботились о силѣ и образованіи человѣка, какъ человѣка; новѣйшіе правители думаютъ больше объ его благосостояніи, имуществѣ и способности къ пріобрѣтенію. Прежде стремились къ добродѣтели, теперь—къ счастію. Поэтому ограниченія личной свободы были, съ одной стороны, опаснѣе и чувствительнѣе въ старыхъ государствахъ, ибо они затрогивали внутреннюю сущность человѣка; но въ то же время публичныя учрежденія древнихъ поддерживали и возвышали дѣятельную силу людей. Стремленіе образовать энергическихъ и выносливыхъ гражданъ давало умамъ и характерамъ болѣе высокій полетъ. Напротивъ, теперь человѣкъ самъ по себѣ меньше ограничивается; только окружающія его условія получаютъ болѣе стѣснительную и однообразную форму. Новѣйшія государственныя ограниченія направлены гораздо больше на то, что человѣкъ имѣетъ, нежели на то, что онъ есть; даже въ послѣднемъ случаѣ они не способствуютъ хотя бы одностороннему упражненію физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, какъ у древнихъ, но принуждаютъ людей подчиняться опредѣленнымъ идеямъ, изложеннымъ въ законахъ. Самая природа этихъ ограниченій подавляетъ энергію,—источникъ всякой активной добродѣтели и необходимое условіе высшаго и разностороннѣйшаго развитія. Если у древнихъ народовъ односторонность выкупалась бо́льшею сосредоточенностью силы, то у насъ мѐньшая сила еще болѣе ослабляется односторонностью. Въ древности всякая дѣятельность исходила отъ человѣка, отъ его силы и образованія; теперь слишкомъ часто пружины дѣйствія отнесены къ идеальному цѣлому, причемъ почти забываются личности, или, по крайней мѣрѣ, принимаются въ разсчетъ не ихъ внутреннія потребности и стремленія, а только ихъ спокойствіе, имущественное благосостояніе и довольство [1]).

[1]) Ideen zu einem Versuch die Gränzen der Wirksamkeit des Staats zu bestimmen. W. v. H. Gesammelte Werke, Bd. VII, Berlin, 1852, стр. 2—9 и слѣд. Книжка напечатана съ пропусками въ концѣ введенія и въ третьей главѣ (стр. 9—10 и 26), такъ какъ соотвѣтственныя части рукописи утрачены. Главы II и III (стр. 10—26) были помѣщены въ „Thalia“ Шиллера (1792, Heft 5) и перепечатаны еще отдѣльно во II томѣ собранія сочиненій Гумбольдта (стр. 241—263); главы V, VI и VIII были

Digitized by Google

Вопросъ о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства разсматривается Гумбольдтомъ съ точки зрѣнія отдѣльныхъ людей и ихъ высшихъ задачъ. „Истинная цѣль человѣка, зависящая не отъ перемѣнчивой склонности, а отъ природы вещей,—это высшее и наиболѣе пропорціональное развитіе его силъ въ одноцѣлое. Для такого развитія первымъ и необходимымъ условіемъ является свобода. Кромѣ свободы, требуется еще нѣчто другое, тѣсно съ нею связанное,—разнообразіе положеній. Даже самый свободный и независимый человѣкъ, поставленный въ однородныя обстоятельства, разовьется меньше. Недостатокъ разносторонности восполняется общеніемъ съ другими; самостоятельная сила личностей и разнообразіе ихъ качествъ соединяются въ понятіи оригинальности. Особенность силы и образованія есть то, къ чему сводится въ концѣ концовъ все величіе человѣка, къ чему вѣчно стремятся отдѣльныя личности и чего никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, если хотятъ оказывать вліяніе на людей. Съ каждымъ поколѣніемъ уменьшается разнообразіе и оригинальность характеровъ, по мѣрѣ большаго общенія между людьми и большаго объединенія человѣческихъ дѣлъ и предпріятій. Даже окружающая насъ природа стала однообразнѣе; громадные лѣса вырублены, болота высушены и т. п.; мысль о чемъ-то новомъ, необычайномъ, удивительномъ, возникаетъ все рѣже, удивленіе и страхъ становятся почти постыдными, а изобрѣтеніе новыхъ невѣдомыхъ еще вспомогательныхъ средствъ уменьшило поводы къ внезапнымъ, неподготовленнымъ и настоятельнымъ рѣшеніямъ. Большее распространеніе знаній дѣлаетъ менѣе нужною личную изобрѣтательность каждаго, а ученіе притупляетъ къ тому способность. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что рядомъ съ уменьшеніемъ физическаго разнообразія шло болѣе удовлетворительное обогащеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ, и что нашъ болѣе утонченный умъ схватываетъ оттѣнки и различія, которыхъ не замѣчали въ древности. Въ человѣчествѣ произошло то же самое, что и въ отдѣльномъ человѣкѣ: болѣе грубое отпало, болѣе тонкое осталось. Это было бы благотворно, безъ сомнѣнія, еслибы сила одного столѣтія переходила къ слѣдующему, вмѣстѣ съ книгами и изобрѣтеніями; но такой полной передачи не бываетъ въ дѣйствительности. Наша утонченность, правда, есть также сила; однако, развитію ея должно было бы всегда предшествовать образованіе и усовершенствованіе болѣе грубыхъ сторонъ

помѣщены въ „Berlinische Monatsschrift“ за 1792 годъ и также напечатаны вдвойнѣ: Gesammelte Werke, т. I, стр. 312—342 и т. VII, стр. 45—58 и 82—98.

Digitized by Google

человѣка, ибо чувственность есть первый зародышъ и живѣйшее выраженіе всего духовнаго". Гумбольдтъ считаетъ доказаннымъ, что для человѣка „желательно лишь такое состояніе, при которомъ не только каждый въ отдѣльности пользуется неограниченною свободою самостоятельнаго развитія, но и физическая природа подвергалась бы воздѣйствію человѣческихъ рукъ только въ предѣлахъ потребности и наклонности каждаго, по мѣрѣ его силы и права".

Государство можетъ вмѣшиваться въ ходъ народной жизни, во-первыхъ, для предупрежденія зла со стороны людей или внѣшнихъ природныхъ условій, или же, во-вторыхъ, для поощренія общественнаго благосостоянія. Первая задача, охранительная, противополагается авторомъ всѣмъ другимъ возможнымъ цѣлямъ, имѣющимъ одинъ общій признакъ—стремленіе къ положительному благу. Охрана внутренней и внѣшней безопасности составляетъ единственный необходимый предметъ государственной дѣятельности, по мнѣнію Гумбольдта. Заботы о положительномъ благѣ народа должны быть всецѣло предоставлены отдѣльнымъ лицамъ и всему обществу, безъ участія правительства. Принимая на себя подобныя положительныя задачи, государство противорѣчитъ истинной политикѣ, исходящей отъ высшихъ человѣческихъ точекъ зрѣнія. „Правительственный духъ, господствующій во всѣхъ такого рода мѣропріятіяхъ и учрежденіяхъ, вызываетъ однообразіе и прививаетъ народу чуждый ему способъ дѣйствій; результатъ достигается въ ущербъ самостоятельнымъ народнымъ силамъ. Разнообразіе, происходящее отъ соединенія многихъ, есть высшее благо, доставляемое обществомъ, и это именно разнообразіе все болѣе теряется по мѣрѣ усиленія государственнаго вмѣшательства. Въ сущности уже не члены націи живутъ во взаимномъ общеніи, а отдѣльные подданные имѣютъ дѣло съ государствомъ, т.-е. съ духомъ, господствующимъ въ его правительствѣ, — и въ этихъ отношеніяхъ свободная игра индивидуальныхъ силъ неизбѣжно задерживается подавляющимъ могуществомъ власти. Однородныя причины вызываютъ однородныя послѣдствія. Чѣмъ больше дѣйствуетъ государство, тѣмъ болѣе сходно между собою не только все дѣйствующее, но и все совершаемое. Это и входитъ въ намѣренія правительствъ, стремящихся къ спокойствію и благосостоянію: обѣ эти цѣли легче достигаются при большей однородности положеній и обстоятельствъ. Но человѣкъ долженъ желать чего-то другого,—а именно разнообразія и самостоятельной дѣятельности, безъ чего невозможны ни сильные характеры, ни нравственное величіе. Такимъ образомъ, учрежденія и мѣропріятія, о

Digitized by Google

которыхъ упомянуто выше, ослабляютъ жизненную силу націи. Можетъ казаться, что участіе государства въ распространеніи знаній, въ устройствѣ научныхъ и художественныхъ институтовъ, приводитъ къ возвышенію умственныхъ силъ, къ поднятію культуры и характера. Но не всякое увеличеніе знаній облагораживаетъ непосредственно хотя бы только умственную силу, и если это происходитъ въ дѣйствительности, то преимущественно только въ той части общества, которая сама принадлежитъ къ правительству. Вообще умственныя силы человѣка образовываются лишь собственною своею дѣятельностью, собственною изобрѣтательностью или собственнымъ примѣненіемъ чужихъ изобрѣтеній. Распоряженія и заботы государства всегда связаны съ извѣстною долею принужденія, и даже при отсутствіи послѣдняго люди слишкомъ легко привыкаютъ разсчитывать на чужое поученіе, руководство и содѣйствіе, вмѣсто того, чтобы самимъ придумывать способы разрѣшенія".

Еще больше страдаютъ отъ чрезмѣрной государственной опеки активная энергія и нравственный характеръ вообще. „Кѣмъ часто и много руководятъ, тотъ легко доходитъ до готовности добровольно пожертвовать остаткомъ своей самостоятельности. Онъ считаетъ себя свободнымъ отъ заботы, которую видитъ въ другихъ рукахъ, и признаетъ достаточнымъ, съ своей стороны, ожидать чужого руководства и подчиняться ему. Вмѣстѣ съ этимъ измѣняются его представленія о заслугахъ и отвѣтственности. Идея заслуги не воодушевляетъ его, мучительное чувство отвѣтственности овладѣваетъ имъ рѣже и съ меньшею энергіею, такъ какъ онъ всегда можетъ свалить вину на свои обстоятельства и на тѣхъ, кто далъ имъ извѣстное направленіе. Если къ тому примѣшивается еще недовѣріе къ чистотѣ намѣреній правительственныхъ дѣятелей, то отъ этого терпитъ не только сила, но и качество нравственной воли. Человѣкъ начинаетъ считать себя свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ, не наложенныхъ на него формально государствомъ, и старается по мѣрѣ возможности уклониться отъ дѣйствія законовъ;—и каждое такое уклоненіе кажется ему выигрышемъ. Для значительной части населенія законы и предписанія государства обнимаютъ весь кругъ нравственности, и потому крайне печально видѣть, что самыя священныя обязанности и произвольнѣйшія распоряженія произносятся часто одними и тѣми же устами, и нарушенія ихъ облагаются нерѣдко одинаковыми наказаніями. Такое же вредное вліяніе замѣчается въ отношеніяхъ гражданъ между собою. Полагаясь на помощь государства относительно самихъ себя, люди тѣмъ охотнѣе отдаютъ

Digitized by Google

въ его руки судьбу своихъ ближнихъ; оттого ослабляется взаимное участіе, и труднѣе и рѣже является побужденіе оказать другъ другу поддержку. По крайней мѣрѣ, взаимная помощь наиболѣе проявляется тамъ, гдѣ живѣе всего чувствуется невозможность ожидать посторонняго участія, и опытъ показываетъ также, что угнетенныя, какъ бы оставленныя правительствомъ части населенія съ удвоенною силою держатся тѣсныхъ внутреннихъ связей".

Гумбольдтъ допускаетъ, что безъ организованной помощи государства было бы болѣе затруднительно бороться съ разными бѣдствіями и невзгодами; но эта необходимость борьбы изощряетъ умъ и вырабатываетъ характеры, тогда какъ положеніе людей, привыкшихъ опираться на чужую силу, вполнѣ безнадежно при наступленіи несчастія. „Въ лучшемъ случаѣ, государства, о которыхъ идетъ рѣчь, уподобляются врачамъ, питающимъ болѣзнь и отдаляющимъ моментъ кончины;—когда не было врачей, люди знали только здоровье или смерть". Авторъ подробно объясняетъ благотворное значеніе свободныхъ нравственныхъ мотивовъ въ разныхъ видахъ труда и указываетъ на вредныя послѣдствія того односторонняго вниманія къ результатамъ, которое характеризуетъ государственную опеку. Эта односторонняя, ограниченная точка зрѣнія приноситъ наибольше вреда тамъ, гдѣ человѣкъ стремится къ чисто умственнымъ или нравственнымъ цѣлямъ, или имѣетъ въ виду самый предметъ дѣятельности, а не ея возможныя или неизбѣжныя послѣдствія,—напримѣръ, въ научныхъ изслѣдованіяхъ, въ религіозныхъ мнѣніяхъ, въ союзахъ людей между собою и въ важнѣйшемъ изъ этихъ союзовъ, брачномъ. Аргументы, приводимые Гумбольдтомъ противъ законнаго регулированія брачныхъ отношеній, какъ и противъ вмѣшательства въ область науки и религіи, кажутся еще утопичными въ настоящее время: мы пропускаемъ эту часть разсужденій автора.

Государственныя заботы о положительномъ благѣ гражданъ порождаютъ множество спеціальныхъ установленій и даютъ занятіе соотвѣтственной массѣ лицъ; но, какъ замѣчаетъ Гумбольдтъ, большинство этихъ лицъ „имѣетъ дѣло лишь съ знаками и формулами вещей". „Многія, быть можетъ отличныя головы отвлекаются этимъ отъ мышленія; многія руки, способныя къ полезной работѣ, отклоняются отъ реальнаго труда, и умственныя силы страдаютъ отъ неправильнаго, отчасти пустого, отчасти односторонняго употребленія. Люди, завѣдующіе правительственными дѣлами, все болѣе привыкаютъ смотрѣть не на сущность, а на форму, вводятъ внѣшнія улучшенія, имѣющія мало связи съ дѣйствительною пользою и часто даже приносящія вредъ, и такимъ

Digitized by Google

путемъ образуются новыя формы, новыя задержки и проволочки, часто новые стѣснительные порядки, изъ которыхъ естественно выростаютъ новыя количества должностныхъ лицъ. Поэтому въ большей части государствъ служебный персоналъ умножается съ каждымъ десятилѣтіемъ, число и объемъ канцелярій увеличиваются, а свобода частной иниціативы сокращается. Дѣла ведутся почти вполнѣ механически, и люди становятся машинами. Точки зрѣнія важнаго и неважнаго, почетнаго и презрительнаго, главнаго и второстепеннаго, перепутываются между собою; людьми пренебрегаютъ ради дѣлъ, силами—ради результатовъ. При такой системѣ государство похоже больше на нагроможденную массу безжизненныхъ и живыхъ орудій дѣятельности и удовольствія, чѣмъ на соединеніе дѣйствующихъ и пользующихся силъ". Несомнѣнно, что для достиженія какой-либо крупной цѣли требуется единство распоряженія, какъ, напримѣръ, для предупрежденія голода, наводненія и т. п.; „это единство устанавливается и національными учрежденіями, а не только государственными,—для чего отдѣльныя части націи, какъ и сама она въ цѣломъ, должны пользоваться свободою соглашенія и союза". Между учрежденіями государственными и національными (т. е. общественными) существуетъ большая разница, по мнѣнію Гумбольдта;—первыя обладаютъ непосредственною властью, послѣднія—только косвенною. Лучше, говоритъ онъ, устраивать отдѣльныя соглашенія по отдѣльнымъ поводамъ, чѣмъ возлагать всѣ будущія задачи на одинъ неопредѣленный и слишкомъ широкій союзъ,—ибо въ обширномъ соединеніи человѣкъ легко превращается въ орудіе, и формы часто замѣняютъ живое дѣло.

Идея личной и общественной свободы понимается Гумбольдтомъ такъ широко, что для историческаго государства почти не остается мѣста. Онъ осуждаетъ постоянныя арміи, доказываетъ необходимость распространить на весь народъ вліяніе истиннаго военнаго духа, неразлучнаго съ сознаніемъ свободныхъ гражданъ, и рѣшительно возстаетъ противъ всякихъ попытокъ направить умы и характеры населенія въ извѣстную сторону посредствомъ государственной системы образованія. Одностороннее развитіе и преобладаніе какого-либо направленія или характера ведетъ къ неустойчивости и вырожденію, точно также какъ умственная однородность общества достигается лишь цѣною притупленія природныхъ способностей и потери всякой оригинальности, къ великому ущербу для духовныхъ силъ и самостоятельности націи. Гумбольдтъ совершенно исключаетъ общественное воспитаніе изъ круга нормальной дѣятельности государства. Столь же вредно

Digitized by Google

отзывается на народѣ стремленіе законодательства къ улучшенію нравовъ. „Страна, гдѣ граждане принуждались бы подчиняться даже лучшимъ нравственнымъ правиламъ, могла бы быть государствомъ спокойнымъ, миролюбивымъ и благоденствующимъ; но это была бы скорѣе толпа откормленныхъ рабовъ, чѣмъ соединеніе людей, связанныхъ только предѣлами права. Можно воспитать въ человѣкѣ привычку къ совершенію нравственныхъ поступковъ и отчасти также къ добродѣтельнымъ наклонностямъ, но этимъ не возвышается сила его души, не просвѣщаются его идеи о своемъ назначеніи и достоинствѣ и не укрѣпляется его воля для борьбы съ господствующими влеченіями: въ истинномъ совершенствѣ онъ ничего не выигралъ. Кто хочетъ образовывать людей, а не вести ихъ только къ внѣшнимъ цѣлямъ, тотъ никогда не будетъ пользоваться такими способами дѣйствія. Принужденіе и опека не вызываютъ добродѣтели, а всегда парализуютъ силу. Что̀ значатъ нравы безъ нравственной твердости и нравственнаго характера?“ Самая мысль о порчѣ нравовъ отрицается авторомъ; человѣкъ вообще, по его мнѣнію, склоненъ больше къ доброжелательнымъ, чѣмъ къ своекорыстнымъ поступкамъ. „Свобода возвышаетъ энергію и, какъ бо̀льшая сила, всегда ведетъ за собою нѣкоторое благородство. Принужденіе подавляетъ силу и ведетъ ко всякимъ эгоистическимъ желаніямъ, ко всѣмъ низкимъ уловкамъ слабости. Принужденіе устраняетъ, быть можетъ, извѣстныя нарушенія, но дѣлаетъ и законныя дѣйствія менѣе привлекательными. Свобода можетъ вызывать извѣстныя нарушенія, но придаетъ даже пороку болѣе облагороженный видъ“. Государство должно руководствоваться принципомъ необходимости, а не пользы; понятіе о полезномъ весьма растяжимо и можетъ завлечь дальше, чѣмъ слѣдуетъ,—тогда какъ необходимость не допускаетъ противорѣчій и сомнѣній. Единственнымъ критеріемъ остается для автора свободное развитіе личности. Наиболѣе благопріятное положеніе человѣка въ государствѣ видитъ онъ въ „разнообразнѣйшей индивидуальности и въ оригинальнѣйшей самостоятельности, съ разнороднѣйшими соединеніями людей въ общества и союзы“.

Во главѣ своей книжки Гумбольдтъ поставилъ слѣдующія слова Мирабо̀: „труднѣе всего ограничиваться только изданіемъ необходимыхъ законовъ, не отступать никогда отъ этого истинно-конституціоннаго принципа—и остерегаться страсти управлять, самой пагубной болѣзни современныхъ правительствъ“ (de se mettre en garde contre la fureur de gouverner, la plus funeste

Digitized by Google

maladie des gouvernements modernes) [1]). Гумбольдтъ остается до конца вѣрнымъ этому девизу, въ изложеніи своихъ идей; онъ весьма обстоятельно и систематично развиваетъ свою теорію по главнымъ областямъ государственной дѣятельности, не исключая и такихъ спеціальныхъ, какъ уголовное правосудіе и финансы. Онъ при этомъ неизмѣнно сохраняетъ свою отвлеченную точку зрѣнія и ни на минуту не спускается съ своихъ теоретическихъ высотъ не только къ реальнымъ фактамъ, но и къ дѣйствительно существующимъ государствамъ. Онъ говоритъ не о Пруссіи или Франціи, не о той или другой странѣ или націи, а о государствѣ, народѣ и человѣкѣ вообще. И однако нельзя не видѣть, что его идеи въ высшей степени реальны и жизненны, ибо исходная точка ихъ—живая человѣческая личность, съ ея потребностями и стремленіями, а не абстрактное понятіе государства, которымъ увлекаются новѣйшіе нѣмецкіе теоретики.

Гумбольдту пришлось позднѣе, въ качествѣ министра, способствовать возрожденію Пруссіи положительными государственными мѣрами, которыя онъ осуждалъ въ своемъ юношескомъ трудѣ. Основаніе университета въ Берлинѣ (въ 1810 году) составляетъ одну изъ важнѣйшихъ историческихъ его заслугъ, хотя оно и противорѣчило принципу невмѣшательства государства въ дѣло развитія наукъ и образованія. Но мысль о томъ, что государство существуетъ для людей, а не люди для государства, и что оно есть только средство, а не цѣль, лежала въ основѣ всей политической дѣятельности Гумбольдта; эта же мысль выражается въ его проектахъ и запискахъ по вопросу о государственномъ переустройствѣ Пруссіи, когда онъ вмѣстѣ съ знаменитымъ Штейномъ боролся противъ наступавшей реакціи [2]).

Изъ сдѣланнаго нами обзора содержанія книги Гумбольдта можно видѣть, что онъ далеко не принадлежитъ къ односторонней индивидуалистической школѣ, отрицающей или умаляющей общественный элементъ человѣческой жизни; напротивъ, онъ прямо указываетъ на важную роль тѣсныхъ союзовъ и общинъ, на преимущество свободнаго взаимнаго содѣйствія передъ принудительною внѣшней опекою, на необходимость самостоятельнаго

---

[1]) Въ изданіи „Universal-Bibliothek“, Реклама, авторъ вступительной статьи (стр. 11) ошибочно приписываетъ слова Мирабо самому Гумбольдту или, вѣрнѣе, французскому переводчику его книги.

[2]) См. пространную записку къ Штейну, въ 157 параграфахъ, отъ 4-го февраля 1819 г.: „Denkschrift über Preussens ständische Verfassung“ (Ges. Werke, т. VII, стр. 198—278). Многія замѣчанія въ этомъ документѣ (напр. §§ 12—14 и др.) даже по формѣ напоминаютъ философскія разсужденія автора въ книгѣ 1792 года.

Digitized by Google

національнаго и общественнаго развитія народа. Нѣкоторыя отдѣльныя выраженія автора могли бы быть истолкованы, правда, въ духѣ узкаго индивидуализма; но въ общемъ его теорія всего меньше грѣшитъ невниманіемъ къ соціальной сторонѣ нашей природы. Онъ противопоставляетъ личность не обществу, а государству; онъ связываетъ личную свободу съ общественною и отстаиваетъ какъ ту, такъ и другую, отъ посторонняго вмѣшательства. „Государственный строй и національный союзъ—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ—никогда не должны быть смѣшиваемы, какъ бы тѣсно они ни были переплетены между собою. Если государственное устройство налагаетъ на гражданъ извѣстныя отношенія силою могущества или принужденія, обычая или закона, то сверхъ того остаются еще другія условія, выбираемыя ими самими (т.-е. гражданами), безконечно разнообразныя и часто измѣняющіяся. И эти условія, представляющія свободную самодѣятельность націи, хранятъ въ себѣ тѣ именно блага, ради которыхъ люди вступаютъ въ общество. Государственное устройство въ собственномъ смыслѣ подчиняется этой свободной національной жизни, какъ своей цѣли“ [1]).

Поэтому нельзя признать справедливыми критическія замѣчанія Блюнчли по поводу мнимой узко-индивидуалистической точки зрѣнія Гумбольдта. „Односторонній радикализмъ этой теоріи—по словамъ Блюнчли—становится понятнымъ только въ томъ случаѣ, если вспомнить насильственную бюрократическую опеку, особенно въ Пруссіи того времени. Тогда въ самомъ дѣлѣ приходилось защищать право частной свободы отъ предполагаемаго всемогущества государства и охранять индивидуальную силу дѣйствія отъ правительственныхъ пріемовъ, ставившихъ взрослаго и самостоятельнаго человѣка въ положеніе малолѣтняго. Еслибы Гумбольдтъ жилъ въ прежнія времена, когда государство не имѣло силы и, кромѣ правосудія, не было почти никакого общественнаго управленія и никакой государственной заботы о матеріальныхъ или культурныхъ интересахъ, то онъ самъ усмотрѣлъ бы, что подобное ограниченіе дѣятельности государства не соотвѣтствуетъ общимъ жизненнымъ задачамъ народовъ. Исключительное вниманіе къ индивидуальности отдѣльныхъ людей можетъ, пожалуй, привести къ объясненію частнаго права, но никакъ не къ обоснованію права государственнаго. Вообще весь этотъ взглядъ, хотя и бросалъ свѣтъ на отдѣльныя положенія, былъ непригоденъ для современнаго государственнаго развитія, такъ какъ со-

[1]) Ideen zu einem Versuch etc., гл. XV, Ges. Werke, т. VII, стр. 175—6.

Digitized by Google

временное государство стремится не только къ свободѣ личностей, но и къ единой и могущественной организаціи всего общества... Объ органической природѣ государства и объ его назначеніи служить всей совокупной жизни народа и представлять его—онъ (Гумбольдтъ) не имѣлъ еще понятія въ то время. Какъ древнее политическое воззрѣніе черезчуръ расширяло права государства, такъ онъ преувеличилъ въ противоположную сторону право личностей. Онъ былъ въ этомъ отношеніи истиннымъ поборникомъ стараго нѣмецкаго не-государственнаго (staatsscheuen) настроенія" [1]).

Все дѣло въ томъ, что Гумбольдтъ представлялъ себѣ могущество народа и государства совсѣмъ иначе, чѣмъ новѣйшіе нѣмецкіе писатели. Фундаментомъ и основой этого могущества онъ считалъ свободное и многостороннее развитіе личныхъ и общественныхъ силъ; индивидуализмъ былъ для него творческимъ элементомъ, отъ дѣйствія котораго зависитъ политическое и нравственное состояніе націи. Гумбольдтъ нисколько не отрицалъ значенія внѣшняго національнаго могущества; напротивъ, онъ склоненъ былъ видѣть въ международной борьбѣ благотворное прогрессивное начало и высказывалъ о войнѣ такіе взгляды, съ которыми мы никакъ не могли бы согласиться въ настоящее время. По его мнѣнію, народная сила опредѣляется исключительно энергіею и дѣятельностью личностей, составляющихъ народъ; а такъ какъ энергія и дѣятельность гражданъ подавляются или сдерживаются системою государственнаго вмѣшательства, то даже образцовая и успѣшная опека приноситъ вредъ общимъ интересамъ и уменьшаетъ жизненныя силы государства. Что Гумбольдтъ „не имѣлъ понятія" объ органической теоріи—это несомнѣнно преимущество, а не недостатокъ; по крайней мѣрѣ, онъ не затемнялъ предмета туманными образами и могъ разсуждать вполнѣ реально о вопросѣ, дающемъ и безъ того слишкомъ много матеріала для произвольныхъ обобщеній и аналогій. Если Гумбольдтъ отрицалъ назначеніе государства „служить всей совокупной жизни народа", то онъ дѣлалъ это не вслѣдствіе отрицанія великихъ національныхъ задачъ, а только въ силу убѣжденія, что эти задачи лучше всего исполняются самостоятельною общественною жизнью, безъ принудительнаго руководства. Предположеніе Блюнчли, что теорія Гумбольдта означала лишь протестъ противъ стѣснительнаго бюро-

[1]) Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts und der Politik, 1864, стр. 393—4. Болѣе внимательная и подробная (хотя въ общемъ тоже отрицательная) характеристика идей Гумбольдта въ сочиненіи Гайма: *R. Haym*, Wilhelm von Humboldt Lebensbild und Charakteristik. Berlin, 1856, стр. 46—66.

Digitized by Google

кратическаго порядка въ тогдашней Пруссіи, опровергается всѣмъ содержаніемъ книги, вполнѣ отвлеченнымъ и безстрастно-логическимъ, свободнымъ отъ всякихъ намековъ на временныя обстоятельства и соображенія. Авторъ выводитъ свои положенія теоретически, посредствомъ анализа условій правильнаго человѣческаго развитія, и только подкрѣпляетъ свои выводы общими указаніями на исторію.

Французскіе и англійскіе писатели вѣрнѣе оцѣнили сущность и значеніе труда Гумбольдта. Эдуардъ Лабулэ въ своей извѣстной книжкѣ: „О государствѣ и его предѣлахъ", называетъ сочиненіе Гумбольдта „одною изъ лучшихъ работъ по вопросу объ истинныхъ полномочіяхъ государства". Мысль о „разнообразіи положеній", какъ условіи совершенствованія личности и общества, принадлежитъ, по словамъ Лабулэ, къ числу „самыхъ глубокихъ взглядовъ, какіе когда-либо имѣлъ государственный человѣкъ; въ этомъ пунктѣ Гумбольдтъ на полвѣка опередилъ своихъ современниковъ". Прежде идеаломъ политическаго благоустройства считалось единство, однообразіе національной жизни; Гумбольдтъ доказалъ, что это опасное заблужденіе. Онъ—какъ замѣчаетъ Лабулэ—„не ослабляетъ ни одного изъ элементовъ общества; напротивъ, онъ хочетъ дать имъ больше силы и дѣйствія. Силамъ сдавленнымъ онъ возвращаетъ упругость; онъ хочетъ, чтобы каждый гражданинъ имѣлъ больше значенія, и чтобы, такимъ образомъ, энергія всѣхъ въ отдѣльности увеличивала собою могущество государства" [1]). Восторженно отзывается о книгѣ Гумбольдта и другой французъ, Шалльмель-Лакуръ, посвятившій нѣмецкому философу-лингвисту спеціальный критико-біографическій этюдъ, весьма интересный и содержательный. Шалльмель-Лакуръ находитъ примѣръ блестящаго практическаго примѣненія индивидуалистической философіи—въ личности самого Гумбольдта, въ его многостороннемъ и богатомъ интеллектуальномъ развитіи, въ счастливой уравновѣшенности его характера и въ разнообразіи его дѣятельности [2]).

---

[1]) L'État et ses limites, par *Edouard Laboulaye*, Paris, 1871, стр. 48—53. Та часть книги Лабулэ, къ которой собственно относится это общее заглавіе, представляетъ собою небольшой этюдъ (въ 102 стр.), писанный въ 1860 году и посвященный отчасти разбору книгъ Гумбольдта, Этвеша, Милля и Жюля Симона. Авторъ наибольше соглашается съ Этвешемъ, соединяющимъ идеалъ могущественнаго національнаго государства съ принципами индивидуальной свободы (Der Einfluss der herrschenden Ideen des 19 Jahrhunderts auf den Staat, von Baron Joseph Eötvös, 1854, Bd. I—II).

[2]) La philosophie individualiste. Étude sur Guillaume de Humboldt, par *Challemel Lacour*, Paris, 1864. Несмотря на заглавіе книжки, въ ней очень мало говорится о философіи и индивидуализмѣ вообще; наибольше мѣста удѣлено оцѣнкѣ

Digitized by Google

Еще ранѣе, чѣмъ во Франціи, идеи Гумбольдта нашли сочувственную оцѣнку въ Англіи. Милль избралъ девизомъ для своего сочиненія: „О свободѣ", одно замѣчаніе Гумбольдта—о первостепенной важности разнообразія въ человѣческомъ развитіи. „Только немногіе внѣ Германіи—по словамъ Милля—понимаютъ смыслъ доктрины, которую Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ, столь выдающійся, какъ ученый и какъ политическій дѣятель, сдѣлалъ предметомъ особаго трактата" [1]). Милль развиваетъ основную идею Гумбольдта, расширивъ нѣсколько ея примѣненіе, сообразно новѣйшимъ понятіямъ о государствѣ. Онъ защищаетъ право личности не только противъ государственнаго вмѣшательства, но и противъ авторитета общественной власти и общественнаго мнѣнія. Однако Милль оставляетъ за государствомъ обширную сферу законодательныхъ реформъ и улучшеній, направленныхъ къ положительному благу народа.

Дальнѣйшій фазисъ индивидуалистическаго міросозерцанія представляетъ теорія Спенсера, изложенная въ его книгѣ: „О личности противъ государства". Приблизительно тѣ же воззрѣнія положены въ основу вышедшаго недавно сочиненія Поля Леруа-Больё: „L'état moderne et ses fonctions". Общія черты этихъ работъ—болѣе узкое пониманіе индивидуализма, пренебреженіе къ дѣйствительнымъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ и болѣе рѣшительное ограниченіе государственныхъ функцій. Спенсеръ возстаетъ даже противъ общественной и личной филантропіи, мѣшающей торжеству болѣе сильныхъ типовъ надъ слабыми и задерживающей будто бы естественный ходъ борьбы за существованіе въ обществѣ. Леруа-Больё не заходитъ такъ далеко въ отрицаніи права вмѣшательства и контроля; онъ доказываетъ только практическій вредъ государственной опеки въ разныхъ ея видахъ, преимущественно въ области народнаго хозяйства.

трудовъ Гумбольдта по лингвистикѣ, съ точки зрѣнія не-спеціальной. Подъ вліяніемъ сочиненій Лабулэ и Шалльмель-Лакура появились два французскихъ перевода книги Гумбольдта: G. de Humboldt, Essais sur les limites de l'action d'État. Traduit de l'allemand par *M. A. Marrast*, avec un avertissement et des notes, P., 1866.—G. de H., Essais etc. Traduit, annoté et précédé d'une étude sur l'auteur, par *Henri Chrétien*, P., 1867.

[1]) Англійскій переводъ книжки Гумбольдта появился въ 1854 году, подъ заглавіемъ: „The sphere and duties of governement. Translated from the German of Baron Wilhelm v. Humboldt. By *Joseph Coulthard* jun., London, 1854.

Digitized by Google

IV.

Часто повторяемые софизмы, основанные на отождествленіи государства съ націею, были разобраны еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ въ упомянутой выше книжкѣ Милля [1]). Многіе полагали, что попытки ограничить предѣлы дѣятельности государства утратили свой смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ государство стало народнымъ, демократическимъ. Могло казаться,—говоритъ Милль,—что это былъ только способъ оппозиціи правительству, интересы котораго были обыкновенно противоположны потребностямъ и желаніямъ народа. Теперь нужно было, чтобы правители олицетворяли собою націю, чтобы ихъ воля и интересъ были волею и интересомъ народа. Нація не должна быть охраняема отъ своихъ собственныхъ желаній и рѣшеній; нѣтъ основанія опасаться, что она будетъ дѣйствовать во вредъ самой себѣ. Власть правителей есть власть самой же націи, сосредоточенная въ наиболѣе цѣлесообразной формѣ, для достиженія желательныхъ народу результатовъ. Такой образъ мышленія или, вѣрнѣе, настроенія былъ весьма распространенъ, по словамъ Милля, въ прежнемъ поколѣніи европейскихъ либераловъ и повидимому преобладаетъ еще въ ихъ средѣ, внѣ Англіи. „Но опытъ убѣждаетъ насъ, что такія фразы, какъ „власть народа надъ самимъ собою“ и „народное управленіе“, не вполнѣ соотвѣтствуютъ истинному положенію дѣла. Народъ, пользующійся властью, есть не тотъ же самый народъ, надъ которымъ власть практикуется, и самоуправленіе, о которомъ говорится, есть не управленіе каждаго самимъ собою, а владычество всѣхъ надъ каждымъ въ отдѣльности. „Тираннія большинства“ въ парламентскихъ странахъ признается уже зломъ, противъ котораго общество должно принимать свои мѣры. Эта „тираннія“, проявляетъ свое дѣйствіе не одними оффиціальными актами, но болѣе сложными и разнообразными путями. Люди нуждаются въ защитѣ не только отъ произвола властей, но и отъ тираннии господствующаго мнѣнія и настроенія; имъ приходится охранять себя отъ притязанія общества навязывать свои собственныя идеи и обычаи, какъ правила поведенія, всѣмъ несогласнымъ съ ними; требуется охрана отъ наклонности общества задерживать развитіе и, если возможно, предупреждать образованіе личностей, не гармонирующихъ съ общими взглядами, а также оказывать давленіе на всѣ характеры, чтобы побудить ихъ

[1]) On liberty, by *J. St. Mill*, ch. I—III.

Digitized by Google

образоваться по общему образцу. Законное вмѣшательство коллективнаго мнѣнія въ область индивидуальной независимости должно имѣть свою границу; найти эту границу и охранять ее отъ нарушеній столь же необходимо для хорошаго состоянія человѣческихъ дѣлъ, какъ искать охраны отъ политическаго деспотизма... Въ Англіи гнетъ общественнаго мнѣнія сильнѣе, а закона—легче, чѣмъ въ бо́льшей части европейскихъ государствъ; англичане съ ревнивымъ недовѣріемъ относятся къ прямому вмѣшательству законодательной или исполнительной власти въ частныя дѣла, не столько вслѣдствіе справедливаго уваженія къ личной независимости каждаго, сколько въ силу сохранившейся привычки приписывать правительству интересы, противоположные интересамъ публики. Большинство не прониклось еще сознаніемъ своего господства; оно не научилось еще смотрѣть на власть правительства, какъ на свою собственную власть, и на его мнѣнія, какъ на собственныя свои мнѣнія. По мѣрѣ распространенія этого сознанія долженъ увеличиться кругъ государственнаго вмѣшательства, и личная свобода будетъ подвергаться, съ этой стороны, такимъ же стѣсненіямъ, какимъ она подлежитъ уже со стороны общественнаго мнѣнія".

Милль выставляетъ общій принципъ, который долженъ регулировать отношенія между обществомъ и личностью;—этотъ принципъ заключается въ томъ, что самозащита есть единственный мотивъ, позволяющій людямъ индивидуально или коллективно ограничивать свободу дѣйствія отдѣльныхъ лицъ. Единственная цѣль, для которой можетъ быть законно употреблена власть надъ членомъ цивилизованнаго общества противъ его воли, состоитъ въ предупрежденіи вреда другимъ. Собственное благо человѣка, физическое или нравственное, не даетъ такого полномочія обществу; относительно самого себя человѣкъ остается безусловно независимымъ: надъ своимъ тѣломъ и духомъ онъ властенъ вполнѣ. Очевидно, это тотъ же принципъ, который проповѣдовалъ Гумбольдтъ; но Милль тотчасъ же допускаетъ существенное отступленіе въ пользу странъ, находящихся на низшей степени культурнаго развитія. Первоначальныя затрудненія на пути прогресса столь велики, что рѣдко возможенъ выборъ средствъ для борьбы съ ними, и правитель, проникнутый духомъ совершенствованія, имѣетъ право прибѣгнуть къ наиболѣе подходящимъ способамъ для достиженія цѣли, которая иначе могла бы остаться недостигнутою. По мнѣнію Милля, деспотизмъ есть законная система управленія по отношенію къ варварамъ, если цѣлью признается улучшеніе ихъ и если употребляемыя средства оправдываются дѣйствительнымъ достиженіемъ этой цѣли. „Свобода, какъ прин-

Digitized by Google

цип, непримѣнима къ состояніямъ, предшествующимъ той эпохѣ, когда общество становится способнымъ къ совершенствованію посредствомъ свободнаго и равнаго обсужденія своихъ интересовъ. До наступленія этой поры, людямъ остается лишь слѣпо повиноваться какому-нибудь Карлу Великому, если имъ выпадетъ счастіе найти такого предводителя. Но какъ только человѣчество обнаружило способность стремиться къ своему улучшенію путемъ взаимнаго убѣжденія, принудительные способы для доставленія блага людямъ не должны имѣть мѣста и могутъ быть допускаемы только для обезпеченія безопасности". Милль вноситъ въ свою аргументацію элементъ весьма неопредѣленный, подрывающій все значеніе принятаго имъ общаго принципа. Кто будетъ судьею въ вопросѣ о томъ, вышло ли общество изъ состоянія, оправдывающаго систему принужденія, или нѣтъ? Такъ какъ фактически рѣшеніе этого вопроса всегда зависитъ отъ лицъ и сословій, обладающихъ властью, то принудительная опека будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока она желательна правителямъ и солидарнымъ съ ними общественнымъ элементамъ. Съ другой стороны, какимъ образомъ можетъ выработаться въ обществѣ способность къ совершенствованію путемъ свободнаго обсужденія общихъ дѣлъ, если все предшествующее политическое воспитаніе пройдено народомъ въ школѣ принужденія и пассивной безгласности? Допуская насиліе относительно варваровъ во имя ихъ собственной пользы и признавая необходимость правительственной опеки для болѣе раннихъ общественныхъ состояній, Милль сразу становится на ту самую точку зрѣнія, которая отвергнута имъ въ принципѣ. Всякое общественное состояніе, какъ бы совершенно оно ни было, можетъ давать матеріалъ для сомнѣній въ политической зрѣлости народа или извѣстныхъ его классовъ: въ лучшемъ случаѣ способными къ самоуправленію признавались бы только высшіе слои общества, а большинство населенія даже въ культурныхъ западно-европейскихъ государствахъ должно было бы подлежать принудительному контролю и вмѣшательству.

Такимъ образомъ, основная идея Гумбольдта претерпѣваетъ у Милля значительную метаморфозу и отчасти приносится имъ въ жертву соображеніямъ кажущейся общественной пользы. Перечисляя тѣ случаи, когда принужденіе законно и необходимо, Милль упоминаетъ и о такихъ обязанностяхъ, которыя имѣютъ чисто-нравственный характеръ и не находятся ни въ какой связи съ интересами безопасности; а между тѣмъ исполненіе этихъ обязанностей, налагаемыхъ на каждаго естественнымъ соціальнымъ чувствомъ и обычными условіями общежитія, можетъ только по-

Digitized by Google

страдать отъ вмѣшательства внѣшней принудительной силы. Человѣкъ, по мнѣнію Милля, долженъ имѣть право искать своего блага собственнымъ своимъ путемъ, лишь бы не нарушать чужихъ правъ и интересовъ; это право жить и дѣйствовать по своему „одно только заслуживаетъ названія свободы". Но въ то же время Милль предоставляетъ государству вмѣшиваться въ самыя интимныя чувства и отношенія людей, для предупрежденія браковъ въ средѣ неимущаго класса. Интересы общества понимаются въ каждую эпоху различно, и то, что казалось Миллю безусловно полезнымъ и справедливымъ, является для другого поколѣнія вопіющимъ посягательствомъ на естественныя права личности. Наибольшую важность Милль придаетъ свободѣ мысли и обсужденія, и, говоря объ этомъ предметѣ, онъ остается наиболѣе послѣдовательнымъ и точнымъ. „Еслибы всѣ люди, кромѣ одного,—говоритъ онъ,—держались одного мнѣнія, и только одинъ держался противоположнаго взгляда, то человѣчество имѣло бы не больше основанія принудить этого человѣка къ молчанію, чѣмъ эта одна личность — заставить замолчать человѣчество". Устраняемое мнѣніе можетъ оказаться вѣрнымъ, и тогда люди лишаются случая замѣнить заблужденіе истиною; или же мнѣніе ложно,—тогда истина прояснилась бы и стала бы болѣе убѣдительною для всѣхъ, при встрѣчѣ съ неправдою. Не допускать обсужденія—значитъ приписывать себѣ непогрѣшимость. Милль съ энергіей отстаиваетъ принципъ свободнаго развитія индивидуальности. „Человѣческая природа—не орудіе, приготовляемое по извѣстному образцу и предназначенное къ точному выполненію предписанной работы; это скорѣе растеніе, требующее простора во всѣ стороны, сообразно стремленію внутреннихъ силъ, придающихъ ему жизненность". Посредственность все болѣе дѣлается общимъ правиломъ, и своеобразныя личности являются все рѣже. Эксцентричность всегда сопутствовала сильнымъ характерамъ, и число оригинальныхъ людей было вообще пропорціонально количеству таланта, умственной крѣпости и нравственнаго мужества въ обществѣ. Очень немногіе осмѣливаются теперь быть эксцентриками, нарушителями установившихся обычаевъ, и въ этомъ Милль видитъ симптомъ великой опасности. Преклоненіе предъ обычаемъ положило конецъ активной исторіи востока; неподвижность смѣнила прежній прогрессъ, по мѣрѣ упадка свободной самодѣятельности. Деспотизмъ обычая, хотя и выражающійся въ другихъ формахъ, можетъ имѣть такія же печальныя послѣдствія и въ Европѣ. Всѣ стараются быть похожими другъ на друга, забывая, что разнообразіе характеровъ и положеній есть необходимое

Digitized by Google

условіе совершенствованія. „Современное господство общественнаго мнѣнія представляетъ въ неорганизованномъ видѣ то же самое, что китайскіе воспитательные и политическіе порядки—въ организованномъ; и если индивидуальность не съумѣетъ отстоять себя противъ этого ига, Европа можетъ уподобиться Китаю, несмотря на свое благородное прошлое и на свое христіанство". Индивидуализмъ политическій и соціальный, составляющій одну изъ главныхъ особенностей общественнаго строя современныхъ государствъ, приводитъ такимъ образомъ къ упадку индивидуальности, къ водворенію однородности нравовъ и понятій въ обществѣ, къ исчезновенію оригинальныхъ характеровъ и къ общему пассивному подчиненію извѣстнымъ шаблонамъ мысли и поведенія.

Этимъ опредѣляется и задача государственной дѣятельности, съ точки зрѣнія Милля. „Достоинство государства — говоритъ онъ,—есть въ концѣ-концовъ достоинство составляющихъ его лицъ; и государство, придающее больше значенія внѣшнему административному искусству, чѣмъ интересамъ умственнаго роста и развитія населенія,—государство, понижающее уровень людей для того, чтобы они могли быть послушными орудіями даже для благодѣтельныхъ цѣлей,—убѣдится на дѣлѣ, что съ малыми людьми не можетъ быть совершено никакое великое дѣло, и что совершенство механизма, которому все было принесено въ жертву, для болѣе удобнаго и легкаго хода машины", окажется безполезнымъ по недостатку жизненной силы. Правительство должно по возможности расширять „тотъ родъ дѣятельности, который поощряетъ и усиливаетъ индивидуальную энергію и развитіе; вредъ начинается тогда, когда, вмѣсто возбужденія силъ и предпріимчивости частныхъ лицъ и обществъ, правительство замѣняетъ ихъ дѣятельность своею собственною дѣятельностью,—когда оно, не ограничиваясь указаніями, разъясненіями и облегченіями, сковываетъ дѣйствія людей или заставляетъ ихъ держаться въ сторонѣ, исполняя ихъ дѣло вмѣсто нихъ" [1]). Какъ замѣчено уже выше, Миллъ не сохранилъ чистоты своего принципа и допустилъ, при практическомъ примѣненіи его, такія изъятія и уклоненія, которыя колеблютъ основы всей теоріи. Въ сущности вопросъ о государственномъ вмѣшательствѣ есть для него вопросъ степени и мѣры, условій и обстоятельствъ, въ зависимости отъ мотивовъ общественнаго блага, а не вопросъ теоретическій, допускающій принципіальное рѣшеніе.

---

[1]) On liberty, ch. V (Applications). Болѣе подробно вопросъ о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства разсматривается Миллемъ въ „Основаніяхъ политической экономіи", т. II, гл. XI.

Digitized by Google

Сравнительно съ Миллемъ, Гербертъ Спенсеръ является болѣе твердымъ и рѣшительнымъ защитникомъ индивидуализма. Онъ отвергаетъ государственное и общественное вмѣшательство даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно вызывается чувствами простого человѣколюбія. По его теоріи, система правительственной опеки соотвѣтствуетъ низшему, военному типу общества, а съ достиженіемъ болѣе высокаго, промышленнаго типа, основаннаго на договорныхъ отношеніяхъ, наступаетъ господство личной свободы и отвѣтственности, причемъ слабые и неприспособленные элементы естественно очищаютъ мѣсто болѣе сильнымъ и дѣятельнымъ. Вводить мѣры законодательнаго контроля и принужденія ради филантропіи—значитъ, по мнѣнію Спенсера, употреблять способы, присущіе низшему общественному типу, и подготовлять регрессъ, при искреннемъ стремленіи къ прогрессу. Спенсеръ ограничиваетъ принудительную власть государства защитою общества отъ внѣшнихъ враговъ и охраною гражданъ отъ внутреннихъ нападеній [1]). Такъ какъ самое ученіе о двухъ общественныхъ типахъ и ихъ особенностяхъ построено на довольно шаткомъ фундаментѣ, то и основанные на немъ выводы являются недостаточно мотивированными. Мысль о томъ, что бѣдность и лишенія выпадаютъ на долю людей только по ихъ собственной винѣ, и что поэтому не слѣдуетъ оказывать поддержку неимущимъ,—эта мысль могла возникнуть только при крайне-индивидуалистическомъ взглядѣ на экономическую жизнь народа и при полномъ невниманіи къ реальнымъ историческимъ условіямъ сословнаго и общественнаго быта государствъ.

Очень мало новаго внесъ въ обсужденіе вопроса недавній трудъ Поля Леруа-Больё, богатый лишь фактическими свѣдѣніями и указаніями, особенно относительно французскихъ дѣлъ, но совершенно бѣдный и не оригинальный въ теоретическомъ отношеніи. Заключительныя строки этого труда резюмируютъ общее мнѣніе автора: „Цивилизація состоитъ не въ однихъ знаніяхъ. Она зависитъ и отъ нравственныхъ привычекъ—отъ духа частной иниціативы, отъ свободы союзовъ, отъ любви къ сбереженіямъ, отъ личной отвѣтственности. Пусть этотъ нравственный элементъ ослабѣетъ или исчезнетъ,—и знанія, сохраненныя книгопечатаніемъ и передаваемыя школою, принесутъ мало пользы. Онѣ не спасутъ нашихъ потомковъ отъ упадка, какъ всѣ сокровища наукъ и искусствъ, собранныя древнимъ міромъ, не предохранили римлянъ и грековъ отъ нашествія варваровъ. Для націи,

[1]) The man *versus* the state, by Herbert Spencer (London, 1885), стр. 103, 112 и др. Разборъ этой книги см. въ „Вѣстникѣ Европы“ 1888 г., май, стр. 111—120.

Digitized by Google

какъ и для отдѣльнаго человѣка, умственное развитіе безъ воли безсильно. Нужно прежде всего сохранять и поддерживать волю; притупляя ее частымъ вмѣшательствомъ государства, разслабляютъ характеръ націи. Нѣтъ такихъ техническихъ успѣховъ, которыми выкупалось бы ослабленіе индивидуальной самодѣятельности человѣка. Культурные народы должны быть на сторожѣ: доводя до крайности подчиненіе личной воли коллективному авторитету, личнаго дѣйствія — національному, они разрушили бы главную пружину цивилизаціи" [1]). Взгляды Леруа-Больё отражаютъ въ себѣ идеи Гумбольдта и Милля, проведенныя чрезъ призму экономическаго принципа свободы торговли.

Мы имѣемъ предъ собою, такимъ образомъ, двѣ прямо противоположныя доктрины—нѣмецкую, наиболѣе яркимъ выразителемъ которой можетъ быть признанъ Лоренцъ Штейнъ, и англо-французскую, представляемую съ наибольшею полнотою и послѣдовательностью—какъ это ни странно—нѣмцемъ Гумбольдтомъ. Теорія Штейна имѣетъ много точекъ соприкосновенія съ весьма старыми воззрѣніями; между прочимъ, слѣды ея можно найти въ политической философіи XVII вѣка, въ сочиненіяхъ знаменитаго Гоббса, который также видѣлъ въ правителѣ „личное *я* государства" (Das Ich des Staates, по Штейну). Тѣмъ не менѣе эти понятія о всемогуществѣ государства въ области народной жизни и особенно въ сферѣ соціально-экономическихъ интересовъ принадлежатъ несомнѣнно къ числу самыхъ новыхъ, современныхъ идей, получившихъ почти исключительное господство въ Германіи; оттуда эти идеи переходятъ въ другія страны, распространяются въ Англіи и въ Америкѣ. Индивидуалистическое міросозерцаніе давно уже разсматривается нѣмецкими теоретиками, какъ нѣчто устарѣлое и негодное. Индивидуализмъ отвергается и въ политикѣ, и въ общественной жизни, и въ политической экономіи; обнаруживается готовность пожертвовать имъ или, по крайней мѣрѣ, сократить его значеніе, во имя необходимыхъ соціальныхъ реформъ. Понятія о неприкосновенныхъ правахъ личности, объ идеалахъ свободнаго развитія и совершенствованія, отступаютъ на задній планъ; мечты о благотворной государственной опекѣ получаютъ широкій просторъ и отчасти приближаются къ осуществленію въ законодательныхъ проектахъ на пользу рабочаго класса. Но, отрицая односторонній индивидуализмъ, не рискуютъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ подорвать творческую силу и самодѣятель-

---

[1]) L'état moderne et ses fonctions, par *Paul Leroy-Beaulieu*, Paris, 1890, стр. 436—437. См. рецензію въ „Вѣстникѣ Европы" 1890 г., февраль, стр. 894—898.

Digitized by Google

ность личности? Не пострадаетъ ли самостоятельная жизненная энергія націи отъ принудительной и однообразной регламентаціи народно-хозяйственныхъ отношеній? Дѣйствительно ли требуется усиленіе постояннаго государственнаго вмѣшательства и контроля для улучшенія быта низшихъ слоевъ населенія?

Коренная ошибка теоретиковъ невмѣшательства заключается, какъ намъ кажется, въ томъ, что они непосредственно прилагаютъ свою теорію къ порядкамъ и условіямъ, составляющимъ продуктъ вѣкового дѣятельнаго и весьма односторонняго вмѣшательства. Принудительное воздѣйствіе совершается отчасти въ формахъ, къ которымъ всѣ привыкли, какъ къ чему-то непреложному и неизмѣнному, и которыя поэтому не обращаютъ на себя общаго вниманія. Правительственные и судебные агенты, напр., въ Ирландіи, насильственно выселяютъ земледѣльцевъ съ ихъ наслѣдственныхъ участковъ, по требованіямъ лэндлордовъ; въ Австро-Венгріи и Германіи,—какъ и въ другихъ мѣстахъ,—усиливаются жалобы на то, что къ землевладѣнію примѣняются неподходящіе промышленные законы о денежныхъ взысканіяхъ, подвергаются публичной продажѣ крестьянскія земли, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія по завѣдомо несправедливымъ требованіямъ ростовщиковъ, облеченнымъ въ законную форму, и исполнительныя власти безсознательно, но весьма активно, служатъ дѣлу народнаго разоренія. А между тѣмъ неподходящіе для народа суровые законы, выработанные спеціальными интересами и обычаями торговаго класса, не принимаются вовсе во вниманіе, когда рѣчь идетъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства въ экономическую жизнь націи. Эти формы непрерывнаго государственнаго воздѣйствія не вызываютъ никакихъ сомнѣній со стороны Спенсера и Поля Леруа-Больё. Забывается также, что существующіе юридическіе институты и порядки выработаны государствомъ, и что государство не можетъ отказаться отъ права и обязанности измѣнить ихъ, сообразно измѣнившимся фактическимъ условіямъ и современнымъ понятіямъ о справедливости и законности; это забвеніе государственнаго участія въ созданіи институтовъ, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, особенно поразительно со стороны теоретиковъ, предлагающихъ нынѣ государству остаться въ сторонѣ и умыть руки въ вопросѣ о судьбѣ рабочихъ классовъ. Наиболѣе поразительно, конечно, это забвеніе со стороны такого многообъемлющаго соціолога, какъ Гербертъ Спенсеръ. Государство всегда играло руководящую роль въ экономическомъ устройствѣ народа; оно прежде заботилось объ обезпеченіи хозяйственныхъ интересовъ высшихъ сословій, а теперь

Digitized by Google

начинаетъ думать объ охранѣ народныхъ трудящихся массъ. Первый видъ вмѣшательства считался вообще нормальнымъ, естественнымъ, въ западной Европѣ, и не вызывалъ представленія о государственномъ соціализмѣ; а второй — признается какъ бы исключеніемъ и подводится подъ особое понятіе государственнаго соціализма. Эта безсознательная двойственность въ пониманіи задачъ государства мѣшаетъ нѣмецкимъ реформаторамъ замѣтить, что въ сущности самое широкое рѣшеніе соціальнаго вопроса вполнѣ возможно при „старыхъ" индивидуалистическихъ понятіяхъ о государствѣ. То̀, что̀ въ прошломъ сдѣлано было въ одну сторону, можетъ быть измѣнено или исправлено въ другую,—и для такого измѣненія своихъ собственныхъ прежнихъ мѣръ и законовъ государство не нуждается ни въ какой новой теоріи. Оффиціально заявляется въ Германіи, что власть считаетъ своимъ долгомъ взять подъ свое покровительство интересы болѣе слабой части населенія; но эти слова не слѣдуетъ понимать буквально: нѣмецкій рабочій классъ составляетъ въ настоящее время весьма крупную организованную силу, и новѣйшія правительственныя заботы объ его благѣ объясняются именно тѣмъ, что это уже не слабая масса, нуждающаяся въ защитѣ, а серьезная сила, не только матеріальная и хозяйственная, но и политическая. Еслибы нѣмецкіе рабочіе были дѣйствительно слабы и безпомощны, за нихъ едва ли заступилось бы государство съ такой рѣшимостью и твердостью, и не было бы, пожалуй, ни казеннаго государственнаго соціализма, ни чрезмѣрнаго расширенія государственныхъ функцій въ теоріяхъ ученыхъ публицистовъ. Положеніе сельскихъ рабочихъ во многомъ не лучше, чѣмъ городскихъ и фабричныхъ, и однако объ нихъ говорится гораздо больше въ спеціальной литературѣ, чѣмъ въ оффиціальныхъ заявленіяхъ и проектахъ, — только потому, что дѣло идетъ именно о слабыхъ элементахъ, не имѣющихъ возможности поднимать свой голосъ и отстаивать свои права и интересы. Превратить рабочую демократію въ рабочее войско, подчиненное правительственной организаціи и руководству, можетъ казаться заманчивымъ и выгоднымъ съ извѣстной точки зрѣнія; но нужно ли и желательно ли такое превращеніе для самихъ рабочихъ и для всего вообще нѣмецкаго народа, и не существуетъ ли другихъ способовъ для достиженія желанныхъ цѣлей,—это вопросъ, который даже не ставится или считается празднымъ обычными проповѣдниками соціальной реформы.

Л. Слонимскій.

Digitized by Google

* * *

Цвѣтокъ, обманутый горячими лучами,
Что солнце кинуло нечаянно весной,
Обманутый тепломъ и влажными ночами,
Сверкнулъ въ проталинкѣ сребристой бѣлизной.

И цѣлый день онъ цвѣлъ, и солнце улыбалось,
И цѣловало нѣжно каждый лепестокъ,
И травка вкругъ него сквозь землю пробивалась,
И счастливъ, счастливъ былъ обманутый цвѣтокъ.

Но на небо нашли вдругъ тучи снѣговыя,
И вѣтеръ холодомъ пронзительнымъ пахнулъ:
Тоскливо сжалися листочки молодые,
И голову цвѣтокъ испуганно нагнулъ.

И вьюга грозная завыла на просторѣ,
И занесло цвѣтокъ, и умеръ тихо онъ,
Не зная, для чего жъ свѣтило солнце въ полѣ,
За что же жизнь его прошла какъ мигъ, какъ сонъ?

М. А. Д.

Digitized by Google

ИЗУЧЕНІЕ
ПСИХОФИЗИЧЕСКИХЪ ТИПОВЪ

— *Д. А. Дриль*: „Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями". М. 1890 г.

Въ послѣднее время въ уголовномъ правѣ обособилась новая, такъ-называемая „антропологическая" школа, пріобрѣвшая себѣ многихъ сторонниковъ, особенно въ Италіи, но затѣмъ также во Франціи и въ другихъ странахъ. У насъ въ Россіи однимъ изъ видныхъ представителей этой школы является Д. А. Дриль, напечатавшій обширное сочиненіе, въ двухъ выпускахъ: „Малолѣтніе преступники", и выступающій теперь съ новымъ этюдомъ по частной психологіи преступности. На „антропологическую" школу сыплется не мало нападокъ; противъ многихъ положеній ея возражаютъ не только юристы классической или метафизической школы, но и натуралисты-врачи. Стремленіе видѣть въ преступникѣ ненормальнаго человѣка, особый психофизическій типъ, или типы, и ставить преступность въ связь съ извѣстными органическими уклоненіями—возбудило противъ себя особенно много возраженій. Было указано, что многія обобщенія, сдѣланныя Ломброзо и его послѣдователями, по отношенію къ антропологическимъ признакамъ преступности, основаны на преувеличенной оцѣнкѣ различныхъ особенностей, значеніе и распространеніе которыхъ недостаточно изучены и даже положительно невѣрны и тенденціозны. Съ другой стороны, было выставлено на видъ, что нравственность и преступность зависятъ въ значительной степени отъ состоянія и степени развитія общества, и что говорить о преступномъ или

Digitized by Google

преступныхъ типахъ можно, самое бо́льшее, лишь постольку, поскольку можно разсуждать о типѣ чиновниковъ, духовныхъ лицъ, купцовъ, художниковъ и разныхъ другихъ сословій, состояній, классовъ общества, профессій и т. д.,—да и то если имѣются въ виду такъ-называемые „профессіональные" преступники, а не случайные, ставшіе такими вслѣдствіе несчастнаго стеченія обстоятельствъ, дурного примѣра, крайности и т. п. Г-нъ Дриль, хорошо знакомый съ литературой предмета, конечно, знаетъ о всѣхъ этихъ промахахъ и увлеченіяхъ „антропологической" школы, но, по его мнѣнію (какъ это онъ объясняетъ во введеніи къ своему новому труду), „при выясненіи достоинствъ или недостатковъ школы, преимущественное значеніе имѣютъ не столько отдѣльныя работы ея послѣдователей, сколько ея руководящія основныя положенія". Авторъ и считаетъ нужнымъ формулировать эти положенія, сводящіяся въ концѣ концовъ къ тому, что антропологическая школа изучаетъ не только преступленіе, но и прежде всего самого преступника въ его многочисленныхъ разновидностяхъ, въ производящихъ его причинахъ, и притомъ не какого-то отвлеченнаго, всегда себѣ равнаго преступника, а многоразличныя разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, и изучаетъ ихъ не умозрительно, а при помощи всѣхъ возможныхъ точныхъ методовъ. „Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодѣйствія особенностей сложившейся психофизической организаціи или натуры преступника... и особенностей внѣшнихъ воздѣйствій, т.-е. воздѣйствія окружающей его естественной и общественной среды", причемъ первому фактору, т.-е. особенностямъ организаціи самого преступника, школа приписываетъ главнѣйшую роль. „Антропологическая школа разсматриваетъ преступника какъ въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуравновѣшенную, оскудѣлую, недостаточную и неприспособленную организацію, которая, вслѣдствіе этой недостаточности и неприспособленности, и не можетъ при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ бороться за свое существованіе въ установленныхъ легальныхъ формахъ". Соотвѣтственно этому, антропологическая школа считаетъ ближайшими причинами преступленій кроющіяся въ порочностяхъ психофизической организаціи дѣятеля преступленія и болѣе отдаленными—тѣ, которыя кроются въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются особенности организаціи; затѣмъ она принимаетъ еще предрасполагающія причины, подъ вліяніемъ которыхъ уже сложившіяся дурно уравновѣшенныя организаціи наталкиваются на преступленія. Центръ тяжести принимается, слѣдовательно, въ порочной

Digitized by Google

или оскудѣлой организаціи преступника, которая заявляетъ себя преступностью при предрасполагающихъ къ тому соціальныхъ условіяхъ. При этомъ, такъ какъ типы порочной организаціи могутъ быть различны и вызываться различными причинами и условіями, то и мѣры репрессіи по отношенію къ каждому осужденному преступнику не могутъ опредѣляться только категоріей преступленія, а должны сообразоваться съ особенностями каждаго отдѣльнаго случая и длиться лишь постольку, поскольку въ нихъ есть дѣйствительная необходимость.

Не подлежитъ сомнѣнію, что формулированныя, такимъ образомъ, положенія антропологической школы, можетъ быть и трудно поддающіяся покуда практическому примѣненію, заслуживаютъ, тѣмъ не менѣе, серьезнаго вниманія. Какъ медицина въ настоящее время изучаетъ не отвлеченныя болѣзни, а стремится изучать больныхъ и руководится въ леченіи болѣзней въ значительной степени особенностями организаціи паціентовъ, такъ точно и для уголовнаго права важно не ограничиваться только распредѣленіемъ и караніемъ преступленій, но достигнуть пониманія ихъ; а для этого необходимо тщательное изученіе различныхъ типовъ преступниковъ, причинъ, вызывающихъ порочность и преступность, и поводовъ, предрасполагающихъ къ преступнымъ дѣяніямъ. Необходимо, съ одной стороны, изученіе тѣхъ неблагопріятныхъ условій, которыя способствуютъ появленію и умноженію преступности; съ другой—самыхъ личностей преступниковъ, чрезъ которыя совершаются преступленія и которыя, во многихъ случаяхъ, дѣйствительно выказываютъ нѣчто ненормальное въ своемъ психофизическомъ развитіи. Допуская даже, что антропологическая школа придаетъ слишкомъ большое значеніе этой возможной связи преступности съ болѣзненностью и ненормальностью организаціи, нельзя не признать, что усиленное изученіе преступниковъ, при помощи строго-научныхъ методовъ, можетъ въ значительной степени способствовать выясненію тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ факторовъ, въ результатѣ коихъ являются многоразличныя, вредныя для общества, порочныя и преступныя дѣянія.

Новое сочиненіе г. Дриля и имѣетъ цѣлью разъяснить нѣкоторые факторы преступности. Оно посвящено „нервнымъ, истерикамъ, эпилептикамъ и оскудѣлымъ разныхъ степеней“. Всѣ эти категоріи болѣзненныхъ натуръ являются уклоненіями отъ нормальнаго типа,—уклоненіями умножающимися, повидимому, въ современномъ обществѣ и дающими значительный контингентъ преступниковъ. Авторъ очерчиваетъ сперва „совершенный и силь-

Digitized by Google

ный органическій типъ хорошо уравновѣшеннаго и равномѣрно и полно развитаго и развивающагося человѣка", —типъ, который теперь, по его словамъ, является, сравнительно, очень рѣдкимъ. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій питанія и существованія вообще, масса людей подвергается „физіологическому обѣднѣнію", закрѣпляемому „прогрессирующей наслѣдственностью" и ведущему къ физическому и нравственному вырожденію. Это вырожденіе представляетъ, однако, различные степени и типы. Сперва идутъ различные оттѣнки нервнаго темперамента, съ повышенной возбудимостью нервной системы, неблагопріятною для спокойнаго, внимательнаго, однороднаго труда и влекущею къ измѣнчивости, неустойчивости, раздражительности, инстинктивности дѣяній,—способнымъ, при предрасполагающихъ условіяхъ, проявляться въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Затѣмъ слѣдуютъ люди въ бо̀льшей или мѐньшей мѣрѣ истеричные, представляющіе собою „различныя измѣняющіяся функціональныя неуравновѣшенности". Это люди съ сильной, но ненормальной чувствительностью и слабой волей, съ наклонностью къ эксцентричности, къ противорѣчію, крайне впечатлительные и склонные къ бурнымъ чувственнымъ влеченіямъ. Недалеко отъ нихъ стоятъ эпилептики, одержимые тяжелой формой невроза, стоящей въ очевидной связи съ усилившеюся наклонностью къ алкоголизму, а послѣдняя—„со множествомъ наиболѣе темныхъ сторонъ общественныхъ отношеній, приводящихъ къ физіологической бѣдности и пауперизму". Авторъ разбираетъ печальное вліяніе алкоголизма и приводитъ данныя, что алкоголизмъ и преступленіе, это—„два явленія общественной жизни, находящіяся въ тѣсной связи другъ съ другомъ". Но съ алкоголизмомъ стоитъ въ близкомъ родствѣ и эпилепсія, доставляющая также благопріятную почву для развитія преступности. Эпилептики склонны какъ къ припадкамъ, такъ и къ импульсивнымъ, неодолимымъ влеченіямъ и нравственнымъ извращеніямъ, способнымъ выражаться въ формѣ преступныхъ дѣйствій, безсознательныхъ или сознательныхъ. Тѣмъ не менѣе, все-таки это—натуры еще сильныя, „способныя освобождать значительныя количества энергіи". Но „процессъ органическаго оскудѣнія, если не наступаютъ благопріятныя условія оздоровленія, подвигается впередъ и порождаетъ въ рядѣ нисходящихъ поколѣній все болѣе и болѣе оскудѣвающія разновидности породы, вплоть до самыхъ жалкихъ отребій человѣчества". Переходною ступенью являются „слабонервные темпераменты"; за ними слѣдуютъ оскудѣлые, представляющіе уже „уничтоженіе и отрицаніе темперамента" и характеризуемые „слабою, недостаточной возбудимостью и замедленной

Digitized by Google

реакціей". Это—бродяги, апатичные лѣнтяи, слабоумные, узкіе эгоисты, лишенные всякой предпріимчивости, легко подпадающіе постороннему вліянію, вялыя, дряблыя, подлыя натуры, дающія обширный контингентъ мелкихъ воришекъ и мошенниковъ, профессіональныхъ бродягъ и нищихъ. Всѣ эти разновидности психофизическаго оскудѣнія размножаются преимущественно въ большихъ городскихъ центрахъ, гдѣ, вслѣдствіе скопленія населенія, усиленной конкурренціи, нездоровыхъ условій существованія и всевозможныхъ приманокъ, раздражающихъ чувственность, даже люди сравнительно сильные способны терять нравственное равновѣсіе, а оскудѣлыя организаціи легко увлекаются „къ сумѣ, тюрьмѣ и преждевременной могилѣ".

Таковъ остовъ, если можно такъ выразиться, изслѣдованія г. Дриля, но у автора онъ обставленъ массою примѣровъ, извлеченныхъ изъ психіатрической и криминальной литературы и даже изъ литературы изящной; такъ, напримѣръ, въ качествѣ образцовъ психическаго оскудѣнія имъ разбираются подробно типы Обломова и Рудина. Авторъ сообщаетъ также интересныя данныя о попыткахъ борьбы съ бродяжничествомъ и нищенствомъ—Наполеона I и голландско-бельгійскаго правительства. Въ заключеніе авторъ старается показать, что государство можетъ сдѣлать многое въ сферѣ широкихъ мѣръ предупрежденія органической дряблости и оскудѣнія, путемъ вмѣшательства въ экономическія отношенія между сильными и слабыми и въ дѣло общественнаго образованія и воспитанія. Вообще книжка г. Дриля даетъ новый поводъ задуматься надъ неблагопріятными условіями въ жизни современныхъ цивилизованныхъ обществъ, — условіями, которыя способствуютъ физическому вырожденію и оскудѣнію извѣстной доли ихъ членовъ и влекутъ къ умноженію нѣкоторыхъ формъ болѣзненности, а въ связи съ ними — также порочности и преступности.

Признавая, такимъ образомъ, немалый интересъ за этюдомъ г. Дриля, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что этюдъ этотъ, подобно многимъ этюдамъ другихъ авторовъ въ той же области, страдаетъ, по нашему мнѣнію, нѣкоторою односторонностью взглядовъ, недостаточною критикою источниковъ и наклонностью къ довольно смѣлымъ обобщеніямъ. Эта наклонность сказывается уже въ исходной точкѣ автора, въ пониманіи имъ „совершеннаго и сильнаго органическаго типа уравновѣшеннаго и равномѣрно и полно развитого и развивающагося человѣка". Типъ этотъ, по мнѣнію автора, характеризуется „сангвиническимъ темпераментомъ", который „наиболѣе благопріятенъ для полнаго и правиль-

Digitized by Google

наго развитія организма и для наилучшаго выполненія всѣхъ функцій". Во-первыхъ, авторъ не разъясняетъ, что собственно онъ разумѣетъ подъ темпераментомъ, понимаетъ ли онъ его въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ „степень возбудимости организма отъ внѣшнихъ и внутреннихъ стимуловъ и продолжительность его реакціи отъ послѣдовавшаго возбужденія" (по опредѣленію Лесгафта), или въ обширномъ, смѣшивая его съ характеромъ или типомъ, т.-е. со степенью умственнаго развитія (сознательнаго отношенія къ окружающей средѣ) и развитія нравственнаго. Повидимому, предполагается болѣе тѣсный смыслъ, именно степень и качество чувствованія, зависящія отъ состава крови, силы сердца и упругости сосудовъ, энергіи кровообращенія. По этимъ признакамъ темпераменты дѣлятся, какъ извѣстно, на сангвиническій, холерическій, меланхолическій и флегматическій; первые два отличаются *быстрыми* чувствованіями и проявленіями, вторые два —*медленными*. Вторичное же подраздѣленіе обусловливается большею или меньшею *силою* чувствованій и проявленій. У холериковъ они *быстры и сильны*, у сангвиниковъ—*быстры и слабы*; у меланхоликовъ—*медленны и сильны*, у флегматиковъ—*медленны и слабы*. Г-нъ Дриль понимаетъ, повидимому, сангвиническій темпераментъ нѣсколько иначе; онъ говоритъ, что движенія у сангвиниковъ совершаются быстро и *съ силою*, чувство характеризуется *напряженностью*, мысли слѣдуютъ свободно и быстро другъ за другомъ въ многообразныхъ ассоціаціяхъ; при этомъ сангвиники самоувѣренны, рѣшительны, отважны, веселы. Вслѣдствіе этого онъ видитъ въ сангвиникахъ „по истинѣ любимыхъ и хорошо одаренныхъ дѣтей природы", считаетъ ихъ представителями нормальнаго человѣческаго темперамента. Другіе, однако, опредѣляютъ сангвиническій характеръ иначе. По Лесгафту, напр., „сангвиническій темпераментъ съ быстрыми, но слабыми чувствованіями и проявленіями, быстро на все накидывается и такъ же легко обо всемъ забываетъ и все бросаетъ; онъ сговорчивъ, всему сочувствуетъ, легко сближается и дружится, но у него все такъ же скоро исчезаетъ и расторгается; постоянства и настойчивости мало, все измѣнчиво и легко забывается". Лесгафтъ и не считаетъ поэтому сангвиническій темпераментъ за наилучшій и наиболѣе нормальный. Имѣя въ виду, что наблюденія на трупахъ доказываютъ существованіе замѣтныхъ различій между особями въ калибрѣ кровеносныхъ сосудовъ и толщинѣ ихъ стѣнокъ, и исходя отъ положенія, что „сила и быстрота теченія крови имѣютъ несомнѣнное отношеніе къ питанію, слѣдовательно и къ силѣ и энергіи, какую ткани человѣческаго тѣла могутъ обнаружить, и

Digitized by Google

къ связаннымъ съ этой работой ощущеніямъ и чувствованіямъ", т.-е. къ темпераменту, Лесгафтъ соединяетъ темпераменты съ такими особенностями кровеносныхъ сосудовъ:

Малый просвѣтъ сосудовъ, толстыя стѣнки — холерическій темпераментъ.

Малый просвѣтъ сосудовъ, тонкія стѣнки — сангвиническій темпераментъ.

Большой просвѣтъ сосудовъ, толстыя стѣнки—меланхолическій темпераментъ.

Большой просвѣтъ сосудовъ, тонкія стѣнки — флегматическій темпераментъ.

Нормальный темпераментъ, по мнѣнію Лесгафта, долженъ обладать среднимъ просвѣтомъ сосудовъ и средней толщиной ихъ стѣнокъ.

Во всякомъ случаѣ, признавать ли сангвиническій темпераментъ за наилучшій, или нѣтъ, нельзя считать его единственно нормальнымъ. Съ давнихъ поръ психологи и физіологи различали четыре темперамента, признавая ихъ въ одинаковой степени прирожденными, связанными съ конституціей тѣла, съ качествомъ, составомъ и движеніемъ крови. Какъ Гиппократъ и Галенъ, такъ и Кантъ, и Вундтъ, въ этомъ согласны между собою, и признавать одинъ изъ темпераментовъ болѣе нормальнымъ, чѣмъ другіе, значитъ вводить субъективную оцѣнку въ изученіе естественно-историческихъ явленій, долженствующихъ разсматриваться совершенно объективно [1]). Притомъ, разсуждая о различіи темпераментовъ, нельзя сосредоточивать свое вниманіе исключительно на современномъ европейскомъ обществѣ. „Антропологическая" школа должна пользоваться данными дѣйствительной антропологіи и включать въ свой кругозоръ всѣ извѣстныя разновидности человѣчества. Данныя же антропологіи доказываютъ, что какъ нельзя говорить объ одномъ нормальномъ морфологическомъ типѣ человѣка, такъ нельзя принимать и одинъ нормальный темпераментъ. Въ морфологическомъ отношеніи нормальный человѣкъ можетъ принадлежать къ бѣлой или къ черной расѣ, имѣть шерстистые волоса, какъ негръ или готтентотъ, или прямые и гладкіе, какъ монголъ или американецъ; быть высокорослымъ, какъ полинезіецъ, патагонецъ, кафръ, или малорослымъ, какъ негритосъ, японецъ, лопарь; обладать длиннымъ, узкимъ и высокимъ черепомъ или короткимъ и широкимъ; длиннымъ тонкимъ носомъ или широкимъ

[1]) Поэтому непонятно, какъ Лесгафтъ, принимающій четыре естественныхъ темперамента, отличаетъ отъ нихъ пятый—нормальный.

Digitized by Google

и приплюснутымъ; выказывать черные или бѣлокурые волоса, каріе или голубые глаза и т. д. Подобнымъ же образомъ онъ можетъ нормально представлять сангвиническій или меланхолическій темпераментъ; типичнымъ представителемъ перваго можетъ считаться негръ, второго—американскій индѣецъ. Лица, имѣвшія возможность наблюдать негровъ и индѣйцевъ вмѣстѣ, въ одномъ и томъ же климатѣ, напримѣръ въ Бразиліи, удостовѣряютъ, что обѣ эти расы относятся неодинаково какъ къ солнечному жару и болотнымъ міазмамъ, такъ и къ различнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ стимуламъ, выказывая также различіе въ продолжительности реакціи на послѣдовавшія возбужденія. Подобныя же различія могутъ быть констатированы и между болѣе мелкими подраздѣленіями человѣческихъ породъ: преобладающій темпераментъ англичанина — иной, чѣмъ француза; у нѣмца другой, чѣмъ у итальянца. Проф. Бушардà, на котораго ссылается Дриль, могъ считать сангвиническій темпераментъ наиболѣе благопріятнымъ и нормальнымъ, такъ какъ онъ, повидимому, является, дѣйствительно, наиболѣе преобладающимъ, а слѣдовательно, и наиболѣе естественнымъ среди французовъ; но обобщать это заключеніе для всего человѣчества было бы такъ же страннымъ, какъ считать только бѣлаго человѣка нормальнымъ, а въ неграхъ, монголахъ и другихъ видѣть ненормальныхъ, выродившихся и оскудѣлыхъ представителей рода homo. Въ виду смѣшанности состава европейскаго населенія, естественно ожидать, что въ немъ могутъ попадаться представители различныхъ темпераментовъ, болѣе или менѣе явственно выраженныхъ, но одинаково нормальныхъ. Даже у ближайшихъ къ человѣку животныхъ мы встрѣчаемъ различные темпераменты: меланхолическій или флегматическій орангъ-утангъ значительно отличается отъ сангвинической гориллы. Мало того, у представителей одного вида и расы, какъ дикихъ, такъ и домашнихъ, мы встрѣчаемъ у различныхъ особей неодинаковые темпераменты. Не всѣ лошади, собаки, медвѣди, даже одной породы, одинаково относятся къ однороднымъ стимуламъ.

Признавая, что различные темпераменты могутъ быть одинаково нормальными, возможно предполагать однако, что одинъ какой-нибудь изъ нихъ наиболѣе благопріятенъ для человѣка, характеризуетъ наиболѣе совершенныя его разновидности, является типичнымъ для высшихъ представителей человѣческой культуры. Но такое предположеніе должно основываться на достаточномъ числѣ убѣдительныхъ данныхъ; нужно доказать, напримѣръ, что сангвиническій характеръ преобладаетъ у наиболѣе культурныхъ націй, или что онъ является типичнымъ для выдающихся геніаль-

Digitized by Google

ныхъ личностей—въ области мысли, чувства и воли. Никакихъ такихъ доказательствъ у г. Дриля нѣтъ, да и не можетъ быть. Какъ среди европейскихъ культурныхъ націй у однѣхъ является преобладающимъ одинъ, у другихъ—другой темпераментъ, такъ и среди выдающихся представителей человѣчества, съ именами которыхъ связанъ прогрессъ человѣческой культуры, можно отыскать и сангвиниковъ, и меланхоликовъ, холериковъ и флегматиковъ. Съ другой стороны, и наоборотъ, среди павшихъ и преступныхъ людей можно, повидимому, также встрѣтить различные темпераменты. Достаточно, напримѣръ, прочитать „Записки изъ Мертваго дома", Достоевскаго, чтобы придти къ убѣжденію, что среди каторжныхъ встрѣчаются представители самыхъ противоположныхъ темпераментовъ, и притомъ выраженныхъ, можетъ быть, наиболѣе рѣзко. Г-нъ Дриль склоненъ, повидимому, жалѣть о томъ, что не всѣ люди обладаютъ излюбленнымъ имъ сангвиническимъ темпераментомъ, и что существуютъ многія „ненормальныя" уклоненія отъ этого типа. Мы же скорѣе склонны думать, что если бы всѣ люди обладали одинаковымъ темпераментомъ, то прогрессъ культуры совершался бы много медленнѣе и одностороннѣе. По мнѣнію Вундта, идеальнымъ человѣкомъ можетъ считаться такой, который соединяетъ въ себѣ всѣ темпераменты. „Онъ долженъ быть сангвиникомъ (дѣйствовать быстро, но слабо) подъ вліяніемъ мелкихъ невзгодъ и радостей ежедневной жизни; меланхоликомъ (дѣйствовать медленно, но сильно) въ серьезныхъ моментахъ важныхъ событій въ жизни; холерикомъ (дѣйствовать быстро и сильно) въ случаяхъ, касающихся серьезныхъ его интересовъ, и флегматикомъ (дѣйствовать медленно и слабо) въ исполненіи предпринятыхъ рѣшеній". Не вдаваясь въ оцѣнку этого идеала Вундта, можно замѣтить, что подобное совмѣщеніе темпераментовъ (смѣшиваемыхъ Вундтомъ отчасти съ характерами) рѣдко въ состояніи являться у одной особи, но оно несомнѣнно характеризуетъ человѣчество въ его цѣломъ. Въ различные моменты культурнаго развитія и въ различныхъ его отрасляхъ выступаютъ и дѣйствуютъ различные темпераменты, дополняя и поправляя другъ друга, и всѣ въ совокупности многообразно отражая въ себѣ различныя впечатлѣнія и многообразно въ нихъ реагируя. Что̀ по одному скользитъ, то̀ на другомъ оставляетъ прочный слѣдъ, что̀ одинъ подготовляетъ, то̀ другой приводитъ въ исполненіе, и въ общемъ изъ этой толчеи чувствъ, мыслей, поступковъ слагается прогрессъ человѣчества и развитіе его цивилизаціи.

Не меньшая смѣлость можетъ быть констатирована у г. Дриля

Digitized by Google

и въ толкованіи генезиса различныхъ психологическихъ типовъ. Происхожденіе нервности, истеріи, эпилепсіи, оскудѣнія, г. Дриль склоненъ приписывать неблагопріятно дѣйствующимъ условіямъ нашей общественной жизни. Цитируя мнѣнія по этому вопросу различныхъ писателей, авторъ охотно отдаетъ предпочтеніе болѣе близкимъ и яркимъ, хотя и сомнительной научности, въ родѣ, напримѣръ, что „нашъ вѣкъ въ полномъ смыслѣ нервный вѣкъ"; „наши отцы имѣли слишкомъ много крови; всѣ ихъ болѣзни требовали ланцета; мы же имѣемъ слишкомъ много (?) нервовъ, и наша обѣднѣлая кровь не въ состояніи ихъ успокаивать"; „тихая, правильная и уравновѣшенная жизнь, которую вели въ прежнія времена, смѣнилась неровнымъ, возбужденнымъ и лихорадочнымъ существованіемъ". Любопытно знать, когда были эти „прежнія времена" съ „правильной жизнью"—въ эпоху ли наполеоновскихъ войнъ, великой революціи, религіозной борьбы, господства инквизиціи, средневѣковаго варварства или въ какую-либо иную? Безспорно, что современная общественная жизнь представляетъ и темныя стороны, и что въ борьбѣ за существованіе гибнетъ, вянетъ и глохнетъ не мало людей, но для болѣе точнаго опредѣленія этого вреднаго вліянія современныхъ обществъ необходимъ опять-таки болѣе широкій кругозоръ и примѣненіе сравнительнаго метода. Нервные, истеричные, эпилептики и слабоумные встрѣчались и въ прежнія времена, и притомъ не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, какъ на благодатномъ югѣ, такъ и на суровомъ сѣверѣ. У первобытныхъ народовъ, правда, уроды и калѣки встрѣчаются вообще рѣже, чѣмъ въ культурныхъ обществахъ; но это объясняется въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что уродливыхъ и слабыхъ дѣтей тамъ нерѣдко убиваютъ, или они гибнутъ скоро сами, неспособныя выносить трудности первобытной охотничьей жизни. Но истерія и эпилепсія, развивающіяся лишь съ возрастомъ, нерѣдки и у первобытныхъ народовъ, у которыхъ эти болѣзни внушаютъ къ себѣ даже особое уваженіе и боязнь, такъ какъ въ нихъ видятъ обыкновенно проявленіе таинственныхъ духовъ, способныхъ вліять на судьбу людей. Изъ истеричныхъ и эпилептиковъ тамъ вербуются шаманы—посредники въ сношеніяхъ людей съ духами,—существующіе не у однихъ сибирскихъ инородцевъ, но, подъ различными наименованіями, также у эскимосовъ, американскихъ индѣйцевъ, негровъ и кафровъ, меланезійцевъ и другихъ. Г-нъ Дриль приводитъ примѣры изъ криминалистики, какъ алкоголики и эпилептики иногда въ безсознательномъ состояніи совершаютъ убійства и акты грубаго насилія; но такія же насилія въ подобномъ со-

Digitized by Google

стояніи совершаются и у внѣевропейскихъ народовъ. У малайцевъ, напримѣръ, не особенно рѣдки случаи такъ-назыв. amok, когда туземецъ впадаетъ въ изступленіе и въ безсознательномъ состояніи пускается бѣжать съ крисомъ (кинжаломъ) въ рукѣ, поражая всѣхъ, кто попадается ему на пути. По Ливингстону, у негровъ также нерѣдки случаи внезапнаго припадка бѣшенства. „Палласъ, въ прошломъ столѣтіи, въ Сибири у качинцевъ, и Бастіанъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, у перуанскихъ индѣйцевъ, были свидѣтелями мѣстныхъ истерическихъ эпидемій. О нервности и истеріи у сѣверныхъ нашихъ инородцевъ, лопарей, остяковъ, самоѣдовъ, тунгузовъ, камчадаловъ, сообщали многіе путешественники; былъ предложенъ даже терминъ: hysteria septentrionalis. Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что какъ физическое, такъ и психическое вырожденіе можетъ иногда обусловливаться вліяніемъ климата, почвы, воды. Извѣстны, напримѣръ, мѣстности, гдѣ отъ неизвѣстныхъ въ точности причинъ развивается эндемически зобъ и соединенный съ нимъ кретинизмъ. Такія мѣстности есть въ Альпахъ, Андахъ, у насъ на Кавказѣ, въ Туркестанѣ, въ пермской губерніи и въ Восточной Сибири, по р. Ангарѣ. Въ Баваріи есть округа, гдѣ настоящій зобъ и кретенизмъ не особенно часты, но гдѣ населеніе представляетъ много полукретиновъ или кретиноидовъ, съ ненормальнымъ строеніемъ головы, тугихъ на ухо, невнятно говорящихъ или заикающихся и съ ограниченными умственными способностями. Всѣ эти данныя и факторы необходимо принимать во вниманіе при сужденіи о вредныхъ вліяніяхъ условій современной общественной жизни. Впрочемъ, и по отношенію къ вліянію естественныхъ условій странъ (ихъ сравнительному богатству или бѣдности) надо быть очень осторожнымъ. Г-нъ Дриль приводитъ, напримѣръ, результаты изслѣдованій Виллерме, по которому, во Франціи, „освобожденіе отъ военной службы по причинѣ малорослости настолько многочисленнѣе, насколько страна бѣднѣе и жители ея хуже питаются“. Но этотъ выводъ Виллерме давно опровергнутъ основанными на гораздо большемъ матеріалѣ изслѣдованіями Будена, Брока, Бертилльона и Топинара, которые доказали, что главнымъ факторомъ, опредѣляющимъ различія роста французскаго населенія по областямъ и департаментамъ, является вліяніе породы, расы,—преобладаніемъ иберо-лигуро-кельтическаго элемента на юго-западѣ и галло-германскаго элемента на сѣверо-востокѣ въ населеніи.

Нельзя не назвать также нѣсколько смѣлымъ утвержденіе, что „постоянно прогрессирующая наслѣдственность закрѣпляетъ

Digitized by Google

за каждой новой генераціей свой особый типъ послѣдовательно увеличивающагося физіологическаго обѣднѣнія". Выраженіе: „постепенно прогрессирующая наслѣдственность", едва ли можетъ быть допущено: наслѣдственность есть свойство по преимуществу консервативное; не будь этой консервативности, виды и породы расплылись бы въ массѣ всевозможныхъ варіацій. Наслѣдственность заключается въ передачѣ потомству основныхъ формъ родичей; благодаря наслѣдственности, удерживаются признаки предковъ, и частныя уклоненія снова возвращаются въ потомствѣ къ первоначальному типу. Вопросъ о наслѣдственности, вообще, еще очень мало разработанъ научно; только въ самое послѣднее время онъ сталъ предметомъ болѣе точныхъ изслѣдованій. Но какъ ни мало разработанъ этотъ вопросъ, все-таки едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что качества и особенности, пріобрѣтенныя особью при жизни, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ передаться потомству. Если же мы видимъ довольно часто такую кажущуюся передачу, то это происходитъ отъ того, что мы смѣшиваемъ наслѣдственность съ вліяніями при зачатіи и утробномъ развитіи и при послѣдующемъ ростѣ и развитіи въ семьѣ и обществѣ. На практикѣ часто очень трудно анализировать степень вліянія каждаго изъ этихъ отдѣльныхъ факторовъ. У алкоголика—сынъ-алкоголикъ; спрашивается, насколько это обусловливается наслѣдственностью, условіями развитія, вліяніемъ семьи и общества? Какъ передача чахотки дѣтямъ можетъ зависѣть и отъ наслѣдственности, и (что̀ болѣе вѣроятно) отъ внѣ-утробнаго зараженія, такъ передача извѣстныхъ психическихъ свойствъ и способностей можетъ сводиться только къ сходству условій въ развитіи и ростѣ, къ однородности темпераментовъ и къ сходству дѣйствовавшихъ на нихъ вліяній. Вообще, покуда наслѣдственность представляется еще мало изученнымъ факторомъ, опасно слагать на нее все то̀, что̀ мы не можемъ или не желаемъ объяснять другими причинами.

Г-нъ Дриль однако, повидимому, не сознаетъ этой опасности. Онъ не только всюду вводитъ наслѣдственность, и притомъ наслѣдственность прогрессирующую, но и показываетъ намъ, что̀ происходитъ въ организмѣ поколѣній, при ихъ прогрессирующемъ оскудѣніи. „Первымъ результатомъ разъ начавшагося обѣднѣнія прежде роскошно развитой (?) органической жизни... является, *повидимому*, болѣе или менѣе рѣзко выраженный нервный темпераментъ". „Въ общей основѣ нервнаго типа организаціи, *повидимому*, лежитъ часто наслѣдственное ослабленіе и обѣднѣніе органической системы кровообращенія и проистекающее отсюда

Digitized by Google

ослабленіе и обѣднѣніе кровяного орошенія и питанія тканей". „Органическое обѣднѣніе по различнымъ органамъ и ихъ системамъ происходитъ, *повидимому*, неравномѣрно... Отсюда и порча породы можетъ идти, *повидимому*, двумя путями". „Вообще, можно сказать, что, переходя отъ нервности къ истеріи, а затѣмъ къ эпилепсіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ переходимъ какъ бы по ступенямъ нарощающейся тяжести разстройствъ и уклоненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, *повидимому*, и нарощающагося органическаго вырожденія" (стр. 87). „Механизмъ принудительныхъ и неодолимыхъ влеченій у алкоголиковъ, нервныхъ, истериковъ и оскудѣлыхъ, *повидимому*, остается тотъ же самый" (стр. 107), и т. п. Всѣ эти „повидимому" представляютъ, очевидно, лишь догадки, основанныя на аналогіяхъ; научно-точнаго въ этой области соприкосновенія физіологіи, психологіи, патологіи и соціологіи извѣстно еще очень и очень немного, а потому и возводить стройныя системы „оскудѣнія" и „вырожденія" едва-ли еще не преждевременно. Изученіе преступности и преступниковъ при помощи всѣхъ возможныхъ научныхъ методовъ, въ цѣляхъ разъясненія генезиса ихъ различныхъ типовъ и связи между психической и физической организаціей, конечно, весьма желательно и въ будущемъ способно, вѣроятно, принести значительную пользу соціологіи; но при этомъ изученіи слѣдуетъ остерегаться отъ впаденія въ односторонность, въ преждевременныя обобщенія, въ попытки кажущагося, мнимаго объясненія — при недостаткѣ къ тому точныхъ научныхъ данныхъ. Съ другой стороны, „антропологическая школа уголовнаго права" должна была бы, намъ думается, пользоваться въ бо́льшей степени данными антропологіи, т.-е. той науки, съ именемъ которой она связываетъ свое имя, свои задачи и методы.

Д. Анучинъ.

Digitized by Google

НА МОТИВЪ СТЕКЕТТИ

Онъ отсіялъ—лучъ солнца золотого!
Онъ отгорѣлъ—мой лучезарный день!
И жизнь грустна, какъ тяжкій бредъ больного,
И жизнь мрачна, какъ гробовая сѣнь.

Зачѣмъ же вновь встаетъ неумолимо
Прошедшее, какъ призракъ роковой?
Оно прошло, оно невозвратимо,
Со всѣмъ его блаженствомъ и тоской;

Со всѣмъ его очарованьемъ жгучимъ
И сладкою отравою рѣчей,
Со всѣмъ его волненіемъ кипучимъ
И счастіемъ навѣкъ минувшихъ дней...

Они прошли—волшебныя мгновенья,
Ихъ не вернуть: такъ было суждено...
Но нѣтъ душѣ желаннаго забвенья,—
И не придетъ оно!

Digitized by Google

* * *

Любовь—мечта, и мы ея не знаемъ;
Она—миражъ, видѣніе, туманъ;
Тò, чтò мы всѣ любовью называемъ—
Лишь тѣнь любви, одинъ самообманъ!

Любовью мы считаемъ увлеченье,
Капризъ ума, фантазіи игру;
Но часъ придетъ—а съ нимъ и убѣжденье,
Что золотомъ мы звали мишуру.

Но есть любовь! Въ созданіяхъ поэта
Она горитъ немеркнущей звѣздой;
Съ любовью льетъ и солнце волны свѣта,
Чтò цѣлый міръ животворятъ собой.

Съ любовью шлетъ цвѣтокъ благоуханье,
Какъ ѳиміамъ къ стемнѣвшимъ небесамъ;
И шумъ лѣсовъ, и свѣтлыхъ водъ журчанье,
Стремящихся къ прибрежнымъ тростникамъ.

И птички пѣснь съ зарею золотистой—
Въ природѣ все любовію полнò,—
Но той любви, возвышенной и чистой,
Здѣсь на землѣ узнать намъ не дано!

О. М--ва.

Digitized by Google

ИСПОЛНЕНІЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ
за 1889 годъ
ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМЪ СВѢДЕНІЯМЪ.

Исполненіе государственной росписи за 1889 годъ, судя по предварительнымъ свѣденіямъ, сообщаемымъ „Вѣстникомъ Финансовъ", должно оказаться не менѣе удовлетворительно, какъ и исполненіе росписи предшествовавшаго года.

По росписи на 1889 годъ, *обыкновенные* доходы были исчислены въ суммѣ 865½ мил. рублей, а расходы —861 м. р., что̀ представляло избытка доходовъ 4½ м. р. Но впослѣдствіи оказалось, что къ итогу расходовъ слѣдуетъ присоединить еще 7 м. р., не вошедшихъ въ первоначальную роспись, для оплаты купона новыхъ консолидированныхъ облигацій на срокъ 20-го декабря 1890 г. (1-го января 1890 года новаго стиля), замѣнившихъ собою прежнія консолидированныя облигаціи, срокъ уплаты купона которыхъ упадалъ бы на 1890 годъ. Вслѣдствіе этого балансъ росписи измѣнялся, и она сводилась съ недоборомъ въ 2½ мил. рублей.

Чрезвычайныхъ расходовъ ожидалось по росписи 34 м. р., которые предполагалось покрыть соотвѣтствующими поступленіями, но изъ нихъ только 9½ м. р. составляли дѣйствительные доходы; слѣдовательно, и по чрезвычайному бюджету предвидѣлся недоборъ въ 24½ м. р. Такимъ образомъ, въ общемъ, по государственной росписи 1889 года, доходовъ ожидалось 875 м. р. (865½ м. р. + 9½ м. р.), а расходовъ было исчислено 902 м. р. (861 м. р. + 7 м. р. + 34 м. р.), что̀ приводило въ общемъ къ дефициту въ 27 мил. рублей.

Digitized by Google

Изъ приведенныхъ цифръ видно, что роспись 1889 г., составленная на основаніи данныхъ 1887 г. и предшествовавшихъ лѣтъ, являлась не блестящею. Правда, ко времени окончательнаго ея заключенія уже имѣлся въ виду превзошедшій ожиданія благопріятный результатъ исполненія росписи 1888 года; но измѣнять цифры, преимущественно доходныя, занесенныя въ роспись при постепенномъ разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ отдѣльныхъ смѣтъ, было бы поздно, еслибы и явилось къ тому желаніе.

Сообщаемыя нынѣ „Вѣстникомъ Финансовъ" данныя показываютъ, насколько ошибочны, въ дурную сторону, были исчисленія росписи. Обыкновенныхъ доходовъ, вмѣсто исчисленныхъ 865½ мил. рублей, въ дѣйствительности поступило 922½ мил. р., болѣе предполагавшагося на 57 м. р. и болѣе общей суммы внесенныхъ въ роспись расходовъ, какъ обыкновенныхъ, такъ и чрезвычайныхъ (902 м. р.), на 20 м. р. слишкомъ. Сравнительно съ 1888 годомъ, обыкновенные доходы увеличились на 24 мил. рублей. Необходимо, однако, принять во вниманіе, что вслѣдствіе уничтоженія въ 1888 г. льготнаго срока по доходамъ, доходы этого года случайно уменьшились противъ нормальныхъ, приблизительно на 13½ м. р.

Статья „Вѣстника Финансовъ" даетъ свѣденія о поступленіи доходовъ по 27 статьямъ росписи, присоединяя къ нимъ еще двѣ сборныя рубрики: „всѣ остальные обыкновенные доходы" и „оборотныя поступленія". Изъ нихъ по 20 статьямъ (въ томъ числѣ и оборотные доходы) поступленія 1889 года болѣе или менѣе превысили поступленія 1888 г.; по 9 статьямъ (считая и „остальные доходы") оказалось уменьшеніе, по большей части незначительное. Наибольшее увеличеніе дохода, на 11½ м. р., до цифры почти 34 м. р., получилось по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, отчасти вслѣдствіе усиленія ихъ эксплуатаціи, а главнымъ образомъ отъ расширенія сѣти казенныхъ дорогъ самаро-уфимской и псково-рижской линіями. Питейный доходъ увеличился почти на 10 м. р. и доставилъ 275 м. р. Впрочемъ, если припомнить, что часть поступленія 1887 года, именно 7 мил. р., по соображеніямъ министерства финансовъ, должна быть причислена къ доходу 1888 года, то увеличеніе 1889 г. не превзойдетъ 3 мил. рублей. О питейномъ доходѣ мы говорили уже неоднократно: въ виду того, какое количество спирта оплачивалось акцизомъ въ семидесятыхъ годахъ, поступленіе питейнаго дохода въ 1888 году мы признавали неудовлетворительнымъ; не вполнѣ удовлетворительнымъ находимъ мы и поступленіе 1889 года, оставаясь въ убѣжденіи, что въ народное потребленіе поступаетъ много вина, примѣрно не менѣе 2—3 мил. ведеръ безводнаго спирта, неоплаченнаго акцизомъ, хотя народъ платитъ за это дешево доставшееся продав-

Digitized by Google

цамъ вино такую же цѣну, какъ и за вино, дошедшее до него совершенно легальнымъ путемъ.

Податей поступило $43^1/_2$ м. р., на 3 м. р. больше противъ 1888 г.: но это увеличеніе какъ разъ соотвѣтствуетъ уменьшенію на 3 м. р. „остальныхъ обыкновенныхъ доходовъ", о которыхъ будетъ сказано ниже.

Превышеніе въ $2^1/_2$ мил. р. прибылей отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій „Вѣстникъ Финансовъ" объясняетъ тѣмъ, что изъ прибылей государственнаго банка перечислено въ казну болѣе на 1.695.000 р., противъ 1888 года, и на 886.000 р. болѣе получено процентовъ на суммы, находящіяся у заграничныхъ банкировъ. „соотвѣтственно наличности этихъ суммъ въ 1889 году". Относительно банкировъ это ясно, — насколько вообще могутъ быть ясны для непосвященныхъ разсчеты по системѣ государственнаго кредита,—но относительно прибылей государственнаго банка остается невыясненнымъ, составляетъ ли указанный излишекъ дѣйствительное приращеніе въ 1889 г. дохода государственнаго банка, или это только излишекъ случайнаго перечисленія безъ отношенія къ размѣру доходовъ того или другого года.

Нефтяной доходъ доставилъ 9 м. р. слишкомъ, и спичечный $4^1/_2$ м. р.—болѣе соотвѣтствующихъ поступленій 1888 года: на 2.700.000 р. и на 1.700.000 р. вслѣдствіе того, что въ 1888 году взиманіе ихъ производилось не съ самаго начала года, а въ 1889 г. за полный годъ. Во всякомъ случаѣ оба эти дохода дали крупное превышеніе (вмѣстѣ на $2^1/_2$ м. р. слишкомъ) противъ цифры, внесенной въ роспись.

Крупное приращеніе на 1.900.000 р. оказалось въ лѣсномъ доходѣ, достигшемъ, въ 1889 году, 17 м. р. слишкомъ: противъ 1887 г. этотъ доходъ возросъ почти на 4 мил. р. Такое быстрое приращеніе въ теченіе двухъ лѣтъ этого дохода несомнѣнно зависѣло оттого, что къ 1888 году окончилось, наконецъ, истребленіе частныхъ лѣсовъ, которому съ такимъ рвеніемъ предавались въ теченіе десяти лѣтъ, если не больше, лѣсовладѣльцы; отчасти потому, что и продавать уже было нечего, и отчасти вслѣдствіе апрѣльскаго закона 1888 г. о сохраненіи лѣсовъ, положившаго нѣкоторое ограниченіе неразумной лѣсной оргіи. Другая причина—усиленный спросъ нашего лѣса за границу. По свѣденіямъ таможеннаго департамента въ 1887 году лѣсу было отпущено за границу на 27 мил. руб., въ 1888 г. на 38 мил. р., а въ теченіе 11 мѣсяцевъ 1889 года на 54 мил. руб.

Мы не будемъ останавливаться на обычномъ приращеніи такихъ доходовъ, какъ почтовый, въ пошлинахъ, торговый, и пр., зависящемъ отчасти отъ развитія сношеній, отчасти отъ лучшей регламен-

Digitized by Google

таціи взиманія этихъ доходовъ. Перейдемъ къ доходу таможенному, доставляющему около $^1/_4$ части нашихъ государственныхъ доходовъ. Таможеннаго дохода поступило въ 1889 году 138 мил. р., а въ 1888 году—141 м. р. Такимъ образомъ оказывается какъ бы уменьшеніе дохода на 3 мил. р.; но это уменьшеніе мнимое, подобно тому какъ въ 1887 году являлось мнимое приращеніе въ этомъ доходѣ сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ. Оно зависитъ отъ разности въ курсѣ, при перечисленіи золотой валюты, въ которой поступаетъ таможенный доходъ, въ кредитную. По росписи на 1888 г. перечисленіе было опредѣлено въ 1 р. 80 коп. кред. за золотой рубль, а на 1889 годъ по 1 р. 70 коп. При исчисленіи по соотвѣтствующему курсу приведенныхъ выше цифръ (по исключенію изъ каждой по 2 мил. р. приблизительно поступающихъ кредитными рублями) оказывается, что таможеннаго дохода въ металлическихъ рубляхъ поступило въ 1888 году (139 м. р. : 1 р. 80 к.) 77 мил. р. съ небольшимъ, а въ 1889 г. (136 м. р. : 1 р. 70 к.) 80 м. р., т.-е. больше на 3 мил. р. золотомъ, составляющихъ въ кредитной валютѣ, по курсу 1 р. 70 коп., 5 мил. рублей. Увеличеніе въ поступленіи пошлинъ въ 1889 году соотвѣтствуетъ усиленію ввоза товаровъ, такъ какъ возвышенія въ размѣрѣ самихъ пошлинъ въ 1889 г. не было.

По свѣденіямъ таможеннаго департамента за 11 мѣсяцевъ 1889 г. [1]), иностранныхъ товаровъ было привезено по европейской границѣ (со включеніемъ черноморской границы кавказскаго края) на 360 мил. рублей. За тотъ же періодъ въ 1887 г. было ввезено ихъ на 320 м. р., и въ 1888 году на $318^1/_2$ мил. рублей. За полные годы цѣнность ввезенныхъ товаровъ равнялась: за 1887 годъ 345 м. р., а за 1888 годъ $335^1/_2$ м. р. Такимъ образомъ ввозъ 1889 г. въ теченіе 11 мѣсяцевъ значительно превышаетъ эти цифры.

Значительно, на $7^1/_2$ мил. рублей, уменьшились въ 1889 г., сравнительно съ 1888 годомъ, обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ. Но, съ одной стороны, причина этого уменьшенія та, что въ 1888 г. единовременно главнымъ обществомъ произведена уплата прежняго долга въ 15 м. р., и, слѣдовательно, за 1889 годъ отъ желѣзныхъ дорогъ поступило текущихъ платежей не только не меньше, но больше на $7^1/_2$ м. р., а съ другой стороны оказывается, что доходъ 1888 г. былъ искусственно уменьшенъ, такъ какъ до $8^1/_2$ м. р. платежей, поступившихъ въ 1888 году, записаны въ счетъ смѣты 1887 г., на основаніи дѣйствія въ то время неотмѣненнаго еще льготнаго срока; это снова ведетъ какъ бы къ недобору въ

[1]) „Свѣденія о внѣшней торговлѣ по Европейской Россіи за время съ 1-го января по 1-е декабря 1889 г. Изданіе департамента таможенныхъ сборовъ“, стр. 32.

Digitized by Google

1889 г. противъ 1888 г. до милліона руб. Слѣдить за всѣми зачетами поступленій одного года за другой, разумѣется, нѣтъ возможности, и формально, по отношенію къ цифрамъ росписи, несомнѣненъ недоборъ по этой рубрикѣ въ $7^1/_2$ м. рублей. Что же касается сущности, т.-е. вопроса, больше или меньше дохода, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, дали казнѣ частныя желѣзныя дороги, независимо отъ того, въ какомъ мѣсяцѣ эти доходы внесены въ государственное казначейство, то она можетъ быть разъяснена только окончательнымъ отчетомъ государственнаго контроля по исполненію росписи за 1889 годъ.

Требуетъ поясненія недоборъ въ 1889 году 3 м. р. по „остальнымъ обыкновеннымъ доходамъ", въ связи съ упомянутымъ выше излишкомъ въ той же суммѣ поступленія податей. Съ 1887 года произошло измѣненіе въ системѣ окладныхъ сборовъ: оброчная подать и лѣсной налогъ съ государственныхъ крестьянъ переименованы въ выкупные съ нихъ платежи, съ увеличеніемъ ихъ противъ прежнихъ окладовъ на 16 м. р. Изъ поступавшихъ въ 1887 году выкупныхъ платежей часть засчитывалась не въ эту рубрику, а въ недоимку по прежнимъ окладамъ (оброчной подати) и заносилась въ совершенно особую статью: „платежи недоимокъ по отмѣненнымъ сборамъ". Это и дало поводъ нѣкоторымъ органамъ печати, не обратившимъ вниманія на то, говорить о значительномъ пониженіи поступленій окладныхъ сборовъ въ 1887 году, хотя въ нихъ было не пониженіе, а повышеніе, такъ какъ недоимокъ по отмѣненнымъ сборамъ поступило въ томъ году до 9 м. р. [1]). То же повторилось и въ 1888 году, когда этихъ недоимокъ внесено до 6 м. р. Къ 1889 году недоимки по отмѣненнымъ сборамъ оказались или уплаченными, или сложенными со счетовъ, вслѣдствіе чего поступленія окладныхъ сборовъ засчитывались непосредственно въ соотвѣтствующія доходныя статьи. Отъ этого и получилось превышеніе въ 1889 году поступленія по податямъ и выкупнымъ платежамъ. Въ сущности же слѣдуетъ ожидать, что поступленіе окладныхъ сборовъ въ 1889 году было нѣсколько слабѣе, сравнительно съ 1887 и 1888 годами.

Во всякомъ случаѣ, какъ показано выше, поступленіе *обыкновенныхъ доходовъ* въ 1889 году, превысивъ исчисленіе росписи на 57 м. р., равнялось $922^1/_2$ м. рублей.

Обыкновенныхъ расходовъ, по свѣденіямъ „Вѣстника Финансовъ", произведено въ теченіе 1889 года 517 м. р., независимо отъ 279 м. р. расходовъ на платежи по государственнымъ займамъ, а всего,

---

[1]) См. „Вѣстникъ Европы", декабрь. 1888 г.

Digitized by Google

слѣдовательно, если считать эти 279 м. р. какъ бы уплаченными,— 796 м. рублей. Но эта сумма еще ничего не опредѣляетъ. Для расходовъ, какъ извѣстно, существуетъ льготный срокъ, по которому въ счетъ смѣты 1889 года могутъ производиться расходы еще въ теченіе 5 мѣсяцевъ настоящаго года. Сверхъ того, нѣкоторые кредиты (строительные и по именнымъ спискамъ) дѣйствуютъ еще годъ или два сверхъ смѣтнаго и въ отчетѣ по исполненію росписи того года, когда отпущены, считаются какъ бы израсходованными вполнѣ [1]), Ни въ какомъ, однако, случаѣ расходы эти не могутъ превысить суммы, отпущенной по росписи съ присоединеніемъ къ ней сверхсмѣтныхъ кредитовъ, разрѣшенныхъ по 31 декабря отчетнаго года, если таковые были. По удостовѣренію „Вѣстника Финансовъ", никакихъ сверхбюджетныхъ отпусковъ суммъ въ 1889 году не было. Такимъ образомъ, крайній предѣлъ обыкновенныхъ расходовъ за 1889 годъ составляетъ сумма, назначенная по росписи, 861 м. р., съ присоединеніемъ къ ней 7 м. р. по уплатѣ купона новыхъ консолидированныхъ облигацій, всего 868 м. р. Но и эта сумма должна быть нѣсколько понижена: отпускаемые по росписи кредиты никогда не расходуются вполнѣ. Въ 1886 году осталось неизрасходовано (независимо отъ остатковъ на четвертый годъ) 12 м. р.; въ 1887 году $9^1/_2$ м. р.; въ 1888 году $13^1/_2$ м. р. Въ 1889 году, по разнымъ соображеніямъ, такого крупнаго остатка ожидать нельзя. Если ограничить его 5 мил. р., то сумма расходовъ составитъ 863 м. р., а избытокъ обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами ($922^1/_2$ м. р.—863 м. р.)—$59^1/_2$ м. рублей. Съ присоединеніемъ къ доходамъ еще, примѣрно, $2^1/_2$ м. р. остатка по заключеннымъ смѣтамъ 1885 года, весь избытокъ дохода опредѣлится въ 62 мил. рублей, болѣе суммы превышенія доходовъ надъ расходами въ 1888 году ($60^1/_2$ м. р.) на $1^1/_2$ милліона рублей.

По *чрезвычайному бюджету* поступленій, имѣющихъ значеніе дѣйствительныхъ доходовъ, было исчислено $9^1/_2$ м. р., а расходовъ 34 мил. рублей. По свѣденіямъ „Вѣстника Финансовъ", чрезвычайныя поступленія 1889 года составили 61 м. р., превысивъ ожиданія росписи на $51^1/_2$ м. р. Это превышеніе происходитъ главнымъ образомъ отъ присоединенія къ чрезвычайнымъ доходамъ суммъ, оставшихся свободными отъ золотого займа 1889 года (36 м. р. съ небольшимъ) за покрытіемъ всѣхъ расходовъ погашенія займа 1877 г., и отъ непредвидѣнныхъ по росписи поступленій отъ обществъ желѣзныхъ дорогъ въ возвратъ позаимствованій изъ казны, около $13^1/_2$

[1]) Остатки отъ такихъ кредитовъ могутъ оказаться лишь на четвертый годъ. По принятой системѣ такіе остатки причисляются къ доходамъ того года, въ который неизрасходованные кредиты закрываются. Остатки отъ этихъ кредитовъ 1889 г. будутъ причислены къ доходамъ 1893 года.

Digitized by Google

мил. рублей. Чрезвычайныхъ расходовъ, сверхъ назначенныхъ по росписи 34 м. р. (сколько изъ нихъ издержано, пока не извѣстно), израсходовано непредусмотрѣнныхъ росписью 68 мил. р., а именно, 50 м. р. на погашеніе 5% золотой ренты и 18 мил. р. на погашеніе билетовъ государственнаго казначейства. Слѣдовательно, высшій предѣлъ чрезвычайныхъ расходовъ по исполненію росписи 1889 года составитъ 102 м. р., а превышеніе расходовъ надъ доходами по чрезвычайному бюджету опредѣлится не свыше 41 мил. рублей.

Если сопоставить выведенный выше излишекъ доходовъ по обыкновенному бюджету въ 62 мил. р. съ недоборомъ по чрезвычайному въ 41 м. р., то вообще по исполненію всей росписи получается превышеніе доходовъ надъ расходами въ 21 милліонъ рублей. Это однако будетъ счетъ кассовый, а не бюджетный, по которому должны приниматься во вниманіе, съ одной стороны, только дѣйствительные доходы отчетнаго года, съ другой —только расходы на потребности того же года, и никакъ не уплата значительныхъ долговыхъ обязательствъ прежняго времени. Исходя изъ этого, необходимо изъ чрезвычайныхъ поступленій прежде всего исключить 36 м. р. свободныхъ остатковъ отъ золотого займа. Что касается 13½ м. р. уплаты долговъ желѣзнодорожныхъ обществъ, то они могли бы быть оставлены, въ виду того, что заимообразныя вспомоществованія этимъ обществамъ производятся ежегодно. Во избѣжаніе однако сбивчивости, удобнѣе исключить и эту сумму, ограничивъ чрезвычайныя поступленія 11½ м. р. Но въ то же время и изъ чрезвычайныхъ расходовъ слѣдуетъ исключить уплату прежнихъ долговъ въ размѣрѣ 68 м. р., причемъ весь чрезвычайный расходъ не превыситъ назначенныхъ по росписи 34 м. р., а недоборъ по чрезвычайному бюджету не превзойдетъ 22½ мил. рублей.

По вычетѣ этого недобора изъ 62 мил. р. избытка доходовъ по обыкновенному бюджету, получается по росписи 1889 года превышеніе доходовъ надъ расходами въ 39½ мил. рублей, что̀ и можетъ быть признано выведеннымъ, на основаніи предварительныхъ свѣдѣній и разсчетовъ, результатомъ исполненія государственной росписи за 1889 годъ. Означенный избытокъ доходовъ превышаетъ избытокъ, полученный по исполненію росписи 1888 года (34 мил. рублей), на 5 мил. рублей слишкомъ.

Къ подробному разсмотрѣнію какъ причинъ такого благопріятнаго положенія бюджета 1889 года, такъ и того, что̀ можно ожидать отъ нашихъ бюджетовъ въ будущемъ, мы возвратимся въ концѣ года, вслѣдъ за появленіемъ отчета государственнаго контроля.

О.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1890 г.

Предстоящій международный пенитенціарный конгрессъ. — Подготовительные къ нему труды петербургскаго юридическаго общества.—Вопросы о неисправимыхъ преступникахъ, о судейскихъ внушеніяхъ и выговорахъ, объ условномъ осужденіи.—Предстоящая реформа фабричнаго законодательства.—Газетныя извѣстія объ обязательномъ выкупѣ въ остзейскихъ губерніяхъ.

Черезъ мѣсяцъ въ Петербургѣ соберется четвертый международный пенитенціарный конгрессъ. Первый съѣздъ этого рода состоялся въ Лондонѣ въ 1872 году; за нимъ слѣдовали конгрессы стокгольмскій, въ 1878 году, и римскій, въ 1885 г. Въ составъ собраній входятъ, какъ оффиціальные делегаты, представители государствъ, выразившихъ желаніе участвовать въ конгрессѣ (такихъ государствъ насчитывается въ настоящее время 21), такъ и частныя лица, „свободные члены"—профессора, ученые и практическіе юристы, тюрьмовѣды и т. п. Въ обсужденіи теоретическихъ вопросовъ и тѣ, и другіе, пользуются одинаковыми правами; по отношенію къ вопросамъ организаціоннаго свойства право голоса принадлежитъ только оффиціальнымъ делегатамъ. Всѣ члены конгресса распредѣляются между тремя секціями. Первая посвящается вопросамъ права, по преимуществу уголовно-юридическимъ; вторая — внутреннему строю мѣстъ заключенія и мѣрамъ тюремной дѣятельности; третья—вопросамъ предупрежденія преступленій и институтамъ, направленнымъ къ этой цѣли (въ особенности институту патроната). Приготовительными работами по всѣмъ этимъ вопросамъ занимаются два постоянныхъ органа конгресса: коммиссіи международная и національная. Національной организаціонной коммиссіи, мѣсто дѣятельности которой обусловливается мѣстомъ собранія ближайшаго конгресса, помогаютъ ученыя общества, университеты, частныя лица. Петербургское юридическое общество избрало, съ этою цѣлью, особую коммиссію, на труды которой, интересные не для однихъ только спеціалистовъ, мы

Digitized by Google

и хотимъ обратить вниманіе нашихъ читателей [1]). Въ связи съ ними намъ придется упомянуть и о нѣкоторыхъ другихъ докладахъ, приготовленныхъ для конгресса русскими и иностранными юристами.

Самый общій и вмѣстѣ съ тѣмъ самый важный изъ всѣхъ вопросовъ, входящихъ въ составъ программы четвертаго пенитенціарнаго конгресса, формулированъ такъ: „можно ли допустить, чтобы нѣкоторыя лица, виновныя въ преступленіяхъ или проступкахъ, были признаваемы неисправимыми (incorrigibles), а въ утвердительномъ случаѣ, какія средства могли бы быть употреблены, чтобы оградить общество отъ этой категоріи осужденныхъ?“ Докладъ по этому вопросу, составленный В. Д. Спасовичемъ отъ имени коммиссіи петербургскаго юридическаго общества, разрѣшаетъ его въ смыслѣ безусловно-отрицательномъ. Понятіе о *неисправимости* коренится, по мнѣнію докладчика, въ доктринѣ новой школы—позитивистической, или уголовно-антропологической,—представителями которой служатъ, въ особенности, современные итальянскіе ученые (Ломброзо, Ферри, Гарофало и др.). Она различаетъ случайныхъ преступниковъ и преступниковъ по страсти отъ преступниковъ *по привычкѣ* и преступниковъ *прирожденныхъ* или инстинктивныхъ, *обреченныхъ* на преступленіе въ силу присущихъ имъ физическихъ или душевныхъ свойствъ. Указывается цѣлый рядъ признаковъ анатомическихъ и физіологическихъ, наличность которыхъ свидѣтельствуетъ о фатальномъ предрасположеніи къ преступленію. Ни одинъ изъ этихъ признаковъ не установленъ, однако, съ такою достовѣрностью, которая позволяла бы принимать его за исходную точку для какихъ бы то ни было законодательныхъ опредѣленій. Невозможно, также, провести точную границу между преступниками прирожденными и преступниками по привычкѣ,—невозможно какъ потому, что прирожденная наклонность къ преступленію можетъ остаться скрытой по недостатку случаевъ къ совершенію преступленій, такъ и потому, что человѣкъ, испорченный привычкою къ преступленію, вырождается и приближается къ типу прирожденнаго преступника. Центръ тяжести вопроса сводится, такимъ образомъ, къ преступникамъ по привычкѣ. Что нѣкоторые изъ нихъ способны къ исправленію—этого не отрицаетъ и антропологическая школа, а критерія для различенія исправимыхъ преступниковъ отъ неисправимыхъ ею не выработано,—да едва ли онъ, при настоящемъ положеніи науки, и можетъ быть найденъ. Предоставить различеніе суду или тюремному начальству было бы и неудобно, и несправедливо. Предѣлы исправимости, при

[1]) Они вышли въ свѣтъ особой книжкой, озаглавленной: „Труды пенитенціарной коммиссіи с.-петербургскаго юридическаго общества“. Общая ихъ редакція принадлежитъ предсѣдателю коммиссіи, профессору И. Я. Фойницкому.

Digitized by Google

томъ, весьма широки; трудно отрицать *возможность* исправленія — можно только считать его болѣе или менѣе *невѣроятнымъ*. Еслибы, наконецъ, и можно было допустить существованіе *неисправимыхъ* преступниковъ, то *особыхъ средствъ* для огражденія отъ нихъ общества или для изъятія ихъ изъ общества (élimination) все-таки бы не оказалось. Единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ представлялась бы, съ этой точки зрѣнія, смертная казнь,—но она „слишкомъ противна смягчившимся и утонченнымъ нравамъ современнаго общества". Отмѣна ссылки вездѣ составляетъ только вопросъ времени. Остается затѣмъ наиболѣе тяжкая форма тюремнаго заключенія; но въ тюрьмѣ, даже самой строгой, нельзя обойтись безъ нѣкотораго облегченія арестантовъ, безпрекословно подчиняющихся тюремной дисциплинѣ. Задуманная, какъ средство „изъятія изъ общества", тюрьма все-таки обратится, такимъ образомъ, въ пенитенціарное заведеніе. Нынѣшняя уголовная система не предупреждаетъ рецидива и подлежитъ, поэтому, полнѣйшему пересозданію; но результатомъ такого пересозданія ни въ какомъ случаѣ не должно быть изъятіе преступниковъ изъ общества, „неосуществимое при условіяхъ современной культуры и недостойное ея".

Съ мнѣніемъ В. Д. Спасовича почти единогласно согласилась коммиссія петербургскаго юридическаго общества. Къ противоположному заключенію пришелъ только одинъ изъ членовъ этой коммиссіи, С. М. Латышевъ (редакторъ департамента министерства юстиціи), докладъ котораго не вошелъ въ составъ „трудовъ" коммиссіи, но напечатанъ особо, на французскомъ языкѣ, какъ и другіе доклады отдѣльныхъ членовъ конгресса. По мнѣнію г. Латышева, вопросъ о „неисправимыхъ" преступникахъ и объ изъятіи ихъ изъ общества вовсе не можетъ считаться неразрывно связаннымъ съ ученіемъ антропологической школы. Поставленный, еще въ древности, Платономъ и Аристотелемъ, онъ не переставалъ занимать, съ тѣхъ поръ, философовъ и юристовъ и былъ отодвинутъ на задній планъ только въ эпоху всеобщаго увлеченія доктринами пенитенціарной школы. Теперь нельзя уже не признать, что въ этихъ доктринахъ было много утопическаго. Дѣйствительность пошла въ разрѣзъ съ иллюзіями, обнаруживъ съ полною ясностью повсемѣстное возростаніе преступности вообще и рецидива въ особенности. Къ уголовной статистикѣ присоединилась патологическая психологія; она доказала наличность состояній, пограничныхъ съ помѣшательствомъ и порождающихъ неустранимую наклонность къ преступленію. Столь же несомнѣнно существованіе преступниковъ „по привычкѣ", сдѣлавшейся для нихъ „второй натурой". Надѣяться на исправленіе прирожденныхъ преступниковъ или преступниковъ по привычкѣ было бы боль-

Digitized by Google

шой наивностью и опасной ошибкой. Вся трудность заключается въ установленіи критерія, съ помощью котораго можно было бы выдѣлять тѣхъ и другихъ изъ общей массы нарушителей закона. Въ антропологическихъ признакахъ такого критерія, по мнѣнію г. Латышева, искать нельзя; но чрезвычайно важны психологическіе признаки, вытекающіе изъ большого числа наблюденій надъ профессіональными преступниками — напр. нераскаянность, отсутствіе отвращенія къ преступленію, равнодушіе при видѣ страданій. Еще важнѣе повтореніе преступленій и мѣръ въ сравнительно короткое время. Докладчикъ допускаетъ, однако, признаніе неисправимости и по отношенію къ такому преступнику, который совершилъ только одно преступленіе, и, наоборотъ, непризнаніе ея по отношенію къ рецидивисту. Тяжкій характеръ преступленія, какъ и рецидивъ, является, съ точки зрѣнія г. Латышева, только *условіемъ*, при которомъ судья *можетъ* признать преступника неисправимымъ; рѣшающее значеніе, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должна имѣть *совокупность обстоятельствъ*, при которыхъ совершено преступленіе. Что касается до *формы* „изъятія изъ общества", то г. Латышевъ отвергаетъ смертную казнь, но стоитъ за ссылку (лучше всего—на отдаленный, изолированный островъ), соединенную съ пожизненнымъ заключеніемъ и тяжкими работами. Тѣмъ государствамъ, въ составѣ которыхъ не оказывается подходящей мѣстности, слѣдовало бы предоставить право заключать неисправимыхъ преступниковъ въ ссыльныя тюрьмы другихъ государствъ—конечно, съ уплатою послѣднимъ опредѣленнаго вознагражденія.

Довольно близко къ заключеніямъ г. Латышева подходитъ докладъ Жоржа Дюбуа, адвоката при парижскомъ апелляціонномъ судѣ, члена совѣта, управляющаго дѣлами французскаго тюремнаго общества (Société générale des prisons). Отвергая „неисправимость" въ теоріи, онъ признаетъ ее на практикѣ; но единственнымъ ея критеріемъ служитъ, въ его глазахъ, повтореніе преступленій, и притомъ преступленій не маловажныхъ и болѣе или менѣе однородныхъ, отдѣленныхъ одно отъ другого не слишкомъ большими промежутками времени. Задача общества по отношенію къ неисправимымъ преступникамъ — поставить ихъ въ такое положеніе, которое обезпечивало бы ихъ безвредность. Средства исполненія этой задачи должны быть различны, смотря по характеру преступленій. Преступниковъ сравнительно менѣе опасныхъ—напримѣръ, профессіональныхъ воровъ, мошенниковъ, бродягъ—слѣдовало бы заключать, по отбытіи наказанія, въ особые „работные дома" (maisons de travail) и удерживать ихъ тамъ либо пожизненно, либо до совершеннаго исправленія. Въ послѣднемъ случаѣ они могли бы быть освобождаемы, но

Digitized by Google

условно, т.-е. только до совершенія новаго проступка. Для болѣе опасныхъ преступниковъ Дюбуа рекомендуетъ ссылку, и притомъ ссылку не въ томъ смягченномъ видѣ, въ какомъ она установлена для рецидивистовъ французскимъ закономъ 1885 г., но ссылку усложненную тяжелыми работами и „почти насильственной" дисциплиной (discipline presque violente).

Таковы различные взгляды на „неисправимость" и на „неисправимыхъ" преступниковъ. Замѣтимъ, прежде всего, что хотя къ признанію „неисправимости" можно придти и помимо теорій антропологической школы, но онѣ несомнѣнно играютъ большую роль въ постановкѣ и освѣщеніи даннаго вопроса. Ими внушенъ, напримѣръ, психологическій критерій неисправимости, рекомендуемый г. Латышевымъ. Въ крайности новаго ученія не впадаетъ, впрочемъ, ни одинъ изъ докладчиковъ, признающихъ „неисправимость". Невозможность установить, въ настоящее время, *антропологическіе* признаки „неисправимости" г. Латышевъ подчеркиваетъ столь же рѣшительно, какъ и В. Д. Спасовичъ. Весьма возможно, что на этомъ пунктѣ сойдутся всѣ члены предстоящаго конгресса. Антропологическій конгрессъ, засѣдавшій въ Римѣ, въ 1885 г., одновременно съ пенитенціарнымъ, призналъ, согласно съ предложеніемъ Молешотта, что „однѣ только достаточно созрѣвшія идеи могутъ проникать въ практическую жизнь, и то лишь собственною своею силой", и выразилъ желаніе, чтобы „будущія законодательства считались, въ поступательномъ своемъ развитіи, съ началами школы уголовной антропологіи". Такимъ образомъ мотивированное желаніе антропологическаго конгресса не содержитъ въ себѣ ничего прямо противорѣчащаго мнѣнію большинства русскихъ криминалистовъ. Той степени зрѣлости, при которой неизбѣженъ и неотразимъ переходъ отъ мысли къ дѣлу, идеи антропологической школы, очевидно, еще не достигли. Спорнымъ началамъ—спорнымъ и въ принципѣ, и въ подробностяхъ—нельзя предоставить рѣшающаго вліянія на судьбу живыхъ людей; нельзя вводить обязательныхъ способовъ опредѣленія „неисправимости", пока не выяснена съ достовѣрностью научная ея основа. Если, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, изученіе „прирожденной наклонности къ преступленію" и приведетъ къ какимъ-либо точнымъ, несомнѣннымъ результатамъ, то одновременно съ этимъ найдены будутъ, быть можетъ, средства къ ея искорененію, не имѣющія ничего общаго съ уголовной карой. Вопросъ о борьбѣ противъ преступнаго человѣка (uomo delinquente) будетъ перенесенъ, быть можетъ, изъ области уголовной репрессіи въ область педагогіи и медицины.

Какъ бы то ни было, съ понятіемъ о „неисправимости" нужно считаться уже теперь, потому что оно выводится не только изъ не-

Digitized by Google

достаточно провѣренныхъ гипотезъ антропологической школы, но и изъ фактическихъ данныхъ, стоящихъ внѣ всякаго сомнѣнія. Не допускается ли здѣсь, однако, смѣшеніе свойства—съ результатомъ, *неисправимости*—съ *неисправленіемъ*? Безспорно, многіе осужденные и наказанные остаются *неисправленными* — но значитъ ли это, что они *неисправимы*? Можно ли опредѣлить, насколько устойчивость ихъ порочныхъ наклонностей зависитъ отъ физической или душевной ихъ организаціи, насколько—отъ обстановки, оставленной ими въ тюрьмѣ и встрѣченной ими на свободѣ? Такъ ли хороши, даже въ самыхъ культурныхъ государствахъ западной Европы, тюремные порядки, чтобы можно было отчаяваться въ человѣкѣ, на котораго они не произвели благотворнаго дѣйствія? Такъ ли относятся къ освобожденному арестанту органы власти, общественныя учрежденія, частныя лица, чтобы ему легко было возвратиться къ честному труду и удержаться въ предѣлахъ законной дѣятельности? На всѣ эти вопросы едва-ли кто-нибудь рѣшиться отвѣтить иначе, какъ отрицательно. Къ чему же, затѣмъ, сводится неисправимость? Къ безсилію средствъ, употребленныхъ съ цѣлью исправленія, а вовсе не къ безусловной невозможности исправленія. Намъ могутъ возразить, что, съ практической точки зрѣнія, человѣкъ *неисправившійся* — все равно, что человѣкъ *неисправимый*; что противъ него существуетъ извѣстная презумпція, заставляющая считать его какъ бы неспособнымъ къ исправленію. Мы думаемъ, что прибѣгать къ такой презумпціи нѣтъ ни основанія, ни надобности. Если повтореніе преступленія разсматривается, въ большинствѣ случаевъ, какъ обстоятельство, увеличивающее наказуемость, то вовсе не потому, чтобы оно устраняло возможность исправленія, а въ силу другихъ сложныхъ причинъ, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ въ предѣлы нашей задачи. Психологическихъ и юридическихъ признаковъ, которые свидѣтельствовали бы безусловно о неисправимости преступника, нѣтъ и быть не можетъ. Это признаютъ, до извѣстной степени, и г. Латышевъ, и Жоржъ Дюбуа, оставляя за судомъ право признать исправимымъ даже рецидивиста, даже совершившаго жестокое, звѣрское преступленіе. Ошибка ихъ заключается въ томъ, что они допускаютъ въ настоящемъ категорическое разрѣшеніе вопроса, на который можетъ отвѣтить только будущее: они смѣшиваютъ неисправимость съ невѣроятностью исправленія. Отсюда противорѣчіе, особенно замѣтное у Жоржа Дюбуа: установивъ способъ дѣйствія по отношенію къ *неисправимымъ* преступникамъ (менѣе важныхъ категорій), онъ предусматриваетъ, затѣмъ, условное освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые *исправятся*. Исправленіе неисправимаго—это все равно, что сухая вода, холодный огонь; но французскій юристъ предпочитаетъ быть непослѣдователь-

Digitized by Google

нымъ, чѣмъ жестокимъ, и мы готовы вмѣнить ему это не столько въ вину, сколько въ заслугу. Ему слѣдовало бы сдѣлать еще шагъ впередъ и допустить исправленіе и для болѣе важныхъ „неисправимыхъ“ преступниковъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели убійца или поджигатель, однажды зачисленный въ „неисправимые“, долженъ быть лишенъ навсегда всякой надежды на улучшеніе своей участи? Неужели двадцать, тридцать лѣтъ безукоризненной жизни въ мѣстѣ ссылки не могутъ дать ему права хотя бы на избавленіе отъ „тяжкихъ работъ“ и „почти насильственной дисциплины“, проектируемыхъ для „неисправимыхъ“ преступниковъ? В. Д. Спасовичъ совершенно правъ: нормально-организованная тюрьма никогда не можетъ утратить *всецѣло* характеръ пенитенціарнаго учрежденія. Если это такъ, то незачѣмъ и провозглашать „неисправимость“, какъ одну изъ основъ современнаго уголовнаго права. Пускай общество принимаетъ всѣ мѣры, необходимыя для его защиты, но пускай оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не упускаетъ изъ виду, что преступникъ остается человѣкомъ, а въ человѣкѣ (если онъ не безнадежный психически-больной) всегда можетъ проснуться человѣческая мысль и человѣческое чувство... Такъ-называемую классическую школу уголовнаго права, господствующую, до сихъ поръ, и въ университетскомъ преподаваніи, и въ законодательной дѣятельности, упрекаютъ иногда въ томъ, что она преувеличиваетъ права личности въ ущербъ правамъ цѣлаго, уменьшаетъ защиту общества противъ злоумышленниковъ. Если и допустить, что въ этихъ упрекахъ есть доля истины, то гораздо болѣе опасною, по справедливому замѣчанію В. Д. Спасовича, представляется противоположная крайность. Далеко не вездѣ существуетъ, въ настоящее время, избытокъ индивидуализма; далеко не вездѣ права личности охраняются такъ заботливо и ревниво, чтобы отъ того могли пострадать права и интересы общества или государства. На нашей, русской почвѣ сдержанное отношеніе къ понятію о неисправимости, какъ и вообще къ поспѣшнымъ выводамъ антропологической школы, является особенно желательнымъ и необходимымъ. У насъ и безъ того уже замѣтно стремленіе обострить уголовныя кары, ограничить свободу защиты, уменьшить сумму гарантій, предоставляемыхъ обвиняемому. Въ модной доктринѣ, наскоро усвоенной и тенденціозно перетолкованной, это стремленіе могло бы найти для себя мнимо-научную точку опоры и новое поощреніе къ претензіямъ, одинаково несовмѣстнымъ съ справедливостью и съ дѣйствительной пользой общества.

Въ современной теоріи и практикѣ уголовнаго права все больше и больше распространяется убѣжденіе въ нецѣлесообразности кратко-

Digitized by Google

срочнаго лишенія свободы. Къ числу возможныхъ способовъ его замѣны принадлежатъ, съ одной стороны, судейскіе внушенія и выговоры, съ другой стороны — такъ-называемое условное осужденіе. Вопросу о внушеніяхъ и выговорахъ посвященъ, въ трудахъ коммиссіи петербургскаго юридическаго общества, докладъ А. А. Макарова (прокурора ревельскаго окружного суда). У насъ въ Россіи замѣчанія и выговоры имѣютъ, въ настоящее время, двоякое значеніе: взысканій дисциплинарныхъ, назначаемыхъ за служебные проступки, и взысканій общихъ, налагаемыхъ или въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ, или (на основаніи ст. 9 мирового устава) по усмотрѣнію суда. За проступокъ, совершенный безъ намѣренія, мировой судья въ правѣ сдѣлать виновному выговоръ, замѣчаніе или внушеніе. Довольно часто, по словамъ г. Макарова, мировые судьи пользовались этимъ правомъ только въ первые годы послѣ введенія въ дѣйствіе судебной реформы; затѣмъ, убѣждаясь все больше и больше въ его безполезности, они стали примѣнять его все рѣже и рѣже, и въ настоящее время ст. 9 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, сдѣлалась мертвой буквой. Составителями новаго проекта уголовнаго уложенія внушенія и выговоры не внесены въ общую лѣстницу наказаній и сохранены только для преступленій должности и для малолѣтнихъ. Докладчикъ идетъ еще дальше и высказывается за совершенное исключеніе внушеній и выговоровъ изъ числа уголовныхъ наказаній; коммиссія юридическаго общества признаетъ, что замѣна краткосрочнаго заключенія системою судейскихъ выговоровъ нежелательна, но допускаетъ сохраненіе ихъ въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія за незначительныя провинности должностныхъ лицъ. Ни съ тѣмъ, ни съ другимъ рѣшеніемъ вопроса мы согласиться не можемъ.

Недоказаннымъ является, прежде всего, утвержденіе г. Макарова, что мировые судьи почти перестали примѣнять ст. 9 устава о наказаніяхъ. Точныя статистическія данныя, и то лишь до начала восьмидесятыхъ годовъ, имѣются только по наиболѣе важнымъ изъ числа дѣлъ, подсудныхъ мировымъ учрежденіямъ. Сколько именно обвиняемыхъ присуждается мировыми судьями и съѣздами къ взысканіямъ болѣе слабымъ, чѣмъ тюремное заключеніе—въ томъ числѣ и къ внушеніямъ, замѣчаніямъ и выговорамъ,—объ этомъ, если мы не ошибаемся, нѣтъ ни оффиціальныхъ, ни вообще какихъ бы то ни было достовѣрныхъ свѣденій. Допустимъ, однако, что г. Макаровъ правъ, что мировые судьи крайне рѣдко пользуются властью, предоставленною имъ ст. 9 мирового устава; отсюда еще не слѣдуетъ, что они убѣдились въ ея безполезности. Причина непримѣненія статьи 9-й можетъ быть и другая. Для мирового судьи проще и легче на-

Digitized by Google

значить одно изъ взысканій, прямо пріуроченныхъ закономъ къ опредѣленному проступку, чѣмъ прибѣгнуть къ мѣрѣ, примѣнимость которой обусловлена отрицательными признаками (т.-е. отсутствіемъ обстоятельствъ, влекущихъ за собою болѣе строгое наказаніе). Мы желали бы знать, какимъ путемъ мировые судьи—*всѣ* мировые судьи—могли убѣдиться въ безцѣльности выговоровъ и замѣчаній? Повтореніемъ проступковъ, вызвавшихъ эту карательную мѣру? Но вѣдь проступки, подходящіе подъ дѣйствіе ст. 9, совершаются *безъ намѣренія*; нельзя допустить, слѣдовательно, что совершенію ихъ способствуетъ воспоминаніе о прежнемъ приговорѣ, равносильномъ оправданію.—Спокойствіемъ обвиняемыхъ, выслушивающихъ замѣчаніе или выговоръ? Но вѣдь никто и не ожидаетъ отъ этой мѣры потрясающаго, поражающаго дѣйствія. Спокойно, въ большинствѣ случаевъ, выслушивается и рѣшеніе, присуждающее къ нѣсколькимъ днямъ ареста или нѣсколькимъ рублямъ штрафа—но никто не выводитъ отсюда нецѣлесообразность этихъ взысканій. Точно подмѣтить и вѣрно опредѣлить впечатлѣнія подсудимаго, выслушивающаго рѣшеніе, можетъ, притомъ, далеко не всякій судья; для этого нужно обладать значительной долей наблюдательности, умѣнья читать чужія мысли. Еще менѣе вѣроятно, чтобы мировые судьи освѣдомлялись у самихъ осужденныхъ о дѣйствіи, произведенномъ на нихъ той или другой карательной мѣрой. Намъ кажется, поэтому, что соображенія, заимствуемыя г. Макаровымъ изъ судебной практики, не имѣютъ никакой силы, и что для разрѣшенія вопроса необходимо обратиться къ внутреннему свойству судейскаго внушенія или выговора.

По мнѣнію г. Макарова, главный недостатокъ этой формы взысканія заключается въ томъ, что она направлена къ пораженію чести осуждаемаго, къ приниженію его достоинства; въ большинствѣ случаевъ, притомъ, она остается безъ всякаго вліянія и не можетъ считаться наказаніемъ. Точно такъ же смотрятъ на дѣло и два другіе докладчика по тому же вопросу—марбургскій профессоръ Листъ и итальянскій юристъ Гарофало (вице-президентъ суда въ Неаполѣ). „Судейскій выговоръ,—говоритъ Листъ,—имѣетъ слишкомъ мало дѣйствительной силы. Если обвиняемый относится къ нему не серьезно, онъ можетъ выслушать его съ улыбкой на устахъ и удалиться изъ суда, насмѣхаясь надъ слабостью судебной власти. Если, наоборотъ, въ обвиняемомъ еще не угасло нравственное чувство, выговоръ, объявленный публично, будетъ для него наказаніемъ болѣе непріятнымъ и тяжелымъ, чѣмъ нѣсколько дней тюремнаго заключенія. Выговоръ —это прощеніе, унизительное либо для осужденнаго, либо для правосудія". За систему внушеній и выговоровъ высказываются три докладчика: Шарль Пети (членъ французскаго кассаціоннаго суда, пре-

Digitized by Google

зидентъ французскаго тюремнаго общества), Пессина (профессоръ неаполитанскаго университета) и г. Вульфертъ (приватъ-доцентъ московскаго университета). Пети видитъ въ внушеніи или выговорѣ одно изъ лучшихъ средствъ замѣны кратковременнаго ареста или небольшой денежной пени. Если судъ предвидитъ, что подсудимый, вслѣдствіе неразвитости или грубости, останется равнодушнымъ къ выговору, онъ можетъ назначить, вмѣсто него, другое наказаніе; но въ большинствѣ случаевъ выговоръ, слѣдующій за торжественной судебной процедурой, не можетъ не дѣйствовать на обвиняемаго, какъ дѣйствуетъ на него даже оправдательный приговоръ, вызванный его неопытностью, молодостью или чистосердечнымъ раскаяніемъ. Пессина считаетъ выговоръ полезнымъ именно потому, что, служа предостереженіемъ для будущаго, онъ оставляетъ незапятнаннымъ прошедшее подсудимаго. Г-нъ Вульфертъ примыкаетъ къ мнѣнію Шарля Пети, съ оговоркой, прямо вытекающей изъ этого мнѣнія: онъ предлагаетъ предоставить суду, въ дѣлахъ маловажныхъ, выборъ между выговоромъ или другимъ наказаніемъ (денежной пеней, арестомъ, тюремнымъ заключеніемъ). Намъ кажется, что оговорка г. Вульферта устраняетъ единственное серьезное возраженіе противъ выговора, позволяя суду прибѣгать къ этой мѣрѣ только тогда, когда онъ найдетъ ее соотвѣтствующей обстоятельствамъ дѣла и настроенію обвиняемаго. Считать выговоръ унизительнымъ для обвиняемаго мы не видимъ рѣшительно никакихъ основаній. Если судья, или администраторъ, противъ котораго произнесенъ судебный выговоръ, сохраняетъ свою должность, если присяжный повѣренный, подвергшійся выговору со стороны совѣта, продолжаетъ заниматься адвокатской практикой—другими словами, если выговоръ не уничтожаетъ довѣрія и уваженія къ должностному лицу, признанному виновнымъ въ небрежномъ или неправильномъ исполненіи своихъ обязанностей, то гдѣ же причина признавать выговоръ, данный за неосмотрительность, за легкомысліе, за нарушеніе полицейскихъ правилъ,—„поражающимъ честь и достоинство“ частнаго лица? Онъ можетъ задѣть самолюбіе обвиняемаго, но не можетъ повредить его доброму имени. Что̀ такое судебный выговоръ? Это авторитетный призывъ къ исполненію закона, авторитетное порицаніе за его неисполненіе. Но развѣ не таково значеніе и другихъ легкихъ наказаній—ареста, денежной пени? Не отличаются ли они отъ выговора только тѣмъ, что къ порицанію, заключающемуся уже въ самомъ фактѣ признанія вины, присоединяется еще другое—матеріальное—напоминаніе о неудобствахъ, сопряженныхъ съ нарушеніемъ закона? Объявить подсудимому выговоръ—значитъ признать, что онъ не нуждается въ такомъ матеріальномъ напоминаніи, что къ нему непримѣнима извѣстная нѣмецкая пого-

Digitized by Google

ворка: „wer nicht hören will, muss fühlen“. Обижаться выговоромъ, не обижаясь арестомъ или денежной пеней, было бы, поэтому, болѣе чѣмъ странно. Необходимо помнить, что выговоръ, объявляемый по суду, выражаетъ собою не личное мнѣніе судьи, а взглядъ законодателя, столь же обязательный для судьи, какъ и для подсудимаго.

Перейдемъ теперь къ другому способу уменьшить число приговоровъ, присуждающихъ къ кратковременному лишенію свободы. Это — такъ-называемое *условное осужденіе*, единогласно одобряемое всѣми докладчиками, касающимися даннаго вопроса (Листъ, Гарофало, Пети, Пессина, гг. Вульфертъ и Случевскій). Условное осужденіе, недавно принятое въ Бельгіи, въ Англіи, въ нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, заключается въ томъ, что обвинительный приговоръ не приводится въ исполненіе, если осужденный, въ теченіе извѣстнаго срока, не совершитъ другого преступленія или проступка. При соблюденіи этого условія приговоръ вовсе теряетъ свою силу; въ противномъ случаѣ, наказаніе, прежде назначенное, присоединяется къ вновь опредѣленному, и оба тотчасъ же исполняются. Вотъ, напримѣръ, текстъ бельгійскаго закона (31 мая 1888 г.): „если тюремное заключеніе, къ которому присуждается подсудимый, не превышаетъ шести мѣсяцевъ, и если подсудимый раньше никогда не былъ обвиненъ въ преступленіи или проступкѣ [1]), судъ *можетъ* пріостановить исполненіе приговора на опредѣленный срокъ не свыше пяти лѣтъ. Если въ теченіе этого срока осужденный не будетъ вновь признанъ виновнымъ въ преступленіи или проступкѣ, приговоръ считается какъ бы несостоявшимся“. По справедливому замѣчанію В. К. Случевскаго, введеніе въ обвинительные приговоры элемента условности не лишаетъ ихъ репрессивной силы, потому что условное осужденіе является не обязанностью, а *правомъ* суда, предусмотрѣть осуществленіе или неосуществленіе котораго никто не можетъ. Репрессивными они являются также и потому, что создаютъ для осужденнаго сильный мотивъ къ несовершенію новаго преступленія. Непримѣнимымъ условное осужденіе должно быть признано, по мнѣнію г. Случевскаго, къ случаямъ рецидива и къ уголовно-частнымъ преступленіямъ, допускающимъ примиреніе; вступать въ силу оно должно при совершеніи осужденнымъ, въ теченіе опредѣленнаго срока, новаго преступнаго дѣйствія, караемаго, по меньшей мѣрѣ, лишеніемъ свободы. Такимъ образомъ регулированное, услов-

[1]) По терминологіи, принятой во Франціи и Бельгіи, понятіе о преступленіяхъ (crimes) и проступкахъ (délits) не обнимаетъ собою мелкихъ закононарушеній (contraventions), такъ что совершеніе такого нарушенія не влечетъ за собою исполненіе условно постановленнаго приговора.

Digitized by Google

ное осужденіе кажется и намъ новозведеніемъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ. Необходимо замѣтить, однако, что средствомъ замѣны кратковременнаго тюремнаго заключенія условное осужденіе можетъ служить далеко не всегда. Чтобы прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, судъ долженъ вѣрить въ ея дѣйствительность, т.-е. въ способность подсудимаго понять и оцѣнить оказываемое ему снисхожденіе. Основанія для такой увѣренности имѣются на-лицо далеко не всегда—а безъ нея не остается ничего другого, какъ постановить приговоръ, немедленно исполнимый. Совершенно понятно, поэтому, что докладчики, высказывающіеся за условное осужденіе, настаиваютъ на необходимости другихъ, сверхъ того, суррогатовъ краткосрочнаго ареста и видятъ въ пріисканіи ихъ одну изъ главныхъ задачъ будущихъ международныхъ пенитенціарныхъ конгрессовъ. Упоминалось, въ разное время, о домашнемъ арестѣ, объ обязательныхъ работахъ, о запрещеніи носить оружіе и посѣщать трактирныя заведенія, объ освобожденіи на поруки или съ представленіемъ залога, о расширеніи системы денежныхъ пеней, но ни одна изъ этихъ мѣръ не была еще предметомъ подробнаго обсужденія.

Отлагая до слѣдующаго обозрѣнія ознакомленіе нашихъ читателей съ нѣкоторыми другими, обще-интересными пунктами программы предстоящаго международнаго конгресса, приведемъ небольшой отрывокъ изъ рѣчи И. Я. Фойницкаго, предпосланной, въ видѣ предисловія, трудамъ пенитенціарной коммиссіи с.-петербургскаго юридическаго общества. „На воротахъ старой тюрьмы,—говоритъ почтенный профессоръ,—можно было надписать лишь дантовскія слова отчаянія: „вы, сюда входящіе, откажитесь отъ всякихъ надеждъ“. Старая тюрьма была и, такъ сказать, желала быть мѣстомъ, гдѣ концентрировались человѣческое зло и человѣческая злоба—зло преступниковъ и злоба каравшей ихъ общественной власти. Но опытъ показалъ, что злоба, даже въ самыхъ высшихъ степеняхъ ея концентраціи, безсильна въ борьбѣ со зломъ преступности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, личность стала цѣннѣе, подъ вліяніемъ успѣховъ цивилизаціи и современнаго ея склада. Гуманитаризмъ сталъ обязательнымъ для всѣхъ политическихъ партій, для всѣхъ теоретическихъ школъ; выяснилась обязательность его и для институтовъ наказанія. Изъ-за тяжелыхъ запоровъ и высокихъ стѣнъ тюремныхъ зданій, изъ-за суровыхъ формулъ судебныхъ приговоровъ нынѣ болѣе и болѣе выступаетъ идея человѣчности, и благо общественное стремится опереться на укрѣпленіи и развитіи блага личнаго, а не на развалинахъ его. Современная тюрьма разглядѣла въ грубыхъ очертаніяхъ

Digitized by Google

арестанта божій ликъ человѣка и поставила своей задачей поднять этого временно падшаго человѣка. На воротахъ современной тюрьмы дантовскія слова отчаянія становятся болѣе и болѣе неумѣстны, ихъ должны смѣнить слова евангельскаго характера: ты, сюда входящій, вѣрь, надѣйся, люби, и заслужи того же". Что таковъ идеалъ, къ которому слѣдуетъ стремиться—это не подлежитъ никакому сомнѣнію; но не ошибается ли г. Фойницкій, усматривая уже въ настоящемъ повсемѣстную и общую къ нему близость? Можно ли утверждать, что *гуманитаризмъ* уже теперь „сталъ обязательнымъ для всѣхъ политическихъ партій, для всѣхъ теоретическихъ школъ"? Къ русскимъ партіямъ и школамъ эта прекраснодушная увѣренность рѣшительно непримѣнима. Въ нашей періодической прессѣ на каждомъ шагу приходится встрѣчаться съ выраженіемъ мнѣній, безусловно чуждыхъ или враждебныхъ всякому „гуманитаризму". Безпрестанно слышится обвиненіе суда въ излишней снисходительности, законодательныхъ проектовъ—въ излишней мягкости; безцеремонно восхваляются наименѣе „гуманитарныя" наказанія, настойчиво рекомендуется обращеніе или возвращеніе, въ возможно бо̀льшемъ числѣ случаевъ, къ самымъ грубымъ формамъ физической расправы. Отъ времени до времени раздаются даже голоса, требующіе смертной казни за обыкновенныя, не-политическія преступленія. Все это мало похоже на свѣтлую картину, нарисованную г. Фойницкимъ, но все это—дѣйствительность, игнорировать которую, по меньшей мѣрѣ, безполезно. Русскимъ участникамъ предстоящаго пенитенціарнаго конгресса позволительно надѣяться, что его дѣятельность не пройдетъ безслѣдно и для Россіи; но имъ не слѣдуетъ скрывать существованіе въ самомъ русскомъ обществѣ тенденцій и настроеній, не имѣющихъ ничего общаго съ задачами конгресса. Не хотѣть видѣть опасности—не значитъ еще устранить ее.

„Русскія Вѣдомости" сообщили на дняхъ весьма интересныя свѣдѣнія о новомъ законѣ, регулирующемъ фабричную работу женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ. Этотъ законъ долженъ замѣнить временныя правила 1882, 1884 и 1885 гг., дѣйствіе которыхъ оканчивается въ нынѣшнемъ году. Первоначальный проектъ закона, составленный министрами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, подвергся въ государственномъ совѣтѣ довольно существеннымъ измѣненіямъ. Законъ 1882 г., установляя предѣльный возрастъ (12 лѣтъ), раньше котораго дѣти не могутъ быть занимаемы фабричной работой, разрѣшалъ министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ допускать, на первое время, отступленія отъ этого основного начала. Министръ фи-

Digitized by Google

нансовъ признавалъ нужнымъ сохранить возможность такихъ отступленій и на будущее время, въ виду того, что дѣти въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ допускаются фабрикантами къ работамъ не изъ-за выгодъ, доставляемыхъ трудомъ подобныхъ рабочихъ, а единственно изъ человѣколюбія, для призрѣнія малолѣтковъ, остающихся безъ крова и пропитанія. „Нѣкоторые фабриканты,—сказано въ представленіи министерства финансовъ,—прямо заявляли, что, принимая такихъ малолѣтковъ на работы, они руководствовались единственно состраданіемъ къ участи этихъ дѣтей и скорѣе готовы подчиниться взысканіямъ за нарушеніе закона, нежели не призрѣть дѣтей работавшихъ у нихъ лицъ или не оказать помощи тамъ, гдѣ то представляется необходимымъ". Государственный совѣтъ не убѣдился этими соображеніями; онъ нашелъ, „что фабричная работа является наименѣе удобною и желательною формою призрѣнія малолѣтнихъ, имѣющихъ всего десять или одиннадцать лѣтъ, такъ какъ двѣнадцатилѣтній возрастъ избранъ былъ какъ наименьшая норма для допущенія къ фабричному труду, по соображеніямъ первостепенной важности. По единогласному свидѣтельству науки и практики, работа на фабрикахъ и заводахъ, хотя бы въ самыхъ необременительныхъ видахъ, дѣйствуетъ разрушительно на физическое развитіе и здоровье дѣтей, не достигшихъ указаннаго возраста. Въ то же время пребываніе въ средѣ взрослыхъ фабричныхъ рабочихъ, далеко не всегда отличающихся строгостью нравовъ, причиняетъ явный, нерѣдко непоправимый вредъ нравственности дѣтей. По мнѣнію государственнаго совѣта, призрѣніе дѣтей путемъ зачисленія ихъ въ фабричные рабочіе покупалось бы слишкомъ дорогою цѣною — пожертвованія ихъ здоровьемъ и нравственнымъ развитіемъ. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что, при ничтожности числа подобныхъ малолѣтнихъ по сравненію съ количествомъ и средствами промышленныхъ заведеній, представители фабричной промышленности, одушевленные искреннимъ желаніемъ оказать помощь нуждающимся въ ней дѣтямъ, всегда будутъ имѣть возможность доставить послѣднимъ занятія, болѣе отвѣчающія ихъ нѣжному возрасту и не подрывающія здоровья и нравственныхъ силъ призрѣваемыхъ".

По всѣмъ этимъ соображеніямъ государственный совѣтъ нашелъ возможнымъ допустить къ работамъ только тѣхъ малолѣтнихъ ниже 12-лѣтняго возраста, которые уже находятся на фабрикахъ. Далѣе государственный совѣтъ не призналъ возможнымъ распространить на всѣ фабрики предложеніе проекта считать срокъ ночной работы, на которую не допускаются подростки и женщины, время отъ 10 час. вечера до 4 час. утра, вмѣсто дѣйствовавшаго уже срока отъ 9 час. вечера до 5 час. утра. Такое сокращеніе времени „ночной" работы

Digitized by Google

допущено государственнымъ совѣтомъ лишь въ видѣ исключенія и для тѣхъ лишь фабрикъ, которыя ввели у себя двухсмѣнную 18-часовую дневную работу. На стеклянныхъ заводахъ, по проекту министерства финансовъ, предполагалось допустить ночную работу малолѣтнихъ не свыше четырехъ часовъ въ сутки, съ тѣмъ, чтобы малолѣтніе послѣ ночного труда не были употребляемы на работу ранѣе полудня. Государственный совѣтъ нашелъ болѣе правильнымъ допустить шести-часовой срокъ ночной работы малолѣтнихъ на стеклянныхъ заводахъ, но съ тѣмъ, чтобы послѣ такой работы малолѣтній былъ вновь допускаемъ къ работамъ не ранѣе, какъ по истеченіи двѣнадцати-часового промежутка времени. Существеннымъ и полезнымъ измѣненіемъ въ министерскомъ проектѣ является также новый шагъ къ регламентаціи труда въ ремесленныхъ заведеніяхъ. По проекту предполагалось предоставить министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, распространять въ теченіе новаго еще трехлѣтія дѣйствіе правилъ о работѣ малолѣтнихъ и на тѣ ремесленныя заведенія, примѣненіе къ которымъ этихъ правилъ будетъ признано полезнымъ. Не встрѣчая препятствій къ продленію такого полномочія министровъ на трехлѣтній срокъ, государственный совѣтъ призналъ правильнымъ распространять на ремесленныя заведенія дѣйствіе правилъ не только о работѣ, но также и объ обученіи малолѣтнихъ.

Цѣлесообразность поправокъ, сдѣланныхъ государственнымъ совѣтомъ, не подлежитъ, въ нашихъ глазахъ, никакому сомнѣнію. Пожалѣть можно только о томъ, что онѣ не коснулись, повидимому, двухъ постановленій проекта. Первое изъ нихъ—это удлинненіе предѣльнаго срока работы малолѣтнихъ, въ возрастѣ отъ 12 до 15 лѣтъ. До сихъ поръ крайнимъ срокомъ этой работы было *восемь* часовъ въ сутки, съ тѣмъ, чтобы она продолжалась не болѣе четырехъ часовъ сряду; теперь предполагается допустить продленіе ея до *девяти* часовъ въ сутки, въ два періода, изъ которыхъ каждый не долженъ превышать четырехъ часовъ съ половиной. Правда, это правило касается только тѣхъ фабрикъ, въ которыхъ введена восемнадцати-часовая непрерывная дневная (?) работа двумя смѣнами; но тотъ или другой внутренній фабричный распорядокъ едва-ли представляется достаточнымъ поводомъ къ увеличенію работы малолѣтнихъ свыше мѣры, *вообще* признаваемой для нихъ предѣльною. Въ особенности тяжелы будутъ для малолѣтнихъ четыре съ половиною часа работы поздно вечеромъ (до десяти часовъ) или рано утромъ (съ четырехъ часовъ), такъ какъ именно для фабрикъ вышеупомянутаго типа понятіе о *ночной* работѣ, къ которой малолѣтніе не допускаются, ограничено временемъ отъ десяти часовъ вечера до четырехъ часовъ

Digitized by Google

утра (вмѣсто обычнаго срока, отъ 9 часовъ вечера до 5 часовъ утра). Другое правило, не вполнѣ, какъ намъ кажется, гармонирующее съ общимъ духомъ новаго закона—это предоставленіе губернскимъ по фабричнымъ дѣламъ присутствіямъ (а гдѣ ихъ нѣтъ — губернаторамъ) разрѣшать, въ случаяхъ особо уважительныхъ, ночную работу женщинъ и подростковъ, съ тѣмъ, чтобы въ теченіе слѣдующаго за ночной работой дня они не были допускаемы къ работѣ раньше полудня. Убѣждаться въ точномъ соблюденіи этого постановленія (въ той его части, которая направлена къ охранѣ рабочихъ) будетъ, на практикѣ, весьма трудно — гораздо труднѣе, чѣмъ повѣрять исполненіе общаго правила о недопущеніи ночной работы. Доказательствомъ нарушенія, въ послѣднемъ случаѣ, служитъ самое присутствіе на фабрикѣ, въ ночное время, женщины или подростка; но какъ удостовѣриться въ томъ, что женщина или подростокъ, работающіе на фабрикѣ до полудня, не участвовали, въ продолженіе предшествовавшей ночи, въ ночной работѣ?.. Дѣйствительность и плодотворность фабричнаго законодательства въ значительной степени обусловливаются тѣмъ, насколько удобенъ и осуществимъ надзоръ за его примѣненіемъ. Кстати о надзорѣ: въ соображеніяхъ государственнаго совѣта отдана полная справедливость фабричной инспекціи, возбуждавшей еще недавно такъ много пристрастныхъ, тенденціозныхъ нападеній. „Содержащіяся въ представленіи министровъ, — таковы подлинныя слова государственнаго совѣта, приводимыя „Русскими Вѣдомостями",—подробныя и разнообразныя свѣденія объ условіяхъ фабричнаго труда, а равно собранныя фабричною инспекціею обширныя статистическія данныя о составѣ фабричнаго населенія и его распредѣленіи по различнымъ родамъ фабрикъ и заводовъ, свидѣтельствуютъ о той несомнѣнной пользѣ, которую принесло учрежденіе фабричной инспекціи въ дѣлѣ изученія и упорядоченія нашей обрабатывающей промышленности. Этотъ обширный и цѣнный матеріалъ, наглядно выясняющій нужды и особенности нашей промышленности, устраняетъ препятствія, которыя представлялись доселѣ къ полному регулированію фабричнаго труда малолѣтнихъ и женщинъ, и открываетъ возможность приступить къ начертанію твердыхъ правилъ, безъ опасенія нарушить заслуживающіе вниманія интересы хозяевъ или рабочихъ". А между тѣмъ было время, когда можно было сомнѣваться въ дальнѣйшемъ существованіи фабричной инспекціи! Были óрганы печати, систематически ее преслѣдовавшіе и заподозривавшіе; были попытки доказать, что ея функціи съ успѣхомъ могутъ быть переданы общей полиціи! Теперь, когда ея заслуги признаны высшимъ государственнымъ учрежденіемъ, ничто не мѣшаетъ облечь ее повсемѣстно тѣми правами, какія при-

Digitized by Google

надлежать ей, по закону 3-го іюня 1886 г., въ трехъ губерніяхъ: владимірской, московской и с.-петербургской.

Въ коренныхъ губерніяхъ Россіи всѣмъ другимъ преобразованіямъ прошлаго царствованія предшествовало разрѣшеніе крестьянскаго вопроса. Въ остзейскихъ губерніяхъ ему суждено, наоборотъ, завершить рядъ реформъ, направленныхъ къ объединенію этой окраины съ остальными частями имперіи. Объясняется это, безъ сомнѣнія, преимущественно тѣмъ, что по сю сторону Чудского озера надѣленіе помѣщичьихъ крестьянъ землею совершилось параллельно съ ихъ освобожденіемъ, тогда какъ въ прибалтійскомъ краѣ крестьяне, живущіе на помѣщичьей землѣ, давно уже пользуются личной свободой. Не столь обостренный и жгучій, какъ у насъ—тридцать лѣтъ тому назадъ,—крестьянскій вопросъ въ остзейскихъ губерніяхъ, тѣмъ не менѣе, настоятельно требовалъ законодательнаго вмѣшательства. Онъ занималъ видное мѣсто уже въ тѣхъ заявленіяхъ, которыя были дѣлаемы крестьянскимъ населеніемъ Лифляндіи и Курляндіи во время сенаторской ревизіи 1882—83 г. Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы подтвердилось извѣстіе о предстоящемъ распространеніи на остзейскій край обязательнаго выкупа крестьянскихъ земель. Вотъ что̀ мы читаемъ по этому поводу въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 98): „Существующіе въ прибалтійскомъ краѣ аграрные порядки нельзя считать нормальными и для всѣхъ категорій сельскихъ обывателей одинаково справедливыми. Несмотря на всѣ принятыя мѣры, массовое выселеніе арендаторовъ и необезпеченіе за крестьянскимъ населеніемъ плода его трудовъ составляетъ и по настоящее время весьма значительный процентъ для общаго числа крестьянъ прибалтійскаго края, причемъ въ нѣкоторыхъ приходахъ процентъ выдвореній достигаетъ 30 и даже 40%. Въ Лифляндіи, гдѣ постановленіе о продажѣ крестьянскихъ дворовъ (по вольной цѣнѣ) состоялось въ 1849 г., все еще не перешло въ крестьянскую собственность болѣе одной трети существующихъ въ губерніи усадебъ; въ Курляндіи изъ всей крестьянской земли въ частныхъ имѣніяхъ продано не болѣе 37%, а въ Эстляндіи—лишь 19%. Чтобы водворить въ краѣ прочные аграрные порядки, не совершая никакой насильственной ломки въ сложившихся историческихъ и экономическихъ привычкахъ и воззрѣніяхъ мѣстнаго сельскаго населенія, самою цѣлесообразною мѣрой признается обязательный выкупъ крестьянскихъ усадебъ. Помѣщики не лишились бы, чрезъ это, ни единаго изъ тѣхъ правъ, которыя имъ присвоены существующими законами, равно какъ и кре-

Digitized by Google

стьянство пріобрѣло бы въ полную собственность лишь тѣ земли, которыя ему принадлежатъ испоконъ вѣка. Въ настоящее время въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ возбужденъ вопросъ объ обязательномъ выкупѣ земельныхъ надѣловъ частновладѣльческихъ крестьянъ. По слухамъ, осуществленіе этого сложнаго вопроса рѣшено произвести на началахъ экспропріаціи. Для совершенія выкупныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами предположено назначить пятилѣтній срокъ. Только по истеченіи этого срока вступятъ въ дѣйствіе особыя оцѣночныя коммиссіи, которыя будутъ составляться изъ представителей правительственной власти, землевладѣльцевъ и крестьянъ. По всестороннемъ обсужденіи даннаго вопроса въ особыхъ совѣщаніяхъ по прибалтійскимъ дѣламъ, вышеупомянутый способъ для опредѣленія настоящей стоимости усадебъ, въ случаѣ объявленія обязательнаго выкупа, признанъ одинаково удовлетворительнымъ, какъ для помѣщиковъ и крестьянъ, такъ и для правительства, крайне заинтересованнаго въ установленіи въ краѣ нормальныхъ аграрныхъ порядковъ. При этомъ есть полное основаніе полагать, что помѣщики, опасаясь понести убытки, если затянутъ продажу до истеченія срока и вмѣшательства въ дѣло оцѣночной коммиссіи, понизятъ свои требованія, а крестьяне-арендаторы не станутъ отказываться отъ покупки по сходной цѣнѣ, такъ какъ имъ придется опасаться конкурренціи постороннихъ лицъ, хотя, какъ это въ законѣ усмотрѣно, лишь изъ среды самого же крестьянства". Не совсѣмъ яснымъ въ этомъ сообщеніи московской газеты представляется намъ только одно — упоминаемая имъ возможность перехода крестьянской земли не въ тѣ руки, которыя ею въ данный моментъ фактически владѣютъ. Совмѣстима ли такая возможность съ взглядомъ на крестьянскую землю, какъ на нѣчто „испоконъ вѣка принадлежащее" крестьянамъ, а также съ стремленіемъ избѣжать ломки въ „сложившихся экономическихъ привычкахъ"? Если помѣщику будетъ предоставлено право продать землю не тому крестьянину, который сидитъ на ней, а другому лицу, хотя бы и изъ среды мѣстнаго крестьянства, то существующія аграрныя отношенія во многихъ случаяхъ подвергнутся существенной передѣлкѣ, едва-ли оправдываемой необходимостью. Увеличеніе числа возможныхъ покупателей неизбѣжно повлечетъ за собою повышеніе цѣнъ на землю, неблагопріятное для крестьянъ. Болѣе цѣлесообразнымъ было бы, кажется, устройство выкупа на основаніяхъ ближайшихъ къ тѣмъ, которыя были въ свое время приняты въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ. Желательно, также, возможно большее сокращеніе срока для добровольныхъ соглашеній, давно уже разрѣшенныхъ закономъ, но подвигающихся впередъ крайне медленно. Обезпеченіе крестьянъ, не владѣющихъ землею,

Digitized by Google

могло бы быть достигнуто не конкурренціею ихъ съ крестьянами-фактическими владѣльцами земли, а другими мѣрами. Напомнимъ, по этому поводу, что къ числу желаній, высказанныхъ крестьянствомъ остзейскаго края во время сенаторской ревизіи, принадлежало надѣленіе безземельныхъ крестьянъ участками казенной или пасторатской земли, съ вознагражденіемъ, въ послѣднемъ случаѣ, пасторовъ.

ЗАМѢТКА.

Кустарная промышленность въ Германіи.

Съ начала 70-хъ годовъ въ нашемъ обществѣ развился интересъ къ изученію разнообразныхъ формъ народнаго труда. Правительственныя вѣдомства, земства и частныя лица посвятили не мало времени на изслѣдованіе нашего кустарнаго производства. Почти одновременно этотъ вопросъ сдѣланъ былъ предметомъ изученія и въ Германіи. Теперь нѣмецкая литература насчитываетъ уже нѣсколько десятковъ изслѣдованій, посвященныхъ германской кустарной промышленности. На основаніи этого матеріала мы въ сжатомъ очеркѣ познакомимъ читателей съ важнѣйшими факторами изъ жизни германской сельской промышленности,—фактами, которые позволяютъ уяснить себѣ и разныя явленія въ жизни нашего кустарнаго производства [1]).

Согласно съ имперской переписью 1885 года, всѣхъ кустарей въ Германіи насчитывается до 1/2 милліона,—10,5 на 1000 жителей. Но между отдѣльными мѣстностями замѣчаются весьма рѣзкія различія; тогда какъ въ Верхнемъ Пфальцѣ и Нижней Баваріи число кустарей не превышаетъ 8 на 1000 жителей, оно достигаетъ въ Бреславлѣ 139, Дюссельдорфѣ — 169, Цвикау — 393 и, наконецъ, Бауценѣ 452, т.-е. почти половина всего населенія участвуетъ въ кустарномъ производствѣ. По значенію, среди всѣхъ кустарныхъ промысловъ первое мѣсто занимаетъ обработка волокнистыхъ веществъ: изъ всѣхъ предпріятій въ этой промышленности кустарныя образуютъ

[1]) Главными матеріалами могутъ служить: Die Berufszählung im Deutschen Reich von 1882. *Thun.*—Die Industrie am Niederrhein u. ihre Arbeiter, 1879. *Bein.*—Die Industrie des sächsischen Voigtlandes, 1884. *Sax.*—Die Hausindustrie in Thüringen. 1882—88. *Sticda.*—Die deutsche Hausindustrie. 1889.

Digitized by Google

57,9%, а изъ всѣхъ занятыхъ рабочихъ рукъ на долю кустарей приходится 31,3%. Въ другихъ промыслахъ % кустарей рѣзко понижается: въ переработкѣ желѣза кустарныя предпріятія образуютъ только 5,1% общаго числа, а кустари—только 3,7% работающихъ. А въ производствѣ машинъ и орудій кустарно-промышленныя заведенія занимаютъ только 2,7% общаго числа, кустари же—1,3%. Нѣкоторыя отрасли по обработкѣ волокнистыхъ веществъ обнаруживаютъ рѣшительное преобладаніе кустарнаго труда надъ фабричнымъ: на 100 рабочихъ въ шелкоткацкомъ промыслѣ 6,97 кустари, въ чулочновязальномъ—59,2. Сравненіе кустарнаго производства съ крупною промышленностью относительно пола работающихъ показываетъ выдающуюся роль женскаго труда. Во всей германской промышленности женщины составляютъ приблизительно 20%, а въ кустарничествѣ — 43,9%; въ такихъ же промыслахъ, какъ вышивальный, чулочновязальный, кружевной, женщины составляютъ даже 96—97%. Относительно семейнаго состоянія обращаетъ на себя вниманіе та особенность кустарной промышленности, что она имѣетъ меньшій процентъ одинокихъ, нежели фабричное производство: среди всѣхъ германскихъ рабочихъ одинокіе составляютъ 59%, а въ кустарныхъ промыслахъ только 40%. Этотъ фактъ находитъ себѣ объясненіе въ самомъ характерѣ кустарнаго труда: осѣдлая жизнь при работѣ дома располагаетъ къ болѣе раннему вступленію въ бракъ, нежели кочевая жизнь фабричныхъ работниковъ. Очень интересныя данныя сообщаетъ намъ германская перепись о возрастномъ составѣ кустарей: въ возрастѣ молодомъ, до 40 лѣтъ, фабричная промышленность даетъ замѣтно бо̀льшій процентъ, нежели кустарная: на 1000 работающихъ въ первой приходится 799,5, а во второй—575,9; но болѣе пожилой возрастъ имѣетъ гораздо больше представителей среди кустарей; лица отъ 40 до 60 лѣтъ составляютъ во всей нѣмецкой промышленности только 171,6, а среди кустарей—312,5‰; на работниковъ старше 60 лѣтъ вообще падаетъ только 29,9‰, а среди кустарей—111,6. Эти цифры указываютъ, съ одной стороны, на стремленіе крупнаго производства къ возможно болѣе частому обновленію рабочей силы, а съ другой—на рабочую пригодность людей въ различныхъ отрасляхъ: во всей нѣмецкой промышленности наименѣе рабочихъ въ возрастѣ выше 60 лѣтъ имѣютъ промыслы портняжій, сапожный, вышивальный (5—7—10%). А въ нѣкоторыхъ кустарныхъ промыслахъ огромное число работающихъ сохраняютъ способность къ труду выше 60 лѣтъ: въ ткачествѣ такихъ 147 на 1000, въ вышиваньѣ—160, въ пряденьѣ—даже 319,4. О дѣтскомъ трудѣ въ кустарной промышленности мы не имѣемъ точныхъ числовыхъ данныхъ. Перепись насчитываетъ среди кустарей всего около $4^1/_2$ тысячъ дѣтей или подрост-

Digitized by Google

ковъ, не достигшихъ 15 лѣтъ. Однако эти цифры навѣрное ниже дѣйствительныхъ; въ семьѣ кустаря ребенокъ съ самаго ранняго возраста привыкаетъ работать вмѣстѣ со взрослыми; но разныя побочныя операціи обыкновенно не принимаются въ разсчетъ, когда опредѣляютъ число рабочихъ. Изслѣдователи промышленности по изготовленію шолковыхъ и бархатныхъ тканей на лѣвомъ берегу Рейна передаютъ, что дѣтей пріучаютъ къ работѣ съ 5-лѣтняго возраста. Дѣти работаютъ поголовно, начиная съ $5^1/_2$ часовъ утра и до 8 вечера. Если они и посѣщаютъ школу, то приходятъ туда уже утомленныя и дѣлаютъ очень мало успѣховъ. А по деревнямъ Таунуса, гдѣ распространенъ вышивальный промыселъ, дѣти пріучаются къ работѣ даже съ 3-лѣтняго возраста. Съ 8 лѣтъ они работаютъ уже наравнѣ со взрослыми. Эти сообщенія частныхъ изслѣдователей вполнѣ подтверждаются и заявленіями фабричныхъ инспекторовъ: нѣкоторые изъ фабричныхъ инспекторовъ заявляютъ въ послѣдніе годы, что силы дѣтей напрягаются въ кустарной промышленности до чрезвычайной степени, что дѣти дѣлаются чрезъ это почти негодными для школьныхъ занятій. Въ этомъ отношеніи особенно погрѣшаютъ корзиночники, перчаточники, игрушечники.

Рабочій день кустарей очень продолжителенъ, чему особенно способствуетъ невмѣшательство фабричныхъ законовъ во внутренніе распорядки кустарныхъ промысловъ. Корзиночники въ Верхней Франконіи начинаютъ работу въ $4^1/_2$ утра и продолжаютъ до $8^1/_2$ вечера; работа прерывается только на время обѣда, за которымъ не слѣдуетъ отдыха. Въ Саксоніи ткачи-кустари работаютъ 14—15 часовъ, причемъ для обѣда дѣлается перерывъ на 1 часъ, нерѣдко даже на $^1/_2$ часа, а завтракъ и полдникъ съѣдаются за работой. Саксонскія вышивальщицы работаютъ кустарнымъ образомъ по 14—15 часовъ съ самымъ ничтожнымъ перерывомъ, тогда какъ въ фабричныхъ заведеніяхъ той же отрасли рабочій день имѣетъ 11 часовъ съ перерывами въ 1 часъ для обѣда и по 20 минутъ для завтрака и полдника.

Параллельно съ чрезмѣрно длиннымъ рабочимъ днемъ идетъ скудная плата, значительно болѣе низкая, чѣмъ въ крупной промышленности. Въ обработкѣ металловъ въ Золингенѣ, Ремшейдѣ съ ихъ округами трудъ кустарей вознаграждается довольно хорошо: они получаютъ въ мѣсяцъ по 50—60 марокъ. Но Тюрингія даетъ намъ картину крайне низкой платы. Кустарь, изготовляющій аспидныя доски, заработываетъ 6 марокъ въ недѣлю, а коробочникъ—только 3 марки. Въ округѣ Эйзенахъ рѣзчики по дереву заработываютъ цѣлой семьей, состоящей изъ 5 членовъ, 15 марокъ въ недѣлю, если они искусны въ промыслѣ; средніе же работники имѣютъ немного

Digitized by Google

болѣе половины этой суммы. А многіе кустари въ этой мѣстности заработываютъ только по 40 пфениг. въ день и даже еще меньше. Ручное ткачество находилось за послѣдніе годы также въ очень стѣсненномъ положеніи: лучшіе ткачи заработывали въ недѣлю по 6—7 марокъ; средніе же не получали болѣе 4 и даже 3. Кузнецы въ деревняхъ Таунуса также не заработываютъ больше 6—7 марокъ въ недѣлю. Но этотъ незначительный заработокъ умаляется еще отъ того, что заказчики или посредники прибѣгаютъ къ разнообразнымъ предлогамъ для производства вычетовъ. До послѣдняго времени это практиковалось даже въ такой извѣстной и значительной отрасли промышленности, какъ аахенское суконное производство; сплошь и рядомъ тамъ примѣняются фальшивыя мѣры. Въ другихъ промыслахъ это практикуется еще гораздо чаще. Среди тюрингскихъ игрушечниковъ торговцы, при значительныхъ заказахъ, требуютъ скидки въ 5—10% съ условленной цѣны, какъ бы она ни была низка. Когда между торговцемъ, дающимъ заказы, и кустарями есть посредникъ, какъ бы старшій рабочій, то первоначально дѣлаются вычеты изъ суммъ, которыя онъ получаетъ, а онъ, стремясь вознаградить себя за потерю, оттягиваетъ изъ платы, выдаваемой кустарямъ. Очень удобнымъ способомъ для сокращенія заработка кустарей служитъ возвышеніе цѣны матеріаловъ, которые даются имъ для переработки. Такъ какъ цѣна готовыхъ издѣлій опредѣляется точной цифрой, то всякое возвышеніе цѣны сырья, выдаваемаго на руки кустарямъ, умаляетъ ихъ заработокъ. Факты, наблюдаемые въ промыслѣ корзиночниковъ въ Тюрингіи, указываютъ, насколько обиленъ для торговцевъ этотъ источникъ дохода: матеріалъ дается имъ по цѣнѣ, на 10—20—30% превышающей рыночную. Къ этимъ невзгодамъ для кустарей присоединяется и расплата товарами вмѣсто денегъ (Trucksystem), противъ которой направлено дополненіе 1878 года къ германскому промысловому уложенію. До послѣдняго времени эта система процвѣтала даже въ такихъ крупныхъ центрахъ, какъ Аахенъ. Многіе торговцы, раздававшіе кустарямъ заказы, держали на свое или чужое имя лавки съѣстныхъ припасовъ и кабачки и уже своимъ авторитетомъ заставляли кустарей покупать въ этихъ лавкахъ многіе необходимые товары. Въ мѣстахъ захолустныхъ эта система и теперь господствуетъ въ полной силѣ. Въ Верхней Франконіи отъ одной трети до половины рабочей платы выдается въ товарахъ: мука, сахаръ, кофе, табакъ, даже крестьянская посуда и шерстяныя издѣлія навязываются рабочимъ, которые и принуждены сбывать ихъ за какую бы то ни было цѣну. Часто кустари получаютъ отъ хозяина извѣстную долю платы въ маркахъ, принимаемыхъ только нѣкоторыми булочниками,

Digitized by Google

мясниками и торговцами. Кустарь вынуждается на принятіе въ счетъ платы этихъ товаровъ иногда прямо, но часто и косвенно: или это ставится ему на видъ при полученіи заказа, или же—разъ онъ упорно требуетъ денежной платы сполна — ему не даютъ заказа. Нерѣдко хозяинъ подсмѣивается надъ кустаремъ, который съ досады ломаетъ шегольскую тросточку, полученную имъ въ счетъ платы за изготовленныя издѣлія.

Оффиціальныя изслѣдованія, а также изысканія многихъ экономистовъ знакомятъ насъ съ жилищами кустарей, ихъ пищей и другими сторонами ихъ жизни. Въ городахъ и селеніяхъ по Рейну, а также въ разныхъ мѣстахъ Саксоніи жилища кустарей удовлетворительны: они имѣютъ въ своихъ домикахъ 2—3 комнаты. Но въ нѣкоторыхъ промышленныхъ городкахъ жилищная потребность удовлетворяется гораздо хуже: на 1 домъ, занимаемый кустарями, въ Плауенѣ приходится—18,87 жителей, въ Шёнеккѣ—14,89, Еленицѣ —13,29, тогда какъ во всей Германіи, по переписи 1885 года, приходится только 8,1 жителя. Но въ Тюрингіи жилища почти всѣхъ кустарей крайне неудовлетворительны. Въ Зонненбергѣ и его окрестностяхъ игрушечники имѣютъ обыкновенно 1 или 2 крохотныя каморки, гдѣ и сушатъ лѣсные матеріалы, отчего воздухъ очень удушливъ. Кустари, приготовляющіе аспидныя доски, работаютъ по 3—4—5 душъ въ хижинахъ, вышина которыхъ не превышаетъ $1^3/_4$ метра, а ширина и длина 2—3 метра. Согласно съ требованіями гигіены, на 1 работающаго должно приходиться 20 куб. метровъ воздуха, а въ этихъ хижинахъ часто количество воздуха не достигаетъ этой цифры. Еще хуже жилыя и рабочія помѣщенія въ спичечной промышленности. Гдѣ работаютъ, тамъ и живутъ; очагъ, на которомъ готовятъ кушанье, служитъ также мѣстомъ для разогрѣванія фосфора и сѣры. Отъ макальной массы идутъ фосфорныя испаренія, пропитанныя запахомъ животнаго клея. Все это дѣлаетъ атмосферу для непривычнаго человѣка рѣшительно невыносимой. По Таунусу почти во всѣхъ деревняхъ, занятыхъ кузнецами, помѣщенія крайне неудовлетворительны; на 2 работающихъ мастерскія рѣдко превышаютъ 6—7 квадр. метровъ. Во многихъ деревняхъ 80% кустарей имѣютъ только по одной комнатѣ, служащей рабочимъ и жилымъ помѣщеніемъ; болѣе половины живутъ такъ, что на 1 комнату приходится 5—6 обитателей. Подобныя же наблюденія сдѣланы были относительно жилищъ и рабочихъ помѣщеній сигарочниковъ въ Альтонѣ и ея окрестностяхъ. Пищей кустарей служитъ, главнымъ образомъ, картофель. По этому поводу въ разныхъ кустарно-промышленныхъ округахъ Германіи сложились даже пѣсенки, воспѣвающія картофель, какъ единственную

Digitized by Google

и притомъ на вѣчныя времена пищу кустарей. Картофельная пища нѣсколько разнообразится другими овощами, кофе, бутербродами. Мясо потребляется въ очень маломъ количествѣ и обыкновенно лишь свиное, отъ животныхъ, которыя откармливаются въ собственномъ хозяйствѣ. Болѣе благопріятно поставлены кустари въ Саксоніи; однако и тамъ на 1 душу населенія въ кустарно-промышленныхъ округахъ приходится 49 фунтовъ мяса ежегодно, тогда какъ во всемъ королевствѣ душевое потребленіе превышаетъ 66 фунт. Въ связи со всѣми этими условіями санитарное состояніе кустарей заставляетъ желать очень многаго. Въ тюрингской игрушечной промышленности положеніе еще удовлетворительно. Но въ разныхъ мѣстностяхъ Саксоніи, въ деревняхъ Таунуса, по Рейну изслѣдователи единодушно отмѣчаютъ чрезвычайную тѣлесную хилость населенія. Въ Саксоніи, напр., на 100 новобранцевъ за послѣдніе годы насчитывали 36,25 годныхъ къ отбыванію воинской повинности, а среди кустарей королевства—только 29,74.—Наблюденіе нравственнаго уровня кустарей убѣждаетъ, что они въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ другихъ группъ того же имущественнаго положенія. Пьянство не можетъ быть признано сильно распространеннымъ. По относительному числу незаконнорожденныхъ кустарные округа далеко не одинаковы: въ Эльзасѣ, напр., незаконнорожденные составляютъ только 4,77; многія изъ незаконноприжитыхъ дѣтей узаконяются чрезъ послѣдующій бракъ. Напротивъ, среди кустарей Саксоніи и Тюрингіи незаконнорожденные составляютъ 12—16—18%. По всей вѣроятности, бо́льшій или мѐньшій процентъ въ мѐньшей степени объясняется особенностями даннаго кустарнаго промысла, чѣмъ обычаями отдѣльныхъ мѣстностей.

Однимъ изъ интересныхъ вопросовъ, связанныхъ съ кустарной промышленностью, является вопросъ о томъ, насколько кустари еще сохранили связь съ сельскимъ хозяйствомъ. Этому вопросу посвятила свое вниманіе и оффиціальная статистика Германіи. Изъ оффиціально собранныхъ данныхъ оказывается, что среди кустарей только 1/5 (19, 6%) продолжаетъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, какъ побочнымъ промысломъ и второстепеннымъ источникомъ дохода. Правда, изъ общей массы фабричныхъ и ремесленныхъ работниковъ сельскимъ хозяйствомъ занимаются еще меньше—всего 17%, однако незначительное число кустарей, сохранившихъ связь съ сельскимъ хозяйствомъ, объясняется быстрымъ развитіемъ въ Германіи городской жизни и возможностью для земледѣльца многихъ мѣстностей посвящать сельскому хозяйству почти цѣлый годъ и имѣть въ немъ достаточный фондъ для удовлетворенія потребностей. Въ горныхъ мѣстностяхъ—Шварцвальдѣ, Тюрингіи—самыя условія климата дѣлаютъ

Digitized by Google

сельское хозяйство невыгоднымъ, а потому кустари и оставляютъ его. Въ нѣкоторыхъ же промыслахъ кустари еще сохранили прочную связь съ земледѣліемъ: въ плетеніи корзинъ почти 40% семей владѣютъ участками земли. Изъ ткачей сельскимъ хозяйствомъ занимаются 34,2%, но въ нѣкоторыхъ округахъ число это доходитъ до 80%; кто изъ ткачей не имѣетъ своей земли, тотъ старается арендовать клочокъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Изслѣдователи германской кустарной промышленности внимательно останавливаются также на потеряхъ, которыя причиняютъ ей кризисы. Въ фабричной промышленности значительное расширеніе производства связано съ большими затратами по пріобрѣтенію новаго основного капитала Въ кустарной промышленности расширеніе производства достигается только увеличеніемъ оборотнаго капитала. Скупщики, дающіе кустарямъ заказы, пріобрѣтаютъ только больше матеріала; этотъ излишекъ матеріала легко можетъ быть переработанъ, такъ какъ, при ровномъ теченіи промышленныхъ дѣлъ, каждая отрасль кустарничества имѣетъ рабочія руки, или вовсе свободныя, или занятыя только частью рабочаго времени. Призывъ капиталиста къ расширенію производства и ведетъ къ тому, что всѣ кустари даннаго района съ усиленной энергіей принимаются за работу. Вотъ почему кризисы рѣзко отражаются на кустарной промышленности. Въ окрестностяхъ Крефельда въ 1867 г. работало 20.458 ткачей-кустарниковъ, въ 1872—43.310, а въ 1877 —снова только 27.043. Конечно, такіе рѣзкіе переходы должны были тяжело отзываться на положеніи многихъ ткачей, оставшихся безъ работы.

Свѣденія, собранныя о германской кустарной промышленности правительствомъ и частными изслѣдователями, проливаютъ также свѣтъ и на условія, при которыхъ развивалось въ сосѣдней съ нами странѣ кустарное производство. Многія отрасли, существующія цѣлыя столѣтія, развились постепенно въ силу недостаточности доходовъ отъ земледѣлія. Эти отрасли, по мѣрѣ расширенія рынка сбыта, выдвигались на первый планъ и все болѣе умаляли значеніе сельскаго хозяйства. Что наблюдается въ разныхъ деревняхъ Тюрингіи и Шварцвальда, то же можетъ быть подмѣчено и въ обширныхъ селеніяхъ сѣверной и средней полосы Россіи: какъ кустарь въ окрестностяхъ Зонненберга или Фуртвангена сосредоточиваетъ свои силы, главнымъ образомъ, на промыслѣ и удѣляетъ земледѣлію все меньше и меньше рабочихъ дней, такъ и наши игрушечники Сергіевскаго посада, павловскіе слесаря или великосельскіе ткачи почти разучились владѣть сохой или косой и окончательно приспособились къ своимъ промысламъ. Но германская кустарная промышленность зна-

Digitized by Google

кома еще съ одной формой возникновенія кустарничества—развитіе его изъ фабричнаго производства. Фабричныя заведенія, разъ сложившись, остаются безъ измѣненія, а дальнѣйшее расширеніе промышленности совершается уже въ формѣ кустарничества. Наилучшимъ примѣромъ этого служитъ вышивальный промыселъ въ Саксоніи. Въ концѣ 50-хъ гг. онъ былъ сосредоточенъ въ немногихъ крупныхъ заведеніяхъ. Съ конца же 60-хъ гг. стало входить въ обычай, чтобы отдѣльные вышивальщики покупали машины, помѣщали у себя на дому и за опредѣленную плату переработывали матеріалъ, получаемый отъ капиталистовъ. Такимъ образомъ, въ городѣ Плауенѣ съ окрестностями въ 1872 году было уже 404 заведенія съ 1.300 машинами, тогда какъ въ 1858 г. было только 1 заведеніе съ 42 вышивальными машинами. Въ 80-хъ гг. этотъ процессъ наблюдался во многихъ мѣстностяхъ Германіи и въ различныхъ промыслахъ. Капиталисты извлекаютъ изъ такого порядка ту выгоду, что производство можетъ быть расширяемо безъ увеличенія постояннаго капитала и безъ большого риска; расширеніе производства въ такой формѣ соблазнительно еще и потому, что на кустарей не распространяетъ своего дѣйствія фабричное законодательство, вообще нелюбимое предпринимателями. Подобный же процессъ развитія кустарничества наблюдается у насъ въ уральскомъ промышленномъ округѣ.

Въ заключеніе этой замѣтки мы остановимся немногими словами на мѣрахъ, которыя принимаются для усовершенствованія нѣмецкой кустарной промышленности. За послѣднія 20 лѣтъ вниманіе было обращено, главнымъ образомъ, на развитіе рабочаго искусства кустарей посредствомъ образованія техническихъ школъ и музеевъ. Въ этомъ движеніи принимали участіе и правительства небольшихъ германскихъ государствъ, особенно Бадена, Вюртемберга и Тюрингіи. Въ разныхъ мѣстностяхъ съ развитою кустарною промышленностью были устроены школы для ткачей, часовщиковъ, слесарей, игрушечниковъ и другихъ кустарниковъ. При школахъ есть обыкновенно и музеи орудій и образцовъ. Наибольшую извѣстность пріобрѣли вюртембергская и баденская палаты, въ которыхъ сосредоточено завѣдываніе туземной промышленностью (Centralstelle und Landesgewerbehalle). Эти правительственныя учрежденія, образуя огромныя коллекціи орудій и образцовъ, устраивая повсемѣстно промышленныя выставки, учреждая техническія училища, приносятъ особенно замѣтныя выгоды мелкому производству, ремесленникамъ и кустарямъ, которые не могутъ упрочить свою судьбу на началахъ только самопомощи. Музеи и школы оказываютъ благотворное вліяніе на про-

Digitized by Google

мышленность. Такъ напр., въ началѣ 70-хъ гг. кустари-игрушечники въ Рудныхъ Горахъ (въ Саксоніи) производили очень грубыя издѣлія. Но въ 1871 и 1875 гг. мѣстными промышленными обществами, при содѣйствіи правительства, были устроены ремесленныя школы въ Зейфенѣ и Грюнхайнихенѣ, и при школахъ небольшіе музеи орудій и образцовъ. Обученіе рисованію и моделированію настолько подняло рабочее искусство, что теперь игрушки, производимыя въ этомъ округѣ, не уступаютъ по изяществу нюрнбергскимъ и эльзасскимъ и усиленно вывозятся за границу.

А. А. Исаевъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая 1890.

Новыя вѣянія въ правительствѣ Германіи.—Первыя заявленія генерала Каприви.—Вопросъ о личномъ „престижѣ" канцлера.—Роль военнаго элемента въ государственномъ управленіи Пруссіи.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Рабочее движеніе въ Австро-Венгріи и Германіи.—Толки о празднованіи 1-го мая въ западной Европѣ.—Одна изъ особенностей національной борьбы въ Чехіи.—Старочехи и младочехи.—Чешско-нѣмецкое соглашеніе и антагонизмъ двухъ чешскихъ партій.

Въ политическихъ дѣлахъ Европы „курсъ остается прежній", но атмосфера несомнѣнно прояснилась, послѣ удаленія князя Бисмарка. Скромный преемникъ канцлера не можетъ быть заподозрѣнъ въ составленіи какихъ-либо смѣлыхъ таинственныхъ плановъ въ области внутренней и внѣшней политики Германіи; никто не припишетъ ему тѣхъ закулисныхъ махинацій, которыя постоянно приписывались князю Бисмарку и поддерживали тревогу въ общественномъ мнѣніи. Нѣмецкая оффиціозная печать перестала служить источникомъ волненій и безпокойства; она сразу утратила внутри свою прежнюю силу и замѣнила рѣзкій, вызывающій тонъ робкимъ оппозиціоннымъ. Новый германскій канцлеръ не имѣлъ еще случая обнаружить какіе-либо политическіе таланты, но онъ обладаетъ нѣкоторыми весьма цѣнными личными качествами—чисто военнымъ прямодушіемъ, отсутствіемъ политическаго честолюбія, откровенностью и правдивостью.

Недавній дебютъ генерала Каприви, какъ прусскаго министра-президента, долженъ былъ произвести благопріятное впечатлѣніе на прусскую палату депутатовъ, уже потому, что въ первый разъ за многіе годы представитель высшей государственной власти обра-

Digitized by Google

щался ко всѣмъ партіямъ парламента безъ различія, съ оттѣнкомъ довѣрчиваго безпристрастія, безъ малѣйшаго намека на какое-либо неудовольствіе или раздраженіе противъ кого бы то ни было изъ членовъ оппозиціи. На томъ мѣстѣ, гдѣ возсѣдалъ знаменитый канцлеръ, всегда готовый пустить въ ходъ свое дипломатическое искусство и находчивость для нанесенія удара противникамъ, появился предъ палатою простой генералъ, сознающій, съ пріятною улыбкою, свою неопытность въ политикѣ и ожидающій снисхожденія къ своимъ возможнымъ ошибкамъ. Въ засѣданіи 15-го апрѣля (н. ст.), генералъ Каприви выразилъ желаніе представиться палатѣ въ своей новой должности министра-президента и сдѣлать первый шагъ для вступленія съ депутатами въ непосредственныя отношенія. Никакой правительственной программы онъ предложить не могъ, даже еслибы считалъ это полезнымъ. „Чуждый до сихъ поръ всякихъ политическихъ вопросовъ,—сказалъ онъ, между прочимъ,—я поставленъ теперь передъ такимъ кругомъ дѣятельности, котораго невозможно было мнѣ обозрѣть даже въ общихъ чертахъ до настоящей минуты... Я долженъ былъ испытывать чувство министра, которому приходится начинать свое управленіе съ большимъ дефицитомъ, насколько дѣло касается моей личности". Генералъ Каприви далъ понять своимъ слушателямъ, что неподготовленность къ политической дѣятельности не помѣшаетъ ему скромно (in bescheidener Weise) завѣдывать дѣлами для пользы страны, такъ какъ, „одновременно съ удаленіемъ князя Бисмарка, ясно обрисовалась передъ всѣми личность молодого монарха, и значеніе этой личности можетъ наполнить собою пробѣлъ", оставленный уходомъ бывшаго канцлера. Изъ этихъ словъ можно видѣть, что генералъ Каприви будетъ только формально исполнять обязанности канцлера, и что истиннымъ замѣстителемъ князя Бисмарка будетъ самъ императоръ Вильгельмъ II. Упомянувъ о заслугахъ своего „великаго предшественника", генералъ Каприви выразилъ увѣренность, что „зданіе, воздвигнутое при выдающемся участіи князя Бисмарка, его геніальной силы, его желѣзной воли, его глубокой любви къ отечеству, построено прочно и выдержитъ бурю и непогоду и послѣ того, какъ останется безъ его охраняющей руки". Правительство не имѣетъ намѣренія „начинать новую эру; но при такой личности, какъ князь Бисмаркъ, другія силы съ трудомъ находили себѣ мѣсто, и при его своеобразномъ, точно разсчитанномъ, способѣ отношенія къ дѣламъ и руководства ими, устранялись и отступали на задній планъ другія направленія; иныя идеи и желанія, хотя бы основательныя, не всегда могли быть приведены въ исполненіе. Первымъ послѣдствіемъ перемѣны въ составѣ высшаго правительства будетъ предоставленіе большей самостоятельности и про-

Digitized by Google

стора отдѣльнымъ вѣдомствамъ, и при этомъ неизбѣжно старый коллегіальный порядокъ прусскаго министерства получитъ большее значеніе, чѣмъ это было возможно при могущественномъ бывшемъ министрѣ-президентѣ. Правительство всегда будетъ готово принимать въ разсчетъ такія задержанныя идеи и желанія, подвергать ихъ обсужденію и осуществлять ихъ, при доказанной ихъ цѣлесообразности; министры будутъ брать хорошее тамъ, гдѣ его найдутъ, откуда и черезъ кого бы оно ни приходило".

Это, очевидно, программа отрицательная, указывающая скорѣе на устраненіе неудобствъ прежняго режима, чѣмъ на положительныя цѣли и намѣренія правительства. Однако, общій характеръ „новой эры" опредѣляется съ достаточною ясностью приведенными указаніями генерала Каприви. Политика борьбы должна уступить мѣсто мирной общей работѣ; министерство не будетъ смотрѣть на возражающихъ и критикующихъ дѣятелей оппозиціи какъ на враговъ правительства и государства. Напротивъ, хорошія мысли и предложенія будутъ принимаемы отовсюду, хотя бы отъ людей, несогласныхъ съ общимъ направленіемъ оффиціальной политики. Политическая жизнь страны пойдетъ легче и свободнѣе, съ устраненіемъ подавляющаго авторитета князя Бисмарка.

Конечно, можно спросить: почему спеціалистъ по военному дѣлу призванъ руководить такими государственными дѣлами, которыя, по его собственному сознанію, мало ему знакомы? Въ этомъ отношеніи Вильгельмъ II поступилъ согласно старой политической традиціи, по которой высшія мѣста въ государствѣ должны принадлежать военнымъ. Въ былое время всякій генералъ считался, въ силу своего званія, способнымъ управлять какимъ угодно спеціальнымъ вѣдомствомъ и рѣшать самые запутанные государственные вопросы по вдохновенію, безъ нужныхъ для этого свѣденій; генералы завѣдывали и дипломатіею, и финансами, и интересами народнаго хозяйства, и если въ Пруссіи это господство военнаго элемента во всѣхъ сферахъ политической дѣятельности не приводило къ дурнымъ результатамъ, то только вслѣдствіе высокаго умственнаго и культурнаго уровня самого военнаго класса. Общая культурная атмосфера нѣмецкой жизни не допускаетъ ни произвола, ни незнанія при обсужденіи серьезныхъ правительственныхъ дѣлъ; мнѣнія компетентныхъ людей, указанія науки и опыта служатъ всегда необходимымъ матеріаломъ для администраціи, кто бы ни стоялъ во главѣ ея. Исключительное значеніе военнаго мундира выражается во многихъ особенностяхъ государственнаго и общественнаго быта Пруссіи. Бывшій канцлеръ, дипломатъ по профессіи, всегда показывался въ своемъ кирасирскомъ мундирѣ, получалъ военные чины и на прощаніе, въ

Digitized by Google

видѣ высшей награды, возведенъ былъ въ генералы; по этому поводу ему приписываютъ замѣчаніе, что императоръ устроилъ оригинальное chassé croisé, сдѣлавъ генерала канцлеромъ, а канцлера—генераломъ. Но дѣло въ томъ, что генералъ Каприви нуженъ былъ больше для внѣшняго представительства, чѣмъ для исполненія самостоятельной политической роли, и это признано имъ публично, съ полною откровенностью, въ упомянутой первой рѣчи въ прусской палатѣ депутатовъ. Независимо отъ того традиціоннаго обаянія, которое составляетъ удѣлъ высшихъ представителей арміи въ глазахъ большинства населенія, военный дѣятель могъ быть избранъ для занятія канцлерскаго поста еще по другимъ причинамъ. Никто изъ современныхъ парламентскихъ дѣятелей Германіи не пользуется такимъ авторитетомъ и популярностью въ странѣ, чтобы считаться подходящимъ преемникомъ князя Бисмарка, а произвольный выборъ кандидата означалъ бы въ то же время избраніе опредѣленной политической программы, которой могла бы сочувствовать только извѣстная часть парламента. Беннигсенъ и Микель, имена которыхъ часто упоминались во время канцлерскаго кризиса, принадлежатъ къ національно-либеральной партіи, потерпѣвшей наибольшее крушеніе во время выборовъ 20 февраля, и слѣдовательно о назначеніи ихъ не могло быть и рѣчи. Другіе возможные кандидаты, какъ напримѣръ министръ Беттихеръ, связаны своимъ прошлымъ, а сохранить бисмарковскую школу безъ ея главы, въ видѣ простой рутины, не было очевидно никакого разсчета. Генералъ, стоящій въ сторонѣ отъ политики, совмѣщаетъ въ себѣ преимущества свободнаго, безразличнаго отношенія къ политическимъ партіямъ и нѣкотораго личнаго авторитета, связаннаго съ военнымъ рангомъ. Сдѣлавшись имперскимъ канцлеромъ и прусскимъ министромъ-президентомъ, генералъ Каприви вовсе не берется за рѣшеніе вопросовъ, не входящихъ въ кругъ его спеціальности, но, напротивъ, прямо заявляетъ, что отдѣльнымъ вѣдомствамъ будетъ предоставленъ бо̀льшій просторъ, что начало коллегіальности вновь получитъ силу въ министерствѣ, и что онъ, канцлеръ, нисколько не претендуетъ на самостоятельное руководство дѣлами политики.

Въ одной изъ бывшихъ оффиціозныхъ газетъ замѣчено было, что слова Каприви о неподготовленности его къ политической дѣятельности могли только уронить и безъ того незначительный престижъ новаго канцлера. Авторы такихъ замѣчаній всегда исходятъ изъ того предположенія, что публика—малый ребенокъ, отъ котораго слѣдуетъ скрывать вещи, извѣстныя всѣмъ взрослымъ людямъ. Публику никакъ нельзя было бы увѣрить въ томъ, что командованіе армейскимъ корпусомъ даетъ человѣку подготовку къ обсужденію и рѣшенію вопро-

Digitized by Google

совъ внутренней и внѣшней политики въ государствѣ. Еслибы генералъ Каприви, ради своего престижа, заговорилъ объ этихъ предметахъ съ видомъ знатока, то уваженіе къ его характеру сразу упало бы весьма значительно; всѣ подумали бы про него, хотя, вѣроятно, и не высказали бы публично, что онъ обнаруживаетъ непростительное легкомысліе и самоувѣренность, и что съ такими качествами онъ едва ли будетъ полезнымъ министромъ. Люди, обращающіе главное вниманіе на внѣшній престижъ, строятъ свои соображенія на пескѣ; престижъ не имѣетъ никакого смысла безъ общаго довѣрія и уваженія, а довѣріе и уваженіе подрываются недостаткомъ правдивости, желаніемъ приписать себѣ то, чего нѣтъ. Искренность и прямота завоевываютъ симпатіи, безъ всякихъ усилій, а извилистое лицемѣріе, соединенное съ ложнымъ самомнѣніемъ, не поддержитъ авторитета и не создастъ престижа. Нѣтъ ничего легче, какъ пускать пыль въ глаза публикѣ туманнымъ подобіемъ глубокомыслія и знанія; но общество, состоящее изъ взрослыхъ людей, всегда съумѣетъ отличить фальшивую маску отъ дѣйствительной правды. Множество недоразумѣній происходитъ именно оттого, что взрослые люди принимаются за дѣтей, неспособныхъ имѣть свои собственныя сужденія о вещахъ и лицахъ. Такъ какъ генералъ Каприви не имѣлъ основанія считать нѣмецкую образованную публику столь простодушною и довѣрчивою, то онъ и не пытался изобразить изъ себя настоящаго государственнаго дѣятеля съ опредѣленными задачами и планами, а взялъ тонъ болѣе скромный и сердечный, соотвѣтствующій дѣйствительному его убѣжденію. Престижъ не только не пострадалъ отъ этого, а напротивъ возвысился, ибо всѣ видятъ, что новый канцлеръ вполнѣ сознаетъ трудность и важность своей роли. Трудность облегчается тѣмъ, что отдѣльныя вѣдомства прусскаго и имперскаго управленія находятся въ солидныхъ рукахъ и что вообще номинальный министръ-президентъ и канцлеръ окруженъ весьма свѣдущими и опытными помощниками. Какъ извѣстно уже изъ газетъ, вѣдомство иностранныхъ дѣлъ имперіи поручено Маршаллю фонъ-Биберштейну, имѣющему репутацію весьма осторожнаго и умнаго дипломата. Этому дипломату выпало на долю очистить политическія сношенія отъ непріятныхъ примѣсей, внесенныхъ заносчивостью и раздражительностью графа Герберта Бисмарка. Послѣдній слишкомъ много заботился объ искусственномъ „престижѣ“, и потому паденіе его привѣтствовалось съ восторгомъ всѣми независимыми органами нѣмецкой печати. Если такія назойливыя заботы о престижѣ перестанутъ тревожить общественное мнѣніе Германіи, то это будетъ большая заслуга новыхъ людей, призванныхъ замѣнить князя Бисмарка и его единомышленниковъ.

Digitized by Google

Впрочемъ, въ международной политикѣ вообще настало затишье въ настоящее время, ибо главный интересъ все болѣе сосредоточивается въ рабочемъ движеніи, разростающемся въ Европѣ съ поразительною силою за послѣдніе мѣсяцы. Международная рабочая конференція, засѣдавшая въ Берлинѣ и окончившая свои занятія въ концѣ марта (н. ст.), обсудила цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію условій работы, преимущественно для малолѣтнихъ и для женщинъ. Пожеланія, формулированныя конференціею, не имѣютъ, конечно, непосредственной обязательной силы; но тѣмъ не менѣе нужно признать за ними громадное практическое значеніе, и притомъ двоякое. Во первыхъ, мѣры, рекомендуемыя оффиціальнымъ международнымъ съѣздомъ, являются уже не односторонними требованіями самихъ рабочихъ, которыя могутъ быть отвергнуты фабрикантомъ, а входятъ уже въ общее сознаніе, какъ требованія правъ, соблюденіе которыхъ нравственно обязательно для хозяевъ. Во-вторыхъ, самая попытка международнаго соглашенія правительствъ для охраны рабочихъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи должна быть признана несомнѣннымъ тріумфомъ для рабочаго класса. Въ оффиціальныхъ мотивахъ къ проекту созванія конференціи указано было, между прочимъ, на международныя соглашенія самихъ рабочихъ, какъ на прецедентъ, заслуживающій вниманія; это было прямое подтвержденіе того факта, что рабочій классъ сталъ международною политическою силою, съ которою вынуждены считаться могущественныя державы западной Европы. Германская имперія, созывая конференцію въ пользу рабочихъ, какъ будто слѣдуетъ примѣру новой международной силы, устраивающей свои періодическіе съѣзды, и ссылается на послѣдніе, какъ на поучительный для себя прецедентъ. Бо̀льшаго успѣха не могли ожидать сами рабочіе классы. Такое начало обѣщаетъ много впереди, и широкія надежды все сильнѣе увлекаютъ умы трудящихся населеній.

Въ разныхъ мѣстахъ Германіи и Австро-Венгріи возбужденіе усиливается промышленнымъ кризисомъ, недостаткомъ работы или слабою нормою рабочей платы. Особенно сильно чувствуется этотъ кризисъ въ Австріи, и прежде всего въ Моравіи и Галиціи. Въ самой Вѣнѣ дѣло дошло до кровавыхъ уличныхъ столкновеній (8 апрѣля н. ст.); рабочія предмѣстья столицы сдѣлались театромъ насилій и грабежей, прекращенныхъ только оружіемъ;—были при этомъ и убитые и раненые. Значительныя массы рабочихъ пріостановили работы въ Моравіи и Чехіи; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произошли кровопролитныя схватки вслѣдствіе вмѣшательства войска; такъ, въ мѣстечкахъ Бяла и Липникъ, 23-го апрѣля, осталось на мѣстѣ одиннадцать человѣкъ убитыхъ и много раненыхъ, изъ которыхъ до десяти умерло на другой же день. Положеніе рабочихъ должно быть крайне пе-

Digitized by Google

чально, если они рѣшаются подвергать себя такимъ военнымъ экзекуціямъ; многія сотни людей—если вѣрить корреспонденту „Berliner Tageblatt"—собирались по улицамъ Львова и толпились передъ домомъ намѣстника съ криками: „дайте намъ работы, мы голодаемъ!" Употреблять военную силу противъ бѣдствующихъ рабочихъ, даже въ томъ случаѣ, если они не внемлютъ первымъ призывамъ и не расходятся по первому требованію,—это, очевидно, ненужная и напрасная жестокость; люди нуждающіеся и обдѣленные судьбою, легко успокоились бы, еслибы къ нимъ отнеслись по-человѣчески; не трудно разогнать ихъ оружіемъ, цѣною нѣкоторыхъ жертвъ, но эта грубая внѣшняя мѣра, далеко не всегда вызываемая крайнею необходимостью, оставляетъ въ ихъ душѣ озлобленіе противъ государства и дѣлаетъ ихъ рѣшительными врагами всего общественнаго строя. На примѣрѣ австрійскихъ рабочихъ можно видѣть, какъ много значитъ организація: рабочій классъ въ Австріи дѣйствуетъ врозь, по районамъ промышленности, безъ всякаго единства и плана, тогда какъ въ Германіи рабочіе имѣютъ своихъ признанныхъ руководителей и составляютъ организованную силу; поэтому нѣмецкіе рабочіе старательно избѣгаютъ поводовъ къ вооруженному вмѣшательству арміи и дѣйствуютъ внушительно и цѣлесообразно въ предѣлахъ законности, вслѣдствіе чего и начинаютъ играть активную политическую роль, тогда какъ въ Австріи рабочіе, по недостатку общей организаціи, впадаютъ въ излишества и безпорядки, вызываютъ противъ себя крутыя мѣры и побѣждаются отдѣльными отрядами войскъ.

Единство и прочность организаціи—великое преимущество нѣмецкихъ рабочихъ предъ австрійскими, а также французскими. Значеніе этого преимущества чувствуется нѣмецкою демократіею на каждомъ шагу. Какъ общія, такъ и частныя движенія нѣмецкихъ рабочихъ имѣютъ характеръ стройности и послѣдовательности. Любопытное примѣненіе международнаго способа рабочихъ демонстрацій представляетъ попытка повсемѣстнаго празднованія 1-го мая въ разныхъ государствахъ Европы, согласно рѣшенію прошлогодняго соціалистическаго конгресса въ Парижѣ. На этомъ конгрессѣ, происходившемъ во время всемірной выставки, при участіи около ста нѣмецкихъ делегатовъ, постановлено было, между прочимъ, „произвести большую единодушную манифестацію рабочихъ всѣхъ странъ и устроить дѣло, такимъ образомъ, чтобы въ одинъ условленный день рабочіе во всѣхъ государствахъ и повсемѣстно обратились къ представителямъ господствующихъ классовъ съ требованіемъ объ ограниченіи законной продолжительности рабочаго дня восемью часами, а такъ какъ конгрессъ американской рабочей федераціи 1888 года назначилъ подобную же манифестацію на 1-ое мая 1890 года, то этотъ же день избирается

Digitized by Google

для международной манифестаціи, которая должна быть устроена рабочими каждой страны въ предѣлахъ и формахъ, допускаемыхъ ея законами и обстоятельствами". Это рѣшеніе почти въ одинаковой формѣ принято было обоими парижскими собраніями соціалистовъ — марксистами и поссибилистами. Толки о празднествѣ 1-го мая становились все серьезнѣе съ первыхъ чиселъ апрѣля, по мѣрѣ приближенія назначеннаго срока; они получили въ части европейской печати даже какой-то зловѣщій характеръ, подъ вліяніемъ рабочихъ волненій и забастовокъ въ Австро-Венгріи. Рабочіе повсюду готовились пріостановить работы на 1-ое мая; хозяева и фабриканты заранѣе заявляли, что будутъ считать такую пріостановку произвольнымъ нарушеніемъ договора. Предвидѣлись столкновенія и замѣшательства, самая повсемѣстность которыхъ пугала воображеніе верхнихъ слоевъ общества. Представители соціаль-демократіи въ имперскомъ сеймѣ собрались на совѣщаніе въ Галле (13-го апрѣля, н. ст.) и рѣшили обнародовать свое „воззваніе къ работникамъ и работницамъ Германіи". Въ этомъ воззваніи объясняется, что предположенная манифестація вовсе не требуетъ непремѣнно пріостановки работъ въ назначенный день, что такая пріостановка не могла бы состояться повсемѣстно при существующихъ условіяхъ, и что она привела бы къ серьезнымъ столкновеніямъ съ государственною властью, на которыя только и разсчитываютъ враги рабочаго класса. Предводители соціаль-демократіи совѣтовали ограничиться устройствомъ рабочихъ собраній, рабочихъ празднествъ и другихъ подобныхъ сходбищъ, на которыхъ принимались бы постановленія въ пользу восьмичасового рабочаго дня и международной охраны рабочихъ. Пріостановка допускается только тамъ, гдѣ она можетъ осуществиться мирнымъ способомъ, безъ всякихъ конфликтовъ. Далѣе рабочимъ предлагается собирать подписи къ петиціямъ на имя имперскаго сейма о тѣхъ же требованіяхъ, выраженныхъ соціалистическимъ конгрессомъ въ Парижѣ; къ воззванію приложенъ также образецъ по возможности однородныхъ рѣшеній рабочихъ собраній, вмѣстѣ съ текстомъ главныхъ пунктовъ программы, принятой парижскимъ конгрессомъ. Въ заключеніе выражается увѣренность, что рабочіе съумѣютъ держаться разумнаго образа дѣйствій, которому они обязаны своимъ торжествомъ на выборахъ 20-го февраля.

Воззваніе парламентскихъ представителей нѣмецкой рабочей демократіи должно было произвести отрезвляющее впечатлѣніе на всѣхъ вообще рабочихъ, не въ одной Германіи; оно было принято къ свѣденію и въ другихъ странахъ западной Европы, такъ какъ рабочее движеніе дѣйствительно получило вполнѣ международный характеръ, и признанные вожди нѣмецкихъ соціаль-демократовъ пріобрѣли какъ бы международный авторитетъ въ области подобныхъ общихъ вопро-

Digitized by Google

совъ, по отсутствію соотвѣтственной организаціи въ другихъ государствахъ материка. Какъ видно изъ послѣднихъ телеграфныхъ извѣстій отъ 1-го мая (19 апрѣля), этотъ день повсюду въ Европѣ прошелъ совершенно спокойно, безъ всякихъ волненій и замѣшательствъ. Предполагаемыя всеобщія забастовки рабочихъ не состоялись, и только незначительныя рабочія силы отступили отъ даннаго имъ совѣта, пріостановивъ работы и устроивъ настоящій мирный праздникъ на цѣлый день. Что массы рабочихъ соблюдали при этомъ полный порядокъ и не оправдали ни одного изъ опасеній, высказанныхъ раньше въ печати,—это свидѣтельствуетъ не только о благоразуміи и самообладаніи рабочей демократіи, но и объ ея сознательномъ политическомъ духѣ и о важномъ значеніи ея организованнаго представительства. Рабочіе классы въ западной Европѣ довершаютъ свое политическое воспитаніе на нашихъ глазахъ, и по мѣрѣ ихъ политическаго роста увеличиваются также шансы ихъ въ экономической борьбѣ съ капиталистами и хозяевами. Правительства уже далеко не всегда считаютъ себя обязанными охранять только послѣднихъ; все больше и чаще общественное сочувствіе склоняется на сторону рабочихъ, и это внимательное отношеніе къ ихъ интересамъ и требованіямъ несомнѣнно подкрѣпляется умѣреннымъ и цѣлесообразнымъ образомъ дѣйствій самихъ рабочихъ, особенно въ Германіи.

Можно держаться какихъ угодно взглядовъ на борьбу національностей въ Австро-Венгріи; но мотивы и цѣли этой борьбы всѣмъ понятны, и никто не станетъ отрицать ихъ нравственное значеніе. Но что сказать о борьбѣ и антагонизмѣ различныхъ политическихъ партій внутри тѣхъ именно австрійскихъ народностей, которыя стремятся къ политической самостоятельности и свободѣ? Чѣмъ объяснить и оправдать ожесточенную вражду между старочехами и младочехами, одинаково проникнутыми чешскимъ патріотизмомъ и одинаково желающими возстановленія историческаго государственнаго права чешскаго королевства? Эта взаимная ненависть двухъ партій, если судить по внѣшнимъ признакамъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ вражда каждой изъ нихъ въ отдѣльности къ нѣмцамъ или мадьярамъ. Чешскія газеты никогда не говорятъ о нѣмцахъ или венгерцахъ въ такомъ рѣзкомъ, презрительномъ и негодующемъ тонѣ, въ какомъ пражская „Politik“, органъ Ригера, постоянно отзывается о младочехахъ.

Пока младочехи составляли еще ничтожную группу, нарушавшую единство политической организаціи чешскихъ патріотовъ, до тѣхъ поръ могли считаться вполнѣ естественными протесты и раздраженіе старыхъ національныхъ вождей противъ зачинщиковъ раскола. Но послѣ того, какъ младочехи составили многочисленную самостоятель-

Digitized by Google

ную группу въ чешскомъ сеймѣ и достигли громадныхъ успѣховъ на выборахъ прошлаго года (3 іюля н. ст.), является совершенно непонятнымъ рѣшительное отрицаніе права этой партіи говорить отъ имени чешской народности и охранять ея интересы по своему крайнему разумѣнію, подобно старочехамъ. А между тѣмъ такое отрицаніе сквозитъ въ каждой строчкѣ газеты „Politik" по поводу младочеховъ; оно выражается уже въ томъ, что старочехи только однихъ себя причисляютъ къ „національной партіи", а младочеховъ разсматриваютъ просто какъ враговъ, которыхъ надо устранить или ослабить во что бы то ни стало. Недавно, въ одномъ изъ округовъ Чехіи, происходили частные выборы въ австрійскій парламентъ, и побѣда осталась за младочешскимъ кандидатомъ Шпиндлеромъ. Газета „Politik" говоритъ объ этомъ фактѣ въ такихъ выраженіяхъ, точно дѣло идетъ о крупномъ несчастіи для всего чешскаго народа; она говоритъ о „пораженіи національной партіи" (т.-е. старочеховъ), о торжествѣ страсти надъ разумомъ въ большинствѣ избирателей округа, о прискорбной „потерѣ этого округа для національной партіи" и т. п. При этомъ подразумѣвается само собою, что „разумъ" долженъ былъ побудить избирателей подавать голоса за кандидата старочеховъ, Тоннера, и что одно только ослѣпленіе страсти могло склонить мѣстныхъ обывателей въ пользу его счастливаго соперника, Шпиндлера. Подобныя явныя натяжки не заключали бы въ себѣ ничего особеннаго, еслибы онѣ высказывались только въ разгарѣ избирательнаго движенія или во время усиленной газетной полемики; но онѣ повторяются въ разныхъ формахъ постоянно, въ теченіе цѣлаго года, по всякимъ поводамъ и безъ всякаго повода, и никакихъ примирительныхъ нотъ почти не раздается среди этихъ непонятныхъ взрывовъ вражды.

Старочешская партія, называющая себя просто „національною" и этимъ какъ бы исключающая своихъ соперниковъ изъ состава законнаго представительства національныхъ интересовъ Чехіи, не можетъ не видѣть, что чешскій народъ совершенно не раздѣляетъ ея односторонней и узкой точки зрѣнія, что онъ все болѣе переходитъ на сторону младочеховъ и нисколько не расположенъ признать старочешскихъ дѣятелей монопольными обладателями чешскаго патріотизма, чешскаго „разума" и чувства. Результатъ выборовъ 16-го апрѣля (н. ст.) не только ни въ чемъ не убѣдилъ газету „Politik", но заставилъ ее даже усомниться въ умственной состоятельности гражданъ, не послѣдовавшихъ увѣщаніямъ и доводамъ старочеховъ. Вотъ до чего доходитъ ослѣпленіе людей, дѣйствовавшихъ прежде и продолжающихъ понынѣ дѣйствовать во имя національной свободы и національнаго самоуправленія Чехіи! Вѣнскіе централисты имѣли бы полное право сослаться на эти печальныя признанія старочешскихъ

Digitized by Google

патріотовъ и предложить свои услуги для отнятія избирательныхъ правъ у населенія, политическая зрѣлость котораго столь рѣзко отрицается авторитетнымъ свидѣтельствомъ газеты Ригера. Считать компетентными патріотами только тѣхъ, кто согласенъ съ нами, а противниковъ объявлять зловредными нарушителями общественнаго мира, —это пріемъ наивнѣйшій, хотя и крайне популярный и, вѣроятно, дѣйствительный. Но пользоваться такими пріемами не подобало бы борцамъ чешской свободы противъ своихъ же братьевъ чеховъ, стремящихся къ той же цѣли нѣсколько другими путями. Внутренній разладъ ослабляетъ національныя силы и не даетъ имъ успѣшно противостоять нѣмецкимъ требованіямъ, имѣющимъ сильную точку опоры въ вѣнскихъ вліятельныхъ и отчасти правительственныхъ сферахъ. Эти соображенія „внѣшней" политики должны были прежде всего побудить господствующую еще понынѣ партію старочеховъ устроить какой-нибудь компромиссъ съ подгоняющими ее младочехами или, по крайней мѣрѣ, стремиться къ такому компромиссу, тѣмъ болѣе, что значительныхъ принципіальныхъ разногласій почти не существуетъ между обѣими партіями.

Вмѣсто исканія почвы для соглашенія, старочехи высказали поразительное пренебреженіе къ законнымъ правамъ своихъ соперниковъ по чешскому патріотизму: они взялись установить основы соглашенія съ представителями нѣмецкихъ округовъ Чехіи и для этой цѣли приняли участіе въ вѣнскихъ совѣщаніяхъ (4—19 января, н. ст.) подъ предсѣдательствомъ графа Таафе, причемъ совершенно игнорировали существованіе младочеховъ и дѣйствовали отъ имени чешской національности, въ качествѣ единственныхъ законныхъ ея представителей. Правда, старочешскіе депутаты Ригеръ, Маттушъ и Цейтгаммеръ были приглашены на вѣнскія конференціи лично, а не какъ уполномоченные чешскаго народа; они заявляли въ свое время объ этомъ недостаткѣ полномочій и оговаривались заранѣе, что рѣшенія могутъ быть приняты ими только предварительно, въ ожиданіи позднѣйшей ратификаціи со стороны остальныхъ чешскихъ депутатовъ. Но очевидно, участіе однихъ старочеховъ въ обсужденіи общаго національнаго дѣла Чехіи, съ полнымъ устраненіемъ многочисленной и весьма популярной младочешской группы, было несогласно съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей и съ общепринятыми парламентскими обычаями. Ригеръ не могъ даже предварительно соглашаться или не соглашаться на уступки отъ имени чешской національности, безъ привлеченія къ дѣлу депутатовъ другой чешской партіи, раздѣляющей съ старочехами національное представительство Чехіи. Легко было предвидѣть, какъ отнесутся къ состоявшемуся соглашенію обойденные младочехи, и какое сильное оружіе доставитъ имъ этотъ странный поступокъ Ригера и его единомышленниковъ. Газета „Politik"

Digitized by Google

теперь возмущается по поводу явныхъ преувеличеній и выдумокъ младочешской печати; но какъ ни несправедливы оскорбительныя личныя нападки на заслуженныхъ патріотовъ, въ родѣ Ригера, тѣмъ не менѣе трудно отрицать, что въ заявленіяхъ и жалобахъ младочеховъ есть большая доля правды.

Вѣнское предварительное соглашеніе должно было служить предметомъ окончательнаго обсужденія на вторичной конференціи, созванной въ Вѣнѣ, на 14 апрѣля, при участіи депутатовъ чешскаго сейма и заинтересованныхъ группъ австрійскаго рейхсрата. До самаго отъѣзда чешскихъ представителей въ Вѣну, т.-е. отъ второй половины января до первой половины апрѣля, не было сдѣлано даже ни одной серьезной попытки подготовить соглашеніе между обѣими партіями по данному вопросу, такъ что разладъ остается полный. За два дня до срока предсѣдатель младочешскаго клуба, профессоръ Тишлеръ, обратился къ Ригеру съ краснорѣчивымъ и горячимъ письмомъ, въ которомъ указывалъ на пагубность проектированной чешско-нѣмецкой сдѣлки и предлагалъ обсудить ее сообща въ собраніи уполномоченныхъ отъ обѣихъ партій передъ отъѣздомъ на конференцію въ Вѣну. Ригеръ отвѣтилъ длиннымъ и довольно колкимъ посланіемъ, въ которомъ прежде всего выразилъ удивленіе столь позднему заявленію о совмѣстномъ совѣщаніи, когда нѣтъ уже физической возможности собраться и обсудить сложный проектъ соглашенія. Для посторонняго наблюдателя казалось бы болѣе логичнымъ признать, что Ригеръ, одобрившій предварительную сдѣлку съ нѣмцами, обязанъ былъ самъ предложить младочехамъ обсудить проектъ сообща, не дожидаясь перваго шага съ ихъ стороны. О самомъ соглашеніи съ нѣмцами мы будемъ еще имѣть случай говорить, когда оно станетъ оффиціально совершившимся фактомъ и перейдетъ въ законодательство; теперь замѣтимъ только, что принятый въ Вѣнѣ проектъ вполнѣ освящаетъ національную двойственность въ Чехіи и вноситъ эту двойственность въ организацію мѣстныхъ учрежденій, учебныхъ, народно-хозяйственныхъ, торговыхъ, судебныхъ и избирательныхъ. Мы не можемъ судить, насколько необходимо было это точное разграниченіе чешскаго и нѣмецкаго элементовъ по всѣмъ вѣдомствамъ администраціи, суда и самоуправленія; но для возрождающейся народности, имѣющей предъ собою будущее, такое разграниченіе всегда невыгодно: оно только закрѣпляетъ послѣдствія прежней правительственной германизаціи, превращавшей чеховъ въ нѣмцевъ, и мѣшаетъ естественному ходу національно-культурнаго процесса, несомнѣнно благопріятнаго теперь для чешскаго элемента въ Чехіи.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го мая, 1890.

— *Сочиненія Н. В. Гоголя.* Изданіе десятое. Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній Николаемъ Тихонравовымъ. Томъ II. М. 1890.

Выходомъ настоящаго тома заканчивается изданіе Гоголя, которое по мѣрѣ появленія отдѣльныхъ его томовъ мы постоянно отмѣчали въ Литературномъ Обозрѣніи, какъ первое изданіе Гоголя, исполненное по всѣмъ требованіямъ историко-литературной критики. Такого изданія давно не доставало: нужно было, наконецъ, привести въ извѣстность и правильно сопоставить весь тотъ матеріалъ, какой остался въ рукописяхъ Гоголя, принадлежащихъ его наслѣдникамъ или другимъ лицамъ, и извлечь изъ нихъ все то, что̀ можетъ служить къ исторіи текста его сочиненій. За послѣдніе годы въ историческихъ изданіяхъ появлялись объ этомъ отдѣльныя замѣтки и цѣлые тексты нѣкоторыхъ произведеній Гоголя; однажды явился даже, какъ послѣ оказалось, апокрифическій текстъ второй части „Мертвыхъ Душъ"; въ рукахъ наслѣдниковъ находились многія рукописи, которыми не пользовалась еще историческая критика. Наконецъ, вся эта масса матеріала была собрана и обработана въ настоящемъ изданіи. Говоря о прежнихъ томахъ его, мы имѣли уже случай указывать, какой громадный трудъ долженъ былъ быть совершенъ для того, чтобы собрать массу крупныхъ и мелкихъ варіантовъ, чтобы возстановить, гдѣ къ тому представлялся матеріалъ, исторію текста, т.-е. исторію самой работы Гоголя. Въ настоящемъ томѣ помѣщены: повѣсти „Носъ", „Портретъ", „Шинель", „Коляска", „Римъ" и въ приложеніи отрывки изъ первоначальныхъ редакцій повѣсти „Шинель"; далѣе „Ревизоръ", и въ приложеніи нѣсколько сценъ, представляющихъ варіанты, и другихъ пьесъ, относящихся къ „Ревизору"; затѣмъ „Женитьба", драматическіе отрывки и отдѣльныя сцены, и въ приложеніи „Дядька въ затруднительномъ положеніи",

Digitized by Google

комедія Джіованни Жиро, переводъ съ итальянскаго подъ редакціею Гоголя. Эта послѣдняя пьеса была однажды издана въ „Извѣстіяхъ“ нѣжинскаго историко-филологическаго института, а здѣсь напечатана по другой рукописи, представляющей нѣкоторыя отличія. Въ примѣчаніяхъ редактора къ настоящему тому (занимающихъ вмѣстѣ съ варіантами стр. 565—813) собраны, какъ прежде, всѣ данныя для исторіи написанія каждой пьесы.

Какъ мы слышали, предполагается впослѣдствіи изданіе еще одного дополнительнаго тома, куда войдутъ еще нѣкоторые матеріалы, открывающіеся въ рукописяхъ Гоголя.

Мы уже говорили прежде, какимъ драгоцѣннымъ вкладомъ для изученія Гоголя является это изданіе, исполненное съ такой полнотой и съ такимъ внимательнымъ изслѣдованіемъ матеріаловъ.

— *Бѣлоруссія и Литва.* Историческія судьбы сѣверо-западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. Съ одной хромолитографіей, 99 гравюрами и картой Спб. 1890.

Въ предисловіи къ книгѣ говорится, что въ настоящемъ изданіи „заканчивается трудъ, возложенный Высочайшею волею на издателя въ отношеніи составленія историческихъ очерковъ, касающихся судебъ нашихъ сѣверо и юго-западныхъ окраинъ, за исключеніемъ Подоліи и Бессарабіи, ожидающихъ еще своего описанія“.

Начало трудовъ по изслѣдованію сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, производившихся подъ надзоромъ П. Н. Батюшкова, восходитъ къ концу пятидесятыхъ и началу шестидесятыхъ годовъ. „Въ концѣ 50-хъ годовъ ни въ одномъ центральномъ учрежденіи имперіи не имѣлось точныхъ свѣденій по статистикѣ и этнографіи западныхъ губерній Россіи“. Имѣлись только польскія свѣденія, тенденціозныя и недостовѣрныя, которыя были столь распространены, что „даже многія находившіяся на службѣ по разнымъ вѣдомствамъ лица подчинялись безсознательно вліянію польскихъ идей, дѣйствуя въ раіонѣ возложенныхъ на нихъ обязанностей, во вредъ государственнымъ интересамъ“. Въ это время имп. Александръ II обратилъ вниманіе на прискорбное состояніе православныхъ церквей въ имѣніяхъ польскихъ помѣщиковъ и повелѣлъ приступить къ поддержкѣ и возобновленію церквей на казенныя средства. Для этого требовалось предварительное обозрѣніе православныхъ храмовъ и опредѣленіе числа прихожанъ, что̀ и было поручено г. Батюшкову. Для собранія этихъ свѣденій, въ разныя губерніи западнаго края посланы были отъ министерства внутреннихъ дѣлъ офицеры генеральнаго штаба и на основаніи собранныхъ ими данныхъ составленъ

Digitized by Google

былъ атласъ западныхъ губерній по вѣроисповѣданіямъ и національностямъ, г. Риттиха (1863). При этомъ изслѣдованіи найдено было много остатковъ исторической древности изъ тѣхъ временъ, когда въ этомъ краѣ велась еще первоначальная русская жизнь. Эти остатки старины были переданы въ рисункахъ и описаны въ „Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ", гдѣ къ изображеніямъ памятниковъ прибавлялся объяснительный историческій текстъ. Но дорогое изданіе „Памятниковъ" не могло сдѣлаться общедоступнымъ, и потому, какъ говоритъ предисловіе, министерство внутреннихъ дѣлъ приступило къ болѣе дешевому изданію, предназначенному преимущественно для руководства учителей народныхъ школъ и вообще для широкаго распространенія на западѣ Россіи. Въ 1887—1889 г. изданы были двѣ популярныя книги: „Холмская Русь" и „Волынь" и по той же программѣ издана теперь книга о „Бѣлоруссіи и Литвѣ". Книга состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: „Первый заключаетъ въ себѣ историческій очеркъ обѣихъ смежныхъ странъ, разнородныхъ по племени и языку, но сходныхъ между собою по вѣрованіямъ, обычаямъ и одинаковому тяготѣнію къ великому отечеству нашему — Россіи. Съ XIV в. онѣ слились въ одно государство—Литовско-Русское, которое во второй половинѣ XVI в. было поглощено Польшею и оставалось во власти ея до окончательнаго возсоединенія съ имперіею въ 1772—1795 г. Этотъ очеркъ принадлежитъ талантливому перу профессора кіевской духовной академіи Н. И. Петрова, при сотрудничествѣ профессора той же академіи, И. И. Малышевскаго.

„Профессоръ Петровъ, по просьбѣ издателя, посѣтилъ многіе города, монастыри и храмы сѣверо-западнаго края, и внесъ нынѣ немаловажный вкладъ въ историческую науку, представивъ въ живомъ и сжатомъ разсказѣ, на основаніи документальныхъ данныхъ и личныхъ изслѣдованій и наблюденій, бытописаніе изслѣдованной имъ страны".

Во второмъ отдѣлѣ, составленномъ г. Городецкимъ, помѣщены объясненія къ рисункамъ, на которыхъ изображены мѣстности, памятники древности, замѣчательныя зданія и портреты.

Книга даетъ популярное чтеніе для тѣхъ, кто желалъ бы ознакомиться съ исторіею Бѣлоруссіи и Литвы въ ихъ отношеніяхъ къ русскому государству. Изслѣдованій документальныхъ, о которыхъ говоритъ предисловіе, здѣсь не много: главное основаніе книги не въ первыхъ источникахъ, а въ новѣйшей исторической литературѣ, какъ сочиненія И. Д. Бѣляева, Чистовича, Кояловича, Антоновича, К.-Рюмина, Васильевскаго и пр., отчасти польскихъ историковъ, какъ Балинскій; относительно литовскаго племени авторъ не называетъ никакихъ болѣе спеціальныхъ изслѣдованій. Для книги популярной

Digitized by Google

пожалуй, могло бы и не требоваться болѣе. Можно пожалѣть о другомъ. Эта книга, какъ и многія другія сочиненія въ этой области, написана въ полемическомъ тонѣ, который могъ быть понятенъ до извѣстной степени въ разгарѣ политической вражды, но могъ бы, кажется, смѣниться тономъ болѣе спокойнымъ, когда это время уже миновало. Полемическій тонъ имѣетъ почти всегда то неудобство, что граничитъ съ односторонностью. Въ настоящемъ случаѣ исторія Бѣлоруссіи и Литвы излагается исключительно съ точки зрѣнія политическихъ и церковныхъ отношеній и забывается сторона культурная: подчиненіе западной Руси и Литвы польскому вліянію является какъ бы только дѣломъ насилія, за которымъ съ теченіемъ исторіи должно было послѣдовать возмездіе. Очевидно, что на старыя времена переносится новѣйшій взглядъ: въ настоящее время происходитъ возстановленіе русскихъ національныхъ элементовъ и подавленіе вліяній польскихъ, и въ этомъ смыслѣ окрашивается старая исторія. Но дѣло въ томъ, что въ тѣ старыя времена дѣло складывалось иначе: западная Русь подчинялась польскому вліянію не вслѣдствіе одного политическаго давленія, но и вслѣдствіе извѣстныхъ культурныхъ воздѣйствій, которымъ русскія земли не только не противопоставляли достаточно сильнаго противовѣса, но къ которымъ, напротивъ, сами оказывали значительную податливость; притомъ отношенія литовско-польскія были еще особымъ факторомъ, который дѣйствовалъ независимо отъ русскихъ элементовъ и оказывалъ свое вліяніе. Эта податливость высшихъ классовъ русскаго населенія въ принятіи польскихъ обычаевъ, политическихъ нравовъ, языка и самого католицизма въ ущербъ интересамъ народной массы указываетъ опять, что причины польскаго преобладанія заключались не только во внѣшнемъ политическомъ насиліи, но и во внутреннихъ условіяхъ самого западно-русскаго быта. Безъ указанія на эти внутреннія условія, картина исторіи западной Руси очевидно окажется одностороняей, а потому и не совершенно точной. Между прочимъ, въ этой исторіи остается недостаточно выясненнымъ бытъ общественный: съ польскимъ владычествомъ соединялось вліяніе извѣстнаго образованія, котораго недоставало съ русской стороны, и послѣдняя для успѣшности борьбы должна была воспользоваться тѣмъ же оружіемъ; отсюда распространеніе православной школы по польско-католическому образцу, которая впослѣдствіи черезъ Кіевъ имѣла свое большое вліяніе въ самой московской Россіи; въ то же время основаніе церковныхъ братствъ, игравшихъ такую важную роль въ защитѣ православія, было спеціальною особенностью западной и южной Руси, неизвѣстною въ Москвѣ; наконецъ, польскіе нравы, въ теченіе столькихъ вѣковъ водворявшіеся въ западно-русской жизни, нало-

Digitized by Google

жили особый отпечатокъ на высшіе и средніе классы населенія, отчасти и на самый народъ, и если принять въ соображеніе, что западная Русь, безъ сомнѣнія, уже съ древнихъ временъ имѣла свои мѣстныя племенныя особенности, то въ результатѣ получается на западѣ особая разновидность русскаго племени, которая остается невыясненною въ историческихъ сочиненіяхъ, каково настоящее; остается также невыясненнымъ положеніе польскаго элемента въ западно-русской жизни въ настоящее время.

Отмѣтимъ одну неясность. Разсказывая (стр. 370) о дѣятельности М. Н. Муравьева въ западномъ краѣ послѣ подавленія возстанія, авторъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „независимо отъ дѣятельности П. Н. Батюшкова и даже отчасти *въ подрывъ* ей, М. Н. Муравьевъ испросилъ въ 1864 году отпускъ изъ государственнаго казначейства, собственно для церквей виленской, ковенской и гродненской губерній 500.000 руб., съ разсрочкою на 5 лѣтъ, заимствовалъ для той же цѣли изъ бывшихъ въ его распоряженіи суммъ и привлекъ къ дѣлу построенія и возобновленія православныхъ храмовъ и самихъ прихожанъ съ ихъ духовенствомъ“, и пр. Выше мы упоминали, что г. Батюшкову было дано передъ тѣмъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ именно порученіе заботиться о построеніи и обновленіи православныхъ церквей; когда *о томъ же* сталъ энергически заботиться и М. Н. Муравьевъ, это была только помощь тому же самому дѣлу, и непонятно, какъ это могло происходить „въ подрывъ“ дѣятельности г. Батюшкова.

— *Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II.* Часть I. Отдѣлы: администраціи, заселенія, военнаго дѣла, промышленности и налоговъ. Составилъ В. К. *Андріеевичъ.* Спб. 1887.

— *Сибирь въ царствованіе императрицы Екатерины II.* (Время съ 1762 по 1769 годъ). Часть II. Отдѣлы: горное дѣло, духовенство, лихоимство и общій очеркъ. Составилъ В. К. *Андріевичъ.* Одесса, 1889.

Сочиненіе г. Андріевича имѣетъ еще и другое заглавіе: „Историческій очеркъ Сибири“, гдѣ настоящія книги составляютъ 4-й и 5-й томы. Мы имѣли прежде случай говорить о первыхъ частяхъ сочиненія. Продолженіе исполняется съ тѣми же пріемами, какъ и начало. Главный источникъ, по которому написана книга, есть Полное Собраніе Законовъ; можно почти сказать, что книга г. Андріевича состоитъ изъ хронологическаго подбора статей изъ Полнаго Собранія по даннымъ рубрикамъ, съ очень немногими дополненіями изъ другихъ свѣденій. Въ предисловіи къ первой части авторъ настаиваетъ на необходимости писать исторію именно такимъ образомъ,

Digitized by Google

какъ пишетъ онъ самъ. Онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ „шаткости историческихъ свѣденій о Сибири“ изъ двухъ, трехъ статей, гдѣ нашелъ ошибки въ годахъ или ошибки (неизвѣстно, впрочемъ, дѣйствительныя или мнимыя) въ статистическихъ цифрахъ, и заключаетъ, что „указанныхъ фактовъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ необходимости обосновать сибирскую исторію на чемъ-нибудь болѣе достойномъ вѣры, чѣмъ тѣ свѣденія, которыя доставляются разными лѣтописями, записками, воспоминаніями отдѣльныхъ лицъ. Всѣ подобные документы могутъ служить только подспорьемъ, но отнюдь не основной канвой и не должны быть принимаемы къ свѣденію безъ предварительной критики. Разсчитывать на архивы сибирскихъ городовъ также нельзя, такъ какъ они всѣ горѣли и нѣкоторые даже по нѣскольку разъ, причемъ красноярскіе и иркутскіе архивы послѣдній разъ горѣли въ 1880 и 1879 годахъ (городскіе архивы могутъ пригодиться только при составленіи исторіи Сибири за XIX столѣтіе). Такимъ образомъ, единственнымъ солиднымъ основаніемъ можетъ служить только Полное Собраніе Законовъ, которое уже никоимъ образомъ нельзя признать невѣрнымъ“. Что Полное Собраніе составляетъ важный историческій источникъ, это, разумѣется, не подлежитъ спору, но чтобы оно было „единственнымъ“ солиднымъ историческимъ источникомъ и чтобы не были чрезвычайно важны записки и воспоминанія частныхъ лицъ, этого сказать нельзя; можно пожалѣть только, что для сибирской исторіи осталось этихъ частныхъ воспоминаній не больше, чѣмъ мы до сихъ поръ имѣемъ. Полное Собраніе чрезвычайно важно тѣмъ, что доставляетъ свѣденія о правительственныхъ мѣропріятіяхъ, но это будетъ только административная исторія, которая, какъ бы точно ни была изложена, не дастъ настоящей исторіи края. Начать съ того, что какой-либо документъ Полнаго Собранія указываетъ административную мѣру, но не даетъ никакого понятія о томъ, какъ она исполнялась; если въ прежнее время неисполненіе законовъ и вообще составляло язву русской административной и общественной жизни, то Сибирь въ особенности отличалась господствомъ самаго необузданнаго произвола тамошнихъ властей. Этотъ произволъ доходилъ до крайнихъ предѣловъ, до того, что правительство въ Петербургѣ было совершенно безсильно противъ страшныхъ злоупотребленій, совершавшихся въ далекомъ и громадномъ краѣ: извѣстно, что нѣкоторые изъ сибирскихъ правителей успѣвали даже прерывать всякія сношенія Сибири съ Петербургомъ, чтобы ничто не могло проникнуть туда мимо ихъ рукъ; грабежъ воеводъ и губернаторовъ достигалъ колоссальныхъ размѣровъ, самоуправство было обыкновеннымъ порядкомъ вещей. И такъ было не только въ XVIII столѣтіи, когда

Digitized by Google

при Петрѣ приговоромъ суда былъ казненъ одинъ изъ сибирскихъ губернаторовъ, но и въ началѣ XIX-го вѣка, когда ревизія Сперанскаго была вызвана невозможнымъ ходомъ сибирскихъ дѣлъ. Факты этой категоріи далеко не сполна попадали въ Полное Собраніе, а иногда и совсѣмъ не попадали, и въ этомъ случаѣ именно записки современниковъ могли бы стать источникомъ гораздо болѣе богатымъ, чѣмъ оффиціальные документы, гдѣ нерѣдко бывало въ бюрократическомъ интересѣ скрывать или прикрывать настоящую грубую сущность дѣла.

Въ изложеніи г. Андріевича мы получаемъ, какъ сказано, выборку изъ Полнаго Собранія по рубрикамъ, причемъ факты крупные и мелкіе, основныя мѣры и мелочи идутъ рядомъ безъ указанія ихъ практическаго значенія въ данную минуту и ихъ послѣдствій, и слѣдовательно безъ всякаго освѣщенія. Это освѣщеніе дается обыкновенно только мимо воли автора, когда послѣ извѣстнаго ряда фактовъ безобразное положеніе вещей доходило до высшаго правительства и вызывало рядъ суровыхъ мѣропріятій, которыя и давали ретроспективное объясненіе сибирской жизни. Любопытно, что въ оглавленіи второй части авторъ поставилъ рядомъ слѣдующія рубрики: „горное дѣло, духовенство, лихоимство",—какъ будто лихоимство было тоже особое вѣдомство или особая забота сибирской административной дѣятельности.

Правда, авторъ считаетъ свою работу предварительнымъ очеркомъ, и настоящая исторія „могла бы появиться въ печати много позже".

Относительно „шаткости историческихъ свѣденій", въ которой авторъ, между прочимъ, упрекаетъ г. Ядринцева за неточную цифру инородцевъ въ прошломъ столѣтіи (у Ядринцева 186 т., въ Полномъ Собраніи 127 т. по счету г. Андріевича), нужно было бы, кажется, не простое обвиненіе въ „шаткости", а вопросъ, откуда взяты г. Ядринцевымъ его цифры; самъ авторъ сознается, на первой же страницѣ этого предисловія, что въ Сибири „о статистикѣ знаютъ развѣ по наслышкѣ"—въ нынѣшнемъ столѣтіи, а въ прошломъ знали, разумѣется, еще того менѣе.

Въ томъ же предисловіи г. Андріевичъ, указывая недостаточность имѣющихся свѣденій о Сибири, утверждаетъ, что обо всѣхъ вопросахъ государственной и общественной жизни Сибири наши газеты, и особливо сибирскія, разсуждаютъ только вкривь и вкось. Всѣмъ этимъ авторъ очень недоволенъ. Писать нужно „толково, дѣльно, сжато" и только о существенномъ. „А какъ существеннаго, къ тому же изслѣдованнаго, изученнаго, Сибирь представляетъ немного, интересы же многихъ лицъ требуютъ, чтобъ о сибирскихъ дѣлахъ говорили (?), и говорили бы какъ можно больше, то появленіе вопросовъ

Digitized by Google

и проектовъ о переустройствѣ края объясняется весьма просто" (?). Признаемся, что слова эти для насъ не совсѣмъ вразумительны. Передъ этимъ авторъ перечисляетъ вопросы, появленіе которыхъ въ печати кажется ему почти-что ненужнымъ: это „децентрализація, ссылки, переселенческій вопросъ, амурскіе промыслы, золотое дѣло, передвижныя школы, многотысячеверстная желѣзная дорога, поземельное устройство, судъ", и пр. Все это достаточно важные предметы, и притомъ, если нѣкоторые изъ нихъ, напр., хоть „золотое дѣло", составляютъ „интересъ многихъ", то другіе, какъ переселенія, ссылка, поземельное устройство, судъ, желѣзная дорога, несомнѣнно и чрезвычайно важны для всего сибирскаго населенія, для благосостоянія цѣлой страны. Повидимому, чѣмъ больше печать указываетъ на эти вопросы, безспорно важные для Сибири, тѣмъ больше соберется о нихъ свѣдѣній, а слѣдовательно и матеріала для самаго рѣшенія.

Самъ авторъ имѣетъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ свои мысли и, въ предисловіи къ Екатерининскому періоду сибирской исторіи, рѣшаетъ два немаловажные вопроса, а именно, доказываетъ ненужность сибирской желѣзной дороги и необходимость покинуть Уссурійскій край. Дорога будетъ только убыточна, а Владивостокъ не нуженъ ни въ экономическомъ, ни въ военномъ смыслѣ: онъ насъ только разоряетъ и мы держимся за него „единственно по той причинѣ, что этимъ мы препятствуемъ быстрому развитію промышленнаго преуспѣянія Манджуріи, которое бы могло сдѣлать ее опаснымъ для насъ сосѣдомъ". Со времени присоединенія Уссурійскаго края въ русской печати не было другой рѣчи о немъ, что это край богатый, который обѣщаетъ въ будущемъ большое культурное развитіе, что желательно направленіе туда переселеній и т. д. Теперь авторъ находитъ, что это совершенно напрасно, что край слишкомъ далекъ отъ центральной Сибири и приноситъ только убытокъ. Еслибы оказалось, что это дѣйствительно такъ, что край, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ будущаго—что дѣлать, надо бы послѣдовать совѣту г. Андріевича и покинуть этотъ край; но, къ удивленію, г. Андріевичъ этимъ совѣтомъ вовсе не ограничивается. Онъ разсуждаетъ: „Разумѣется, жалко разставаться съ милліонами рублей, затраченными на устройство порта и занятіе Уссурійскаго края, но было бы экономичнѣе и ближе къ цѣли бросить и то, и другое, войска перевести въ Забайкалье и *занять Манджурію*. Тогда порты на Восточномъ океанѣ сдѣлаются нашими въ силу неизбѣжной необходимости и не будутъ нуждаться въ искусственной агитаціи, чтобъ стать дѣйствительными портами, а не такимъ оранжерейнымъ продуктомъ, какъ Владивостокъ, для роста котораго нужно заселять край, держать въ странѣ много войскъ, быть ежеминутно въ готовности къ разрыву съ Китаемъ

Digitized by Google

и нести крупные ежегодные денежные расходы". Но если не ошибаемся, Манджурія принадлежитъ Китаю, который, вѣроятно, вовсе не намѣренъ подарить эту страну Россіи, такъ что „разрывъ съ Китаемъ", котораго г. Андріевичъ, кажется, желаетъ избѣжать, произойдетъ при „занятіи Манджуріи" самымъ непремѣннымъ образомъ.

—*Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ* и по Сибири. Дѣйствительнаго члена и корреспондента ученыхъ обществъ А. И. *Розова*. М. 1889.

Авторъ этой книжки съ первой же страницы объявляетъ, что онъ предпочитаетъ Азію Европѣ, что онъ не признаетъ европейской науки, и что европейскіе ученые во сто разъ ниже всякаго неграмотнаго старика-крестьянина, живущаго здравымъ смысломъ. Столь рѣшительные люди, какъ г. Розовъ, обыкновенно презираютъ европейскую науку до того, что не унижаются даже до знакомства съ нею. Какимъ образомъ при этомъ г. Розовъ оказался дѣйствительнымъ членомъ и корреспондентомъ ученыхъ обществъ, какъ сказано въ заглавіи его книги, не совсѣмъ понятно; во всякомъ случаѣ, это является съ его стороны прискорбной непослѣдовательностью.

Такія откровенныя заявленія о непризнаніи науки, какъ извѣстно, становятся у насъ уже нерѣдки. Почему же пришелъ, напримѣръ, г. Розовъ къ этому разочарованію? Авторъ давно желалъ побывать въ Сибири.

„А почему я предпочитаю Азію Европѣ, почему не ѣду въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Берлинъ, въ Италію, наконецъ, а предпочитаю ѣхать въ Сибирь? Потому, что не могу помириться съ направленіемъ жизни Запада, съ ея системой культуры для единицъ въ ущербъ массѣ, съ ея наклонностями, не щадящими десятковъ, сотенъ тысячъ лицъ, которыхъ убиваютъ во время войнъ, или оставляютъ искалѣченными на всю жизнь. Я не могу признать за науку то, что предлагаютъ намъ якобы ученые подъ кличкой политической экономіи и разныхъ правъ. До тѣхъ поръ, пока ученые при своихъ изслѣдованіяхъ будутъ игнорировать жизнь болѣе древнихъ народовъ, чѣмъ европейцы, въ частности азіатскихъ народовъ Китая, Индіи, сартовъ (?) и проч., до тѣхъ поръ выводы, предлагаемые европейскими учеными въ видѣ истинъ, будутъ преждевременны, неполны; современныхъ людей европейской науки, по моему мнѣнію, достойно назвать лишь *начетчиками*, т.-е. начитавшимися книгъ, писанныхъ западно-европейскими мнимо-учеными, какъ начитываются наши церковники-дьячки книгъ церковныхъ: закупорившись въ книгахъ, эти лица становятся куда глупѣе всякаго неграмотнаго старика-крестья-

Digitized by Google

нина, живущаго здравымъ смысломъ, и я, признаюсь, цѣню послѣдняго выше во сто кратъ разныхъ магистровъ и докторовъ. Почему Китай при небольшой сравнительно территоріи прогрессируетъ въ народонаселеніи такъ быстро? Почему китаецъ самый трудолюбивый народъ? Почему онъ такъ гуманенъ (?), что не хочетъ убивать людей, какъ европейцы, во время войнъ; почему у него процвѣтаетъ сельское хозяйство, садоводство? Я всегда полагаю, что ни одинъ европейскій ученый не знакомъ должнымъ образомъ съ этою страною. Вотъ, если угодно, предъ вами выступаетъ и естественникъ, медикъ; они заявляютъ, что *положительная* наука сдѣлала нѣсколько открытій, ставшихъ аксіомами. Вы задаете этимъ ученымъ вопросъ: знакомы ли они съ Индіей, съ тѣми силами, о которыхъ повѣствуетъ Радда-Бай? Мнимо-ученый будетъ таращить на васъ глаза и категоричное *нѣтъ* вылетаетъ изъ его устъ; болѣе плутоватый (!) изъ нихъ добавитъ, что эти вопросы только въ послѣднее время стали интересовать ученый міръ, и парижская академія наукъ начинаетъ поднимать эти вопросы... А между тѣмъ отъ этого вопроса, отъ правильнаго разрѣшенія его, находятся въ полнѣйшей зависимости европейскія такъ-называемыя науки: физіологія, психологія, философія, исторія... По крайней мѣрѣ, таково мое мнѣніе, и вы теперь поймете, почему я предпочитаю азіатскія государства европейскимъ"...

Въ своей книгѣ авторъ, однако, не объяснилъ ближе этого превосходства азіатскихъ государствъ передъ европейскими, а это было бы любопытно. На дѣлѣ выходитъ нѣчто иное: азіатскія государства за послѣднее время или приходятъ къ совершенному ничтожеству и уже эксплуатируются европейцами, или сами идутъ на встрѣчу европейскому образованію, какъ Японія, сдѣлавшая въ этомъ направленіи чрезвычайные успѣхи въ нѣсколько десятковъ лѣтъ; а что касается азіатской гуманности, то разсказываютъ, что именно въ китайскихъ войнахъ производилась такая рѣзня, о какой европейцы не имѣютъ понятія. Почему „неграмотный старикъ-крестьянинъ" выше ученаго человѣка, авторъ также въ своей книгѣ не объясняетъ. „Таково мое мнѣніе"—спорить съ этимъ мнѣніемъ безполезно.

Свое путешествіе г. Розовъ совершилъ довольно оригинально. При выѣздѣ изъ Москвы въ путь, который онъ считаетъ въ 31.000 верстъ, г. Розовъ имѣлъ даровой билетъ на пароходъ добровольнаго флота (дѣлающій рейсы изъ Одессы въ Владивостокъ) и, кромѣ того, — 100 рублей, занятыхъ у одного московскаго коммерсанта. Отправившись изъ Москвы и сдѣлавши еще экскурсію въ Крымъ, г. Розовъ къ отплытію парохода имѣлъ 35 рублей.

„Во Владивостокъ прибылъ безъ копѣйки, какъ говорится. Послѣ экскурсіи по южно-уссурійскому краю общество изученія амурскаго

Digitized by Google

края пособило мнѣ выдачею 150 руб., на *кои* я доѣхалъ до Хабаровки. Продаю мѣстному губернатору рукопись своего изслѣдованія за сто руб. и устраиваю платное публичное чтеніе, по 1 рублю за входъ. Публики было около ста человѣкъ. Прожилъ въ Хабаровкѣ около двухъ недѣль, ѣду въ Благовѣщенскъ, гдѣ также прожилъ около десяти дней и устроилъ платное публичное чтеніе, давшее мнѣ около 50 р. чистаго дохода. Затѣмъ ѣду въ Читу, въ Верхнеудинскъ, въ Кяхту, наконецъ въ Иркутскъ, гдѣ также устраивалъ платныя публичныя чтенія. Почтовое вѣдомство возило меня, въ качествѣ сопровождающаго почту, безплатно. Почти вся выручаемая съ публичныхъ чтеній сумма шла на покрытіе расходовъ за квартиру, за столъ, что въ Сибири цѣнится очень дорого... Изъ Иркутска къ Томску я вышелъ въ прекрасный апрѣльскій день. Мои обстоятельства такъ сложились, что я отправился пѣшкомъ" (стр. 222—223). На дорогѣ попался чайный обозъ; путешественникъ присталъ къ нему—дорога была небезопасна отъ разбоевъ и притомъ можно было иногда присѣсть на возу; начавшаяся распутица побудила, однако, автора покинуть обозъ и уѣхать впередъ на почтовыхъ. Дальнѣйшій путь его затеривается около Минусинска.

Надо отдать справедливость предпріимчивости г. Розова, но въ то же время нельзя не пожалѣть о его неблагосклонности къ европейскимъ наукамъ. Едва ли сомнительно, что при ихъ содѣйствіи книга его была бы написана болѣе связно и содержательно. Лучшая часть ея та, которая посвящена сельскому хозяйству уссурійскаго края и положенію тамошнихъ переселенцевъ. Картина природы и хозяйства этого края, нарисованная г. Розовымъ, далеко не отвѣчаетъ тѣмъ толкамъ, какіе распространялись въ прежнее время и изображали уссурійскій край богатой, плодородной, съ благорастворенным климатомъ страной. Положеніе страны географическое отвѣчаетъ Крыму, между тѣмъ по цифрѣ наибольшаго холода ее можно приравнять къ архангельской губерніи: климатъ неровный и особливо сырой—отъ морскихъ тумановъ; отсюда уссурійскій хлѣбъ страдаетъ нерѣдко паразитнымъ грибкомъ, который дѣлаетъ его ядовитымъ („пьяный хлѣбъ"). Судьба переселенцевъ и въ этомъ краѣ изображается въ разсказѣ г. Розова въ тѣхъ же печальныхъ краскахъ, въ которыхъ, къ сожалѣнію, всего чаще представляется этотъ несчастный вопросъ. Первоначально колонизація амурскаго и уссурійскаго края была просто насильственная; потомъ, поселенцы добровольные долго не умѣли приладиться къ природнымъ условіямъ страны и упорно придерживались хозяйственныхъ пріемовъ, вынесенныхъ изъ среднихъ губерній европейской Россіи, хотя здѣсь они были непригодны. Дѣлала ошибки администрація, но не помогала и мудрость „негра-

Digitized by Google

мотнаго старика-крестьянина", которой г. Розовъ отдаетъ предпочтеніе передъ всякой европейской наукой. Переселенческому вопросу г. Розовъ посвящаетъ также нѣсколько поучительныхъ страницъ, содержаніе которыхъ, впрочемъ, не ново, какъ мы замѣтили: безурядица и „авось", съ какими совершались переселенія, кончались слишкомъ часто разореніемъ крестьянъ въ долгихъ блужданіяхъ и усиленной смертностью...

Авторъ не могъ одобрить и администраціи добровольнаго флота. „Я не знаю,—говоритъ онъ,—найдется ли такое лицо, которое, сдѣлавъ кругосвѣтное плаваніе на томъ или другомъ пароходѣ добровольнаго флота, осталось бы довольно всецѣло пароходной администраціей. Я полагаю, что никто, положа руку на сердце, этого не сдѣлаетъ: слишкомъ много прорѣхъ, слишкомъ много грязи. Мнѣ пришлось ѣхать на одномъ изъ лучшихъ пароходовъ, администрація его одна изъ лучшихъ. Но... я никогда не прощу, я возмущенъ, оскорбленъ, обиженъ отношеніемъ администраціи къ палубнымъ пассажирамъ. Какъ еще Богъ ихъ спасъ отъ заразы! Грязь, вонь, полнѣйшее невниманіе. На пароходахъ царитъ полнѣйшій произволъ, полнѣйшее отступленіе отъ устава... Имъ (пароходной администраціи) никогда не слѣдуетъ забывать, что получаемое ими жалованье слишкомъ велико для такихъ маленькихъ лицъ, не слѣдуетъ забывать, что благодаря искреннему, доброму отношенію къ дѣлу, у англичанъ, французовъ, нѣмцевъ уже сотни коммерческихъ пароходовъ... Посмотрите въ уголъ, гдѣ помѣщаются палубные пассажиры. Вѣдь вы сгноите судно!.. Вѣдь эти же пассажиры зарекутся ѣздить на вашихъ пароходахъ, да и другимъ закажутъ" (стр. 112—113)...

Такимъ образомъ, г. Розову пришлось признать, что въ „направленіи жизни Запада" есть, однако, нѣкоторый прокъ.—А. П.

Въ теченіе апрѣля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Бальмонтъ, К. Д. Сборникъ стихотвореній. Яросл. 90. Стр. 140. Ц 75 к.

Бродовскій, д-ръ Б. М. Чахотка, какъ заражаются ею и какъ отъ нея уберечься. Минскъ. 90. Стр. 39. Ц. 30 к.

Бутовскій, Ник. Прежняя служба и настоящая (очеркъ развитія солдатской школы). Спб. 90. Стр. 44. Ц. 40 к.

Бутурлинъ, гр. П. Сибилла и другія стихотворенія. Спб. 90. Стр. 138. Ц. 1 р.

Вермишевъ, И. А. Душегубъ. Психич. эскизъ. Тифл. 90. Стр. 68. Ц. 40 к.

Глинскій, Б. Б. Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ. Біографическій очеркъ. Спб. 90. Стр. 148. Ц. 75 к.

Дмитріевъ, А. Практическія упражненія въ геометріи, или собраніе гео-

Digitized by Google

метрическихъ задачъ, по Векслю, Шпицу и др. Кн. II: Стереометрія. Спб. 90. Стр. 193. Ц. 80 к.

Дриль, Д. Психофизическіе типы, въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностью. Частная психологія преступности. Нервные, истерики, эпилептики и оскудѣлые разныхъ степеней. М. 90. Стр. 188. Ц. 1 р.

Клоссовскій, А. Метеорологическое обозрѣніе. Од. 90. Стр. 192.

Котлубай, Л. Желѣзно-дорожный міръ. Спб. 90. Стр. 272. Ц. 1 р. 50 к.

Котъ-Мурлыка. Повѣсти, сказки и разсказы. Т. I. Изд. 2-е. Спб. 90. Стр. 319. Ц. 1 р. 75 к.

Кузнецовъ, Инн. Древнія могилы минусинскаго округа. Съ прилож. 18 таблицъ рисунковъ. Томскъ. 89. Стр. 36.

Ламанская, А. К. Руководство для живописи на фарфорѣ, съ прибавленіемъ главъ о дѣйствіи контраста и о выборѣ драпировокъ и головного убора, подходящихъ къ тону лица. Спб. 90. Стр. 164. Ц. 1 р.

Левитскій, В. Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Яросл. 90. Стр. 254. Ц. 2 р.

Либаковъ, Н. М. Стихотворенія. 1885-90 г. М. 90. Стр. 63. Ц. 50 к.

Мантегацца, П. Физіологія ненависти. Перев. съ итал. д-ръ Н. Лейнепбергъ. Од. 90. Стр. 325. Ц. 1 р. 50 к.

Мержеевскій, И. П. проф. Вѣстникъ клинической и судебной психіатріи и невропатологіи. Годъ VII. Вып. II. Спб. 90.

Миллеръ, О. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи, съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составленнымъ Б. Глинскимъ. Ч. I: Тургеневъ и Достоевскій. Ч. II: Гончаровъ, Бѣлинскій, Салтыковъ и гр. Л. Толстой. Изд. 4-е, исправл. и дополн. Спб. 90. Стр. 90. Стр. 362 и 492. Ц. 4 р.

Михайловъ, М. Собраніе стихотвореній. Спб. 90. Стр. 384. Ц. 3 р.

Окуневъ, В. Колебаніе кровяного давленія, температуры кожной и внутренней, пульса, дыханія и кожнолегочныхъ потерь въ періодахъ зноба, жара и пота при перемежной лихорадкѣ. Диссерт. на степ. д-ра мед. Спб. 90. Стр. 99.

Осецкій, Ф. Смерть и увѣчье при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ. 2-е изд. Спб. 90. Стр. 454. Ц. 2 р. 50 к.

Пантюховъ, И. И. О ростѣ нѣкоторыхъ племенъ закавказскаго края. Тифлисъ. 90. Стр. 91.

Пихно, Д. И. Основанія политической экономіи. Вып. 1-й. Кіевъ. 90. Стр. 168.

Пыпинъ, А. Н. Исторія русской этнографіи. Т. I: Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. Спб. 90. Стр. 424. Ц. съ подпискою на всѣ 4 тома 10 р.

Ровинскій, П. А. Петръ II (Раде) Петровичъ Нѣгошъ, владыка черногорскій (1830—1851). Спб. 89. Стр. 236.

С. А. Стихотворенія. Спб. 90. Стр. 195. Ц. 1 р.

Сазоновъ, Г. П. Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ. Спб. 90. Стр. 214. Ц. 2 р.

Скородинскій, А. Православная Пасхалія. Примѣнительно къ программѣ, утвержденной св. Синодомъ для преподаванія Пасхаліи въ духовныхъ семинаріяхъ. Од. 90. Стр. 111. Ц. 75 к.

Спасскій, Ир. Опытъ изученія вліянія нѣкоторыхъ работъ ижевскихъ оружейниковъ на ихъ здоровье и физическое развитіе. Спб. 88. Стр. 204. Ц. 2 р.

Теобальда. Воспоминанія. Ч. I. Изъ путешествій. Ч. II. Виленскія воспо-

Digitized by Google

минанія. Ч. III. Динабургскія воспоминанія. Ч. IV. Варшавскія воспоминанія. Вильна. 90. Стр. 127, 103, 140 и 168. (Печатано въ огранич. числѣ экземпляровъ, не для продажи).

Толстой, гр. А. К. Былины и стихотворенія. Рис. Н. Каразина. 2-е изд. Спб. Комитета грамотности. Спб. 90. Стр. 64. Ц. 10 к.

Фойницкій, И. Я. Курсъ уголовнаго права. Часть особенная; посягательства на личность и имущество. Спб. 90. Стр. 406. Ц. 3 р.

Харизоменовъ, С. А. Обозрѣніе сельско-хозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 г. въ Саратовѣ. Сарат. 90. Стр. 136. Ц. 2 р.

Харузинъ, А. Н. Дневникъ антропологическаго отдѣла. Вып. 2 и 3. М. 90.

Шапиро, д-ръ Б. Учебникъ фармакологіи. Изд. 2-е. Спб. 90. Стр. 212. Ц. 1 р. 60 к.

Шигаринъ, Н. Д. Милліоны. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Кіевъ. 90. Стр. 76.

Шимановскій, М. В. Законъ о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ учрежденій и судебной части въ Имперіи, съ изложеніемъ узаконеній, на которыя въ немъ сдѣланы указанія, и очеркъ судоустройства и судопроизводства по новому закону. Одесса. 90. Стр. 311. Ц. 2 р. 20 к.

Шмидтъ, Карлъ. Исторія педагогики. Т. I: До-христіанская эпоха. Воспитаніе у дикихъ народовъ, на Востокѣ, у грековъ и римлянъ. Изд. 4-е, значительно дополн., исправл. и передѣл. проф. Эм. Баннакомъ. Перев. Эд. Циммермана. М. 90. Стр. 815. Ц. 5 р.

Якушкинъ, В. Очерки по исторіи русской поземельной политики. Вып. 1. XVIII вѣкъ. М. 90. Стр. 150. Ц. 2 р.

Янжулъ, И. И. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ долгахъ. Вып. 1 Спб. 90. Стр. 352 Ц. 4 р.

Ясинскій, I. Иринархъ Плутарховъ. Романъ. Спб. 90. Стр. 309. Ц. 1 р.

——— Стихотворенія. 3-е изд., значит. исправл. и дополненное. Спб. 90. Стр. 249. Ц. 1 р.

— Библіотека гр. С. Д. Шереметева. Т. I. Собранія Волочановское и В. С. Шереметева въ с. Михайловскомъ. Спб. 90. Стр. 361.

— Восьмой отчетъ Комитета по устройству школьныхъ дачъ. О дѣятельности школьной дачи для мальчиковъ (въ д. Бобыльской, бл. Петергофа) и для дѣвочекъ (за Ораніенбаумомъ), лѣтомъ 1889 г. Спб. 90. Стр. 12.

— Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова, собранные въ 1861—62 гг. Т. I. М. 90. Стр. 674. Ц. 2 р.

— Положенія и программы Казанской научно-промышленной выставки 1890 г. Каз. 90. Стр. 80.

— Результаты пріема въ московскія городскія начальныя училища на 1889-90 учебный годъ. М. 90. Стр. 27 съ прилож.

— Словарь Кавказскихъ дѣятелей. Тифл. 90. Стр. 84. Ц. 25 к.

— Энциклопедическій Словарь, п. р. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. I. А—Алтай. Издат. Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (Спб.). Спб. 90. Стр. 480 (Вып. 1-й полу-томъ).

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

Vue générale de l'histoire politique de l'Europe, par *Ernest Lavisse*. Paris, 1890. Стр. 243. Ц. 3 фр. 50 с

Эрнестъ Лависъ, талантливый профессоръ Сорбонны, излагаетъ въ этой книгѣ общій ходъ политической исторіи Европы, отъ древности до настоящаго времени. Это не столько обзоръ событій, сколько рядъ замѣчаній и характеристикъ, относящихся къ главнымъ періодамъ и перемѣнамъ въ политической жизни европейскихъ народовъ. Многія изъ этихъ замѣчаній блещутъ остроуміемъ и оригинальностью; иногда въ нѣсколькихъ словахъ схвачены и опредѣлены наиболѣе выдающіяся черты цѣлой эпохи. Авторъ не дѣлаетъ никакихъ широкихъ обобщеній и выводовъ; но онъ высказываетъ мимоходомъ свои общіе взгляды, проводитъ интересныя параллели, ставитъ свои предположенія и гипотезы, вытекающія изъ тонкаго анализа фактовъ.

Говоря о владычествѣ древняго Рима, Лависъ, между прочимъ, выражаетъ мысль, что римская цивилизація имѣла неблагопріятное вліяніе на жизненныя силы народовъ. „Всякое однородное воспитаніе опасно, такъ какъ разнообразіе личностей необходимо для прогресса человѣческой дѣятельности. Римъ, насколько могъ, разрушилъ самостоятельные характеры отдѣльныхъ племенъ, которыя сдѣлались поэтому неспособными къ національному развитію. Страны, цивилизованныя римлянами, не обязаны чувствовать къ нимъ одну только благодарность. Галлія римской эпохи, конечно, мало похожа на прежнюю: села преобразованы въ города, хижины—въ дворцы, проселочныя дороги—въ аллеи, невѣжественные ораторы—въ искусныхъ риторовъ, воинственные варвары—въ полководцевъ. Мы восхищаемся этой перемѣною и превозносимъ счастливую жизнь въ этихъ галлоримскихъ городахъ. Но почему же страны, которыхъ Римъ не завоевывалъ и не держалъ долго подъ своею властью, играютъ теперь такую крупную роль въ мірѣ, имѣютъ такую оригинальную силу и эту полную вѣру въ будущее? Потому ли только, что, проживши меньше, онѣ могутъ разсчитывать на болѣе продолжительную будущность? Или Римъ оставилъ послѣ себя извѣстный складъ ума, умственныя и нравственныя привычки, стѣсняющія и ограничивающія

Digitized by Google

дѣятельность? Вопросы неразрѣшимые, какъ вообще всѣ тѣ, рѣшеніе которыхъ было бы важно знать". Когда имперія развалилась, „Италія, Галлія и Испанія не могли сдѣлаться націями; настоящее историческое существованіе начинается для нихъ только послѣ нашествія варваровъ и послѣ нѣсколькихъ вѣковъ блужданій среди бѣдствій и насилій".

Упомянувъ о возстановленіи западной римской имперіи Карломъ Великимъ, авторъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ матеріальная власть направлялась двумя идеальными силами — воспоминаніемъ о Римѣ языческомъ и авторитетомъ христіанскаго Рима. Возстановленіе имперіи было только видимостью; но „иллюзіи суть силы, производящія реальное и значительное дѣйствіе". Карлъ В. и римскій папа, возстановивъ имперію, этимъ самымъ впервые „завѣщали позднѣйшимъ временамъ союзъ трона и алтаря". Позднѣе, до избранія Гуго Капета, „король во Франціи былъ только жалкимъ торжественнымъ призракомъ, затеряннымъ среди весьма грубыхъ и весьма энергическихъ существъ". Но призракъ превратился въ плоть и кровь съ появленіемъ сильной династіи, имѣвшей мужскихъ представителей въ теченіе болѣе трехъ столѣтій. „Какъ бываетъ часто, изъ факта родилось право, и этотъ счастливый случай произвелъ наслѣдственную легитимность, которая была большою силою". Старыя права, даваемыя церковнымъ посвященіемъ, „не могли быть точно опредѣлены и, слѣдовательно, были неоспоримы".

При обзорѣ событій въ Европѣ, авторъ старается сохранить безпристрастіе относительно Франціи; онъ не только не преувеличиваетъ ея исторической роли, но, напротивъ, какъ будто умаляетъ ее въ прошломъ. Короли, говоритъ онъ, интриговали, потому что имѣли дипломатію, и воевали, потому что имѣли солдатъ. Въ этихъ спорахъ королей народы участвовали только пассивно, страдая отъ бѣдствій войны, платя ея расходы и гордясь славою монарха, когда онъ былъ побѣдителемъ. Франція пріобрѣла отъ нѣмцевъ три епископства—Мецъ, Верденъ и Туль, а затѣмъ присоединила Эльзасъ и Страсбургъ; „но эти пріобрѣтенія были достигнуты не однимъ насиліемъ: первыя состоялись съ согласія германскихъ владѣтелей, которыхъ Генрихъ II поддерживалъ противъ Карла V, а Эльзасъ завоеванъ при помощи арміи. Безчестно было бы,—продолжаетъ Лависъ,—оправдывать всѣ дѣйствія французской политики, но нужно имѣть въ виду, что французы семнадцатаго вѣка, завладѣвъ Эльзасомъ, не оторвали людей отъ отечества. Тогда не было французскаго отечества въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; еще меньше можно было говорить объ отечествѣ нѣмецкомъ. Политика и оружіе Франціи не рѣзали живого тѣла". Другое дѣло теперь. Авторъ вполнѣ признаетъ, что француз-

Digitized by Google

ская политика долго была враждебна Германіи и причиняла ей много вреда. „Французскій историкъ долженъ признать, что эта страна (Германія) имѣла безспорное право вводить у себя учрежденія, могущія служить ей охраною противъ насъ (французовъ). Но объединеніе и возмездіе совершены были такимъ способомъ, что всеобщій миръ подвергается надолго серьезной опасности. Нѣмцы говорятъ, что провинціи присоединены по праву войны. Это было бы вѣрно въ прошломъ столѣтіи, и теперь еще такъ смотрятъ политическіе дѣятели стараго режима. Франція въ этомъ столѣтіи представляетъ собою другую политику; она полагаетъ, что нельзя обращаться съ человѣческимъ населеніемъ, какъ со стадомъ животныхъ; она вѣруетъ въ душу народа. Отнимая у насъ людей, которые были и хотѣли остаться нашими, побѣдитель оскорбилъ насъ въ нашей вѣрѣ. Онъ не могъ даже ссылаться на этнографическій патріотизмъ, потому что забралъ и Мецъ". Въ настоящее время „Страсбургъ и Балканы господствуютъ надъ европейскою политикою". Авторъ съ большимъ вниманіемъ относится къ Пруссіи и Германіи, указываетъ на военно-политическія преимущества и достоинства нѣмцевъ и склоняется какъ будто къ тому взгляду, что пагубное увлеченіе узкимъ націонализмомъ пройдетъ въ Европѣ подъ нравственнымъ вліяніемъ Франціи. О Россіи говорится въ книгѣ очень немного; за нею признается „громадная будущность". „Россія, по словамъ автора, приняла участіе въ дѣлахъ Европы, но она — не Европа. Она что-то другое; она — Россія". Книга заканчивается меланхолическимъ напоминаніемъ о перемѣнчивости историческихъ судебъ. „Всякая сила изсякаетъ; способность вести исторію не есть постоянное качество. Быть можетъ, Европа не всегда будетъ обладать этою способностью, унаслѣдованною ею отъ Азіи". Уже изъ немногихъ сдѣланныхъ нами выдержекъ можно видѣть, что книга Лависа заслуживаетъ прочтенія.

II.

Das Problem der Grundbesitzvertheilung in geschichtlicher Entwickelung. Vorlesung von *August von Miaskowski*. Leipzig, 1890.

Вступительная лекція извѣстнаго экономиста Мясковскаго въ вѣнскомъ университетѣ, изданная теперь отдѣльною книжкою, посвящена вопросу о распредѣленіи земель въ разныхъ государствахъ Европы и особенно въ Германіи. Этотъ бѣглый обзоръ поземельныхъ отношеній кончается указаніями на печальное состояніе мелкаго нѣмецкаго землевладѣнія, на возростающую задолженность земель, на

Digitized by Google

непрочность цѣнъ и доходовъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и неизбѣжный переходъ участковъ въ руки капиталистовъ и ростовщиковъ. Нѣмецкое крестьянство нуждается въ охранѣ и поддержкѣ, по мнѣнію Мясковскаго. Никакихъ фактическихъ данныхъ авторъ не приводитъ, а довольствуется общими замѣчаніями, согласно плану своей лекціи. Приведены также нѣкоторыя свѣденія о русскомъ крестьянскомъ землевладѣніи (причемъ русскіе термины напечатаны русскими буквами, какъ слѣдуетъ). Авторъ полагаетъ, что у насъ дѣло клонится къ постепенному распаденію общинныхъ земель между отдѣльными домохозяевами и что, такимъ образомъ, „коллективная собственность лишится одной изъ важнѣйшихъ областей своего примѣненія". Предположеніе автора можетъ пока еще считаться преждевременнымъ.

Л. С.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го мая 1890.

Двадцатипятилѣтіе закона 6-го апрѣля 1865 г.—Существуетъ ли прямая связь между свободной печатью и ея вліяніемъ?—Процессъ печати въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Вопросъ о подставныхъ акціонерахъ.—Двѣ журнальныя статьи о Финляндіи.—„Московскія Вѣдомости" и наши гимназіи.

Въ началѣ прошлаго мѣсяца исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени рожденія у насъ, въ Россіи, безцензурной печати. Объ этомъ, въ самый день годовщины, вспомнили двѣ газеты—одна въ Петербургѣ, другая въ Москвѣ. Отнеслись онѣ къ ней весьма различно. Московская газета воздержалась отъ всякихъ ликованій и трубныхъ звуковъ; она не нашла для нихъ повода ни въ исторіи изданія закона 6-го апрѣля 1865 г., ни, тѣмъ менѣе, въ исторіи его примѣненія и видоизмѣненія. Цензурная реформа съ самаго начала отличалась меньшею рѣшительностью и полнотою, чѣмъ другія, ей предшествовавшія (крестьянская, земская, судебная); съ теченіемъ времени она подверглась существеннымъ ограниченіямъ и урѣзкамъ. Въ 1865 г. предполагалось, что „временныя" правила о печати — только первый шагъ на пути къ ея освобожденію, но на самомъ дѣлѣ этого не случилось. „Положеніе нашей печати,—таковы заключительныя слова „Русскихъ Вѣдомостей", — оставляетъ желать весьма многаго; мы по прежнему должны еще идти къ цѣли,

Digitized by Google

намѣченной правительствомъ болѣе четверти вѣка тому назадъ— къ большему простору печатнаго слова, къ тому, чтобы выводился болѣе и болѣе произволъ изъ области цензуры". Въ одной изъ петербургскихъ газетъ юбилей безцензурной печати возбудилъ болѣе радостныя чувства. Она нашла, что „со дня изданія закона 6-го апрѣля 1865 года явилась возможность серьезно говорить о правахъ и обязанностяхъ журналистики, тогда какъ до тѣхъ поръ могла лишь идти рѣчь объ инструкціяхъ и дѣйствіяхъ цензуры". Въ розовомъ свѣтѣ выставляется даже положеніе провинціальной, подцензурной печати, которую „свободная столичная печать легализируетъ, тянетъ за собою, регулируя отношенія къ ней цензуры". Въ настоящее время, по мнѣнію этой петербургской газеты, „оказались бы просто немыслимыми и физически невозможными тѣ отношенія цензуры къ печати, которыя служатъ нынѣ предметомъ интересныхъ воспоминаній въ историческихъ журналахъ". Конечно, путь русскаго публициста усѣянъ скорѣе терніями, чѣмъ розами, но все-таки русская печать „пользуется авторитетомъ (?) и завоевала себѣ почетное мѣсто среди журналистики образованнѣйшихъ народовъ. Русская литература, русское печатное слово представляютъ теперь такую силу (!), съ которою считается общественное мнѣніе Европы". Возражая на эту торжествующую статью, другая петербургская газета утверждаетъ, что „вліяніе печати и ея свобода не связаны непосредственно съ тѣми или другими законами о печати. Печать имѣетъ большое вліяніе лишь тамъ, гдѣ она не совсѣмъ свободна, гдѣ число органовъ ея незначительно. Во Франціи, напримѣръ, никогда печать не была такъ вліятельна, какъ во второй половинѣ XVIII вѣка, когда еще жгли книги, а иногда и ихъ авторовъ (?!) (желательно было бы знать, какой писатель временъ Людовика XV подвергся этой казни?). Значеніе печати во Франціи въ настоящее время не идетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что́ она была въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда существовали еще сравнительно довольно сильныя стѣсненія. И у насъ наиболѣе замѣтное вліяніе журналистики можетъ быть прослѣжено въ „Современникѣ" и въ „Искрѣ" 1858-61 г. и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" 1863 г., выходившихъ подъ цензурой. Законъ 6-го апрѣля 1865 г. не предоставилъ, на практикѣ, нашей печати бо́льшей свободы и бо́льшаго вліянія, чѣмъ она имѣла до этого закона. Но если, поэтому, курьезно было бы праздновать юбилей перевода графомъ Валуевымъ съ французскаго творенія графа Персиньи, нашедшаго примѣненіе еще въ Турціи, то нельзя не признать, что со времени этого перевода въ нашей періодической печати произошли перемѣны, заслуживающія вниманія". Дальше идетъ сравненіе, съ внѣшней стороны, газетъ 1865 г. съ газетами 1890 г., при чемъ

Digitized by Google

преимущество объема, разнообразія, числа продаваемыхъ экземпляровъ, оказывается, конечно, на сторонѣ послѣднихъ. Констатируется, также, распространеніе дешевыхъ періодическихъ изданій, въ особенности иллюстрованныхъ. Что касается до направленій, то „славянофильство не имѣетъ болѣе своего органа. Вся вліятельная часть московской журналистики придерживается либерально-доктринерскаго направленія; въ Петербургѣ, наоборотъ, вліятельная часть печати далека отъ всякаго доктринерства, которое ютится преимущественно въ жидовскихъ органахъ" (!). Въ заключеніе отмѣчается тотъ фактъ, что „за двадцать пять лѣтъ не удалось создать для просвѣщенія публики оффиціознаго органа. Было, конечно, не мало охотниковъ доить казну и получать деньги для проведенія извѣстныхъ благонамѣренныхъ мыслей, но ни одна изъ такихъ попытокъ не увѣнчалась успѣхомъ".

Таковы различные взгляды, пущенные въ оборотъ по случаю *земскаго совершеннолѣтія* русской безцензурной печати. Сомнѣнію подвергается даже тò, чтó, повидимому, разумѣется само собою: оспаривается связь между свободой печати и законами, регулирующими эту свободу. Напрасной, слѣдовательно, была вѣковая борьба, предметомъ которой служили права печатнаго слова; напрасно говорили ораторы, напрасно писали публицисты, домогаясь признанія и охраны этихъ правъ со стороны правительственной власти. Ошибался Маколей, когда объяснялъ процвѣтаніе англійской политической прессы отмѣной предварительной цензуры; ошибались наши государственные люди, когда находили, въ эпоху реформъ, что обезпеченная закономъ свобода печати нужна не только для общества, но и для государства. Nous avons changé tout cela; печать можетъ быть свободна и при дѣйствіи правилъ, отрицающихъ или стѣсняющихъ ея свободу! Правда, на мѣсто этого невѣроятнаго положенія тотчасъ же подставляется другое, менѣе удивительное: въ дальнѣйшей аргументаціи идетъ рѣчь уже не о *свободѣ* печати, а о ея *вліяніи*, степень котораго, будто бы, обратно пропорціональна степени ея свободы. Итакъ, англійская печать до 1695 г. была вліятельнѣе, чѣмъ послѣ 1695 г., т.-е. послѣ уничтоженія цензуры? Когда она могла говорить о парламентскихъ преніяхъ только иносказательно, съ помощью разныхъ хитро-придуманныхъ прикрытій, она была вліятельнѣе, чѣмъ потомъ, когда исчезла надобность въ аллегоріяхъ и ширмахъ?.. Чтобы отстоять свою невозможную тему, газета приводитъ въ примѣръ Францію во второй половинѣ XVIII вѣка и Францію временъ іюльской монархіи. Въ первомъ случаѣ происходитъ явное смѣшеніе понятій. Вліятельной, при Людовикѣ XV и Людовикѣ XVI, была не *періодическая* печать, о которой преимущественно идетъ рѣчь въ

Digitized by Google

статьяхъ, посвященныхъ закону 1865 г., а *литература*, значительная часть которой ускользала, притомъ, изъ-подъ дѣйствія цензуры. Что касается до тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, то французская пресса пользовалась тогда весьма широкой свободой, ограниченной развѣ въ сравненіи съ тѣмъ полнымъ отсутствіемъ стѣсненій, какое мы видимъ въ современной Франціи. Да и такъ ли несомнѣненъ тотъ фактъ, что французская печать теперь гораздо менѣе вліятельна, чѣмъ полвѣка тому назадъ? Нужно различать вліяніе отдѣльныхъ газетъ отъ общаго вліянія ежедневной прессы. Быть можетъ, ни одна французская газета не пользуется теперь тѣмъ авторитетомъ, который при Людовикѣ-Филиппѣ принадлежалъ „Journal des Débats“ — въ средѣ консервативно-либеральной буржуазіи, „National“—въ средѣ умѣренныхъ республиканцевъ; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы уменьшилось *коллективное* значеніе періодической печати. То же самое можно сказать и объ Англіи; доля вліянія, потерянная „Times“, распредѣлена между другими крупными органами журналистики. Еслибы тезисъ объ уменьшеніи вліянія по мѣрѣ увеличенія свободы имѣлъ хоть нѣкоторое основаніе, то не въ Англіи печать заслужила бы, раньше всего, названіе „четвертой власти“ въ государствѣ. Что касается до русской печати, то судить о томъ, уменьшается ли ея сила по мѣрѣ увеличенія ея свободы, покамѣстъ еще нельзя, потому что она на самомъ дѣлѣ никогда не переставала быть несвободной. Единичные факты, указываемые газетой, вовсе не подтверждаютъ того, что́ она изъ нихъ выводитъ. Значеніе „Современника“—на рубежѣ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, „Московскихъ Вѣдомостей“—въ 1863 г. (объ „Искрѣ“ мы не говоримъ, потому что вліятельной роли она никогда не играла), обусловливалось не тѣмъ, что русская печать была тогда подчинена цензурѣ, а взаимнодѣйствіемъ выдающихся дарованій и благопріятныхъ обстоятельствъ. То же взаимнодѣйствіе въ сороковыхъ годахъ выдвинуло на первый планъ „Отечественныя Записки“, въ 1856 г.—„Русскій Вѣстникъ“, позже, уже при существованіи новаго закона о печати—опять „Отечественныя Записки“. *Источникомъ* силы законодательство о печати назвать нельзя—но отъ него зависитъ болѣе или менѣе полное проявленіе этой силы, болѣе или менѣе нормальное пользованіе ею. Создать таланты свобода печати не можетъ—но она способствуетъ ихъ развитію, раскрываетъ передъ ними широкую и прямую дорогу, предупреждаетъ ихъ извращеніе или преждевременную гибель. Къ измѣненію законовъ о печати нельзя, поэтому, относиться безразлично или равнодушно. Законъ 6-го апрѣля представляетъ собою крупный фактъ въ исторіи нашей общественной жизни. Конечно, и до него могла быть рѣчь о *нравственныхъ* правахъ, о

Digitized by Google

нравственныхъ обязанностяхъ журналистики; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить, какъ пользовались этими правами, какъ исполняли эти обязанности лучшіе журналы сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Весьма важной, однако, была *юридическая* санкція права—и первой къ тому попыткой явилась реформа 1865 года. Смотрѣть на нее свысока, какъ на „переводъ французскаго творенія графа Персиньи", можно было бы развѣ въ такомъ случаѣ, еслибы она осталась далеко позади насъ, превзойденная и затемненная послѣдующимъ движеніемъ законодательства; но мы знаемъ, что ничего подобнаго не было.

Существенными чертами реформы, совершившейся четверть вѣка тому назадъ, слѣдуетъ считать ограниченіе круга дѣйствій предварительной цензуры, установленіе чего-то въ родѣ административнаго суда, какъ послѣдней инстанціи по вопросу о прекращеніи періодическаго изданія, и совершенное изъятіе не-періодической печати (подъ условіемъ извѣстнаго объема) изъ-подъ вѣденія административной власти. Запрещеніе газеты или журнала зависѣло отъ перваго департамента сената; запрещеніе книги (если въ ней больше десяти оригинальныхъ или двадцати переводныхъ листовъ)—исключительно отъ суда. Законы 1872 и 1882 гг. поставили на мѣсто суда—комитетъ министровъ, на мѣсто сената—совѣщаніе четырехъ министровъ. Кругъ дѣйствій предварительной цензуры расширенъ (въ 1882 г.) возможностью подчиненія ей періодическихъ изданій, прежде отъ нея свободныхъ. Оставленіе подъ цензурой нѣкоторой части столичной печати и всей безъ исключенія печати провинціальной имѣло, въ 1865 г., значеніе переходной мѣры, оправдываемой новостью дѣла и неустройствомъ судебной части; просуществовавъ двадцать-пять лѣтъ и переживъ вызвавшія его обстоятельства, оно, очевидно, потеряло этотъ характеръ—и цензура опять заняла видное мѣсто въ русскомъ житейскомъ обиходѣ. Мы не раздѣляемъ, поэтому, оптимизма газеты, разсматривающей цензурныя увлеченія какъ достояніе невозвратно-минувшаго прошлаго; мы никакъ не можемъ признать, чтобы свободная столичная печать „легализировала", „тянула за собою" подцензурную провинціальную прессу, „регулируя отношенія къ ней цензуры". „Легализировать", „регулировать" можетъ только тотъ, собственное положеніе котораго легализировано и регулировано... Отвергая исходную точку, мы отвергаемъ, этимъ самымъ, и заключеніе, къ которому приходитъ газета. Мы не думаемъ, чтобы русское печатное слово пользовалось такимъ же или почти такимъ же „авторитетомъ", какъ „журналистика образованнѣйшихъ народовъ". Здѣсь опять-таки слѣдуетъ различать между литературой и періодической печатью. Русская *литература* безспорно представляетъ всѣми

Digitized by Google

признанную силу—но это не имѣетъ никакого отношенія къ закону 6-го апрѣля. Весьма многія изъ числа великихъ произведеній, оцѣненныхъ по достоинству и въ западной Европѣ, написаны гораздо раньше 1865 г.; гораздо раньше этого времени закончилось творчество Пушкина, Лермонтова и Гоголя; гораздо раньше изданы въ свѣтъ „Записки Охотника“ и „Дворянское гнѣздо“, „Записки изъ Мертваго дома“, „Обломовъ“, „Губернскіе очерки“, „Казаки“, лучшія комедіи Островскаго. Что касается до повременной политической печати, то едва ли она, при дѣйствіи закона 6-го апрѣля и многочисленныхъ къ нему „поправокъ“, составляетъ „силу, съ которою считается общественное мнѣніе Европы“. Если западно-европейская пресса цитируетъ, отъ времени до времени, русскія газеты и даже полемизируетъ съ ними, то это еще не значитъ, чтобы она видѣла въ нихъ противниковъ равноправныхъ, признавала ихъ дѣйствующими при одинаковыхъ съ нею условіяхъ, стоящими на одной съ нею почвѣ. Весьма часто, наоборотъ, мнѣніе русской печати принимается въ разсчетъ только какъ *признакъ*—признакъ настроенія, господствующаго въ вліятельныхъ сферахъ. Этотъ взглядъ на печать становится, сплошь и рядомъ, источникомъ ошибокъ. Предполагаются „внушенія“, тогда какъ на самомъ дѣлѣ не было ничего подобнаго; дозволенію говорить придается смыслъ, котораго оно, въ сущности, вовсе не имѣло. Какъ бы то ни было, границы свободы, предоставленной русскимъ періодическимъ изданіямъ, извѣстны нашимъ сосѣдямъ очень хорошо—а степенью свободы измѣряется, въ данномъ случаѣ, степень авторитетности. *Считаться* съ русскимъ печатнымъ словомъ иностранцы будутъ только тогда, когда для этого слова не будетъ ни недоступныхъ сюжетовъ, ни „заказанныхъ“ (въ смыслѣ Кольцовской пѣсни) путей, ни запретныхъ мнѣній.

Внѣшнее различіе между газетами 1865 и 1890 г. безспорно существуетъ, и весьма большое; но едва ли можно пріурочить его къ цензурной реформѣ. Поворотнымъ пунктомъ для нашей ежедневной печати послужилъ, въ этомъ отношеніи, 1863 годъ, когда былъ основанъ „Голосъ“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ перешли подъ редакцію В. Ѳ. Корша, а „Московскія Вѣдомости“—подъ редакцію Каткова и Леонтьева. Въ это именно время выработался тотъ типъ большой политической газеты, который мы видимъ теперь; въ это время началась и детальная разработка практическихъ вопросовъ государственной и общественной жизни. Увеличивался объемъ газетъ, увеличивалось разнообразіе предлагаемаго ими матеріала, увеличивалась ихъ распространенность, но не измѣнялась существенно ихъ роль и скорѣе уменьшалось, чѣмъ возростало ихъ вліяніе на публику. Пробѣлъ, образовавшійся съ прекращеніемъ „Голоса“, до сихъ поръ

Digitized by Google

остается непополненнымъ; для „Московскихъ Вѣдомостей“ не нашлось новаго Каткова, не нашлось и продолжателя для Аксаковской „Руси“. Быстрый ростъ дешевой прессы—иллюстрованной и неиллюстрованной—можетъ быть названъ, въ виду ея содержанія и направленія, явленіемъ отчасти безразличнымъ, отчасти печальнымъ. Остается еще одинъ фактъ, вѣрно подмѣченный самодовольной газетой: это—неудача всѣхъ попытокъ создать у насъ нѣчто въ родѣ оффиціозной прессы. Не объясняется ли онъ, однако, такими обстоятельствами, которыя устраняютъ всякую возможность ликованія? Оффиціозная пресса развивается, обыкновенно, тамъ, гдѣ печать хотя и не вполнѣ свободна, но въ значительной степени независима и, сообразно съ этимъ, располагаетъ немаловажной силой. Дополненіемъ репрессіи, разъ что къ ней нельзя прибѣгать слишкомъ часто, становится воздѣйствіе на общество путемъ самой печати. Оффиціозные органы составляютъ какъ бы противовѣсъ органамъ оппозиціоннымъ; они должны снабжать публику и фактами, и взглядами, для которыхъ не нашлось бы подходящаго мѣста въ другихъ газетахъ. Иное дѣло, если вся печать находится въ состояніи подчиненности, а значительная часть ея, не будучи оффиціозной въ тѣсномъ смыслѣ слова, соединяетъ въ себѣ главныя условія, свойственныя оффиціозности. Основаніе особыхъ органовъ, съ спеціальною цѣлью популяризаціи правительственныхъ мнѣній, представляется тогда излишней роскошью, непроизводительной затратой. Добровольная поддержка всегда пріятнѣе обязательной; располагая первой, странно было бы обращаться къ послѣдней. Не даромъ же, въ самомъ дѣлѣ, мысль о необходимости оффиціозной печати возникала у насъ, бо́льшею частью, именно тогда, когда готовилось или ожидалось облегченіе стѣсненій, тяготѣющихъ надъ печатью—напримѣръ въ 1863, въ 1880 г. Только этимъ путемъ можно объяснить совпаденіе столь противоположныхъ, съ перваго взгляда, фактовъ, какъ изданіе „Берега“—и „диктатура сердца“.

Къ числу неотмѣненныхъ de jure, но непримѣняемыхъ de facto постановленій закона 6-го апрѣля 1865 г. принадлежатъ почти всѣ тѣ, которыя относятся къ судебному преслѣдованію проступковъ печати. До суда давно уже доходятъ только дѣла о диффамаціи и клеветѣ въ печати, производимыя, большею частью, въ порядкѣ частнаго обвиненія. Заканчиваются они обыкновенно присужденіемъ къ краткосрочному аресту или небольшому денежному штрафу и проходятъ незамѣченными, какъ въ виду маловажности наказанія, такъ и въ виду заурядности фактовъ, служащихъ поводомъ къ обвиненію. Исключеніе изъ общаго правила составляетъ недавній процессъ „Но-

Digitized by Google

востей" съ правленіемъ тульскаго поземельнаго банка, обратившій на себя вниманіе и вопросами, въ немъ возбужденными, и способомъ веденія дѣла, и тяжестью кары, постигшей обвиняемаго. Приговоръ окружного суда еще не вступилъ въ законную силу, обсужденіе его по существу было бы преждевременно; мы коснемся, поэтому, только нѣкоторыхъ особенностей судебной процедуры. Рѣдкимъ, кажется даже небывалымъ явленіемъ въ нашей судебной практикѣ представляется, прежде всего, слѣдующее обращеніе предсѣдательствовавшаго на судѣ къ защитнику подсудимаго (лично въ судъ не явившагося, согласно предоставленному ему закономъ праву): „въ слѣдственномъ производствѣ указывается, что подсудимый Осипъ Константиновичъ Нотовичъ, кандидатъ правъ и коллежскій секретарь, іудейскаго вѣроисповѣданія. Не можете ли вы сообщить настоящее его имя, такъ какъ онъ Константиновичемъ, какъ еврей, именоваться не можетъ; между тѣмъ имя его должно быть поставлено въ судебномъ приговорѣ съ точностью".—„Я долженъ сказать,—отвѣчаетъ на это присяжный повѣренный Спасовичъ,—что я не былъ ни при рожденіи, ни при обрѣзаніи Нотовича; я знаю только то, что мнѣ дана довѣренность, удостовѣренная нотаріусомъ, отъ лица, которое носитъ имя Осипа Константиновича. Онъ привлеченъ былъ къ суду, отъ него отбирали показанія, онъ самъ себя такъ называлъ, и я другого отвѣта дать не могу. Но я полагаю, что Осипъ есть имя еврейское". „А Константиновичъ?"—спрашиваетъ предсѣдатель.—„Я этого не знаю, не могу сказать",—говоритъ защитникъ. Тогда судъ постановляетъ предписать полиціи немедленно доставить свѣденія объ имени и отчествѣ г. Нотовича. Въ чемъ заключаются эти свѣденія—изъ подробнаго отчета, напечатаннаго въ приложеніяхъ къ №№ 5075 и 5076 „Новаго Времени", не видно; въ резолюціи и въ приговорѣ суда г. Нотовичъ названъ *Іосифомъ*, безъ означенія отчества. Спрашивается, для чего понадобилось поднимать этотъ вопросъ? Точное означеніе въ приговорѣ званія, имени, отчества, фамиліи подсудимаго нужно только для того, чтобы не могло возникнуть сомнѣнія относительно его тождества; но для такого сомнѣнія не было бы ни малѣйшаго мѣста, еслибы подсудимый названъ былъ въ приговорѣ именемъ и отчествомъ, подъ которыми онъ значился и въ частной жалобѣ, и въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія, и въ другихъ оффиціальныхъ актахъ. Судъ вовсе не обязанъ знать, принадлежатъ ли имена *Осипъ* и *Константинъ* къ числу именъ, употребляемыхъ евреями; ему незачѣмъ повѣрять правильность формы, которую подсудимый далъ своему имени. Въ правѣ ли еврей именовать себя не *Іосифомъ*, а *Осипомъ*, не *Іоанномъ*, а *Иваномъ*, или же это право принадлежитъ исключительно коренному русскому православному человѣку — это вопросъ практической лингвистики, а не

Digitized by Google

судебнаго разбирательства. Усложняя судебное производство эпизодами въ родѣ того, съ которымъ мы познакомили нашихъ читателей, судъ едва ли остается вѣрнымъ своему назначенію. Его первая обязанность—полнѣйшее безпристрастіе, воздержаніе отъ всего похожаго на пренебрежительное отношеніе къ подсудимому, на подчеркиванье его національности или вѣроисповѣданія. Допытываться еврейскаго имени подсудимаго—столь же излишне, какъ и разспрашивать его (какъ это было сдѣлано недавно предсѣдательствующимъ по другому уголовному процессу) о его прежней вѣрѣ. Мы не ошибемся, если скажемъ, что въ первые годы дѣйствія судебныхъ уставовъ подобныя явленія были немыслимы. Они могутъ происходить только на почвѣ недоброжелательства ко всему иноплеменному и иновѣрному, созданной тенденціею послѣдняго времени.

Другая характеристическая черта, бросающаяся въ глаза при чтеніи того же судебнаго отчета—это отношеніе предсѣдательствующаго къ свидѣтелямъ защиты. Одинъ изъ нихъ—авторъ инкриминированныхъ статей—хочетъ указать суду на тѣсную связь между этими статьями и прежними, имъ же написанными въ 1881 или 1882 году. Излишнимъ, неотносящимся къ дѣлу такое указаніе нельзя было признать уже потому, что нападеніямъ „Новостей“ на тульскій банкъ приписывались личные мотивы, личное раздраженіе редактора противъ правленія банка. Съ этой точки зрѣнія далеко не безразлично, нападалъ ли авторъ статей на дѣятельность тульскаго банка уже въ такое время, когда о личныхъ счетахъ „Новостей“ съ банкомъ не могло быть и рѣчи. Предсѣдательствующій объявляетъ, однако, что до мотивовъ, какими руководствовался свидѣтель раньше 1882 г., „намъ (т.-е. суду) нѣтъ дѣла“. Дальше свидѣтель объясняетъ, почему онъ счелъ себя въ правѣ сравнить тульскій банкъ съ саратовско-симбирскимъ (это сравненіе послужило однимъ изъ главныхъ поводовъ къ возбужденію процесса); предсѣдательствующій прерываетъ его, замѣчая, что „не о томъ его спрашиваютъ, а о томъ, на какомъ основаніи онъ считалъ себя въ правѣ, какъ публицистъ, написать, что это (т.-е. обвиненіе въ невѣрности отчетовъ и т. п.) относится къ тульскому банку“... „Считали ли вы,—продолжаетъ предсѣдательствующій,—что правду пишете, говоря, что въ тульскомъ банкѣ фальшивые отчеты, дутыя цифры, подстроенныя акціонерныя собранія? Откуда вы брали матеріалъ?“ Вопросы слѣдуютъ здѣсь одинъ за другимъ, прежде чѣмъ свидѣтель успѣваетъ на нихъ отвѣтить—и касаются, собственно говоря, именно того предмета, о которомъ показывалъ свидѣтель, когда былъ прерванъ предсѣдательствующимъ. Въ самой формѣ вопросовъ слышится предубѣжденіе противъ свидѣтеля: спрашивать публициста, „считалъ ли онъ, что

Digitized by Google

пишетъ правду"—значитъ допускать возможность сознательнаго уклоненія его отъ истины. Свидѣтель говоритъ, что онъ получилъ отъ редакціи *неподписанное* заявленіе одного изъ акціонеровъ тульскаго банка; предсѣдательствующій спѣшитъ вывести отсюда, что заявленіе было *анонимное*,—между тѣмъ какъ имя автора было извѣстно редакціи. Одинъ изъ обвинителей, вмѣсто того чтобы предлагать свидѣтелю вопросы, обращается къ нему съ цѣлою рѣчью; предсѣдательствующій его не останавливаетъ, какъ не останавливаетъ и другого обвинителя, интересующагося знать, гдѣ свидѣтель изучалъ банковское дѣло и какова его „компетентность" въ этомъ дѣлѣ. Еще меньше соотвѣтствуетъ судебнымъ обычаямъ отношеніе предсѣдательствующаго къ другому свидѣтелю защиты, г. Михельсону. Едва только послѣдній успѣлъ начать свое показаніе, какъ предсѣдательствующій его прерываетъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Позвольте васъ предупредить, что собственно суду нѣтъ интереса въ тѣхъ свѣденіяхъ, которыя имѣете о дѣятельности банка лично вы; суду интересно знать, знакомы ли вы съ Нотовичемъ и съ Градовскимъ" (авторомъ инкриминированныхъ статей)? Трудно понять, почему послѣднее для суда болѣе интересно, чѣмъ первое. Свидѣтели вызывались именно для изложенія всего того, что *имъ* извѣстно о дѣйствіяхъ банка, подвергшихся порицанію со стороны „Новостей" — и г. Михельсону была дана, впослѣдствіи, нѣкоторая возможность говорить на эту тему; чѣмъ же оправдывалась остановка, встрѣченная имъ на первомъ шагу и едва ли оставшаяся безъ вліянія на связность и полноту его дальнѣйшихъ объясненій?.. Смутить свидѣтеля, сбить его съ толку очень легко; гораздо труднѣе помочь ему возвратиться къ потерянной нити показанія. Еще менѣе цѣлесообразно сразу озадачить свидѣтеля вопросомъ объ отношеніяхъ его къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, да еще съ прибавкой, что именно разъясненіе этихъ отношеній интересно для суда. Вполнѣ понятнымъ такой вопросъ былъ бы только въ устахъ частныхъ обвинителей, да и то лишь тогда, когда въ самомъ показаніи свидѣтеля успѣло бы обнаружиться пристрастіе къ обвиняемому. Весьма тяжелымъ для свидѣтеля Михельсона былъ и дальнѣйшій ходъ допроса. Онъ хочетъ выяснить, въ чемъ заключаются прегрѣшенія банка; ему говорятъ, что это „судъ и безъ его разъясненій знаетъ". Онъ замѣчаетъ, что всякій параграфъ устава имѣетъ огромное значеніе для акціонеровъ; его просятъ „не удаляться въ соображеніяхъ, указывающихъ на его познанія, но не имѣющихъ отношенія къ дѣлу". Онъ упоминаетъ о „раздачѣ" акцій, практикуемой крупными акціонерами передъ общими собраніями; его спрашиваютъ, съ явнымъ оттѣнкомъ ироніи, *видѣлъ* ли онъ самъ такую раздачу, *слышалъ* ли онъ самъ

Digitized by Google

относящіеся къ ней приказы [1]). Одинъ изъ частныхъ обвинителей требуетъ отъ свидѣтеля точнаго указанія времени, когда произошло такое-то событіе. „Я не могу все помнить,—отвѣчаетъ свидѣтель,— я старъ, мнѣ шестьдесятъ-восемь лѣтъ". Этотъ отвѣтъ, совершенно естественный и ни въ чемъ не противный обязанностямъ свидѣтеля, вызываетъ со стороны предсѣдательствующаго строгое внушеніе свидѣтелю: „прежде всего помните, что вы даете показаніе въ судѣ, какъ свидѣтель, и ни въ какія реплики (?) не должны входить"... Такіе пріемы составляютъ исключеніе даже въ послѣднее время, когда предсѣдательствующіе на судѣ все шире и шире пользуются своею дискреціонною властью.

Въ преніяхъ сторонъ по дѣлу „Новостей" и тульскаго банка особенно интереснымъ представляется одинъ вопросъ, одинаково, но едва ли правильно разрѣшенный и обвиненіемъ, и защитой. Это—вопросъ о „раздачѣ" акцій, съ помощью которой обходится законъ, ограничивающій власть крупныхъ акціонеровъ. Какъ бы велико ни было количество акцій, принадлежащихъ одному лицу, число голосовъ, которымъ это лицо располагаетъ, не можетъ превышать, по закону, извѣстной максимальной цифры, бо̀льшею частью невысокой. Чтобы заручиться возможно бо̀льшимъ числомъ голосовъ, крупные акціонеры сплошь и рядомъ прибѣгаютъ къ распредѣленію своихъ акцій, путемъ мнимой переуступки, между подставными акціонерами, дѣйствующими, въ общемъ собраніи, въ интересахъ и по указаніямъ настоящихъ „хозяевъ" дѣла. Съ точки зрѣнія главнаго обвинителя (предсѣдателя правленія тульскаго банка, г. Масловскаго), такой порядокъ является неизбѣжнымъ результатомъ законодательной ошибки, исправленіе которой — только вопросъ времени. У насъ, какъ и во Франціи, какъ въ Германіи, придется признать за крупнымъ капиталомъ „надлежащую долю вліянія на дѣло"; но пока этого нѣтъ, „мы часто будемъ встрѣчаться съ примѣненіемъ искусственныхъ мѣръ къ урегулированію этого вліянія". Предосудительными такія мѣры, по мнѣнію частнаго обвинителя, могутъ быть признаны только тогда, когда онѣ имѣютъ цѣлью скрыть противозаконныя дѣйствія правленія. „Наши публицисты,—продолжаетъ г. Масловскій,—смотрятъ на дѣло иначе: они считаютъ это самостоятельнымъ злоупотребленіемъ, потому что въ простотѣ душевной проповѣдуютъ, что въ акціонерныхъ обществахъ надо придушить крупные капиталы въ пользу мелкихъ. Я полагаю, что это объясняется очень просто тѣмъ, что эти публицисты, не будучи акціонерами сами и не обладая никакими

[1]) Фактъ „раздачи" признанъ самими частными обвинителями. Всѣмъ извѣстно, что она совершается непубличнo, что видятъ ее и слышатъ о способѣ ея производства только лица, посвященныя въ дѣло.

Digitized by Google

серьезными знаніями этого дѣла, просто кричатъ съ чужого голоса мелкихъ акціонеровъ, проигрывая притомъ на либеральныхъ стрункахъ. По ихъ принципамъ, независимая печать никогда и ни въ чемъ не можетъ стоять за крупный капиталъ; ея миссія—защита мелкаго капитала. Конечно, все это на словахъ только, не ждите отъ нихъ строгой послѣдовательности. Какъ бы то ни было, но заставить крупнаго капиталиста плясать подъ дудку мелкихъ нельзя. Можно создать еще болѣе строгія въ законѣ ограниченія, которыхъ крупному капиталисту нельзя будетъ обойти—и тогда онъ совсѣмъ уйдетъ изъ акціонернаго дѣла. Будетъ ли это лучше для акціонернаго дѣла?.."

Въ такомъ же смыслѣ разрѣшается спорный вопросъ и въ рѣчи В. Д. Спасовича, съ тою, конечно, разницей, что вмѣсто развязности и самоувѣренности, дальше которыхъ не идетъ г. Масловскій, здѣсь являются картинные образы, остроумныя соображенія. „Подставные акціонеры и ихъ поставщики,—читаемъ мы въ защитительной рѣчи, —явленіе совершенно законное. Были, правда, въ такъ-называемой Барановской коммиссіи, при выработкѣ общаго устава россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, попытки установить строгія наказанія для такихъ акціонеровъ, но всѣ эти предложенія провалили, нынѣ они совершенно оставлены... Какъ бы ни было устроено акціонерное общество, оно всегда будетъ случайнымъ слиткомъ не лицъ, а только капиталовъ, стекающихся въ общіе резервуары по силѣ своей тяжести; какъ стекаетъ вода сверху внизъ по направленію къ центру земли, такъ и капиталъ стремится помѣститься тамъ, гдѣ получитъ наибольшій доходъ. Этотъ интересъ каждаго отдѣльнаго акціонера, состоящій въ томъ, чтобы получить въ самоскорѣйшее время наиболѣе дохода, находится въ полной противоположности съ интересами общаго дѣла, какъ цѣлаго; центробѣжныя стремленія преобладаютъ надъ центростремительными. Для пользы почти всякаго акціонернаго дѣла необходимо, чтобы оно попало въ крѣпкія руки, чтобы былъ человѣкъ или группа людей, которые въ своихъ личныхъ интересахъ старались бы о прочности и успѣхахъ самаго предпріятія. Въ томъ, что они распоряжаются дѣломъ самостоятельно и хозяйничаютъ, нѣтъ ничего предосудительнаго. Я знаю, что по теоріи акціонерное общество есть маленькое государство въ государствѣ, нѣчто имѣющее яко бы образъ конституціоннаго правленія, съ партіями, парламентомъ, министерствами. Но это только теорія. Въ дѣйствительности вы не заставите акціонера, чтобы онъ участвовалъ въ дѣлѣ всѣмъ умомъ и сердцемъ, чтобы онъ жертвовалъ чѣмъ-либо для дѣла, чтобы онъ имѣлъ по отношенію къ дѣлу какія-либо этическія обязанности. Въ государствѣ всѣ люди равны—богатые и бѣдные; я одинъ, я мало имѣю, но и я, и всякій человѣкъ, болѣе меня

Digitized by Google

богатый, мы одинаково рискуемъ и одинаково погибнемъ при крушеніи общественномъ. Но такое равенство немыслимо въ средѣ акціонернаго общества, между крупными и мелкими акціонерами. Вы не заставите акціонеровъ интересоваться предпріятіемъ, искать въ немъ чего-нибудь бо́льшаго, нежели дохода отъ капитала; нельзя обязать акціонеровъ даже, чтобы они бывали въ общихъ собраніяхъ, нельзя установить какія-либо взысканія за непосѣщеніе ими собраній. Немыслимъ и несбыточенъ акціонерный патріотизмъ. Нельзя устроить акціонерное общество на иномъ началѣ, кромѣ капитализма. Логично соразмѣрять участіе каждаго акціонера въ дѣлѣ пропорціонально капиталу, дать ему число голосовъ равное числу его акцій. По этому пути пошло гуманное законодательство. И какъ желательно господство этого начала! Пока оно не установлено вездѣ и во всѣхъ обществахъ, понятно, что люди, стоящіе во главѣ этихъ обществъ, когда имъ приходится считаться или бороться съ оппозиціей, стараются распредѣлять свои акціи такимъ образомъ, чтобы имѣть наибольшее число голосовъ. Я не усматриваю въ этомъ образѣ дѣйствій ничего безнравственнаго. Вы не можете запретить его каждому, какъ не можете запретить водѣ течь или огню жечь. Наша публицистика дѣйствительно увлекается, идя по противоположному направленію и мечтая о какихъ-то идеальныхъ акціонерныхъ обществахъ".

Несмотря на весь блескъ этой аргументаціи, она кажется намъ неубѣдительною. Замѣтимъ, прежде всего, что мысль о законодательныхъ мѣрахъ противъ фиктивной передачи акцій принадлежитъ не однимъ „публицистамъ", какъ это, повидимому, думаетъ г. Масловскій, и вовсе не окончательно оставлена въ оффиціальныхъ сферахъ, какъ полагаетъ В. Д. Спасовичъ. Въ Барановской коммиссіи ее едва ли „провалили"; неосуществленіе ея въ общемъ желѣзнодорожномъ уставѣ объясняется гораздо проще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ ней не было ничего спеціально относившагося къ желѣзнодорожнымъ обществамъ. Мѣсто для ея проведенія — общій акціонерный уставъ, новое уголовное уложеніе или сепаратный уголовный законъ, касающійся всѣхъ акціонерныхъ обществъ. Въ проектъ уголовнаго уложенія коммиссія, его составляющая, включила постановленіе вполнѣ аналогичное съ тѣмъ, о которомъ шла рѣчь въ Барановской коммиссіи. Статья 508-я проекта, въ первоначальной ея редакціи, воспрещаетъ акціонерамъ, подъ страхомъ ареста (до одного мѣсяца) или денежной пени (до ста рублей), фиктивную передачу акцій, на время общаго собранія. Тѣмъ же наказаніемъ проектъ грозитъ и подставнымъ акціонерамъ. Изъ числа всѣхъ лицъ и учрежденій, сообщившихъ коммиссіи замѣчанія на отдѣлъ объ „имущественныхъ посягательствахъ", противъ самаго

Digitized by Google

принципа статьи 508-й возражаютъ только редакціонный комитетъ уголовнаго отдѣленія петербургскаго юридическаго общества и одинъ изъ кіевскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, причемъ редакціонный комитетъ признаетъ необходимымъ установить наказаніе за фиктивную передачу акцій, если она совершается *возмездно*. Не знаемъ, на чемъ остановились, послѣ разсмотрѣнія этихъ замѣчаній, составители проекта; но уже самый фактъ включенія въ проектъ ст. 508-й и безмолвнаго или прямо выраженнаго одобренія ея множествомъ юристовъ устраняетъ возможность утверждать, вмѣстѣ съ г. Масловскимъ, что объ уголовной карѣ за фиктивную передачу акцій помышляютъ одни лишь мелкіе акціонеры и „кричащіе съ ихъ голоса" либеральные публицисты [1]). Что касается до самой сущности вопроса, то мы остаемся при мнѣніи, нѣсколько разъ выраженномъ нами на страницахъ „Вѣстника Европы" [2]). Мы продолжаемъ думать, что безусловная пропорціональность между числомъ акцій и числомъ голосовъ была бы несправедлива и нецѣлесообразна. Степень интереса къ дѣлу далеко не всегда соотвѣтствуетъ степени участія въ немъ. Для милліонера сотня тысячъ рублей, представляемая тысячей акцій, можетъ значить гораздо меньше, чѣмъ одна тысяча рублей—для владѣльца десяти акцій, представляющихъ собою главную часть его состоянія. Желаніе „получить въ самоскорѣйшее время наиболѣе дохода" гораздо легче можетъ возникнуть у крупнаго акціонера, не чуждаго спекулятивныхъ стремленій, чѣмъ у мелкаго, помѣстившаго въ акціи свои сбереженія и больше всего озабоченнаго ихъ цѣлостью. То противорѣчіе между интересами дѣла и интересами отдѣльныхъ его участниковъ, на которое указываетъ В. Д. Спасовичъ, можетъ явиться всего скорѣе при сосредоточеніи предпріятія въ рукахъ немногихъ лицъ, ищущихъ не наиболѣе вѣрнаго, а наиболѣе выгоднаго помѣщенія своихъ капиталовъ. Исторія акціонерныхъ обществъ у насъ въ Россіи свидѣтельствуетъ о томъ, что пониманіе истинныхъ интересовъ дѣла и лучшихъ способовъ его веденія оказывается, сплошь и рядомъ, на сторонѣ „оппозиціи", обезсиливаемой и побѣждаемой съ помощью подставныхъ акціонеровъ... Оградить мелкихъ акціонеровъ отъ всевластія крупныхъ и жела-

---

[1]) По истинѣ смѣшной кажется намъ претензія гг. акціонерныхъ и банковыхъ дѣльцовъ на монополію въ пониманіи вопросовъ, въ сущности весьма простыхъ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, нужны какія-то особенныя „серьезныя знанія", чтобы составить себѣ мнѣніе о фиктивной передачѣ акцій? На чемъ основана, наконецъ, увѣренность г. Масловскаго, что никто изъ „либеральныхъ" публицистовъ не владѣетъ и не владѣлъ акціями того или другого акціонернаго общества?

[2]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстника Европы" 1883 г.; № 9—1885 г., и № 10—1886 г.

Digitized by Google

тельно, и возможно. Пока обходъ закона, путемъ мнимой передачи акцій, не составляетъ преступленія, къ нему прибѣгаютъ охотно и часто. Совсѣмъ иное дѣло—прямое нарушеніе уголовнаго закона; однихъ удержитъ отъ него простое сознаніе преступности дѣйствія, другихъ—боязнь суда и наказанія.

Нападенія на Финляндію и финляндскіе порядки все больше и больше входятъ въ обиходъ извѣстныхъ органовъ нашей печати. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", напримѣръ, они сдѣлались почти такой же ежедневной газетной рубрикой, какъ метеорологическій бюллютень или списокъ театральныхъ представленій. Чрезвычайно рѣдкое явленіе составляетъ, наоборотъ, газетная или журнальная статья, относящаяся къ Финляндіи дружелюбно или хотя бы безпристрастно. Намъ пріятно было, поэтому, встрѣтить въ „Историческомъ Вѣстникѣ" (№ 4) статью Б. Б. Глинскаго: „Великодушное покореніе", обращающуюся, какъ видно уже изъ самаго ея заглавія, къ лучшимъ чувствамъ русскаго общества, а не къ его національнымъ предразсудкамъ. Разбирая новое сочиненіе г. Ордина, наиболѣе усерднаго и систематическаго противника финляндцевъ, г. Глинскій совершенно справедливо называетъ „Покореніе Финляндіи" „*злою книгою*, враждебною всякому свободному порыву, всякой новой мысли". „Традиція и буквенная законность, приниженность со стороны однихъ, барскія милости со стороны другихъ"—вотъ какъ опредѣляетъ г. Глинскій „багажъ морали", рекомендуемой г. Ординымъ и вносящей въ его книгу тотъ „специфическій запахъ, который неумѣстенъ въ трудахъ научнаго содержанія". Къ сожалѣнію, отъ этого запаха не свободны и другіе „научные" труды, посвящаемые финляндскому вопросу.

Статьѣ г. Глинскаго прямо противоположна, по производимому ею впечатлѣнію, статья профессора Коркунова, напечатанная въ № 4 „Юридической Лѣтописи" (новаго ежемѣсячнаго журнала, редактируемаго профессоромъ Сергѣевскимъ). Главная цѣль г. Коркунова—показать, что Финляндія не *соединена* съ Россіей, а *присоединена* къ ней, *инкорпорирована* въ ея составъ, какъ *завоеванная* провинція. Правъ ли профессоръ, отвергая всякую мысль о существованіи *уніи* между Финляндіей и Россіей, исчерпывается ли понятіе объ *уніи* тѣми двумя формами ея, о которыхъ идетъ рѣчь въ статьѣ г. Коркунова—этого вопроса мы здѣсь разбирать не будемъ; мы хотимъ только отмѣтить тѣ аргументы автора, которые сближаютъ его съ г. Ординымъ. „Ни одно изъ государствъ, находящихся въ уніи, —говоритъ г. Коркуновъ,—не можетъ притязать на подчиненіе себѣ

Digitized by Google

другого, потому что ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано исключительнымъ создателемъ ихъ единства, ни отъ одного изъ нихъ не потребовалось для установленія уніи какихъ-либо жертвъ, какой-либо траты средствъ и силъ. Совершенно иначе ставится вопросъ, когда мы имѣемъ дѣло съ завоеваніемъ. Государство-завоеватель является единственнымъ создателемъ разросшагося могущества государства. Завоеваніе покупается всегда очень дорогою цѣною, требуетъ отъ народа тяжелыхъ жертвъ, огромныхъ тратъ... Завоевавшее государство можетъ предоставить завоеванной области широкую мѣстную автономію, но не можетъ допускать полнаго отчужденія ея отъ себя, доходящаго до обособленія ея въ отдѣльное государство съ особымъ подданствомъ и съ особой территоріей... Иначе государство фактически распалось бы на нѣсколько отдѣльныхъ государствъ, чуждыхъ другъ другу и по управленію, и по культурѣ, и связанныхъ только общностью монарха". Невѣрно, прежде всего, то положеніе г. Коркунова, что для установленія уніи между двумя государствами не требуется ни отъ одного изъ нихъ затратъ и жертвъ. Нѣсколькими страницами выше самъ авторъ повѣствуетъ, что *соединенію* Норвегіи съ Швеціей предшествовали военныя дѣйствія, конечно стоившія и денегъ, и крови. Еслибы этого было достаточно для „притязаній" на „подчиненіе", то такія притязанія могли бы быть предъявлены и Швеціей по отношенію къ Норвегіи. Завоеваніе даетъ завоевателю *фактическую возможность* „инкорпорировать" завоеванную „провинцію"; но если онъ этою возможностью не воспользовался или воспользовался не вполнѣ, то странно напоминать о ней три четверти вѣка спустя, при отсутствіи обстоятельствъ, которыми оправдывалось бы измѣненіе отношеній между „завоевателемъ" и „завоеваннымъ". Вознагражденіемъ за траты и жертвы, понесенныя „завоевателемъ", можетъ служить не одно только *подчиненіе* завоеваннаго, выражающееся въ его „инкорпораціи". Норвегія, *соединенная* съ Швеціей, служитъ для нея, думается намъ, гораздо бо́льшимъ источникомъ благосостоянія и силы, чѣмъ служила бы Норвегія *присоединенная*... Отъ газетныхъ публицистовъ, подкапывающихся подъ самостоятельность Финляндіи, г. Коркуновъ отличается тѣмъ, что не возражаетъ противъ финляндской автономіи; на самомъ дѣлѣ, однако, онъ все-таки является ихъ союзникомъ, и они не безъ основанія ликуютъ, приводя цитаты изъ его статьи. Допустимъ, что русскимъ подданнымъ будутъ предоставлены въ Финляндіи всѣ права мѣстныхъ уроженцевъ; допустимъ также, что будетъ уничтожена таможенная линія между имперіей и великимъ княжествомъ. Развѣ они послѣ этого не останутся „чуждыми другъ другу по управленію и по культурѣ"? Безъ сомнѣнія, останутся, а этого г. Коркуновъ

Digitized by Google

не желаетъ. Чтобы не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, онъ долженъ, слѣдовательно, признать необходимость дальнѣйшихъ ограниченій финляндской „автономіи“, т.-е. перейти avec armes et bagages въ лагерь г. Ордина и „Московскихъ Вѣдомостей“.

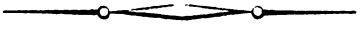
По вопросу о частныхъ перемѣнахъ въ гимназическихъ программахъ и учебныхъ планахъ появлялось въ печати, съ половины марта мѣсяца, такъ мало свѣденій, что̀ мы считаемъ не лишнимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на статью, только-что появившуюся въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 109). Напомнивъ о правительственномъ сообщеніи 8-го марта, признавшемъ необходимость *сохраненія нынѣ дѣйствующей системы классическаго образованія,* московская газета продолжаетъ такъ:

„Съ тѣхъ поръ прошло какихъ-нибудь шесть недѣль, и министерству народнаго просвѣщенія приписываются уже совершенно иные взгляды; говорятъ, будто оно согласно само изломать дѣйствующую систему. Или, можетъ быть, это не ломка, когда *двадцать* часовъ, посвящаемыхъ нынѣ преподаванію древнихъ языковъ, будутъ отданы другимъ предметамъ? Неужели министерство можетъ считать подобное *калѣченіе* нынѣ дѣйствующей системы классическаго образованія ея „сохраненіемъ“?! Мы отказываемся вѣрить слухамъ о подобныхъ противорѣчіяхъ и колебаніяхъ министерства, направленнымъ лишь къ тому, чтобы уронить его авторитетъ. Мы, напротивъ того, твердо уповаемъ, что наша школа не можетъ быть отдана на произволъ какимъ-то реформаторамъ, желающимъ замѣнить нашу общеевропейскую научную школу созданіемъ своей прихоти и фантазіи. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ всѣ средства доказать своимъ противникамъ, что всѣ недостатки нашихъ гимназій носятъ лишь *случайный, временной* характеръ и зависятъ отъ разныхъ легко устранимыхъ мѣстныхъ причинъ, а вовсе не отъ сущности классической системы. Министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ средства дѣйствительно устранить эти причины, не трогая устава 1871 года, а *улучшая пріемы гимназическаго преподаванія.* Такъ что̀ же могло бы побудить министерство отказаться отъ органическаго усовершенствованія гимназій и обратиться къ насильственной ихъ ломкѣ? Это было бы тѣмъ болѣе невѣроятно, что на министерствѣ лежитъ священная обязанность обезпечивать правильный, нормальный ходъ гимназическаго преподаванія, безъ котораго успѣшность этого преподаванія немыслима... Что же будетъ у насъ впереди, если тревожное чувство, тяготѣющее нынѣ надъ нашими гимназіями и парализующее всю ихъ дѣятель-

Digitized by Google

ность, уступитъ мѣсто не успокоенію, котораго всѣ такъ жаждутъ, а полной распущенности, вслѣдствіе крушенія гимназической системы? Реформа подобнаго характера противорѣчила бы всѣмъ прочимъ реформамъ и начинаніямъ настоящаго царствованія: она означала бы громадный шагъ назадъ въ развитіи умственныхъ и духовныхъ силъ Россіи, имѣющихъ такое глубокое вліяніе и на матеріальныя ея силы. Крушеніе классической системы исполнило бы радостью тѣхъ, кому не по сердцу всѣ прочія реформы послѣдняго десятилѣтія, и одно это обстоятельство указываетъ ложность пути, на который вступило бы министерство народнаго просвѣщенія, еслибы оно своею реформой угодило тому лагерю, который у насъ именуетъ себя либеральнымъ. Но, еще разъ, этого не можетъ быть, этого *не должно* быть!!..“

Что̀ означаютъ и чего стоютъ всѣ эти крики и вопли—предоставляемъ судить самимъ читателямъ.



Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Комитета научно-промышленной выставки въ Казани.

15-го мая 1890 года открывается въ Казани научно-промышленная выставка произведеній Волжско-Камскаго края и Востока Россіи, подъ Высочайшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича. Выставка имѣетъ существенною задачею представить умственное и экономическое состояніе Поволжья и Востока имперіи, а именно, губерній: казанской, тверской, ярославской, костромской, нижегородской, симбирской, самарской, саратовской, астраханской, вятской, пермской, уфимской. оренбургской губерній и областей Западной и Восточной Сибири, Кавказа и средней Азіи вмѣстѣ съ ханствами Хивы и Бухары. Потому въ задачи выставки входитъ ознакомленіе въ предѣлахъ вышеозначеннаго обширнаго района съ: 1) почвою, фауною, флорою и вообще естественными богатствами края, 2) археологіею, этнографіею края, бытомъ и жизнью инородцевъ, 3) условіями и данными народнаго образованія и главнымъ образомъ начальной школы, 4) санитарными условіями и положеніемъ медицинскаго дѣла, 5) развитіемъ мѣстной печати, книжнаго дѣла и искусства, 6) съ положеніемъ и развитіемъ сельско-хозяйственной, фабрично-заводской, ремесленной и кустарной промышленности, при чемъ на полноту этихъ отдѣловъ обращено особое вниманіе, 7) ознакомленіе представителей торгово-промышленнаго міра съ условіями и явленіями промышленности Сибири, Ташкента, Бухары, Хивы и Кавказа въ видахъ возможности пріобрѣтенія на дальнемъ Востокѣ новыхъ рынковъ для сбыта фабрично-заводскихъ, ремесленныхъ и кустарныхъ произведеній. Преслѣдуя таковыя цѣли, выставка имѣетъ въ виду поощрить наиболѣе усовершенствованныя производства, вызвать—путемъ взаимнаго соревнованія—стремленіе къ улучшенію фабрично-заводскаго, ремесленнаго и сельско-хозяйственнаго дѣла въ восточномъ районѣ имперіи, а благодаря устройству особаго ввознаго отдѣла, предназначеннаго для экспонентовъ всей остальной Россіи, ознакомить послѣднихъ съ промышленностью Волжско-Камскаго края въ интересахъ расширенія рынка для волжско-камскихъ производителей не только въ Сибири и на Востокѣ, но и внутри Россіи.

Почетнымъ попечителемъ выставки состоитъ г. министръ народнаго просвѣщенія графъ И. Д. Деляновъ. Выставкою завѣдуетъ особый Комитетъ изъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ (представителей г. Казани, губернскаго земства и общества естествоиспытателей, состоящаго при Императорскомъ казанскомъ университетѣ) подъ предсѣдательствомъ казанскаго городского головы.

Digitized by Google

I. Выставка состоитъ изъ слѣдующихъ 12 отдѣловъ: 1) научнаго съ отдѣленіями: историко-этнографическимъ, археолого-антропологическимъ, зоологическимъ, ботаническимъ и почвенно-геологическимъ; 2) фабрично-заводскаго, 3) ремесленнаго, 4) кустарнаго, 5) сельскохозяйственнаго съ отдѣленіями плодоводства, цвѣтоводства и огородничества, 6) сибирскаго, 7) азіатскаго и кавказскаго, 8) медико-санитарнаго, 9) школьнаго, 10) художественнаго, 11) книжно-типографскаго съ отдѣленіемъ фотографіи и 12) ввознаго. Каждый отдѣлъ находится въ завѣдываніи кого-либо изъ членовъ комитета.

II. Выставка будетъ открыта съ 15-го мая до 15-го сентября. Скотъ допускается на выставку съ 15-го августа.

III. Вещи должны быть доставлены къ 1-му мая; изъ отдаленныхъ мѣстъ экспонаты принимаются въ крайнихъ случаяхъ до 1-го іюня.

IV. Плата въ фабрично-заводскомъ, сибирскомъ, азіатскомъ и кавказскомъ отдѣлахъ за 1 кв. саж. I класса 45 р., II кл. 30 р., III кл. 15 р. Эта такса распространяется и на типографскій отдѣлъ, за исключеніемъ мѣстъ подъ книгами; фотографическіе экспонаты подчиняются таксѣ ремесленной.

Въ ремесленномъ отдѣлѣ и павильонахъ сельско-хозяйственныхъ кв. саж. I кл. 30 р., II кл. 20 р., III кл. 10 р.; въ отдѣлѣ цвѣтоводства 1 р. съ кв. сажени, огородничества по 2 р., съ крупнаго скота 10 р. съ головы, средняго по 5 р., мелкаго по 2 р.; съ овецъ шленскихъ по 3 р., съ птицъ по 2 р. съ пары. Въ ввозномъ отдѣлѣ за 1 кв. саж.: I кл. 75 р., II кл. 50 р., III кл. 25 р. Въ кустарномъ 1 кв. саж. 5 р. Плата вносится одновременно съ требованіемъ на мѣста. Отдѣлы: научный, школьный, медико-санитарный, художественный и мѣста, занятыя книгами безъ продажи, отъ платы за мѣста освобождены. Въ исключительныхъ случаяхъ Комитетъ даетъ безплатныя мѣста преимущественно въ кустарномъ отдѣлѣ.

V. Укупорка и доставка произведеній на выставку и съ выставки производится за счетъ экспонентовъ. Всякаго рода экспонаты представляются при особыхъ фактурахъ, высылаемыхъ Комитетомъ по первому требованію; въ научномъ же отдѣлѣ при простыхъ описяхъ.

VI. Наградами лучшихъ произведеній будутъ почетные отзывы, золотыя, серебряныя и бронзовыя медали и похвальные листы. Съ этою цѣлью, кромѣ медалей отъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, отъ Комитета будетъ заготовлено 20 золотыхъ, 40 большихъ серебряныхъ, 80 малыхъ серебряныхъ и 200 бронзовыхъ медалей. Въ отдѣлахъ ввозномъ и научномъ—поощреніемъ могутъ служить только почетные отзывы Списки лицъ, получившихъ награды, печатаются во всеобщее свѣденіе.

VII. Всѣ желѣзно-дорожныя общества допускаютъ безплатную транспортировку экспонатовъ на обратномъ пути, а казенныя дороги и экспонентовъ, по предъявленіи отъ Комитета установленныхъ удостовѣреній.

Для удобства пріѣзжей публики Комитетъ вошелъ въ соглашеніе съ содержателями гостинницъ, меблированныхъ комнатъ и домовладѣльцами.

Digitized by Google

VIII. За всѣми свѣдѣніями, программами, Положеніемъ, а равно заказами мѣстъ обращаться въ Казань, въ Выставочный Комитетъ, на имя предсѣдателя онаго, г. казанскаго городского головы.

II.—Извлеченіе изъ годовыхъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за 1889 годъ.

Къ 1 января 1889 года въ Обществѣ числилось 743 члена; въ теченіе года вновь избрано 37 лицъ; скончалось 18 лицъ (въ томъ числѣ члены-учредители: В. П. Безобразовъ, А. А. Краевскій, М. Е. Салтыковъ и Н. Г. Чернышевскій); сложили съ себя званіе членовъ 5 лицъ; такимъ образомъ къ 1 января 1890 г. въ Обществѣ числится 757 членовъ.

Комитетъ, управляющій дѣлами Общества, послѣ выборовъ 2 февраля 1889 г., составился изъ предсѣдателя К. К. Арсеньева, помощника предсѣдателя В. А. Манассеина, казначея Я. Г. Гуревича, секретаря В. И. Семевскаго и членовъ Ѳ. Ѳ. Воропонова, П. А. Гайдебурова, А. М. Жемчужникова, Н. К. Михайловскаго, П. О. Морозова, С. Л. Муромцева (въ Москвѣ), В. Ю. Скалона и А. К. Шеллера. На мѣсто выбывшихъ по уставу П. А. Гайдебурова, Н. К. Михайловскаго, П. О. Морозова и С. А. Муромцева общимъ собраніемъ 2 февраля 1890 г. выбраны: Н. И. Карѣевъ, В. Г. Котельниковъ, В. В. Лесевичъ и Н. С. Таганцевъ. Въ настоящее время бюро комитета состоитъ изъ предсѣдателя К. К. Арсеньева (Спб. Васильевскій островъ, 14-я линія, д. № 23, принимаетъ по воскресеньямъ отъ 11 до 12 часовъ), помощника предсѣдателя В. А. Манассеина (Выборгская сторона, Симбирская улица, д. № 12, принимаетъ ежедневно отъ $4^1/_2$ до $5^1/_2$ ч.), казначея В. Г. Котельникова (Малая Подъяческая, д. № 6, кв. 4, принимаетъ по средамъ отъ 5 до 7 ч. веч.) и секретаря В. Ю. Скалона (Васильевскій островъ, 3-я линія, д. № 16, принимаетъ по вторникамъ отъ 6 до 7).

Къ 1 января 1890 г. капиталъ Общества равнялся 142.759 руб. 15 коп.

Въ теченіе года были выданы слѣдующія денежныя пособія:

Пенсій на сумму 7.730 р. (на попеченіи фонда было пансіонеровъ и пансіонерокъ 34; за смертью четырехъ изъ нихъ осталось 30 человѣкъ). Размѣръ пенсіи простирался отъ 120 до 600 р. въ годъ.

Единовременныхъ пособій выдано 8.488 руб. и безсрочныхъ ссудъ —4.525 руб. (тѣхъ и другихъ 141 лицу въ размѣрѣ отъ 10 до 600 р.); продолжительныхъ пособій—1.582 руб.

Стипендій на сумму 1.580 р. и за воспитаніе дѣтей писателей 2.933 р. 75 к.

Срочныхъ ссудъ выдано на сумму 1.425 р. (9 лицамъ).

Не-денежныя пособія состояли въ слѣдующемъ: дочери 6 писателей воспитывались на предоставленныхъ литературному фонду безплатныхъ вакансіяхъ въ гимназіяхъ М. Н. Стоюниной, кн. Оболенской и г-жи Таганцевой; дочь писателя была освобождена, по ходатайству Комитета, отъ платы за обученіе на педагогическихъ кур-

Digitized by Google

сахъ, а братъ писателя — отъ платы за слушаніе лекцій въ казанскомъ университетѣ (ему же университетъ назначилъ пособіе въ 50 р.). Одинъ писатель былъ опредѣленъ, по просьбѣ Комитета, въ больницу; двумъ писателямъ выдавались безплатно лекарства изъ аптеки проф. Пеля. Четыре врача оказывали, по просьбѣ Комитета, медицинскую помощь больнымъ писателямъ. По просьбѣ 6 писателей, Комитетъ принималъ на себя посредничество въ сношеніяхъ съ редакціями повременныхъ изданій.

Отказано было: въ просьбѣ о пенсіяхъ 5 лицамъ, о пособіяхъ и безсрочныхъ ссудахъ 69 лицамъ, въ срочныхъ ссудахъ 11 лицамъ, въ прочихъ просьбахъ 6 лицамъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, Ихъ Императорскія Величества изволили пожаловать Обществу: Государь Императоръ 1000 руб. и Государыня Императрица 300 руб.; Ихъ Императорскія Высочества: Великій Князь Константинъ Николаевичъ и Великая Княгиня Александра Іосифовна 100 руб.; Великіе Князья: Владиміръ Александровичъ 200 руб. и Алексѣй Александровичъ 100 р.; Великій Князь Константинъ Константиновичъ и Принцесса Евгенія Максимиліановна Ольденбургская по 50 руб.

Отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія получено 1000 руб.

Что касается содѣйствія дѣятельности Общества частными лицами въ различной формѣ, то здѣсь будетъ упомянуто только о томъ, о чемъ не было заявлено въ прежнихъ отчетахъ Комитета, печатаемыхъ нѣсколько разъ въ теченіе 1889 года.

В. А. Гольцевъ и директоръ филармоническаго общества въ Москвѣ г. Шестаковскій устроили въ Москвѣ музыкальный вечеръ въ пользу Общества.

Типографія М. М. Стасюлевича безплатно печатала отчеты и бланки Общества, а газеты „День“, „Новости“, „Новое Время“, „Недѣля“, „Петербургскій Листокъ“, „Петербургская Газета“, „Правительственный Вѣстникъ“, „Русскія Вѣдомости“, „Московскія Вѣдомости“, „Кіевлянинъ“, „Волжскій Вѣстникъ“, „Казанскій Биржевой Листокъ“, „Одесскій Листокъ“, „Одесскій Вѣстникъ“, „Одесскія Новости“, „Саратовскій Листокъ“, „Саратовскій Дневникъ“ и нѣкоторыя другія, а также журналы: „Вѣстникъ Европы“, „Сѣверный Вѣстникъ“, Историческій Вѣстникъ“, „Русская Старина“, Русская Мысль“ печатали извлеченія изъ отчетовъ Общества, указанныя же петербургскія газеты печатали безплатно и объявленія, и извѣщенія Общества.

По духовному завѣщанію члена-учредителя Общества, Андрея Александровича Краевскаго, получено пожертвованіе въ 10.000 руб., которое и зачислено въ неприкосновенный имени А. А. Краевскаго капиталъ.

Въ капиталъ имени учредителя Общества М. Е. Салтыкова съ 1 сентября 1889 г. по 1 января 1890 г. поступило: отъ Е. А. Салтыковой 1000 р., изъ г. Шацка черезъ г. Смолдовскаго 53 р., изъ г. Рязани черезъ г. Баженова 40 р., изъ г. Вятки черезъ г. Бородина 50 р., отъ неизвѣстныхъ 12 р. 20 к., всего же въ капиталъ имени М. Е. Салтыкова въ теченіе 1889 года поступило 2.861 р. 24 к.

Въ концѣ года въ Комитетъ Общества стали поступать пожерт-

Digitized by Google

вованія для образованія капитала имени учредителя Общества Н. Г. Чернышевскаго отъ астраханскихъ почитателей 100 руб., отъ минскихъ почитателей 15 руб. и отъ В. К.—25 руб.

Лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, пріобрѣло отъ Е. М. Гаршина $^3/_8$ доли литературнаго наслѣдства, оставшагося послѣ В. М. Гаршина, и пожертвовало литературному фонду въ полную собственность. Фонду принадлежитъ теперь $^3/_4$ этого наслѣдства.

Всѣмъ означеннымъ лицамъ, учрежденіямъ и редакціямъ Комитетъ изъявляетъ глубочайшую признательность.

III. — Отъ Редакціи. — Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ дополненіе къ прежде поступившимъ, въ редакцію 80 рублямъ, для сооруженія на кладбищѣ въ Петергофѣ надгробнаго памятника Н. Д. Зайончковской (В. Крестовскій), вновь поступило отъ Е. С. и С. С. Старынкевичей—20 руб., а всего 100 рублей, которые и переданы въ Комитетъ литературнаго фонда, съ объясненіемъ цѣли жертвователей.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1890.

Книга третья. — Мартъ.

	стр.
На ущербѣ.—Романъ.—Часть вторая: I-XI.—П. Д. БОБОРЫКИНА	5
Практическая филантропія въ Англіи.—III. Національзація университетскаго образованія.—Окончаніе.—ИВ. ИВ. ЯНЖУЛА	55
На лонѣ природы.—Разсказъ.—X-XXI.—Окончаніе.—В. ДѢДЛОВА	86
Стихотвореніе.—Мнѣ за „гражданскую" тоску...—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА.	144
Древніе языки въ ряду общеобразовательныхъ наукъ.—А. В—ВЪ.	146
Современный Діогенъ.—Разсказъ.—I-V.—Н. А. ТАЛЬ	167
Книги и читатель въ наше время.—Schopenhauer: Parerga und Paralipomena—„Lesen und Bücher".—К. К. АРСЕНЬЕВА	202
Наканунѣ переворота въ 60-хъ годахъ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Соч. Мар. Крофорда.—Часть I: X-XIV.—Часть II: I-V.—А. Э.	217
Гердеръ.—I.—А. Н. ПЫПИНА	277
Стихотворенія.—I-III.—Я. ИВАШКЕВИЧА	322
Интимная литература.—„Journal des Goncourts".—VI-VIII.—Е. И. УТИНА.	324
Стихотворенія.—Лѣтнія ночи.—БЛ.	358
Хроника.—Государственные конкурсы во Франціи.—П.—М.	360
Внутреннее Обозрѣніе.—Введеніе въ дѣйствіе положенія о земскихъ начальникахъ и вызванныя имъ оффиціальныя заявленія.—Рѣчь преосвященнаго Виссаріона и необузданные комментаріи къ ней.—Pia desideria нѣкоторыхъ органовъ нашей печати.—Возстановленіе прежней редакціи закона о дворянскихъ ходатайствахъ.—Движеніе въ средѣ присяжной адвокатуры	377
Некрологъ.—Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ. —ръ	398
Первый профессіональный съѣздъ въ Петербургѣ.—А. П—въ.	403
Иностранное Обозрѣніе. — Соціально-политическіе проекты Вильгельма II.—Рескрипты 4-го февраля и отношеніе къ нимъ князя Бисмарка.—Парламентскіе выборы въ Германіи.—Газетные толки по поводу предпріятій и рѣшеній германскаго императора.—Французскія дѣла.—Смерть графа Андраши и восточный вопросъ.—Взглядъ „патріота" на современное положеніе русскаго народа	411
Литературное Обозрѣніе.—Жизнь и труды М. П. Погодина, Н. Барсукова, кн. III.—На Сѣверѣ, путевыя воспоминанія В. Х.—Новыя книги и брошюры	429
Замѣтка.—По поводу сочиненія Н. М. Минскаго: „При свѣтѣ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни".—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА	437
Новости иностранной литературы.—I. — Socialism of the Street in England, by Crofts.—Socialism at St. Stephen's, by the earl of Wemyss.—Socialism in England, S. Webb.—И. И.—II.—Idealismus, von Prof. Muff.—III. Philosophie und Politik, von M. Brasch.—Л. С.	442
Изъ Общественной Хроники.—Отношеніе нѣкоторыхъ органовъ нашей печати къ дворянскимъ собраніямъ.—Рѣчь графа А. А. Бобринскаго.—„Горе отъ ума", вывороченное на изнанку.—„Грязный хвостъ консерватизма", усмотрѣнный „Московскими Вѣдомостями"	451
Извѣщенія. Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей	463
Библіографическій Листокъ.—„Пошехонская Старина", М. Е. Салтыкова —Гуманистическая гимназія и петиція о полномъ переустройствѣ нѣмецкихъ школъ, Оскара Іегера, директ. кельнской гимназіи.—Послѣ Пушкина. Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ.—Я. Бертильонъ. Статистика движенія населенія во Франціи.	

Digitized by Google

Книга четвертая. — Апрѣль.

стр.

Реформа гимназій въ Германіи.—I.—АНТ. ОКОЛЬСКАГО. 465
На ущербѣ.—Романъ.—XII-XXIV.—П. Д. БОБОРЫКИНА. 498
Новая фантазія на старую тему.—I.—И. И. Я. 553
Стихотворенія.—Христосъ воскресъ!—АЛЕКСѢЯ ЖЕМЧУЖНИКОВА . . 590
Современный Діогенъ.—Разсказъ.—VI-IX.—Окончаніе.—Н. А. ТАЛЬ. . . . 591
Ex oriente lux.—ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА. 623
Гердеръ.—II.—Окончаніе.—А. Н. ПЫПИНА 625
Наканунѣ переворота въ 60-хъ годахъ.—Романъ въ двухъ частяхъ.—Соч. Мар. Крофорда.—Часть II: VI-XI.—А. Э. 673
Стихотворенія.—I-IV.—М. А. Д. 719
Старыя и новыя понятія о Государствѣ.—I-II.—Л. З. СЛОНИМСКАГО . . . 722
Кейстутъ и Бирута.—Литовская быль изъ XIV вѣка.—М. ЛИПКИНА. . . . 739
Новый историкъ германской имперіи.—Sybel, Die Begründung des deutschen Reiches durch Wilhelm I.—К. К. АРСЕНЬЕВА. 785
Хроника.—Переселенія и русское народное хозяйство.—А. А. ИСАЕВА. 802
Иностранное Обозрѣніе.—Отставка князя Бисмарка, ея причины и послѣдствія. —Особенность положенія и политики канцлера за послѣдніе годы.—Разногласія съ Вильгельмомъ II и съ общественнымъ мнѣніемъ Германіи.—Дипломатія въ парламентскихъ дѣлахъ.—Злоупотребленія оффиціозной печати.—Значеніе канцлерскаго кризиса для Германіи и для Европы.—Берлинская конференція по рабочему вопросу.—Министерскія перемѣны въ Венгріи и во Франціи 848
Литературное Обозрѣніе.—И. И. Неплюевъ и Оренбургскій край до 1758, В. Витевскаго.—И. Н. Смирновъ, Черемисы; его же, Вотяки.—Біографія Александра Ивановича Кошелева, Н. Колюпанова.—Русскія юридическія древности, В. Сергѣевича.—Русскіе лопари, Н. Харузина. А. В.—Новыя книги и брошюры. 863
Новости иностранной литературы.—Travels in France, by Arthur Young, with an introduction etc., by M. Betham Edwards.—И. И.—Adam Smith und der Eigennutz. Eine Untersuchung, von Richard Zeyss.—Sociale Politik im Deutschen Reich, von Dr. Karl Wasserrab.—De la possibilité d'une future alliance franco-allemande, par le colonel Stoffel.—Л. С. 878
Изъ Общественной Хроники.—Впечатлѣнія присяжнаго засѣдателя. — Ошибки слѣдственной и судебной власти, какъ одинъ изъ источниковъ оправдательныхъ вердиктовъ. — Отличительныя черты нашихъ крестьянъ-присяжныхъ.—Московскія правила о помощникахъ присяжныхъ повѣренныхъ, и рѣчь, произнесенная въ ихъ защиту. 894
Извѣщенія.—Отъ Комитета VIII-го съѣзда естествоиспытателей и врачей . . 909
Библіографическій Листокъ.—Кн. Сергѣй Трубецкой, Метафизика въ древней Греціи.—Н. Карѣевъ, Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Выпускъ II.—Психологія вниманія. Д-ра Т. Рибо.—Налогъ на освобожденныхъ отъ воинской повинности въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи. Соч. В. Брандта.—Н. Карышевъ, Экономическія бесѣды. 2-ое изданіе.—Ник. Энгельгардтъ, Сказки.—Его же, Стихотворенія.

Digitized by Google

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Типографіи М. М. Стасюлевича.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 лин., 28.

ПОШЕХОНСКАЯ СТАРИНА

М. Е. Салтыкова.

С.-Петербургъ. 1890 г. Стр. 394. Цѣна 2 р. 50 к.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ,

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

А. Н. Пыпина.

Томъ первый: Общій обзоръ изученій народности, и этнографія великорусская.

Спб., 1890 г.—Цѣна съ подпискою на остальные три тома—10 рублей съ пересылкою.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ.

А. Н. Пыпина.

Предисловіе.—Введеніе.—I. Романтизмъ. Жуковскій.—II. Пушкинъ.—III. Народность оффиціальная.—IV. Проявленіе скептицизма. Чаадаевъ.—V. Развитіе научныхъ изслѣдованій народности. — VI. Славянофильство. — VII. Гоголь. — VIII. Бѣлинскій. — IX. Заключеніе.

Изданіе 2-ое, исправленное и дополненное. Спб., 1890. Цѣна 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

А. Н. Пыпина.

Предисловіе. — Введеніе. — I. Воспитаніе и характеръ Александра I. — II. Первые годы царствованія.—Планы преобразованія.—III. Сперанскій. — IV. Карамзинъ. Записка о древней и новой Россіи. — V. Переходное время. — Возбужденіе умовъ послѣ 1812 года.—Переходное время. — Возобновленіе масонскихъ ложъ и ихъ закрытіе.—Ланкастерскія школы и пр.—VI. Движеніе умовъ послѣ 1815 года и послѣдніе годы царствованія. — Приложеніе: 1) Письмо Сперанскаго къ импер. Александру въ январѣ 1833 г. изъ Перми.—2) Литература о двадцатыхъ годахъ. — 3) Обзоръ проекта Новосильцова.—4) „Законоположеніе Союза Благоденствія". — 5) Біографическія свѣденія о Н. И. Тургеневѣ.—Указатель.

Изд. 2-ое, пересмотр. и дополненное. Спб., 1885 г. Цѣна 4 рубля съ пересылкою.

Вѣстникъ Европы.—Май, 1890.

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ

ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

К. К. Арсеньева.

Томъ первый: I. Русская общественная жизнь въ сатирѣ Салтыкова. — II. В. Крестовскій (псевдонимъ).
Томъ второй: I. Н. А. Некрасовъ. — II. А. Н. Майковъ. — III. Я. П. Полонскій. — IV. А. Н. Плещеевъ.—V. И. С. Аксаковъ, какъ поэтъ.—VI. Русскіе поэты новѣйшаго времени: Надсонъ, Минскій, Фругъ, Апухтинъ, Андреевскій, Фофановъ. — VII. Романъ, какъ орудіе регресса: Болеславъ Маркевичъ.—VIII. Молодые русскіе беллетристы: Короленко, Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ, Чеховъ.—IX. Валеріанъ Майковъ.—X. Пейзажъ въ современномъ русскомъ романѣ.—XI. Теорія экспериментальнаго романа.

С.-Петербургъ, 1888. Стр. 350 и 357. Ц. 3 руб.

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ

Л. Слонимскаго.

Содержаніе: Законы исторіи.—Политическія метаморфозы.—Право и безправіе войны. —Западно-европейскіе парламенты и парламентаризмъ. — Государственный соціализмъ, какъ политическая система.—Политическія партіи: 1) метаморфозы либерализма; 2) славянофилы и свободники. — Практика международной политики: 1) старые политическіе грѣхи; 2) балканскія дѣла; 3) внѣшніе союзы и газетная политика.—Приложенія: 1) о курсѣ проф. Мартенса; 2) по поводу полемики о войнѣ; 3) о книгахъ проф. Градовскаго и Гнейста.

Спб. 1889 г. Стр. XII и 389. Цѣна 2 р.

СОЧИНЕНІЯ В. Д. СПАСОВИЧА.

Литературные очерки и портреты.

Томъ I. — Предисловіе. — Владиславъ Сырокомля.—Шекспировскій Гамлетъ.—Мартинъ Матушевичъ и его мемуары. — Нѣсколько словъ о Кавелинѣ. — Рѣчь о Пушкинѣ. — Винцентій Поль и его поэзія.

Съ портретомъ автора. Спб. 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к.

Томъ II. — Байронъ и нѣкоторые его предшественники. — Мицкевичъ въ раннемъ періодѣ его жизни (до 1830 г.) какъ байронистъ. — Пушкинъ и Мицкевичъ у памятника Петра Великаго.—Байронизмъ у Пушкина.—Байронизмъ у Лермонтова.

Спб., 1889 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 70 к.

ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ФИНАНСОВОЙ НАУКИ.

Профессора **И. И. Янжула.**

УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ДОХОДАХЪ.

Выпускъ первый съ билетомъ на 2-й. Спб., 1890 г. Цѣна за оба выпуска 4 рубля, съ пересылкою 4 р. 50 к.

ИСТОРІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ЕЯ ПИСАТЕЛЯХЪ И ИЗСЛѢДОВАНІЯХЪ НОВѢЙШИХЪ УЧЕНЫХЪ.

М. М. Стасюлевича.

Второе изданіе, въ трехъ томахъ. Т. I: отъ паденія З. Р. И. до Карла В. (VI, VII и VIII стол.); т. II: отъ Карла В. до начала крестовыхъ походовъ (IX, X и XI стол.); т. III: Крестовые походы (XII и XIII стол.).

Спб., 1885—87 гг. Цѣна 8 р. 50 к., съ пересылкою 10 р.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ЖЕНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ РОССІИ (1086—1796 г.).

Е. Лихачевой.

С.-Петербургъ. 1890 г. Стр. 296. Цѣна 2 рубля.

СОЧИНЕНІЯ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО.

Романы, повѣсти и разсказы: *I томъ*: Мировичъ, Екатерина II на Днѣпрѣ, Царь Алексѣй съ соколомъ, Вечеръ въ теремѣ царя Алексѣя, Христосъ-сѣятель, Стрѣлочникъ. — *II т.*: Княжна Тараканова, Потемкинъ на Дунаѣ, На Индію при Петрѣ I, Уманская рѣзня, Маляръ.—*III т.*: Черный годъ, Бѣсы.—*IV т.*: Сожженая Москва, 1825-й годъ, Семейная старина, Поѣздка къ гр. Л. Н. Толстому.—*V т.*: Бѣглые въ Новороссіи, Воля.—*VI т.*: Новыя мѣста, Феничка, Лаврушка, Сорокопановка, Знакомство съ Гоголемъ, Украинскія сказки, Стихотворенія.—*VII т.*: Девятый валъ, Четыре времени года украинской охоты, Легенда о Господѣ. — *VIII т.*: Переводы изъ Шекспира—Ричардъ III и Цимбелинъ, Украинская старина.

Изданіе шестое. Цѣна за 8 томовъ—10 р., съ пересылкою 12 р.

Продаются отдѣльно—для имѣющихъ первыя 5 распроданныхъ изданій автора:

7-й ТОМЪ (5-го изданія) **СОЧИНЕНІЙ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО** (410 стр.):

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ (Пугачовщина),

романъ въ 3 ч.; **Имянины прабабушки**, разсказъ, и пр. Спб., 1889 г.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 20 к.

ПОВѢСТИ, СКАЗКИ и РАЗСКАЗЫ

Кота-Мурлыки.

Томъ первый. I. Слово.— II. Въ потьмахъ.— III. Князь Костя. — IV. Двѣ стклянки. — V. Мирра. — VI. Люди и Собаки. — VII. Абу-Гассанъ. Спб. 1887 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; въ роскошн. перепл. съ перес. 3 р.

Томъ второй. I. Почему міръ не устроенъ.—II. Волька.—III. Къ свѣту. Спб. 1888 г. Цѣна 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; въ роскошн. перепл. съ перес. 3 р.

Томъ третій. I. Два вѣка. — II. Фіори. — III. За счастьемъ. — IV. Базиль Гранжб.— V. Ольдъ-Диксъ.—VI. Дѣтскій театръ.—VII. Искра.—VIII. На Масляницѣ. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.; въ роскошн. перепл. съ перес. 3 р.

Томъ четвертый. I. Новый вѣкъ.—II. При царѣ Горохѣ.—III. Два брата.—IV. Инегильда.—V. Актриса.—VI. Гризли. 1890 г. Ц. 1 р. 75 к. съ пересылкою 2 р.

СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

М. Михайлова.

Спб., 1890 г. Цѣна 3 рубля съ пересылкою.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОРТРЕТАХЪ.

ИСТОРІЯ ИЗОБРАЖЕНІЙ ПОЭТА ВЪ ЖИВОПИСИ, ГРАВЮРѢ И СКУЛЬПТУРѢ

Сигизмунда Либровича.

Съ 70 иллюстраціями, въ томъ числѣ 30 снимковъ съ портретовъ поэта: 15 копій съ картинъ, гравюръ и рисунковъ, на которыхъ изображенъ Пушкинъ; 5 факсимиле собственноручныхъ набросковъ поэта: 13 видовъ памятниковъ и проектовъ памятника; 2 снимка съ Пушкинской медали и т. п.

Спб., 1890 г. Цѣна 3 р. съ пересылкою.

Digitized by Google

ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЯ

о преобразованіи мѣстныхъ крестьянскихъ и судебныхъ учрежденій и правила о производствѣ судебныхъ дѣлъ подвѣдомственныхъ земскимъ начальникамъ и городскимъ судьямъ, съ изложеніемъ узаконеній, на которыя сдѣланы ссылки въ „Законоположеніяхъ". Съ объясненіемъ **Г. Верблоскаго.** Въ двухъ частяхъ.

Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

ПИСЬМА ИЗЪ БОЛГАРІИ въ 1877 г.

Евгенія Утина.

С.-Петербургъ, 1879 г. Цѣна 2 р. 50 к. съ пересылкою.

ДВОРЯНСКІЕ РОДЫ,

ВНЕСЕННЫЕ ВЪ ОБЩІЙ ГЕРБОВНИКЪ ВСЕРОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Составилъ гр. **Александръ Бобринскій.**

Часть I (до конца XVI столѣтія). Часть II (отъ начала XVII столѣтія до 1885 года).

Спб., 1890 г. Цѣна за обѣ части 8 руб., пересылка за 10 фунтовъ по разстоянію.

ОБЪ УМѢ и МЕТОДѢ ЕГО ВОСПИТАНІЯ.

Сочиненіе доктора **Михаила Зеленскаго.**

Спб., 1890 г. Цѣна 2 рубля, съ пересылкою 2 р. 20 к.

СУЩНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОЦЕССА

И РОЛЬ ЛИЧНОСТИ ВЪ ИСТОРІИ.

Профессора **Н. Карѣева.**

Спб., 1890 г. Цѣна 4 рубля, съ пересылкою 4 руб. 50 коп.

ОЧЕРКЪ РАЗВИТІЯ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ВЪ ИСЛАМѢ.

Опытъ исторіи мусульманскаго сектантства отъ смерти Мухамеда до нашихъ дней.

С. И. Уманецъ.

Спб., 1890 г. Цѣна 1 р. 25 к., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Digitized by Google

Исторія русской этнографіи. Т. I. Общій обзоръ изученій народности, и этнографія великорусская. А. Н. Пыпина. Спб. 90. Стр. 424. Цѣна съ подпискою на II-IV т. 10 руб.

Авторъ обѣщаетъ закончить предпринятое имъ изданіе исторіи русской этнографіи въ теченіе года. Въ вышедшемъ нынѣ первомъ томѣ не только собраны вмѣстѣ отдѣльные этюды и изслѣдованія по различнымъ предметамъ русской этнографіи, появлявшіеся на страницахъ нашего журнала въ теченіе послѣднихъ 8 лѣтъ, но и вновь пересмотрѣны и дополнены. Хотя наша этнографія приняла научный характеръ только съ сороковыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, но первый приступъ къ изученію народности былъ сдѣланъ еще въ эпоху Петровской реформы, а отдѣльныя попытки къ тому встрѣчаются даже въ XVII вѣкѣ, вслѣдствіе того и авторъ начинаетъ первый томъ съ общаго обзора изученій русской народности и результатовъ ихъ въ понятіяхъ современниковъ, и затѣмъ подробнѣе излагаетъ главнѣйшія теченія, какія принимала русская этнографія въ XVIII и XIX вѣкѣ въ лицѣ своихъ главныхъ представителей; первый томъ останавливается такимъ образомъ на 50-хъ годахъ нынѣшняго вѣка и на тѣхъ этнографическихъ элементахъ, какіе заключались въ литературѣ послѣ Пушкина и Гоголя, когда, какъ говоритъ авторъ, имя народа стало появляться у всѣхъ на устахъ. Автору, впрочемъ, не безъизвѣстно лицемѣрное злоупотребленіе при этомъ именемъ „народа", но онъ, тѣмъ не менѣе, признаетъ, что въ самомъ распространеніи интереса къ народу есть другая, серьезная и лучшая сторона; „несомнѣнно,—говоритъ онъ,—въ этой лучшей сторонѣ сказывается, хотя бы въ начаткахъ, народно-общественное самопознаніе, предчувствуется великая историческая задача, предлежащая обществу, и безъ рѣшенія которой грозитъ бѣдствіе самому національному существу: сознается нравственный долгъ образованнаго меньшинства къ народной массѣ — и отсюда необходимость серьезнаго изученія". Авторъ имѣетъ въ виду приступить послѣ къ окончательной редакціи обозрѣнія русской этнографической литературы, въ формѣ библіографическаго указателя.

Энциклопедическій Словарь, подъ редакц. проф. И. Е. Андреевскаго. Т. I. А. Алтай. Спб. 1890. Стр. 480.

Какъ видно изъ предисловія къ вышедшему нынѣ первому тому, въ основу Словаря положено XIII-е изданіе Брокгауза: Conversations-Lexicon, со всѣми его приложеніями картъ и рисунковъ, съ измѣненіями и дополненіями текста, гдѣ нужно, на основаніи другихъ существующихъ иностранныхъ энциклопедій; статьи же, касающіяся Россіи, составлены самостоятельно и „обработаны почтенными русскими учеными" (имена ихъ не приводятся). Все изданіе займетъ отъ XVI до XVIII томовъ и будетъ окончено въ 5—6 лѣтъ, т.-е. по 3—4 тома ежегодно. Вслѣдъ за выходомъ перваго тома, въ нашей печати появились уже указанія какъ общихъ его недостатковъ, такъ и частныхъ ошибокъ и промаховъ; эти указанія въ большинствѣ случаевъ, къ сожалѣнію, нельзя не признать основательными, и, надобно думать, они не пройдутъ безслѣдно для редакціи при ея будущихъ трудахъ. Вообще изданіе выиграло бы только, еслибы вышеприведенная его программа выполнялась болѣе строго, а именно, еслибы многое, въ оригиналѣ изложенное подробно для нѣмецкой публики, подверглось болѣе сильному сокращенію, а выигранное такимъ образомъ мѣсто уступалось бы русскимъ предметамъ, подобно тому, какъ то сдѣлано и въ Лексиконѣ Брокгауза, гдѣ русскіе предметы, мало интересные для нѣмцевъ, справедливо сокращены до послѣдней возможности, а многое и совершенно опущено. Отдѣльные промахи, конечно, неизбѣжны въ такомъ сложномъ и обширномъ изданіи, но, тѣмъ не менѣе, процентъ ихъ въ русскомъ изданіи не долженъ, въ всякомъ случаѣ, превышать процента промаховъ въ оригиналѣ, а тамъ онъ далеко не такъ великъ, какъ то обнаружилось въ первомъ томѣ русскаго изданія.

Руководство для живописи на фарфорѣ, съ прибавленіемъ главъ: о дѣйствіи контраста и о выборѣ драпировокъ и головного убора, подходящихъ къ тону лица. А. К. Ламанской. Спб. 90. Стр. 164. Ц. 1 р.

Въ предисловіи авторъ предупреждаетъ, что составленное имъ „руководство" посвящается прежде всего „любителямъ" этого искусства и не освобождаетъ серьезно учащагося отъ необходимости пользоваться указаніями опытнаго учителя, что, впрочемъ, слѣдуетъ сказать вообще о всѣхъ такъ-называемыхъ руководствахъ. Трудность этого рода живописи, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что въ ней, послѣ самого художника, является еще одинъ художникъ—огонь, измѣняющій при обжигѣ первоначальные цвѣта красокъ, и съ нимъ-то всегда долженъ считаться пишущій на фарфорѣ. Настоящее руководство является систематическимъ собраніемъ необходимыхъ совѣтовъ, съ указаніями разнообразныхъ свойствъ всѣхъ принадлежностей живописи на фарфорѣ, начиная съ самаго фарфора и до красокъ включительно, а также пріемовъ обжига, гармоніи цвѣтовъ и драпировки позирующаго, при письмѣ съ натуры. Любители этой красивой и вѣковѣчной живописи останутся, безъ сомнѣнія, признательны автору за облегченіе труда знакомиться съ различными авторитетами этого искусства за границею, такъ какъ они найдутъ здѣсь все необходимое для себя и уже провѣренное и подтвержденное опытомъ мастеровъ этого дѣла.

Очеркъ торговаго московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изданіе второе. Историч. монографія Николая Костомарова. Спб. 1889. Стр. 359. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящая монографія принадлежитъ къ числу тѣхъ трудовъ нашего покойнаго историка, которые если и уступаютъ другимъ его произведеніямъ по своей, такъ сказать, популярности, то научное значеніе ихъ, благодаря обширной начитанности автора и его умѣнью группировать историческій матеріалъ и освѣщать его со всѣхъ сторонъ, сохраняетъ всю свою прежнюю силу и весь интересъ.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1890 г.

(Двадцать-пятый годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . .	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . .	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе.—Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ, въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года, въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается—**безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Съ перваго апрѣля открыта подписка на вторую четверть 1890 года.

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ *Петербургѣ:* 1) въ Конторѣ журнала, на Вас. Остр., 5 лин., 28; и 2) въ ея Отдѣленіяхъ, при книжн. магаз. К. Риккера, на Невск. просп., 14, и А. Ф. Цинзерлинга, Невск. пр., 46, противъ Гостин. Двора;—въ *Москвѣ:* 1) въ книжн. магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и 2) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.—*Иногородные* и *иностранные*—обращаются: 1) по почтѣ, въ Редакцію журнала, Спб., Галерная, 20; и 2) лично—въ Контору журнала.—Тамъ же принимаются ИЗВѢЩЕНІЯ и ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Примѣчаніе.—1) *Почтовый адрессъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе—40 коп.—3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.—4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича, В. О., 5 лин., 28.

Digitized by Google

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1890.

Стр.

I.—НА УЩЕРБѢ.—Романъ.—Часть третья.—XII-XXIII.—Окончаніе.—**П. Д. Боборыкина** 433

II.—ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОМА ВЪ РОССІИ.—**А. П—ова** 485

III.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Душистые цвѣты.—II. Скрывай отъ толпы.—**П. Козлова.** 543

IV.—КАЛИФОРНІЯ И УССУРІЙСКІЙ КРАЙ.—**Платона Чихачева** 545

V.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Ни о чемъ не мечтаю.—II. Порою наше поколѣнье.—**К. Медвѣдскаго.** 569

VI.—ПО МАЛОЙ АЗІИ.—Изъ путевыхъ записокъ.—**В. Теплова** 571

VII.—ЭКЗЕМПЛЯРЪ.—Эскизъ.—**О. Стулли** 619

VIII.—СЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ.—**О. Б.** 648

IX.—СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ. — Два разсказа Ог. Филона.—I. Дѣвическая грёза.—II. Кукла.—**А. Э.** 667

X.—ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.—„Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историческій Вѣстникъ".—II.—**А. В—на** 710

XI.—ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОЭТОВЪ.—Три скорби.—**О. М—вой** 756

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1887 г.—Положеніе православія въ остзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ.—Борьба съ язычествомъ на Востокѣ. — Расколъ и сектантство.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Международный пенитенціарный конгрессъ и вопросы о преступныхъ дѣтяхъ. 757

XIII.—ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ. — По вопросу о законахъ Финляндіи. Проф. госуд. права въ Имп. Александровскомъ университетѣ **Р. Германсона** . . 776

XIV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическія перемѣны въ Германіи.—Результаты удаленія кн. Бисмарка.—Открытіе новаго имперскаго сейма—прежде и теперь.—Настроеніе парламентскихъ партій.—Законы объ увеличеніи состава арміи и объ охранѣ рабочихъ.—Бесѣды кн. Бисмарка съ газетными корреспондентами.—Французскія дѣла 799

XV.—НОВЫЯ РЕФОРМЫ ВЪ СРЕДНЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВО ФРАНЦІИ.—Письмо изъ Парижа.—**М.** 811

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Казань въ ея прошломъ и настоящемъ, М. Пинегина.—Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства, Ѳ. Булгакова, т. I.—Исторія педагогики, К. Шмидта, т. I.—**А. П.**—Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. LXX.—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, В. Левитскаго.—Объ умѣ и методѣ его воспитанія, М. Зеленскаго.—**Л. С.**—Новыя книги и брошюры 826

XVII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I. E. de Cyon, La France et la Russie.—II. Villot, l'Alliance russe.—III. Antagonismus der englischen und russischen Interessen in Asien.—**Л. С.** 847

XVIII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ послѣ ихъ преобразованія.—Личный составъ слушательницъ и распредѣленіе ихъ по отдѣленіямъ.—Вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ.—Открытіе интерната. — Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета.—Открытіе первой сельской общественной библіотеки. 855

XIX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—I. Отъ Совѣта Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ.—II. Отчетъ по изданію сборника „Памяти В. М. Гаршина" 865

XX.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. II.—Красноярскій округъ Енисейской губерніи, Н. В. Латкина.—Сазоновъ, Г. П. Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ.—Американская республика, Дж. Брайса, ч. II: Правительство штатовъ. Перев. В. Н. Невѣдомскій. — И. И. Янжулъ. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Вып. 1.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.

(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

Digitized by Google

НА УЩЕРБѢ

РОМАНЪ.

Окончаніе.

XII *).

На самой верхней площадкѣ „Стараго Замка“, надъ каскадомъ, откуда вся Ницца, старая и новая, видна съ довольно большой высоты, пріютилась лавочка итальянца, торгующаго вещами изъ оливковаго дерева.

Около него, поодаль, стояла группа дѣтей и съ ними солдатъ съ зелеными эполетами стрѣлка—маленькаго, почти дѣтскаго роста.

У самаго прилавка перебирали ящички и портъ-монэ Ермиловъ и Куликовъ, передавали другъ другу вещи и, переговариваясь по-русски, находили многое совсѣмъ недешевымъ.

У самаго парапета, въ пол-оборота къ морю и желтой лентѣ двухъ набережныхъ—Quai du Midi и Promenade des Anglais—Анна Гавриловна, прикрывая себя зонтикомъ отъ отраженныхъ въ морѣ лучей солнца, тихо говорила съ Кустаревымъ.

На ней былъ свѣтлый суконный туалетъ съ высокимъ воротникомъ, узкими рукавами и вырѣзомъ спереди, въ родѣ халата въ обтяжку, въ мелкую клѣтку. Ея бюстъ вырѣзывался на фонѣ неба, свободная рука красиво падала вдоль бедра. Голову она немного нагнула къ своему собесѣднику.

Онъ накинулъ пальто по-русски на плечи, морщился отъ солнца и курилъ.

---

*) См. выше: май, стр. 108.

Digitized by Google

— Вы не боитесь одиночества, если васъ постигнетъ этотъ ударъ?

Передъ тѣмъ у него вырвалась фраза:

— „Пересталъ вѣрить въ то, что Гаря моя встанетъ".

Щеки Анны Гавриловны поблѣднѣли отъ свѣжаго вѣтерка, ходившаго по этой вышкѣ; нижнюю губу она прижала верхними зубами и смотрѣла на Кустарева изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ.

Этотъ приговоръ, услышанный ею внезапно, не заставилъ ее покраснѣть, а напротивъ кровь у нея отхлынула отъ сердца, даже ощущеніе холода въ груди явственно заявило о себѣ.

Ея вопросъ о предстоящемъ одиночествѣ сдѣланъ былъ тихо, голосомъ, унавшимъ сразу. Въ этомъ и сказался сильный наплывъ душевныхъ волненій.

— Одиночества!—выговорилъ Кустаревъ и махнулъ рукой, которою онъ до того касался каменнаго парапета.—Эхъ, Анна Гавриловна, можно ли уйти отъ одиночества?!..

— Даже и тогда, когда есть привязанность, долгая и единственная?

— Какъ бы ни жили мужъ и жена душа въ душу, все-таки всегда человѣкъ самъ съ собою,—отвѣчалъ Кустаревъ.

— Это очень вѣрно!..

— Какъ же не вѣрно? Подкрадется разлука... на вѣки... Чтожъ! Надо было готовиться къ этому... усиленному одиночеству, все равно, какъ къ смерти. Каждый день засыпаешь—та же смерть, на треть сутокъ!..

— Знаете что̀, Евменій Филипповичъ,—начала она очень сдержанно, прислушиваясь къ своимъ словамъ. Она точно процѣживала ихъ; за собой она слѣдила съ напряженіемъ всего своего существа.—Вы ждете большого удара... смерти вашей подруги... Когда онъ придетъ—около васъ никого не будетъ?

— Здѣсь... Кто же?

— Да и тамъ, на вашемъ хуторѣ... Да я и не знаю—если вы мнѣ позволите говорить совсѣмъ откровенно...

— Какой же толкъ во всякой другой бесѣдѣ, Анна Гавриловна?

Его возгласъ раздался звонко по площадкѣ. Онъ пріѣхалъ сюда возбужденный, послѣ прянаго завтрака и двухъ-трехъ стакановъ стараго St. Georges.

— Въ добрый часъ!—приласкала она его.—У васъ, между людьми вашей генераціи—нѣтъ теперь друга...

Анна Гавриловна бросила взглядъ туда, гдѣ стоялъ Ермиловъ съ ея мужемъ.

Digitized by Google

— Недостаточно считаться товарищемъ,—продолжала она.— И Ермиловъ вашъ товарищъ, но онъ не вашъ человѣкъ.

Кустаревъ усмѣхнулся и ничего на это не сказалъ.

— Въ Москвѣ... въ редакціи... Я не знаю. Есть ли у васъ человѣкъ, какой нужно... въ первые дни послѣ удара?

Онъ слушалъ, и въ головѣ его почему-то не складывался вопросъ: „Да вѣдь она меня готовитъ къ смерти Гари и предлагаетъ себя въ утѣшительницы?“

— По правдѣ сказать, такого, знаете, какъ народъ говоритъ, брательника—у меня нѣтъ.

— И вы давно должны страдать оттого, что около васъ все такъ опустилось прежде времени, ослабло, сжалось... Въ недавнихъ людяхъ смѣлыхъ идей—апатія... и—сказать прямо—трусость!

Ему показалось удивительнымъ, что она это понимала. Онъ совсѣмъ забылъ, что въ Москвѣ не одинъ разъ самъ онъ велъ съ ней разговоры въ томъ же духѣ.

— Еще бы!

Его возгласъ заставилъ ее широко раскрыть глаза, и румянецъ сталъ понемногу подползать къ ея щекамъ и давать имъ янтарный оттѣнокъ. Она дѣлалась очень красивой.

— Вы не имѣете права,—начала она горячѣе, но тихимъ звукомъ,—вы не имѣете права оставаться въ полномъ одиночествѣ.

Слѣдовало бы ему закричать:

„Да къ чему же мы хоронимъ Гарю, когда она жива? Вѣдь это бездушно!“

Но въ душѣ его ничего подобнаго не встрепенулось.

Имъ начала овладѣвать тихая жалость къ самому себѣ, больше чѣмъ къ „маленькой женщинѣ“, которая сегодня сама упрашивала его поѣхать завтракать въ веселой компаніи. Онъ видѣлъ себя на хуторѣ, подъ сугробами снѣга, въ осиротѣлыхъ комнатахъ хуторского домика. Идти никуда нельзя, воетъ вьюга. До изнеможенія шагаетъ онъ въ высокихъ валенкахъ по своему кабинетцу. Лампочка даетъ унылый свѣтъ. Нестерпимо жутко. Долго ли прибѣгнуть къ забвенію... Въ столовой шкапчикъ съ водкой... Рюмка за рюмкой. Примѣры на глазахъ! И можетъ ли онъ считать себя тверже характеромъ? Выпить съ пріятелемъ онъ никогда не прочь. Привычка къ возбужденію, какую даетъ алкоголь, уже есть въ немъ... Долго ли?

— Дѣтей вы лишились!—выговорила Анна Гавриловна,— голосъ ея сталъ еще тише, темпъ рѣчи еще медленнѣе.

— Это еще къ лучшему,—вслухъ подумалъ онъ.

— Кто знаетъ!

Digitized by Google

Она покачала головой. Со своимъ волненіемъ она успѣла уже справиться. Ее начало согрѣвать чувство высшаго довольства собой,—ей удалось попасть въ тонъ, въ настоящій тонъ, какимъ ей слѣдуетъ отнынѣ говорить съ нимъ. Онъ уже спокойнѣе готовится къ удару, къ уходу изъ жизни „маленькой женщины", но одиночество пугаетъ его, онъ боится за себя, ему не съ кѣмъ—изъ своихъ ближайшихъ сверстниковъ—идти рука въ руку.

— Евменій Филипповичъ,—заговорила она быстрѣе, но все такими же низкими звуками,—вы мнѣ пошлете депешу во Флоренцію... Мы ѣдемъ завтра. Нашу поѣздку можно сократить! Попадемъ и въ другой разъ въ Италію. Но я хочу быть около васъ... когда нужно будетъ. И мы вернемся домой вмѣстѣ съ вами. А лучше всего,—закончила она, спохватившись невольно,—не терять вѣры... въ выздоровленіе Маргариты Сергѣевны...

Конецъ былъ лживъ и баналенъ, но онъ почему-то не показался такимъ Кустареву. Эти слова принялъ онъ за естественное желаніе женщины обратиться сердцемъ къ проблеску надежды.

И такая недальновидность тронула ее и заставила мысленно стать передъ нимъ на колѣни.

„Чистая душа!" шептали безъ звука ея выразительныя губы.

Она считала его неизмѣримо выше себя, по ясности и чистотѣ натуры, но смотрѣла на себя, въ эту минуту, какъ на единственную женщину, какую судьба поставила на его пути. Гаря любила его, любитъ и теперь, въ двухъ шагахъ отъ могилы, но любовь ея не дала бы ему ничего, кромѣ заботъ нервной влюбленности, безсильной устроить для него за́-ново жизнь, гдѣ онъ найдетъ прежнюю вѣру въ свои силы, займетъ каѳедру, или создастъ новый органъ, или будетъ виднымъ земскимъ человѣкомъ. Она знаетъ и видитъ, что все это будетъ, и будетъ скоро—какъ только сердце забьется въ немъ сильнѣе... любовью къ ней.

— Анюта! Анюта!.. Поди сюда, пожалуйста!—раздался зовъ Куликова.

Анна Гавриловна услыхала голосъ мужа, но прежде, чѣмъ двинуться, протянула руку Кустареву.

— Вы не оставите меня, Евменій Филипповичъ, безъ депеши?

— Спасибо! — вымолвилъ онъ, тронутый, и очень сильно пожалъ ея руку.

Въ этомъ пожатіи она уже почуяла свою силу и, откинувъ зонтикъ на другое плечо, плавно пошла къ лавочкѣ итальянца.

— Вотъ видишь, Аня: Егоръ Петровичъ стоитъ за этотъ ящичекъ. А мнѣ нравится больше маленькій сакъ. Какъ ты находишь?

Digitized by Google

На той и другой вещи были инкрустаціи; на одной ласточки съ надписью: „Vieux château“, на другой итальянецъ съ итальянкой плясали тарантеллу.

Прищуривъ глаза, Анна Гавриловна оглядѣла вещи съ усмѣшкой.

— Что это? Подарокъ? — спросила она и взглянула вбокъ на Ермилова.

— Рѣшите,—сказалъ онъ, и въ его глазахъ она прочла все то же выраженіе, которое она находила до смѣшного слащавымъ.

— Отъ тебя я приму,—отвѣтила она и указала мужу на сакъ.—Это удобнѣе и въ Москвѣ новость.

— А ящикъ? Отъ меня?

Ермиловъ глазами упрашивалъ ее.

— Онъ неудобенъ, великъ. Да и надо же васъ, Ермиловъ, отъучить отъ подношенія сувенировъ.

Мужчины разсмѣялись. Куликовъ отдалъ деньги итальянцу и бережно положилъ вещь въ карманъ пальто.

— Идите, господа, впередъ!—распорядилась Анна Гавриловна. —Коляска ждетъ насъ съ той стороны. У подошвы, гдѣ скала... въ концѣ набережной.

Куликовъ взялъ Ермилова подъ руку, и они пошли впередъ, какъ послушные мальчики.

Въ аллеѣ кипарисовъ, когда передняя пара была за поворотомъ книзу, Анна Гавриловна пріостановилась и спросила:

— Вы исполните мою просьбу?

— Насчетъ чего?

— Пришлете депешу?

— Обязательно!..

Возгласъ Кустарева пронесся по всей аллеѣ.

XIII.

Въ садикъ одного изъ недорогихъ пансіоновъ, между Boulevard Victor Hugo и слѣдующей параллельной улицей, вошелъ Гремушинъ, одѣтый все такъ же, съ тѣмъ же видомъ пастора или доктора, какіе являются въ мелодрамахъ.

Аллея акацій, не теряющихъ своей зелени, вела къ террасѣ. Правѣе выходило крыльцо съ полуотворенною дверью. Жильцы разошлись. Прислуга завтракала въ подвальномъ этажѣ.

Гремушинъ заглянулъ въ сѣни. Тамъ никого не было. Стояла

Digitized by Google

вѣшалка, по стѣнамъ—расписанія поѣздовъ и отельныя рекламы. Онъ рѣшился позвонить снаружи.

Въ открытое окно кухни вылетѣлъ высокій женскій голосъ:

— Fritz, on sonne! Il y a quelqu'un.

Къ нему вышелъ снизу, изъ кухни, швейцаръ въ ливреѣ и безъ картуза, малый съ туповатымъ лицомъ нѣмецкаго типа.

— Mon ami!—обратился къ нему Гремушинъ тихо и ласково, отойдя съ нимъ въ сторонку, подъ акаціи.

Обстоятельно разспросилъ онъ его, — живетъ ли у нихъ господинъ очень высокаго роста, пріѣхавшій изъ Милана, по фамиліи „Blagò"; такъ Благомировъ, для краткости, прозвалъ себя за границей.

Фритцъ отвѣтилъ ему съ акцентомъ, но толково, что „monsieur le russe"—онъ зналъ уже, что Благомировъ русскій—живетъ въ нумерѣ двѣнадцатомъ, но что его нѣтъ дома.

Это вызвало на лицѣ Павла Павловича унылое выраженіе. Фритцъ поспѣшилъ успокоить его, сообщивъ, что господинъ Благò заказалъ фіакръ къ двумъ часамъ,—и скоро вернется. За экипажемъ онъ сейчасъ побѣжитъ.

И со словами:

— Si monsieur voulait attendre, — Фрицъ пошелъ доѣдать баранье рагý.

— Très bien,—кротко отвѣтилъ ему Гремушинъ,—j'attendrai.

Передъ аллеей акацій онъ сѣлъ на проволочный стулъ, пріютившійся сбоку, въ углубленіи, передъ желѣзнымъ столомъ съ мраморной доской. Изъ бокового кармана сюртука онъ вынулъ записную книжку и сталъ просматривать цѣлый рядъ только ему понятныхъ значковъ. Одинъ изъ этихъ значковъ онъ зачеркнулъ и поставилъ слѣва продолговатый крестъ.

Это означало, что порученіе Доротеи Васильевны Карусъ, пославшей его къ Благомирову, на половину, исполнено; послѣ того, какъ онъ повидается и поговоритъ съ „басомъ", къ продолговатому кресту прибавитъ онъ снизу нуликъ.

Порученій, на каждый день, приходится не мало. Только ими онъ и живетъ; своихъ интересовъ у него нѣтъ: сытъ, одѣтъ, здоровъ, какъ давно не бывалъ; передъ сномъ записываетъ въ особую тетрадь все, что перечувствовалъ за день.

Онъ похожъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ, на человѣка, выкинутаго на берегъ послѣ крушенія судна. Съ прежней жизнью все порвано. О возвращеніи безумно и мечтать. Если онъ и очутится опять въ Москвѣ, слѣдуя за Доротеей Васильевной, какъ

Digitized by Google

тѣнь, все равно въ свой бывшій домъ онъ не заглянетъ. Тамъ это знаютъ.

Сейчасъ придетъ этотъ „пѣвчій“ — онъ такъ зоветъ Благомирова, когда думаетъ о немъ — и ему надо будетъ, по порученію Доротеи Васильевны, узнать, на чемъ онъ покончилъ съ опернымъ агентомъ: отправляется ли онъ въ Лондонъ, или въ Америку?

Чѣмъ дальше — тѣмъ лучше! такъ слѣдовало бы чувствовать человѣку, котораго гложетъ страсть къ женщинѣ. Но онъ въ иныхъ чувствахъ...

Даже въ самый напряженный періодъ влеченія Доротеи Васильевны къ басу онъ не долго страдалъ... Ему легко сдѣлалось совсѣмъ не думать, что это влеченіе можетъ повести къ связи. Онъ и до сихъ поръ не знаетъ, доходило ли у нихъ до чего-нибудь больше поцѣлуевъ... Злоба безсильнаго соперничества не рисовала, въ его распаленномъ мозгу, картины какъ она отдаетъ себя этому регенту съ феноменальнымъ басомъ и иконописнымъ ликомъ.

И онъ началъ жаждать для нея успѣховъ, быстрыхъ, шумныхъ, европейскихъ. Его глодало то, что она, не взирая на ея талантъ, красоту, большую музыкальность и состояніе, позволяющее облегчать себѣ карьеру, особенно за границей, гдѣ все такъ продажно, не можетъ побѣдно выступить, подготовить себѣ эффектнаго появленія, какъ восходящая артистическая звѣзда.

Чутьемъ страдающаго за нее сердца понялъ онъ, безъ ея изліяній, чего она теперь ищетъ въ этомъ „пѣвчемъ“. Она уже не увлечена имъ. Если онъ ей и нравится, то не настолько, чтобы забыть для него все. Но она пошла бы за него замужъ или прильнула бы къ нему, какъ постоянная подруга, чтобы рука объ руку идти отъ успѣха къ успѣху. На это она пойдетъ сейчасъ же. Наврядъ ли пойдетъ онъ...

Да если бы и пошелъ... Чтожъ! Она кинется за нимъ въ Лондонъ или въ Нью-Іоркъ. Онъ поможетъ ей получить ангажементъ, который создастъ ей имя въ одинъ сезонъ. Изъ Лондона—прямая дорога въ Мадридъ, въ Ріо-Жанейро и, наконецъ, въ Парижъ, вѣнчающій репутацію, гдѣ бы она ни создалась.

Павелъ Павловичъ, за этотъ годъ, вошелъ во всѣ тайные изгибы женской славолюбивой души; онъ жилъ лихорадкой ѣдкихъ ожиданій и разсчетовъ, съ замираніемъ сердца отъ приближающейся рѣшительной минуты, которая все ускользаетъ.

Благомировъ—„удачникъ“. Она въ него вѣритъ больше, чѣмъ въ себя. Но развѣ во власти этого удачника отнять у него то,

Digitized by Google

что онъ,—Гремушинъ,—испытываетъ въ ея присутствіи? Гдѣ же ему, съ его грубыми органами душевнаго воспріятія, погружаться въ такіе восторги?.. Для него Доротея Васильевна пѣвичка какъ пѣвичка,—какихъ встрѣчаютъ не мало у профессоровъ пѣнія и на оперныхъ сценахъ Стараго и Новаго Свѣта. Пѣвчій ему же будетъ служить, его безконечнымъ наслажденіямъ, сдѣлавъ изъ Доротеи Васильевны свою спутницу.

Только состоится ли это? Врядъ-ли!..

И такой исходъ не смущалъ Павла Павловича. Она не убѣжитъ отъ него и его не прогонитъ. Онъ ей нуженъ,—это онъ различаетъ все явственнѣе.

Наружная дверка сада звякнула.

Гремушинъ неторопливо всталъ и повернулъ вправо. Онъ узналъ раскатистый голосъ Благомирова.

Они давно не видались. Въ Благомировѣ онъ, съ одного взгляда, разглядѣлъ все то новое, что ему дала его заграничная выучка, и нашелъ, что въ красотѣ его было больше тонкости и какого-то „себѣ на умѣ", которое дѣлало его интереснѣе для женщинъ.

— Павелъ Павловичъ! здравствуйте! — окликнулъ Благомировъ его на ходу.

На Гремушина онъ смотрѣлъ теперь какъ на фактотума, очень полезнаго Доротеѣ Васильевнѣ, и сейчасъ догадался о поводѣ его визита.

— Я васъ не задержу? — вкрадчиво спросилъ Гремушинъ, пожавъ ему руку и все съ приподнятой шляпой.—Вы собираетесь ѣхать?..

— Да не знаю, пріѣхалъ ли извозчикъ.

Благомировъ окликнулъ Фритца въ окно кухни.

— Фіакръ—вьендра?

Его французскій выговоръ вызвалъ-было невольную усмѣшку на тонкія губы Гремушина, которую онъ сдержалъ.

— A deux heures précises, — отвѣтилъ ему чей-то женскій голосъ.

— Время еще есть... Хотите ко мнѣ пожаловать?.. или тутъ побесѣдуемъ?

— Я предпочелъ бы на воздухѣ.

— И распрекрасно!.. Папироску не желаете?

— Я не курю.

Онъ сѣлъ на ту же скамью.

— Я къ вамъ—началъ Гремушинъ.

— Отъ Доротеи Васильевны?—досказалъ Благомировъ.

Digitized by Google

— Совершенно вѣрно.

— Я знаю и зачѣмъ.

Благомировъ громко разсмѣялся и съ аппетитомъ сталъ закуривать папиросу.

— Вы передайте, пожалуйста, Доротеѣ Васильевнѣ,—говорилъ онъ весело, поглядывая на бритое лицо Гремушина съ опущенными рѣсницами и сжатымъ ртомъ,—что áгентъ—онъ ударялъ на букву *а*—меня не надулъ... задатокъ получилъ и даже значительнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Ей, быть можетъ, будетъ не безъинтересно узнать, что я сегодня же расквитаюсь съ господиномъ Званцевымъ. Вы помните, тотъ богатый, изъ скучающихъ баръ, интеллигентъ, который пожелалъ оказать мнѣ поддержку?

— Какже, какже.

— Ну, такъ я—именно къ нему... въ Больё... Чугунка надоѣла... и въ вагонахъ все игрецкія мерзопакостныя рожи. Разориться хочу на фіакръ... Не угодно ли васъ куда подвезти?

— Благодарю васъ,—скромно и брезгливо откликнулся Гремушинъ и, чуть слышно откашлянувъ, спросилъ:—Вы получаете ангажементъ... собственно куда же?

— Ахъ, я и забылъ... Въ Лондонъ: это рѣшенное дѣло, и такой пунктъ введенъ въ условіе, что ежели я до іюля мѣсяца наступающаго года не откажусь отъ Америки, то въ обширную рундъ-рейзе. Она возьметъ цѣлыхъ полгода.

— И, разумѣется, за большой гонораръ?

— Здоровый!—пустилъ Благомировъ высокой нотой.—Деньги у нашихъ заатлантическихъ братьевъ шальныя. И импрессаріи же у нихъ—теплый народъ. Прогораютъ и они, но за то для нихъ нѣтъ слишкомъ дорогого куша.

— Желаю вамъ дойти до вечеровой платы маркизы де-Ко!

— Это какой же?

— Патти!

— Да бишь, она маркиза... Нѣтъ, для нашего брата, баса, такихъ кушей не полагается.

Фіакръ пріѣхалъ ровно въ два часа.

Порученіе Павла Павловича состояло еще и въ томъ, чтобы узнать отъ Благомирова: гдѣ онъ думаетъ провести время до начала англійскаго сезона.

— Вы сейчасъ и отправляетесь?—спросилъ онъ, когда они уже были у дверки на улицу.

— Ни! Боже мой!.. Надо здорово подготовиться. Я, почитай, ни одной партіи какъ слѣдуетъ не знаю.

— Въ Миланѣ?

Digitized by Google

— Еще не рѣшилъ.

„Не хочетъ сказать, ускользаетъ“,—подумалъ Гремушинъ и спросилъ:

— Что же передать Доротеѣ Васильевнѣ? Она еще поживетъ здѣсь...

— Проститься я приду. Только это она напрасно думаетъ здѣсь брать дебютъ. Не слѣдуетъ этого, ни подъ какимъ видомъ, ни здѣсь, ни въ томъ вертепѣ, въ Монте-Карло.

Онъ это сказалъ голосомъ человѣка, которому нечего искать дебютовъ, и сѣлъ въ фаэтонъ.

Гремушинъ на тротуарѣ раскланялся съ нимъ.

XIV.

Около желѣзной дороги, на углу Avenue de la Gare и проѣзда, поднимавшагося къ площади, Гремушинъ остановился у торговки журналами и сталъ не торопясь выбирать тò, чтò ему нужно было.

Онъ никогда не любилъ чтенія газетъ, считалъ ихъ вредными для „мозговой экономіи мыслящаго человѣка“; теперь онъ покупалъ веселые листки, каррикатуры, послѣдній нумеръ „Journal amusant“ съ игривыми сценами.

Ему оставалось около получаса до прихода поѣзда, который долженъ былъ привезти изъ Монте-Карло Доротею Васильевну. Онъ подождетъ поѣзда здѣсь, встрѣтитъ ее и проводитъ, а дорогой доложитъ о томъ, чтò узналъ отъ Благомирова.

Только-что отошелъ поѣздъ въ Италію; омнибусы, привозившіе пассажировъ, нѣкоторые возвращались домой, другіе оставались и становились въ рядъ.

На длинномъ поѣздѣ толпились носильщики и отельные швейцары въ своихъ картузахъ американскаго покроя. Вдоль аллеи эвкалиптусовъ, издававшихъ свой пряный запахъ, тянулись вереницею фіакры. Съ поѣздомъ изъ Канна пріѣхало немного народу.

Въ воздухѣ похолодѣло, и съ сѣверо-запада вѣяло свѣжимъ вѣтеркомъ. Три пальмы, стоящія прямо противъ средняго портала станціи, зашелестили своими пернатыми листьями.

Входить въ кафé Гремушинъ не хотѣлъ. Онъ съ трудомъ выносилъ обычный воздухъ кафé и пивныхъ, смѣсь крѣпкаго табаку съ испареніями напитковъ; свѣжесть была ему скорѣе пріятна.

Подъ навѣсомъ отеля „Terminus“ помѣщалось нѣсколько столиковъ. Онъ сѣлъ около одного изъ нихъ, позвалъ гарсона и

Digitized by Google

приказалъ принести себѣ рюмку вермута; потомъ началъ просматривать свои журналы съ картинками.

— Судьба какъ сводитъ!—раздался надъ нимъ знакомый русскій голосъ.

Ермиловъ, въ свѣтло-шоколадномъ пальто съ пелеринкой, протягивалъ къ нему руки и переминался на мѣстѣ, глядя на него ласковыми глазами.

— Душевно радъ!—отвѣтилъ Павелъ Павловичъ и подался къ нему туловищемъ.—Не угодно ли присѣсть и откушать чего-нибудь?

Его церемонный, немного старомодный тонъ не стѣснялъ и не смѣшилъ Ермилова. Онъ искренно обрадовался этой встрѣчѣ. Опять ему захотѣлось сблизиться съ этимъ „собратомъ", какъ онъ уже прозвалъ его про себя. Сдавалось ему, что и Гремушинъ охотно пойдетъ на такое сближеніе.

— Консомацію?—шутливо спросилъ Ермиловъ.

— Да, консомацію,—съ тихой усмѣшкой повторилъ Павелъ Павловичъ.

— Спрошу.

— Позвольте уже мнѣ угостить васъ. Вамъ чего угодно?

— Да хоть кассису.

— Вотъ гарсонъ, прикажите ему. Это что же такое кассисъ?

— А это черносмородинная водка... гораздо хуже нашей наливки. Un cassis-à l'eau!—приказалъ Ермиловъ привычнымъ парижскимъ звукомъ.

Они сѣли по обѣимъ сторонамъ узкаго мраморнаго столика, приткнутаго къ простѣнку зеркальныхъ оконъ отельнаго кафе. Имъ было уютно; вѣтеръ не продувалъ ихъ. Гарсонъ быстро подалъ имъ консомацію.

— Пріѣхали изъ Канны?—тихо спросилъ Гремушинъ, склоняя имя города въ женскомъ родѣ, что Ермилову понравилось.

— Нѣтъ, я провожалъ своихъ знакомыхъ въ Италію.

— Русскихъ?

Въ обыкновенномъ настроеніи Павелъ Павловичъ не сдѣлалъ бы такого вопроса, считалъ бы это неумѣстнымъ.

Въ эту минуту онъ смотрѣлъ на своего собесѣдника кроткими глазами, гдѣ было явственное желаніе менѣе сдержаннаго разговора.

— Уѣзжали Куликовы... Анна Гавриловна... съ мужемъ.

Гремушинъ отъ Доротеи Васильевны слыхалъ, что Ермиловъ „погибаетъ" около профессорши; зналъ, что Карусъ его не долюбливаетъ за равнодушіе къ ея туалетамъ, уму и красотѣ. Онъ

Digitized by Google

способенъ былъ и теперь позондировать его и побудить его сдѣлать ей визитъ.

— А я поджидаю Доротею Васильевну. Вамъ не извѣстно, что она здѣсь, въ Ниццѣ?

— Мы, стало, съ вами въ однѣхъ должностяхъ,—сказалъ Ермиловъ и началъ размѣшивать ложечкой свой кассисъ.

Гремушинъ поглядѣлъ на него вбокъ и громко перевелъ дыханіе. Это было что-то въ родѣ вздоха.

— Кажется...

„Надо мнѣ первому начать",—подумалъ Ермиловъ, ощущая настойчивый позывъ къ взаимной исповѣди.

— Вѣдь васъ Павелъ Павловичъ зовутъ?

— Ваше имя и отчество мнѣ извѣстны.

— Намъ, Павелъ Павловичъ, судьба послала одно и то же испытаніе, въ такой возрастъ, когда иллюзіи почти немыслимы...

— Совершенно немыслимы,—выговорилъ Гремушинъ и отхлебнулъ изъ рюмки.

— А между тѣмъ это такъ. Я васъ давно понялъ... еще въ Москвѣ... Помните, когда мы вышли вмѣстѣ отъ Карусъ и прошлись немного къ Чистымъ-Прудамъ?

— Прекрасно помню!..

— Въ насъ обоихъ „влеченье—родъ недуга".

И онъ остановился, немного покраснѣлъ, недовольный тѣмъ, что и тутъ не могъ воздержаться отъ литературной цитаты.

Но Гремушинъ повторилъ ее искренно и почти торжественно.

— Да, влеченье—родъ недуга!

— И вы не надѣетесь на то, что оно пройдетъ?

— Я и не желаю этого,—сказалъ Гремушинъ, и лицо его точно освѣтилось.

Въ другое время Ермилову онъ показался бы до-нельзя смѣшонъ; но теперь—это экстатическое выраженіе на старѣющемъ, бритомъ лицѣ помогло только ему настроить себя какъ нужно было для такой бесѣды.

— Не желаете?—переспросилъ онъ, положилъ оба локтя на мраморный столикъ и низко наклонилъ къ Гремушину свою голову.

— Я разорвалъ со своимъ прошлымъ,—заговорилъ Павелъ Павловичъ медленно и отчетливо, точно онъ давалъ на судѣ показаніе подъ присягою.—У меня была семья... Я былъ или считался образцовымъ отцомъ и мужемъ... Женился я цѣломудреннымъ...

— Однако!—вырвалось у Ермилова.

— Цѣломудреннымъ... Я много думалъ о человѣчествѣ, о

Digitized by Google

причинахъ неурядицы, страданій, пороковъ и преступленій. Неразумно направленные инстинкты, страсти и свойства темперамента,—вотъ что̀ представлялось мнѣ главной, всепоглощающей причиной того, что человѣкъ не знаетъ на землѣ благополучія, какое на ней достижимо.

— Это теорія Фурье,—какъ бы про себя замѣтилъ Ермиловъ.

— Да, потому-то Фурье и геній! Надо было проштудировать многоразличныя отправленія соціальной и личной жизни и указать для нихъ норму во всѣхъ деталяхъ. На это пошло у меня пятнадцать лѣтъ. Я писалъ книгу, передѣлывалъ ее до восьми разъ.

— По рецепту Гоголя,—опять замѣтилъ какъ бы про себя Ермиловъ.

— Да, по рецепту Гоголя,—повторилъ Гремушинъ, не мѣняя своего тона.—Себя я считалъ застрахованнымъ отъ всякихъ душевныхъ переворотовъ и въ меня проникала особаго рода гордыня добродѣтели, руководимой торжествующимъ разумнымъ сознаніемъ.

— Но какъ же вы это согласовали съ вашей теоріей страстей?

— Въ себѣ я признавалъ только консервативные инстинкты: исполненіе долга, какъ основную черту натуры, привязанность безъ чувственнаго увлеченія. Всякія разновидности возможны въ природѣ, и я видѣлъ въ себѣ именно такой типъ.

— И вдругъ встрѣча съ женщиной!

— Не съ женщиной, а съ особой вибраціей...

Ермиловъ откинулъ быстро голову и вскричалъ:

— Съ вибраціей?

— Что̀ такое звукъ? По формулѣ тѣхъ учебниковъ, по которымъ мы проходили физику академика Ленца въ гимназіи, свѣтъ есть „нѣкоторая вибрація эѳира“, а звукъ—„воздуха“. Меня захватили звуки, въ которыхъ извѣстная женская натура вложила всю свою эссенцію. И съ тѣхъ поръ я ей принадлежу, какъ говорятъ малодумающіе люди, душой и тѣломъ. Борьба съ прежнимъ Павломъ Гремушинымъ была сильная, но быстрая. Сойти съ ума мнѣ не пришлось и самоубійствомъ я не кончилъ, что̀ было бы великой безсмыслицей, потому что я нашелъ только теперь отвѣтъ на инстинктъ, дремавшій въ глубинѣ моей организаціи... И я отрѣзалъ, ушелъ изъ моего прошедшаго...

— Совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Гремушинъ помолчалъ.

— Это называется бездушнымъ поступкомъ. Жена полагала

Digitized by Google

всю себя въ любовь ко мнѣ и къ дѣтямъ, я былъ постояннымъ объектомъ ея женской воли. Вѣроятно, знакомые находили, что она подавляла меня своей личностью. Можетъ быть. Но я не испугался и стряхнулъ съ себя супружеское иго, какъ пылинку, когда насталъ моментъ... Я пересталъ быть и отцомъ... Я имъ отдалъ все, что только могъ, и скрылся... выразивъ формальное запрещеніе дѣлать попытки къ разыскиванію меня. Ни на какія письма я не отвѣчалъ и не желаю отвѣчать.

— Даже если...

— Даже если они будутъ при смерти. Я теперь не мужъ и не отецъ. Это была бы недостойная насъ комедія.

Въ исповѣди звучали ноты, дѣлавшія Ермилова все ближе и ближе къ чудаку, который, еще такъ недавно, былъ для него совсѣмъ чужой.

— Я васъ понимаю!—воскликнулъ онъ.—Вы мнѣ оказали большую честь этимъ безстрастнымъ анализомъ своей души.

Гремушинъ посмотрѣлъ на часы и сейчасъ же постучалъ своей рюмкой о пустой стаканъ, чтобы позвать гарсона.

— Вамъ пора?—спросилъ Ермиловъ.

— Не согласитесь ли вы перейти туда на станцію? Мы бы вмѣстѣ подождали прихода поѣзда. И Доротея Васильевна была бы рада видѣть васъ.

Ермиловъ тотчасъ же согласился. Онъ жаждалъ продолженія этой странной бесѣды. Онъ еще ничего не сказалъ о себѣ. На платформѣ обширной станціи имъ будетъ еще удобнѣе.

Расплатился Гремушинъ, и онъ же купилъ, для жданья, два входныхъ билета. Платформа стояла еще пустая. Только около лавочки съ журналами виднѣлось двое англичанъ. Оставалось больше десяти минутъ. Ермиловъ взялъ Гремушина подъ руку ласковымъ жестомъ, знакомымъ его пріятелямъ, и повелъ его въ дальній конецъ, къ выходу изъ-подъ стекляннаго свода. Въ засвѣжѣвшемъ воздухѣ имъ обоимъ было легко двигаться. Одинъ, раскачиваясь, широко разставлялъ ноги; другой сѣменилъ маленькими шажками.

XV.

— Вы какъ будто стыдитесь настоящей стадіи поглощенія вашей личности женщиной?—спросилъ Гремушинъ послѣ того, какъ Ермиловъ, не называя, однако, по имени той, кто овладѣлъ его душой, сдѣлалъ приступъ къ своей исповѣди.

И на посторонній взглядъ ихъ бесѣда, въ полголоса, по-

Digitized by Google

хожа была на исповѣдь: Гремушинъ болѣе обыкновеннаго напоминалъ патера. Онъ ходилъ съ сильнымъ наклономъ головы къ собесѣднику. Тотъ говорилъ ему почти на ухо.

— Нѣтъ,—живо возразилъ Ермиловъ. — Я вовсе не стыжусь. У меня назрѣла потребность въ изліяніи. Но поглощеніе, какъ вы называете, моей личности держитъ меня въ душевномъ состояніи—чуждомъ мнѣ, смѣшномъ, унизительномъ именно для меня. Я впадаю въ припадки самоуничтоженія передъ этой женщиной. На меня минутами находитъ чуть не экстазъ, когда она обращается со мною грубо, какъ съ вещью. Я бросаюсь цѣловать складки ея платья, рискуя, что она оттолкнетъ меня, какъ докучливую собачонку...

— Разумѣется!—вздохнулъ Гремушинъ, не мѣняя положенія головы.

— Еслибъ еще меня влекла чувственная страсть! Но и этого я не сознаю... Во мнѣ нѣтъ ревности... настоящей, физіологической... даже того, что̀ должны испытывать мы, люди подъ пятьдесятъ, когда надвигающаяся старость заставляетъ адски страдать отъ того, что нѣтъ больше въ тебѣ прежняго мужчины, нѣтъ правъ на успѣхъ, на обладаніе, на вызовъ взаимности... Даже приступовъ безсильной ярости я не испытываю!..

— Такъ, такъ,—говорилъ чуть слышно Гремушинъ.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ,—Ермиловъ началъ поднимать голосъ,—во мнѣ живетъ надежда... на то, что я чего-то достигну. Предо мною—обладаніе этой женщиной... искрится тамъ, вдали, какъ сказочная жаръ-птица. И я чувствую каждымъ концомъ нерва, какую чудовищную власть можетъ взять надъ душой нашей сочетаніе линій...

— Или вибрація голоса,—прибавилъ отъ себя Гремушинъ.

— Да, сочетаніе линій лица, всего больше лица. Но также и стана, руки, плеча, головы. Не тѣла! Боже мой!.. Нѣтъ, это сочетаніе линій, только линій... До пустыхъ деталей, до разрѣза глазъ, до оскала зубовъ!

Ермиловъ на минуту смолкъ. Онъ какъ бы изумлялся звукамъ своего голоса и языку, какимъ говорилъ.

— Въ этомъ собственно и сидитъ душа женщины,—замѣтилъ его наперсникъ.

— Душа! душа!.. Вы это сказали не какъ спиритуалистъ, надѣюсь?..

— Я самостоятельнаго духа не признаю,—вымолвилъ Гремушинъ съ ясностью твердаго догмата.

— Никакого единенія души, даже въ смыслѣ простого ум-

Digitized by Google

ственнаго лада, нѣтъ и не можетъ быть между женщиной и мужчиной.

— Безусловно вѣрно!

— Еще менѣе, когда женщина такъ овладѣетъ вами!.. Это все равно, какъ тѣ патріархальныя чувства мужика, про какія любятъ говорить наши старички, воспитанные въ привычкахъ рабовладѣльчества!.. И я сознаю съ каждымъ днемъ, какъ моя прежняя личность линяетъ, стирается, какъ я отрѣшаюсь отъ всѣхъ моихъ вкусовъ, мозговыхъ запросовъ, чисто интеллектуальныхъ привычекъ!.. Это ужасно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наполняетъ меня какой-то благодатью; по цѣлымъ часамъ я ухожу во внутреннее созерцаніе моего гипноза.

— Именно, именно!

У Павла Павловича вышелъ даже звонкій возгласъ.

— Если оно такъ пойдетъ, моя личность совсѣмъ исчезнетъ.

— И это васъ еще возмущаетъ? — остановилъ Гремушинъ и придержалъ Ермилова рукой.

— Я не знаю!..

— А позвольте васъ спросить: вы были или только считались большимъ любителемъ женщинъ?

— И считался, и былъ.

— И на васъ не находила боязнь сдѣлаться печальною жертвой своей чувственности, превратиться въ того старца, который, у Бальзака, бросивъ все—семью и положеніе въ обществѣ, разорвавъ со всѣмъ, очутился въ темномъ кварталѣ возлюбленнымъ гризетки и публичнымъ писцомъ, въ лачугѣ, на перекресткѣ?..

— Le général Hulot,—назвалъ Ермиловъ, еще помнившій все, что̀ онъ только читалъ изъ „Comedie humaine“.

— Именно!

— Но развѣ мы съ вами, дорогой Павелъ Павловичъ, не такіе же бальзаковскіе маньяки на взглядъ массы нашихъ сверстниковъ?

— Нѣтъ-съ!..—протянулъ нотой брезгливаго отрицанія Гремушинъ и откинулъ голову назадъ.—Мы совсѣмъ не такъ кончаемъ, какъ тотъ генералъ. Вы первый ушли отъ его судьбы и должны, по моему, благословлять женщину, безусловно овладѣвшую вами, именно за это.

— Благословлять?

— Да, благословлять. Привычка легкаго женолюбія не давала бы вамъ покоя и довела бы васъ или до быстраго и унизительнаго паденія умственныхъ силъ, или до порабощенія передъ однимъ тѣломъ, уже безъ всякаго сочетанія линій.

Digitized by Google

Гремушинъ тихо разсмѣялся.

— И выходитъ,—продолжалъ онъ тотчасъ же, обращаясь больше къ самому себѣ, чѣмъ къ своему собесѣднику,—что мы были рождены „однолюбами“.

— Тургеневское слово,—подсказалъ Ермиловъ.

— Я его и не выдаю за свое. Одинъ считалъ себя хранителемъ долга и добродѣтели, другой—эпикурейцемъ, во вкусѣ прошлаго вѣка, а оба оказались предназначенными на служеніе силѣ прекраснаго, которая исходитъ отъ женщины въ какихъ-то линіяхъ и звукахъ.

Они поглядѣли другъ на друга съ улыбкой. Но она смѣнилась выраженіемъ менѣе примиреннымъ.

— Павелъ Павлычъ!—окликнулъ послѣ паузы Ермиловъ.

— Что угодно?

— Не слѣдуетъ ли видѣть въ повсемѣстной тиранніи женщины доказательство того, что конецъ вѣка изжилъ свои задачи или не въ силахъ справиться съ ними?

— Можетъ быть!

Но глаза Гремушина были уже устремлены вдаль. Онъ услыхалъ, какъ пробило пять желѣзно-дорожныхъ сигналовъ. Поѣздъ подходилъ.

Вслѣдъ за нимъ сталъ смотрѣть и Ермиловъ.

Слѣва невысокія горы покрыты были голубовато-сѣрымъ налетомъ отъ оливковыхъ рощъ, усыпанныхъ виллами, вплоть до самыхъ верхушекъ; а на второмъ планѣ извивалась линія болѣе высокихъ черныхъ гребней съ полосами свѣжаго, на дняхъ выпавшаго снѣга.

Жидко протрубилъ въ свой рожокъ ближайшій стрѣлочникъ.

Оба русскіе круто повернули назадъ, чтобы во-время очутиться противъ поѣзда, подъ навѣсомъ дебаркадера.

На изгибѣ одного изъ путей зажглась точка; облицованная мѣдными полосами грудь паровоза вся выяснилась и стала медленнѣе приближаться.

Менѣе часа назадъ, Ермиловъ стоялъ на противоположной платформѣ и глядѣлъ вслѣдъ уходившему поѣзду. Онъ выслушалъ второе по счету приказаніе своей „госпожи“ оставаться въ Ниццѣ, каждый день узнавать о здоровьѣ „маленькой женщины“, и если на виллѣ произойдетъ то, чего тамъ ждутъ съ минуты на минуту, телеграфировать во Флоренцію.

И онъ долженъ теперь совершать путешествіе ежедневно, въ Вилла-Франкъ и обратно, строить унылое лицо, допрашивать Кустарева, хитрить съ нимъ и видѣть въ лицѣ его—личность, ко-

Digitized by Google

торую Анна Гавриловна избрала предметомъ своихъ сердечныхъ и всякихъ другихъ стремленій; почти въ такомъ же родѣ думалъ и Гремушинъ. Локомотивъ, обшитый блестѣвшей на солнцѣ мѣдью, везетъ тотъ вагонъ перваго класса, откуда выйдетъ и его повелительница, и онъ долженъ будетъ обстоятельно передать ей весь свой разговоръ съ Благомировымъ, еще нѣсколько разъ побывать у семинариста и присутствовать при возможномъ возвратѣ Доротеи Васильевны къ подогрѣтому увлеченію басомъ.

— Егоръ Петровичъ, — поспѣшно заговорилъ Гремушинъ, когда паровозъ уже подходилъ къ своду станціи,—вы засвидѣтельствуете свое почтеніе Доротеѣ Васильевнѣ?

— Непремѣнно!

— Вамъ бы ее попросить попѣть. Она это любитъ.

— Прекрасно!

— Видите, я узналъ, что здѣсь проживаетъ, вотъ по дорогѣ въ Монте-Карло... господинъ Званцевъ.

— Я его видѣлъ на дняхъ.

— Онъ всегда интересовался талантомъ Доротеи Васильевны. Вотъ бы было кстати у него, на виллѣ, устроить маленькое утро. Вы здѣсь не знаете никого изъ мѣстной прессы, репортеровъ, рецензентовъ?

— Никого!

— Ахъ, какъ жаль! Ну, да это не уйдетъ. Быть можетъ, и ваша...—онъ искалъ слова.

— Госпожа?

— Да, и ваша госпожа вернется въ скоромъ времени.

Ермиловъ хотѣлъ сказать: „сейчасъ вернется, какъ только запахнетъ трупомъ ея умирающей соперницы“, но онъ испугался этого движенія и сжалъ зубы.

— Я разыщу Званцева и устрою это.

— Вѣдь и тотъ феноменальный басъ, вы помните... семинаристъ, по фамиліи Благомировъ, и онъ здѣсь получилъ блестящій ангажементъ, и его могъ бы пригласить господинъ Званцевъ.

— Разумѣется. Всѣ собрались сюда. Au rendez-vous des bourgeois joyeux!

Разсмѣяться Ермилову не удалось. Гулъ локомотива заглушилъ разговоръ. Оба смолкли, и Гремушинъ затоптался на мѣстѣ, переходя глазами отъ одного вагона къ другому, по мѣрѣ того, какъ онъ двигался къ другому пролету дебаркадера.

Почти противъ него выскочила на платформу Доротея Васильевна въ свѣтломъ суконномъ „смокингѣ“ и такой же низкой „головкѣ“, какую Ермиловъ видѣлъ на вдовѣ Мещериной.

Digitized by Google

Взглядъ на эту женщину доложилъ ему тотчасъ же, что она не вызываетъ въ немъ даже его прежнихъ замѣчаній насчетъ рисовки пессимизмомъ и тайнаго „каботинства“, и онъ смогъ только подумать: „но будь у нея другія линіи лица, или будь я способенъ на гипнозъ посредствомъ голоса, и она превратилась бы для меня въ Анну Гавриловну“.

Съ улыбающимся, по заказу, лицомъ подалъ Ермиловъ ей руку, сказалъ ей про свое желаніе слышать ея голосъ и попросилъ позволенія быть у нея. Онъ это сдѣлалъ для Гремушина. Тотъ кинулъ на него тронутый взглядъ и шелъ сбоку, когда они спускались пѣшкомъ до бульвара, повторяя:

— Вотъ это прекрасно, вотъ это прекрасно!

У церкви „Notre Dame“ Ермиловъ съ ними раскланялся.

XVI.

Скорый поѣздъ, вышедшій въ полдень изъ Генуи, только-что взялъ пассажировъ въ Монте-Карло.

Въ отдѣленіи, въ полусумракѣ, смягченномъ свѣтло-гороховымъ сукномъ и басономъ обивки, сидѣло шестеро пассажировъ.

Одинъ уголъ, со стороны моря, занимали Куликовы, Анна Гавриловна съ мужемъ, и цѣлую половину отдѣленія двѣ француженки и двое мужчинъ: одинъ полный брюнетъ въ черномъ, другой съ русой сѣдѣющей бородой, въ сѣромъ вэстонѣ.

Всѣ молчали.

Анна Гавриловна сидѣла лицомъ къ поѣзду, мужъ ея—напротивъ. Она, всего разъ, изъ-подъ вуалетки, взглянула на двѣ пары, потомъ закрыла глаза и какъ будто заснула.

Но она даже не дремала.

Ее переполнило тихое возбужденіе, чувство, сходное съ тѣмъ, когда вдругъ откроется передъ вами даль, полная желанныхъ встрѣчъ, и въ концѣ что-то крупное, безусловно хорошее, въ родѣ выигрыша въ двѣсти тысячъ. И вы сознаете, что минуты, которыя вы теперь переживаете, уже—начало, предвкушеніе этого выигрыша. Онѣ могутъ проходить среди какой имъ угодно обстановки, скучно, весело, удобно или неудобно, все равно.

То же испытываютъ упорные и самолюбивые студенты, когда экзамены уже сданы и отмѣтки извѣстны: выходитъ средній кандидатскій баллъ, и черезъ мѣсяцъ по представленіи диссертаціи, вамъ выдадутъ дипломъ, стоющій, и на пергаментѣ, всего нѣсколько рублей.

Digitized by Google

Три дня назадъ, во Флоренціи, Куликовы вернулись въ свой отельчикъ, не далеко отъ сада degli-Orivoli изъ театра, гдѣ слушали, почти ничего не понимая, итальянскую комедію. Дорогой, въ каретѣ—время стояло холодное—они говорили, что слѣдовало бы поторопиться въ Римъ, на который меньше недѣли положить нельзя. Въ головѣ своей Анна Гавриловна держала постоянно свой разсчетъ вернуться какъ можно скорѣе на Ривьеру и пробыть тамъ подольше. Опоздать на недѣлю допустимо и безъ продленія отпуска. Ее тянуло назадъ. Каждый день, возвращаясь домой, она искала глазами, въ плоскомъ ящикѣ, куда клались письма и депеши, желанной вѣсти изъ Ниццы.

Ермилову она оставила даже текстъ телеграммы. Въ ней должны были стоять всего два слова: „Décédée aujourd'hui".

Когда они вышли изъ кареты и дожидались передъ запертой уже наружной дверью, Анна Гавриловна вернулась опять къ той же мысли и въ первый разъ во Флоренціи стала оправдываться передъ самой собой.

Боже мой! Развѣ она жаждала смерти женщины, которая не сдѣлала ей въ жизни ни малѣйшаго зла?.. Она вѣдь не леди Макбетъ, не бездушная развратница или хищная интригантка. Но къ чему лишнія страданія? Агонія по капелькамъ только измучитъ въ конецъ Евменія Филипповича.

Измучитъ, но въ то же время усилитъ въ его душѣ потребность въ отдыхѣ, въ обществѣ той, кто его такъ тонко понимаетъ, отъ кого пахнётъ на него вѣрой въ жизнь, въ новые горизонты труда, борьбы, вліянія на молодежь, болѣе широкаго полета для его любви къ народу, для служенія завѣтнымъ идеямъ.

Старичокъ привратникъ, къ ночи часто пьяненькій, отперъ имъ и шопотомъ сказалъ по-французски:

— Une dépéche pour madame.

Она такъ поблѣднѣла, что быстро отвернулась, чтобы мужъ не замѣтилъ, какъ она перемѣнилась въ лицѣ.

Съ дрожью въ пальцахъ вынула она депешу, неловко разорвала ее и болѣе отгадала, чѣмъ прочла, слова: „decédée aujourd'hui". Она разобрала только имя „Ermiloff". Ничего другого не могло стоять въ текстѣ.

Объ этой депешѣ она вскользь уже говорила мужу, когда они ѣхали въ Италію. Онъ похвалилъ ея „порядочность" передъ семействомъ Кустаревыхъ, которая избавляла его отъ личныхъ сношеній съ Евменіемъ Филипповичемъ. Въ его головѣ побывала уже мысль, что если они вернутся на Ривьеру, на чемъ Анна Гавриловна настаивала, какъ разъ къ похоронамъ Кустаревой,

Digitized by Google

то онъ могъ бы даже произнести на могилѣ ея приличный случаю спичъ. Это не опасно—она женщина—и дастъ ему репутацію человѣка съ сердцемъ.

— Что̀ такое? — спросилъ онъ въ нумерѣ, безъ особенной поспѣшности.

Жена его ревниво ограждала неприкосновенность своей корреспонденціи.

— Кустарева скончалась.

Она употребила почтительное слово: „скончалась“, а не „умерла“, подчиняясь внезапному чувству страха передъ покойникомъ.

— Ну, царство ей небесное!—звонко и банально откликнулся Куликовъ, ушелъ въ свою комнату рядомъ и сталъ раздѣваться.

Одна, въ очень большой спальнѣ, освѣщенной унылой свѣчей, гдѣ большіе пологи кроватей глядѣли саванами, Анна Гавриловна быстро, но отчетливо перекрестилась. Первая ея мысль была, нѣтъ ли во Флоренціи русской церкви? Кажется, есть; завтра она узнаетъ и пойдетъ, закажетъ панихиду.

Московская бытовая женщина, домовладѣлица съ Патріаршихъ-Прудовъ всплыла точно отъ прикосновенія руки искуснаго врача, который заставляетъ своего субъекта видѣть воображеніемъ предметы, испытывать мнимыя чувства.

Губы ея, эти красивыя извилистыя губы, произносили скоро и отчетливо слова какой-то короткой молитвы.

Она медлила раздѣваться.

Думы ея повернули въ другую сторону.

Ѣхать сейчасъ, завтра утромъ... Нѣтъ, не надо!.. Можно попасть на похороны, а она этого ни подъ какимъ видомъ не желала.

Это принесетъ съ собою бѣду! Богъ ее накажетъ, если она будетъ стоять около гроба съ заплаканными глазами, а плакать она непремѣнно будетъ...

Нѣтъ, надо ѣхать черезъ два дня. Мужъ станетъ протестовать... Ему хотѣлось въ Римъ... Какъ же онъ вернется въ Москву, не побывавъ на форумѣ и въ Колизеѣ? Онъ заранѣе уже приготовляетъ цѣлыя тирады о чудесахъ античнаго искусства, на ихъ вечерахъ.

Но—она такъ хочетъ и такъ будетъ.

Не нужно даже ничего придумывать. Завтра утромъ она съумѣетъ легко и увѣренно устроить ихъ возвращеніе на Ривьеру.

Digitized by Google

Чувство большого отдыха, точно послѣ тяжелой работы, разлилось по ея тѣлу.

— Ты легъ? — спросила она мужа ласково.

— Легъ, Annette! завтра надо укладываться.

„Только ты поѣдешь не туда, куда мечтаешь ѣхать", — сказала она про себя тономъ мягкой гувернантки.

Вслѣдъ затѣмъ ее взялъ опять суевѣрный страхъ. Вѣдь это кощунство надъ покойникомъ. Она поскорѣе легла и лежа стала креститься, прочла цѣлыхъ двѣ молитвы, перекрестила подушку-„думку", которую взяла съ собой въ дорогу, и задула свѣчу.

Въ темнотѣ она ощутила тихую истому и быстро заснула.

И все вышло такъ, какъ она желала: она тихонько отслужила панихиду, убѣдила мужа, что ѣхать въ Римъ, да еще въ холодъ, на одну недѣлю, не стоитъ, и что будетъ „въ высокой степени порядочно" выказать Евменію Филипповичу Кустареву участіе, какъ собрату по наукѣ и земляку.

И вотъ она возвращается, на третій день, послѣ сутокъ, проведенныхъ въ Болоньѣ.

Въ вагонѣ раздался разговоръ полушопотомъ. Двѣ француженки, по всѣмъ статьямъ, парижскія кокотки, еще не старыя, одинаково одѣтыя, заговорили о своей игрецкой неудачѣ. Онѣ возвращались, проигравъ все, что у нихъ было.

— Надо ихъ утѣшить, — сказалъ брюнетъ по-русски.

Анна Гавриловна, не раскрывая глазъ, прислушалась.

— Ты бойчѣе меня говоришь по-французски,—замѣтилъ бородатый,—дай имъ совѣтъ играть по нашей системѣ. Пускай онѣ завтра насъ подождутъ, мы и за нихъ поставимъ.

Брюнетъ перевелъ это француженкамъ. Онѣ оживились. Раздались взрывы сдержаннаго хохота, когда поѣздъ уходилъ въ довольно длинный туннель.

Куликова сидѣла въ полутемнотѣ съ тихой усмѣшкой на извилистыхъ, покраснѣвшихъ отъ зимняго воздуха, губахъ. Эта жанровая картинка легкихъ нравовъ не была ей непріятна. Пускай всѣ живутъ и находятъ наслажденіе по своему карману и своимъ вкусамъ.

Она перестала осуждать себя и ѣхала съ возростающимъ въ душѣ убѣжденіемъ, что она отдается самому нравственному влеченію — привязанности, достойной обоихъ, и того, кто бросилъ вчера горсть земли въ могилу „маленькой женщины", и ея— жертвы случая, вызвавшаго въ ней вспышку оскорбленнаго женскаго чувства.

Зато виновникъ ея выхода замужъ, онъ теперь дрожитъ на

Digitized by Google

дебаркадерѣ и несетъ свои вериги, и долго будетъ носить ихъ; а мужъ...

Она широко раскрыла глаза и поглядѣла на мужа. Онъ считалъ своими юркими глазами, „сколько мѣстъ“ съ ними, въ мелкихъ вещахъ.

Отъ мужа она съумѣетъ освободиться, когда нужно будетъ. Она сдѣлаетъ это смѣло, какъ честная женщина.

— Nice! Nice! — раздался голосъ кондуктора, и машинистъ рѣзко затормазилъ поѣздъ.

XVII.

Надъ ними тянулись плотные ряды апельсинныхъ плантацій, усыпанныхъ краснозолотистыми шарами, такъ часто, что можно было принять это обиліе плодовъ за что-то нарочно устроенное, точно обвѣшанныя на рождество елки.

Обширный садъ шелъ вверхъ, террасами, и на самой вышинѣ упирался въ стѣну другой виллы. Тамъ, на проталинѣ, нѣсколько древнихъ оливъ кидали полупрозрачную тѣнь на дернъ, покрытый сухими листьями.

Правѣе, среди зелени, снизу выплывалъ византійскій куполъ и укутанная въ свѣтлую дымку панорама города, сначала тонущаго въ садахъ, потомъ все болѣе и болѣе каменнаго, разноцвѣтнаго, отъ ярко-бѣлыхъ стѣнъ и бельведеровъ до сплошной массы потемнѣвшихъ узкихъ улицъ старыхъ кварталовъ и итальянской постройки.

— Видите! — говорила Анна Гавриловна, и ея рука, охваченная длинной перчаткой, выразительнымъ жестомъ указывала на куполъ русской часовни. — Тамъ какъ хорошо, внутри... Смерть пришла и увела съ собой юношу съ самой высокой будущностью. А вѣдь мы ушли оттуда съ ощущеніемъ чего-то красиваго и, какъ это сказать, прочнаго...

Кустаревъ слушалъ ее, прислонившись къ мшистому стволу оливковаго дерева. Они стояли подъ нимъ, и ихъ обоихъ эта запустѣлая вышка держала въ настроеніи душевной ясности.

Она глядѣла на него все изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ своихъ длинныхъ глазъ и отдавалась радостному чувству: то̀, что̀ ее глодало, какъ трудный и долгій искусъ, становится возможнымъ, и скорѣе, чѣмъ она мечтала.

Давно ли были похороны „маленькой женщины“? Четыре дня тому назадъ. Она пріѣхала съ мужемъ на другой день, и

Digitized by Google

вотъ Кустаревъ гуляетъ съ нею цѣлыми днями, благодаритъ ее по нѣскольку разъ на дню за ея теплое отношеніе къ его потерѣ, водитъ ее на кладбище.

Она подмѣтила у него потребность поплакать надъ могилой „Гари“ при ней. Ему пріятенъ дѣлался ея голосъ, ея слова, тонъ, съ которымъ она ему говорила.

И теперь онъ не возражалъ ей.

Его боль перешла въ тихую грусть. Ему только жаль, жаль Гари, не собственной только утраты жаль ему, а обидно за нее, за эту покойницу, которая такъ скоро ушла изъ жизни и такъ много настрадалась и за дѣтей, и за него; всего больше за него, и когда онъ былъ на профессорской службѣ, и когда они сидѣли на хуторѣ,—послѣ исторіи съ Сохинымъ еще болѣзненнѣе, хотя она и силилась подавлять въ себѣ свою скорбь за него.

За два часа до смерти, она, чуть дыша, сказала нѣсколько словъ, изъ которыхъ онъ понялъ, что она умираетъ съ той же думой о немъ, хочетъ, чтобы онъ нашелъ себѣ опять живое дѣло, достойное того „Мени“, какого она боготворила.

И что̀ могъ онъ ей отвѣтить? Увѣрять, что онъ найдетъ это дѣло, что онъ будетъ самъ просить, какъ милости, дать ему хоть что-нибудь?..

Онъ не хотѣлъ лгать. Въ немъ, въ послѣдній именно годъ, накипѣла брезгливая горечь ко всему, что̀ отзывается усиліемъ создать себѣ какое-нибудь положеніе, попасть въ сутолоку „дѣльной“ русской жизни. Малѣйшій компромиссъ былъ бы ему противенъ, просто физически невозможенъ, какъ пріемъ рвотнаго, которое нельзя даже поднести ко рту, не то что уже проглотить. Такіе, какъ онъ, проиграли свою партію, жили миражами, дождались повсемѣстной опалы и должны ждать смерти въ тѣни, укутавшись въ саванъ, какъ схимники, охраняя свою совѣсть и свое человѣческое достоинство.

Да и это удастся ли?..

Вотъ что̀ роилось въ его душѣ, когда Гаря лепетала, безъ звука, свои предсмертныя пожеланія.

— Евменій Филипповичъ,—вдругъ спросила его новая пріятельница, съ которой ему всего легче теперь проводить время,—развѣ Маргарита Сергѣевна не страдала за васъ оттого, что вы не у дѣлъ?

Кустаревъ вздрогнулъ отъ этихъ трехъ словъ: „не у дѣлъ“.

Сколько разъ слыхалъ онъ ихъ! Они сдѣлались лозунгомъ его судьбы—и для покойницы, и для друзей его. И онъ самъ хоть и не любилъ такихъ разговоровъ, однако считалъ себя обре-

Digitized by Google

ченнымъ на это особое званіе всѣхъ русскихъ людей его склада —быть не у дѣлъ.

— Отъ этого, быть можетъ, и скончалась преждевременно... выговорилъ онъ съ нервнымъ движеніемъ губъ.

Голосъ у него оборвался.

— Зачѣмъ же вы позволили зачислить себя въ „заштатные"? И помирились съ этимъ...

Онъ поднялъ на нее голову.

Въ мягкой тѣни съ просвѣтами, — тонкій листъ оливковаго дерева трепетно переливался отъ чуть замѣтнаго вѣтерка, — она вся выдѣлялась — стройная и сильная, въ позѣ возбуждающей раздумье, драпированная короткой визиткой съ тремя воротниками, придававшими ей что-то чрезвычайно своеобразное. Лицо въ профиль, съ его нѣжнымъ румянцемъ, родимыми пятнами и извилистымъ ртомъ, впервые привлекло его своей величавой красой.

— Зачѣмъ? — переспросилъ онъ, краснѣя.—Какъ будто это моя вина?

— Знаете что̀, другъ мой,—такъ она еще не звала его:— и вы, и тѣ, кто на васъ похожи, не хотите понять, что надо теперь выказать настоящую мудрость...

— Змѣиную?—подсказалъ онъ.

— Во что̀ вы вѣрите?.. Въ народъ?.. Въ его силы?.. Ему хотите служить?.. Васъ не даромъ же считаютъ народникомъ... Для него все и дѣлается теперь...

— Для него?—спросилъ Кустаревъ, и глаза его сверкнули.

— А то для кого же?.. Если время его не настало, то къ этому идетъ. Поднятіе дворянства, купцы... все это такъ, между прочимъ, но подо всѣмъ онъ сидитъ...

Щеки ея розовѣли. Кустаревъ не отрывалъ отъ нея глазъ.

— Какъ Илья Муромецъ!—вымолвилъ онъ полушутя.

— Послушайте, Евменій Филипповичъ! — Она подошла къ нему, взяла его руку и оперлась на нее, продолжая глядѣть туда, гдѣ куполъ русской часовни освѣтился внезапно полосой заката.—Я не мѣчу ни въ умницы, ни въ политическія женщины, но я бы съ радостью положила всѣ свои силы на то, чтобы убѣдить человѣка, какъ вы, и помочь ему развязаться со своимъ предразсудкомъ.

— Это какъ?..

— Да, съ предразсудкомъ!.. Вы считаете унизительной сдѣлкой то, чего требуетъ служеніе вашему же идеалу... Господи!.. Какой-нибудь отважный путешественникъ, Ливингстонъ, Стэнлэй, развѣ они для достиженія своей безкорыстной цѣли не будутъ

Digitized by Google

ладить даже съ каннибалами, только бы имъ уйти дальше, открыть то, чего никто до нихъ не видалъ?.. Вамъ не нравится этотъ примѣръ? Ну, вотъ, возьмите вы Францію. Вчера, за табль-д' отомъ, одинъ французикъ, изъ мѣстныхъ дворянъ, маркизъ, говоритъ: „я не признаю той дряни — онъ сказалъ „canaille", — которая правитъ моей страной, поэтому для меня остается одно средство служить родинѣ — быть солдатомъ, что̀ я и дѣлаю".

— Я и буду пахать землю,—перебилъ ее Кустаревъ.—Хозяйствовать мнѣ противно... пойду въ простые батраки...

Эти слова звучали на половину сарказмомъ, на половину искренней исповѣдью.

— И что̀ же вы этимъ измѣните въ положеніи народа?.. Полноте, Евменій Филипповичъ! Такимъ, какъ вы, надо служить народу сверху, а не снизу. Возьмите, да и скажите себѣ: не хочу состоять въ добровольной опалѣ, сдѣлаю такъ, что во мнѣ почувствуютъ надобность тѣ, кто власть имѣетъ...

— А потомъ и очутишься въ Сохиныхъ.

— Значитъ, въ васъ также сидѣлъ Сохинъ и не представлялось только случая. По моему, лучше познать себя, чѣмъ жить въ самообманѣ и въ безсильной тоскѣ по живому дѣлу.

Рѣсницы ея поднялись, и два глаза, ласковыхъ и съ поволокой, вызванной внутреннимъ волненіемъ, остановились на немъ.

Его начало точно что̀ согрѣвать въ груди. Онъ не хотѣлъ спорить и почувствовалъ въ ея словахъ откликъ и на вопросы, приходившіе ему раньше, когда онъ сталъ опять сильно тосковать по каѳедрѣ, съ годъ тому назадъ.

— На каѳедру,—продолжала она,—вамъ теперь нѣтъ пути, или отъ васъ потребуютъ доказательствъ отреченія отъ всего вашего прошлаго. Надо проникнуть туда... повыше...

Фраза ея прозвучала не громкимъ, но яснымъ серебристымъ звукомъ. Кустаревъ прервалъ ее:

— Не пора ли и внизъ?

Она не отнимала своей руки, и они, держась плотно одинъ къ другому, начали спускаться по тропинкѣ, попали въ лабиринтъ узкихъ и длинныхъ дорожекъ, обсаженныхъ апельсинными деревьями, постояли на площадкѣ передъ мраморнымъ столомъ, гдѣ хозяинъ виллы вырѣзалъ число и годъ, когда тутъ кушали какія-то высокія особы, прошли черезъ гущу нижняго сада и молча, ускоривъ шагъ, направились къ выходу.

Справа крестъ византійскаго купола зажегся отъ послѣдняго луча зари.

Digitized by Google

Анна Гавриловна долго глядѣла туда благодарнымъ взглядомъ: часовня помогла ей много, очень много.

Подъ своей рукой она ощущала руку человѣка, уже прильнувшаго къ ней душою.

Будь Кустаревъ французъ, онъ подумалъ бы съ испугомъ:

„Tu es très forte! Tu vas me rouler".

Но онъ былъ русскій хорошій человѣкъ, съ наружностью суроваго практика и съ сердцемъ младенца, жившаго по книжкамъ, которыя вдругъ оказались не ко двору.

XVIII.

На виллѣ Званцева, въ Больё, съ утра замѣтно было гораздо больше движенія, чѣмъ обыкновенно. Лакей Батистъ, кухарка Франсина и маленькій грумъ Пьеръ, нанятый всего нѣсколько дней назадъ, готовились къ пріему и угощенію гостей между завтракомъ и обѣдомъ.

Построенный въ генуэзскомъ стилѣ, домъ былъ не обширенъ, въ два этажа, съ розовой окраской стѣнъ, покрытыхъ темными фресками, съ мраморной террасой и лѣстницей, спускавшейся въ садъ; тоже довольно тѣсный, по-русски сказать, почти палисадникъ, весь полный фруктовыхъ деревьевъ, уже старыхъ пальмъ и оливъ, кактусовъ съ плодами, магнолій и тропическихъ папоротниковъ. Цвѣты, гіацинты и левкои росли кое-гдѣ вдоль куртинъ, но ими хозяинъ не занимался и особаго садовника не держалъ.

Званцевъ купилъ виллу прошлой зимой, случайно, пожилъ на ней всего нѣсколько недѣль, заскучалъ на Ривьерѣ, никому не отдавалъ ее внаймы и въ эту зиму попалъ сюда,—опять случайно, — изъ Парижа, откуда его выгнала пренепріятная зима и гдѣ онъ страшно тосковалъ на разныхъ засѣданіяхъ, куда его звали, какъ члена-корреспондента одного изъ отдѣленій института, чѣмъ онъ совсѣмъ не кичился.

Въ началѣ третьяго часа, онъ лежалъ на широкомъ диванѣ, обитомъ богатой восточной матеріей, и читалъ „Figaro". Это было въ самой большой комнатѣ нижняго этажа, служившей ему и кабинетомъ, и гостиной. Со стѣнъ смотрѣли два цѣнныхъ гобелена, въ нишѣ стояло рѣзное бюро чернаго дерева, но отдѣлка не выдавала богача, получавшаго до милліона дохода.

Рядомъ—столовая, гдѣ трудно было помѣстить больше десяти человѣкъ, съ дубовой мебелью. Въ эту минуту дверь туда стояла затворенной, и звонъ посуды докладывалъ о томъ, что Батистъ и

Digitized by Google

грумъ готовятъ все къ чаю,—съ холодной ѣдой и шампанскимъ въ кувшинахъ,—который подадутъ около пяти часовъ.

Наверху было три спальни и уборная. Вездѣ попадались книги. Нѣсколько книжныхъ шкафовъ стояли и на площадкахъ обоихъ этажей. Ящики съ книгами лежали и въ подвальномъ этажѣ, отведенномъ подъ прекрасный погребъ съ металлическимъ переборомъ для бутылокъ.

Дверь изъ столовой пріотворилась. Батистъ, не старый еще малый; съ бритымъ смѣшнымъ лицомъ кучера, доложилъ:

— Voilà du monde, qui nous arrive, monsieur!

Онъ состоялъ третій годъ при дачѣ, въ должности привратника, а когда Званцевъ жилъ тутъ, то превращался въ камердинера и надѣвалъ коричневую жакетку.

Лѣниво поднялся съ дивана Званцевъ, оправилъ жилетъ на своемъ все ростущемъ вширь животѣ и покачивающейся поступью слишкомъ высокаго мужчины вышелъ на террасу.

Желѣзная рѣшетка воротъ была сквозная, красиваго рисунка, сдавленная двумя столбами, такими же розовыми, какъ и стѣны дома.

Съ террасы открывались, оставляя одинъ изъ отелей влѣво, кусокъ моря и дальній уголъ прибрежныхъ скалъ. Для этого Званцевъ приказалъ отрубить верхушки двухъ оливъ, къ немалому огорченію Батиста, получавшаго доходъ со всѣхъ фруктовыхъ деревьевъ сада.

У воротъ остановилась двуконная викторія, откуда только-что сошли Ермиловъ и графъ Загаринъ.

Чахоточнаго поэтика хозяинъ виллы не зналъ даже и въ лицо, но вспомнилъ, что Ермиловъ просилъ у него позволенія привести одного русскаго „декадента“, какъ онъ выразился. Точно также случайно попадетъ къ нему и другое русское общество черезъ Синунова, того любителя рулетки, что столкнулся съ Ермиловымъ и Кустаревымъ въ кабачкѣ, около Вилла-Франка.

Онъ былъ очень радъ: нужна же аудиторія для Карусъ и Благомирова, которые будутъ у него пѣть. Ермиловъ познакомилъ его съ Куликовыми, а Куликовы привезутъ Кустарева.

— Какая у васъ прелесть!

Возгласъ входящаго Ермилова звучалъ первой попавшейся любезностью. Къ природѣ и даже къ колориту моря онъ дѣлался равнодушенъ съ возростающей быстротой; да найдись у Званцева и рѣдкостныя „objets d'art“, онъ врядъ ли бы сталъ ихъ обнюхивать и потрогивать, какъ это бывало съ нимъ не больше года назадъ.

Digitized by Google

По дорогѣ къ террасѣ Ермиловъ поднялъ мандаринъ, валявшійся подъ деревомъ, и крикнулъ хозяину:

— Вы позволите помародировать?

У него еще оставалась прежняя дѣтская слабость къ лакомствамъ, къ фруктамъ. Онъ тутъ же началъ очищать мандаринъ и раздѣлять его на красивыя розоватыя дольки.

Графъ Загаринъ, въ ваточномъ пальто петербургскаго покроя и въ галошахъ, шелъ за нимъ, весь согнувшись, и жмурился отъ солнца.

Званцевъ принялъ его съ лаской скучающаго богача, который привыкъ смотрѣть на свой домъ какъ на трактиръ, хотя и терпѣть не могъ пріемовъ. Но „декадентъ“ немного интересовалъ его со словъ Ермилова.

— Хотите въ комнаты?—заботливо спросилъ онъ графа.— Вамъ, быть можетъ, свѣжо здѣсь?

— Въ пальто мнѣ хорошо,—отвѣтилъ Загаринъ, съ усмѣшкой человѣка, тоскующаго по убійственному для него климату сѣверныхъ столицъ.

— За нами,—объяснилъ Ермиловъ, оглядывая садъ и фасадъ виллы,—ѣдетъ компанія господина Сипунова и пріятель графа, Гриша Капцовъ, на велосипедѣ.

— Изъ Ниццы?—спросилъ съ любопытствомъ Званцевъ.

— Изъ Ниццы! И одно время перегонялъ насъ. Онъ и графъ—два полюса изъ нынѣшней генераціи молодыхъ людей— культъ своего психическаго „я“ и спортъ во всѣхъ его формахъ!..

— Это сводится къ тому же,—сиплымъ фальцетомъ откликнулся Загаринъ.—И такіе атлеты, какъ мой пріятель Григорій Капцовъ, живутъ также для возбужденія въ себѣ извѣстныхъ чувственныхъ эмоцій, потому что мышцы его требуютъ этого, но наслаждается опять-таки мозгъ, хоть и не развитой.

Званцевъ медленно улыбнулся и не безъ любопытства оглядѣлъ поэтика.

— Вы, я слышалъ, послѣдователь парижскихъ декадентовъ?— спросилъ онъ благодушно и прищурилъ на Загарина свои круглые, скептическіе глаза.

— Декадентовъ?.. Нѣтъ-съ, я отъ нихъ отошелъ. Они слишкомъ пропахли литературничаньемъ. И во мнѣ еще недавно сидѣлъ индивидъ, воображавшій себя непризнаннымъ новаторомъ русскаго сонета!

Онъ засмѣялся и закашлялся.

— Измѣнили, измѣнили!—вставилъ Ермиловъ.

— Кому?

Digitized by Google

— Да хоть тому же Хозе-Маріа-Эредіа?

— Мнѣ сдается, что и вы—въ другой фазѣ вашей психіи. Прежняго дилеттантства, если вы позволите мнѣ такое опредѣленіе, я въ васъ не вижу. Вы, вѣроятно, живете другими эманаціями своего „я"?

— „Ахъ, ты щенокъ!"—выбранился про себя Ермиловъ, чувствуя, какъ на него устремлены блестящіе каріе глаза чахоточнаго, пытливые и какъ будто насмѣшливые:—„И ты знаешь, чѣмъ я теперь живу?"

Но онъ не отвѣтилъ ни остротой, ни рѣзкостью. Ему было все равно. Черезъ четверть часа должна пріѣхать съ поѣздомъ Анна Гавриловна. Въ рамкѣ этой виллы онъ будетъ наслаждаться ея присутствіемъ, какъ бы жестоко ни вела она себя съ нимъ, какъ бы явственно ни выказывала своего чувства къ Кустареву.

Трескъ колесъ по плохо убитой дорогѣ оповѣстилъ о слѣдующей партіи гостей.

— Вонъ! Смотрите, Викторъ Сергѣичъ. — указывалъ рукой Ермиловъ.—Велосипедистъ обогналъ ихъ и здѣсь!

Гриша Капцовъ уже слѣзалъ съ двухколеснаго велосипеда, когда пара тяжелаго ландо еще не поравнялась съ воротами.

— Да еще онъ одѣтъ не профессіонально,—замѣтилъ Званцевъ,—въ сапогахъ, а не въ башмакахъ и чулкахъ.

Велосипедистъ успѣлъ отворить дверцу коляски и высадить Мещерину.

За ней вышли Сипуновъ и тотъ фатоватый русскій, фамилію котораго Ермиловъ твердо не зналъ, а хозяинъ виллы еще менѣе.

Пріѣхавшіе заговорили разомъ и очень громко. Чѣмъ-то до нельзя отечественнымъ пахнуло отъ всей это компаніи, гдѣ Капцовъ былъ сдержаннѣе и приличнѣе всѣхъ.

Званцевъ глядѣлъ на нихъ, и улыбка его говорила: „Чтожъ, это будетъ настоящая русская публика".

Но кромѣ дамы и троихъ мужчинъ изъ ландо вылѣзла еще мужская фигура, высокая, въ бараньей папахѣ и бешметѣ верблюжьяго сукна.

— Что это такое?—тихо спросилъ хозяинъ Ермилова.

— Я не знаю!

— Этотъ черкесъ,—пояснилъ Загаринъ,—какой-то купеческій сынъ, ходившій на границу Индіи со своими караванами. Онъ сильно проигрался на дняхъ въ Монте-Карло и, кажется, просилъ у администраціи на проѣздъ отходную—le viatique, какъ здѣсь называютъ. Я его больше не вижу въ игорныхъ залахъ.

„Полный комплектъ", думалъ Званцевъ, и ему становилось

Digitized by Google

даже пріятно видѣть у себя такое характерное сборище русскихъ. Мещерина, укутанная опять въ свою брусничную накидку, ему нравилась: онъ любилъ пышныхъ женщинъ и самъ говорилъ про себя: „у меня вкусы грубые“.

У подножія лѣстницы Сипуновъ отрекомендовалъ хозяину все свое общество. Взявши черкеса за рукавъ его бешмета, онъ подвинулъ его впередъ:

— Кулагинъ, Артемій Иванычъ! ходилъ два раза въ Индію. Англичанамъ готовитъ пріятные сюрпризы. Временно въ здѣшнихъ краяхъ. Прошу любить да жаловать.

Ходившій въ Индію врагъ англичанъ съ посадкой конвойнаго казака и съ лицомъ московскаго артельщика показалъ бѣлые большіе зубы, приподнялъ свою папаху и не безъ достоинства сказалъ, все еще стоя у лѣстницы:

— Съ Викторомъ Сергѣичемъ Званцевымъ считаю за особую честь познакомиться.

И всѣ пятеро стали подниматься по мраморнымъ ступенькамъ.

XIX.

Къ четыремъ часамъ пѣніе кончилось. Дамы размѣстились въ саду у круглаго стола. Ихъ угощалъ Капцовъ и русскій франтикъ, который такъ и оставался безъ фамиліи.

На террасѣ сидѣли Ермиловъ и Гремушинъ со стаканами чего-то въ рукахъ и глядѣли издали каждый на свою повелительницу. Изъ столовой раздавались мужскіе голоса. Тамъ Званцевъ предложилъ „пройтись“ по устрицамъ, и Сипуновъ съ патріотомъ въ бешметѣ схватились горячо за такую идею. Съ ними же были остальные мужчины — Кустаревъ и Куликовъ; голосъ Благомирова началъ доходить оттуда все могучѣе. Онъ вступалъ съ кѣмъ-то въ споръ.

— Силища,—въ полголоса замѣтилъ Ермиловъ и кивнулъ головой въ сторону столовой.

Гремушинъ согласился съ нимъ молчаливымъ жестомъ, и по лицу его прошлась дрожь подавленной горечи.

Онъ страдалъ за Доротею Васильевну.

Внизу, между толстухой изъ Петербурга и женой профессора, сидѣла она, разодѣтая, въ прозрачныхъ рукавахъ, съ цвѣткомъ въ прическѣ, съ подведенными слишкомъ явственно глазами, съ возбужденной кожей щекъ, и улыбалась.

Но она и здѣсь, полчаса тому назадъ, была побита „семина-

Digitized by Google

ристомъ", хотя онъ пропѣлъ всего два маленькихъ романса. Онъ аккомпанировать себѣ не выучился и удовольствовался тѣмъ, что зналъ на память Капцовъ.

Теперь она вся преисполнена одного: уцѣпиться за баса, въ восходящую звѣзду его успѣха. Она чувствуетъ еще сильнѣе, что одной, безъ поддержки такого мужчины, ей не добиться извѣстности. Изъ „октавы", на пѣвческій ладъ, онъ въ одинъ годъ превратился въ „basso cantante", необычайнаго тембра съ бархатнымъ колоритомъ звука и силой лирическаго выраженія.

О ней совсѣмъ забыли, когда онъ кончилъ свой первый романсъ. Все было ясно для Павла Павловича. Не ревность глодала его, а обида за нее. Онъ предвидѣлъ, что Благомировымъ ей не овладѣть, ни въ какомъ видѣ. Не будетъ онъ ни ея мужемъ, ни пріятелемъ. И пойдетъ рысканье изъ одной столицы въ другую, ловля этой высокодаровитой „дубины". Ея талантъ заглохнетъ въ безплодныхъ попыткахъ, нервы и выдержка уйдутъ на суевѣрный капризъ, вызванный славолюбіемъ.

Слово „каботинство" Гремушинъ не употреблялъ мысленно.

Другое думалъ его новый сообщникъ и другъ—Ермиловъ.

Тотъ оглядывалъ вбокъ станъ и голову Анны Гавриловны, сидѣвшей ближе къ краю, и—въ который разъ!—испытывалъ ту тиранническую власть „сочетанія чертъ", о которой на дняхъ впервые изливался Павлу Павловичу,—ея профиль, вырѣзъ ноздрей, приподнятую бровь, уголъ рта, оскалъ зубовъ,—все собралось на одномъ лицѣ, чтобы производить на него неотразимое дѣйствіе. И станъ ея выдѣлялся между бюстами тѣхъ двухъ женщинъ, крупный и величавый, говорящій художнику и сластолюбцу. На всѣхъ мужчинъ она производила хоть частицу того же дѣйствія. Званцевъ началъ сладко поглядывать на нее и навѣрное сейчасъ спустится къ дамамъ и что-нибудь скажетъ ей, гораздо болѣе лестное, чѣмъ пѣвицѣ, которая изъ кожи лѣзла, чтобы всѣхъ мужчинъ настроить на восторги.

Онъ ждалъ, не повернетъ ли она голову, чтобы во взглядѣ своемъ обо всемъ этомъ доложить ей.

И Анна Гавриловна, разсѣянно слушая болтовню Мещериной о Петербургѣ, находила въ себѣ новую вѣру въ свое обаяніе. Тамъ, въ Москвѣ, она часто считала себя неумѣлой, почти совсѣмъ лишенной этого дара. „Старческая" привязанность Ермилова была для нея не въ счетъ. Но здѣсь на Ривьерѣ съ каждымъ часомъ росла ея сила—всесокрушающая сила красоты, направленной такимъ мозгомъ, какимъ надѣлила ее родная Москва.

— Павелъ Павловичъ!—тихо окликнулъ Ермиловъ.

Digitized by Google

— Что угодно?

— Вѣдь такъ еще долго будетъ на Руси, что овладѣвать стоющими женщинами будутъ „направленцы“.

— Какъ вы назвали?

— Направленцы... Это не мое слово. Я его взялъ въ какой-то газетѣ. Смотрите—одинъ намъ ровесникъ...

Гремушинъ нашелъ, что онъ намекаетъ на своего товарища, Кустарева.

— Другой—на двадцать лѣтъ моложе. Обрубокъ съ евангельскимъ обликомъ и басищемъ. Но не въ одномъ голосѣ тутъ сила и не въ его иконописномъ благообразіи. А въ томъ, что онъ съ подоплёкой... Нужды нѣтъ, что онъ будетъ куши зарабатывать въ Лондонѣ и Америкѣ, все-таки онъ „направленецъ“, говоритъ жалкія слова и самъ считаетъ себя великимъ грѣшникомъ за то, что не пострадалъ хоть за что-нибудь. Вотъ посмотрите, обѣ наши дамы—онъ хотѣлъ сказать: госпожи—то-и-дѣло оглядываются на окно въ столовую. Онѣ ждутъ сюда обоихъ направленцевъ.

— Разумѣется!—вырвалось у Гремушина.

— Тѣ два ферта,—Ермиловъ протянулъ руку въ воздухъ,—даромъ, что молоды, только въ альфонсы къ такимъ вонъ вдовамъ и въ лизоблюды и годятся. Имъ глупо было бы завидовать.

— Господа!—прервалъ его возгласъ Анны Гавриловны.

Она привстала съ желѣзнаго стула и крикнула въ широкое окно столовой.

Оттуда показалась голова Званцева.

— Mesdames!—вопросительно откликнулся онъ.—Что прикажете подать?..

— Мы васъ ждемъ сюда... Здѣсь такъ хорошо, а мужчины забились въ столовой и все ѣдятъ...

— Здѣсь сильный споръ завязался между двумя молодыми людьми, графомъ и Благомировымъ.

— Пускай они при насъ продолжаютъ его.

— Исполню ваше приказаніе.

Голова Званцева исчезла.

Но черезъ минуту онъ первый вышелъ на террасу, а за нимъ, продолжая громкій разговоръ, Загаринъ и Благомировъ. Позднѣе показались Кустаревъ и Куликовъ, со стаканами въ рукахъ.

У Загарина на щекахъ горѣли два пятна, глаза ярко блестѣли, худая шея съ крутымъ адамовымъ яблокомъ вздрагивала отъ нервной пульсаціи. Благомировъ, напротивъ, поблѣднѣлъ отъ

Digitized by Google

выпитаго вина и внезапнаго настроенія, овладѣвшаго имъ отъ потребности показать передъ всѣмъ этимъ обществомъ, о чемъ способна была скорбѣть его душа, даже и теперь, когда передъ нимъ открывалась дорога къ славѣ и большимъ деньгамъ.

Споромъ съ поэтикомъ онъ воспользовался только какъ предлогомъ. Въ лицѣ его передъ нимъ суесловила какая-то „паршивая" теорія самоуслажденія, что-то ему до отвращенія чуждое и пакостное, закутанное въ хитросплетенную діалектику, но надерганную изъ такихъ же пакостныхъ заграничныхъ книжекъ.

Онъ радъ былъ случаю показать и меценату Званцеву, что его одолженію, его денежной поддержкѣ, тотъ, настоящій Благомировъ, не очень-то признателенъ. То же почти самое онъ уже сказалъ ему на дняхъ, на этой же виллѣ, когда привозилъ ему деньги, а Званцевъ сталъ отказываться отъ пріема ихъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что онъ бросилъ деньги на письменное бюро, проговоривъ:

— Можете, коли не угодно назадъ брать, послать въ Россію,—я укажу кому.

На что Званцевъ отвѣтилъ:

— Коли это такимъ, которые воображаютъ, что они спасутъ міръ послѣ того, какъ не оставятъ камня на камнѣ, то лучше пожертвую на устройство колодца, вонъ тамъ на шоссе, гдѣ всегда ужасная въ полдень жара отъ раскаленныхъ утесовъ.

Такъ деньги и остались на бюро.

— Если вы артистъ,—задыхаясь, жидкой фистулой, говорилъ теперь Загаринъ, забѣгая впередъ,—вы живете только для мозговыхъ эмоцій...

— Точно нарочно выбралъ сюжетецъ!—шепнулъ Ермиловъ Гремушину.

— Вамъ угодно,—обратился Званцевъ къ дамамъ,—чтобы пренія продолжались при васъ?

— Угодно... угодно!..—отвѣтила за всѣхъ Анна Гавриловна.

— Въ такомъ случаѣ надо учредить какой-нибудь порядокъ... Господа диспутанты, извольте сѣсть вотъ сюда, противъ дамъ... Кто-нибудь—Званцевъ указалъ на Куликова—вотъ хоть профессоръ будетъ спикеромъ, и давать, и отнимать слово.

Онъ оживился этимъ импровизованнымъ диспутомъ, хотя впередъ зналъ, что почти всякій русскій споръ старыхъ или молодыхъ людей остается всегда безпорядочнымъ и стихійнымъ.

Всѣ только-что разсѣлись, полукругомъ, какъ изъ окна столовой выглянули двѣ головы—Сипунова и москвича въ бешметѣ съ красными лицами и съ салфетками за галстухомъ.

Digitized by Google

— Господа!.. Милостивые государи!—крикнулъ Сипуновъ.— А позвольте васъ спросить, какое ныньче число?

Ему никто сразу не отвѣтилъ.

— По-русски сегодня тридцать-первое декабря! Такъ позвольте провозгласить тостъ и пожелать всѣмъ счастія и благоденствія!.. Тамъ у насъ теперь уже давно вечеръ!.. Такъ оно въ самый разъ и выйдетъ!

Предложеніе успѣха не имѣло. Только петербургская барыня вслухъ подумала:

— И въ самомъ дѣлѣ! Завтра нашъ новый годъ!

— Ваше здоровье!—крикнулъ Сипуновъ, поднимая стаканъ.

Москвичъ въ бешметѣ чокнулся съ нимъ.

— А потомъ добрымъ порядкомъ на матушку-рулеточку, повертѣть грѣшнымъ дѣломъ въ Васильевъ вечеръ! Во здравіе князя Монако, Карла—счетомъ не знаю какого!

XX.

— Нѣтъ, ваше сіятельство!—Благомировъ всталъ и началъ расхаживать около самой высокой пальмы сада и обрывать листочки папоротника.—Вы изволите разводить антимонію на водѣ, потому что бѣгали отъ жизни, да и теперь полагаете свое благополучіе въ какихъ-то тамъ высшихъ міровыхъ экстазахъ!.. А мнѣ отъ жизни-то, отъ того, что̀ меня за душу хватаетъ, уйти никуда нельзя... Да, вотъ, не дальше, какъ вчерашняго числа...

Онъ остановился, бросилъ ощипанную вѣтку папоротника и поглядѣлъ вверхъ затуманеннымъ взглядомъ, являвшимся у него въ такихъ настроеніяхъ.

Всѣ три женщины смотрѣли на него съ возбужденными лицами. Званцевъ грузно сидѣлъ на соломенномъ качающемся стулѣ и неопредѣленно улыбался. Кустаревъ стоялъ позади пальмы; два молодыхъ человѣка, особенно Капцовъ, попивали изъ своихъ стаканчиковъ съ гримасой, говорившей, что всякія такія пренія они считаютъ смертельной тоской. Сипуновъ съ москвичемъ въ бешметѣ скрылись и продолжали доѣдать устрицы. Гремушинъ переглянулся съ Ермиловымъ. Куликовъ стоялъ за женой.

Графъ Загаринъ весь сгорбился на складномъ стулѣ и пощипывалъ плохо ростущую бородку.

— Такъ вотъ-съ,—голосъ Благомирова все крѣпчалъ,—прохожу я по тротуару... на углу... забылъ, какъ эта улица называется... Но все одно... Лавочка подъ сводомъ, газеты продаютъ,

Digitized by Google

разныя иллюстраціи, каррикатуры, глянулъ я на торговца, вижу, нашъ братъ русакъ,—навѣрно утёкъ, безъ паспорта, одѣтъ плохо, волосы запущены. Во всѣхъ статьяхъ—горюнъ. Я прямо ему: „Вы, молъ, россіянинъ?“ Разговорились. Нашлись у насъ пріятели, мои недавніе закадыки, которые изъ меня другого человѣка сдѣлать хотѣли. Узналъ отъ него, гдѣ они теперь. Да какъ представилъ себѣ, знаете, въ живыхъ картинахъ, каково имъ... Не съ кѣмъ слова сказать, утѣшайся сивухой, настоенной на махоркѣ... И все это за идею! А ты тутъ, Ефимъ Благомировъ, въ самомъ центрѣ западной культуры, хапай куши, поѣзжай услаждать заатлантическихъ друзей... Тебя достаточно вышколили твои профессора. И какъ подведешь баланецъ всей мерзости, какая засѣла хоть бы въ одномъ Миланѣ—душу воротитъ! Нешто не такъ, Доротея Васильевна? Вы-таки муштру-то проходили у итальянскихъ дебютныхъ дѣлъ мастеровъ?

Вопросъ заставилъ ее густо покраснѣть. Она его не ожидала, хотя съ первыхъ словъ Благомирова уже почуяла, куда онъ клонитъ.

Она знала не меньше его, въ какіе нравы попадаетъ всякій пріѣзжій ученикъ или ученица въ Миланѣ, гдѣ фабрикуютъ дебютантовъ и дебютантокъ, сама не разъ возмущалась продажностью учителей, оперныхъ агентовъ, директоровъ и театральныхъ критиковъ. Но въ эту минуту въ ней заговорило профессіональное чувство. Выходка Благомирова показалась ей черезъчуръ безтактной и фальшивой. Вѣдь онъ, небось, не отказался отъ ангажемента въ Лондонъ и Америку, куши будетъ забирать, и въ то же время рисуется въ свои чувства, хочетъ выказать себя чуть не заговорщикомъ, человѣкомъ, солидарнымъ Богъ знаетъ съ кѣмъ...

Почти то же подумалъ и Званцевъ, курившій сигару, съ полуопущенными рѣсницами.

— Шельма кутейникъ!—шепнулъ Ермиловъ Гремушину.— Это называется: именинникъ и на Антона, и на Ануфрія,—какъ гоголевскій городничій.

— Быть можетъ, и самъ этого не сознавая,—шопотомъ же отвѣтилъ Гремушинъ, встрепенувшійся отъ вопроса, обращеннаго къ Доротеѣ Васильевнѣ.

Какая должна въ ней подняться борьба чувствъ и побужденій! Лучше бы ужъ она поручила ему отвѣтить за себя.

Кустаревъ выступилъ изъ-за дерева и оживленно поглядывалъ на Благомирова.

Анна Гавриловна подалась грудью и немного откинула го-

Digitized by Google

лову назадъ. Она уже чувствовала, что Евменія Филипповича задѣли слова Благомирова. Ему должна была понравиться выходка недавняго семинариста и учителя народной школы. Какъ красавецъ иконописнаго стиля, Благомировъ не вызывалъ въ ней никакого волненія. Но она была къ нему гораздо ближе, чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ молодымъ людямъ. Онъ и Кустаревъ—люди одного покроя, только между ними разстояніе въ двадцать лѣтъ. Имъ принадлежитъ будущность родины, а не Загаринымъ, не Капцовымъ, не Ермиловымъ и не Куликовымъ,—всего менѣе (и она этому искренно радовалась)—такимъ, какъ ея мужъ.

— Вы преувеличиваете,—сдержанно и съ двойственной улыбкой выговорила Доротея Васильевна.

— Я преувеличиваю? Царица Небесная! Отъ васъ ли я это слышу, Доротея Васильевна?

Онъ подошелъ къ столу, положилъ на него обѣ ладони, оперся на нихъ и сталъ ей приводить факты, называть имена, припоминать скандалы и кончилъ тѣмъ, что спросилъ ее въ упоръ:

— А корреспонденція,—помните, въ прошломъ году, когда я только-что началъ свою учёбу,—которою такъ разъярились всѣ почти русскіе,—вы развѣ не знаете, кто ее написалъ?

И при этомъ онъ такъ на нее посмотрѣлъ, что всѣ догадались, кто былъ авторъ корреспонденціи. Гремушинъ выправлялъ ее, а составляла сама Доротея Васильевна. И онъ весь съёжился.

Ермиловъ пожалъ тихонько его руку и шепнулъ:

— Вашихъ рукъ дѣло, коллега?

Тотъ только вздохнулъ.

Щеки Доротеи Васильевны, подъ слоемъ желтой пудры, пошли пятнами. Она разсердилась по-актерски и готова была кинуть Благомирову нѣсколько рѣзкихъ выраженій, на которыя была очень скора, когда въ ней просыпалась профессіональная женщина.

Но она тутъ же испугалась. Безъ этого „верзилы“, безъ этого лукаваго семинариста, ей не видать удачи; суевѣрное убѣжденіе укрѣпилось въ ней сегодня окончательно.

— Я не знаю, кто написалъ эту корреспонденцію, — глухо выговорила она.—Тамъ много правды. Дѣло не въ томъ, Благомировъ. Итальянцы—взяточники и эксплуататоры. Но они же въ одинъ годъ могутъ поставить голосъ такъ, какъ поставили его вамъ. Викторъ Сергѣичъ слышалъ васъ всего годъ назадъ, въ Петербургѣ у меня, и онъ одинъ можетъ судить, что̀ изъ васъ сдѣлалось въ Миланѣ... А въ этомъ вся сила.

Digitized by Google

— Еще бы!

Возгласъ Званцева показывалъ, что онъ доволенъ былъ отпоромъ, какой давала басу его товарка по профессіи. Противъ этого народника-самородка у него осталось смутное раздраженіе, послѣ сцены на виллѣ, съ тѣмъ наказомъ, который Благомировъ привелъ ему, какъ бы давая почувствовать, что меценатства онъ вообще не признаетъ и одолжаться никому не намѣренъ.

— Вы еще не кончили?—спросилъ Куликовъ дѣловымъ звукомъ спикера, наклоняясь къ Карусъ.

Его жена повела незамѣтно плечомъ, и въ ея глазахъ мелькнуло все пренебреженіе къ личности Виталія Орестовича, только и годной, по ея мнѣнію, распоряжаться на обѣдахъ, говорить слащавые и фальшивые спичи и наблюдать за порядкомъ преній на скучнѣйшихъ засѣданіяхъ.

— Сію минуту,—откликнулась Доротея Васильевна и отпила глотокъ изъ своего стакана съ сельтерской водой.

— Зачѣмъ, спрошу я васъ, Благомировъ, поддерживаете вы въ себѣ это раздвоеніе? Точно будто вы теперь отдались какому-нибудь постыдному дѣлу! Съ вашимъ громаднымъ талантомъ—она скрѣпя сердце льстила ему—съ такой силой и стыдиться—чего? Искусства! Самаго высокаго, что только есть въ мірѣ? Это надо бросить, другъ мой. Это не европейская черта. Это все въ васъ старыя, русскія...

Она искала словъ.

— Дрожжи!—подсказалъ Званцевъ, и многіе разсмѣялись.

Опять чувство боязни схватило за сердце Доротею Васильевну. Кажется, она перепустила мѣру. Онъ могъ страшно обидѣться смѣхомъ, вызваннымъ удачнымъ сравненіемъ Званцева.

— Искусство, искусство! — точно изъ металлическаго рога выпалилъ Благомировъ и всталъ во весь ростъ, раскинувъ руки опернымъ жестомъ, усвоеннымъ въ Италіи.—Одно дѣло искусство, а другое актерство, афера, хапанье кушей, безпробудное хищничество!

— Такъ пойте даромъ, — уже гораздо рѣзче прервалъ его Званцевъ и барскимъ жестомъ сбросилъ пепелъ съ сигары. „Tu m'embêtes, animal!“ выбранился онъ про себя и по-французски.

— Мнѣ этого теперь ужъ потому нельзя, добрѣйшій Викторъ Сергѣичъ, что я долженъ заработать тѣ деньги, которыя вы мнѣ изволили чрезъ посредство Доротеи Васильевны ссудить на мою учёбу!

Званцевъ явственно повелъ плечами, и жестъ этотъ говорилъ, что онъ начинаетъ находить поведеніе пѣвца безтактнымъ. То же

Digitized by Google

почувствовали Ермиловъ и Гремушинъ. Куликовъ подумалъ, какъ бы не вышло непріятныхъ пререканій; оба молодыхъ человѣка около дамъ ровно ничего не подумали. Загаринъ брезгливо усмѣхнулся.

— Но вы,—все блѣднѣя, продолжалъ Благомировъ и опять заходилъ,—не хотите, господа, понять, что̀ во мнѣ проснулось. Нешто я для рисовки? Вѣдь вы здѣсь русскіе люди! Можетъ быть, что̀ у насъ тамъ, на Руси, дѣлается сноснаго—и держится вотъ за это самое раздвоеніе, какъ Доротея Васильевна выразилась!.. Я плохо говорю, и нарушилъ ваше благодушество... Но ужли никто здѣсь меня не понимаетъ какъ слѣдуетъ?

Вышло молчаніе. Хозяину уже не хотѣлось ни спорить, ни читать нотаціи Благомирову. Глаза Анны Гавриловны вдругъ загорѣлись особеннымъ блескомъ.

Къ столу подошелъ Кустаревъ съ видимымъ желаніемъ говорить.

XXI.

Ему вспомнилось питье чая у портного Гусева, тогдашній Благомировъ, его колебаніе и укоры совѣсти. И онъ почувствовалъ себя близко къ благообразному басу. Одинъ онъ, во всемъ этомъ обществѣ, понималъ его, да, быть можетъ, еще Анна Гавриловна, его новая пріятельница.

Ихъ взгляды встрѣтились. Кустарева точно кто дернулъ внутри за какую-то пружинку, и онъ молодымъ, задушевнымъ звукомъ откликнулся:

— Я васъ очень и очень разумѣю и сочувствую вамъ. Совершенная правда: одно дѣло—искусство, другое—хищничество.

Званцева эти слова заставили завозиться на его качающемся креслѣ.

Онъ вытянулъ ноги и, прищуривъ глаза, остановилъ ихъ на Кустаревѣ.

— Мнѣ кажется,—заговорилъ Званцевъ брезгливо и медленно,—что къ искусству-то не слѣдовало бы примѣшивать нашей злосчастной народнической подоплеки... Во-первыхъ, во всемъ этомъ есть безсознательная фальшь, а во-вторыхъ, какъ мы ни носимся съ нашими русскими теоріями морали и цивизма, у насъ не умѣютъ даже поставить голоса какъ слѣдуетъ, на что сейчасъ указала m-lle Карусъ.

— Разсужденія Павла Кирсанова и резонера изъ тургенев-

Digitized by Google

скаго „Дыма“,—отрѣзалъ Кустаревъ, и брови его сразу нахмурились.

Званцевъ сжалъ ноги подъ ободокъ сидѣнья и выпрямился.

— Чтожъ! Это не преступленіе,—возразилъ онъ съ явственной ироніей въ тонѣ.—Умныя рѣчи всегда лестно повторять!

Въ воздухѣ запахло вдругъ накопившимся электричествомъ. Старая рознь готова была, по поводу миланскихъ профессоровъ пѣнія, перейти въ принципіальный, чисто русскій споръ.

Куликовъ нагнулся къ женѣ и съ веселыми глазами шепнулъ ей:

— Преніе можетъ быть очень интереснымъ. Кустареву достанется на орѣхи.

Она даже не взглянула на него и про себя выговорила слово, не особенно лестное для Виталія Орестовича.

Она вѣрила въ то, что Евменій Филипповичъ, если тотъ баринъ меценатъ схватится съ нимъ, выйдетъ побѣдителемъ. Также чувствовала и Доротея Васильевна. Она кляла себя внутренно за свою безтактность и должна теперь быть на сторонѣ тѣхъ, кто готовъ поднять чуть не на смѣхъ Благомирова и затѣваетъ препирательство съ его защитникомъ.

Вдова Мещерина подъ шумъ начинающагося спора сказала, наклонясь къ Капцову:

— Гриша, подлей-ка мнѣ немножко.

Капцовъ остановилъ ее взглядомъ. Она вспыхнула и попросила извиненія глазами на выкатѣ.

— Начнутъ теперь канитель,—пожаловалась она потомъ.

— Мы удеремъ къ обѣду въ Монте-Карло.

— На велосипедѣ?

Она избѣгала мѣстоименій.

— Обязательно!.. Вы обѣдайте въ Hôtel de Paris. Мнѣ ѣсть не хочется.

Онъ щелкнулъ языкомъ и засунулъ руку въ карманъ, какъ онъ это привыкъ дѣлать, когда отворачивалъ бѣлую подкладку своего студенческаго сюртука.

Черезъ пять минутъ оставлены были позади, за тысячу верстъ: искусство, миланскіе профессора, хищничество и хапанье кушей. Благомировъ только слушалъ, отойдя къ пальмѣ, и пилъ слова Кустарева, очутившагося на краю стола, въ полъ-аршинѣ отъ Званцева, который пересталъ качаться на стулѣ и, подавшись всѣмъ своимъ большимъ туловищемъ впередъ, говорилъ громко и увѣренно, не щадилъ ни сарказма, ни искренней горечи.

— Да скажите, пожалуйста, господа народники,—раздался

Digitized by Google

его возгласъ:—кто же, какъ не вы, уже больше десяти лѣтъ назадъ, началъ травить интеллигенцію, кто развелъ повсюду эту постыдную крамолу, и противъ чего? Противъ науки, противъ знанія, противъ законовъ природы. Вы носите ученыя степени, и въ каждомъ изъ васъ, господа, сидитъ врагъ положительнаго знанія! мистикъ! отрицатель цивилизаціи и культуры!

— Пошлой цивилизаціи,—да!

— Вотъ видите, у васъ все такъ... Пошлая цивилизація!.. Эксплуататорская наука! Гербертъ Спенсеръ—пошлякъ! Такъ зачѣмъ же вы въ оппозицію играете? позвольте васъ спросить! Почему многіе изъ васъ состоятъ, по доброй волѣ, не у дѣлъ, считаютъ себя не ко двору?.. Мы, презрѣнные либералы, мы дѣйствительно не у дѣлъ и не ко двору!.. А вы? Allons donc!—грудной нотой воскликнулъ Званцевъ и поднялся со стула.—Да! вы самые настоящіе патріоты своего отечества. Онъ быстро взглянулъ на окно отеля и потомъ выговорилъ:—Вотъ ваши союзники, въ родѣ того чаепродавца, желающаго пустить подметныя граматы народамъ Индіи!..

— Позвольте-съ!—угрюмо остановилъ Кустаревъ.

— Нѣтъ, баринъ, не позволю-съ!—на этотъ разъ съ полной безцеремонностью кинулъ Званцевъ и грузно задвигался на одномъ мѣстѣ.—Ни подъ какимъ видомъ не позволю, хотя я и ушелъ теперь окончательно отъ всякихъ россійскихъ дѣлъ, вѣяній, теченій и мистическихъ благоглупостей! Не позволю-съ! Логика нужна, государи мои, или простая честность. Ни другихъ не морочить, ни себя. Вотъ недавно покаялся одинъ заграничный разрушитель и avec armes et bagages перешелъ въ станъ столповъ отечества. Не вижу причинъ, почему каждому изъ васъ не сдѣлать того же?

— Отступникомъ быть!—грянулъ басъ Благомирова.

Онъ даже рванулся отъ своей пальмы.

— Вы это серьезно изволите?—блѣдный и съ дрожащей нижней губой спросилъ Званцева Кустаревъ.

У Анны Гавриловны точно мотылекъ затрепеталъ въ груди. Она закрыла глаза, но не отъ страха, а отъ полноты душевнаго волненія.

Вотъ онъ и насталъ моментъ, когда на Кустарева найдетъ наитіе, о какомъ она такъ страстно мечтала за него, и онъ очутится „у дѣлъ“ и добьется высшаго вліянія на дѣла своей родины.

— Вы не видите разницы между этимъ... индивидомъ... и нами?—спросилъ Кустаревъ съ тѣмъ же дрожаніемъ нижней губы.

Digitized by Google

— Тотъ куда погуще васъ забиралъ—это правда, но ему только казалось, будто онъ непримиримый врагъ извѣстнаго порядка вещей. Углубился въ себя теперь—и почувствовалъ, что тутъ было простое malentendu, и что его мѣсто тамъ, гдѣ онъ теперь благополучно и обрѣтается... Не первый и не послѣдній!..

Званцевъ отошелъ къ террасѣ и взглядомъ пригласилъ Ермилова и Гремушина согласиться съ нимъ.

Ни тотъ, ни другой ничего не сказали, но отвѣтили наклоненіемъ головы.

— Все это забавная мистификація!—раздалась фистула Загарина.

— А! вотъ оно что̀!..

Голосъ у Кустарева перехватило, и онъ хотѣлъ разразиться однимъ изъ своихъ взрывовъ, знакомыхъ его московскимъ пріятелямъ, но сдѣлалъ шагъ къ столу, налилъ себѣ изъ кувшина розоватаго искристаго питья изъ шампанскаго съ ананасомъ, отхлебнулъ и заговорилъ короткими фразами, тономъ, въ которомъ чувство своего превосходства и своей правоты было сильнѣе желанія отплатить за обидныя слова.

Все съ полуопущенными рѣсницами слушала Анна Гавриловна... Нѣтъ! Онъ не станетъ мальчишески горячиться!.. Тонъ хорошъ, очень хорошъ. Оружіе противника онъ обращаетъ противъ него же.

Она чуть не захлопала.

— Чтожъ,—слышался ей глухой голосъ Кустарева, слегка вибрирующій.—Нашему брату и придется разойтись окончательно съ тѣмъ, кто не полагаетъ разницы между нами и гасильниками. Надо умѣть приносить жертвы, когда живешь не для огражденія своего либеральнаго обличья, а для чего-то поважнѣе... Кто бы ни дѣлалъ то̀, что̀ нужно для страны, какъ воздухъ,—это все равно! И мы были слишкомъ брезгливы—это вѣрно. Нужно играть роль не для роли, а для дѣла. И тѣ изъ насъ, кто много потерялъ времени зря, ограждая свое обличье, искренно каются и готовы взяться за умъ.

Да вѣдь это ея мысль, ея проповѣдь, тамъ, на вышкѣ, когда она стояла съ нимъ подъ оливами и глядѣла на русскую часовню!

— Вѣрно, вѣрно!—крикнула Анна Гавриловна, и ихъ взгляды опять встрѣтились.

Благомировъ тряхнулъ волосами.

— Что̀ и требовалось доказать,—вдругъ упавшимъ и небрежнымъ тономъ выговорилъ Званцевъ и прибавилъ:—резюме принадлежитъ господину спикеру.

Digitized by Google

— Каждый по своему правъ,—рѣшилъ Куликовъ.

И опять его жена произнесла мысленно слово, еще менѣе лестное для Виталія Орестовича.

— Знакомый мнѣ староста,—обратился къ террасѣ Званцевъ,—повторялъ часто: „ничего, батюшка, изъ эстого не выйдетъ". Такъ и изъ русскихъ диспутовъ.

Въ окнѣ столовой лоснились красныя лица Сипунова и его москвича.

— Милостивые государи! Позвольте и мнѣ вставить свое слово! — дурачливо началъ Сипуновъ: — Отечество любить надо, безъ этого нельзя!

— Покоряйтеся языцы, яко съ нами Богъ!—гаркнулъ его пріятель.

— Несомнѣнно!—иронически подтвердилъ Званцевъ и поглядѣлъ на двоихъ, сидѣвшихъ на террасѣ.

— Но время летитъ,—продолжалъ балагурить Сипуновъ.— А рулетка вертится! Пора и на поѣздъ! Дорогому хозяину мы достаточно намозолили глаза и уши—надо и честь знать!

— Гайда́!—гаркнулъ человѣкъ въ бешметѣ.

„Повертѣть" захотѣлось всѣмъ, кромѣ Ермилова и Гремушина.

— Вы съ нами?—спросила Анна Гавриловна шопотомъ Кустарева, крѣпко пожала ему руку и прибавила:—Благодарю!.. Въ добрый часъ!..

Онъ также крѣпко отвѣтилъ на это рукопожатіе.

Всѣ столпились у рѣшетки, торопливо прощаясь съ хозяиномъ. Онъ изъ вѣжливости предложилъ кому угодно остаться у него обѣдать. На это предложеніе отвѣтили Гремушинъ и Ермиловъ. Имъ обоимъ почему-то захотѣлось побыть у Званцева до обратнаго вечерняго поѣзда.

— И вы на рулетку?—спросилъ съ усмѣшкой Загаринъ человѣка въ бешметѣ.

— Чѣмъ я хуже другихъ?

— А я слышалъ, вы получили отходную!

— Экая важность!—вмѣшался Сипуновъ:—землякъ у меня штафиркой передѣнется. Пропустятъ архангелы, не узнаютъ! Быть можетъ, сегодня фортуну заполучитъ, и тогда трепещи, британецъ!

Кто-то засмѣялся. Всѣ двинулись гурьбой къ станціи.

Digitized by Google

XXII.

Комната съ гобленами стояла въ полутемнотѣ. Въ нее проникалъ сквозь прозрачныя сторы сизый лунный свѣтъ и боковая желтая полоса отъ лампы, стоявшей въ столовой, на буфетѣ, чрезъ полуотворенную дверь.

Хозяинъ виллы „Рутенія“ лежалъ на оттоманѣ. Его два гостя тоже полулежали въ мягкихъ креслахъ, одинъ въ нишѣ, гдѣ стояло бюро, другой около двери на террасу. Огонь сигары въ рукѣ Званцева краснѣлъ маленькимъ ободкомъ.

Они давно уже отобѣдали. Лампу, съ согласія своихъ гостей, хозяинъ крикнулъ Батисту вынести. Ихъ кейфъ затянулся, но за обѣдомъ они много говорили, возбужденные во́-время прерваннымъ споромъ, грозившимъ перейти въ перебранку.

Званцеву—онъ это самъ сказалъ имъ—было досадно, что онъ вступилъ въ такое препирательство съ „господиномъ народникомъ“,—онъ такъ звалъ Кустарева.

Безъ рисовки сталъ онъ говорить, до какой степени ему все ganz Schnuppe,—его любимая нѣмецкая поговорка. Ермиловъ сталъ, не возражая ему, подводить итоги ихъ генераціи защитниковъ Европы, науки, творчества, красотъ и приманокъ культуры, и, противъ воли, впалъ въ тонъ глумленія надъ такими, какъ они трое. Онъ все чаще выставлялъ впередъ самого Званцева: его богатство, связи, ученую степень, имя за границей, его долгія порыванія къ земской и общегосударственной пользѣ. И что̀ онъ теперь?.. Скучающій баринъ, даже не маньякъ какой-нибудь страсти или привычки. Онъ не выразился такими точно словами, но ничего не смягчилъ, желая вызвать въ самомъ Званцевѣ подтвержденіе его оцѣнки.

Тотъ только качалъ одобрительно головой; подъ-конецъ, за дессертомъ и ликерами, назвалъ имя одного изъ членовъ только-что состряпаннаго министерства въ Парижѣ.

— А знаете ли вы, кѣмъ я его помню?

И онъ сталъ имъ разсказывать, съ брезгливой улыбкой богача, у кого столькіе состояли въ званіи кліентовъ,—какъ этотъ министръ былъ бѣдняга репортеръ и составитель дешевыхъ книжекъ, являлся къ нему съ предложеніемъ своихъ услугъ, для исполненія всякихъ порученій, кропалъ въ мелкихъ листкахъ обличительныя статейки, произносилъ на скандальныхъ сходкахъ полушутовскіе спичи.

— И онъ сегодня excellence!—выговорилъ брезгливо Зван-

Digitized by Google

цевъ, — и въ его рукахъ одна изъ самыхъ важныхъ отраслей государственнаго хозяйства Франціи. И повѣрьте, окажется еще дѣльнѣе остальныхъ своихъ товарищей по министерству.

На этомъ они встали изъ-за стола, и имъ не хотѣлось уже продолжать въ томъ же духѣ, когда они перешли въ серебристую прохладу полутемнаго салона.

Нѣсколько вопросовъ, заданныхъ Званцевымъ о трехъ дамахъ, бывшихъ у него на утрѣ, не вызвали игриваго разговора о женщинахъ, какъ бывало между нимъ и Ермиловымъ. Оба его гостя выказали странную уклончивость, особенно странную въ Ермиловѣ.

Нѣсколько минутъ они пробыли въ полномъ молчаніи.

— Господа,—заговорилъ Званцевъ, приподнимаясь на диванѣ: —у меня есть здѣсь барзакъ семьдесятъ-четвертаго года. Въ бутылкахъ больше двѣнадцати лѣтъ; на дорогу посошокъ? Ваша компанія вернется вѣдь съ позднимъ поѣздомъ.

Оба гостя промолчали.

Званцевъ прикоснулся къ пуговкѣ электрическаго звонка. Батистъ въ это время ужиналъ съ кухаркой и грумомъ.

Грумъ подчищалъ ножикомъ все, что̀ осталось недоѣдено отъ устрицъ и рыбы. У него была плотно остриженная голова татарченка, съ большими торчащими ушами. Его побаловывала Франсина, чувственная фламандка изъ Брюсселя. Она была въ раздумьѣ, когда прогремѣлъ звонокъ. Только сегодня узнала она отъ Батиста, какой „monsieur“ архимилліонщикъ, и ей стало жалко тѣхъ денегъ, которыя она могла бы еще украсть на провизію. Счетовъ ея никто не просматривалъ.

Батистъ обтеръ ротъ, выпилъ хорошій глотокъ краснаго вина и пошелъ въ салонъ все той же скорой, исполнительной походкой.

Сегодняшнимъ пріемомъ гостей онъ не былъ доволенъ. Каждой дамѣ онъ поднесъ по букету изъ цвѣтовъ сада, и ни одна, уходя, ничего ему не дала, думая, что это отъ хозяина. И отъ гостей, уѣхавшихъ въ Монте-Карло играть—это онъ понялъ—не перепало ему ни одного сантима.

— „Ce sont des russes de Pacotille“, опредѣлилъ онъ про себя, но, какъ хитрый и осторожный туземецъ, не сказалъ этого вслухъ, за ужиномъ.

Приказъ о барзакѣ тысяча-восемьсотъ-семьдесятъ-четвертаго года исполнилъ онъ охотно и подумалъ, что эти двое господъ, послѣ такого угощенія, навѣрно дадутъ ему хорошій „pourboire“.

Вино было розлито имъ въ столовой и подано въ большихъ плоскихъ рюмкахъ.

Digitized by Google

Они попивали его все такъ же въ полутемнотѣ. Даже Гремушинъ похвалилъ букетъ вина.

И всѣ трое, по мѣрѣ того, какъ благородная влага разливалась по ихъ жиламъ, стали испытывать приступъ жалости къ самимъ себѣ. Жизнь повернула на склонъ книзу, и каждый изъ нихъ въ полнѣйшей мѣрѣ—„не ко двору". Жалость переходила понемногу во враждебно-пренебрежительное чувство къ этимъ самобытникамъ, въ родѣ Благомирова и даже Кустарева, который кончитъ тѣмъ, что очутится „у дѣлъ", во имя народа.

Первый заговорилъ хозяинъ виллы, когда поставилъ пустую рюмку на низенькій восточный табуретъ съ инкрустаціями.

— Нѣтъ, господа, посмотрите вы на нашихъ барынь. Вотъ вамъ два образчика. Та, толстуха, нашла себѣ какого-то велосипедиста; больше ей и не полагается! А другія двѣ... Кто ими будетъ владѣть, мы что-ли, еслибы мы и погибали по нимъ? Какъ бы не такъ! Вонъ такой семинаристище-народникъ! И отставной профессоръ—нужды нѣтъ, что онъ совсѣмъ сѣдъ—опять-таки народникъ!..

Онъ завозился на диванѣ и легъ на бокъ, лицомъ къ нимъ обоимъ. Ни Гремушинъ, ни Ермиловъ, не могли заподозрить его въ желаніи сдѣлать намекъ на ихъ отношенія къ двумъ „интеллигентнымъ" барынямъ. Но Званцевъ вслухъ выговорилъ то, съ чѣмъ каждый изъ нихъ мирился, какъ безправный рабъ страсти,—конечно, неизвѣстной хозяину виллы.

Оба молчали, прихлебывая вино, и сливались съ нимъ въ чувствѣ къ „самобытникамъ".

— И этотъ эксъ-профессоръ,—продолжалъ Званцевъ, все еще лежа на боку, лицомъ къ нимъ,—по моему, только въ другомъ костюмѣ, тотъ же купеческій братъ, ходившій въ Индію мутить народъ противъ англичанъ.

Товарищеское чувство проснулось въ Ермиловѣ.

— Ну, это вы слишкомъ, Викторъ Сергѣевичъ!

— Нѣтъ, не слишкомъ, Ермиловъ. Вамъ слѣпитъ глаза мундиръ, ученая степень, вся повадка русскаго народника. Подъ всѣмъ этимъ сидитъ тотъ же купеческій сынъ въ бешметѣ, воображающій себя Ермакомъ Тимоѳеевичемъ. Видѣли, какая у него разбойничья рожа? У бешмета? Онъ, еслибы могъ, съ шайкой нагрянулъ бы на Монте-Карло и потомъ, послѣ воровского разгрома, билъ бы челомъ княжествомъ Монако.

Оба гостя тихо разсмѣялись.

— Холопство! Атавизмъ холопства! Передъ кѣмъ-нибудь да падать ницъ и стучать лбомъ. Прежде писалось въ чело-

Digitized by Google

битныхъ: „холопъ твой Ивашка“, а теперь изъ народа сдѣлали идола—и ему холопствуютъ тѣ же Ивашки.

И на это ничѣмъ не откликнулись гости: они, вѣроятно, въ послѣдній разъ переживали душой горечь всѣхъ такихъ итоговъ. Все это было позади. Вѣдь они, и до ихъ послѣдней душевной фазы, стояли въ сторонѣ отъ русской жизни: одинъ писалъ свою книгу о возможности счастія на землѣ; другой не зналъ ничего кромѣ женщинъ, моды, литературнаго дилеттантства. И все это слетѣло съ обоихъ, и позади у нихъ ничего.

Въ одно время точно кто ихъ дернулъ за руку. Каждый изъ нихъ приподнялся съ желаніемъ посмотрѣть на стѣнные часы въ столовой.

Званцевъ угадалъ и сказалъ имъ:

— Вы успѣете, господа! Поѣздъ пройдетъ около двѣнадцати, да еще опоздаетъ минутъ на десять.

Но имъ обоимъ больше уже не сидѣлось.

Черезъ нѣсколько минутъ хозяинъ виллы проводилъ ихъ до воротъ сада. Сзади шелъ Батистъ.

Всѣ деревья и кусты, пальмы, магноліи, мандарины, оливы, кактусы—подъ тихими и холодящими лучами полуночнаго мѣсяца—стояли недвижно, синевато-зеленые, бросали отъ стволовъ рѣзкую тѣнь на влажный дернъ и на хрящеватый песокъ дорожекъ. За домами, черезъ дорогу искрилось чешуей взморье, а справа вспыхивалъ и пропадалъ огонь маяка.

Ночь должна была вызвать въ обоихъ товарищахъ по судьбѣ если не восклицаніе восторга, то хоть двѣ-три похвалы; но они шли съ опущенными головами, молча, очень медленно. Гремушинъ слегка поддерживалъ Ермилова, замѣтивъ, что въ темнотѣ тотъ не увѣренъ въ своей поступи.

Батистъ слѣдовалъ за ними на нѣкоторомъ разстояніи. Передъ заднимъ фасадомъ станціи, какъ только они спустились мимо отеля, оставшагося влѣво, онъ пожелалъ имъ доброй ночи и спросилъ: не нуженъ ли онъ имъ еще на что-нибудь?

Оба встрепенулись, точно кто-нибудь ихъ разбудилъ.

Ермиловъ по лицу Батиста, освѣщенному луной, догадался, что надо ему дать франкъ, долго копался въ портъ-монэ, доставая монету, которою Батистъ остался доволенъ, и еще разъ пожелалъ имъ доброй ночи.

Они взяли билеты перваго класса у соннаго кассира, перешли черезъ полотно къ каменному навѣсу, гдѣ имъ надо было дожидаться поѣзда. Служитель съ фонаремъ, въ темной сукон-

Digitized by Google

ной блузѣ, щелкнулъ щипцами по ихъ билетамъ и сказалъ имъ вѣжливо и тихо:

— Il y a un retard, messieurs...

Они пошли вдоль полотна, по дорожкѣ, и продолжали молчать. Имъ не хотѣлось изливаться; но они знали, что думаютъ одно и то же. Имъ было жаль того русскаго набоба, что сейчасъ угощалъ ихъ барзакомъ 1874 года, гораздо больше, чѣмъ себя самихъ. У него ничего нѣтъ въ жизни, никакой даже рабской, но прочной цѣпи. И въ Европу, за которую онъ ратовалъ сегодня, онъ извѣрился. Ему все „ganz Schnuppe" —это выраженіе Званцева пришло имъ обоимъ.

И вдругъ оба вздрогнули: раздался гулъ паровоза. А черезъ минуту и снопъ искръ протянулся полосой на фонѣ придорожныхъ садовъ.

Приближались ихъ повелительницы.

„У другихъ и этого нѣтъ", подумали они разомъ и поспѣшили къ навѣсу.

XXIII.

Кустаревъ вернулся въ отель съ утренней прогулки. Онъ побывалъ на кладбищѣ, положилъ новый вѣнокъ на могилу жены и долго стоялъ около рѣшетки, за которой на небольшой надгробной плитѣ были только-что вырѣзаны имя и фамилія маленькой женщины.

Ему не было тяжело. Онъ не плакалъ. Но что-то забродило въ его головѣ, когда онъ медленнымъ шагомъ возвращался домой; щеки блѣднѣли не отъ свѣжаго морского вѣтерка, доносившагося съ набережной, а отъ хорошаго, внутренняго волненія, отъ сильной и бодрящей думы. Во взглядѣ раза два блеснула рѣшимость.

Сегодня онъ долженъ былъ ѣхать въ Москву и наканунѣ уложился. Анна Гавриловна выбрала день общаго отъѣзда, и о немъ Кустаревъ еще вчера думалъ съ удовольствіемъ, мечталъ, какъ онъ поселится въ Москвѣ и какъ они часто будутъ видаться.

Придя въ отель, онъ позвонилъ гарсона и сказалъ ему, что остается еще на одинъ день, и счетъ, который онъ съ утра спрашивалъ, ему пока не нуженъ.

Гарсонъ отвѣтилъ:

— Très bien, monsieur!

И съ веселымъ лицомъ удалился. На столѣ лежалъ еще неуложенный дорожный бюваръ. Кустаревъ присѣлъ къ столу, до-

Digitized by Google

сталъ листъ почтовой бумаги, обмакнулъ перо и вывелъ первую строчку:

„Многоуважаемая Анна Гавриловна!“

Но тотчасъ же послѣ того онъ всталъ и заходилъ по комнатѣ. Рука ерошила сильно посѣдѣвшіе волосы. Лобъ онъ хмурилъ.

— Нѣтъ, это трусость!—громко выговорилъ онъ, вернулся къ столу, взялъ начатое письмо и разорвалъ его.

Опять заходилъ онъ изъ угла въ уголъ, по своей неизмѣнной привычкѣ, сталъ усиленно курить и слегка жестикулировать правой рукой. Что-то онъ обдумывалъ въ подробностяхъ, какіе-то планы; а рѣшеніе было уже принято, и онъ больше не колебался.

Въ дверь постучали и, не дожидаясь его отвѣта,—онъ не разслыхалъ сразу стука—отворили ее.

На порогѣ стоялъ Благомировъ.

— Евменій Филипповичъ! Ау!.. Пришелъ проститься. И вы никакъ собрались?

Кустаревъ ничего не отвѣтилъ на этотъ вопросъ, пересталъ курить, бросилъ окурокъ папиросы въ каминъ и протянулъ гостю руку.

— Ѣдете сегодня?—спросилъ онъ.

— Да вотъ, Евменій Филипповичъ, я послѣ того словеснаго состязанія, на виллѣ „Рутенія“, вдругъ опять очутился на перепутьѣ!.. Ни дать, ни взять, какъ тогда въ Питерѣ, помните, у портного Гусева?

— Словесное состязаніе,—выговорилъ съ усмѣшкой Кустаревъ.—Всѣ-то мы—словесники, батюшка мой! И такъ, и этакъ! Надо эту двойственность бросить. Вы въ чемъ же опять колеблетесь? Въ Америку ѣхать доллары наживать или вернуться въ захолустную деревню и грамотѣ ребятишекъ учить? Такъ это вы оставьте! Отправляйтесь прямо въ Гавръ или Ливерпуль, садитесь на пароходъ и начинайте свои гастроли. Искусъ будетъ первосортный. Коли васъ Мамона не заберетъ, тогда и узнаете себѣ цѣну.

Тонъ Кустарева былъ вовсе не шутливый. Благомировъ сѣлъ на диванъ, встряхнулъ головой и выговорилъ медленно:

— Это вы въ осужденіе мнѣ?

— Не одному вамъ, а, быть можетъ, и себѣ также. Очень мы съ своей подоплекой носимся, батюшка мой, а чуть приманка... деньги ли, слава или женская прелесть—и пошелъ и такъ, и этакъ.

Онъ не договорилъ, поглядѣлъ на часы и взялся за шляпу, лежавшую на ободкѣ камина.

Digitized by Google

— Прощайте, дружище! Мнѣ пора. А вы когда?

— Съ вечернимъ поѣздомъ, на Парижъ.

— Всего прекраснаго!

Благомировъ всталъ и близко подошелъ къ Кустареву.

— Евменій Филипповичъ, вы никакъ отъ меня отшатнулись? За что же?

Онъ положилъ руку на плечо Кустарева.

— Нешто вы меня, и въ самомъ дѣлѣ, въ гнуснецы записали? Не такого напутствія ждалъ я отъ васъ. Чаялъ я, что вы и оттуда, изъ-за моря, позволите къ вамъ обращаться, чтобы душевное-то свое обличіе сохранять...

— Эхъ, Благомировъ!—перебилъ его Кустаревъ:—прямолинейность вещь хорошая, только не всѣмъ она дается. Я и самъ чуть-чуть одну ногу не завязилъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Про это я знаю. Ну, добраго пути! Еще разъ повторю: коли отъ янки вернетесь вы человѣкомъ, а не поющей машиной, зашибающей доллары и фунты стерлинговъ—благо вамъ будетъ. Тогда и потолкуемъ!

Они обнялись.

— Куда же вамъ писать?—спросилъ Благомировъ.—Въ Москву?

И на этотъ вопросъ Кустаревъ не сразу отвѣтилъ.

— Въ редакцію... оттуда перешлютъ.

Они вышли вмѣстѣ. Благомировъ еще разъ пожалъ ему руку и съ поникшей головой зашагалъ по направленію къ набережной, а Кустаревъ узкимъ переулкомъ поднялся къ вокзалу желѣзной дороги.

Съ ближайшимъ поѣздомъ на Геную онъ долженъ былъ ѣхать съ Куликовыми. Анна Гавриловна сказала ему вчера:

— Заверните къ намъ, выпьемъ посошокъ. Вещи ваши отправьте. Ихъ сдадутъ. И мы сдѣлаемъ точно тоже. Мой мужъ объ этомъ позаботится.

И она такъ посмотрѣла на него, что онъ понялъ недосказанное ею:

— „Вы-молъ меня застанете одну“.

Куликовы жили на „Avenue de la Gare“, недалеко отъ заворота на желѣзнодорожную площадку. Въ сѣни ихъ отеля Кустаревъ вошелъ торопливой походкой и даже не спросилъ у швейцара, дома ли они. До поѣзда оставалось не больше сорока минутъ и они могли не дождаться его.

Въ первой комнатѣ ихъ нумера, откуда вынесли весь багажъ, у окна стояла Анна Гавриловна и глядѣла на бульваръ.

Она поджидала его и быстро обернулась, заслышавъ его шаги.

Digitized by Google

— Евменій Филипповичъ! Наконецъ-то!—звонко и радостно воскликнула она.—Я думала, вы заболѣли. Мужа я уже отправила съ вещами. А ваши тамъ?

Вопросы свои она сыпала быстро, и обѣ ея руки протягивались къ нему ласковымъ и красивымъ движеніемъ.

На ней уже было дорожное пальто и шляпка съ большимъ щитомъ, бросавшая тѣнь на ея заалѣвшія щеки. Глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ также ласкали его.

— Анна Гавриловна,—заговорилъ Кустаревъ сначала съ наклоненной головой,—я въ Москву не ѣду.

— Почему?

Она тотчасъ же измѣнилась въ лицѣ.

— Почему?—повторилъ онъ.—Я могъ бы привести претекстъ.

— Если нельзя сегодня... мы подождемъ. Можетъ,—она немного запнулась,—деньги вамъ нужны?—спросила она тише.

— Не ѣду,—продолжалъ Кустаревъ,—потому что мнѣ этого не слѣдуетъ дѣлать.

— Я не понимаю, Евменій Филипповичъ!—голосъ ея дрогнулъ:—присядьте, объясните.

Они сѣли у двери, въ позѣ людей, застигнутыхъ чѣмъ-нибудь внезапнымъ, требующимъ рѣшительнаго разговора.

— Отъ обширныхъ объясненій вы меня избавьте, Анна Гавриловна,—сказалъ Кустаревъ серьезно, почти сурово,—да вамъ и некогда. Билеты мужъ вашъ навѣрно уже взялъ. Пора и на станцію. И дипломатничать съ вами не стану. Мнѣ не слѣдъ въ Москву ѣхать, гдѣ мы съ вами будемъ встрѣчаться ежедневно.

— Такъ что-жъ изъ этого?

— Я во-время спохватился, Анна Гавриловна. Что-то моей волей овладѣвать начало. Это пошло съ той прогулки, надъ русской часовней. Сладкій ядъ вливали въ меня...

— Кто же это? Не я ли, Евменій Филипповичъ?—громче спросила она, и щеки ея совсѣмъ загорѣлись. Она не съумѣла сдержать своего волненія.

— Я никого не виню. Но на сдѣлки съ тѣмъ, что теперь въ силѣ и почетѣ,—а я поддавался этому,—мнѣ не слѣдъ идти, Анна Гавриловна! Надо себя встряхнуть. Хочу опять студентомъ пожить, годокъ-другой, заново поучиться у нѣмцевъ, уйти отъ нашего суесловія. Довольно глодать себя тѣмъ, что „не у дѣлъ". Надо оставаться самимъ собою, и быть всегда на-готовѣ, и дѣлать то, что можно, въ данную минуту.

— Но кто же мѣшаетъ вамъ исполнить все это дома, гдѣ всякая честная работа такъ нужна?

Digitized by Google

— Послѣ, Анна Гавриловна, а не теперь, не на той наклонной плоскости, на какую я ступилъ.

Онъ всталъ.

— Это безповоротно?—спросила она, не глядя на него.

— Такъ точно.

— И кризисъ,—голосъ ея дѣлался глуше,—произошелъ въ васъ такъ, ни съ того, ни съ сего, въ одинъ день?

— Совсѣмъ уложился—еще вчера съ ночи. А нынче... у Гари побывалъ, сходилъ съ ней попрощаться...

— Тамъ васъ и озарило?

Вопросъ звучалъ почти злобно.

— Тамъ меня и озарило,—отвѣтилъ онъ просто и значительно:—она бы порадовалась, еслибъ могла чуять—съ чѣмъ я пришелъ домой...

Больше онъ ничего не сказалъ. Съ души его спала тяжесть. Онъ медленно перевелъ дыханіе.

— Но вы вернетесь?—вызывающе спросила она.

— Вернусь, когда нужно будетъ. А теперь добраго пути! Вамъ пора.

Она молча пожала ему руку и не удерживала его. Кустаревъ въ дверяхъ обернулся и прибавилъ:

— Мужу вашему мое почтеніе и Ермилову.

— Вы не хотите съ ними проститься?

— Имъ не до меня будетъ.

Дверь затворилась за Кустаревымъ. Анна Гавриловна больше минуты стояла посреди комнаты и одергивала вуалетку своей шляпы. Нервныя вздрагиванія замѣтны были въ углахъ рта.

„Ушелъ!—мысленно говорила она;—ушелъ и навсегда! Гоняться за нимъ—безполезно. Ему дороже всего голубиная чистота его души. Прямолинейность“...

— Прямолинейность!—громко уже сказала она, подбѣжала къ электрическому звонку около двери и позвонила.

Поклонъ Кустарева мужу и Ермилову звучалъ въ ея головѣ. Вотъ съ кѣмъ ей предоставилъ онъ быть счастливой, на комъ испытывать свою власть и свое обаяніе, и съ каждымъ годомъ все глубже и глубже уходить въ тѣ сдѣлки съ жизнью, куда она такъ незамѣтно и сладко тянула его...

— И не надо!—вскрикнула Анна Гавриловна, подошла къ зеркалу, надъ каминомъ, поправила вуалетку и долго-долго глядѣла на себя...

П. Боборыкинъ.

Digitized by Google

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ ДОМА

ВЪ

РОССІИ

Воспитательные дома у насъ существуютъ уже около двухсотъ лѣтъ, и въ это время нѣсколько разъ подвергались самымъ кореннымъ и одно другому противорѣчащимъ преобразованіямъ. Впервые они у насъ появились при Петрѣ Великомъ. Онъ видѣлъ въ устройствѣ ихъ не только дѣло человѣколюбія, спасеніе жизни людей, но и дѣло государственное—увеличеніе народонаселенія. Второе побужденіе въ немъ, какъ человѣкѣ по преимуществу разсчетливаго ума, было, можетъ быть, несомнѣнно сильнѣе перваго. Оно отразилось на самомъ устройствѣ воспитательныхъ домовъ, зрѣло обдуманномъ и всесторонне соображенномъ. Петръ Великій устраивалъ ихъ безъ всякаго увлеченія, а также и безъ особой гуманности; это видно изъ его отношенія къ тѣмъ, для кого онъ ихъ устраивалъ. Онъ называетъ дѣтей, рождающихся внѣ брака, прямо—дѣтьми „зазорными". Въ этомъ отношеніи онъ не опередилъ жесткихъ взглядовъ своего вѣка. Совсѣмъ иначе ихъ называла Екатерина Великая, устраивавшая воспитательные дома не столько съ какимъ-нибудь разсчетомъ, сколько съ гуманной точки зрѣнія. Какъ извѣстно, она называла такихъ дѣтей не иначе какъ „несчастнорожденными".

Но для того, чтобы благотворительность на пользу общества вполнѣ достигала своей цѣли, необходимо соединеніе разсчета ума съ гуманнымъ чувствомъ. Это какъ нельзя болѣе подтверждается всей исторіей нашихъ воспитательныхъ домовъ, которую

Digitized by Google

можно раздѣлить на три періода: первый періодъ—отъ Петра Великаго, т.-е. отъ его указа 1715 года, до Екатерины Великой, т.-е. до устройства воспитательнаго дома въ Москвѣ въ 1763 г.; второй періодъ—отъ Екатерины Великой до Николая I, а именно до указа 1828 года, уничтожившаго воспитательные дома во всей Россіи и оставившаго ихъ только въ Москвѣ и С.-Петербургѣ; третій періодъ—отъ этого указа до настоящаго времени, когда, повидимому, рѣшаются опять возвратиться къ открытію воспитательныхъ домовъ во всей Россіи.

I.

Петръ Великій властно освободилъ русскую женщину отъ заключенія ея въ теремѣ, напоминавшемъ восточные порядки, и ввелъ въ общество, но по необходимости онъ ввелъ ее не въ образованное и воспитанное общество западно-европейское, а въ грубое и распущенное „мѣщанское“ общество Нѣмецкой Слободы, къ которой особенно лежали и его личный вкусъ, и его ничѣмъ не стѣснявшійся нравъ. Понятно, каково должно было быть вліяніе общества разныхъ авантюристовъ, шкиперовъ, ремесленниковъ и всѣхъ подонковъ Европы, собиравшихся въ ассамблеи,—на безграмотную, безправную затворницу, просидѣвшую взаперти нѣсколько столѣтій. Это было бы похоже на то, какъ еслибы теперь вздумали освободить изъ гаремовъ всѣхъ русскихъ мусульманокъ, приказать имъ открыть лица и являться на всѣ наши публичныя увеселенія. Въ Ташкентѣ, говорятъ, былъ сдѣланъ, лѣтъ 20—30 тому назадъ, подобный опытъ, и мусульманки были приглашены на пикникъ, но туда явились только публичныя женщины, хотя отъ учредителей подобнаго пикника это обстоятельство постарались скрыть. Мусульмане, такимъ образомъ, прибѣгли къ хитрости, чтобы оберечь отъ соблазновъ своихъ женъ, которымъ предстояло въ 24 часа перешагнуть изъ гарема на пикникъ въ общеевропейскомъ вкусѣ, а ассамблеи Петра Великаго не имѣли даже и такого преимущества, напоминая собою скорѣе современные намъ „танцъ-классы“.

Первымъ плодомъ Петровской эмансипаціи женщинъ было увеличеніе числа внѣ брака рожденныхъ дѣтей. Отъ зоркаго взгляда Петра Великаго не ускользнуло и это печальное явленіе, и онъ рѣшился обратить его, по крайней мѣрѣ, на пользу государства. Въ ноябрѣ 1715 года онъ приказалъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ, подлѣ церковныхъ оградъ, гдѣ признано бу-

Digitized by Google

детъ удобнымъ, устроить гошпитали, въ Москвѣ каменные, а въ другихъ городахъ деревянные. Въ этихъ гошпиталяхъ были сдѣланы, по примѣру подобныхъ же западныхъ учрежденій, окна, въ которыя можно было класть приносимыхъ дѣтей такъ, чтобы нельзя было видѣть, кто приноситъ. Впрочемъ, еще прежде того, въ 1707 году, новгородскій митрополитъ Іовъ основалъ въ Новгородѣ на свой счетъ около десяти пріютовъ или сиропитательницъ, въ коихъ призрѣвалось до трехъ тысячъ сиротъ и приносимыхъ дѣтей. Отъ сената было разослано 20.000 увѣщаній во всѣ города съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ. Петръ Великій назначилъ на содержаніе этихъ первыхъ у насъ воспитательныхъ домовъ доходы съ нѣкоторыхъ монастырей и казенныхъ оброчныхъ статей. Кромѣ того, онъ обязалъ города устраивать ихъ на счетъ городскихъ доходовъ и для надзора и ухода за дѣтьми приказалъ выбирать надежныхъ женщинъ съ особою осмотрительностью. Когда дѣти выростали, то мальчиковъ должны были отдавать въ ученье къ какому-нибудь мастеру, а дѣвочекъ помѣщать къ кому-нибудь въ услуженіе; если же представится случай, то выдавать замужъ. Тѣ изъ нихъ, кто подвергался болѣзнямъ или увѣчью, могли возвращаться въ пріюты, въ которыхъ они воспитались, какъ въ родительскій домъ.

Итакъ, децентрализація, частныя пожертвованія, пособіе казны, семейный характеръ, женскій надзоръ и уходъ за дѣтьми, сохраненіе тайны и, въ дополненіе ко всему, участіе духовенства— вотъ краеугольные камни первыхъ возникшихъ у насъ воспитательныхъ домовъ, какъ истинныхъ домовъ милосердія.

Соотвѣтствовало ли все это той цѣли, къ которой стремились, т.-е. сохраненію жизни внѣ брака рожденныхъ дѣтей, которыхъ именно и имѣлъ въ виду Петръ Великій въ своемъ указѣ 1715 г.?

Начало децентрализаціи въ этомъ случаѣ говоритъ само за себя. Трудно было бы защищать противоположный порядокъ вещей, а именно, централизацію, т.-е. собираніе со всего обширнаго государства внѣ брака рожденныхъ дѣтей, иногда за тысячи верстъ, въ одно какое-нибудь мѣсто, хотя бы самое центральное. При этомъ, очевидно, бо́льшая часть ихъ должна будетъ погибнуть въ дорогѣ, изъ собранныхъ же не мѐньшая часть погибнетъ на мѣстѣ отъ неизбѣжной при этомъ тѣсноты, духоты и недостатка кормилицъ. И все это должно стоить громадныхъ денегъ. Петръ Великій все это какъ будто имѣлъ въ виду и приказалъ устраивать воспитательные дома во всѣхъ городахъ.

Частныя пожертвованія признаны были необходимыми, ко-

Digitized by Google

нечно, по недостаточности государственныхъ средствъ. Призванная къ новой, лучшей жизни, Россія была бѣдна средствами, и самъ Петръ Великій часто нуждался въ деньгахъ для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ государственныхъ потребностей, вызванныхъ его же великими замыслами расширенія и переустройства русской земли. Но, несмотря на крайнюю финансовую нужду, Петръ Великій назначилъ для воспитательныхъ домовъ пособіе и отъ казны въ видѣ доходовъ отъ разныхъ оброчныхъ статей.

Семейный характеръ Петровскихъ воспитательныхъ домовъ виденъ уже изъ самаго назначенія для воспитанія и надзора за дѣтьми хорошихъ женщинъ. При всемъ неизбѣжномъ въ ту эпоху пристрастіи Петра Великаго къ бюрократическому управленію, онъ поручилъ воспитательные дома женскому управленію. И кому же дѣло воспитанія новорожденныхъ дѣтей можетъ быть ближе и лучше извѣстно, какъ не женщинѣ, и кто болѣе внимательно къ нему отнесется, какъ не женщина, предназначенная природой быть матерью дѣтей?

Сохраненіе тайны тѣхъ лицъ, дѣти которыхъ должны были поступать въ воспитательные дома, вызывалось, конечно, тѣмъ, что многія матери принадлежали къ среднему классу народа. Для огромнаго большинства простого народа сохраненіе такой тайны излишне, какъ впослѣдствіи времени показали то опыты всѣхъ государствъ, имѣющихъ у себя воспитательные дома. Но въ тѣ времена нравы, какъ мы видѣли, были еще суровы, и даже невинныхъ дѣтей клеймили названіемъ „зазорныхъ", а виновную мать карала сверхъ мѣры и родительская, и духовная, и гражданская власть. Если такое лицо, какъ Петръ Великій, признавалъ необходимымъ сохраненіе тайны приноса внѣ брака рожденныхъ, или, по его собственному выраженію, зазорныхъ дѣтей, то это, значитъ, было дѣйствительно необходимо. Впослѣдствіи времени сохраненіе тайны, несмотря на измѣнившіеся нравы, вошло, какъ главное начало, при устройствѣ домовъ Екатерининскаго періода, и принесло съ собой, подъ видомъ незаконныхъ, массу законныхъ дѣтей въ воспитательные дома, вызвавъ тѣмъ массу излишнихъ расходовъ и доведя вмѣстѣ съ тѣмъ до ужасающихъ цифръ смертность принятыхъ дѣтей.

Участіе духовенства въ воспитательныхъ домахъ считалось весьма важнымъ какъ при Петрѣ Великомъ, такъ и при Екатеринѣ Великой; не менѣе важнымъ остается оно и теперь, хотя значеніе этого фактора начали сознавать только въ недавнее время. Если бы имъ дорожили и теперь какъ слѣдуетъ, то воспитательные дома избѣгли бы многихъ своихъ затрудненій и

Digitized by Google

смертность дѣтей была бы несравненно меньше. При Петрѣ Великомъ указано было приносить покинутыхъ родителями дѣтей именно къ священникамъ, и тѣ обязаны были доставлять ихъ въ ближайшіе воспитательные дома или отдавать на воспитаніе благонадежнымъ женщинамъ. Еще 50 лѣтъ тому назадъ этотъ обычай существовалъ въ глухихъ мѣстностяхъ. Мы помнимъ, какъ къ священникамъ приносили тогда дѣтей или подбрасывали къ ихъ домамъ, и они дѣйствительно отдавали ихъ на воспитаніе тѣмъ изъ своихъ прихожанокъ, которыя могли ихъ выкормить своимъ или коровьимъ молокомъ. Такими пріемышами достаточные крестьяне нисколько не тяготились, а, напротивъ, считали ихъ за „благословеніе Божіе". Кому же лучше священника извѣстны всѣ живущіе въ его приходѣ, и кто лучше можетъ расположить въ пользу сироты сердца прихожанъ, пристроить его и присмотрѣть за нимъ? Еще въ первыя времена христіанства такія заботы лежали именно на лицахъ, принадлежавшихъ къ числу служителей церкви—діаконахъ и діакониссахъ. Петръ Великій отлично понималъ все значеніе въ такомъ дѣлѣ подобныхъ лицъ. Начинаютъ это теперь признавать и администраторы настоящихъ воспитательныхъ домовъ, и мысль о необходимости привлечь духовенство къ участію въ надзорѣ за сельскими питомцами воспитательныхъ домовъ высказывается все чаще и чаще. Мы слышали, что дѣлались даже попытки къ тому, чтобы расположить къ этому дѣлу мѣстныхъ дамъ, но, къ сожалѣнію, онѣ принесли мало пользы дѣлу. Для многихъ изъ нихъ благотворительность, очевидно, составляетъ не потребность души, а средство для развлеченія отъ скуки однообразной жизни или къ привлеченію вниманія на себя.

Кромѣ священниковъ, при Петрѣ Великомъ, монастыри и богадельни также обязаны были принимать подбрасываемыхъ дѣтей и заботиться объ ихъ призрѣніи и воспитаніи. Однимъ словомъ, Петръ Великій вызвалъ къ дѣятельности по этому вопросу всѣ наличныя общественныя силы съ цѣлью устроить участь несчастныхъ безпріютныхъ дѣтей, хотя при этомъ, какъ мы замѣтили, и не обнаружилъ особой чувствительности и называлъ такихъ дѣтей зазорными.

Къ сожалѣнію, до насъ не дошло никакихъ статистическихъ свѣденій о результатахъ дѣятельности воспитательныхъ домовъ Петровскаго періода. Между тѣмъ было бы въ высшей степени любопытно и полезно знать, какую пользу принесли эти воспитательные дома, устроенные на несомнѣнно разумныхъ началахъ. Извѣстно только то, что эти благодѣтельныя учрежденія, какъ и многія другія реформы Петра Великаго, доставшіяся въ руки его

Digitized by Google

менѣе одаренныхъ преемниковъ и не успѣвшія еще глубоко пустить корней въ народномъ сознаніи, скоро начали чахнуть или искажаться. Воспитательные дома послѣ Петра Великаго закрывались одинъ за другимъ, и такъ-называемыя „зазорныя" дѣти, не пользующіяся и безъ того ничьимъ сочувствіемъ, лишенныя покровительства и со стороны государства, а потому составляющія своего рода касту общественныхъ парій, начали гибнуть. Притомъ послѣ Петра Великаго наступило мрачное время олигарховъ, временщиковъ, заботившихся исключительно объ удовлетвореніи своихъ грубыхъ страстей. Имъ и въ голову не могло придти, что есть какія-то несчастныя, брошенныя, безпріютныя и всѣми безъ всякой вины презираемыя дѣти.

Между тѣмъ, съ возростаніемъ населенія въ городахъ, съ распространеніемъ фабрикъ и заводовъ, на которыхъ скопляется масса мужчинъ и женщинъ, часто оторванныхъ отъ семействъ на продолжительное время, съ возростающей дороговизной жизни, начало возростать болѣе и болѣе число дѣтей, внѣ брака рожденныхъ и покинутыхъ своими родителями то отъ стыда, то отъ бѣдности.

II.

Впервые Екатеринѣ Великой суждено было сдѣлаться достойной преемницей Петра Великаго и воскресить заглохшія въ зачаточномъ состояніи всѣ его реформы, и въ томъ числѣ—устройство и воспитательныхъ домовъ, которое было однимъ изъ первыхъ дѣлъ ея памятнаго царствованія. И ея государственный умъ, и сердце женщины, возмущались при выслушиваніи донесеній о массѣ заморенныхъ подкидышей и мертвыхъ младенцевъ, которые были находимы повсюду: въ огородахъ, садахъ, въ лѣсахъ, рѣкахъ, прудахъ, болотахъ и даже на улицахъ и площадяхъ. Всѣ это знали, всѣ это видѣли, всѣ говорили объ этомъ; одни при этомъ ужасались, другіе сожалѣли; многіе думали, что такое зло слѣдуетъ пресѣчь жестокими наказаніями. Повидимому, никто не вспоминалъ о томъ, какъ отнесся къ этому злу такой высокій государственный умъ, какъ умъ Петра Великаго. Въ ту эпоху наше общество, приниженное и деморализованное продолжительнымъ господствомъ самаго грубаго произвола, смѣнившимъ геніальную властность Петра Великаго, какъ бы утратило вмѣстѣ способность спокойно и здраво судить о вещахъ, и если чѣмъ отличалось, то только одною „сантиментальностью". Сожалѣть, вздыхать и въ то же время не знать, какъ взяться за дѣло — было

Digitized by Google

отличительною чертою нашего общества, по выходѣ его изъ эпохи преемниковъ Петра Великаго. Къ сожалѣнію, такою же сантиментальностью было одержимо и то лицо, которому Екатерина Великая передала свою мысль о необходимости призрѣнія и воспитанія парій русскаго общества, покинутыхъ своими родителями. Это былъ Бецкій, составившій проектъ по этому вопросу. Весь его такъ-называемый „генеральный планъ", по которому должны были устраиваться воспитательные дома, проникнутъ одною чувствительностью и переполненъ самыми благими намѣреніями и пожеланіями. На этомъ фонѣ начертаны имъ всѣ государственныя мѣры по устройству воспитательныхъ домовъ.

Въ докладѣ Бецкаго, утвержденномъ Екатериною Великою 10-го января 1763 года, имѣлось въ виду, „подъ покровительствомъ государыни, устроить домъ для призрѣнія и воспитанія тѣхъ невинныхъ дѣтей, которыхъ злосчастныя, а иногда и безчеловѣчныя матери кидаютъ, оставляютъ или — что еще злѣе — умерщвляютъ, которыя, хотя и отъ законнаго супружества родясь, но въ крайней скудости, оставляются родителями и предаются на волю слѣпого случая, съ единственною цѣлью, чтобы только освободиться отъ тягости воспитанія и самимъ удобнѣе было можно пропитаться".

Вотъ краеугольный камень, положенный въ основаніе воспитательныхъ домовъ Екатерининскаго періода и весьма отличный отъ Петровскаго фундамента. Петръ Великій основывалъ воспитательные дома только для „зазорныхъ" дѣтей, которыя, по его словамъ, беззаконно рождаются отъ женщинъ и дѣвицъ, ради стыда бросаются въ разныя стороны и безвременно помираютъ, а нѣкоторыя даже и умерщвляются самими матерями. Для призрѣнія и воспитанія только такихъ дѣтей Петръ Великій велѣлъ устраивать „гошпитали", и для сохраненія жизни только такихъ дѣтей избирать искусныхъ женщинъ. Матерей же, умерщвляющихъ своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, велѣлъ казнить смертью. Для такихъ гошпиталей назначено было содержаніе изъ неокладныхъ губернскихъ доходовъ въ размѣрѣ: приставленнымъ въ услуженіе по три рубля на годъ, да хлѣба по полуосминѣ на мѣсяцъ, а младенцамъ по три деньги на день.

Видно, что великій государственный хозяинъ зналъ цѣну деньгамъ и не задавался черезъ-чуръ широкими задачами. Но Бецкій пошелъ гораздо дальше Петра Великаго. Онъ открылъ воспитательные дома не только для дѣтей, внѣ брака рожденныхъ, но и для законныхъ дѣтей, оставляемыхъ своими родителями по бѣдности, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставилъ въ силѣ Петровскій тайный пріемъ дѣтей безъ всякихъ удостовѣреній личности приносящихъ.

Digitized by Google

И при Петрѣ Великомъ, конечно, при тайномъ пріемѣ дѣтей, могли поступать и законныя дѣти. Но это не было возведено въ принципъ, и законные родители при Петрѣ Великомъ, надобно думать, могли опасаться тяжкихъ послѣдствій обмана и злоупотребленій, такъ какъ Петръ Великій шутить не любилъ. Это видно изъ того, какъ онъ относился къ дѣтоубійству, совершаемому самими матерями; всякій могъ ожидать строгаго наказанія и за обманный приносъ законныхъ дѣтей въ воспитательные дома.

Бецкій же торжественно провозгласилъ, что воспитательные дома устраиваются не только для дѣтей, рожденныхъ внѣ брака и потому не имѣющихъ пріюта въ домахъ своихъ родителей, но и для законныхъ дѣтей, которыхъ родители не могутъ воспитывать по бѣдности. Это провозглашеніе права бѣдныхъ воспитывать своихъ дѣтей на счетъ государства, весьма симпатичное въ принципѣ, должно было привлечь къ только-что воцарившейся государынѣ сердца всѣхъ, а въ воспитательные дома—безграничное множество дѣтей, породить массу злоупотребленій и вызвать далеко не посильные расходы.

Подобное право бѣдныхъ на трудъ и на воспитаніе на счетъ государства неоднократно было провозглашаемо въ ту эпоху во Франціи [1]), но всегда оканчивалось истощеніемъ средствъ государства, разочарованіемъ законодателей и увеличеннымъ недовольствомъ массы людей.

Вмѣстѣ съ такимъ утопическимъ принципомъ, въ „генеральномъ планѣ“ весьма предусмотрительно говорится однако, что во Франціи и въ Англіи замѣчено, что отъ некормленія груднымъ молокомъ всегда больше половины дѣтей умирало.

Дѣйствительно, такъ это и случилось при устройствѣ первыхъ нашихъ воспитательныхъ домовъ и продолжается доселѣ. Можно думать, что авторъ „генеральнаго плана“ полагалъ, что у насъ не могло это случиться.

---

[1]) Впрочемъ и во время первой республики конвентъ, 29-го ноября 1790 года, не провозгласилъ такого широкаго права, какъ Бецкій, на воспитаніе всѣхъ бѣдныхъ дѣтей на счетъ государства, а ограничился только внѣ брака рожденными дѣтьми и покинутыми своими родителями. Онъ ихъ только поставилъ подъ опеку государства, а національное собраніе постановило принять ихъ содержаніе на счетъ націи и, опредѣливъ для этого 3.200.000 ливровъ ежегодно, постановило называть ихъ не иначе какъ сиротами, а потомъ „естественными дѣтьми отечества“. Во времена консульства и имперіи эти постановленія отмѣнены, открыто множество воспитательныхъ домовъ, изъ которыхъ Наполеонъ думалъ брать „пушечное мясо“ для своихъ армій, и въ 1811 году издалъ особый декретъ о правахъ незаконнорожденныхъ, который при своемъ суровомъ характерѣ все-таки гораздо мягче къ нимъ относится, чѣмъ наши законы, о чемъ будетъ сказано въ концѣ статьи.

Digitized by Google

Тайна пріема строго соблюдалась и въ устройствѣ Екатерининскихъ домовъ. Могли приносить дѣтей всѣ, кто хотѣлъ, и никто не обязанъ былъ давать никакихъ показаній.

Подобно Петровскимъ указамъ, разрѣшалось приносить дѣтей ко всѣмъ приходскимъ священникамъ, богадельнямъ и монастырямъ, мужскимъ и женскимъ, ночью и днемъ, и привратникамъ приказывалось ни о чемъ не спрашивать приносящихъ, кромѣ крещенія и имени младенца, и относить въ воспитательный домъ въ тотъ же часъ, гдѣ за всякаго принесеннаго младенца выдавалось за трудъ по 2 рубля.

Приказывалось полицейскимъ и другимъ командамъ и рогаточнымъ карауламъ не только не удерживать тѣхъ лицъ, которыя понесутъ дѣтей въ воспитательный домъ, и ни о чемъ не спрашивать, но даже оказывать имъ всякое вспоможеніе и отъ наглостей другихъ защиту.

Ничего подобнаго въ Петровскихъ воспитательныхъ домахъ не существовало. Только самая нѣжная мать могла такъ заботиться о дѣтяхъ, какъ думала заботиться Екатерина Великая. Бецкій, будучи энтузіастомъ, не могъ охлаждать или умѣрять увлеченій Екатерины и еще болѣе предрасполагалъ ее въ сторону чувства, не заботясь о томъ, какъ дѣло осуществится на практикѣ.

1-го сентября 1763 года, т.-е. вскорѣ по своемъ воцареніи, императрица издала манифестъ, которымъ она назначила московскому воспитательному дому быть учрежденіемъ государственнымъ, приняла его навсегда подъ свое особенное покровительство, обнадежила въ этомъ какъ за себя, такъ и за своихъ преемниковъ, и выразила желаніе и надежду, что всѣ подданные своими пожертвованіями будутъ помогать устройству и содержанію этого богоугоднаго заведенія.

По ея воззванію св. синодъ обратился съ увѣщаніемъ и мольбою ко всѣмъ архіереямъ, чтобы они проповѣдовали сами и поручили священникамъ проповѣдовать о благотворительности для спасенія несчастныхъ дѣтей; чтобы приносимыхъ къ нимъ младенцевъ тотчасъ сподобляли св. крещенія и отдавали ихъ честнымъ и богобоязненнымъ людямъ для вскормленія до тѣхъ поръ, пока они будутъ отосланы въ воспитательный домъ, и чтобы въ своихъ эпархіяхъ устраивали сиропитательницы или пріюты.

21-го апрѣля 1764 года, въ день рожденія императрицы, открытъ былъ въ Москвѣ воспитательный домъ. Открытіе сопровождалось особымъ торжествомъ. Изъ Успенскаго собора былъ большой церковный ходъ съ крестами и хоругвями до мѣста, гдѣ предложено было заложить каменное зданіе, украшающее теперь

Digitized by Google

Москву. Во всѣхъ церквахъ звонили въ колокола, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенья, палили изъ пушекъ. Стеченіе народа было необыкновенное. Но самымъ лучшимъ торжествомъ было то, что въ тотъ же день приняли въ первый воспитательный домъ Екатерининской эпохи 19 младенцевъ, найденныхъ незадолго до того времени у разныхъ церквей въ Москвѣ, въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ. Первымъ изъ принесенныхъ младенцевъ при крещеніи даны были имена императрицы и наслѣдника престола: Екатерина и Павелъ.

Все это было весьма эффектно и далеко не походило на простыя мѣропріятія Петра Великаго для спасенія жизни дѣтей въ воспитательныхъ домахъ его времени. Несомнѣнно однако, что все происходило такъ не изъ одного разсчета сдѣлать популярнымъ новое, неожиданно наступившее, царствованіе, но также и отъ дѣйствительнаго чувства любви къ дѣтямъ вообще и особенно отъ состраданія къ несчастнымъ дѣтямъ, оставленнымъ своими родителями. Это доказывается послѣдующими распоряженіями.

Чтобы упрочить благосостояніе воспитательныхъ домовъ, имъ, по представленію Бецкаго, даны были особыя важныя привилегіи и при нихъ учреждены сохранная и ссудная казны, доходы которыхъ достигли громадныхъ цифръ и дали возможность поставить дѣло призрѣнія на широкую ногу.

Привилегіи, между прочимъ, состояли въ слѣдующемъ: 1) всѣ питомцы и питомицы, дѣти ихъ и потомки навсегда остаются вольными и ни подъ какимъ видомъ закабалены или сдѣланы крѣпостными быть не могутъ; если питомецъ женится на крѣпостной, то жена его дѣлается свободною; если питомица выйдетъ за крѣпостного, то она лично всегда остается вольною; 2) всѣ питомцы и питомицы, дѣти ихъ и потомство имѣютъ право покупать себѣ дома, лавки, мѣста подъ нихъ, устраивать фабрики и заводы, вступать въ купечество, заниматься всякими промыслами и вполнѣ распоряжаться своимъ имуществомъ. Все это въ то время были весьма важныя привилегіи.

Самому воспитательному дому предоставлено было множество привилегій, напр. своя собственная юрисдикція, освобожденіе отъ пошлинъ при заключеніи контрактовъ, дозволеніе покупать и продавать деревни, дома, земли и т. п., не входя въ сношеніе ни съ какими присутственными мѣстами, дозволеніе заводить фабрики, заводы, мастерскія, не испрашивая ничьего разрѣшенія, устраивать лотереи и получать четвертую часть дохода отъ театровъ, общественныхъ баловъ и всякихъ игръ на деньги.

Digitized by Google

Сохранная казна учреждена была для того, чтобы принимать вклады отъ частныхъ лицъ на приращеніе процентами и выдавать ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Операціи этой казны скоро достигли громадныхъ оборотовъ и доставили не только воспитательному дому большія средства, но дали возможность на эти же деньги устроить особенные вдовьи дома и цѣлыя больницы, какова, напр., Маріинская на Литейной и, кромѣ того, нѣсколько сотъ тысячъ употреблено было отсюда же на кадетскіе корпуса и военныя надобности.

Вслѣдъ за открытіемъ воспитательнаго дома въ Москвѣ открытъ такой же и въ Петербургѣ. Въ 1770 году императрица пожаловала для него зданіе, которое называлось прежде запаснымъ Смольнымъ дворомъ, гдѣ нынѣ Смольный институтъ. Тутъ на Невѣ сдѣлана была пристань, куда можно было привозить водой тайно несчастныхъ младенцевъ; никто не могъ досаждать приносящимъ своимъ пустымъ или враждебнымъ любопытствомъ; кто, по болѣзни или по чувству стыдливости, не рѣшался приносить самъ, тотъ могъ отдавать ихъ приходскимъ священникамъ, которые въ тотъ же часъ обязаны были отправлять ихъ въ воспитательный домъ, не разспрашивая ни о чемъ, кромѣ того, крещено ли дитя или нѣтъ, и если крещено, то какъ ему имя. Привратнику воспитательнаго дома строго предписано было обращаться съ тѣми, которые приносятъ дѣтей, какъ можно вѣжливѣе и ласковѣе, также спрашивая только объ имени и крещеніи дитяти. Вскорѣ Смольный дворъ оказался тѣсенъ, и воспитательный домъ переведенъ былъ на Милліонную, гдѣ нынѣ Павловскія казармы.

Екатерина Великая при устройствѣ воспитательныхъ домовъ лелѣяла мечту о приготовленіи для Россіи изъ безродныхъ и безпріютныхъ дѣтей, воспитанныхъ въ воспитательныхъ домахъ, *третьяго чина и новаго рода людей*, о которыхъ подробно говорится въ „генеральномъ планѣ". „Третьяго чина люди", существовавшіе уже нѣсколько вѣковъ въ другихъ государствахъ, по мнѣнію Екатерины Великой, нужны были и для Россіи. Поэтому она предполагала положить ему основаніе приготовленіемъ изъ воспитанниковъ и воспитанницъ сначала учителей и учительницъ, потомъ художниковъ и ремесленниковъ. Такъ какъ въ Россіи, по мысли „генеральнаго плана", установлено только два чина: дворяне и крѣпостные, то воспитанники, по привилегіямъ, жалованнымъ отъ великодушной и премудрой самодержицы, составятъ *третій чинъ* въ государствѣ, *новый родъ* (3 ч. ген. пл., стр. 61—63). Въ заключеніи „генеральнаго плана" сказано, что „самая великая задача состоитъ вообще въ воспитаніи и приготовленіи такихъ поддан-

Digitized by Google

ныхъ, которые полезны были бы отечеству упражненіемъ въ художествахъ и ремеслахъ. Но какъ дѣло состоитъ и въ *произведеніи новыхъ людей*, то должно внимательно наблюдать, не найдутся ли между дѣтьми обоего пола имѣющія проницательный разумъ, отмѣнное понятіе и не выказываютъ ли себя способными къ искусствамъ, вовсе отличнымъ отъ того званія, къ которому назначаются. Великое употреблять вниманіе, чтобы сего никогда не упустить, но всячески способствовать таковымъ особеннымъ природнымъ дарованіямъ, дабы произвести и *превосходныхъ людей по превосходству ихъ и качества*".

Конечно, у насъ можно было тогда легко дѣлать всевозможные и филантропическіе, и политическіе эксперименты, съ которыми Екатерина Великая ознакомилась изъ разныхъ современныхъ ей французскихъ мыслителей. Въ болѣе древнее время у насъ дѣлались и другого рода опыты, напр. опыты по устройству опричнины во времена Грознаго, или опыты возвращенія раскольниковъ въ лоно православія. Но эти опыты дѣлались съ самыми прекрасными намѣреніями, а потому всѣ сословія государства откликнулись на зовъ царицы, заботящейся объ участи несчастныхъ дѣтей. Всѣ встрѣтили указы Екатерины Великой съ полнымъ сочувствіемъ и по мѣрѣ силъ всѣ начали оказывать содѣйствіе—и духовныя, и свѣтскія лица, и общества, и города; вездѣ устраивались сиропитательницы отъ подаянія христолюбцевъ.

Въ 1764 году опекунскій совѣтъ ходатайствовалъ уже объ устройствѣ пристанищъ при женскихъ монастыряхъ и у частныхъ лицъ во всѣхъ эпархіяхъ для воспитанія дѣтей до 5 лѣтъ, послѣ чего они могли поступать въ воспитательные дома. Впрочемъ постановленіемъ опекунскаго совѣта 1-го мая 1766 и 9-го января 1768 гг. было запрещено принимать дѣтей въ домъ свыше 2 лѣтъ и 4 мѣсяцевъ, „дабы въ нѣжныя сердца не вселять дурныхъ примѣровъ".

Подобныя пристанища были тогда открыты на свой счетъ губернаторомъ Сиверсомъ въ Новгородѣ, прокуроромъ Бахметевымъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, купцомъ Макаровымъ въ Бѣлозерскѣ и многими другими лицами въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. На общественный счетъ учреждено такое пристанище въ г. Осташковѣ, тверской губ. Затѣмъ стали учреждаться воспитательные дома и въ другихъ городахъ имперіи подъ вѣдомствомъ и на содержаніи мѣстныхъ приказовъ общественнаго призрѣнія, которые иногда за скудостью средствъ получали вспомоществованіе отъ московскаго воспитательнаго дома.

Изъ всѣхъ этихъ и подобныхъ мѣстныхъ пристанищъ, со-

Digitized by Google

гласно „генеральному плану“, младенцы препровождались въ московскій воспитательный домъ для воспитанія и обученія.

Каковы же были результаты всѣхъ этихъ заботъ, хлопотъ и расходовъ, употребленныхъ для сохраненія и устроенія жизни безпріютныхъ дѣтей?

Судьба какъ будто хотѣла надсмѣяться надъ всѣми усиліями Екатерины Великой и Бецкаго сдѣлать добро; придуманный ими девизъ для утѣшенія безродныхъ дѣтей, красующійся на фронтонѣ воспитательныхъ домовъ: „и вы живы будете“, скоро обратился въ самую злую иронію [1]). Смертность дѣтей въ этихъ домахъ въ первое же время предстала въ ужасающемъ видѣ.

Въ московскомъ воспитательномъ домѣ:

въ 1764 г.	принято	дѣтей	523	умерло	424
„ 1765 „	„		793	„	597
„ 1766 „	„		742	„	494
„ 1767 „	„		1089	„	1073!!
„ 1768 „	„		1114	„	687

Конечно, такая громадная смертность въ первые же годы должна была сильно поразить имп. Екатерину Великую, охладить ея пылъ и ограничить мечты. Благотворить человѣчеству съ пользой оказалось не такъ легко, даже при самой сильной власти и при самыхъ широкихъ средствахъ. Екатерина II не могла не понять, что бѣдныя дѣти попали „изъ огня да въ полымя“: и безъ воспитательныхъ домовъ они не погибали такими массами.

При учрежденіи московскаго воспитательнаго дома имѣлось въ виду давать воспитаніе въ самомъ домѣ до того возраста, когда дѣти, получивъ образованіе, сообразно съ ихъ наклонностями и способностями, наконецъ достигнутъ возможности своими трудами снискивать себѣ пропитаніе. Въ этихъ видахъ „генеральнымъ“ планомъ постановлено, чтобы каждый питомецъ, по изученіи какого-нибудь мастерства, оставался въ домѣ даже и послѣ совершеннолѣтія. Тогда, вступивъ въ бракъ съ воспитанницей воспитательнаго дома, онъ обязанъ былъ три или четыре года работать въ мастерскихъ при домѣ, получая впрочемъ за труды свои нѣкоторое вознагражденіе.

Чрезъ пять лѣтъ эта прекрасная идиллія разрушилась плачевно. Скопленіе большого числа дѣтей въ палатахъ, съ одной стороны, и недостатокъ кормилицъ, съ другой, повлекли за собой,

[1]) То же должно сказать и о безмѣрной лести, съ которою Бецкій обратился къ Екатеринѣ Великой, по поводу ея благодѣяній для безпріютныхъ дѣтей, выраженной въ слѣдующей формѣ: „Петръ создалъ въ Россіи людей, а Екатерина вложила въ нихъ душу“,—чего именно они очень скоро лишились.

Digitized by Google

какъ мы уже видѣли, громадную смертность между дѣтьми, такъ что въ 1768 году опекунскій совѣтъ, въ собраніи своемъ 10-го мая, призналъ самою лучшею мѣрою для предупрежденія такой смертности дѣтей раздавать ихъ на воспитаніе по деревнямъ.

Въ слѣдующемъ же 1769 году, послѣ принятія этой мѣры, смертность въ моск. воспит. домѣ уменьшается вдвое, а потомъ даже втрое и уже никогда не доходитъ до процента первыхъ пяти лѣтъ:

Въ 1764	г.	81,07%
„ 1765	„	72,76%
„ 1766	„	66,52%
„ 1767	„	98,53%
„ 1768	„	61,67%
„ 1769	„	39,12%
„ 1770	„	24,65%

Но радоваться этому уменьшенію, конечно, было нечего. Смерть изъ грудныхъ отдѣленій воспитательнаго дома перенеслась вмѣстѣ съ дѣтьми въ деревни, въ которыхъ, кромѣ того, еще увеличила потерю собственныхъ дѣтей деревенскихъ кормилицъ отъ заносимыхъ болѣзней и отъ уменьшеннаго питанія. Едва ли, впрочемъ, въ то время объ этомъ думали, а если и думали, то, конечно, не осмѣливались объ этомъ громко говорить. Задумавъ воспитательный домъ въ огромныхъ размѣрахъ и открывъ въ него свободный доступъ для всѣхъ желающихъ освободиться отъ воспитанія своихъ дѣтей, Бецкій, очевидно, никакъ не воображалъ, что въ него будетъ поступать такая масса, для которой не найдется ни достаточнаго простора, ни надлежащаго числа кормилицъ. Онъ имѣлъ въ виду вскармливать дѣтей не иначе какъ молокомъ кормилицъ, на что̀ есть прямое указаніе въ „генеральномъ планѣ“, и къ искусственному вскармливанію относился съ недовѣріемъ, ссылаясь на примѣры неудачнаго вскармливанія, бывшіе въ Англіи и Франціи. Первый же суровый опытъ дѣйствительности разбилъ эту мечту, и грудныхъ дѣтей начали отправлять по деревнямъ для вскормленія, но все еще не отказались отъ мысли давать имъ дальнѣйшее воспитаніе въ извѣстномъ направленіи, т.-е. для образованія „новаго рода людей“ въ самомъ воспитательномъ домѣ.

Интересно видѣть, какъ въ то время увеличивался приносъ дѣтей въ воспитательный домъ, по оффиціальнымъ источникамъ:

Въ первое десятилѣтіе, т.-е. съ 1764 по 1774 годъ, принесено дѣтей въ москов. восп. домъ		9.457
	съ 1774 по 1784 г.	12.537
	„ 1784 „ 1794 г.	13.442

Digitized by Google

III.

Съ воцареніемъ имп. Павла I воспитательные дома приняла подъ свое покровительство имп. Марія Ѳедоровна. Характеръ отношеній къ этимъ учрежденіямъ остался прежній. Съ истинно-материнскою заботливостью и предупредительностью она слѣдила за положеніемъ дѣтей изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ года въ годъ; постоянными наградами давала кормилицамъ чувствовать, что заботливость ихъ о дѣтяхъ не остается безъ вниманія со стороны начальства, что, отдавая дѣтей въ деревни, императрица не бросаетъ ихъ, но постоянно имѣетъ въ виду, слѣдя за ихъ здоровьемъ, и съ родственною любовью бережетъ ихъ жизнь и печется, чтобы эта жизнь была имъ не въ тягость. Императрица сама назначала, сколько въ какой годъ надобно отпускать на дѣтей пеленокъ, сколько рубашекъ, сколько аршинъ полотна, сколько бумазеи. Однимъ словомъ, она заботилась объ этихъ дѣтяхъ какъ самая нѣжная мать, но, конечно, она не могла вложить своей любви къ безпомощнымъ сиротамъ въ души исполнителей ея человѣколюбивыхъ намѣреній, въ души священниковъ, исправниковъ, надзирателей, лекарей, фельдшеровъ, крестьянъ и крестьянокъ, къ которымъ не разъ обращалась почти съ мольбою объ участіи къ безроднымъ дѣтямъ. Смертность питомцевъ оставалась громадною даже въ самыхъ стѣнахъ воспитательнаго дома. Императрица въ виду того купила болѣе обширные дома графовъ Разумовскаго и Бобринскаго, близъ Краснаго моста, въ самомъ центрѣ города, гдѣ и донынѣ находится воспитательный домъ. Здѣсь на первое время явились, дѣйствительно, и большій просторъ, и болѣе чистый воздухъ, и зелень въ саду. За оба дома заплачено 450.000 руб.

Императрица Марія Ѳедоровна составила затѣмъ свое собственное „Установленіе по воспитательнымъ домамъ“, въ которомъ изложила новыя правила для того, чтобы воспитать несчастнаго незаконнорожденнаго младенца—этого сироту—при его же родителяхъ. Въ планѣ воспитанія дѣтей особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее. Къ высшимъ наукамъ способны не всѣ, а къ ремесламъ всякій; разумѣется, только одинъ—больше, другой—меньше. Поэтому императрица имѣла въ виду учить питомцевъ и питомицъ преимущественно ремесламъ, и при томъ разнымъ: не успѣетъ въ одномъ, такъ успѣетъ въ другомъ. Ремесла выбраны такъ-называемыя чистыя, болѣе выгодныя и вездѣ нужныя. Изъ искусствъ было обращено вниманіе на рисованіе.

Digitized by Google

Изъ иностранныхъ языковъ учили нѣмецкому, чтобы легче было поступать въ мастерскія къ нѣмцамъ, у которыхъ больше порядка въ жизни, чистоты въ домѣ, точности, старательности и знанія въ работѣ, приличія и нравственности въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, между мужемъ и женой. Но императрица не хотѣла заграждать дорогу питомцамъ, особенно даровитымъ, и въ высшія учебныя заведенія. Она опредѣлила посылать ихъ въ медицинскія академіи и университеты и вмѣнила въ обязанность воспитательному дому имѣть о нихъ особое попеченіе, считая такіе таланты даромъ Божіимъ, ниспосланнымъ дому за труды и стараніе управляющихъ имъ. Въ самомъ домѣ учреждены были латинскіе классы для питомцевъ, французскіе и нѣмецкіе—для питомицъ. Изъ латинскихъ—непоступившіе въ высшія учебныя заведенія выходили учителями, фельдшерами и писарями. Во французскихъ—дѣвушки приготовлялись въ учительницы, въ нѣмецкихъ—въ няньки и повивальныя бабки. Для тѣхъ, которые оказывали особенныя способности къ музыкѣ, были устроены музыкальные классы.

Не ограничиваясь планами и распоряженіями, императрица сама принимала живое участіе въ наблюденіи надъ тѣмъ, какъ эти планы исполняются. Она очень часто бывала въ отдѣленіи малолѣтнихъ, видѣла кормилицъ и дѣтей, приказывала показывать себѣ ихъ бѣлье, постели, платье, кушанье, разспрашивала докторовъ, смотрительницъ и т. д., дѣлала кроткія замѣчанія за недосмотры, строгія—за небрежность. Въ классахъ иногда она проводила всѣ учебные часы, садилась съ работой, слушала, какъ преподаютъ учителя, какъ отвѣчаютъ ученики, разговаривала съ преподавателями и надзирательницами, чтобы узнать степень ихъ образованности и пониманія дѣла, высоко цѣнила познанія и честность въ службѣ, разспрашивала служащихъ о ихъ семействахъ или внезапно постигшемъ горѣ и утѣшала ихъ искреннимъ участіемъ и немедленною помощью. Особенно послѣ смерти императора Павла I главною ея душевною отрадой была святая забота объ участи, какъ она выражалась, несчастнорожденныхъ дѣтей. Пріѣзжая въ домъ, она очень часто привозила имъ съ собой гостинцы. Дѣти безъ всякаго опасенія и робости бросались къ ней на встрѣчу и называли ее своей матерью. Нѣжность ея къ дѣтямъ доходила до того, что она приказывала докторамъ обращать вниманіе даже на то, нѣтъ ли у кого изъ дѣтей природнаго отвращенія къ нѣкоторымъ кушаньямъ, напр. къ гороху, моркови, капустѣ и т. д., и въ такомъ случаѣ приказывала не принуждать ихъ къ этой пищѣ и замѣнять ее другою. Но при

Digitized by Google

всемъ этомъ и она не могла добиться уменьшенія смертности дѣтей, особенно въ деревняхъ.

Императрица, конечно, мало знала деревенскую крестьянскую жизнь со всей ея грубостью, неряшливостью, нищетой и невѣжествомъ. Эта жизнь и до сихъ поръ далеко не вездѣ измѣнилась къ лучшему. Придумать же что-нибудь другое для воспитанія дѣтей,—кромѣ развозки ихъ по деревнямъ и для надзора за ихъ воспитаніемъ на мѣстѣ, кромѣ объѣзда чиновниковъ,—никому тогда и въ голову не приходило. Надобно было пройти почти цѣлому столѣтію и смертности дѣтей возвыситься до громадныхъ цифръ, чтобы, наконецъ, придти къ мысли о необходимости коренного ихъ переустройства на другихъ началахъ. Въ другихъ странахъ давно уже переустроили эти дома на другихъ основаніяхъ, и въ какомъ-нибудь Бейрутѣ католическія сестры милосердія St. Vincent de Paul, управляющія огромнымъ филантропическимъ заведеніемъ, при отправленіи дѣтей съ кормилицами въ деревни, въ то же время отправляютъ для надзора за ихъ воспитаніемъ одну изъ своихъ сестеръ; неудивительно потому, что у нихъ далеко нѣтъ такой смертности, какъ у насъ, несмотря на огромное число дѣтей.

Вотъ цифры приноса дѣтей по десятилѣтіямъ въ московскій воспитательный домъ, во времена императрицы Маріи Ѳедоровны, куда обыкновенно поступало дѣтей почти вдвое больше, чѣмъ въ петербургскій домъ—вслѣдствіе центральнаго его положенія:

Съ	1794	по	1804 г.	21.074	ч.
„	1804	„	1814 „	30.617	„
„	1814	„	1824 „	39.179	„
„	1824	„	1834 „	56.877	„

А вотъ отношеніе приноса къ смертности, по годамъ:

Въ	1796	году	принесено	1763,	умерло	210
„	1797	„	„	2003	„	690
„	1798	„	„	2134	„	847
„	1799	„	„	2131	„	451
„	1800	„	„	2097	„	312
„	1801	„	„	2390	„	396
„	1802	„	„	2486	„	503
„	1803	„	„	2598	„	612
„	1804	„	„	2742	„	995
„	1805	„	„	2960	„	928
„	1806	„	„	3175	„	989
„	1807	„	„	3202	„	935
„	1808	„	„	3337	„	1030
„	1809	„	„	3570	„	1204
„	1810	„	„	3740	„	1602

Digitized by Google

Въ	1811	году	принесено	3605	умерло	1453
„	1812	„	„	2612	„	1417
„	1813	„	„	1674	„	899
„	1814	„	„	2387	„	1185
„	1815	„	„	3082	„	1564
„	1816	„	„	3518	„	1730
„	1817	„	„	3784	„	1948
„	1818	„	„	4340	„	2079
„	1819	„	„	4260	„	2429
„	1820	„	„	4227	„	2097
„	1821	„	„	4326	„	1213
„	1822	„	„	4600	„	742
„	1823	„	„	4655	„	902
„	1824	„	„	5207	„	872
„	1825	„	„	5591	„	896
„	1826	„	„	5532	„	1088
„	1827	„	„	5691	„	1052
„	1828	„	„	5520	„	1035
„	1829	„	„	5383	„	1040
„	1830	„	„	4946	„	1031
„	1831	„	„	5739	„	1083
„	1832	„	„	6370	„	1078
„	1833	„	„	6898	„	1130
„	1834	„	„	8312	„	1282
„	1835	„	„	7173	„	1197
„	1836	„	„	7678	„	1390
„	1837	„	„	7070	„	1503
„	1838	„	„	6565	„	1282
„	1839	„	„	7249	„	1257
„	1840	„	„	6965	„	1466

Въ 1805 году императрицѣ пришла мысль, которая могла нѣсколько исправить ошибки предшественниковъ и поставить дѣло воспитательныхъ домовъ на болѣе правильный путь, и не только уменьшить смертность дѣтей и затрудненія въ пріисканіи кормилицъ, но и значительно сократить расходы воспитательнаго дома. Она приказала спрашивать у лицъ, приносящихъ дѣтей, не согласятся ли матери оставлять ихъ у себя для воспитанія до семилѣтняго возраста, получая для этого пособіе отъ воспитательнаго дома.

Эта мѣра давно употребляема была въ нѣкоторыхъ департаментахъ Франціи съ такимъ успѣхомъ, что въ 1837 году министръ Гаспаренъ представилъ ее какъ самую гуманную, дешевую и полезную не только для спасенія жизни дѣтей, но и для уменьшенія расходовъ, и она теперь во Франціи принята повсюду, начиная съ Парижа, а въ нѣкоторыхъ департаментахъ составляетъ исключительный способъ призрѣнія незаконнорожденныхъ и покинутыхъ дѣтей; число вспомоществуемыхъ этимъ способомъ

Digitized by Google

составляетъ отъ 80 до 90% всѣхъ дѣтей, нуждающихся въ общественномъ призрѣніи. Такой же результатъ эта мѣра могла бы имѣть и у насъ, еслибы она была приведена въ исполненіе надлежащимъ образомъ. Для этого необходимо было прежде всего открытое дознаніе о положеніи матери и удостовѣреніе, что она, хотя и желала бы, но не можетъ безъ посторонняго пособія воспитать лично сама или, по крайней мѣрѣ, на своихъ глазахъ принесеннаго ею въ воспитательный домъ ребенка по болѣзни, бѣдности или своему зависимому положенію отъ семьи, отъ хозяевъ и т. д. Но при господствующей тайнѣ пріема какъ можно было бы въ этомъ удостовѣриться? Пришлось бы нарушить одно изъ основныхъ началъ воспитательнаго дома.

Что же вышло? Многія матери обрадовались возможности воспитывать дѣтей у себя дома на казенный счетъ и, нисколько не нуждаясь въ постороннемъ пособіи для ихъ воспитанія, понесли ихъ въ воспитательный домъ, отъ котораго были назначены слѣдующія пособія: въ Петербургѣ, первый годъ 6 р. 50 к. ежемѣсячно, въ слѣдующіе года—3 р. 25 к. ежемѣсячно. Съ 1811 года эта плата была увеличена до 10 р. на первый годъ, и до 6 р. на слѣдующіе года ежемѣсячно. Въ Москвѣ первый годъ выдавалось по 5 р. въ мѣсяцъ, а въ остальные—по 2 р. 50 к. въ мѣсяцъ. По истеченіи семи лѣтъ матери начали обращаться съ просьбами продлить срокъ пособій и оставленія дѣтей на ихъ рукахъ. По свойственной намъ слабости и равнодушію къ казеннымъ интересамъ, просьбы эти начали уважаться, дѣти оставлялись у матерей, а средства казны истощились страшнымъ образомъ. Императрица, замѣтивъ это, чрезъ семь лѣтъ приняла лично на себя удовлетвореніе подобныхъ просьбъ и постановила при этомъ, что „пособія будутъ выдаваться не иначе, какъ по дознаніи о состояніи, поведеніи, данномъ дѣтямъ воспитаніи, а также о способностяхъ ребенка и другихъ побужденіяхъ, къ тому склоняющихъ, и то не далѣе 5-лѣтняго возраста“.

Зависимость пособій отъ особаго каждый разъ Высочайшаго повелѣнія равнялась совершенному упраздненію этой мѣры, которая могла бы принести отличные результаты при болѣе разсчетливомъ и правильномъ ея примѣненіи.

Во Франціи теперь выдаютъ пособіе большею частью только до трехъ лѣтъ, а въ парижскомъ воспитательномъ домѣ не болѣе 10 мѣсяцевъ, когда жизнь ребенка уже обезпечена отъ посягательства на него матери и отъ подкидыванія его чужимъ людямъ. Тамъ не требуютъ возвращенія ребенка, получавшаго пособіе на

Digitized by Google

свое воспитаніе, въ воспитательный домъ, а, напротивъ, радуются, что онъ остается на рукахъ родной матери, а не наемщицы.

Въ воспитательныхъ домахъ во Франціи или въ деревняхъ дѣти остаются на содержаніи государства только до 12 лѣтъ.

Матерямъ, воспитывающимъ дѣтей у себя дома, выдается въ три года пособія не болѣе 232 франковъ 92 сантимовъ.

Каждый же ребенокъ, принятый въ воспитательный домъ, въ теченіе 12 лѣтъ стоитъ 1.403 франка 20 сантимовъ. Слѣдовательно его содержаніе обходится въ шесть разъ дороже.

Въ рапортѣ ревизіонной коммиссіи 1861 года говорится, что еслибы система денежныхъ пособій была введена во всѣхъ департаментахъ и по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія призрѣваемымъ дѣтямъ, то тѣ 10.000.000 франковъ, которые нынѣ тратятся во Франціи на содержаніе питомцевъ воспитательныхъ домовъ, въ скоромъ времени уменьшились бы до 1.700.000 франковъ. Таковы цифры расходовъ были 30 лѣтъ тому назадъ.

У насъ стоимость содержанія ребенка въ воспитательномъ домѣ въ 1868 году опредѣлялась въ 51 к. въ сутки, а въ деревняхъ въ 10 к. въ сутки, а всего въ 53 р. 72 к. [1]). Такимъ образомъ, содержаніе 100 питомцевъ обойдется въ годъ не менѣе 5.372 р. Предполагая, что изъ нихъ среднимъ числомъ умираетъ до 75% въ первый годъ, окажется, что употребленные 5.372 р. пошли бы на сохраненіе жизни 25 дѣтей, или другими словами, что жизнь каждаго изъ этихъ послѣднихъ дѣтей обошлась, при нынѣшней системѣ ихъ призрѣнія, въ 215 р. въ годъ.

Возьмемъ теперь стоимость содержанія ребенка, не принятаго въ воспитательный домъ и оставленнаго при матери съ производствомъ ей пособія на годъ,—примѣрно для петербургскаго воспитательнаго дома по 3 или по 4 р. въ мѣсяцъ. Весь расходъ на 100 дѣтей равнялся бы 3.600 или 4.800 р. въ годъ, т.-е. былъ бы въ первомъ случаѣ на 1.772 р., а въ послѣднемъ на 572 р. менѣе той цифры расходовъ, которая требуется для призрѣнія дѣтей въ воспитательныхъ домахъ. Но это еще не все. Предполагая самое худшее, что изъ 100 дѣтей, оставленныхъ при матеряхъ, умретъ на первомъ году ихъ жизни не болѣе 50%, окажется, что израсходованные на нихъ 4.800 р. пошли на сохраненіе жизни остальнымъ 50 дѣтямъ, такъ что каждый спасенный ребенокъ обойдется въ 96 р., т.-е. на 119 р. менѣе той суммы, какой стоило воспитательному дому сохраненіе жизни

[1]) Этотъ разсчетъ выведенъ изъ исчисленій контрольной экспедиціи IV отд. соб. Е. И. В. канцеляріи, по которымъ содержаніе грудного ребенка оцѣнено въ зданіи восп. дома въ 185 р. въ годъ, а въ деревняхъ—въ 37 р. 60 к.

Digitized by Google

ребенка при существующемъ нынѣ способѣ призрѣнія. Но процентъ смертности дѣтей, оставляемыхъ у матерей, какъ показалъ уже опытъ не только во Франціи, но и у насъ, несравненно ниже 50%, а именно, тамъ не болѣе 29%; у насъ же даже и этого меньше; слѣдовательно воспитаніе каждаго ребенка у матери обходилось бы гораздо дешевле 96 р. въ годъ, еслибы ей выдавалось только по 4 р. въ мѣсяцъ.

При опытѣ, сдѣланномъ въ послѣднее время въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ, матерямъ выдавалось первый годъ по 9 р. въ мѣсяцъ, второй годъ—по 6 р., третій—по 3 р. въ мѣсяцъ. Итакъ, въ три года воспитаніе ребенка на рукахъ матери обходилось въ 216 р., а ежегодно по 72 р., и давало очень хорошіе результаты. Дѣти не увеличивали собою тѣсноты грудныхъ отдѣленій, затрудненій съ кормилицами и несравненно меньше умирали.

Посмотримъ теперь, что̀ стоитъ воспитаніе ребенка, оставшагося на рукахъ воспитательнаго дома. Ему идетъ пособіе на воспитаніе не 3 года, а 15 лѣтъ. Если принять стоимость такого воспитанія въ деревняхъ, приводимую покойнымъ почетнымъ опекуномъ Пфелемъ въ его изслѣдованіи, т.-е. 37 р. ежегодно, считая тутъ, конечно, стоимость содержанія всего управленія всѣхъ учрежденій воспитательныхъ домовъ, то въ 18 лѣтъ мы получимъ почтенный итогъ въ 455 р. Присоединимъ сюда хоть одинъ мѣсяцъ пребыванія питомца въ грудномъ отдѣленіи. Какъ мы видѣли, стоимость его опредѣляется въ 50 к. въ день. Такимъ образомъ прибавится еще 15 р., а всего будетъ 470 р. Но, по нашему разсчету, тутъ надо прибавить не 15 рублей, а около 50 руб., и вотъ почему. Одной только кормилицѣ платится 30 к. въ день, а при недостаткѣ кормилицъ—и болѣе. Но содержаніе самого воспитательнаго дома, напр. петербургскаго, со всей администраціей, стоитъ около 430.000 р. ежегодно. Среднее число грудныхъ дѣтей, въ немъ пребывающихъ ежедневно, не менѣе 700. Раздѣливъ 430.000 на 700, мы получимъ расходъ въ 614 р. слишкомъ на каждаго ребенка въ годъ, въ мѣсяцъ же 51 р., а въ день не 50 к., а 1 р. 70 к. Допустимъ, что ребенокъ остается въ грудномъ отдѣленіи не 6 недѣль, а только 1 мѣсяцъ. Приложивъ 51 р. къ 470 р., мы получимъ сумму въ 521 р. Это выходитъ гораздо болѣе, чѣмъ еслибы мы выдавали матери на содержаніе ребенка по 72 р. въ годъ, даже въ теченіе не трехъ, а пяти лѣтъ, ибо во все это время мы истратили бы всего 360 р. и за то уже совершенно поставили

Digitized by Google

бы ребенка на ноги, послѣ чего мать могла бы уже посылать его въ пріютъ учиться грамотѣ.

Но сокращеніе расходовъ не есть еще самый важный доводъ въ пользу выдачи пособій матерямъ. Главнѣйшая ея заслуга въ томъ, что она болѣе, нежели всякая другая мѣра, способна содѣйствовать къ уменьшенію смертности между дѣтьми. Эта способность придаетъ ей особенную цѣну для нашихъ русскихъ воспитательныхъ домовъ, гдѣ смертность достигаетъ такихъ размѣровъ, которые не встрѣчаются ни въ одной странѣ. Мы видѣли уже и еще увидимъ изъ таблицъ, что едва-ли 15 изъ 100 дѣтей достигаютъ совершеннолѣтія. Къ чему же тратить десятки милліоновъ, которыхъ стоили эти дѣти, когда представляется возможность съ меньшею тратою денегъ достигнуть гораздо лучшихъ результатовъ, измѣнивъ только систему призрѣнія. Выдача пособій имѣетъ то громадное преимущество, что, не отрывая ребенка отъ матери или, по крайней мѣрѣ, оставляя его подъ непосредственнымъ и постояннымъ ея надзоромъ, она понижаетъ процентъ смертности дѣтей, принятыхъ на общественное призрѣніе, до нормальныхъ размѣровъ въ извѣстной странѣ.

Приведемъ для сравненія слѣдующія данныя.

Въ 1858 году во Франціи смертность между питомцами воспитательныхъ домовъ была 56%; между дѣтьми, на которыхъ производились денежныя пособія, 29%, а между законными дѣтьми—17%.

Теперь, вѣроятно, цифры эти измѣнились къ лучшему.

У насъ смертность дѣтей воспитательныхъ домовъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ теперь около 22%; среди дѣтей, отданныхъ на вскормленіе въ деревни—не менѣе 75%; среди дѣтей, которымъ выдавались пособія съ 1882 по 1887 годъ—не болѣе 13%.

Зачѣмъ въ 1805 году, при выдачѣ пособій матерямъ, нужно было требовать ребенка отъ матери чрезъ 7 лѣтъ—это понять трудно, особенно въ виду того, что администрація и безъ того уже тяготилась наплывомъ дѣтей, чрезмѣрною ихъ смертностью и расходами на нихъ. Семилѣтній ребенокъ уже не могъ быть въ тягость матери рабочаго класса народа. Онъ уже могъ исполнять мелкія работы хотя бы изъ-за куска хлѣба.

Еще болѣе можно удивляться, какъ могла выдача пособій матерямъ продолжаться до совершеннолѣтія, такъ что въ 1828 году послѣдовалъ указъ о сокращеніи ея до 18-лѣтняго возраста. Это значитъ, что мать получала пособіе для такихъ дѣтей, которыя уже сами могли имѣть дѣтей.

Нѣтъ сомнѣнія, самую благую мѣру можно въ примѣненіи

Digitized by Google

исказить до того, что она не только не будетъ достигать предположенной цѣли, но, напротивъ, приведетъ къ совершенно противоположному.

То же самое произошло и въ примѣненіи искусственнаго вскармливанія дѣтей, т.-е. при введеніи другой, не менѣе полезной и необходимой мѣры для воспитательныхъ домовъ.

24-го сентября 1810 года послѣдовало, наконецъ, слѣдующее распоряженіе, очень ясно доказывавшее всю затруднительность положенія воспитательныхъ домовъ отъ неограниченности приноса дѣтей:

„Постоянно умножающійся приносъ—говорится въ распоряженіи—въ воспитательный домъ, прекращающій почти всякую возможность снабжать домъ достаточнымъ числомъ кормилицъ, побуждаетъ изыскать рѣшительный способъ къ уменьшенію приноса, но какъ изобрѣтеніе сего способа крайне затрудняется неизвѣстностью, откуда и изъ какого именно состоянія людей наиболѣе дѣтей поступаетъ въ домъ, и при незнаніи источника едва-ли возможно придумать средство къ отвращенію злоупотребленія, то первымъ и важнѣйшимъ предметомъ поставляемъ открыть сей источникъ, приступивъ къ исполненію слѣдующихъ правилъ, безъ всякой разгласки и даже безъ объявленія опекунскому совѣту, а только давъ знать о томъ главному надзирателю и тѣмъ, которые непосредственно по сему дѣлу употреблены будутъ, а именно:

„1) отъ каждаго и каждой, кто принесетъ въ воспитательный домъ младенца, требовать предъявленія паспорта и по оному записывать имя и состояніе принесшаго младенца въ особенную книгу, съ отмѣткою, гдѣ паспортъ въ послѣдній разъ былъ явленъ, а потомъ спрашивать: чей ребенокъ, какъ ему имя, кто родители и прочія обстоятельства, до него касающіяся, и все тò, чтò принесшимъ его объявлено будетъ, записать противъ имени того, кто принесъ. Если же лицо принесшее ничего объяснить не захочетъ, то на первый случай и сіе записать, а когда усмотрится современемъ, въ семъ случаѣ, злоупотребленіе, то въ разсужденіи такихъ людей особливая предосторожность предписана будетъ;

„2) каждое утро записку о всѣхъ принесшихъ наканунѣ дѣтей въ домъ, съ показаніемъ ихъ объявленій о младенцахъ, отсылать къ полицейскому чиновнику, дабы онъ развѣдалъ и сообщилъ почетному опекуну или главному надзирателю, справедливы ли оказались объявленія сихъ людей, а о тѣхъ, кои ничего не объявили, постарался бы узнать съ точностью, какихъ дѣтей принесли;

„3) буде принесшій младенца отзовется неимѣніемъ паспорта,

Digitized by Google

то таковаго младенца принять и, что объ немъ объявять, записать, а самого или саму препроводить съ унтеръ-офицеромъ къ полицейскому чиновнику для развѣданія: кто таковой и какого принесли ребенка, для увѣдомленія о томъ почетнаго опекуна или главнаго надзирателя;

„4) для таковаго развѣдыванія и вообще для вспомоществованія воспитательному дому по всѣмъ дѣламъ, до сего предмета касающимся, имѣетъ быть при здѣшней городской полиціи особливый чиновникъ съ жалованьемъ отъ воспитательнаго дома;

„5) по сему дѣлу нужно будетъ имѣть у пріема дѣтей, кромѣ швейцара, надежнаго чиновника и женщину, писца и унтеръ-офицеровъ для особливаго присмотра за приносимыми дѣтьми".

Итакъ, правительство, чрезъ 50 лѣтъ по основаніи воспитательныхъ домовъ, пришло къ сознанію необходимости ограниченія въ нихъ пріема, къ замѣнѣ тайнаго пріема явнымъ и къ введенію розыска укрывающихся родителей.

Всѣ эти мѣры, несомнѣнно, вызывались крайнею необходимостью. Ничего особенно притѣснительнаго и несправедливаго во всѣхъ этихъ мѣрахъ не было. Если не оказывалось средствъ воспитывать всѣхъ безъ разбору принимаемыхъ дѣтей на казенный счетъ, то весьма естественно было подумать о пріемѣ съ разборомъ. Если сдѣлана была съ самаго начала ошибка въ пріемѣ безъ разбора, то весьма естественно было подумать объ ея исправленіи.

Первую ошибку сдѣлалъ Петръ Великій, допустивъ въ воспитательные дома тайный пріемъ дѣтей безъ всякихъ разспросовъ и документовъ, предполагая, что понесутъ только дѣтей, внѣ брака рожденныхъ, или, по его выраженію, „зазорныхъ". По состоянію тогдашнихъ нравовъ онъ, вѣроятно, не допускалъ и мысли, чтобы туда понесли матери даже своихъ законныхъ дѣтей, съ цѣлью избавиться отъ хлопотъ и расходовъ.

Екатерина Великая и Бецкій ясно сознавали, что многіе понесутъ въ воспитательные дома и законныхъ дѣтей, и даже сами вызывали этотъ приносъ, поощряя его преміями и привилегіями. Не удивительно, что этотъ приносъ принялъ размѣры, превысившіе средства воспитательныхъ домовъ. Екатерина Великая и Бецкій въ порывѣ увлеченія не подумали о томъ, что, вмѣстѣ съ нуждающимися въ воспитаніи дѣтей на казенный счетъ, будутъ стараться объ этомъ и вовсе ненуждающіеся. Они смотрѣли нѣсколько отвлеченно на устройство воспитательныхъ домовъ, думая создать чрезъ нихъ „новую породу людей", и придавали много значенія внѣшнимъ эффектамъ и сантиментальнымъ заявленіямъ.

Digitized by Google

Но мечтаніе и эффекты скоро улетучились, и на сцену выступила суровая проза жизни. Въ воспитательные дома старались сбыть дѣтей, не только внѣ брака рожденныхъ, но и законныхъ, не только безпріютныхъ и нуждающихся, но и такихъ, которыя имѣли въ домахъ своихъ родителей и пріютъ, и обезпеченное содержаніе. Огромная смертность дѣтей явилась первымъ послѣдствіемъ неограниченнаго и тайнаго пріема, ибо для массы приносимыхъ дѣтей не хватало кормилицъ. Другимъ послѣдствіемъ было быстрое истощеніе средствъ воспитательнаго дома. Императрица Марія Ѳедоровна, несмотря на всю свою любовь къ дѣтямъ, первая замѣтила это явленіе и въ своемъ распоряженіи еще 27-го сентября 1809 года ясно высказала, что излишне было бы дѣлать новые расходы на привлеченіе кормилицъ, а надо думать объ уменьшеніи надобности въ нихъ, стараясь ограничить число приносимыхъ дѣтей, съ цѣлью лучше ихъ содержать, препятствуя сколько возможно, приносу ихъ въ первые дни по рожденіи. Но эта первая слабая попытка къ исправленію дѣла, какъ видно, не получила немедленнаго для себя осуществленія. Только 24-го сентября 1810 года, въ Высочайшемъ повелѣніи было опредѣленно высказано, что приносъ дѣтей сдѣлался такъ великъ, что нѣтъ возможности имѣть достаточное число кормилицъ, и прямо указаны мѣры къ предотвращенію злоупотребленій. Съ того времени устанавливается, вмѣсто тайнаго, явный приносъ дѣтей съ документами, доказывающими право ребенка на поступленіе въ воспитательный домъ на казенное содержаніе и, сверхъ того, вводится розыскъ укрывающихся родителей. То же самое было введено позже въ Бельгіи въ 1840 году и во Франціи въ 1860 г.

Розыскъ укрывающихся родителей существуетъ, впрочемъ, съ давнихъ временъ и почти повсюду, а потому и не представляетъ въ себѣ чего-нибудь небывалаго и невозможнаго, и по нашимъ законамъ каждая мать можетъ отыскивать укрывающагося отца ребенка и привлекать его къ суду, который обязываетъ его давать содержаніе матери и ребенку.

Еслибы эти мѣры, указанныя въ повелѣніи 24-го сентября 1810 года, удержались и были бы надлежащимъ образомъ развиты, то, несомнѣнно, судьба нашихъ воспитательныхъ домовъ была бы совершенно иная, въ нихъ не погибли бы до сего времени изъ 1.293.917 принесенныхъ младенцевъ на первомъ же году жизни 996.303 младенца, и сохранилась бы не одна сотня милліоновъ рублей, издержанныхъ совершенно безъ всякой нужды и пользы. Но наши законы, какъ и нашъ климатъ, и нашъ на-

Digitized by Google

родный характеръ, отличаются крайнею неустойчивостью, туманностью и непостоянствомъ. Мы вѣчно увлекаемся, бросаемся изъ одной крайности въ другую, потомъ колеблемся, разрушаемъ сдѣланное и не можемъ сдѣлать ничего прочнаго.

Такая же участь постигла и это распоряженіе. 13-го апрѣля 1815 года послѣдовало новое распоряженіе, которымъ учрежденный въ 1810 году особый присмотръ за приносимыми дѣтьми и всякое о нихъ развѣдываніе приказано было уничтожить и пріемъ приносимыхъ дѣтей производить по прежнему.

Чѣмъ вызвано было это распоряженіе—неизвѣстно, ибо оно ничѣмъ не мотивировано. Но интересно было бы знать причины этой отмѣны, которая послѣдовала такъ скоро, что самое разумное распоряженіе не могло еще дать всѣхъ ожидавшихся послѣдствій.

Въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ до введенія развѣдыванія принесено:

Съ 1-го апрѣля 1806 года по 20-ое октября 1810 г. 12.097 дѣтей.

Въ періодъ развѣдыванія:

Съ 20-го октября 1810 года по 15-ое апрѣля 1815 года—10.478 дѣтей.

По прекращеніи развѣдыванія:

Съ 15-го апрѣля 1815 года по 10-ое сентября 1819 года—12.232 дѣтей.

Приносъ, очевидно, значительно уменьшился, хотя и не такъ сильно, какъ можно было бы ожидать. Но, вѣроятно, немаловажную роль въ слабости уменьшенія приноса играла слабость и недобросовѣстность розыска, производившагося тогдашней полиціей. Извѣстно, что за приносъ самой полиціи, конечно, не ребенка, а какого-нибудь подарка, можно было отъ нея получить всякаго рода удостовѣренія, въ томъ числѣ и о бѣдности родителей и безпріютности дѣтей. Безъ дѣятельной, зоркой и добросовѣстной полиціи розыскъ укрывающихся родителей можетъ надѣлать больше непріятностей жителямъ, чѣмъ принести пользы воспитательнымъ домамъ. Можетъ быть, онъ поэтому и былъ такъ скоро отмѣненъ.

IV.

3-го іюля 1828 года было воспрещено дальнѣйшее устройство воспитательныхъ домовъ во всей Россіи. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дома эти уже существовали, свободный пріемъ младенцевъ

Digitized by Google

прекращенъ, а допущенъ только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ напр. въ случаѣ поднятія полиціей младенца, не имѣющаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитывать его.

Подкидыши московской губерніи должны были помѣщаться въ московскій воспитательный домъ, а временное призрѣніе дѣтей въ другихъ городахъ поручено городскимъ повивальнымъ бабкамъ, подъ наблюденіемъ городничихъ, на счетъ приказа общественнаго призрѣнія изъ суммы кружечнаго сбора при церквахъ. Этою мѣрою было уничтожено одно изъ основныхъ началъ воспитательныхъ домовъ, а именно начало ихъ децентрализаціи, введенное Петромъ Великимъ и подтвержденное Екатериной Великой.

Чѣмъ была вызвана эта мѣра и какія имѣла послѣдствія?

По наблюденіямъ правительственныхъ органовъ и по статистическимъ даннымъ, способъ мѣстнаго призрѣнія младенцевъ подъ вѣденіемъ приказовъ общественнаго призрѣнія оказался непригоднымъ: приносъ дѣтей и смертность ихъ сильно возростали при недостаткѣ помѣщенія, кормилицъ и присмотра. По оффиціальнымъ даннымъ, за время 3—5 лѣтъ, по разнымъ губернскимъ воспитательнымъ домамъ оказалось, что смертность дѣтей въ этихъ заведеніяхъ составляетъ 75% и болѣе. Такъ напр., въ астраханскомъ воспитательномъ домѣ съ 1823 по 1827 годъ изъ 1.572 принятыхъ младенцевъ умерло 1.505, а изъ принятыхъ въ 1815 году 538 младенцевъ къ 1816 году не осталось въ живыхъ ни одного.

Случалось иногда, что въ иныхъ приказахъ расходы по призрѣнію дѣтей стали превышать доходы. Кромѣ того, открылся рядъ злоупотребленій: въ мѣстные воспитательные дома стали поступать солдатскія дѣти, крестьянскія изъ селеній, дѣти законнорожденныя и такія, родители коихъ отдавали ихъ въ воспитательный домъ только съ тѣмъ, чтобы вывести ихъ изъ состоянія, въ которомъ они должны быть, напр. дѣти крѣпостныхъ людей, такъ какъ изъ воспитательнаго дома они выходили людьми свободными. По всѣмъ этимъ причинамъ и явилось 3-го іюля 1828 года узаконеніе, въ силу котораго „по дознаннымъ крайнимъ неудобствамъ существованія воспитательныхъ домовъ въ губерніяхъ учрежденіе оныхъ вновь подъ вѣденіемъ приказовъ не дозволено“. Исключенія дѣлались только по особо уважительнымъ причинамъ, какъ напр. въ Орлѣ и Коломнѣ.

Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія дѣлъ явилось, между прочимъ, значительное увеличеніе приноса и привоза дѣтей въ столичные воспитательные дома, и особенно въ московскій, и при томъ изъ другихъ губерній, младенцевъ моложе одного года, при

Digitized by Google

самыхъ тяжелыхъ условіяхъ ихъ питанія и перевоза. Съ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ приливъ дѣтей изъ другихъ и даже отдаленныхъ губерній сталъ достигать такихъ размѣровъ, которые начали превышать средства столичныхъ воспитательныхъ домовъ. При отсутствіи контроля туда поступала масса такихъ дѣтей, которыя вовсе не нуждаются въ призрѣніи и воспитаніи на казенный счетъ. Кромѣ того, открылся особый вредный промыселъ доставленія дѣтей изъ провинціи въ столичные воспитательные дома.

Но и централизація дѣла призрѣнія безпріютныхъ дѣтей, вмѣсто прежней децентрализаціи, повлекла за собою громадные расходы и не менѣе громадную смертность дѣтей, какъ въ самыхъ воспитательныхъ домахъ, такъ и въ деревняхъ. Въ самыхъ домахъ она происходила отъ скученности дѣтей, когда ихъ накоплялось гораздо болѣе, иногда вдвое болѣе, чѣмъ положено по штату, и отъ недостатка кормилицъ, особенно въ лѣтнее рабочее время; въ деревняхъ—отъ дурного питанія и ухода за дѣтьми, вслѣдствіе бѣдности и невѣжества воспитателей, и отъ недостатка дѣятельнаго и постояннаго надзора за ними со стороны воспитательныхъ домовъ, хотя бы въ лицѣ мѣстныхъ священниковъ; надзоръ же объѣзжающихъ свои округа чиновниковъ воспитательнаго дома имѣлъ чисто формальный и совершенно безполезный характеръ.

Несмотря, однако, на существованіе закона 3-го іюля 1828 г., нужда заставляла открывать по мѣстамъ пристанища для безпріютныхъ дѣтей, но только уже не на казенныя, а на городскія и общественныя средства. Таковы, напр., были пристанища, устроенныя благотворительными обществами въ Саратовѣ, Одессѣ и Таганрогѣ.

Малое число подобныхъ узаконенныхъ мѣстныхъ пристанищъ объясняется не отсутствіемъ частной или общественной иниціативы, а препонами со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, которое тогда строго придерживалось закона 3-го іюля 1828 г. и не содѣйствовало желаніямъ и жертвамъ общества для мѣстнаго призрѣнія безпріютныхъ младенцевъ. По отношенію къ земству министерство высказывалось положительно въ смыслѣ запрещенія такой функціи его дѣятельности. Такъ, оно опротестовало распоряженіе одного губернскаго земства объ открытіи ежегоднаго кредита въ 20.000 рублей для устройства и содержанія пріемнаго покоя для подкидышей. Дѣло дошло до высшихъ правительственныхъ учрежденій, которыя, въ виду существующаго узаконенія, не признали за земствомъ права содержать заведенія,

Digitized by Google

имѣющія характеръ воспитательныхъ домовъ. Особая коммиссія изъ почетныхъ опекуновъ пришла къ убѣжденію въ необходимости отмѣны этого закона и открытія мѣстныхъ убѣжищъ для безпріютныхъ дѣтей на средства земства, но переписка объ этомъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 1882 года и доселѣ не привела ни къ какимъ результатамъ.

Возвратимся, однако, назадъ и посмотримъ, какія мѣры еще были принимаемы для устройства участи безпріютныхъ дѣтей, чтобы имѣть въ виду по возможности всѣ опыты для ихъ улучшенія и вывести болѣе полное заключеніе о томъ, что̀ еще остается сдѣлать въ этомъ отношеніи.

Важная мѣра была принята въ 1837 году, когда сдѣлалось положительно извѣстнымъ, что многіе родители стали приносить въ воспитательный домъ дѣтей своихъ подъ фальшивымъ именемъ безродныхъ и покинутыхъ, чтобы избавиться отъ труда самимъ ихъ кормить и воспитывать, а впослѣдствіи пользоваться ихъ помощью. Воспитательный домъ сталъ до того переполняться приносимыми дѣтьми, что не было возможности содержать ихъ какъ слѣдуетъ, и грозила опасность, что истинно несчастнымъ и безроднымъ нельзя будетъ давать спасительнаго пріюта. Поэтому указомъ 1837 года было опредѣлено питомцевъ и питомицъ оставлять на воспитаніи въ деревняхъ у крестьянъ, возрастныхъ отдавать на Александровскую мануфактуру, на казенныя и частныя фабрики, и брать изъ нихъ по мѣрѣ надобности нѣкоторыхъ для услуженія въ казенныхъ заведеніяхъ. Остальныхъ питомцевъ, по достиженіи 17-лѣтняго возраста, положено приписывать къ казеннымъ селеніямъ, причисляя къ крестьянскимъ семействамъ, или предоставляя имъ самимъ выбирать родъ жизни, а питомицъ оставлять до выхода замужъ или до совершеннолѣтія и тогда увольнять ихъ изъ вѣдомства воспитательнаго дома. Какъ тѣмъ, такъ и другимъ, положено выдавать пособіе на первое обзаведеніе. По мысли принца Ольденбургскаго, нѣкоторые изъ питомцевъ приготовлялись въ штурмана и въ шкипера для русскаго купеческаго флота; иные въ учебныхъ заведеніяхъ министерства государственныхъ имуществъ приготовлялись въ волостные писаря, фельдшера, стрѣлки и т. д. Впослѣдствіи времени при воспитательномъ домѣ открыта учительская семинарія для приготовленія изъ воспитанниковъ учителей въ сельскія школы, школа фельдшерицъ, которыя назначаются преимущественно въ помощь врачамъ воспитательнаго дома и другихъ заведеній вѣдомства учрежденій императрицы Маріи, училище нянекъ, изъ котораго выходятъ пріученныя къ дѣлу и грамотныя няньки.

Digitized by Google

Такъ окончились мечты Екатерины и Бецкаго о приготовленіи „третьяго чина“ и „новой породы людей“ изъ безпріютныхъ дѣтей, принятыхъ въ воспитательные дома. Идея всесторонняго развитія питомцевъ и приготовленія ихъ ко всѣмъ поприщамъ общественной жизни была совершенно оставлена, какъ несоотвѣтствующая ни матеріальнымъ средствамъ воспитательнаго дома, ни потребностямъ общества. Воспитаніе ихъ поставило себѣ менѣе широкія задачи, достижимыя при мéньшихъ средствахъ. Хотя и менѣе блестящее, оно, тѣмъ не менѣе, и въ настоящемъ своемъ видѣ могло приносить большую пользу и самимъ воспитанникамъ, и обществу. 25 іюня 1837 года предписано всѣхъ безъ изъятія приносимыхъ въ воспитательный домъ младенцевъ отсылать въ деревни съ воспрещеніемъ обратнаго ихъ поступленія въ домъ въ учебные классы, которые тогда же преобразованы для воспитанія сиротъ оберъ-офицерскаго званія, которыхъ велѣно принимать еще въ 1836 году до 13-лѣтняго возраста.

Въ 1839 году, 15-го мая, чтобы уменьшить приносъ дѣтей, запрещено было выдавать приносителямъ контрамарки на принесенныхъ дѣтей. До того же времени императоръ Николай I не давалъ согласія на введеніе этой мѣры, какъ противной волѣ покойной императрицы Маріи Ѳедоровны, желавшей возбудить и сохранить въ родителяхъ привязанность къ своимъ дѣтямъ. Успѣхъ этой мѣры былъ кратковременный. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ эта мѣра вовсе не удержалась. Въ 1857 г. особымъ комитетомъ были выработаны правила для уменьшенія приноса дѣтей и подлога въ ихъ происхожденіи, а также для воспрепятствованія матерямъ бросать своихъ дѣтей и изъ корысти идти въ кормилицы; но эти правила не были приведены въ исполненіе. По этимъ правиламъ дѣти должны были приниматься не позже первыхъ десяти дней по рожденіи. Сообщеніе свѣдѣній о принятыхъ дѣтяхъ и возвратъ ихъ матерямъ не дозволялись.

Въ 1857 году статсъ-секретарь великаго княжества Финляндскаго заявилъ, что въ ближайшихъ къ русской границѣ приходахъ Финляндіи, крестьянки которыхъ вскармливаютъ грудью питомцевъ воспитательнаго дома, кромѣ разныхъ семейныхъ несогласій, замѣчается и сравнительно бóльшая смертность между жителями. Почему финляндскій генералъ-губернаторъ потребовалъ свѣдѣній отъ мѣстнаго губернскаго начальства, которое отозвалось, что означенный промыселъ крестьянокъ имѣетъ пагубное вліяніе на семейный бытъ крестьянскаго населенія и влечетъ за собою слѣдующія неудобства: 1) сифилитическая болѣзнь распространяется въ этихъ мѣстахъ тѣмъ, что грудные младенцы, одержимые ею,

Digitized by Google

сообщаютъ ее кормилицамъ и, наоборотъ, отъ послѣднихъ заражаются первые; 2) незамужнія женщины явно предаются непотребству, дабы сдѣлаться кормилицами, и 3) крестьянки-кормилицы, желая какъ можно долѣе пользоваться выгодами этого промысла, преимущественно стараются сберегать ихъ и оставляютъ собственныхъ дѣтей безъ всякаго призрѣнія. Генералъ-губернаторъ ходатайствовалъ, на основаніи этихъ свѣденій, объ отмѣнѣ послѣдовавшаго въ 1840 году разрѣшенія отдачи крестьянкамъ финляндскихъ приходовъ на вскормленіе младенцевъ изъ воспитательнаго дома, хотя предвидѣлъ даже могущее быть неудовольствіе по случаю лишенія крестьянъ денежныхъ доходовъ. Правленіе воспитательнаго дома приняло дѣятельныя мѣры къ привлеченію кормилицъ изъ мѣстностей новгородской губерніи и селеній по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и въ 1859 году закрыло финляндскій округъ, открывъ округъ въ лугскомъ уѣздѣ по линіи варшавской желѣзной дороги. Итакъ, мѣра, признанная вредной для финляндскихъ сельскихъ жителей, была перенесена на сельскихъ жителей великорусскихъ губерній.

Въ 1864 году вредъ этой мѣры, т.-е. развозки дѣтей воспитательнаго дома по деревнямъ, подтвердила евангелическая лютеранская генеральная консисторія, которая, 5-го февраля, представляя таблицы о смертности законныхъ дѣтей въ сельскихъ лютеранскихъ приходахъ петербургской губерніи за 1860, 1861 и 1862 годы, сочла обязанностью присовокупить, что, по наблюденіямъ пасторовъ трехъ приходовъ, принятіе незаконнорожденныхъ дѣтей на вскормленіе членами ихъ приходовъ есть главнѣйшая причина развращенія сихъ послѣднихъ и значительной смертности крестьянскихъ дѣтей законнаго рожденія, потому что матери ихъ, желая воспользоваться возможно большею выгодою отъ платежа за содержаніе питомцевъ воспитательнаго дома, принимали на себя послѣднихъ въ такомъ числѣ, что отъ недостаточнаго какъ физическаго, такъ и нравственнаго ухода, страдаютъ какъ питомцы, такъ и собственныя ихъ дѣти.

Подобныхъ заявленій, къ сожалѣнію, ни отъ нашихъ приходскихъ священниковъ, гдѣ есть питомцы, ни отъ нашихъ мѣстныхъ администраторовъ не поступало, что̀ можно объяснить только полнымъ равнодушіемъ. Того ли ожидали отъ нихъ и Петръ, и Екатерина?

Съ шестидесятыхъ годовъ продолжается и усиливается рядъ мѣръ для затрудненія пріема дѣтей въ воспитательные дома.

Въ грудныхъ отдѣленіяхъ петербургскаго воспитательнаго дома

Digitized by Google

въ теченіе года содержится ежедневно среднимъ числомъ болѣе 630 дѣтей и при нихъ до 750 постоянныхъ городскихъ кормилицъ. Чтобы уменьшить это число, 16-го іюня 1862 года послѣдовало распоряженіе—затруднить всѣми средствами возможность для матерей слѣдить за дальнѣйшею судьбою ихъ младенцевъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ, предоставивъ начальству дома возвращать младенцевъ просительницамъ въ томъ исключительно случаѣ, если со дня приноса ребенка прошло не болѣе шести недѣль и если по представленнымъ указаніямъ начальство будетъ въ состояніи отличить просимаго ребенка отъ прочихъ. По истеченіи же означеннаго срока никакихъ просьбъ о возвращеніи дѣтей рѣшительно не удовлетворять.

Эта мѣра подвергалась единогласному и всеобщему порицанію, какъ противная нравственности и природѣ, а также и намѣреніямъ покойной императрицы Маріи Ѳедоровны. Вмѣсто того, чтобы поддерживать связь матери съ ребенкомъ и дать имъ возможность когда-нибудь соединиться, она разрушала эту связь. Эта мѣра носитъ такой же безцѣльно жестокій характеръ, какъ извѣстный законъ, запрещающій усыновлять внѣ брака рожденныхъ дѣтей тѣмъ лицамъ, которыя ихъ воспитали и считаются ихъ родителями, вмѣсто того, чтобы этому усыновленію всячески способствовать и содѣйствовать къ образованію семейнаго союза. Несмотря на всю свою жестокость, эта мѣра нисколько не достигала своей цѣли. Матери ухищрялись въ однѣ двери принести своего ребенка незаконнаго и даже законнаго, а въ другія двери являлись въ качествѣ кормилицъ, предлагающихъ свои услуги, и получали именно своихъ дѣтей на воспитаніе съ платой отъ казны.

Окружные инспектора, объѣзжая деревни, находили иногда въ одной деревнѣ цѣлые десятки законныхъ дѣтей, воспитываемыхъ самими матерями подъ именемъ питомцевъ воспитательнаго дома. Сами матери наивно въ этомъ признавались. Какъ видно, самые драконовскіе законы не достигаютъ своей цѣли, если они противны человѣческой природѣ. Всегда находятъ возможность ихъ обойти, встрѣчая со всѣхъ сторонъ сочувствіе, содѣйствіе, потворство или, по крайней мѣрѣ, снисхожденіе.

Велѣно было упразднить пріюты для роженицъ и пріема младенцевъ въ зарѣчныхъ частяхъ Петербурга. Вслѣдствіе этого явились случаи родовъ на улицахъ среди бѣлаго дня, которые сильно возмущали общественное мнѣніе.

26-го сентября 1863 года уничтожено запрещеніе раздавать младенцевъ желающимъ принять ихъ на воспитаніе столичнымъ

Digitized by Google

обывателямъ безплатно, когда совѣтъ найдетъ это полезнымъ для младенцевъ.

Это разрѣшеніе, данное спустя 100 лѣтъ по учрежденіи воспитательныхъ домовъ, пришло слишкомъ поздно. Своевременно данное, оно, вѣроятно, устроило бы участь многихъ безродныхъ дѣтей, особенно еслибы ихъ позволяли не только воспитывать, но и усыновлять всѣмъ городскимъ жителямъ, не исключая дворянъ. Многіе бездѣтные горожане брали бы ихъ къ себѣ вмѣсто родныхъ дѣтей. Трудно понять это запрещеніе именно горожанамъ, тогда какъ крестьянамъ раздавали дѣтей даже съ платой за ихъ воспитаніе. Неужели же иногда грязная, бѣдная, деревенская женщина могла лучше выкормить и воспитать ребенка, чѣмъ болѣе развитая и достаточная горожанка? Кажется, тутъ главную роль играла рутина, не хотѣвшая вникнуть въ дѣло и отнестись къ нему сердечно.

Всѣ мѣры, принимавшіяся съ 1810 и по 1864 годъ къ сокращенію приноса дѣтей въ петербургскій воспитательный домъ, имѣли только временное вліяніе. Въ это время родилось въ Петербургѣ 632.050 дѣтей, принесено въ воспитательный домъ 220.317, —среднимъ числомъ 34,8% изъ числа родившихся. Уменьшеніе приноса противъ этой цифры замѣчается лишь съ 1811 по 1816 г., при системѣ развѣдыванія, и съ 1861 года послѣ уничтоженія крѣпостного права.

29-го декабря 1862 года особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика Карреля, на основаніи массы статистическихъ выводовъ (приведены 22 подробныя таблицы), нашла:

1) что первый годъ жизни по отношенію къ смертности дѣлится на два періода—періодъ нормальнаго развитія и незначительной смертности, продолжающійся до третьяго мѣсяца, и періодъ неблагопріятныхъ условій для жизни и неестественно высокой смертности—отъ третьяго мѣсяца до года (причина: неправильный прикормъ послѣ 6-ти-недѣльнаго исключительно грудного кормленія);

2) смертность питомцевъ превышаетъ смертность крестьянскихъ дѣтей во всѣхъ періодахъ годового возраста всего на 46%, т.-е. смертность крестьянскихъ дѣтей относится къ смертности питомцевъ изъ числа принесенныхъ въ первый день по рожденіи какъ 31 къ 77;

3) изъ сравненія смертности крестьянскихъ дѣтей со смертностью питомцевъ въ домѣ и въ деревняхъ изъ общаго числа принесенныхъ (въ 1861 г.) оказывается, что въ теченіе перваго года жизни питомцевъ умираетъ болѣе на 44% (31: 75):

Digitized by Google

4) на вопросъ: можно ли здоровыхъ дѣтей отсылать въ деревни тотчасъ по приносѣ, не только въ теченіе 3 лѣтнихъ мѣсяцевъ, но и въ продолженіе цѣлаго года,—спеціалисты-врачи отвѣтили отрицательно и опредѣлили шестинедѣльный возрастъ крайнимъ предѣломъ для отправленія здоровыхъ изъ нихъ въ деревню. При этомъ коммиссія присовокупила, что основная идея всѣхъ преобразованій, въ сущности, должна клониться, согласно завѣщанію императрицы Маріи Ѳедоровны, къ возбужденію материнскихъ чувствъ, къ сохраненію, а не разрыву связи между матерью и ребенкомъ, при постепенномъ переходѣ отъ нынѣ дѣйствующей системы безусловно закрытаго пріема дѣтей къ раціональному удовлетворенію истинныхъ нуждъ въ каждомъ данномъ случаѣ.

Посмотримъ теперь, ка́къ шло дѣло приноса въ московскій воспитательный домъ при всѣхъ принимаемыхъ мѣрахъ.

Мы остановились выше на 1840 году:

	принято:	умерло:
1841 годъ	6437	1280
1842 „	6986	1417
1843 „	7274	1671
1844 „	7801	1892
1845 „	8235	2034
1846 „	8579	1844
1847 „	8446	2500
1848 „	8845	2510
1849 „	8951	2582
1850 „	9702	2755
1851 „	9500	2449
1852 „	9820	1939
1853 „	10305	2066
1854 „	10719	1784
1855 „	10983	1942
1856 „	11672	2690
1857 „	12602	4045
1858 „	13262	3254
1859 „	14227	2978
1860 „	13211	3384
1861 „	13113	3336
1862 „	12021	3701
1863 „	11664	3194
1864 „	11702	3113
1865 „	11634	2867
1866 „	11361	3376
1867 „	12055	3693
1868 „	12490	3774

Digitized by Google

Пока остановимся на этихъ ежегодныхъ цифрахъ и приведемъ цифры по десятилѣтіямъ:

Съ	1764	по	1774	принесено	9457	дѣтей
„	1774	„	1784	„	12537	„
„	1784	„	1794	„	13442	„
„	1794	„	1804	„	21074	„
„	1804	„	1814	„	30617	„
„	1814	„	1824	„	39179	„
„	1824	„	1834	„	56877	„
„	1834	„	1844	„	71709	„
„	1844	„	1854	„	90184	„
„	1854	„	1864	„	125912	„

Со времени открытія заведенія до 1-го января 1863 года, т.-е. во 100 лѣтъ, въ воспитательномъ домѣ умерло 116.504 младенца. Слѣдовательно, процентъ смертности—25,60%.

За періодъ времени съ 1824 по 1864 г., когда заведеніе совершенно устроилось, смертность между грудными дѣтьми во время пребыванія ихъ въ домѣ доходитъ только до 22,39%.

Наконецъ, 11-го ноября 1867 г. и 11-го февраля 1869 г. установлены были, въ видѣ опыта, сперва на два, а потомъ еще на одинъ годъ, новыя правила для пріема дѣтей въ столичные воспитательные дома. По этимъ правиламъ безпрепятственно и безъ метрическихъ свидѣтельствъ принимались въ воспитательные дома только дѣти въ первые десять дней по рожденіи, или съ видимыми знаками обрѣзыванія пуповины. Такіе младенцы могли быть возвращены матерямъ только въ теченіе первыхъ шести недѣль со дня отдачи. Дѣтей же, приносимыхъ въ воспитательные дома послѣ 10 дней по рожденіи или послѣ отпаденія пуповины, принимать назначено не иначе какъ крещеными, съ представленіемъ метрическихъ свидѣтельствъ. Такіе младенцы возвращались родителямъ не иначе, какъ по уплатѣ расходовъ по содержанію ребенка.

По отношенію къ петербургскому воспитательному дому опытъ показалъ, что отъ введенія этихъ мѣръ приносъ дѣтей и особенно въ первые дни по рожденіи увеличился, и въ то же время увеличились расходы и смертность среди питомцевъ. Кромѣ того, по оффиціальнымъ справкамъ, значительно усилились въ Петербургѣ случаи дѣтоубійства и подкидыванія дѣтей частнымъ лицамъ. По отношенію же къ московскому воспитательному дому эти мѣры привели къ уменьшенію приноса дѣтей и къ значительному сокращенію расходовъ.

24-го іюня 1871 года для с.-петербургскаго воспитательнаго

Digitized by Google

дома составлены новыя правила пріема дѣтей. Въ этотъ домъ незаконнорожденные младенцы принимались безпрепятственно въ возрастѣ не старѣе года, причемъ младенцы, отданные въ домъ съ метрическими выписками, могли быть возвращаемы ихъ матерямъ или родственникамъ въ теченіе трехъ лѣтъ отъ рожденія, при извѣстныхъ ручательствахъ. Младенцы же, отданные въ домъ безъ метрическихъ выписокъ, возвращались матерямъ или родственникамъ лишь въ теченіе первыхъ шести недѣль послѣ отдачи.

Наконецъ, правилами 24-го апрѣля 1882 года установлено требованіе метрическихъ выписокъ, но лишь для дѣтей, которыя, согласно основному правилу, поступаютъ на 6-ти-недѣльное материнское вскормленіе въ самомъ домѣ или *на дому у матери* и могутъ быть возвращаемы матерямъ въ теченіе 3 лѣтъ отъ рожденія. По московскому же дому метрическія выписки требуются для всѣхъ дѣтей, приносимыхъ послѣ отпаденія у нихъ нуповины. За исключеніемъ указаннаго, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ метрическія выписки не требуются.

Примѣненіе этихъ правилъ по отношенію къ петербургскому воспитательному дому не увеличило приноса дѣтей, уменьшило смертность ихъ въ домѣ и въ округахъ, уменьшило расходы и увеличило возрастъ дѣтей. Главною причиною такого хорошаго результата признано *кормленіе ребенка своею матерью*.

По отношенію же къ московскому воспитательному дому правила 1882 года совершенно не оправдали ожиданій увеличенія возврата дѣтей. Въ то же время эти правила значительно повліяли на увеличеніе приноса дѣтей въ домъ въ послѣднее пятилѣтіе (1882—1887 г.). Послѣднее обстоятельство объясняется только безпрепятственно выдаваемыми справками о дѣтяхъ, принятыхъ въ домъ, и дозволеніемъ навѣщать ихъ въ мѣстѣ ихъ воспитанія. Что же касается до *материнскаго вскормленія дѣтей на дому*, то оказалось, что изъявляютъ желаніе кормить у себя на дому своихъ дѣтей только такія матери, которыя имѣютъ полную возможность воспитывать своихъ дѣтей, не прибѣгая къ помощи воспитательнаго дома, и что одно только желаніе получать ежемѣсячно 9 рублей привело ихъ въ воспитательный домъ. Послѣ отказа такимъ матерямъ въ субсидіи ни одна изъ нихъ не согласилась отдать въ воспитательный домъ своего ребенка.

Управленіемъ воспитательныхъ домовъ признано за несомнѣнное, что въ 125 лѣтъ со времени возникновенія воспитательныхъ домовъ общественная нравственность и условія жизни значительно измѣнились, и нынѣ къ дверямъ воспитательныхъ домовъ подхо-

Digitized by Google

дятъ съ младенцами не только несчастныя женщины, исполненныя стыда и страха и только подъ вліяніемъ крайности рѣшившіяся отнять младенцевъ отъ материнской груди и попеченій, но и такія матери, которыя могли бы сами питать и содержать своихъ младенцевъ, и даже безчеловѣчныя промышленницы, для наживы выманивающія младенцевъ и часто привозящія ихъ въ воспитательные дома въ первые дни и недѣли ихъ существованія, иногда партіями до 12 дѣтей, въ зараженныхъ корзинкахъ, и сдающія ихъ въ воспитательный домъ на вѣрную и быструю смерть. Такъ, недавно удостовѣрено разслѣдованіемъ, что одна женщина въ Тамбовѣ, занимавшаяся тамъ доставкою дѣтей въ Москву въ воспитательный домъ, вывезла въ корзинкахъ въ продолженіе незначительнаго времени 300 дѣтей.

Мы съ цѣлью привели въ хронологическомъ порядкѣ мѣропріятія воспитательныхъ домовъ, чтобы всякому было видно, какое трудное дѣло составляетъ призрѣніе и воспитаніе безродныхъ и безпріютныхъ дѣтей. Какъ много было принято разныхъ мѣръ для лучшаго его устройства, и ни одна не достигла желаемой цѣли— сохраненія жизни нормальнаго числа дѣтей и уменьшенія ихъ наплыва въ воспитательные дома.

Приведемъ теперь цифры послѣднихъ лѣтъ и разныя другія свѣденія по этому дѣлу; посмотримъ, къ чему нынѣ можетъ стремиться администрація воспитательныхъ домовъ, и что̀ было бы желательно для улучшенія призрѣнія и воспитанія безродныхъ и безпріютныхъ дѣтей.

Въ московскій воспитательный домъ:

Года:	принесено:	умерло:
1869	11140	2950
1870	10661	2865
1871	10756	2426
1872	11234	2754
1873	11324	3083
1874	11818	2695
1875	12383	3468
1876	12526	3470

За остальные годы мы не имѣли подробныхъ свѣденій. Но изъ представленныхъ нами таблицъ видно, что смертность, поражавшая своей громадностью особенно въ первыя пять лѣтъ въ стѣнахъ московскаго воспитательнаго дома, начала уменьшаться и уже до такихъ цифръ послѣ никогда не доходила, хотя были года, когда

Digitized by Google

она поднималась до 57%, какъ то было въ 1819 году. Года, особенно отличавшіеся большою смертностью, были слѣдующіе:

1769	39,12%
1771	39,92
1772	34,03
1773	45,56
1793	39,15
1797	34,44
1798	39,69
1804	36,21
1805	31,35
1806	31,14
1807	29,20
1808	30,89
1809	33,72
1810	42,83
1811	40,30
1812	54,24
1813	53,70
1814	49,64
1815	50,74
1816	49,17
1817	51,47
1818	47,90
1819	57,01
1820	49,60

Въ слѣдующемъ же, 1821, году процентъ смертности вдругъ упадаетъ почти на половину—25,72. Въ 1822 году уже является только 16,13%. Съ этого года процентъ смертности идетъ довольно умѣренный до 1847 года, когда онъ опять начинаетъ возвышаться:

1847	29,59%
1848	28,37
1849	28,84
1850	28,39

Съ этого года опять понижается и возвышается только въ 1857 году до 32,09%.

Въ 1862 году является опять довольно высокій процентъ, именно 30,78%:

1863	27,38
1864	26,60
1866	29,71
1867	30,61
1868	30,21
1873	27,25
1875	28,01
1876	27,87

Digitized by Google

Процентъ въ 25 считается умѣреннымъ.

Но вѣдь въ стѣнахъ воспитательнаго дома дѣти остаются не болѣе шести недѣль, и здѣсь принимаются всѣ мѣры къ сохраненію жизни; если не бываетъ необыкновенной скученности при недостаточномъ числѣ кормилицъ, то процентъ смертности понижается до 16, 15 и даже 14%. Это такіе проценты, которые даже ниже обыкновеннаго процента смертности 1-го года жизни законныхъ дѣтей, обыкновенно доходящаго до 17%, наприм. во Франціи, гдѣ благосостояніе народное несравненно выше, чѣмъ у насъ. Тамъ смертность до годового возраста между незаконными дѣтьми, даже оставшимися при матеряхъ, по изслѣдованіямъ особой коммиссіи, работавшей въ 1860 году, считалась обыкновенно въ 29%, а между питомцами воспитательныхъ домовъ — въ 56%.

У насъ же смертность въ грудныхъ отдѣленіяхъ московскаго воспитательнаго дома обыкновенно колеблется между 23—25%, опускаясь при благопріятныхъ обстоятельствахъ даже и ниже, но при неблагопріятныхъ восходитъ гораздо выше, какъ то видно изъ приведенныхъ нами цифръ. Лѣтомъ 1888 года она дошла даже до 60%.

Но главный источникъ смертности не въ грудныхъ отдѣленіяхъ воспитательныхъ домовъ, а въ деревняхъ, на рукахъ грубыхъ, грязныхъ, бѣдныхъ и невѣжественныхъ кормилицъ.

Статистика московскаго воспитательнаго дома показываетъ, что до 20-лѣтняго возраста, когда питомцы приписываются уже къ сословію, изъ 100 дѣтей доживаетъ только 12.

Въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ и въ округахъ наибольшій процентъ доживающихъ до году младенцевъ бываетъ 39%, т.-е. около $^1/_3$ приноса, а болѣе $^2/_3$ умираетъ. До 21 года доживаетъ отъ 11 до 13%.

По возможно точнымъ изслѣдованіямъ, произведеннымъ въ 1863 году коммиссіею подъ предсѣдательствомъ лейбъ-медика Карреля, оказалось, что между питомцами петербургскаго воспитательнаго дома умираетъ, не достигнувъ годового возраста, до 75%.

Тотъ же процентъ смертности съ небольшими колебаніями приходится и на питомцевъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ. Изъ цифръ, самымъ тщательнымъ образомъ собранныхъ и провѣренныхъ по этому дому, можно безошибочно заключить, что изъ тѣхъ дѣтей, которыя ввѣряются его попеченію, только 12% выходятъ живыми изъ-подъ его опеки, а около 88% (собственно 87,8%) погибаютъ еще въ самыхъ стѣнахъ дома, частью въ деревенскихъ округахъ.

Digitized by Google

Мы уже видѣли по отдѣльнымъ годамъ, сколько въ немъ погибаетъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ. Мы видѣли, что въ нѣкоторые годы процентъ смертности возвышался до половины всего приноса, но это были немногіе года. Въ остальные же года процентъ смертности рѣдко превышалъ 25%, что для Россіи считается весьма умѣреннымъ процентомъ смертности дѣтей на первомъ году жизни. Слѣдовательно, весь ужасающій излишекъ процента смертности необходимо отнести не на самые воспитательные дома, а на деревенскіе округа. Деревни—это истинныя усыпальницы дѣтей воспитательныхъ домовъ. Да и ожидать отъ нихъ ничего лучшаго было нельзя, если подумать, кто беретъ на воспитаніе дѣтей изъ воспитательнаго дома.

По свѣденіямъ, сообщаемымъ самыми достовѣрными изслѣдователями,—каковъ, напр., былъ покойный почетный опекунъ с.-петербургскаго воспитательнаго дома, А. К. Пфель, оставившій два печатныхъ труда,—5% деревенскихъ кормилицъ принадлежитъ къ зажиточнымъ семействамъ, 72%—къ нуждающимся, и 23%—къ совершенно нищимъ, только и живущимъ дѣтскимъ промысломъ, т.-е. пріемомъ дѣтей изъ воспитательныхъ домовъ для вскормленія, а собственно для отправленія ихъ на кладбища.

V.

Въ настоящее время имѣя предъ своими глазами чрезмѣрную смертность дѣтей, зависящую отъ чрезмѣрнаго ихъ приноса, и соединенные съ этимъ чрезмѣрные расходы, превышающіе средства воспитательныхъ домовъ, главнымъ образомъ заботятся: 1) о допущеніи децентрализаціи воспитательныхъ домовъ, въ смыслѣ ограниченія ихъ благотворительной дѣятельности пріемомъ лишь совершенно безпріютныхъ младенцевъ, рожденныхъ только въ одной изъ столицъ и въ губерніи, принадлежащей къ столицѣ; 2) о замѣнѣ практиковавшагося доселѣ тайнаго пріема дѣтей—явнымъ, а слѣдовательно о требованіи при приносѣ младенцевъ слѣдующихъ документовъ: а) паспорта приносителя; б) метрической выписки о рожденіи и крещеніи младенца и в) свидѣтельства священника или мѣстной власти о мѣстѣ рожденія ребенка; 3) объ отмѣнѣ запрещенія 1828 года учреждать въ губерніяхъ на средства общественной или частной благотворительности мѣстныя пристанища для несчастнорожденныхъ дѣтей съ предоставленіемъ такимъ благотворительнымъ учрежденіямъ правъ, аналогичныхъ съ правами воспитательныхъ домовъ, присвоенными послѣднимъ § 16 гл. VI

Digitized by Google

генеральнаго плана; и наконецъ, 4) о принятіи законодательнымъ путемъ особыхъ мѣръ для искорененія преступнаго промысла доставленія младенцевъ въ воспитательные дома.

Всѣ эти стремленія вытекаютъ, конечно, изъ тѣхъ опытовъ, которымъ были подвергаемы эти учрежденія въ теченіе болѣе чѣмъ столѣтняго ихъ существованія. Но если бы даже и осуществилось все вышеизложенное, то едва-ли тѣмъ была бы достигнута вполнѣ та цѣль, которую преслѣдуютъ при этомъ.

Децентрализація воспитательныхъ домовъ можетъ, конечно, уменьшить приносъ дѣтей—въ этомъ нельзя сомнѣваться, и это подтверждается слѣдующими оффиціальными свѣденіями. Съ 1868 по 1878 годъ въ московскій воспитательный домъ поступило 113.200 дѣтей. Изъ этого числа рождены въ самой Москвѣ 64.486 дѣтей, т.-е. 56,9%; 24.474, или 20,8%—въ московской губерніи и 25.240 дѣтей, или 22,3%—въ разныхъ внутреннихъ губерніяхъ, причемъ процентъ послѣднихъ постоянно повышается, и въ 1888 году доходилъ уже до 28,58%.

Въ числѣ 17.517 дѣтей, принятыхъ въ с.-петербургскій воспитательный домъ съ метрическими свидѣтельствами за 6 лѣтъ, съ 1873 по 1878 годъ, къ жителямъ самого Петербурга принадлежатъ 13.925 дѣтей, или 79,5%, къ петербургской губерніи —2.127 д., или 12,1%, и къ внутреннимъ губерніямъ—1.465 д., или 8,4%.

Итакъ, въ московскомъ воспитательномъ домѣ половину воспитанниковъ можно считать уроженцами самой Москвы, одну четвертую часть—уроженцами московской губерніи и одну также четвертую часть—уроженцами другихъ губерній. При открытіи воспитательныхъ домовъ въ этихъ губерніяхъ можно, слѣдовательно, надѣяться, что приносъ дѣтей въ московскій воспитательный домъ уменьшится на одну четверть. Въ 1888 году поступило всѣхъ дѣтей 17.114, въ томъ числѣ изъ Москвы—9.229, или 53,93%; изъ московской губерніи — 2.994, или 17,49%; изъ другихъ губерній—4.891, или 28,58%. Если исключить отсюда четвертую часть, даже нѣсколько болѣе, то все-таки останется на рукахъ воспитательнаго дома огромное число, именно около 12.000 дѣтей, т.-е. каждый мѣсяцъ будетъ поступать около 1.000 человѣкъ, или ежедневно болѣе 30 дѣтей. Очевидно, что затрудненія воспитательнаго дома чрезъ уменьшеніе на одну четверть приноса дѣтей нѣсколько ослабѣютъ, но все-таки останутся еще весьма значительными и попрежнему придется держать на-готовѣ около 1.000 кормилицъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ!!

На много ли же можетъ сократиться при этомъ смертность

Digitized by Google

дѣтей и отъ скученности ихъ, и отъ порчи воздуха, и отъ недостатка кормилицъ?

Въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ процентъ дѣтей, рожденныхъ внѣ Петербурга, гораздо меньше, чѣмъ въ Москвѣ. Въ 1888 году принесено было около 10.000 дѣтей. Если исключить изъ этого огромнаго числа, по примѣру Москвы, даже четвертую часть дѣтей, рожденныхъ внѣ Петербурга, все же останется крупная цифра, при которой не могутъ значительно уменьшиться смертность дѣтей въ домѣ и округахъ и затрудненія въ пріисканіи кормилицъ, а равно и расходы воспитательнаго дома.

Не болѣе довѣрчиво должно отнестись и къ другому предположенію, обѣщающему уменьшеніе приноса дѣтей въ воспитательные дома, т.-е. къ замѣнѣ тайнаго пріема явнымъ со всѣми исчисленными выше документами.

Многіе находятъ, что въ настоящее время тайный пріемъ не вызывается никакою необходимостью. Нравы со временъ Петра Великаго и Екатерины Великой до того сильно измѣнились, что въ соблюденіи тайны нуждается самая незначительная часть матерей, отдающихъ своихъ дѣтей въ воспитательный домъ. По изслѣдованіямъ бывшаго почетнаго опекуна Пфеля, едва 1 изъ 45 женщинъ нуждается въ сохраненіи этой тайны, ибо изъ среднихъ классовъ народа въ воспитательные дома поступаетъ не болѣе 600 дѣтей. Остальную массу дѣтей доставляютъ, главнымъ образомъ, служанки, фабричныя работницы и солдатки, для которыхъ совершенно не нужно сохраненіе тайны. Администрація убѣждается въ томъ слѣдующимъ образомъ. Со времени предоставленія матерямъ права пользоваться метрическими свидѣтельствами въ наглухо запечатанныхъ конвертахъ, число пользующихся этимъ правомъ съ году на годъ быстро уменьшается, тогда какъ количество представляемыхъ открытыхъ метрическихъ свидѣтельствъ увеличивается. Количество представленныхъ конвертовъ уменьшилось въ слѣдующей пропорціи:

Въ петербургскомъ домѣ:

Года.	Конв.
1872	151
1873	164
1874	86
1875	124
1876	68
1877	53
1878	36

Въ московскомъ домѣ:

Года.	Конв.
1870	1339
1871	1126
1872	1059
1873	953
1874	957
1875	842
1876	745
1877	630
1878	646

Digitized by Google

Допустимъ, что предположеніе о ненужности тайны для огромнаго большинства приносящихъ совершенно основательно. Но насколько можетъ сократить приносъ дѣтей явный ихъ пріемъ съ документами?

Опытъ явнаго пріема, какъ уже сказано выше, былъ сдѣланъ въ 1810 году и продолжался слишкомъ четыре года. Насколько же онъ сократилъ приносъ? Въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ опытъ этотъ начался съ 20-го октября 1810 года и продолжался по 15-е апрѣля 1815 года. Въ равный этому предшествовавшій періодъ времени, съ 25-го апрѣля 1806 г. по 20-е октября 1810 г., было принесено 12.097 дѣтей. Во время секретнаго развѣдыванія и пріема дѣтей съ документами, съ 20-го октября 1810 г. по 15-е апрѣля 1815 г., принесено 10.478 дѣтей. Въ послѣдовавшій затѣмъ такой же періодъ времени, съ 15-го апрѣля 1815 года по 10-е сентября 1819 года, принесено 12.232 младенца.

Такимъ образомъ, приносъ дѣтей, вслѣдствіе требованія документовъ, удостовѣряющихъ нужду въ призрѣніи, и при секретномъ развѣдываніи показаній лицъ, приносившихъ дѣтей, въ четыре года уменьшился всего на 1.619 человѣкъ, или около 400 чел. ежегодно. Въ московскомъ воспитательномъ домѣ явный пріемъ съ документами и секретнымъ развѣдываніемъ введенъ только въ 1812 году, и цифры показываютъ, что

въ	1811	году	было	принято	3605	млад.
„	1812	„	„	„	2612	„
„	1813	„	„	„	1674	„
„	1814	„	„	„	2387	„
„	1815	„	„	„	3082	„
„	1816	„	„	„	3518	„
„	1817	„	„	„	3784	„
„	1818	„	„	„	4340	„

Послѣ этого года число приносимыхъ дѣтей начало еще болѣе увеличиваться.

Очевидно, что и здѣсь уничтоженіе тайны приноса, требованіе документовъ и провѣрка ихъ содѣйствовали уменьшенію приноса. Да и не могли они этому не содѣйствовать, ибо документы ясно доказываютъ: во-первыхъ, въ бракѣ или внѣ брака рождено дитя; во-вторыхъ, нуждается ли оно въ призрѣніи и востаніи на счетъ государства. Такимъ образомъ, если воспитательные дома зададутся цѣлью принимать только внѣ брака рожденныхъ дѣтей, то явный пріемъ дѣтей съ документами весьма значительно можетъ уменьшить число приносимыхъ.

Digitized by Google

По оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ (Статистическій Временникъ), въ 7 губерніяхъ, окружающихъ Москву, число ежегодныхъ незаконныхъ дѣтей не превышаетъ 13.302 дѣтей. Между тѣмъ, въ 1859 году въ московскій воспитательный домъ дѣтей принесено 14.229, т.-е. на 927 болѣе всего количества незаконныхъ дѣтей, рождающихся въ этихъ губерніяхъ. Можно безошибочно предположить, что изъ 13.302 дѣтей въ московскій воспитательный домъ приносится едва-ли половина, т.-е. около 6.500. Остальныя дѣти остаются при матеряхъ. А такъ какъ ежегодный туда приносъ въ послѣднее пятилѣтіе (1857—62) равнялся среднимъ числомъ 11.676 дѣт., то безошибочно можно заключить, что остальныя 5.000—5.500, или около того, принадлежатъ къ разряду законныхъ дѣтей. Въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ число это гораздо ниже.

Итакъ, явный пріемъ съ документами можетъ освободить воспитательные дома отъ массы законныхъ дѣтей, которыя вовсе не нуждаются въ общественномъ призрѣніи и воспитаніи.

Но администрація воспитательныхъ домовъ, какъ прежде, такъ вѣроятно и теперь, не исключаетъ вовсе возможности и необходимости пріема и законныхъ дѣтей, равно какъ и соблюденія тайны въ извѣстныхъ уважительныхъ случаяхъ. Администрація воспитательныхъ домовъ въ настоящее время, сколько извѣстно, задается не такими широкими планами, какъ это было въ самомъ началѣ устройства призрѣнія и воспитанія дѣтей на счетъ государства, но зато свою болѣе узкую программу дѣятельности она разсчитываетъ выполнить болѣе удовлетворительнымъ и болѣе полезнымъ образомъ.

Воспитательные дома, въ настоящее время, имѣютъ въ виду принимать для призрѣнія и воспитанія только совершенно безпріютныхъ младенцевъ въ возрастѣ не старѣе одного года. Это могутъ быть: 1) незаконные младенцы, лишившіеся матерей; 2) незаконные младенцы такихъ матерей, которыя, по доказанной нищетѣ, болѣзни, не могутъ ихъ вскормить; 3) подкидыши, родители которыхъ, за всѣми употребленными со стороны полиціи средствами, не могли быть отысканы; 4) законные младенцы, принимаемые на временное вскормленіе, въ тѣхъ исключительныхъ и доказанныхъ случаяхъ, когда мать умерла или такъ больна, что сама кормить грудью не можетъ, а отецъ не имѣетъ средствъ нанять кормилицу.

Всѣ эти обстоятельства должны быть удостовѣрены надлежащими документами. Если родильница не пожелаетъ предъявить требуемыхъ документовъ, то обязана представить метрическую

Digitized by Google

выпись въ запечатанномъ конвертѣ съ надписью: „выписка изъ метрической книги о рожденіи и крещеніи незаконнаго младенца (имя безъ фамиліи), родившагося такого-то года, мѣсяца и числа, выданная такой-то губерніи, уѣзда, села священникомъ такимъ-то“; затѣмъ должна быть подпись священника и церковная печать.

Такія дѣти могутъ приниматься въ воспитательные дома лишь со взносомъ 200 руб. на ихъ содержаніе. Деньги, вносимыя свыше 200 р., поступаютъ въ обезпеченіе будущности младенца и выдаются при возвращеніи ребенка предъявителю билета, или питомцамъ и питомицамъ при достиженіи ими совершеннолѣтія или при выходѣ замужъ, а въ случаѣ смерти питомцевъ, — обращаются въ капиталъ питомцевъ.

Итакъ, тайный пріемъ, доселѣ практиковавшійся въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и приведшій съ собою въ воспитательные дома массу дѣтей законныхъ и совершенно не нуждающихся въ общественномъ призрѣніи и воспитаніи, сильно ограничивается. Этимъ, конечно, уменьшится число поступающихъ дѣтей, можетъ быть уменьшится и смертность, происходящая въ самихъ воспитательныхъ домахъ отъ скученности дѣтей и недостатка кормилицъ, и во всякомъ случаѣ уменьшатся расходы воспитательнаго дома.

Кромѣ этихъ мѣръ, возможно принять еще слѣдующія:

Младенцы, принимаемые въ воспитательные дома по нищетѣ или по особымъ условіямъ положенія ихъ матерей, вскармливаются въ нихъ грудью самими матерями, если онѣ подходятъ подъ условія, установленныя для кормилицъ. Такое кормленіе продолжается до 4—6-недѣльнаго возраста ребенка, или сколько потребуетъ состояніе его здоровья. Освобождаются отъ этого только тѣ матери, которыя представятъ удостовѣреніе о невозможности поступить въ воспитательный домъ для кормленія своего ребенка, напр. состоящія въ услуженіи, или въ семьяхъ своихъ родителей и т. д. Матери, кормящія грудью своихъ дѣтей въ воспитательномъ домѣ, получаютъ одинаковыя съ прочими кормилицами плату и содержаніе.

Эта мѣра, конечно, уменьшитъ смертность въ самихъ воспитательныхъ домахъ, но вѣдь чрезъ 6 недѣль послѣ кормленія матери дѣти будутъ попрежнему развезены по деревнямъ, гдѣ ожидаетъ ихъ та же громадная смертность, что и прежде. Слѣдовательно эта мѣра, въ концѣ концовъ, своей цѣли вполнѣ не достигнетъ, а уменьшитъ только временное затрудненіе воспитательныхъ домовъ въ кормилицахъ.

Разсчетъ на то, что мать, покормивъ 6 недѣль своего ре-

Digitized by Google

бенка, привяжется къ нему и возьметъ его изъ воспитательнаго дома къ себѣ на квартиру, можетъ принести много пользы, особенно при томъ условіи, что такимъ матерямъ будетъ выдаваемо изъ воспитательнаго дома денежное пособіе. Опыты эти дѣлаемы были съ 1882 по 1887 г. и дали весьма хорошіе результаты. Приводимъ результаты 6-недѣльнаго вскармливанія матерями своихъ дѣтей въ московскомъ воспитательномъ домѣ. Въ 1882 г. такихъ матерей было 129, изъ коихъ 10 матерей взяли дѣтей послѣ вскормленія съ собой:

Года.	Матерей.	Дѣтей.
1883	299	28
1884	429	43
1885	527	55
1886	302	19
1887	358	34

Опыты выдачи матерямъ денежнаго пособія въ послѣднее время производились въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ и также дали очень хорошіе результаты. Матери, изъявившей желаніе кормить своего ребенка на дому, по собраніи всѣхъ необходимыхъ о ней свѣденій, выдавалось первый годъ по 9 р. въ мѣсяцъ, второй годъ по 6 р., третій годъ по 3 р. Итого, воспитаніе ребенка въ три года обходилось воспитательному дому въ 216 рублей; смертность между этими питомцами была самая ничтожная, даже невѣроятная, именно 13%.

Послѣ этого можно только удивляться, почему давно не пришли къ тому убѣжденію, что вмѣсто того, чтобы тратить массу денегъ на наемныхъ кормилицъ и воспитательницъ [1]) и въ результатѣ видѣть только огромную смертность дѣтей, гораздо лучше выдавать хоть половину этихъ денегъ на руки самимъ матерямъ, приносящимъ дѣтей въ воспитательный домъ по неимѣнію средствъ воспитать ихъ дома.

Въ парижскомъ воспитательномъ домѣ эта мѣра употребляется въ настоящее время съ большою пользою. Когда мать является туда съ просьбой взять ея ребенка, ей предлагаютъ пенсію въ теченіе года отъ 20 до 25 франковъ въ мѣсяцъ, дѣтское бѣлье и постель, если она согласится оставить его у себя и кормить его грудью. Многія матери съ восторгомъ принимаютъ это предложеніе; но есть между ними работницы, которыя заняты весь день съ

[1]) Въ послѣдніе годы за воспитаніе въ деревняхъ платится около 1.000.000 р. ежегодно. А сколько платится кормилицамъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ воспитательныхъ домовъ? а что стоитъ все управленіе? Въ итогѣ выходитъ на все около 2.500.000 руб. И при этомъ до совершеннолѣтія доживаетъ отъ 11% до 13%.

Digitized by Google

утра до ночи. Такимъ предлагаютъ помѣстить ихъ ребенка на общественный счетъ у мамки въ деревнѣ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи года онѣ взяли его обратно. Результаты подобной системы оказались поразительно успѣшные. Парижъ спасаетъ такимъ образомъ отъ смерти тысячу младенцевъ ежегодно; 8.587 женщинъ получаютъ теперь здѣсь вспомоществованіе для вскармливанія молокомъ грудныхъ дѣтей—и на это тратится больше 900.000 франковъ.

Если женщина отказывается отъ вспомоществованія, чтобы самой кормить ребенка, ее предупреждаютъ, что она не будетъ имѣть права видѣться съ нимъ и что ей даже не скажутъ, гдѣ онъ находится.

Грудныя дѣти, если здоровы и не взяты на вскормленіе своими матерями, сдаются точно такъ же, какъ и у насъ, мамкамъ въ деревни. Мамкамъ этимъ платятъ отъ 20 до 25 франковъ въ мѣсяцъ, пока онѣ кормятъ дѣтей грудью, и даютъ все необходимое бѣлье. Когда ребенокъ отнятъ отъ груди, за него платятъ отъ 15 до 20 фр. въ мѣсяцъ и одѣваютъ на счетъ администраціи, которая старается, чтобы они оставались въ семействахъ, ихъ воспитавшихъ, и помѣщаетъ ихъ въ школы. Администрація чрезъ своихъ агентовъ строго смотритъ, чтобы съ ея дѣтьми обращались хорошо. Смертность дѣтей въ деревняхъ меньше, чѣмъ среди тѣхъ, которыя помѣщаются тамъ самими родителями. До того бдителенъ надзоръ агентовъ администраціи общественной благотворительности! Изъ дѣтей, помѣщаемыхъ частными агентами у деревенскихъ кормилицъ, умираетъ 70%, а изъ дѣтей, помѣщаемыхъ администраціей Assistance publique, только 32%. Вотъ что̀ значитъ хорошій надзоръ за вскормленіемъ и воспитаніемъ дѣтей!

Считаемъ нелишнимъ привести кстати примѣръ частной иниціативы и способовъ ея дѣйствія въ призрѣніи и воспитаніи безпріютныхъ дѣтей.

Изъ Нью-Іорка пишутъ въ одну нашу газету: „20 лѣтъ тому назадъ здѣсь не было воспитательнаго дома, и дѣтоубійство было обыденнымъ явленіемъ. Въ октябрѣ 1869 года въ одномъ маленькомъ домѣ у дверей была вывѣшена дотолѣ невѣдомая корзинка. Въ домѣ поселилась молодая католическая монахиня Ирина, задавшаяся цѣлью прекратить дѣтоубійство и воспитывать никому ненужныхъ дѣтей. У нея не было никакихъ средствъ, но было много вѣры и энергіи. Въ эти 20 лѣтъ она приняла свыше 20.000 дѣтей. Въ настоящее время сестра Ирина начальствуетъ надъ огромнымъ воспитательнымъ домомъ. Главное зданіе—шести-

Digitized by Google

этажное, вмѣщающее 600 дѣтей и 300 матерей. Кромѣ того, 1.200 дѣтей отдаются воспитательнымъ домомъ на сторону, съ платой около 10 долларовъ въ мѣсяцъ за каждаго ребенка. Сестрѣ Иринѣ пришлось испытать много хлопотъ, горя и лишеній прежде, нежели она завоевала право гражданства своему благотворительному заведенію. Но и до сихъ поръ главный источникъ доходовъ дома — частныя пожертвованія. Содержаніе дома обходится въ 250.000 долларовъ ежегодно. Денежное пособіе со стороны города и штата незначительно. Впрочемъ католики не любятъ просить помощи у кого бы то ни было, кромѣ своихъ единовѣрцевъ, и нужно отдать имъ справедливость, они умѣютъ находить средства на свои многочисленныя благотворительныя учрежденія".

„Молодыхъ дѣвушекъ, несчастныхъ матерей, сестра Ирина отпускаетъ съ миромъ, свято храня ихъ тайну. Пожилыхъ же женщинъ и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя не особенно стыдятся своего положенія, она обыкновенно упрашиваетъ поступить въ домъ и кормить не только своего ребенка, но и еще одного подкидыша. Кормленіе и вообще воспитаніе дѣтей ведется подъ постояннымъ надзоромъ сестеръ, наблюденіемъ врачей и нѣкоторымъ контролемъ городскихъ властей. Результаты получаются блестящіе. Смертность въ воспитательномъ домѣ не превосходитъ смертности вообще городскихъ дѣтей. Домъ постоянно вызываетъ матерей, у которыхъ умираютъ грудныя дѣти, и предлагаетъ имъ на вскормленіе подкидышей съ платой 10 долларовъ въ мѣсяцъ. Такихъ кормилицъ у дома теперь насчитывается до 1.200. Всѣ онѣ предварительно подвергаются медицинскому осмотру и обязуются ежемѣсячно представлять дитя въ домъ для осмотра. Если дитя здорово и содержится опрятно, кормилица получитъ свое жалованье. Если дитя слабо или нездорово, его берутъ въ госпиталь. Если же замѣчается плохой за нимъ уходъ, то кормилицу отсылаютъ прочь. Кромѣ того, кормилицъ навѣщаетъ въ разное время инспекторъ дома. Дѣтей держатъ въ воспитательномъ домѣ до трехлѣтняго возраста. Затѣмъ ихъ отправляютъ больше всего въ западные штаты и раздаютъ фермерамъ, желающимъ имѣть пріемныхъ дѣтей. Впрочемъ до совершеннолѣтія воспитательный домъ сохраняетъ за собою право нѣкотораго контроля за своими питомцами.

„Сестра Ирина воспитываетъ свою многочисленную семью далеко успѣшнѣе, чѣмъ богатый городъ Нью-Іоркъ дѣтей въ своихъ пріютахъ. Городъ смотритъ на незаконнорожденныхъ дѣтей какъ на неизбѣжное зло. Этотъ же взглядъ проявляется во всѣхъ отношеніяхъ наемныхъ смотрителей, воспитателей, врачей и т. д.

Digitized by Google

Въ домѣ сестры Ирины нѣтъ рутины и формальности; тамъ люди влагаютъ въ дѣло свою душу. Сестра Ирина, какъ и другія сестры, ея помощницы, не получаютъ ни жалованья, ни наградъ, и, конечно, никакими окладами нельзя пріобрѣсти такой преданности своему дѣлу, такой любви и усердія, какими отличаются подобныя сестры.

„Когда вы входите въ воспитательный домъ сестры Ирины и посѣщаете отдѣленіе ходящихъ дѣтей, то пестрая картина здоровыхъ и веселыхъ ребятишекъ сразу разсѣеваетъ въ васъ предвзятое общее мнѣніе о казенномъ воспитательномъ домѣ. Когда же среди этихъ безродныхъ дѣтей появляется сама сестра Ирина и они радостно рвутся къ ней, какъ къ любимой матери, вы невольно приходите къ заключенію, что воспитаніе можетъ идти успѣшно только тамъ, гдѣ царитъ материнская любовь".

Корреспондентъ газеты совершенно вѣрно подмѣтилъ, что взглядъ администрацій казенныхъ воспитательныхъ домовъ на приносимыхъ въ нихъ безпріютныхъ дѣтей какъ на неизбѣжное зло, отражается на всѣхъ служащихъ въ этихъ домахъ и лишаетъ ихъ характера хорошей, любящей семьи, при которомъ только и возможно правильное ихъ воспитаніе и доведеніе до нормальной цифры ихъ смертности. Поэтому многія европейскія законодательства прямо говорятъ, что незаконное рожденіе никому не должно быть вмѣняемо въ упрекъ или позоръ, и дѣти, внѣ брака рожденныя, пользуются всѣми гражданскими правами и безъ всякихъ затрудненій могутъ быть усыновляемы и узаконяемы своими родителями.

У насъ предполагаютъ, какъ мы слышали, незаконныхъ младенцевъ возвращать матерямъ до трехъ лѣтъ. Дѣти совершенно безродныя могутъ быть отдаваемы на безплатное воспитаніе благонадежнымъ постороннимъ лицамъ христіанскаго вѣроисповѣданія, которыя могутъ ихъ усыновлять.

Все это превосходно и повлечетъ за собою очевидное улучшеніе участи дѣтей въ сравненіи съ прежними положеніями, какъ мы уже излагали это дѣло выше. Теперь уже не будетъ болѣе препятствій, какъ это было въ 1857 году, съ воспитанникомъ Егоровымъ, для добрыхъ людей воспитывать и усыновлять питомцевъ воспитательныхъ домовъ. Но, къ сожалѣнію, мы ничего не слыхали о томъ, что для уменьшенія приноса дѣтей въ домъ самимъ родителямъ будетъ предоставлено право внѣ брака рожденныхъ дѣтей усыновлять и узаконять по образцу всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ. Объ этомъ говорится только въ изслѣдованіи покойнаго Пфеля. Можетъ быть въ исключительныхъ и ува-

Digitized by Google

жительныхъ случаяхъ будетъ дано почетнымъ опекунамъ, управляющимъ воспитательными домами, право смягчать различныя строгія требованія,—напр., будетъ дано право принимать незаконныхъ дѣтей въ возрастѣ до 5 лѣтъ, подкидышей въ возрастѣ свыше одного года, уменьшать взносъ, требуемый при тайномъ пріемѣ младенца съ метрическими выписями въ запечатанныхъ конвертахъ, возвращать матерямъ и родственникамъ незаконныхъ дѣтей въ возрастѣ свыше 3 лѣтъ. Всему этому нельзя было бы не сочувствовать, ибо въ живомъ дѣлѣ нельзя всего предвидѣть заранѣе и все заключать въ неподвижныя рамки мертвыхъ правилъ. Къ какимъ абсурдамъ иногда вели мертвыя буквы правила, можно видѣть изъ дѣла о воспитанникѣ Егоровѣ. Его взялъ изъ воспитательнаго дома чиновникъ по случаю смерти своего собственнаго ребенка, не безъ труда выхлопотавъ это дозволеніе. Чрезъ 5 лѣтъ Егорова потребовали назадъ въ воспитательный домъ. Между тѣмъ воспитатели привязались къ нему какъ къ родному, и чтобы оставить его у нихъ навсегда, нужно было утруждать верховную власть.

IV.

Въ общемъ итогѣ всего сказаннаго нами выше оказывается, что у насъ до сихъ поръ было сдѣлано много опытовъ призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, но какіе изъ нихъ можно считать давшими наиболѣе полезные результаты и какими слѣдовало бы воспользоваться при предпринимаемомъ нынѣ у насъ преобразованіи воспитательныхъ домовъ?

Первые опыты призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ и безродныхъ дѣтей на счетъ государства и мѣстныхъ обществъ были, какъ мы видѣли, произведены въ широкихъ размѣрахъ еще при Петрѣ I. Къ сожалѣнію, результаты ихъ для насъ остались неизвѣстными.

Какъ велико было тогда число приносимыхъ въ Петровскіе воспитательные дома безпріютныхъ дѣтей, какіе способы употреблялись для ихъ выкармливанія, какая была между ними смертность и какъ велики были расходы государственной и общественной казны на призрѣніе и воспитаніе этихъ дѣтей,—все это для насъ останется неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ открыты въ какомъ-нибудь архивѣ письменные документы, относящіеся къ этому дѣлу.

Екатерининскій періодъ воспитательныхъ домовъ оставилъ по

Digitized by Google

себѣ довольно богатую литературу. Изъ нея мы безъ труда узнаемъ, какъ постепенно на гуманныя мечты Екатерины налегала тяжелая рука суровой дѣйствительности, и какіе печальные результаты принесли самые человѣколюбивые и, повидимому, самые разумные планы и проекты.

Приносъ дѣтей въ воспитательные дома, поощряемый разными приманками, привилегіями и даже денежными преміями, началъ быстро возростать. Съ нимъ вмѣстѣ началъ возростать недостатокъ въ кормилицахъ, увеличиваться тѣснота и духота въ грудныхъ отдѣленіяхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ непомѣрно возростать и смертность. Екатерина Великая и Бецкій съ ужасомъ увидѣли, что они, желая спасти дѣтей отъ подкидыванія, забрасыванія и умерщвленія ихъ собственными матерями, подвергаютъ ихъ еще большему риску смерти въ устроенныхъ ими воспитательныхъ домахъ. Тогда начали развозить дѣтей по деревнямъ; но смерть, значительно ослабѣвъ въ самихъ воспитательныхъ домахъ, послѣдовала за дѣтьми въ деревни.

Не въ однихъ столичныхъ домахъ происходили такія печальныя явленія. И въ провинціи разнаго рода и вида пріюты, устроенные по образцу столичныхъ домовъ для призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, давали тѣ же самые результаты.

Такъ шло дѣло до императрицы Маріи Ѳедоровны. Заботясь объ участи безпріютныхъ дѣтей, она всегда скорбѣла о страшной смертности ихъ, приписывала ее и тѣснотѣ помѣщеній, и равнодушію служащихъ, и употребляла всѣ мѣры для уврачеванія этихъ золъ. Но, наконецъ, и она принуждена была придти къ убѣжденію, что въ этомъ дѣлѣ виновата не столько администрація воспитательныхъ домовъ, сколько цѣлая система, принятая для призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, основанная на неправильныхъ началахъ.

Вслѣдствіе того императрица Марія Ѳедоровна уже въ 1805 году сдѣлала попытку привлечь самихъ матерей къ вскармливанію приносимыхъ ими дѣтей, предлагая имъ при этомъ денежное пособіе отъ воспитательнаго дома. Этимъ средствомъ она предполагала достигнуть сразу двухъ цѣлей: уменьшить приносъ дѣтей въ воспитательный домъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ смертность. Еслибы эта попытка была сдѣлана при самомъ устройствѣ воспитательныхъ домовъ, и притомъ на правильныхъ основаніяхъ, то, по всей вѣроятности, вся ихъ исторія не поражала бы такимъ зловѣщимъ характеромъ. Но попытка 1805 года, какъ видно, не была обдумана со всѣхъ сторонъ. Не требуя открытаго дознанія о положеніи, въ которомъ находятся родители ребенка,

Digitized by Google

она привлекла массу желающихъ воспитывать своихъ дѣтей на казенный счетъ, притомъ въ продолженіе цѣлыхъ семи лѣтъ. Потребовалась масса расходовъ, и мѣра—сама по себѣ превосходная—была отмѣнена.

Эту попытку начали возобновлять въ настоящее время. Мы видѣли выше результаты ея въ таблицахъ смертности, и можно думать, что если она будетъ разумно продолжаться и сопровождаться выдачей матерямъ, желающимъ вскармливать своихъ дѣтей у себя на дому, денежныхъ пособій, то она принесетъ дѣйствительно наилучшіе релультаты. Конечно, могутъ быть и при этомъ злоупотребленія и обманы; но все это можетъ быть предусмотрѣно и предупреждено или, по крайней мѣрѣ, своевременно исправлено. Остается пока несомнѣннымъ то, что самая мѐньшая смертность дѣтей наблюдается именно при вскармливаніи дѣтей самими матерями [1]).

Въ 1810 году была сдѣлана попытка измѣнить еще одно изъ главныхъ прежнихъ основаній, именно тайный пріемъ всѣхъ приносимыхъ дѣтей. Вмѣсто того установленъ, какъ мы видѣли, явный пріемъ только такихъ дѣтей, которыя дѣйствительно нуждались въ общественномъ призрѣніи и воспитаніи.

Явный пріемъ значительно уменьшилъ число приносимыхъ дѣтей въ ближайшіе годы. Какіе бы онъ имѣлъ результаты впослѣдствіи, трудно что-нибудь сказать. Эта мѣра могла бы дать прочные и хорошіе результаты только тогда, когда бы она была принята при самомъ основаніи воспитательныхъ домовъ. Поправлять зданіе, устроенное на неправильномъ основаніи, гораздо труднѣе, чѣмъ устраивать вновь. Народъ представляетъ изъ себя въ огромномъ большинствѣ крайне косную массу, къ которой чрезвычайно трудно прививаются всѣ нововведенія. Къ чему онъ привыкъ, тому онъ слѣпо слѣдуетъ, не смотря на всѣ разъясненія, убѣжденія и даже стѣсненія. Самое разумное нововведеніе долго будутъ стараться всячески обходить, а при невозможности поднимать всеобщій ропотъ. Въ послѣднее время, именно въ 1878 году, былъ сдѣланъ опытъ замѣны тайнаго пріема дѣтей явнымъ въ Варшавѣ. Число приносимыхъ дѣтей дѣйствительно быстро уменьшилось на двѣ трети. Приносили болѣе 3.000 дѣтей, а чрезъ годъ приносъ понизился до 1.000 дѣтей съ небольшимъ. Уже начали считать принятую мѣру чуть не великимъ открытіемъ и сдѣланный опытъ блестящимъ, но вотъ постепенно, годъ

[1]) Во Франціи у матерей, получающихъ пособіе для своихъ незаконныхъ дѣтей, умираетъ 27%, а у насъ, какъ показалъ недавній опытъ, только 13%. Во Франціи законныхъ дѣтей умираетъ 17%, у насъ же—около 27%.

Digitized by Google

изъ году, начало число приносимыхъ дѣтей опять возростать, а тутъ еще совершенно неожиданно въ нынѣшнемъ году открылись страшныя дѣтоубійства. Общество, объятое ужасомъ, начало объяснять уменьшеніе приноса дѣтей въ воспитательный домъ массой дѣтоубійствъ, остающихся доселѣ неоткрытыми. Администрація не могла дать удовлетворительнаго объясненія, куда дѣвались цѣлыя двѣ тысячи дѣтей, которыхъ прежде приносили ежегодно въ воспитательный домъ. Увеличеніе же приноса въ послѣдніе годы администрація объясняетъ бо́льшею опытностью и ловкостью, пріобрѣтенною матерями въ обходѣ новыхъ правилъ и въ пріобрѣтеніи завѣдомо ложныхъ документовъ. Такой опытъ нельзя назвать блестящимъ.

Неизвѣстно, почему подобный опытъ, сдѣланный въ 1810 году въ с.-петербургскомъ воспитательномъ домѣ, продержался только съ небольшимъ четыре года. Можетъ быть, потому же, что тогда въ Петербургѣ, какъ и нынѣ въ Варшавѣ, начали представлять фальшивые документы, дающіе право на пріемъ, или, можетъ быть, обнаружились частые случаи дѣтоубійства.

Если такой опытъ будетъ теперь повторенъ въ столичныхъ воспитательныхъ домахъ, то въ принципѣ трудно сказать что-нибудь существенное противъ того; но какіе получатся при этомъ результаты въ обществѣ деморализованномъ—угадать чрезвычайно трудно. Надо думать, что эта мѣра хотя отчасти уменьшитъ приносъ дѣтей въ воспитательные дома. Самые свѣдущіе люди въ дѣлѣ воспитательныхъ домовъ говорятъ, что этой мѣрой въ наилучшемъ случаѣ, можетъ быть, удастся уменьшить приносъ дѣтей на одну треть. И это было бы дѣйствительно блестящимъ результатомъ.

О децентрализаціи, къ которой теперь стремятся, мы уже говорили и считаемъ ее совершенно необходимою. Надо возвратиться къ временамъ Петра и возложить устройство воспитательныхъ домовъ для безпріютныхъ дѣтей на городскія и сельскія общества. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію и спору. Но вотъ въ чемъ дѣло. Если будетъ введенъ и явный пріемъ дѣтей во всѣ воспитательные дома, и они будутъ устроены во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только найдено будетъ нужнымъ,—но способы вскармливанія дѣтей останутся тѣ же, что и теперь, т.-е. наемныя кормилицы, принимаемыя прямо съ улицы въ грудныя отдѣленія, и если останется та же развозка дѣтей по деревнямъ для отдачи ихъ на воспитаніе нищимъ, грязнымъ и грубымъ деревенскимъ бабамъ, дѣлающимъ изъ этого промыселъ,—то едва-ли уменьшится хоть одна капля изъ того зла, которое существуетъ теперь. Питомцы воспитатель-

Digitized by Google

ныхъ домовъ, дурно содержимые и питаемые, будутъ умирать попрежнему, равно какъ и собственныя дѣти деревенскихъ бабъ, лишаемыя матерями надлежащаго ухода и питанія изъ-за этихъ питомцевъ. Является необходимость при задуманной реформѣ кореннымъ образомъ измѣнить самые способы вскармливанія дѣтей и ухода за ними.

Въ два столичныхъ дома приносится ежегодно около 27.000 дѣтей. Гдѣ взять помѣщеніе для такой массы дѣтей, и гдѣ нужное для нихъ число кормилицъ? По-неволѣ приходится ихъ разсылать по деревнямъ—и даже прежде, чѣмъ они окрѣпнутъ, именно не позже 6 недѣль. Иначе негдѣ было бы ихъ помѣщать и нечѣмъ кормить.

Въ грудныхъ отдѣленіяхъ, какъ мы видѣли, смертность въ рѣдкіе годы бываетъ чрезмѣрной, именно только тогда, когда есть сильный недостатокъ въ кормилицахъ, но въ деревняхъ она всегда представляетъ огромный процентъ. Администрація все это очень хорошо знаетъ. Она очень хорошо понимаетъ, что, отправляя въ деревни двухмѣсячныхъ дѣтей, она обрекаетъ ихъ, особенно въ холодное время года, почти на вѣрную смерть. Но что же ей дѣлать? И кормить нечѣмъ, и помѣщать ихъ негдѣ.

Намъ скажутъ: отчего же бы не испытать искусственнаго кормленія? Мы уже видѣли, что при самомъ открытіи воспитательныхъ домовъ Бецкій указывалъ въ своемъ „генеральномъ планѣ" невыгоды искусственнаго кормленія въ Англіи и Франціи и, слѣдовательно, имѣлъ въ виду для дѣтей кормилицъ. Но горькая дѣйствительность и тутъ охладила его филантропическія мечты. Когда начали нуждаться въ кормилицахъ и началась страшная смертность дѣтей, въ первые же годы въ воспитательныхъ домахъ начали прибѣгать къ искусственному кормленію, и эти опыты производились неоднократно и въ московскомъ, и въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ. При этомъ замѣчено слѣдующее. Всякій небольшой опытъ въ московскомъ воспитательномъ домѣ давалъ очень хорошіе результаты, вѣроятно потому, что онъ производился тщательно при неослабномъ наблюденіи, и, можетъ быть, кормленіе сообразовалось съ индивидуальными свойствами дѣтей. Питаніе дѣтей, какъ и воспитаніе, должно сообразоваться съ личными ихъ свойствами и особенностями. Казарменное однообразіе для нихъ не годится. Опытъ искусственнаго кормленія, производимый въ большомъ размѣрѣ для массы дѣтей, всегда сопровождался увеличеніемъ смертности, потому что не было ни тщательныхъ наблюденій, ни строгаго соблюденія всѣхъ необходимыхъ для успѣха

Digitized by Google

условій. Опыты, производившіеся въ петербургскомъ воспитательномъ домѣ, давали самые неудовлетворительные результаты. Искусственное вскармливаніе, сколько извѣстно, уже давно существуетъ во многихъ воспитательныхъ домахъ за границей. Воспользовались ли мы всѣми ихъ опытами? Кажется, не трудно было бы администраціи воспитательныхъ домовъ получить оттуда самыя полныя и подробныя свѣденія. Для этой цѣли даже можно было бы послать туда особыхъ людей для изученія этого дѣла на мѣстахъ. Недавно въ „Journal de St.-Pétersbourg" помѣщено было письмо изъ Брюсселя одного бельгійскаго врача, возмущеннаго смертностью нашихъ воспитательныхъ домовъ, объ искусственномъ вскармливаніи, которое онъ практикуетъ уже нѣсколько мѣсяцевъ съ большимъ успѣхомъ посредствомъ прибора, изобрѣтеннаго врачемъ мюнхенскаго воспитательнаго дома, докторомъ Зекслетомъ. Вѣдь такихъ приборовъ, конечно, немало и въ другихъ европейскихъ воспитательныхъ домахъ.

Можетъ быть, искусственное вскармливаніе нельзя было бы производить въ нынѣшнихъ воспитательныхъ домахъ при нынѣшнемъ ихъ помѣщеніи въ центрѣ столицъ и при настоящемъ ихъ чисто бюрократическомъ мужскомъ управленіи. Для этого, можетъ быть, необходимо было бы устроить особыя колоніи за городомъ въ здоровой и во всѣхъ отношеніяхъ удобной мѣстности и поручить все дѣло руководству, управленію и надзору образованныхъ и свѣдущихъ женщинъ. Необходимость этого опыта въ настоящее время признается весьма многими и въ обществѣ, и въ печати, и даже въ самой администраціи, завѣдующей воспитательными домами. Многіе высказываютъ мысль, что лучше всего было бы поручить это дѣло особой общинѣ сестеръ милосердія, учрежденной именно для призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ дѣтей, нынѣ приносимыхъ въ воспитательные дома. Заслуги нашихъ сестеръ милосердія такъ хорошо извѣстны цѣлой Россіи, что дѣйствительно безопаснѣе всего можно бы поручить именно имъ это новое дѣло истинно христіанскаго милосердія.

На первый разъ можно бы открыть одну колонію вблизи Петербурга, другую вблизи Москвы, каждую не болѣе какъ на 300 дѣтей, устроивъ для этого маленькіе деревянные домики. Въ каждомъ такомъ домикѣ могло бы помѣщаться не болѣе 20 дѣтей съ необходимымъ штатомъ прислуги и съ сестрой милосердія во главѣ. Эта колонія должна быть снабжена всѣмъ необходимымъ для вскармливанія дѣтей, начиная съ разнаго рода молочныхъ животныхъ и кончая нѣсколькими десятками корми-

Digitized by Google

лицъ, по крайней мѣрѣ на первое время жизни дѣтей, пока они привыкнутъ къ коровьему, козьему или ослиному молоку или какому-либо ихъ суррогату.

Еслибы опытъ искусственнаго вскармливанія дѣтей при посредствѣ заботливыхъ женщинъ, преданныхъ своему дѣлу, оказался удачнымъ, то весь роковой вопросъ о воспитаніи безпріютныхъ дѣтей рѣшился бы окончательно и не возбуждалъ бы болѣе никакихъ недоумѣній, пререканій и затрудненій. Тогда не нужно было бы разсылать дѣтей по деревнямъ почти на вѣрную смерть, и деньги, нынѣ употребляемыя на эту разсылку, пришлось бы употреблять на устройство колоній для искусственнаго вскармливанія дѣтей подъ надзоромъ сестеръ милосердія.

Еслибы, сверхъ ожиданія, эти опыты искусственнаго вскармливанія дѣтей даже на рукахъ заботливыхъ сестеръ милосердія оказались мало-успѣшными, то и тогда не слѣдовало бы ихъ оставлять. Дальнѣйшіе наблюденія и опыты могли бы улучшить способы вскармливанія. При этомъ совѣсть наша была бы покойна, что мы все сдѣлали для несчастныхъ дѣтей, что̀ только могли, ибо при искусственномъ кормленіи смертность не можетъ быть больше той, которая теперь существуетъ среди дѣтей, отданныхъ на вскормленіе деревенскихъ женщинъ, съ тою только разницею, что при этомъ необходимо должна уменьшиться смертность собственныхъ дѣтей этихъ матерей, промышляющихъ кормленіемъ чужихъ дѣтей.

Роль воспитательныхъ домовъ осталась бы при этомъ почти та же самая, что и теперь. Только они, принимая приносимыхъ дѣтей, послѣ извѣстнаго срока отправляли бы ихъ не по деревнямъ, на руки невѣжественныхъ, нищихъ и грязныхъ деревенскихъ кормилицъ, а въ колоніи, на руки попечительныхъ сестеръ милосердія. Если бы искусственное вскармливаніе могло быть съ успѣхомъ введено и въ самыхъ воспитательнымъ домахъ, то это было бы двойное пріобрѣтеніе. Тогда не нужно было бы держать цѣлыя сотни кормилицъ въ грудныхъ отдѣленіяхъ и взамѣнъ того можно бы дольше выдерживать дѣтей прежде отправленія ихъ въ колоніи, чтобы они могли достаточно окрѣпнуть и отправиться въ болѣе теплое время года. Дальнѣйшая судьба дѣтей, искусственно выкормленныхъ въ колоніяхъ, зависѣла бы отъ администраціи воспитательныхъ домовъ. Въ колоніяхъ можно бы ихъ выдерживать, по крайней мѣрѣ, до трехъ лѣтъ подъ надзоромъ сестеръ милосердія, а затѣмъ или устраивать для нихъ особые пріюты, въ которыхъ бы они могли вырости, выучиться грамотѣ и какому-

Digitized by Google

нибудь ремеслу или рукодѣлью, и потомъ съ 14 лѣтъ поступить въ какія-нибудь мастерскія, или же съ 3 лѣтъ раздавать ихъ желающимъ принять ихъ на свое воспитаніе крестьянамъ, мѣщанамъ, купцамъ, чиновникамъ, дворянамъ, съ обязательствомъ дать имъ надлежащее воспитаніе и съ правомъ ихъ усыновлять и узаконять, т.-е. дѣлать членами своей семьи.

Нынѣ существующіе законы по отношенію къ этимъ дѣтямъ обращаютъ на себя вниманіе крайнею ихъ строгостью: 1) запрещается опредѣлять ихъ въ гражданскую службу съ присвоеніемъ права на полученіе классныхъ чиновъ, хотя бы они получили воспитаніе даже въ гимназіяхъ; по достиженіи 21 года, они должны приписаться къ городскимъ или сельскимъ обществамъ; 2) незаконныя дѣти, хотя бы и были воспитаны тѣми, которые именуются ихъ родителями, не имѣютъ права на законное послѣ отца и матери имущество; 3) незаконнорожденныя дѣти и воспитанники лицъ сословій привилегированныхъ усыновляются и узаконяются не иначе, какъ по особымъ Высочайшимъ указамъ, но прошенія объ этомъ оставляются безъ движенія (ст. 144, т. X, ч. I); 4) лицо, рожденное отъ недѣйствительнаго брака, хотя бы по Монаршей милости и былъ ему предоставленъ какой-либо удѣлъ въ родительскомъ имѣніи, не пріобрѣтаетъ чрезъ то правъ на наслѣдство послѣ другихъ родственниковъ; 5) ребенокъ, родившійся послѣ изнасилованія, растлѣнія несовершеннолѣтней или отъ обольщенной обѣщаніемъ на ней жениться, считается незаконнымъ, тогда какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ такія дѣти признаются законными и уменьшаютъ собой число оставляемыхъ родителями и приносимыхъ въ воспитательные дома; 6) усыновлять у насъ можно только чужихъ, а не своихъ дѣтей, внѣ брака рожденныхъ, тогда какъ въ другихъ странахъ всячески облегчается усыновленіе и узаконеніе этихъ дѣтей, чтобы способствовать образованію семейнаго союза и уменьшенію безпріютныхъ и оставляемыхъ своими родителями дѣтей, и предоставляется право наслѣдованія въ матернемъ имуществѣ даже и неусыновленнымъ дѣтямъ. Вообще нѣтъ нигдѣ такихъ строгихъ законовъ противъ внѣ брака рожденныхъ дѣтей, какъ у насъ. Прусское законодательство прямо говоритъ, что оно разрѣшаетъ узаконеніе незаконнорожденнаго съ цѣлью дать возможность къ большему его преуспѣянію въ гражданской жизни и снять съ него незаслуженный имъ упрекъ въ незаконности рожденія. Въ законодательствѣ прусскомъ, австрійскомъ, американскомъ, швейцарскомъ и даже въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ выражается ясно, что незаконность рожденія сама по

Digitized by Google

себѣ не имѣетъ никакого вліянія на общую правоспособность незаконнорожденнаго. Она никѣмъ не можетъ быть вмѣняема ему въ укоръ и не лишаетъ его права ни занимать общественныхъ должностей, ни быть принятымъ въ какое-либо сословіе (ст. 164 и 173 св. мѣстн. узак. губ. остз., ч. III зак. гражд., изд. 1874 г.).

Нѣкоторымъ смягченіемъ нашего законодательства о незаконнорожденныхъ были бы достигнуты обѣ цѣли призрѣнія и воспитанія безпріютныхъ и безродныхъ дѣтей: и христіанская, и государственная, которыя имѣли въ виду учредители нашихъ воспитательныхъ домовъ, Петръ I и Екатерина II.

А. И—овъ.

Digitized by Google

* *
*

Душистые цвѣты, краса весеннихъ дней,
Я посылаю васъ къ сестрѣ воздушныхъ фей...
Навѣйте на нее плѣнительныя грезы,
Храните для нея свой дивный ароматъ;
Не вяньте, милые! Зари румяной слезы
На вашихъ лепесткахъ алмазами горятъ.

Но не откройте ей, душистые цвѣты,
Поэта бѣднаго влюбленныя мечты;—
Тѣхъ словъ, что ввѣрить онъ стихамъ своимъ не смѣетъ,
Не говорите ей! Вы пропадете въ мигъ...
Она отброситъ васъ, и вѣтеръ васъ разсѣетъ...
Цвѣты душистые, не говорите ихъ!

Digitized by Google

* *
*

Скрывай отъ толпы и восторги, и муки!
Скрывай, что къ ея нечестивымъ богамъ
Не можешь съ мольбой ты протягивать руки
Предъ ложью, средь оргій, куря ѳиміамъ!

О, если, волнуясь, поймутъ лицемѣры,
Что ты презираешь ихъ жалкій синклитъ,
Что въ сердцѣ поэта источникомъ вѣры
Любовь путеводной звѣздою горитъ,—

Они надъ твоей наглумятся любовью;
Ты встрѣтишь измѣну, коварство, обманъ;
И сердце твое, обливаяся кровью,
Изноетъ отъ боли мучительныхъ ранъ...

Когда жъ ты до срока увянешь напрасно,
Все будутъ глумиться они надъ тобой
И скажутъ: „поэтъ былъ мечтатель опасный...
„Какъ смѣлъ онъ, безумецъ, бороться съ толпой!“

П. Козловъ.

Digitized by Google

КАЛИФОРНІЯ

и

УССУРІЙСКІЙ КРАЙ

За послѣднее полустолѣтіе въ бассейнѣ Тихаго океана господствуетъ небывалое и все возростающее оживленіе. Китай и Японія вышли изъ своего обособленнаго положенія; съ ними уже приходится считаться не только какъ съ потребителями иностранныхъ издѣлій, но и какъ съ политической силой. На западномъ побережьѣ возникли цвѣтущіе и дѣятельные американскіе и англійскіе торговые центры, а съ ними начались учащенныя сношенія между Америкой и Азіей.

Въ увеличенныхъ русскихъ владѣніяхъ бывшія пустыни стали также заселяться. Быстрое развитіе англійской колонизаціи въ Австраліи и разверстка Полинезіи, между морскими державами, окончательно втянули бассейнъ Тихаго океана въ область всемірной торговой и національной политики.

Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ недалекомъ будущемъ Тихій океанъ пріобрѣтетъ во всемірной исторіи не меньшее значеніе, чѣмъ имѣли до сихъ поръ Атлантическій океанъ и Средиземное море. Поэтому не безъинтересно будетъ разсмотрѣть, хотя бѣгло, при какихъ условіяхъ, съ какими пріемами и результатами ведутъ свое колонизаціонное дѣло американскій и русскій народы, которыхъ привело къ противоположнымъ берегамъ океана одно и то же „исканіе новыхъ земель“.

Digitized by Google

I.

Первыми піонерами христіанской культуры въ Калифорніи были францисканскіе монахи, прибывшіе изъ Испаніи въ 1763 году. Краснокожіе туземцы были чужды всякихъ понятій объ осѣдлой жизни; даже любимое занятіе прочихъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ—охота—было у нихъ въ пренебреженіи: ихъ главную пищу составляли дубовые жолуди и разныя дикія растенія. Поэтому францисканскимъ монахамъ пришлось, при самомъ основаніи ихъ миссіи, начать съ введенія въ Калифорніи посѣва маиса и бобовъ, вмѣстѣ съ посадкою виноградныхъ лозъ, оливковыхъ и перцовыхъ деревьевъ. Еще прибыльнѣе, по крайней мѣрѣ въ эти первые годы колонизаціи, оказалось скотоводство.

Дальше этого не шло экономическое развитіе Калифорніи, вплоть до присоединенія страны къ Соединеннымъ Штатамъ въ 1848 году, по окончаніи мексиканской войны.

При этомъ и случилось неожиданное событіе, которое выдвинуло далекую окраину на совершенно новый путь. Какой-то швейцарскій выходецъ, по имени Суттеръ (Sutter), еще съ 1844 г. поселился на побережьѣ великолѣпной, но еще пустынной бухты Санъ-Франциско [1]). Въ 1848 году онъ поручилъ такому же авантюристу, плотнику Маршаллу (Marschall), выстроить водяную мельницу; пришлось отводить бывшую здѣсь рѣчку, и при этомъ плотникъ наткнулся въ пескѣ на самородокъ золота. Слухъ объ этой находкѣ съ неимовѣрной быстротой облетѣлъ всѣ окрестности, а затѣмъ и весь свѣтъ,—и вскорѣ пустынный край оживился становищами золотоискателей.

Всѣмъ извѣстно, какъ со всѣхъ сторонъ, изъ Америки, изъ Европы и даже изъ Азіи, въ продолженіе многихъ лѣтъ, стекались на золотые пріиски (placers), цѣлыя тысячи предпріимчивыхъ искателей приключеній. Сами жители едва возникшаго Санъ-Франциско уходили на вновь открытыя розсыпи. Городъ опустѣлъ. Даже экипажи, не только коммерческихъ, но и военныхъ судовъ, бросали свои корабли и бѣжали на пріиски. Повсюду царила анархія: только-что сформировавшаяся полиція растерялась; хищничество и своеволіе бродягъ доходили до крайняго безобразія. Вдобавокъ, явилось около 13.000 китайцевъ, которые своей де-

---

[1]) Здѣсь существовала въ тѣ времена ничтожная деревушка, по имени „Buena Yerba“ (хорошая трава).

Digitized by Google

шевой работой, нравственной распущенностью и грязнымъ образомъ жизни увеличили общую неурядицу [1]).

Отсутствіе всякой законной сильной власти заставило, наконецъ, лучшую часть населенія прибѣгнуть къ самопомощи. Мѣры для возстановленія безопасности были приняты съ умѣніемъ и энергіей, свойственной однимъ американцамъ. Образовались многочисленные „комитеты бдительности" (vigilance committies), по распоряженію которыхъ главные преступники были схвачены и приговорены импровизированнымъ уголовнымъ судомъ къ немедленному повѣшенію. Законъ Линча подѣйствовалъ моментально. Порядокъ былъ возстановленъ, и грозные комитеты вскорѣ упразднились сами собой. Когда же, нѣкоторое время спустя, возникли-было новые безпорядки, то опять немедленно сформировались комитеты и дѣйствовали съ прежнимъ успѣхомъ.

Не успѣла еще улечься „золотая горячка" (gold fever), какъ въ 1859 году послѣдовало открытіе серебряныхъ рудъ въ Сіерра-Невадѣ, вошедшей впослѣдствіи въ составъ новой территоріи, а затѣмъ и штата Невады. Открытіе это положило начало новой эрѣ въ исторіи калифорнскаго горнозаводства. Богатство невадскихъ рудниковъ оказалось баснословнымъ. Одна изъ жилъ *Комстокъ* (Comstock Lode) [2]), въ первыя десять лѣтъ разработки, превзошла всѣ донынѣ извѣстные рудники Мексики (Гуана Хуато и Закатекасъ) и даже перуанское мѣсторожденіе Потози. По статистическимъ даннымъ, средняя ежегодная производительность самаго богатаго изъ этихъ рудниковъ—*Потози*—оцѣнивалась, приблизительно, въ 20 милліоновъ франковъ. Между тѣмъ рудникъ Комстокъ выручалъ ежегодно около 65 милліоновъ франковъ, въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ [3]). Однако слѣдуетъ прибавить, что добыча руды стала быстро и сильно уменьшаться, вслѣдствіе затруднительности работъ, при постоянно возростающей глубинѣ шахтъ и ихъ высокой температурѣ, почему дальнѣйшая прибыль, какую можетъ дать предпріятіе, уже является теперь довольно сомнительной.

Около этого же времени были еще открыты: къ югу отъ бухты Санъ-Франциско—значительный ртутный рудникъ *Новый Альмаденъ*, а въ другой мѣстности (Monte Diablo)—каменноугольныя залежи.

Вначалѣ промывка золотоносныхъ песковъ совершалась пер-

[1]) Численность китайцевъ въ 1882 году доходила болѣе, чѣмъ до 36.000 чел.

[2]) „Comstock"—имя одного изъ трехъ ирландцевъ, открывшихъ эту рудоносную жилу (lode).

[3]) *Varigny*—„Océan Pacifique", p. 356.

Digitized by Google

вобытнымъ способомъ, такъ что кропотливые китайцы собирали довольно много металла, даже по оставленіи работъ американцами и европейцами. Въ такихъ же условіяхъ находилась, въ первое время, разработка жильнаго серебра и золота. Впослѣдствіи, однако, введены были новѣйшія изобрѣтенія техники. По примѣру прежнихъ лѣтъ, новыя разработки рудъ привлекли, конечно, большія толпы всякаго народа. Среди скалистаго нагорья Невады, на которомъ расположены серебряные пріиски, возникъ цѣлый городъ Виргинія (Virginia city) съ 20.000 жителей. Дѣло обошлось гораздо спокойнѣе, чѣмъ во время „золотой горячки"; опытъ прежнихъ лѣтъ не пропалъ даромъ, да и приливъ рудоискателей въ Калифорніи сталъ замѣтно уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ истощались золотыя розсыпи (placers) и возростала слава новооткрытыхъ австралійскихъ пріисковъ.

Въ настоящее время уже несравненно рѣже возникаютъ слухи о новыхъ открытіяхъ, да и тѣ часто оказываются прямымъ надувательствомъ [1]). Горная промышленность стала все болѣе и болѣе утрачивать то первенствующее значеніе, которое она такъ долго имѣла въ хозяйствѣ Калифорніи.

Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія на первый планъ выступило сельское хозяйство. Съ самаго начала переселенія потребность въ продовольствіи для многихъ тысячъ неосѣдлыхъ людей, какими были первые пришельцы, на пріискѣ оказалась подавляющею. Бо́льшая часть жизненныхъ припасовъ доставлялась въ-три-дорога моремъ, кругомъ мыса Горна изъ атлантическихъ штатовъ Чили и даже изъ Европы. Правильнаго сухопутнаго сообщенія черезъ „преріи" [2]) и Скалистыя горы не было вовсе, а Панамская желѣзная дорога открылась только въ 60-хъ годахъ.

Цѣны на все сдѣлались чрезмѣрными, особенно на самыхъ пріискахъ, куда доставка изъ Санъ-Франциско была крайне за-

---

[1]) Одинъ изъ недавнихъ посѣтителей Калифорніи (Edmond Leuba) разсказываетъ слѣдующій анекдотъ, который даетъ понятіе объ изворотливости янки въ дѣлѣ наживы. Въ 1877 году вдругъ пронеслась молва объ открытіи въ Аризонѣ богатѣйшихъ залежей драгоцѣнныхъ камней, будто бы разработываемыхъ при ацтекскихъ царяхъ. Дѣло дошло до образованія компаніи, акціонеры которой предварительно убѣдились въ дѣйствительномъ существованіи камней, выславъ свѣдущихъ спеціалистовъ на мѣсто находки. Обѣщано было около 5 милліоновъ франковъ за полную разработку участка, при предварительной выдачѣ крупнаго задатка. Получивъ его, промышленники исчезли безслѣдно, а вскорѣ оказалось, что найденные на мѣстѣ пріиска камни были куплены въ Нью-Іоркѣ и Ливерпулѣ и подброшены передъ пріѣздомъ инженеровъ въ Аризону.

[2]) „Prairies", „savannas", „uanes", „pampas"—разныя названія однѣхъ и тѣхъ же степей, покрытыхъ злаками.

Digitized by Google

труднительна, вслѣдствіе бездорожья. Говорятъ, что платили тамъ по 2 и по 3 рубля за фунтъ муки, до 15 рублей за бутылку французскаго вина и т. п. Конечно, такія условія могли держаться только до тѣхъ поръ, пока продолжалась „золотая горячка", когда еще встрѣчались счастливцы, намывавшіе въ сутки до 1.000 или 2.000 франковъ золота. Съ упадкомъ горнаго дѣла калифорнцы по-неволѣ обратились къ воздѣлыванію плодородной почвы ихъ страны и принялись за разныя отрасли сельскаго хозяйства съ обычной энергіей и успѣхомъ. Дѣвственная почва прекрасныхъ долинъ: Сакраменто, Санта-Клара и Санъ-Джоакинъ—стала быстро покрываться роскошными всходами и жатвами. Не одно хлѣбопашество, но и садоводство, огородничество и винодѣліе—все это начатое не раньше 1852 года—въ нѣсколько лѣтъ не только вполнѣ обезпечили продовольствіе населенія, но и сдѣлались предметомъ обильнаго вывоза.

Цензъ 1880 года опредѣляетъ населеніе всей Калифорніи въ 864.694, а Санъ-Франциско—въ 234.000 чел. [1]), всю же поверхность штата—въ 40 милліоновъ гектаровъ (гектаръ немногимъ меньше десятины), изъ которыхъ слишкомъ $6^1/_2$ милліоновъ обработаны. Изъ трудовъ правительственной геологической съемки [2]) явствуетъ, что двѣ пятыхъ всей поверхности состоятъ изъ неудобной земли. На удобныя земли приходится, слѣдовательно, около 24 милліоновъ гектаровъ, изъ которыхъ уже болѣе 25 процентовъ подлежатъ обработкѣ. Изъ хлѣбныхъ растеній, главнымъ образомъ, воздѣлывается пшеница; другіе же хлѣба засѣваются въ незначительномъ количествѣ, въ особенности рожь и гречиха.

Нѣмецкій спеціалистъ Г. Землеръ (H. Semler) опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ хлѣбное производство Калифорніи [3]):

Площадь засѣянныхъ гектаровъ земли въ 1880 г.:

Подъ пшеницей	1.117.600	гектаровъ.
„ маисомъ.	40.243	„
„ овсомъ	28.345	„
„ рожью	11.925	„
„ гречихой	460	„

Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ прошломъ году совокупная добыча золотыхъ пріисковъ оцѣнивалась *въ 72*

[1]) Census Bulletin, № 271. The population of the United States in 1880. Съ тѣхъ поръ населеніе, безъ сомнѣнія, значительно увеличилось.

[2]) Geological Survey of California.

[3]) *Heinrich Semler*: Die Veränderungen, welche der Mensch in der Flora Californien's bewirkthat (Petermann's Geographische Mittheilungen 1880, Band 34).

Digitized by Google

милліона марокъ, между тѣмъ какъ одна пшеница дала около *145 мил. марокъ*: 237 кораблей отвезли ее изъ Санъ-Франциско на всемірные рынки.

Садоводство привилось повсемѣстно: въ верхней и средней Калифорніи бываютъ прекрасные сборы яблоковъ, грушъ, персиковъ, абрикосовъ и вишенъ, между тѣмъ какъ въ южной Калифорніи преобладаетъ сборъ апельсиновъ, лимоновъ и фигъ. Разсадка оливковыхъ деревьевъ, неудачно начатая францисканскими монахами въ концѣ XVIII столѣтія, производится теперь съ успѣхомъ въ благодатномъ климатѣ бухты Санта-Барбара. Вообще въ настоящее время занято подъ садоводствомъ около 59.000 гектаровъ. Вышеупомянутый спеціалистъ Землеръ, отъ котораго заимствованы приведенныя нами данныя, опредѣляетъ урожай фруктовъ за 1886 годъ приблизительно въ 35 милліоновъ килограммовъ (килограммъ = 2,44 руск. фунта), изъ которыхъ слишкомъ 10 милліоновъ приходится на апельсины. „Разведеніе плодовыхъ деревьевъ,—по его словамъ,—дошло въ Калифорніи до высокой степени развитія". Но съ нѣкоторыхъ поръ появилось тамъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, множество зловредныхъ насѣкомыхъ.

Не менѣе замѣчательны успѣхи винодѣлія. Урожай 1886 г. оцѣнивается приблизительно въ 70 милліоновъ марокъ. Въ настоящее время американская лоза пріобрѣла даже особенное значеніе для Европы. Она, равно какъ и бо́льшая часть плодовыхъ деревьевъ, привезена изъ Стараго Свѣта, вѣроятно, все тѣми же францисканцами. Выродившись на новой почвѣ, она теперь отличается отъ европейской широко развѣтвляющимися корнями, которые даютъ растенію необыкновенную живучесть и сильный ростъ. Около половины нынѣшняго столѣтія были сдѣланы попытки пересадить ее во Францію, и тогда она наградила французскіе виноградники страшнымъ бичомъ—*филоксерами*, безвредными для самой американской лозы. Ужасныя опустошенія этого трудно истребляемаго насѣкомаго почти повсемѣстны. Только послѣ громадныхъ убытковъ и многолѣтней борьбы нѣкоторые винодѣлы надумались привить черенки со старыхъ французскихъ лозъ къ свѣженасаженнымъ американскимъ корнямъ. Успѣхъ оказался полный. Послѣдній обильный урожай 1888 года оправдалъ надежду на возрожденіе французскихъ виноградниковъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи количества плодовъ.

Скотоводство поставлено здѣсь изстари, какъ вообще во всемъ „дальнемъ Западѣ" (Far West) и въ Техасѣ, на широкую ногу. Въ особенности много разводится рогатаго скота и лоша-

Digitized by Google

дей, между тѣмъ какъ овцеводство, принявшее такіе размѣры въ Австраліи и въ Новой Зеландіи, не имѣетъ въ Калифорніи существеннаго значенія. Устройство обширныхъ степныхъ загоновъ (corrales) на открытомъ воздухѣ заимствовано отъ испанцевъ [1]). Даже названіе этого полудикаго хозяйства—„bancho"—вошло въ англійскій языкъ. Скотскіе падежи, столь частые и губительные въ Россіи, проявляются гораздо рѣже въ американскихъ гуртахъ. Присмотръ за скотомъ значительно строже, чѣмъ у насъ, какъ со стороны владѣльцевъ, такъ и со стороны властей. При этомъ прогонъ гуртовъ мало касается густо населенныхъ мѣстностей. Скотъ вообще, по возможности, направляется со своихъ пастбищъ на извѣстные ближайшіе торговые центры, куда онъ приходитъ еще неизнуренный и гдѣ устроены отличнѣйшія бойни.

Своеобразная обстановка, въ которой развивается американское скотоводство, выработала совсѣмъ особый типъ людей, извѣстный въ мѣстной рѣчи подъ названіемъ „cow-boys" (коровятники). Это самый разношерстный сбродъ выходцевъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и Европы, которые работаютъ на свой счетъ или по найму; между ними встрѣчаются иногда молодые „прогорѣвшіе" англичане изъ хорошихъ семействъ. Образъ жизни „cow boys" во многомъ напоминаетъ бытъ нашихъ казаковъ и киргизо-калмыцкихъ кочевниковъ—вообще весьма дикій и необузданный, но полный задора и удальства. Иные наживаютъ состоянія, но нерѣдко разоряются въ пухъ на азартной игрѣ и кутежахъ.

Торговый флотъ быстро развился въ Тихомъ океанѣ. Съ самаго начала онъ представлялъ собою существеннѣйшую необходимость для края, какъ почти единственное средство для подвоза колонистовъ и товаровъ. Впослѣдствіи, когда Калифорнія стала производить массу предметовъ вывоза, торговый флотъ нашелъ себѣ широкое поприще. Условія, въ которыя онъ былъ поставленъ, были какъ нельзя болѣе выгодны, вслѣдствіе того, что конкурренція европейскихъ морскихъ державъ была несравненно слабѣе, чѣмъ въ Атлантическомъ океанѣ. Здѣсь перевозная торговля, ускользнувшая изъ американскихъ рукъ, во время междоусобной войны, окончательно осталась за англичанами, французами и нѣмцами. Соединенные Штаты (отчасти благодаря неудачнымъ законодательнымъ мѣрамъ) не имѣютъ почти никакого парового флота дальняго плаванія. Совсѣмъ другое видимъ

[1]) Тѣ же пріемы гуртового хозяйства были введены ими въ аргентинскихъ пампасахъ (pampas) Южной Америки.

Digitized by Google

мы въ Тихомъ океанѣ. Американскій коммерческій флотъ захватилъ значительную часть торговли въ сѣверныхъ областяхъ Восточнаго океана, не исключая береговъ Китая, Японіи, Кореи и Сибири, и распространяетъ свои операціи даже за экваторъ, на острова Самоа, въ Новую Зеландію и въ Австралію. Почтовыя сношенія между названными странами и Санъ-Франциско, черезъ Сандвичевы острова—дѣло одного частнаго предпринимателя, Уэбба (Webb), открывшаго первую линію (Санъ-Франциско-Гонолулу) уже въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Американскія издѣлія даже проникаютъ иногда въ Забайкалье, вѣроятно черезъ Николаевскъ (на Амурѣ) или черезъ Владивостокъ [1]).

До конца 60-хъ годовъ во всемъ западѣ Соединенныхъ Штатовъ чувствовался полнѣйшій недостатокъ въ путяхъ сообщенія. Даже открытіе панамской желѣзной дороги, значительно ускорившее пассажирское движеніе изъ атлантическихъ портовъ въ тихо-океанскіе, еще далеко не соотвѣтствовало потребностямъ края. Коренная перемѣна произошла только съ открытіемъ „Union или Central Pacific Railway“ (тихо-океанской центральной желѣзной дороги) изъ Нью-Йорка, черезъ Чикаго въ Санъ-Франциско, въ 1869 году, семью годами раньше предъявленнаго срока. Слишкомъ 4.000 верстъ, раздѣляющія оба океана, проѣзжаются теперь со всѣми удобствами въ семеро сутокъ [2]). Съ этихъ поръ желѣзныя дороги возникали быстро одна за другой на всемъ пространствѣ „дальняго Запада“ [3]). Такъ напримѣръ, прибрежье Тихаго океана постепенно соединилось съ долиною Миссисипи и съ восточною сѣтью желѣзныхъ дорогъ тремя рельсовыми путями, изъ которыхъ два проходятъ по территоріи Калифорніи.

Сверхъ того, всѣ три линіи связаны поперечными дорогами, такъ что вся береговая полоса прорѣзана путями, какъ въ ширину, такъ и длину.

Такіе огромные матеріальные успѣхи свидѣтельствуютъ о духѣ предпріимчивости и культурности людей, ихъ осуществившихъ. Они завершаютъ длинный рядъ колонизаціонныхъ подвиговъ, со-

[1]) „George Kennan's Travels in Siberia“ (Century for May, 1889, p. 72).

[2]) Нелишнимъ будетъ напомнить русскимъ читателямъ, что, кромѣ этихъ трехъ собственно американскихъ желѣзно-дорожныхъ линій, недавно еще открыта четвертая *Канадская линія*, изъ Квебека въ Ванкуверѣ, на Тихомъ океанѣ. Она будетъ имѣть первостепенное значеніе, какъ для военныхъ, такъ и для торговыхъ предпріятій Англіи на дальнемъ Востокѣ.

[3]) Во время моего, слишкомъ трехлѣтняго, пребыванія въ обѣихъ Америкахъ, въ 80-хъ годахъ,—на путь изъ едва возникавшаго Чикаго къ Тихому океану требовалось около шести мѣсяцевъ.

Digitized by Google

вершонныхъ потомками и преемниками *пуританъ* (Puritan Pilgrims) [1]), приставшихъ въ 1620 году, на кораблѣ „Mayflower", къ берегамъ Новой Англіи, гдѣ устроился прочный базисъ для позднѣйшаго движенія на Западъ. Колонизаціонная работа вылилась въ формахъ грубыхъ, подчасъ даже безобразныхъ; но вслѣдъ за первымъ періодомъ захвата и хищнической эксплуатаціи природныхъ богатствъ страны наступило время болѣе законной, общественной дѣятельности. Церковь и школа составляли неизмѣнную принадлежность всякаго, хотя сколько-нибудь постояннаго, поселенія; онѣ даже находились во многихъ „mining camps", которые, во всякомъ случаѣ, представляли болѣе или менѣе временное сборище рудокоповъ. Съ развитіемъ же путей сообщенія и образованіемъ городовъ забота о религіозной и свѣтской культурѣ все болѣе и болѣе выдвигалась на первый планъ.

Въ 70-хъ годахъ въ Калифорніи уже существовало два университета, двадцать гимназій и семинарій, педагогическій институтъ и слишкомъ двѣ тысячи народныхъ школъ. Въ недавнее время, а именно въ 1888 году, на вершинѣ горы Гамильтонъ (Mount Hamilton), основана бывшимъ органистомъ Джемсомъ Ликъ (James Lick) астрономическая обсерваторія, въ которой установленъ одинъ изъ сильнѣйшихъ современныхъ рефракторовъ.

Любопытно, что всѣ упомянутыя сооруженія и общественныя учрежденія возникли по частному почину, безъ всякаго участія государственной власти. Въ этомъ отношеніи закваска, оставленная въ американскомъ народѣ его родоначальниками, пуританами, (въ особенности Уилльямомъ Тенномъ), сохранилась въ замѣчательной степени, не взирая на разнородность и многочисленность позднѣйшей европейской эмиграціи. Правда, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого неслыханнаго роста культуры и богатства является возникновеніе небывалой плутократіи, въ основаніи которой легли милліонныя состоянія *Astor*'овъ, *Vanderbitt*'овъ, *Mackay*'а, *Gould*'а и другихъ. Но успѣютъ ли развиться зародыши нравственнаго упадка, которые кроются въ новыхъ условіяхъ жизни?.. Не подорвутся ли силы такого живучаго народа, какъ американскій?.. Это вопросы далекаго будущаго. А пока Соединенные Штаты представляютъ грозную экономическую силу, съ которой приходится съ каждымъ годомъ считаться все болѣе и болѣе, въ особенности въ бассейнѣ Тихаго океана, гдѣ она открыто и съ успѣхомъ стремится внести свое вліяніе въ предѣлы другихъ прибрежныхъ государствъ.

---

[1]) *Bancroft*'s History of the Colonisation of the United States, vol. I, p. 308.

Digitized by Google

II.

Немногимъ раньше появленія пуританъ въ Новой Англіи (въ 1620 году), началось усиленное движеніе русскихъ казаковъ и промышленниковъ на Востокъ. Не прошло и шестидесяти лѣтъ со взятія Искера Ермакомъ, въ 1581 году, какъ уже появились русскіе люди на побережьѣ Тихаго океана. Смѣлые походы малыхъ отрядовъ Хабарова, Пояркова, Атласова и другихъ открыли имъ доступъ къ этой дальней окраинѣ Сибири. Позже, около половины XVIII столѣтія, вѣковое тяготѣніе русскаго народа къ Востоку возобновилось въ направленіи архипелага Алеутскихъ и Курильскихъ острововъ и сѣверо-американскаго материка [1]); оно безъ малаго проникло даже на близкое разстояніе отъ бухты Санъ-Франциско, въ мѣстности, называемой Бодегасъ, гдѣ былъ устроенъ русскій складъ мѣховъ.

Какъ по ту сторону Тихаго океана, такъ и здѣсь, первое появленіе европейцевъ ознаменовалось хищнической и, вмѣстѣ съ тѣмъ, поверхностной эксплуатаціей естественныхъ богатствъ страны и жестокимъ насиліемъ надъ дикими туземцами. Сначала дѣятельность русскихъ пришельцевъ ограничивалась сборомъ ясака, преимущественно пушнымъ товаромъ. Позднѣе, по пятамъ казаковъ и промышленниковъ, стали появляться крестьяне-земледѣльцы, а вслѣдъ за ними русское войско и администрація.

Первымъ вошелъ въ устье Амура казакъ Поярковъ. Выступивъ изъ Якутска въ 1642 году и поднявшись вверхъ по Ленѣ, онъ прошелъ, затѣмъ, по совершенно неизвѣстному краю, до подножія Станового хребта, гдѣ и зазимовалъ. Въ слѣдующемъ году онъ перевалилъ черезъ горы и, спустившись по Зеѣ до Амура, проплылъ по этой рѣкѣ до самаго ея устья. Оттуда онъ пустился въ открытыхъ лодкахъ, безъ компаса и безъ карты, по Охотскому морю и въ концѣ третьяго лѣта достигъ устья рѣки Уліи, гдѣ бѣдственное положеніе отряда заставило его перезимовать въ третій разъ. Наконецъ, въ 1646 году, Поярковъ вернулся въ Якутскъ, потерявъ половину людей отъ голода, болѣзней и столкновеній съ враждебными туземцами.

---

[1]) Вышедшая въ 1886 году замѣчательная книга американскаго коммиссара въ Ситкѣ и естествоиспытателя *Elliott*'а (An Arctic Province or Alaska and the Seal Islands) относится весьма сочувственно къ самобытной предпріимчивости и распорядительности Баранова, Шелихова, Прибылова и другихъ удалыхъ піонеровъ нашихъ, равно какъ и благотворному вліянію православнаго епископа Веніамина. См. также *Bancroft*'s History of Alaska.

Digitized by Google

Слухъ о вновь открытой странѣ быстро разнесся по всей Сибири и сталъ привлекать промышленниковъ и охотниковъ все въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ. „Дѣвственный край возбуждалъ корысть и промышленный инстинктъ". Забайкалье было занято русскими острожками и зимовьями; болѣе значительное укрѣпленіе основано въ Албазинѣ. Иные пробирались даже по рѣкамъ Сунгари и Уссури вглубь Манджуріи. Это неожиданное расширеніе русскаго владычества не могло не встревожить, только-что завладѣвшую китайскимъ престоломъ манджурскую династію. Приамурье считалось частью Манджуріи, хотя власть богдыхана, въ значительной степени, была только номинальная, а сѣверная граница его территоріи и вовсе не опредѣлена. Китайскія полчища два раза осаждали Албазинъ, въ 1675 и 87 гг., и послѣ упорнаго сопротивленія окончательно завладѣли имъ; при этомъ уведена была въ Пекинъ небольшая часть его защитниковъ.

Оффиціальное вмѣшательство русскаго правительства прекратило военныя дѣйствія и привело къ разграниченію обоюдныхъ владѣній. По нерчинскому договору 1689 года, весь Амурскій край былъ уступленъ Китаю. Съ тѣхъ поръ болѣе чѣмъ на полтора вѣка путь къ Восточному океану, по Амуру, былъ оффиціально закрытъ для Россіи. Это однако не мѣшало забайкальцамъ продолжать свои похожденія, помимо властей. Тѣмъ не менѣе, установленныя нерчинскимъ договоромъ отношенія между обѣими сосѣдними имперіями не измѣнялись, въ главныхъ чертахъ, до самыхъ 50-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Императоръ Николай I, въ концѣ своего царствованія, обратилъ особенное вниманіе на забайкальскій край. Было снаряжено нѣсколько военно-ученыхъ экспедицій для точнаго опредѣленія пограничной черты. Главная экспедиція состоялась въ 1854 году, подъ личнымъ предводительствомъ генералъ-губернатора Восточной Сибири, Н. Н. Муравьева, который уже давно ратовалъ въ С.-Петербургѣ за необходимость поднять обаяніе Россіи въ этой части Азіи. Результатомъ похода было занятіе лѣваго берега Амура до самаго устья и основаніе въ этомъ мѣстѣ города Николаевска.

Внутреннія смуты Китая и ослабленіе его войнами съ Англіей и Франціей дали затѣмъ нашей дипломатіи возможность добиться выгодныхъ для Россіи договоровъ: айгунскаго (1858 г.) и пекинскаго (1860 г.). Къ Россіи отошелъ весь лѣвый берегъ Амура, а также прибрежная полоса Японскаго моря отъ устья Амура до границъ Кореи—*Уссурійскій край*. Заслуга этого послѣдняго, самаго важнаго пріобрѣтенія принадлежитъ всецѣло

Digitized by Google

тогдашнему посланнику при пекинскомъ дворѣ, генералъ-адъютанту Игнатьеву.

Уссурійскій край—терминъ чисто географическій. Онъ обнимаетъ всю принадлежащую Россіи часть бассейна Уссури, а также бассейны небольшихъ рѣкъ, впадающихъ непосредственно въ Японское море; въ административномъ отношеніи край этотъ соотвѣтствуетъ южной части Приморской области. Это широкая горно-лѣсистая полоса, которая врѣзывается между Манджуріей и Японскимъ моремъ и упирается южною оконечностью въ границу Кореи. Очертаніе береговой линіи весьма различное, подъ разными широтами. Бо́льшая (сѣверная) часть ея представляется, къ востоку, слабо выгнутою дугою, правильность которой прерывается тамъ и сямъ довольно значительными бухтами, какъ напримѣръ св. Ольги, св. Владиміра, Де-Кастри и пр. Южнѣе мыса Поворотнаго характеръ берега внезапно измѣняется: море вдается въ материкъ далеко на сѣверо-западъ и образуетъ громадный *заливъ Петра Великаго*, съ чрезвычайно извилистыми берегами и многочисленными островами. Заливъ этотъ сталъ извѣстенъ Европѣ только въ 1852 году, черезъ французскаго китолова, случайно прозимовавшаго въ бухтѣ Посьетъ. Гидрографическія съемки французскихъ, англійскихъ и въ особенности русскихъ военныхъ судовъ показали, что этотъ заливъ является собственно группой заливовъ, съ общею площадью въ 137.280 кв. миль. Кромѣ того, здѣсь шесть второстепенныхъ заливовъ, въ которыхъ насчитывается до двадцати бухтъ, годныхъ для стоянки судовъ [1]). По древнимъ китайскимъ источникамъ, берега были нѣкогда густо заселены земледѣльцами, но войны между китайцами и корейцами давно обезлюдили ихъ.

По направленію наибо́льшей длины Уссурійскаго края (приблизительно съ с. на югъ), простирается хребетъ Сихотэ-Алинь, который примыкаетъ къ остальнымъ вѣтвямъ Манджуро-Корейской горной системы, около потухшаго вулкана Пайшана, на манджуро-корейской границѣ. При высотѣ, примѣрно въ 3—4.000 футовъ, этотъ хребетъ образуетъ водораздѣлъ между бассейномъ Уссури и бассейнами береговыхъ рѣкъ. Обѣ половины края значительно разнятся по рельефу, климату и растительности. Въ бассейнѣ Уссури и озера Ханька мѣстность преимущественно равнинная, степная и луговая, съ сравнительно сухимъ климатомъ нашихъ среднихъ приволжскихъ губерній; и только западный

---

[1]) См. ст. кап. 1-го ранга *Клыкова*. Морской Сборникъ, ноябрь, 1871 г., стр. 3 и 5.

Digitized by Google

склонъ Сихотэ-Алинь и его отроги покрыты дремучими лѣсами. Въ пребрежной полосѣ, почти исключительно гористо-лѣсистой, вліяніе холоднаго теченія Японскаго моря сильно понижаетъ температуру. Туманы здѣсь чаще, нежели въ Санъ-Франциско, а иногда набѣгаютъ и ураганы съ Тихаго океана. Вообще климатъ Уссурійскаго края не отличается тою мягкостью, которой можно было бы ожидать въ среднихъ широтахъ, при непосредственной близости моря,—и не такъ здоровъ, какъ климатъ Калифорніи. Здѣсь нѣтъ вовсе незамерзающихъ заливовъ. Остаются совершенно свободными отъ льда только небольшіе участки заливовъ Петра Великаго и Посьета; при этомъ, къ сожалѣнію, нашъ главный портъ—Владивостокъ, занимающій центръ залива Петра Великаго,—въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ далеко не свободенъ отъ льдовъ, хотя и *всѣ* бухты залива едва-ли могутъ считаться вполнѣ недоступными въ зимнее время [1]).

Несмотря на относительную суровость климата, обиліе и сила растительности удивительны; замѣчательно также рѣдкое сочетаніе сѣверныхъ и южныхъ растеній. То же оказывается и въ животномъ царствѣ. Такъ напримѣръ, рядомъ съ разнообразными типами сѣверныхъ деревьевъ, встрѣчается дикій виноградъ, а въ окрестностяхъ озера Ханька и рѣчки Сунгари существуетъ даже родственное тропической „Victoria Regia“ растеніе, а именно, *нелюмбія* (Nelumbium speciosum), съ дивными алыми цвѣтами [2]). Густошерстый уссурійскій тигръ, въ кровожадности не уступающій своему бенгальскому собрату, живетъ въ тѣхъ же торфянистыхъ тайгахъ, какъ сибирскій соболь и изюбрь.

Также ли разнообразны минеральныя богатства—пока еще трудно сказать. Мѣстами встрѣчаются остатки древнихъ китайскихъ и манджурскихъ раскопокъ, нѣкоторые признаки золотоноснаго песка и каменнаго угля, но о значительности залежей пока еще ничего достовѣрнаго неизвѣстно [3]). Между тѣмъ вопросъ о возможности добывать уголь въ самомъ краѣ имѣетъ, конечно, первостепенную важность для развитія промышленной и морской дѣятельности, такъ какъ отдаленность (около 1000 в.) сахалинскихъ угольныхъ копей и ничтожность мѣстнаго каботажа

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ, повидимому, выразился полковникъ *Надаровъ* въ своемъ недавнемъ сообщеніи въ географическомъ обществѣ, а также и корреспондентъ англійской „Pall Mall Gazette“ (24 january, 1889), въ спеціальномъ донесеніи изъ Владивостока (преимущественно объ его военномъ значеніи).

[2]) *Пржевальскій*: Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ, стр. 53 и 54.

[3]) Горный инженеръ *Боголюбскій*: Очеркъ Амурскаго края, южной части Приморской обл. и остр. Сахалина. 1876, стр. 16.

Digitized by Google

дѣлаютъ доставку оттуда топлива чрезвычайно медленной и затруднительной. Поэтому вдвойнѣ важны развѣдки, порученныя нынѣ правительствомъ геологу Иванову.

Кореннымъ населеніемъ Уссурійскаго края можно считать развѣ только *гольдовъ* и *орочанъ* или *тазовъ*, принадлежащихъ къ семьѣ тунгузскихъ племенъ. Эти полукочевники, находясь на весьма низкой ступени образованности, вполнѣ подвластны пришлымъ китайцамъ, которые ихъ запутали въ неоплатные долги. Только сближеніе ихъ съ русскими, посредствомъ наемныхъ работъ, какъ, напримѣръ, рубки лѣсныхъ просѣкъ и т. п., могло бы до извѣстной степени освободить ихъ отъ этого гнета. Прискорбно видѣть и въ такой средѣ ничтожество нашего духовнаго вліянія. Миссіонеры наши отсутствуютъ [1]), хотя имъ здѣсь открыто широкое поприще дѣятельности—для распространенія христіанства,—несравненно болѣе плодотворной, чѣмъ въ Абиссиніи.

Едва-ли можно назвать вполнѣ осѣдлымъ населеніемъ разбросанныхъ по сѣверному и южному Уссурійскому краю китайцевъ, или такъ-называемыхъ *маньзовъ*. Земледѣліемъ они занимаются только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно на берегахъ залива Петра Великаго, но зато „съ замѣчательнымъ трудолюбіемъ и искусствомъ, достойнымъ подражанія“ [2]), они выбираютъ болѣе возвышенныя площади для посѣвовъ, которые производятся грядами, чтобы ускорить обсыханіе почвы. Но вообще это своего рода промышленники, которые, эксплуатируя безпощадно туземцевъ, собираютъ для продажи морскую капусту, грибы, мѣха и разные мелкіе продукты [3]). По свидѣтельству полковника Надарова, маньзовъ въ настоящее время насчитывается всего около 9.000 душъ. Хотя они приходятъ изъ Манджуріи, но между ними едва-ли найдутся кровные манджуры, которыхъ нынѣ не болѣе одного милліона изъ болѣе чѣмъ 20-ти-милліоннаго населенія. Бо́льшая часть нынѣшнихъ жителей—китайцы, которые замѣнили коренное населеніе, выселенное въ собственный Китай для поддержанія власти манджурской династіи [4]). Эти пришельцы все люди безсемейные, такъ какъ китайскія власти задерживаютъ

---

[1]) *Пржевальскій*, loco cit., стр. 295 и 296.—Также *Надаровъ*, Сѣверо-уссурійскій край, въ Зап. Геогр. Об., т. XVII, № 1, стр. 124—125.

[2]) *Клыковъ*: Морской Сборникъ, 1871, ноябрь, стр. 34.—Также *Пржевальскій*: loco cit, стр. 79.

[3]) Морская капуста служитъ пищей для бѣднаго люда въ Китаѣ. Торговля ею весьма значительна, но она вся въ рукахъ маньзовъ.

[4]) *James*: The long White Mountain, or Journey in Manchuria, 1888, стр. 107—108.

Digitized by Google

семейства эмигрантовъ въ томъ разсчетѣ, чтобы принудить послѣднихъ къ возвращенію на родину. Поэтому китаецъ на чужбинѣ никогда не дѣлается вполнѣ осѣдлымъ, онъ не ассимилируется, а остается вѣчно въ обособленномъ и враждебномъ отношеніи къ русскому населенію. То же явленіе замѣчается, какъ извѣстно, въ Калифорніи, Австраліи и въ другихъ европейскихъ колоніяхъ. Чувствуя, хотя и косвенно, власть китайской администраціи, онъ чуждается сношеній съ русской, открыто не признаетъ ее и уклоняется отъ исполненія ея требованій. Это враждебное отношеніе обратилось въ открытое сопротивленіе: вооруженныя китайскія банды, состоявшія, въ значительной степени, изъ бѣглыхъ ссыльныхъ, совершали повсемѣстные разбои и даже, по временамъ, дѣлали попытки завладѣть нѣкоторыми пунктами нашей территоріи. Дошло до серьезныхъ столкновеній, какъ, напримѣръ, въ 1868 году, когда русскимъ войскамъ пришлось силою выбивать нѣсколько сотъ китайцевъ изъ острова Аскольда, въ самомъ заливѣ Петра Великаго. Борьба съ этими разбойниками („хунхузами") продолжалась нѣсколько лѣтъ; ей положили конецъ только крутыя мѣры военныхъ властей и усиленный приливъ въ край русскихъ земледѣльцевъ.

Болѣе спокойнымъ элементомъ являются корейцы. Господствующая на ихъ родинѣ хроническая анархія неоднократно побуждала ихъ перебираться цѣлыми партіями въ русскіе предѣлы, гдѣ имъ, до послѣдняго времени, не препятствовали селиться. Вслѣдствіе этого, вскорѣ послѣ присоединенія края къ Россіи, на заливѣ Посьетъ возникли три корейскія деревни. Теперь, насколько извѣстно, переходъ нашей границы вообще сильно затрудненъ. Общее число корейцевъ, какъ полагаетъ Надаровъ, доходитъ у насъ отъ 9 до 10.000 душъ. Живутъ они мирно, повинуются мѣстнымъ властямъ, но хозяева они жалкіе—неимовѣрно грязны и апатичны и не умѣютъ обработывать землю, какъ китайцы. Впрочемъ скотъ ихъ недуренъ, въ особенности рабочіе волы.

Такимъ образомъ, ни въ туземцахъ, ни въ пришломъ азіатскомъ населеніи нельзя искать надежныхъ элементовъ для образованія земледѣльческаго и ремесленнаго класса, при помощи котораго можно было бы, до окончательнаго обрусенія края, извлекать хотя частицу его естественныхъ богатствъ. Вся надежда, исключительно, возлагается на переселенцевъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. Спрашивается, какъ и откуда идутъ эти колонисты? въ какой степени—ихъ численность и не только земледѣльческія, но и техническія способности могутъ оправдать увѣ-

Digitized by Google

ренность въ скоромъ обрусеніи и преуспѣяніи края? Имѣются ли также въ виду личности, способныя образовать частные капиталы и коммерческія предпріятія?.. Конечно, примѣры Калифорніи и такихъ почтенныхъ мѣстныхъ гражданъ, какъ гг. Сибиряковы, довольно внушительны; но во всякомъ случаѣ одной казнѣ не подъ силу платить безконечныя субсидіи за всякое новое предпріятіе въ совершенно дикой странѣ. Кромѣ того, подобнаго рода протекціонизмъ скорѣе порождаетъ лѣнь и безпечность, нежели самодѣятельность. Для поощренія этой послѣдней несравненно цѣлесообразнѣе устраненіе стѣснительныхъ формальностей и убыточныхъ проволочекъ, такъ часто тормазящихъ ходъ гражданской жизни.

До послѣдняго времени русское владычество едва-ли выражалось въ чемъ-либо иномъ, какъ въ военно-административномъ занятіи страны. Русское населеніе почти отсутствовало, а привести его издали было болѣе чѣмъ затруднительно. Малонаселенная Сибирь не могла выслать на новыя мѣста достаточное число трудолюбивыхъ работниковъ; на дальній Востокъ шли исключительно ссыльные поселенцы и бродяги, которые могли только разносить повсюду заразу лѣни, гнуснѣйшихъ пороковъ и преступленій. Впрочемъ слабая попытка колонизаціи была сдѣлана еще при Муравьевѣ, вслѣдъ за присоединеніемъ Приамурья. Но, къ сожалѣнію, взялись за дѣло самымъ неудачнымъ, чисто-бюрократическимъ образомъ, и при этомъ съ лихорадочною поспѣшностью, безъ разбора матеріала, изъ котораго предполагалось организовать новое населеніе. Вдоль р. Уссури были выселены такъ-называемые забайкальскіе казаки, не имѣвшіе и понятія о своемъ импровизированномъ назначеніи. „Эти люди, носящіе удалое званіе только по преданію“ [1]), были заброшены туда безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, земли имъ отводились по благоусмотрѣнію чиновниковъ, неопытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и мало знакомыхъ съ краемъ. „Одной административной самоувѣренности,—замѣчаетъ весьма справедливо г. Ядринцевъ [2]),—не дано творить жизнь и культуру“. Многія станицы оказались нездоровыми, даже помимо неблагопріятнаго, самого по себѣ, уссурійскаго климата.

Вслѣдствіе этого экономическое положеніе казаковъ вскорѣ оказалось бѣдственнымъ: начались настоящія голодовки, а обязательная почтовая гонка еще больше увеличивала нищету посе-

---

[1]) *Максимовъ*: Сибирь и каторга, ч. II, стр. 52.

[2]) *Ядринцевъ*: Сибирь, какъ колонія, стр. 156.

Digitized by Google

ленцевъ. Другіе выбрались бы изъ такихъ затрудненій, но забайкальцы, по приказу переформированные изъ крестьянъ въ казаки, въ значительной степени утратили упорное трудолюбіе и опытность, свойственныя людямъ прежняго ихъ званія. Къ довершенію полной ихъ деморализаціи, между ними поселены были еще штрафованные солдаты и ссыльные. Подъ такимъ вліяніемъ лѣнь и преступленія сдѣлались повальными, и въ результатѣ правительству пришлось дѣлать большія затраты, чтобы поддержать дальнѣйшее существованіе казачьихъ поселеній [1]).

Такимъ образомъ, колонизація изъ Сибири также оказалась безусловно неудачною. Усиленіе же русскаго элемента становилось изъ году въ годъ болѣе необходимымъ въ виду враждебнаго расположенія китайскаго населенія, а также усложненій во внѣшней политикѣ, возникавшихъ въ 1878, 1880 и 1885 годахъ. Защита дальней окраины серьезно затруднялась отсутствіемъ надежнаго населенія. И вотъ, въ 80-хъ годахъ начинается систематическая перевозка моремъ, изъ Одессы въ Владивостокъ, добровольныхъ переселенцевъ, преимущественно крестьянъ изъ южныхъ губерній. Сначала перевозка производилась совсѣмъ на казенный счетъ, но теперь, какъ слышно, переселенцы совершаютъ путешествія на собственныя средства. Къ сожалѣнію, въ печать не проникаетъ никакихъ *достовѣрныхъ* и *обстоятельныхъ* данныхъ о пріемахъ и условіяхъ при водвореніи поселенцевъ на новыхъ мѣстахъ, а также о развитіи новыхъ хозяйствъ, не говоря уже о статистикѣ. [2]). Вообще литература наша крайне скудна свѣденіями въ отношеніи жизни нашихъ восточныхъ окраинъ, такъ что учрежденіе въ самомъ Владивостокѣ „Общества для изученія Амурскаго края“ (уставъ котораго напечатанъ въ 1887 г.) представляетъ крайне утѣшительное явленіе. Пока одно кажется несомнѣннымъ: это то, что русское населеніе стало рѣшительно преобладающимъ въ краѣ. По послѣднимъ свѣденіямъ, сообщеннымъ полковникомъ Надаровымъ (въ Геогр. Общ.), русскихъ насчитывается теперь не менѣе 35.000 душъ, между тѣмъ какъ корейцевъ и китайцевъ, вмѣстѣ взятыхъ, менѣе 20.000 душъ, а тунгузскихъ старожиловъ, приблизительно, около 9.000 душъ.

---

[1]) *Пржевальскій*: loco citato, стр. 28—32 и далѣе, стр. 280–288.

[2]) Любопытно было бы знать, есть ли между переселенцами изъ южныхъ губерній кустари конотопскаго уѣзда, черниговской губерніи, которые отличаются своей изворотливостью и искусной выдѣлкой земледѣльческихъ орудій. Эти люди были бы безцѣннымъ пріобрѣтеніемъ въ обработкѣ новыхъ земель и въ устройствѣ хозяйства.

Digitized by Google

Очевидно, что промышленность [1]) и торговля должны здѣсь совершенно отсутствовать или находиться въ зачаточномъ видѣ. Но тутъ прежде всего дѣло въ недостаткѣ настоящаго пониманія, а также необходимыхъ капиталовъ и предпріимчивости среди поселенцевъ. Умственная и нравственная несостоятельность первыхъ представителей русской торговли вызвала самую рѣзкую критику со стороны покойнаго Пржевальскаго, который познакомился съ ними въ 68 и 69 гг. [2]). Онъ считалъ ихъ мелкими торгашами, умѣющими только сбывать въ три-дорога товары самаго низкаго качества, присылаемые изъ Иркутска или Николаевска-на-Амурѣ, куда Гамбургъ и Шанхай отправляютъ свой негодный бракъ на иностранныхъ корабляхъ.

Прошло съ тѣхъ поръ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, но дѣятельнаго, честнаго и опытнаго коммерческаго класса все еще нѣтъ. Корреспондентъ англійской „Pall Mall Gazette“ (во 2-й статьѣ, стр. 5) свидѣтельствуетъ (въ октябрѣ 1888 года) о полномъ застоѣ дѣлъ во Владивостокѣ и о почти исключительномъ преобладаніи иностранцевъ въ мѣстной торговлѣ. Однако мы должны сказать, по справедливости, что въ русской торговлѣ все-таки начинаютъ обнаруживаться кое-какіе признаки оживленія. Если вѣрить газетамъ, то сталъ развиваться, пока еще очень скромный, мѣстный паровой флотъ, въ видѣ нѣсколькихъ пассажирско-грузовыхъ и китоловныхъ пароходовъ. Сообщенія же съ Россіей и привозъ переселенцевъ поддерживаются почти исключительно судами добровольнаго флота, а также, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, русскимъ „Обществомъ пароходства и торговли“. Вывозъ пока чрезвычайно малъ и находится не въ русскихъ рукахъ.

Между тѣмъ страна представляетъ не мало естественныхъ богатствъ, могущихъ и безъ помощи обрабатывающей ихъ промышленности сдѣлаться предметомъ выгодныхъ оборотовъ. Рѣки, напримѣръ, изобилуютъ рыбой. При бо́льшей предпріимчивости жителей и удешевленіи соли, здѣсь могла бы возникнуть доходная рыбная торговля. Затѣмъ лѣсной и звѣриный промыслы могли бы также достигнуть значительнаго развитія. Впрочемъ

---

[1]) Нѣкоторое значеніе имѣетъ въ Уссурійскомъ краѣ производство туземцами *ханшина*, или китайской водки, болѣе крѣпкой и дешевой, нежели русская водка (*Надаровъ*, loco cit., стр. 105).

[2]) *Пржевальскій*, loco cit., стр. 34—38. Считаемъ также необходимымъ упомянуть здѣсь о мнѣніи, высказанномъ въ 1882 году авторомъ соч.: *Сибирь, какъ колонія*, стр. 246—263, которое совпадаетъ съ вышеуказанною критикою Пржевальскаго, относительно общаго характера сибирскаго купечества, за исключеніемъ, разумѣется, нѣкоторыхъ рѣдкихъ личностей.

Digitized by Google

даже теперь охота за молодыми изюбрями приноситъ иногда крупныя деньги, такъ какъ китайцы высоко цѣнятъ мнимыя цѣлебныя качества молодыхъ оленьихъ роговъ (пантъ). Кромѣ того, предметомъ вывоза въ Китай служатъ нѣкоторыя растенія [1]), а именно, пресловутая морская капуста и *жень-шень* [2]). Капуста эта составляетъ по количеству самый важный вывозной продуктъ прибережья Японскаго моря, въ особенности залива Петра Великаго. Добываніе ея и доставка въ Китай производятся до сихъ поръ самими китайцами, которые являются нарочно за нею на своихъ *джонкахъ*. Крайне желательно было бы, чтобы вывозная торговля морской капустой перешла въ русскія руки; но у насъ нѣтъ для этого ни духа предпріимчивости, ни капиталовъ, ни каботажныхъ судовъ.

Отсутствіе русскаго каботажа на дальнемъ Востокѣ представляетъ явленіе весьма прискорбное, особенно въ виду того, что сравнительно недавно, во времена процвѣтанія русско-американской компаніи, русское судостроеніе и мелкій торговый флотъ на Тихомъ океанѣ достигали весьма почтенныхъ размѣровъ. Но все исчезло безслѣдно, съ продажею русской Америки, хотя занятіе устья Амура и даже присоединеніе Уссурійскаго края совершились еще до того времени, и казалось естественнымъ, чтобы торгово-морской элементъ перешелъ до извѣстной степени на новыя мѣста, такъ какъ этотъ вопросъ имѣетъ большую важность для развитія края. Безъ каботажнаго флота не разовьется прочно и флотъ дальняго плаванья, который будетъ брать своихъ шкиперовъ и экипажи исключительно изъ другихъ мѣстностей. Какія неудобства проистекаютъ изъ такого положенія дѣлъ—показало наглядно развитіе русскаго флота въ Черномъ морѣ. Конечно, Уссурійскій край находится въ весьма неблагопріятныхъ условіяхъ: еще немногочисленное русское населеніе состоитъ исключительно изъ небогатыхъ деньгами землепашцевъ, а привыкшаго къ морю населенія и въ Европейской Россіи такъ мало, что ослаблять его эмиграціей на Востокъ можно только въ самой незначительной степени. Поэтому никакъ нельзя ожидать скорой перемѣны въ нынѣшнемъ положеніи дѣла. Позволительно только желать, чтобы принимались приготовительныя мѣры для поощренія занятія судостроеніемъ и морскими промыслами. Основаніе навигаціоннаго училища во Владивостокѣ и въ особенности открытіе дешеваго государственнаго кредита на мѣстѣ (хотя бы по примѣру кре-

[1]) *Надаровъ*, loco cit., стр. 106.

[2]) *Жень-шень*—чрезвычайно рѣдкій и дорогой (до 1.500 р. метал.) корень дикаго растенія, имѣющаго особенно цѣлительныя свойства въ глазахъ китайцевъ.

Digitized by Google

стьянскихъ банковъ) могло бы тутъ принести несомнѣнную пользу. Безъ капитала въ новой странѣ ничего не подѣлаешь.

Въ какомъ состояніи находится народное образованіе въ Уссурійскомъ краѣ, сказать трудно, уже по одной скудости свѣдѣній, проникающихъ въ печать. Но такъ какъ русское населеніе, въ громадномъ большинствѣ, состоитъ здѣсь изъ крестьянъ, то можно предположить, что общій образовательный уровень крайне низокъ. Недавно напечатанное въ газетахъ извѣстіе о ходатайствѣ приамурскаго генералъ-губернатора относительно основанія начальныхъ школъ и реальныхъ училищъ служитъ намекомъ на неудовлетворительное состояніе начальнаго и средняго образованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно показываетъ, что мѣстная администрація уже обратила вниманіе на этотъ самый существенный изъ вопросовъ.

Таково въ общихъ чертахъ состояніе нашей, наиболѣе отдаленной, окраины, географическое положеніе которой несомнѣнно дастъ ей большое значеніе въ будущемъ развитіи торговой и международной политики Россіи. Въ настоящее время роль этой окраины почти исключительно военно-политическая, какъ крайній оплотъ государства на Востокѣ и точка опоры для возможныхъ военныхъ дѣйствій въ бассейнѣ Тихаго океана. Поэтому вниманіе русской администраціи и—въ не меньшей мѣрѣ—нашихъ сухопутныхъ и морскихъ сосѣдей обращено преимущественно на ту часть Приморской области, которая представляетъ наиболѣе выгодныя условія климатическія и топографическія для устройства военно-морского базиса на заливѣ Петра Великаго съ его центральнымъ портомъ, Владивостокомъ. Здѣсь въ послѣднее время стали возникать военные и морскіе склады, цѣлое, хотя и небольшое, адмиралтейство и т. д. подъ охраною довольно значительнаго гарнизона и защитою вновь строящихся сильныхъ укрѣпленій. Все это еще ново и не вполнѣ организовано, и если вѣрить свѣдѣніямъ изъ англійскаго источника [1]), то Владивостокъ располагалъ въ прошломъ 1888 году еще крайне слабыми средствами обороны. Но, повидимому, въ настоящее время идетъ дѣятельная работа по укрѣпленію городской бухты и Босфора восточнаго, такъ что завладѣніе ими въ ближайшемъ будущемъ представляется дѣломъ далеко не легкимъ [2]). Когда осуществится проектъ непрерывнаго желѣзно-дорожнаго сообщенія отъ Урала до Владивостока, только тогда положеніе Россіи на Тихомъ океанѣ

---

[1]) См. вышеприведенную статью въ Pall Mall Gazette.

[2]) Таково и мнѣніе корреспондента Pall Mall Gazette.

Digitized by Google

упрочится окончательно. Вмѣстѣ съ тѣмъ ускорится и облегчится заселеніе Приамурскаго края, безъ котораго и положеніе военныхъ учрежденій, вдали отъ центра имперіи, всегда останется шаткимъ.

Въ виду такой усиленной дѣятельности въ русскихъ предѣлахъ, не лишнимъ будетъ бросить мимоходомъ взглядъ на положеніе дѣлъ въ пограничныхъ съ нами частяхъ китайской имперіи, нашего ближайшаго сосѣда и вѣроятнаго противника. Мы располагаемъ въ этомъ отношеніи весьма драгоцѣнными данными, по ихъ новизнѣ и обстоятельности, которыя были собраны въ 1888 г. двумя англійскими чиновниками остъ-индійскаго гражданскаго и военнаго вѣдомства: *James* и *Younghusband* совмѣстно съ драгоманомъ *Fulford*'омъ [1]), въ теченіе восьмимѣсячнаго странствованія по Манджуріи. По ихъ словамъ, и здѣсь замѣтно стремленіе къ развитію мѣстныхъ военныхъ силъ, и попытки въ этомъ направленіи оказываются отчасти довольно успѣшными. Такъ, при посѣщеніи главнаго центра сѣверной Манджуріи, *Гирина* или *Керина*, англичане были поражены сооруженнымъ тамъ большимъ арсеналомъ и пороховымъ заводомъ съ европейскими приспособленіями и машинами новѣйшаго типа; работы производились исключительно китайцами, безъ помощи европейскихъ наставниковъ. Затѣмъ, по направленію къ нашей уссурійской границѣ, провозились кое-гдѣ *круповскія* орудія большого калибра (хотя иныя и безъ лафетовъ) но бездорожье въ высшей степени затрудняло и до невозможности затягивало перевозку. Далѣе, *Гиринъ* соединенъ телеграфомъ съ крайними китайскими постами на рѣкѣ Сунгари, между тѣмъ какъ новая линія устраивалась по направленію русско-корейской границы. Но зато англичанъ не разъ поражала полная неумѣлость войскъ обращаться съ усовершенствованнымъ оружіемъ, которымъ они снабжаются, „а ржавое магазинное ружье, замѣчаетъ Джемсъ (James), въ неумѣлыхъ рукахъ, почти такъ же безполезно, какъ лукъ и стрѣлы"... О прочихъ боевыхъ качествахъ пограничнаго войска (численность котораго будто бы доходила до 50.000 человѣкъ) онъ отзывается такимъ же нелестнымъ образомъ. Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе любопытенъ, что совершенно совпадаетъ съ тѣмъ мнѣніемъ о китайской военной силѣ, которое составилъ Пржевальскій, послѣ встрѣчи съ войсками Восточнаго Туркестана (Кашгара): „истиннаго понятія хотя бы элементарныхъ требованій военнаго дѣла,—говоритъ онъ,—здѣсь

---

[1]) The Long White Mountain or a Journey in Manchuria, published by *James* of Her Majesty's Bombay Civil Service. 1888.

Digitized by Google

нѣтъ рѣшительно ни у одного изъ офицеровъ. Въ результатѣ, изъ массы китайцевъ получается лишь нѣчто похожее на войско, но никакъ не армія, въ европейскомъ смыслѣ слова" [1]).

Трудно допустить, чтобы при такихъ недостаткахъ китайцы могли сдѣлаться особенно опасными противниками, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ. Любопытно также, что Джемсъ (James) какъ будто сомнѣвается и въ дальнѣйшемъ развитіи китайскаго могущества. „Китайцамъ, — говоритъ онъ,—трудно сплотиться въ одно цѣлое, потому что они другъ друга не понимаютъ, вслѣдствіе различія ихъ нарѣчій. Кромѣ того, пока они не съумѣютъ усвоить себѣ той дисциплины и той административной безпорочности, безъ которыхъ невозможно постичь европейскій образъ войны, побѣда не останется за ними" [2]). Очевидно, что, несмотря на нѣкоторые техническіе успѣхи послѣдняго времени, сила Китая по прежнему заключается преимущественно въ возможности располагать громадными массами людей, жизнь которыхъ ставится въ ничто. Но даже этимъ орудіемъ китайцы могутъ пользоваться только отчасти: малонаселенность сѣверной Манджуріи не допускаетъ здѣсь организаціи прочнаго базиса для большихъ войсковыхъ массъ. Тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ поэтому попытки китайскаго правительства упрочить свое положеніе на сѣверо-восточной границѣ, посредствомъ заселенія края. Это дѣло ведется въ большихъ размѣрахъ, и новое народонаселеніе возникаетъ какъ по р. Сунгари (приближаясь постепенно къ ея низовьямъ), такъ и въ плодородныхъ степяхъ между рѣкой Сунгари, ея лѣвымъ притокомъ Нони и приамурскими горами. Задача представляется для китайцевъ сравнительно нетрудною, такъ какъ въ средней части Манджуріи населеніе нерѣдкое; южная же густо обитаема. Городовъ не мало, и при всей ихъ безобразной запущенности они многолюдны, какъ, напримѣръ, *Мугденъ* (въ южной Манджуріи—имѣетъ, около 25.0000 жит.), *Гиринъ* (въ сѣверной Манджуріи—отъ 75 до 10.000 душъ [3]), которые являются дѣятельными торговыми центрами.

Въ этомъ быстромъ и систематическомъ возростаніи китайскаго населенія вблизи самой нашей границы, которая, вдобавокъ, совпадаетъ съ рѣками,—единственными пока внутренними путями сообщенія съ Россіей,—кроется несомнѣнная, хотя и не близкая еще опасность для нашей тихо-океанической окраины. Очень

[1]) *Пржевальскій*, см. его послѣднее путешествіе въ Центральную Азію. 1888, стр. 525.

[2]) *James*, loco cit., стр. 409.

[3]) Тамъ же.

Digitized by Google

вѣроятно, что китайцы, подстрекаемые своимъ самолюбіемъ и дружескими совѣтами Англіи, попытаются, какъ въ былое время, запрудить ее своими эмигрантами, которые бы мало-по-малу подготовили путь для китайскаго нашествія. Что такого рода опасенія не лишены основанія—показываютъ предупредительныя мѣры, принятыя въ послѣдніе годы приамурской администраціей для прекращенія *не-русскаго* переселенія. Въ виду этого нельзя не пожелать возможно быстраго усиленія переселенческаго движенія, не только моремъ, но и сухимъ путемъ. Скорое осуществленіе проекта желѣзной дороги отъ Урала до Владивостока было бы важнымъ залогомъ успѣха, тѣмъ болѣе, что врядъ-ли Китай скоро отрѣшится отъ своей антипатіи къ рельсовымъ путямъ. Между тѣмъ русскіе переселенцы, пользуясь двумя удобными паровыми путями, находились бы, по меньшей мѣрѣ, въ равныхъ условіяхъ съ китайцами, которымъ было бы хотя и ближе, но зато очень затруднительно пробираться въ пограничныя области.

Въ какой степени окажется осуществимой эта усиленная колонизація, нельзя, конечно, сказать заранѣе, даже приблизительно. На нее потребуются большія затраты матеріальныхъ и умственныхъ силъ, которыя подчасъ могутъ оказаться чрезмѣрными, въ виду громадныхъ жертвъ, и безъ того налагаемыхъ на государство его международными отношеніями, которыя составляютъ результатъ его географическаго положенія и исторіи. Россія не можетъ, подобно Америкѣ, пренебрегать организаціей государственной обороны, такъ какъ соприкасается съ народами западной Европы и принуждена—ради собственнаго дальнѣйшаго развитія—искать, а не избѣгать сношеній съ ними. Соединенные Штаты, напротивъ, совершенно обособленные окружающими ихъ океанами отъ сильныхъ сосѣдей, не нуждаются въ милліонныхъ арміяхъ и могутъ, вдобавокъ, позволять себѣ самую крайнюю децентрализацію въ управленіи, не рискуя цѣлостью государства. На такомъ привольѣ свободно развивается дѣятельность милліоновъ выходцевъ изъ самыхъ культурныхъ частей Европы, такъ что съ самаго начала своей исторіи американскій народъ соединяетъ свѣжесть молодой (при этомъ счастливо скрещенной расы) съ опытностью и увѣренностью въ собственныхъ силахъ старыхъ культурныхъ расъ. Ему не приходилось, какъ русскому народу, путемъ вѣковой истощающей борьбы, выбиваться изъ-подъ гнета азіатчины и усвоивать себѣ торопливо и часто безпорядочно культуру далеко ушедшихъ впередъ европейцевъ. Если прибавить ко всему этому необыкновенно счастливыя гидрографиче-

Digitized by Google

скія и климатическія условія, въ которыя поставлена Сѣверная Америка, въ видѣ болѣе благопріятнаго климата, густой сѣти судоходныхъ рѣкъ [1]), при этомъ окаймленная незамерзающими океанами съ богато развитой береговой линіей, и пр., не считая слишкомъ 225.000 верстъ желѣзныхъ дорогъ,—такимъ образомъ становится понятной та огромная разница въ общественномъ и экономическомъ развитіи, которая такъ ярко высказывается въ сравнительныхъ результатахъ русской и американской колонизаціи на Тихомъ океанѣ за одинаковый почти періодъ времени. Эти результаты уже теперь значительны и на многіе годы впередъ съуживаютъ рамки дѣятельности русскаго народа на дальнемъ Востокѣ. Едва ли не придется ему ограничиться обезпеченіемъ своего политическаго и экономическаго господства надъ занятыми имъ землями. И эта задача разрѣшится очевидно не такъ легко, какъ въ Америкѣ. При неизмѣняемости сравнительно неблагопріятныхъ физическихъ условій исполненіе задачи будетъ прежде всего зависѣть отъ высоты того экономическаго и умственнаго уровня, на который удастся подняться русскому населенію края въ недалекомъ будущемъ. Это будетъ имѣть рѣшающее вліяніе на судьбу русскаго дальняго Востока.

Платонъ Чихачевъ.

---

[1]) Пароходство на нихъ въ полномъ ходу на протяженіи слишкомъ 20.000 англ. миль (30.000 верстъ). См. Century за іюль 1889 года, стр. 355, Inland Navigation of the United States.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Ни о чемъ не мечтаю, и сердце мое такъ спокойно.
Расплываясь туманомъ, уходятъ тревожные сны
И повѣяло знойно
На меня ароматомъ весны.

Ужъ желанныя тучи надъ лѣсомъ ожившимъ нависли;
Животворно могучъ вешней бури мятежный порывъ;
Новой жизни и мысли
Ощущаю я въ сердцѣ приливъ.

Да! весеннихъ громовъ оглушающій шумъ не печаленъ:
Эти громы—въ душѣ разметаютъ отжившее въ прахъ,
А на грудѣ развалинъ
Новый храмъ вознесется. Въ цвѣтахъ,

Въ блескѣ яркихъ лучей голубого небеснаго свода,
Подъ немолчное пѣніе птицъ, что гремятъ по лѣсамъ—
И любовь, и свобода
Всепобѣдно войдутъ въ этотъ храмъ.

Digitized by Google

II.

Порою наше поколѣнье
И тѣмъ гордится, что оно
Сломило юности влеченье;
Что для него любви томленье
И недоступно, и смѣшно;
Что люди новаго закала
Не обольщаются мечтой;
Что смутный призракъ идеала
Не увлечетъ ихъ за собой...

Предметъ высокій для гордыни!—
Угасъ послѣдній лучъ зари,
Въ ничто повержены святыни
И въ прахъ разбиты алтари.
И сорныхъ травъ побѣгъ злорадный
Ужъ зеленѣетъ и блеститъ,
Повсюду обливая жадно
Столбовъ поверженныхъ гранитъ!..

К. Медвѣдскій.

Digitized by Google

ПО МАЛОЙ АЗІИ

Изъ путевыхъ записокъ.

I.

...Дорога, которую пробѣгаетъ поѣздъ, направляющійся изъ Смирны къ Эфесу, проложена по странѣ цвѣтущей, воздѣланной. Поля покрыты табачными и хлопчато-бумажными плантаціями, перемежающимися съ садами оливковыхъ и тутовыхъ деревьевъ. Самыя скалы приносятъ свою долю пользы: здѣсь устроены обширныя каменоломни, доставляющія строительный матеріалъ для всей Смирны. Поминутно мелькаютъ мимо насъ деревни, изъ которыхъ многія служатъ дачами для смирніотовъ, спасающихся тамъ отъ дѣйствительно трудно выносимаго въ городѣ лѣтняго зноя.

Лощину, которую мы пересѣкаемъ, и которая отдѣляетъ Пагусъ отъ равнины Буджи, называютъ долиною св. Анны; ее перерѣзываетъ средневѣковой водопроводъ съ подковообразными арками.

Проѣхавъ чрезъ очень узкое ущелье въ горахъ, составляющихъ водораздѣлъ между заливами Смирнскимъ и Эфесскимъ, называемое „дорогою крови", изъ-за многочисленныхъ убійствъ, совершавшихся здѣсь въ былое время, до проведенія желѣзной дороги, мы, чрезъ три часа по выѣздѣ изъ Смирны, остановились на станціи Аясолукъ—нынѣшнее названіе Эфеса.

Полагаютъ, что названіе „Аясолукъ" происходитъ отъ *Агіосъ Теологосъ* (святой Богословъ) въ честь св. Іоанна Богослова, который долго здѣсь жилъ и былъ даже будто здѣсь похороненъ. Но, кажется, такое толкованіе слишкомъ произвольно, и слишкомъ мало сходства представляется между двумя такими словами, какъ Аясолукъ и Агіосъ Теологосъ. Не будетъ ли ближе

Digitized by Google

къ истинѣ допустить, что нынѣшнее имя Эфеса произошло отъ имени другого святого — св. Луки — могила котораго сохранилась доселѣ и украшена мраморнымъ крестомъ. *Аіосъ Лукасъ*, *Аіосъ Лукъ* (сокращенное, вмѣсто *Аγіосъ Лукасъ*, подобно *Ая Софія*, вмѣсто *Аγіа Софія*, или *аязма* вмѣсто *аγіазма*—источникъ святой воды) болѣе похоже на Аясолукъ, чѣмъ *Аγіосъ Теологосъ*.

При приближеніи къ Аясолуку прежде всего привлекаютъ вниманіе легкія арки древняго римскаго водопровода съ большими гнѣздами аистовъ. Птица эта—неизмѣнный спутникъ всѣхъ развалинъ: неподвижно стоитъ она на одной ногѣ и какъ будто зорко наблюдаетъ за всею окрестностью; замѣтитъ аистъ змѣю—съ быстротою молніи бросается онъ на нее и чрезъ нѣсколько минутъ съ торжествомъ спѣшитъ въ гнѣздо съ извивающейся добычею въ своемъ длинномъ носу.

Отдохнувъ въ небольшой гостинницѣ съ англійскимъ прейсъ-курантомъ, но почти безъ кушаньевъ, я съ кавасомъ (конвойнымъ) пустился верхомъ осматривать огромныя развалины Эфеса, занимающія долину рѣки Кайстра, обрамленную двумя рядами невысокихъ горъ. Насколько хватаетъ глазъ, все пространство усѣяно остатками древнихъ памятниковъ: немногія зданія сохранили свои стѣны, большинство—въ развалинахъ, огромныя колонны, обломки фризовъ и фронтоновъ, капители, мраморныя ступени, каменныя глыбы, принявшія уже какой-то безформенный видъ,—все это перемѣшано въ страшномъ хаосѣ, явно свидѣтельствующемъ, что лишь одно землетрясеніе могло создать подобный безпорядокъ, подобный апоѳеозъ разрушенія. Это, дѣйствительно, поле смерти: по его могильнымъ плитамъ можно судить о величіи древняго города, нѣкогда его покрывавшаго. Далеко впереди, на холмѣ высится небольшое зданіе—темница св. Павла; позади насъ, тоже на возвышенности—турецкая средневѣковая крѣпость и развалины мечети, которую нѣкоторые считали за церковь св. Іоанна. Недалеко отъ насъ—большая четырехъ-угольная яма, наполненная стоячею водою, изъ которой выглядываютъ разные обломки и пожелтѣвшія уже отъ сырости капители колоннъ—вотъ и все, что̀ осталось отъ знаменитаго когда-то храма Діаны, одного изъ семи чудесъ древняго міра.

Территорію древняго Эфеса составляла большая долина, тянущаяся съ востока на западъ и во всю свою длину орошаемая рѣкою Кайстромъ. Въ былое время рѣка эта славилась множествомъ лебедей (Иліада, II, 461): защитники теоріи славянскаго происхожденія ѳракійцевъ сопоставляютъ это обстоятельство съ именемъ города Лебедоса, находившагося въ нѣсколькихъ миляхъ отъ впаденія

Digitized by Google

рѣки въ море, и пользуются этимъ созвучіемъ какъ однимъ изъ аргументовъ въ подтвержденіе ихъ мнѣнія [1]).

Въ настоящее время рѣка Кайстръ извѣстна по приготовленію на ея берегахъ *авготарги* (кефальной икры). Въ устьѣ устроены передвижныя камышевыя заставы; въ опредѣленные сроки заставы открываютъ, и миріады рыбъ, въ особенности одинъ сортъ кефали, устремляются въ рѣку для метанія икры; затѣмъ заставы запираются, и рыбаки приступаютъ къ улову.

Юго-западный уголъ долины занятъ холмомъ, который греки называли Пріономъ. Гора Кориссъ замыкаетъ долину съ юга и продолжается на востокъ до горы Месогисъ. Съ запада долина представляетъ широкое отверстіе, въ которое видны Самосское море, острова и горы Кларосa.

Древній Эфесъ, нѣсколько разъ измѣнявшій свое имя, семь разъ перемѣнялъ и мѣсто своего нахожденія.

Время основанія его теряется въ глубокой древности и приписывается амазонкамъ—этому таинственному до сихъ поръ для ученыхъ народу, жившему на берегахъ рѣки Термодона, впадающей въ Черное море, по сосѣдству съ кочевыми народами скиѳовъ и сарматовъ. Не будучи въ состояніи объяснить миѳа объ амазонкахъ, нѣкоторые предполагали, что всѣ разсказы о нихъ—басни. Но всякое преданіе имѣетъ въ основѣ какой-нибудь дѣйствительный фактъ, которому народная фантазія придаетъ своеобразную окраску. Преданіе же объ амазонкахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ онѣ участвовали, о городахъ, которые онѣ основывали, слишкомъ упорно держалось среди древнихъ грековъ, чтобы видѣть въ немъ лишь одинъ вымыселъ, и приходится допустить, что въ глубокой древности было какое-то воинственное женское племя, быть можетъ курдки, которое предпринимало, съ цѣлью завоеванія, далекіе походы.

Графъ де-Форбенъ, въ своемъ сочиненіи: „Voyage dans le Levant“, упоминаетъ о предложенной ученымъ Фреро этимологіи слова: амазонка, какъ взятаго изъ калмыцкаго языка и составленнаго изъ двухъ словъ: *эме*—женщина, и *цаимъ*, или *саинъ*—сильная, мужественная.

По Юстину, амазонки подъ предводительствомъ своихъ царицъ, Лампедо и Марпесіи, завладѣли большими пространствами земли въ Малой Азіи и, во времена Тэзея, двѣ знаменитыхъ амазонки, Смирна и Сизирбе, завоевали Эфесъ у лидійцевъ и лелеговъ, причемъ первая дала городу свое имя и ввела культъ

[1]) „Ѳракійскія племена, жившія въ Малой Азіи“, Черткова, стр. 128.

Digitized by Google

Діаны, очень распространенный въ Азіи. Статуя богини считалась упавшею съ неба и признавалась подаркомъ Юпитера. Первый храмъ Діаны, въ который помѣстила Смирна ея изображеніе, былъ не что иное какъ дупло дерева. Городъ, основанный Смирною, находился на горѣ Пріонѣ и, вѣроятно, былъ малозначительнымъ мѣстомъ, такъ какъ Гомеръ не упоминаетъ о немъ ни слова.

О первыхъ временахъ Эфеса имѣется очень мало свѣденій. Преданіе лишь говоритъ, что когда Нелей и Андроклъ, сынъ Кодра, послѣдняго аѳинскаго царя, прибыли, во главѣ іонійцевъ, въ 1130 г. до Р. Х. и основались въ Малой Азіи, то они покорили лелеговъ и карійцевъ, обитавшихъ Эфесъ, впослѣдствіи носившій также имя Птелеи и Ортигіи. Іонійцы перенесли городъ на семь стадій разстоянія отъ прежняго, туда, гдѣ потомъ былъ построенъ храмъ Минервы. Покореннымъ жителямъ была предоставлена нижняя часть города и окрестности храма, для служенія въ которомъ было оставлено нѣсколько амазонокъ, сами же побѣдители помѣстились на горѣ.

Для богини былъ уже въ то время построенъ храмъ египетской архитектуры, длиною въ 140 и шириною въ 73 метра.

По смерти Андрокла эфесцы возмутились противъ его сына; послѣдующій образъ правленія города неизвѣстенъ; предполагаютъ лишь, что онъ нѣсколько разъ мѣнялся, и городъ захватывали тиранны.

Когда Крезъ напалъ на іонійскіе города, Эфесъ былъ первымъ городомъ, который долженъ былъ испытать на себѣ силу лидійскаго оружія. Городъ былъ тогда во власти Пиндара, сына Меласа, и защищался отчаянно. Часть украшеній была уже повреждена; одна башня, носившая имя *предательницы*, обрушилась. Пораженный этимъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ, Пиндаръ не могъ придумать ничего лучше, какъ поставить городъ подъ непосредственную защиту Діаны, его древней богини-покровительницы. Для этого онъ велѣлъ соединить городскія стѣны веревками съ колоннами храма Діаны, отстоявшаго отъ города на семь стадій, и въ то же время отправилъ къ Крезу посольство—умолять о милосердіи.

Лидійскій царь, тронутый вѣрою, съ которою эфесцы надѣялись на помощь богини, назначилъ имъ легкія условія для капитуляціи и позволилъ жить по ихъ прежнимъ обычаямъ; только самый городъ съ этого времени придвинулся ближе къ храму, гдѣ и оставался до Лизимаха.

Во время персидскихъ войнъ Ксерксъ овладѣлъ Эфесомъ, но

Digitized by Google

не тронулъ его памятниковъ. Въ пелопенезскую войну эфесцы благоразумно держали всегда сторону побѣдителя; въ концѣ войны персы устроили въ этомъ городѣ свою главную квартиру; персидскіе вожди и сопровождавшіе ихъ молодые персы, богатые, любившіе удовольствія и пышность, распространили въ городѣ вкусъ къ азіатскимъ нравамъ.

Въ то же время Киръ Младшій, бывшій въ Сардахъ, изумлялъ всѣхъ своею роскошью. Въ виду мягкаго управленія персами грековъ, эти послѣдніе все болѣе и болѣе изнѣживались.

Когда Лизандръ овладѣлъ Эфесомъ, всѣ общественныя работы были оставлены: въ обитателяхъ не было вовсе воинственности.

Лизандръ, мечтавшій сдѣлать Эфесъ центромъ своего собственнаго владѣнія, приложилъ всѣ старанія къ возвышенію города: онъ озаботился увеличеніемъ флота, устроилъ верфи для постройки галеръ, открылъ портъ торговлѣ, отдалъ городскія площади ремесленникамъ, поднялъ значеніе искусствъ и, увеличивъ такими способами городское богатство, заложилъ прочное основаніе будущему величію и великолѣпію Эфеса.

Мемнонъ, полководецъ Дарія Кодомана, въ свою очередь, считалъ Эфесъ своею главною квартирою и притѣснялъ его жителей: онъ изгналъ многихъ изъ нихъ, на другихъ наложилъ большія контрибуціи и разграбилъ сокровища храма Діаны, по богатству бывшія почти равными сокровищницѣ дельфійской.

Послѣ побѣды при Граникѣ, Александръ освободилъ Эфесъ отъ персовъ и замѣнилъ существовавшую тамъ олигархію демократіей. Одинъ изъ его преемниковъ, Лизимахъ, находя, что городъ занимаетъ слишкомъ низкое мѣсто, захотѣлъ перенести его въ мѣсто болѣе здоровое, на возвышенности, но жители упорно держались своихъ старыхъ пепелищъ. Чтобы побѣдить ихъ упорство, Лизимахъ прибѣгъ къ хитрости: дождавшись періода дождей, онъ приказалъ закрыть всѣ водосточныя трубы; вода на низменности поднялась и произошло страшное наводненіе, которое современниками было названо *катаклизмами* или потопомъ Эфеса. Тогда жители переселились на возвышенности; въ этотъ новый городъ Лизимахъ переселилъ также жителей Лебедоса и Колофона, двухъ городовъ, которые онъ для лучшаго успѣха колонизаціи разрушилъ совершенно. Новому городу Лизимахъ далъ и новое имя въ честь своей жены—Арсиноэ. Послѣ его смерти оно было оставлено и замѣнено прежнимъ.

На Эфесъ постоянно смотрѣли какъ на очень важный пунктъ. Египетскіе цари держали тамъ войска для защиты торговли между Египтомъ и Малою Азіей. Антіохъ Великій завладѣлъ въ 196 г.

Digitized by Google

до Р. Х. городомъ, и сдѣлалъ его центромъ своихъ военныхъ предпріятій и переговоровъ. Здѣсь Сципіонъ Африканскій имѣлъ свиданіе съ Аннибаломъ. Война съ римлянами была закончена мирнымъ договоромъ, по которому Антіохъ уступалъ Эвмену, царю пергамскому и союзнику римлянъ, Эфесъ и многіе другіе города. Въ 130 году Эфесомъ завладѣли римляне.

Лукуллъ прибылъ сюда послѣ побѣды надъ Митридатомъ и своею роскошью удивилъ жителей города, хотя и привыкшихъ уже къ пышности сатраповъ.

Съ Эфесомъ соединяется, наконецъ, воспоминаніе о подвигахъ первыхъ распространителей христіанства. Пребываніе въ нихъ св. апостола Павла и борьба, которую онъ долженъ былъ тамъ вести противъ поклонниковъ Діаны,—одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ событій въ исторіи этого города.

Между разноплеменнымъ населеніемъ Эфеса, стекавшимся туда для торговли, было нѣсколько евреевъ, получившихъ крещеніе отъ Іоанна Крестителя и не имѣвшихъ полнаго понятія объ истинахъ христіанскаго ученія. По прибытіи своемъ въ Эфесъ, апостолъ Павелъ убѣдился въ малыхъ ихъ познаніяхъ таинствъ христіанства; онъ окрестилъ ихъ снова и началъ въ синагогѣ свои проповѣди, предметомъ которыхъ постоянно было откровеніе единаго Бога и добродѣтели, которыми должны отличаться христіане. Греки, наравнѣ съ евреями, приходили слушать пламенныя рѣчи апостола, и многіе изъ нихъ каялись и обращались въ новую вѣру.

Въ Эфесѣ существовалъ особый классъ заклинателей, занимавшихся исключительно чернокнижіемъ, несмотря на строгіе законы, запрещавшіе это. Нѣкоторые изъ нихъ были христіанами. Напуганные анаѳемами, которыя ап. Павелъ изрекалъ противъ волшебства, они принесли всѣ свои черныя книги на площадь и сожгли въ присутствіи народа. Потомъ уже былъ составленъ перечень сожженныхъ книгъ; нѣкоторыя были рѣдки и очень цѣнны, такъ что общая стоимость погибшихъ рукописей опредѣлялась въ пятьдесятъ тысячъ серебряныхъ монетъ.

Молва объ этомъ событіи разнеслась по всему Эфесу, и къ ап. Павлу стало стекаться все болѣе и болѣе слушателей. Такимъ образомъ онъ проповѣдовалъ тамъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, паства его увеличилась, и онъ основалъ здѣсь церковь, которая распространилась по всей прилегающей къ Эфесу области, носившей названіе „Азіатской провинціи“ по преимуществу. Въ другихъ городахъ были также основаны самостоятельныя церкви, всего, съ эфесскою, семь, которыя почитались у первыхъ послѣдо-

Digitized by Google

вателей евангелія какъ бы источниками свѣта, долженствовавшаго пролиться изъ нихъ на весь міръ. Главною была церковь эфесская. Евангелистъ Іоаннъ, въ Апокалипсисѣ, обращаясь къ семи церквамъ, именуетъ ее первою, и воздаетъ высокую хвалу жителямъ Эфеса, указывая на быстрые успѣхи евангелія среди язычниковъ: „Вѣмъ твоя дѣла, и трудъ твой, и терпѣніе твое, и яко не можеши носити злыхъ".

Въ Эфесѣ былъ нѣкто Дмитрій, ремесломъ котораго, вмѣстѣ со многими другими, было изготовленіе небольшихъ образковъ и статуй Діаны; они носились по городу въ дни празднества богини. Проповѣдь ап. Павла, направленная противъ этихъ празднествъ, въ случаѣ успѣха могла уничтожить промыселъ Дмитрія, и потому онъ поднялъ вмѣстѣ съ другими мастерами цѣлое возмущеніе противъ апостола, которое прекратилось лишь благодаря вмѣшательству римскихъ властей; но все же ап. Павелъ вынужденъ былъ разстаться съ своею паствою и уѣхать въ Македонію.

Будучи уже обремененнымъ узами въ Римѣ, ап. Павелъ пишетъ посланіе къ эфесской церкви, чтобы остеречь ее отъ лжеученій, которыя уже начинали возмущать чистоту евангелія.

Въ теченіе долгаго времени эфесскою церковью управлялъ Іоаннъ Богословъ, поставившій здѣсь епископомъ своего любимаго ученика Тимоѳея, и преданіе говоритъ, что здѣсь кончили дни свои оба великіе учителя, а также и сама Богородица, могилу которой показываютъ на горѣ Корессѣ, могилу же св. Іоанна Богослова—на горѣ Пріонѣ. Эфесъ считается мѣстомъ кончины св. Маріи Магдалины. Здѣсь же, въ гоненіе императора Децiя, въ 251 г., приняли мученическую смерть семь братьевъ, которыхъ называютъ семью спящими братьями. Преданіе сообщаетъ, что братья спрятались отъ гоненія въ пещерѣ; узнавъ о томъ, императоръ приказалъ задѣлать входъ въ нее камнемъ; чрезъ 157 лѣтъ, около 408 г., когда пещера была открыта, братьевъ нашли спящими.

Евангелистъ Лука, могила котораго находится близь древняго эфесскаго порта, былъ родомъ изъ Антіохіи, а по профессіи—медикъ. Обращенный въ христіанство апостоломъ Павломъ, онъ сопутствовалъ ему въ путешествіи по Троадѣ и Македоніи въ 51 г., а въ 56 г. отправился уже одинъ проповѣдовать въ Коринѳъ. Въ 61 г. онъ былъ вмѣстѣ съ ап. Павломъ заточенъ въ Римѣ въ темницу и затѣмъ, проповѣдовалъ по многимъ странамъ. Составленное имъ евангеліе и дѣянія апостольскія замѣчательны, какъ извѣстно, чистотою своего стиля.

Императоръ Веспасіанъ, какъ преданный астрологіи, въ угоду эфесскому астрологу Барбиллу, дозволилъ Эфесу отправлять періо-

Digitized by Google

дически торжественныя игры—преимущество, которымъ не пользовался ни одинъ городъ. Къ этому же самому астрологу обращался Неронъ во время появленія кометы въ 65 г., и по его совѣту казнилъ нѣсколькихъ выдающихся аристократовъ, чтобы избавиться отъ опасности, будто бы угрожавшей ему съ ихъ стороны.

Эфесъ былъ родиною многихъ знаменитыхъ людей: здѣсь родились величайшіе греческіе художники—Апеллесъ и Парразій, философы Гераклитъ и Гермодоръ, медикъ Руфъ, поэтъ Гипомаксъ, романистъ Ксенофонтъ, онеирокритъ Артемидоръ.

Гераклитъ жилъ около 500 г. до Р. Х. и занималъ важную должность въ Эфесѣ; сдѣлавшись жертвою несправедливости, онъ отказался отъ дѣятельности, отъ общества и удалился на уединенную гору, гдѣ питался травами и корнями и, наконецъ, уморилъ себя голодомъ на 60-мъ году отъ рожденія. Нрава онъ былъ мрачнаго, наклоннаго къ мизантропіи, что̀ послужило причиной преданія, что онъ постоянно плакалъ, въ противоположность Демокриту, который постоянно смѣялся.

Гермодоръ былъ изгнанъ изъ Эфеса и около 450 г. до Р. Х. поселился въ Римѣ. Онъ посовѣтовалъ римлянамъ заимствовать законы изъ Греціи и самъ принималъ участіе въ составленіи децемвирами законовъ, писанныхъ на двѣнадцати доскахъ и образовавшихъ впослѣдствіи основаніе римскаго права. Самъ о себѣ онъ выражался такъ: „эфесцы заслуживаютъ поголовнаго повышенія за то, что они изгнали Гермодора, лучшаго изъ людей, говоря:—Пускай никто не выдается среди насъ; если же такой окажется, то пускай онъ живетъ въ другомъ мѣстѣ и среди другихъ людей“ [1]).

Руфъ жилъ во времена Августа, а по другимъ источникамъ—во времена Траяна около 110 г. по Р. Х.; отъ его сочиненій дошли до насъ лишь отрывки; онъ написалъ въ стихахъ цѣлую поэму о медицинѣ, затѣмъ о болѣзни почекъ и, наконецъ, анатомическій трактатъ, гдѣ описанія сдѣланы по трупу обезьяны.

Ксенофонтъ—авторъ романа *Эфесцы* или *любовь Аброкома и Анѳіи*, — жилъ, надобно думать, около II вѣка по Р. Х.; нѣкоторые предполагаютъ, что имя это было чьимъ-то псевдонимомъ.

Знаменитѣйшій изъ авторовъ, писавшихъ въ древности о сноткованіи и пользовавшійся наибольшимъ авторитетомъ въ этомъ отношеніи, былъ Артемидоръ, жившій въ царствованіе Антонина Благочестиваго и Коммода. Артемидоръ извлекъ изъ работъ своихъ предшественниковъ все, что ему казалось наиболѣе существеннымъ,

---

[1]) Страбонъ, XIV, гл. I.

Digitized by Google

прибавилъ всѣ матеріалы, собранные имъ лично съ прихотливою заботливостью и неутомимою настойчивостью, присоединилъ разныя свѣденія изъ существовавшихъ устныхъ преданій и создалъ изъ всего этого настоящій памятникъ древней онеирокритіи, заключающій въ себѣ наиболѣе полный перечень сновъ съ ихъ толкованіями. Повидимому, Артемидоръ исчерпалъ всѣ источники, какими онъ пользовался, такъ какъ лишь его сочиненіе дошло до насъ, всѣ же остальные авторы какъ бы были заброшены, и книги ихъ пропали какъ излишнія, уже въ древности. Въ свою очередь твореніе Артемидора послужило главнѣйшимъ источникомъ, изъ котораго заимствовали всѣ послѣдующіе авторы, писавшіе о снотолкованіи.

Главными представителями философіи неоплатониковъ былъ Эдесій Пергамскій и Максимъ Эфесскій, непримиримые противники христіанства. Юліанъ Богоотступникъ ѣздилъ для нихъ нарочно въ Пергамъ и Эфесъ. Особенно сильное впечатлѣніе на него произвелъ философъ Максимъ своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, ловкою діалектикою и своими познаніями въ магіи. Говорятъ, онъ предсказывалъ юношѣ, что древняя религія восторжествуетъ надъ новою, и что главнымъ орудіемъ этого торжества сдѣлается самъ Юліанъ. Юноша, при его пылкомъ воображеніи, наклонности къ мистицизму и почитаніи античнаго міра, былъ совершенно увлеченъ неоплатониками, и въ это именно время, покинувъ христіанство, перешелъ въ язычество.

Чтобы пополнить перечень знаменитостей Эфеса, слѣдуетъ упомянуть объ умершемъ въ 380 г. до Р. Х. въ этомъ городѣ Филоксенѣ, дифирамбическомъ поэтѣ IV вѣка, уроженцѣ Киѳеры. Онъ долго жилъ при дворѣ Діонисія, тиранна сиракузскаго. Сосланный въ каменоломни за то, что слишкомъ правдиво высказалъ свое мнѣніе о достоинствѣ стиховъ, сочиненныхъ самимъ Діонисіемъ, онъ по окончаніи срока былъ снова приглашенъ ко двору, и снова тираннъ спросилъ его мнѣнія относительно своего новаго поэтическаго произведенія. Вмѣсто отвѣта Филоксенъ удовольствовался лишь словами: „пусть меня снова ведутъ въ каменоломни". Эта выходка такъ понравилась Діонисію, что онъ простилъ поэта.

Въ 431 г. происходилъ въ Эфесѣ третій вселенскій соборъ, осудившій несторіанство; въ 449 г. императоромъ Ѳеодосіемъ II тамъ снова былъ собранъ соборъ, который вслѣдствіе бывшихъ на немъ безчинствъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ „разбойничьяго"—judicium latronum: онъ кончилъ тѣмъ, что высказался въ пользу ереси Евтихія, проповѣдовавшаго монофизитизмъ. Чрезъ

Digitized by Google

два года послѣ того собранный въ Халкедонѣ вселенскій соборъ осудилъ эту ересь.

Начиная съ XIII в., славившійся своимъ богатствомъ Эфесъ дѣлается добычею то мусульманъ, то опять византійскихъ императоровъ.

Послѣ битвы при Ангорѣ и взятія Смирны, Тамерланъ направился къ Эфесу, взялъ его приступомъ и положилъ начало нынѣшнему жалкому его виду. Онъ приказалъ явиться къ нему всѣмъ мусульманскимъ владѣтелямъ Малой Азіи и въ теченіе тридцати дней, проведенныхъ имъ въ этомъ городѣ, опустошалъ всю окрестную страну.

Наконецъ, городъ былъ окончательно захваченъ турками при Магометѣ I, и торговля его перенеслась въ Смирну и Скала-Нову.

Главною достопримѣчательностью древняго Эфеса былъ храмъ Діаны, гдѣ и хранилось древнѣйшее изображеніе этой богини. Діана эфесская, это пантеистическое божество, принесенное по преданію амазонками сюда изъ Азіи, или Египта, не имѣла ничего общаго съ Діаной греческою, сестрой Аполлона. Какъ олицетвореніе кормилицы-природы, Діана эфесская изображалась съ тремя рядами грудей: всегда мать и всегда дѣвственница, она покрыта дѣвственнымъ вуалемъ съ тяжелою золотою короною на головѣ, въ формѣ башни; руки ея распростерты и высоко подняты по бокамъ туловища, какъ бы тѣмъ выражая: „бери, все твое". Ногъ богини не видно; онѣ заключены какъ бы въ чехлѣ, сдѣланномъ въ египетскомъ вкусѣ изъ золота и покрытомъ чеканными изображеніями разныхъ четвероногихъ: быковъ, кабановъ, львовъ, кошекъ, собакъ, козъ, барановъ.

Консулъ Муціанъ, который написалъ цѣлый трактатъ о статуѣ Діаны, говоритъ, что она была сдѣлана скульпторомъ Пандеміемъ изъ виноградного дерева: въ ней были небольшія отверстія, въ которыя наливали нардовое масло, помощью чего постоянно старались поддержать влажность статуи и не дать ей растрескаться. Каждая рука богини поддерживалась металлическою полосою, чтобы придать болѣе устойчивости статуѣ, по обѣимъ сторонамъ которой стояли изваянія оленей. На статую надѣвали великолѣпныя одежды, а передъ нею висѣла въ святилищѣ завѣса, скрывавшая ее отъ постороннихъ взоровъ и поднимавшаяся лишь на время церемоній.

Служеніе при храмѣ производилось жрецами и жрицами.

Жрецы, называвшіеся мегалобизами, были уроженцы разныхъ странъ, и всѣ евнухи. Вообще греки, вначалѣ относившіеся къ евнухамъ съ отвращеніемъ, потомъ стали пользоваться ихъ услу-

Digitized by Google

гами, и этотъ живой товаръ сдѣлался предметомъ оживленной торговли, причемъ центромъ ея былъ Эфесъ. Жрецы должны были быть безупречной наружности и носили красивую широкую полотняную одежду бѣлаго цвѣта. Къ ихъ оффиціальному наряду принадлежали вѣнокъ и шерстяныя повязки. Въ культѣ Діаны аттрибутомъ ея были посохи, обвитые оливковыми вѣтвями и шерстью.

Жрицы были изъ молодыхъ, непремѣнно красивыхъ дѣвушекъ, принадлежавшихъ къ самымъ знатнымъ семействамъ, и всѣ онѣ давали обѣтъ безбрачія и постепенно проходили три степени посвященія прежде чѣмъ получить званіе настоящей жрицы.

Когда эфесцы задумали строить новый, болѣе достойный ихъ богини храмъ, первою ихъ мыслью было выписать необходимый мраморъ изъ Ѳазоса, Проконнеса или Пароса, но ихъ пугала громадность расходовъ по перевозкѣ, которые имъ представлялись безсчетными. Въ то время, когда граждане разсуждали объ этомъ дѣлѣ, пастухъ пасъ стадо на горѣ Пріонѣ. Два барана передрались между собою: одинъ другому хотѣлъ нанести ударъ рогами, но промахнулся и ударъ попалъ по скалѣ, отъ которой отскочилъ небольшой обломокъ, оказавшійся мраморомъ самаго превосходнаго качества. Пастухъ побѣжалъ въ городъ показать свою находку; граждане приняли извѣстіе съ великою радостью и въ благодарность перемѣнили имя пастуха изъ Пиксодора въ Эвангела (благовѣстителя). Ежемѣсячно происходили на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ было сдѣлано открытіе, торжественныя жертвоприношенія, на которыхъ обязательно должны были присутствовать городскія власти.

Цѣлый рядъ архитекторовъ трудился надъ сооруженіемъ огромнаго мраморнаго святилища, имѣвшаго 420 футовъ длины и 220 ширины. Надъ нимъ работали лучшіе тогдашніе строители Ѳеодоръ, сынъ Рекха, Херзифронъ (или Ктезифонъ) изъ Гноссы, сынъ его Метагенъ и, наконецъ, Дмитрій и Пеоній эфесскіе. По преданію, строители не могли справиться съ своею задачею, и сама Діана явилась имъ на помощь. Несмотря на то, храмъ былъ законченъ лишь послѣ 220 лѣтъ постоянной работы, а для расходовъ по постройкѣ потребовалось участіе и пожертвованія 127 царей, сатраповъ и управителей независимыхъ городовъ.

Въ честь этихъ жертвователей—въ числѣ ихъ былъ и Крезъ—въ храмѣ было 127 колоннъ вышиною въ 60 футовъ; большинство изъ нихъ были монолиты, а 36 были украшены фигурами и разными священными эмблемами. Для доставки этихъ колоннъ отъ каменоломенъ на Пріонѣ до храма, Ктезифонъ придумалъ сгладить совершенно дорогу между этими мѣстами и затѣмъ, задѣлавъ колонны и архитравы въ цилиндрическія клѣтки, пере-

Digitized by Google

катывалъ ихъ до храма, подобно огромнымъ цилиндрамъ, которыми выравниваютъ шоссе; для поднятія верхнихъ частей зданія была примѣнена система положенныхъ въ наклонной плоскости мѣшковъ, наполненныхъ пескомъ, которые опоражнивались постепенно.

Чтобы предохранить храмъ отъ землетрясеній, онъ былъ поставленъ на низменной, болотистой почвѣ; но такъ какъ необходимо было укрѣпить эту послѣднюю, чтобы она могла выдержать такую страшную тяжесть, то подъ основанія храма были заложены пласты толченаго угля, переложенные бараньими шкурами [1]).

Храмъ былъ въ іоническомъ стилѣ, съ великолѣпными изваяніями скульптора Скопаса; въ украшеніи его принимали участіе всѣ лучшіе артисты Греціи.

Въ шестой день мѣсяца гекатомбеона перваго года сто-шестой олимпіады, т.-е. 22-го іюля 356 г. до Р. Х., храмъ этотъ былъ сожженъ эфесскимъ же гражданиномъ Геростратомъ, желавшимъ, какъ извѣстно, увѣковѣчить свое имя и достигшимъ своей цѣли, несмотря на постановленіе іонійскаго совѣта, осудившаго его на забвеніе.

Катастрофа эта взволновала всю Азію и, по объясненію восточныхъ маговъ, запрошенныхъ эфесцами, означала близкую гибель Азіи, и легенда говоритъ, что въ ту самую ночь родился въ Македоніи Александръ Великій, который долженъ былъ уничтожить царство персидское и пронести славу греческаго имени до крайнихъ предѣловъ восточнаго міра.

Эфесцы рѣшили немедленно возстановить жилище своей богини, и подъ руководствомъ архитектора Динократа храмъ былъ выстроенъ снова по прежнему плану, но съ еще большею роскошью и на средства однихъ эфесцевъ и ихъ женъ, которыя пожертвовали на постройку всѣ свои драгоцѣнныя украшенія.

Когда Александръ В. посѣтилъ Эфесъ, онъ предложилъ жителямъ этого города возмѣстить имъ всѣ расходы по постройкѣ подъ единственнымъ условіемъ изсѣчь на одной изъ колоннъ надпись, въ которой онъ былъ бы названъ основателемъ храма. Эфесцы отказались, говоря, что „неприлично божеству строить храмъ для боговъ“.

Храмъ стоялъ на искусственномъ возвышеніи, къ которому вели десять ступеней: подъ нимъ были обширныя подземелья, гдѣ хранились не только сокровища богини, но и наиболѣе драгоцѣнные предметы, которые частныя лица складывали сюда какъ

---

[1]) Плиній, кн. XXXVI.

Digitized by Google

въ самое безопасное мѣсто. Двери были изъ кипариса или изъ кедра, а ступени лѣстницы, ведшей въ верхній этажъ, изъ виноградного дерева. Алтарь былъ покрытъ произведеніями рѣзца Праксителя. Между самымъ святилищемъ и колоннадою помѣщались залы, наполненныя дорогими картинами, между которыми были произведенія Апеллеса и Парразія: здѣсь, между прочимъ, помѣщался портретъ Александра Македонскаго, работы Апеллеса. Безчисленныя изваянія наполняли портики; фризы и фронтоны были покрыты великолѣпными барельефами; тутъ же складывались богатѣйшія пожертвованія, ex voto, разныхъ азіатскихъ властителей. Храмъ считался неприкосновеннымъ на стадію въ окружности; эта привилегія была уничтожена Августомъ.

Большія празднества Діаны происходили въ мѣсяцѣ, носившемъ ея имя—Артемизіи. Всѣ работы тогда пріостанавливались, для народа устраивались разныя увеселенія: лидійскіе пѣвцы пѣли гимны въ честь богини; фокусники, эквилибристы, волхвы собирались сюда со всѣхъ концевъ Азіи и представляли изъ себя чрезвычайно пеструю толпу. На стадіи устроивались бѣга, а въ театрахъ—представленія, на которыя народъ сбѣгался съ наслажденіемъ. Въ то же время народъ угощали даровыми обѣдами, расходы на которые покрывались богатыми гражданами. Такъ какъ мѣсяцъ Артемизій приходился весною, то весь городъ бывалъ въ цвѣтахъ.

Во второмъ вѣкѣ по Р. Х., хотя язычество подвергалось сильному напору со стороны христіанства, эфесскій храмъ продолжалъ оставаться наиболѣе посѣщаемымъ въ Азіи мѣстомъ поклоненія. Софистъ Даміанъ построилъ мраморный портикъ, который на протяженіи стадіи шелъ отъ Магнезійскихъ воротъ до храма. Тотъ же гражданинъ построилъ отдѣльную залу для пиршествъ, даваемыхъ во время праздниковъ Діаны. Зала эта была рѣдкаго великолѣпія: стѣны ея были покрыты досками изъ фригійскаго и синнадійскаго мрамора, который въ то время цѣнился еще очень высоко.

Неронъ не подражалъ своимъ предшественникамъ въ уваженіи къ Діанѣ эфесской: онъ захватилъ всѣ сокровища, сложенныя въ ея подземельяхъ, и перенесъ ихъ въ Римъ. Примѣръ этотъ былъ роковымъ для Эфеса. Въ 263 г. его разграбили скиѳы; готы въ царствованіе Галліена сдѣлали набѣгъ на Іонію, и храмъ былъ снова опустошенъ.

Когда христіанство было объявлено государственною религіею, языческіе храмы, оставленные безъ поддержки, стали мало-по-малу разрушаться. Эфесскій храмъ былъ въ особен-

Digitized by Google

ности ненавистенъ христіанамъ, такъ какъ тамъ они встрѣтили наибольшее сопротивленіе со стороны жрецовъ. Поэтому лишь только позволили разрушать древніе храмы, все, что только можно было взять и вывезти — колонны, статуи, мраморныя плиты — все это было растащено и употреблено на постройку частныхъ домовъ. Императоры сами подавали тому примѣръ: Константинъ опустошилъ Азію, забравъ оттуда разныя художественныя произведенія и перевезя ихъ въ свою новую столицу. Когда Юстиніанъ сталъ строить храмъ Премудрости Божіей, Эфесъ явился для него какъ бы каменоломней, гдѣ находились уже вполнѣ готовые матеріалы: двѣнадцать колоннъ, которыя украшаютъ нынѣ св. Софію были вывезены изъ Эфеса. Близость моря облегчила возможность увоза разныхъ остатковъ древности; быть можетъ даже, что великолѣпное сооруженіе Динократа было разрушено нарочно до основанія, подъ вліяніемъ реакціи противъ старой, поверженной уже въ прахъ религіи.

До послѣдняго времени храмъ былъ засыпанъ землею такъ, что даже не знали, гдѣ онъ находится. Англичане прислали сюда ученаго Вуда съ очень большими денежными средствами. Непрерывныя восьмилѣтнія раскопки подъ руководствомъ Вуда привели, наконецъ, къ открытію въ 1871 году фундаментовъ храма Діаны, погребенныхъ на глубинѣ болѣе шести метровъ. Въ своихъ поискахъ этотъ изслѣдователь руководился межами полей для опредѣленія направленія древнихъ дорогъ: онъ, оказалось, былъ совершенно правъ, ввѣряясь въ этомъ случаѣ консервативному духу поселянъ; древніе памятники разрушены временемъ, а проложенныя къ нимъ тропинки существуютъ и до сихъ поръ.

Вудъ истратилъ огромныя деньги, перерылъ землю во всѣхъ направленіяхъ, но зато и извлекъ оттуда все, что только, кажется, было можно. Множество найденныхъ имъ драгоцѣнныхъ остатковъ древности были пересланы въ Британскій музей (British Museum), для чего спеціально приходилъ въ ближайшую къ Эфесу гавань—Скаланову—англійскій фрегатъ. Такимъ образомъ, чтобы видѣть великолѣпные фрагменты храма, дающіе возможность составить понятіе, каково было это седьмое чудо свѣта, слѣдуетъ ѣхать въ Лондонъ, гдѣ они теперь сохранены для науки; въ Эфесѣ же не осталось почти ничего, кромѣ изломанныхъ статуй и груды мусора.

Въ настоящемъ своемъ состояніи храмъ, помѣщенный на низшемъ противъ окружающей мѣстности уровнѣ,—такъ какъ кругомъ наносная почва,—представляетъ, какъ я уже сказалъ ранѣе,

Digitized by Google

квадратную яму, при всякомъ дождѣ наполняющуюся водой, изъ которой выглядываютъ обломки разрушенныхъ колоннъ.

Въ іюлѣ 1882 года въ Лондонѣ въ Mansion-house происходилъ митингъ, подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра, съ цѣлью обсудить вопросъ, какъ добыть необходимыя средства для того, чтобы закончить раскопки храма Діаны эфесской, начатыя Вудомъ въ 1863 г. Сочувственное движеніе, направленное къ осуществленію этого проекта, имѣло за себя поддержку въ лицѣ принца Уэльскаго, герцога Коннаутъ, архіепископа Кентербэрійскаго, кардинала Маннинга, лорда Шефтсбёри и многихъ выдающихся лицъ изъ міра артистовъ и археологовъ. Митингъ постановилъ резолюцію, одобряющую открытіе общественной подписки для сбора 5.000 фунтовъ стерлинговъ, которые, какъ полагаютъ, достаточны для полной раскопки всей мѣстности храма.

На горѣ Пріонѣ нынѣ стоятъ развалины зàмка позднѣйшей конструкціи, построеннаго мусульманскими эмирами изъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ древнихъ зданій; интереса этотъ зàмокъ представляетъ довольно мало, да въ добавокъ доступъ къ нему отъ наваленныхъ камней чрезвычайно труденъ. Надъ воротами этой крѣпости въ былое время красовался барельефъ, изображавшій смерть Гектора или Патрокла. Изваяніе это долго принималось за изображеніе страстей христіанскаго мученика, почему и ворота эти были названы „вратами гоненія". Англичане увезли къ себѣ и этотъ барельефъ.

Внутри зàмка, башни котораго четырехъ-угольныя—небольшая мечеть, нѣсколько жалкихъ лачугъ и груды обломковъ.

Насупротивъ замка около того же Пріона, поднимаетъ свой бѣломраморный фасадъ развалина главной мечети Аясолука, построенной изъ древнихъ матеріаловъ: колонны изъ египетскаго мрамора, мраморныя плиты, украшающія ея внутренность, все взято изъ древнихъ зданій.

Мечеть эта по своей архитектурѣ, по богатству и замысловатости арабесокъ, по тонкости рѣзца, считается однимъ изъ лучшихъ памятниковъ мавританскаго искусства и, по словамъ знатоковъ, превосходящимъ даже памятники Альгамбры.

Входъ въ мечеть идетъ крыльцомъ, имѣющимъ десять ступеней, украшеннымъ узорами, надписями и зубцами, изсѣченными по образцу каирскихъ мечетей. Дверь приводитъ на большой дворъ, усаженный большими деревьями и окруженный легкими аркадами, поддерживаемыми колоннами въ 45 футовъ высоты.

Крыши въ мечети уже не существуетъ; сохранившійся лишь въ одномъ мѣстѣ куполъ прекрасенъ своими голубыми изразцами.

Digitized by Google

Великолѣпный мраморъ покрываетъ стѣны, но тамъ, гдѣ толпились нѣкогда правовѣрные,—тамъ разрослись уже огромныя деревья. На всемъ лежитъ печать могильнаго покоя, и ничѣмъ не нарушаемое молчаніе невольно внушаетъ уваженіе къ этимъ остаткамъ сѣдой старины.

Многіе предполагали, что эта обширная мечеть была прежде церковью св. Іоанна, о которой говоритъ арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута. Но мнѣніе это было потомъ опровергнуто. По всей вѣроятности, на этомъ мѣстѣ и была церковь; быть можетъ даже, изъ нея извлекли строительный матеріалъ для сооруженія мечети, но тѣмъ не менѣе многіе признаки показываютъ, что существующая развалина строена мусульманами и для мусульманскаго храма. Стоитъ взглянуть на планъ мечети, чтобы убѣдиться, что она была построена вся въ эпоху Селима I.

Въ одной изъ залъ мечети выкопанная подъ большимъ деревомъ яма напоминаетъ о разыгравшейся въ этомъ мѣстѣ трагедіи.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начальникъ мѣстной полиціи съ своимъ помощникомъ пришли къ этому дереву въ надеждѣ найти тутъ кладъ, свѣденія о которомъ дошли какъ-то до нихъ.

Была глухая ночь; работа кипѣла при свѣтѣ одинокаго фонаря. Негръ, проходившій въ это время случайно мимо мечети, вошелъ въ нее, привлеченный свѣтомъ въ такой неурочный часъ.

Испуганные кладоискатели не долго думали, что дѣлать съ непрошенымъ гостемъ. Они связали ему руки и хотѣли зарѣзать, какъ негру посчастливилось достать завязанными уже руками пистолетъ, которымъ онъ тутъ же и наповалъ убилъ начальника полиціи. Помощникъ его ударился въ бѣгство.

Народъ говоритъ, что по ночамъ въ недоконченной ямѣ горитъ всегда огонекъ.

За исключеніемъ откопанныхъ остатковъ храма, всѣ видимыя нынѣ въ Эфесѣ развалины принадлежатъ къ эпохѣ римлянъ.

Входя въ городъ со стороны турецкой крѣпости, мы видимъ громадныя груды развалинъ, покрывающихъ небольшой холмъ—это наиболѣе сохранившаяся часть древняго Эфеса, всѣ зданія которой принадлежатъ эпохѣ первыхъ двухъ столѣтій нашей эры. Здѣсь расположены стадія, театръ, термы.

Лѣвая сторона стадіи прислонена къ горѣ; правая поддерживается каменными сооруженіями, въ которыхъ видны обширныя комнаты, служившія либо стойлами, куда ставили коней, принимавшихъ участіе въ бѣгѣ, либо складами, гдѣ хранились разныя принадлежности для игръ.

Къ югу отъ стадіи лежитъ огромный театръ, построенный

Digitized by Google

изъ большихъ камней, соединенныхъ между собою безъ цемента; архитектура его чисто римская. Мѣста для зрителей еще хорошо сохранились, но proscenium—цѣлая гора обломковъ.

Въ былое время самые знаменитые философы и даже сами проповѣдники христіанства приходили въ театръ, чтобы объяснять свое ученіе.

Кай и Аристархъ были арестованы именно въ эфесскомъ театрѣ въ ту минуту, когда они возвѣщали слушателямъ евангеліе. Какое грандіозное зрѣлище долженъ былъ представлять видъ театра, гдѣ болѣе 25.000 (а по другимъ источникамъ болѣе 56.000) зрителей собирались на скамьяхъ, поднимающихся уступами, и подъ перистилемъ верхней колоннады!

Отъ театра до порта храмы, имена которыхъ сохранились на медаляхъ, слѣдовали одинъ за другимъ безъ перерыва; статуи, теперь разбитыя въ куски или превращенныя въ цементъ, стояли тысячами по сторонамъ широкихъ улицъ.

Портики, которые окружали театръ и стадію, вели къ термамъ (банямъ) и агорѣ (площади). Своды термъ обрушились, а по остаткамъ стѣнъ можно судить, что они были оштукатурены и покрыты живописью. Недалеко отъ термъ небольшой, но очень красивый круглый театръ, весь изъ бѣлаго мрамора, вѣроятно Одеонъ: нѣкоторыя кресла, отлично сохранившіяся, покрыты прекрасными скульптурными украшеніями. Гимназія (гимнастика), нѣкоторыя залы которой были расписаны живописью, хотя и лишена мрамора и всѣхъ своихъ архитектурныхъ украшеній, тѣмъ не менѣе сохранила свой общій видъ и планъ, и можетъ считаться однимъ изъ наилучше дошедшихъ до насъ памятниковъ этого рода.

Гимназіи играли въ жизни древнихъ важную роль, и обученіе въ нихъ разнымъ упражненіямъ и играмъ составляло необходимую часть тогдашняго воспитанія.

Упражненія въ метаніи заключались въ бросаніи копья или чечевице-подобнаго кружка-диска. Диски—металлическіе или каменные—были очень тщательно отшлифованы, а иногда даже покрыты украшеніями. На дискѣ Иѳима, видѣнномъ Павзаніемъ въ храмѣ Геры олимпійской, былъ вырѣзанъ спиральными строками текстъ перемирія, которое элейцы объявили на олимпійскихъ играхъ. Бросающіе становились на особо устроенное возвышеніе (balbis), упирались правою ногою, а лѣвую отставляли немного впередъ, копье брали посрединѣ и, поднявъ его горизонтально до уха, бросали, подаваясь туловищемъ немного на-

Digitized by Google

задъ или напередъ. Диски поднимали только до плеча и кидали ихъ дугою.

Приборъ, употреблявшійся при обученіи прыганью, состоялъ изъ двухъ паръ свинцовыхъ шаровъ, соединенныхъ ручками, съ которыми ученикъ прыгалъ вдаль, вверхъ и внизъ. Учились также прыгать черезъ столбы, натянутыя веревки и сквозь обручи. Былъ еще одинъ приборъ—скаперда, состоявшій изъ двухъ столбовъ, вышиною въ ростъ человѣка, съ перекинутою поверхъ столбовъ веревкою. Одинъ изъ играющихъ ухватывался за конецъ веревки, а другой играющій, перекинувъ противоположный конецъ веревки себѣ чрезъ плечо, тянулъ ее, стараясь поднять своего противника кверху.

Было нѣсколько родовъ борьбы: *пале-орое*, прекращавшаяся, когда одинъ изъ борцовъ былъ опрокинутъ на-земь; *галинѳезисъ*—когда борцы продолжали бороться и упавши; *дилькистинди*,—въ ней боролись рядами, и каждый борецъ старался притянуть къ себѣ своего противника изъ противоположнаго ряда; *гиппасъ* и *кибетинда*: одинъ борецъ складывалъ руки на спинѣ, обернувъ ихъ ладонями кверху; другой, упершись колѣномъ въ подставленныя руки противника, охватывалъ ему сзади голову и закрывалъ глаза; затѣмъ то же самое дѣлалъ первый и т. д. по очереди.

Кулачный бой, какъ забава, рѣдко проходящая безъ важныхъ тѣлесныхъ поврежденій, не былъ любимъ греками и завелся у нихъ только въ позднѣйшее время. Бойцы для усиленія ударовъ обматывали себѣ кулаки толстыми ремнями, нерѣдко усаженными свинчатками, шипами т. п. (caestus).

Такъ какъ при занятіяхъ гимнастикой раздѣвались до нага и натирались масломъ, то понятно, что отъ пота, масла и пыли тѣло грязнилось; поэтому каждый приносилъ съ собою особый приборъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ металлическихъ скобелей, которыми, по окончаніи упражненій, счищали грязь съ кожи. Эти скобели для удобства обыкновенно вздѣвались на кольцо вмѣстѣ съ губкой и сосудомъ съ масломъ.

Слѣдуя широкою улицей, вымощенною плитами, на которыхъ явственны глубокія колеи, выбитыя колесницами, мы прошли мимо любопытной гробницы св. Луки и достигали подсохшаго уже болота, прежде бывшаго обширнаго порта Эфеса—Панорма, средоточія торговли передней Азіи. Портъ древняго Эфеса состоялъ, собственно говоря, изъ двухъ частей большого порта и городского бассейна, соединенныхъ между собою каналомъ. Большой портъ назывался также „Священнымъ“, потому что онъ находился въ сосѣдствѣ храмовъ: нынѣ его можно узнать только по

Digitized by Google

крутому изгибу, который дѣлаетъ въ этомъ мѣстѣ рѣка Кайстръ. Немного далѣе было устье Кайстра; здѣсь видны остатки плотины прекрасной работы, построенной царемъ Атталомъ. Вдоль сосѣдней горы расположены бывшія помѣщенія для галеръ и для рыбачьихъ лодокъ.

На мѣстѣ прежняго городского бассейна, среди страшной суши, довольно странно видѣть теперь огромныя кольца, къ которымъ привязывали суда и которыя показываютъ до какого мѣста доходило море въ прежнее время. Благодаря песчанымъ заносамъ Кайстра, море удалено теперь отъ Эфеса на три версты, гдѣ и построенъ небольшой торговый городокъ Скала-Нова, нѣкоторое время игравшій довольно значительную роль, а теперь почти совершенно покинутый.

Отсюда мы направились на западъ къ темницѣ св. Павла, далеко впереди поднимающейся на отдѣльномъ холмикѣ и рѣзко выдѣляющейся на голубомъ фонѣ іонійскаго неба. Путь лежалъ чрезъ весь городъ и былъ очень труденъ: почва вся завалена обломками, лишь изрѣдка поросшими мелкимъ кустарникомъ; иногда мы объѣзжали огромныя каменныя глыбы, преграждавшія нашъ путь, иногда взбирались на груды мусора и разбитыхъ, исковерканныхъ статуй, чтобы тотчасъ же почти затѣмъ спуститься снова или, вѣрнѣе, сползти по голому камню, на что способны лишь здѣшнія лошади. Такая дорога съ постоянными спотыканіями, непредвидѣнными задержками, страшно утомительна и разбиваетъ человѣка, и привыкшаго къ перенесенію усталости.

Отъ городскихъ домовъ, сквозь которые мы проѣзжали, не осталось рѣшительно ничего, кромѣ груды развалинъ.

Іонійскій домъ состоялъ изъ мужской (андронитисъ) и женской (гинеконитисъ) половинъ, занимавшихъ продолговатый четыреугольникъ; чрезъ ворота передняго двора, или гдѣ двора не было, прямо съ улицы входили въ некрытыя сѣни, по обѣимъ сторонамъ которыхъ были расположены покои, служившіе для разныхъ хозяйственныхъ нуждъ; тутъ же было помѣщеніе и привратника. Эти сѣни вели непосредственно въ большую, четыреугольную, некрытую же залу, вокругъ обнесенную крытымъ портикомъ (*аула*). Это былъ главный покой мужской половины; по срединѣ его стоялъ алтарь, посвященный Зевсу-домохранителю, а съ боковъ къ нему примыкали жилые покои мужчинъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ дверь, выходившую въ залу, а иные кромѣ того соединялись съ сосѣдними покоями внутренними дверями.

У главнаго входа въ домъ, дверь котораго по старинному обычаю должна была отворяться внутрь, находится алтарь, и

Digitized by Google

подлѣ него столбообразный символъ Аполлона Эгіея вмѣстѣ съ посвященнымъ этому божеству лавромъ.

Прямо противъ главнаго входа лежавшій коридоръ (*метаулосъ*) велъ въ женское отдѣленіе дома. Оно состояло также изъ залы съ колоннами, подобно мужской, и боковыхъ покоевъ для жилья, въ числѣ коихъ были кладовыя, кухня и расположенныя одна противъ другой спальни.

За женскимъ отдѣленіемъ былъ еще родъ залы (*простасъ*) и за нею помѣщенія для прислуги, выходившія на улицу позади дома или въ садъ, такъ что, заперевъ внутреннее сообщеніе—метаулосъ, можно было совершенно отдѣлить женское помѣщеніе отъ мужского, не мѣшая движенію прислуги.

Если домъ былъ двухъ-этажный, то въ верхній этажъ (*гиперооиъ*) вела лѣстница, очень часто прямо съ улицы. Этотъ этажъ строился очень легко изъ тонкихъ досокъ и служилъ помѣщеніемъ для рабовъ, или если въ домѣ не было особыхъ гостиныхъ, то спальнями для гостей. Надобно полагать, что только верхній этажъ освѣщался окнами, нижній же получалъ свѣтъ чрезъ двери. Архитектурная отдѣлка дома шла изнутри кнаружи. Починъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, малоазійскимъ іонянамъ, которые первые начали обдѣлывать внутреннія балки прямоугольно. Нововведеніе это прививалось въ самой Греціи очень медленно; противниками его были особенно лакедомоняне, продолжавшіе держаться старинной простоты. Разсказываютъ, что около 490 г. до Р. Х. спартанецъ Леотихидъ, увидавъ въ залѣ одного коринѳянина, у котораго онъ былъ въ гостяхъ, прямоугольно обтесанныя балки, насмѣшливо спросилъ его: развѣ у нихъ въ Коринѳѣ деревья ростутъ четыреугольныя?

Сначала дома были очень просты и некрасивы. Даже во время самой блестящей эпохи греческой архитектуры, создавшей столько великолѣпныхъ общественныхъ сооруженій, и долго спустя послѣ нея, частныя жилища отличались простотою и отсутствіемъ всякихъ украшеній. Главнымъ украшеніемъ покоевъ былъ алтарь различныхъ божествъ—Гестіи въ мужской залѣ, пенатовъ во внутреннихъ комнатахъ, боговъ-покровителей брака—въ спальняхъ и т. п. Стѣны были выбѣлены снаружи и внутри; полы были земляные или глиняные, иногда выложенные камнемъ. Занавѣси служили отчасти вмѣсто внутреннихъ дверей между комнатами, отчасти вмѣсто крыши надъ дворами во время непогоды или сильнаго жара.

Уклоненія отъ простоты построекъ начались въ эпоху послѣ смерти Перикла. Не измѣняя почти вовсе расположенія домовъ,

Digitized by Google

знатные и богачи стали строить ихъ, вмѣсто дерева и кирпича, изъ плитняка. Деревянныя колоннады вокругъ дворовъ были замѣнены мраморными, мѣсто глиняныхъ и земляныхъ половъ заняли мозаичные, вмѣсто простыхъ занавѣсей стали развѣшивать вышитые персидскіе и индійскіе ковры. Стѣны покоевъ покрылись живописью и лѣпными орнаментами.

Несмотря, однакожъ, на пышное внутреннее убранство домовъ, наружный видъ ихъ оставался по прежнему простъ, или если и сталъ нѣсколько красивѣе, то украшенія внѣшнія шли далеко не такъ быстро, какъ украшенія внутренности домовъ.

Свойственная даже и позднѣйшимъ грекамъ боязнь противъ хотя бы случайнаго и непреднамѣреннаго оскорбленія святыни не дозволяла имъ примѣнять къ простымъ жилищамъ тѣ художественныя формы, которыя были созданы искусствомъ для зданій религіозныхъ. Въ особенности избѣгали они переносить на свои дома существенное украшеніе храма—его предсѣніе (предхраміе) съ колоннами и фронтономъ, украшеннымъ изваяніями.

Соотвѣтственно возростанію роскоши отдѣлки домовъ возростала и пышность внутренней обстановки.

Въ комнаты ставили богато отдѣланные стулья съ пластическими украшеніями, иногда со спинкою, изваянною въ видѣ животнаго; они походили на древне-восточные троны и назывались *троносъ* или *клизмосъ*. Проще, хотя также съ отдѣлкою и рѣзьбою, были общеупотребительныя въ домахъ зажиточныхъ людей кресла съ ручками въ ассирійскомъ вкусѣ. Въ среднемъ быту употреблялись стулья со спинкою, обитые цвѣтными подушками или просто накрытые узорчатыми коврами или звѣриными шкурами; табуреты были либо складные, либо съ прямыми, неперекрещивающимися ножками. Къ креслам и стульямъ приставляли скамейки для ногъ, того же стиля, какъ и сидѣнье.

Восточный обычай лежанья вмѣсто сидѣнья на стульяхъ распространился прежде всего между малоазійскими греками и изгналъ изъ мужской половины стулья и всякія сидѣнья въ женскую, замѣнивъ ихъ въ первой диванами или ложами. Ложе состояло изъ станка о четырехъ ножкахъ, сдѣланнаго въ видѣ рамы, переплетенной тесмами, и тюфяка съ подушками и покрывалами. У деревянныхъ станковъ остававшіяся незакрытыми части выкладывались фигурами изъ золота, серебра, слоновой кости, янтаря и цвѣтного дерева; у бронзовыхъ станковъ были пластическіе орнаменты. Тюфяки сначала набивались сѣномъ и морскою травою, а въ позднѣйшее время шерстью и перьями. Подушки были круглыя для головы и четыреугольныя, которыя клали за спину и

Digitized by Google

облокачивались на нихъ при ѣдѣ лѣвымъ локтемъ. Подушки дѣлались изъ узорчатыхъ матерій, а на ложе разстилали пестрые ковры, края которыхъ обшивались бахромою и даже оторачивали пухомъ.

Такого же устройства были и постели у богатыхъ. Небогатые спали на овечьихъ и козьихъ шкурахъ, а рабы и простонародье—на рогожахъ.

Вмѣсто шкафовъ употреблялись сундуки, нерѣдко весьма богатой отдѣлки.

Хотя у грековъ и были приборы для измѣренія времени, а именно солнечные и водяные часы, употребленію которыхъ они научились у вавилонянъ, однакожъ эти приборы не были такъ распространены, чтобы входить въ число обыкновенной домашней утвари. Солнечные часы (*полосъ*), усовершенствованіемъ которыхъ особенно много занимался Анаксимандръ (его считаютъ даже изобрѣтателемъ ихъ), ставились преимущественно въ публичныхъ мѣстахъ. Водяные часы (*клепсидры*) удержали свою старинную форму—нѣсколько сплющеннаго полаго шара съ короткою шейкою и съ отверстіемъ, чрезъ которое капала вода.

Ничего не осталось отъ этой роскоши, отъ этого великолѣпія въ проѣзжаемыхъ нами частяхъ Эфеса. Рука времени и людей стерла съ лица земли былую пышность древняго „свѣтильника Азіи“.

А было время, когда эти пустынные стогны, загроможденные нынѣ лишь мусоромъ, были полны шумною толпою; пестрыя массы направлялись къ гавани, гдѣ корабли со всѣхъ концовъ свѣта привозили товары и рѣдкости, находившія постоянный сбытъ въ городѣ богатомъ и съ развитымъ художественнымъ вкусомъ. Мужчины были одѣты въ льняной хитонъ, поверхъ котораго былъ накинутъ гиматій, плащъ изъ тонкихъ милетскихъ шерстяныхъ матерій. Одежды эти не выкраивались, а изготовлялись каждая изъ цѣльнаго куска ткани, имѣвшаго форму продолговатаго четыреугольника, и были покрыты рисованными, вытканными, вышитыми или нашитыми узорами. Въ толпѣ видны были еще нѣсколько представителей старины, крѣпко державшіеся древнихъ обычаевъ: волоса у нихъ были заплетены и связаны въ пучокъ—обычай, оставленный уже въ эпоху персидскихъ войнъ; гиматій ихъ точно также, по древнему закону приличія, доходилъ лишь до колѣна. Большинство же было въ гиматіяхъ настолько удлиненныхъ, что нижній край его тащился по землѣ. Такъ какъ съ увеличеніемъ объема одежды увеличивалась и трудность драпироваться ею, то упражненіе въ этомъ искусствѣ составляло суще-

Digitized by Google

ственную часть воспитанія. Притомъ благопристойность требовала, чтобы въ покойномъ положеніи обѣ руки были подъ одеждой, а при движеніи по крайней мѣрѣ правая рука была бы закрыта. Чтобы удобнѣе было удовлетворять подобнымъ требованіямъ, къ угламъ одежды были пришиты небольшія, обтянутыя матеріею, гирьки въ видѣ кистей, отчего накинутый на плеча гиматій не только ниспадалъ свободными и упругими складками, но и яснѣе обрисовывались формы тѣла.

Въ толпѣ по тому можно было различить состояніе, къ которому принадлежали прохожіе: густые и длинные волоса и полная борода были лучшимъ украшеніемъ и отличительнымъ признакомъ свободнаго мужчины. Короткіе волоса были признакомъ убожества и низкаго происхожденія.

Среди толпы можно было замѣтить, хотя и немногихъ, женщинъ, одѣтыхъ въ платье покроемъ одинаковое съ мужскимъ, только, разумѣется, нѣсколько наряднѣе; обувь была цвѣтная, съ металлическими украшеніями; нѣсколько щеголихъ были обуты въ крепиды съ очень высокими каблуками; на головахъ были сѣтки изъ шнурковъ; у нѣкоторыхъ—цвѣтныя ленты и обручи, прямые и вырѣзанные полумѣсяцемъ; обручи эти были изъ позолоченой, раскрашеной и тисненой кожи; иные—металлическіе изъ бронзы, золота и серебра.

Расталкивая толпу, пробирались дюжіе рабы съ носилками, въ которыхъ несли знатныхъ дамъ, тоже торопившихся взглянуть на заморскія новинки. Кругомъ себя онѣ распространяли благоуханіе отъ благовоннаго масла и очень дорогихъ эссенцій, которыми онѣ натирали себѣ кожу и волоса.

Одежды ихъ сдѣланы изъ драгоцѣнныхъ узорчатыхъ персидскихъ, финикійскихъ пурпуровыхъ и *серійскихъ* или шолковыхъ тканей; закутаны онѣ въ вуали съ золотыми полосками или шитые цвѣтами. На головѣ замысловатая прическа, покрытая золотою пудрою или шафрановымъ порошкомъ. Но какъ ни измѣнялась прическа греческихъ женщинъ, она постоянно сохраняла свойственную ей особенность—оставлять лобъ по возможности меньше открытымъ. Дамы эти, съ подрисованными глазами и бровями, были нарумянены и набѣлены керузой и покрыты ожерельями, браслетами, перстнями и серьгами, на которыхъ блестѣли самоцвѣтные камни.

А какое движеніе бывало въ этихъ улицахъ, когда мѣсяцъ Артемизій разсыпалъ надъ городомъ пышный покровъ изъ цвѣтовъ и когда чествовалась разными общественными церемоніями богиня-покровительница Эфеса! Съ какими шумными ликованіями

Digitized by Google

и радостными возгласами стремились граждане къ храму, откуда разносились торжественные звуки благодарственнаго гимна; сколько въ эти дни бывало развлеченій, начиная съ общественныхъ пиршествъ и кончая играми и представленіями въ циркѣ, театрѣ и навмахіи,—развлеченій удовлетворявшихъ потребности въ зрѣлищахъ, безъ которой немыслимы подвижные, увлекающіеся жители юга!

Но вотъ повѣяло новымъ духомъ: въ утомленныхъ душахъ многихъ стали возникать сначала смутныя чувства неудовлетворенности, желанія нѣсколько приподняться, отрѣшиться отъ заботъ исключительно мірскихъ,—чувства, облекшіеся скоро въ болѣе опредѣленныя формы недовольства существующимъ строемъ и исканія новыхъ путей, которые могли бы доставить большее удовлетвореніе духовной природѣ человѣка, не находившей прежняго содержанія въ одряхлѣвшей уже религіи многобожія. И снова бѣгутъ толпы по улицамъ, но на этотъ разъ уже къ синагогѣ, гдѣ проповѣдуетъ пришелецъ новое высокое ученіе, призывающее къ участію въ царствѣ божіемъ, въ вѣчномъ загробномъ блаженствѣ, именно тѣхъ, которые несчастны на землѣ, обременены здѣсь и унижены,—ученіе, которое все основано на любви къ ближнему. Бѣгутъ, торопятся онѣ, чтобы не пропустить проповѣди, такъ какъ молва разнесла уже по городу, что убѣжденное, пламенное слово Христова апостола потрясаетъ всѣхъ слушателей, проникая ихъ до глубины души, до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ человѣческаго сердца...

Строеніе, расположенное на ю.-в. Эфеса на возвышенности, составляющей одинъ изъ отроговъ Корисса и извѣстное подъ именемъ темницы св. Павла, состоитъ изъ двухъ тѣсныхъ помѣщеній съ толстѣйшими стѣнами и узкими окнами. Лишь крыша обрушилась, а самыя стѣны, покрытыя черною копотью, сохранились довольно хорошо. Собственно говоря, башня эта никогда не была темницею апостола Павла, а была лишь одною изъ составныхъ частей укрѣпленій, построенныхъ Лизимахомъ для обороны Корисса. По всему гребню горы идетъ на протяженіи двухъ верстъ великолѣпно построенная изъ тесаныхъ камней стѣна того города, куда Лизимахъ выселилъ эфесцевъ, жившихъ до того времени по низменности, прилегающей къ храму Діаны. Стѣна эта на извѣстныхъ промежуткахъ прерывается башнями съ бойницами и соединяетъ горы Кориссъ и Пріонъ въ мѣстности къ югу отъ развалинъ гимназіи.

Съ холма, на которомъ высится предполагаемая темница св. Павла, развертывается обширный видъ на развалины Эфеса, нынѣш-

Digitized by Google

нее состояніе котораго являетъ грустную и рѣзкую противоположность съ первобытнымъ блескомъ былого „торжища всего міра". Печальный, болотистый берегъ рѣки, при устьѣ занесенной пескомъ; далѣе стелется низкій кустарникъ, убѣжище волковъ и шакаловъ; еще далѣе когда-то плодоносная долина, по которой вьется Кайстръ, теперь же гнилое болото, испещренное тинистыми прудами, на которыхъ плаваютъ цѣлыя стаи водяныхъ птицъ,—и повсюду развалины, однѣ развалины...

Въ послѣдніе годы эфесская равнина сдѣлалась излюбленнымъ мѣстомъ пребыванія турецкихъ разбойниковъ; никакія старанія турецкихъ властей не могутъ выжить ихъ оттуда. Терроризируя окрестныхъ жителей, разбойники всегда находятъ себѣ вѣрное убѣжище, и ихъ всегда во-время предувѣдомляютъ о движеніяхъ турецкихъ отрядовъ.

Впрочемъ разбойничество уже издавна составляло одну изъ язвъ Турціи, и, кажется, ни въ одной странѣ правительство не относится къ нему такъ странно, чтобы не сказать болѣе.

Когда какой-нибудь губернаторъ долго и безуспѣшно воюетъ съ какою-нибудь разбойничьею шайкою, и ему, наконецъ, надоѣдаетъ подобное толченіе воды, онъ посылаетъ своего агента предложить разбойникамъ компромиссъ, заключающійся въ томъ, что они поступятъ на службу правительства въ качествѣ полицейскихъ и будутъ получать такое-то жалованье; что касается ихъ прошлыхъ прегрѣшеній, то, конечно, все это будетъ предано забвенію. Чаще всего разбойники принимаютъ предложенный компромиссъ, и вотъ вчерашній грабитель преображается въ защитника мирныхъ гражданъ и облекается въ жандармскій мундиръ. Иные такъ и остаются до конца своихъ дней вѣрными слугами правительства; иные же не выдерживаютъ искушенія и, томимые тоскою по вольному простору родныхъ горъ и полей, сбрасываютъ съ себя давящій ихъ могучія плеча узкій турецкій мундиръ и снова принимаются за старое ремесло—до тѣхъ поръ, пока снова не устанутъ и не войдутъ съ правительствомъ въ новый компромиссъ.

Одинъ французскій путешественникъ прелюбопытно описываетъ одинъ изъ подобныхъ компромиссовъ между требизондскимъ генералъ-губернаторомъ и шайкою разбойниковъ, въ продолженіе восемнадцати лѣтъ опустошавшихъ городскія окрестности и убившихъ множество людей.

Когда сдѣлка состоялась, паша пригласилъ атамана, армянина родомъ, сдѣлать ему визитъ; съ утра городъ пришелъ въ движеніе; вотъ въ городскихъ воротахъ показался и знаменитый атаманъ съ своими товарищами, всѣ вооруженные съ головы до

Digitized by Google

ногъ. Толпа почтительно тѣснилась, чтобы поглядѣть на тѣхъ, кто столько лѣтъ безнаказанно хозяйничалъ близь города и былъ ужасомъ проѣзжихъ и прохожихъ купцовъ, торговцевъ и просто зажиточныхъ людей.

Привѣтствуемая всѣми, шайка прошла чрезъ весь городъ и вступила въ губернаторскій конакъ (дворецъ).

Паша принялъ ихъ отмѣнно, угощалъ табакомъ и кофе и долго бесѣдовалъ съ атаманомъ, къ которому онъ, повидимому, чувствовалъ непритворное уваженіе. Между прочимъ, онъ освѣдомился, какъ же это такъ онъ загубилъ столько душъ,—вѣдь это грѣхъ, и онъ долженъ пойти за то въ адъ. Атаманъ пояснилъ ему, что онъ предусмотрѣлъ подобную неловкость, а потому когда надо было убивать мусульманина, то это исполнялось всегда христіанскимъ членомъ шайки; если же, наоборотъ, жертвою долженъ былъ быть христіанинъ, то палачемъ его являлся мусульманинъ. Такъ какъ мусульмане и христіане взаимно не признаютъ души у своихъ противниковъ-иновѣрцевъ, то, въ сущности, и выходитъ, что шайка не погубила ни одной души, и потому можетъ безъ всякаго угрызенія совѣсти или страха смотрѣть въ будущее и не считать испорченнымъ свое загробное существованіе.

Паша вполнѣ согласился съ неотразимою логикою подобнаго разсужденія и осыпалъ разбойниковъ всевозможными любезностями [1]).

За послѣднее время эфесскую равнину выбрали своимъ притономъ шайки Мехмедъ Чолака и Пехлевана Али (богатыря Али).

Первый вступалъ уже въ компромиссъ съ властями, бывалъ жандармомъ и снова дѣлался разбойникомъ.

Пехлеванъ Али никакъ не давался въ руки; жаловались на него самому султану, и тотъ приказалъ во что бы то ни стало уничтожить эту шайку. Пришла о томъ телеграмма смирнскимъ властямъ.

Чрезъ нѣсколько дней летитъ въ Константинополь отвѣтная телеграмма о томъ, что во исполненіе повелѣнія падишаха („да будетъ имя его благословенно во вѣки") злоумышленники были разсѣяны, а самъ Пехлеванъ захваченъ живымъ.

Къ несчастію смирнскихъ властей, султанъ пожелалъ лично видѣть захваченнаго разбойника, и его въ кандалахъ отправили въ Стамбулъ. Всѣ же принимавшіе въ поимкѣ участіе офицеры и солдаты получили ордена и щедрыя денежныя награды.

По прибытіи плѣнника въ Константинополь, оказалось, однако,

---

[1]) Voyage en Orient, par Fontanier. 1884.

Digitized by Google

что это былъ совсѣмъ не Пехлеванъ, а просто какой-то несчастный, котораго схватили, заковали въ кандалы и отправили подъ видомъ пойманнаго разбойника къ султану.

Узнавъ о томъ падишахъ разсердился, приказалъ отобрать пожалованные ордена и награды и выдать пособіе пострадавшему.

Эта исторія, повергшая смирнскія власти въ порядочный конфузъ, происходила не далѣе какъ въ 1888 году.

Но возвратимся къ древностямъ.

Какой красивый видъ долженъ былъ открываться 21-го іюля 356 г. до Р. Х. съ той самой башни, которой присвоено теперь имя темницы св. Павла: подъ темно-голубымъ небомъ, сіяющимъ лучезарнымъ свѣтомъ, далеко, далеко тянутся зеленѣющія долины Іоніи, по которымъ серебряными нитями змѣятся маленькіе рѣчки и ручьи, почти припадающіе къ чащѣ олеандровъ и мастичныхъ деревъ. Мѣстами поднимались кипарисы, платаны, колоссальные клены и кедры, темная листва которыхъ выдѣляется на болѣе нѣжныхъ оттѣнкахъ пространствъ, занятыхъ пажитями и виноградниками. Горизонтъ замыкается поднимающимися уступами горныхъ цѣпей Дра̀кона, Тлюла и Месогиса, многочисленные отроги которыхъ идутъ до Троады, соединяясь тамъ съ горнымъ кряжемъ Иды.

Направо, къ югу, у подножія Корисса, Пактія и Пріона, раскинулся Эфесъ съ своими маленькими бѣлыми домиками съ плоскими крышами, съ своими великолѣпными общественными зданіями, храмами, дворцами, монументальными термами, большимъ портикомъ агоры и театромъ, полукружіе котораго врѣзывается въ бокъ Корисса.

Слѣва, у праваго берега Кайстра, пересѣкающаго всю эфесскую долину, открывается верхняя часть гавани, усѣянная триремами, ладьями и пендеконтерами, щетинящимися цѣлымъ лѣсомъ мачтъ. Далѣе къ сѣверу поднимаются уже утесистыя кручи Галисса.

Прямо предъ нами на первомъ планѣ высится одно изъ семи чудесъ свѣта — храмъ Діаны, построенный на лѣвомъ берегу Кайстра, близь его устья, въ самой глубинѣ эфесскаго залива. Онъ весь изъ бѣлаго мрамора, подобнаго слоновой кости — „candore proximo ebori et quadam similitudine“; окружаетъ его двойной рядъ колоннъ; восемь колоннъ возвышаются предъ портикомъ; огромное отверстіе, продѣланное въ кровлѣ храма позволяетъ находящимся въ святилищѣ видѣть надъ собою синее, безоблачное небо. Сквозь одну изъ полуотворенныхъ кипарисовыхъ дверей съ золотыми вставками, видна часть внутренности жилища богини: тамъ виднѣются массивныя, золотыя коровы — даръ знаме-

Digitized by Google

нитаго царя лидійскаго, Креза; тамъ же стоятъ четыре безцѣнныхъ вазы греческаго чеканщика Ментора, жившаго въ вѣкъ Перикла и искусныя работы котораго по золоту, серебру и бронзѣ вслѣдствіе своей рѣдкости цѣнились въ неслыханныя суммы денегъ; тамъ, наконецъ, виднѣется и главнѣйшая святыня храма—своеобразное изваяніе самой Діаны.

Въ одномъ изъ домиковъ, затерявшихся въ общей массѣ Эфеса, жилъ Геростратъ. Кто былъ онъ—историки молчатъ, презрительно называя его *quidam* (нѣкто). Повидимому, это былъ либо рабъ, либо вольноотпущенникъ, либо, наконецъ, какой-то темный гражданинъ, зараженный пламенною жаждою извѣстности, который, несмотря на настойчивое его желаніе и постоянныя усилія, не могъ выйти изъ тѣни, его душившей, и въ которой онъ долженъ былъ влачить свое существованіе. Тогда, переходя отъ желанія къ желанію, отъ разочарованія къ разочарованію, Геростратъ доходитъ до маніи гордости, смѣшанной съ бредомъ бѣшенаго честолюбія. „Я прославлюсь сожженіемъ храма Діаны!“ восклицаетъ онъ, наконецъ, въ порывѣ безумія.

Тьма уже накинула свой покровъ на спящій городъ. Герострату, съ скрытымъ факеломъ въ рукахъ, удалось пробраться въ храмъ. Скоро густой дымъ заволокъ всѣ части огромнаго строенія. Вотъ побѣжали по потолку огненныя змѣйки, запылала завѣса; съ шипѣньемъ и свистомъ вырвались, какъ вихрь, огромные языки пламени, которые стали лизать фризы, фронтонъ и мраморныя колонны. Двери изъ кипариса, деревянныя лѣстницы, статуя богини, разныя вещи, необходимыя для служенія, одѣянія жрецовъ, предметы повѣшенные въ храмѣ, какъ ex voto—все это даетъ страшную пищу огню: стѣны рушатся и увлекаютъ за собою и колонны, и архитравы. Преступленіе совершилось. Внутренность храма — одинъ пламенѣющій костеръ, внѣшнія его стѣны—лишь груда развалинъ.

Утренняя заря освѣщаетъ пожарище своими розовыми лучами. Эфесцы толпами сбѣгаются къ мѣсту несчастія. Полицейскіе стрѣлки задерживаютъ виновнаго, который вовсе и не думаетъ скрываться. Его роль сыграна—что̀ ему теперь до жизни, когда онъ достигъ безсмертія!

Собирается общій совѣтъ іонійскихъ городовъ. Герострата пытаютъ, принуждаютъ сознаться въ истинной причинѣ преступленія. Онъ съ гордостью отвѣчаетъ, что поступилъ такъ, чтобы прославиться навсегда. Святотатецъ приговоренъ къ смерти, и, какъ справедливое возмездіе, ему читаютъ предъ отправленіемъ на казнь постановленіе іонійскаго собранія, опредѣляющее смерт-

Digitized by Google

ную казнь тому, кто произнесетъ или напишетъ зловѣщее имя Герострата.

Осужденный, но не раскаявшійся преступникъ могъ бы въ дѣйствительности гордиться своимъ ужаснымъ злодѣяніемъ и предсказать членамъ собранія, что время лишитъ ихъ постановленіе всякой силы, онъ могъ бы сказать имъ: „мое имя начертано теперь огненными буквами на развалинахъ храма Діаны. Пройдутъ вѣка; Эфесъ великолѣпный обратится въ заброшенный пустынный морской берегъ; богиня будетъ изгнана изъ всѣхъ храмовъ —а я буду все-таки знаменитѣйшимъ между знаменитыми. До тѣхъ поръ, пока сохранится воспоминаніе объ эфесскомъ храмѣ, о богинѣ Діанѣ и о древней Элладѣ, до тѣхъ поръ не умретъ имя Герострата“

II.

Дорога отъ Эфеса до Айдина, древнихъ Траллъ, очень живописна.

Поѣздъ карабкается по крутымъ утесамъ, отрогамъ Тавра, несется надъ обрывистыми, глубокими оврагами и пробѣгаетъ даже два туннеля, изъ которыхъ послѣдній въ семь минутъ длины. Силы одного локомотива здѣсь не хватаетъ, а потому сзади поѣздъ поднимается вторымъ паровозомъ.

Но разъ взобравшись на плоскую возвышенность, глазъ наслаждается лежащею впереди прекраснѣйшею долиною, покрытою масличными деревьями и виноградниками, и въ глубинѣ которой серебряною змѣею извивается Меандръ. Самый городъ Айдинъ расположенъ при подножіи холма продолженіи Месогиса, на которомъ стояли Траллы.

Траллы, древній лидійскій городъ, на маленькой рѣчкѣ Эвдонѣ, притокѣ Меандры, занимая очень выгодное для транзитной торговли положеніе между Эфесомъ и внутренними городами, рано достигли цвѣтущаго состоянія и были, по словамъ Страбона [1]), густо заселены богатыми людьми, какъ немногіе азіатскіе города; одинъ изъ мѣстныхъ жителей, Пиѳодоръ, обладалъ состояніемъ въ 2.000 талантовъ (3.000.000 руб.); отсюда, какъ говоритъ Ювеналъ, изнѣженные жители пріѣзжали въ Италію портить нравственность римлянъ.

Атталъ I, царь пергамскій, очень любилъ это мѣсто и по-

[1]) Кн. XIV, гл. 1.

Digitized by Google

строилъ здѣсь великолѣпный дворецъ, украшенный многими рѣдчайшими произведеніями искусства: между ними была картина художника Аристида, за которую, какъ сообщаетъ Плиній (кн. VII), царь заплатилъ сто талантовъ (150.000 р.).

Щедро покровительствуя искусствамъ, Атталъ много содѣйствовалъ также развитію мѣстной промышленности: при немъ достигла высокаго совершенства выдѣлка богатыхъ ковровъ и тканей; а такъ какъ царь, посылая въ Грецію и Римъ дары, выбиралъ по преимуществу предметы мѣстнаго производства, то этимъ содѣйствовалъ къ распространенію вкуса къ нимъ и въ другихъ странахъ, жадно стремившихся украсить свои дотолѣ бѣдныя по убранству жилища разнообразными произведеніями богатой Азіи, что въ свою очередь способствовало расширенію и усовершенствованію производства такихъ предметовъ въ самой Азіи.

Затѣмъ въ Траллахъ былъ храмъ побѣды, гдѣ стояла статуя Юлія Цезаря; историки Цезаря разсказываютъ, что здѣсь произошло чудо въ день фарсальской битвы: несмотря на то, что полъ храма былъ вымощенъ мраморомъ, въ этотъ день изъ него вдругъ выросла пальма, обвившая пьедесталъ статуи. Въ царствованіе Августа городъ былъ совершенно разрушенъ землетрясеніемъ. Обстроившись вновь, городъ еще нѣсколько разъ подвергался такому же бѣдствію.

Нашествія мусульманъ, пожары и землетрясенія обратили древніе Траллы въ груду развалинъ. Императоръ Андроникъ, сынъ Палеолога, заѣхавъ сюда, былъ прельщенъ красотою мѣстоположенія и рѣшилъ возстановить городъ. И дѣйствительно, какъ только были построены городскія стѣны, жители во множествѣ стали въ нихъ стекаться, и городъ началъ принимать свой былой видъ, какъ вдругъ его осадили мусульмане.

Перехвативъ русло Эвдона, турки оставили городъ безъ воды. Тѣмъ не менѣе Траллы продолжали защищаться геройски, но, наконецъ, были взяты приступомъ, и всѣ ихъ жители перерѣзаны поголовно.

Когда сельджуки овладѣли Каппадокіей, всѣ ихъ вожделѣнія устремились къ захвату западной части Малой Азіи; города, господствовавшіе надъ долинами, стали одинъ за другимъ переходить подъ ихъ власть.

Слабые византійскіе императоры не могли уже защищать вновь поднявшіеся Траллы, и они были взяты эмиромъ Айдиномъ, который получилъ этотъ городъ въ удѣлъ отъ иконійскаго султана.

Траллы были родиною Флегона, греческаго историка II-го столѣтія, вольноотпущенника Адріана, умершаго при Антонинѣ

Digitized by Google

Благочестивомъ. Изъ его сочиненій дошли до насъ: „De rebus mirabilibus“, „De longaevis“ и „De Olympiis“; остальныя два: описаніе и исторія Сициліи и трактатъ о празднествахъ римлянъ— утрачены.

Здѣсь же въ VI вѣкѣ, въ царствованіе Юстиніана, родились двѣ знаменитости: строитель Анѳимій и докторъ Александръ.

Анѳимій, зодчій, ваятель и математикъ, имѣлъ глубокія познанія въ физикѣ и химіи и по всей вѣроятности былъ знакомъ съ составомъ пороха. По крайней мѣрѣ, по словамъ древнихъ, онъ нашелъ средство подражать землетрясенію, грому и молніи; между прочимъ, онъ устроилъ замѣчательное зеркало, которымъ объяснялось, какъ могъ Архимедъ сжечь съ помощью своихъ зеркалъ римскіе корабли. Онъ, по приказанію императора, начерталъ планъ св. Софіи, но смерть помѣшала ему завершить самую постройку, доведенную до конца уже Исидоромъ Милетскимъ.

Александръ занимаетъ почетное мѣсто между лучшими врачами. Главное сочиненіе его—„библія ятріонъ“—дошло до насъ вполнѣ. Въ двѣнадцати книгахъ оно представляетъ полное описаніе всѣхъ болѣзней, кромѣ хирургическихъ: Александръ первымъ сталъ употреблять гортанное кровопусканіе и желѣзо въ лекарствахъ.

Въ сочиненіяхъ своихъ Александръ безпрерывно внушаетъ врачамъ не увлекаться авторитетами и системами, но при леченіи больныхъ обращать постоянно вниманіе на состояніе организма, возрастъ и пр. Совѣты эти были далеко не лишни тамъ, гдѣ противъ укушенія бѣшеной собаки считали возможнымъ употреблять изобрѣтенныя Антеемъ пилюли, приготовляемыя изъ черепа человѣка, умерщвленнаго посредствомъ повѣшенія.

Къ слову сказать, турецкіе города вообще кишатъ врачами, можетъ быть, потому, что до послѣдняго времени въ Турціи былъ предоставленъ широкій просторъ всѣмъ, кто желалъ врачевать страждущее человѣчество: съ нихъ не требовали ни дипломовъ, ни экзаменовъ, и они могли лечить, не спрашивая даже никакого позволенія отъ мѣстныхъ властей. Впрочемъ требованіе диплома въ дѣйствительности не давало бы никакихъ существенныхъ гарантій въ томъ, что обладатель его имѣетъ всѣ необходимыя по его профессіи познанія, такъ какъ нѣкоторые европейскіе университеты и понынѣ, за извѣстную сумму, съ большою легкостью выдаютъ желающимъ дипломы на доктора, съ прибавленіемъ лишь словъ: „для Востока“.

Разсказываютъ, что въ былое время, объявляя войну султану, венеціанская республика начинала обыкновенно непріятельскія

Digitized by Google

дѣйствія противъ Турціи посылкою въ Константинополь нѣсколькихъ сотенъ подобныхъ спеціально-восточныхъ докторовъ.

Нынѣшній Айдинъ, расположенный нѣсколько къ востоку отъ древнихъ Траллъ—небольшой, довольно грязный городъ съ 35.000 жителей, изъ которыхъ 24.000 турокъ, а остальные распредѣляются между армянами, греками и евреями. Надъ городомъ, являющимся центромъ значительной торговли смоквами и тканями, доставляемыми изъ внутренности страны, поднимается гора Тораксъ, на которой виднѣются развалины турецкой крѣпости, мѣстоположеніе которой такъ высоко цѣнилось турками, что они дали ей названіе Гюзель-Хисаръ (красивая крѣпость).

Нынѣшнее имя города, перенесенное и на весь вилайетъ, административнымъ центромъ котораго является Смирна, напоминаетъ одного изъ наиболѣе извѣстныхъ мусульманскихъ владѣтелей Малой Азіи, эмира Айдина, жившаго въ концѣ XIII и началѣ XIV столѣтія,—одного изъ тѣхъ, которые наиболѣе потщились исполнить завѣтъ Магомета о распространеніи владѣній ислама.

Пророкъ постоянно говорилъ правовѣрнымъ, что на него возложена задача воевать съ невѣрными (т.-е. съ не-мусульманами) до тѣхъ поръ, пока они не произнесутъ мусульманскаго символа вѣры: „нѣтъ божества кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его". Онъ раздѣлилъ всю вселенную на двѣ части: одна Дар-уль-Исламъ (обиталище ислама) и Дар-уль-харбъ (обиталище войны), и увѣщевалъ своихъ послѣдователей: „Завершите мое дѣло, распространите повсюду обиталище Ислама. Обиталище войны, земля невѣрныхъ, принадлежитъ Богу, и онъ отдаетъ вамъ его". Всякій мусульманинъ, по Корану, не что иное, какъ воинъ, служащій Богу; онъ вступаетъ въ службу по совѣсти; владѣніе оружіемъ для него—дѣло вѣры.

„Сражайтесь,—повторяетъ Магометъ,—до тѣхъ пока, пока вы не истребите невѣрныхъ. Нѣкоторые изъ васъ падутъ въ борьбѣ: тѣмъ, кто погибнетъ—рай; тѣмъ, кто останется въ живыхъ—побѣда. Впереди васъ рай, позади—геена огненная", и этими словами наслѣдники и преемники Магомета повели правовѣрныхъ къ побѣдамъ надъ Востокомъ и Западомъ.

Проникнутые пламенною вѣрою въ исполненіе пророчества основателя ихъ религіи, турки были и остались лишь воинами ислама. Распространивъ Дар-уль-Исламъ почти до сердца Европы, турки стали въ этой странѣ лишь военнымъ станомъ: покоряя себѣ христіанъ, они довольствовались исключительно внѣшнею властью, нисколько не желая обращать вниманія на внутреннюю

Digitized by Google

жизнь покоренныхъ народностей; они помнили лишь слова Магомета II, обращенныя къ райямъ: „работай, молись и плати, какъ ты самъ знаешь, но главное—плати, такъ какъ всѣ отвѣтственны за всѣхъ". Заботясь сами только о войнѣ, турки пренебрегли другими государственными задачами, и потому не могли претворить въ себя ни одной изъ порабощенныхъ ими національностей, гдѣ внутренняя жизнь продолжала идти самостоятельно и притомъ въ направленіи враждебномъ по отношенію къ завоевателямъ. Конечный результатъ такого порядка вещей было не трудно предвидѣть: по мѣрѣ того, какъ крѣпли входившія въ составъ оттоманской имперіи христіанскія народности, сама Турція все слабѣла, и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе теряла въ тоже время одну христіанскую область за другою.

Въ Айдинѣ туркамъ болѣе простора; они здѣсь дома, не то что въ Европѣ, гдѣ, по гнѣздящемуся въ самой глубинѣ души убѣжденію каждаго мусульманина, они—лишь гости. На улицахъ встрѣчаешь лишь почтенныя, патріархальныя фигуры истыхъ турокъ въ чалмахъ, шубкахъ и ситцевыхъ кацавейкахъ канареечнаго и фисташковаго цвѣта: полу-европейскаго стамбулина почти не видать, сожалѣть о чемъ, впрочемъ, не приходится. Жизнь течетъ здѣсь тихо, мирно, вполнѣ по мусульманскому строю. Не смотря на желѣзную дорогу, европейцевъ совсѣмъ не видать, такъ что ихъ случайное присутствіе не нарушаетъ безмятежный кейфъ мѣстнаго обывателя.

Видя меня бродящимъ по городу, жители разѣвали рты отъ изумленія, хотя мусульманскія правила благоприличія требуютъ не удивляться ничему; самыя собаки не знали, какъ отнестись къ моему появленію, хотя и склонялись скорѣе на сторону наступательныхъ дѣйствій.

Городъ вообще довольно грязный; смотря на соръ, навозъ, спокойно валяющійся по улицамъ, невольно вспоминаешь, что ненавистью къ уличной чистотѣ заражены не одни турки: въ XVIII ст. въ Мадридѣ, когда король Карлъ III запретилъ бросать на улицахъ навозъ, муниципалитетъ возмутился и подалъ королю длинную петицію, гдѣ доказывалъ, что чистый воздухъ слишкомъ рѣзокъ для легкихъ, и что испанская уличная грязь будто бы смягчаетъ его. Курьезный документъ этотъ сохранился въ мадридскомъ архивѣ и понынѣ.

Турки, повидимому, держатся такого же взгляда относительно вреда слишкомъ чистаго воздуха. Будучи прекраснымъ семьяниномъ, турокъ никогда не идетъ по улицѣ рядомъ съ своею женою: это было бы слишкомъ большимъ униженіемъ своего собственнаго до-

Digitized by Google

стоинства; дома, въ гаремѣ, мусульманинъ обращается съ женою очень мягко, какъ бы искренно убѣжденный въ ея безграничной слабости. Въ своихъ поступкахъ онъ руководствуется впрочемъ словами пророка, замѣтившаго съ отмѣнною справедливостью, что необходимо быть снисходительнымъ къ женщинѣ, такъ какъ она сдѣлана изъ ребра, и что, слѣдовательно, еслибы мы захотѣли выпрямить такую изогнутую кость силою, то неминуемо сломали бы ее. Но въ виду этой самой слабости женщины, ея неизмѣримо низшаго положенія по сравненію съ положеніемъ мужчины, мусульманинъ и не покажется вмѣстѣ съ нею публично, или же она пойдетъ за нимъ слѣдомъ, а онъ сдѣлаетъ видъ, что она совершенно посторонняя, ему незнакомая, женщина.

Зато съ дѣтьми своими турокъ очень любитъ выходить погулять и ведетъ ихъ за руку. Дѣтей мусульмане обожаютъ; необходимо допустить, что лишь искренно любящій дѣтей могъ выразиться въ Коранѣ, что „поцѣлуй, даваемый ребенкомъ своей матери, одинаковъ по своей сладости съ тѣмъ поцѣлуемъ, который мы напечатлѣемъ на порогѣ рая". Турецкія дѣти вообще прехорошенькія, съ ясными, черными глазками. Дѣвочекъ зачастую, пока онѣ маленькія, одѣваютъ мальчиками въ платье на европейскій ладъ, въ курточки изъ ярко-зеленаго или ярко-лиловаго цвѣта.

Главное прибѣжище турокъ, ихъ клубъ, это—кофейня. Здѣсь турокъ не спѣша тянетъ свой кальянъ, цѣлыми часами упиваясь бульбульканіемъ воды, поднимающейся въ кальянѣ при каждой затяжкѣ табакомъ. Изрѣдка сосѣдъ сообщитъ какую-нибудь, уже обыкновенно не первой молодости, новость, обратится съ вопросомъ, но не ждетъ скораго отвѣта, зная, что собесѣдникъ его, какъ и онъ самъ сдѣлалъ бы на его мѣстѣ, не будетъ торопиться отвѣчать: къ чему торопливость, все и безъ того придетъ въ свое время! Арабская пословица не даромъ сказала: „слово—серебро, молчаніе—золото". А молчать иногда такъ пріятно; глазъ лѣниво слѣдитъ за голубыми струйками дыма, какъ онѣ изъ маленькихъ дѣлаются все больше и больше, бѣлѣютъ и, наконецъ, совсѣмъ расплываются въ воздухѣ. Голова не томится усиленною работою; мучительныя мысли, терзанія, все это уходитъ куда-то далеко; часъ за часомъ проходитъ въ этомъ созерцательномъ настроеніи, и правовѣрному начинаетъ казаться, что онъ уже добирается до седьмого неба.

По воззрѣніямъ мусульманъ, небо—это пары, производимые морскими испареніями, которымъ Богъ даетъ зеленоватый цвѣтъ, извлекаемый изъ изумрудныхъ рудниковъ, скрытыхъ въ горѣ Кафъ,

Digitized by Google

служащей осью для всей тверди небесной. Всѣхъ небесъ семь: первое, ближайшее къ землѣ, состоитъ, какъ сказано выше, изъ зеленой воды, второе—изъ воды чистой, третье—изъ изумрудовъ, четвертое—изъ золота, пятое—изъ гіацинта, шестое—изъ облаковъ и седьмое—изъ огня. Всѣ же эти небеса окружены обширнымъ океаномъ.

Но были для курильщиковъ и черные дни во время султана Мурада IV (1623—1640), который издалъ указъ о запрещеніи кофе, опіума и табаку, и рѣзалъ губы курильщикамъ, пойманнымъ на мѣстѣ преступленія; иногда ихъ даже обезглавливали.

По разсказу Дмитрія Кантеміра, одному закоренѣлому курильщику, по имени Тиріаки, удалось избѣжать смерти, несмотря на то, что онъ былъ изловленъ самимъ султаномъ.

Этотъ Тиріаки никакъ не могъ примириться съ указомъ, который лишалъ его любимой трубки; съ другой стороны, его мало прельщали суровыя наказанія нарушителямъ указа. Поэтому, чтобы избѣжать преслѣдованія, онъ придумалъ выкопать у себя въ саду яму, прикрытую дерномъ, куда онъ и влѣзалъ, чтобы накуриться. Всѣ предосторожности, кажется, были приняты, чтобы не быть открытымъ—тѣмъ не менѣе, его выслѣдили, обративъ вниманіе на дымокъ, выходившій изъ земли, и донесли султану, который явился самъ и накрылъ преступника. Въ такихъ непріятныхъ обстоятельствахъ Тиріаки, однако, не потерялся и, не выходя изъ своей ямы, закричалъ султану: „Вонъ отсюда, сынъ рабыни! новый указъ относится къ живущимъ на землѣ, а не къ находящимся подъ землею". Выходка эта спасла ему жизнь: Мурадъ нашелъ ее настолько забавною, что особымъ повелѣніемъ было разрѣшено одному Тиріаки курить сколько ему вздумается.

Султанъ этотъ, столь строгій по отношенію къ кофе и табаку, былъ, въ противность предписаніямъ Корана, чрезвычайно снисходителенъ къ пьяницамъ и самъ подавалъ своимъ подданнымъ наилучшій примѣръ.

Коранъ установилъ свое запрещеніе вина на примѣрѣ двухъ ангеловъ, Арота и Марота, которымъ поручено было прежде управленіе всѣмъ человѣческимъ родомъ. Однажды ангелы эти были приглашены въ домъ одной добродѣтельной красавицы, чтобы быть посредниками въ ссорѣ, происшедшей между этою послѣднею и ея мужемъ. Во время обѣда, ангеловъ угостили виномъ; попробовавъ и очень одобривъ невѣдомый имъ дотолѣ напитокъ, ангелы, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, стали ухаживать за хозяйкою дома. Та, наконецъ, обѣщала уступить ихъ желаніямъ, если они научатъ ее словамъ, которыя они сами употребляютъ, чтобы воз-

Digitized by Google

носиться на небо. Эта хитрость избавила ее отъ преслѣдованій, такъ какъ не успѣла она произнести кабалистическія слова, какъ была перенесена къ престолу самого Бога, который, въ награду за ея цѣломудріе, тотчасъ же превратилъ ее въ звѣзду.

Аротъ же и Маротъ, въ наказаніе за ихъ безнравственность, были приговорены оставаться до самаго страшнаго суда повѣшенными за ноги на толстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ въ колодцѣ, называемомъ Бабиль.

Питтакъ, какъ мы видѣли выше, тоже сурово относился къ пьяницамъ, совершавшимъ преступленія, наказывая ихъ вдвойнѣ и за проступокъ, и за то, что они напились.

Апостолъ Павелъ увѣщевалъ эфесцевъ не пить вина: „въ винѣ бо блудъ".

Вообще древніе выражались, что виноградная лоза производитъ три кисти: первая — кисть удовольствія, вторая — пьянства, третья—кисть плача, печали и ссоръ.

Любимымъ напиткомъ турокъ остается вода и кофе, который здѣсь умѣютъ приготовлять особенно хорошо. Имъ восхищался еще Pietro della Valle, итальянскій путешественникъ первой половины XVII столѣтія. Кофе не былъ еще тогда извѣстенъ въ Италіи; выхваляя разныя прекрасныя качества этого напитка, della Valle высказывалъ предположеніе, что *непентъ*, привезенный, по Гомеру, Еленой изъ Египта (Одис. 4), не что иное какъ кофе [1]).

Среди курящихъ въ кофейнѣ, на самомъ краю площадки, прикрытой трельяжемъ, обвитымъ жасминомъ и виноградомъ, обыкновенно примощается общественный писецъ съ своею огромною мѣдною чернильницею, формою похожей на кинжалъ; къ довершенію сходства, чернильницу эту при ходьбѣ затыкаютъ за поясъ.

Здѣсь онъ, надѣвъ большія круглыя очки въ серебряной оправѣ, выводитъ строчку за строчкой на желтоватой бумагѣ, которую онъ держитъ просто на ладони—турки никогда не пишутъ на столѣ. Къ нему близко придвинулась какая-то турчанка въ темнозеленой ферадже и быстро, быстро разсказываетъ то̀, что̀ писецъ долженъ изобразить на бумагѣ: быть можетъ, это письмо къ мужу въ Константинополь; быть можетъ, жалоба на невысылку имъ денегъ,—а откуда ему самому, бѣдному, ихъ взять, когда, по установившемуся обычаю, всѣмъ служащимъ въ Турціи не выдаютъ жалованья мѣсяцевъ по пятнадцати?!

Меня, по правдѣ сказать, всегда занималъ этотъ вопросъ:

---

[1]) Viaggi di Pietro della Valle, il pellegrino Romano. 1650. 154--155.

Digitized by Google

какъ могутъ существовать въ Турціи бѣдные чиновники съ семействами, не получая своего жалованья по нѣскольку мѣсяцевъ. Офицерамъ все-таки отпускается паекъ натурою, и они не рискуютъ, по крайней мѣрѣ, умереть съ голоду, а несчастные чиновники не имѣютъ даже этого источника: жизнь ихъ возможна лишь благодаря системѣ широкаго мелкаго кредита, которымъ они пользуются у лавочниковъ, поставщиковъ предметовъ первой необходимости, и изъ кабалы которыхъ они, разумѣется, никогда не могутъ выйти, развѣ лишь посчастливится получить хотя бы на время какое-нибудь хлѣбное мѣстечко, которое и позволитъ отложить деньгу на черный день.

При такихъ условіяхъ нечего и удивляться, что продажность, взяточничество, проходятъ красною нитью по всей турецкой администраціи, которая вся поголовно поставлена въ необходимость брать взятки, чтобы не умереть съ голоду. До какой степени разнообразія доходятъ эти взятки, можно, напр., видѣть изъ того, что когда турецкіе жандармы проѣздомъ бываютъ въ христіанскомъ селеніи, то они не только ѣдятъ и пьютъ даромъ, но при отъѣздѣ требуютъ еще отъ своихъ хозяевъ такъ-называемыя *дишъ-параси* (зубныя деньги)—вознагражденіе за трудъ зубовъ, которые должны были жевать предлагаемую имъ пищу.

Зная эту слабую сторону турецкой администраціи, турецкихъ судовъ, новые кліенты не перестаютъ осаждать писца своими дѣлами: еле успѣла турчанка получить свое посланіе, какъ ужъ ея мѣсто занялъ какой-то юркій субъектъ и сталъ излагать писцу матеріалы для *арзухала* (прошенія), которое должно было быть представлено судьѣ и которое должно быть особенно крючковато.

Нѣкоторыя рѣшенія мусульманскихъ судей, произносящихъ свои постановленія на основаніи шаріата, хотя и относящіяся къ былому времени, довольно любопытны, и подобныя имъ повторяются и понынѣ.

Молодой турокъ, слишкомъ мѣтившій получить наслѣдство, убилъ своего отца и, на основаніи сильныхъ уликъ, былъ приговоренъ къ смерти.

Между тѣмъ одинъ изъ пріятелей осужденнаго принесъ судьѣ большую сумму денегъ, но опоздалъ и явился, когда уже рѣшеніе было произнесено; не теряя все-таки надежды, онъ принялся упрашивать судью поправить дѣло. У судьи ужъ разгорѣлись глаза на золото, и, подумавъ немного, онъ сказалъ: „я не могу оправдать твоего пріятеля до тѣхъ поръ, пока у меня не будетъ доказательствъ его невинности—болѣе сильныхъ, чѣмъ тѣ, которыя установили его виновность: поэтому, если у тебя хватитъ муже-

Digitized by Google

ства признать себя убійцею его отца, и если ты представишь мнѣ двухъ свидѣтелей въ подтвержденіе твоихъ словъ, то я приговорю къ смертной казни тебя. Тогда твой пріятель войдетъ снова во всѣ свои права и, какъ сынъ убитаго, будетъ имѣть право простить тебя". Несмотря на нѣкоторый рискъ, пріятель убійцы исполнилъ мудрый совѣтъ судьи, и все устроилось къ обоюдному ихъ удовольствію.

Въ другой разъ турокъ убилъ христіанина ударомъ палки; родственники убитаго пошли въ судъ. Судья потребовалъ къ себѣ палку, которою было совершено убійство, и, внимательно разсмотрѣвъ ее и опредѣливъ, изъ какого она была дерева, постановилъ рѣшеніе, что палка была слишкомъ легка, чтобы христіанинъ могъ быть убитымъ отъ удара ею. Если же смерть произошла, то лишь вслѣдствіе прямой на то воли провидѣнія, противиться велѣніямъ котораго людямъ не надлежитъ.

Иногда турецкіе законники придумываютъ дѣйствительно ловкіе пріемы, чтобы выйти изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, не нарушая формально закона.

Султанъ Солиманъ, приступая къ постройкѣ нынѣшней мечети Сулейманіе, выбралъ для нея мѣсто и скупилъ всѣ входившіе въ составъ его земельные участки; одинъ только еврей, владѣлецъ крошечнаго домика, не соглашался продавать своего. Все дѣло пріостановилось, такъ какъ еврей изъ упрямства не хотѣлъ уступать своего дома, несмотря на то, что ему предлагали сумму болѣе значительную, чѣмъ была дѣйствительная стоимость его недвижимости.

Всѣ ожидали, что упрямецъ будетъ казненъ, но мудрый Солиманъ предпочелъ сначала спросить *фетвы* (заключенія) главы мусульманскаго духовенства, муфтія или шейхъ-уль-ислама, и написалъ ему запросъ въ третьемъ лицѣ, какъ это всегда и понынѣ дѣлается въ подобныхъ случаяхъ: „Одинъ человѣкъ желаетъ воздвигнуть храмъ для божества; всѣ мусульмане, владѣльцы земли, спѣшатъ принять участіе въ богоугодномъ дѣлѣ и продаютъ свои участки,—лишь одинъ, и тотъ еврей, отклоняетъ всякія предложенія; какого заслуживаетъ онъ наказанія?" — „Никакого",—отвѣтилъ муфтій: „собственность священна, кому бы она ни принадлежала, и нельзя создавать храма Богу на нарушеніи закона столь священнаго. Законъ за еврея, который, по всей вѣроятности, стремится сохранить за своими дѣтьми недвижимую собственность, предчувствуя, что деньги, которыя онъ могъ бы за нее взять, могутъ быть растрачены. Но возможно взять участокъ еврея въ наймы—это неоспоримое право государя когда ему предстоитъ

Digitized by Google

надобность въ какомъ-нибудь домѣ. Слѣдуетъ, поэтому, заключить безсрочный контрактъ съ евреемъ и его потомками: такимъ образомъ недвижимая его собственность остается неприкосновенною, а домъ его можно сломать и затѣмъ на его мѣстѣ построить мечеть, не опасаясь уже, что молитвы въ ней будутъ отвергнуты Богомъ".

Преданіе говоритъ, что фетва муфтія была приведена въ исполненіе, и потомки еврея получали каждый годъ извѣстную сумму, какъ плату за ихъ домъ, давно уже несуществовавшій.

Взяточничество издавна уже внѣдрилось въ мусульманскіе нравы, и въ былое время примѣръ къ тому исходилъ съ высоты султанскаго престола. Нѣкоторые султаны прямо и открыто продавали мѣста и должности за извѣстную, опредѣленную сумму; другіе изъ конфузливости прибѣгали къ поборамъ побочнымъ. Одинъ изъ видовъ такихъ поборовъ заключался въ выдачѣ замужъ маленькихъ султаншъ за богатыхъ пашей, которые до достиженія своими женами совершеннолѣтія обязаны были ежегодно на содержаніе ихъ высылать султану крупныя деньги. Такой способъ оказанія яко бы чести нѣкоторымъ виднымъ сановникамъ, въ дѣйствительности иногда являлся причиною ихъ разоренія. Принцесса Обейдулла, сестра султана Селима, была выдана замужъ шести мѣсяцевъ отъ роду за одного губернатора, который принужденъ былъ высылать ежегодно по 100.000 піастровъ (въ то время равнявшихся 100.000 франковъ) на расходы по содержанію двора своей крошечной супруги.

Султаны обыкновенно смотрѣли сквозь пальцы на всѣ притѣсненія ихъ пашей; съ неподражаемымъ притворствомъ, которое характеризуется турецкою пословицею: „цѣлуй руку, которую не можешь отрѣзать", они спокойно наблюдали до тѣхъ поръ, пока не убѣждались, что награбленныя пашею сокровища достаточно уже значительны, чтобы съ честью занять мѣсто въ личной сокровищницѣ султана; тогда, придравшись къ какой-нибудь мелочи, пашу казнили, а имущество его забирали въ казну. Нигдѣ, кажется, Капитолій и Тарпейская скала не находились и не находятся въ такомъ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, какъ въ Турціи.

Султану Мустафѣ очень хотѣлось завладѣть несмѣтными сокровищами багдадскаго паши, и вотъ онъ отправилъ къ нему своего *капиджи баши* (камергера), подъ предлогомъ передачи ему подарка въ ознаменованіе особеннаго своего благоволенія, но въ дѣйствительности съ тайнымъ письменнымъ повелѣніемъ къ багдадскому дивану, которымъ предписывалось немедленно же отрубить голову пашѣ, какъ измѣннику.

Digitized by Google

Паша, въ свою очередь, очень внимательно слѣдилъ за всѣми пріѣзжающими изъ Константинополя; по прибытіи капиджи-баши въ Багдадъ, онъ, не теряя ни минуты, обыскалъ его, нашелъ султанское повелѣніе, отрѣзалъ голову посланцу и, вмѣсто всякаго отвѣта, послалъ ее падишаху.

Но такой поступокъ могъ позволить себѣ только паша багдадскій, такъ какъ пашалыкъ этотъ со времени Ахмеда-паши, защищавшаго его противъ Надиръ-шаха, пользовался почти полною независимостью; султанъ лишь утверждалъ пашу, избираемаго народомъ и по преимуществу войскомъ въ самомъ Багдадѣ, и не получалъ никакихъ доходовъ съ этой обширной области. Подъ предлогомъ необходимости содержать войска на границѣ государства, чтобы защищать ее отъ нападеній арабовъ и персіянъ, паша багдадскій имѣлъ свою собственную армію, по его словамъ, поглощавшую всѣ доходы области, и въ подтвержденіе того паша ежегодно присылалъ въ Порту роспись доходовъ и расходовъ, которые взаимно уравновѣшивались и не оставляли ни копѣйки для султана.

Въ настоящее время пріемы турецкой администраціи, безъ сомнѣнія, нѣсколько измѣнились, но скорѣе по формѣ, чѣмъ по сущности; любимымъ средствомъ правительства остался ядъ, который безъ шума убираетъ сановниковъ слишкомъ опасныхъ, либо почему-нибудь непріятныхъ.

Въ кофейняхъ иногда собирается турецкій оркестръ. Наиболѣе употребительные музыкальные инструменты: родъ небольшой віолы о трехъ струнахъ; мандолина, на которой играютъ гусинымъ перомъ; родъ гуслей, которыя держатъ на колѣняхъ, и по которымъ ударяютъ легкими молоточками изъ пробки; бубны и *тарбука*—родъ литавръ, по которымъ колотятъ оконечностями пальцевъ. Аккомпаниментъ начинается обыкновенно sotto voce и идетъ crescendo, переходя въ какой-то гулъ. Одинъ изъ музыкантовъ—они же и пѣвцы—выкрикиваетъ нѣсколько звенящихъ и гнусовыхъ нотъ и смолкаетъ. Чрезъ нѣкоторый промежутокъ, другой голосъ даетъ свою реплику и тоже смолкаетъ. Гулъ въ аккомпаниментѣ все усиливается, пріударяютъ во всѣ инструменты, очерчивая мелодію, которую подхватываютъ всѣ голоса, выводя каждый свою собственную, какая ему придетъ въ ту минуту въ голову, варіацію, что все вмѣстѣ образуетъ оглушительный, бренчащій и звенящій шумъ; спустя нѣкоторое время все это заканчивается либо новымъ decrescendo smorzando, либо торжественнымъ allegro.

Турецкія мелодіи—обыкновенно въ минорномъ тонѣ и испещ-

Digitized by Google

рены бемолями и діэзами. Ритмъ ихъ прерывистый, способенъ къ передачѣ сильной страсти и дѣйствуетъ на турецкихъ дилеттантовъ поразительнымъ образомъ: нестройная эта музыка производитъ у нихъ постоянныя покачиванія головы въ тактъ, какъ у змѣи, слушающей дудочку заклинателя, вздохи и полный экстазъ, тогда какъ благозвучнѣйшая европейская мелодія на этихъ самыхъ слушателей не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Турецкіе военные оркестры въ Константинополѣ, обученные итальянскими капельмейстерами, Дюсапомъ и Гвателли, играютъ очень недурно, за исключеніемъ отрывковъ изъ оперъ, которые имъ рѣшительно не удаются: уже не говоря о тонкости оттѣнковъ, для турецкихъ музыкантовъ вовсе не существующей, они какъ-то все переиначиваютъ на свой ладъ, да иногда такъ, что слушаешь, слушаешь, видишь, что мелодія какъ будто знакома, а откуда она—догадаться очень трудно; особенно въ этомъ отношеніи не везетъ Вагнеру.

Недурная картина турецкаго оркестра нарисована Муравьевымъ, слова котораго я и позволю себѣ здѣсь привести: „Во время бала, даннаго австрійскимъ посланникомъ, барономъ Оттенфельсомъ, игралъ турецкій оркестръ. Короткіе танцы обходились довольно хорошо, но въ безконечныхъ котильонахъ турки теряли терпѣніе, и по мѣрѣ того, какъ каждый музыкантъ уставалъ, онъ, безъ дальнихъ околичностей переставалъ играть и клалъ инструментъ свой въ сторону, такъ что подъ конецъ оставался въ дѣйствующихъ лицахъ одинъ тромбонъ, подъ нескладными и прерывающимися звуками коего прекращались и танцы“ [1]).

Наиболѣе оживленная улица въ Айдинѣ, какъ и во всѣхъ турецкихъ городахъ, это улица, ведущая къ базару, обсаженная здѣсь красивыми деревьями. На ней масса лавокъ и лавченокъ ремесленниковъ и мелочныхъ торговцевъ—баккаловъ (откуда происходитъ и русское слово—бакалейная торговля). Въ былое время около нѣкоторыхъ лавокъ можно было видѣть людей, уши которыхъ были приколочены гвоздемъ къ дверямъ: то были хозяева лавки, уличенные въ употребленіи фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ; ихъ даже иногда и вѣшали за это преступленіе, по всей вѣроятности, тутъ же предъ лавкой. Вообще въ Турціи вѣшаютъ безъ большихъ церемоній и гдѣ попало: первое попавшееся дерево, фонарный столбъ, все при случаѣ обращается въ висѣлицу, причемъ вѣшаютъ обыкновенно очень низко; въ Константинополѣ принято вѣшать болѣе на мосту, хотя знаменитаго черкеса Хасана, убив-

[1]) „Русскіе на Босфорѣ въ 1833 г.“ Муравьева, стр. 172.

Digitized by Google

шаго въ 1876 г.—въ отмщеніе за низложеніе Абдулъ-Азиза—главнаго заговорщика Хусейнъ-Авни-пашу, вмѣстѣ съ Решидомъ-пашею и еще девятью лицами, повѣсили просто на деревѣ, такъ что ноги его почти касались земли. Этотъ Хасанъ—личность вполнѣ дикая по энергіи, съ которою онъ совершилъ свои убійства, войдя прямо въ домъ Митхада-паши. Достаточно сказать, что когда послѣ сдѣланной имъ бойни онъ былъ поднятъ сбѣжавшимися солдатами на штыки, то и тутъ энергія не оставила его: онъ самъ вонзилъ въ себя поглубже одинъ изъ штыковъ, чтобы только достать изъ голенища пистолетъ, которымъ онъ на-повалъ убилъ начальника отряда, молодого офицера—свою одиннадцатую жертву.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ болгаринъ поправлялъ себѣ въ Адріанополѣ домъ; одну изъ балокъ не успѣли съ вечера обрубить, и конецъ ея нѣсколько высовывался на улицу. Утромъ турки вели на казнь мимо этого дома какого-то приговореннаго къ смерти, увидѣли выдавшуюся наружу балку и, недолго думая, тутъ же закинули петлю и повѣсили преступника, а потомъ уже, по привычкѣ, въ теченіе долгаго времени вѣшали на этой балкѣ и другихъ, не обращая вниманія на то, что домъ былъ жилой, и не позволяя хозяину срубить импровизированную висѣлицу.

Ремесленники въ Турціи вообще пользуются уваженіемъ: въ былое время сами султаны считали своимъ непремѣннымъ долгомъ изучить какое-нибудь ремесло; въ этомъ они видѣли исполненіе одной изъ религіозныхъ обязанностей, возложенныхъ Богомъ на человѣка словами: „въ потѣ лица будешь отнынѣ добывать хлѣбъ свой". Сулейманъ II былъ искусенъ въ дѣланіи башмаковъ; Селимъ II дѣлалъ маленькіе полумѣсяцы, которые турки прикрѣпляютъ къ своимъ кубышкамъ, когда отправляются на богомолье въ Мекку; Мурадъ III дѣлалъ стрѣлы; Мурадъ IV—кольца для лука; Ибрагимъ—разныя мелочи изъ черепахи; Магометъ IV—пуговицы; завоеватель Константинополя, Магометъ II, занимался огородничествомъ и на деньги, выручаемыя отъ продажи плодовъ, приказывалъ покупать провизію для своего стола. Разъ случилось, что пропала одна изъ дынь, которыя султанъ самъ разводилъ въ саду своемъ. Подозрѣнія его пали на ичь-огландовъ, дворцовыхъ пажей, и такъ какъ они въ томъ не сознавались, то Магометъ велѣлъ у четырнадцати у нихъ вырѣзать при себѣ желудки, чтобы открыть виновнаго.

Всѣ эти царственные ремесленники продавали свои издѣлія очень дорого: они посылали сдѣланную ими вещь кому-либо изъ богатыхъ людей и сами назначали цѣну, за которую они должны были купить ее. Цѣны эти были иногда громадны, что и заста-

Digitized by Google

вило одного турецкаго историка сказать, что какъ бы ни были сладки дыни Магомета II, онѣ казались горькими тѣмъ, кто имѣлъ честь ихъ пробовать, а черепаховыя уховертки Ибрагима разрывали уши его придворныхъ.

Около айданскаго базара, по обыкновенію, скопленіе всѣхъ національностей: тутъ и солидные турки, и армяне, бойкіе греки и вертлявые евреи, причемъ, собственно говоря, лишь эти послѣдніе и производятъ весь шумъ. Встрѣчаются здѣсь и турки совсѣмъ стараго закала: головы у нихъ бритыя, какъ у всѣхъ правовѣрныхъ, но на макушкѣ оставлена прядь волосъ; обычай этотъ происходитъ, какъ говорятъ, отъ искренняго убѣжденія мусульманъ, что прядь эта необходима для того, чтобы ангелъ могъ ихъ вытащить изъ могилы въ день страшнаго суда.

На томъ же почти соображеніи основанъ обычай здѣшнихъ евреевъ погребать своихъ покойниковъ стоя: въ такомъ положеніи, по мнѣнію евреевъ, ихъ покойники скорѣе всѣхъ другихъ народовъ успѣютъ выскочить изъ земли въ ту минуту, когда прозвучитъ послѣдняя призывная труба ангела, возвѣщающая наступленіе дня страшнаго суда.

Турецкіе евреи имѣютъ много предразсудковъ, изъ коихъ нѣкоторые, кажется, не раздѣляются прочими ихъ единовѣрцами. Такъ напр., они очень почитаютъ ласточекъ, считая ихъ священными птицами, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, ласточки носили воду, чтобы загасить пожаръ іерусалимскаго храма въ день разрушенія этого города. Бѣдныя птички почернѣли отъ копоти и дыма пожара и сохранили лишь одно бѣлое пятно, доказывающее ихъ первоначальный цвѣтъ.

Айдинъ славится красотою своихъ женщинъ и преимущественно евреекъ, въ чемъ легко убѣдиться лично, пройдясь по улицамъ этого города. Много красы придаетъ еврейкамъ ихъ своеобразный костюмъ со множествомъ золотыхъ украшеній, оставляющій весь бюстъ совершенно обнаженнымъ.

Армяне пользуются репутаціею болѣе хитрыхъ, чѣмъ сами евреи, и пословица говоритъ, что одинъ армянинъ стоитъ трехъ евреевъ. Въ подтвержденіе разсказываютъ слѣдующее происшествіе.

Такъ какъ случается, что при дырявомъ карманѣ монеты проваливаются въ подкладку, то скупщики стараго платья имѣютъ обыкновеніе предварительно ощупывать незамѣтно подкладку платья и, соотвѣтственно результату осмотра, предлагаютъ уже потомъ свою цѣну.

Одинъ армянинъ положилъ нарочно нѣсколько мелкихъ мѣдныхъ монетъ въ подкладку своего стараго халата и позвалъ еврея.

Digitized by Google

Тотъ, ощупавъ монеты и по величинѣ ихъ предполагая, что онѣ не что иное какъ золотыя лиры, купилъ халатъ за сравнительно высокую цѣну. У себя дома онъ тотчасъ же распарываетъ подкладку и убѣждается въ своей ошибкѣ. Вернувшись къ продавцу, онъ признается, почему далъ такую высокую цѣну за негодный халатъ, и настаиваетъ, чтобы армянинъ возвратилъ ему часть уплаченныхъ денегъ, какъ выманенныхъ обманнымъ образомъ. Вмѣсто того армянинъ обращается въ судъ и заставляетъ еврея возвратить ему и найденныя въ подкладкѣ мѣдныя деньги, основываясь на томъ, что онъ продалъ еврею халатъ, а не деньги, которыя могли въ немъ находиться.

На улицахъ Айдина встрѣчаешь также воинственнаго вида личности, которыя по своей одеждѣ и обычаямъ совершенно отличаются отъ остального населенія: это—зейбеки, составляющіе особую общину, имѣющую своихъ начальниковъ и свои особыя правила. Костюмъ ихъ невольно бросается въ глаза: бѣлыя шаравары ихъ подобраны очень высоко и оставляютъ ноги голыми; на головѣ высокія чалмы, совсѣмъ особенной формы, и за широкимъ поясомъ цѣлый арсеналъ оружія: по нѣскольку ятагановъ, кинжаловъ, пистолетовъ; тутъ же заткнута и трубка, и желѣзные щипцы для угольевъ. Зейбеки—торговцы и въ особенности хорошіе проводники каравановъ; отъ нихъ невозможно добиться никакихъ свѣденій объ ихъ происхожденіи; они сами не знаютъ, почему они называются зейбеками, но, судя по чертамъ ихъ лица и по ихъ обычаямъ, не подлежитъ сомнѣнію, что они не принадлежатъ къ оттоманской народности. Живутъ они въ деревняхъ, разбросанныхъ въ горахъ Тмола и Месогиса, и составляютъ, по всей вѣроятности, остатки древнихъ народовъ, первоначальныхъ обитателей этихъ горъ. Быть можетъ, зейбеки были первыми основателями Траллъ.

По крайней мѣрѣ, Страбонъ говоритъ (кн. XIV), что городъ этотъ былъ основанъ ѳракійцами, которые имѣли обыкновеніе предлагать свои услуги тѣмъ, кто искалъ наемныхъ убійцъ.

Когда древніе тралліоты не находились въ войскахъ какого-нибудь владѣтеля, то занимались разбоемъ; въ наше время зейбеки отличаются тѣми же качествами, и греки трепещутъ при ихъ имени.

Въ 1877 г. зейбеки были призваны на помощь турецкимъ войскамъ во время русско-турецкой войны, но пользы никакой не оказали, отличившись лишь страшными безчинствами, какъ въ Константинополѣ, такъ и въ Болгаріи, гдѣ они входили въ составъ

Digitized by Google

отрядовъ башибузуковъ и неистовствовали надъ беззащитными христіанами.

Въ Айдинѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго памятника древности: городъ никогда не былъ центромъ прочнаго и сильнаго государства; эмиры его были либо въ глухой враждѣ, либо въ открытой войнѣ съ султанами, и имъ было не до того, чтобы помышлять о возведеніи зданій на продолжительное время. Съ другой стороны, частыя землетрясенія вынудили айдинцевъ строить дома исключительно деревянные, что̀, въ свою очередь, влечетъ за собою страшные пожары, зачастую опустошающіе весь городъ.

Моимъ проводникомъ по Айдину былъ нашъ мѣстный нештатный вице-консулъ Калонари, въ домѣ котораго я даже останавливался. Этотъ радушнѣйшій изъ хозяевъ, нынѣ уже покойный, былъ типомъ грека стараго закала, питающаго къ Россіи чувства безграничнаго уваженія и преданности, которыя встрѣчаются не такъ часто въ нынѣшнихъ эллинахъ. Возможность быть представителемъ могущественнѣйшей православной державы цѣнилась покойнымъ дѣйствительно какъ несказанная честь, и онъ дѣлалъ все, чтобы быть ея достойнымъ.

Нештатные консульскіе агенты въ Турціи и ихъ помощники-драгоманы представляютъ изъ себя классъ совершенно особый и во многихъ отношеніяхъ любопытный.

Выбираемые изъ мѣстныхъ, наиболѣе вліятельныхъ и богатыхъ, христіанскихъ жителей, агенты эти, исполняющіе свои консульскія обязанности безвозмездно, являются какъ бы половинными представителями Европы, но тѣмъ болѣе охраняютъ они свои прерогативы, тѣмъ ревнивѣе требуютъ они отъ мѣстныхъ властей соблюденія всѣхъ внѣшнихъ условій почета, поднимая цѣлую исторію въ случаѣ кажущагося имъ умаленія ихъ достоинства.

Всѣмъ посольствамъ въ Константинополѣ хорошо знакомы подобныя исторіи, которыя имъ приходится улаживать нерѣдко путемъ долгихъ, прямыхъ переговоровъ съ Портою.

Такъ какъ въ маленькихъ городкахъ выборъ подходящихъ лицъ, могущихъ быть назначенными вице-консулами, очень ограниченъ, то обыкновенно одно и то же лицо представляетъ нѣсколько европейскихъ государствъ, и сообразно съ тѣмъ настолько же поднимается его консульская щепетильность и требовательность. Иногда такое совмѣщеніе имѣетъ забавныя послѣдствія; разсказываютъ, что къ вновь назначенному губернатору Метелина, тотчасъ по прибытіи въ городъ, явился засвидѣтельствовать свое почтеніе греческій консулъ. Паша принялъ его очень любезно,

Digitized by Google

освѣдомился, сколько времени живетъ онъ на островѣ, и т. п. Греческій консулъ откланялся; чрезъ четверть часа докладываютъ: „испанскій консулъ“; входитъ лицо, очень схожее съ тѣмъ, что только-что вышло. Паша предполагаетъ, что это, вѣроятно, братъ предыдущаго, удивительно на него похожій, и дѣлаетъ ему тѣ же любезные вопросы. За испанскимъ слѣдуетъ австрійскій консулъ, а затѣмъ и голландскій, и все появляется, повидимому, то же самое лицо. Тогда паша не выдержалъ, спросилъ прямо о причинахъ столь поразительнаго сходства, и тогда лишь оказалось, что это былъ одинъ и тотъ же грекъ, представлявшій нѣсколько государствъ и нашедшій вполнѣ естественнымъ являться къ новому губернатору въ каждомъ изъ своихъ качествъ отдѣльно.

Французъ Tancoigne видѣлъ одного грека, вице-консула въ Тиносѣ, который нашелъ средство внѣшнимъ образомъ показывать, какихъ государствъ являлся онъ представителемъ: онъ былъ одѣтъ въ русскій мундиръ, съ австрійскими эполетами и съ шведскою кокардою на круглой шляпѣ.

Впрочемъ, относительно оффиціальныхъ принадлежностей костюма, на Востокѣ существовалъ всегда извѣстный просторъ: еще сравнительно въ недавнее время наши штатные консулы—и даже, по разсказамъ, одинъ изъ нашихъ посланниковъ въ Аѳинахъ—считали нужнымъ, для приданія себѣ бо́льшаго блеску, добавлять къ своему мундиру густыя эполеты, кавалерійскую саблю и шпоры.

По этому случаю не могу не припомнить разсказа одного изъ высокопоставленныхъ путешественниковъ нашихъ, бывшаго въ Сиріи вскорѣ послѣ извѣстной дамасской рѣзни.

Путешественникъ нашъ посѣтилъ, между прочимъ, проѣздомъ Сайду (древній Сидонъ), гдѣ и былъ встрѣченъ нашимъ консульскимъ агентомъ, на груди и шеѣ котораго красовался какой-то необычайный орденъ круглой формы, причемъ одинъ былъ съ чьимъ-то портретомъ.

Путешественникъ поинтересовался узнать, что̀ это былъ за орденъ, и агентъ очень наивно объяснилъ, что этотъ орденъ онъ сдѣлалъ самъ изъ двухъ половинокъ табакерки съ портретомъ графа фландрскаго, которую тотъ подарилъ агенту въ благодарность за услуги, оказанныя ему во время путешествія его по Палестинѣ.

Нештатные драгоманы нештатныхъ вице-консульствъ въ захолустьяхъ играютъ тоже значительную роль, являясь, въ маломъ масштабѣ, столь же важными лицами, какъ и первые драгоманы посольствъ въ Константинополѣ. Хотя нужно сказать, что значеніе и этихъ послѣднихъ нынѣ не то, что было, напр., въ на-

Digitized by Google

чалѣ столѣтія, когда незнавшіе французскаго языка турецкіе министры не могли входить ни въ какія объясненія съ иностранными дипломатами, и всѣ переговоры и переписки производились по-турецки и не иначе, какъ чрезъ посредство первыхъ драгомановъ, выбираемыхъ изъ мѣстныхъ жителей. Эти лица, ходившія въ восточномъ костюмѣ, дѣйствительно, пользовались огромнымъ вліяніемъ и соотвѣтственнымъ тому почетомъ. Все это теперь отошло уже въ область воспоминаній, все измѣнилось, а потому не безъинтересно иногда припомнить, какіе были прежде порядки. Недурною иллюстраціею служитъ отзывъ о былыхъ драгоманахъ одного изъ тогдашнихъ французскихъ дипломатовъ, который позволю себѣ привести въ подлинникѣ, такъ какъ въ переводѣ онъ нѣсколько утратилъ бы часть своей оригинальности: „aux réunions diplomatiques on voit figurer les drogmans dans leur costume oriental dont le kalpak ou bonnet à quatre cornes n'est pas la pièce la moins essentielle. Son plus ou moins d'ampleur et la maniere négligée de le poser sur l'oreille ou tout-à-fait sur le derrière de la tête, dénotent presque toujours le degré d'importance du personnage. En soirées il est du bon ton 'chez quelquesuns de ces messieurs, de lâcher en marchant à des temps marqués, et avec une noble nonchalance, leurs papouches ou sandales jaunes. On peut d'après cela se faire une idée de la tenue de plusieurs drogmans de Péra“ [1]).

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается Айдинъ, т.-е. на закраинѣ холма, господствующаго на западѣ надъ ущельемъ ручья Айдинъ-чая, начинался нѣкогда городъ Траллы. Терраса, на которой они стояли и бока которой спускались крайне обрывистыми, почти отвѣсными склонами, соединялась съ горами Месогиса легко защитимымъ перешейкомъ; она составляла естественную крѣпость пространствомъ отъ 2 до 2½ квадратныхъ верстъ, каменныя же стѣны дѣлали ее почти неодолимою.

Остатки древнихъ Траллъ находятся въ получасѣ отъ Айдина, на горѣ, гдѣ разбросано много развалинъ, или, вѣрнѣе, обломковъ, потому что, за исключеніемъ остатковъ дворца Аттала, съ многочисленными массивными колоннами и сводами, всѣ прочія зданія—амфитеатръ, стадія, гимназія—не что иное, какъ груда разбросанныхъ по землѣ обломковъ; тутъ неоднократно дѣлали раскопки, и всѣ найденные предметы оказались принадлежащими

[1]) Vogage à Smyrne, par Tancoigne.

Digitized by Google

къ лучшей порѣ древняго искусства; неудачны лишь были старанія разыскать мѣсто, гдѣ находился храмъ Эскулапа, о которомъ говоритъ Витрувій.

Съ этой горы чрезвычайно красивый видъ на долину Меандра, имѣющую здѣсь отъ 20 до 25 верстъ ширины; вся она заполнена виноградниками и фиговыми и оливковыми садами.

Имя рѣки Меандра во многихъ языкахъ принимается за синонимъ излучистаго потока, и дѣйствительно, русло его дѣлаетъ такое множество поворотовъ, что издали нельзя отличить рѣку отъ впадающихъ въ нее ручьевъ; поэтому можно повѣрить словамъ древнихъ, что рѣка эта, служившая границею между Лидіей и Каріей, дѣлала шесть сотъ поворотовъ отъ своего истока, близь города Келены, и до устья въ Эгейскомъ морѣ, между городами Пріеною и Милетомъ.

Возвратный путь изъ Айдина въ Смирну ознаменовался внезапною остановкою поѣзда. Всеобщее изумленіе. Оказалось, что паровикъ поврежденъ; любопытные могли даже видѣть, какъ машинистъ самъ соскочилъ на путь и колотилъ паровозъ что есть мочи молоткомъ.

Увидя подобныя обстоятельства, вся публика вылѣзла изъ вагоновъ и разбрелась по сосѣднему винограднику, собирая чужой виноградъ, но не оставляя при этомъ подъ лозой денегъ за съѣденные гроздья, какъ это, по преданію, дѣлали, изъ честности, первые мусульманскіе воины, проходившіе чрезъ непріятельскую землю. Когда паровозъ кое-какъ зачинили, много труда стоило собрать въ вагоны разбѣжавшихся пассажировъ; наконецъ, созывавшіе ихъ тревожные свистки локомотива примолкли, и мы снова тронулись въ путь, запоздавъ прибытіемъ въ Смирну на цѣлыхъ два часа.

Все это даетъ нѣкоторое понятіе о патріархальности, царствующей на турецкихъ желѣзныхъ дорогахъ, приноровленныхъ къ національному характеру турокъ; для нихъ понятія о пространствѣ и времени не представляютъ никакой важности, вѣрнѣе, не существуютъ вовсе, благодаря чему можно понять то, что до самаго послѣдняго времени на этихъ дорогахъ не было ночного пассажирскаго движенія, и поѣздъ, шедшій, напр., изъ Константинополя въ Филиппополь, останавливался ночевать въ Адріанополѣ, какъ какая-нибудь усталая почтовая лошадь.

В. Тепловъ.

Digitized by Google

ЭКЗЕМПЛЯРЪ

ЭСКИЗЪ.

Было раннее лѣтнее утро. Солнце едва поднялось надъ высокимъ горнымъ кряжемъ, освѣщая пока только западную часть прелестной долины Эски-Топе (Старая-Башня), ютившейся среди горъ на юго-восточномъ берегу Крыма. Долина эта, версты четыре длиною, однимъ концомъ упиралась въ небольшой морской заливъ, а другимъ—уходила въ глубокое ущелье, полное синеватой мглы. Посреди долины находилось мѣстечко, состоявшее изъ церкви съ высокой колокольней и десятка небольшихъ домовъ, а вокругъ, на холмистыхъ возвышеніяхъ долины, виднѣлись, среди садовъ и виноградниковъ, бѣлые домики съ красными черепичными крышами; такіе же дома были расположены по обѣимъ окраинамъ долины у самаго подножія горъ. Среди нихъ замѣтно выдѣлялся большой барскій домъ графа Моравскаго, съ флигелями и службами. Обширный садъ примыкалъ къ дому съ одной стороны, а съ другой, внизу, по обѣимъ берегамъ рѣчки тянулся виноградникъ.

На широкомъ балконѣ этого дома сидѣла, кокетливо одѣтая, несмотря на ранній часъ, молодая дѣвушка и внимательно читала мелко исписанныя страницы только-что полученнаго письма. Оживленное выраженіе не сходило съ ея лица; видно было, что письмо очень интересовало ее. Дочитавъ послѣднюю строчку, она съ прежнимъ вниманіемъ стала его перечитывать и снова дочитала до конца. Бережно вложила она письмо въ конвертъ и задумалась. Небольшой лобъ ея наморщился, красиво очерченныя брови почти сошлись, губы сжались; во всемъ лицѣ видно было напряженіе мысли—точно она обдумывала что-то весьма затруд-

Digitized by Google

нительное. Черезъ десять минутъ рѣшеніе ея, повидимому, созрѣло, и лицо приняло прежнее свѣтлое выраженіе. Она встала и, спрятавъ письмо въ карманъ платья, направилась съ балкона въ комнаты.

— Поздравляю тебя, папа: завтра рано утромъ пріѣзжаетъ сюда Коля Дружининъ.

— Поздравлять, я думаю, нужно не меня, а тебя.

— Меня! съ какой стати?

— Ты же чуть съ ума не сходила, что онъ долго не ѣдетъ.

— Какъ сильно ты всегда ошибаешься на мой счетъ, папа. Я именно пришла къ тебѣ просить позволенья завтра чѣмъ свѣтъ уѣхать къ тётѣ, для того, чтобы какъ можно позже встрѣтиться съ Николаемъ, если только намъ необходимо встрѣчаться.

Тотъ, кого дѣвушка называла „папой", — главноуправляющій крымскими имѣніями графа Моравскаго, Дмитрій Сергѣевичъ Вѣтвицкій,—сидѣлъ за письменнымъ столомъ, не выпуская пера изъ рукъ и, повидимому, готовясь продолжать начатое письмо. При послѣднихъ словахъ дочери онъ взглянулъ на нее.

— Это что-то новое. Что же, вы поссорились съ Николаемъ, или, быть можетъ, и совсѣмъ перестали разыгрывать роли жениха и невѣсты?

— Ты хорошо знаешь, папа, что только по твоей милости я должна была разыгрывать такую глупую роль.

— Какимъ образомъ по моей милости?

— По твоей, потому что тебѣ угодно было согласиться на смѣшное предложеніе Николая.

— Не сама ли ты ко мнѣ приставала и даже грозила топиться, если я не соглашусь.

— Никогда я не грозила и никогда не намѣрена была топиться.

— Ты говорила, по крайней мѣрѣ, что бросишься въ море со скалы.

— Ты, папа, перепуталъ: или я тебѣ просто говорила о купаньѣ, или говорила о Сафо, что та отъ любви хотѣла броситься или бросилась со скалы въ море, какъ намъ разсказывалъ въ институтѣ новый молодой учитель словесности.

— Знаешь ли, Наташа, я занятъ, и у меня нѣтъ ни времени, ни охоты вести съ тобой нелѣпыя пререканія.

— Значитъ, мнѣ можно ѣхать?

— Куда ѣхать, зачѣмъ?

— Я вѣдь тебѣ сказала: къ тётѣ въ Кара-Агачъ, для того, чтобы не имѣть удовольствія видѣть здѣсь завтра Николая.

Digitized by Google

— Послѣ сегодняшняго ливня дороги въ горахъ такъ испортились, что теперь туда цѣлую недѣлю даже въ арбѣ на волахъ не проѣдешь, не только въ экипажѣ.

— Я и не хочу ѣхать въ экипажѣ; я поѣду верхомъ съ Османомъ.

— Верхомъ, съ Османомъ, мальчишкой, за тридцать верстъ, по горамъ и лѣсамъ!

— Во-первыхъ, онъ не мальчишка; во-вторыхъ, ты знаешь, какъ я послушна: хорошо, если тебѣ угодно, я возьму съ собою Бориса Михайловича; кстати тетя приглашала его, и онъ обѣщалъ побывать у нея.

— Это еще лучше! Съ какой стати затѣвать тебѣ эти дальніе визиты въ парочкѣ съ нимъ? Что̀ станутъ говорить объ этомъ!

— Ничего не будутъ говорить. Вѣдь ѣздимъ же мы теперь съ нимъ „парочкой“ всюду по горамъ, иногда и безъ Османа, и въ гости заѣзжаемъ, напримѣръ, къ Катеринѣ Васильевнѣ, и ничего же не говорятъ. Да и пусть себѣ говорятъ, если есть охота; намъ что̀ до этого? Ça nous ne fait ni chaud, ni froid. О комъ не говорятъ! Мало ли, напримѣръ, толкуютъ о твоей прошлогодней поѣздкѣ вдвоемъ съ Катериной Васильевной на южный берегъ Крыма, и тоже верхомъ, и съ тѣмъ же Османомъ.

— Во-первыхъ, если мы ѣздили съ Османомъ, — сухимъ и строгимъ тономъ проговорилъ Вѣтвицкій,—то, значитъ, не вдвоемъ...

Дѣвушка приподняла немного брови и слегка наклонила набокъ головку, какъ бы выражая нѣкоторое недоумѣніе по поводу словъ отца; но тотъ предпочелъ не обратить вниманія на этотъ жестъ.

— Во-вторыхъ,— продолжалъ отецъ,—ты уже не въ первый разъ повторяешь мнѣ объ этой поѣздкѣ и о какихъ-то толкахъ по ея поводу. Потрудись же объяснить, наконецъ, что̀ именно ты слышала, и что̀ объ этомъ толкуютъ.

— Какъ же я могу знать, что̀ толкуютъ? Какой ты странный, папа! ты самъ очень хорошо понимаешь, что при мнѣ о тебѣ говорить не будутъ.

— Какъ же ты увѣряла, что толкуютъ?

— Я такъ предполагала, что толкуютъ.

— Наташа! Поди строй дурочку съ кѣмъ-нибудь другимъ, а мнѣ не мѣшай.

— Значитъ, мнѣ можно ѣхать?

— Поѣзжай, матушка, куда хочешь, когда хочешь и съ кѣмъ хочешь,—меня только оставь пожалуйста въ покоѣ.

Digitized by Google

— Хорошо, я уйду, если ты всякій разъ гонишь меня отъ себя безъ всякой причины.

— Сдѣлай милость, уходи. Это, однако, чортъ знаетъ что̀ такое! Все равно, я уже опоздалъ къ почтѣ; придется отложить до парохода. Возьми стулъ, Наташа, и садись; нужно дѣйствительно поговорить съ тобою и разобраться въ этой нелѣпицѣ. Какая муха тебя укусила? Сама же ты все время ждала съ нетерпѣніемъ Николая, а теперь наканунѣ его пріѣзда собираешься бѣжать отъ него. Что это, размолвка влюбленныхъ, какъ говорится въ романахъ? Чѣмъ онъ огорчилъ тебя? Покажи мнѣ его письмо.

— Нечего показывать, и никакой тутъ размолвки нѣтъ.

— Въ чемъ же дѣло? Ты дала ему слово; года три, кажется, если не больше, вы считаетесь женихомъ и невѣстой, ведете самую дѣятельную переписку; ты цѣлые дни проводишь за письмами къ нему. Очень жаль, что я не требовалъ показывать мнѣ ваши взаимныя посланія. Теперь онъ выдержалъ экзаменъ на магистра и получаетъ каѳедру. Онъ ясно намекаетъ, что къ осени надѣется вернуться въ Харьковъ—не одинъ. И вотъ именно теперь ты затѣваешь какую-то исторію.

— Я знаю, папа, что, оставаясь у тебя на рукахъ, я мѣшаю твоимъ личнымъ планамъ. Но что̀ мнѣ дѣлать? Помнишь, ты самъ говорилъ, что выходить мнѣ за Колю Дружинина, почти мальчика — онъ немногимъ старше Османа и только на пять лѣтъ старше меня—неопытнаго, не знающаго жизни и погруженнаго въ однѣ книги—положительное безуміе. Помнишь, ты употребилъ даже сравненіе: ты говорилъ, что мы, какъ двѣ бабочки, будемъ беззаботно порхать въ цвѣтникѣ жизни, но только до первой тучи, которая можетъ вверхъ дномъ опрокинуть наше счастіе. У тебя, папа, часто бываютъ очень поэтическія и очень вѣрныя сравненія.

— Если вѣрныя, такъ и нужно было слушаться, а не плакать, не умолять, не грозить, — сердито проговорилъ Вѣтвицкій.

— Тебѣ нечего было слушать, ты не долженъ былъ уступать; il fallait avoir le courage de ton opinion—твое любимое выраженіе; ты былъ не двадцати-трехъ-лѣтній мальчишка и не восемнадцатилѣтняя, только-что выпущенная институтка.

— Что̀ я скажу завтра Николаю, когда онъ пріѣдетъ?—въ раздумьѣ говорилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Право, не знаю. Къ моему крайнему сожалѣнію,—на лицѣ дѣвушки выразилось самое неподдѣльное сожалѣніе,—я ничего не могу тебѣ посовѣтовать въ этомъ случаѣ. Ты самъ заварилъ кашу—понятно, что тебѣ же—что̀ дѣлать!—приходится ее и расхлебывать.

Digitized by Google

Отецъ пытливо посмотрѣлъ на дочь.

— Однако, Наташа, я скажу тебѣ, ты прелюбопытный экземпляръ, и съ тобою чрезвычайно интересно короче познакомиться.

— Если мы до сихъ поръ не познакомились короче, это ужъ никакъ не моя вина: ты вѣчно или занятъ дѣлами, или сидишь съ Катериной Васильевной, у нея, или у насъ, когда она пріѣзжаетъ. Я боюсь даже подойти къ вамъ, чтобы не помѣшать вашей интересной бесѣдѣ. Знаешь, папа, я придумала: скажи Николаю, когда онъ пріѣдетъ, что ты запрещаешь мнѣ выходить за него замужъ и предвидишь для меня болѣе подходящую мнѣ партію. При этомъ пріищи въ графской библіотекѣ книгу позатасканнѣе, дай ему—онъ зачитается и обо всемъ забудетъ.

— Да, я скажу ему это, но прибавлю еще кое-что. Я скажу, что, какъ другъ его покойнаго отца, какъ его бывшій опекунъ, наконецъ какъ его другъ, я запрещаю ему даже думать о такой взбалмошной, бездушной и безсердечной дѣвушкѣ, какъ ты.

— Ты самъ хорошо видишь, папа, что съ тобою нѣтъ никакой возможности разговаривать: что̀ ни скажи, ты выходишь изъ себя. Чѣмъ только не обозвалъ ты меня сегодня: и дурой, и взбалмошной, и бездушной. Я прекрасно понимаю, папа, отчего ты такъ раздражителенъ, и вполнѣ тебя оправдываю: ты очень скучаешь въ одиночествѣ; тебѣ необходимо жениться; и въ писаніи сказано: не добро человѣку быти едину, или что-то въ этомъ родѣ, какъ объяснялъ намъ батюшка въ институтѣ.

— Не собираешься ли ты еще сватать меня?

— Сватать тебя нечего; всѣ знаютъ, до чего неравнодушна къ тебѣ Катерина Васильевна; она каждый разъ краснѣетъ, когда заходитъ о тебѣ рѣчь; да и ты часа не можешь пробыть, чтобы ея не видѣть. Женись, и ты будешь покойнѣе, и всякіе толки прекратятся.

— Опять эти толки! Да скажешь ли ты, наконецъ, толкомъ о томъ, что это за толки?

— Видишь, отъ непокойнаго состоянія духа у тебя даже каламбуры выходятъ! Но я сказала тебѣ, что не знаю; согласись, однако, еслибы толковъ не было, ты не сталъ бы каждый разъ выходить изъ себя, какъ только объ нихъ упомянешь.

— Не знаю, Наташа, плакать мнѣ или смѣяться: дурочка ли ты въ самомъ дѣлѣ, или изъ-рукъ-вонъ наивничаешь.

— Ну, вотъ видишь, опять бранишься! Право, папа, ты подаешь мнѣ дурной примѣръ: ты часто говоришь о правдѣ, а попробуй сказать тебѣ правду—сердишься. Послушайся меня, же-

Digitized by Google

нись! Ты увидишь, что у тебя будетъ менѣе разлада между словомъ и дѣломъ.

— Довольно о глупостяхъ. Потрудись выслушать меня безъ всякихъ сентенцій, неумѣстныхъ вообще и крайне прискорбныхъ въ устахъ дѣвушки твоихъ лѣтъ.

— Ой, папа, какъ ты хорошо говоришь, когда захочешь!

— Наташа! я потеряю, наконецъ, терпѣніе и прогоню тебя.

— Папа, ты видишь, я сижу и слушаю.

Дмитрій Сергѣевичъ Вѣтвицкій раза два прошелся по комнатѣ, потирая рукою наморщенный лобъ. Это былъ высокій мужчина лѣтъ сорока-пяти. Смуглое правильное лицо его съ карими глазами и темной, едва начинавшей сѣдѣть, аккуратно подстриженной бородкой имѣло вообще строгій и сухой видъ; въ эту минуту примѣшивалось еще чувство едва сдерживаемой досады. Онъ былъ одѣтъ весьма тщательно, въ свѣтлое лѣтнее платье, красиво и щеголевато облекавшее его стройный станъ. Несмотря на серьезное выраженіе лица, Вѣтвицкій вообще казался моложе своихъ лѣтъ. Дочь по наружности представляла совершенную противоположность отцу: средняго роста, тоненькая и бѣлокурая, она казалась дѣвочкой; широко глядѣвшіе глаза ея и то полуоткрытыя, то сжимавшіяся въ дѣтски-капризную гримасу губы могли любого собесѣдника заставить колебаться въ дилеммѣ: наивность или беззаботная насмѣшка кроется въ рѣчахъ невозмутимо спокойно болтавшей дѣвушки.

— Я хотѣлъ сказать,—началъ Вѣтвицкій послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія,—что и теперь остаюсь того же мнѣнія, какого былъ въ прошломъ году, что и ты, и Николай, оба вы слишкомъ еще молоды для семейной жизни. Николай—очень хорошій человѣкъ, и я очень бы радъ видѣть тебя его женою; но подождать годъ или два было бы для васъ очень полезно. Дѣйствительно, ты очень хорошо сдѣлаешь, если уѣдешь на нѣсколько дней; я безъ тебя удобнѣе могу переговорить съ Николаемъ, а затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ пріѣдемъ въ Кара-Агачъ. Только,—Вѣтвицкій нѣсколько замялся,—если въ измѣненіи твоихъ намѣреній относительно Николая играетъ какую-нибудь роль нашъ петербургскій гость, то я долженъ предупредить тебя...

— Предупреждай, папа,—ты знаешь, какъ я охотно выслушиваю твои совѣты.

— Я долженъ предупредить тебя,—Вѣтвицкій съ удареніемъ произнесъ эти слова,—что никакихъ серьезныхъ отношеній между Моравскимъ и тобою быть не можетъ. Между тѣмъ отказъ жениху въ то время, когда здѣсь Моравскій, когда ты проводишь

Digitized by Google

съ нимъ цѣлые дни съ утра до вечера, можетъ имѣть весьма некрасивый видъ: скажутъ, что ты ловишь выгоднаго жениха.

— Увы, папа, разочаруйся: я не могу поймать его. Это было бы для меня большимъ счастіемъ. Человѣкъ вполнѣ солидный, нисколько не похожій на бабочку, онъ повелъ бы меня по тропамъ жизни твердою и опытною рукою. Одно нехорошо: онъ немного толстъ, но и это не бѣда; на дняхъ я читала— объявленіе въ газетѣ: изобрѣтены какіе-то необыкновенные корсеты для мужчинъ; въ такомъ корсетѣ онъ былъ бы такъ же строенъ, какъ ты. Къ прискорбію, все это праздныя мечты: Моравскій помолвленъ съ какою-то княжною.

— Моравскій помолвленъ? Откуда ты это знаешь?

— Онъ говорилъ объ этомъ довольно прозрачно и очень хвалилъ музыкальный талантъ княжны. Впрочемъ ты и самъ видѣлъ, на дняхъ ему принесли небольшое письмо въ цвѣтномъ конвертѣ съ короной и адресомъ, надписанномъ женской рукой; это отъ нея. Потомъ, ты замѣтилъ, онъ самъ относитъ свои письма на почту, посылаетъ ихъ страховыми и часто адресуетъ письма на имя какого-то господина для передачи таинственнымъ литерамъ К. К. В. Это навѣрное или княжнѣ Клавдіи Воротынской, или княжнѣ Ксеніи Варягиной. Клавдія и Ксенія—видишь, какія благозвучныя аристократическія имена!

— А ты знаешь, что есть такія княжны?

— А отчего же ихъ не могло бы быть; это обѣ фамиліи извѣстныя даже по исторіи: Воротынскаго кто-то когда-то жарилъ на рѣшеткѣ, а отъ варяжскихъ князей легко могла произойти княжна Варягина; ты, должно быть, совсѣмъ забылъ исторію. Видишь, папа, все улаживается какъ нельзя лучше. Значитъ, я могу завтра рано утромъ ѣхать?

— Я уже сказалъ тебѣ, поѣзжай, сдѣлай милость, какъ хочешь и съ кѣмъ хочешь.

— Скажи пожалуйста, нашъ Моравскій, Борисъ Михайловичъ—не графъ и не будетъ графомъ?

— Пока не графъ. У дяди его, графа Василія Семеновича, дѣтей нѣтъ; онъ его единственный наслѣдникъ; можетъ унаслѣдовать и графскій титулъ.

— Знаешь, какъ бы хорошо отбить его у княжны! И тебѣ было бы пріятнѣе имѣть такого собесѣдника лѣтомъ, когда мы стали бы пріѣзжать сюда. Нужно попытаться. On a le droit de prendre sa part du bonheur et des plaisirs partout où on la trouve.

Digitized by Google

— Это какой же учитель сказалъ тебѣ такую великолѣпную сентенцію?

— Извини, это ужъ я сама придумала въ выпускномъ классѣ по поводу сладкаго пирога. Весь институтъ былъ въ восторгѣ и рѣшилъ, что я самая умная и практическая изъ воспитанницъ. Четвертый классъ весь цѣликомъ сталъ обожать меня за это изреченіе. Однако, прощай; ты всегда меня заболтаешь; мнѣ давно пора звать Моравскаго и поить его чаемъ.

Звонко поцѣловавъ отца, Наташа снова вышла на балконъ. На минуту лицо ея приняло задумчивое выраженіе. „Для чего я наболтала весь этотъ вздоръ?"—мелькнуло у нея въ головѣ. „А почему бы и не болтать вздоръ? Иначе давно бы умерла со скуки". Въ глазахъ и на губахъ Наташи промелькнула усмѣшка. „Все-таки поставлю на своемъ, поѣду на встрѣчу, да еще и этого важнаго петербургскаго чиновника повезу съ собою на показъ".

— Борисъ Михайловичъ! Идите чай пить! давно пора!—крикнула Наташа съ балкона въ открытыя окна флигеля, стоявшаго бокъ-о-бокъ съ большимъ домомъ.

— Иду, иду, моя заботливая опекунша!—отвѣчалъ Моравскій, показываясь на крылечкѣ флигеля.—Съ добрымъ утромъ!

Пройдя небольшое пространство дворомъ, онъ легко поднялся по лѣстницѣ балкона. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, средняго роста, вовсе не такой толстый, какъ можно было бы подумать по недавнему отзыву о немъ Наташи, и весьма благообразной наружности, безукоризненно одѣтый въ легкую шолковую пару. Борисъ Михайловичъ, какъ уже знаетъ читатель, былъ племянникъ и вѣроятный наслѣдникъ графа Моравскаго и числился виднымъ дѣятелемъ одного изъ министерствъ. Выдержавъ весною тифъ, онъ для укрѣпленія здоровья взялъ четырехмѣсячный отпускъ, который и рѣшился провести въ Крыму. Онъ былъ любитель-натуралистъ, занимался преимущественно геологіей, имѣлъ нѣкоторый литературный талантъ и напечаталъ уже нѣсколько недурныхъ очерковъ, весьма живыхъ по слогу и содержанію. Пріѣхавъ въ имѣніе дяди, онъ почувствовалъ себя здѣсь вполнѣ привольно: онъ немного гербаризировалъ, дѣлалъ легкія геологическія экскурсіи, зачастую въ сопровожденіи Наташи, купался въ морѣ, ѣлъ фрукты, болталъ по цѣлымъ часамъ съ веселой дочерью Вѣтвицкаго, а по временамъ выразительно перемигивался съ ея черноглазой субреткой Дуней. Онъ былъ человѣкъ веселый и покладистый и—согласно морали Наташи—prenait sa part du bonheur partout où il la trouvait.

Digitized by Google

— Поздненько, Борисъ Михайловичъ; ужъ восемь часовъ, а вы дали себѣ слово вставать въ шесть.

— Я почти всю ночь не спалъ. Я видѣлъ грозы и въ Альпахъ, и въ Балканахъ, но такой, какъ была ночью, не запомню. Молнія, какъ вѣнцомъ, разомъ обнимала кругомъ всѣ горы; раскаты грома не умолкали ни на минуту, то разражаясь оглушительнымъ трескомъ, то эхомъ перекатываясь по горамъ; дождь лилъ не потоками, а рѣками. Я не могъ оторваться отъ этого зрѣлища. Неужели вы спали и ничего не слышали?

— Вообразите, спала; сквозь сонъ какъ будто что-то слышала, но ничего не помню.

— Какъ легко дышется послѣ грозы, а долина наша убралась точно невѣста къ вѣнцу, чистая и сверкающая, съ блестящими бѣлыми дачами и изумрудною зеленью садовъ и виноградниковъ. Лучшаго пейзажа, вѣроятно, нѣтъ во всемъ Крыму.

Пейзажъ дѣйствительно былъ великолѣпный: просторъ и вмѣстѣ уютность цвѣтущей долины, ряды живописныхъ тополей, расходившіеся во всѣхъ направленіяхъ и особенно густыми рядами тянувшіеся вдоль рѣчки, прихотливо извивавшейся по долинѣ, наконецъ, море, заключенное, какъ въ рамку, двумя громадными, отвѣсно падающими внизъ скалами,—все такъ и просилось на полотно. Неуспѣвшее успокоиться послѣ ночной бури море сверкало бѣлой пѣной, и на фонѣ его живописно выдѣлялся пирамидальный утесъ праваго горнаго кряжа съ развалинами на его вершинѣ древней генуэзской башни, давшей долинѣ ея татарское названіе.

— Здравствуйте, Борисъ Михайловичъ!—говорилъ Вѣтвицкій, появившійся на балконѣ въ высокихъ сапогахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ.—Ну, нынѣшняя ночь будетъ стоить нашему графу нѣсколькихъ сотенъ рублей.

— А что?

— Посмотрите въ бинокль, какъ повалило и занесло землей виноградные кусты. Тутъ еще ничего, а что̀ дѣлается въ нижнемъ саду: плетни поломаны, мостки на рѣкѣ и на канавахъ снесены, деревья и кусты во многихъ мѣстахъ повыдернуты съ корнями; въ двѣ недѣли сотня рабочихъ не приведетъ всего въ порядокъ.

— Часто бываютъ у васъ такія грозы?

— Раза два-три въ лѣто; впрочемъ такой грозы давно не было; она разразилась на нѣсколько десятковъ верстъ кругомъ, и вся вода съ горъ разомъ сбѣжала въ рѣчку. Въ нижній садъ принесло откуда-то такое дупло, что сорокъ человѣкъ не поды-

Digitized by Google

мутъ: съ вросшими въ него камнями въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ.

— Ты, папа, куда?

— Въ Топлы; тамъ тоже, говорятъ, вода набѣдокурила. Послалъ туда прикащика, да нужно и самому взглянуть. Теперь и рабочихъ не найдешь: по всѣмъ окрестнымъ деревнямъ такой же разливъ и опустошенье. Османъ, давай лошадь!

Изъ дверей конюшни показался Османъ съ небольшой и красивой рыжей лошадью въ поводу.

— Ты на моемъ Рыжикѣ ѣдешь? Смотри, не замучь его; не забудь, что завтра мнѣ далеко на немъ ѣхать.

— До свиданія пока,—проговорилъ Вѣтвицкій, сходя съ балкона и усаживаясь на лошадь.

— Кланяйся, папа, Катеринѣ Васильевнѣ; ты, вѣрно, къ ней заѣдешь, хотя это тебѣ совсѣмъ не по дорогѣ!—крикнула Наташа въ догонку отцу. Тотъ съ досадой толкнулъ лошадь ногою и быстрой иноходью выѣхалъ за ворота.

— Куда это далеко собираетесь вы завтра ѣхать?—спросилъ Наташу Моравскій, принимаясь за поставленный передъ нимъ второй стаканъ чая.

— Завтра чѣмъ свѣтъ, когда вы еще спать будете, я уѣзжаю къ тетѣ въ Кара-Агачъ.

— И надолго?

— Не могу вамъ сказать ничего вѣрнаго; у тети я разсчитываю пробыть нѣсколько времени, а потомъ...

— Что же потомъ?

— Словомъ, я не знаю, когда возвращусь въ Эски-Топе.

— Это очень мило съ вашей стороны. Что же безъ васъ стану я здѣсь дѣлать? Значитъ, и мнѣ лучше всего вслѣдъ за вами выбираться куда глаза глядятъ.

— Не смѣю ничего вамъ совѣтовать, хотя не скрою, что одновременный отъѣздъ нашъ, и притомъ въ разныя стороны, кажется мнѣ очень неудобнымъ; пойдутъ предположенія, толки; вамъ отъ нихъ все равно, вы уѣдете, обо всемъ забудете, до моего существованія включительно, а намъ...

— По вашимъ словамъ выходитъ, что одновременный отъѣздъ нашъ—но только въ одну сторону—признается вами болѣе удобнымъ?

— Я этого не говорила; это также представляетъ свои неудобства.

— Словомъ, какъ говорится въ сказкѣ, пойдешь направо—голову потеряешь, налѣво — самъ пропадешь. Остается, слѣдова-

Digitized by Google

тельно, или здѣсь умереть со скуки, или съ отчаянія пойти броситься въ нашу разбушевавшуюся Суукъ-су, пока въ ней есть хоть капля воды. Какая же муха васъ укусила? Почему вы собрались уѣзжать, и еще такъ внезапно? Еще вчера вечеромъ объ этомъ и помина не было; напротивъ, мы строили съ вами планы на цѣлую недѣлю; къ тому же я слышалъ отъ вашего батюшки, что на дняхъ долженъ пріѣхать сюда вашъ женихъ. Если только мой вопросъ не нескроменъ...

Наташа вздохнула и на нѣсколько секундъ подняла на Моравскаго задумчивый взоръ.

— Что̀ дѣлать! такъ сложились обстоятельства. Видите ли, Борисъ Михайловичъ, мы такъ сжились съ вами, что мнѣ непріятно имѣть отъ васъ какіе-нибудь секреты. Но въ настоящую минуту мнѣ не хотѣлось бы говорить объ этомъ; послѣ, хоть завтра, я готова вамъ все объяснить.

— Но вѣдь вы говорили, что завтра чуть свѣтъ уѣзжаете, и мы съ вами не увидимся.

— Да, я и забыла; мнѣ показалось сейчасъ почему-то, что вы вмѣстѣ со мною ѣдете въ Кара-Агачъ.

— Вѣдь вы находили это невозможнымъ?

— Разумѣется, совершенно невозможно; правда, тетя васъ приглашала, вы дали ей слово пріѣхать; и она была бы вамъ очень рада; она пожалуй никогда не проститъ мнѣ, что я, хотя и невольно, была помѣхой вашему визиту.

— Словомъ, опять куда ни кинь, все клинъ. Дорогая Наталья Дмитріевна, вы что-то хитрите. Я готовъ повиноваться вамъ во всемъ, но нужно, чтобы я уразумѣлъ ваши желанія.

— Я вовсе не хитрю, но я думала... видите ли, это неудобно по многимъ причинамъ. Прежде всего, послѣ сегодняшней бури въ экипажѣ проѣхать къ тетѣ нельзя; я ѣду верхомъ; я думала, что въ ваши... при вашей... pardon, я хотѣла сказать, что поѣздка верхомъ за тридцать верстъ затруднитъ васъ.

— Вы хотѣли сказать, что въ мои годы, при моей фигурѣ, поѣздка верхомъ за тридцать верстъ мнѣ не подъ силу. Не оспаривая вашихъ взглядовъ въ этомъ отношеніи, я могу лишь замѣтить, что вы не только жестоки, но и неблагодарны. Я ли не караколировалъ со всеусердіемъ вслѣдъ за вами по горамъ и дебрямъ Эски-Топе, стараясь заслужить ваше одобреніе? „И вотъ награда всѣхъ трудовъ“!.. А я еще былъ намѣренъ при отъѣздѣ просить васъ выдать мнѣ аттестатъ въ моемъ наѣздническомъ искусствѣ.

— Вы напрасно истолковываете такъ мои слова.

Digitized by Google

— Вообразите, милая барышня, что я истолковываю ихъ вовсе не такъ: я убѣжденъ, что вамъ очень хочется, чтобы я ѣхалъ съ вами, и вы пытаетесь меня подзадорить.

Наташа расхохоталась.

— А если бы и такъ?

— Если такъ, то и прекрасно, но мнѣ все-таки хотѣлось бы знать, во-первыхъ, зачѣмъ мы ѣдемъ, во-вторыхъ, какъ посмотритъ вашъ батюшка на нашу поѣздку?

— Зачѣмъ мы ѣдемъ—узнаете завтра; что же до папы, то онъ въ мои дѣла не мѣшается и ничего противъ нашей поѣздки имѣть не будетъ.

— Нѣтъ ли у васъ на это болѣе вѣскихъ доказательствъ, нежели одно ваше предположеніе?

— Есть. Я говорила папѣ, что ѣду и что васъ возьму съ собою.

— Возьмете? Браво! это прелестно. Въ такомъ случаѣ мнѣ, разумѣется, остается только безпрекословно повиноваться, какъ повинуются велѣніямъ судьбы. Ѣдемъ.

— Еще я должна предупредить васъ: дороги очень плохи, и вообще въ пути многое можетъ встрѣтиться; такъ что ни за какія случайности я не отвѣчаю.

— Не отвѣчаете даже и за то, если дорогой я разобью себѣ случайно носикъ? Согласенъ и на это. Не забудьте только, что завтра дорогой вы объясните мнѣ причину нашего отъѣзда.

— Непремѣнно.

На другой день, когда солнце едва стало освѣщать вершины горъ, а долина покоилась еще въ полной тѣни, Наташа въ сопровожденіи Моравскаго пустилась въ путь. Сзади нихъ неуклюже, съ мѣшками въ рукахъ, ёрзалъ Османъ на непривычномъ для него англійскомъ сѣдлѣ, съ трудомъ сдерживая горячившуюся и дѣлавшую курбеты темногнѣдую красивую лошадь. Это была лошадь Дружинина. Несмотря на протесты Османа, Наташа потребовала, чтобы онъ ѣхалъ на этой лошади, въ добавокъ не на татарскомъ, а на англійскомъ сѣдлѣ.

Утро было свѣжее, и Моравскій слегка ёжился, несмотря на надѣтое имъ пальто. Природа оживлялась; соловьи прекратили свои предутреннія трели; лишь кое-гдѣ слышались отрывистыя посвистыванья запоздалаго пѣвца, но взамѣнъ изъ садовъ неслось веселое щебетанье мелкихъ пташекъ. По дорогѣ расхаживали горлицы, лаская слухъ путниковъ своимъ гармоническимъ ворковаиьемъ. Испуганныя, онѣ взлетали предъ самымъ носомъ лоша-

Digitized by Google

дей и вновь опускались на дорогу за ихъ хвостами. Дорога шла по скату горнаго кряжа по окраинѣ долины. Моравскій еще ни разу во время трехнедѣльнаго пребыванія своего въ Эски-Топе не просыпался такъ рано, и теперь вполнѣ наслаждался чарующей прелестью ранняго утра и рядомъ живописныхъ видовъ, мѣнявшихся при каждомъ поворотѣ. Когда дорога поднялась довольно высоко на одинъ изъ горныхъ отроговъ, Моравскій остановилъ лошадь. Всадники какъ разъ поравнялись съ срединой долины, которая вся, съ ея прихотливою холмистою поверхностью, открывалась съ высоты. Позади, т.-е. по тому направленію, откуда они ѣхали, сверкало море, освѣщенное лучами только-что взошедшаго солнца, еще невидимаго путникамъ за горами. Море высоко поднималось на горизонтѣ надъ прибрежными скалами, которыя—столь внушительныя вблизи—теперь издали и съ высоты казались холмами. Зато величественнѣе, нежели снизу, являлся противоположный горный кряжъ, открывавшій взорамъ одну позади другой разнообразныя, то остроконечныя, то зубчатыя, каменистыя вершины, терявшіяся въ облакахъ. Свѣжій горный воздухъ, настоенный ароматомъ травъ и деревьевъ, увеличивалъ прелесть ландшафта.

— Съ моей стороны было большой ошибкой ни разу не видѣть такого утра,—говорилъ Моравскій.—Впредь даю себѣ слово по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю вставать до зари и уходить или уѣзжать въ горы.

Дорога спустилась съ пригорка и, наискось перерѣзывая долину, пошла между плетнями, огораживающими сады и виноградники. Огромныя лужи, не успѣвшія высохнуть послѣ вчерашняго ливня и занимавшія всю ширину дороги, заставляли всадниковъ жаться къ оградѣ, подъ нависшія изъ-за нея вѣтви черешенъ, абрикосовъ и цареградской шелковицы, усѣянныхъ плодами. Въ садахъ уже работали. По дорогѣ то-и-дѣло встрѣчались группами татары, въ синихъ нанковыхъ панталонахъ, полосатыхъ курткахъ и черныхъ барашковыхъ шапкахъ, шедшіе, съ лопатами на плечахъ, въ Эски-Топе на работу.

— Оуръ-Алла, оуръ-Алла!—обмѣнивались они привѣтствіемъ съ Османомъ.

На дорогѣ показалась двуколесная длинная арба, запряженная свирѣпыми на видъ, но въ сущности весьма кроткими буйволами съ ихъ рѣдкою черною шерстью и откинутыми назадъ рогами. Нѣсколько татарокъ въ бѣлыхъ чадрахъ сидѣли въ арбѣ, рядомъ съ которою шелъ пожилой татаринъ съ черной подстри-

Digitized by Google

женной бородой и орлинымъ носомъ, бросая на путниковъ далеко не привѣтливые взгляды изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей.

— Должно быть, здѣшніе татары насъ не очень долюбливаютъ, —сказалъ Моравскій.

— Еще здѣшніе, изъ Эски-Топе и окрестныхъ деревень, ничего, а дальше въ горахъ—папа говоритъ—очень дикій народъ; да и то сказать, у нихъ даромъ, кто хотѣлъ, поотнималъ земли и лѣса. И все-таки хорошій народъ, покойный и честный; всѣ помѣщики жалѣютъ, что ихъ такъ много ушло послѣ крымской войны за границу. Нашъ Османъ не здѣшній; онъ степной, и лицо у него другое, и говоритъ немного иначе. А вы знаете, я кое-какъ выучилась уже болтать по-татарски, разговоръ татарскій почти весь понимаю.

Дорога уперлась въ рѣчку, которую и предстояло переѣхать путникамъ. Въ обычное время рѣка эта представляла узкую и мелкую кристально-прозрачную струю, съ веселымъ журчаньемъ бѣжавшую по каменьямъ. Теперь, послѣ недавняго ливня, рѣчка разлилась во весь широкій оврагъ и сердито съ шумомъ катила мутныя волны. Осмотрѣвъ рѣку, Османъ опытнымъ взглядомъ нашелъ бродъ и въѣхалъ въ воду.

— Не смотрите, господинъ, внизъ, голова закружится!—посовѣтовалъ онъ Моравскому.

Вода была больше аршина глубины, но, поджавъ ноги, путники благополучно перебрались черезъ нее. Показалось солнце изъ-за горъ и косвенными лучами освѣтило долину. Но вотъ и конецъ долины Эски-Топе. Подъ нависшею каменной глыбой гигантской скалы пробирались путники по узкой дорогѣ, пролегавшей по глубокому, полному мглы, ущелью, на днѣ котораго бурлила рѣчка. За ущельемъ дорога пошла лощинами, обставленными сравнительно невысокими горами, среди которыхъ отдѣльными пиками поднималось нѣсколько остроконечныхъ каменныхъ вершинъ.

— Ну, теперь можно и поговорить,—замѣтилъ Моравскій.—Я горю нетерпѣніемъ узнать причину нашего черезъ-чуръ внезапнаго отъѣзда, весьма смахивающаго на какое-то бѣгство.

— Vous avez le don d'apprécier juste la position avec une perspicacité admirable: это дѣйствительно бѣгство.

— Отъ кого же или отъ чего мы бѣжимъ?

— Мнѣ хотѣлось бы быть вполнѣ откровенной съ вами, но не знаю, съумѣю ли я передать вамъ тò, чтò хочу. Вы сами могли замѣтить, что я не обладаю даромъ слова и особенно даромъ убѣжденія, а между тѣмъ это такъ важно въ жизни. Le

Digitized by Google

don de la persuasion est un grand cadeau de la nature, говорила наша институтская maman, и сама дѣйствительно обладала этимъ даромъ. Бывало, начнетъ трогательно говорить намъ что-нибудь — все время въ душѣ хохочешь, а въ концѣ все-таки расплачешься. Бѣдная maman! даже теперь больно и совѣстно вспомнить ея тщетныя усилія направить насъ на путь добра, искореняя въ насъ задатки безпорядка, суетности, легкомыслія, строптивости, празднословія и лѣни. Une jeune demoiselle,—меланхолически не разъ говорила она,—c'est comme de la neige tout nouvellement tombée; chaque goutte la flétrit.

— Ну, большого недостатка въ краснорѣчіи въ васъ не замѣтно. Вы даже увѣрены, какъ кажется, что оно затѣмъ и дано человѣку, чтобы онъ могъ скрывать свои мысли.

— Это какимъ образомъ?

— Такимъ, напримѣръ, что, благодаря краснорѣчію вашей институтской maman, мы никакъ не можемъ добраться до rime et raison нашего бѣгства.

— Pardon, я и забыла. Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло: вы говорили, что Коля Дружининъ... виновата, Николай Тимоѳеевичъ Дружининъ—видите какое длинное и неуклюжее имя!—вы сказали, что онъ пріѣзжаетъ на дняхъ, а онъ пріѣзжаетъ сегодня и даже сегодня утромъ.

— И мы отправились ему на встрѣчу?

— Съ чего вы это взяли! Напротивъ. Вчера я узнала о предстоящемъ пріѣздѣ Коли, и тотчасъ же сказала папѣ, что онъ можетъ принимать его самъ и раздѣлываться съ нимъ какъ знаетъ, а я уѣзжаю къ тетѣ.

— И что же, вашъ батюшка сочувственно отнесся къ этому?

— Какое! Папа сталъ браниться, и чѣмъ только не обозвалъ онъ меня: и взбалмошной, и капризной, и безсердечной. Вы не знаете папу: онъ въ душѣ тиранъ или—что̀ еще хуже—доктринеръ! Вы понимаете это слово... Онъ не можетъ смотрѣть на міръ Божій прямо, видѣть вещи такими, какъ онѣ есть, а хочетъ видѣть ихъ такъ, какъ онѣ по его мнѣнію должны быть, словомъ, глядитъ на все сквозь призму предвзятыхъ предубѣжденій.

— Предубѣжденій, да еще предвзятыхъ — это ужасно!

— Вотъ вы смѣетесь—между тѣмъ это слова нашего учителя исторіи, а онъ очень хорошо говорилъ. Я все сбиваюсь съ вами. Онъ, т.-е. не учитель, а папа, il est capable de faire le procès à bon Dieu lui-même изъ-за того, что въ суткахъ двадцать-четыре часа, когда по его планамъ нужно, чтобы ихъ было двадцать-пять.

Digitized by Google

— Это самъ папа вамъ такъ говорилъ?

— Нѣтъ, это я прочла въ какой-то очень умной французской книгѣ, но это про папу написано.

— Такъ что же сдѣлалъ тиранъ, доктринеръ, вашъ папа?

— Благодаря ему, я и стала невѣстой Коли.

— Сами же вы этого не хотѣли и женихъ вамъ не нравился?

— Можетъ быть и хотѣла, можетъ быть и нравился, но очевидно подъ вліяніемъ папы; это могло мнѣ только казаться; безъ папы я могла бы одуматься, могла бы понять, что мнѣ нуженъ мужъ не 25-лѣтній мальчикъ, а человѣкъ солидный, который могъ бы быть для меня надежной опорой въ жизни, могъ просвѣщать мой умъ, внушать мнѣ солидныя правила нравственности и долга и опытною рукою поддерживать въ нихъ.

— Это изъ той же умной книги?

— Нѣтъ, это изъ другой, изъ романа, въ которомъ шестидесятилѣтній женихъ en telles paroles fait la cour à sa fiancée de 20 ans. Впрочемъ и папа говорилъ когда-то что-то въ родѣ этого.

— А что, милая барышня, вотъ папа вашъ между прочимъ поэтъ, а сами вы стиховъ или романовъ не пишете?

— Нѣтъ, а что?

— Я готовъ заподозрить въ васъ большой сочинительскій талантъ.

— Это правда, меня и въ институтѣ всегда звали сочинительницей, хотя, признаться, я даже „восходъ солнца на морѣ“ не умѣла хорошенько сочинить. Учитель ставилъ мнѣ 10, и то только за то, что я его обожала. Бывало, сяду на его урокѣ на первую скамью, обопрусь головой на руку, сдѣлаю томные глаза и все смотрю на него пристально, пристально,—такъ пристально, что ничего не вижу и не слышу; онъ меня спрашиваетъ, а я не слышу, только смотрю и все думаю: отчего это у него, какъ у козла, торчитъ рыжій клокъ волосъ подъ подбородкомъ?

— Дѣйствительно, подобное обожаніе не стоило болѣе 10.

— Нѣтъ, это былъ такой учитель противный; другіе, даже батюшка, всегда ставили своимъ обожательницамъ 12. Я потомъ жалѣла, что начала обожать именно его, да Коля совѣтовалъ ужъ не мѣнять.

— Скажите, пожалуйста, вѣдь женихъ вашъ по этой самой дорогѣ и поѣдетъ?

— Да, отъ поворота.

— Такъ не прибавить ли намъ ходу, а то вмѣсто того, чтобы бѣжать отъ него, мы какъ разъ на него натолкнемся.

Digitized by Google

— О, куда! онъ теперь только глаза протираетъ гдѣ-нибудь за десять станцій отсюда.

— Ну, на это не надо разсчитывать: женихи—народъ нетерпѣливый.

— Вы не знаете Колю—это такой тюлень; у него все впередъ разсчитано... Вотъ что, я ужасно проголодалась; тутъ недалеко у дороги есть фонтанъ; какой-то татаринъ устроилъ: набожные татары, чтобы угодить Богу, всегда, если можно, строятъ фонтаны у дороги, какъ у насъ часовни. Кто ѣдетъ, отдохнетъ у фонтана, самъ напьется и лошадь напоитъ, и помолится за того, кто устроилъ. У меня съ собой и кофе готовый есть для васъ — стоитъ согрѣть только,—и сливки, и курица, и пирожки, и стаканы, словомъ, все, даже бутылка вашего рислинга любимаго. Посмотрите, Османъ едва справляется съ туго набитыми мѣшками.

— Нѣтъ ли еще и складной палатки? мы совсѣмъ могли бы заночевать тутъ у дороги?

— Вы все насмѣхаетесь. А тутъ, право, прелестно; если кто и поѣдетъ, такъ за деревьями насъ не будетъ видно. Согласны?

— Совершенно. Ce que femme veut, Dieu le veut, это во всѣхъ книгахъ одинаково сказано, и въ умныхъ, и въ глупыхъ. Стаканъ кофе я, въ самомъ дѣлѣ, выпью съ удовольствіемъ.

Влѣво, шагахъ въ двадцати отъ дороги, на склонѣ горы виднѣлся фонтанъ, сложенный изъ бѣлаго известняка; вода тонкою струей звонко падала въ небольшой бассейнъ и, переполнивъ его, стекала къ дорогѣ небольшимъ ручейкомъ, терявшимся въ оврагѣ. Группы липъ, кленовъ, орѣшника и кизиля со всѣхъ сторонъ окружали фонтанъ; дикій виноградъ вился по деревьямъ. Путники расположились въ нѣсколькихъ шагахъ отъ фонтана на травянистой лужайкѣ. Привязавъ лошадей къ деревьямъ, Османъ набралъ сучьевъ и развелъ небольшой огонь для кофе. Пальто Моравскаго замѣнило коверъ; изъ мѣшковъ была вынута обильно заготовленная закуска, которой не замедлили оказать честь и Наташа, и петербургскій гость.

— Ну-съ,—заговорилъ Моравскій,—положеніе для меня выяснилось окончательно: мы бѣжимъ отъ двадцати-лѣтняго жениха съ цѣлью отыскать гдѣ-нибудь шестидесяти-лѣтняго, который опытною рукою могъ бы внушить намъ правила нравственности и долга. Такъ вѣдь?

— Не совсѣмъ такъ, но почти,—отвѣчала Наташа, подавая Моравскому стаканъ съ кофе.

— Затѣмъ я вполнѣ убѣдился какъ въ тиранническихъ наклонностяхъ вашего батюшки, такъ еще болѣе въ вашемъ поэти-

Digitized by Google

ческомъ талантѣ. Этому таланту мнѣ бы теперь хотѣлось сдѣлать маленькое испытаніе.

— Какимъ образомъ?

— Я попросилъ бы васъ рѣшить маленькія поэтическія задачи. Въ институтѣ вы, вѣроятно, проходили уравненія съ нѣсколькими неизвѣстными?

— Это тамъ, гдѣ x, y, z?

— Именно; но тамъ ариѳметика, здѣсь—поэзія. Вы вотъ бѣжите отъ жениха, но представьте себѣ, что на вашемъ мѣстѣ, въ той же обстановкѣ, была бы другая, не Наталья Дмитріевна, а, положимъ, Аглая Демидовна, или, еще лучше, Діомидовна, и задумала бы она не бѣжать отъ жениха, а поѣхать ему на встрѣчу. Пригласила ли бы она меня съ собою?

— Непремѣнно пригласила бы.

— Можно узнать, для чего и почему?

— Причинъ много. Во-первыхъ, ей пріятно было бы находиться въ вашемъ обществѣ. Во-вторыхъ, одна съ Османомъ она и не могла бы, ни свѣтъ, ни заря, галлопировать по большой дорогѣ; безъ васъ ей пришлось бы отказаться отъ поѣздки. Но главное—это впечатлѣніе на жениха. Онъ во всякомъ случаѣ былъ бы радъ встрѣчѣ, но безъ васъ это была бы не особенно лестная встрѣча соскучившейся въ глуши невѣсты-провинціалки; въ вашемъ обществѣ она, по прежнему простенькій камешекъ, явилась бы въ богатой оправѣ, утраивающей его цѣнность.

— Все это для меня очень лестно, и я готовъ признать, что x рѣшенъ. Перейдемъ къ y. Задумавъ прихватить меня на встрѣчу жениху, сообщила ли бы и должна ли бы сообщить мнѣ Аглая Діомидовна о цѣли нашей поѣздки, или могла выдумать исторію въ родѣ бѣгства отъ жениха подъ крылышко тети?

— Не сообщила бы и не должна бы сообщить. Скажи она вамъ правду, для васъ отказъ дѣлался невозможенъ, и вы попали бы въ неловкое положеніе завѣдомо ѣхать на встрѣчу неизвѣстному вамъ, чуть не безбородому юношѣ. Выдумать что-нибудь было бы необходимо.

— Но любопытно бы знать, въ какомъ положеніи очутилась бы путешественница, еслибы безбородый юноша не явился вовремя, и ей пришлось бы или продолжать путь къ тетѣ, или возвращаться со срамомъ назадъ, предварительно сознавшись въ своихъ отважныхъ измышленіяхъ.

— Ни въ какихъ сознаваніяхъ не представилось бы ни малѣйшей надобности, или ваша Аглая не только не была бы институткой, но манекеномъ, а не женщиной. Все устроилось бы очень

Digitized by Google

просто. Доѣхавъ до поворота съ большой дороги, она спросила бы васъ, какой сегодня день и число, и вспомнила бы, что именно въ этотъ день тетя должна была уѣхать въ Ѳеодосію на встрѣчу пріѣзжающей на пароходѣ съ Кавказа пансіонской подругѣ. Для правдоподобности она разсказала бы какую-нибудь трогательную исторію изъ жизни этой подруги, а затѣмъ пригласила бы васъ заѣхать къ Катеринѣ Васильевнѣ, гдѣ кстати вы застали бы папу и послѣ завтрака, ради праздника, сыграли бы въ винтъ.

— Положимъ, что рѣшенъ и y; остается z. Рано или поздно я, разумѣется, узналъ бы о мистификаціи. Обидѣлся ли бы я, или, по крайней мѣрѣ, долженъ ли былъ бы обидѣться?

— И не обидѣлись бы, и не должны бы были обидѣться: вашъ взглядъ слишкомъ широкъ для мелочного чувства. Tout comprendre, c'est tout pardonner. Вы сами еще достаточно молоды; вы живо представили бы себѣ все удовольствіе жениха и невѣсты отъ неожиданной встрѣчи при обстоятельствахъ, внесшихъ хотя немного разнообразія въ монотонную жизнь Эски-Топе. Вы, главный, необходимый виновникъ этого удовольствія, порадовались бы ему и расхохотались бы отъ души за невинную и весьма прозрачную мистификацію, благодаря которой, притомъ, вы безъ особенной скуки провели нѣсколько часовъ въ прелестное утро, среди прелестной природы, въ обществѣ любезной и искренне признательной спутницы: я, конечно, разумѣю Аглаю Діомидовну.

Наташа проговорила эту тираду съ большимъ одушевленіемъ; глаза ея блестѣли. Она протянула Моравскому руку.

— Браво, дорогая барышня, браво!—говорилъ Моравскій, съ удовольствіемъ глядя въ ея сіявшее лицо и пожимая протянутую ему руку.—Я почти жалѣю, что вы не въ положеніи Аглаи Діомидовны. Всѣ неизвѣстныя вы отыскали блестящимъ образомъ. Навѣрное за подобныя задачи въ математикѣ вы всегда получали 12?

— Вообразите, всегда 12. У насъ былъ совсѣмъ особенный учитель, какой-то monsieur Просперъ, юркій, маленькій, черненькій и очень застѣнчивый; его даже никто не обожалъ. Стоило только воспитанницѣ, вызванной къ доскѣ и не умѣвшей отвѣчать на вопросъ, вздернуть носъ, сжать губы и сдѣлать пренебрежительный взглядъ—нужно сказать, что въ дортуарахъ мы упражнялись въ мимикѣ и у насъ были приготовлены всякіе взгляды: умильный, покорный, серьезный, насмѣшливый, презрительный, удивленный и еще разные — такъ стоило воспитанницѣ сдѣлать презрительный видъ, и monsieur Просперъ терялся: онъ начиналъ бѣгать около доски, лепеталъ: „конечно, конечно; это вы, разу-

Digitized by Google

мѣется, знаете; извините пожалуйста; прекрасно, сдѣлайте одолженіе, садитесь"—и ставилъ 12. У насъ 11 и 10 получали изъ математики только тѣ, кто зналъ что-нибудь.

Разсказывала это Наташа вяло; вниманіе ея было очевидно отвлечено; до тонкаго слуха ея издалека доносились звуки, неуловимые пока для болѣе грубаго мужского уха. Черезъ нѣсколько минутъ звуки сдѣлались яснѣе: слышался звонъ колокольчика. Наташа встрепенулась.

— Кто-то ѣдетъ; ужъ не Коля ли Дружининъ? Сидите здѣсь, не показывайтесь. Я осторожно пройду и посмотрю изъ-за куста.

Почтовая телѣжка быстро катилась по дорогѣ; съ звяканьемъ колокольчика слышался уже грохотъ колесъ по каменьямъ. Вотъ телѣжка показалась изъ-за поворота; въ ней сидѣлъ молодой человѣкъ въ сѣренькомъ сюртукѣ и соломенной шляпѣ.

— Коля! Николай Тимоѳеевичъ! — кричала Наташа, неосторожно показываясь изъ-за куста.

Тотъ уже видѣлъ ее; рискуя сломать себѣ ноги, на полномъ ходу, выпрыгнулъ онъ изъ телѣжки.

— Наташа! ты какъ здѣсь очутилась въ такую рань?

— Встрѣчать тебя поѣхала.

Дружининъ порывисто, одну за другою, цѣловалъ руки невѣсты и глядѣлъ въ ея сіявшіе радостью глаза.

— Только я здѣсь не одна; со мною генералъ Моравскій. Я ему не сказала, что мы ѣдемъ встрѣчать тебя; плела всякій вздоръ; говорила, что уѣзжаю къ тетѣ именно потому, что ты долженъ пріѣхать сегодня. Впрочемъ, онъ догадался, въ чемъ дѣло, и, кажется, не очень сердится.

— Шалунья! пойдемъ же скорѣе; представь меня, я его окончательно умилостивлю, а то, въ самомъ дѣлѣ, не совсѣмъ ловко.

Дружининъ съ перваго же раза произвелъ на Моравскаго самое выгодное впечатлѣніе своею стройной и изящной фигурой, симпатичнымъ открытымъ и веселымъ лицомъ, живыми, свободными и вмѣстѣ скромными манерами. Моравскій дружески пожалъ ему руку.

— Вы насъ поймали какъ разъ на мѣстѣ преступленія. Должно вамъ знать, что мы именно бѣжали отъ васъ въ поиски за степеннымъ, солиднымъ и безукоризненно моральнымъ шестидесятилѣтнимъ женихомъ; но, какъ видите, бѣжали очень неискусно и, по образу оторопѣлыхъ зайцевъ, сами же наскочили на охотника, отъ котораго затѣяли скрыться.

— Наталья Дмитріевна успѣла сказать мнѣ два слова о своей

Digitized by Google

необдуманной продѣлкѣ. Не знаю, смѣю ли я вмѣстѣ съ нею просить о вашей снисходительности. Еслибы я могъ показать вамъ ея письма, вы увидѣли бы, какъ высоко цѣнитъ она дружбу, которою вы ее удостоили, и убѣдились бы притомъ, что, въ сущности, она менѣе взбалмошна и болѣе серьезна, нежели можно думать по ея выходкамъ.

— Пожалуйста, безъ откровенностей съ моими письмами; не то и у меня найдутся письма, изъ которыхъ легко убѣдиться, что кто-то гораздо менѣе серьезенъ и болѣе легкомысленъ, чѣмъ слѣдовало бы желать будущему просвѣтителю юношества.

— Насчетъ нашей поѣздки мы уже порѣшили съ Натальей Дмитріевной. Она очень остроумно, въ лицахъ, доказала мнѣ, что за сегодняшнее утро я могу быть ей только благодаренъ. Я вполнѣ согласился съ нею и еще болѣе согласенъ теперь, когда, благодаря нашей ранней partie de plaisir, имѣлъ удовольствіе нѣсколькими часами ранѣе познакомиться съ вами.

— Что до меня, я давно знакомъ съ вами, Борисъ Михайловичъ, не только по письмамъ Натальи Дмитріевны, но еще болѣе по вашимъ прелестнымъ „Очеркамъ Кавказскаго побережья", въ которыхъ увлекательное литературное изложеніе такъ счастливо соединяется съ нѣсколькими весьма цѣнными научными гипотезами и наблюденіями.

— Ага! Вы читали? Это плоды небольшого отдыха отъ петербургской бюрократической безтолочи.

— Читалъ и перечитывалъ. Ваша книга и теперь со мною. Я именно имѣлъ въ виду прослѣдить по ней нѣкоторыя аналогіи здѣшнихъ горъ съ кавказскими. Но это, безъ сомнѣнія, вы и сами сдѣлаете; можно, конечно, разсчитывать, что ваше пребываніе въ Крыму не пройдетъ въ литературѣ безслѣдно?

— Право, не знаю. Почитываю кое-что, дѣлаю наброски, но, признаюсь, очень облѣнился. Общество и любезность Натальи Дмитріевны совсѣмъ избаловали. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ вашего пріѣзда и разсчитывалъ на вашу помощь.

— Радъ служить, чѣмъ могу.

— Вы геологъ, такъ сказать, патентованный, не то, что мы грѣшные, дилеттанты, лишь изрѣдка, по отпуску, заѣзжающіе къ наукѣ; притомъ вы, разумѣется, хорошо знаете эту часть Крыма. А по моему, она, этотъ переходъ отъ горъ къ степи, отъ горскаго татарскаго населенія къ степному, отъ сада и виноградника къ нивѣ, отъ табачной „левады" къ ячменю и пшеницѣ, болѣе характерна и достойна изученія, нежели нѣдра грандіознаго центральнаго хребта.

Digitized by Google

Наташа давно уже хмурилась и кусала губы отъ легкой досады, что на нее обращается такъ мало вниманія собесѣдниками.

— Не прикажете ли стаканъ кофе, Николай Тимоѳеевичъ?— церемонно, растягивая слова, спросила она Дружинина.

— Если позволите, Наталья Дмитріевна, съ большимъ удовольствіемъ,—въ тонъ отвѣчалъ ей Дружининъ.—Ба! да и мой Орликъ здѣсь и даже съ моимъ сѣдломъ. Это очень мило.

— Не думайте, что онъ приготовленъ для васъ,—замѣтилъ Моравскій:—мы захватили его затѣмъ, чтобы пресѣчь вамъ всѣ способы погони за нами. Кстати, предстоитъ рѣшить, что̀ намъ дѣлать дальше: покориться ли судьбѣ и мирно вернуться домой, или продолжать путь къ Елизаветѣ Сергѣевнѣ. Не знаете ли, Наталья Дмитріевна, не сегодня ли предполагала ваша тетя ѣхать въ Ѳеодосію на встрѣчу своей бывшей пансіонской подруги?

— Тетя, насколько я знаю, никуда не собиралась и не ожидала никакой подруги... Ахъ, это вы намекаете на мои слова! Но тамъ вѣдь говорилось о вами же измышленной Аглаѣ Діомидовнѣ. Но и вправду, что̀ ни дѣлается, все къ лучшему: нашъ пріѣздъ сегодня къ тетѣ былъ бы очень некстати. Бурей сорвало у нея часть крыши и дождемъ размыло потолокъ; половина дома стала необитаема, и теперь идутъ поправки. Ей рѣшительно негдѣ было бы размѣстить насъ.

— Это-то свѣденіе и было у васъ въ запасѣ, чтобы сообщить мнѣ его при поворотѣ въ Кара-Агачъ?

— Оно не могло быть у меня въ запасѣ. Письмо тети я получила вчера, но прочла только первую страницу, а о разореніи дома было на второй, въ припискѣ, которую я замѣтила, и то случайно, только сію минуту, пока вы обмѣнивались комплиментами съ Николаемъ Тимоѳеевичемъ. Вотъ письмо, посмотрите, и вы убѣдитесь, что я на этотъ разъ ничего не сочиняю.

— Смѣю васъ увѣрить, что я охотно мирюсь и съ сочиненіями, если они такъ остроумны, какъ обыкновенно бываютъ ваши.

Дружининъ отошелъ на нѣсколько шаговъ къ своей лошади.

— Вы все мнѣ не вѣрите,—вполголоса говорила Наташа Моравскому,—а я, право, не виновата, что Николай Тимоѳеевичъ меня увидѣлъ. Мнѣ по-неволѣ пришлось заговорить съ нимъ. Да и потомъ, виноваты собственно вы: еслибы вы встрѣтили его менѣе любезно, намъ удалось бы отъ него отдѣлаться, и мы могли бы продолжать путь.

— Не теряйте надежды; что̀ не удалось сегодня, можетъ удаться завтра. Пока приходится faire bonne mine au mauvais jeu, покориться судьбѣ и отправляться во-свояси.

Digitized by Google

Османъ съ мѣшками былъ усаженъ въ телѣжку; на Орликѣ поѣхалъ Дружининъ. У него съ Моравскимъ тотчасъ же завязался геологическій разговоръ съ демонстраціями на оголенныхъ скатахъ горъ и отдѣльныхъ пикахъ. Правда, женихъ не упускалъ ни одного случая съ ласковой улыбкой взглянуть на Наташу, но этого ей было мало. Она будировала, и то пускалась во всю иноходь впередъ по дорогѣ, то, крѣпко натянувъ поводья горячившейся лошади, оставалась позади. Въ темной амазонкѣ и небольшой соломенной шляпѣ съ откинутой назадъ синей вуалью, на лошади, красиво гнувшей шею и выступавшей изящными боковыми лансадами, Наташа была прелестна; она это чувствовала, и тѣмъ досаднѣе была для нея та малая доля вниманія, которую удѣляли ей спутники. Отъ большой дороги отдѣлялась тропинка между двумя плетнями, служившими оградой виноградниковъ, и тутъ же на углу стоялъ пустой сарай. Наташа свернула на тропинку, скрылась за стѣной сарая и притаилась. Не слыша за собой конскаго топота, Моравскій и Дружининъ остановились и, не видя дѣвушки, проѣхали обратно по дорогѣ, проѣхали по тропинкѣ. Наташи не было. Моравскій встревожился; Дружининъ его успокаивалъ.

— Эта тропинка ведетъ къ дому Катерины Васильевны, и Наташа навѣрное поскакала къ ней разсказать о своихъ проказахъ. Вы увидите, что она будетъ дома раньше насъ. Вы, разумѣется, знакомы съ Катериной Васильевной?

— Еще бы, большіе пріятели; очень милая женщина; мы даже винтимъ съ нею иногда. Это будущая ваша belle-mère.

— Она давно была бы ею, то-есть мачихой Наташи, еслибы Дмитрій Сергѣевичъ не забралъ себѣ въ голову, что онъ не долженъ жениться ранѣе, нежели выдастъ замужъ дочь.

— Нескромный вопросъ: когда предполагается ваша свадьба?

— Я разсчитываю теперь же, недѣли черезъ двѣ, черезъ три. Я такъ и писалъ и Дмитрію Сергѣевичу, и Наташѣ. Пора. Вы, вѣроятно, знаете уже, что мы росли вмѣстѣ съ Наташей, а пожениться рѣшили окончательно между собою лѣтъ пять тому назадъ, когда ей было всего четырнадцать лѣтъ, а мнѣ шелъ двадцатый. Для меня такое заранѣе опредѣленное положеніе было очень полезно и въ отношеніи характера, и въ отношеніи занятій. Кстати, Наташа писала мнѣ въ послѣднемъ письмѣ, что если она и согласится на нашу свадьбу этимъ лѣтомъ, то только ради того, чтобы вы могли быть у нея шаферомъ.

— Не слишкомъ ли я уже старъ для шафера? не идти ли мнѣ лучше въ посаженые отцы?

Digitized by Google

— Полноте стариться; на это придетъ еще время, лѣтъ черезъ двадцать.

Дома Моравскій и Дружининъ Наташи не застали. Но не прошло двадцати минутъ, какъ на дорогѣ послышался быстрый топотъ, и во дворъ во весь конскій аллюръ влетѣли двѣ всадницы.

— Папа!—кричала Наташа, останавливая у крыльца взмыленнаго Рыжика:—иди скорѣе, смотри, какую гостью я тебѣ привезла.

— Знаете ли, Катерина Васильевна,—говорилъ Вѣтвицкій, снимая съ сѣдла миловидную, черноглазую, загорѣлую женщину,—чѣмъ разрѣшилась вчерашняя болтовня Наташи, о которой я вамъ говорилъ? Оказалось, что она просто-на-просто задумала ѣхать на встрѣчу Николаю и имѣла дерзость пригласить съ собою Бориса Михайловича, налгавъ ему предварительно съ три-короба. Какъ вамъ это покажется?

— Я догадывалась, что должна быть какая-нибудь продѣлка въ этомъ родѣ.

— Хороша продѣлка! Пойдемте завтракать, а потомъ засядемъ за винтъ. Ты вѣдь умѣешь играть въ винтъ, Николай?

— Съ грѣхомъ пополамъ.

— И прекрасно. Пусть-ка Наташа въ наказаніе поскучаетъ одна.

— Ты хорошо знаешь, папа, что я никогда не скучаю, да мнѣ и некогда скучать. Я сейчасъ пойду, нарву шелковицы для Коли; онъ, бѣдный, давно не ѣлъ ея; зато никому другому ни ягодки. Впрочемъ, и онъ не стоитъ. Знаете ли, Катерина Васильевна, что эти два вѣжливые кавалера не только во всю дорогу не сказали со мной ни слова, но даже не замѣтили, что я исчезла. Николай Тимофеевичъ—pour les beaux yeux de monsieur—изволилъ совершенно забыть о моемъ существованіи. Играйте себѣ въ карты,—я одна стану ѣсть шелковицу, а потомъ уѣду съ Дуней купаться. Посмотримъ, кто по комъ скорѣе соскучится!

Черезъ мѣсяцъ послѣ описаннаго утра, въ старой церкви Эски-Топе вѣнчались двѣ четы: сперва Дружининъ съ Наташей, а за ними Вѣтвицкій съ Катериной Васильевной. Моравскій былъ шаферомъ обѣихъ невѣстъ. Вѣнчаніе происходило утромъ. Въ тотъ же день вечеромъ Вѣтвицкій съ женою и съ Моравскимъ уѣзжали изъ Эски-Топе на пароходѣ. Раза два въ мѣсяцъ Вѣтвицкаго вызывалъ графъ Моравскій въ Петербургъ для совѣщаній по поводу предполагаемой покупки близь Ялты большого

Digitized by Google

имѣнія, которое управляющій, вмѣстѣ съ Борисомъ Михайловичемъ, долженъ былъ предварительно осмотрѣть. Хозяйство въ Эски-Топе на полтора мѣсяца возлагалось на остававшуюся тамъ молодую чету.

Послѣ ранняго обѣда гости, въ виду предстоявшаго отъѣзда хозяевъ, тотчасъ разошлись. На балконѣ, въ ожиданіи парохода, находились только свои: двѣ новобрачныя четы, сестра Вѣтвицкаго, Елизавета Сергѣевна, и Моравскій. Какъ обыкновенно бываетъ предъ чьимъ-нибудь отъѣздомъ, разговоръ тянулся вяло, прерываясь длинными паузами.

— Глядя на всѣхъ васъ, — говорилъ Моравскій,—невольно вамъ позавидуешь и вздохнешь о себѣ: опять этотъ Петербургъ съ его трескомъ и дрязгами, безцѣльнымъ снованьемъ взадъ и впередъ и безпріютнымъ одиночествомъ!

— Для чего же эта безпріютность и одиночество?—спросилъ Вѣтвицкій. — Кто мѣшаетъ вамъ жениться?

— Раньше не удалось, теперь поздно.

— Это камешекъ въ мой огородъ: я женился, несмотря на то, что гораздо старше васъ; мнѣ сорокъ-пять лѣтъ, вамъ всего сорокъ-первый.

— Вы дѣло совсѣмъ другое: вы вдовецъ и выработавшійся семьянинъ, который не можетъ и не долженъ оставаться безъ прочной, установившейся привязанности; я—старѣющій холостякъ и номадъ, которому, какъ норовитому коню, было бы не въ мочь привыкнуть степенно выступать въ упряжкѣ семейной жизни.

— Борисъ Михайловичъ! Есть же предѣлъ лицемѣрію! Что вы насъ морочите: вѣдь вы же женитесь, вы помолвлены?

— Я помолвленъ? Съ кѣмъ? Откуда вы это взяли?

— Съ какою-то княжной, о которой намъ извѣстно еще, что она прекрасная музыкантша. Вы сами говорили объ этомъ Наташѣ.

— Вотъ какъ, дорогая—не барышня уже, а барыня! Вы не только со мною, но и на мой счетъ изощряете свой поэтическій талантъ. Видите ли,—даже прекрасная музыкантша!

— Да и не это одно,—продолжалъ Вѣтвицкій:—намъ почти извѣстны имя и фамилія вашей невѣсты; фамилія историческая: или княжна Воротынская, помнится, Клавдія, или Ксенія Варягина, непосредственно происходящая отъ одного изъ пришедшихъ къ намъ варяжскихъ князей. Только по отсутствію книгохранилищъ въ Эски-Топе мы не могли добраться, отъ котораго именно.

— Прелестно! Позвольте узнать, откуда вы все сіе изволили почерпнуть?

Digitized by Google

— Вѣроятно, вы мнѣ говорили что-нибудь подобное или, по крайней мѣрѣ, могли говорить. Во-вторыхъ, это Вольтеръ, кажется, сказалъ о чемъ-то: s'il n'existait pas, il fallait l'inventer. То же и съ вашей невѣстой. Это было предъ нашей поѣздкой въ Кара-Агачъ. Вы знаете, что мнѣ необходимо было ѣхать и непремѣнно съ вами, а папа не хотѣлъ пустить изъ опасенія, что я дорогой влюблюсь въ васъ. Всѣ неудобства устранялись извѣстіемъ о вашей невѣстѣ.

— Et puisque elle n'existait pas, vous l'avez inventée! Безподобно. Но на этотъ разъ ваши клеветы на меня не пройдутъ вамъ даромъ, и я предъ всѣми выведу васъ на чистую воду. Скажите, пожалуйста, Дмитрій Сергѣевичъ, правда ли, что только благодаря вашему доктринерству, художественной тенденціозности и деспотизму—всѣ эти черты вашего характера были очень живо описаны съ весьма остроумными иллюстраціями разныхъ французскихъ цитатъ,—такъ правда ли, что только благодаря такимъ качествамъ Наталья Дмитріевна должна была выйти замужъ не за степеннаго шестидесятилѣтняго мужа, а за Николая Тимоѳеевича, которому — увы! кажется, еще и пятидесяти лѣтъ нѣтъ?

— Не знаю; знаю только, что, въ случаѣ отказа моего выдать ее за Николая, она грозила, какъ Сафо, броситься въ море съ крѣпостной скалы.

— Очень хорошо. Теперь вы, Николай Тимоѳеевичъ. Были ли вы когда-нибудь неповоротливымъ тюленемъ, способнымъ, даже на пути къ невѣстѣ, до полудня потягиваться на станціи?

— Я это доказалъ, подкарауливъ на зарѣ и на большой дорогѣ убѣгавшую отъ меня измѣнницу.

— Наконецъ, Софья Сергѣевна,—какъ видите, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ,—мѣсяцъ тому назадъ сносило у васъ бурей полъ-дома?

— Почти; по крайней мѣрѣ, крыша въ банѣ протекла, и одинъ уголъ въ домѣ подмокъ немного.

— Что вы на все это скажете, храбрая барыня?

— Ничего не скажу, а сдѣлаю негодующую мину, какъ дѣлывала учителю математики, когда онъ слишкомъ приставалъ съ вопросами.

— Но мы не messieurs Просперы и на этомъ не успокоимся, а позволимъ себѣ еще одинъ нескромный вопросъ: вы, конечно, особа ученая и знающая; вы и умныя книжки читали, и всякимъ наукамъ обучались, до неизвѣстныхъ включительно, и мины умѣете дѣлать отъ негодующихъ до самыхъ умильныхъ, а не читали ли

Digitized by Google

вы или не слыхали, что существуетъ въ мірѣ штука, именуемая правдой? Отвѣтьте, пожалуйста.

— Правдой? Какой правдой? Не той ли, что Николай говорилъ (послѣ вѣнца, изъ Коли Дружининъ сталъ для Натальи Дмитріевны Николаемъ; когда родится первый ребенокъ, произойдетъ повышеніе его въ Николаи Тимоѳеевичи).

— Какъ ты говорилъ, Николай: правда, вся правда, и ничего кромѣ правды? Если эта, то о ней не слыхала и слышать не хочу; для меня это слишкомъ скучная и безцвѣтная правда. У меня есть иная, своя.

— Любопытно было бы знать, какая?

— Узнайте: всѣмъ сердцемъ любить того, кто и меня также любитъ; любить немного и другихъ, хотя бы они не всегда заслуживали этого по своимъ инквизиторскимъ наклонностямъ, а затѣмъ.. я должна идти переодѣться: на горизонтѣ виденъ дымъ парохода, и Османъ уже лошадей подаетъ. Ѣхать провожать васъ верхомъ въ подвѣнечномъ платьѣ я не могу. Это также правда. Какъ видите, на свѣтѣ правдъ много.

Наташа ушла.

— Экземпляръ!—задумчиво проговорилъ отецъ.—Ну, братъ Николай, съ такою женой держи ухо востро̀ и не очень давай ей скучать, а то у нея Богъ вѣсть какія правды найдутся, и, что̀ хуже всего, пожалуй, до извѣстной степени, вправду правдивыя. Ну, а мы съ тобой, Катя,—обратился Вѣтвицкій къ женѣ—по старинному: правду, всю правду, и ничего кромѣ правды? Такъ вѣдь?

Катерина Васильевна улыбнулась въ отвѣтъ и ничего не сказала, но про себя согласилась съ Наташей и подумала, что такая мужская правда едва-ли была бы пригодна для обихода семейной жизни; мужья первые были бы ей не очень рады.

— „И впрямь, стоютъ ли чего-нибудь всѣ наши такъ болѣзненно добываемыя правды?—мелькнуло въ головѣ Моравскаго.—Недаромъ вѣковое, постоянно возрождающееся убѣжденіе, что міръ—сочетаніе иллюзій и ими однѣми держится“.

Черезъ четверть часа, снявъ вѣнчальное платье, появилась Наташа въ своей темной амазонкѣ и круглой соломенной шляпѣ. Это былъ тотъ же нарядъ, въ которомъ ее видѣли еще вчера, но всѣ, и мужъ первый, съ удивленіемъ взглянули на Наташу: въ ея лицѣ, фигурѣ, манерахъ произошла перемѣна, ускользавшая отъ опредѣленія, но всѣмъ замѣтная: неопредѣленное и вмѣстѣ нѣсколько рѣзкое и вызывающее *дѣвичье* разомъ замѣнилось въ ней задумчиво-яснымъ спокойствіемъ и мягкостью *женщины*.

Digitized by Google

У крыльца стояла коляска и двѣ верховыя лошади, для Наташи и ея мужа.

— Не поѣхать ли и мнѣ съ вами въ послѣдній разъ верхомъ до моря?—спросилъ Моравскій, подходя къ Наташѣ, молча опиравшейся на перила балкона.

— Нѣтъ, не надо; поѣзжайте со всѣми въ коляскѣ: поѣхавъ вмѣстѣ съ вами, возвращаться безъ васъ было бы для меня очень грустно. Я не выдержу и, пожалуй, разрыдаюсь дорогой.

— Эхъ вы! Дорогая барыня моя!—проговорилъ Моравскій, нервно стиснулъ руку Наташи и отвернулся.

Яликъ съ Вѣтвицкими и Моравскимъ отчаливалъ отъ мостковъ, изображавшихъ собою пристань въ Эски-Топе.

— Смотрите же, Николай Тимоѳеевичъ, не забудьте даннаго вами слова! — говорилъ Моравскій.—Въ декабрѣ я непремѣнно жду васъ съ Натальей Дмитріевной въ Петербургъ.

— Постараемся пріѣхать, если только будетъ можно.

— Можно или нельзя, но вы должны пріѣхать; иначе я подумаю, что Натальѣ Дмитріевнѣ угодно, чтобы я остался вѣчнымъ неоплатнымъ должникомъ ея за ея любезность и гостепріимство въ Эски-Топе.

— Смотри же, Николай, — говорилъ Вѣтвицкій,—не забудь даннаго тобою слова. Не все засматривайся въ глаза жены, а иногда присматривай и за хозяйствомъ.

— Постараюсь, если только будетъ можно и если жена позволитъ,—отвѣчалъ Дружининъ.

— Не понимаю, какой бѣсъ толкаетъ людей жениться! — бормоталъ себѣ подъ носъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— А я еще менѣе,—добавилъ Моравскій.—Amen! Отчаливай! Прощайте, дорогіе! Будьте счастливы и не забывайте насъ!

Молча, не принимая участія въ разговорѣ, стояла Наташа на подмосткахъ, прислонясь къ плечу мужа. Она задумчиво смотрѣла на яликъ, порывисто колеблемый прибоемъ, никогда не улегавшимся въ негостепріимной бухтѣ Эски-Топе, на пароходъ, съ гулкимъ шумомъ испускавшій клубы дыма и пара въ верстѣ отъ берега, и на безграничное водное пространство, незамѣтно сливавшееся съ потемнѣвшимъ небомъ. Яликъ былъ уже далеко отъ берега, и то скрывался за гребнями волнъ, то быстро взлеталъ на нихъ съ тѣмъ, чтобы черезъ секунду снова исчезнуть. Въ надвигавшемся сумракѣ едва виднѣлся навязанный Моравскимъ на зонтикѣ бѣлый платокъ, которымъ онъ дѣлалъ прощальные

Digitized by Google

сигналы оставшимся на берегу. Темнымъ колеблющимся пятномъ появился яликъ у борта парохода. Пароходъ нѣсколько разъ порывисто свиснулъ и, оставляя за собой темносѣрую ленту дыма, повернулъ въ открытое море, мало-по-малу утопая въ туманѣ и все слабѣе сверкая своими огнями.

Молодые люди какъ будто очнулись и, обмѣнявшись серьезнымъ взглядомъ, рука съ рукой въ крѣпкомъ пожатіи, медленно пошли къ мѣсту, гдѣ ихъ ожидали лошади. Сердца ихъ были полны доселѣ невѣдомаго счастія, удвоимаго примѣсью томящей и вмѣстѣ сладкой грусти. Ихъ ждало что-то иное, небывалое, серьезное и отвѣтственное.

Дружининъ крѣпко сжалъ руку жены. Начиналась новая жизнь.

Ѳ. Стулли.

Digitized by Google

СЕЛЬСКОЕ
ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРѢНІЕ

I.

Общественная благотворительность начинаетъ у насъ развиваться болѣе правильно только въ столицахъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ, какъ въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Саратовѣ, Смоленскѣ и т. д. Здѣсь мы встрѣчаемъ не одни первобытныя проявленія благотворительности въ видѣ раздачи милостыни нищимъ на площадяхъ и улицахъ, прихожанами на церковныхъ папертяхъ, по случаю похоронъ именитыхъ гражданъ и т. п.,—но находимъ также и богадельни, дѣтскіе пріюты, лечебницы, а изрѣдка встрѣчаемъ и новѣйшую форму благотворенія: домà трудолюбія и работные домà, съ цѣлью доставленія временнаго заработка лицамъ, способнымъ къ труду, но не нашедшимъ для своего прокормленія мѣстъ и занятій. Всѣ эти городскія учрежденія управляются различными вѣдомствами и благотворительными обществами, расходы которыхъ достигаютъ въ одномъ Петербургѣ семи милліоновъ рублей въ годъ.

Въ иномъ совершенно состояніи находится у насъ сельское общественное призрѣніе крестьянъ.

При крѣпостномъ положеніи помѣщики, по закону, обязаны были заботиться о своихъ обѣднѣвшихъ крестьянахъ. Собственный интересъ побуждалъ ихъ также къ тому, чтобы не допускать до полнаго разоренія свою рабочую силу; чѣмъ въ лучшемъ экономическомъ положеніи находился тогда крестьянинъ, тѣмъ бóльшую выгоду могъ изъ него извлекать помѣщикъ. Эти обоюдныя отношенія должны были измѣниться со времени освобожденія крестьянъ; въ

Digitized by Google

общемъ положеніи о сельскомъ состояніи статья 179-ая (въ раздѣлѣ III, въ главѣ II) указываетъ, что на крестьянскія общества возлагается между прочимъ обязательное отправленіе слѣдующихъ мірскихъ повинностей: п. 6) призрѣніе престарѣлыхъ, дряхлыхъ и увѣчныхъ членовъ общества, не могущихъ трудомъ пріобрѣтать пропитаніе, у которыхъ нѣтъ родственниковъ, или же у которыхъ родственники не въ состояніи содержать ихъ; призрѣніе круглыхъ сиротъ и т. д.

Насколько въ дѣйствительности крестьянскими обществами исполняется этотъ законъ, точныхъ свѣденій по всей Россіи до сихъ поръ не собрано. Центральный статистическій комитетъ пока не находилъ средствъ для столь необходимаго изслѣдованія, безъ котораго правительство и общество лишены возможности принять надлежащія мѣры къ улучшенію положенія общественнаго призрѣнія крестьянъ. Когда же по каждой губерніи, уѣзду и волости будетъ выяснено состояніе общественнаго призрѣнія, то мѣстной власти предстоитъ обратить особенное вниманіе на тѣ уѣзды, въ которыхъ окажется болѣе всего нищихъ и нуждающихся въ призрѣніи.

Въ 1878 году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ назначена была коммиссія для обсужденія вопроса о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ и о способахъ призрѣнія лицъ, не приписанныхъ ни къ какимъ обществамъ.

Изъ доклада этой коммиссіи видно, что изъ общаго числа 294.000 нищихъ въ 54 губерніяхъ и 9 областяхъ, доставившихъ свѣденія, 182.000 нищихъ принадлежали къ крестьянскому сословію. Въ числѣ постоянныхъ причинъ нищенства указано губернаторами на отсутствіе надлежащаго количества благотворительныхъ учрежденій для призрѣнія нищихъ по физическимъ недостаткамъ и для оказанія помощи пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ. Въ 1888 году впервые, по предписаніямъ начальниковъ губерній: смоленской, воронежской, симбирской и саратовской, на волостныхъ сходахъ, согласно приговорамъ самихъ крестьянъ, составлены списки лицамъ, не имѣющимъ ни собственныхъ средствъ къ существованію, ни способности къ труду, ни родственниковъ, обязанныхъ и могущихъ ихъ призрѣвать. Выводы этого изслѣдованія, касающагося саратовской и смоленской губерній, отчасти уже напечатаны въ двухъ журналахъ, посвященныхъ вопросамъ общественной благотворительности, въ „Дѣтской помощи“ и въ „Братской помощи“ [1]).

[1]) Въ № 24 и 25 Братской помощи“ (журналъ издается въ Саратовѣ г. Устимовичемъ) и въ „Дѣтской помощи“, № 18 и 19 (журналъ издается въ Москвѣ протоіереемъ Смирновымъ-Платоновымъ).

Digitized by Google

Мы можемъ пока, съ своей стороны, сообщить слѣдующіе общіе итоги изслѣдованія крестьянскаго призрѣнія въ смоленской, саратовской и симбирской губерніяхъ:

	Жителей.	Нуждающихся въ призрѣніи.	Призрѣваемыхъ.	Нищихъ безъ призрѣнія.
Въ 12 уѣздахъ смоленской губ.	1.168.840	6.280	2.624	3.656
„ 10 „ саратовской „	1.912.724	6.305	2.893	3.412
„ 8 „ симбирской „	1.423.637	4.777	1.911	2.866
Итого . .	4.505.201	17.362	7.428	9.934

Итакъ, безъ малаго 10.000 нищихъ безъ призрѣнія въ трехъ губерніяхъ!!..

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы всѣ они занимались нищенствомъ изъ лѣни или разсчета на выгоды этого промысла; на волостныхъ сходахъ удостовѣрено, что они неспособны къ труду, не имѣютъ собственныхъ средствъ и не имѣютъ родственниковъ, могущихъ ихъ призрѣвать; слѣдовательно они занимаются сборомъ подаяній изъ крайней нужды, чтобы не умереть съ голоду, и потому что тѣ, кто обязаны заботиться о нихъ, не исполняютъ, какъ слѣдовало бы, мірской повинности призрѣнія.

Посмотримъ теперь, кѣмъ и какъ призрѣваются вышеозначенныя 7.428 лицъ крестьянскаго сословія:

	Казною по 3 р. въ мѣсяцъ.	Крестьянск. обществомъ.	Частной благотв. крестьянъ.	Частной благ. помѣщиковъ.	По мірскимъ приговорамъ по очереди.	Приходскимъ попечит.	До явки родственник. или свойств.	Благотворит. учрежденія.
Въ саратовской губ.	234	442	106	47	—	12	1	2
„ смоленской „	1323	79	80	24	131	43	58	89
„ симбирской „	1610	30	70	13	58	1	22	19
Итого . . .	3167	551	256	84	189	56	81	110

Въ губерніяхъ:	Епархіальн. попечительства.	Частью трудомъ, частью нищенствомъ.	Отъ земствъ.	Съ % благотв. капиталовъ.	Государств. пенсіи.	Мѣщанское общество.	Городскія управы.
саратовской . . .	—	3	—	30	1	—	—
смоленской . . .	37	47	5	2	3	—	2
симбирской . . .	23	3	52	1	1	2	1
Итого . . .	60	53	57	33	5	2	3

Изъ этихъ цифръ бросаются въ глаза: 1) по значительности своей 3.167 отставныхъ солдатъ и ихъ семействъ, получающихъ

Digitized by Google

въ трехъ губерніяхъ отъ казны 3-хъ-рублевое въ мѣсяцъ пособіе, на основаніи Высочайше утвержденнаго положенія 25-го іюня 1867 года, и 2) по относительной малочисленности 551 чел. призрѣваемыхъ сельскими обществами.

Чтобы убѣдиться въ томъ, насколько такое число ничтожно для трехъ губерній съ $4^1/_2$ милліонами народонаселенія, возьмемъ для сравненія обиженную природою Финляндію, гдѣ, по ея статистикѣ 1888 года, въ сельскихъ обществахъ имѣлось съ небольшимъ 2 милліона народонаселенія. Этими обществами содержалось въ томъ году по той же статистикѣ въ благотворительныхъ заведеніяхъ или за плату у частныхъ лицъ 10.980 взрослыхъ и 9.729 дѣтей; а временныя пособія получали 30.820 взрослыхъ и 19.600 дѣтей;—у насъ же въ трехъ богатыхъ губерніяхъ, съ $4^1/_2$ милл. населенія, призрѣвалось всего 551 лицо!!

Но чѣмъ хуже общее состояніе призрѣнія крестьянъ въ Россіи, тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія тѣ сельскія и волостныя общества, которыя въ отношеніи призрѣнія своихъ безпомощныхъ сообщественниковъ начинаютъ выказывать заботу вполнѣ достойную подражанія. Мы поэтому считаемъ долгомъ обратить всеобщее вниманіе на успѣхи по призрѣнію крестьянъ въ псковскомъ уѣздѣ.

II.

Предсѣдатель псковской уѣздной земской управы, Д. И. Ивановъ (по своему происхожденію крестьянинъ), зная бѣдственное положеніе безродныхъ крестьянъ, не получившихъ надѣла [1]) или почему либо отъ него отказавшихся [2]), и массу слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, калѣкъ, дряхлыхъ стариковъ и круглыхъ сиротъ, вынужденныхъ скитаться по міру и кормиться подаяніями,—принялъ на себя иниціативу устройства болѣе правильнаго общественнаго призрѣнія крестьянъ своего псковского уѣзда.

Въ 1884 году онъ предложилъ крестьянскимъ обществамъ чрезъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ должностныхъ лицъ устройство особыхъ домовъ призрѣнія для неимущихъ крестьянъ,

---

[1]) Въ 1861 году полтора милліона дворовыхъ людей не получили душевого надѣла.

[2]) Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ въ курской, тамбовской и костромской, отказавшихся отъ своего надѣла крестьянъ, по оффиціальнымъ свѣденіямъ, уже 20 лѣтъ тому назадъ было отъ 77.000 до 100.000. Съ тѣхъ поръ число ихъ возросло значительно, какъ видно, между прочимъ, изъ сочиненія Васильчикова о землевладѣніи и земледѣліи.

Digitized by Google

неспособныхъ къ труду, съ отдѣленіями для крестьянскихъ сиротъ.

Въ статьѣ, напечатанной въ „Сельскомъ Вѣстникѣ“ и „Псковскомъ Листкѣ“, г. Ивановъ указалъ крестьянамъ, какъ строить дома дешево и цѣлесообразно, изложилъ проектъ положенія о домахъ призрѣнія, далъ мысль объ учрежденіи волостныхъ попечительствъ изъ людей добросовѣстныхъ и сочувствующихъ дѣлу, которымъ слѣдовало передать управленіе домами призрѣнія, и посовѣтовалъ, чтобы крестьяне для учрежденія домовъ призрѣнія установили сборъ не менѣе 20 коп. съ каждой души въ годъ. Въ 1887 г., 13-го сентября, по поводу открытія и освященія въ погостѣ Полонскѣ псковского уѣзда волостной богадельни „въ память царя-освободителя Александра II“, въ присутствіи губернатора, барона Икскуля, была прочтена Д. И. Ивановымъ слѣдующая записка о тогдашнемъ положеніи призрѣнія неимущихъ въ псковскомъ уѣздѣ.

„Вопросъ о призрѣніи неоднократно возбуждался въ уѣздномъ земскомъ собраніи, но удовлетворительно не разрѣшенъ вслѣдствіе того, что собраніе не могло рѣшиться на крупныя затраты на это дѣло въ виду другихъ настоятельныхъ потребностей земскаго хозяйства, и потому, что въ законѣ нѣтъ яснаго опредѣленія обязанностей земства вообще по дѣламъ призрѣнія неимущихъ. По положенію 19-го февраля 1861 года, призрѣніе въ селеніяхъ возложено на сельскія общества (ст. 51, п. 8) и на волостные сходы (ст. 48 п. 3).

„Быть можетъ, потому, что призрѣніе главнымъ образомъ возложено на сельскія общества, и способы призрѣнія предоставлены усмотрѣнію сходовъ, безъ указанія въ законѣ, какое именно участіе должны въ этомъ дѣлѣ принимать волостные сходы.— требованіе закона о призрѣніи оставалось долгое время безъ примѣненія въ жизни сельскаго населенія; были, правда, случаи призрѣнія натурою, причемъ призрѣваемый долженъ былъ переходить изъ одного двора въ другой. Но такое призрѣніе для неимущихъ оказалось невозможнымъ. Вслѣдствіе многихъ ходатайствъ о призрѣніи, съ которыми обращались къ земскимъ учрежденіямъ, уѣзднымъ земскимъ собраніемъ было представлено ходатайство высшему начальству о возложеніи призрѣнія всецѣло на волости, но ходатайство это еще не разрѣшено. Главнымъ обстоятельствомъ, подвинувшимъ дѣло призрѣнія крестьянъ псковского уѣзда, послужило предстоявшее въ 1886 году 25-лѣтіе изданія положенія 19-го февраля 1861 г. По этому случаю многіе крестьяне, особенно временно-обязанные, считали необходимымъ выразить

Digitized by Google

свои благодарныя и благоговѣйныя чувства къ памяти царя-освободителя и почтить священную память великаго монарха добрымъ общественнымъ дѣломъ. Съ этою цѣлью на волостныхъ сходахъ составлялись приговоры объ устройствѣ домовъ призрѣнія для неимущихъ взрослыхъ и малолѣтнихъ. Изъ числа 18 волостей, состоящихъ въ псковскомъ уѣздѣ, волостные сходы предположили сборы денегъ на призрѣніе неимущихъ и устройство домовъ для этой цѣли при значительныхъ погостахъ, въ слѣдующихъ волостяхъ:

„1) Изборской—предположено съ 5.061 души собирать по 20 коп. въ теченіе 1884, 1885 и 1886 годовъ.

„Кромѣ того, при дѣятельномъ участіи члена управы, И. Я. Шелухина, пожертвовано изборско-палкинскимъ ссудо-сберегательнымъ товариществомъ 1.500 руб. Въ 1887 году приступлено къ устройству зданія дома призрѣнія, которое окончено и открыто 13-го сентября того же года. Осуществленіе предположенія объ устройствѣ дома призрѣнія въ этой волости принадлежитъ г. Шелухину.

„2) Пикалихинской—предположено было съ 5.457 душъ собирать по 20 коп. въ теченіе 3 лѣтъ; всего ожидалось сбору 3.274 руб. 20 коп. Поступило пожертвованій около 300 руб. На зданіе для дома призрѣнія ассигновано 1.100 руб.; остальной капиталъ зачисленъ въ основной фондъ—на содержаніе изъ % дома призрѣнія. Зданіе уже въ 1887 году было окончено и снабжено необходимыми принадлежностями. При этомъ нельзя не отнестись съ чувствомъ глубокой признательности къ попечительству, въ составъ котораго вошли почтенные домохозяева пикалихинской волости: Михаилъ Ѳедоровъ, Викторъ Максимовъ, Павелъ Ивановъ, Михаилъ Петровъ (строитель), волостной писарь П. Петровъ.

„Попечительство, состоя подъ предсѣдательствомъ уважаемаго земскаго врача, П. К. Березскаго, извѣстнаго своей энергіею и полезной дѣятельностью, стоитъ на высотѣ своего призванія. Попечительству усердно помогаетъ мѣстный церковный причтъ, въ особенности же священникъ Кляровскій, весьма сочувственно относящійся къ дѣлу призрѣнія.

„3) Сидоровской—съ 3.474 душъ предположено было собирать по 10 коп. съ 1885 года, что составитъ 3.474 руб. Сидорово-прудское ссудо-сберегательное товарищество, при дѣятельномъ содѣйствіи попечителя его, Н. П. Лавриновскаго, пожертвовало 1.000 руб. на постройку дома, стоимость котораго обошлась около 1.000 р. Остальной капиталъ зачислится въ особый

Digitized by Google

фондъ—на содержаніе призрѣваемыхъ. Домъ призрѣнія открытъ 30-го августа 1887 года.

„4) Печерской—съ 3.993 душъ предположено собрать по 20 коп. въ теченіе 3 лѣтъ, всего 3.295 руб. 80 коп. Кромѣ того, печерское ссудо-сберегательное товарищество пожертвовало 200 руб. Предположено было устроить домъ призрѣнія въ пригородѣ Печерахъ, для чего уже куплено было мѣсто. Въ 1888 году предполагалось приступить къ постройкѣ, на которую ассигновано было 1.500 руб. Остальная сумма составитъ фондъ на содержаніе призрѣваемыхъ.

„5) Логазовской—съ 4.380 душъ въ теченіе трехъ лѣтъ, начиная съ 1884 года, предположено было собирать по 20 к. съ души, что составитъ 2.628 руб.

„6) Псково-градской—съ 2.401 души положено собирать по 20 коп. въ теченіе 3 лѣтъ, что составитъ 1.440 руб.

„Въ этихъ двухъ волостяхъ также избраны были попечительства и обсуждался вопросъ о постройкѣ домовъ призрѣнія, къ чему предполагалось приступить съ 1888 года. Дома предположено было устроить не дороже 1.000 руб. каждый, а остальную сумму зачислить въ капиталъ на содержаніе изъ % призрѣваемыхъ.

„7) Въ слободской волости предположено было съ 1885 г. собирать по 5 коп. съ души въ теченіе 10 лѣтъ, что съ 2.746 душъ составитъ 1.373 руб.

„8) Въ торошинской волости холодовское общество предположило собирать по 10 к. съ души ежегодно (число лѣтъ не обозначено) на устройство богадельни, а пятую часть на обученіе ремеслу сиротъ въ честь Императора Александра III.

„9) Паниковская волость предположила съ 11 сельскихъ обществъ собирать по 10 коп. въ теченіе 3 лѣтъ на устройство богадельни. Въ послѣднихъ 3 волостяхъ попечительства не организовались до 1887 года, но предполагались съ 1888 г.

„10) Въ виделибской волости уже существовали двѣ богадельни при погостахъ Мелетова и Виделибьѣ. Волостной сходъ ежегодно ассигнуетъ на поддержаніе ихъ по 60 руб. на каждую.

„Въ остальныхъ волостяхъ до 1887 года предположенія сбора на дѣло призрѣнія не было сдѣлано по слѣдующимъ обстоятельствамъ:

„11) Въ сливковской—вслѣдствіе противодѣйствія нѣкоторыхъ лицъ изъ числа сходовыхъ волостного схода.

„12) Въ докатовской—вслѣдствіе бывшихъ до 1887 года без-

Digitized by Google

порядковъ по управленію волостью. Безпорядки эти впослѣдствіи устранились.

„13) Въ заборовской, 14) мелеховской и 15) прудской—по несостоятельности населенія.

„16) Палкинская волость имѣетъ участіе въ зданіи изборскаго дома призрѣнія, но въ 1887 году еще требовался отъ волости значительный взносъ на содержаніе призрѣваемыхъ.

Но уже въ запискѣ Д. И. Иванова выражалась надежда, что и эти волости, сознавъ необходимость устройства правильнаго призрѣнія, послѣдуютъ примѣру волостей, уже устроившихъ или устраивающихъ дома призрѣнія.

При устройствѣ домовъ призрѣнія и по завѣдыванію ими приняты правила, напечатанныя въ 1886 году въ „Псковскомъ Листкѣ" и „Вѣстникѣ губернскаго земства".

Главныя основанія этихъ правилъ состоятъ въ слѣдующемъ:

„Дома призрѣнія устроиваются въ каждой волости, въ значительныхъ погостахъ. Зданія для домовъ должны быть недорогія, но прочно построенныя. Призрѣваемыхъ слѣдуетъ обезпечить въ самомъ необходимомъ и притомъ въ минимальномъ размѣрѣ, такъ какъ есть полное основаніе предполагать, что въ дома призрѣнія будутъ поступать пожертвованія отъ частныхъ лицъ.

„Дома призрѣнія находятся въ завѣдываніи попечительствъ, состоящихъ изъ 6 дѣйствительныхъ членовъ, избираемыхъ волостными сходами. Членами попечительствъ могутъ быть лица и другихъ сословій; сверхъ того, лица, пожертвовавшія не менѣе 25 р., признаются почетными членами попечительства. Каждый въ отдѣльности членъ попечительства и всѣ они въ совокупности содѣйствуютъ всѣми зависящими способами къ обезпеченію и содержанію дома призрѣнія. О своей дѣятельности попечительство даетъ отчетъ волостному сходу. На обязанность попечительства возлагается пріемъ призрѣваемыхъ, при участіи волостного старшины, при чемъ для опредѣленія въ домъ призрѣнія извѣстнаго неимущаго лица требуется свидѣтельство отъ волостного правленія, за подписью волостного старшины и сельскаго старосты, о неспособности просящаго призрѣнія къ труду и о неимѣніи средствъ къ существованію, а равно и о томъ, что такихъ состоятельныхъ родственниковъ, которые должны призрѣвать его, нѣтъ. Въ случаѣ, если окажется нѣсколько кандидатовъ на имѣющуюся вакансію въ домѣ призрѣнія, между кандидатами соблюдается очередь по времени заявленія, или дѣлается пріемъ по жребію; тотъ или другой способъ предоставляется усмотрѣнію попечительства".

Д. И. Ивановъ въ заключеніе своей интересной записки вы-

Digitized by Google

разилъ увѣренность, что дѣло призрѣнія въ псковскомъ уѣздѣ тѣмъ способомъ, какой для этого избранъ, болѣе или менѣе обезпечено, и есть надежда, что оно, благодаря вниманію и покровительству псковского губернатора и мѣстной администраціи, расширится, укрѣпится и организуется съ полнымъ обезпеченіемъ потребностей призрѣваемыхъ.

Наконецъ, предсѣдатель уѣздной управы указалъ на необходимость учрежденія уѣзднаго попечительства для направленія дѣла призрѣнія въ уѣздѣ, наблюденія за правильностью его и для обобщенія полезныхъ мѣропріятій къ достиженію цѣли.

Слѣдя съ полнымъ вниманіемъ за развитіемъ дѣла, имѣющаго несомнѣнно государственное значеніе, мы просили въ прошломъ году почтеннаго предсѣдателя псковской уѣздной земской управы сообщить намъ отчеты открытыхъ въ 1887 году домовъ призрѣнія, и получили слѣдующія данныя.

Постройка полонскаго дома призрѣнія съ сараемъ для дровъ обошлась въ 1.175 рублей, изборскаго—1.500 рублей.

Согласно приговорамъ крестьянъ изборской, пикалихинской и сидоровской волостей, собрано ими денегъ 7.300 руб., пожертвованій поступило 3.016 руб. Итого, въ четыре года собрано 10.316 р. Кромѣ того, было пожертвовано съѣстныхъ припасовъ такъ много, что расходъ четырехъ первыхъ мѣсяцевъ на содержаніе 26 призрѣваемыхъ въ двухъ богадельняхъ, въ полонской и чирской, не превышалъ 50 руб. сер. Въ другихъ трехъ волостяхъ, а именно въ логозовской, псково-гродской и печерской, крестьянами собрано было 5.877 руб., а пожертвованіями—300 руб.; итого, 6.177 руб. Въ этихъ трехъ волостяхъ ожидается 1.464 руб. дополнительнаго сбора, что составитъ 7.641 руб. Псковское уѣздное земство согласилось съ убѣжденіемъ своего предсѣдателя о необходимости имѣть особый органъ призрѣнія при уѣздномъ земствѣ; уѣздное попечительство, которое, будучи учреждено, опредѣлило употребить на постройку трехъ богаделенъ изъ вышеозначенныхъ 7.641 руб.—3.000 руб., а изъ остальныхъ денегъ составить неприкосновенный капиталъ для обезпеченія необходимыхъ расходовъ изъ % съ этого капитала на страхованіе, ремонтъ, очистку, отопленіе и освѣщеніе, а затѣмъ и на содержаніе призрѣваемыхъ.

Въ пяти волостяхъ, а именно въ остенской, палкинской, слободской, паниковской и торошинской, положено, по приговору волостныхъ сходовъ, собрать по 5 коп., а въ нѣкоторыхъ по 10 коп. съ души, въ продолженіе 10 лѣтъ, на устройство домовъ призрѣнія; въ одной изъ нихъ положено устроить на 510 р. изъ мір-

Digitized by Google

скихъ суммъ три избы для помѣщенія призрѣваемыхъ мужчинъ и женщинъ.

Въ 12-ой волости, славковской, гдѣ, вслѣдствіе противодѣйствія въ 1887 году нѣкоторыхъ участниковъ волостного схода, не было положено сбора, впослѣдствіи согласились открыть мѣстную подписку между частными лицами, и волостное правленіе выразило надежду на согласіе волостного схода по участію въ этомъ дѣлѣ.

Въ 13-ой волости, заборовской, гдѣ указывалось, въ 1887 г., на несостоятельность народонаселенія, явилось предположеніе устроить домъ призрѣнія на средства церковно-приходского попечительства. Въ 14-ой волости, виделибской, уже имѣются при двухъ погостахъ небольшія богадельни, въ которыхъ призрѣваются 15 лицъ. Наконецъ, въ четырехъ волостяхъ, мелеховской, жуковской, прудской и докатовской, въ 1888 году еще не было сдѣлано предположенія относительно сбора средствъ на дома призрѣнія, частью по несостоятельности крестьянскаго населенія или по несочувствію къ дѣлу призрѣнія.

Въ декабрѣ 1888 года мы снова получили нѣсколько данныхъ о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла, изъ котораго видно было, что открыли еще одну богадельню; въ семи домахъ призрѣнія содержались 49 призрѣваемыхъ; изъ устроенныхъ три застрахованы на сумму 4.200 рублей. Пяти богадельнямъ принадлежитъ имущество на 6.700 рублей.

10 домовъ имѣютъ вмѣстѣ 8.885 руб. капитала. Предположено еще собрать съ крестьянъ на это дѣло 5.000 рублей.

Итакъ, мы видимъ, что для достиженія значительнаго улучшенія въ дѣлѣ призрѣнія, въ 14 волостяхъ псковского уѣзда требовалась лишь иниціатива предсѣдателя уѣздной земской управы и необходимы были органы призрѣнія въ видѣ волостныхъ и уѣзднаго попечительствъ. Благодаря волостнымъ попечительствамъ, собраны и собираются необходимыя для учрежденія домовъ призрѣнія средства и возбуждается живое участіе къ дѣлу общественнаго призрѣнія, а уѣздное попечительство руководитъ волостными и заботится о цѣлесообразномъ употребленіи собранныхъ средствъ.

III.

Въ 1888 году псковское уѣздное земское собраніе, сознавая законную свою обязанность заботиться объ улучшеніи положенія общественнаго призрѣнія, и согласно докладу управы, избрало изъ своей среды трехъ гласныхъ въ члены уѣзднаго попечитель-

Digitized by Google

ства по призрѣнію, которые вмѣстѣ съ членами управы составляютъ спеціальный органъ для разрѣшенія вопросовъ, касающихся дѣлъ призрѣнія въ уѣздѣ. Кромѣ того, земское собраніе уполномочило уѣздное попечительство увеличить свой составъ и для того избрать по своему усмотрѣнію еще шесть членовъ попечительства.

Въ настоящее время принадлежатъ къ составу псковского уѣзднаго попечительства и участвовали въ его засѣданіяхъ: предсѣдатель и членъ управы Д. И. Ивановъ и И. А. Шелухинъ, гласные: Н. П. фонъ-деръ-Боппъ, А. А. Харитоновъ и М. Д. Дерюгинъ, а вмѣсто приглашенныхъ, но отказавшихся принять званіе членовъ уѣзднаго попечительства гг. А. Н. Васильева, П. Гембицъ и А. М. Матвѣева, уѣздное попечительство признало полезнымъ пригласить въ составъ попечительства протоіерея Долговскаго и священника чирскаго погоста, о. Воскресенскаго.

Главная цѣль учрежденія уѣзднаго попечительства—руководить дѣятельностью волостныхъ попечительствъ, наблюдать за правильностью призрѣнія въ уѣздѣ и обобщать полезныя мѣропріятія по этому дѣлу.

Согласно своему назначенію, уѣздное попечительство—какъ видно изъ протоколовъ его засѣданій—приняло весьма полезныя мѣры: 1) для установленія внутренняго порядка въ устроенныхъ волостными попечительствами крестьянскихъ домахъ призрѣнія; 2) по отношенію храненія принадлежащихъ имъ капиталовъ; 3) порядка ихъ расходованія, и 4) увеличенія средствъ, а также 5) приняло мѣры для устройства домовъ призрѣнія въ тѣхъ волостяхъ псковского уѣзда, гдѣ таковыхъ еще нѣтъ.

Признавъ крайне необходимымъ и въ нравственномъ отношеніи полезнымъ для призрѣваемыхъ введеніе ручныхъ работъ въ домахъ призрѣнія, уѣздное попечительство постановило обратиться съ просьбой въ волостныя попечительства, чтобы они, принявъ этотъ вопросъ къ разсмотрѣнію и исполненію, въ своихъ отчетахъ излагали о ходѣ этихъ работъ.

По отношенію капиталовъ, принадлежащихъ волостнымъ попечительствамъ и домамъ призрѣнія, было опредѣлено обращать ихъ въ процентныя бумаги и для храненія передать въ отдѣленіе государственнаго банка подъ расписку, которая должна храниться въ управѣ; управа даетъ разрѣшеніе уполномоченному отъ мѣстнаго попечительства лицу на полученіе процентовъ и разрѣшенныхъ попечительствомъ займовъ.

Для увеличенія средствъ домовъ призрѣнія было постановлено: а) уполномочить по одному члену волостныхъ попечительствъ, при

Digitized by Google

выходѣ народа изъ храма, предлагать прихожанамъ опускать свои пожертвованія въ особую кружку; но чтобы ущерба для церковнаго дохода не могло отъ этого послѣдовать, опредѣлено, чтобы кружечный сборъ происходилъ внѣ церкви; б) для той же цѣли обратиться отъ имени уѣзднаго попечительства къ лицамъ болѣе или менѣе состоятельнымъ и сочувствующимъ дѣлу правильнаго призрѣнія съ просьбой о пожертвованіяхъ, для чего напечатать такое приглашеніе на бланкахъ попечительства и разослать чрезъ волостныя попечительства или волостныя правленія; в) членамъ волостныхъ попечительствъ выдать свидѣтельства о ихъ избраніи въ эту должность, для цѣлей сбора пожертвованій; г) о всѣхъ жертвователяхъ напечатать въ мѣстныхъ газетахъ съ указаніемъ размѣра пожертвованій.

8-го января 1888 года псковское уѣздное попечительство по дѣламъ призрѣнія просило земскую уѣздную управу обратиться съ предложеніемъ въ тѣ волостныя правленія, въ волостяхъ которыхъ еще нѣтъ домовъ призрѣнія, о принятіи мѣръ къ устройству таковыхъ, и есть уже нѣкоторые результаты дѣятельности уѣзднаго попечительства, о которыхъ упоминается въ журналѣ его засѣданія отъ 21-го декабря прошлаго года; отъ волостныхъ правленій получены сообщенія:

а) отъ палкинскаго—о томъ, что волостной сходъ призналъ болѣе удобнымъ устраивать дома призрѣнія небольшіе при погостахъ, въ видѣ ночлежныхъ помѣщеній. Это сообщеніе вызвало постановленіе уѣзднаго попечительства: къ слѣдующему своему засѣданію пригласить палкинскаго волостного старшину и объяснить ему, что устройство домовъ призрѣнія имѣетъ цѣлью уничтоженіе нищенства, и поэтому если въ домѣ призрѣнія дается только пріютъ на ночь, а обитатели его вынуждены для своего пропитанія нищенствовать, то такая богадельня не достигала бы своего назначенія;

б) отъ остенскаго волостного правленія получено сообщеніе о предположеніи волостного схода собирать въ теченіе трехъ лѣтъ по 5 коп. съ души, что составитъ 600 р., на устройство дома призрѣнія; причемъ высказано желаніе устроить богадельни совмѣстно съ сосѣдними волостями: торошинской и жуковской; вслѣдствіе этого уѣздное попечительство постановило: предложить волостнымъ сходамъ означенныхъ двухъ волостей принять участіе въ устройствѣ дома призрѣнія и сдѣлать распоряженіе, чтобы впредь до устройства дома собираемыя суммы обращались въ 5% банковые билеты и хранились въ отдѣленіи государственнаго банка установленнымъ порядкомъ;

Digitized by Google

в) славковская волость сообщила о пожертвованіяхъ частныхъ лицъ на устройство богадельни, въ размѣрѣ 200 руб.;

г) сообщеніе о поступившихъ 35 р. въ память М. А. Назимова на усиленіе средствъ виделибской богадельни и отсутствіе надлежащаго попеченія объ этой богадельнѣ со стороны волости и прихода вызвало постановленіе уѣзднаго попечительства предложить виделибскому волостному сходу учредить попечительство какъ при этой богадельнѣ, такъ и при мелеховской, пригласивъ въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ попечительства мѣстныхъ священниковъ и другихъ достойныхъ лицъ, сочувствующихъ призрѣнію, по примѣру попечительствъ, учрежденныхъ при полонскомъ, изборскомъ и чирскомъ домахъ призрѣнія.

Если, такимъ образомъ, изъ протоколовъ засѣданій псковского уѣзднаго попечительства обнаруживается его благотворная дѣятельность на поприщѣ призрѣнія, то далѣе видна и польза волостныхъ попечительствъ. Такъ, упоминается въ протоколѣ засѣданія того же уѣзднаго попечительства объ усердной дѣятельности членовъ нѣкоторыхъ волостныхъ попечительствъ по устройству домовъ призрѣнія и содержанію въ нихъ неимущихъ, а также о пожертвованіяхъ деньгами и продуктами. Въ числѣ лицъ, которымъ постановлено выразить благодарность, мы встрѣчаемъ представителей дворянства, духовенства, крестьянъ, чиновниковъ, врачей, учителей и волостныхъ писарей. На поприщѣ оказанія помощи нуждающимся, видно, всѣ безъ различія состояній и степени образованія сходятся, чтобы общими силами дѣлать добро. Вообще ничто такъ не сближаетъ людей различныхъ взглядовъ и интересовъ, какъ совмѣстная дѣятельность на поприщѣ благотворительности.

Поэтому желательно было бы, чтобы со стороны закона и правительственныхъ властей, земства и частныхъ благотворителей оказывалось энергичное содѣйствіе къ повсемѣстному учрежденію такихъ органовъ призрѣнія, въ предѣлахъ дѣятельности которыхъ, во имя любви къ ближнему и состраданія къ неимущимъ, могли бы сближаться всѣ сословія и званія и, забывъ свои эгоистичные, противоположные интересы, имѣли бы возможность стремиться къ одной общей благой цѣли.

Digitized by Google

IV.

Въ іюлѣ 1888 года мы имѣли случай сообщить представителямъ крестьянскихъ обществъ смоленскаго уѣзда въ богородицкомъ волостномъ правленіи о достойномъ подражанія фактѣ, а именно, какимъ образомъ крестьяне псковского уѣзда устраиваютъ крестьянское общество призрѣнія. Выслушавъ насъ, смоленскіе крестьяне обѣщались послѣдовать благому примѣру и въ февралѣ прошлаго года сдержали свое обѣщаніе. Во всѣхъ волостяхъ смоленскаго уѣзда, какъ сообщаютъ намъ, состоялись приговоры объ устройствѣ одной богадельни на 70 человѣкъ. Предложенный сборъ по 10 к. съ каждаго крестьянскаго надѣла составитъ ежегодно около 2.800 руб., причемъ первоначальный сборъ предназначается на устройство богадельни, а послѣдующій—на ея содержаніе. Мѣсто для постройки богадельни выбрано въ 15 верстахъ отъ Смоленска, недалеко отъ большого тракта изъ г. Смоленска въ г. Порѣчье, на землѣ помѣщицъ Вонлярлярскихъ, безвозмездно ими уступленной, пространствомъ около одной десятины, такъ что кромѣ просторнаго двора можно будетъ завести садъ и огородъ. Для пріобрѣтенія матеріаловъ на постройку воспользовались удобнымъ случаемъ—покупкою на сносъ обширнаго помѣщичьяго дома за 200 руб., причемъ самая перевозка обошлась весьма дешево.

При такихъ экономическихъ операціяхъ все устройство помѣщенія для богадельни съ банею и необходимыми надворными постройками—полагали—обойдется не свыше 1.500 руб., а съ обзаведеніемъ—около 2.000 руб. Остатокъ отъ перваго сбора предназначается на содержаніе призрѣваемыхъ.

Упомянутый домъ, имѣющій 30 аршинъ длины и 20 аршинъ ширины, состоитъ изъ 7 большихъ комнатъ, гдѣ легко могутъ размѣститься всѣ призрѣваемые; кромѣ того, имѣется въ немъ мезонинъ, въ которомъ будетъ жить смотрительница. Такъ какъ въ призрѣніи обыкновенно болѣе нуждаются женщины, чѣмъ мужчины, то женское отдѣленіе будетъ устроено на 45 человѣкъ, мужское—на 25 человѣкъ. Весною прошлаго года намъ сообщали, что если первый опытъ окажется удачнымъ, то можно будетъ принять мѣры, чтобы подобныя богоугодныя заведенія были устроены и въ нѣкоторыхъ другихъ уѣздахъ смоленской губерніи.

По поводу происходившей 24-го апрѣля закладки этой богадельни намъ писали изъ Смоленска, что мѣсто, безвозмездно уступленное подъ богадельню помѣщицею г-жею Вонлярлярскою

Digitized by Google

близь селенія Стобня, оказалось превосходнымъ: въ нѣсколькихъ шагахъ протекаетъ небольшая, но съ хорошей водой рѣка; тутъ же имѣется огородъ и лѣсокъ, дающій достаточно тѣни; мѣсто находится въ разстояніи 1/4 версты отъ селенія, вблизи почтовой дороги, соединяющей Смоленскъ съ городомъ Порѣчье; по этой дорогѣ проѣздъ бываетъ весьма значителенъ, особенно въ базарные дни, вслѣдствіе чего можно разсчитывать, что много крестьянскихъ копѣекъ доброхотно поступитъ въ кружку, которая будетъ выставлена при зданіи богадельни. Важное удобство представляетъ близость церкви. Окружающая богадельню мѣстность такъ хороша, что можно порадоваться за будущихъ жильцовъ—калѣкъ, стариковъ и старухъ, которымъ придется доканчивать здѣсь свой вѣкъ.

Теперь мы уже знаемъ, что въ краснинскомъ уѣздѣ вопросъ объ устройствѣ такой же богадельни рѣшенъ окончательно. Съ открытіемъ зимняго пути начнется возка необходимаго для постройки матеріала. Богадельня будетъ строиться на 70 человѣкъ.

Въ дорогобужскомъ и духовщинскомъ уѣздахъ это дѣло также налажено и объ изъявленной крестьянами готовности устроить богадельни доведено до свѣденія правительства. Богадельня, устраиваемая крестьянами дорогобужскаго уѣзда, будетъ находиться на городской землѣ, которую безвозмездно уступаетъ для этой цѣли городское общество.

Въ порѣчскомъ уѣздѣ, весьма обширномъ по пространству, крестьяне рѣшили выстроить три богадельни въ разныхъ частяхъ уѣзда, каждую на 15—20 человѣкъ. Приговоры по этому предмету уже постановлены.

Кромѣ того, ожидаются приговоры объ устройствѣ богаделенъ изъ сычевскаго и рославльскаго уѣздовъ.

Въ уѣздахъ юхновскомъ, вяземскомъ и гжатскомъ устройство крестьянскихъ богаделенъ затруднительно въ виду значительныхъ недоимокъ, числящихся на крестьянахъ этихъ уѣздовъ.

Предположеніе по устройству богаделенъ въ ельнинскомъ и бѣльскомъ уѣздахъ отложено до будущаго года.

Изъ подробностей, которыя до насъ дошли, приходится однако заключить, что весьма многое по части иниціативы въ дѣлѣ призрѣнія зависитъ въ Россіи отъ начальства. Для характеристики того, какъ у насъ сами крестьяне смотрятъ на дѣло призрѣнія, намъ сообщили изъ смоленской губерніи содержаніе одного приговора крестьянъ старосельскаго общества, озерищинской волости, дорогобужскаго уѣзда, состоявшагося по поводу ходатайства безпріютной, больной и совершенно неспособной къ труду солдат-

Digitized by Google

ской дочери Неонилы Степановой объ оказаніи ей призрѣнія. Приговоромъ этимъ постановлено: дозволить Степановой жить въ богадельнѣ при селѣ Бражинѣ, при готовомъ отопленіи и освѣщеніи; для своего же прокормленія Степанова обязана ходить на мельницу въ томъ же селѣ, гдѣ каждый замельщикъ изъ крестьянъ этого общества обязанъ давать Степановой неопредѣленное количество, по желанію своему, муки. Если принять въ соображеніе болѣзненное состояніе Степановой, при которомъ она не всегда въ состояніи ходить на мельницу, и что самая мельница часто остается въ бездѣйствіи, то легко вывести заключеніе, насколько придуманный крестьянами способъ обезпечиваетъ существованіе этой несчастной женщины.

V.

Кто знакомъ съ изданіемъ с.-петербургской городской управы по статистическому отдѣленію, со сборникомъ свѣденій о благотворительности Петербурга за 1884 годъ, тотъ знаетъ, до какихъ громадныхъ размѣровъ развилась здѣсь заботливость о бѣдныхъ обитателяхъ столицы: въ ней 80 богаделенъ, болѣе 100 дѣтскихъ пріютовъ, 135 различныхъ благотворительныхъ вѣдомствъ и обществъ, около 600 благотворительныхъ заведеній вообще, и ежегодные расходы на благотворительность Петербурга доходятъ до 7 милліоновъ. Тѣмъ болѣе поразительно, что за чертой города какъ бы забываютъ о существованіи бѣдныхъ среди сельскихъ обитателей, и дѣлается совершенно непонятнымъ, какъ по всей петербургской губерніи всего лишь двѣ крестьянскія богадельни, по одной въ ямбургскомъ и петергофскомъ уѣздахъ, тогда какъ въ курляндской губерніи на 600.000 жителей имѣются 82 крестьянскія богадельни, изъ которыхъ исключительно средствами крестьянскихъ обществъ были устроены и содержатся 14, средствами помѣщиковъ-дворянъ—24, а общими силами крестьянъ и дворянъ—44.

Въ виду необходимости большаго числа крестьянскихъ богаделенъ, въ которыхъ могли бы быть помѣщены нуждающіеся въ общественномъ призрѣніи крестьяне, с.-петербургскій губернаторъ, минувшей весной, обратился къ мѣстнымъ исправникамъ и непремѣннымъ членамъ уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія съ циркуляромъ, въ которомъ изложилъ, что онъ, „обращая вниманіе на положеніе дѣла общественнаго призрѣнія въ губерніи,

Digitized by Google

не могъ не остановиться на полномъ отсутствіи какихъ-либо учрежденій для бѣдныхъ и убогихъ лицъ крестьянскаго сословія, на которыя, однако, законъ возлагаетъ непремѣнную обязанность оказывать призрѣніе нуждающимся членамъ (6 п. 179 ст. общ. полож. о крестьянахъ). Устройство подобныхъ учрежденій является между тѣмъ дѣломъ первой важности въ здѣшней губерніи, гдѣ, по промысловому характеру дѣятельности населенія, лица, лишенныя возможности работать по увѣчью и старости, составляя обремененіе для односельчанъ, часто вынуждены избирать себѣ способомъ пропитанія прошеніе милостыни, обременяя тѣмъ въ значительной степени полицейскіе и административные органы, на обязанности которыхъ лежитъ по закону наблюденіе за недопущеніемъ нищенства. Въ устраненіе этого недостатка единственнымъ средствомъ представляется устройство для неспособныхъ къ труду и безпріютныхъ крестьянъ, хотя небольшихъ богаделенъ, на средства самихъ сельскихъ обществъ". Въ этихъ видахъ губернаторъ счелъ полезнымъ поручить мѣстнымъ исправникамъ по соглашенію съ непремѣнными членами крестьянскихъ присутствій передать на обсужденіе волостныхъ сходовъ, не найдутъ ли они возможнымъ назначить добровольный, хотя незначительный, ежегодный взносъ на устройство богаделенъ, въ которыхъ призрѣвались бы исключительно крестьяне; для болѣе же единообразнаго рѣшенія сего вопроса по разнымъ волостямъ прилагалась примѣрная форма приговора, тождественная съ той, по которой волостные сходы смоленскаго уѣзда опредѣлили сборъ средствъ и правила устройства у нихъ крестьянской богадельни.

Циркуляръ этотъ имѣлъ слѣдующій успѣхъ. На собраніи волостныхъ старшинъ петербургскаго уѣзда, на которомъ мы присутствовали, крестьянскіе представители православныхъ приходовъ полагали возможнымъ устройство трехъ или четырехъ богаделенъ, колонисты предлагали для этой цѣли уже готовый домъ, и финны обнадежили, что и ихъ приходы найдутъ средства для крестьянской богадельни. Въ концѣ мая мѣсяца мы получили извѣщеніе изъ петергофскаго уѣзда, въ которомъ сообщалось, что на крестьянскомъ сходѣ шунгоровской волости въ присутствіи исправника и пастора дудергофской кирки крестьяне опредѣлили назначить сборъ по 15 коп. съ ревизской души на устройство и содержаніе крестьянской богадельни.

13-го іюня намъ сообщили изъ Царскаго Села, что 10 волостей уѣзда уже назначили сборъ отъ 10 до 20 коп. съ души и, вѣроятно, получатся приговоры и изъ остальныхъ 5 волостей съ той же цѣлью устройства крестьянской богадѣльни.

Digitized by Google

Изъ Луги мы получили извѣстіе, что волостные старшины признали необходимымъ устроить въ сѣверной и южной частяхъ уѣзда двѣ богадельни, всего на 130 мѣстъ.

Изъ всего этого видно, какъ велика потребность въ крестьянскихъ богадельняхъ и какъ легко подвинуть крестьянъ на это доброе дѣло, если только власти и земства найдутъ возможнымъ принять на себя инициативу.

Болѣе или менѣе скорое осуществленіе этого необходимаго дѣла будетъ во многомъ зависѣть отъ содѣйствія властей, сословныхъ представителей, земства и отзывчивости частной благотворительности.

Позволяемъ себѣ въ заключеніе высказать нѣсколько соображеній о томъ, какъ придти крестьянамъ на помощь, и какая приблизительно сумма денегъ потребуется на постройку зданій для 70 богаделенъ, предполагая по одной на каждыя двѣ волости петербургской губерніи.

Въ псковскомъ уѣздѣ постройка домовъ для крестьянскихъ богаделенъ обошлась отъ 1.000 до 1.500 рублей каждая, такъ что въ петербургской губерніи на 70 домовъ потребуется отъ 70.000 до 105.000 рублей.

Такую сумму не трудно бы было собрать, основавъ общество для содѣйствія крестьянамъ петербургской губерніи при устройствѣ ими богаделенъ; постройка крестьянскихъ богаделенъ такъ же значительно облегчилась бы отпускомъ строительныхъ матеріаловъ изъ казенныхъ и удѣльныхъ лѣсовъ.

Дворяне и другихъ сословій помѣщики петербургской губерніи, конечно, не отказали бы въ безвозмездной уступкѣ по одной десятинѣ на богадельню, по примѣру г-жи Вонлярлярской въ смоленскомъ уѣздѣ.

Земство, обязанное по закону принять мѣры противъ нищенства, придетъ, конечно, тоже на помощь этому дѣлу.

Наконецъ, крестьяне и другихъ волостей и уѣздовъ петербургской губерніи, по примѣру вышеназванныхъ, дадутъ средства на ежегодное содержаніе призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и обяжутся къ этому приговорами на волостныхъ сходахъ.

Дѣло это будетъ имѣть государственное значеніе, такъ какъ примѣръ петербургской губерніи въ дѣлѣ организаціи общественнаго призрѣнія крестьянъ легко вызоветъ послѣдователей во всей остальной Россіи.

Систематическая же организація общественнаго призрѣнія не только крестьянъ, но и другихъ сословій требуетъ законодатель-

Digitized by Google

ныхъ мѣръ, въ особенности—учрежденія спеціальныхъ органовъ призрѣнія. Мы слышали, что еще весною прошлаго года былъ представленъ правительству по этому поводу проектъ, разосланный гг. губернаторамъ на заключеніе, но о дальнѣйшей его судьбѣ намъ ничего неизвѣстно; можно только желать, чтобы дѣло такой важности получило для себя какъ можно скорѣе прочное основаніе и поддержку.

О. Б.

Digitized by Google

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

Два разсказа Ог. Филона *).

I.

Дѣвическая греза.

I.

Христофоръ Мартò былъ одинъ изъ шести старшинъ корпораціи инструментальныхъ мастеровъ. Онъ продавалъ музыкальные инструменты, какъ до него дѣлали то же его отецъ и дѣдъ, въ лавкѣ, помѣщавшейся въ Парижѣ на углу улицы Дофинъ и набережной, подъ вывѣской св. Цециліи.

Онъ былъ богатъ и уважаемъ въ своей профессіи. Домъ принадлежалъ ему; онъ отдавалъ внаймы первый и второй этажи, а третій занималъ самъ съ женой Анной, дочерью Филиппой и приказчикомъ Клодомъ Госсеномъ, сыномъ инструментальнаго мастера въ Нанси. Приказчикъ долженъ былъ жениться на Филиппѣ и вести торговый домъ послѣ Христофора, такъ какъ Господу Богу угодно было пресѣчь мужескую линію этой династіи инструментальныхъ мастеровъ.

Мартò были не дюжинные купцы. Артисты, великіе и малые, топтавшіе грязный полъ ихъ лавки, пробовавшіе клавесины, перебиравшіе тетради нотъ на конторкахъ болѣе полу-вѣка, оставили тамъ тонкій ароматъ своего ума. Въ ней еще помнили о парикѣ

*) Augustin Filon—авторъ „Amours anglais“ и „Histoire de la littérature anglaise“, получившее премію Парижской академіи. Настоящіе разсказы заимствованы изъ полнаго собранія подъ общимъ названіемъ: „Contes du Centenaire“.—*Перев.*

Digitized by Google

Рамò, который былъ другомъ и патрономъ перваго Мартò; помнили, какъ Гретри, приставивъ подбородокъ къ набалдашнику трости, слушалъ, улыбаясь, споры глюкистовъ и пиччинистовъ.

Такъ какъ Мартò былъ по привилегіи инструментальнымъ мастеромъ его королевскаго высочества герцога Орлеанскаго, то передъ его дверью часто стоялъ экипажъ маркизы де Монтессонъ, и онъ имѣлъ честь натягивать струны на арфахъ m-me де Жанлисъ и очаровательной Памелы.

Когда г. де-Вольтеръ, во время своего послѣдняго пребыванія въ Парижѣ, посѣтилъ знаменитый магазинъ рѣдкостей Petit-Dunkerque, который приходился какъ разъ напротивъ магазина подъ вывѣской св. Цециліи и занималъ другой уголъ улицы Дофинъ, исторія забыла упомянуть о томъ, что великій человѣкъ заходилъ также и къ Мартò, и что постучалъ длинными, костлявыми пальцами по головѣ Филиппы, которой было въ ту пору тринадцать лѣтъ, говоря: „какая хорошенькая дѣвочка!“

Эти слова и эта ласка руки скелета не произвели особенно пріятнаго или особенно прочнаго впечатлѣнія на дѣвочку. Но Христофоръ Мартò любилъ вспоминать объ этомъ, будучи самъ полу-философомъ.

Онъ ходилъ въ церковь только два раза въ годъ: въ праздникъ св. Цециліи и къ причастію. По его мнѣнію, слѣдовало все рѣшительно преобразовать въ государствѣ; другими словами, отнять привилегіи у всѣхъ, исключая его самого.

M-me Мартò была истая парижская буржуазка: сантиментальная и положительная, болтливая, лакомка, любившая веселиться и наряжаться, а пуще всего охотница до всякихъ зрѣлищъ. Колизей, вокзалъ лѣтній, вокзалъ зимній, плебейскія игры, адскія представленія Руджіери, бой быковъ—она все видѣла. Ей знакомы были всѣ восемнадцать театровъ, существовавшихъ сто лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ. Она присутствовала на второмъ представленіи „Janot“ и на третьемъ „Jérome Pointu“. Прибавлялъ ли Курціусъ новую восковую фигуру къ своей коллекціи—она тотчасъ бѣжала ее посмотрѣть. Она была у Месмера въ тотъ день, когда Бертолетъ опрокинулъ знаменитую кадку. Она три раза видѣла, какъ вѣшаютъ, и когда Мартò не могъ ее слушать, сожалѣла о томъ, что больше не колесуютъ.

По воскресеньямъ супруги ходили гулять въ Jardin du Roi или въ старинныя аллеи Арсенала, гдѣ прохаживались размѣренными шагами, въ античныхъ костюмахъ буржуа кварталовъ Маре́ и острова Сен-Луи, двухъ провинціальныхъ городковъ, обособленныхъ въ центрѣ большого города.

Digitized by Google

Еще чаще уходили они въ Тюильри, такъ какъ m-me Мартò не могла наглядѣться на бомондъ и новые туалеты.

Тамъ видала она, какъ появились и исчезли модные цвѣта: gorge-de pigeon, ventre de puce, feuille-morte, boue de Paris и пр. Тамъ видѣла она, какъ появлялись и пропадали шляпы à la sultane, à la Corde, à la Boston, прическа au hérisson, à l'enfant, au sentiment refoulé, à l'esclavage brisé (въ честь Америки), шляпы à la Caisse d'escompte, то-есть, безъ дна...

Въ то время какъ m-me Мартò внимательно разглядывала шляпы и куафюры, Христофоръ меланхолично посматривалъ на краковское дерево, болѣе знаменитое въ то время, чѣмъ позднѣе каштанъ 25 марта. То было дерево нувеллистовъ, подъ которымъ Мартò въ молодости слушалъ, какъ разглагольствовалъ аббатъ Trente-mille-hommes, а позднѣе—знаменитый Метрá. Въ важныхъ случаяхъ самъ король спрашивалъ: „Что говоритъ Метрá?"

Теперь Метрá ничего не говорилъ—онъ былъ зарытъ въ землю, и съ нимъ прошелъ вѣкъ нувеллистовъ, уступивъ мѣсто газетному вѣку.

Филиппа тѣмъ временемъ шла впереди отца съ матерью, рядомъ съ женихомъ. Но они не разговаривали другъ съ другомъ, не глядѣли другъ на друга и, очевидно, нисколько не интересовались одинъ другимъ. Бывало, глядя по сторонамъ, они отойдутъ такъ далеко другъ отъ друга, что отецъ Мартò крикнетъ:

— Эй! дѣтки! Что же это вы разбѣжались?

Оба вздрогнутъ и послушно сойдутся, чтобы продолжать мирную и машинальную прогулку.

— Ну, кто бы сказалъ, что это женихъ съ невѣстой!—ворчалъ инструментальный мастеръ.—Мы не похожи были на нихъ, когда собирались жениться! Я не знаю, чтò бы случилось, еслибы тебя оставили наединѣ со мной, да и ты сама...

— Молчи, Христофоръ, ты говоришь глупости. Вспомни, что папенька хотѣлъ отказать тебѣ единственно потому, что ты меня любилъ. Онъ говорилъ, что любовь никуда не годится въ бракѣ. Онъ, можетъ быть, былъ правъ.

— Значитъ, мы поступили глупо, что женились?—саркастически спросилъ Мартò.

— Развѣ я это говорю?

— Почти.

Прикидываться равнодушной къ мужу было одною изъ невинныхъ слабостей m-me Мартò. Она слишкомъ часто бывала въ театрѣ, чтобы не знать, какъ ведутъ себя великосвѣтскіе супруги.

Digitized by Google

Съ своей стороны, Мартò мстилъ женѣ, припоминая кстати и некстати страсть, какую питала къ нему она.

На возвратномъ пути они зашли въ улицу Сентъ-Оноре́. Христофоръ, любитель шахматной игры, идетъ въ café de la Régence взглянуть на партію великихъ игроковъ. Въ это время мать съ дочерью останавливаются передъ жаровнями Бенуа, торговца каштанами въ Палероялѣ, который произноситъ красивыя рѣчи, и приказчики котораго одѣты въ темныя рясы, какъ капуцины.

Оттуда направляются они въ сады герцога Орлеанскаго, который только-что ихъ отдѣлалъ; смѣшиваются съ толпой, слушающей пѣсни аббата Лапена:

Robin ne sait pas lire,
Mais il sait bien écrire.
C'est un garçon divin...
Maman, j'aime Robin.

Семья соединяется на другомъ концѣ сада, въ знаменитомъ погребкѣ, гдѣ слѣпые играютъ такъ громко, какъ глухіе.

Наконецъ Мартò возвращаются домой, гдѣ обѣдаютъ въ половинѣ пятаго—часъ средній между обѣдомъ купцовъ и обѣдомъ бомонда. Воскресный обѣдъ всегда отличается какимъ-нибудь особеннымъ лакомствомъ. Въ заключеніе Катерина ставитъ на столъ съ набожной осторожностью бутылку съ тонкимъ горлышкомъ и съ толстымъ, закругленнымъ, какъ у стараго Силена, брюшкомъ, или флаконъ необыкновенной формы, зябко прячущійся въ футлярѣ изъ тростника. Это liqueur des îles, или parfaît amour, или l'eau d'or, въ которой плаваютъ частицы драгоцѣннаго металла или rossolis, рецептъ котораго привезенъ во Францію послѣ войнъ съ Италіей; или же, наконецъ, настоящій *мараскинъ* изъ Зары, съ печатью венеціанскаго сената. Христофоръ выпиваетъ нѣсколько капель за здоровье „внуковъ", подмигивая глазомъ будущему зятю, который и бровью не ведетъ.

Послѣ обѣда играютъ въ карты съ сосѣдями и разстаются въ десять часовъ, говоря, что отлично провели воскресенье. Супруги Мартò давно спятъ на большой кровати, гдѣ уже два поколѣнія отдыхало до нихъ; Клодъ и Филиппа бодрствуютъ. Каждый съ своей стороны раскрылъ окно у себя въ комнаткѣ и съ наслажденіемъ вдыхаетъ свѣжій ночной воздухъ.

Какъ красивъ былъ видъ ночного Парижа за сто лѣтъ передъ симъ! Pont-Neuf, такой шумный днемъ, теперь пустыненъ. Не слышно больше меланхолическаго скрипа висячихъ уличныхъ фонарей, которые вѣтеръ раскачиваетъ на углахъ улицы Дофинъ, и шума воды, устремляющейся подъ арки и омывающей фундаментъ высо-

Digitized by Google

кихъ черныхъ домовъ. Луна, встающая на небѣ, бросаетъ серебристые лучи на землю. Справа вздымается Notre-Dame надъ крышами домовъ Cité. Темныя зданія Hôtel-Dieu образуютъ вмѣстѣ съ противоположными домами родъ глубокаго ущелья, которое пересѣкается подъ острымъ угломъ аркою стараго моста Сенъ-Мишель. Въ сумракѣ смутно виднѣются рѣшетки, ступени, омываемыя водой, старыя барки, привязанныя къ берегу и до половины погруженныя въ воду.

Устремивъ глаза на Парижъ, гдѣ жизнь еще не вполнѣ замерла, молодой человѣкъ какъ будто прислушивается къ стуку послѣднихъ каретъ, катившихся въ отдаленіи и уносившихъ тайную, а можетъ быть и преступную любовь.

Молодая дѣвушка уставилась взглядомъ въ небо, почти черное, и повидимому не слышитъ никакого земного шума.

Лицо Клода нахмурено; губы его крѣпко и судорожно сжаты. Слеза медленно скатывается по нѣжной, блѣдной щечкѣ Филиппы.

О чемъ думаетъ Клодъ? о чемъ мечтаетъ Филиппа?

II.

Тюильри, Палерояль, старые сады Арсенала—все это хорошо для зимы. Но вотъ наступаютъ лѣтніе дни, тотъ сезонъ, который выгоняетъ парижанина изъ его большого города для поисковъ за уединеніемъ, чистымъ воздухомъ, зеленой муравой, на которой можно было бы растянуться подъ сѣнью деревьевъ.

— Куда мы поѣдемъ завтра, дочурка?—спрашиваетъ въ субботу вечеромъ отецъ Мартò, прибодрившійся съ возвращеніемъ весны.

Въ былое время онъ обращался съ этимъ вопросомъ къ женѣ, Аннѣ Мартò. Но мало-по-малу отецъ въ немъ смѣстилъ мужа, дочь низложила мать и царитъ тѣмъ вѣрнѣе, что повидимому этимъ нисколько не интересуется. А между тѣмъ въ прошломъ году она знала бы, чтò отвѣтить на такой вопросъ; у нея всегда было наготовѣ какое-нибудь мѣсто для прогулки. На этотъ разъ она качаетъ головой и равнодушно отвѣчаетъ:

— Куда хотите, папà.

— Не поѣхать ли намъ въ Муссо?

— Мы уже разъ десять были тамъ,—возражаетъ m-me Мартò.

— Ну, тогда въ Рюэль. Тамъ есть забавная машина. Помнишь автомата-мушкетера, который стрѣляетъ водой въ прохожихъ?

Digitized by Google

— Еще бы не помнить!.. Мнѣ испортили совсѣмъ новое платье. Благодарю за такія забавы.

— Поѣдемъ въ Сенъ-Клу... Тамъ будутъ какъ разъ открыты большіе фонтаны. Мы пообѣдаемъ у привратника парка; тамъ готовятъ такія вкусныя вафли.

— Очень нужно!.. Тамъ собирается вся сволочь изъ предмѣстьевъ и ѣдятъ безъ вилокъ... Покорно благодарю!

— Въ такомъ случаѣ... ничего не придумаю... развѣ посѣтить домъ умалишенныхъ въ Бисетрѣ?

— Охъ, папа̀, это слишкомъ печально. Почему бы намъ не поѣхать по-просту погулять въ Медонскомъ лѣсу?

— Въ Медонскомъ лѣсу! — восклицаетъ m-me Мартò.—Это хорошо только для влюбленныхъ. Но неужели ты думаешь, что мнѣ очень весело ходить нѣсколько часовъ сряду вдвоемъ съ твоимъ отцомъ, не видя ни живой души вокругъ... Въ твоемъ лѣсу не на что глядѣть...

— И нечего ѣсть, — согласился Мартò.—Но чтожъ, если дѣвочкѣ хочется,—прибавилъ онъ, глядя на жену.

На другое утро, въ пять часовъ, весь домъ былъ на ногахъ. Катерину оставляютъ стеречь домъ, предварительно надававъ ей тысячу совѣтовъ... тѣхъ же самыхъ каждое воскресенье!

Потомъ спѣшатъ къ гальоту, который отплываетъ отъ Pont-Neuf, забирая слишкомъ четыреста пассажировъ. Какая радость, когда снимаются съ якоря и плывутъ по рѣкѣ, чувствуя, какъ свѣжій рѣчной вѣтерокъ обвѣваетъ лицо!

Несмотря на свою меланхолію, Филиппа одѣлась особенно тщательно. На ней блѣдно-лиловое платье, большая соломенная шляпа съ такого же цвѣта лентами, газовая косынка и зонтикъ. Ея каштановые волосы, густые и завитые, ея красныя губки, слегка раздвинутыя и обнаруживающія ослѣпительно-бѣлые зубы, большіе голубые глаза, удивленный и нѣжный взглядъ которыхъ напоминаетъ просыпающуюся нимфу—прелесть ребенка вмѣстѣ съ очарованіемъ женщины—не проходятъ незамѣченными въ этой толпѣ. Всѣ на нее глядятъ, за исключеніемъ Клода.

Гальотъ остановился на минуту у Нижняго-Медона. Перекинули доску, и Мартò вышли на берегъ. По извилистой и крутой тропинкѣ, черезъ виноградники, они дошли до селенія. Анна съ дочерью вошли въ церковь.

— А ты чтожъ не идешь, язычникъ? — спросила для проформы m-me Мартò, которая, будучи сама набожной, вовсе не находила дурнымъ, чтобы мужъ былъ вольнодумцемъ.

Digitized by Google

— Вотъ еще, покорно благодарю... Ахъ! еслибы еще Раблэ служилъ мессу!

Пока женщины стояли за мессой, Мартò и его будущій зять осушали бутылку вина на постояломъ дворѣ „la Reine de France“, затѣмъ всѣ четверо пошли въ лѣсъ. Черезъ часъ они дошли до Эрмитажа Вильбонъ, въ самой глухой части лѣса. Въ этомъ домѣ жилъ старикъ съ бѣлой бородой вмѣстѣ съ сыномъ, невѣсткой и хорошенькими дѣтками. Вокругъ, въ саду, росли въ очаровательной близости цвѣты и овощи, а куры бѣгали на свободѣ, между тѣмъ какъ въ хлѣвѣ раздавалось мычаніе здоровенной коровы.

— Найдется ли намъ чѣмъ пообѣдать? — спросила m-me Мартò жалобнымъ тономъ.

— Пообѣдать? — отвѣчалъ Мартò. — Да вонъ нашъ обѣдъ бѣгаетъ по травѣ и красуется на грядахъ и деревьяхъ.

Подъ бесѣдкой изъ жимолости накрыли столъ и подали, къ великому удовольствію парижанъ, большой ситный хлѣбъ, яичницу съ саломъ, цыпленка, салатъ, землянику, сливокъ и персики, не считая двухъ бутылокъ вина съ чудеснымъ букетомъ кремнезема. Собаки, кошки и куры бродили вокругъ нихъ, выпрашивая свою долю въ пиршествѣ.

Послѣ обѣда, m-me Мартò уснула на диванѣ въ комнатѣ нижняго этажа. Мартò, осматривая домъ, остановился въ восхищеніи передъ старинной скрипкой, висѣвшей подъ стекломъ въ бархатномъ футлярѣ.

— Честное слово, это Гварнеріусъ!

Старикъ съ сѣдой бородой объяснилъ, что этотъ инструментъ принадлежалъ его дѣду, одному изъ двадцати четырехъ скрипачей короля въ эпоху Люлли.

— Вы знавали Люлли! — вскричалъ Мартò взволнованный.

— Нѣтъ, не я, но мой дѣдъ.

Между ними завязалась бесѣда. Клодъ и Филиппа остались въ бесѣдкѣ, повернувшись по обыкновенію другъ къ другу спиной. Молодая женщина, прислуживавшая за столомъ и убиравшая теперь со стола, съ лукавымъ видомъ наблюдала за ними.

— Фи! какъ нехорошо,—сказала она,—когда влюбленные поссорятся!.. Ну скорѣе, молодой человѣкъ, идите сюда и поцѣлуйте ее въ шейку! это самое чудесное мѣстечко.

— Мы вовсе не ссорились,—отвѣчалъ Клодъ.

— И совсѣмъ не влюблены другъ въ друга, — добавила Филиппа.

Digitized by Google

— Ахъ!.. тѣмъ хуже... Только одно вѣдь и есть счастіе,— сказала женщина, уходя.

— Пойдемъ въ лѣсъ, Клодъ! — предложила Филиппа:—тамъ будетъ удобнѣе разговаривать.

Клодъ молча согласился. Они вышли изъ бесѣдки и прошли въ лѣсъ.

Тамъ царила чудная тишина. Молодые люди, идя по ковру изъ низкаго и гладкаго мху, не слыхали собственныхъ шаговъ и никакого шума, кромѣ трепета крыльевъ двухъ малиновокъ, летѣвшихъ на встрѣчу другъ другу надъ ихъ головами.

Филиппа сѣла на древесный пень, а Клодъ улегся на травѣ въ нѣсколькихъ шагахъ. Нѣкоторое время они молчали. Молодая дѣвушка дразнила сорванной травинкой жучка.

— Почему это,—спросила она медленнымъ и задумчивымъ тономъ,—всѣмъ хочется, чтобы мы были влюблены другъ въ друга? Право, людямъ слѣдовало бы заниматься своими дѣлами и не впутываться въ чужія. Одинъ ты, Клодъ, никогда мнѣ не надоѣдалъ съ этимъ.

Клодъ отвѣчалъ разсѣянно:

— Еще бы! ты ребенокъ и ничего въ этомъ не смыслишь.

Филиппа живо повернулась къ нему:

— Нѣтъ, Клодъ, я уже не ребенокъ... Я знаю, что̀ такое любовь... Но только,—прибавила она со вздохомъ,—не всегда любишь тѣхъ, кого приказываютъ.

Клодъ приподнялся на локтѣ и поглядѣлъ ей въ лицо, а Филиппа испугалась, что сказала лишнее.

Но боязнь ея скоро прошла.

— Такъ и у тебя есть также тайна, Филиппочка?

— *Также*?.. У тебя, слѣдовательно, тоже есть тайна, Клодъ?

Молодой человѣкъ въ свою очередь сконфузился.

— Послушай, Филиппа,—сказалъ онъ:—мы не хотимъ быть мужемъ и женой, но мы можемъ быть друзьями, добрыми и вѣрными друзьями и помочь другъ другу заставить нашихъ родителей перемѣнить рѣшеніе.

— Еслибы я могла быть увѣренной, что ты меня не выдашь?

— Хочешь, я первый признаюсь?.. Та, кого я люблю... О! ты посмѣешься надъ моимъ безуміемъ...

— Нѣтъ, Клодъ, не посмѣюсь. Я знаю, что̀ значитъ страдать.

— Въ особенности когда любишь безнадежно.

— Безнадежно?

— Увы! я никогда съ ней не разговаривалъ и, вѣроятно, не буду разговаривать.

Digitized by Google

— А я даже не знаю имени того, кому отдала свое сердце.

— Бѣдная Филиппа!

— Бѣдный Клодъ!

Они приблизились другъ къ другу. Молодой человѣкъ взялъ ручку своей пріятельницы и сжалъ ее въ своихъ.

— Кого я обожаю, это m-lle Гимаръ.

— Гимаръ? оперную танцовщицу?.. Ту, которая разыграла свой отель въ лотерею и вышла замужъ за Депрео?

— Да! какое мнѣ дѣло до всего этого!.. Я потерялъ разсудокъ съ тѣхъ поръ, какъ видѣлъ ее въ „Alcindor", когда она такъ благородно и граціозно и съ такой нѣгой упала въ объятія Гарделя, и тотъ поднялъ ее на воздухъ. Моя кровь кипѣла, сердце билось такъ, что я думалъ—оно лопнетъ, голова кружилась... О! этотъ Гардель, какъ бы я хотѣлъ быть на его мѣстѣ!

Онъ пересказывалъ о своей страсти прерывистыми фразами, не выпуская изъ рукъ ручки Филиппы, горячія и дрожавшія отъ разсказа о такой сильной любви.

— Вотъ почему ты такъ часто ходишь въ оперу? а папенька-то полагаетъ, что ты безъ ума отъ музыки... Но скажи, однако, на что ты надѣешься?..

— Почему я знаю?.. я бы хотѣлъ только проникнуть къ ней, услышать звукъ ея голоса, почувствовать, что ея взглядъ остановился на мнѣ. Мнѣ кажется, что я нашелъ бы мужество броситься къ ея ногамъ и съумѣлъ бы ее тронуть. Но нѣтъ! какое вѣроятіе, чтобы женщина, по которой напрасно вздыхали принцы, сдалась на мольбы подмастерья музыкальнаго мастера!

— А со мной вотъ что̀ было,—сказала Филиппа, не дожидаясь вопросовъ своего друга.—Въ пятницу на страстной недѣлѣ мы отправились съ маменькой въ Sainte-Chapelle слушать, какъ m-lle Куперенъ играетъ на органѣ, и поглядѣть на бѣсноватыхъ. Тамъ былъ одинъ, о которомъ такъ много говорятъ, и у котораго дѣлаются такіе страшные припадки, когда къ нему подносятъ дерево отъ животворящаго Креста. Онъ произносилъ страшныя богохульства, хулилъ святыхъ и Богородицу въ такихъ словахъ, отъ которыхъ кровь застывала у меня въ жилахъ. Онъ катался по полу, съ пѣной у рта, и такъ бился, что можно было опасаться, что онъ переломаетъ себѣ руки и ноги. Восемь человѣкъ едва сдерживали его, а платье его было все въ клочьяхъ. Одна женщина упала въ обморокъ; другія кричали. Иные протискивались впередъ, чтобы получше видѣть, а многія, испугавшись, спѣшили выйдти изъ церкви. Въ этой суматохѣ вдругъ мнѣ наступили

Digitized by Google

на платье. Я поскользнулась, и толпа потащила меня за собой.— Боже мой! Боже мой! вскрикнула я. „Не бойтесь!“ сказалъ сзади меня твердый и мягкій голосъ. И въ то же время чья-то рука обвила меня за талію. Я услышала, какъ незнакомецъ сказалъ маменькѣ: „Соблаговолите за мной послѣдовать: я васъ высвобожу изъ этой давки“. И тутъ я почувствовала, что меня поднимаютъ на воздухъ.... какъ Гардель—Гимаръ. Онъ протѣснился сквозь толпу, неся меня надъ головами, которыя наклонялись, и поставилъ меня на ступеньки паперти. Тамъ мы увидѣли, что онъ молодъ, хорошъ собой, и что у него сбоку шпага. Маменька поблагодарила его: „Позвольте,—сказалъ онъ,—мнѣ проводить васъ до дому“. И предложилъ одну руку маменькѣ, а другую—мнѣ. Мы пошли по улицѣ Барильери, по мосту Сен-Мишель, по улицѣ Лагарпъ и по улицѣ Сент-Андре. Я бы хотѣла, чтобы до улицы Дофинъ было еще далеко, далеко. Онъ говорилъ какъ вельможа, и порицалъ ту сцену, которой мы были свидѣтелями. Когда мы дошли до дому: „Позволено ли мнѣ будетъ,—спросилъ онъ,—придти узнать, не отразились ли вредно на здоровьѣ вашей дочери волненія сегодняшняго дня? Ваша дочь, кажется, такъ молода и такого нѣжнаго здоровья!..“ Онъ глядѣлъ на меня сквозь полуопущенныя рѣсницы, и слова его точно ласкали меня. Такъ какъ маменька по-просту растерялась, онъ замѣтилъ: „Хорошо. Я не настаиваю. Ничтожная услуга, оказанная мной, достаточно вознаграждена счастіемъ, доставленнымъ мнѣ вашею бесѣдою“.—Онъ слегка пожалъ мою руку, прежде нежели выпустить ее, потомъ сильно постучалъ молоткомъ въ дверь, такъ какъ лавка была заперта, разумѣется, въ страстную пятницу, послѣ того низко поклонился намъ, бросилъ послѣдній взглядъ на меня и исчезъ. Съ того вечера я думаю только о немъ.

— И послѣ того ты его больше не видѣла?

— Нѣтъ, видѣла—разъ. Онъ притворялся, что разглядываетъ вывѣски Petit-Dunkerque, но украдкою посматривалъ на нашъ домъ. Не зная, въ какомъ этажѣ мы живемъ, онъ не замѣтилъ меня за занавѣской, за которой я стояла.

— Ты бы показалась ему.

— О! Клодъ! — сказала она съ очаровательнымъ жестомъ, выражавшимъ застѣнчивость и скромность.

Они долго болтали: онъ говорилъ про Гимаръ, а она о незнакомцѣ; оба не слушали другъ друга, но отлично понимали. Между тѣмъ Клодъ, какъ ни былъ онъ влюбленъ въ танцовщицу, испытывалъ глухую ревность, когда молодая дѣвушка описывала свои чувства. Въ волненіи она нечаянно вытянула ножку, и она

Digitized by Google

пришлась какъ разъ около руки Клода. Взглядъ молодого человѣка былъ привлеченъ этой ножкой въ башмачкѣ съ лиловымъ бантикомъ. Отъ ножки онъ перешелъ къ тонкой, гибкой таліи, хорошенькой шейкѣ, прикрытой газовой косынкой. Онъ глядѣлъ на блестящіе глаза, красивое лицо, раскраснѣвшееся отъ восторга, потомъ невольно перевелъ глаза опять на ножку въ шолковомъ чулкѣ съ вышитыми уголками.

— Эй! что̀ вы тамъ прохлаждаетесь!—закричалъ басистый голосъ Христофора Марто̀.

Молодые люди встали; Филиппа весело взяла Клода подъ руку.

— Какъ я рада!—прошептала она.—Какъ отрадно имѣть друга! А я-то ненавидѣла тебя, потому что думала, что ты меня любишь. Теперь, когда я знаю, что ты меня терпѣть не можешь, я буду тебя, знаешь, ка̀къ любить!

Теплота руки, опиравшейся на его руку, сообщалась Клоду и возбуждала въ немъ странныя ощущенія. Онъ наивно сказалъ:

— И не правда ли, какъ смѣшно, что я не люблю тебя! Ты такая хорошенькая!

Филиппа кокетливо погрозила ему пальчикомъ:

— Пожалуйста безъ комплиментовъ!.. Такъ какъ мы не женимся, то ухаживать за мной не дозволяется!

III.

Съ этого дня тѣсная дружба установилась между обрученными, которые стали сообщниками. Они подолгу просиживали вдвоемъ, говоря о своей любви къ другому лицу. Филиппа позволила Клоду приходить въ ея комнату, и онъ восхищался дѣвственной чистотой и граціознымъ убранствомъ этой комнаты. Онъ разглядывалъ и подолгу держалъ въ рукахъ тѣ предметы, которые ей принадлежали: книги, четки, золотыя украшенія, вещицы, подаренныя ей на память въ монастырѣ.

Разъ она шаловливо сказала ему:

— Еслибы она была тутъ вмѣсто меня, что̀ бы ты сдѣлалъ?

Не успѣла она произнести эти неосторожныя слова, какъ онъ схватилъ ее въ объятія и сталъ покрывать поцѣлуями шею и плечи.

— Клодъ! Клодъ! ты задушилъ меня совсѣмъ! мнѣ больно! что̀ съ тобой?

Онъ выпустилъ ее изъ рукъ, немного сконфуженный.

Digitized by Google

— Я хотѣлъ только показать тебѣ, что̀ я бы сдѣлалъ... еслибы она была тутъ.

— Ты смялъ мой воротничокъ.

Приключеніе это ихъ нѣсколько смутило.

На другой день произошло знаменательное событіе. За нѣсколько минутъ до обѣда Филиппа дала понять Клоду знаками, что хочетъ съ нимъ поговорить. Они такъ быстро поднялись по лѣстницѣ, что молодая дѣвушка не могла выговорить слова.

— Я должна сообщить тебѣ радостное извѣстіе,—сказала она, наконецъ, когда перевела духъ.—M-lle Гимаръ просила прислать настройщика для ея клавесина. Папенька хотѣлъ самъ идти, но я такъ просила его повести меня смотрѣть на дебютъ m-lle Вангове̋ въ Théâtre Français, что онъ не могъ мнѣ отказать. Ты отправишься сегодня вечеромъ настраивать клавесинъ твоей богини... Ну, что же—ты не умеръ отъ радости?

— Нѣтъ, я скорѣе умру отъ стыда. Ты гораздо добрѣе меня, Филиппа... Сегодня утромъ я видѣлъ, какъ передъ лавкой бродилъ дворянинъ, какъ двѣ капли воды похожій по описанію на твоего незнакомца.

— И ты меня не предупредилъ?

Клодъ опустилъ голову.

— Но почему же?—повелительно спросила молодая дѣвушка. —Почему?

— Право, самъ не могу сказать. Я самъ этого не понимаю. Простишь ли ты меня, Филиппа?

— Нечего дѣлать. Ступай принарядись, чтобы понравиться твоей богинѣ.

Дѣло было въ пятницу передъ Троицынымъ днемъ. Въ субботу утромъ любопытство, пожиравшее молодую дѣвушку, было такъ велико, что она въ первый разъ позабыла, проснувшись, про своего незнакомца. Какія впечатлѣнія вынесъ Клодъ у Гимаръ? Удалось ли ему поговорить съ ней и понравиться ей? Эти мысли занимали ее, когда она поливала свои цвѣты. За завтракомъ она слѣдила за физіономіей своего друга, но ничего не могла прочитать на ней.

Когда они остались одни:

— Ну что, Клодъ?—спросила она.—Ты обѣщалъ мнѣ все разсказать... все, что̀ можетъ выслушать молодая дѣвушка.

— О!—отвѣчалъ Клодъ не то жалобно, не то сердито:— описаніе нашего свиданія не можетъ скандализировать и монахиню.

— Что̀ же произошло?

— Да ничего ровно не произошло... Я видѣлъ m-lle Ги-

Digitized by Google

маръ и совсѣмъ вблизи. Она худая, черная, рябая, дурна какъ смертный грѣхъ. Говорятъ, ей сорокъ-пять лѣтъ; я бы далъ ей вдвое. На ней былъ надѣтъ грязный капотъ и стоптанныя туфли. Она бранила визгливымъ голосомъ кухарку за то, что та переварила яйца, и въ утѣшеніе понюхала табаку изъ табакерки мужа. Я настроилъ клавесинъ и убѣжалъ.

— Тебѣ должно быть очень грустно, мой бѣдный Клодъ!

— Н.... нѣтъ... не очень... Вѣдь у меня остается дружба моей Филиппочки!

Онъ схватилъ руки молодой дѣвушки и съ жаромъ поднесъ ихъ къ губамъ.

Филиппа потихоньку отняла руки.

— Дружба, Клодъ!—сказала она.—Помни:—только дружба.

IV.

Рѣшено было провести въ Версали праздникъ Троицы. Семья Мартò, въ сопровожденіи Клода, пришла рано поутру на площадь Людовика XV, откуда отходили кареты.

— Возьмемъ carrabas?—спросилъ Христофоръ.

M-me Мартò завопила:

— Carrabas?! гдѣ такъ скверно пахнетъ, и гдѣ приходится сидѣть съ простонародьемъ и на каждомъ толчкѣ сталкиваться лбомъ то съ какой-нибудь мамкой, то съ капуциномъ!

— Carrabas?!—подтвердилъ Клодъ:—который проѣзжаетъ въ шесть часовъ четыре льё!

— Въ такомъ случаѣ,—замѣтилъ Христофоръ,—поспѣшимъ, потому что pot de chambre уже отъѣзжаетъ.

Pot de chambre—менѣе непріятный, нежели carrabas, несмотря на свое нехорошее имя — дѣйствительно собирался повидимому тронуться въ путь. Кучеръ хлопалъ бичомъ, кондукторъ извлекалъ изъ трубы раздирающіе звуки, призывая запоздалыхъ. Но все это была одна комедія. Когда семья Мартò усѣлась внутри кареты, ей пришлось ждать, пока удалось заманить зазываніями и посулами двухъ „кроликовъ“, т.-е. двухъ пассажировъ, по уменьшенной цѣнѣ, которые усѣлись на передней скамейкѣ.

Заманивъ „кроликовъ“, кондукторъ захотѣлъ заполучить еще двухъ „обезьянъ“ для задней скамейки. Христофоръ Мартò разсердился. Уже въ тѣ времена, парижскій буржуа, отецъ семейства, прогуливавшій жену и дѣтей, гнѣвался разъ пять или шесть въ день.

Digitized by Google

Наконецъ, отправились, но въ Пуанъ-дю-Журъ, въ Севрѣ, въ Шовилѣ и въ Вирофле, кучеръ и кондукторъ заходили вмѣстѣ съ „кроликами“ въ кабачокъ.

Несмотря на всѣ эти замедленія, когда путешественники вышли изъ кареты на Оружейной площади, было еще слишкомъ рано, чтобы проникнуть во дворецъ.

Мартò пошли осматривать звѣринецъ. Утро было прекрасное, но свѣжее, и это дало поводъ Христофору замѣтить сентенціозно, что „климатъ Версаля холоднѣе климата Парижа“.

Тѣмъ временемъ передъ ихъ глазами развертываются перспективы обширныхъ, хотя еще пустынныхъ аллей; подъ ногами раскидывается коверъ изъ мягкаго дерна; зеленыя стѣны извилистыхъ лабиринтовъ манятъ ихъ въ свои нѣдра.

Придя въ звѣринецъ, Мартò освѣдомляется о знаменитомъ дромадерѣ, которому какой-то оригиналъ завѣщалъ по шести бутылокъ бургонскаго въ день для питья.

— У этого дромадера крѣпкая должно быть голова на плечахъ... Но вы, можетъ быть, помогаете ему осушать бутылки?

— Нѣтъ, честное слово.

— Право, я думаю попросить, чтобы меня опредѣлили на мѣсто этого дромадера въ случаѣ его смерти.

По возвращеніи изъ звѣринца, парижане поднялись по сту ступенькамъ оранжереи. Каждый изъ нихъ мысленно ихъ считалъ, но когда они очутились наверху, оказалось, что всѣ ихъ цифры не сходились.

Наступилъ моментъ идти во дворецъ. Въ этотъ день парадные покои открывались для толпы. Мартò столкнулись съ суровскимъ торговцемъ изъ улицы Мазаринъ и съ бакалейщикомъ изъ улицы Vieux-Augustins; они смотрѣлись въ зеркало, въ которыхъ отражался образъ великаго короля. Передъ началомъ мессы народъ кинулся къ сѣнямъ церкви, чтобы видѣть процессію такъ-называемыхъ „Cordons bleus“. То были рыцари св. Духа, давнишніе и недавніе, въ ихъ самомъ парадномъ костюмѣ; они приходили и выстраивались на хорахъ въ порядкѣ ихъ производства и чина, занимаемаго въ орденѣ.

Въ этотъ моментъ безпорядокъ былъ такъ великъ, что Мартò были разлучены съ дочерью.

— Ничего!—замѣтила Анна мужу.—Клодъ сторожитъ ее.

И дѣйствительно Клодъ сторожилъ ее и крѣпко сторожилъ. Прижавъ руку Филиппы къ своей и не спуская съ нея глазъ, онъ осуществлялъ идеалъ ревниваго и вѣрнаго стража. Ему было

Digitized by Google

очень пріятно чувствовать себя уединеннымъ съ нею въ толпѣ, и онъ охотно пробылъ бы такъ до скончанія вѣка.

Между тѣмъ алебарды швейцарцевъ застучали по мраморному полу галерей. Королевская власть, дни которой тогда уже были сочтены, хотя никто того не подозрѣвалъ, предстала въ пышной обстановкѣ глазамъ публики. Филиппа съ любопытствомъ просовывала голову между солдатъ.

— Еслибы только мнѣ увидѣть королеву,—говорила она,—королеву и маленькаго дофина!..

Но до появленія королевы слѣдовало, чтобы всѣ рыцари св. Духа прошли до послѣдняго. Они двигались двумя рядами, медленно, величественно, торжественно.

Принцы крови шли впереди; въ числѣ ихъ находился маленькій герцогъ Ангулемскій, сынъ его высочества графа д'Артуа, который въ этотъ самый день долженъ былъ получить изъ рукъ короля санъ рыцаря и синюю ленту. На всѣхъ, кромѣ ленты черезъ плечо и серебрянаго голубя на плечѣ, надѣтъ былъ еще длинный бархатный плащъ изъ синяго бархата, подбитый желтымъ атласомъ.

Хотя Филиппа нетерпѣливо ждала момента, когда увидитъ королеву, однако машинально глядѣла на всѣ эти надменныя лица, которыя проходили мимо нея. Вдругъ она вздрогнула,—вскрикнула и упала безъ чувствъ на руки Клода.

Этотъ инцидентъ произвелъ минутный безпорядокъ въ процессіи.

— Какой-то молодой дѣвушкѣ стало дурно!

— Отъ жары, конечно,—замѣтилъ сочувственно старикъ.

— Можетъ быть она слишкомъ стянулась,—догадалась менѣе доброжелательная сосѣдка.

Подходила королевская фамилія; любопытство заставило умолкнуть состраданіе. Никто не помогъ Клоду, который впрочемъ ни съ кѣмъ бы и не согласился раздѣлить счастіе ухаживать за своей милой Филиппой. Держа ее на рукахъ, онъ быстро выбрался изъ толпы. Какой-то придворный служитель отвелъ его въ чуланъ, устроенный подъ лѣстницей, которая вела и до сихъ поръ ведетъ на хоры капеллы. Тамъ находилась складная постель для швейцарца, который стоялъ на часахъ ночью въ этомъ мѣстѣ.

На эту-то постель молодой человѣкъ положилъ Филиппу.

Какимъ образомъ привести въ чувство молодую дѣвушку въ обморокѣ? Клодъ перебиралъ въ умѣ всѣ употребительныя въ этихъ случаяхъ средства: дать понюхать солей, прыснуть водой въ лицо, покурить жжеными перьями подъ носомъ.

Digitized by Google

Не имѣя ни перьевъ, ни воды, ни солей, онъ удовольствовался тѣмъ, что похлопалъ нѣсколько разъ ей въ ладони.

Такъ какъ это средство не привело ни къ какому результату, Клодъ нашелъ нужнымъ ее расшнуровать. Хотя онъ выполнилъ эту задачу со всевозможной скромностью, но тѣмъ не менѣе сердце у него сильно билось, а глаза горѣли.

Наконецъ, Филиппа открыла глаза и тяжело вздохнула. Когда она поняла, гдѣ находится, когда она вспомнила все, то охватила руками шею своего друга:

— О, Клодъ!—прошептала она.

И заплакала, какъ плачутъ тѣ, чье сердце разбито тяжкимъ ударомъ. Клодъ, ни слова не говоря, не разспрашивая, поддерживалъ, нѣжно гладилъ ее.

Чувство благодарности примѣшалось къ горю Филиппы:— „Какой онъ добрый!"—думала она.

Увы! Клодъ былъ не добрѣе всякаго другого. Въ двадцать лѣтъ какой мужчина бываетъ безчеловѣченъ къ хорошенькой дѣвушкѣ, плачущей у него въ объятіяхъ?

Вдругъ Филиппа замѣтила безпорядокъ своего костюма и покраснѣла отъ стыда.

Въ это самое время супруги Мартò, подталкиваемые толпой, очутились въ первомъ ряду зрителей, присутствовавшихъ при королевскомъ обѣдѣ. И, наглядѣвшись до сыта, они пошли прочь, бесѣдуя о томъ, чтò видѣли.

— Королева ничего не кушала; ей не хотѣлось ѣсть.

— Но зато король отвѣдалъ ото всѣхъ блюдъ. И какой у него веселый видъ!

— Еще бы! есть съ чего быть веселымъ. Онъ счастливъ... счастливъ, какъ король!

И Мартò засмѣялся надъ своей шуткой, которая показалась бы странной всякому, кто бы могъ, какъ m-r де-Казотъ, прочитать будущее.

Тутъ только увидѣли они дочь. Все еще не совсѣмъ оправившаяся, она опиралась на руку Клода. Она сообщила родителямъ о своемъ обморокѣ, постаравшись представить все дѣло пустяками.

— Какъ жаль, что ты не видѣла кавалеровъ св. Духа!— сказала мать.—Представь себѣ, что въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ, мнѣ показалось, я узнала того незнакомца, который подалъ мнѣ руку, чтобы вывести насъ изъ Sainte-Chapelle, и былъ такъ галантенъ со мной? Тебѣ не смѣшно?

Филиппа не смѣялась, но отворачивала голову.

Digitized by Google

— Вы вѣроятно ошиблись, маменька,—проговорила она слабымъ голосомъ.

— Ну, конечно!—закричалъ Христофоръ.—Я говорю то же самое. Твой незнакомецъ—какой-нибудь приказчикъ изъ лавки.

Два мѣсяца спустя Клодъ и Филиппа были обвѣнчаны въ церкви св. Северина. Старики Мартò не замедлили переселиться въ деревню, собираясь сажать тамъ капусту. Клодъ, человѣкъ предпріимчивый, перенесъ центръ своей торговли въ улицу Сентъ-Оноре, куда, по его мнѣнію, легче было заманить знатную публику.

Онъ былъ сначала страстнымъ любовникомъ своей жены, а затѣмъ сталъ добрымъ и преданнымъ мужемъ. Часто говорилъ онъ про глупую страсть свою къ старухѣ Гимаръ и не щадилъ насмѣшекъ надъ самимъ собою.

— И подумать, что около меня находилось такое сокровище, а я преклонялся передъ этой развалиной!

Филиппа съ своей стороны никогда не упоминала про нѣжную и неопредѣленную любовь, на минуту проснувшуюся въ ея сердцѣ. Порою облако грусти застилало ея взглядъ, и ея грустные глаза, казалось, искали за предѣлами той спокойной и однообразной жизни, какую она вела, блестящій и химерическій образъ, видимый для нея одной.

Однако она увидѣла его еще разъ.

То было въ первыхъ числахъ 1794 г. Она знала, въ которомъ часу телѣга, провозившая осужденныхъ на смерть, проѣзжала мимо ея оконъ. Ее предупреждалъ о томъ стукъ колесъ тяжелаго экипажа о мостовую и галопъ жандармовъ Анріò, сопровождавшихъ телѣгу съ саблей на голо. При этомъ сигналѣ, Филиппа запирала окно и задвигала занавѣсы.

Въ этотъ день какое-то грустное и непреодолимое влеченіе удержало ее у открытаго окна.

Десять или двѣнадцать человѣкъ находились на телѣгѣ. Она увидѣла одного, и взоръ ея уже не могъ отъ него оторваться. Ахъ, Боже мой! это былъ онъ!.. Она его не забыла; она не могла не узнать блѣднаго, тонкаго, гордаго лица, теперь похудѣвшаго отъ страданія, живыхъ, прекрасныхъ глазъ, окаймленныхъ синевой отъ безсонницы. Онъ стоялъ на краю телѣги—равнодушный, съ геройской небрежностью. Рубашка осужденныхъ, распахнутая и ложившаяся широкими складками, обнажала его шею, такую же нѣжную, какъ у женщины, и окаймляла какъ бы идеальнымъ ореоломъ невинности и мученичества.

Глаза его встрѣтились съ глазами Филиппы. Узналъ ли онъ

Digitized by Google

ее? Она бы не могла этого сказать. Она стояла неподвижная, оцѣпенѣвъ отъ волненія, до тѣхъ поръ, пока видѣніе не исчезло.

Тогда она откинулась назадъ въ комнату, упала на колѣни и углубилась въ молитву. Вдали загремѣли барабаны... Тотъ, кому она отдала свою дѣвическую душу, разставался съ жизнью.

II.

Кукла.

Почтовая карета катилась весь день подъ горячими лучами іюньскаго солнца, то съ грохотомъ, напоминавшимъ раскаты грома, по мостовой городовъ, попадавшихся на пути, то безшумно раскачиваясь по камнямъ и ухабамъ большой дороги.

Еловые лѣса и печальныя болота Гэмпшира смѣнились зелеными лугами, поросшими буками Суррея. Поля съ зрѣющимъ колосомъ, раскачиваемымъ вѣтромъ; ланды, поросшія цвѣтущимъ верескомъ; аллеи парковъ, посыпанныя тонкимъ пескомъ; лужайки, на которыхъ пасутся полусонныя коровы; деревушки съ низенькими домишками изъ почернѣлыхъ кирпичей, съ маленькими окошками; старинныя четырехъ-угольныя колокольни, приземистыя, съ бойницами посреди смиренныхъ могилъ деревенскаго кладбища; утки, которыя полощутся въ прудкахъ, во дворѣ мызы; дѣти, бѣгущія съ крикомъ вслѣдъ за каретой; нищіе, сидящіе на краю канавъ и провожающіе ее тупымъ взглядомъ—все это проносится какъ молнія.

Когда экипажъ поднимается въ гору, кучеръ слѣзаетъ съ козелъ, идетъ рядомъ съ лошадками, бесѣдуетъ съ ними, гладитъ ихъ кончикомъ бича по крупу, блестящему отъ пота, а самъ жуетъ листикъ орѣшины, сорванный съ сосѣдней живой изгороди.

Подъѣзжая къ станціи, онъ трубитъ и пускаетъ лошадей вскачь, чтобы подкатить лихо къ крыльцу.

Конюхъ бросается къ лошадямъ; хозяинъ постоялаго двора выходитъ на крыльцо; двѣ или три нищенки протискиваются къ дверцѣ, протягивая руку, и старый господинъ съ озабоченнымъ видомъ подходитъ къ пассажирамъ, разспрашивая: „какія вѣсти изъ Франціи?“ Послѣ того кондукторъ и кучеръ идутъ въ общую залу, гдѣ пѣнится бѣлое пиво, которое имъ наливаютъ въ стаканы изъ полированнаго олова, разставленные на старыхъ дубовыхъ прилавкахъ. Черезъ четверть часа карета снова пускается въ путь.

Digitized by Google

Въ ней на этотъ разъ было всего только два пассажира: пятнадцати-лѣтній мальчикъ и дѣвочка, которой можно было дать на видъ лѣтъ двѣнадцать или тринадцать. Она была маленькая, блѣдная, слабенькая, но прехорошенькая. Юноша былъ красивъ и силенъ, смуглолицъ, черноволосъ. Руки и ноги у него были довольно велики, а колѣни костлявы. Но недостатокъ изящества въ членахъ пополнялся гармоніей размѣровъ и гибкостью движеній.

Башмаки безъ пряжекъ, пестрые бумажные чулки, сюртукъ изъ нанки и таковыя же панталоны, жабо изъ простого батиста, отсутствіе манжетокъ и шляпа безъ галуна—вотъ и весь его скромный костюмъ.

Въ нарядѣ дѣвочки, хотя очень простомъ, а главное сильно поношенномъ, проглядываютъ слѣды нѣкотораго изящества, обличающіе, что она принадлежитъ къ болѣе высокому слою общества, чѣмъ ея спутникъ.

Въ настоящую минуту она спитъ, и молодой мальчикъ, устроивъ ей изголовье изъ чемодана, накрылъ ее плащемъ. Каждую минуту онъ отгоняетъ мухъ, поправляетъ кожаные занавѣсы кареты и импровизированную постель, которую разстраиваютъ толчки экипажа. Дѣвочка, повидимому, привыкла къ этимъ заботамъ, и въ просонкахъ улыбается и шепчетъ: „merci, Доминикъ!“

Послѣ того Доминикъ глядитъ въ окно и, какъ кажется, интересуется всего болѣе обработкой полей, или же размышляетъ, разглядываетъ пылинки, которыя прыгаютъ въ лучѣ свѣта, и затѣмъ опять переноситъ взглядъ на дѣвочку,—взглядъ, напоминающій взглядъ матери и собаки: столько нѣжной заботливости и смиренной преданности выражаетъ онъ!

Между тѣмъ солнце заходитъ за холмы, небо обезцвѣчивается, земля омрачается; глазъ не различаетъ больше зелени, и всѣ предметы стушевываются въ наступающемъ мракѣ. Далеко, далеко, въ теплой дымкѣ лѣтняго вечера, сверкаютъ яркія точки, которыя увеличиваются и приближаются съ каждымъ оборотомъ колесъ: то—огни Лондона.

Полчаса спустя дилижансъ останавливается у постоялаго двора подъ вывѣской Золотого Креста въ Чарингъ-Кроссѣ. Двое лицъ ожидаютъ прибытія почтовой кареты, мужчина и женщина, m-me Венсанъ и m-r Бошъ. M-me Венсанъ—модистка, m-r Бошъ—философъ. Объ этомъ можно было бы догадаться уже по его потертому сюртуку и спокойному виду, съ какимъ онъ сидитъ на каменной скамьѣ въ то время, какъ m-me Венсанъ, съ пунцовымъ лицомъ, бѣгаетъ взадъ и впередъ, волнуется и вытираетъ

Digitized by Google

лобъ. Карета не успѣла еще остановиться, какъ она уже окликаетъ на плохомъ англійскомъ языкѣ кондуктора и кучера.

— Привезли вы мою куклу? Куклу m-me Венсанъ, s'il vous plait, messieurs?

Кучеръ точно и не слышалъ, а кондукторъ смотритъ на нее и ничего не отвѣчаетъ.

— M-r Бошъ! Право же, вы непостижимы! вы видите, что мнѣ приходится имѣть дѣло съ глупыми людьми, которые притворяются, что меня не понимаютъ, а вы спокойно нюхаете табакъ! Вамъ и въ голову не приходитъ помочь бѣдной женщинѣ, хотя, казалось бы,—съ горечью прибавляетъ она,—я имѣю нѣкоторыя права на вашу любезность!

При такомъ прямомъ воззваніи къ его добрымъ чувствамъ, m-r Бошъ закрываетъ табакерку и со вздохомъ встаетъ.

— Есть у васъ свертокъ изъ Парижа, via Сенъ-Мало и Соутгамптонъ, для m-me Венсанъ?

— Нѣтъ никакого свертка для m-me Венсанъ.

M-me Венсанъ приходитъ въ ярость. Нѣтъ свертка! нѣтъ куклы!

— Что я буду дѣлать! я разорена! и все эта проклятая революція виновата! все это надѣлали ваши негодяи, философы! Да, да, смѣйтесь, m-r Бошъ, смѣйтесь, сколько хотите; виноватъ во всемъ Руссо: онъ свертѣлъ голову народу. Развѣ при монархіи кукла не пріѣзжала каждую недѣлю?

Въ то время, какъ m-me Венсанъ приходила въ отчаяніе, Доминикъ разбудилъ потихоньку свою маленькую спутницу.

— M-lle Маделена, мы пріѣхали въ Лондонъ.

Маделена садится на скамейку и маленькими ловкими пальчиками, какъ бы инстинктивно, поправляетъ прическу.

— Мы въ Лондонѣ?.. Ты видишь моего дядю?

— Я не имѣю чести знать г. командора. Какъ же могу я его увидѣть?

Маделена оглядѣлась вокругъ кареты. Никого не было, кромѣ m-me Венсанъ и m-r Боша. И вотъ съ испуганнымъ видомъ она проговорила:

— Его здѣсь нѣтъ! Что съ нами будетъ въ такомъ большомъ и чужомъ городѣ, когда мы не знаемъ языка и безъ денегъ!.. Вѣдь у тебя нѣтъ больше денегъ, Доминикъ?

— Увы! mademoiselle Маделена, ваше кольцо уплатило переѣздъ изъ Джерсея въ Соутгамптонъ, а часы моей матери — мѣсто въ почтовой каретѣ изъ Соутгамптона сюда. У меня остается шесть мелкихъ монетокъ.

Digitized by Google

Дверца раскрыта. Маделена остановилась на нижней подножкѣ, не рѣшаясь спуститься на незнакомую и негостепріимную мостовую.

Однако она рѣшается, наконецъ, и соскакиваетъ граціозно и благородно; всѣ ея движенія отличаются красотою и граціей. И Бошъ, увидя эту дѣвочку, такую стройную, изящную и граціозную, не удержался, чтобы не сказать вполголоса:

— Поглядите, вотъ ваша кукла, только живая!

— Эта дѣвочка! Ахъ, какую чудную мысль вы мнѣ подали!

— Я? я вамъ подалъ мысль!

M-me Венсанъ подошла къ двумъ подросткамъ, вооружась самой любезной улыбкой, той, съ какою она предлагала обыкновенно кружева шантильи и лайковыя перчатки м-съ Фицгербертъ или герцогинѣ девонширской.

— Вы—французы и, кажется, находитесь въ затрудненіи. Позвольте мнѣ придти къ вамъ на помощь? Меня зовутъ m-me Венсанъ, у меня модный и бѣлошвейный магазинъ въ Динъ-Стритѣ, подъ вывѣской Petit-Paris, а вотъ это—м-г Бошъ, мой нахлѣбникъ и хорошій знакомый.

Маделена не утратила апломба аристократки и отвѣчаетъ съ оттѣнкомъ покровительственной ласки, которая не совсѣмъ была умѣстна въ ея настоящемъ положеніи:

— А я дочь маркиза де-Комбреваль. Мои родители увезены были въ Реннь, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ въ настоящую минуту ожидаютъ революціоннаго суда надъ собой. Крестьяне сожгли замокъ, а я убѣжала съ кормилицей въ Сенъ-Мало. Оттуда мы добрались до Джерсея; тамъ моя бѣдная кормилица заболѣла, и мы ее лишились. Я сѣла на корабль вмѣстѣ съ моимъ молочнымъ братомъ, Доминикомъ; вотъ онъ самый. Одинъ изъ нашихъ знакомыхъ отправился на другомъ кораблѣ и долженъ былъ предупредить моего дядю де-Совъ о нашемъ прибытіи.

— Командора де-Совъ?—вскричалъ Бошъ.—Увы! моя милая дѣвица, если газеты говорятъ правду, то онъ находится въ настоящую минуту въ тюрьмѣ въ Лиллѣ.

— Боже мой! Боже мой!.. А мы-то... мы истратили всѣ свои деньги и...

— Пойдемте ко мнѣ!—сказала m-me Венсанъ.—Вы найдете у меня хорошее общество: кавалера де-Валергъ и аббата де Марсильякъ, такихъ же эмигрантовъ, какъ и вы.

— Кавалеръ де-Валергъ! Онъ, кажется, сродни моей фамиліи.

— Тѣмъ лучше.

— Да... но... чѣмъ мы вамъ будемъ платить?

Digitized by Google

— О! если это васъ стѣсняетъ, то вы сдѣлаете, какъ другіе: вы будете зарабатывать свое пропитаніе. Вашъ молочный братъ— сильный и здоровый малый; ему найдется дѣло у меня... хотя бы носить воду... Знаете ли, что аббатъ зарабатываетъ два шиллинга въ день, изготовляя табакерки? Что касается кавалера, то онъ —бухгалтеромъ у Жасмена, который теперь открылъ парикмахерскую въ Пиккадилли. Нѣтъ ли у васъ таланта, который бы могъ вамъ пригодиться? умѣете вы рисовать? играете ли на арфѣ или на клавесинѣ?

— Боже мой! я умѣю только низать бисеръ и вырѣзывать силуэты... Ахъ, да! я умѣю также прививать деревья; можетъ быть, я пригожусь какъ садовница.

Мысль, что эта стройная и миніатюрная фея будетъ дѣлать черную работу, заставила улыбнуться m-me Венсанъ и Боша.

— А еслибы, — сказала первая, — я нашла вамъ занятіе, которое заключалось бы только въ томъ, чтобы одѣваться въ шолковыя платья, атласные башмаки и шляпу съ перьями и показываться въ такомъ видѣ всѣмъ лондонскимъ франтихамъ?

— Это было бы прелестно!

— Если такъ, то и прекрасно! Я пріискала для васъ занятіе... А теперь пойдемте ужинать. Вы должно быть умираете съ голода.

II.

Домъ, который занимала m-me Венсанъ въ Динъ-Стритѣ, въ Сохо, въ настоящее время предоставленъ въ жилище бѣднымъ дѣвушкамъ, занимающимся печальнымъ ремесломъ, нисколько ихъ не обогащающимъ. Но въ тѣ времена онъ не былъ такимъ ничтожнымъ и жалкимъ.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалась лавка, гдѣ каждый вечеръ стлали постель для Пегги, служанки m-me Венсанъ, а позади лавки находилась пріемная, служившая мѣстомъ для сборищъ, и гдѣ столъ накрывался три раза въ день: въ полдень, въ пять часовъ по полудни и въ десять вечера—для завтрака, обѣда и ужина.

Въ первомъ этажѣ находилась большая комната m-me Венсанъ, съ красивой кроватью съ колоннами. Въ этой комнатѣ, загроможденной манекенами, картонами, образчиками и шолковыми матеріями, m-me Венсанъ принимала кліентокъ, кареты которыхъ выстраивались въ Динъ-Стритѣ.

Рядомъ помѣщалась комната ея покойной племянницы: ма-

Digitized by Google

ленькое, довольно кокетливое гнѣздышко: тамъ она помѣстила m-lle де-Комбреваль. Этажемъ выше шли комнаты кавалера, аббата и m-r Боша. Надъ ними—чердакъ съ слуховымъ окномъ. Лѣтомъ тамъ можно было изжариться, а зимой замерзнуть. Пробитый соломенный тюфякъ на двухъ гнилыхъ деревянныхъ поставкахъ, скрипѣвшихъ и грозившихъ разсыпаться при всякомъ движеніи, служилъ постелью. То была единственная мебель въ этомъ помѣщеніи, да никакая другая больше бы и не влѣзла, за недостаткомъ мѣста. Отнынѣ это убѣжище стало называться „комнатой m-r Доминика".

На другой день около двухъ часовъ по полудни показались заказчицы. Пегги, надѣвшая на голову чепецъ съ цвѣтами и даже вымывшая руки, отворяла двери кліенткамъ и на завѣтный вопросъ:—Пріѣхала ли кукла?—отвѣчала, подмигивая глазомъ:

— Да; она наверху, но только она... она не... Ну, да, словомъ, милэди ждетъ сюрпризъ.

И знатныя дамы, подстрекаемыя любопытствомъ, подбирали юбки и взбѣгали мигомъ на крутую и узкую лѣстницу m-me Венсанъ.

Читатели, знакомые съ частностями парижской жизни въ XVIII вѣкѣ, знаютъ, что каждую недѣлю въ послѣдніе годы, которые предшествовали французской революціи, изъ улицы Сент-Оноре отправлялась кукла, одѣтая по послѣдней модѣ, принятой въ Тюильри. Она должна была просвѣщать дамъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ насчетъ того, какъ слѣдовало одѣваться, чесаться, обуваться и душиться, и какія носить перчатки, чтобы не отстать отъ моды.

Она проникала, говорятъ, даже въ гаремъ великаго султана, гдѣ приводила въ восхищеніе султаншъ и всѣхъ другихъ болѣе или менѣе законныхъ женъ султана. У этой знаменитой куклы, надъ которой трудились пятьдесятъ рабочихъ рукъ и двадцать различныхъ искусствъ, все заслуживало вниманія, начиная отъ рубашки и кончая вѣеромъ, отъ пряжекъ на башмакахъ до расположенія локоновъ на головѣ.

Въ день взятія Бастиліи, кукла впервые не доѣхала по назначенію. Вскорѣ она стала появляться неаккуратно и въ неопредѣленные промежутки времени,—не потому, чтобы Парижъ утратилъ первенство вкуса. Нѣтъ, революціонный Парижъ, въ которомъ сновали tricoteuses и ужасные субъекты въ карманьолѣ и красномъ колпакѣ, все еще претендовалъ на то, чтобы промышлять шляпами, придумывать куафюры и предписывать фасонъ платья

Digitized by Google

Европѣ. И Европа, съ ужасомъ отвергавшая парижскія учрежденія, покорно принимала парижскія моды.

Судя о вещахъ издали, казалось бы, что въ то роковое время жизнь частныхъ лицъ должна была бы пріостановиться, замереть въ какой-то мучительной агоніи, — остановиться, какъ часовая стрѣлка при землетрясеніи.

Но ничуть не бывало: все шло, все перебивалось, кое-какъ плелось себѣ. Бѣдняки, безъ гроша въ карманѣ, промышляли средства, какъ бы добыть денегъ, а тѣ, у кого единственной заботой въ жизни являются удовольствія, старались веселиться, какъ только умѣли, среди обломковъ разрушеннаго общественнаго строя.

Кто ѣздилъ обѣдать на травѣ въ Медонѣ, или ужинать въ неприличныхъ антресоляхъ Мео; кто искалъ фортуны въ вонючихъ коридорахъ Пале-Рояля; сыпали каламбурами, ѣли мороженое или сладкіе пирожки, жалуясь на жару; люди, обмахиваясь вѣерами, говорили: „честное слово, умираю!“ —тогда какъ другіе, въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, въ самомъ дѣлѣ умирали!

И были портные и модистки, ломавшіе головы надъ туалетами, какъ и въ наше время, и которые, ложась спать, хлопали себя по лбу, говоря: „Боже мой! что-то я изобрѣту на завтра? Что̀ станется съ міромъ, если я перестану творить!“

Къ несчастію, война предъявляетъ жестокія требованія: она задерживаетъ при проѣздѣ куклу изъ улицы Сент-Оноре, точно это былъ бы самъ троянскій конь. Чтобы доѣхать до назначенія, бѣдняжкѣ приходится описывать большіе крюки, переодѣваться, проходить черезъ десятки рукъ, избѣгать и республиканскихъ властей, которыя относятся къ ней какъ къ аристократкѣ, и солдатъ коалиціи, разсматривающихъ ее какъ эмиссарку революціонныхъ идей. И несмотря на всяческія ухищренія, она все-таки не всегда достигаетъ мѣста своего назначенія!

И теперь читатель пойметъ волненіе кліентовъ m-me Венсанъ.

Англійская аристократія красоты и ранга толпится въ большой комнатѣ перваго этажа, какъ въ Пантеонѣ или на зрѣлищахъ; знаменитыя актрисы сталкиваются съ знатными дамами.

Каждой m-me Венсанъ повторяетъ свою исторію: какимъ образомъ дочь маркиза де-Комбреваль успѣла спастись изъ Франціи, выдавъ себя за модистку, которой поручено везти куклу въ Англію, и сама переодѣвшись въ туалетъ куклы.

Она не сказала имъ, что провела ночь, изготовляя этотъ туалетъ, а утро—въ примѣриваніи его. Маделена стоитъ на небольшой

Digitized by Google

эстрадѣ, какъ какая-то миніатюрная щеголиха. Она разыгрываетъ свою роль съ безконечной граціей, поднимаетъ руку или ногу, поворачивается справа налѣво, прохаживается, присѣдаетъ. И всѣ эти дамы ее окружаютъ, ласкаютъ, повертываютъ во всѣ стороны, цѣлуютъ.

— Сюда, милочка! Подойдите ко мнѣ, моя душа! Посмотрите, какъ она мила! Какой хорошенькій рюшъ! И подумать, что отецъ и мать ея погибнутъ на гильотинѣ завтра или послѣзавтра!.. Мнѣ кажется, что полосатыя матеріи мнѣ очень къ лицу... Вы будете похожи на зебра, моя милая!—На зебра? прекрасно! вотъ чудесное названіе для новаго туалета. Мы всѣ переодѣнемся зебрами... Наклоните немножко голову, моя радость: я хочу поглядѣть вашу прическу... Этотъ султанъ восхитителенъ, не правда ли?.. О, въ мірѣ только одинъ Парижъ!

И хоръ подхватываетъ:

— Въ мірѣ только одинъ Парижъ!

Вмѣстѣ съ заказчицами приходятъ также и портнихи, скромно смѣшивающіяся съ толпой дамъ, наблюдающія про себя, критикующія, сравнивающія и размышляющія. Онѣ въ задумчивости уходятъ домой. Наконецъ, наступаетъ вечеръ, и когда послѣдняя карета повернула за уголъ Оксфордской улицы и Динъ-Стрита, m-me Венсанъ, красная отъ радости, восклицаетъ:

— Вы держали себя какъ ангелъ; еслибы не почтеніе къ вамъ, то я бы васъ расцѣловала!

— Ба!—отвѣчаетъ Маделена, соскакивая съ эстрады:—не стѣсняйтесь, m-me Венсанъ!

Когда кавалеръ и аббатъ вернулись домой, наступилъ ихъ чередъ восхищаться маленькой красавицей, которой очень нравился ея удивительный нарядъ, и она очень охотно повторила при нихъ всѣ свои штучки.

Кавалеръ подалъ руку m-lle де-Комбреваль, чтобы вести ее въ столовую, точно ему приходилось танцовать менуэтъ въ зеркальной галереѣ передъ королемъ и королевой. Въ то же самое время онъ рылся въ своихъ миѳологическихъ воспоминаніяхъ, пріискивая сравненія и метафоры, которыя бросалъ, какъ цвѣты, къ маленькимъ ножкамъ.

— Потише!—говорилъ аббатъ:—вы ее избалуете.

— Избалую! Вы въ этомъ ничего не смыслите, аббатъ! Женщины воспитываются комплиментами. Скажите ей, что у нея хорошенькая талія, и она выпрямится, чтобы ее вамъ показать. Скажите ей, что она умна, и она образуетъ свой умъ чтеніемъ всякаго рода книжекъ, чтобы блистать въ разговорѣ. Скажите ей,

Digitized by Google

что у нея великодушное сердце, и она окажетъ вамъ чудеса преданности, чтобы показать, что вы ее поняли. Хвалите, хвалите, всегда что-нибудь да выйдетъ!

Обѣдъ прошелъ очень весело. Аббатъ получилъ какъ разъ поутру небольшой запасъ вина, который ему переслала сестра, старая дѣва, съ превеликими затрудненіями изъ Франціи. Первую бутылку роспили за погибель республики „единой и нераздѣльной", за здоровье узниковъ Тампля, за его величество Людовика XVII. Обѣдающіе встали, чтобы выпить послѣдній тостъ.

Послѣ ужина m-lle де-Комбреваль присѣла всѣмъ и ушла въ сопровожденіи Доминика. Она знала, что онъ угрюмъ и немного ревнивъ: сегодня впервые послѣ очень продолжительнаго времени онъ провелъ день не въ обществѣ Маделены. Дойдя до площадки лѣстницы, она повернулась къ нему и мягко сказала, дѣтскимъ, ласковымъ голоскомъ, въ которомъ уже не слышалось больше свѣтской сухости:

— Доминикъ, зайди посидѣть въ мою комнату. Я тебя цѣлый день не видала.

И она потащила его, смущеннаго и нерѣшительнаго.

Комнатка была чистенькая и привлекательная. Она изобличала присутствіе молодой дѣвушки. Въ ней былъ ароматъ невинности!

Около окна стояло большое старое кресло, до того большое, что они оба усѣлись въ немъ, и Маделена прилегла на плечо своего друга, такъ что онъ могъ обонять тонкіе духи, которыми парикмахеръ въ Фрайсъ-Стритъ надушилъ ея волосы. Она ничего ему не говорила, только вложила тоненькую ручку въ его большую смуглую руку, и оба глядѣли въ открытое окно на остроконечныя крыши и безчисленныя трубы, вырѣзавшіяся на звѣздномъ фонѣ іюньскаго неба. Изъ сосѣднихъ домовъ и садовъ доносились звонъ стакановъ, смѣхъ и пѣсни.

— Теперь я лягу спать. Я очень устала. Поцѣлуй меня и прощай!

Послѣ того Доминикъ съ легкимъ сердцемъ и легкими шагами вскорабкался на свой чердакъ.

Въ пріемной весело проходилъ вечеръ. Пегги убрала со стола, покрыла его зеленымъ сукномъ и поставила два шандала изъ посеребренной мѣди. То было обыкновенно сигналомъ для карточной игры.

Кавалеръ, очень веселый, сыпалъ анекдотами и воспоминаніями. Ему было около шестидесяти лѣтъ, и изъ нихъ сорокъ-пять онъ провелъ, ухаживая за дамами. Онъ ничего другого не

Digitized by Google

дѣлалъ, какъ любилъ, съ тѣхъ поръ какъ вступилъ корнетомъ въ пикардійскій полкъ; онъ продолжалъ и теперь, несмотря на бѣдствія и тягости изгнанія, несмотря на первые приступы старости, ухаживать за женщинами.

Для него женщина начиналась очень рано въ дѣвочкѣ и очень поздно скрывалась въ старухѣ. Онъ обожалъ ее во всѣхъ видахъ и во всѣхъ странахъ. Онъ увѣрялъ, что вздыхалъ по мальгашской королевѣ, когда былъ губернаторомъ Иль-де-Франса, не пренебрегая при случаѣ побалагурить съ Пегги, когда та приносила ему стаканъ грога въ его комнату.

То былъ одинъ изъ сыновъ прежней Франціи, вѣчно рѣзвый, прыгающій, болтающій, вертящійся на одной ножкѣ, напѣвающій, порхающій, распространяющій вокругъ себя облако пудры и табаку и изъ этого облака сыпавшій эпиграммами. Сегодня вечеромъ онъ былъ особенно въ ударѣ.

— Ахъ, monsieur le chevalier!—восклицалъ Бошъ:—у васъ такъ много остроумія! Какъ жаль, что вы не пишете!

— Бошъ, другъ мой, знайте, что люди моего сорта никогда не пишутъ... Насъ было въ Парижѣ тысячи полторы людей со вкусомъ, которые судили обо всемъ, что̀ говорилось и писалось. Всѣ изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы намъ понравиться, и когда мы говорили: „хорошо!“—вся Европа намъ рукоплескала. Мы составляли партеръ, и они давали самый великолѣпный спектакль, какой когда-либо былъ. Развѣ это не пріятнѣе, чѣмъ потѣть надъ тѣмъ, чтобы забавлять другихъ?... Нѣтъ, мой бѣдный Бошъ, люди моего сорта не пишутъ!

Пока кавалеръ это говорилъ, Бошъ мѣшалъ карты, снималъ со свѣчъ нагаръ, накладывалъ дровъ въ каминъ и клалъ подушку подъ ноги m-me Венсанъ.

— Знаете ли, Бошъ,—продолжалъ кавалеръ,—что изъ васъ вышелъ бы прекрасный мужъ!.. Я удивляюсь, что m-me Венсанъ объ этомъ не подумала.

— Она думала,—объявилъ невозмутимо Бошъ.

— Ба! разскажите намъ это.

Дѣло было лѣтъ семь или восемь тому назадъ. Уже все было готово къ свадьбѣ. Пегги купили новое платье, работницъ отпустили погулять. Жениху съ невѣстой оставалось только идти въ церковь. По дорогѣ m-r Бошъ вдругъ остановился.

— M-me Венсанъ!

— M-r Бошъ!

— Мы собираемся сдѣлать глупость, m-me Венсанъ.

— Вы думаете, m-r Бошъ?

Digitized by Google

— Я въ этомъ увѣренъ... Мы были такъ счастливы въ прежней долѣ! Повѣрьте, вернемся домой.

— Мы вернулись домой,—заключилъ m-r Бошъ,—и напились горячаго чая, чтобы успокоиться.

— И съ тѣхъ поръ,—замѣтилъ кавалеръ,—вы жили счастливо невѣнчанные?

Онъ лукаво подчеркнулъ послѣднія слова.

— О! monsieur le chevalier!—протестовала m-me Венсанъ, опуская глаза.

— Что̀ я такое сказалъ?

Пробило полночь, и всѣ разошлись. Нѣсколько секундъ спустя все спало въ маленькомъ домикѣ Динъ-Стритъ и даже, быть можетъ, и во всемъ кварталѣ Сохо, за исключеніемъ аббата Марсильяка, который снова зажегъ свою лампу и принялся за большое сочиненіе, которое писалъ по исторіи каппадокскаго королевства.

Однимъ утромъ, на той же самой недѣлѣ, Маделена увидѣла, какъ въ мастерскую пришла дама, удивившая ее своими манерами. Просто, почти бѣдно одѣтая, она держала въ рукѣ узелъ, но тѣмъ не менѣе видъ у нея былъ важный, и Пегги низко ей присѣла.

Ее ввели въ комнату перваго этажа. Тамъ она бросилась въ кресло, между тѣмъ какъ m-me Венсанъ стояла въ почтительной позѣ и ждала.

— Послушайте, моя добрая Венсанъ, вотъ работа, которую я вамъ принесла. Я надѣюсь, что вы будете ею довольны?

— Не сомнѣваюсь въ томъ, m-me la comtesse.

Дама увидѣла Маделену, которая, стоя въ уголку, таращила на нее глаза.

— Что это за милашка? Подойди сюда, душенька, дай я погляжу на тебя! Сколько тебѣ лѣтъ, игрушечка?

— Тринадцать лѣтъ,—отвѣчала дѣвочка, краснѣя.

— Право, она недурна!.. Это ваша племянница, Венсанъ?

— Нѣтъ, графиня, это...

Но графиня не дала ей докончить.

— Кстати, мнѣ больше не нужно швейной работы. Приберегите ее для другихъ женщинъ, которыя окажутся въ томъ же положеніи. Попе, золотыхъ дѣлъ мастеръ, купившій наши брильянты, нашелъ купца, который согласенъ покупать наши рисунки. Вы знаете, для крышекъ на коробки... О! сюжетъ все одинъ и тотъ же: мужъ рисуетъ мой портретъ Діаной-охотницей, а я рисую мужа богомъ войны... Боже мой! ну, кто бы

Digitized by Google

сказалъ, что намъ придется жить трудомъ рукъ своихъ, и что графъ въ меня влюбится!

— А раньше развѣ онъ не былъ влюбленъ?

— Онъ?.. да онъ никогда на меня и не глядѣлъ!.. Теперь же онъ ухаживаетъ за мной, а я его дразню, и это меня забавляетъ. О! мы еще не самые несчастные: благодаря негодяю Жанъ-Жаку, который вбилъ въ голову нашимъ родителямъ мысль научить насъ какому-нибудь ремеслу, мы не умираемъ съ голода. М-г де-Комонъ сталъ переплетчикомъ, m-r де-Файенъ— учителемъ танцевъ; Шаваннъ продаетъ уголь, а Бресси служитъ поваромъ. Мамаша зарабатываетъ по два су въ часъ, приготовляя frivolités. Она относитъ ихъ въ мастерскую герцогини Букингэмской. Надо девятисотлѣтнее дворянство, чтобы туда приняли работницей, точно въ нѣмецкій капитулъ... Нѣтъ, нѣтъ, мы еще не самые несчастные; гораздо несчастнѣе тѣ, которые тамъ остались.

И, говоря это, она мяла газету въ рукахъ.

— Опять худыя вѣсти?—спросила m-me Венсанъ.

— Ахъ! ужасная машина все еще въ ходу. Сегодня во главѣ списка стоятъ маркизъ и маркиза де-Комбреваль...

Она хотѣла привести еще другія имена, но ее остановилъ крикъ. Маделена упала въ обморокъ на полъ...

Много мѣсяцевъ прошло послѣ этой ужасной минуты. Теперь Маделена одѣта въ трауръ. Она стала выше ростомъ и блѣднѣе. Маленькая головка, насмѣшливая и изящная, пріобрѣла трогательное выраженіе. Глаза, наполняющіеся слезами, руки, повисшія вдоль тѣла, съ унылымъ видомъ, голова склоненная подъ бременемъ горестныхъ думъ—все въ ней говоритъ о безконечной грусти сироты.

Она мастерицей у m-me Венсанъ, но пройдетъ много еще времени, прежде чѣмъ она станетъ искусной. Доминикъ съ нѣкоторымъ гнѣвомъ смотритъ на маленькіе пальчики, почернѣвшіе и исколотые иголкой. Онъ бы хотѣлъ, чтобы она отказалась отъ этого неблагодарнаго ремесла, но она упорствуетъ. Разъ, когда онъ мягко бранилъ ее, она отвѣчала ему:

— Вы всѣ говорите о революціи, какъ говорятъ о дождѣ. Слушая этихъ дамъ, можно подумать, что это особы, которыхъ застала гроза, и которыя укрылись въ аллеѣ и ждутъ, когда разгуляется, чтобы вернуться домой. Но кто знаетъ, будетъ ли когда конецъ революціи, и вернутъ ли намъ наши имѣнія?.. А

Digitized by Google

если ихъ не вернутъ, Доминикъ? Тогда придется работать взаправду. Я сдѣлаюсь портнихой, и когда выросту, то выйду за тебя замужъ.

Лицо Доминика вспыхнуло.

— Не сердись,—продолжала Маделена:—я пошутила... Я знаю такъ же хорошо, какъ и ты, что это невозможно... Нужды нѣтъ, ты понимаешь, что я должна научиться работать.

Съ своей стороны, Доминикъ пробуетъ различныя ремесла, не останавливаясь ни на какомъ, потому что у него независимый характеръ и онъ хочетъ зарабатывать много денегъ.

Бо̀льшую часть времени онъ исполняетъ порученія одного сосѣда портного, француза, какъ и m-me Венсанъ. Между дѣломъ онъ научился англійскому языку. Онъ научился еще и многому другому, потому что аббатъ, полюбившій его, даетъ ему читать книги, и видя, что почеркъ Доминика исправляется, даетъ ему переписывать знаменитую исторію Каппадокіи.

Зима пришла и ушла. Снова наступило лѣто, и Доминикъ, по росту и голосу ставшій теперь мужчиной, все еще ищетъ ремесла, которое бы его обогатило.

Сегодня именины кавалера: m-me Венсанъ не знаетъ что̀ выдумать, чтобы угодить любимому пансіонеру, и Доминикъ приходитъ ей на помощь.

— Что̀ вы скажете о слойкѣ? Моя матушка отлично умѣетъ ихъ готовить. У нея былъ рецептъ, и я видалъ, какъ она ее дѣлала. Не попробовать ли мнѣ?

— Что̀ такое слойка, дружокъ?

— Родъ чудесной ватрушки. Въ за̀мкѣ всѣ очень любили слойку.

Въ распоряженіе Доминика предоставили муку, масло и яйца. Вечеромъ слойка производитъ настоящій фуроръ. Кавалеръ, будучи обжорой, цѣлуетъ Доминика.

— Какъ, мой другъ, у тебя такой талантъ, и ты молчишь? Да, vertu bleue! сто̀итъ тебѣ начать продавать англичанамъ такія ватрушки, и ты скоро будешь богатъ!

— Съ завтрашняго же дня попробую,—отвѣчалъ молодой человѣкъ.

И дѣйствительно, на другой день Доминикъ, съ подносомъ, сплетеннымъ изъ тростника, на головѣ и полнымъ слоеныхъ пирожковъ, мѣшался съ толпой разносчиковъ на улицѣ и принялся кричать:

— French cakes! french cakes! farthing each!

Иностранный акцентъ, красивая наружность молодого пирож-

Digitized by Google

ника и аппетитный видъ его пирожковъ, румяныхъ и подзадоривающихъ голодъ, привлекали покупателей. Доминикъ ходилъ всюду, гдѣ собирались праздные люди. Дорогой онъ забавлялся и поучался всѣмъ тѣмъ, что̀ видѣлъ на улицѣ. Случай не разъ дѣлалъ его свидѣтелемъ дуэлей въ Паркъ-Лэнѣ.

Не разъ видалъ онъ, какъ м-ръ Питтъ, блѣдный, задравъ носъ кверху и облеченный въ черное съ головы до ногъ, какъ прокуроръ, выскакивалъ изъ кареты у подъѣзда во дворецъ и взбѣгалъ на лѣстницу, махая черезъ три ступеньки.

Въ Сен-Джемсъ-Стритѣ онъ часто видалъ м-ра Фокса и м-ра Борка, остановившихся передъ витриной миссъ Гумфри и смѣющихся вмѣстѣ съ другими надъ собственной каррикатурой.

На Mall онъ глядѣлъ на отставныхъ офицеровъ, которые чертили тросточками линіи по песку и забирали обратно, безъ пролитія крови, всѣ крѣпости, захваченныя Пишегрю.

И Доминикъ проходилъ мимо всего этого люда, крича во все горло:

— French cakes! farthing each!

Съ наступленіемъ вечера онъ возвращался домой съ пустымъ подносомъ и полнымъ кошелькомъ.

Вскорѣ онъ оказался настолько богатъ, чтобы уплатить m-me Венсанъ не только за свое содержаніе, но и за содержаніе Маделены.

Модистка долго отказывалась.

— Я люблю одолжать,—говорила она.

— M-lle де-Комбреваль не можетъ принимать ни отъ кого одолженій,—сухо отвѣчалъ Доминикъ.

Разъ вечеромъ онъ засталъ Пегги въ слезахъ. M-me Венсанъ уже легла въ постель—у нея былъ страшный нервный припадокъ. Что̀ такое случилось?

— Оказывается,—рыдала Пегги,—что м-г Бошъ шпіонъ республиканцевъ, врагъ короля и всѣхъ добрыхъ людей.

— M-r Бошъ! какое безуміе!

— Нѣтъ, не безуміе! кавалеръ открылъ это. Тогда хозяйка очень разстроилась!.. Эти господа хотѣли выгнать м-г Боша, но онъ самъ уѣхалъ; онъ понялъ, что ему нельзя здѣсь больше оставаться.

Доминикъ услышалъ отъ m-me Венсанъ такія же неудовлетворительныя объясненія.

— Кто бы этого ожидалъ отъ Боша!—жалобно восклицала она.—Человѣкъ, съ которымъ я няньчилась цѣлыхъ десять лѣтъ!

Digitized by Google

за котораго чуть не вышла замужъ! Человѣкъ, которому я принесла въ жертву доброе имя!

Наконецъ, Доминикъ узналъ отъ Маделены, что за столомъ поднялся споръ. Кавалеръ, раздраженный побѣдами республиканцевъ въ Германіи, выпилъ за пораженіе Гоша и Мордо, а Бошъ вдругъ объявилъ очень твердымъ тономъ, что отказывается отъ этого тоста.

— Вольно вамъ, господа, пить за позоръ своей родины; но когда предлагаютъ такіе тосты, то позвольте мнѣ не пить.

— Ага! m-r Бошъ, такъ вотъ вы кто такой: переодѣтый революціонеръ!.. Вы, наконецъ, изобличили самого себя!.. А мы-то такъ откровенно говорили при васъ. Но позвольте, въ одной газетѣ недавно напечатано, что комитеты конвента получили извѣстіе о новой экспедиціи, подготовлявшейся на берегахъ Бретани, и я помню, что я самъ здѣсь разсказывалъ... Не вы ли, m-r Бошъ, извѣщаете нашихъ враговъ?

Отъ подозрѣнія къ обвиненію, отъ бездоказательнаго обвиненія къ безапелляціонному приговору разгнѣванный кавалеръ перескакивалъ быстро, не слушая ни протестовъ, ни клятвъ Боша.

— M-me Венсанъ, мы не хотимъ больше ѣсть за однимъ столомъ съ этимъ измѣнникомъ... Поступайте съ нимъ какъ хотите, а я сейчасъ же отправлюсь извѣстить обо всемъ англійскихъ министровъ.

Пустая ли то была угроза, или нѣтъ, но она могла напугать бѣднягу Боша, какъ бы ни была чиста его совѣсть.

Вотъ почему, несмотря на усилія Маделены остановить Боша и успокоить его противника, первый поспѣшно уѣхалъ съ своимъ скромнымъ багажемъ, который весь помѣстился въ небольшомъ узелкѣ, никому не сказавъ, куда онъ отправляется.

Съ этого дня, когда говорили о m-r Бошѣ, m-me Венсанъ тяжело вздыхала, а Пегги не иначе какъ шопотомъ намекала на великое событіе—изгнаніе m-r Боша.

Когда она хотѣла точнѣе опредѣлить время какого-нибудь происшествія, она произносила, широко раскрывая глаза:

— Это было незадолго до того, какъ была открыта низость m-r Боша.

Или же:—Это было вскорѣ послѣ бѣгства шпіона.

Этотъ великій день занималъ въ семейныхъ лѣтописяхъ то мѣсто, какое занимаетъ въ лѣтописяхъ Англіи открытіе порохового заговора.

Доминикъ хотя былъ и очень огорченъ, но согласился занять комнату своего стараго друга. Теперь его звали m-r Доминикъ,

Digitized by Google

и онъ начиналъ пользоваться тѣмъ уваженіемъ, которое достается на долю человѣка во всѣ времена и во всѣхъ странахъ, когда онъ съумѣлъ собственными усиліями нажить деньжонки.

IV.

Въ одинъ злосчастный день случилось, что по винѣ пьянаго извозчика колесо тяжелой фуры проѣхало по ногѣ Доминика.

Боль была сильная; тѣмъ не менѣе онъ дотащился кое-какъ до дому и на другое утро съ завязанной ногой хотѣлъ идти по обыкновенію продавать пирожки.

Но Маделена не въ шутку разсердилась; принявъ видъ маркизы, она приказала Доминику лечь въ постель. Нѣсколько дней спустя онъ могъ сойти, хромая, въ кухню и изготовить нѣсколько пирожковъ. Маделена не мѣшала ему; но когда она увидѣла подносъ, то рѣшительно объявила ему:

— Я сама пойду продавать слоеные пирожки.

— Вы, mademoiselle Маделена?

— Во-первыхъ, я запрещаю тебѣ звать меня mademoiselle. Мы съ тобой двое бѣдныхъ сиротъ. Единственная разница между нами—это что ты силенъ и искусенъ, а я слаба и неискусна. Но видишь ли, Доминикъ, я тоже хочу зарабатывать деньги. Я пойду продавать пирожки.

Доминикъ убѣдился, что надо уступить. Итакъ, она отправилась и черезъ два часа вернулась съ пустымъ подносомъ.

Не знаю право, какъ дѣлала Маделена, но только она продавала втрое больше пирожковъ, чѣмъ Доминикъ. Послѣдній нанялъ помощника и отдѣльную кухню, чтобы ловче было готовить. Ему больше нечего было и думать о томъ, чтобы разносить пирожки: онъ едва-едва поспѣвалъ ихъ готовить столько, сколько требовалось, благодаря успѣшной торговлѣ Маделены.

Вечеромъ, послѣ обѣда, она отправлялась съ свѣжимъ запасомъ въ Кенсингтонскій садъ и тамъ останавливалась у однихъ изъ воротъ съ подносомъ, прикрѣпленнымъ двумя ремнями къ таліи.

Она была одѣта въ полосатое fourreau, зеленое съ бѣлымъ, по тогдашней модѣ, съ кружевной косынкой на шеѣ и въ чепчикѣ à la Charlotte Corday, или въ большой соломенной шляпѣ à la Paméla на бѣлокурыхъ волосахъ.

— Настоящій Грёзъ!—воскликнулъ кавалеръ, въ первый разъ какъ увидѣлъ ее въ такомъ нарядѣ, готовой къ выходу. Остано-

Digitized by Google

вившись у входа въ садъ, она застѣнчиво предлагала пирожки, скорѣе взглядами, нежели словами, всѣмъ, кто проходилъ мимо.

Обычай требовалъ, чтобы въ длинные іюньскіе дни хорошее общество, а также и дурное, приходило дышать воздухомъ въ старинныя аллеи Кенсингтона. Когда вечеръ бывалъ дѣйствительно хорошъ,—зрѣлище было очаровательное.

Вокругъ большого фонтана составлялись многочисленныя группы: одни стояли и разговаривали; другіе сидѣли или лежали на травѣ.

Парочки бродили въ полумракѣ деревьевъ. Мужчины—въ полосатыхъ, пестрыхъ костюмахъ, въ узкомъ трико и безумно-пышныхъ жабо, въ длинныхъ фракахъ,—походили на попугаевъ.

Женщины съ завитой челкой, спускавшейся совсѣмъ на глаза, на уши и даже на щеки, напоминали болонокъ.

Съ голыми руками, обнаженной грудью, съ таліей подъ мышками и въ короткихъ юбкахъ, онѣ закрывали лицо и открывали многое другое. Можно было подумать, что онѣ одурѣли отъ радости, обезумѣли отъ любви—такъ громко онѣ говорили и хохотали.

У каждой эпохи есть свой идеалъ женщины, а женщина, это гибкое и пластическое существо, лѣпитъ свою душу и свое тѣло сообразно идеалу минуты. Еще не наступило время трогательной меланхоліи, нѣжной грусти и робкаго румянца: то было царство беззастѣнчивости и веселости.

Всѣ очень скоро замѣтили хорошенькую продавщицу пирожковъ. Узнали, кто она такая, и она показалась еще интереснѣе. Съѣсть пирожокъ, поболтать съ „маркизочкой“ стало нѣкотораго рода ежедневнымъ обязательствомъ для щеголей и щеголихъ. Вмѣсто угодливости простыхъ торговокъ Маделена держала себя съ граціозной надменностью, восхищавшей ея кліентовъ. Продавая пирожки, она, казалось, оказываетъ большую милость.

Однажды, когда публика особенно тѣснилась около Маделены, герцогиня Ретлендская попросила позволенія помочь ей, и послѣ того всѣ стали оспаривать другъ у друга эту прихоть. На другой день лэди Джоржина Гордонъ пріѣхала, одѣтая точь-въ-точь какъ Маделена, и предложила носить ея подносъ поочередно съ нею. Юная торговка стала такой модной особой, что простые смертные уже съ біеніемъ сердца подходили къ ней, сжимая пенни въ рукѣ. Нужно ли говорить, что пирожки повысились въ цѣнѣ вмѣстѣ съ модой на нихъ? Въ какой-нибудь мѣсяцъ Доминикъ отложилъ болѣе ста пистолей.

Когда наступала ночь, онъ приходилъ за Маделеной. Оба

Digitized by Google

возвращались вдоль Найтсъ-Бриджа, на которомъ въ то время было шумно какъ на ярмаркѣ, и вдоль Пиккадилли, гдѣ экипажи, носилки, кавалеры и амазонки неслись непрерывнымъ потокомъ. Доминикъ по обыкновенію молчалъ. Маделена, утомленная, опиралась на руку спутника и мечтала о томъ, что̀ видѣла и слышала.

Разъ вечеромъ Доминикъ замѣтилъ въ ней странное волненіе. Уши ея разгорѣлись; глаза сіяли влажнымъ блескомъ, точно звѣзды послѣ дождя.

— Маделена, что̀ случилось? васъ обидѣли?

— Нѣтъ, Доминикъ,—право, нѣтъ.

Доминикъ не настаивалъ, но омрачился. Такъ они прошли нѣсколько шаговъ.

— Послушай, — сказала она:—я не хочу имѣть отъ тебя секретовъ, но только обѣщай мнѣ не сердиться.

Онъ обѣщалъ. Тогда она вынула изъ-подъ лифа письмо и подала ему. То было любовное письмо: четыре страницы на плохомъ французскомъ языкѣ, исписанныя тонкимъ и мелкимъ почеркомъ.

— Кто вамъ это далъ?

— Одинъ молодой человѣкъ.

— Но какимъ образомъ?

— Очень просто. Всунулъ это письмо вмѣстѣ съ пенни, когда уплачивалъ за пирожокъ.

— И вы взяли письмо? вы оставили его у себя?

— Доминикъ, ты обѣщалъ мнѣ, что не будешь сердиться.

— Я не сержусь, а только удивляюсь. Значитъ, вы прочитали письмо?

— Развѣ прочитать любовное письмо—большое преступленіе?

И, не дожидаясь отвѣта, вѣтрено прибавила:

— Мнѣ такъ смѣшно, что кто-то вздумалъ меня полюбить!.. Значитъ, я больше не маленькая дѣвочка?

— Увы! нѣтъ.

— Это со мной случилось въ первый разъ. Я знаю, что ты меня любишь, мои бѣдные папа съ мама тоже меня любили и моя добрая кормилица, дядюшка де-Совъ также, и m-me Венсанъ съ Пегги. Но этотъ молодой человѣкъ... влюбленъ въ меня!

Она произнесла слово „влюбленъ“ такъ нѣжно и мелодично, что у Доминика дрожь пробѣжала по тѣлу. Черезъ секунду онъ отвѣтилъ:

— Это письмо глупо; тотъ, кто его писалъ, не опасенъ; но будутъ другіе, и я боюсь...

Digitized by Google

— Чего ты можешь бояться отъ тѣхъ, кто меня полюбитъ? Развѣ можно обидѣть того, кого любишь! Я боюсь только республиканцевъ да воровъ.

— Бываютъ воры чести, Маделена.

— Я тебя не понимаю, Доминикъ.

— Вы не знаете, что въ томъ большомъ городѣ, гдѣ мы живемъ, часто бываетъ, что молодыя дѣвушки пропадаютъ. Ихъ похищаютъ негодяи, завязываютъ имъ ротъ, бросаютъ въ карету, которая скачетъ во весь опоръ. Ихъ увозятъ въ маленькіе загородные домики, называемые „folie", но которые слѣдовало бы звать хуже, потому что въ нихъ ютится не безуміе, а совершаются преступленія. И когда эти дѣвушки возвращаются домой, то онѣ бываютъ поруганы, обижены, загублены на всю жизнь.

— Ты ужасаешь меня! Хорошо, я не буду больше ходить въ Кенсингтонъ безъ Пегги или m-me Венсанъ. Доволенъ?

— Да.

— А теперь, такъ какъ мы такъ богаты, то должны отдохнуть и съѣздить за городъ.

Веселость вернулась къ Доминику. Онъ разорвалъ письмо на мелкіе клочки и пустилъ ихъ по вѣтру. Влюбленный, слѣдовавшій по пятамъ, увидѣлъ, какая участь постигла его произведеніе— результатъ безсонной недѣли, и ушелъ, вздыхая.

На другой день Доминикъ и Маделена проходили по полямъ, шедшимъ на западъ отъ Гринъ-Парка, тамъ, гдѣ теперь находится роскошный кварталъ Бельгревія.

Они направлялись въ старый Чельси, который во время оно назывался „Дворцовымъ селомъ". Маделена надѣла самое нарядное платье, а Доминикъ ловко носилъ буржуазный костюмъ, который становился моднымъ для всѣхъ классовъ общества.

Они шли по историческому гульбищу Ченъ-Уокъ и вошли въ кабачокъ. Вывѣска носила имя Нелли Гвинъ. Сто лѣтъ предъ тѣмъ прихотливая любовница Карла II проживала именно здѣсь. Но Доминика и Маделену нисколько не интересовали любовныя традиціи прошлаго вѣка. Они усѣлись въ бесѣдкѣ, образовавшей зеленое гнѣздышко. Въ большое, овальное отверстіе, устроенное въ бесѣдкѣ, имъ было видно, какъ подъ деревьями, полузасохшими отъ старости, играло въ шары нѣсколько инвалидовъ; немного дальше текла рѣка, усѣянная челноками и барками; по ту сторону рѣки виднѣлись деревья парка, разбитаго и посаженнаго Болингброкомъ.

Маделена, долгое время просидѣвшая въ дымномъ и туманномъ городѣ, съ наслажденіемъ вдыхала свѣжій воздухъ Темзы и сельскіе ароматы, доносившіеся съ того берега.

Digitized by Google

Послѣ обѣда старикъ лодочникъ, съ улыбкой глядѣвшій на нихъ, перевезъ ихъ на другой берегъ рѣки. Маделена нарвала цвѣтовъ на лугу. Глаза ея сверкали, щеки разрумянились; она весело цѣплялась за своего высокаго Доминика, неотмѣнно степеннаго и гордаго. Они долго шли куда глаза глядятъ. Нѣсколько разъ садились отдыхать. Растянувшись на спинѣ, они видѣли кругомъ себя зеленую траву, слабо колыхавшуюся, а надъ головой—безпредѣльную лазурную высь, между тѣмъ какъ вдали раздавался крикъ ребенка, галопъ лошади, стукъ колесъ телѣги или трескъ бича.

Когда солнце готовилось закатиться, они медленно вернулись къ рѣкѣ.

— Не вернуться ли намъ водою?—сказала Маделена.

Доминикъ подозвалъ лодку, и оба въ нее сѣли. Маделена много болтала и теперь отъ усталости или отъ задумчивости совсѣмъ примолкла.

Она сѣла въ глубину лодки, съ подоломъ полнымъ цвѣтовъ, и прислонясь головой къ подушкѣ, какъ будто заснула. Глаза Доминика не отрывались отъ этого кроткаго личика, тонкихъ волосъ, развѣваемыхъ вѣтромъ, бѣленькой шейки, прикрытой кружевной косынкой. Сквозь опущенныя рѣсницы она чувствовала его горячій взглядъ, и онъ будилъ въ ней какія-то неопредѣленныя ощущенія, впервые проснувшіяся при чтеніи любовнаго письма и теперь захватившія ее съ неудержимой силой.

— Вотъ уже лѣстницы Гунгерфорда,—сказалъ Доминикъ.— Мы должны здѣсь сойти.

— Уже?—сказала Маделена, вставая.

Глаза ея встрѣтились съ глазами Доминика и отвернулись. Онъ протянулъ ей руку, чтобы помочь сойти на берегъ, но она колебалась взять эту руку, которую ребенкомъ такъ часто искала. Она испытывала странное смущеніе, точно Доминикъ сталъ другимъ человѣкомъ, или точно между ними явилось что-то новое и странное.

Они поужинали въ таверне Стрэнда, и всѣ уже спали въ маленькомъ домикѣ Динъ-Стрита, когда они въ него вернулись.

Прощаясь съ молодой дѣвушкой, Доминикъ по обыкновенію сказалъ ей:

— Покойной ночи, Маделена, спите хорошо.

Она отвѣчала, впервые въ жизни переходя съ *ты* на *вы*:

— И вамъ также, Доминикъ.

Отъ этого *вы* у молодого человѣка больно сжалось сердце. Упершись локтями въ столъ и положивъ голову на руки, онъ

Digitized by Google

горько продумалъ до зари надъ этимъ *вы*, которое показалось ему такимъ жестокимъ...

О! какъ же сердце бываетъ недогадливо!

V.

Доминикъ проснулся позднѣе обыкновеннаго. Когда онъ сошелъ внизъ, то услышалъ рѣзкій и незнакомый ему голосъ, отдававшій приказанія въ кухнѣ повелительнымъ тономъ и на языкѣ, въ которомъ перепутывались англійскія, французскія и нѣмецкія выраженія.

— M-me la chanoinesse пьетъ кофе очень горячій и молоко тоже... M-me la chanoinesse любитъ съ кофе сдобные хлѣбцы; но если ихъ у васъ нѣтъ, то будетъ кушать ваши поджаренные гренки... Ахъ! гдѣ же медъ?.. нѣтъ меду? Но у васъ тутъ ничего, значитъ, нѣтъ!

Подойдя ближе, Доминикъ увидѣлъ длинную, сухопарую и суровую фигуру, вполнѣ подходившую къ голосу. Пегги сообщила ему въ короткомъ a parte, что эта особа—не кто иное какъ m-lle Доротея, камеристка и довѣренное лицо канониссы де-Комбреваль, пріѣхавшей наканунѣ, чтобы взять подъ свое крылышко племянницу.

Маделена знала, что у отца ея была сестра, принадлежавшая къ какому-то капитулу въ Германіи. Но, будучи очень несвѣдущей въ географіи, она вѣроятно перепутала адресъ, потому что два письма, написанныхъ ею изъ Лондона, остались безъ отвѣта.

Съ своей стороны канонисса дѣятельно разыскивала племянницу и рѣшилась, наконецъ, отправиться въ Англію.

Читателя, по всей вѣроятности, не интересуютъ подробности ея путешествія.

M-lle Доротея нашла нужнымъ угостить ими Пегги, которая не поняла ни одного слова изъ ея рѣчей, и Доминика, слушавшаго ее молча.

Когда наступилъ часъ обѣда, канонисса сошла внизъ въ сопровожденіи Маделены, у которой глаза были очень красны. Канонисса съ большимъ достоинствомъ принимала комплименты кавалера и аббата.

— Это тотъ мальчикъ, про котораго ты мнѣ говорила?— сказала она, взглянувъ на Доминика.

— Да, тетушка.

Digitized by Google

И въ то же время Маделена взяла его за руку и подвела къ канониссѣ.

— Это Доминикъ, мой молочный братъ.

— Очень хорошо... Я слышала мой другъ, что ты очень хорошо себя велъ относительно своей молодой госпожи и заботливо ухаживалъ за нею. Будь спокоенъ: Комбревали съумѣютъ тебя вознаградить, когда все опять придетъ въ порядокъ... А теперь можешь идти внизъ; тамъ ты познакомишься съ m-lle Доротеей.

— Но, тетушка, Доминикъ...

— Ахъ! онъ, можетъ быть, служить за столомъ?

Маделена покраснѣла до ушей.

— Тетушка, Доминикъ всегда обѣдалъ съ нами.

— Въ самомъ дѣлѣ?—произнесла старуха ледянымъ тономъ.

И прибавила, какъ бы говоря сама съ собой:

— Удивительно, какъ новыя идеи проникли даже къ людямъ старинныхъ родовъ!

Понятно, что въ этотъ вечеръ, какъ и наканунѣ, влюбленные и обжоры Кенсингтона тщетно дожидались торговки пирожками. Зато Маделенѣ пришлось выслушать длинную нотацію.

— Ты хорошо понимаешь, моя милая,—говорила канонисса, что твоей близости съ этимъ пирожникомъ долженъ быть положенъ конецъ. Давно пора тебѣ вернуться къ образу жизни и знакомствамъ твоего круга. У меня четыре тысячи ливровъ дохода, и до нихъ не добраться господамъ якобинцамъ. Этого мало, конечно, но среди бѣдныхъ эмигрантовъ, лишенныхъ всякихъ средствъ, это цѣлое состояніе. Двѣ женщины могутъ на это жить достойнымъ и благороднымъ образомъ, въ ожиданіи лучшихъ временъ. Съ завтрашняго дня Доротея—женщина дѣльная—поищетъ намъ приличное помѣщеніе. Доминика можно допустить, если онъ согласится держаться на своемъ мѣстѣ, то-есть въ кухнѣ или въ передней; если же нѣтъ, то для всѣхъ будетъ лучше, если онъ поищетъ счастія въ другомъ мѣстѣ.

Маделена много плакала этою ночью. Но Доминикъ объ этомъ не узналъ. Онъ ушелъ съ восходомъ солнца и долго бродилъ по улицамъ Лондона. Разносчики продавали газету: онъ ее купилъ. Въ ней онъ прочиталъ о побѣдахъ французовъ, пересказываемыхъ съ завистью и злостью. Онъ замѣтилъ мѣсто, гдѣ говорилось о волонтерахъ-солдатахъ, которые въ двѣ-три кампаніи достигали высшихъ чиновъ.

Приводили одного, который, будучи простымъ батальоннымъ командиромъ весною, до наступленія осени сталъ уже генера-

Digitized by Google

ломъ. Тамъ, гдѣ англійскій журналистъ находилъ лишь матеріалъ для глумленія, Доминикъ нашелъ поводъ къ восхищенію и мечталъ.

Случай завелъ его въ сады Мэрилебона, которые полвѣка спустя служили мѣстомъ сборища для свѣтскихъ людей и жуировъ, а пока были заброшены, пустынны, печальны, и тѣснимы со всѣхъ сторонъ новыми кварталами, которые начинали строиться. Старый господинъ медленно шелъ передъ Доминикомъ, постукивая въ землю кончикомъ своей трости.

„Или я сильно ошибаюсь,—подумалъ Доминикъ,—или вотъ спина, которая мнѣ хорошо знакома!"

И когда старый господинъ, дойдя до конца уединенной аллеи повернулся, оба вскрикнули:

— Доминикъ!

— М-г Бошъ!

— Я самый, мой милый, только, видите, я бросилъ пудриться съ тѣхъ поръ, какъ м-ръ Питтъ обложилъ пудру пошлиной.

— Какъ я радъ васъ видѣть, м-ръ Бошъ!

— Вы, значитъ, не повѣрили?..

— Я? никогда въ жизни! Но что же я могъ сказать или сдѣлать? Я слишкомъ молодъ, меня бы не послушали... Скажите мнѣ, m-r Бошъ, что вы дѣлали послѣ нашей печальной разлуки?

— Дитя мое, я проводилъ очень грустные часы,—отвѣчалъ m-r Бошъ, нюхая табакъ.—Нѣтъ завиднѣе удѣла, я думаю, какъ удѣлъ стараго холостяка, за которымъ ухаживаетъ вдова. Я пользовался этимъ счастіемъ и потерялъ его... Но не будемъ больше говорить объ этомъ: мудрецъ долженъ стоять выше всякихъ катастрофъ. Сообщите мнѣ всѣ новости о Динъ-Стритѣ и разскажите, что тамъ происходило въ послѣдніе два мѣсяца.

— Наступилъ мой чередъ быть изгнаннымъ,—отвѣтилъ Доминикъ.

Онъ передалъ свою исторію и о томъ, какой переворотъ внесенъ въ жизнь Маделены, а также и въ его жизнь, пріѣздомъ канониссы.

— Что же вы намѣрены дѣлать?

— Вернуться во Францію и поступить новобранцемъ въ первый полкъ, отправляющійся за границу.

— Хорошо, молодой человѣкъ!—закричалъ m-r Бошъ, глаза котораго заблестѣли.—Ахъ! будь я лѣтъ на тридцать моложе! Вы, вы молоды, вы увидите великія дѣла, можетъ быть, совершите ихъ!.. вы принадлежите къ новому вѣку, а нашъ кончается... Но еще пожалѣютъ о XVIII вѣкѣ, пожалѣютъ, Доминикъ; попомните мое слово!

Digitized by Google

М-г Бошъ захотѣлъ непремѣнно, чтобы Доминикъ позавтракалъ съ нимъ. Прощаясь, молодой человѣкъ и старикъ поцѣловались.

— Богъ да направитъ ваши шаги, мое дитя... Подъ словомъ Богъ, я понимаю ту первую субстанцію, то высшее существо, которое философы...

— Зачѣмъ вы поправляетесь, m-r Бошъ?—перебилъ живо Доминикъ.—Мой Богъ—Тотъ, Кому когда-то молились въ нашихъ церквахъ, Отецъ Небесный, дарующій намъ хлѣбъ насущный.

— И мой также,—смиренно отвѣтилъ m-r Бошъ.

Онъ произнесъ эти слова тихимъ голосомъ и какъ бы стыдясь: не легко, питавшись энциклопедіей въ продолженіе сорока лѣтъ, сознаться, что вѣришь въ Бога какъ первый попавшійся христіанинъ.

M-lle Комбреваль получила записочку изъ Дувра слѣдующаго содержанія:

„Маделена, у васъ нашлась родственница. Ваша жизнь обезпечена, и я вамъ больше не нуженъ. Я удаляюсь, потому что не могу жить около васъ. Я не имѣю права сказать вамъ, какъ я страдаю, а вы о томъ не догадаетесь. Прощайте.

„Доминикъ".

VI.

Шесть или семь лѣтъ спустя наемная коляска подъѣхала къ подъѣзду Мальмезона. Въ ней сидѣли старая дама и молодая дѣвушка въ полномъ блескѣ двадцатилѣтней красоты. Красота никогда не утрачивала вполнѣ своихъ правъ, а знатность начинала въ Парижѣ вновь обрѣтать свои. Въ этихъ двухъ женщинахъ самый неопытный глазъ узналъ бы двухъ „ci-devant": а уже говорили, что новое правительство заискиваетъ у ci-devant. Вотъ почему консульскіе гренадеры, стоявшіе на часахъ у рѣшетки, пропустили коляску. Но швейцаръ въ большихъ сѣняхъ оказался менѣе сговорчивъ.

— Что̀ вамъ угодно, сударыня?

— Видѣть перваго консула.

— Гражданинъ первый консулъ никого̀ не принимаетъ. Слѣдуетъ вамъ обратиться въ Тюильри, написать просьбу объ аудіенціи г. де-Бурьенну.

— Я это сдѣлала: мнѣ ничего не отвѣчали. А между тѣмъ...

Тутъ неожиданное вмѣшательство измѣнило весь ходъ дѣла. Направо, въ обширной залѣ, дверь которой была настежъ

Digitized by Google

открыта, двое или трое офицеровъ, въ расшитыхъ золотомъ мундирахъ, прохаживались взадъ и впередъ, воинственно стуча саблями. Вдругъ одинъ изъ нихъ отдѣлился отъ группы и направился къ просительницамъ. То былъ красивый молодой человѣкъ; онъ изящно и гордо носилъ великолѣпный мундиръ консульской гвардейской артиллеріи.

Старая дама очень низко присѣла ему. Что касается молодой дѣвушки, то не успѣла она взглянуть на него, какъ вскрикнула и протянула ему руку торопливымъ жестомъ:

— Доминикъ!

Нѣсколько минутъ спустя онъ самъ ввелъ Маделену и ея тетку въ большой кабинетъ, въ формѣ галереи, освѣщенной съ двухъ сторонъ. Этотъ кабинетъ, гдѣ стѣны и потолокъ были обтянуты полосатымъ, бѣлое съ голубымъ, полотномъ, изображалъ военную палатку.

Въ немъ не видно было никакихъ украшеній, кромѣ оружія и военныхъ трофеевъ. Столы, стулья, канделябры—все было въ римскомъ вкусѣ.

Среди этой строгой декораціи стоялъ въ любимой позѣ, заложивъ одну руку за жилетъ, другую за спину, человѣкъ, котораго больше не описываютъ, потому что онъ живетъ въ памяти всѣхъ во всѣ эпохи своей жизни и со всѣми своими постепенными превращеніями.

То былъ человѣкъ Маренго, уже не тотъ болѣе, что при Арколѣ, и еще не тотъ, какимъ сталъ послѣ Аустерлица. Оливковый цвѣтъ лица только-что начиналъ блѣднѣть и проясняться.

Онъ до того сіялъ оригинальностью и геніемъ, что канонисса опустила глаза, и то же самое сдѣлали бы новѣйшіе хулители его и ничтожные біографы, еслибы по нечаянности очутились вдругъ лицомъ къ лицу съ этимъ существомъ единственнымъ въ своемъ родѣ, непостижимымъ въ исторіи, съ этимъ карликомъ, который былъ великаномъ.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ онъ.

— Гражданинъ первый консулъ,—пробормотала старая дама,—m-lle де Комбревэль, родители которой погибли на эшафотѣ, проситъ милости отъ вашей доброты и справедливости: быть вычеркнутой изъ списковъ эмигрантовъ...

— Согласенъ!

— И чтобы ей вернули помѣстья, которыя у нее были отняты.

— Вотъ чего вы всѣ требуете! Чтобы вернули помѣстья! Это легко сказать—но чѣмъ я вознагражу тѣхъ, кто ихъ купилъ у націи или у первыхъ покупщиковъ? Доброта и справедливость позволяютъ ли мнѣ обобрать ихъ?..

Digitized by Google

— Однако, наши права...

— Старинныхъ правъ больше не существуетъ. Все низвергнуто. Право начнется только съ насъ.—Полковникъ, вы знаете этихъ дамъ?

— Я молочный братъ m-lle де-Комбреваль.

— Молочный братъ? и только?

Насмѣшливая, чисто итальянская улыбка кривила верхнюю губу гражданина перваго консула.

— Ага! вы оба покраснѣли: прекрасно!... Сударыня, въ тотъ день, какъ ваша племянница выйдетъ замужъ за полковника, она найдетъ въ своей свадебной корзинкѣ документы на владѣніе не Комбревалемъ, но другимъ, соотвѣтственнымъ помѣстьемъ, за которое заплатятъ враги Франціи. А вы, mademoiselle де-Комбреваль, помните, что мнѣ нужны солдаты!

По заключеніи Амьенскаго мира, молодые поспѣшили отправиться въ Англію. Они нашли m-me Венсанъ въ цвѣтущихъ обстоятельствахъ и очень помолодѣвшею. Она называлась теперь m-me Бошъ.

Кавалеръ умеръ съ своимъ вѣкомъ—31 декабря 1800.

Что касается аббата, то онъ дальше чѣмъ когда-либо отъ окончанія своего сочиненія по исторіи Каппадокіи, которое въ дѣйствительности такъ и не вышло въ свѣтъ.

Доминикъ и Маделена увидѣли вновь рѣшетку Кенсингтона, гдѣ маленькая пирожница пользовалась такимъ успѣхомъ, и таверну Нелли Гвинъ, озаренную чудными воспоминаніями юности. Они прошли, нѣжно прижимаясь другъ къ другу, по всѣмъ тропинкамъ, по которымъ проходили молчаливые и пристыженные первымъ любовнымъ трепетомъ.

Имперія произвела Доминика въ графы, а реставрація — въ маркизы.

Я не скажу вамъ его фамиліи: поищите ее сами среди славныхъ именъ, покрывающихъ стѣны Версаля и Тріумфальную Арку.

Доминикъ и Маделена дожили до нашихъ временъ, составляя предметъ трогательнаго культа для современнаго поколѣнія.

Сидя въ своемъ замкѣ около стараго и обширнаго камина, они глядѣли другъ на друга все еще молодыми и влюбленными глазами и бесѣдовали о прошедшемъ.

— Когда я подумаю,—говорилъ старый герой,—что я былъ поваренкомъ!

— А я то,—возражала старушка-маркиза: — если подумать только, что я была куклой!..

А. Э.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ

— Русская Старина, 1888—90.
— Русскій Архивъ, 1888—89.
— Историческій Вѣстникъ, 1888—89.

II.

Кромѣ того, что было нами упомянуто раньше, издано было еще множество любопытнаго историческаго матеріала о второй четверти столѣтія или о царствованіи императора Николая, начиная съ первыхъ годовъ его и до финала, обозначеннаго крымской войной. Таковы, напримѣръ, записки г-жи Анненковой (1800—1876), одной изъ тѣхъ мужественныхъ женщинъ, которыя, не пугаясь ужасовъ ссылки, послѣдовали за близкими имъ людьми въ эту ссылку, которая и заняла почти всю ихъ жизнь. Это была дѣвушка, француженка родомъ, которая близка была съ Анненковымъ раньше и добровольно послѣдовала за нимъ послѣ катастрофы въ Сибирь, гдѣ онъ съ нею обвѣнчался. Въ этой ссылкѣ, какъ и раньше, во время процесса, преданность этой женщины была для Анненкова единственной отрадой и нравственной опорой. Разсказъ г-жи Анненковой о своей біографіи могъ бы дать богатый матеріалъ для романа съ самыми необыкновенными приключеніями. Она была урожденная Гёбль, дочь офицера Наполеоновскихъ войскъ, который пропалъ безъ вѣсти въ 1809 году, во время испанской войны: посланный съ однимъ порученіемъ, онъ вмѣстѣ со своими спутниками не возвратился и исчезъ безъ слѣдовъ, безъ сомнѣнія убитый гверильясами. Ея мать имѣла сначала нѣкоторыя средства, получала пенсію, но потеряла

Digitized by Google

ее послѣ удаленія Наполеона на островъ Эльбу. Когда прожиты были послѣднія средства, приходилось заработывать хлѣбъ собственными трудами; эта необходимость выпадала не только людямъ средняго состоянія, но даже и дѣвушки аристократическихъ фамилій, разоренныхъ революціей и войнами, поступали въ магазины учиться работать или въ купеческія конторы. Такимъ образомъ, наша героиня отдана была матерью на нѣсколько лѣтъ въ магазинъ и, прослуживъ тамъ уговоренный срокъ, рѣшила принять другое подобное предложеніе и отправиться въ Россію.

Воспоминанія г-жи Анненковой (продиктованныя ею въ старости) восходятъ еще ко временамъ большой революціи: въ ея дѣтствѣ были еще свѣжи разсказы объ этихъ страшныхъ временахъ; она сама видѣла многихъ людей, бывшихъ тогда дѣйствующими лицами, видѣла слѣды разрушеній, слыхала много исторій. Потомъ, во времена Наполеоновскихъ войнъ, она видѣла многое изъ тѣхъ бытовыхъ подробностей, которыя ускользаютъ обыкновенно отъ исторіи и уже послѣ, въ воспоминаніяхъ мелкихъ свидѣтелей событій, даютъ имъ окраску живого реальнаго факта. Такъ, г-жа Анненкова ясно помнила многія черты двѣнадцатаго года и послѣдующихъ событій.

„Всѣ воспоминанія моего дѣтства,—разсказываетъ она,—до того разнообразны и такъ многочисленны, что все это составляетъ какой-то странный калейдоскопъ въ головѣ моей.

„Я видѣла знаменитую комету, предшествовавшую войнѣ 1812 года, и помню, какъ французскія войска отправились въ походъ, когда Наполеону вздумалось покорить всю Европу. Въ этомъ походѣ участвовалъ одинъ изъ моихъ дядей—братъ матери. Наканунѣ своего выѣзда онъ ужиналъ у насъ и, прощаясь съ матерью, сказалъ:

— „Dieu sait, si je reviendrai; nous allons nous battre contre les premiers soldats du monde; les russes ne reculent pas“.

„Слова эти поразили меня; я пристально посмотрѣла на дядю. Онъ какъ будто предсказалъ судьбу свою, потому что легъ на полѣ Бородинской битвы.

„Кто не былъ очевидцемъ того горя и отчаянія, которое овладѣло Франціею послѣ кампаніи 1812 года, тотъ не можетъ себѣ представить, что за ужасное то было время! Повсюду слышались плачъ и рыданія. Не было семьи, которая бы не надѣла трауръ по мужѣ, сынѣ или братѣ... Но тутъ начинается цѣлый рядъ бѣдствій для всей Франціи, и стоны и слезы увеличились, когда Наполеонъ сдѣлалъ второй наборъ. Тогда забирали всѣхъ безъ исключенія, не щадя и 17-ти-лѣтнихъ юношей. Въ городѣ,

Digitized by Google

гдѣ мы жили, не оставалось буквально ни одного мужчины, кромѣ стариковъ и дѣтей.

„Но всего страшнѣе и печальнѣе было видѣть возвращеніе солдатъ послѣ Лейпцигской битвы, когда Наполеонъ, разбитый, долженъ былъ отступать. Солдаты шли въ безпорядкѣ, измученные, недовольные, убитые духомъ, проклиная того, кого сперва боготворили. Они были въ такомъ изнеможеніи, что едва передвигали ноги и безпрестанно останавливались подъ окнами, чтобы попросить кусокъ хлѣба или напиться.

„За ними слѣдомъ шла ужасная болѣзнь—чума; увеличивая ихъ бѣдствія, она сообщалась и жителямъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя они проходили. Госпитали въ городахъ были наполнены больными. Каждый день умирало невѣроятное число несчастныхъ. Священники и сестры милосердія, ухаживая за ними, получали болѣзнь и умирали тоже. Поутру, когда отворялись окна, глазамъ представлялось ужасное зрѣлище: по улицамъ вездѣ лежали мертвыя тѣла или умирающіе солдаты.

„Въ то время стояла суровая зима и была гололедица; несчастные скользили, падали и не имѣли силъ подняться на ноги. Ихъ собирали въ повозки, которыя проѣзжали каждое утро. Въ то время и мать моя захворала и слегла надолго въ постель. Все тѣло ея покрылось черными пятнами.

„Между тѣмъ союзныя войска подвигались.

„Вся Франція трепетала.

„14-го января 1814 г. въ Сенъ-Міель вступили донскіе казаки. Ихъ разставили по домамъ; на нашу долю пришлось тоже порядочное число. Войска все тянулись. Однѣ смѣнялись другими. За донскими казаками, которые составляли авангардъ, шли пруссаки, потомъ австрійцы, баварцы, саксонцы и снова русскіе, но имъ мы были рады. Они были очень тихи и невзыскательны и удивляли насъ своею кротостью и вѣжливостью. Только имъ не нравился нашъ бѣлый хлѣбъ; они просили все чернаго и жаловались, что вино не довольно крѣпко. Самые несносные и дерзкіе были австрійцы. Ихъ мы терпѣть не могли.

„Ужасно, что̀ стоило содержать и прокормить эти войска! Мѣста, гдѣ они проходили, были совершенно разорены".

Пріѣхавши въ Петербургъ, дѣвица Гёбль сдѣлалась première demoiselle въ модномъ магазинѣ; за полгода до событія 14-го декабря съ нею познакомился Анненковъ, тогда богатый и красивый кавалергардъ. Когда пришло извѣстіе о смерти имп. Александра, Анненковъ сознался ей, что принадлежалъ къ тайному обществу и ожидалъ для себя самыхъ мрачныхъ послѣдствій.

Digitized by Google

14-го декабря онъ не былъ въ рядахъ возмутившихся, но принадлежность его къ заговору была открыта, Анненковъ былъ арестованъ и впослѣдствіи приговоренъ къ ссылкѣ въ Сибирь.

Въ первое время ихъ отношеній дѣвица Гёбль, хотя была сама увлечена любовью Анненкова, боялась сближенія съ нимъ: „цѣлая бездна раздѣляла насъ". „Онъ былъ знатенъ и богатъ, я—бѣдная дѣвушка, существовавшая своимъ трудомъ; разница положеній и чувство гордости заставляли меня держаться осторожно, тѣмъ болѣе, что въ то время я съ недовѣріемъ иностранки относилась къ русскимъ"... „Между тѣмъ Иванъ Александровичъ не переставалъ меня преслѣдовать и настоятельно требовалъ обѣщанія выйти за него замужъ, но я желала, чтобы онъ предварительно выхлопоталъ на женитьбу согласіе своей матери, что̀ было весьма не легко сдѣлать, такъ какъ мать его была извѣстна какъ женщина въ высшей степени надменная, гордая и совершенно безсердечная. Вся Москва знала Анну Ивановну Анненкову, окруженную постоянно необыкновенною, сказочною пышностью, такъ что ее прозвали la reine de Golconde. Французы много мнѣ разсказывали про нее, и тѣ, которые принимали во мнѣ участіе, были увѣрены, что эта недоступная, спѣсивая женщина возстанетъ противъ брака сына своего съ бѣдною дѣвушкою... Она была въ состояніи лишить его наслѣдства, которое въ то время было громадное, такъ какъ онъ оставался единственнымъ наслѣдникомъ послѣ смерти брата своего, Григорія Александровича, убитаго на дуэли. Половина состоянія, которымъ въ то время владѣла Анна Ивановна Анненкова, перешла къ ней отъ отца ея, Ивана Варѳоломеевича Якобія, бывшаго намѣстника Сибири; остальное было передано ей по духовному завѣщанію въ пожизненное владѣніе ея покойнымъ мужемъ Александромъ Никаноровичемъ Анненковымъ; стало быть, все находилось въ рукахъ Анны Ивановны, и она имѣла возможность, при первомъ неудовольствіи на своего сына, лишить его всего. Понятно, что я не могла желать подвергать любимаго человѣка гнѣву его матери, и никогда не рѣшилась бы сдѣлаться виновницею его разоренія".

Г-жа Гёбль была въ Москвѣ, когда Анненковъ былъ арестованъ; по этому извѣстію она отправилась въ Петербургъ и употребляла всѣ усилія на то, чтобы получить о немъ извѣстія, какъ-нибудь увидать его, устроить какія-нибудь сношенія. Вѣроятно потому, что онъ не былъ въ числѣ особенно компрометтированныхъ и надзоръ былъ слабѣе, ей удавалось видать его на прогулкахъ, получать и отправлять къ нему письма; но все

Digitized by Google

это было соединено съ большими затрудненіями, стоило денегъ и было очень опасно. Длинный разсказъ объ этомъ тревожномъ времени читается какъ рядъ романическихъ приключеній: ей помогаютъ и бывшіе товарищи Анненкова, французъ—учитель фехтованія, солдаты, которыхъ она подкупаетъ, и т. д.; но ея врагомъ является одинъ изъ родственниковъ самого Анненкова, который имѣлъ разрѣшеніе видаться съ нимъ въ крѣпости и, повидимому, старался въ своихъ собственныхъ разсчетахъ разстроить дѣла Анненкова и отношенія его съ матерью. Но г-жа Гёбль не унывала: она рѣшила, что послѣдуетъ за нимъ въ Сибирь, одно время затѣвала даже планъ устроить бѣгство за границу, для чего добыла уже паспортъ, который могъ бы послужить Анненкову. Для этого предполагаемаго бѣгства нужны были деньги, которыхъ не было, а она рѣшилась добиться свиданія съ матерью Анненкова. Получивъ отъ него письмо къ матери, она отправилась въ Москву.

Разсказъ объ образѣ жизни матери Анненкова есть оригинальная картинка стараго барскаго быта.

„Старуха была окружена приживалками и жила невозможною жизнью. Позднѣе, когда она меня потребовала къ себѣ, я была поражена всѣмъ, что̀ увидала. Мнѣ, какъ иностранкѣ, казалось, что я попала въ сказочный міръ: домъ былъ громадный, въ немъ жило до 150 человѣкъ, составлявшихъ свиту Анны Ивановны; парадныхъ комнатъ было безъ конца, но Анна Ивановна никогда почти не выходила изъ своихъ апартаментовъ; болѣе всего поражала комната, гдѣ она спала: она никогда не ложилась въ постель и не употребляла ни постельнаго бѣлья, ни одѣяла. Она не выносила никакого движенія около себя, не терпѣла шума, поэтому всѣ лакеи ходили въ чулкахъ и башмакахъ, и никто не смѣлъ говорить громко въ ея присутствіи. Безъ доклада къ ней никто никогда не входилъ. Чтобы принять кого-нибудь, соблюдалось двадцать тысячъ церемоній, а нерѣдко желавшіе видѣть ее ожидали ея пріема или выхода по цѣлымъ часамъ.

„Въ оффиціантской сидѣло постоянно 12 оффиціантовъ; на кухнѣ было 14 поваровъ, и огонь никогда не переводился, потому что Аннѣ Ивановнѣ иногда приходила фантазія спросить что-нибудь закусить не въ назначенный часъ, и это случалось всего чаще ночью, такъ какъ для сна у нея, также какъ и для обѣдовъ и завтраковъ, не было назначенныхъ часовъ. Все дѣлалось по капризу, по первому требованію Анны Ивановны. Комната, гдѣ она постоянно находилась, была вся обита малиновымъ штофомъ; по срединѣ было сдѣлано возвышеніе, на которомъ

Digitized by Google

стояла кушетка подъ балдахиномъ; отъ кушетки полукругомъ съ каждой стороны стояло по 6 вазъ изъ великолѣпнаго бѣлаго мрамора самой тонкой работы и въ нихъ горѣли лампы. Эффектъ, производимый всей этой обстановкой, былъ чрезвычайный. Въ этой комнатѣ Анна Ивановна совершала свой туалетъ также необыкновеннымъ способомъ: передъ нею стояло 6 дѣвушекъ, кромѣ той, которая ее причесывала; на всѣхъ 6 дѣвушкахъ были надѣты разныя принадлежности туалета Анны Ивановны: она ничего не надѣвала безъ того, чтобы не было согрѣто предварительно животной теплотой; для этого выбирались все красивыя дѣвушки отъ 16 до 20 лѣтъ; послѣ 20 лѣтъ ихъ назначали на другія должности; даже мѣсто въ каретѣ, передъ тѣмъ какъ ей выѣхать, согрѣвалось тѣмъ же способомъ, и для этого въ домѣ содержалась очень толстая нѣмка, которая за полчаса до выѣзда садилась въ каретѣ на то мѣсто, которое должна была занять Анна Ивановна. Пока она выѣзжала, нѣмка нагрѣвала мѣсто въ креслахъ, въ которыхъ Анна Ивановна всегда сидѣла. Надменность и эгоизмъ Анны Ивановны Анненковой, а также ея необыкновенныя причуды становятся понятными, если знать ея жизнь. Она была единственная дочь Ивана Варѳоломеевича Якобія, намѣстника всей Сибири въ эпоху императрицы Екатерины II. Матери своей не знала, такъ какъ лишилась ея при своемъ рожденіи. Отецъ ее страстно любилъ и баловалъ. Когда она кончила свое воспитаніе въ Смольномъ, то поѣхала къ отцу въ Сибирь, гдѣ, несмотря на свою молодость, сразу стала полноправною хозяйкою, окруженною несказанной роскошью, такъ какъ въ то время начинали устанавливаться торговыя сношенія съ Китаемъ. Можно себѣ представить, какіе богатые и рѣдкіе подарки несли торговые люди такому сильному человѣку, какъ намѣстникъ сибирскій, и какимъ поклоненіемъ окружали балованную дочку. Якобій вывезъ изъ Сибири и рѣдкія китайскія матеріи, и дорогіе мѣха, и, наконецъ, значительную сумму денегъ. Вкладные листы были утеряны подъ конецъ жизни Анны Ивановны ея повѣреннымъ".

Вышла замужъ Анна Ивановна поздно, подъ сорокъ лѣтъ: такъ долго не могла найти себѣ человѣка по сердцу...

„Она не хотѣла знать никакой заботы, никакого горя, и когда ея второй сынъ, Григорій, былъ убитъ на дуэли, то ей рѣшились сказать объ этомъ только годъ спустя. Ея многочисленными имѣніями управлялъ Чернобой, изъ ея же крѣпостныхъ, нажившій себѣ нѣсколько домовъ въ Москвѣ, а всѣмъ хозяйствомъ заправляла дальняя родственница, Марья Тихоновна Пер-

Digitized by Google

ская; всѣ доходы съ имѣній привозились и сдавались Марьѣ Тихоновнѣ, въ комнатѣ которой стоялъ комодъ, куда ссыпались деньги по ящикамъ, по качеству монеты, и навѣрно Марья Тихоновна сама не знала хорошенько, сколько ссыпалось въ комодъ и сколько изъ него расходовалось. Безпорядокъ и воровство въ домѣ были такъ велики, что подъ конецъ жизни Анны Ивановны все серебро, котораго было не мало, было все заложено; оно выкупалось изъ ломбарда, когда давался какой-нибудь обѣдъ, и на другой день снова закладывалось.

„Послѣ ссылки сына ея въ Сибирь, разореніе пошло такъ быстро, что въ 1830-хъ годахъ Анна Ивановна жила уже на квартирѣ, продавъ свой пышный домъ и дачу въ Сокольникахъ, а когда она умерла въ 1842 г., то нечѣмъ было похоронить ее и расходы на похороны были сдѣланы Алексѣемъ Григорьевичемъ Тепловымъ, женившимся на ея внучкѣ, дочери моей, Александрѣ Ивановнѣ.

„Но когда я попала въ 1826 году въ домъ старухи Анны Ивановны Анненковой, то у нея всего было такъ много, что комнаты, гдѣ хранились эти богатства, были похожи на магазинъ. Однихъ платьевъ счетомъ было до 5.000; для нихъ велась особенная книга, съ приложеніемъ образчиковъ, по которымъ Анна Ивановна назначала, какое платье желала надѣть. Два сундука были наполнены самыми рѣдкими кружевами... Цѣлая комната была занята разными дорогими мѣхами, привезенными, какъ говорили, изъ Сибири... Когда я ее узнала, она была окружена ореоломъ величія, къ ней ѣздила вся Москва, и, между прочими, бывалъ часто митрополитъ московскій, Филаретъ, который въ 1827 году меня напутствовалъ, когда я уѣзжала въ Сибирь. Эта бездушная женщина была неимовѣрно строга съ своимъ сыномъ, и онъ являлся къ ней не иначе, какъ затянутый въ мундиръ, и постигшее его несчастіе нисколько не расшевелило ее. Она не сдѣлала ни шагу для того, чтобъ утѣшить его или облегчить его участь“...

Наконецъ, г-жѣ Гёбль удалось видѣться съ матерью Анненкова, которой она привезла письмо отъ сына въ Москву.

„На другой день она прислала за мной карету. Карета была у моего подъѣзда въ 9 часовъ вечера; я, конечно, не заставила ждать себя, зато меня заставили ждать въ пріемной комнатѣ и только въ 2 часа ночи позвали къ моей будущей belle-mère. Встрѣча наша, конечно, не могла обойтись безъ внутренняго волненія съ той и другой стороны; я съ трудомъ сдерживала біеніе моего сердца, столько уже выстрадавшаго. Въ эту ми-

Digitized by Google

нуту во мнѣ съ новой силой проснулось чувство гордости и сознанія своего достоинства. По совѣсти я могла смотрѣть прямо въ глаза этой надменной женщинѣ, потому что не искала ея сына въ то время, когда онъ былъ знатенъ и богатъ, и если предалась потомъ всею силою любви къ нему, такъ это потому, что онъ казался глубоко несчастнымъ".

При свиданіи Анненкова была растрогана, но совершенно отвергла сообщенный ей планъ бѣгства за границу. Не будемъ пересказывать дальнѣйшихъ испытаній г-жи Гёбль въ теченіе дѣла Анненкова и по его окончаніи. Приведемъ лишь нѣсколько подробностей.

Объявленіе приговора, въ іюлѣ 1826 года, произвело въ обществѣ крайне тяжелое впечатлѣніе.

„Интересно, какъ было сообщено узникамъ о приговорѣ.

„Родственникамъ и женамъ было разрѣшено видѣться съ ними разъ въ недѣлю, и жены подъ разными предлогами, а иногда переодѣтыя, безпрестанно пробирались въ крѣпость. Когда сдѣлалось извѣстнымъ болѣе или менѣе, къ чему будутъ приговорены заключенные, тогда фонъ-Визина и, кажется, Давыдова, переодѣтыя, отправились пройтись по стѣнѣ, окружающей крѣпость, по которой, какъ извѣстно, совершался разъ въ годъ крестный ходъ, въ одинъ изъ весеннихъ праздниковъ. Такъ какъ онѣ были одѣты въ простое платье, то часовые не обратили на нихъ вниманія; онѣ, держась на извѣстномъ разстояніи, стали какъ будто перекликаться, и, наконецъ, фонъ-Визина прокричала: les sentences seront terribles, mais les peines seront commuées, въ отвѣтъ на эти слова разнесся страшный гулъ по казематамъ. Узники отвѣчали: merci".

Отправка въ Сибирь Анненкова поручена была фельдъегерю; какъ водилось обыкновенно въ такихъ случаяхъ, фельдъегерь повезъ его съ величайшею поспѣшностью, не давши запастись ни деньгами, ни даже теплой одеждой. Неизвѣстно было даже, куда былъ увезенъ Анненковъ, въ крѣпость или въ Сибирь. Съ однимъ изъ друзей его, Титовымъ, г-жа Гёбль, получивъ извѣстіе, поскакали на первую станцію, конечно, тамъ уже никого не застали, но въ почтовой книгѣ нашли записаннымъ маршрутъ фельдъегеря: Томскъ, Красноярскъ, Иркутскъ.

„Фельдъегерь Желдыбинъ былъ ужасный человѣкъ: онъ обходился жестоко съ тѣми, кого везъ, не давалъ имъ ни ѣсть, ни отдохнуть, билъ ямщиковъ и загонялъ нѣсколько лошадей. И все это для того, чтобы успѣть доскакать съ одними до мѣста назначенія, кажется, до Иркутска, и вернуться за другими: такъ

Digitized by Google

соблазнительны были для этого изверга прогоны и разныя сбереженія отъ сданныхъ на его руки арестантовъ. Какъ ни былъ смѣлъ его разсчетъ, однакоже удался.

„Позднѣе Иванъ Ивановичъ Пущинъ (лицеистъ по воспитанію, другъ А. С. Пушкина) былъ отправленъ съ этимъ самымъ фельдъегеремъ.

„Мало того, что этотъ звѣрь Желдыбинъ заставлялъ безпощадно мчаться первыя жертвы свои, но онъ еще чуть не заморозилъ всѣхъ. Никто изъ нихъ не имѣлъ шубы; Иванъ Александровичъ былъ въ офицерской шинели, между тѣмъ морозы стояли жестокіе, и у него руки, и особенно ноги, закованныя въ желѣзо, распухли страшнымъ образомъ. А главное,—съ нимъ не было денегъ, такъ что на одной изъ станцій онъ отдалъ свой носовой платокъ женщинѣ, которая накормила его. Впрочемъ Муравьевымъ, которыхъ ждали на первой станціи мать ихъ, Екатерина Ѳедоровна, и жена Никиты, Александра Григорьевна, было передано много денегъ, и они при первой возможности, когда только можно было запастись теплымъ платьемъ и всѣмъ необходимымъ, дѣлились съ своими товарищами. Екатерина Ѳедоровна задарила также и Желдыбина, но и это не помогло: онъ до самаго Томска мчался, не обращая вниманія на то, что его упрашивали остановиться гдѣ-нибудь, чтобы купить еще теплаго платья; только въ Томскѣ удалось имъ это сдѣлать. Тутъ былъ Степанъ Михайловичъ Семеновъ, участвовавшій также въ ихъ обществѣ, но переведенный въ Томскъ на службу. Семеновъ купилъ имъ сибирскія шубы, дахи. Тутъ ихъ и накормили очень хорошо, и надѣлили запасами провизіи на дорогу“.

Когда Анненковъ былъ уже въ Сибири, г-жа Гёбль стала искать возможности отправиться къ нему; мать Анненкова старалась отговорить ее; еще больше старались о томъ окружавшіе Анненкову, которые опасались, что это можетъ помѣшать ихъ разсчетамъ на наслѣдство. Нелегко было и получить оффиціальное разрѣшеніе отправиться въ Сибирь. Г-жа Гёбль прибѣгла къ послѣднему средству: она рѣшилась подать просьбу о разрѣшеніи лично самому императору Николаю. Въ Петербургѣ доступъ къ нему былъ бы слишкомъ труденъ; она воспользовалась поэтому маневрами, для которыхъ императоръ Николай въ 1827 пріѣхалъ въ Вязьму. Здѣсь она успѣла подать просьбу, которая, на ея счастье, принята была благосклонно; но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока она получила всѣ необходимыя бумаги.

На поѣздку въ Сибирь г-жа Гёбль не получила ничего отъ матери Анненкова; нѣкоторыя средства она имѣла отъ близкихъ

Digitized by Google

ему семействъ, а впослѣдствіи, уже въ Сибири, ей выданы были деньги, принадлежавшія самому Анненкову и которыя при арестѣ онъ просилъ передать ей (это было 60.000 р.). Богатство его матери пошло прахомъ: страшный безпорядокъ въ домѣ и воровство все возростали, и послѣ ссылки сына, какъ выше упомянуто, мать Анненкова была совершенно разорена...

Поѣздка въ восточную Сибирь въ жестокую зиму была настоящимъ подвигомъ для иностранки, не владѣвшей даже русскимъ языкомъ; но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, паденія экипажа и т. п., все обошлось благополучно. Путешественница замѣчала по дорогѣ большую зажиточность населенія и изумлялась гостепріимству, съ какимъ встрѣчали ее люди, ей совершенно неизвѣстные. Въ Иркутскѣ она была въ февралѣ 1828, но и здѣсь не скоро добилась, чтобы ей позволили ѣхать на мѣсто жительства Анненкова, Читу. Впослѣдствіи она узнала, что мѣстнымъ властямъ поручено было, не доходя до окончательнаго запрещенія, всячески отговаривать пріѣзжавшихъ женъ и невѣстъ отъ поѣздки на мѣста ссылки. Наконецъ, г-жа Гёбль добралась той же зимой до Читы: это не былъ тогда городъ, а небольшое поселеніе, гдѣ декабристы жили въ острогѣ, подъ стражей и въ кандалахъ, а ихъ жены и невѣсты проживали отдѣльно,—дружнымъ кружкомъ; свиданія происходили только въ опредѣленные часы подъ надзоромъ офицера и часовыхъ. Черезъ нѣсколько времени Анненкову и г-жѣ Гёбль разрѣшено было обвѣнчаться: кандалы съ жениха и шаферовъ были сняты при входѣ въ церковь, но при выходѣ надѣты были снова.

Черезъ полтора года пребыванія въ Читѣ, съ декабристовъ сняты были кандалы; въ 1830 они были переведены въ Петровскій острогъ; въ 1836 Анненковъ былъ освобожденъ отъ каторги и поселенъ въ иркутскомъ уѣздѣ, въ селеніи Бѣльскъ. Мало-помалу возвращаемы были гражданскія права: Анненковъ былъ зачисленъ на службу, въ сороковыхъ годахъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при тобольскомъ губернаторѣ; въ 1856 году получилъ вмѣстѣ съ другими товарищами амнистію и право возвратиться въ Россію; въ 1863 ему разрѣшенъ былъ пріѣздъ въ столицу.

Множество любопытнаго матеріала собирается постепенно для исторической характеристики второй четверти столѣтія. Изученіе той эпохи исполнено интереса: она отходитъ въ исторію, а вмѣстѣ еще такъ близка, что наблюденіе явленій ея имѣетъ нерѣдко весьма непосредственную поучительность. Основная черта той

Digitized by Google

эпохи можетъ быть опредѣлена какъ полное господство административнаго авторитета и крайнее ограниченіе общественной самодѣятельности; послѣдняя поставлена была подъ такой строгій, недовѣрчивый контроль и надзоръ, что во многихъ сторонахъ своихъ окончательно замерла; живыя общественныя потребности, самые естественные и невинные порывы упразднялись и замѣнялись на каждомъ шагу бюрократическимъ руководствомъ, которое, въ концѣ концовъ, не могло, разумѣется, замѣнить жизни и приводило къ нулю.

Дѣла было множество: вторая четверть столѣтія унаслѣдовала отъ предшествующихъ временъ много трудныхъ задачъ, требовавшихъ рѣшенія, множество злоупотребленій, требовавшихъ уничтоженія. Патріархальный періодъ жизни, который еще тянулся во времена Екатерины, при Александрѣ очевидно приходилъ къ концу, а теперь этотъ конецъ становился еще нагляднѣе. Уже въ царствованіе Александра I, въ обществѣ, и частью въ самомъ правительствѣ, возникало сознаніе ненормальности существеннаго учрежденія, на которомъ построено было гражданское и государственное устройство—ненормальности крѣпостного порядка вещей. Точно также чувствовались для общества и самого правительства вопіющіе недостатки учрежденій административныхъ и судебныхъ, гдѣ общество предоставлено было на жертву административнаго произвола безъ всякой пользы для государства. Литература, насколько могла, еще съ конца прошлаго вѣка занималась—безплодно—обличеніемъ взяточничества; дѣйствительно, подкупъ администраціи, отъ самыхъ мелкихъ и до высшихъ ея ступеней, былъ системой, печальной системой, извращавшей выполненіе самыхъ элементарныхъ требованій общественнаго союза. Власть сознавала бѣдственность этого положенія, издавала строгіе карательные законы, но они были безполезны, потому что сохранялись всѣ условія злоупотребленій: во-первыхъ, по старому обычаю, матеріальное положеніе служилыхъ людей было такъ мало обезпечено, что они не могли существовать на скудную оплату ихъ труда жалованьемъ; а съ другой стороны, по тому же старому обычаю, общественное мнѣніе не имѣло права на существованіе: оно не могло высказываться, и тамъ, гдѣ могло бы идти на помощь усиліямъ самой власти, его вмѣшательство считалось непозволительной дерзостью. Это былъ cercle vicieux, изъ котораго, при обычныхъ пріемахъ, не было выхода. Люди, не дававшіе себѣ труда вникнуть въ сущность дѣла, жаловались обыкновенно на недостатокъ честныхъ исполнителей; но имъ негдѣ было воспитаться, и самый честный исполнитель окруженъ былъ такою

Digitized by Google

массою нечестныхъ, что всѣ его усилія были бы безплодны. Планы общаго административнаго преобразованія, гдѣ имѣлось въ виду общественное представительство и по крайней мѣрѣ ограниченіе, если не уничтоженіе крѣпостного права, планы этого рода, возникавшіе въ первые годы царствованія Александра I, были потомъ совершенно покинуты. Необходимость какихъ-либо исправленій въ дѣйствіи государственной машины почувствована была и въ началѣ новаго царствованія; нѣсколько разъ въ высшихъ сферахъ поднимался даже вопросъ объ отмѣнѣ крѣпостного права, но общій взглядъ оставался тотъ же: полагаюсь, что все должно дѣлаться только волею администраціи, безъ малѣйшаго участія общественной самодѣятельности, и опять тридцатилѣтнія усилія не привели ни къ какому благому результату. Администрація есть дѣйствительно машина: но въ національномъ дѣлѣ, какимъ должно быть дѣло общественнаго благоустройства, необходимо именно также участіе живой общественной силы, которое и выражается свободнымъ общественнымъ мнѣніемъ и печатью, если уже не говорить о какомъ-либо участіи учрежденій, предоставленныхъ общественной самодѣятельности.

Во второй четверти столѣтія въ административныхъ сферахъ именно были убѣждены во всемогуществѣ чисто административныхъ воздѣйствій, въ ихъ единственномъ правѣ на руководство жизнью не только государства, но и общества. Поэтому проводилась система крайней централизаціи и административной опеки. Для этой послѣдней цѣли было именно создано тогда одно изъ могущественнѣйшихъ учрежденій того времени, такъ-называемое III отдѣленіе собственной канцеляріи императора. Недавно издана была въ „Русскомъ Архивѣ“ (1889, № 7) инструкція графа Бенкендорфа чиновнику „Третьяго Отдѣленія“. По объясненію г. Бартенева, она была въ свое время напечатана „для немногихъ“ и написана, вѣроятно, самимъ гр. Бенкендорфомъ. Извѣстенъ разсказъ о томъ, что когда гр. Бенкендорфъ, первый назначенный начальникомъ этого учрежденія, просилъ у имп. Николая писаннаго приказа, какъ ему дѣйствовать, императоръ далъ ему платокъ: „ты имъ утрешь слезы“. Обязанности и полномочія III Отдѣленія были необычайны; оно должно было, въ сущности, слѣдить за всѣми отправленіями государственной и общественной жизни и имѣло право неограниченнаго вмѣшательства во всѣ дѣла: такъ, по упомянутой сейчасъ инструкціи, чиновникъ III Отдѣленія долженъ былъ слѣдить за могущими произойти безпорядками и злоупотребленіями „во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ“; наблюдать, чтобы „спокойствіе и права

Digitized by Google

гражданъ не могли быть нарушены чьей-либо личною властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ, или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ"; исполнители должны были дѣйствовать прозорливо и вмѣстѣ мягко и осторожно; напримѣръ, замѣчая незаконные поступки, сначала предварять начальствующихъ лицъ или тѣхъ самыхъ людей и употребить старанія для обращенія заблудшихъ на путь истины и затѣмъ уже обнаружить ихъ худые поступки передъ правительствомъ; исполнители имѣли право вмѣшиваться въ тяжбы для ихъ окончанія, имѣть надзоръ за нравственностью молодыхъ людей, узнавать о бѣдныхъ и сирыхъ должностныхъ людяхъ, служащихъ вѣрой и правдой и нуждающихся въ пособіи, и т. д. Начальникъ Отдѣленія не находилъ даже возможности „поименовать всѣ случаи и предметы", на которые долженъ былъ обратить вниманіе чиновникъ III Отдѣленія при исполненіи своихъ обязанностей, и они предоставлялись его прозорливости и усердію; однимъ словомъ, право вмѣшательства было безгранично. Гр. Бенкендорфъ не сомнѣвался въ благородныхъ правилахъ своихъ чиновниковъ и въ томъ, что въ исполнителѣ этой должности „всякій увидитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго и безгласнаго гражданина немедленно поставить подъ высочайшую защиту государя императора", и что „всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего государя".

Дѣятельность III Отдѣленія не была и еще не могла быть предметомъ документальнаго изслѣдованія, но по многимъ извѣстнымъ фактамъ и преданіямъ, сохранившимся до нашего времени, едва-ли не слѣдуетъ заключить, что цѣль учрежденія въ той формѣ, какъ оно было задумано, не была достигнута. Весьма возможно, что во многихъ отдѣльныхъ случаяхъ оно дѣйствительно могло возстановить право, нарушенное сильными, могло оказать помощь бѣднымъ и сирымъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что на большинство оно производило впечатлѣніе пугала, тѣмъ болѣе страшнаго, что оно дѣйствовало безконтрольно и, по общему мнѣнію, созданному давними опытами общества, произвольно. Относительно общаго хода дѣлъ достаточно извѣстно, что учрежденіе III Отдѣленія не уничтожило ни взятокъ, которыя оставались по прежнему привычнымъ modus vivendi для чиновниковъ и общества, ни казнокрадства, которое происходило

Digitized by Google

въ громадныхъ размѣрахъ, вѣроятно, во всѣхъ безъ исключенія вѣдомствахъ, и между прочимъ на глазахъ самого III Отдѣленія въ Петербургѣ, какъ, напримѣръ, въ извѣстномъ дѣлѣ Политковскаго. Съ другой стороны надзоръ за административными дѣлами цѣлой имперіи, къ удивленію, оставлялъ Третьему Отдѣленію достаточно досуга, чтобы вмѣшиваться въ дѣла тогдашней литературы и наводить страхъ на ея скромныхъ дѣятелей. Въ послѣднее время собрано было не мало фактовъ подобнаго вмѣшательства, которое было всего меньше благотворно для литературы и самого общества. Литература существовала подъ вѣчнымъ страхомъ, не имѣя даже понятія о томъ, какая мелочь можетъ не понравиться строгимъ судьямъ, которые обыкновенно тотчасъ доводили свои указанія до самой высшей инстанціи,—а между тѣмъ въ то же самое время проходили безнаказанными самыя вопіющія злоупотребленія во всѣхъ отрасляхъ администраціи.

Не менѣе сейчасъ названной инструкціи интересны объясненія, какія даетъ ей г. Бартеневъ. „Главными дѣятелями III Отдѣленія,—говоритъ онъ,—поставлены были лица испытанной честности и неукоризненныхъ нравовъ. Но у французовъ не даромъ сложилась пословица о томъ, что адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Вслѣдъ за польскимъ мятежомъ (1831) началось искаженіе первоначальной мысли. Ловитва злоумышленниковъ простерлась и на вѣрноподданныхъ. Въ числѣ второстепенныхъ, но вліятельныхъ чиновниковъ этого вѣдомства очутились тѣ же поляки, пустившіе въ ходъ всю опытность іезуитства. Гр. Бенкендорфъ разстроилъ себѣ здоровье и съ 1837 года вяло занимался дѣломъ, которое очутилось въ рукахъ Л. В. Дубельта (внука какой-то испанской принцессы). Второй при Николаѣ Павловичѣ начальникъ „Третьяго Отдѣленія“, кн. Орловъ (1845) принялъ эту должность лишь вслѣдствіе настояній государя и угрозы, въ противномъ случаѣ, назначить Клейнмихеля, и занимался ею неохотно. Между тѣмъ польская каверза продолжала свое дѣло, и въ слѣдующее царствованіе „Третье Отдѣленіе“ съ успѣхомъ плодило всякую внутреннюю смуту. Завелись даже юридическія лекціи о порядкѣ производства слѣдствій“... „Мѣра терпѣнія переполнилась, и въ августѣ 1880 года императоръ Александръ Николаевичъ повелѣлъ упразднить это учрежденіе“.

Какъ мы сказали, исторія этого учрежденія еще не написана; но она, повидимому, извѣстна г. Бартеневу, когда онъ утверждаетъ, что дѣятельность учрежденія „исказилась“ послѣ польскаго мятежа, что началась „ловитва вѣрноподданныхъ“, и что (очевидно въ связи съ этими фактами и какъ ихъ причина) въ

Digitized by Google

числѣ вліятельныхъ чиновниковъ вѣдомства очутились поляки съ іезуитской опытностью. Патріоты извѣстнаго сорта такъ много взваливали нѣкогда на „польскую интригу“, что ихъ перестали, наконецъ, слушать. Опасаемся, что и здѣсь г. Бартеневъ преувеличилъ свое усердіе въ „киваньѣ на Петра“. Слѣдовало по крайней мѣрѣ указать, кого именно онъ имѣлъ въ виду (тридцатые года—теперь дѣло давно прошедшее), чтобы его слова не казались пустыми словами, и какую роль г. Бартеневъ заставляетъ играть самихъ начальниковъ вѣдомства, между прочимъ, самыхъ настоящихъ русскихъ, какъ гр. Орловъ и, вѣроятно, Дубельтъ (несмотря на испанскую принцессу, участвовавшую въ его происхожденіи)? Могло быть, что въ числѣ чиновниковъ были и поляки; но молва, которая до сихъ поръ очень памятна, приписывала чиновникамъ вѣдомства одинаковыя типическія свойства, не дѣлая между ними различія по происхожденію, и дѣйствительно, каково бы ни было ихъ племенное различіе, оно покрывалось всею идеею вѣдомства и національнымъ русскимъ авторитетомъ его руководителей.

Въ концѣ концовъ, дѣятельность этого вѣдомства, какъ другихъ высшихъ административныхъ учрежденій (напр., вѣдомства внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшаго обыкновенною полиціей; вѣдомства просвѣщенія, управлявшаго цензурой; вѣдомства православнаго исповѣданія, и т. д.) направлена была на строгую опеку, руководилась недовѣріемъ къ малѣйшимъ проявленіямъ сколько-нибудь независимаго общественнаго мнѣнія, литературной критики, беллетристики, даже мнѣній чисто научныхъ, напр., въ исторіи, естествознаніи, и т. д. Каждое такое проявленіе встрѣчаемо было подозрѣніями, подпадало доносу и его болѣе или менѣе тяжелымъ послѣдствіямъ. Недавно въ томъ же „Русскомъ Архивѣ“ напечатана была бумага московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, заключавшая подобныя конфиденціальныя отмѣтки о московскихъ ученыхъ и публицистахъ, гдѣ наброшена была сильная тѣнь политическаго подозрѣнія на самыхъ патентованныхъ московскихъ патріотовъ, не исключая, помнится, самого Погодина; теперь въ „Р. Старинѣ“ (1889, II) мы читаемъ, что самъ Закревскій,—въ то время, когда онъ былъ ни болѣе, ни менѣе какъ министромъ внутреннихъ дѣлъ,—находился подъ надзоромъ III Отдѣленія. Именно, въ „Р. Старинѣ“ напечатано письмо гр. Бенкендорфа къ полковнику корпуса жандармовъ въ Москвѣ, Волкову, гдѣ говорится о предполагавшемся пріѣздѣ Закревскаго въ Москву: „я думаю,—писалъ Бенкендорфъ,—что Закревскій, который просится въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, будетъ

Digitized by Google

также въ Москвѣ; я боюсь, что его привычка кричать противъ всего (?) не произвела бы дурного впечатлѣнія; этого человѣка совершенно губитъ тщеславіе, что̀ очень жаль. Напишите мнѣ весьма секретно, какъ онъ будетъ держать себя, кого онъ будетъ посѣщать и увидитъ ли онъ своего друга Ермолова".

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій царствованія имп. Николая, которое особенно будетъ привлекать историковъ этой эпохи, была крымская война и, быть можетъ, не столько съ ея дипломатической и военной, сколько съ общественной стороны. Ей посвященъ уже цѣлый рядъ, между прочимъ, весьма обширныхъ дипломатическихъ и военныхъ сочиненій (послѣднія, впрочемъ касались больше тактики, стратегіи и военныхъ подвиговъ, чѣмъ военной администраціи), но для нашей внутренней исторіи важнѣе та ея сторона, которая соприкасается съ ходомъ нашей внутренней жизни, административной системы, общественнаго мнѣнія. Въ этомъ отношеніи эпоха крымской войны была переломомъ: то былъ пробный камень, на которомъ испытана была пригодность административной системы, характера общественной образованности, состоянія общественнаго мнѣнія. Въ этомъ отношеніи исторія крымской войны еще не написана, хотя во множествѣ воспоминаній о томъ времени не однажды затрогивалось внутреннее значеніе тогдашнихъ событій для общества и самой правительственной власти. Было бы трудомъ чрезвычайно интереснымъ собрать изъ воспоминаній о томъ времени, изъ тогдашней переписки, наконецъ изъ современной литературы разсѣянныя черты тогдашняго настроенія и прослѣдить еще памятный теперь многимъ переходъ общественнаго настроенія отъ самонадѣянности, соединявшейся съ непониманіемъ положенія, къ недоумѣнію, къ сознанію о связи происходящихъ событій съ общимъ характеромъ административной системы и, наконецъ, къ полному разочарованію въ прошломъ и къ восторженному ожиданію преобразованія.

Отдѣльныя черты для этой внутренней исторіи давно встрѣчаются въ литературѣ мемуаровъ и въ перепискѣ временъ крымской войны; нѣсколько новыхъ и между прочимъ любопытнѣйшихъ подробностей находимъ и теперь въ историческихъ журналахъ. Таковы отрывки изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева, напечатанные въ „Русскомъ Архивѣ" (1889, I). Отрывокъ относится къ осени 1855 года и далѣе. Севастополь доживалъ свои послѣдніе дни. Въ обществѣ была распространена тревога, недоумѣніе о томъ, какъ русскія войска не могутъ отстоять Сева-

Digitized by Google

стополя и, наконецъ, сознаніе видимыхъ ошибокъ. Лебедевъ упоминаетъ въ началѣ отрывка о неудовольствіи государя комитетомъ московскаго ополченія (гдѣ, какъ тогда опредѣленно говорили, открылись вопіющія злоупотребленія) и удивляется, что Закревскій не догадается выйти въ отставку. „А между тѣмъ какія вѣсти военныя! Теряешь всякое равнодушіе. Сказать, что союзники захватили множество пушекъ, что захвачены огромные запасы... но, Боже мой, неужели не могли отстоять Севастополя? Неужели корпуса Липранди и Сухозанета не могли отвлечь силы, которыя поломали наши защиты? Государь пишетъ Москвѣ, что Россія была въ обстоятельствахъ и болѣе тяжкихъ, но вынесла. Едва ли. Мы въ опасности потерять Крымъ и Черное море. Испанія соединилась съ союзниками. Генералы и армія наша потеряли духъ. Государь ѣдетъ возстановить его, но вò-время ли? Мы надѣемся на распространяемые слухи о голодѣ, но оправдаются ли они? Конечно, все можетъ перемѣниться, но ничто не поворотитъ нашихъ ошибокъ, и случайныя перемѣны не заставятъ молчать упреки въ неумѣньи, безпечности и бездѣйствіи. Да, время тяжелое, и страшно подумать, что разныя мелочи занимаютъ насъ. Подробности объ увольненіи министра Бибикова не дѣлаютъ чести министерству... Все это напоминаетъ совѣтъ австрійско-германскаго императора, обсуждавшій вопросъ, какъ принять Собѣсскаго, когда турки стояли у воротъ Вѣны“.

Далѣе, онъ отмѣчаетъ статью Погодина въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, по поводу пріѣзда новаго государя съ семействомъ въ Москву. Среди обыкновенныхъ шумныхъ фразъ Погодина здѣсь есть уже намеки на тѣ мысли, какія рождались въ обществѣ по поводу событій. „Замѣчательны, — пишетъ Лебедевъ, — въ этой бойкой статьѣ слѣдующія разсужденія: „Севастополь показалъ въ полномъ блескѣ все, что̀ есть прекраснаго и высокаго въ русской природѣ; но тамъ же увидѣли мы и многіе существенные наши недостатки, особенно въ отношеніи къ европейской искусственности или вообще къ образованію, которое по всѣмъ частямъ необходимо должно быть у насъ уравнено съ нашими врагами“. Замѣчательно, что объ этомъ уровнѣ говоритъ славянофилъ! Потомъ обращеніе къ государю: „Государь, ты даруешь намъ много средствъ учиться, воздѣлывать таланты и пр. Мы ожидаемъ отъ тебя новыхъ указаній, возбужденій, поощреній; мы ожидаемъ отъ тебя милости, льготы, наряда! Съ внутреннимъ устройствомъ никакіе внѣшніе враги намъ не страшны“. Замѣчательно, что, говоря о Петрѣ, Екатеринѣ и Александрѣ, историкъ ни слова не сказалъ о Николаѣ“... Г. Бартеневъ замѣчаетъ къ этому: „Статья

Digitized by Google

эта была цѣлымъ событіемъ. Цензура не дерзала ее дозволить къ выпуску; государь самъ разрѣшилъ ее напечатать. Въ ней М. П. Погодинъ взывалъ о необходимости свѣта знаній. Митрополиту Филарету показалась она рѣзкою, и онъ говорилъ автору: „Развѣ намъ не даютъ свѣта?“ — „Мы ежедневно молимся о хлѣбѣ насущномъ,—возразилъ ему Погодинъ,—но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы намъ не давали хлѣба“.

Это былъ одинъ изъ первыхъ опытовъ выраженія общественнаго мнѣнія въ печати. До тѣхъ поръ оно сказывалось только частными боязливыми разговорами, рукописными статейками, секретно ходившими по рукамъ; но чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе выростала нетерпѣливость высказаться и мало-по-малу сами собой раздвинулись для печати цензурныя рамки. Что̀ говорилось тогда въ обществѣ, указываютъ теперь отчасти записки Лебедева; онѣ проникнуты прискорбіемъ, между прочимъ и о томъ, что общество остается безъ всякихъ точныхъ свѣденій о происходящемъ.

„Опасность несомнѣнна и, можетъ быть, неминуема,—пишетъ Лебедевъ, — ну, если мы оставимъ Крымъ, когда мы возьмемъ его? Бѣдный край! Сердце замираетъ, когда читаешь объ этихъ повсемѣстныхъ опустошеніяхъ. Государство потеряло голову, общество забыло такть, семейства въ траурѣ. А исхода не видно. Объ условіяхъ примиренія молчатъ. Ожидаютъ, что мы подадимся... Самые черные слухи ходятъ о положеніи и расположеніи нашей арміи. Многіе считаютъ положеніе наше въ Крыму невозможнымъ. Многіе ждутъ великихъ пораженій до осени.

„Князь Горчаковъ доноситъ все о движеніи непріятеля и о его дѣйствіяхъ на Сѣверную и ничего не говоритъ о нашихъ дѣйствіяхъ. Конечно, тайна военныхъ распоряженій не можетъ быть оглашена; но все-таки, послѣ страшныхъ потерь, желательно было бы читать донесенія менѣе лаконическія и знать хотя нѣсколько о духѣ арміи, подверженной столь долгое время геройскимъ, но безплоднымъ испытаніямъ“... „Сами враги и безпристрастные свидѣтели отдаютъ справедливость севастопольскому гарнизону... А несносные указы и приказы о панталонахъ и мундирахъ все еще продолжаются, и нынче читали намъ повелѣніе о замѣнѣ вицмундировъ, которое такъ темно, что его никто не понялъ“...

Лебедевъ негодуетъ на страшное распространеніе оффиціальной лжи, вводящей высшую власть въ заблужденіе о положеніи вещей. Онъ припоминаетъ разсказъ средневѣкового историка Варнефрида о томъ, какъ королю геруловъ все доносили о побѣдѣ его войскъ, пока, наконецъ, непріятели не ворвались въ

Digitized by Google

ставку и не убили его. „Не такъ ли кричатъ наши министры: „все въ порядкѣ“, боясь не получить креста, аренды или мѣста. Не такъ ли говорили они Карлу X до іюля 1830 г., Луи-Филиппу и Фердинанду до февраля и марта 1848 г., и у насъ до 18-го февраля 1855 года? На государственныхъ людяхъ нашихъ всегда, и по справедливости, будетъ лежать это обвиненіе въ ропотѣ общества, въ возгласахъ частныхъ лицъ, даже въ письменныхъ осмѣяніяхъ... Были попытки и во всеподданнѣйшихъ представленіяхъ государю. Таковы письмо Сперанскаго изъ Перми 1812 года [1]), письмо барона Штенгеля [2]) 1826 года, особенно первое, безкорыстно выражавшее недостатки высшаго управленія перомъ одного изъ великихъ его представителей. Но никто не описалъ такъ, какъ Гоголь, все достойное посмѣянія у насъ, въ „Ревизорѣ“ и „Мертвыхъ Душахъ“... Лебедевъ приводитъ цитату изъ второй части „Мертвыхъ Душъ“ съ изображеніемъ тогдашняго порядка вещей... „Оставимъ теперь въ сторонѣ, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже мимо законнаго правленія образовалось другое правленіе, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены въ общую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ ни ограничивай онъ дѣйствія дурныхъ чиновниковъ приставленіемъ въ надзиратели къ нимъ другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, пока не почувствуетъ изъ насъ всякъ, что онъ долженъ возстать теперь противъ неправды“. Это говорятъ въ Москвѣ“.

„Послѣ крымскихъ извѣстій,—продолжаетъ Лебедевъ,—точно послѣ какой неудачи въ жизни, человѣкъ скучаетъ и недоволенъ собой... Вотъ Корфа разбили у Евпаторіи, вотъ флотъ подъ Одессой. Назначена коммиссія о Керчи: куда употреблены деньги, на укрѣпленіе города и на завалъ пролива назначенныя? Наряжена коммиссія для изслѣдованія управленія по снабженію крымской арміи“.

Любопытны дальше слѣдующія замѣчанія:

„Какъ пріумолкли пѣвцы о святой Руси и святомъ ея назначеніи! Странное дѣло, ни одно государство, кромѣ азіатскихъ, не имѣло и не высказывало о себѣ такого высокаго понятія про

---

[1]) 1813.

[2]) Это письмо тогда ходило по рукамъ.

Digitized by Google

свое могущество и свою будущность, какъ Россія, и вмѣстѣ съ тѣмъ никто такъ не унижалъ нашего характера, какъ представители этого воззрѣнія отъ Петра до Николая, отъ Посошкова до Гоголя. Жуковскій говаривалъ: „Русскій палку любитъ!“ Великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ въ комитетѣ: „Дозвольте русскому солдату не снимать шапки; онъ васъ столкнетъ съ дороги!“ Гоголь безпрестанно это выражаетъ устами то Селифана, то Хлобуева, то Костанжогло, признавая необходимость понукателя... Даже въ исповѣди своей онъ признаетъ за русскими это свойство: у всякаго, у всѣхъ насъ есть какая-то лѣнь на подъемъ, на работу. Всѣ новые писатели въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ замѣчаютъ это странное свойство русскаго человѣка. У Писемскаго („Плотничья Артель“) мужикъ говоритъ о слабомъ старостѣ: „Скажи ты ему, чтобы онъ палку-понукалку не на палатяхъ держалъ, а на полосу временемъ выносилъ; нашъ братъ-мужикъ плутъ! Какъ узнаетъ, что въ передкѣ плеги нѣтъ, такъ мало что не повезетъ, а тебя еще осѣдлаетъ“...

„Нѣтъ, господа, русскій не звѣрь какой, и объяснять его нужно не съ азіатскимъ самообольщеніемъ, а по общимъ законамъ развитія человѣчества и государства. Русскій человѣкъ никогда не зналъ учрежденій, да и нынѣ мало знаетъ ихъ, а народъ воспитывается учрежденіями. Два-три перелома въ родѣ 1812 и 1855 годовъ, и онъ получитъ ихъ. Тогда ваши возгласы будутъ всѣ смѣшны и обидны“.

Дѣйствительно, разсуждавшіе такимъ образомъ и воображавшіе, что усмотрѣли особенность русскаго народнаго характера въ необходимости палки, не думали объ одномъ, и именно главномъ: откуда могла взяться такая, далеко не завидная, особенность? Очевидно, что источникъ ея не могъ быть иной кромѣ, во-первыхъ, давнишней несвободы, которая пріучала къ подневольному труду, заставляла покидать его при первой возможности, внушала недовѣріе къ высшему классу и порождала обычную необузданность раба, почувствовавшаго отсутствіе палки; а во-вторыхъ, источникомъ этой особенности былъ вообще недостатокъ культуры, научающей цѣнить свое человѣческое достоинство, и свое, и чужое право. Понятно, что оба условія упомянутой особенности — безъ сомнѣнія унизительной для національнаго достоинства—могли быть устранены только учрежденіями, какъ тѣ, начало которыхъ положено реформами прошлаго царствованія [1]).

---

[1]) Укажемъ здѣсь кстати прекрасныя воспоминанія кн. Н. С. Голицына объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, въ „Р. Старинѣ“, 1890.

Digitized by Google

Въ концѣ 1855 года Лебедевъ наполненъ былъ самыми мрачными мыслями и негодованіемъ на вялость и легкомысліе общества. „Такъ бы и не смотрѣлъ на это равнодушіе, на эти благотворительные базары, на эти афиши, когда рѣшается вопросъ, можетъ быть, о величіи имперіи! Бьется сердце и голова кружится. Напуганное общественное мнѣніе привыкаетъ къ мысли объ отдѣленіи Крыма (!), опасаясь высказать возможность другихъ лишеній... Но такое ужасное пораженіе низведетъ насъ, столь слабыхъ во внутреннемъ управленіи, на степень второклассныхъ державъ. Дѣти наши не повѣрятъ нашему значенію, утверждавшемуся на вѣнскихъ трактатахъ 1814 года"...

Отмѣтимъ еще любопытное свидѣтельство о началѣ просвѣщенной дѣятельности вел. кн. Константина Николаевича, которая имѣла извѣстное обширное вліяніе на оживленіе общества въ первые годы прошлаго царствованія. Лебедевъ указываетъ, что это начало восходитъ еще къ концу царствованія имп. Николая:

„Великій князь Константинъ Николаевичъ уже два раза предписывалъ о составленіи точныхъ и правдивыхъ отчетовъ, чтобы, не усыпляясь похвалами, показывать правду, сознаться въ ошибкахъ, оглашать недостатки. Въ декабрѣ 1854 года онъ составилъ отчетъ въ этомъ видѣ, описавъ положеніе флота и морского хозяйства въ самомъ жалкомъ состояніи, но отчета этого представить не рѣшился, по случаю болѣзни и потомъ смерти отца. Нынѣ, въ ноябрѣ, онъ предписалъ управляющему министерствомъ барону Врангелю препроводить выписку всѣмъ директорамъ для руководства при составленіи отчетовъ".

Нѣсколько упоминаній о крымской войнѣ находится также въ запискахъ генерала гр. П. Х. Граббе [1]). Впрочемъ, это не столько записки, сколько отрывочный дневникъ, главное содержаніе котораго состоитъ въ замѣткахъ о личныхъ домашнихъ дѣлахъ, но между ними разсѣяны и нѣкоторыя общія размышленія о прошлыхъ и современныхъ событіяхъ. Это былъ человѣкъ просвѣщенный, который, быть можетъ, не всегда ясно понималъ историческія и современныя условія русскаго общества, но о многомъ дѣлаетъ замѣчанія важныя и интересныя для историка. О крымской войнѣ въ дневникѣ Граббе говорится только отрывочно, по впечатлѣніямъ данной минуты. При самомъ началѣ войны онъ уже находитъ многое неправильнымъ, нерѣшительнымъ или просто вреднымъ, между прочимъ (подъ 5 марта, 1854) приводитъ образчикъ дѣйствій русскихъ дипломатовъ: „Сынъ Ермолова изъ Теге-

[1]) Въ „Р. Архивѣ", 1889.

Digitized by Google

рана съ извѣстіями странными: посланникъ нашъ кн. Долгоруковъ ведетъ себя оскорбительно и грубо съ персіянами, показавшими готовность содѣйствовать намъ. Г. Орловъ хочетъ выставить это государю".

Подъ 8 марта онъ пишетъ: „Рано вчера Клавдій Ермоловъ изъ Тегерана и съ Кавказа. И тамъ дипломатъ, достойный прочихъ выборовъ г. Нессельроде; а въ Тифлисѣ? Мелкая монета прежнихъ людей! Знаю, что такъ Несторъ говоритъ у Гомера при Ахиллахъ, Аяксахъ и др. Порадуюсь, если у насъ также появятся. Дипломатическая кампанія не удалась, а было на что опереться представителямъ Россіи. Посмотримъ, что скажетъ военная. Послѣдніе дни еще, быть можетъ, возможнаго сближенія и усмиренія грозящей бури проходятъ. Причины къ войнѣ, съ начала спора выставленной, уже не существуетъ. Защитники Порты противъ нашихъ первоначальныхъ требованій требуютъ отъ нея теперь гораздо болѣе, требуютъ невозможнаго. Остаются одни оскорбительныя выраженія, во время переговоровъ въ рѣчахъ и актахъ, противъ всѣхъ приличій, вырвавшіяся. Оправдываетъ ли это войну?"

Рядомъ съ этимъ онъ пишетъ подъ 13-мъ марта: „Браво, Григоровичъ! Это языкъ и картины русскіе, это дышетъ жизнью и бытомъ русскимъ. Болѣе чѣмъ съ удовольствіемъ, съ участіемъ прочелъ я повѣсть его: Рыбаки".

Подъ 15 марта, по поводу хода тогдашнихъ дѣлъ, онъ припоминаетъ „разговоръ, тому уже нѣсколько лѣтъ съ гр. Киселевымъ, утверждавшимъ, что не люди важны, а учрежденія". „Неправда,—пишетъ Граббе. — Даже въ государствахъ, гдѣ существуютъ вѣковыя учрежденія, необходимы люди для управленія ими въ духѣ истинной ихъ цѣли, когда, отдаляясь отъ нея, они обращаются въ стѣснительныя и пустыя формы; а въ Россіи, во многихъ отношеніяхъ сравнительно еще новой, занятой на всѣхъ своихъ границахъ, сверхъ того, организаціей, освоеніемъ, умиреніемъ завоеванныхъ провинцій (на сѣверѣ Финляндіи, на западѣ Польши, на югѣ Бессарабіи, Крыма, Кавказа, Грузіи, мусульманскихъ провинцій, на востокѣ башкиръ, калмыковъ, киргизовъ, Сибири), въ Россіи особенно нужны не машины исполнительныя, а мужи слова, дѣйствія, воли, разумныя орудія благонамѣренной высшей власти, а не слѣпыя и безмолвныя. А внутренняя администрація самой коренной Россіи съ своимъ жизненнымъ всегдашнимъ вопросомъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ, а вопросъ о созданіи сообщеній, не терпящій отлагательства и упущеніе котораго въ настоящихъ обстоятельствахъ такъ ощу-

Digitized by Google

тительно! А внѣшнія политическія сношенія, неспособностью и незначительностью употребленныхъ лицъ доведшія Россію, несмотря на ея положительное могущество, до оскорбленій, несбыточныхъ при достойныхъ представителяхъ! Теперь оружіе должно заглаживать ошибки дипломатовъ, а оно также"!!!

Мы приводили выше разсужденія о томъ же вопросѣ сенатора Лебедева, который приходилъ къ иному заключенію, чѣмъ Граббе, и безъ сомнѣнія Лебедевъ и гр. Киселевъ были болѣе правы. Государственная и общественная жизнь не могутъ разсчитывать на личныя добродѣтели: въ общемъ счетѣ, въ людяхъ перемѣшаны инстинкты хорошіе и дурные, и противъ послѣднихъ могутъ дѣйствовать только воздерживающія ихъ учрежденія. Въ ту минуту, когда велись эти разговоры объ учрежденіяхъ, вѣроятно, имѣлось въ виду въ особенности то, что существовавшіе законы ничѣмъ не были ограждены отъ неисполненія и злоупотребленія, и для людей, говорившихъ о необходимости „учрежденій", это огражденіе закона предполагалось только въ одномъ—въ возможности общественнаго контроля, то-есть въ извѣстномъ просторѣ для общественнаго мнѣнія и иниціативы. Исканіе „людей", то-есть единицъ, не поддерживаемыхъ складомъ общественной жизни, есть дѣйствительно безплодная работа Сизифа. Нѣкогда, въ началѣ столѣтія, Карамзинъ полагалъ, что благосостояніе Россіи будетъ обезпечено, если найдено будетъ пятьдесятъ „добродѣтельныхъ губернаторовъ"; ихъ, однако, никогда не находилось въ полномъ комплектѣ. Гоголь въ цитатѣ, приведенной сенаторомъ Лебедевымъ, ожидалъ, чтобы „почувствовалъ изъ насъ *всякъ*, что онъ долженъ возстать теперь противъ неправды". Очевидно, что „всякъ" не могъ почувствовать, потому что всегда были и будутъ нецеремонные люди, которые находятъ именно въ неправдѣ свою выгоду. Самъ Граббе себѣ противорѣчитъ: напр., тотъ „жизненный всегдашній вопросъ отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ" могъ быть именно разрѣшенъ только учрежденіями и не могъ бы быть рѣшенъ никакими самыми разумными „мужами слова, дѣйствія, воли", еслибы имъ приходилось дѣйствовать на этотъ вопросъ, только поддерживая учрежденія, въ то время строго охранявшія крѣпостное право.

Что дѣлалось при тогдашнемъ порядкѣ вещей, загороженномъ отъ общественнаго мнѣнія, объ этомъ разсказывается подъ 18 марта. „Рано вчера утромъ полк. Щербачовъ. Подробности положительныя, слѣдствіями самимъ имъ произведенными открытыя и доказанныя, о разныхъ злоупотребленіяхъ и ложныхъ донесеніяхъ про небывалыя дѣла съ непріятелемъ на Кавказѣ. Важнѣйшее

Digitized by Google

полк. Едлинскаго за Лабой, въ проѣздъ государя наслѣдника. Побочный сынъ г-ни Пот., сестры к-ни Вор... По уличеніи въ дерзкомъ обманѣ, ему объявленъ арестъ на 28 дней и потомъ данъ моздокскій линейный полкъ! Начальникъ ахметовскаго укрѣпленія, за подобное, не вовсе, однако, вымышленное дѣло, и теперь подъ судомъ. Г.-м. Евдокимовъ, опытный и храбрый, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ моего времени, добрый семьянинъ, тоже поддался дурнымъ примѣрамъ и заботится о своихъ выгодахъ".

Извѣстно, что то время крайней формалистики было весьма богато случаями подобнаго рода небывалыхъ сраженій и оказанныхъ въ нихъ подвиговъ, исчезающихъ суммъ и т. п.

Далѣе, дневникъ гр. Граббе переходитъ въ новое царствованіе, и любопытно слѣдить, какъ отражались на немъ разныя черты новаго времени. Въ ту пору Граббе былъ уже очень старый человѣкъ: ветеранъ двѣнадцатаго года, нѣкогда онъ имѣлъ друзей между декабристами, отчасти самъ тогда былъ замѣшанъ и потерпѣлъ, но, несмотря на испытанія, сохранилъ въ душѣ отголоски стараго времени. Онъ и при другомъ складѣ нравовъ не потерялъ вкуса къ теоретическимъ вопросамъ и къ лучшимъ интересамъ общественнымъ, —вкуса, пріобрѣтеннаго въ кругу образованнаго молодого поколѣнія Александровскаго времени.

Подъ 18-мъ декабря 1857 года читаемъ размышленія о крестьянскомъ вопросѣ: „Прочелъ записки Самарина и дочитываю проектъ Кошелева, оба весьма замѣчательные; мнѣ кажется, что какъ въ главныхъ основаніяхъ, такъ даже и въ подробностяхъ важнѣйшихъ, трудный вопросъ объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостного ига приведенъ въ достаточную ясность и удобоисполнимость. Безпорядки и недоразумѣнія будутъ; но мѣра такого рода, при всемъ благоразуміи въ узаконеніяхъ, при всей осторожности въ исполненіи, неминуемо должна повлечь ихъ за собою. Какъ бы дорого ни достался успѣхъ этого важнѣйшаго изъ всѣхъ для Россіи преобразованій, нечего жалѣть о томъ. Въ настоящемъ положеніи, затронувъ столько разъ неосторожно этотъ раздражительный вопросъ и возбудивъ надежды въ народѣ, нельзя было остановиться или медлить. И такъ, съ Богомъ впередъ! Мнѣ, по моимъ лѣтамъ, достанется на долю видѣть, быть можетъ испытать, только худшее начало. Дѣти, *давно къ тому мною приготовленныя*, увидятъ и хорошія послѣдствія".

Подъ 27-мъ декабря: „Статья Аксакова въ Молвѣ: „Публика и народъ". Это—зажженный пальникъ, брошенный въ пороховой погребъ; это болѣе, чѣмъ ошибка въ наше взволнованное время". Это замѣчаніе, конечно страшно преувеличенное, свидѣтельствуетъ

Digitized by Google

о томъ, какъ даже у лучшихъ людей распространена была суевѣрная боязнь печатнаго слова. Почти смѣшно представить себѣ этотъ страшный пальникъ, который попадаетъ въ число нѣсколькихъ сотенъ подписчиковъ „Молвы“ по всей Россійской имперіи и именно въ средѣ „публики“, а въ „народъ“ этотъ пальникъ и совсѣмъ не могъ попасть по безграмотству этого народа.

Подъ 23-мъ февраля 1858: „Главнокоманд. въ Крыму к. М. Д. Горчаковъ собственною подписью исключаетъ изъ списковъ издохшаго вола. Хорошо распредѣленіе власти и работы! Продолженіе въ Москвѣ слѣдственнаго дѣла о злоупотребленіяхъ въ минувшую войну въ южныхъ арміяхъ. Ничего до ясности не откроютъ, но можетъ принести пользу въ будущемъ“.

Подъ 10-мъ марта: „Кн. Оболенскаго записка изъ Парижа объ устройствѣ и гласности судопроизводства. Заруднаго возраженіе на нее. Достать обѣ. Безъ предварительнаго или одновременнаго измѣненія настоящаго судоустройства и судопроизводства, не понимаю возможности успѣшнаго измѣненія быта крестьянъ. Государственныя и удѣльныя имѣнія должны бы представить первый тому примѣръ и образцы“.

Къ этому онъ добавляетъ 12-го: „настоящее судопроизводство и судоустройство у насъ на всѣхъ степеняхъ никуда не годится и есть главнѣйшая государственная язва“.

Далѣе, 16-го марта: „Какъ хороши воспоминанія Галахова о Петрѣ Николаевичѣ Кудрявцевѣ!“ Затѣмъ 20-го: „Остроумная критика на Кокорева въ Современникѣ“.

28-го апрѣля: „Наставники великихъ князей, Титовъ и Кавелинъ, удалены; послѣдній за статью въ „Современникѣ“. Общее впечатлѣніе грустное“.

Въ маѣ, проѣздомъ черезъ Москву, Граббе видѣлся съ стариннымъ пріятелемъ Ермоловымъ. Послѣдній былъ тогда сильно боленъ и его вывели къ гостю подъ руки: „нѣсколько времени смотрѣли мы въ молчаніи другъ на друга, наконецъ заговорили, и мало-по-малу мощная голова его поднялась отъ груди, и мысль, и память, и слово, все пробудилось по прежнему. Ничто, даже изъ настоящаго, не чуждо ему, ни лица, ни происшествія. Всѣ язвы, всѣ славы, всѣ надежды, всѣ опасенія Россіи ему близки. Я забылъ, что только-что ввели больного, какъ казалось, для всего отжившаго, страждущаго, отбывшаго свое земное поприще старца“.

Тогда же онъ видѣлся съ Закревскимъ, тоже стариннымъ знакомцемъ. „Любопытный съ нимъ разговоръ о настоящемъ положеніи дѣлъ. И онъ, съ своей точки зрѣнія, не истощается въ

Digitized by Google

похвалахъ. Знаетъ, что его бранятъ, хвалится этимъ и находитъ, какъ онъ выразился, розги необходимыми". Черезъ нѣсколько строкъ: „Мнѣ показалось оригинально прямо отъ него поѣхать къ Алексѣю Степановичу Хомякову, отъ одного полюса къ другому. Засталъ и его дома. Разговоръ о тѣхъ же предметахъ, но какая противоположность! Тамъ все тѣсно, недовѣрчиво, одна строгость, и та грубая, все лично и самонадѣянно. Здѣсь широко, довѣрчиво, мягко, самоотверженно, умно и благородно".

Подъ 14-мъ іюня 1857, Граббе записываетъ свои размышленія о коренномъ вопросѣ того времени:

„Какое же лучшее средство освободиться отъ своихъ національныхъ немощей, какъ не сознать ихъ и мужественно высказать?

„Опредѣленъ ли весь вредъ, который происходитъ отъ рабства или крѣпостного права для всего общества, и въ особенности для самихъ душевладѣльцевъ, надъ которыми прежде всего осуществляется страшный историческій законъ нравственнаго возмездія?

„Прямымъ послѣдствіемъ невольничества для южныхъ штатовъ Американскаго союза явилось тамъ всеобщее страшное огрубѣніе нравовъ, сравнительно съ сѣверными штатами.

„Именно въ обществѣ, гдѣ существуетъ порабощеніе лица, отъ смертоноснаго дѣйствія рабства страдаютъ столько же сами рабы, сколько владѣльцы ихъ. Послѣдніе сами являются рабами въ болѣе обширномъ смыслѣ".

Въ концѣ 1858 года Граббе, живя въ деревенскомъ уединеніи, слѣдилъ внимательно за происходившими событіями и за литературой и такъ высказываетъ свое впечатлѣніе о пробудившейся тогда общественной жизни: „Нельзя безъ глубокой признательности къ государю читать въ разныхъ дѣльныхъ журналахъ русскихъ доказательства допущенной гласности и свободы мысли, небывалой въ Россіи и съ перваго шага превзошедшей нѣкоторыя изъ правительствъ старой Европы. Рядомъ съ этимъ множество правительственныхъ дѣйствій, внушенныхъ благонамѣренными и великодушными побужденіями. Вопросъ о крестьянахъ лучшими умами освѣщается со всѣхъ сторонъ и тѣмъ облегчаетъ его осуществленіе. Въ тишинѣ моего уединенія радуюсь пробужденію Россіи и душой благодарю государя, неустрашимо ступившаго на новый, трудный путь, на которомъ не столько опасны смѣлые и гласные противники, сколько пресмыкающіеся".

Въ ноябрѣ 1858 года онъ съ удовольствіемъ прочелъ разборъ извѣстной статьи кн. Черкасскаго съ „непостижимой выходкой" о необходимости даже послѣ освобожденія крестьянъ предоставить помѣщикамъ право наказывать крестьянъ за про-

Digitized by Google

ступки розгами до 18 ударовъ, не исключая и женщинъ. Граббе негодуетъ на это и возстаетъ вообще противъ тѣлесныхъ наказаній, утверждая на основаніи собственнаго опыта, что, напротивъ, кротостью, даже безнаказанностью, можно достигнуть относительно крестьянъ самыхъ лучшихъ результатовъ для ихъ нравственности. „Я сдѣлалъ это (т.-е. издавна совершенно устранилъ тѣлесныя наказанія для своихъ крестьянъ) просто по отвращенію наказывать людей, доводимыхъ до проступковъ, особливо до пьянства, именно крѣпостнымъ ихъ бытомъ, безнадежностью ихъ будущности, даже при добромъ помѣщикѣ, и мыслью быть судьею въ собственномъ интересѣ и по своему произволу".

Подъ 18-мъ декабря еще любопытное замѣчаніе: „Статья объ Ивановѣ и Гоголѣ и переписка ихъ, Кулиша, драматическая и чрезвычайно занимательная. Имъ такъ же тѣсно было жить, какъ и всѣмъ, одареннымъ съ неба тревожнымъ талантомъ, при тогдашнемъ духѣ и обстановкѣ русскаго общества. Всѣ почти погибли различно и проявлялись какъ-то болѣзненно. Эта сторона біографіи замѣчательныхъ людей того времени ожидаетъ еще своихъ историковъ. Покуда прорываются только намеки".

Вообще въ нашей жизни рѣдко сохраняется въ людяхъ такой преклонной старости, въ какой былъ тогда Граббе, столь живое общественное пониманіе и сочувствіе къ стремленіямъ новыхъ поколѣній. Напротивъ, вслѣдствіе того, что жизнь слишкомъ мало вообще даетъ мѣста возвышеннымъ идеаламъ, грубо попираетъ ихъ, наши старшія поколѣнія всего чаще или становились злѣйшими врагами младшихъ, или теряли всякое пониманіе новыхъ потребностей общественнаго развитія. Какъ много въ европейской жизни и литературѣ этихъ отрадныхъ примѣровъ тѣснаго союза двухъ поколѣній, раздѣляемыхъ полустолѣтіями, и какъ рѣдки эти примѣры у насъ: связь поколѣній прерывается, опытъ старости не приходитъ на помощь молодому увлеченію и, напротивъ, только старческая раздражительность собираетъ свою желчь и матеріальное вліяніе, чтобы грубо подавлять молодыя стремленія, дѣлать преступленія изъ юношеской ошибки и, въ концѣ концовъ, подрывать въ обществѣ тотъ запасъ молодой энергіи и идеализма, которые могли бы и должны бы быть его жизненнымъ элементомъ, и, напротивъ, напитывать желчью тѣ молодыя души, которыя должны бы воспитываться въ атмосферѣ свѣтлаго, мягкаго идеала...

Въ дневникѣ Граббе мы указали уже нѣсколько примѣровъ этого нравственнаго союза между человѣкомъ временъ Александра I и молодыми стремленіями временъ Александра II: одна,

Digitized by Google

давно прошедшая, эпоха подавала руку другой почти черезъ полстолѣтія, и очевидно, что эта возможность взаимнаго пониманія исходила изъ того, что въ свое время въ нравственной природѣ этого человѣка прочно залегли идеалистическія стремленія его времени. Любопытно, что самъ Граббе однажды касается именно этой эпохи. Подъ 17-мъ января 1859 года, живя въ деревенской глуши, онъ записываетъ свои литературныя впечатлѣнія.

„Біографія Радищева въ „Русскомъ Вѣстникѣ",—пишетъ онъ, —не смотря на свою неполноту, возбуждаетъ драматическій интересъ. Вмѣстѣ съ изданной недавно Новикова, она описываетъ въ настоящемъ видѣ періодъ тогдашней русской жизни, такъ часто выставляемой золотымъ вѣкомъ тѣми, для кого онъ былъ выгоденъ, во вредъ прочимъ. Любопытно видѣть также, какія стремленія тогда уже отличали передовыхъ людей въ образованіи общества. Ихъ было слишкомъ мало; они должны были погибнуть. Когда придетъ пора вызова на судъ исторіи для тѣхъ, которые дѣйствовали въ послѣдніе годы царствованія Александра I и также погибли въ смутахъ вступленія на престолъ его преемника, то характеръ и судьба нѣкоторыхъ изъ нихъ должны возбудить глубокое участіе въ потомствѣ. И тамъ была толпа съ преступными замыслами, вѣчная примѣсь всего человѣческаго! Все вмѣстѣ стоитъ описанія. Въ числѣ первыхъ были мученики за чистыя и благородныя стремленія, истинные передовые люди, такъ великодушно и смѣло возбужденные самимъ правительствомъ. Кто не пожелалъ бы ему успѣха? Но вспомните и тѣхъ?"

Подъ 1-мъ марта онъ пишетъ слѣдующія характерныя слова: „Въ послѣдней повѣсти въ „Современникѣ" И. Тургенева, не лучшей изъ нихъ, попалось мнѣ выраженіе, очень мѣткое, о родѣ ощущеній почти всѣхъ даровитыхъ людей въ прошлое тридцатилѣтіе отъ 1825 года: *Мы жили, чтобы уцѣлѣть*. И сколько ихъ не уцѣлѣло! Одни, и многіе, погибли совсѣмъ; другіе скрыли, какъ преступленіе, лучшіе дары свои и помыслы!"

Въ 1860 году 6-го января онъ пишетъ: „Точно ли наступило для Россіи время повторить слово Ульриха Гуттена [1]) въ 16-мъ столѣтіи: les études fleurissent, les esprits se réveillent, c'est un plaisir de vivre!?"

Подъ 20-мъ мая Граббе записываетъ: „Русскіе журналы: „Современникъ", „Русскій Вѣстникъ", „Военный Сборникъ", „Биб-

---

[1]) Онъ пишетъ: „Гюттена", прочитавши о немъ во французской книгѣ, какъ показываетъ цитата.

Digitized by Google

ліотека для чтенія", разныя газеты, все это, оживленное новыми вопросами времени, и кипящая нетерпѣніемъ потребность высказаться, при допущенной, сравнительно бо́льшей свободѣ печатанія, послѣ уничижительной узды, столько десятилѣтій управлявшей перомъ, словомъ и мыслью Россіи".

Въ началѣ 1861 года онъ опять отдается воспоминаніямъ. „Въ разные періоды моей жизни,—говоритъ онъ,—я начиналъ писать для своихъ сыновей замѣтки о происшествіяхъ моей жизни, довольно разнообразной, лучшіе годы которой принадлежатъ героической эпохѣ борьбы съ Наполеономъ. Какъ это уже далеко отъ настоящаго поколѣнія! Какъ кажется баснословно! Какъ забыто! Одни ученые изучаютъ по книгамъ то̀, что̀ наполняло всю нашу душу, занимало весь умъ и въ преклонные теперь годы служитъ страннымъ сравненіемъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ понятій о могуществѣ Россіи! Какъ легко недавно признали мы себя побѣжденными, и на какія уничижительныя согласились условія и не передъ Наполеономъ первымъ въ головѣ почти цѣлой Европы! Не обижайтесь, теперешніе мои современники, за эти замѣтки ветерана; по собственнымъ моимъ сыновьямъ я знаю и вижу, что священный огонь не погасъ въ душахъ юнаго поколѣнія". Онъ убѣжденъ, что трактатъ, временно уничижившій Россію, будетъ когда-нибудь уничтоженъ, и что, вѣроятно, когда-нибудь Европа вмѣстѣ съ Россіей выкинетъ въ Азію трупъ издыхающей на Босфорѣ азіатской имперіи и создастъ тамъ новое, уже европейское государство.

„Невольно вспомнился мнѣ разговоръ съ живымъ еще однимъ изъ высшихъ сановниковъ прошедшаго царствованія, моимъ пріятелемъ съ молодости и теперь занимающимъ очень важную должность посла въ Парижѣ, въ то время преобладанія Россіи въ политикѣ европейской. Я осуждалъ нѣкоторыя мѣры и назначенія на важнѣйшія мѣста людей неспособныхъ и вредныхъ. Онъ, соглашаясь со мною, прибавилъ, однако, что для Россіи въ восходящемъ положеніи это не опасно, а важны болѣе учрежденія, чѣмъ люди, на что̀ я, къ сожалѣнію, пророчески возразилъ ему: А кто замѣтитъ во̀-время, когда это восходящее положеніе перейдетъ черту и сдѣлается нисходящимъ, благодаря этимъ ошибкамъ?"

Еще чрезвычайно любопытный разсказъ о временахъ крымской войны представляютъ записки сенатора Дена („Р. Старина", 1890). Прадѣдъ его выѣхалъ въ Россію въ свитѣ Антона-Ульриха Брауншвейгскаго; дѣдъ и отецъ провели жизнь въ военной

Digitized by Google

службѣ; ту же карьеру началъ и Вл. Ив. Денъ (1823—1888): уже въ 1840 онъ поступилъ унтеръ-офицеромъ въ саперный баталіонъ; въ 1853 г., въ чинѣ капитана, былъ назначенъ флигель-адъютантомъ, и въ этомъ качествѣ исполнялъ различныя порученія во время крымской войны. Въ 1861—63 г. Денъ былъ курскимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ [1]), въ 1860 г. назначенъ сенаторомъ и въ 1873 г. вышелъ въ отставку. Записки написаны имъ въ 1868—72 годахъ.

Въ 1854 г. Денъ былъ, какъ мы сказали, флигель-адъютантомъ и пользовался, какъ ревностный исполнитель, расположеніемъ имп. Николая Павловича. Въ сентябрѣ этого года пріѣхалъ изъ Крыма адъютантъ главнокомандующаго кн. Меншикова, Грейгъ, съ какими-то донесеніями. Вскорѣ послѣ этого Денъ, который былъ въ полномъ невѣденіи о привезенныхъ Грейгомъ извѣстіяхъ, потребованъ былъ къ государю. „Онъ (имп. Николай) обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:—„Ты меня извини—ты еще не отдохнулъ, а я тебя опять посылаю. Непріятель высадился близь Евпаторіи, на Альмѣ, разбилъ кн. Меншикова, который теперь, вѣроятно, отрѣзанъ отъ Россіи; что̀ сталось съ Севастополемъ—не знаю!“...

„При этихъ словахъ, крупныя двѣ слезы скатились съ его глазъ и упали на лежавшую предъ нимъ карту. Я никогда не забуду,—сколько страданія, сколько нѣжной любви я почувствовалъ въ эту минуту къ Николаю Павловичу, котораго и прежде всегда обожалъ. Я не помнилъ себя, обнялъ государя, заплакалъ и сталъ утѣшать того, кому было суждено умереть отъ печали. Что̀ я говорилъ—не помню, но государевы слова какъ будто еще слышу; онъ мнѣ сказалъ протяжно:

— „Да, ты молодъ, тебѣ еще можно все видѣть въ розовомъ цвѣтѣ... для меня же все черно!.. Въ настоящее время армія кн. Меншикова, вѣроятно, не существуетъ, или отрѣзана отъ насъ. Теперь намъ надо принять мѣры для возстановленія сообщенія съ арміею кн. Меншикова, если она существуетъ, а во всякомъ случаѣ—не допустить непріятеля занять весь Крымскій полуостровъ. Поѣзжай въ Перекопъ, постарайся привести крѣпостцу, которая тамъ находится, въ такое положеніе, чтобы затруднить непріятелю занятіе перешейка. Теперь въ Крымъ направлена 12-ая пѣхотная дивизія, явись къ генералу Липранди

[1]) Оригинальные разсказы объ его способѣ дѣйствій въ Курскѣ читатель найдетъ въ „Кіевской Старинѣ“, 1889, іюль.

Digitized by Google

и скажи ему, что я тебѣ приказалъ находиться при его дивизіи, въ качествѣ начальника инженеровъ. Въ случаѣ встрѣчи сильнѣйшаго непріятеля, окапывай ихъ" (ихъ—предполагалось дивизію Липранди).

„Затѣмъ государь меня благословилъ, поцѣловалъ, но я нѣсколько минутъ не выходилъ изъ кабинета, чтобы прислуга не видѣла меня рыдающимъ".

Какъ видимъ, имп. Николай считалъ возможнымъ самое худшее. Дену поручено было укрѣплять Перекопъ (тамъ была нѣкогда крѣпость, давно брошенная и частью даже растасканная сосѣдними жителями на камень), но, пріѣхавши на мѣсто, Денъ нашелъ, что положеніе вещей было иное, и данное ему порученіе не требовало исполненія. По дорогѣ онъ разъѣхался съ другимъ курьеромъ, который везъ уже въ Петербургъ донесеніе Меншикова объ извѣстномъ фланговомъ движеніи и о томъ, что армія не отрѣзана, Севастополь не взятъ и что непріятельская армія прошла почти въ виду Севастополя къ Балаклавѣ. Денъ узналъ обо всемъ этомъ уже только на мѣстѣ. Здѣсь онъ желалъ остаться при главной квартирѣ Меншикова, отъ котораго ожидалъ благосклоннаго пріема, такъ какъ Меншиковъ былъ хорошъ съ его отцомъ. По дорогѣ въ главную квартиру онъ уже слышалъ послѣднія новости.

„Въ Бахчисараѣ я засталъ на станціи нѣсколько офицеровъ, изъ разговора которыхъ я долженъ былъ заключить, что общественное мнѣніе въ нашей арміи приписывало испытанную неудачу подъ Альмой, съ одной стороны, превосходству непріятельскаго вооруженія, съ другой—совершенному отсутствію единства распоряженій во время боя. Въѣхавши въ долину Бельбека, я очутился среди оживленія бивуачной жизни, но это оживленіе не представляло ничего веселаго. Мнѣ показалось, что войска упали духомъ; вскорѣ я убѣдился, что первое впечатлѣніе, производимое на меня видомъ солдатъ, было совершенно вѣрно".

Когда онъ представился Меншикову, тотъ спросилъ его, какое впечатлѣніе произвели въ Петербургѣ первыя извѣстія о дессантѣ непріятеля. „Я еще находился подъ вліяніемъ моего прощанія съ государемъ, и потому отвѣчалъ: „самое тяжелое". Послѣ этого не-дипломатическаго отвѣта, къ удивленію моему, кн. Александръ Сергѣевичъ сталъ говорить шутливымъ тономъ объ Альменскомъ сраженіи, и въ заключеніе и уже вставая, чтобы уйти, сказалъ: „he bien, il y avait ce jour-là un moment, où je croyais qu'on me donnerait le titre du comte d'Almaviva". Эта выходка

Digitized by Google

меня непріятно поразила, хотя я и привыкъ давно къ шуткамъ кн. Меншикова"...

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатаны были въ „Русской Старинѣ" (и потомъ отдѣльной книжкой) воспоминанія тогдашняго адъютанта Меншикова, Аркадія Панаева. Это былъ настоящій панегирикъ. Панаевъ, близко видѣвшій Меншикова въ эту эпоху, проникнутъ былъ не только почтеніемъ, но благоговѣніемъ къ дѣяніямъ своего героя. Безъ сомнѣнія, никто не отказалъ бы кн. Меншикову ни въ умѣ, ни въ характерѣ, который такъ былъ нуженъ среди трудныхъ испытаній, какія пришлось перенести русской арміи именно въ это время. Но изображеніе Панаева уже самой непрерывностью и безусловностью панегирика способно было вызывать недоумѣніе и, дѣйствительно, другіе отзывы ближайшихъ современниковъ иначе рисуютъ и характеръ, и дѣятельность Меншикова. Къ числу такихъ современниковъ принадлежитъ, между прочимъ, и Денъ. Ему пришлось также видѣть очень близко то положеніе вещей, которымъ распоряжался Меншиковъ, и очень часто онъ былъ имъ совершенно неудовлетворенъ. Кн. Меншиковъ былъ извѣстный остроумецъ, но Дену казалось не безъ основанія, что шутки не всегда были умѣстны и не всегда управленіе Меншикова отвѣчало потребностямъ дѣла, тѣмъ болѣе, что къ этому присоединялась еще и крайняя исключительность: онъ не терпѣлъ около себя людей, не имъ назначенныхъ и независимыхъ. Въ концѣ концовъ онъ отнесся недружелюбно и къ Дену, который имѣлъ возможность писать прямо военному министру. Начальникомъ севастопольскаго гарнизона былъ человѣкъ ничтожный, и было счастливой случайностью, что никто его не слушалъ и что въ Севастополѣ были тогда Корниловъ, Нахимовъ и Тотлебенъ. Когда Дену дано было новое порученіе въ Керчь, оказалось, что ни въ военномъ министерствѣ, ни въ главной квартирѣ не имѣлось необходимыхъ военныхъ свѣденій. Самый Севастополь былъ заброшенъ, и Денъ разсказываетъ, что его отецъ въ 1850 году, всего за четыре года до войны, тщетно настаивалъ на необходимости укрѣпить Севастополь съ сухопутной стороны. Во время самой осады, какъ замѣчаетъ Денъ, „никто откровенно не сознается, что ни въ главной квартирѣ, ни въ севастопольскомъ гарнизонѣ не было ни одной, даже посредственной, карты Севастополя, и въ особенности той мѣстности, на которой предполагалось дѣйствовать 24-го октября. Между тѣмъ великій князь Николай Николаевичъ привезъ съ собой одну небольшую, весьма удовлетворительную карту, полученную имъ отъ ген. Анненкова въ Одессѣ. Карта эта, литографированная въ то-

Digitized by Google

пографическомъ депо, какъ оказалось впослѣдствіи, хранилась *въ большомъ числѣ экземпляровъ*, но въ *строжайшей тайнѣ* [1]), въ архивѣ главнаго штаба въ Петербургѣ".

Денъ безпрестанно встрѣчался съ примѣрами распущенности и „зловѣщей неурядицы". По одному поводу онъ говоритъ: „Въ то время въ нашей арміи противодѣйствіе прямому начальству считалось дѣломъ обыкновеннымъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ — считалось обязанностью. Вообще меня поражали часто и наводили на грустныя размышленія примѣры совершенной распущенности, явно доказывающіе, что настоящая дисциплина достигается не варварскою строгостью, а примѣромъ старшихъ". Послѣ одного изъ сраженій Денъ увидѣлъ, что не было и какого-нибудь сноснаго попеченія о больныхъ и раненыхъ: „Я впервые убѣдился, —пишетъ онъ,—что при нашей арміи для перевозки больныхъ и раненыхъ не имѣется никакихъ приспособленій". Въ данномъ случаѣ для этой перевозки были употреблены телѣги, на которыхъ перевозились туры. „Фургоны и телѣги могутъ считаться инструментами пытки, а никакъ не удобнымъ средствомъ перевозки раненыхъ; наконецъ, и тѣхъ, и другихъ слишкомъ недостаточно... Можно,—нѣтъ, кажется, невозможно себѣ представить, что̀ долженъ испытывать раненый, когда его подымаютъ на неуклюжую высокую телѣгу, — бока которой, благодаря желѣзнымъ гакамъ для прикрѣпленія брезента, не представляютъ нигдѣ ничего гладкаго. На днѣ телѣги только одинъ человѣкъ можетъ лежать на спинѣ по случаю полукруглаго дна ея, другіе должны лежать бокомъ, отчасти придавливая перваго;—положить же болѣе трехъ значитъ убить первыхъ. Затѣмъ, когда лошади тронули и привели въ движеніе этотъ смертоносный для больныхъ инструментъ, называемый телѣгою, по неровной каменистой крымской дорогѣ, раненые издавали такіе звуки, что я по сіе время не могу вспомнить о нихъ, не содрогаясь". Не лучше дѣло было въ госпиталяхъ: мало было прислуги, а затѣмъ когда прибыло нѣсколько лекарей и собрано было изъ разныхъ полковъ до 400 человѣкъ для госпитальной службы, то, вслѣдствіе нераспорядительности, на эту прислугу въ теченіе нѣсколькихъ дней не отпускалось провіанта и „вся эта прислуга, отъ изнуренія и госпитальнаго уже заразительнаго воздуха, сама собой превратилась въ больныхъ; эти несчастные валялись на грязныхъ, сырыхъ полахъ, никто ихъ не пользовалъ, не кормилъ, а госпитальное начальство сдѣлало вновь представленіе о недостаткѣ госпитальной прислуги".

[1]) Оказалось, даже отъ своихъ, которымъ могла бы служить при защитѣ этого Севастополя!

Digitized by Google

Наконецъ, присоединилось еще одно обстоятельство: „Между тѣмъ,—въ особенности это стало замѣтнымъ послѣ Инкерманскаго сраженія,—значительно начало развиваться у насъ мародерство; во всѣхъ селеніяхъ, отдѣльныхъ домахъ, дачахъ, садахъ и виноградникахъ стали показываться праздношатающіеся солдаты, которыхъ не досчитывались въ полкахъ и показывали кого убитыми, кого безъ вѣсти пропавшими. Въ одномъ Бахчисараѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до главнокомандующаго, такихъ мародеровъ скопилось больше тысячи. Это доказываетъ, какой порядокъ соблюдался въ арміи кн. Меншикова и какъ исправно исполняли свою обязанность корпусные и дивизіонные гевальдигеры. Донесенія о разныхъ безпорядкахъ, насильствахъ и даже грабежахъ побудили, наконецъ, кн. Меншикова командировать меня въ Бахчисарай съ порученіемъ, посредствомъ мѣстной и военной полиціи, переловить солдатъ, укрывающихся въ Бахчисараѣ и окрестностяхъ, и, составляя изъ нихъ правильныя команды, направлять въ части, которымъ они принадлежали. Въ трое сутокъ удалось мнѣ составить 17 такихъ командъ“... Это составляло болѣе 2.000 человѣкъ: „къ сожалѣнію, должно сознаться, что въ этомъ числѣ были и офицеры“...

Вообще Денъ выносилъ изъ всѣхъ видѣнныхъ имъ сценъ войны впечатлѣніе „страшной неурядицы, безтолковія, безпечности и равнодушія, которыя составляли отличительную черту и характеристику Меншиковской военной администраціи“. Когда Денъ, насмотрѣвшись на упомянутое безчеловѣчное отношеніе къ больнымъ и раненымъ, „поскакалъ къ главнокомандующему и съ негодованіемъ доложилъ ему о всемъ, что̀ происходило въ Симферополѣ“, онъ ожидалъ, что назначено будетъ строгое слѣдствіе. Меншиковъ сказалъ только: „Pouvais-je soupçonner, que la stupidité humaine pouvait aller jusque-là“.

Мы говорили выше, что Меншиковъ относился не совсѣмъ дружелюбно къ Дену, въ которомъ видѣлъ неудобнаго наблюдателя; поэтому онъ снова отправилъ его въ Петербургъ съ донесеніями, какъ послѣ оказалось, совершенно незначительными. Это было въ декабрѣ 1854 года. „Оставилъ я Севастополь не безъ горестнаго чувства; я былъ свидѣтелемъ многихъ подвиговъ храбрости, самоотверженія; большинству изъ нихъ суждено было пройти безплодно, безслѣдно. Впервые мнѣ приводилось видѣть въ ея гнусной наготѣ дурную сторону всего человѣческаго, но надо сознаться, что, вѣроятно, рѣдко можно встрѣтить въ жизни примѣры эксплуатаціи бѣдствій, порождаемыхъ войной, и человѣческихъ страданій, какихъ я былъ свидѣтелемъ въ Крыму. Но

Digitized by Google

и себя я не могу не обвинять въ эгоизмѣ, когда вспоминаю, что я не безъ радости оставлялъ мѣста, гдѣ безропотно погибали тысячи людей, съ однимъ, большею частью, безсознательнымъ инстинктивнымъ чувствомъ исполненія долга и служенія отечеству".

Любопытна и картина путешествія, которое совершалъ флигель-адъютантъ, ѣхавшій курьеромъ отъ главнокомандующаго къ государю императору. Въ самомъ Крыму путешествіе было по истинѣ ужасно: „Не бывавшій въ то время въ Крыму не можетъ себѣ представить, въ какомъ состояніи тамъ были дороги: отъ долины Бельбека до Симферополя намъ пришлось ѣхать по глубокой грязи, въ которой нашли смерть сотни изнуренной скотины. Переѣзжая черезъ трупы верблюдовъ и воловъ, невозможно было ускорить ѣзду, а между тѣмъ зараженный воздухъ разлагающимися тѣлами не позволялъ отнимать носового платка отъ носа. Но это страданія только физическія, къ которымъ должно присоединить и моральныя... Какъ тихо мы ни ѣхали, однако обгоняли цѣлые караваны раненыхъ, мучившихся отъ неудобства телѣгъ, въ которыхъ ихъ везли, и испускавшихъ такіе жалостные стоны, что у меня слезы неудержимо лились изъ глазъ и сердце ныло". Выѣхавши передъ тѣмъ съ порученіемъ въ Крымъ, Денъ не имѣлъ возможности взять съ собой теплой одежды и теперь запасся нагольнымъ тулупомъ. „Несмотря на курьерскую подорожную и отсутствіе всякаго багажа, я ѣхалъ относительно весьма медленно, въ особенности по случаю темныхъ ночей". Случалось въ потьмахъ сбиваться съ дороги, опрокидываться въ канавы; дорога превращалась въ мученіе. „Всю харьковскую губернію я проѣхалъ по замерзшей грязи, проклиная судьбу; въ Бѣлгородѣ я долженъ былъ бросить тулупъ, купленный въ Перекопѣ, и свою солдатскую шинель, которые до того измокли, покрылись и пропитались грязью, что давили плечи и до нихъ нельзя было дотронуться безъ отвращенія. Лицо мое было покрыто грязью и могло уподобиться ласточьему гнѣзду; съ помощью запаса носовыхъ платковъ, мнѣ удавалось лишь расчищать глаза. Въ Бѣлгородѣ я купилъ новый тулупъ и мужицкій зипунъ, въ которомъ благополучно доѣхалъ до Курска. Въ этомъ городѣ меня ожидала двойная радость: во-первыхъ, я засталъ тамъ отставшаго отъ великихъ князей Павла Шувалова; во-вторыхъ, мнѣ объявили на станціи, что отъ Курска начинается санный путь и что меня повезутъ въ кибиткѣ. Радость моя была неописанная; я тотчасъ же предложилъ Шувалову, ради скорости, оставить его коляску и ѣхать со мной, съ условіемъ платить за меня прогоны, потому

Digitized by Google

что я предчувствовалъ, что я неминуемо засну мертвымъ сномъ —и, дѣйствительно, я проспалъ до Тулы".

Въ концѣ декабря Денъ пріѣхалъ въ Петербургъ. 18-го февраля императоръ Николай умеръ; болѣзнь его развилась быстро: еще за нѣсколько дней, а именно 15-го февраля, Денъ видѣлъ государя въ саняхъ, катающимся по городу. Денъ сообщаетъ слухи, ходившіе тогда по поводу этой скоропостижной кончины, но считаетъ ихъ совершенно нелѣпыми.

„Молодое поколѣніе,—разсказываетъ Денъ,—большею частью привѣтствовало происшедшую перемѣну если не радостно, то, по крайней мѣрѣ, надеждами на болѣе либеральное направленіе новаго правителя, на бо́льшій просторъ мысли, на воцареніе легальности и огражденіе личныхъ и имущественныхъ правъ, о которыхъ, не могу не сознаться, еще мало имѣли настоящаго понятія въ Россіи. При этомъ нельзя не сказать, что эти самые господа увлекались и были убѣждены, что для всѣхъ желаемыхъ ими реформъ достаточно одного или нѣсколькихъ указовъ, забывая, что безъ надлежащимъ образомъ подготовленныхъ исполнителей указы остаются мертвою буквою, что у насъ и прежде были законы,—законы мудрые, но законности все-таки не было".

Здѣсь есть немалое преувеличеніе. Дѣйствительно, молодыя поколѣнія были исполнены ожиданіями иного порядка вещей, но не думаемъ, чтобы много было людей, полагавшихъ, что для желаемыхъ реформъ достаточно было бы одного или двухъ указовъ: думать такимъ образомъ было бы слишкомъ глупо; напротивъ, во всѣхъ отрасляхъ администраціи видѣлось столько несовершенствъ и вопіющихъ злоупотребленій, что полагалось необходимой цѣлая продолжительная работа надъ изученіемъ причинъ непорядка и мѣръ для его устраненія. Дѣйствительно, въ первые же годы новаго царствованія не было, да и общество не ожидало никакихъ единичныхъ и моментальныхъ указовъ, которые могли бы и должны бы были устранить прежнее несовершенное теченіе дѣлъ, и, напротивъ, принимался рядъ мѣръ предварительныхъ, которыя должны были служить подготовительной и болѣе или менѣе медленной работой для установленія новаго порядка вещей: общество совершенно понимало необходимость этой медленности и съ напряженнымъ интересомъ слѣдило за ходомъ занятій въ такихъ учрежденіяхъ, какъ знаменитыя редакціонныя коммиссіи, какъ та коммиссія, которая работала надъ реформой судебной, и т. п. Въ замѣчаніяхъ Дена повторяется опять тотъ же споръ о людяхъ и учрежденіяхъ, какой мы указывали по поводу дневника Граббе: „безъ надлежащимъ образомъ подготовленныхъ

Digitized by Google

исполнителей указы остаются мертвою буквою",—замѣчаетъ Денъ; но прежніе указы дѣлали даже невозможнымъ самое приготовленіе исполнителей. Укажемъ, напримѣръ, что подготовленіе исполнителей судебной реформы стало возможно только тогда, когда съ новымъ царствованіемъ расширилась возможность говорить въ литературѣ о недостаткахъ старыхъ учрежденій и желательныхъ новыхъ формахъ суда, когда съ новымъ царствованіемъ открылась возможность для нашихъ юристовъ довершать свое образованіе за границей и наглядно изучать формы европейскаго суда и т. д. Затѣмъ чрезвычайно важнымъ факторомъ въ распространеніи среди общества здраваго сознанія о положеніи вещей была извѣстная доля гласности, допущенная въ то время: это допущеніе гласности при старыхъ указахъ было опять совершенно немыслимо. Такимъ образомъ, вопросъ не въ однихъ людяхъ, но и въ такихъ условіяхъ, которыя дали бы возможность дѣйствовать и тѣмъ, хотя бы немногимъ, силамъ, какія уже имѣлись въ обществѣ, и народиться силамъ новымъ; эти условія въ складѣ нашей жизни могли быть даны тогда именно и только указомъ, т.-е. или формальной правительственной мѣрой, или только предоставленіемъ большаго простора общественной иниціативѣ.

Денъ разсказываетъ о крайней тревогѣ, наполнившей дворецъ при первомъ извѣстіи о кончинѣ имп. Николая и имъ самимъ видѣнной. Такъ какъ на другой день онъ былъ назначенъ дежурнымъ, то, не ожидая общей присяги, онъ отправился въ большую дворцовую церковь, гдѣ многіе уже принимали присягу. „Совершивъ обрядъ присяги и выходя изъ церкви, я встрѣтилъ А. П. Самсонова, адъютанта наслѣдника, а со времени кончины Николая Павловича — государя. Онъ меня остановилъ, чтобы объявить, что отнынѣ ботфорты отмѣняются. Я на него смотрѣлъ въ недоумѣніи, какъ бы не понимая его словъ; тогда онъ счелъ нужнымъ подтвердить эту важную новость, съ необыкновеннымъ, удивительнымъ для меня, присутствіемъ духа, уже называя наслѣдника государемъ, объявилъ, что приказано адъютантамъ не заводить ботфортовъ, которыхъ болѣе носить не будутъ!" По поводу похоронъ императора Николая, Денъ замѣчаетъ: „Изъ всѣхъ иностранцевъ, пріѣхавшихъ отдать послѣднюю честь Николаю Павловичу, мнѣ особенно памятенъ австрійскій эрцъ-герцогъ Вильгельмъ, по случаю удивленія, котораго онъ не могъ скрыть при видѣ многочисленнаго войска, разставленнаго по пути печальнаго шествія. Всѣ резервные гвардейскіе полки были на-лицо, и это изумляло австрійца, убѣжденнаго, что военныя демонстраціи Австріи заставили Россію сосредоточить всѣ свои силы на югѣ и на юго-западѣ".

Digitized by Google

Далѣе, въ запискахъ Дена находимъ еще не мало любопытныхъ фактовъ изъ первыхъ лѣтъ новаго царствованія, фактовъ тѣмъ болѣе цѣнныхъ для будущаго историка, что они исходятъ отъ человѣка, сохранившаго сочувствіе къ представителямъ предыдущей эпохи, слѣдовательно свободнаго отъ какихъ-либо преувеличеній въ сторону новаго времени. Между прочимъ, онъ говоритъ объ отставкѣ гр. Клейнмихеля, который былъ передъ тѣмъ главнымъ управляющимъ путями сообщенія. „Я упоминаю объ этомъ, повидимому незначительномъ, событіи потому, что это было одно изъ первыхъ популярныхъ дѣйствій имп. Александра Николаевича. Гр. Клейнмихель, котораго называли Аракчеевымъ царствованія Николая Павловича... никогда не имѣлъ и сотой доли силы и вліянія своего покровителя, Аракчеева; чѣмъ именно гр. Клейнмихель пріобрѣлъ всеобщую ненависть, я и по сіе время не знаю; онъ былъ грубъ, несвѣдущъ, надмененъ, но безкорыстенъ, это я утверждаю, несмотря на весьма распространенное совершенно противоположное мнѣніе. Какъ бы то ни было, увольненіе его отъ должности составило настоящее „événement“ въ Петербургѣ; даже люди, никогда не бывшіе съ нимъ въ соотношеніи, радовались и поздравляли другъ друга съ его удаленіемъ, и, какъ я говорилъ императрицѣ, это увольненіе заставило забыть въ два дня полученное въ то время печальное извѣстіе объ отбитомъ штурмѣ Карса Н. Н. Муравьева. Впослѣдствіи я неоднократно упрекалъ себя за неосновательное увлеченіе общественнымъ мнѣніемъ; министерство путей сообщенія переходило отъ гр. Клейнмихеля къ Чевкину, а отъ сего къ Мельникову. Чевкинъ былъ умнѣе своего предшественника и контрастомъ его по образованности; Мельниковъ человѣкъ честный, спеціально образованный и все-таки, еще годъ тому назадъ (1870), я имѣлъ случай слышать отъ людей свѣдущихъ, что, какъ главноуправляющій путями сообщенія, гр. Клейнмихель былъ лучше и Чевкина, и Мельникова“.

Недоумѣніе Дена не совсѣмъ понятно: указанныя имъ самимъ качества главноуправляющаго были достаточны для того, чтобы объяснить „всеобщую ненависть“. Въ то время въ Петербургѣ постоянно ходили разсказы объ этихъ качествахъ главноуправляющаго, и еслибы Дену случилось испытать ихъ самому, его недоумѣніе вѣроятно бы прекратилось. Кромѣ того, невѣжество въ этомъ предметѣ имѣло и свои существенныя неудобства въ государственномъ отношеніи: тогда говорили, что гр. Клейнмихель былъ однимъ изъ вліятельныхъ противниковъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ извѣстно, обширная постройка желѣзныхъ дорогъ начинается

Digitized by Google

у насъ только съ воцаренія Александра II, а отсутствіе путей сообщенія было, безъ сомнѣнія, не послѣднимъ факторомъ въ многоразличныхъ бѣдствіяхъ крымской войны. И вообще мудрено себѣ представить, какимъ образомъ человѣкъ „несвѣдущій" могъ хорошо управлять дѣломъ, котораго не понималъ. Вслѣдъ затѣмъ приводится самимъ Деномъ необычайный разсказъ о томъ, какъ гр. Клейнмихель не понималъ никакого плана, на картѣ считалъ дорогу за рѣку и т. п.

Какъ вообще тогдашніе администраторы понимали учрежденія, которыя считаются вообще государственными, объ этомъ тотъ же Денъ приводитъ замѣчательный анекдотъ, совершенно фактическій, уже въ новое царствованіе. Рѣчь идетъ о гр. В. Ѳ. Адлербергѣ.

„Не помню, кто именно изъ флигель-адъютантовъ воспользовался присутствіемъ главы почтоваго департамента (во время поѣздки имп. Александра II въ Крымъ), чтобы представить довольно рѣзкими красками печальное состояніе почтовыхъ трактовъ, преимущественно главнаго, служившаго единственнымъ сообщеніемъ Москвы съ Крымомъ; я упоминаю объ этомъ разговорѣ потому, что не могъ надивиться безцеремонности отвѣта гр. Владиміра Ѳедоровича, котораго мы привыкли считать человѣкомъ умнымъ и образцомъ самой утонченной учтивости. На этотъ разъ, вѣроятно раздраженный рѣшеніемъ государя ѣхать до Москвы не съ нимъ, а съ его сыномъ, Александромъ, онъ вдругъ напустился на остроумнаго разсказчика и заключилъ слѣдующими словами, обращаясь уже ко всѣмъ: „Вы, господа, забываете, что почтовая гоньба была установлена, въ царствованіе императрицы Анны Ивановны, исключительно для казенной надобности, и если вамъ теперь дозволено ею пользоваться, то будьте благодарны, а не порицайте и не глумитесь".

„Я былъ пораженъ и, конечно, еще бы долго оставался въ видѣ истукана, еслибы не подали экипажъ государя".

И дѣйствительно, можно было оставаться въ видѣ истукана. Тѣмъ и тяжелъ былъ предшествовавшій историческій періодъ, что понятія гр. Адлерберга были общими правилами. Нельзя не припомнить, что однажды въ томъ же самомъ смыслѣ выражался тогда гр. Уваровъ, министръ народнаго просвѣщенія, о литературѣ, что она существуетъ только по снисхожденію начальства, потому что никто изъ русскихъ гражданъ не имѣетъ собственно никакого права публиковать своихъ мыслей во всеобщее свѣденіе. Гр. Клейнмихель не считалъ нужными для Россіи желѣзныхъ дорогъ, и т. п.

Въ концѣ 1855 года Денъ назначенъ былъ командиромъ

Digitized by Google

одного полка, стоявшаго въ Крыму, и въ его запискахъ идетъ новый рядъ эпизодовъ, посвященныхъ изображенію тогдашняго полкового хозяйства. Пріѣхавши снова въ Крымъ, онъ долженъ былъ близко познакомиться съ тогдашними способами полкового управленія и пришелъ въ ужасъ; все состояніе арміи свидѣтельствовало о крайней деморализаціи. „Я не могъ надивиться (полному) равнодушію, царствовавшему въ обществѣ къ главнымъ дѣятелямъ нашей арміи, находившейся въ положеніи далеко не завидномъ, не говоря уже о томъ, что существовавшіе порядки, по интендантской и госпитальной частямъ, хотя и встрѣчали порицанія, но какъ-то слегка, въ видѣ юмористическихъ привѣтствованій, милыхъ анекдотовъ; серьезно къ этимъ глупостямъ никто не относился. Съ личностями, настоящее мѣсто которыхъ было бы, по моему мнѣнію, у позорнаго столба, не только знались, но и кутили. Не краснѣя, разсказывали о хозяйственныхъ оборотахъ находчивыхъ полковыхъ командировъ, бравшихъ на себя доставку овса и мяса изъ новороссійскихъ губерній, посылавшихъ въ полтавскую губернію соль, и т. п. Однимъ словомъ, я былъ пораженъ общею деморализаціею, и мнѣ казалось, что я попалъ въ среду, гдѣ не дѣлается различія между зломъ и добромъ“.

Онъ приводитъ многочисленные примѣры. Когда въ своемъ полку онъ началъ заводить другіе порядки, не основанные на грабежѣ казны, то ближайшіе подчиненные, квартирмейстеръ и казначей, при каждомъ приказаніи смотрѣли на него съ недоумѣніемъ, выражавшимъ, по мнѣнію Дена, два вопроса: что̀ онъ, просто глупъ или сумасшедшій? Общее впечатлѣніе было такое: „До какой степени одолѣвала меня въ то время безсильная злоба, можно судить потому, что теперь (1872), по прошествіи 16-ти лѣтъ, у меня, при одномъ воспоминаніи о томъ, холодѣютъ и дрожатъ руки, такъ что я рѣшительно не въ состояніи писать“.

На этомъ мы закончимъ извлеченія изъ записокъ сенатора Дена. Какъ видитъ читатель, онѣ вмѣстѣ съ другими современными мемуарами и документами доставляютъ драгоцѣнныя указанія объ историческомъ характерѣ эпохи крымской войны, которая послужила переломомъ въ развитіи нашего общества и самого государства. Замѣтимъ опять, что Денъ, какъ и Граббе, о которомъ мы выше говорили, вовсе не принадлежали къ людямъ, впередъ настроеннымъ относиться критически къ данному порядку вещей, но въ ихъ замѣткахъ, потому только, что онѣ были искренни и правдивы, заключалось самое суровое осужденіе этого положенія вещей. Оба отличались въ величайшей степени личной

Digitized by Google

преданностью, сами были добросовѣстными исполнителями, но на дѣлѣ они безпрестанно встрѣчались съ крайнимъ безпорядкомъ, невѣжествомъ, наконецъ, съ полной деморализаціей. Денъ видимо не отдавалъ себѣ отчета въ причинѣ совершавшихся явленій; объ этихъ причинахъ ближе догадывался Граббе, въ понятіяхъ котораго сохранились воспоминанія объ иномъ времени, о юношескихъ идеалахъ двадцатыхъ годовъ. Сила вещей разъясняла эти недоумѣнія, и когда при восторженныхъ сочувствіяхъ общества, тотчасъ по окончаніи крымской войны, правительство заявило планы реформъ, это было и естественное слѣдствіе прошедшаго, и вѣрное пониманіе несомнѣнной исторической необходимости.

Въ другомъ направленіи чрезвычайно интересна біографія извѣстнаго гр. Евдокимова (1804—1873), проведшаго всю свою жизнь на службѣ въ кавказскихъ войнахъ. Онъ былъ сынъ солдата и пробилъ свою дорогу военными качествами въ соединеніи съ сильнымъ здравымъ смысломъ, который дѣлалъ его находчивымъ и практическимъ администраторомъ; замѣчательнѣйшимъ его дѣломъ было покореніе и колонизація западнаго Кавказа. Это событіе мало было замѣчено въ свое время; теперь оно выяснено довольно наглядно въ запискахъ современниковъ (какъ напримѣръ, записки генерала Ольшевскаго), въ статьяхъ г. Кравцова [1]), въ біографіи гр. Евдокимова, составленной г. Ореусомъ [2]), и пр.

Покореніе западнаго Кавказа, совершившееся по плану Евдокимова, произведено было совершенно иначе, чѣмъ всѣ прежнія покоренія кавказскихъ племенъ. Въ прежнее время велись обыкновенно нескончаемыя войны съ отдѣльными племенами, которыя послѣ сильныхъ пораженій усмирялись, но затѣмъ возставали снова и дѣлали необходимыми новые походы; среди непокорныхъ земель строились крѣпости, какъ опорные пункты для военныхъ дѣйствій, но вокругъ нихъ нерѣдко въ ближайшемъ сосѣдствѣ оставалось населеніе, готовое къ возстанію, если находило къ тому благопріятныя обстоятельства.

Евдокимовъ предпринялъ совсѣмъ иной способъ дѣйствій: онъ рѣшилъ совершенно вытѣснить населеніе западнаго Кавказа изъ его страны и замѣнить его русскимъ. Обдуманъ былъ планъ заселенія западнаго Кавказа казацкими станицами. Это произо-

---

[1]) Кавказъ и его военноначальники, 1854—1864, въ „Русской Старинѣ", 1886.
[2]) „Русская Старина", 1889—1890.

Digitized by Google

шло въ теченіе пяти лѣтъ, съ 1861 по 1865 г. Всего за это время было водворено здѣсь до 16.000 семействъ, изъ которыхъ до полутораста офицерскихъ семействъ кубанскаго войска, затѣмъ шли казаки бывшаго черноморскаго войска, кавказскаго линейнаго, азовскаго, оренбургскаго, донского, уральскаго, женатые солдаты кавказской арміи, наконецъ мѣщане и крестьяне разныхъ губерній. „Кубанское казачье войско,—говоритъ одинъ изъ упомянутыхъ историковъ,—выставило въ составъ дѣйствовавшихъ отрядовъ отъ верховьевъ Лабы и Бѣлой до берега моря у Анапы, на пространствѣ около 500 верстъ, 24 полка отличной конницы, силою въ 20 тыс. всадниковъ, и 10 пѣшихъ пластунскихъ баталіоновъ, силою въ 10 тыс. штыковъ, всего никакъ не менѣе 30 тыс., снабженныхъ не казною, а на свой счетъ, ударнымъ нарѣзнымъ оружіемъ. Всѣ эти части составляли въ тѣхъ же отрядахъ авангарды, рекогносцировочныя колонны и развѣдочныя партіи, а также охраняли всѣ передовыя линіи цѣпью постовъ и пикетовъ; они шли постоянно впереди регулярныхъ войскъ, составлявшихъ главную силу, и ихъ нарѣзной огонь первый поражалъ непріятеля. А если къ этому добавить еще, что позади главныхъ нашихъ силъ тянулись безчисленныя колонны переселенческихъ транспортовъ тѣхъ же кубанскихъ казаковъ, для водворенія на показанныхъ мѣстахъ казачьихъ станицъ, закрѣплявшихъ за нами очищенную отъ непріятеля страну, въ которой, однако, горцы рыскали мелкими партіями во всѣхъ направленіяхъ для нанесенія намъ возможнаго вреда, то будетъ ясно, что не только войска регулярныя, не только строевыя казачьи части, но и все переселяемое населеніе несли огромнѣйшіе труды, лишенія и нужды на это покореніе страны, о чемъ не можетъ имѣть яснаго понятія только тотъ, кто не видитъ этого на мѣстѣ и до котораго это дѣло вовсе не касалось“.

Дѣйствіе этихъ мѣръ было подавляющее. Когда горскія племена этого края „увидѣли, что за главными силами русскихъ войскъ тянутся безчисленные переселенческіе транспорты, которые и водворяются на прежнихъ, имъ принадлежавшихъ, мѣстахъ, они совершенно пали духомъ. Всѣ эти народы поняли тогда, что для нихъ остается одно спасеніе—уходить въ Турцію“. Они просили только не препятствовать ихъ переселенію въ Турцію. Евдокимовъ обѣщалъ имъ съ своей стороны полное содѣйствіе.

„Съ этою цѣлью посланы были по всему прибрежью Чернаго моря разные агенты нанимать всѣ свободныя суда для перевозки горцевъ. Отправленіе ихъ пошло быстро; судовъ раз-

Digitized by Google

ныхъ типовъ, отъ пароходовъ до турецкихъ кочермъ, явилось множество; переселенцы горскіе отправлялись и въ Константинополь, и въ Синопъ, и въ Трапезондъ, наконецъ приставали къ азіатскому берегу, гдѣ случалось, на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ...

„Счетъ отправляющимся переселенцамъ хотя и былъ веденъ, но далеко не полный, такъ какъ горцы отправлялись и помимо того на всѣхъ судахъ, какія только приставали къ нашимъ берегамъ.

„Полагали въ то время приблизительно, что всѣхъ горцевъ переселилось въ Турцію болѣе 500 тыс. душъ обоего пола, изъ коихъ, надо полагать, пятая часть потонула въ Черномъ морѣ на турецкихъ кочермахъ, переполненныхъ переселенцами, и умерла отъ сильно распространившагося тифа".

Послѣ покоренія западнаго Кавказа, въ кубанской области осталось горскаго населенія только 80.000; оно было совершенно обезоружено, разселено между казачьими станицами и въ общей цифрѣ населенія кубанской области составляетъ едва одну двѣнадцатую долю или даже меньше. Въ маѣ 1864 года объявлено было окончаніе кавказской войны.

Закончимъ нѣсколькими подробностями изъ иного времени, изъ иного, первобытнаго, міра. Въ „Русской Старинѣ" (1890, февраль) начаты записки извѣстнаго Н. В. Берга, поэта и историка послѣдняго польскаго возстанія, записки, обѣщающія быть весьма интересными. Н. В. Бергъ былъ человѣкъ весьма просвѣщенный и, несмотря на нѣмецкую фамилію, почти славянофилъ. Изъ записокъ оказывается, что по обстоятельствамъ своей жизни онъ могъ дѣйствительно считаться совершенно русскимъ человѣкомъ. Генеалогія Н. В. Берга не длинная. „Наша фамилія,— говоритъ онъ,—происходитъ изъ Лифляндіи, гдѣ имѣла помѣстье и замокъ. Дѣдъ мой по отцу, Вальтеръ, впослѣдствіи Владиміръ, Бергъ, былъ человѣкъ военный, артиллеристъ, и совершилъ съ Суворовымъ нѣсколько кампаній. Въ одну изъ нихъ, подъ крѣпостью Силистріей, онъ былъ раненъ и умеръ, въ чинѣ штыкъ-юнкера. На память о немъ ничего не осталось, кромѣ краткаго послужного списка на одномъ листѣ синей бумаги и грамоты на чинъ штыкъ-юнкера, подписанной государыней Екатериной. Никакого письма, ни клочка бумаги, ничего ровно. Даже неизвѣстно, что̀ это былъ за человѣкъ. Бабушка моя по отцѣ, Марья Петровна, рожденная Астафьева, разсказывала сыну, т.-е. отцу моему, что мужъ ея былъ человѣкъ страстный и картежникъ".

Digitized by Google

Отецъ Н. В. Берга былъ двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ, когда умеръ штыкъ-юнкеръ. Помѣстье въ Лифляндіи было забрано родней; тягаться съ ними было трудно; мальчикъ росъ въ Москвѣ на рукахъ матери, кое-какъ учился, потомъ изъ юнкерскаго училища въ Петербургѣ попалъ въ чиновники для переписыванія бумагъ къ извѣстному кабинетъ-секретарю Екатерины II-ой, Попову, а по смерти Екатерины, когда ея любимцы разосланы были по всѣмъ концамъ Россіи и Поповъ уѣхалъ въ свою малороссійскую деревню, Василій Бергъ, по его совѣту, послѣдовалъ приглашенію правительства, призывавшаго чиновниковъ на службу въ открывавшіеся сибирскіе города на выгодныхъ условіяхъ. Въ Сибири онъ прослужилъ около двадцати лѣтъ. Немногое изъ его разсказовъ уцѣлѣло въ памяти Н. В. Берга; между прочимъ, было нѣсколько „страшныхъ" разсказовъ о генералъ-губернаторѣ Сибири, Пестелѣ, отцѣ декабриста. Въ Сибири Василій Бергъ и женился на дочери нѣкоего Ромадина. Это былъ оригинальный человѣкъ, вѣроятно очень похожій на первыхъ русскихъ завоевателей и колонизаторовъ Сибири.

„Не много раньше того времени, когда отецъ мой отправился изъ Петербурга въ Томскъ съ чиновниками, отправился точно также одинъ чиновникъ изъ Малороссіи, Ефремъ Ѳедоровичъ Ромадинъ, въ якутскую область. Ему, какъ имѣвшему понятіе о стройкѣ избъ, дѣланіи телѣгъ и т. п. и даже лично владѣвшему топоромъ и рубанкомъ, было поручено, по повелѣнію государыни, выстроить въ тысячѣ верстахъ отъ Якутска на сѣверѣ, среди дремучихъ лѣсовъ, кедровыхъ и другихъ хвойныхъ (по-сибирски: въ тайгѣ), гдѣ жили одни только якуты, городъ Оленскъ, руками сосланныхъ въ тѣ страны уральскихъ казаковъ и башкиръ Пугачева. Подъ ихъ топорами, и отчасти подъ топоромъ самого начальника Ромадина, очень скоро выросъ небольшой городокъ въ 15 богатыхъ избъ, названный Оленскомъ. Ефремъ Ѳедоровичъ принадлежалъ къ такимъ личностямъ, которыхъ нельзя было не слушать: богатырь тѣлосложеніемъ, съ голосомъ, какъ труба, онъ былъ деспотомъ въ домѣ, гдѣ всѣ передъ нимъ дрожали, и деспотомъ въ завоеванномъ имъ, въ глухой сибирской тайгѣ, пространствѣ. Ефремъ Ѳедоровичъ ходилъ по немъ, пока онъ строился и послѣ, не иначе, какъ въ халатѣ (сюртукъ надѣвался только въ праздничные дни), въ шапкѣ и безъ шапки, какъ случится, съ топоромъ въ одной и съ нагайкой въ другой рукѣ и поролъ ею безпощадно всякаго, кто былъ съ какой-либо стороны неисправенъ.

„По окончаніи стройки жилыхъ и нежилыхъ строеній, часть

Digitized by Google

ихъ назначена подъ присутственныя мѣста: уѣздный судъ, полицію, врачебную управу и т. д., часть на житье чиновникамъ. Въ окна вставили слюду, а гдѣ ея не хватило, тамъ окна залѣпили бумагой, а зимой вставлялись въ такія окошки льдины, которыхъ заготавливалось у каждаго дома достаточное количество на всю зиму. Какъ растаетъ льдина (что̀ происходитъ не такъ скоро, какъ, можетъ быть, думаетъ читатель,—не чаще, какъ въ недѣлю разъ), вставляли другую. Разумѣется, въ этихъ домахъ да и во всѣхъ домахъ города Оленска, было зимою очень холодно. Сидѣли и спали въ шубахъ. Зимы были суровыя, но лѣто почти тропическое. Все росло быстро: хлѣбъ, травы чрезвычайные. Лѣса и луга, тянувшіеся на необъятное пространство и принадлежавшіе жителямъ города настолько, насколько кто могъ захватить, дышали дѣвственною, дикою поэзіею и были полны звѣрей и птицъ, никогда еще не пуганныхъ человѣкомъ. Они смотрѣли на смѣлую горсть русскихъ, между ними неожиданно появившихся, почти такъ же, какъ звѣри и птицы временъ Адама и Евы смотрѣли на этихъ первыхъ обитателей земли: никто никого не трогалъ. Охотниковъ въ городѣ не было. Дикіе гуси и утки прилетали на городской прудъ, вырытый строителемъ. Чернобурыя лисицы грѣлись на солнцѣ, растянувшись по соломеннымъ крышамъ домовъ. Медвѣдь ходилъ въ одинъ дворъ изъ лѣсу пить молоко, опрокидывалъ всякій разъ нѣсколько горшковъ и опять уходилъ въ лѣсъ, никогда никого не трогая, даже не рыча, какъ будто не былъ настоящимъ медвѣдемъ. Его не боялись и не безпокоили. При необычайномъ изобиліи молока (такъ какъ каждый чиновникъ имѣлъ у себя большое количество коровъ, которыхъ содержаніе стоило немного), никто не смущался шалостями Мишки, ихъ даже поощряли, подставляя горшокъ-другой на опрокидываніе лѣсному гостю. Это былъ какой-то общій другъ и знакомецъ,—исчезни онъ, стали бы скучать. А убить его не поднялась бы ни одна рука въ Оленскѣ. Проказы этого гостя составляли даже развлеченіе для жителей. Нужно было чѣмъ-нибудь развлечься. Лѣто представляло еще для этого средства: ѣздили всею гурьбою, всѣмъ населеніемъ города, въ лѣсъ, верхами, на дикихъ коняхъ, при чемъ женщины садились на сѣдло по-мужски, имѣя для этого особую, приспособленную къ верховой ѣздѣ, якутскую одежду. Въ лѣсахъ—сбираніе ягодъ, грибовъ, игры, пѣсни, волокитство. Ефремъ Ѳедоровичъ, создатель города, отецъ-командиръ, судья, все, что̀ хотите, никогда не отставалъ въ такихъ экскурсіяхъ отъ прочихъ и также мчался на дикомъ конѣ, то въ степи, то въ лѣса, вмѣстѣ съ своими под-

Digitized by Google

чиненными. Онъ былъ тогда человѣкъ еще довольно молодой, необычайно крѣпкій и сильный. Въ немъ играли еще всѣ молодыя страсти. Онъ не отставалъ отъ молодыхъ и по разнымъ лѣскамъ, трущобамъ, кустамъ, густой, высокой травѣ... Все было просто, какъ природа, какъ вся невѣроятная жизнь Оленска" [1]).

Ромадинъ женился на дочери одного изъ мѣстныхъ жителей, и черезъ нѣсколько лѣтъ у него явилась довольно большая семья.

„Само собою разумѣется, что, при такихъ условіяхъ существованія баснословнаго городка, было невозможно никакое ученіе мальчиковъ и дѣвочекъ, дѣтей чиновниковъ. Они умѣли только ухарски скакать на коняхъ по тайгѣ, пѣть пѣсни, цѣловаться. А что такое русская или другая какая грамота, это было имъ неизвѣстно, по крайней мѣрѣ большинству. Дѣти отца, главнаго начальника, патріарха, не умѣли ни читать, ни писать. Ему самому учить ихъ было некогда: онъ былъ съ утра до ночи въ занятіяхъ, въ разъѣздахъ. А жена его, рожденная и воспитанная въ такихъ же условіяхъ, какъ и ихъ дѣти, тоже не знала грамоты. Кому было учить цѣлый десятокъ ухарей, только и смотрѣвшихъ, чтобы удрать въ тайгу, была ли то зима, было ли лѣто...

„Вскорѣ затѣмъ правительство нашло невыгоднымъ имѣть городъ въ такихъ лѣсныхъ трущобахъ; чиновникамъ предписано, по выдачѣ извѣстной суммы на подъемъ каждому, оставить Оленскъ и отправиться на службу или на житье кому куда угодно. Всѣ двинулись, распродавъ въ ближайшіе города и деревни всѣ черезъчуръ громоздкія вещи и скотъ".

Городъ существовалъ пятнадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ его начальству пришлось разрѣшить только восемь дѣлъ. По закрытіи его Ромадинъ переселился въ Иркутскъ, и здѣсь В. Бергъ женился на одной изъ его дочерей: она стала матерью Н. В. Берга. Онъ родился, впрочемъ, не въ Сибири, а въ Москвѣ, куда отецъ его пріѣхалъ изъ Сибири и поступилъ на службу въ назначенную тогда коммиссію по сооруженію храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ. Крестнымъ отцомъ Н. В. Берга былъ извѣстный Витбергъ. Впослѣдствіи семья опять возвратилась въ Сибирь, гдѣ Бергъ-отецъ получилъ довольно важное мѣсто въ Томскѣ, и въ запискахъ опять продолжаются картинки сибирскихъ нравовъ.

А. В—нъ.

---

[1]) Существованіе этого Оленска было заподозрѣно однимъ знатокомъ Сибири, но въ одной изъ дальнѣйшихъ книжекъ „Русской Старины" приведены были оффиціальныя указанія на существованіе этого города.

Digitized by Google

ИЗЪ ВЕНГЕРСКИХЪ ПОЭТОВЪ

ТРИ СКОРБИ.

Андрея Сабо.

Глубокая печаль и тяжкая забота
Лежатъ на домѣ всемъ,
И день за днемъ семья напрасно ждетъ кого-то,
Печалася о немъ.

И говоритъ женѣ глава семьи въ волненьѣ:
Не плачь, жена моя,
Героемъ онъ погибъ, и въ этомъ убѣжденьѣ
Не такъ печалюсь я.

И говоритъ сестра:—Я жизнь отдать готова
Была бы для того,
Чтобъ онъ когда-нибудь подъ сѣнь родного крова
Вернулся своего.

И тихо молвитъ мать:—О, легче бы кручина
Была въ душѣ моей,
Когда бы я могла найти могилу сына,
Чтобъ умереть на ней!

О. М—ва.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1890 г.

Отчетъ оберъ-прокурора св. синода за 1887 г.—Положеніе православія въ остзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ. — Борьба съ язычествомъ на Востокѣ.—Расколъ и сектантство.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Международный пенитенціарный конгрессъ и вопросы о преступныхъ дѣтяхъ.

Отчетъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода за 1887 г., изданный недавно отдѣльной книгой и печатаемый въ „Правительственномъ Вѣстникѣ", содержитъ въ себѣ, какъ и отчеты за прежніе годы, массу интересныхъ фактовъ. Читая его, мы не могли не пожалѣть еще разъ, что другія министерства поступаютъ въ этомъ отношеніи не совсѣмъ такъ, какъ вѣдомство православнаго исповѣданія, и если иногда публикуютъ свои отчеты, то до крайности запаздываютъ ихъ оглашеніемъ. Министерство народнаго просвѣщенія, много лѣтъ сряду своевременно доводившее свои отчеты до всеобщаго свѣденія, перестало, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, держаться этого полезнаго обычая, потомъ однажды къ нему возвратилось, напечатавъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" (въ 1887 г.) извлеченіе изъ отчета за 1884 г., а съ тѣхъ поръ опять ничего не публикуетъ. Именно послѣдніе годы принесли, въ нашемъ учебномъ мірѣ, много новаго—осуществленіе университетскаго устава, примѣненіе правилъ о зачетѣ полугодій и о государственныхъ экзаменахъ, значительное, затѣмъ, отступленіе отъ этихъ правилъ, ограниченіе пріема въ среднія учебныя заведенія, развитіе земскихъ и министерскихъ начальныхъ школъ, параллельно съ церковно-приходскими, и т. п. Чрезвычайно важно было бы имѣть въ виду общую картину всѣхъ этихъ явленій, построенную на оффиціальныхъ данныхъ. Въ какой степени, наприм., циркулярныя предписанія 1887 г. уменьшили число учащихся въ гимназіяхъ; увеличилось ли, соразмѣрно съ этимъ, число учащихся въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ; какъ отразилось

Digitized by Google

распространеніе церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности на числѣ учащихся въ земскихъ школахъ, — на всѣ эти вопросы и многіе другіе, не менѣе серьезные, можно было бы найти достовѣрный отвѣтъ только въ цѣломъ рядѣ отчетовъ министерства народнаго просвѣщенія.

Отчетъ синодальнаго оберъ-прокурора за 1887 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, останавливается подробно не на всѣхъ сторонахъ церковнаго управленія и церковной жизни. О положеніи православія, наприм., въ остзейскомъ краѣ онъ даетъ, сравнительно, немного свѣденій. „Уклонившихся въ лютеранство насчитывается въ этомъ краѣ всего до двѣнадцати тысячъ, преимущественно въ лифляндской губерніи. Наибольшая ихъ часть, по словамъ отчета, уклонилась въ прежніе годы, начиная съ 1864 г., вслѣдствіе пропаганды лютеранскихъ общинъ, съ лютеранскими пасторами во главѣ. Новыхъ уклоненій въ настоящее время весьма мало". Пропагандѣ лютеранизма и даже всему тому, что̀ хоть сколько нибудь на нее походитъ (напримѣръ, совершенію лютеранскихъ требъ по отношенію къ лицамъ, числящимся православными), противопоставлены теперь, какъ извѣстно, самыя сильныя препоны. Если, несмотря на то, продолжаютъ встрѣчаться „новыя уклоненія", то это можно объяснить только недостаточною, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, сознательностью и обдуманностью перехода въ православіе. О томъ же свидѣтельствуетъ и констатируемый отчетомъ фактъ увлеченія въ сектантство (съ крайне-протестантскимъ оттѣнкомъ) нѣкоторыхъ *новообращенныхъ* православныхъ на островѣ Вормсѣ... О мѣрахъ строгости противъ совратителей и совращенныхъ отчетъ не упоминаетъ, за исключеніемъ только удаленія съ острова Вормса шведскаго проповѣдника Экерблома (главнаго распространителя ученія, провозглашающаго „свободу отъ всякихъ религіозныхъ и гражданскихъ обязанностей"). Отсюда не слѣдуетъ еще, конечно, чтобы такихъ мѣръ на самомъ дѣлѣ вовсе принимаемо не было; но важно уже и то, что не въ нихъ, повидимому, усматривается главный залогъ распространенія и укрѣпленія православія въ прибалтійскомъ краѣ. Гораздо больше, чѣмъ объ обязательномъ удержаніи новообращенныхъ въ средѣ православной церкви, отчетъ говоритъ объ увеличеніи числа православныхъ приходовъ и въ особенности православныхъ училищъ, которыхъ въ отчетномъ году было уже 470, съ 18.186 учащимися (12.147 мальчиковъ и 6.039 дѣвочекъ). Приходскихъ школъ, въ собственномъ смыслѣ слова, между этими училищами было 168; вспомогательныхъ (соотвѣтствующихъ, вѣроятно, русскимъ школамъ грамотности)—302. „Обученіемъ дѣтей въ приходскихъ школахъ,—читаемъ мы въ отчетѣ,—занимаются священно-церковнослужители, въ вспомогательныхъ—особые учителя, частію изъ

Digitized by Google

воспитанниковъ прибалтійской и дерптской учительскихъ семинарій, частію изъ мѣстныхъ приходскихъ школъ и аренсбургской образцовой школы". Любопытно было бы знать, почему въ приходскихъ школахъ остзейскаго края преподаваніе сосредоточено исключительно въ рукахъ членовъ причта, между тѣмъ какъ въ коренныхъ русскихъ церковно-приходскихъ школахъ оно находится сплошь и рядомъ въ рукахъ свѣтскихъ лицъ, состоящихъ лишь подъ наблюденіемъ приходского священника? Если въ остзейскомъ краѣ священникъ можетъ справиться съ преподаваніемъ, почему же оно въ другихъ мѣстностяхъ Россіи оказывается для него, бо́льшею частью, непосильнымъ? Или, быть можетъ, главная тяжесть учебнаго дѣла упадаетъ, въ прибалтійскихъ приходскихъ школахъ, на псаломщиковъ? Если это такъ, то первое мѣсто между русскими училищами должны занять здѣсь не приходскія, а „вспомогательныя" школы, преподавателями которыхъ являются, между прочимъ, бывшіе ученики учительскихъ семинарій, съ подготовкой, въ среднемъ выводѣ, гораздо лучшей, чѣмъ церковно-служители. Въ остзейскомъ краѣ задача русской начальной школы важнѣе и труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было; удовлетворительно ее исполнить псаломщикъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, едва-ли въ состояніи.

Въ прежнихъ отчетахъ синодальнаго оберъ-прокурора очеркъ борьбы съ католицизмомъ на западной окраинѣ Россіи почти всегда отводилъ не мало мѣста „поддержкѣ высшей гражданской власти", т.-е. мѣрамъ принудительнаго, репрессивнаго свойства. На этотъ разъ о нихъ упоминается только мимоходомъ. Холмское святобогородицкое братство „испросило согласіе начальниковъ люблинской и сѣдлецкой губерній на воспрещеніе иновѣрцамъ-книгоношамъ являться въ возсоединенные приходы съ цѣлью распродажи между бывшими уніатами разныхъ неправославныхъ произведеній печати". Желательно было бы знать, что̀ разумѣется здѣсь подъ именемъ „неправославныхъ произведеній печати": одни ли только изданія, прямо или косвенно связанныя съ ученіемъ католической церкви, или же вообще все не входящее въ кругъ православно-церковнаго чтенія? Если и допустить, что рѣчь идетъ только о книгахъ и брошюрахъ спеціально-католическихъ, то все же нелегко понять, почему изданія, допущенныя *вообще* къ свободному обращенію и даже къ разносной продажѣ, не должны проникать, чрезъ посредство книгоношъ, въ извѣстныя мѣстности, имѣющія полную возможность добыть ихъ инымъ путемъ. Значеніе книги весьма часто возростаетъ, въ глазахъ читателя, прямо пропорціонально трудностямъ, съ которыми сопряжено ея прочтеніе. Книга не идетъ къ нему—онъ тѣмъ охотнѣе идетъ за нею и тѣмъ легче подчиняется ея вліянію. Контролировать пріобрѣ-

Digitized by Google

теніе книгъ, разрѣшенныхъ цензурой—задача едва ли исполнимая для братства, даже самаго дѣятельнаго и бдительнаго. Не особенно цѣлесообразной кажется намъ, притомъ, и самая иниціатива братства въ области полицейскихъ мѣропріятій. *Братству* менѣе всего свойственно принужденіе; оно должно помогать, поддерживать, убѣждать, а не ходатайствовать объ ограниченіяхъ и запрещеніяхъ. Другое братство (свято-троицкое), учрежденное въ Варшавѣ, имѣетъ цѣлью, между прочимъ, „изысканіе средствъ и способовъ къ охраненію отъ латинской пропаганды православныхъ, состоящихъ въ смѣшанныхъ бракахъ, и особенно дѣтей, происходящихъ отъ этихъ браковъ". Нужно надѣяться, что въ число такихъ „способовъ и средствъ" братство не включаетъ возбужденіе уголовныхъ преслѣдованій (по ст. 190 уложенія о наказаніяхъ), могущихъ имѣть послѣдствіемъ разлученіе родителей и дѣтей, т.-е. величайшее горе для первыхъ, величайшее несчастье для послѣднихъ... Чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производитъ слѣдующее мѣсто отчета: „въ противодѣйствіе не ослабѣвающей (особенно въ пограничныхъ съ Австріей уѣздахъ) латинской пропагандѣ духовенство подольской епархіи, по распоряженію епархіальнаго начальства, усилило свою дѣятельность въ проповѣданіи слова Божія, не только въ храмахъ, но и въ частныхъ собесѣдованіяхъ, а также устроивало и вело воскресныя собесѣдованія съ взрослыми въ школахъ". Только такой образъ дѣйствій и можетъ привести, въ религіозной сферѣ, къ надежнымъ, прочнымъ результатамъ. Гораздо проще, конечно, было бы обратиться и здѣсь къ могущественной „свѣтской рукѣ" (le bras séculier), но подольское епархіальное начальство предпочло пойти инымъ путемъ, и въ этомъ нельзя не видѣть великую его заслугу.

Исключительно о мѣрахъ духовнаго просвѣщенія и вразумленія повѣствуетъ, на этотъ разъ, и тотъ отдѣлъ отчета, который посвященъ борьбѣ съ язычествомъ и магометанствомъ въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи. Казанское братство св. Гурія имѣло въ своемъ завѣдываніи, въ 1887 г., почти сто братскихъ школъ (60 татарскихъ, 25 чувашскихъ, 4 вотяцкихъ, 2 черемисскихъ). Въ одной изъ миссіонерскихъ школъ симбирской епархіи рядомъ съ 27 православными чувашами училось 12 чувашей-язычниковъ. Въ туарминской чувашской школѣ, самарской епархіи, число учащихся, не превышавшее, въ первые три года по открытіи, 30-ти, возросло до 57. „Въ прежнее время завѣдующему школою священнику и учителю школы при началѣ каждаго учебнаго года нужно было не одинъ разъ побывать въ деревняхъ прихода, чтобы уговорить отцовъ отдать своихъ дѣтей въ школу для обученія; теперь же сами отцы съ охотою посылаютъ дѣтей въ школу, при чемъ многіе изъ нихъ высказы-

Digitized by Google

ваютъ, что отдаютъ дѣтей учиться грамотѣ не въ видахъ только житейскихъ разсчетовъ, а чтобы дѣти ихъ получили въ школѣ истинныя понятія о Богѣ. Въ школѣ учатся двѣ дѣвочки-чувашанки, что особенно замѣчательно, такъ какъ женскій полъ у чувашъ до послѣдняго времени чуждался не только грамотности, но почти всякаго общенія съ русскими". А между тѣмъ, по словамъ отчета, женщина-инородка, окончившая курсъ въ школѣ, всей душой предается христіанству и въ образѣ жизни скорѣе склоняется къ русскимъ обычаямъ, нежели инородцы-мужчины. Какъ нельзя болѣе желательнымъ представляется, поэтому, открытіе въ инородческихъ деревняхъ возможно бо̀льшаго числа начальныхъ школъ для дѣвочекъ (о чемъ и помышляетъ духовенство восточныхъ епархій). Миссіонерскихъ школъ немало и въ Сибири; между остяками, самоѣдами, вогулами, киргизами, татарами, бурятами, тунгусами. Съ распространеніемъ христіанства измѣняется къ лучшему и матеріальное положеніе инородцевъ. Холодная и дымовая юрта некрещенаго кочевника, по свидѣтельству томскаго преосвященнаго, замѣняется теплою и опрятною избою; въ семьѣ крещенаго инородца, сдѣлавшагося осѣдлымъ, водворяются порядокъ и довольство. Инородцы сами признаютъ, что язычество, въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ на Алтаѣ, ведетъ къ разоренію. Разоряются даже богачи, принося въ жертву демонамъ, по требованію камовъ (жрецовъ), весь свой скотъ.

Говоря о прежнихъ отчетахъ синодальнаго оберъ-прокурора, мы имѣли уже случай указать на существованіе двухъ противоположныхъ мнѣній о послѣдствіяхъ закона 3-го мая 1883 г. Нѣкоторые изъ епархіальныхъ архіереевъ находили, что съ увеличеніемъ терпимости къ раскольникамъ уменьшилось ожесточеніе ихъ противъ православныхъ, облегчилось сближеніе ихъ съ церковью; другіе утверждали, наоборотъ, что упорство раскольниковъ возростаетъ и чаще прежняго выражается въ активной пропагандѣ. Первое изъ этихъ двухъ мнѣній все больше и больше становится господствующимъ. Отчетъ за 1887 г. признаетъ, что „расколъ *вообще* слабѣетъ и теряетъ прежнюю свою устойчивость. Увлеченіе расколомъ, которому въ прежнее время поддавались многіе изъ православныхъ, стало не такъ сильно. И сами раскольники во многихъ мѣстахъ въ воскресные и праздничные дни ходятъ въ церковь, молятся вмѣстѣ съ православными и не уклоняются отъ бесѣды съ ними. Многіе раскольники отдаютъ своихъ дѣтей въ православныя школы, гдѣ они наравнѣ съ православными мальчиками слушаютъ уроки закона Божія". Правда, „во многихъ мѣстахъ расколъ остается еще въ неизмѣнно-упорномъ положеніи и

Digitized by Google

сохраняетъ фанатическую непріязнь къ православію"; но это, очевидно, только исключенія изъ общаго правила. Несмотря на отдѣльныя явленія упорства и даже фанатизма,—читаемъ мы нѣсколько дальше,—„въ общемъ состояніи раскола замѣчается значительный упадокъ и ослабленіе". Это приписывается отчетомъ преимущественно дѣятельности миссіонеровъ и публичнымъ собесѣдованіямъ съ раскольниками, не остающимся безъ вліянія даже въ такой губерніи, какъ саратовская. Въ этой губерніи „находятся во множествѣ послѣдователи едва-ли не всѣхъ раскольническихъ толковъ и сектъ. Здѣсь есть безпоповцы, съ раздѣленіемъ ихъ на поморцевъ, ѳедосѣевцевъ, филипповцевъ, странниковъ, средниковъ, спасовцевъ или нѣтовцевъ; есть бѣглопоповцы, австрійскіе окружники и неокружники, духовные христіане или молокане, пашковцы-евангелики, субботники-караимы и талмудисты, воскресники, пріемлющіе водное крещеніе (баптисты) и непріемлющіе его; есть хлысты, голуби и скопцы; есть послѣдователи неизвѣстной, по скрытности, секты, не признающіе ни Бога, ни власти, ни таинствъ, ни іерархіи, ни внѣшней обрядности церковной. Въ селахъ, расположенныхъ по Волгѣ, почти вездѣ устроены — по большей части безъ надлежащаго разрѣшенія—молельни, снаружи имѣющія видъ православныхъ молитвенныхъ домовъ, а внутри снабженныя всѣми принадлежностями храма. Здѣсь австрійскіе попы, а иногда и лжеепископы, ничѣмъ не стѣсняясь, совершаютъ богослуженія, завлекая на оныя и православныхъ. Раскольники въ послѣднее время большею частью уклоняются отъ публичныхъ состязаній, и если являются, то болѣе молчатъ, считая для себя болѣе выгоднымъ такое положеніе". И что же, парализуется ли всѣмъ этимъ миссіонерская дѣятельность? Нисколько. По заявленіямъ миссіонеровъ, „среди саратовскихъ раскольниковъ въ настоящее время появляется менѣе нетерпимости въ отношеніи къ православной церкви, православному духовенству и православной школѣ". Число обращенныхъ изъ раскола и сектантства простиралось въ саратовской епархіи, въ 1887 г., до 318. Болѣе яснаго доказательства тому, что уменьшеніе стѣсненій не ведетъ къ распространенію и укрѣпленію раскола, нельзя себѣ и представить. Въ саратовской губерніи, судя по даннымъ отчета, законъ 3-го мая 1883 г. не только примѣняется весьма широко, но даже нарушается въ пользу раскольниковъ—и все-таки расколъ теряетъ почву, больше и больше отступаетъ передъ православіемъ. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что настало время для новаго шага впередъ въ направленіи, указанномъ законами 1874 и 1883 г.—или, по меньшей мѣрѣ, для возможно-льготнаго толкованія и примѣненія этихъ законовъ?.. О какихъ-либо распоряженіяхъ свѣтской власти, клонящихся къ противоположной цѣли, отчетъ не упо-

Digitized by Google

минаетъ; мы узнаемъ только, что съѣздъ миссіонеровъ, состоявшійся въ Москвѣ лѣтомъ 1887 г., возбудилъ цѣлый рядъ ходатайствъ, имѣющихъ въ виду возвращеніе къ репрессивной системѣ (о закрытіи московскаго преображенскаго кладбища, о преслѣдованіи раскольническихъ поповъ, носящихъ священническую одежду, о включеніи раскольниковъ въ полицейскія метрическія записи не иначе, какъ по сношеніи съ православнымъ духовенствомъ, о недопущеніи къ обращенію раскольническихъ сочиненій, печатаемыхъ на гектографѣ, и т. п.). Намъ кажется, что возбужденіе такихъ ходатайствъ мало соотвѣтствуетъ характеру миссіонерской дѣятельности, никого ни къ чему не принуждающей, а только поучающей, убѣждающей, обращающейся къ сердцу и совѣсти слушателей.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что исполненіе задачи, лежащей на противораскольническихъ миссіонерахъ, сопряжено съ большими трудностями. Оживленную ихъ картину даетъ слѣдующая страница отчета: „въ публичныхъ собесѣдованіяхъ съ раскольниками православные миссіонеры должны приспособляться ко всѣмъ извитіямъ и ухищреніямъ раскольническаго мышленія и ко всѣмъ своеобразно искусственнымъ пріемамъ раскольническихъ словопреній. Число спорныхъ пунктовъ вообще невелико, и православно-церковное ученіе относительно ихъ до такой степени опредѣленно, ясно и вразумительно, что для разногласія въ его пониманіи почти не остается мѣста. Но предубѣжденіе, порожденное невѣжествомъ или недомысліемъ, усиленное вѣками и, наконецъ, сложившееся какъ бы въ кодексъ какой-то пресловутой *старой вѣры*, смежаетъ очи большинства и безъ того темныхъ людей, чтобы не видѣть истины, а передовики и вожаки раскола, заинтересованные своимъ положеніемъ и авторитетомъ среди раскольниковъ, придумываютъ хитрость за хитростью, чтобы доказать вѣрность и непреложность какой-нибудь буквы въ той или другой древлепечатной книгѣ, на коихъ зиждется вся ихъ вѣра и все ихъ спасеніе. Православные миссіонеры весьма хорошо знаютъ и всѣ эти буквы, и всѣ эти старопечатныя книги: но вотъ, во время оживленнаго и горячаго спора, среди массы народа, при множествѣ книгъ, которыми запаслись обѣ спорящія стороны, обличенный и уличенный раскольническій начетчикъ вдругъ провозглашаетъ, что *объ этомъ* говорится (тàкъ, кàкъ онъ доказываетъ) въ такой-то старопечатной книгѣ, которой здѣсь нѣтъ на лицо: и для толпы, которая вѣритъ на слово своему учителю, всѣ разъясненія и доказательства православнаго миссіонера пропадаютъ даромъ. Случись же православному миссіонеру указать раскольникамъ, въ обличеніе ихъ, на какую-либо уважаемую ими старопечатную книгу,—раскольническіе лжеучители, какъ, напримѣръ, Швецовъ, въ подобныхъ слу

Digitized by Google

чаяхъ заявляютъ, что въ старопечатныхъ книгахъ есть много хламу. Можно судить, какой споръ при этомъ возможенъ". Послѣднія слова указываютъ какъ бы на безплодность собесѣдованій — но не таковъ ихъ настоящій смыслъ. Изъ приводимыхъ вслѣдъ затѣмъ примѣровъ видно, что споръ между миссіонеромъ и раскольническими начетчиками нерѣдко приводитъ къ желанной цѣли. О томъ же Швецовѣ мы узнаемъ, что „собесѣдованія съ православными дѣйствовали разрушительно на его авторитетъ. Въ саратовской епархіи, послѣ второго собесѣдованія въ слободѣ Баландѣ, аткарскаго уѣзда, отсталъ отъ него помощникъ его, начетчикъ крестьянинъ Каменковъ, публично заявившій о своемъ намѣреніи перейти въ православіе. Въ самарской епархіи на собесѣдованіи съ православными миссіонерами Швецовъ такъ горячился и такъ несдержанно относился къ своимъ православнымъ собесѣдникамъ, что даже раскольники остались недовольны его поведеніемъ во время спора".

Въ воронежской епархіи собесѣдованія велъ миссіонеръ Крючковъ. „Какъ православные, такъ и раскольники, чрезвычайно заинтересовались этими бесѣдами: на нѣкоторыхъ бывало до тысячи человѣкъ, такъ что церкви не въ состояніи были вмѣстить такого множества людей. Публичное обличеніе раскола было такъ сильно, что начетчики раскольническіе не въ состояніи были защищать себя и буквально безмолвствовали". Въ симбирской епархіи послѣдствіемъ собесѣдованій „было присоединеніе къ православной церкви начетчика австрійскаго толка Бахарева съ семействомъ. Въ миссіонерскихъ трудахъ противо-раскольническаго братства принималъ здѣсь дѣятельное участіе бывшій лжесвященникъ австрійской іерархіи Аѳанасій Подковыркинъ, прежде ярый поборникъ раскола и состоявшій въ отпаденіи отъ церкви 20 лѣтъ, но въ недавнее время присоединившійся къ православію. За Подковыркинымъ послѣдовало присоединеніе къ церкви вожаковъ раскола въ другихъ селахъ и нѣсколькихъ семействъ, бывшихъ съ нимъ въ единомысліи. Всего присоединилось къ церкви 265 раскольниковъ". Въ донской епархіи присоединено къ православію до 445 раскольниковъ, въ томъ числѣ одинъ священникъ австрійскаго ставленья. Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, едва-ли предстоитъ надобность въ поддержкѣ противораскольническихъ миссіонеровъ мѣрами полицейскаго или судебнаго свойства.

Изъ числа сектъ особое вниманіе обращаетъ на себя, въ послѣднее время, штунда. По словамъ отчета, эта секта мало привлекаетъ великороссовъ, которые въ случаѣ уклоненія отъ православной церкви предпочитаютъ расколъ; она болѣе сродна малороссійскому характеру и распространяется преимущественно въ средѣ малороссовъ, въ епархіяхъ кіевской, херсонской, волынской, подольской и кишиневской

Digitized by Google

(больше всего—въ двухъ первыхъ). Послѣдователей штундъ въ херсонской епархіи въ 1887 г. насчитывалось до 3.000; сравнительно съ 1886 г. число ихъ увеличилось почти на триста душъ. Распространителями штундизма, какъ и прочихъ сектъ, являются, по словамъ отчета, „люди разнаго рода, большею частью проходимцы, имѣющіе печальное прошлое. Побужденіемъ къ проповѣдничеству является у нихъ несомнѣнно корысть. Извѣстные вожаки штундизма получаютъ изъ неизвѣстныхъ источниковъ денежныя субсидіи. Въ подтвержденіе этого достаточно указать на то, что пропагандистами штундизма иногда являются евреи, не имѣющіе ничего общаго съ христіанствомъ, какіе-то выходцы изъ Персіи и тому подобные люди. Такія личности для успѣховъ пропаганды штундизма не отступаютъ ни предъ какими мѣрами и средствами. Они не стѣсняются совращать и принимать въ свою общину людей съ неодобрительнымъ поведеніемъ, если видятъ, что услугами ихъ можно пользоваться для своихъ выгодъ. Въ одномъ мѣстѣ штундисты торопливо окрестили въ свою секту бывшаго волостного писаря, удаленнаго отъ должности за пьянство, купили ему домъ и вообще пріютили его, очевидно считая важнымъ пріобрѣтеніемъ для себя человѣка грамотнаго и знающаго всю сельскую судебную казуистику... Нѣкоторые пропагандисты штундизма явно уличены были въ распространеніи среди православныхъ своего лжеученія и преданы суду. Впрочемъ историческія преданія и здравый смыслъ народа берутъ свое. Народъ относится къ этой сектѣ съ недовѣріемъ, а по мѣстамъ съ негодованіемъ и даже презрѣніемъ. Были случаи проявленія ревности со стороны православныхъ мірянъ, которые вели горячія пренія съ штундистами. Но были случаи проявленія ревности по вѣрѣ, со стороны православнаго населенія не желательные: это были взрывы негодованія обществъ и отдѣльныхъ лицъ противъ штундистовъ, приводившіе къ дѣйствіямъ, несогласнымъ съ духомъ христіанства, напримѣръ къ насилію надъ ненавистными сектантами“. Чѣмъ сильнѣе противодѣйствіе, встрѣчаемое штундизмомъ со стороны населенія, тѣмъ меньше, повидимому, представляется основаній къ возбужденію уголовныхъ дѣлъ, приводящихъ, сплошь и рядомъ, къ дальнѣйшему распространенію преслѣдуемыхъ вѣрованій. Такъ напримѣръ, въ 1886 г. новгородскій окружной судъ приговорилъ телеграфиста Тихонова и крестьянина Вегздина къ заключенію въ тюрьмѣ за проповѣдь ученія, близкаго къ пашковской доктринѣ [1]). И что же? Въ 1887 г., въ округѣ того же суда (въ боровичскомъ уѣздѣ), три крестьянина, по словамъ отчета, распространяютъ пашковское ученіе. Ихъ, очевидно, не устрашила

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 6 „Вѣстника Европы“ 1886 г.

Digitized by Google

участь Тихонова и Вегздина, а можетъ быть именно она и побудила ихъ къ дѣятельности, вѣроятно не оставшейся безъ неблагопріятныхъ для нихъ послѣдствій.

Послѣдователи Пашкова встрѣчаются, кромѣ новгородской, и въ другихъ епархіяхъ: с.-петербургской, тверской, тульской, таврической. Что въ Петербургѣ—читаемъ мы въ отчетѣ—„есть центръ этого лжеученія, и не одинъ, о томъ знаетъ вся столица. Благочинные приходскіе священники и даже ревностные къ православію міряне сообщаютъ епархіальному начальству не мало свѣденій о зловредныхъ дѣйствіяхъ пашковцевъ; но свѣденіямъ этимъ трудно дать оффиціальный ходъ, потому что могущіе быть свидѣтелями по этимъ дѣламъ уклоняются отъ сего, опасаясь мщенія и преслѣдованій отъ пашковцевъ, во главѣ которыхъ не мало находится людей богатыхъ и вліятельныхъ. Епархіальное начальство полагаетъ, что вопросъ о пашковской сектѣ заслуживаетъ самаго серьезнаго и безотлагательнаго обсужденія со стороны высшей духовной и гражданской власти. Въ ямбургскомъ уѣздѣ были попытки открытой пропаганды пашковскаго ученія среди православныхъ". Остается неизвѣстнымъ, какихъ именно „преслѣдованій" со стороны пашковцевъ опасаются лица, уклоняющіяся отъ свидѣтельства? Какъ видно изъ отчета, не боятся сообщать свѣденія о пашковцахъ ревностные міряне; но если ихъ не постигаетъ за то мщеніе обвиняемыхъ, то гдѣ причина думать, что ему подверглись бы свидѣтели?.. Въ тульской епархіи вліяніе ложныхъ ученій замѣтно болѣе всего въ двухъ селахъ крапивенскаго уѣзда—Сергіевскомъ и Кочакахъ, съ сельцомъ Ясной Поляной. „Въ Сергіевскомъ приходѣ продолжалась, въ 1887 г., пропаганда пашковскаго ученія. Въ прежнее время главные дѣятели пропаганды—княгиня Гагарина и госпожа Козлянинова—разсылали и раздавали массу брошюръ, изданныхъ обществомъ поощренія духовно-нравственнаго чтенія, открывали публичныя собранія въ женской Гагаринской школѣ и устроивали такія же собранія въ собственномъ домѣ. Въ 1887 г. не было слышно о распространеніи брошюръ названнаго общества, прекратились и публичныя собранія въ женской Гагаринской школѣ; но продолжались собранія въ домѣ князя Гагарина, въ которыхъ принимали участіе, считая себя послѣдователями пашковскаго лжеученія, всѣ служащіе при домѣ и больницѣ Гагариныхъ и многія постороннія лица. Въ кочаковскомъ приходѣ продолжалась пропаганда міросозерцанія и нравственныхъ убѣжденій графа Толстого, хотя не съ тою энергіею и усердіемъ, какъ въ прежнее время. Въ 1887 году графъ Толстой проживалъ большею частью въ Москвѣ, а не въ Ясной Полянѣ, какъ въ ближайшіе предшествовавшіе годы, и слѣдовательно для личнаго своего вліянія на ясно-

Digitized by Google

полянскихъ крестьянъ располагалъ мѐньшимъ временемъ, нежели прежде. Къ тому же и самыя отношенія его къ этимъ крестьянамъ значительно измѣнились. Правда, онъ пахалъ и косилъ наравнѣ съ крестьянами, при случаѣ оказывалъ бѣднымъ помощь своими трудами, напримѣръ покрывалъ хаты соломою, смазывалъ печи и т. п., стараясь производить всѣ подобныя работы преимущественно въ праздничные дни; но онъ уже не имѣлъ возможности въ прежнихъ размѣрахъ оказывать крестьянамъ денежную или матеріальную помощь изъ своего имѣнія, такъ какъ старшіе его сыновья начали ограничивать его расточительность и преслѣдовать проступки крестьянъ противъ его собственности и уже не дозволяютъ крестьянамъ хищнически хозяйничать въ его имѣніи. Открытою устною пропагандою своего ученія въ народѣ Толстой лично самъ не занимался и не занимается. Для этой цѣли въ прежнее время онъ подбиралъ стороннихъ подходящихъ лицъ, какимъ былъ, напримѣръ, съ 1885 г. принявшій православіе еврей Исаакъ Фондерманъ, въ 1887 г. куда-то скрывшійся изъ Ясной Поляны. Въ настоящее время главнымъ средствомъ пропаганды идей Толстого осталась безплатная раздача крестьянамъ мелкихъ изданій извѣстной фирмы *Посредникъ*".

Въ разныхъ мѣстахъ отчета разсѣяны любопытныя свѣденія о суевѣріяхъ и предразсудкахъ, встрѣчающихся въ средѣ православнаго населенія имперіи. Въ возсоединенной (послѣ войны 1877-78 г.) части Бессарабіи отправляются до сихъ поръ разные языческіе обряды: „поминки у болгаръ и молдаванъ напоминаютъ собою языческія тризны; гагаузы (отуреченные болгары), которыхъ не мало въ измаильскомъ округѣ, совершаютъ въ дни храмовыхъ праздниковъ *курбаны*—родъ языческихъ жертвоприношеній". Въ высотскомъ приходѣ (богородицкаго уѣзда, тульской епархіи) существуетъ повѣрье, въ силу котораго въ недѣлю св. отецъ, по-язычески именуемую *русальскою*, женщины обходятъ деревню съ пѣснями и ударами въ косы, для прогнанія русалокъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что такія суевѣрія едва-ли могутъ быть искоренены путемъ запрещеній, какъ это пытается сдѣлать высотское приходское попечительство. Еще менѣе умѣстны запретительныя мѣры по отношенію къ столь невиннымъ обычаямъ, какъ гулянье, въ Троицынъ день, въ лѣсахъ и на лугахъ, съ пѣснями и плясками, противъ чего также вооружилось высотское попечительство. Правда, что во время гулянья бываетъ и „винопитіе"; но какое же народное увеселеніе не соединено съ истребленіемъ зелена вина? Можно учреждать общества трезвости, можно ходатайствовать о неразрѣшеніи въ данной мѣстности питей-

Digitized by Google

ной торговли (все это входитъ въ программу дѣйствій высотскаго попечительства), но нѣтъ ни повода, ни основанія преслѣдовать „винопитіе“ именно въ извѣстный день и доводить преслѣдованіе до наложенія запрета на обычное народное гулянье. Не совсѣмъ ясна для насъ и юридическая подкладка запрещеній, на которыя такъ щедро высотское попечительство. Приходскія попечительства не принадлежатъ къ числу учрежденій, которымъ предоставлено право издавать обязательныя постановленія. Они не имѣютъ въ своемъ распоряженіи никакой *законной* санкціи для своихъ „запрещеній“, никакихъ средствъ къ взысканію штрафовъ, хотя бы и на постройку колокольни (какъ это предположено высотскимъ попечительствомъ). По истинѣ удивительна легкость, съ которою у насъ прибѣгаютъ къ угрозамъ и карамъ,—прибѣгаютъ даже тѣ, кто вовсе къ тому не призванъ и не уполномоченъ.

Въ отчетѣ за 1886 г. церковно-приходскія школы не были отдѣлены отъ школъ грамотности. Въ виду существенной разницы между тѣми и другими, это до крайности затрудняло всякіе выводы о положеніи училищъ, подвѣдомственныхъ духовенству. Въ отчетѣ за 1887 г. отдѣленіе начато, но все еще не доведено до конца; по нѣкоторымъ епархіямъ цифра учащихся все еще показывается общая для церковно-приходскихъ школъ и для школъ грамотности. Всѣхъ церковно-приходскихъ школъ къ концу 1887 г. числилось 7.876, всѣхъ школъ грамотности—7.595. Въ 5.364 церковно-приходскихъ школахъ было 172.419 учащихся (въ среднемъ—по 32 на школу), въ 5.522 школахъ грамотности было 99.963 учащихся (въ среднемъ—по 18 на школу). Въ остальныхъ 2.512 церковно-приходскихъ школахъ и 2.073 школахъ грамотности учащихся числилось 136.339. Если предположить, что и здѣсь на каждую школу грамотности приходится, среднимъ числомъ, по 18 человѣкъ, то на долю церковно-приходскихъ школъ останется около ста тысячъ учащихся, и общая цифра учащихся въ церковно-приходскихъ школахъ опредѣлится приблизительно въ 270 тысячъ, общая цифра учащихся въ школахъ грамотности — въ 140 тысячъ. Замѣтимъ однако, что болѣе или менѣе, достовѣрной можетъ быть признана только первая изъ этихъ двухъ цифръ. Школъ грамотности на самомъ дѣлѣ должно быть гораздо больше, чѣмъ показано въ отчетѣ. Если принять во вниманіе, что онѣ обходятся несравненно дешевле церковно-приходскихъ школъ, несравненно легче находятъ для себя учителей и во многихъ уѣздахъ имѣются на-лицо почти въ каждой деревнѣ, гдѣ нѣтъ земскаго, министерскаго или церковно-приходского училища, то нельзя

Digitized by Google

не придти къ заключенію, что ихъ не можетъ быть *меньше*, чѣмъ церковно-приходскихъ школъ. Говоря о церковно-приходскихъ школахъ и школахъ грамотности въ петербургской епархіи, мы неоднократно указывали на то, что въ отчетахъ „братства Пресвятой Богородицы" находятъ мѣсто далеко не всѣ школы грамотности, существующія въ дѣйствительности; теперь мы убѣждаемся въ томъ, что это замѣчаніе примѣнимо ко всей Россіи. Если церковно-приходскихъ школъ—7.876, то школъ грамотности—не 7.595, а по меньшей мѣрѣ тысячъ пятнадцать; на каждую церковно-приходскую школу безошибочно можно считать по двѣ, а можетъ быть и по три школы грамотности. Разница между отчетными и реальными цифрами объясняется отчасти тѣмъ, что не всѣ школы грамотности извѣстны мѣстнымъ священникамъ, отчасти тѣмъ, что не о всѣхъ извѣстныхъ ему школахъ онъ сообщаетъ своему начальству. Чѣмъ больше школъ подвѣдомственныхъ священнику, тѣмъ больше и его отвѣтственность. Если въ подольской епархіи, какъ видно изъ отчета оберъ-прокурора, учителя нѣкоторыхъ церковныхъ школъ скрывались отъ архіерейской ревизіи, а иногда и были скрываемы отъ нея самими священниками, то тѣмъ чаще должны быть случаи скрытія школъ грамотности, т.-е. невнесенія ихъ въ списокъ, представляемый епархіальному совѣту. Явленія этого рода были бы немыслимы или крайне рѣдки, еслибы рядомъ съ школами грамотности, состоящими въ вѣденіи духовенства, допущены были школы грамотности, состоящія, наравнѣ съ земскими училищами, въ вѣденіи земства и училищнаго совѣта. Между обоими вѣдомствами неминуемо возникло бы соревнованіе, при которомъ не только не игнорировались бы существующія школы, но прилагались бы всѣ усилія къ ихъ усовершенствованію и къ основанію новыхъ школъ. Само собою разумѣется, что право надзора за земскими школами грамотности могло бы быть предоставлено въ извѣстныхъ предѣлахъ и духовенству. Наблюдать и управлять—далеко не одно и то же; надзоръ за школой возлагаетъ на священника и меньше труда, и меньше отвѣтственности, чѣмъ непосредственное завѣдываніе ею.

„Школы грамоты,—читаемъ мы въ отчетѣ,—по своей доступности для народа и дешевизнѣ имѣютъ большое значеніе въ всенародномъ образованіи, и духовенство стало обращать на нихъ особенное вниманіе. *Равнымъ образомъ и земство, сознавая пользу этихъ школъ, начинаетъ открывать ихъ*". Подчеркнутыя нами слова могутъ быть поняты такъ, какъ будто бы земство стало открывать школы грамотности лишь по примѣру духовенства, послѣ изданія правилъ 13-го іюня 1884 г. На самомъ дѣлѣ мы видимъ совершенно иное. Заботливость земства о школахъ грамотности началась немедленно послѣ

Digitized by Google

оффиціальнаго признанія за ними, въ 1882 г., права на существованіе. Когда петербургскій комитетъ грамотности, въ маѣ 1884 г., обратился къ земскимъ управамъ съ просьбою сообщить свѣденія о содержимыхъ или поддерживаемыхъ ими школахъ грамотности, эти свѣденія были получены изъ *двадцати семи* уѣздовъ. Многіе другіе уѣзды дали знать о мѣрахъ, проектируемыхъ ими на пользу школъ грамотности. А между тѣмъ свѣденія были доставлены далеко не изъ всѣхъ уѣздовъ, земство которыхъ уже тогда оказывало помощь школамъ грамотности [1]). Какъ велики были, кое-гдѣ, размѣры сдѣланнаго, объ этомъ можно судить по шадринскому уѣзду, пермской губерніи. Здѣсь, въ 1884 г., было *сорокъ восемъ* школъ грамотности, изъ которыхъ каждая получала отъ земства ежегодное пособіе въ 84 рубля. Отсюда ясно, что земство не *начинаетъ*, а *продолжаетъ* открывать школы грамотности—и открывало бы ихъ, по всей вѣроятности, еще больше, еслибы могло принимать активное участіе въ ихъ организаціи.

Въ расходахъ по содержанію церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности въ земскихъ губерніяхъ земскія учрежденія участвовали, въ 1887 г., въ суммѣ 73.445 рублей. Называя такое пособіе *скуднымъ*, отчетъ не вмѣняетъ, однако, эту скудость въ вину земству, а объясняетъ ее тѣмъ, что „большинство земскихъ школъ стремится, по характеру обученія и направленію, стать какъ можно ближе къ церковно-приходскимъ. Земскія недоимки достигли, притомъ, такой величины, что земству иногда приходится не только отказаться отъ открытія новыхъ школъ, но и закрывать прежде существовавшія. Вольское и хвалынское земства передали свои земскія школы духовенству. Первое признало за лучшее всѣ свои 29 школъ обратить въ церковно-приходскія, съ ассигнованіемъ на содержаніе ихъ по 5.000 р. въ годъ [2]), а послѣднее—въ видѣ опыта, пока только часть своихъ школъ, 14, съ ассигнованіемъ на содержаніе каждой изъ нихъ по 150 р. въ годъ и отпускомъ учебныхъ принадлежностей. Можно надѣяться, что земскія собранія, на основаніи четырехлѣтняго самостоятельнаго существованія церковно-приходскихъ школъ, придутъ къ убѣжденію, что со стороны духовенства, кромѣ полезнаго сотрудничества въ общемъ дѣлѣ, нѣтъ никакихъ стремленій къ исключительному преобладанію, и что (,) соединивъ свои матеріальныя и нрав-

---

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 3 „Вѣстника Европы“ за 1886 г.

[2]) Судя по тому, что говорилось, осенью 1888 г., въ вольскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, этотъ опытъ нужно признать совершенно неудавшимся. Въ большей части школъ, перешедшихъ въ вѣденіе духовенства, обученіе вовсе не производилось или производилось очень плохо и неаккуратно (см. Обществ. Хронику въ № 11 „В. Евр.“ за 1888 г.).

Digitized by Google

ственныя силы съ таковыми же духовенства (,) земства могутъ скорѣе и успѣшнѣе бороться съ разъѣдающимъ народную нравственность и благосостояніе невѣжествомъ". Безъ сомнѣнія, великая задача образованія народа можетъ быть осуществлена только *соединенными силами* духовенства, земства и—прибавимъ отъ себя—государства; весь вопросъ въ томъ, что̀ слѣдуетъ считать наилучшей формой этого соединенія. Еслибы земство давало только матеріальныя средства на содержаніе школъ, а распоряженіе ими принадлежало всецѣло духовенству, то настоящаго соединенія *силъ* не было бы вовсе; масса свободной энергіи не нашла бы для себя примѣненія и осталась бы праздной. Всего больше пользы можно ожидать отъ сохраненія нынѣшней системы, при которой оба главные двигателя народнаго образованія—духовенство и земство—дѣйствуютъ самостоятельно, помогая другъ другу и учась другъ у друга. Земскія школы, по словамъ отчета, стремятся, по характеру обученія и направленію, стать какъ можно ближе къ церковно-приходскимъ. Дѣйствительно, земскія школы идутъ по стопамъ церковно-приходскихъ въ усиленіи преподаванія славянскаго языка, въ развитіи навыка къ церковному чтенію и церковному пѣнію; но съ такимъ же правомъ можно сказать, что церковно-приходскія школы идутъ по стопамъ земскихъ, въ усвоеніи лучшихъ пріемовъ обученія грамотѣ и счету. Если новая церковно-приходская школа стоитъ выше старой, такъ-называемой часословной, то это нельзя приписать ничему иному, какъ двадцатилѣтнему опыту земской школы. Что касается до *направленія* церковно-приходской школы, выражающагося, конечно, главнымъ образомъ, въ обученіи Закону Божію, то ничто не мѣшало и не мѣшаетъ священникамъ-законоучителямъ ввести это направленіе и въ земскія училища. Во многомъ другомъ *направленіе* земской школы можетъ имѣть—и дѣйствительно имѣетъ—благотворное вліяніе на церковно-приходскую школу. Достаточно указать, для примѣра, на дисциплинарные порядки, выработанные земской школой и упразднившіе суровую школьную расправу прежняго времени... Всего болѣе утѣшительнымъ, въ приведенныхъ нами словахъ отчета, слѣдуетъ признать заявленіе, что духовенство не стремится къ „исключительному преобладанію" въ начальной школѣ.

До какой степени широкое распространеніе земскихъ школъ можетъ способствовать успѣху школъ церковно-приходскихъ, объ этомъ даютъ понятіе слѣдующія цифры. Въ земскихъ губерніяхъ на 3.629 церковно-приходскихъ школъ, по которымъ имѣются свѣденія отдѣльно отъ школъ грамотности, приходилось, въ 1887 г., 126.078 учащихся, что̀ составляетъ, въ среднемъ, менѣе 39 учащихся на школу. Въ губерніяхъ не-земскихъ на 1.735 церковно-приходскихъ

Digitized by Google

школъ приходилось 46.341 учащійся, т.-е. менѣе 27 учащихся на школу. Съ перваго взгляда это кажется страннымъ; въ не-земскихъ губерніяхъ общее число школъ гораздо меньше, чѣмъ въ земскихъ, и потому наплывъ учащихся въ каждую отдѣльную школу долженъ быть, повидимому, гораздо сильнѣе. Если, на самомъ дѣлѣ, оказывается нѣчто прямо противоположное, то объяснить это можно только тѣмъ, что въ земскихъ губерніяхъ долговременная дѣятельность земской школы выяснила, въ глазахъ народа, всю важность и пользу образованія. Сколько бы ни открывалось здѣсь новыхъ школъ, того или другого типа, онѣ всегда привлекутъ множество учащихся. Въ губерніяхъ не-земскихъ начальная школа еще недавно почти не существовала, и ей еще предстоитъ пріобрѣсти довѣріе и расположеніе народа. Достойно вниманія и то обстоятельство, что даже въ земскихъ губерніяхъ среднее число учащихся въ церковно-приходской школѣ не превышало, въ 1887 г., тридцати-девяти, между тѣмъ какъ для всѣхъ вообще свѣтскихъ начальныхъ школъ имперіи, по отчету министерства народнаго просвѣщенія за 1884 г., средняя цифра учащихся равнялась *пятидесяти-восьми*.

О дѣятельности духовныхъ консисторій отчетъ за 1887 г., подобно прежнимъ, не даетъ почти никакихъ свѣденій. Столь же бѣденъ данными отдѣлъ отчета, посвященный духовной цензурѣ; здѣсь говорится только объ усиленіи штата петербургскаго духовно-цензурнаго комитета, но не сказано ни слова о числѣ сочиненій, представленныхъ на просмотръ духовной цензуры, о распредѣленіи ихъ между различными родами литературы, о числѣ книгъ запрещенныхъ или дозволенныхъ съ значительными сокращеніями, о сношеніяхъ съ свѣтской цензурой, вслѣдствіе встрѣченныхъ ею недоразумѣній, и т. п. Относительно бракоразводныхъ дѣлъ мы попрежнему встрѣчаемъ, въ приложеніяхъ къ отчету, однѣ только цифры, безъ всякихъ объясненій. Всѣхъ браковъ, въ 1887 г., было расторгнуто 1.062, въ томъ числѣ 454—по безвѣстному отсутствію, 339—за ссылкою въ каторжныя работы или на поселеніе, 189—вслѣдствіе прелюбодѣянія одного изъ супруговъ.

Въ виду предстоящей сессіи четвертаго международнаго пенитенціарнаго конгресса, спѣшимъ дополнить сказанное нами въ прошлый разъ о программѣ занятій конгресса. Большое и общее значеніе имѣетъ, между прочимъ, пятый пунктъ перваго отдѣла программы. Въ французскомъ текстѣ онъ начинается такъ: par quelle autorité doit-il être statué sur le sort des enfants coupables de fautes et d'infractions. На русскій языкъ эти слова переведены слѣдующимъ образомъ: „какою властью должны быть опредѣляемы мѣры

Digitized by Google

по отношенію къ *порочнымъ* и преступнымъ дѣтямъ". Точность такого перевода кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. О *порочныхъ* дѣтяхъ въ французскомъ текстѣ нѣтъ и рѣчи; трудно признать даже, чтобы онъ относился къ *преступнымъ* дѣтямъ *вообще*, такъ какъ выраженія: fautes et infractions едва-ли обнимаютъ собою болѣе важныя преступленія и проступки, и относятся скорѣе къ маловажнымъ нарушеніямъ. Какъ бы то ни было, докладъ профессора Фойницкаго, оставляя въ сторонѣ дѣтей *порочныхъ*, разсматриваетъ во всей полнотѣ вопросъ о дѣтяхъ преступныхъ—и мы, конечно, не поставимъ ему въ вину это толкованіе программы, хотя бы оно и не вполнѣ соотвѣтствовало буквальному ея смыслу. Предѣломъ дѣтскаго возраста докладчикъ признаетъ 14—18 лѣтъ, смотря по мѣстнымъ условіямъ (климатическимъ и другимъ). По отношенію къ обвиняемымъ, не достигшимъ этого предѣла, вопросы о виновности и о разумѣніи должны быть, по мнѣнію докладчика, совершенно устранены и замѣнены вопросами: нуждается ли ребенокъ въ государственной опекѣ? нуждается ли онъ въ воспитаніи или въ перевоспитаніи? Рѣшеніе перваго вопроса зависитъ, главнымъ образомъ, отъ семейнаго и соціальнаго положенія ребенка; разрѣшеніе второго — отъ личныхъ свойствъ ребенка и отъ обстоятельствъ, при которыхъ совершенъ проступокъ. *Перевоспитаніе* предполагаетъ, болѣе или менѣе, укоренившуюся нравственную порчу, извѣстную степень закоренѣлости въ порокѣ. Съ цѣлью перевоспитанія могутъ быть учреждаемы особыя исправительныя заведенія, но оно можетъ быть достигаемо и въ школахъ, приспособленныхъ къ исполненію этой задачи. Между воспитательными и перевоспитательными заведеніями должна существовать такая связь, которая облегчала бы исправленіе ошибки, всегда возможной въ первоначальномъ рѣшеніи. Ребенокъ, оказывающійся болѣе испорченнымъ, чѣмъ предполагалось сначала, подлежитъ переводу изъ воспитательнаго заведенія въ перевоспитательное—и наоборотъ. Въ карательныя заведенія дѣти, не достигшія 14 лѣтъ, не должны быть помѣщаемы ни въ какомъ случаѣ, а юноши отъ 14 до 18 лѣтъ—только при исключительныхъ обстоятельствахъ, когда отдача въ воспитательное или перевоспитательное заведеніе не оградила бы, въ достаточной степени, общественной безопасности. Въ составъ судебной коллегіи, опредѣляющей дальнѣйшую судьбу малолѣтняго обвиняемаго, должны входить, на правахъ членовъ, представители опекунскихъ и педагогическихъ учрежденій. Къ докладу профессора Фойницкаго, главныя положенія котораго кажутся намъ вполнѣ правильными, примыкаетъ докладъ І. И. Карницкаго (члена коммиссіи, составляющей проектъ гражданскаго уложенія), доказывающій необходимость ограниченія родительской власти, разъ что родители

Digitized by Google

признаны нравственно-отвѣтственными за проступокъ, совершонный малолѣтнимъ. По справедливому замѣчанію докладчика, власть родителей надъ дѣтьми давно уже перестала считаться чѣмъ-то абсолютнымъ, безусловно-неприкосновеннымъ. Если родители не исполняютъ своихъ *обязанностей*, то нѣтъ причины сохранять за ними всю полноту *правъ*, принадлежащихъ имъ по отношенію къ дѣтямъ. Вопросу о томъ, можно ли замѣнить принудительное воспитаніе преступныхъ дѣтей въ общественныхъ заведеніяхъ отдачей ихъ въ частныя семейства, посвященъ докладъ И. А. Тютчева, директора петербургской земледѣльческой колоніи. Какъ общее правило, такая замѣна признается нежелательной; воспитаніе въ частной семьѣ могло бы служить, по мнѣнію докладчика, только заключительнымъ звеномъ пребыванія въ общественномъ заведеніи, и то не иначе, какъ подъ условіемъ контроля со стороны послѣдняго.

Значительный отдѣлъ программы касается организаціи мѣстъ заключенія и быта арестантовъ. Въ докладѣ И. Г. Щегловитова (товарища прокурора петербургскаго окружного суда) разсматривается вопросъ о предѣлахъ дисциплинарной и общесудебной подсудности арестантовъ, т.-е. о разграниченіи проступковъ, подлежащихъ вѣденію суда, отъ проступковъ, подлежащихъ вѣденію тюремнаго начальства. Размѣры дисциплинарной власти тюремнаго начальства должны зависѣть, по мнѣнію докладчика, отъ состава органовъ, облеченныхъ этою властью, отъ порядка дисциплинарнаго разбирательства, отъ свойства мѣстъ заключенія и отъ свойства и характера дисциплинарныхъ мѣръ. Нельзя не пожалѣть о неопредѣленности этихъ положеній. Мы видимъ изъ текста доклада, что наибольшаго довѣрія заслуживаютъ смѣшанныя коллегіи, изъ представителей тюремной администраціи и судебнаго вѣдомства, существующія, напримѣръ, въ Англіи. Логическимъ выводомъ отсюда было бы пожеланіе, чтобы такія коллегіи были учреждены повсемѣстно. „Мѣры тюремныхъ взысканій,—читаемъ мы въ докладѣ,—должны быть согласованы съ воспитательными задачами тюремной дѣятельности"; такъ слѣдовало бы формулировать и заключительный тезисъ доклада, тѣмъ болѣе, что на практикѣ тюремныя взысканія вовсе не „воспитательнаго" свойства сплошь и рядомъ идутъ рука объ руку съ весьма широкой дисциплинарной властью тюремнаго начальства...

Другой интересный докладъ, составленный И. В. Мѣщаниновымъ (товарищемъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента сената), посвященъ вопросу о томъ, какія мѣры поощренія арестантовъ совмѣстны съ хорошей тюремной дисциплиной. Докладчикъ высказывается за установленіе цѣлой системы наградъ, разсчитанныхъ на „наилучшее достиженіе цѣлей тюремнаго воспитанія

Digitized by Google

и на развитіе высшихъ качествъ человѣческаго духа". Онъ совершенно правъ, утверждая, что „внѣшніе признаки улучшенія нравственной и религіозной стороны преступника" не должны быть поощряемы наградами, „какъ потому, что эта сторона личности человѣка трудно поддается контролю, легко допуская притворство и обманъ, такъ и потому, что едва-ли вообще умѣстно награждать религіозныя и нравственныя побужденія". Единственнымъ надежнымъ мѣриломъ исправленія арестанта, а слѣдовательно и единственнымъ правильнымъ основаніемъ къ наградѣ, докладчикъ признаетъ *трудъ* арестантовъ въ связи съ хорошимъ поведеніемъ. Не совсѣмъ ясно для насъ только одно: на какомъ основаніи докладчикъ назначаетъ въ пользу арестанта крайне низкія доли выручки за его трудъ—низкія даже сравнительно съ нормами, принятыми у насъ въ настоящее время (максимальная цифра, принимаемая докладчикомъ—30%, между тѣмъ какъ теперь она доходитъ до 60%). Замѣтимъ, въ заключеніе, что вопросъ о дисциплинарныхъ наказаніяхъ арестантовъ разсматривался вторымъ (стокгольмскимъ) пенитенціарнымъ конгрессомъ. Лишеніе пищи и тѣлесныя наказанія признаны конгрессомъ неумѣстными; соотвѣтствующими цѣли онъ нашелъ только слѣдующія мѣры—выговоръ, лишеніе льготъ (чтенія и т. п.), работы, мебели, переводъ въ особую келью, темную или свѣтлую, съ постелью или безъ постели.

Мы перечислили далеко не всѣ вопросы, подлежащіе обсужденію четвертаго пенитенціарнаго конгресса—но сказаннаго нами вполнѣ достаточно, чтобы понять важность предстоящей ему задачи. Пожелаемъ, чтобы его труды не остались безплодными и для Россіи.

Digitized by Google

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

По вопросу о законахъ Финляндіи.

Въ русской печати высказывались въ послѣднее время мнѣнія, болѣе раздражительныя, нежели основательныя, относительно дѣйствующихъ въ Финляндіи законовъ, и рѣзко расходящіяся съ тѣми, которыя обращаются въ самой Финляндіи. Нѣкоторые публицисты въ Москвѣ и Петербургѣ полагаютъ, что основные законы, и доселѣ примѣняемые въ Финляндіи, по содержанію своему будто бы не могли (?) быть утверждены Императоромъ Всероссійскимъ; съ другой стороны, утверждаютъ, что многія права, которыя приписываются земскимъ чинамъ на основаніи „Формы правленія 1772 г." и „Акта соединенія и безопасности (охраненія) 1789 г.", отняты у нихъ этимъ послѣднимъ актомъ; что обыватели Финляндіи, въ то время, когда Финляндія была соединена съ Швеціею, не пользовались всѣми тѣми правами, которыя по основнымъ законамъ предоставлялись только „шведскимъ людямъ"; наконецъ, даже совершенно отрицаютъ, чтобы Императоръ Александръ I, обѣщавшій, при соединеніи Финляндіи съ Россіею, оставить въ силѣ законы края, могъ имѣть при этомъ въ виду „Форму правленія 1772 г.", „Актъ соединенія и безопасности 1789 г.", или вообще подобнаго рода законы, какъ это принимается въ Финляндіи.

Но, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, оказывается, что всѣ эти мнѣнія несогласны съ актами и историческими документами. Желая чисто фактическимъ разъясненіемъ, съ своей стороны, содѣйствовать тому, чтобы въ русской печати могъ установиться правильный и болѣе спокойный взглядъ на финляндскія дѣла, я покорнѣйше прошу редакцію не отказать помѣстить настоящій опытъ подобнаго фактическаго разъясненія дѣла. Я строго при этомъ ограничусь одними основными принципами, не вдаваясь въ подробности вообще и отнюдь не касаясь вопросовъ, стоящихъ на очереди въ настоящее время. Я надѣюсь, что разъясненіе государственнаго порядка и законовъ, примѣненныхъ къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа, и съ давнихъ временъ высоко цѣнимыхъ въ странѣ, не будетъ понято благосклоннымъ читателемъ въ смыслѣ возраженій, направленныхъ противъ чего-либо, или въ смыслѣ отрицанія правовыхъ обязательствъ Финляндіи по отношенію къ общей державѣ и ея Главѣ;

Digitized by Google

впрочемъ, я долженъ признать, что и въ русской печати высказывались и другіе взгляды, несогласные съ вышеприведенными, и притомъ высказывались выдающимися русскими юристами.

Остановлюсь прежде всего на прежнихъ, старыхъ отношеніяхъ Финляндіи къ Швеціи, которыя истолковываются, повидимому, безъ близкаго знанія дѣла и его исторіи.

I.

Первоначальный, древній общественный строй Швеціи всѣми признается народнымъ; издавна народъ, собиравшійся на областныхъ сходахъ, рѣшалъ всѣ болѣе важныя дѣла, и въ Швеціи королевская власть сначала являлась не столько самостоятельною, сколько уполномоченною отъ страны. Этотъ строй, однако, нельзя назвать демагогическимъ, такъ какъ надъ индивидуальною волею каждаго возвышался законъ, и святость его не подлежала никакому сомнѣнію. Между тѣмъ уже въ то время, къ которому относится дошедшая до насъ редакція сборниковъ областныхъ законовъ, т.-е. въ XIII и XIV вѣкахъ, обстоятельства измѣнились въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе вліянія культуры центральной Европы и по другимъ причинамъ, останавливаться на которыхъ въ настоящемъ очеркѣ было бы излишнимъ, къ королю мало-по-малу перешла верховная власть въ государствѣ. Но въ то же время древне-шведскія правовыя понятія о святости закона, о правахъ страны и частныхъ лицъ не исчезаютъ, а напротивъ, развиваясь, оказываются вполнѣ совмѣстимыми съ верховною королевскою властью. Таковымъ представляется древній государственный строй Швеціи и въ общемъ земскомъ уложеніи, и въ частности, въ отдѣлѣ о королѣ, который основывается на принципахъ туземнаго права; будучи утвержденъ въ 1442 г., этотъ строй въ теченіе долгаго времени пользовался значительнымъ авторитетомъ. Въ этомъ уложеніи, черезъ которое, въ согласіи съ средневѣковыми понятіями, проходитъ частно-правовая и вотчинная точка зрѣнія, шведскій король является самостоятельнымъ носителемъ публичной власти; король правитъ государствомъ; онъ распоряжается, съ нѣкоторыми ограниченіями, имуществомъ и доходными статьями казны; онъ пользуется правомъ на существующіе съ древнихъ временъ налоги; весь народъ обязанъ ему вѣрностью и помощью для защиты страны и т. д.; но, съ другой стороны, онъ обязанъ хранить законы, добровольно принятые страною, не вводить въ странѣ иностранныхъ законовъ, не издавать новыхъ законовъ, ни отмѣнять старыхъ безъ добровольнаго согласія страны; онъ не имѣетъ права на-

Digitized by Google

лагать новые налоги или повинности, за исключеніемъ особо перечисленныхъ случаевъ, когда онъ могъ требовать, чтобы страна или ея представители разрѣшили необходимое пособіе; онъ долженъ былъ править государствомъ при содѣйствіи уроженцевъ края, а не иностранцевъ; въ частности, при немъ долженъ былъ состоять совѣтъ изъ уроженцевъ края; онъ обязанъ былъ защищать правыхъ, охранять миръ, а также не посягать на тѣлесную неприкосновенность или лишать имущества безъ законнаго слѣдствія и суда; правосудіе и истину онъ долженъ былъ утверждать, любить и охранять, неправосудіе же и ложь запрещать, отмѣнять и подавлять. Такъ приблизительно можно выразить основныя начала, по существу тождественныя съ принципами областныхъ законовъ и древнѣйшаго шведскаго земскаго уложенія, начиная съ середины XIV-го столѣтія.

Эти древнія начала были нѣсколько нарушены, съ одной стороны, двумя разъясненіями, принятыми по иниціативѣ короля риксдагами 1680 и 1682 г.г. и утвержденными королемъ, которыми положено было основаніе такъ-называемаго „періода единовластія"; съ другой стороны—въ противоположномъ направленіи—„формами правленія" и королевскими утвержденіями 1719 и 1720 гг. въ связи съ сеймовымъ уставомъ 1723 г. Развившійся на почвѣ сихъ послѣднихъ постановленій, государственный строй такъ-называемаго „періода свободы" характеризуется тѣмъ, что, несмотря на сохраненіе древнихъ монархическихъ формъ, государство фактически, по выраженію одного извѣстнаго шведскаго правовѣда, превратилось въ аристократическую республику съ жалкимъ подобіемъ короля. Король обязанъ былъ утверждать всѣ рѣшенія, принятыя земскими чинами, хотя бы они касались основныхъ законовъ; земскіе же чины считали себя и признавались носителями верховной власти. Что касается власти, предоставленной королю въ остальныхъ отношеніяхъ, то онъ осуществлялъ ее совмѣстно съ зависимымъ отъ земскихъ чиновъ государственнымъ совѣтомъ, пользуясь при голосованіи двумя голосами, а при раздѣленіи голосовъ поровну—правомъ рѣшающаго голоса. Что такой порядокъ былъ несогласенъ съ древними началами и унизилъ королевскую власть ко вреду для страны,—это явствуетъ изъ вышеизложеннаго. Многочисленныя же злоупотребленія земскихъ чиновъ, а также общее неустройство, порожденное и поддерживаемое государственнымъ строемъ „періода свободы", вызвали общее неудовольствіе, и потому для Густава III сравнительно легко было провести на сеймѣ 1772 г. реформу, которая, по заявленію какъ короля, такъ и земскихъ чиновъ, направлена была къ возстановленію древнихъ законовъ Швеціи.

Въ виду этого, въ „формѣ правленія" 1772 г. постановлялось

Digitized by Google

что король долженъ управлять государствомъ, согласно отдѣлу о королѣ земскаго уложенія и согласно новой „формѣ правленія", а также, что всѣ постановленія, объявленныя основными законами, послѣ 1680 г., т.-е. основные законы какъ „періода единовластія", такъ и „періода свободы", отмѣняются, какъ несогласные съ древними законами. Это важное обстоятельство необходимо имѣть въ виду при толкованіи „формы правленія 1772 г." и послѣдовавшаго „акта соединенія и безопасности 1789 года".

Что касается важнѣйшихъ постановленій „формы правленія", то ими опредѣляется, что *король* управляетъ своимъ государствомъ, какъ гласитъ законъ Швеціи: *онъ и никто другой*—постановленіе, очевидно, направленное противъ власти, принадлежавшей во время „періода свободы" земскимъ чинамъ и совѣту, въ виду чего „власть имѣющимъ" названъ *король*, тогда какъ въ предыдущій періодъ говорили о земскихъ чинахъ, власть имѣющихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно высокому понятію о законѣ, господствовавшему въ древнемъ шведскомъ правѣ, король „связанъ закономъ", и потому не можетъ издавать новыхъ законовъ или отмѣнять старыхъ безъ согласія земскихъ чиновъ. Королю предоставляется распоряжаться „правомъ своимъ и казны", т.-е. казенными имуществами и доходными статьями, однако, въ согласіи съ „закономъ и формою правленія", причемъ имѣются въ виду постановленія, направленныя противъ отчужденія имуществъ и сокращенія имущественныхъ правъ казны. Затѣмъ, король не могъ налагать на своихъ подданныхъ новыхъ налоговъ или повинностей безъ согласія земскихъ чиновъ, кромѣ случаевъ непріятельскаго нападенія, когда король имѣлъ право принимать мѣры, сообразныя съ безопасностью государства и благомъ подданныхъ. Указано также, что наступательныя войны допускаются только съ согласія земскихъ чиновъ. Кромѣ того, прямо упомянуто, что при королѣ по прежнему долженъ состоять государственный совѣтъ, съ тѣмъ однако, чтобы члены его назначались королемъ и лишь передъ нимъ были отвѣтственны за свои совѣты. Впрочемъ отношенія совѣта къ королю не были опредѣлены вполнѣ точно. Законодательныя дѣла, вопросы о замѣщеніи высшихъ должностей, о заключеніи договоровъ о мирѣ или перемиріи и о заключеніи наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ, а также о заграничныхъ путешествіяхъ короля—обязательно разсматривались въ совѣтѣ; относительно вопросовъ внѣшней политики и заграничныхъ путешествій короля постановлено даже, что король обязанъ подчиняться мнѣнію совѣта, если оно принято единогласно; но неяснымъ представлялось, насколько король обязанъ по другимъ правительственнымъ дѣламъ спрашивать мнѣнія совѣта или, по крайней мѣрѣ, одного изъ членовъ его. Въ

Digitized by Google

видѣ общаго правила установлено, однако, что государственные совѣтники лишь подаютъ совѣты, но не управляютъ. Кромѣ того, „форма правленія“ содержитъ опредѣленія, имѣющія въ виду оградить лютеранское вѣроисповѣданіе и церковь, а также личныя и имущественныя права частныхъ лицъ и право быть судимымъ въ законномъ порядкѣ подсудности; далѣе содержатся постановленія о предоставленномъ королю правѣ помилованія и правѣ возводить въ дворянское достоинство, о порядкѣ центральнаго и мѣстнаго управленія, монетной части, о содержаніи военныхъ силъ, о собраніяхъ земскихъ чиновъ, сословныхъ привилегіяхъ, о банкѣ и т. д. Слѣдуетъ замѣтить, что хотя „форма правленія“ не допускаетъ изданія новыхъ законовъ или отмѣны старыхъ безъ согласія земскихъ чиновъ, тѣмъ не менѣе правило это понималось такимъ образомъ, что, согласно принципу, признанному еще до 1680 г., королю предоставлялось издавать извѣстнаго рода узаконенія, относящіяся къ законамъ, называемымъ не вполнѣ правильно „экономическими“; съ другой стороны, по толкованію правилъ о налогахъ и повинностяхъ, установившемуся на практикѣ въ XVII ст., король могъ безъ содѣйствія земскихъ чиновъ постановлять не только относительно пошлинъ за пользованіе публичными учрежденіями или услугами правительственныхъ властей, но и касательно сборовъ, очевидно относящихся къ числу налоговъ.

При ближайшемъ разсмотрѣніи постановленій „формы правленія“ оказывается, что важнѣйшія изъ нихъ согласны съ основными началами отдѣла о королѣ въ земскомъ уложеніи. Конечно, мы встрѣчаемся также съ отклоненіями, и кромѣ того „форма правленія“ содержитъ болѣе подробныя опредѣленія, нежели древній законъ; наконецъ, господствующая въ древнемъ правѣ частно-правовая и вотчинная точка зрѣнія въ новомъ законѣ исчезаетъ, хотя и сохраняется еще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ.

Между тѣмъ, въ глазахъ Густава III, и новый законъ еще слишкомъ стѣснялъ королевскую власть. Поводъ къ его измѣненію представился въ томъ обстоятельствѣ, что въ началѣ войны 1788 года нѣкоторые офицеры изъ дворянскаго сословія, слѣдуя „обычаямъ періода свободы“ и ссылаясь на то, что война была начата безъ согласія земскихъ чиновъ, вмѣсто того, чтобы вѣрою и правдою служить своему королю, въ самый разгаръ войны стали требовать созванія сейма, причемъ нѣкоторые вступили даже въ переговоры съ непріятелемъ. Ходъ событій принялъ такое направленіе, что Густавъ III могъ надѣяться на поддержку со стороны большинства народа, и потому въ 1789 г. онъ созвалъ сеймъ, результатъ котораго былъ тотъ, что Швеція получила новый основной законъ, измѣнявшій въ нѣкоторыхъ частяхъ

Digitized by Google

„форму правленія 1772 г.“, а именно „актъ соединенія и безопасности“, прочитанный земскимъ чинамъ 21-го февраля и утвержденный королемъ 3-го апрѣля 1789 г.

Для правильнаго толкованія этого послѣдняго акта необходимо имѣть въ виду слѣдующія обстоятельства: 1) цѣль новаго закона, очевидно, заключалась въ новомъ *расширеніи королевской власти*; 2) въ введеніи къ закону указано, что цѣль его заключается въ томъ, чтобы основнымъ началамъ управленія—т.-е. существующимъ—„вновь придать крѣпость и силу и установить основанія, на которыхъ покоятся законы объ управленіи“; 3) постановленіе параграфа шестого о томъ, что на сеймахъ разсматриваются только дѣла, предложенныя королемъ, мотивируется словами: „какъ это было въ обычаѣ до 1680 г.“, т.-е. указывается, что новый законъ примыкаетъ къ порядкамъ лучшаго, древнѣйшаго времени; 4) наконецъ, заключительный § 9 опредѣляетъ, что „форма правленія 1872 г.“ остается въ силѣ ненарушимо во всемъ, что́ не измѣнено новымъ закономъ. Отсюда слѣдуетъ, что „актъ соединенія и безопасности“, расширяя королевскую власть, не былъ однако направленъ къ ниспроверженію древнихъ принциповъ, а имѣлъ лишь цѣлью измѣнить „форму правленія 1772 г.“ для устраненія нѣкоторыхъ положеній, несогласныхъ съ древними порядками или вообще представлявшихся въ глазахъ короля нецѣлесообразными.

Что касается измѣненій, которымъ подверглась „форма правленія“ 1772 г., то не подлежитъ сомнѣнію, что постановленія, ограничивавшія власть короля въ отношеніи внѣшней политики, были отмѣнены; согласно „формѣ правленія“, король не могъ объявлять наступательной войны безъ согласія земскихъ чиновъ и не только былъ принужденъ выслушивать мнѣніе государственнаго совѣта, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ долженъ былъ даже подчиняться его мнѣнію; новымъ же закономъ король поставленъ въ независимость отъ совѣта и земскихъ чиновъ въ силу постановленія о томъ, что король имѣетъ полную власть начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными державами (хотя это постановленіе нынѣ не имѣетъ никакого практическаго значенія, тѣмъ не менѣе необходимо привести его для характеристики „акта соединенія и безопасности“). Затѣмъ, § 6 лишаетъ земскихъ чиновъ права иниціативы по законодательнымъ вопросамъ. Кромѣ того §§ 1 и 2 были редактированы такимъ образомъ, что король могъ считать себя въ правѣ совершенно упразднить древній государственный совѣтъ; для короля это представлялось наиболѣе важнымъ, и потому немедленно было имъ исполнено. Насколько слова закона достаточно ясны, чтобы признать такое толкованіе и принятую на основаніи его мѣру правильными—это вопросъ, рѣшеніе котораго не представляется для насъ важнымъ; во всякомъ случаѣ, это толкованіе,

Digitized by Google

признанное впослѣдствіи и тремя сословіями, ко времени отдѣленія Финляндіи отъ Швеціи утвердилось вполнѣ на практикѣ. Наконецъ, самостоятельность королевской власти выражается признаніемъ короля наслѣдственнымъ королемъ, который имѣетъ полную власть управлять государствомъ, защищать, спасать и оборонять его и т. д., а также указаніемъ, что и земскіе чины суть подданные короля („Актъ соединенія и безопасности", §§ 1 и 2). Всѣ эти положенія не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію и то, что древнія права страны въ отношеніи законодательства и установленія налоговъ не отмѣнялись и не ограничивались „актомъ соединенія и безопасности 1789 г.". Что касается законодательныхъ правъ, то, какъ упомянуто выше, право инициативы было отнято у земскихъ чиновъ, но прочіе, относящіеся до сего предмета, параграфы „формы правленія 1772 г." оставлены неизмѣненными; относительно же установленія налоговъ, § 5 прямо признаетъ за страною право „совѣщаться съ королемъ, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе", и кромѣ того, какъ нами уже замѣчено, согласно § 9, „форма правленія 1772 г." остается въ ненарушимой силѣ во всемъ, что̀ не измѣнено „актомъ соединенія и безопасности 1789 г.".

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что основные законы, дѣйствовавшіе въ Финляндіи во время ея отдѣленія отъ Швеціи, установляли весьма крѣпкую и дѣйствительную монархическую власть съ обширными полномочіями, хотя, въ то же время, ими не отмѣнялись права, принадлежавшія странѣ въ отношеніи законодательства и обложенія и признававшіяся съ древнѣйшихъ временъ общими основными началами общественнаго строя.

Насколько прочія постановленія „формы правленія 1772 г." подверглись измѣненіямъ, вслѣдствіе акта соединенія и безопасности 1789 г.", —это вопросъ, не относящійся къ задачамъ настоящей статьи. Кромѣ того, подобное разъясненіе едва-ли возможно безъ историческаго толкованія нѣкоторыхъ законоположеній, не имѣющихъ для современнаго читателя никакого интереса. Между тѣмъ слова, употребленныя въ § 1 „акта соединенія и безопасности", повидимому, дали поводъ къ мнѣнію, высказывавшемуся въ русской печати, которое противорѣчитъ вышеизложеннымъ актамъ и заключаетъ въ себѣ ту мысль, что шведскому королю было предоставлено право самостоятельно постановлять по всѣмъ дѣламъ управленія, не взирая ни на какія узаконенія, кромѣ относящихся до нѣкоторыхъ налоговъ. Только въ виду этого я и считаю нужнымъ, по крайней мѣрѣ вкратцѣ, коснуться относящихся сюда обстоятельствъ.

Digitized by Google

§ 1 „акта соединенія и безопасности 1789 г.“ содержитъ слѣдующее:

„Мы признаемъ, что имѣемъ наслѣдственнаго короля, который сохраняетъ *полную власть управлять государствомъ*, защищать, спасать и оборонять его; начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными державами; миловать, возвращать жизнь, честь и имущество; постановлять по своему высокому благоусмотрѣнію о всѣхъ должностяхъ государства, которыя должны замѣщаться шведскими уроженцами, и примѣнять и соблюдать законъ и правосудіе.

„*Остальныя дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ* (riksvårdande ärender), завѣдуются въ порядкѣ, который королю покажется наиполезнѣйшимъ“.

Надо полагать, что вышеупомянутое мнѣніе вызвано выраженіями: „полная власть управлять государствомъ“, и т. д., и „остальныя дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ“, и т. д.

Относительно перваго выраженія необходимо замѣтить, что управленіе государствомъ по древнимъ законамъ предоставлялось въ Швеціи королю, но оно не заключало права отмѣнять существующіе законы или установлять новые. Въ законѣ видѣли нѣчто постоянное, въ своемъ родѣ „вѣчное“, и возможность измѣненія закона первоначально не принималась даже во вниманіе—взглядъ, свойственный не одному только шведскому праву. Если для введенія новаго закона требовалось содѣйствіе короля, то это объясняется тѣмъ, что шведскій король являлся носителемъ верховной власти; само же по себѣ право управлять государствомъ не заключало въ себѣ права нарушать законъ. На этой же точкѣ зрѣнія стоитъ также „актъ соединенія и безопасности“, какъ тó видно при сопоставленіи §§ 1 и 2. Въ § 2 сказано: „Мы признаемъ себя свободными, законамъ повинующимися и въ безопасности находящимися подданными, подъ властью законно короованнаго короля, который *управляетъ нами по писанному закону Швеціи*“. Къ тому же выводу приводитъ § 9, постановляющій, что „форма правленія“ остается въ силѣ ненарушимо во всемъ, чтò не измѣнено „актомъ соединенія и безопасности“, и, наконецъ, приведенный взглядъ подтверждается § 6 сеймоваго рѣшенія 1800 г., изъ котораго усматривается, что король, принимая отзывъ земскихъ чиновъ на переданное имъ предложеніе по законодательному вопросу, приводитъ §§ „формы правленія“, касающіеся законодательства, ссылаясь на нихъ какъ на дѣйствующій законъ.

Къ праву управлять государствомъ въ Швеціи не относилось также право облагать народъ налогами; это видно изъ того обстоятельства, что многіе областные законы предоставляютъ королю право государственнаго управленія, не упоминая при этомъ ни единымъ словомъ,

Digitized by Google

что король не въ правѣ установлять новые налоги и повинности. Въ этомъ отношеніи право страны стояло тогда внѣ всякаго сомнѣнія, вслѣдствіе чего никому не могло придти на мысль включить въ законъ еще особое постановленіе о немъ. Право налоговаго обложенія и по позднѣйшимъ законамъ не заключается въ правѣ управлять государствомъ; что же, въ частности, касается „акта соединенія и безопасности 1789 г.", то въ § 5 прямо сказано: „Такъ какъ истинная свобода состоитъ въ томъ, чтобы свободно давать на содержаніе государства что́ найдено будетъ нужнымъ, то шведскій народъ имѣетъ неоспоримое право относительно сего съ королемъ совѣщаться, уговариваться, отказываться и входить въ соглашеніе".

Такимъ образомъ шведскій законъ 1789 г. не только не содержалъ постановленія, которымъ переносилось бы на короля право вводить извѣстные налоги,—установленіе которыхъ до того принадлежало земскимъ чинамъ,—а напротивъ, § 5 говоритъ о правѣ налоговаго обложенія въ словахъ, которыя скорѣе могли бы подать поводъ предполагать, что за страною признавалось право постановлять о налогахъ и сборахъ, необходимыхъ на „содержаніе государства". Хотя было бы неправильно понимать эти слова въ такомъ смыслѣ,—такъ какъ вовсе не имѣлось въ виду ограничить власть, предоставленную королю по древнимъ законамъ, — тѣмъ не менѣе, они настолько выразительны, что не допускаютъ толкованія, которое утверждаетъ, будто „актъ соединенія и безопасности 1789 г." предоставлялъ шведскому королю самостоятельно постановлять о налогахъ и повинностяхъ, которые прежде разрѣшались земскими чинами.

Въ виду вышеизложеннаго, постановленіе о томъ, что „король имѣетъ полную власть управлять государствомъ, защищать, спасать и оборонять его, начинать войну, заключать миръ и союзы съ иностранными державами", слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что королю предоставляется совершенно самостоятельно управлять государствомъ, защищать, спасать и оборонять его и т. д., *независимо отъ тѣхъ ограниченій, которыя заключаются въ постановленіяхъ „формы правленія" требующихъ согласія совѣта и земскихъ чиновъ для объявленія наступательной войны;* но упомянутое постановленіе никоимъ образомъ не отмѣняетъ силы „формы правленія 1772 г." и прочихъ законовъ.

Что касается постановленія объ „остальныхъ дѣлахъ, относящихся къ попеченію о государствѣ", то уже изъ вышеизложеннаго прямо вытекаетъ, что и это постановленіе не могло расширять правъ шведскаго короля въ отношеніи законодательства и налоговаго обложенія. Къ тому же послѣ 1789 г. никто серьезно не сомнѣвался въ томъ, что прежніе принципы, касающіеся законодательства и налоговаго обло-

Digitized by Google

женія, сохранили силу и по принятіи „акта соединенія и безопасности 1789 г.“.

Насколько упомянутое постановленіе затрогиваетъ другія опредѣленія „формы правленія“ и прочихъ законовъ, это, конечно, зависитъ отъ того, какое значеніе имѣетъ выраженіе: „другія дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ“, какъ само по себѣ, такъ и въ частности по общей связи, въ которой оно употреблено въ данномъ случаѣ. Слѣдуетъ замѣтить, что самое выраженіе это устарѣло и нынѣ не употребляется; передать его смыслъ представляется довольно затруднительнымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ юристовъ, указанное постановленіе предоставляетъ шведскому королю право по собственному усмотрѣнію опредѣлять порядокъ завѣдыванія дѣлами, которыя до того были отнесены къ вѣденію коллегіи; другими же это постановленіе истолковывается въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Однако, и согласно первому мнѣнію, даннымъ постановленіемъ за королемъ въ Швеціи признается только право опредѣлять, какъ ему покажется наиполезнѣйшимъ, относительно органовъ, при посредствѣ которыхъ должны производиться „остальныя дѣла, относящіяся къ попеченію о государствѣ“, причемъ, однако, завѣдываніе этими дѣлами, конечно, должно быть возложено на шведскихъ уроженцевъ; но ему не предоставляется, сверхъ того, права по усмотрѣнію рѣшать за малыми исключеніями всѣ публичныя дѣла, не обращая вниманія ни на какіе почти принципы, выраженные въ законѣ. Что подобное толкованіе неправильно, это доказывается содержаніемъ прочихъ частей „акта соединенія и безопасности“, включая также королевское утвержденіе, привилегіями четырехъ сословій частью подтвержденными, частью впервые изданными на риксдагѣ 1789 г., а также рѣшеніями, состоявшимися на слѣдующихъ риксдагахъ; наконецъ, мы еще разъ можемъ указать на § 9 „акта соединенія и безопасности“, постановляющій, что „форма правленія“ остается въ силѣ ненарушимо во всемъ, что̀ не измѣнено „актомъ соединенія и безопасности“. Не останавливаясь далѣе на этомъ вопросѣ, укажемъ лишь мимоходомъ, что „актъ соединенія и безопасности“ не повлекъ за собою упраздненія коллегій. Мы вовсе не утверждаемъ, что королевская власть въ Швеціи не была расширена въ другихъ отношеніяхъ, кромѣ упомянутыхъ выше, но желаемъ только указать на неосновательность нѣкоторыхъ мнѣній относительно значенія § 1 „акта соединенія и безопасности 1789 г.“

Необходимо остановиться еще на двухъ обстоятельствахъ.

Въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ, состоявшихся при содѣйствіи земскихъ чиновъ, сказано, что верховная власть постановляетъ „съ согласія земскихъ чиновъ Финляндіи“. Эта формула обнародованія,

Digitized by Google

возбудившая въ русской печати недоумѣніе, является буквальнымъ переводомъ формулы, которая употреблялась въ Швеціи послѣ 1772 года и въ Финляндіи послѣ 1863 г., но не передаетъ вполнѣ удовлетворительно того, что̀ имѣется въ виду, согласно взгляду древне-шведскаго права на взаимныя отношенія короля и земскихъ чиновъ. По моему мнѣнію, взглядъ этотъ передавался бы вѣрнѣе всего, еслибы выражались, что земскіе чины *принимаютъ* (accepter) законъ, а верховная власть утверждаетъ его (confirmer, sanctionner). Такая формула иногда дѣйствительно употреблялась; приведенная же выше формула, хотя и можетъ выражать указанный смыслъ, но можетъ подавать поводъ и къ недоразумѣнію.

Далѣе, по поводу того, что въ „актѣ соединенія и безопасности 1789 г.“ содержится постановленіе, согласно которому всѣ должности должны быть замѣщаемы исключительно „шведскими людьми“, недавно въ одномъ петербургскомъ журналѣ утверждалось, что въ то время, когда Финляндія была соединена со Швеціею, финляндцы по закону не могли состоять на шведской государственной службѣ, и что поэтому послѣ соединенія Финляндіи съ Россіею правительственныя должности въ Финляндіи должны по праву замѣщаться русскими уроженцами.

Но еслибы даже подобное толкованіе выраженія „шведскіе люди“ было правильно, то самый выводъ могъ бы быть признанъ логически правильнымъ лишь въ томъ предположеніи, что императоръ Александръ I утвердилъ „актъ соединенія и безопасности“ для всей державы своей. Но такого мнѣнія никто никогда не высказывалъ и не могъ высказывать; напротивъ того, „актъ соединенія и безопасности“ и прочіе основные законы утверждены на будущее время, какъ законы исключительно для одной *Финляндіи*.

Помимо того, и самое толкованіе приведеннаго выраженія неправильно.

Относящееся сюда постановленіе „акта соединенія и безопасности“ вовсе не является новостью, а лишь подтверждаетъ древній принципъ земскаго уложенія, согласно которому шведскій король былъ обязанъ управлять государствомъ при содѣйствіи шведскихъ уроженцевъ. Что подъ выраженіемъ „шведскіе люди“ подразумѣвались и финляндцы, это никогда не подвергалось сомнѣнію. Если же *этотъ фактъ, всѣмъ извѣстный въ Финляндіи*, былъ бы признанъ недостаточно убѣдительнымъ, то можно указать на то, что Финляндія уже въ 1362 г. получила право, въ лицѣ своего лагмана и своихъ представителей, участвовать въ выборахъ шведскаго короля; что земское уложеніе, на которое ссылается также „форма правленія 1772 г.“, признаетъ Финляндію равноправною съ шведскими областями, и что „уставъ

Digitized by Google

рыцарскаго дома" 1626 г., который съ добавленіями, утвержденными на сеймѣ 1778 г., сохранялъ силу въ то время, къ которому относится „актъ соединенія и безопасности", прямо опредѣляетъ, что дворянинъ, родившійся отъ шведскихъ или финскихъ родителей или отъ шведскаго или финскаго отца, хотя бы мать его была иностранка, признается шведскимъ дворяниномъ. Мы оставляемъ въ сторонѣ цѣлый рядъ другихъ узаконеній. Отсюда слѣдуетъ, что выводы, основанные на приведенномъ толкованіи „акта соединенія и безопасности 1789 г.", должны быть признаны неправильными.

Въ послѣднее время въ русской печати нѣкоторыми отрицается даже и тотъ фактъ, что императоръ Александръ I, утверждая прежніе законы края, имѣлъ въ виду такого рода законы, какъ „форма правленія 1772 г." и „актъ соединенія и безопасности 1789 г.". Мы поэтому теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію и этого вопроса также съ чисто фактической и документальной его стороны [1]).

II.

Что Финляндія, при соединеніи съ Россіею, какъ извѣстно, сохранила тѣ законы, за которыми до того времени признавалась сила основныхъ законовъ края, а между прочимъ также и „форму правленія 1772 г.", и „актъ соединенія и безопасности" 1789 г., это видно прежде всего изъ слѣдующаго, собственноручно подписаннаго, Высочайшаго манифеста императоромъ Александромъ I, въ г. Борго, марта 15 дня 1809 года [2]):

„Божіею милостію Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

„Произволеніемъ Всевышняго, вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика по конституціямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствіи, въ удостовѣреніе чего и сію грамату собственноручнымъ подписаніемъ Нашимъ утвердить благоволили".

Содержаніе этого утвержденія передано на французскомъ языкѣ

[1]) Главнѣйшіе изъ нижеприведенныхъ нами документовъ собраны вмѣстѣ и недавно напечатаны на русскомъ и французскомъ языкахъ, подъ заглавіемъ: „Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго". Изд. Б. Бореніусъ. Гельсингфорсъ. 1890 г.

[2]) „Акты" и пр., стр. 3 и 4.

Digitized by Google

въ Высочайшемъ манифестѣ всѣмъ жителямъ Финляндіи, отъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1809 г., въ которомъ сказано, что государю благоугодно было: „confirmer et assurer le maintien de la religion, des lois fondamentales, les droits et les privilèges, dont chaque état en particulier et tous les habitans de la Finlande en général ont joui jusqu'à présent“ [1]).

Въ виду того нѣкоторыми органами русской печати высказывается однако мнѣніе, будто утвержденіе императора Александра I не относится до „формы правленія 1772 г.“ и „акта соединенія и безопасности 1789 г.“, а лишь до нѣкоторыхъ законовъ, касающихся частной жизни. Въ Финляндіи никто никогда не подозрѣвалъ возможности такого тѣснаго толкованія приведеннаго утвержденія, а напротивъ того, всегда предполагалось, что „форма правленія“ и „актъ соединенія и безопасности“ относятся къ числу утвержденныхъ законовъ; но этотъ фактъ, конечно, не будетъ признанъ достаточнымъ доказательствомъ; рѣшающее значеніе въ настоящемъ вопросѣ могутъ имѣть одни собственные взгляды императора Александра I. Въ этомъ отношеніи мы можемъ сослаться на нижеслѣдующіе акты.

Къ числу такихъ принадлежитъ прежде всего Высочайшее повелѣніе отъ 20-го января (1 февраля) 1809 г. о созваніи общаго сейма въ городѣ Борго, въ которомъ сказано: „Persuadés que tous les états de Finlande s'empresseront à nous seconder de leurs efforts, *Nous* avons résolu, conformément aux constitutions du pays de les réunir en diète et en conséquence *Nous* avons ordonné et ordonnons par ces présentes qu'une diète générale soit convoquée pour le dix du mois de mars de cette année dans la ville de Borgo“ [2]).

Едва-ли возможны какія-либо сомнѣнія относительно того, какіе законы монархъ могъ имѣть въ виду, говоря объ общемъ сеймѣ. Но дѣло еще болѣе разъясняется, если припомнить слѣдующее обстоятельство. Въ концѣ 1808 г., въ Петербургъ была вызвана депутація для представленія государю отзыва относительно мѣръ, которыя могли бы быть приняты для пользы края при тогдашнемъ его положеніи. Депутація объяснила, между прочимъ, что она не имѣетъ необходимыхъ полномочій, которыя могутъ принадлежать лишь въ законномъ порядкѣ созваннымъ земскимъ чинамъ; воззрѣніе это императоръ призналъ правильнымъ, и такимъ образомъ воспослѣдовало объявленіе Высочайшаго намѣренія созвать сеймъ. Мы можемъ также указать на рѣчь государя при открытіи сейма 16-го (28) марта 1809 г. (манифестъ объ утвержденіи правъ великаго княжества подписанъ

---

[1]) „Акты“ и пр., стр. 12.
[2]) Тамъ же, стр. 1 и 2.

Digitized by Google

днемъ раньше). Въ этой рѣчи государь говоритъ: „J'ai désiré vous voir pour vous donner une nouvelle preuve de Mes intentions pour le bien de votre patrie. J'ai promis de maintenir votre constitution, vos lois fondamentales; votre réunion ici vous garantit Ma promesse“ [1]).

Въ общемъ введеніи къ предложеніямъ, по Высочайшему повелѣнію и въ присутствіи государя переданнымъ земскимъ чинамъ, при открытіи сейма, сказано, между прочимъ: „*Sa Majesté Impériale* réunissant les états de Finlande en une diète générale, a bien voulu donner par là une preuve solemnelle de ses intentions généreuses de conserver et maintenir inviolablement la religion, la constitution du pays, les droit et les privilèges de tous les états en général et de chaque citoyen en particulier“.

Наконецъ, Высочайше утвержденный церемоніалъ принесенія присяги на вѣрноподданство выражается относительно вышеприведеннаго утвержденія слѣдующимъ образомъ: „Après quoi le Gouverneur-Général déclarera que *Sa Majesté Impériale* a daigné confirmer solemnellement la Constitution de la Finlande, en la sanctionnant de la signature, il lira à haute voix l'Acte de Confirmation et le remettra au Maréchal de la Noblesse“ [2]).

Какъ вообще возможно предположить, чтобы Высочайшее утвержденіе государя, прочитанное земскимъ чинамъ и затѣмъ имъ переданное, не относилось до законовъ, которые опредѣляютъ права земскихъ чиновъ, когда это и были именно „форма правленія“ 1772 г. и „актъ соединенія и безопасности“ 1789 г. Здѣсь прямо упоминаются: „la constitution de la Finlande“ и ея „lois fondamentales“.

Но еслибы даже оставалась возможность какого-либо сомнѣнія, то самъ императоръ Александръ I впослѣдствіи далъ вполнѣ ясное разъясненіе по настоящему вопросу въ Высочайшемъ манифестѣ отъ 9-го (21) февраля 1816 г. о переименованіи императорскаго правительствующаго совѣта въ императорскій финляндскій сенатъ. Этотъ актъ, изъ котораго мы приведемъ болѣе обширную выдержку, содержитъ слѣдующія слова государя:

„Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы, безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но по предварительномъ разсужденіи о семъ съ собравшимися земскими края сего

[1]) Тамъ же, стр. 4.
[2]) Тамъ же, стр. 8.

Digitized by Google

чинами и учредили особенное правительство, подъ названіемъ правительствующаго совѣта, составленнаго изъ коренныхъ финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частью края сего и рѣшалъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ Наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашею и наслѣдниковъ Нашихъ. Нынѣ же по благополучномъ окончаніи, въ купѣ съ союзными намъ державами, помощью Всевышняго, дѣлъ до безопасности имперіи нашей и спокойствія всей Европы относящихся и достигши ожиданнаго давно случая, безъ препятствія отъ попеченій внѣшнихъ, посвятить занятія на управленіе внутренними дѣлами государства нашего, а въ числѣ оныхъ и касающимися особенно до Финляндіи, находимъ Мы, для вящшаго ознаменованія намѣренія Нашего о упомянутомъ мѣстномъ управленіи края сего и непосредственнаго отношенія онаго къ лицу Нашему, удобнѣйшимъ, согласно съ наименованіемъ Вышняго правительства въ государствѣ Нашемъ и въ присоединенномъ къ оному съ недавняго времени царствѣ польскомъ, дать и финляндскому вышнему правительству названіе: финляндскаго сената Нашего, безъ отмѣны однакожъ въ настоящемъ его составѣ, а еще менѣе того въ конституціи и законахъ Нами для Финляндіи утвержденныхъ и силою сего во всѣхъ отношеніяхъ паки утверждаемыхъ. При торжественнѣйшемъ обѣщаніи Нашемъ, избирать впредь въ члены сего финляндскаго сената Нашего, какъ и до сего времени было, однихъ токмо коренныхъ финляндцевъ или водворившихся тамъ и финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ, повелѣваемъ"—и т. д. [1]).

Приведемъ еще нѣсколько выдержекъ изъ актовъ, собственноручно подписанныхъ императоромъ Александромъ I. Въ манифестѣ, отъ 15-го (27) марта 1810 г., о финскихъ войскахъ, сказано между прочимъ:

„Du moment que la Providence Nous a remis le sort de la Finlande, Nous résolûmes de gouverner ce pays comme une nation libre et jouissant des droits que sa constitution lui garantit. Tous les actes émanés jusqu'ici, pour l'administration intérieure de ce pays, ne sont qu'une suite et une application de ce principe. Le maintien de la religion et des lois, la réunion de la diète, la formation du Conseil de régence au sein de la nation, la conservation intacte de l'ordre judiciaire et administratif, en sont des preuves qui doivent assurer à la nation finnoise les droits de son existence politique" [2]).

Въ постановленіи относительно преобразованія выборгской губерніи

---

[1]) „Акты" и т. д., стр. 31.

[2]) Тамъ же, стр. 21.

Digitized by Google

отъ 31-го декабря 1811 г. (12 января 1812 г.), встрѣчается слѣдующее постановленіе (по указаніямъ графа Армфельта, собственноручная приписка государя): „Порядокъ представленія всѣхъ сословій на сеймѣ государственныхъ чиновъ учреждается въ выборгской губерніи на общихъ правилахъ, въ конституціи великаго княжества Финляндіи опредѣленныхъ“ [1]).

Въ видѣ примѣра изъ числа многихъ, на которые можно было бы еще сослаться, приводимъ слѣдующую выдержку изъ рѣчи императора при закрытіи сейма въ г. Борго 6-го (18) іюля 1809 г. [2]): „Aucune influence, aucune autorité étrangère à la votre n'osa franchir le seuil de ces portes. J'ai veillé sur l'indépendance de vos opinions. Portez dans le sein de vos provinces, imprimez dans l'esprit de vos compatriotes la même confiance qui a présidé ici à vos délibérations. Inspirez leur la même conviction, la même assurance sur les objets les plus importans à votre existence politique: le maintien de vos loix, la sûreté personnelle, le respect inviolable à vos propriétés. Ce peuple brave et loyal bénira la Providence qui a amené l'ordre de choses actuel. Placé désormais au rang des nations, sous l'empire de ses loix, il ne se ressouviendra de la domination passée que pour cultiver des rapports d'amitié lorsqu'ils seront rétablis par la paix“.

Приводя всѣ эти документы, я вовсе не хочу отрицать, что императоръ Александръ I, какъ покоритель края, имѣлъ полную возможность поступить иначе; но разъ государь великодушно и, какъ на то съ несомнѣнною очевидностью указываютъ всѣ его дѣйствія, съ намѣреніемъ и вполнѣ сознательно избралъ столь опредѣленныя формы, то мы во всякомъ случаѣ не имѣемъ права не обращать на нихъ вниманіе. Слѣдуетъ, кромѣ того, прибавить, что торжественный актъ, на которомъ императоръ принялъ присягу отъ земскихъ чиновъ и передалъ имъ Высочайшее утвержденіе, происходилъ въ Боргоскомъ соборѣ, что̀ въ глазахъ государя придавало акту совершенно особенную торжественность, какъ это имъ самимъ чрезвычайно ясно и не разъ указывается. Въ объявленіи, отъ 23-го марта (4 апрѣля), которымъ обнародовано Высочайшее утвержденіе, государь говоритъ: „Ayant réuni les états de la Finlande en une diète générale et reçu leurs sermens de fidélité, *Nous* avons voulu à cette occasion par un acte solemnel, émané en leur présence et *proclamé dans le sanctuaire de l'Etre Supreme* confirmer et assurer, и т. д. [3]).

То же самое повторяется и при императорѣ Николаѣ I. Въ Высочайшемъ объявленіи, отъ 21-го апрѣля 1826 г., объ осужденныхъ на смерт-

[1]) Тамъ же, стр. 28.
[2]) Тамъ же, стр. 14 и 15.
[3]) „Акты“ и т. д., стр. 12.

Digitized by Google

ную казнь, говорится, что государь, не признавая правильными всѣ безусловныя законоположенія о смертной казни въ Финляндіи, „по симъ уваженіямъ и какъ обстоятельства и время нынѣ не позволяютъ предоставить на разсужденіе сеймовыхъ чиновъ предположеніе объ отмѣнѣ общаго закона въ вышеизъясненномъ отношеніи, положилъ во всѣхъ прочихъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлахъ пользоваться присвоеннымъ государю по кореннымъ законамъ правомъ милованія, для избавленія преступниковъ отъ смертной казни". Отсюда очевидно слѣдуетъ, что и императоръ Николай I не уничтожилъ силы законовъ, которые представляли земскимъ чинамъ права въ отношеніи законодательства. Въ Высочайшемъ манифестѣ, отъ 17-го марта 1826 г., сказано: „желая установить для Финляндіи сообразный съ утвержденными Нами коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу Намъ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти, Мы" и т. д.; при этомъ слова: „коренные законы и основныя постановленія"—могутъ относиться именно только до законовъ, опредѣляющихъ осуществленіе верховной власти [1]).

Что касается затѣмъ царствованія императора Александра II, то изъ числа многихъ актовъ, касающихся настоящаго вопроса, мы приведемъ слѣдующіе:

Въ Высочайшемъ повелѣніи о созваніи чиновъ Финляндіи на общій сеймъ 6-го (18) іюня 1863 г. сказано [2]):

„Божіею Милостію Мы, Александръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

„Объявляемъ вамъ, любезновѣрные наши подданные, земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго, графы, бароны, рыцарство и дворянство, архіепископы, епископы, духовенство, граждане городовъ и крестьяне, съ помощію Всевышняго, Нашу особенную благосклонность, монаршее благоволеніе и Высочайшую волю.

„Обративъ всемилостивѣйшее вниманіе на то, что множество особенно важныхъ и имѣющихъ вліяніе на развитіе дальнѣйшаго благосостоянія Великаго Княжества Финляндскаго дѣлъ требуютъ разсмотрѣнія и содѣйствія земскихъ чиновъ, для полученія такого рѣшенія, какое Мы ко благу края имѣемъ въ виду, и бывъ увѣрены, что земскіе чины Великаго Княжества, въ своихъ совѣщаніяхъ о сихъ важныхъ для отчетовъ дѣлахъ, примутъ Наши благія намѣренія съ довѣріемъ и посвятятъ себя спокойному и зрѣлому обсужденію предложенныхъ дѣлъ, какъ того разсмотрѣніе ихъ и общее благо требуютъ,

---

[1]) Тамъ же, стр. 36.

[2]) Тамъ же, стр. 43—45.

Digitized by Google

Мы предписываемъ и повелѣваемъ открыть общій сеймъ въ Гельсингфорсѣ 3 (15) числа будущаго сентября сего года.

„Вслѣдствіе сего имѣютъ всѣ земскіе чины Великаго Княжества Финляндскаго явиться означеннаго числа въ помянутый городъ, а именно: рыцарство и дворянство съ соблюденіемъ того, что̀ въ этомъ отношеніи постановлено въ положеніи о рыцарскомъ домѣ 6-го іюня 1626 и въ прибавленіи къ оному отъ 3-го ноября 1778 гг., отъ духовенства: абоскій архіепископъ, епископы боргоскій и куопіоскій и по одному духовному лицу отъ каждаго пробстскаго округа; отъ городского сословія не болѣе двухъ уполномоченныхъ отъ каждаго штапельнаго или большого внутренняго города, а отъ меньшихъ только по одному уполномоченному, и отъ крестьянскаго сословія по одному сеймовому депутату отъ каждаго судебнаго округа, во всемъ согласно съ дѣйствующими постановленіями касательно сеймовыхъ представителей. Всѣ избранные представители должны быть снабжены надлежащими уполномочіями, дабы безъ замедленія можно было приступить къ обсужденію тѣхъ дѣлъ, которыя мы признаемъ за благо передать на разсмотрѣніе сейма.

„Ожидая отъ всѣхъ и каждаго изъ васъ точнаго исполненія сей Нашей монаршей воли и поручая васъ покровительству Всевышняго, пребываемъ къ вамъ особенною императорскою Нашею милостію благосклонны“.

Затѣмъ, лично открывая сеймъ 6-го (18) сентября 1863 г., государь въ своей рѣчи выразился слѣдующимъ образомъ [1]):

„Mon attention s'est dès longtems portée sur un certain nombre de questions successivement soulevées et qui touchent aux intérêts les plus sérieux du pays. Elles sont restées en suspens, vu que leur solution demandait la coopération des Etats. Des considérations majeures, dont l'appréciations M' est reservée, ne M' avoient pas permis de réunir les représentans des quatre ordres du Grand-Duché durant les premières années de Mon règne. Néanmoins J'ai pris des mesures préparatoires pour arriver à ce but, et aujourd'hui que les circonstances ne sont plus de nature à motiver un plus long ajournement, Je vous ai convoqués, afin de vous faire part, après avoir préalablement entendu Mon Sénat de Finlande, des projets de loi de quelques affaires administratives, dont vous aurez à vous occuper durant la session actuelle. Considérant leur gravité, Je les ai d'abord fait examiner par une commission, composée de personnes investies de la confiance de la nation. La publicité accordée aux débats de cette commission vous a fait connaître d'avance l'objet des vos dilibérations et vous avez été à même d'appro-

[1]) „Акты“ и пр., стр. 46—48.

Digitized by Google

fondir ces projets de loi en consultant les opinions et les besoins du pays. Malgré leur nombre et leur importance il vous sera en conséquence possible d'en terminer examen définitif dans le délai fixé par la loi... Les nouvelles contributions, que Je fais proposer à la diète tendent à réaliser différentes mesures destinées à augmenter le bien être du pays et à faire prospérer l'enseignement du peuple. C'est à vous à décider de l'urgence et de l'étendue des ces mesures.

„Plusieurs des stipulations des lois fondamentales du Grand-Duché ne sont plus applicables à l'état des choses survenu depuis sa réunion à l'Empire; d'autres manquent de clarté et de précision. Désirant remédier à ces imperfections, Mon intention est de faire élaborer un projet de loi qui contiendra des explications et des supplémens à ces stipulations, pour être soumis à l'examen des Etats lors de la prochaine diète, que Je pense convoquer dans trois ans. En maintenant le principe Monarchique constitutionel inhérent aux moeurs du peuple Finlandois et dont toutes ses lois et ses institutions portent le caractère, Je veux faire admettre dans ce projet un droit plus étendu que celui que possèdent déjà les Etats quant au réglement de l'assiette des impôts, ainsi que le droit de motion qu'ils ont anciennement possédé, Me reservant toutefois celui de prendre l'initiative dans toutes les questions qui touchent au changement de la loi fondamentale".

Въ собственноручно подписанной рѣчи императора, прочитанной при открытіи сейма 1867 г., государь объявилъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Осуществляя выраженное Мною при открытіи предыдущаго сейма намѣреніе, Я собралъ васъ вновь для разсмотрѣнія важныхъ вопросовъ, подлежащихъ вашему обсужденію.

„Опытъ засѣданій созваннаго послѣ многихъ лѣтъ сейма указалъ на необходимость издать опредѣлительный сеймовый уставъ.

„Разработанный нынѣ по Моимъ предначертаніямъ проектъ таковаго устава передаю на ваше обсужденіе, предполагая встрѣтить сочувствіе ваше къ Моимъ мыслямъ и желаніямъ установить собраніе представителей, облеченныхъ довѣріемъ народа, сообразно тому, чего требуетъ достоинство торжественнаго призыва на соучастіе въ государственной работѣ".

Въ сеймовомъ уставѣ, утвержденномъ и собственноручно подписанномъ государемъ 15-го (27) апрѣля 1869, постановляется въ § 71:

„Изданіе, измѣненіе, поясненіе или отмѣна основного закона можетъ послѣдовать не иначе какъ по предложенію Государя Императора и Великаго Князя и съ согласія всѣхъ сословій; предложеніе же по таковому предмету разрѣшается на сеймѣ, на которомъ оно послѣдовало, или же, если, по крайней мѣрѣ, два сословія того требуютъ,

Digitized by Google

оставляется нерѣшеннымъ до слѣдующаго сейма, когда оно имѣетъ быть принято къ окончательному разсмотрѣнію.

„Относительно вопросовъ объ измѣненіи или отмѣнѣ данныхъ сословіямъ привилегій, льготъ и преимуществъ, или о пожалованіи новыхъ привилегій, дѣйствуютъ узаконенія, установленныя о томъ въ формѣ правленія".

Утвержденіе государя гласитъ слѣдующимъ образомъ:

„Сохраняя за собою принадлежащее Намъ право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ „формѣ правленія" отъ 21-го августа 1772 г. и въ „актѣ соединенія и охраненія" отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года и не измѣнено точными словами въ вышеизложенномъ сеймовомъ уставѣ, Мы Высочайше одобряемъ и утверждаемъ сей уставъ какъ ненарушимый основной законъ. Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 3-го (15) апрѣля 1869 года" [1]).

Въ Высочайшемъ рескриптѣ земскимъ сословіямъ по петиціи ихъ объ изданіи закона о печати возвѣщено:

„Земскимъ сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

„Намъ доложена была всеподданнѣйшая петиція ваша объ изданіи по взаимному Нашему съ земскими сословіями соглашенію закона о печати въ Финляндіи; но какъ мѣропріятія по сему предмету въ Великомъ Княжествѣ, по законамъ края, зависятъ исключительно только отъ единой Нашей власти, и Мы не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ Намъ законами правъ, при томъ не усматриваемъ повода измѣнить существующее нынѣ постановленіе о печати въ Финляндіи, тѣмъ менѣе, что подобныя же основанія указаны Нами для печати въ прочихъ частяхъ нашего государства, то Мы на помянутую петицію Монаршаго соизволенія не изъявляемъ.

„Напоминаемъ при этомъ земскимъ сословіямъ, что ежели Мы признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на Наше воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго Нами сеймоваго устава, то этимъ вящшимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно Намъ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а потому и время, и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависятъ исключительно отъ Нашего благоусмотрѣнія" [2]).

Изъ числа актовъ, относящихся къ царствованію императора

---

[1]) Тамъ же, стр. 50 и 51.

[2]) Тамъ же, стр. 50 и 51.

Digitized by Google

Александра II мы приведемъ еще слѣдующій Высочайшій Манифестъ, отъ 6 (18) декабря 1878 года:

„Божіею Милостію, Мы, Алексадръ Вторый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч. Объявляемъ чрезъ сіе, что, Высочайше одобривъ и утвердивъ, сего числа, принятый земскими чинами Финляндіи Уставъ о воинской повинности въ Великомъ Княжествѣ, Мы, согласно представленію сейма, признали за благо Высочайше повелѣть нижеслѣдующіе §§ Устава, въ виду особеннаго ихъ значенія и отчасти заключающихся въ нихъ измѣненій основныхъ законовъ, а именно: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 13, 19, 20, 120, 121, 122 и 123, считать основными законами. Для вящшаго же удостовѣренія подписали Мы сіе Собственноручно. Въ С.-Петербургѣ 6 (18) декабря 1878 года".

Въ заключеніе приведемъ акты самаго послѣдняго времени. Въ рѣчи къ земскимъ чинамъ при открытіи сейма 1882 г. нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ изволилъ выразиться, между прочимъ, слѣдующимъ образомъ:

„Призвавъ васъ, на основаніи сеймоваго устава, къ обсужденію многихъ важныхъ для края вопросовъ, Я руководствовался твердымъ рѣшеніемъ неуклонно слѣдовать примѣру въ Бозѣ почившаго возлюбленнаго и незабвеннаго Моего Родителя, который неусыпно заботился о благосостояніи Финляндіи и этимъ стяжалъ Себѣ искреннюю ея любовь и признательность. Молю Всевышняго помочь Мнѣ въ стараніи упрочить счастіе Моего финскаго народа, въ добрыхъ качествахъ котораго Я еще болѣе убѣдился при посѣщеніяхъ Мною страны вмѣстѣ съ Моимъ семействомъ, храня самое отрадное воспоминаніе о чувствахъ, Намъ въ то время выраженныхъ"...

„Въ исполненіе намѣренія, высказаннаго въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Александромъ Вторымъ при открытіи сейма 1863 г., вамъ будетъ нынѣ переданъ законопроектъ о предоставленіи земскимъ чинамъ права предложенія по всѣмъ вообще предметамъ законодательства, требующимъ ихъ содѣйствія, за исключеніемъ лишь тѣхъ, по которымъ Я считаю необходимымъ сохранить за Собою принадлежащую Мнѣ иниціативу" [1]).

Манифестъ, которымъ земскимъ чинамъ предоставлено право законодательнаго почина, представляетъ слѣдующее содержаніе:

„Божіею Милостію, Мы, Александръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и проч., и проч., и проч. Объявляемъ чрезъ сіе: что, соотвѣтственно

---

[1]) „Акты" и пр., стр 54 и 55.

Digitized by Google

выраженнымъ по § 71 Сеймоваго Устава, отъ 15 (3) апрѣля 1869 г., одобренію и согласію Земскихъ Чиновъ Финляндіи, Мы признали за благо, съ отмѣною 6 пункта „акта соединенія и охраненія" отъ 21-го февраля и 3-го апрѣля 1789 года, Высочайше постановить и повелѣть, чтобы §§ 51 и 52 сказаннаго Сеймоваго Устава, въ виду дополненія къ оному закона о предоставленіи земскимъ чинамъ права предложенія, получили слѣдующее измѣненное содержаніе:

§ 51. „Земскіе чины, сверхъ предоставленнаго имъ предъ симъ права петиціи, впредь имѣютъ право вносить на сеймѣ предложенія объ установленіи, измѣненіи и отмѣнѣ такихъ общихъ законовъ, которые зависятъ отъ совокупнаго рѣшенія Государя Императора и Великаго Князя съ земскими чинами. Не могутъ быть, однако, возбуждаемы предложенія объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ основныхъ законовъ, или законовъ объ организаціи сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ, а также законовъ о печати; относительно же церковнаго законодательства слѣдуетъ руководствоваться правилами, особо для сего установленными.

„Если земскіе чины, по поводу возбужденнаго предложенія рѣшатъ принять новый, а также измѣнить или отмѣнить прежній законъ, то должны представить о семъ проектъ Государю Императору и Великому Князю. Въ случаѣ одобренія проекта земскихъ чиновъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ, имѣетъ быть издано постановленіе, дословно согласное съ этимъ проектомъ. Если же проектъ Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ не можетъ быть одобренъ въ неизмѣненномъ видѣ, то оный считается въ цѣлости оставленнымъ безъ послѣдствій, о чемъ, по повелѣнію Государя Императора и Великаго Князя, земскимъ чинамъ сообщается не позже ближайшаго сейма.

„При возбужденіи въ сеймовыхъ сословіяхъ вопросовъ объ общихъ законахъ не въ видѣ предложенія или вопросовъ объ установленіи, измѣненіи или отмѣнѣ законоположеній и постановленій по предметамъ, относительно которыхъ земскіе чины не имѣютъ права предложенія, донесенія сейма или сословій по симъ дѣламъ представляются Государю Императору и Великому Князю лишь въ видѣ петицій, которыя Государемъ Императоромъ и Великимъ Княземъ принимаются въ уваженіе по мѣрѣ признанія Имъ оныхъ полезными для края" (остальныя части параграфа 51 и параграфъ 52 не имѣютъ значенія для нашего предмета).

Замѣтимъ, что Его Императорское Величество не соизволилъ утвердить законъ въ той формѣ, въ которой онъ былъ принятъ земскими чинами на сеймѣ 1882 г., поэтому на сеймѣ 1885 г. земскимъ чинамъ было передано новое Высочайшее предложеніе, содержавшее

Digitized by Google

также формулу обнародованія, которая и была примѣнена при изданіи закона.

Мы могли бы сослаться еще на многіе другіе акты такого же высокаго происхожденія, но ограничимся въ настоящемъ случаѣ и тѣмъ, чтó уже приведено нами, такъ какъ и этого, по нашему мнѣнію, вполнѣ достаточно для выясненія съ одной стороны сущности самаго дѣла, а съ другой—для доказательства того, что въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати все вышеприведенное нами въ буквальномъ текстѣ подлинныхъ актовъ какъ бы признается вовсе несуществующимъ, хотя трудно себѣ представить, чтобы подобные акты, публикованные во всеобщее свѣденіе, могли быть кому-нибудь неизвѣстны.

Гельсингфорсъ.

Р. Германсонъ
профессоръ государственнаго права въ Император. Александровскомъ университетѣ.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня 1890.

Политическія перемѣны въ Германіи.—Результаты удаленія князя Бисмарка.—Открытіе новаго имперскаго сейма—прежде и теперь.—Настроеніе парламентскихъ партій.—Законы объ увеличеніи состава армій и объ охранѣ рабочихъ.—Бесѣды князя Бисмарка съ газетными корреспондентами.—Французскія дѣла.

Вопросы внѣшней политики утратили въ Европѣ значительную долю жгучаго интереса съ тѣхъ поръ, какъ сошелъ со сцены князь Бисмаркъ. Знаменитый артистъ дипломатіи постоянно давалъ пищу воображенію публики; его мнимые или предполагаемые планы, его заявленія и проекты, его парламентскія рѣчи, какъ и статьи, и намеки его оффиціозныхъ газетъ, непрерывно занимали общественное мнѣніе даже въ періоды политическаго затишья. Всякое открытіе новой парламентской сессіи въ Германіи считалось событіемъ, вызывало различныя ожиданія и предположенія, оживляло партійную борьбу и сопровождалось горячею полемикою въ печати; газетные споры легко переходили за предѣлы внутреннихъ задачъ и затрогивали щекотливыя международныя отношенія. Послѣ выборовъ 20-го февраля, самъ собою являлся вопросъ, какія новыя комбинаціи придумаетъ канцлеръ для пріобрѣтенія большинства въ имперскомъ сеймѣ; много шуму надѣлало тогда свиданіе съ Виндгорстомъ, указывавшее на возможность соглашенія съ партіею центра; говорилось также о распущеніи палаты, о созданіи какого-либо внѣшняго конфликта для надлежащаго воздѣйствія на избирателей и о другихъ подобныхъ мѣрахъ тревожнаго свойства. Ожидался долгій періодъ волненій и безпокойства; газеты всѣхъ странъ имѣли много матеріала для догадокъ и соображеній о намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ князя Бисмарка.

Совсѣмъ другая картина представляется намъ въ настоящее время. Спокойно, безъ всякой тревоги, открылись засѣданія новаго имперскаго сейма (6-го мая н. ст.); тронная рѣчь Вильгельма II отличалась чисто-дѣловымъ характеромъ и не содержала въ себѣ ни одного пункта, допускающаго мысль объ антагонизмѣ съ какою-либо частью парламента. Въ тронной рѣчи упоминалось спеціально о законахъ для охраны рабочихъ, о результатахъ берлинской рабочей конференціи, объ общихъ миролюбивыхъ стремленіяхъ правительства и о необходимости увеличенія мирнаго состава арміи соотвѣтственно чи-

Digitized by Google

сленности войскъ сосѣднихъ державъ. Въ другое время вопросъ о дальнѣйшемъ увеличеніи арміи служилъ бы предметомъ ожесточенной газетной кампаніи; теперь онъ прошелъ почти незамѣченнымъ и не возбудилъ никакихъ протестовъ въ средѣ оппозиціи. Въ передовомъ органѣ прогрессистовъ, „Berliner Tageblatt", было заявлено просто, что „все, признаваемое необходимымъ для усиленія оборонительныхъ средствъ отечества, будетъ съ патріотическою готовностью одобрено свободомыслящими". Въ тронной рѣчи говорилось еще о сближеніи между народами подъ вліяніемъ такихъ конгрессовъ, какъ бывшій въ Берлинѣ по рабочему вопросу, и упомянуто съ признательностью о Швейцаріи, впервые выступившей съ проектомъ такого международнаго совѣщанія. Пока нѣтъ уже и рѣчи объ исключительномъ законѣ противъ соціалистовъ, превращеніе котораго изъ временного закона въ постоянный было столь категорически требуемо правительствомъ князя Бисмарка. Примирительное настроеніе господствуетъ повсюду, какъ внутри, такъ и извнѣ; никто не думаетъ уже ни о сдѣлкѣ съ католической партіей центра, ни объ оффиціозныхъ угрозахъ по адресу иностранныхъ державъ, ни о другихъ искусственныхъ способахъ созданія новаго большинства въ имперскомъ сеймѣ. Сочувственное большинство является само собою, когда исчезаетъ раздраженіе, питаемое въ обществѣ недовѣріемъ и враждою министровъ къ общественному мнѣнію.

Политическія дѣла идутъ теперь какъ-то проще и вѣрнѣе, но зато, какъ сказано выше, не представляютъ того жгучаго интереса, какой вообще имѣетъ всякая шумная борьба въ глазахъ зрителей. Князь Бисмаркъ былъ прежде всего человѣкомъ борьбы и энергическаго дѣйствія; на людей, несогласныхъ съ его мнѣніемъ, онъ смотрѣлъ какъ на противниковъ, съ которыми нужно бороться, и причислялъ къ врагамъ имперіи дѣятелей оппозиціи, понимавшихъ благо страны иначе, чѣмъ онъ. Правда, Бисмаркъ имѣлъ нѣкоторое право пренебрегать чужими мнѣніями и относиться къ обществу свысока въ качествѣ признаннаго всѣми первымъ по уму и талантамъ въ ряду государственныхъ людей нашего времени; только этимъ исключительнымъ авторитетомъ и обаяніемъ его личности объяснялась и оправдывалась отчасти правительственная система, связанная съ его именемъ. Еслибы тѣ же притязанія на одностороннее проведеніе своихъ собственныхъ идей вопреки общественному мнѣнію обнаруживались какимъ-либо заурядным государственнымъ человѣкомъ, то это оказалось бы только смѣшнымъ и могло бы имѣть мѣсто лишь подъ прикрытіемъ личной воли монарха; не трудно, напримѣръ, представить себѣ такой случай, что посредственный министръ, въ родѣ Путкаммера, былъ бы поставленъ вмѣсто Бисмарка и вздумалъ бы столь же

Digitized by Google

высокомѣрно относиться къ общественнымъ взглядамъ и желаніямъ, какъ и знаменитый канцлеръ; не подлежитъ сомнѣнію, что такой министръ не продержался бы долго, ибо высшая власть не имѣетъ никакого интереса въ томъ, чтобы вызывать неудовольствіе въ населеніи и создавать антагонизмъ между обществомъ и правительствомъ изъ-за посредственныхъ сановниковъ, которыхъ легко замѣнить другими. То̀, что̀ терпѣливо переносилось нѣмецкими прогрессистами и либералами отъ Бисмарка, было бы совершенно немыслимо при заурядномъ министерствѣ; для всѣхъ было ясно, что неудобства бисмарковскаго режима выкупались блестящими внѣшними успѣхами его политики, безспорнымъ превосходствомъ его дипломатическаго искусства, твердою увѣренностью въ обдуманной разсчетливости его мѣропріятій. Ради подобныхъ преимуществъ стоило уже подвергаться нѣкоторымъ стѣсненіямъ; можно было, по крайней мѣрѣ, утѣшаться сознаніемъ, что есть изъ-за чего терпѣть. Многіе, однако, полагали и высказывали въ послѣдніе годы, что великія заслуги канцлера относятся уже къ прошедшему, что эпоха подвиговъ и борьбы уступила мѣсто мирному внутреннему развитію, что подавляющее личное руководство князя Бисмарка вредно отзывается на политической жизни Германіи и можетъ быть замѣнено безъ ущерба болѣе скромнымъ и спокойнымъ управленіемъ обыкновенныхъ министровъ. Опытъ доказалъ справедливость этихъ предположеній. Чтобы охранять добытое и достигнутое въ области международной дипломатіи, достаточно быть генераломъ Каприви или Маршаллемъ фонъ-Биберштейномъ, а для дальнѣйшихъ успѣшныхъ шаговъ въ сферѣ соціальнаго законодательства вполнѣ достаточно имѣть энергію и компетентность новаго министра торговли, фонъ-Берлепша. А съ удаленіемъ князя Бисмарка сами собою измѣнились кореннымъ образомъ и отношенія правительства къ общественному мнѣнію и парламенту. Генералъ Каприви не только не могъ отнестись свысока къ имперскому сейму и къ оппозиціоннымъ партіямъ, но долженъ, напротивъ, сознавать, что въ политическихъ знаніяхъ и опытности несомнѣнно превосходятъ его многіе политическіе дѣятели и публицисты, засѣдающіе въ парламентѣ или руководящіе извѣстными органами печати. Такъ же точно малоизвѣстный въ Европѣ дипломатъ фонъ-Биберштейнъ не могъ принять тонъ, казавшійся вполнѣ естественнымъ въ устахъ его предшественника, графа Герберта Бисмарка, выразителя взглядовъ и рѣшеній знаменитаго канцлера. Министръ внутреннихъ дѣлъ Пруссіи, Беттихеръ, какъ и министръ торговли Берлепшъ, не могутъ уже претендовать на навязываніе нѣмцамъ непріятныхъ имъ порядковъ и идей, какъ это было возможно при господствѣ Бисмарка. Нѣмецкое общество чувствуетъ облегченіе отъ совершившейся перемѣны, и

Digitized by Google

это облегченіе отзывается и на другихъ государствахъ и народахъ Европы.

Единственнымъ и главнымъ источникомъ безпокойства могла бы считаться неясность личнаго характера Вильгельма II: его нервная подвижность, предпріимчивость и энергія, потребность въ постоянной дѣятельности, мечты о славѣ и величіи,—все это способно, повидимому, увлечь молодого императора на путь смѣлыхъ приключеній при наступленіи какихъ-нибудь непредвидѣнныхъ случайностей. Но Вильгельма II окружаютъ разнообразныя и могущественныя культурныя вліянія германской жизни; его личныя впечатлѣнія и желанія регулируются не только традиціями благоразумной и осторожной прусской политики, но и всею умственною и нравственною атмосферою нѣмецкаго общества. Желанія и интересы населенія въ такой странѣ, какъ Германія, даютъ обязательное содержаніе и направленіе личной политической волѣ правителей. Наконецъ, уже самый выборъ министровъ изъ числа старыхъ и опытныхъ администраторовъ исключаетъ мысль о смѣлой и воинственной политической программѣ. Вотъ почему послѣ первыхъ недоумѣній и опасеній, вызванныхъ отставкою князя Бисмарка, настало спокойное настроеніе, выразившееся съ достаточною ясностью въ общемъ тонѣ нѣмецкой печати. Бывшіе оффиціозные органы, игравшіе столь видную и пагубную роль въ недавнее еще время, очутились въ комическомъ и даже жалкомъ положеніи; грозная нѣкогда „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ вынуждена скромно искать себѣ новыхъ союзниковъ и покровителей среди парламентскихъ группъ, которыя она всегда третировала en canaille. Названная газета заявила рѣшимость служить интересамъ нѣмецко-консервативной партіи и черезъ нѣсколько дней должна была напечатать разъясненіе, доказывающее, что и эта партія открещивается отъ солидарности съ прежними оффиціозами; тогда газета согласилась быть только добровольнымъ органомъ партіи, безъ всякихъ обязательствъ съ ея стороны, въ виду всегдашней будто бы принадлежности своей къ нѣмецко-консервативному направленію. Либеральныя и прогрессистскія газеты съ понятнымъ злорадствомъ осмѣиваютъ эту растерянность и безпомощность бывшаго органа князя Бисмарка; для нихъ это наиболѣе пріятный и убѣдительный признакъ дѣйствительнаго торжества. Дождаться паденія этой беззастѣнчивой оффиціозной прессы, тяготѣвшей надъ политическою жизнью Германіи,—уже одно это есть великая побѣда для лучшей части нѣмецкаго общественнаго мнѣнія.

Засѣданія имперскаго сейма обходятся теперь безъ тѣхъ раздражающихъ элементовъ, которые вносились рѣзкостью и нетерпимостью князя Бисмарка по отношенію къ оппозиціи. Пренія ведутся дѣло-

Digitized by Google

вито и отчасти сухо, безъ пикантныхъ сценъ и шумныхъ пререканій; а между тѣмъ матеріалъ для споровъ въ изобиліи предлагается правительственными предложеніями и требованіями. Военный законъ, требующій увеличенія состава арміи на 18 тысячъ человѣкъ и усиленія средствъ военнаго бюджета на 18 милліоновъ марокъ (сверхъ единовременнаго расхода 40 милліоновъ), долженъ былъ вызвать недоумѣнія уже потому, что еще въ началѣ настоящаго года военное министерство не имѣло въ виду дальнѣйшаго увеличенія военныхъ силъ, какъ можно судить по тогдашнимъ оффиціальнымъ и довольно категорическимъ заявленіямъ. На это явное противорѣчіе указалъ главный ораторъ оппозиціи, Евгеній Рихтеръ, и не получилъ удовлетворительнаго отвѣта. По обыкновенію, доводы въ пользу законопроекта вращались около общихъ соображеній о важности интересовъ народной обороны и подкрѣплялись неопредѣленными ссылками на вооруженія Франціи и Россіи. Престарѣлый графъ Мольтке доказывалъ вообще, что не слѣдуетъ жалѣть никакихъ жертвъ для обезпеченія внѣшней безопасности страны, и подтверждалъ свою мысль примѣрами изъ эпохи Наполеоновскихъ войнъ. Съ наибольшею подробностью возражалъ противъ проекта Рихтеръ. Соціалистъ Либкнехтъ, въ засѣданіи 16 мая (н. ст.), отвергалъ увеличеніе арміи, какъ принципіальный противникъ милитаризма, но въ то же время допускалъ принятіе проекта, еслибы политическая и военная необходимость его была положительно доказана. „Ненормальное, напряженное международное состояніе—по мнѣнію Либкнехта—вызвано искусственно; оно есть наслѣдіе бисмарковской политики. Если теперешнее сближеніе съ Франціею будетъ продолжаться и въ обѣихъ странахъ получатъ преобладаніе демократическіе принципы, то исчезнетъ и эльзасъ-лотарингскій вопросъ. При Бисмаркѣ не было ни одного спокойнаго дня ни внутри, ни извнѣ; постоянно шла травля, науськиваніе, раздраженіе. „Враги имперіи“ засѣдаютъ теперь въ палатѣ въ значительномъ большинствѣ. Бисмарковское наслѣдство не было завидное; положеніе преемниковъ удобно уже тѣмъ, что въ теченіе десятилѣтій бисмарковскаго правленія ни одинъ человѣкъ не былъ доволенъ въ Германіи, если не считать немногихъ лицъ, руководимыхъ политикою интересовъ. Всякое правительство будетъ лучше бисмарковскаго, и народъ чувствовалъ освобожденіе отъ гнета, когда палъ режимъ, осужденный выборами 20 февраля. Тронная рѣчь указываетъ на соціальныя задачи, какъ на важнѣйшія, но для разрѣшенія ихъ нуженъ миръ. Еслибы Германія созвала конгрессъ для сокращенія вооруженій, то она стояла бы во главѣ націй“. Рѣчь Либкнехта направила пренія на тему о заслугахъ и политикѣ князя Бисмарка. Въ защиту бывшаго канцлера выступилъ представитель

Digitized by Google

наиболѣе враждебной ему партіи, прогрессистъ Генель, который, однако, не одобряетъ ни милитаризма вообще, ни даннаго проекта въ частности. Генералъ Каприви заявилъ, что въ противоположность Либкнехту онъ находитъ чрезвычайно счастливымъ политическое наслѣдство, оставленное княземъ Бисмаркомъ въ области иностранныхъ дѣлъ. „Отношенія, которыя я засталъ,—говоритъ новый канцлеръ,—не вызываютъ потребности въ устройствѣ какихъ-либо новыхъ связей, ибо отношенія эти столь просты, что поддерживаются и развиваются сами собою. Положеніе наше основывается, во-первыхъ, на нашей собственной силѣ, которую мы должны увеличивать насколько возможно; затѣмъ мы имѣемъ довѣріе къ прочнымъ союзамъ, отвѣчающимъ настроенію народовъ. Я не могу послѣдовать совѣту—распутать отношенія въ области иностранной политики, потому что я не знаю, гдѣ и въ чемъ дѣла были запутаны". Генералъ Каприви воспользовался случаемъ, чтобы опровергнуть существенное содержаніе вышедшей недавно брошюры, приписываемой одному изъ высшихъ нѣмецкихъ офицеровъ и направленной главнымъ образомъ противъ Россіи. Канцлеръ, подобно своему предшественнику, называетъ нелѣпостью мысль объ отнятіи у Россіи остзейскихъ и польскихъ губерній, которыя только увеличили бы собою неудобоваримые инородные элементы въ Германіи и крайне затруднили бы дѣло морской и сухопутной защиты. Далѣе, генералъ Каприви даетъ понять, что увеличеніемъ мирнаго состава арміи правительство думаетъ подготовить такой порядокъ вещей, при которомъ каждый человѣкъ, способный носить оружіе, будетъ призываться подъ знамена въ случаѣ войны; это будетъ точное осуществленіе принципа всеобщей воинской повинности по старой идеѣ Шарнгорста. Какъ осуществить эту идею безъ сокращенія срока военной службы—остается пока неизвѣстнымъ. Очень мало утѣшительнаго представляетъ, конечно, эта перспектива милитаризма, распространеннаго буквально на все мужское населеніе страны. Но очень можетъ быть, что старыя идеи, признаваемыя теперь аксіомами, будутъ опровергнуты жизнью, какъ отвергаются онѣ въ принципѣ все болѣе значительною частью трудящихся народныхъ массъ.

Проектъ закона объ охранѣ рабочихъ, внесенный правительствомъ въ видѣ измѣненія нѣкоторыхъ статей промышленнаго устава, заключаетъ въ себѣ главные пункты программы, обсуждавшейся на международной конференціи въ Берлинѣ. Законъ имѣетъ въ виду обезпеченіе воскреснаго отдыха для рабочихъ, ограниченіе женскаго и дѣтскаго труда, установленіе способовъ третейскаго разбирательства для разрѣшенія пререканій между хозяевами и рабочими, огражденіе силы рабочихъ договоровъ отъ произвольныхъ нарушеній и

Digitized by Google

преслѣдованіе насильственныхъ попытокъ распространенія забастовокъ между рабочими. Дѣти, обязанныя еще къ посѣщенію школъ, не могутъ быть допускаемы къ работѣ на фабрикахъ, хотя бы они были старше 13 лѣтъ; затѣмъ до 16 лѣтъ рабочій день не можетъ превышать десяти часовъ въ сутки. Для женщинъ, начиная съ 16-лѣтняго возраста, устанавливается максимальный рабочій день въ 11 часовъ; ночная работа безусловно не допускается для работницъ; полтора часа оставляется имъ для обѣда; по субботамъ и наканунѣ праздничныхъ дней женщины освобождаются послѣ пяти часовъ пополудни, для своихъ семейныхъ и домашнихъ дѣлъ. Эти постановленія значительно облегчаютъ положеніе рабочихъ, особенно женщинъ и дѣтей, но, конечно, не составляютъ еще крупной соціальной реформы. Карательныя мѣры, назначаемыя за нарушеніе контрактовъ раньше срока, за подстрекательство къ такому нарушенію и за насильственную пропаганду стачекъ, направлены уже противъ рабочихъ и вызываютъ серьезныя возраженія даже со стороны умѣренныхъ либеральныхъ группъ парламента. Противъ этихъ односторонних и суровыхъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью защиту хозяйскихъ интересовъ, возстали, хотя и весьма мягко и дипломатично, не только прогрессисты, въ лицѣ новаго выборнаго главы партіи (вмѣсто Рихтера), Шрадера, но и національ-либералы, въ лицѣ извѣстнаго кандидата въ министры, Микеля. Въ засѣданіи 19-го мая, особенно ярко обрисовался коренной антагонизмъ между интересами рабочаго класса и требованіями капиталистовъ: въ парламентѣ столкнулись между собою, лицомъ-къ-лицу, два представителя діаметрально противоположныхъ направленій, соціалистъ Грилленбергеръ и крупный заводчикъ и владѣлецъ каменноугольныхъ копей Штуммъ. Тогда какъ Грилленбергеръ видитъ въ законопроектѣ лишь первый шагъ къ серьезной охранѣ рабочихъ и рѣшительно отвергаетъ постановленія въ пользу хозяевъ, фонъ-Штуммъ, напротивъ, заявляетъ, что правительство не можетъ уже идти дальше въ дѣлѣ заботъ о рабочемъ классѣ. По увѣренію Штумма, никакой эксплуатаціи рабочихъ капиталистами не существуетъ; это просто выдумка соціаль-демократовъ. Рабочая плата, по его словамъ, повысилась въ послѣднее время гораздо больше, чѣмъ цѣны продуктовъ, а многіе предприниматели вели свои дѣла будто бы безъ всякой для себя выгоды. Штуммъ предсказываетъ, что сами свободомыслящіе убѣдятся въ необходимости исключительнаго закона противъ соціалистовъ и примутъ такой законъ послѣ 1-го октября, если дѣйствіе его не будетъ тотчасъ возстановлено. Въ противоположность взглядамъ Микеля и другихъ столь же благонамѣренныхъ ораторовъ, фонъ-Штуммъ утверждалъ, что рабочіе союзы, въ родѣ англійскихъ, вовсе не нужны, что они

Digitized by Google

стѣсняютъ свободу рабочихъ и вредятъ интересамъ капиталистовъ, и что вообще обоюдныя отношенія между сторонами не должны быть нарушаемы постороннимъ вмѣшательствомъ. Между прочимъ Штуммъ откровенно заявилъ, что онъ отказываетъ рабочимъ, читающимъ нежелательную ему газету, и что такъ будетъ онъ поступать и впредь. Изъ дальнѣйшихъ преній оказалось, что рабочіе Штумма не имѣютъ права вступать въ бракъ безъ его вѣдома и позволенія. Рѣшительный тонъ заявленій Штумма удивилъ палату; никто не ожидалъ, что крупные заводчики и фабриканты могутъ еще въ настоящее время поддерживать притязанія, несовмѣстимыя съ принципомъ формальной равноправности гражданъ. Трудно было предположить, что можно еще оспаривать общеизвѣстные, господствующіе факты, признанные законодательствами самыхъ консервативныхъ государствъ въ Европѣ. Идеи Штумма не были обсуждаемы въ палатѣ и были едва затронуты однимъ изъ позднѣйшихъ ораторовъ, прогрессистомъ Гиршемъ; объ этихъ идеяхъ не обмолвился также ни однимъ словомъ и министръ торговли фонъ-Берлепшъ, въ своей объяснительной рѣчи, въ засѣданіи 20-го мая. Министръ привелъ нѣкоторыя цифры, доказывающія, по его мнѣнію, необходимость карательныхъ мѣръ за произвольное нарушеніе договоровъ рабочими. Отъ начала 1889 года до апрѣля настоящаго года въ разныхъ округахъ Пруссіи произошло 574 забастовки, въ которыхъ участвовало 2.341.169 рабочихъ; изъ нихъ 2.063.951, т.-е. 87% всего числа, произвольно нарушили дѣйствіе контрактовъ съ хозяевами. „Изъ этого видно,—говоритъ министръ,—что святость даннаго слова и соглашенія оставляется совершенно безъ вниманія, и при такихъ обстоятельствахъ законодательная власть имѣетъ въ одинаковой мѣрѣ право и обязанность противодѣйствовать подобнымъ злоупотребленіямъ, какъ она противодѣйствуетъ и чрезмѣрной эксплуатаціи рабочей силы“. Изъ приведенныхъ данныхъ можно, однако, вывести и другое заключеніе: если число нарушителей превышаетъ два милліона человѣкъ, принадлежащихъ къ неимущему классу, то предполагаемое судебное преслѣдованіе виновныхъ и назначеніе денежныхъ штрафовъ не приведутъ къ желательному результату, а только послужатъ причинами новаго раздраженія рабочихъ, безъ всякой пользы для хозяевъ. Не слѣдуетъ забывать, что нарушенія договоровъ совершаются въ такихъ случаяхъ не отдѣльными работниками, а цѣлыми массами ихъ, связанными чувствомъ солидарности и проникнутыми надеждою улучшить свою участь въ печальной борьбѣ за существованіе. Едва-ли тутъ помогутъ мелкія судебныя мѣры, крайне трудно исполнимыя уже въ силу бѣдности обвиняемыхъ, неопредѣленности или неизвѣстности ихъ мѣстожительства, а также многочисленности ихъ. По всей вѣ-

Digitized by Google

роятности, эта часть законопроекта не будетъ принята или, по крайней мѣрѣ, будетъ значительно измѣнена имперскимъ сеймомъ, насколько можно судить по возраженіямъ представителей главныхъ парламентскихъ партій. Проектъ переданъ въ коммиссію изъ 28 членовъ, для спеціальнаго разсмотрѣнія.

Какъ замѣчено уже выше, нѣмецкія парламентскія пренія по текущимъ вопросамъ законодательства и политики лишились элемента пикантности со времени отставки князя Бисмарка. Но бывшій канцлеръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ сановниковъ, значеніе которыхъ зависитъ исключительно отъ занимаемой ими должности; онъ остается предметомъ всеобщаго вниманія и интереса послѣ своего удаленія отъ дѣлъ, и теперь о немъ говорятъ, быть можетъ, даже больше, чѣмъ прежде, благодаря его досугу, которымъ онъ пользуется для любопытныхъ разговоровъ и замѣчаній, дающихъ благодарный матеріалъ для европейской печати. Журналистамъ открылся болѣе легкій доступъ къ знаменитому обитателю Фридрихсруэ, и газетные дѣятели не упускаютъ случая подѣлиться съ публикою отчетами о болѣе или менѣе удачныхъ „свиданіяхъ“ или попыткахъ свиданій съ княземъ Бисмаркомъ. Особенно много шуму надѣлали въ послѣднее время бесѣды бывшаго канцлера съ сотрудникомъ парижскаго „Matin“ (de Houx) и съ корреспондентомъ здѣшняго „Новаго Времени“, г. Евгеніемъ Львовымъ. Французу разсказаны были нѣкоторыя подробности изъ временъ дипломатическихъ сношеній съ Наполеономъ III, изъ эпохи войны 1870 года и мирныхъ переговоровъ, причемъ вновь повторены были извѣстныя увѣренія, что Германія никогда не затѣетъ наступательной войны противъ Франціи и не имѣетъ даже права и возможности предпринять такую войну, въ силу конституціи. Князь Бисмаркъ весьма лестно отзывался при этомъ о французскомъ народѣ и правительствѣ, о богатствѣ и культурѣ страны, хвалилъ президента Карно́ и министровъ Констана и Фрейсинэ и вообще очаровалъ парижскаго журналиста своею любезностью и откровенностью. Сотрудникъ газеты „Matin“ напечаталъ подробнѣйшій отчетъ о содержаніи разговора, вмѣстѣ съ своими личными впечатлѣніями и комментаріями; этотъ отчетъ обошелъ, конечно, всю европейскую журналистику и долженъ былъ произвести вполнѣ успокоительное и пріятное дѣйствіе на французовъ. Если ужъ князь Бисмаркъ питаетъ такія миролюбивыя и доброжелательныя чувства къ Франціи, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ вѣрить миролюбію громаднаго большинства обыкновенныхъ нѣмецкихъ патріотовъ. Бывшій канцлеръ мимоходомъ высказалъ даже замѣчательный политическій принципъ, противорѣчащій отчасти его прошлой международной практикѣ (напр., относительно Даніи), а именно, что государство не имѣетъ нравствен-

Digitized by Google

наго права нападать на болѣе слабаго сосѣда, пользуясь его слабостью. Война 1870 года, по изложенію князя Бисмарка, состоялась противъ его воли; въ позднѣйшихъ политическихъ и пограничныхъ конфликтахъ онъ также старался быть всегда уступчивымъ. Эти и другія объясненія доказывали во всякомъ случаѣ серьезное желаніе убѣдить французовъ въ искреннемъ миролюбіи Германіи не только въ настоящемъ, но и въ прошломъ, и такое желаніе придаетъ особый оттѣнокъ своеобразному освѣщенію памятныхъ всѣмъ фактовъ, представляющихъ въ нѣсколько иномъ видѣ политическіе пріемы бывшаго канцлера. Въ разговорѣ съ русскимъ журналистомъ не было уже надобности прибѣгать къ столь искусственному освѣщенію событій, такъ какъ отношенія съ Россіею были болѣе безобидныя и близкія. Между прочимъ, князь Бисмаркъ упомянулъ о своей роли на берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ онъ былъ не только помощникомъ, но даже какъ будто секретаремъ русскихъ уполномоченныхъ; а между тѣмъ его же потомъ несправедливо обвиняли за недостаточное вниманіе къ русскимъ интересамъ, какъ будто онъ могъ требовать для Россіи бо́льшаго, чѣмъ требовала она сама. Послѣ конгресса, русская дипломатія стала вдругъ обнаруживать неудовольствіе и раздраженіе противъ Германіи; въ 1879 году, изъ Петербурга получались даже письменныя угрозы, что́ и побудило князя Бисмарка поѣхать въ Вѣну и заключить союзъ съ Австро-Венгріею. Изъ дальнѣйшихъ замѣчаній бывшаго канцлера можно видѣть, что онъ считалъ бы несравненно болѣе важнымъ и цѣннымъ союзъ съ Россіею, чѣмъ съ Австріею; эта часть бесѣды имѣла въ себѣ нѣчто обидное для австрійцевъ и не могла понравиться вѣнскимъ государственнымъ людямъ. Князь Бисмаркъ приводилъ обычные доводы въ пользу того, что Германія не имѣетъ ни малѣйшаго интереса въ пріобрѣтеніи какой-либо части русской территоріи, какъ Россіи нечего желать по отношенію къ нѣмецкимъ землямъ, а на востокѣ русскія стремленія всего меньше встрѣчали бы противодѣйствіе со стороны германской политики. Вся эта программа русско-нѣмецкаго сближенія излагалась не разъ княземъ Бисмаркомъ, и ничего новаго по этому пункту мы не узнали изъ бесѣды его съ русскимъ корреспондентомъ. Говоря о своей отставкѣ, бывшій канцлеръ замѣтилъ, что ему особенно непріятно было вспомнить увѣреніе, данное имъ незадолго до того проѣзжавшему черезъ Берлинъ монарху одной изъ могущественнѣйшихъ державъ,—увѣреніе о несомнѣнной прочности своего положенія, какъ канцлера, при новомъ императорѣ. Отмѣтимъ также фактическую поправку къ легендѣ о словахъ князя Бисмарка принцу Баттенбергу, что онъ можетъ принять предлагаемый княжескій постъ, такъ какъ во всякомъ случаѣ княженіе въ Софіи останется ему пріят-

Digitized by Google

нымъ воспоминаніемъ подъ старость: оказывается, что подобный отвѣтъ данъ былъ имъ не Баттенбергу, а еще принцу Карлу Гогенцоллернскому, нынѣ королю румынскому. Многочисленные газетные толки, возбужденные этими бесѣдами князя Бисмарка, показываютъ наглядно, что крупная личность бывшаго канцлера продолжаетъ занимать весьма значительное мѣсто въ политической жизни Германіи и что частныя заявленія его могутъ имѣть большое вліяніе, вслѣдствіе громаднаго авторитета его имени. Тѣмъ болѣе успокоительно то обстоятельство, что содержаніе всѣхъ его новѣйшихъ заявленій клонится къ доказательству необходимости и прочности существующаго международнаго мира въ Европѣ.

Политическая жизнь затихла и во Франціи, со времени окончательнаго разгрома буланжистовъ. Послѣднія надежды бывшей „національной республиканской партіи" разрушены муниципальными выборами въ Парижѣ: неимовѣрныя избирательныя усилія привели лишь къ избранію двухъ буланжистовъ въ члены парижскаго городского совѣта. Мечта о пріобрѣтеніи большинства въ „Hôtel de Ville" и о распорядительствѣ столичнымъ управленіемъ оказалась неосуществимою фантазіею, и вмѣсто шумной роли парижскихъ правителей, могущихъ оказывать сильное косвенное давленіе и на государственныя дѣла, буланжистамъ досталась печальная участь политическихъ банкротовъ, вынужденныхъ сойти со сцены среди общихъ насмѣшекъ и упрековъ. Мелкіе внутренніе раздоры довершили распаденіе „партіи", и послѣ дополнительныхъ муниципальныхъ выборовъ 4-го мая (н. ст.) генералу Буланже не оставалось ничего другого, какъ распустить „комитетъ", засѣдавшій въ Парижѣ, и предоставить отдѣльнымъ его членамъ полную свободу дѣйствій. Меланхолическое письмо къ вице-президенту комитета, депутату Лэзану, за подписью Буланже, составляетъ заключительный актъ шумной политической агитаціи, имѣвшей еще недавно столько шансовъ успѣха. Разочаровались ли французы въ личныхъ достоинствахъ генерала, спасшагося бѣгствомъ за границу и не имѣвшаго мужества явиться въ страну въ горячіе моменты избирательной борьбы, или вообще возбужденіе умовъ улеглось само собою по какимъ-либо другимъ причинамъ, во всякомъ случаѣ гибель буланжизма, какъ особой политической организаціи, есть фактъ въ высшей степени благопріятный для нынѣшней Франціи. Безплодныя волненія, руководимыя беззастѣнчивыми честолюбцами, продолжались слишкомъ долго и должны были надоѣсть самимъ увлекавшимся французамъ.

Умѣренная республика вообще торжествуетъ во Франціи, и прези-

Digitized by Google

дентъ Карно́ могъ наглядно убѣдиться въ этомъ торжествѣ во время своего недавняго путешествія по департаментамъ, слывшимъ наиболѣе реакціонными и консервативными; повсюду, и на югѣ, и въ Корсикѣ, этомъ оплотѣ бонапартизма, онъ былъ встрѣчаемъ въ высшей степени сочувственно всѣми классами населенія, въ томъ числѣ и духовенствомъ. Президентъ присутствовалъ также на спеціальномъ международномъ празднествѣ въ Монпелье, по поводу шестисотлѣтняго юбилея мѣстнаго университета; въ числѣ прибывшихъ иностранныхъ делегатовъ были и нѣмцы, изъ которыхъ знаменитый Гельмгольцъ сдѣлался предметомъ необычайной оваціи: ему поднесли особый привѣтственный адресъ отъ имени французскихъ ученыхъ. Участіе русскихъ университетовъ, какъ видно изъ подробнаго отчета въ газетѣ „Temps“ (отъ 25 мая), выразилось довольно умѣренно—лишь въ присылкѣ двухъ телеграммъ изъ Москвы, отъ ректора, проф. Иванова и отъ проф. Тимирязева.

Digitized by Google

НОВЫЯ РЕФОРМЫ ВЪ СРЕДНЕМЪ ОБРАЗОВАНІИ ВО ФРАНЦІИ.

Письмо изъ Парижа.

Если французъ въ бесѣдѣ съ вами скажетъ о своемъ соотечественникѣ: „il a fait toutes ses études",—то вы воздержитесь отъ вопроса, иногда вполнѣ у насъ естественнаго: „въ какомъ университетѣ, или на какомъ факультетѣ былъ вашъ пріятель?" Такимъ вопросомъ вы поставите своего собесѣдника въ недоумѣніе; онъ васъ не пойметъ. Не говоря уже о томъ, что для француза, даже изъ образованнаго класса, слово университетъ имѣетъ совершенно иное значеніе, чѣмъ для русскаго [1]), но даже если вашъ собесѣдникъ знакомъ съ особыми понятіями, связанными съ этимъ словомъ въ другихъ странахъ, или если вы дали своему вопросу форму, болѣе понятную для француза: „на какомъ факультетѣ былъ вашъ пріятель?"—то и тогда вашъ вопросъ ему покажется страннымъ, и недоразумѣніе произойдетъ отъ того, что вы не вполнѣ поняли его фразу: „il a fait toutes ses études": вашъ собесѣдникъ этимъ только хотѣлъ сказать, что его знакомый воспитывался въ лицеѣ, т.-е. въ гимназіи. Всякій разъ, когда намъ случается думать о среднемъ образованіи во Франціи, мы невольно припоминаемъ недоумѣвающій взглядъ, которымъ насъ обдалъ молодой инженеръ, когда, послѣ произнесенной имъ фразы: „il a fait toutes ses études", — мы его спросили: „на какомъ факультетѣ былъ вашъ знакомый?" Послѣ нѣкотораго обоюднаго молчанія, недоразумѣніе выяснилось. Съ тѣхъ поръ намъ много разъ довелось слышать эту фразу, и всякій разъ, несмотря на наше долголѣтнее пребываніе въ Парижѣ, она насъ останавливаетъ, приходится вдуматься и сказать себѣ: „да, это значитъ: такой-то былъ въ гимназіи". Во Франціи молодой человѣкъ, который получилъ литературное образованіе въ лицеѣ, хотя бы онъ по окончаніи и не получилъ степени баккалавра (аттестатъ зрѣлости), даже если онъ не окончилъ курса, а только дошелъ до послѣдняго класса, считается вполнѣ окончившимъ свое образованіе— „il a fout toutes ses études". Онъ смѣло вступаетъ въ жизнь и никому въ голову не придетъ назвать его недоучкой. Въ этой фразѣ

---

[1]) Мы уже имѣли случай указать, что во Франціи подъ словомъ „университетъ" подразумѣваютъ совокупность всѣхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народн. просвѣщенія—universitas—учебный міръ литературы и наукъ.

Digitized by Google

„il a fait toutes ses études“ резюмируется положеніе и значеніе средняго образованія во Франціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзко характеризуется различіе значенія средняго образованія у насъ, или въ Германіи, и во Франціи.

У насъ (то же самое въ Германіи) на гимназіи смотрятъ какъ на приготовительныя школы; онѣ приготовляютъ въ университеты и другія высшія заведенія. Окончившій курсъ гимназіи еще считается недоучкой. Французы смотрятъ на свои среднія школы какъ на заведенія, приготовляющія молодыхъ людей прямо къ жизни, къ общественной дѣятельности. Французскіе педагоги, говоря о средне-учебныхъ заведеніяхъ, почти никогда не имѣютъ въ виду подготовки, которую даютъ эти заведенія къ дальнѣйшему, нашему университетскому образованію, а говорятъ исключительно съ точки зрѣнія подготовки, которую они даютъ къ жизни.

Цѣлый рядъ фактовъ вполнѣ уясняетъ взглядъ французскаго общества на среднее образованіе. Въ біографіяхъ французскихъ общественныхъ дѣятелей, публицистовъ, писателей, поэтовъ вы всегда читаете, послѣ обозначенія года и мѣста рожденія: поступилъ въ такой-то лицей — „pour y faire ses études“ (чтобы получить *образованіе*); или: „...a fait ses études au lycée de N.“ (получилъ *образованіе* въ лицеѣ такого-то города). И въ большей части случаевъ, особенно когда дѣло идетъ о писателѣ и поэтѣ, послѣ обозначенія „лицея“ ничего уже и не слѣдуетъ,—„лицеемъ“ образованіе закончено вполнѣ. Если въ біографіяхъ иногда указывается, что по выходѣ изъ „лицея“ онъ изучалъ право или медицину, то это уже не составляетъ части образованія,—это или ремесло, или спеціальность: ни адвокатъ, ни медикъ не считаютъ себя болѣе „образованными“, чѣмъ обыкновенный bachelier. Степень баккалавра во французской буржуазіи находится приблизительно въ такомъ же почетѣ, какъ степень „доктора“ въ Германіи. Нужно быть „bachelier“ и этимъ засвидѣтельствовать „qu'on a fait ses études“; идти дальше, поступать на „факультетъ“ только для *расширенія* своего „лицейскаго“ образованія—не принято. На „факультеты“ французы смотрятъ уже какъ на спеціальныя школы, куда поступаютъ для пріобрѣтенія правъ на профессію. Спросите образованнаго француза, окончившаго факультетскій курсъ, гдѣ онъ получилъ образованіе? Въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ вамъ сразу отвѣтитъ: „въ такомъ-то *лицеѣ*“, и только иногда вашъ собесѣдникъ пожелаетъ узнать, о какомъ образованіи вы его спрашиваете, общемъ или спеціальномъ. Изъ современныхъ французскихъ романистовъ самые знаменитые не только не были въ высшемъ заведеніи, но даже, какъ Зола́ или Додэ, не окончили курса лицея, а вышли, по нашему, изъ шестого класса гим-

Digitized by Google

назіи. То же самое можно сказать о поэтахъ; изъ молодыхъ одинъ только Ришпэнъ—бывшій воспитанникъ высшей нормальной школы и кандидатъ (licencié) филологическаго факультета. Коппé—даже не bachelier. Очень рѣдкіе окончили курсъ юридическаго факультета.

Во Франціи нѣтъ потому обществъ бывшихъ воспитанниковъ того или другого открытаго высшаго учебнаго заведенія, но при каждомъ лицеѣ имѣется *дружеское* общество (société amicale) воспитанниковъ и бывшихъ воспитанниковъ, которое ежегодно въ опредѣленный день празднуетъ свое существованіе банкетомъ.

При такомъ взглядѣ французскаго общества на тó, чтó мы называемъ у себя среднее образованіе, средне-учебныя заведенія, т.-е. „лицеи", пріобрѣтаютъ въ общественномъ строѣ Франціи чрезвычайно важное значеніе: большинство молодыхъ людей дальше лицея не идетъ. Отсюда понятны и заботливость государственныхъ властей объ этихъ заведеніяхъ, и настойчивость новѣйшихъ французскихъ педагоговъ въ стремленіи къ ихъ преобразованію, къ приведенію ихъ въ согласіе съ современными требованіями жизни. Во Франціи лицеи—вовсе не подготовительныя заведенія для университета.

I.

Послѣднее десятилѣтіе является для французскихъ средне-учебныхъ заведеній періодомъ почти непрерывныхъ улучшеній. Въ 1880 г. радикально измѣнены были программы литературныхъ классовъ. Пять лѣтъ спустя эти программы подверглись новому пересмотру въ „высшемъ совѣтѣ народн. просв." и новымъ—правда, незначительнымъ—измѣненіямъ. Въ то же время въ обществѣ и въ педагогическомъ мірѣ возбуждены были новые вопросы, которые имѣютъ не меньше значенія, чѣмъ учебныя программы—вопросы о переутомленіи юношей, объ ихъ физическомъ и нравственномъ воспитаніи. Послѣдніе вопросы вызвали такой интересъ въ обществѣ, что въ началѣ 1888 г. (12-го іюля) тогдашній министръ народн. просвѣщенія г. Фай (Fay) созвалъ „коммиссію для изученія улучшеній, которыя слѣдуетъ положить въ основу средне-учебныхъ заведеній". Коммиссія, состоявшая изъ самыхъ выдающихся педагоговъ, окружныхъ инспекторовъ, членовъ высшаго совѣта, собралась въ декабрѣ того же года и раздѣлилась на четыре „секціи" (sous-commissions); на первую возложили программы и методы классическаго преподаванія въ мужскихъ лицеяхъ, второй—предоставили среднее женское образованіе, третья занялась школьной дисциплиной, а четвертая—физическимъ воспитаніемъ и школьной гигіеной. Въ каждую секцію вошли члены наиболѣе компетентные

Digitized by Google

по вопросамъ, подлежавшимъ ея обсужденію. Секціи работали почти весь прошлый годъ, и 30-го прошлаго октября полная коммиссія возобновила свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Жюль-Симона для выслушанія и обсужденія докладовъ отдѣльныхъ секцій. Докладчиками въ первой секціи (программы и методы) были по отдѣльнымъ предметамъ профессора или учителя-спеціалисты; по школьной дисциплинѣ докладчикомъ былъ извѣстный профессоръ педагогики въ Сорбоннѣ г. Маріонъ (Marion), а по физическому воспитанію г. Манэвріэ (Maneuvrier), авторъ книги: „l'Education de la bourgeoisie sous la République". Вторая секція (среднее образованіе женщинъ) своихъ работъ еще не окончила.

Всѣ доклады, взятые въ совокупности, представляютъ прекрасный трактатъ педагогики, и можно пожалѣть, что французское министерство народн. просвѣщенія не сочло нужнымъ ихъ опубликовать. Нѣкоторые можно было бы упрекнуть въ нѣсколько лишней реторикѣ, которой всегда много во французскихъ докладахъ, но въ общемъ въ нихъ много прекрасныхъ мыслей, и тѣ, которые интересуются или занимаются воспитаніемъ юношества, прочли бы ихъ съ пользою и съ большимъ удовольствіемъ, особенно доклады гг. Маріона и Манэвріэ.

Но раньше, чѣмъ познакомить съ докладами, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о внутреннемъ строѣ французскихъ средне-учебныхъ заведеній.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что во Франціи всѣ лицеи и коллегіи—интернаты [1]), т.-е. молодые люди въ нихъ живутъ. Имѣются, правда, и приходящіе, но ихъ, сравнительно, немного; громадное большинство воспитанниковъ живетъ въ заведеніи, какъ это и бываетъ въ бóльшей части случаевъ; даже если родители живутъ въ городѣ, сыновья живутъ въ лицеѣ. Французы, а особенно француженки вообще рѣдко любятъ заниматься воспитаніемъ своихъ сыновей. Въ средней торговой буржуазіи, гдѣ по французскому обычаю оба супруга одновременно заняты, жена сидитъ у кассы, а мужъ распоряжается—заниматься воспитаніемъ дѣтей, уже въ силу этого обычая, является для родителей дѣломъ невозможнымъ.

Лицеи во Франціи необыкновенно многолюдны: 1.500 воспитанниковъ въ лицеѣ — не рѣдкость, и происходитъ это отъ того, что въ провинціи, даже въ самыхъ большихъ городахъ, какъ въ Ліонѣ, Марсели, Бордó, имѣется только по одному лицею, который оффиціально такъ и называется: ліонскій лицей, марсельскій лицей и т. д.

[1]) Въ Парижѣ имѣются теперь три лицея Condorcet, Charlemagne и Buffon, принимающіе только приходящихъ и полупансіонеровъ; послѣдніе остаются въ лицеѣ отъ 8 утра до 6 вечера.

Digitized by Google

Въ нѣкоторыхъ городахъ, правда, лицей помѣщается въ двухъ отдѣльныхъ зданіяхъ: въ одномъ—„le petit lycée“ (маленькій лицей)—всѣ классы до четвертаго, въ другомъ—„le grand lycée“—всѣ старшіе классы. Но въ какомъ бы разстояніи эти зданія ни были одно отъ другого (иногда въ двухъ частяхъ города), они составляютъ только одинъ лицей—дирекція и администрація одна. Только въ Парижѣ имѣется въ настоящее время одиннадцать лицеевъ, и число ихъ скоро возростетъ до 13 (съ версальскимъ—14). Но для Парижа этого мало. Въ нѣкоторыхъ парижскихъ лицеяхъ, какъ въ „Louis-le-Grand“ или „Condorcet“, имѣется по 1.700 воспитанниковъ.

Французскіе лицеи (и коллегіи), въ силу существующей въ нихъ системы интерната, являются заведеніями не только учебными, но и воспитательными, въ полномъ смыслѣ этого слова. При каждомъ лицеѣ имѣется цѣлый штатъ (иногда до 30) классныхъ наставниковъ разныхъ градацій: maîtres-répétiteurs, maîtres suppléants, surveillants généraux, въ обязанности которыхъ входитъ наблюденіе за воспитанниками. Maîtres-répétiteurs являются ближайшими воспитателями юношей; каждому наставнику отведенъ классъ, за которымъ онъ постоянно наблюдаетъ; онъ сидитъ въ классной, пока ученики приготовляютъ уроки, спитъ съ воспитанниками въ одной спальнѣ, смотритъ за ними въ столовой, провожаетъ ихъ на прогулкахъ въ четвергъ, а иногда и въ воскресенье,—должность, хотя очень благородная, но весьма незавидная и вдобавокъ не пользующаяся въ обществѣ большимъ уваженіемъ. Maître-répétiteur—званіе оффиціальное, а на школьномъ нарѣчіи этотъ наставникъ называется презрительнымъ именемъ „pion“ (пѣшка). Но существованіе должности „pion“ приноситъ большую пользу: она является въ нѣкоторомъ родѣ коррективомъ тѣхъ условій, въ силу которыхъ среднее образованіе и нѣкоторыя отрасли высшаго образованія (медицина, право) доступны во Франціи людямъ съ значительными матеріальными средствами. На должность maître-répétiteur поступаютъ молодые люди, обыкновенно „bacheliers“, которые долго въ ней оставаться не намѣрены: для нихъ это путь для полученія высшаго образованія и лучшаго положенія. Въ провинціальныхъ лицеяхъ очень часто въ этомъ званіи бываютъ молодые люди, еще не окончившіе средняго заведенія, которые, состоя воспитателями въ низшемъ классѣ, сами посѣщаютъ уроки высшаго класса и такимъ образомъ доходятъ до степени „bachelier“. Имѣющіе эту степень обыкновенно стремятся попасть въ какой-нибудь факультетскій городъ (чего они всегда достигаютъ въ видѣ повышенія) и тамъ записываются на факультетъ. Въ свободное время, — пока ученики на урокахъ,—они посѣщаютъ лекціи и такимъ образомъ доходятъ обыкновенно до степени licencié, а въ городахъ, гдѣ имѣются

Digitized by Google

медицинскіе и юридическіе факультеты — до степени доктора медицины, кандидата правъ (licencié en droit). Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ факультетахъ, до преобразованій—въ высшихъ заведеніяхъ—послѣдняго десятилѣтія, maîtres-répétiteurs мѣстнаго лицея были единственными слушателями. Въ Парижѣ, гдѣ maîtres-répétiteurs очень много, для нихъ съ нѣкоторыхъ поръ устроены спеціальныя „conférences" (частныя лекціи), имѣющія цѣлью подготовить ихъ къ разнымъ „licenciés". Достигши степени licencié (кандидата), maître-répétiteur оставляетъ свою должность и переводится учителемъ въ collége или въ самомъ лицеѣ получаетъ должность менѣе обременительную, гдѣ больше свободнаго времени, какъ „maître-suppléant". Многіе не ограничиваются степенью licencié, а продолжаютъ подвигаться впередъ, конкуррируютъ на званіе „agrégé", защищаютъ диссертаціи на степень доктора, дѣлаются учителями лицеевъ, профессорами факультетовъ и т. д. Во французскомъ обществѣ не мало выдающихся людей, которые начали свою карьеру со скромнаго положенія „pion"; особенно много бывшихъ „pions" между учителями, профессорами, словомъ, въ „université", какъ говорятъ во Франціи, т.-е. въ министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Французы рѣдко вспоминаютъ весело о своей жизни въ лицеѣ. Обыкновенно въ бесѣдахъ они разсказываютъ о ней какъ о времени тяжеломъ, которое тянулось очень скучно. Мы говоримъ, разумѣется, о тѣхъ, которые жили въ заведеніи. Вотъ приблизительно жизнь молодого француза въ лицеѣ, такъ, какъ она велась до самаго послѣдняго времени. Утромъ въ 5 часовъ онъ встаетъ, и черезъ полчаса уже сидитъ молча въ классной подъ наблюденіемъ строгаго „pion". Въ половинѣ восьмого онъ завтракаетъ и въ 8 уже сидитъ на урокѣ, который обыкновенно длится два часа. Послѣ небольшого отдыха на дворѣ [1])—еще часовой урокъ, и въ половинѣ 12-го онъ обѣдаетъ. Послѣ обѣда до половины второго онъ отдыхаетъ; послѣ часа въ классной новый двухъ-часовой урокъ (отъ $2^1/_2$ до $4^1/_2$); затѣмъ снова занятія въ классной отъ 5 до $7^1/_2$, ужинъ, и въ 8 часовъ отправляется въ спальню.

Всѣ переходы изъ класса въ классъ совершаются молча. Говорить позволяется только во время рекреацій. И такъ каждый день. Два дня въ недѣлю составляютъ исключеніе: въ воскресенье утромъ онъ уходитъ на цѣлый день (до 9 часовъ вечера) къ родителямъ или къ „корреспонденту"—большею частью родственнику Кромѣ этого единственнаго въ недѣлю дня отдыха, во Франціи имѣется еще

[1]) Климатическія условія позволяютъ во Франціи имѣть въ лицеѣ обширные дворы, на которыхъ ученики прогуливаются или играютъ во время рекреацій во всѣ времена года.

Digitized by Google

такъ-называемый „университетскій день“—четвергъ. Въ начальныхъ школахъ въ этотъ день совсѣмъ нѣтъ никакихъ занятій, и дѣти остаются дома. Въ среднихъ заведеніяхъ приходящіе совершенно свободны—въ лицей не идутъ. Но пансіонеры занимаются въ классныхъ свободно чтеніемъ дозволенныхъ книгъ; все послѣобѣденное время посвящается большимъ прогулкамъ въ сопровожденіи наставниковъ. Правда, прогулки не всегда представляютъ много привлекательнаго. Это нерѣдко бывало скучное странствованіе попарно по улицамъ города, и многіе воспитанники очень часто отъ нихъ отказываются, предпочитая оставаться въ лицеѣ.

Таковъ въ общихъ чертахъ внутренній строй французскихъ лицеевъ, и этотъ-то строй вызвалъ въ печати и общественномъ мнѣніи движеніе противъ переутомленія юношей, къ которому прибавилось, какъ мы уже сказали, движеніе въ пользу физическаго воспитанія.

II.

Докладчикъ 3-ей секціи (школьная гигіена и физическое воспитаніе) на основаніи таблицы распредѣленія времени въ „Lycée Louis-le-Grand“, первомъ по литературному образованію парижскомъ лицеѣ, показываетъ, что дѣти отъ 7 и до 13-лѣтняго возраста обречены на десять часовъ сидячей работы въ день; отъ 14 до 15 лѣтъ они работаютъ по 12 часовъ въ день, а свыше 15 лѣтъ—по 13 часовъ. Даже взрослый человѣкъ, говоритъ авторъ доклада, не въ состояніи выдержать долго, безъ ущерба для своего здоровья, 12 часовъ умственнаго напряженія при молчаніи и полной неподвижности. Отъ имени секціи онъ требуетъ уменьшенія сидячей работы на 4 или 5 часовъ въ день. Авторъ доклада посвящаетъ цѣлую главу устройству классныхъ помѣщеній, входя въ мельчайшія подробности относительно ихъ расположенія, вентиляціи, освѣщенія, отопленія. Самая интересная часть доклада — глава, посвященная „отдыху“ (récréation). Авторъ указываетъ на полное отсутствіе равновѣсія между умственнымъ и физическимъ воспитаніемъ дѣтей: десять часовъ сидячей работы и только $2^1/_2$ часа въ день дается на отдыхъ (récréation) для возстановленія, возобновленія силъ.

Отъ имени секціи докладчикъ требуетъ, чтобы всѣ часы, которые будутъ отрѣзаны отъ сидячей работы, были прибавлены къ рекреаціямъ,—этого, впрочемъ, требовали всѣ попечители округовъ (recteurs des académies);—такимъ образомъ, рекреаціямъ должно быть отведено въ приготовительномъ классѣ 7 часовъ, въ низшихъ—6 час., а въ

Digitized by Google

среднихъ и высшихъ—5 ч. Далѣе авторъ предлагаетъ цѣлый планъ физическаго воспитанія. Въ физическихъ упражненіяхъ должны участвовать всѣ ученики, и этимъ упражненіямъ должна быть присвоена такая же санкція (отмѣтки), какая установлена для другихъ предметовъ обученія. Физическое воспитаніе должно состоять изъ краткихъ теоретическихъ уроковъ научной гимнастики и изъ практическихъ упражненій (игры, бѣги, танцы, боксированіе и т. д.). Самое обученіе гимнастикѣ должно, какъ и самообразованіе, быть соразмѣрно съ возрастомъ, вѣрнѣе—съ физической силой воспитанниковъ. Только путемъ медленной и осторожной градаціи можно будетъ довести учениковъ старшихъ классовъ до настоящей „атлетической гимнастики" (различнаго рода фехтованья). Утомительныя тѣлесныя упражненія должны производиться только въ свободные отъ занятій дни (воскресенье и четвергъ). Г. Maneuvrier совѣтуетъ даже замѣнить четвергъ двумя свободными днями отъ полудня. Докладъ рекомендуетъ, чтобы въ дѣлѣ игръ возможно уважали иниціативу и свободу воспитанниковъ: слѣдуетъ даже ихъ побудить образовать между собою маленькія автономныя общества. Докладъ рекомендуетъ, чтобы часть времени была отведена нравственному воспитанію: музыкѣ, пѣнію, рисованію, литературнымъ и драматическимъ развлеченіямъ и т. д. Другія главы доклада посвящены питанію, сну, туалету, одеждѣ. Въ цѣломъ онъ представляетъ прекрасное краткое руководство къ школьной гигіенѣ.

Докладъ г. Marion'а о школьной дисциплинѣ является дополненіемъ только-что изложеннаго доклада. Это—руководство для правильнаго нравственнаго воспитанія дѣтей. Г. Marion, согласно съ коммиссіей, провозглашаетъ, что „естественное основаніе, первая гарантія хорошаго нравственнаго воспитанія, есть здоровое и сильное (virile) физическое воспитаніе". Докладчикъ указываетъ на трудности, которыя представляетъ система интерната, на тяжелую отвѣтственность, которая выпадаетъ на долю администраціи лицеевъ. Вопросъ о сокращеніи этой системы и даже о полномъ ея уничтоженіи давно поднятъ и еще стоитъ на очереди. Французы желали бы замѣнить ее другой системой—англійской (система пансіоновъ, которыхъ воспитанники идутъ въ школу на уроки подъ надзоромъ воспитателей—„tutors") или существующей у насъ системой ученическихъ квартиръ. Но пока сдѣланныя въ этомъ смыслѣ попытки еще не удались. Французскія семьи не довѣряютъ своихъ дѣтей частнымъ лицамъ, и если бы въ настоящее время интернаты были уничтожены въ лицеяхъ, большинство воспитанниковъ, вѣроятно, перешло бы въ среднія школы разныхъ духовныхъ орденовъ, которыя дѣлаютъ государственнымъ школамъ большую конкурренцію.

Главный недостатокъ, который г. Marion видитъ въ интернатѣ,

Digitized by Google

тотъ, что этотъ режимъ является необходимо авторитетнымъ, его дисциплина чисто-механическая, а поэтому онъ неспособенъ воспитать людей для свободы, къ которой можно подготовиться, только упражняясь въ ней. Но при невозможности теперь же радикально измѣнить самую систему, докладчикъ предлагаетъ цѣлый рядъ коррективовъ. Прежде всего, для хорошаго воспитанія необходимо единство въ направленіи, въ руководствѣ; необходимо поэтому, чтобы въ дѣлѣ воспитанія одно лицо господствовало надъ всѣми другими разнообразными вліяніями —учителей, наставниковъ,—которымъ подвергается ребенокъ. Каждый ребенокъ долженъ чувствовать, что онъ находится подъ постояннымъ наблюденіемъ человѣка, который его знаетъ лично, его любитъ, все замѣчаетъ и готовъ всегда его поддержать, ободрить, а иной разъ и побранить. Такимъ воспитателемъ, очевидно, долженъ быть самъ директоръ (proviseur) заведенія. Но при многолюдности лицеевъ директоръ выполнить такую задачу не въ состояніи. Поэтому докладъ требуетъ, чтобы въ интернатахъ было небольше 300 воспитанниковъ, 500 въ лицеяхъ для приходящихъ и 400 для смѣшанныхъ. Существующія многолюдныя заведенія коммиссія предлагаетъ раздробить на отдѣльные полные лицеи, а не на „малые“ (для низшихъ классовъ) и „большіе“ (для старшихъ классовъ) лицеи, для того, чтобы юношамъ не приходилось, въ серединѣ воспитанія, мѣнять направленіе.

Далѣе г. Marion предлагаетъ цѣлую систему „предупредительной“ дисциплины. Наказанія должны быть рѣдки и имѣть характеръ исключительно исправительный. Нужно главнымъ образомъ дѣйствовать на разумъ юношей, и роль воспитателя должна быть предоставлена исключительно директору. Онъ одинъ долженъ имѣть право наказывать: преподаватели и наставники только ставятъ, въ случаѣ надобности, дурныя отмѣтки; онъ долженъ, въ случаѣ надобности, призвать родителей на помощь своей воспитательной функціи. Кромѣ того, должно быть возможно полное согласіе между всѣми наставниками и преподавателями такъ, чтобы ребенокъ не подвергался противоположнымъ вліяніямъ, чтобы одинъ наставникъ или учитель не находилъ дурнымъ тó, чтó другой можетъ находить похвальнымъ. Лишнія строгости, какъ требованіе молчанія во время передвиженій или въ столовыхъ, должны быть устранены. Что же до самихъ наказаній, то предлагается только оставленіе въ лицеѣ на воскресенье (privation de sortie), чтò, впрочемъ, не лишаетъ воспитанника послѣобѣденной прогулки съ играми,—лишаетъ только свиданія съ родителями или родственниками, а въ случаѣ незнанія урока, главнымъ образомъ по лѣности, заставлять доучивать въ четвергъ и въ воскресенье утромъ. Юношей, не поддающихся мягкимъ воспитательнымъ пріемамъ, г. Marion предлагаетъ безпощадно удалять изъ заведенія,

Digitized by Google

такъ какъ средне-учебныя школы — *воспитательныя*, а не *исправительныя* заведенія. Какъ вспомогательныя для хорошей дисциплины средства г. Marion предлагаетъ вообще все, что можетъ способствовать поддержанію въ юношѣ хорошаго, веселаго расположенія духа, а именно: хорошее внутреннее устройство заведенія, хорошее физическое воспитаніе, разныя игры [1]), музыка, концерты въ присутствіи родителей. Слѣдуетъ, по примѣру англичанъ, способствовать устройству между учениками совершенно автономныхъ обществъ естественной исторіи, географіи, живыхъ языковъ, фехтованья и т. д. Г. Marion предлагаетъ преобразовать систему наградъ. До сихъ поръ, какъ мы уже имѣли случай указать, ученики получали награды по конкурсу—за лучшія (первыя по системѣ мѣстничества) сочиненія, такъ что даже лѣнтяй, случайно оказавшійся первымъ, получалъ награду, а работящій юноша, оказавшійся третьимъ, награды не получалъ. Кромѣ того, учителя должны были располагать сочиненія „линейно" въ порядкѣ ихъ достоинствъ, и если оказывалось нѣсколько сочиненій равнаго достоинства, учитель долженъ былъ ухищряться отыскать хоть какую-нибудь разницу. Докладъ предлагаетъ все это мѣстничество уничтожить, а награды раздавать вообще за общую сумму отмѣтокъ въ теченіе всего года, т.-е. за успѣхи, и за трудъ. Между прочимъ г. Marion предлагаетъ, чтобы награда, называемая „prix d'excellence" (награда, которая дается лучшему въ классѣ ученику за поведеніе, трудъ и успѣхи), давалась по голосованію всѣхъ преподавателей и наставниковъ, и чтобы тамъ, гдѣ это окажется возможнымъ, къ участію въ голосованіи были приглашены сами воспитанники.

Измѣненіе режима, особенно уменьшеніе числа часовъ, посвященныхъ урокамъ и работамъ въ классныхъ, необходимо влечетъ за собой сокращеніе программъ или упрощеніе метода преподаванія. Поэтому первая секція коммиссіи (программы и методы) поручила 9-ти изъ своихъ членовъ составить доклады „о распредѣленіи времени" т.-е. учебнаго дня, „объ общемъ характерѣ классическаго образованія" и затѣмъ по разнымъ предметамъ преподаванія. Г. Edon въ докладѣ о распредѣленіи времени требуетъ, чтобы учебный день въ низшихъ и среднихъ классахъ состоялъ изъ 14 часовъ, изъ которыхъ въ низшихъ 6, а въ среднихъ $7^3/_4$ были посвящены работѣ, а остальное время—туалету, ѣдѣ, отдыху, физическимъ упражненіямъ; въ высшихъ—учебный день долженъ состоять изъ 15 часовъ лѣтомъ и $14^1/_2$ зимой, изъ которыхъ 10 лѣтомъ и $9^1/_2$ зимой посвящаются занятіямъ. Урокамъ собственно (безъ рисованія) посвящается 16 часовъ въ не-

[1]) Въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ лѣтомъ на дворахъ старшихъ отдѣленій стоятъ бильярды, на которыхъ воспитанники играютъ во время рекреацій.

Digitized by Google

дѣлю (на 4 часа меньше, сравнительно съ настоящимъ распредѣленіемъ времени). Уменьшается не число уроковъ (11 въ недѣлю), а ихъ продолжительность: во Франціи по главнымъ предметамъ (французской и древнимъ литературамъ, математикѣ, физикѣ) существуютъ двухъ-часовые уроки. Докладъ сводитъ ихъ къ полутора-часовымъ, съ тѣмъ, однако, чтобы время, отнятое у уроковъ, не уменьшало работы учителя: это время онъ долженъ посвящать занятіямъ съ учениками въ классныхъ (онъ показываетъ, какъ работать, какъ приняться за то или другое упражненіе) и частнымъ занятіямъ съ болѣе слабыми учениками.

Докладъ объ общемъ характерѣ классическаго образованія составленъ г. Robier, „директоромъ (департамента) средняго образованія". Г. Robier прежде всего опредѣляетъ среднее образованіе: оно, по мнѣнію 1-й секціи, имѣетъ цѣлью образовать умъ („la fin propre de l'enseignement secondaire—c'est la formation de l'esprit"), и этимъ оно отличается отъ низшаго и высшаго образованія, которыя имѣютъ въ виду сообщать знанія въ различной степени. Изъ предметовъ, способныхъ образовать умъ, г. Robier на первомъ планѣ ставитъ языки, и тутъ онъ дѣлаетъ такую оговорку: „Я говорю: языки вообще, а не исключительно, даже не спеціально-древніе языки; по этому поводу отдѣльныя мнѣнія были высказаны или подразумѣвались, й ихъ еще не обсудили". Что же до самой методы изученія языковъ, докладчикъ настаиваетъ на томъ, что цѣлью должно быть возможно болѣе обширное чтеніе текстовъ. Поэтому изученіе грамматики должно быть сведено къ самому необходимому минимуму, необходимому для пониманія текстовъ: грамматика должна изучаться по самой краткой методѣ—эмпирической, на текстахъ же. Само чтеніе должно быть болѣе философское, болѣе гуманное, чѣмъ чисто-литературное, т.-е. слѣдуетъ обращать больше вниманія на идейную, нравственную сторону произведеній, чѣмъ на чисто-литературныя красоты. Рядомъ съ языками и ихъ литературами г. Robier ставитъ положительныя науки. Научное воспитаніе должно постоянно сопровождать нравственно-литературное, для котораго оно служитъ необходимымъ дополненіемъ и педагогическимъ коррективомъ. Резюмируя свой докладъ, г. Robier говоритъ, что объектомъ средняго классическаго образованія въ самомъ обширномъ смыслѣ должно быть: *форменное* воспитаніе (l'éducation formelle)—помощью изученія языковъ; умственное и нравственное воспитаніе—путемъ изученія литературъ, исторіи и философіи; научное и положительное воспитаніе—изученіемъ наблюдательныхъ, опытныхъ и дедуктивныхъ (de démonstration—доказательныхъ) наукъ. Но первое мѣсто должно принадлежать литературамъ.

Digitized by Google

Изъ другихъ докладовъ интересными намъ кажутся еще три: докладъ „о преподаваніи французскаго языка“ (и литературы), г. Merlet, „о преподаваніи исторіи“, профессора Lavisse, и о преподаваніи древнихъ языковъ, профессора Croiset.

Мы должны здѣсь замѣтить, что во французскихъ лицеяхъ въ каждомъ классѣ одинъ и тотъ же учитель преподаетъ древніе и отечественный языки. У этого учителя уже въ другихъ классахъ занятій быть не можетъ и нѣтъ; у него оказывается въ классѣ 13 часовъ службы; поэтому во Франціи учителя названныхъ языковъ и литературъ называются по классамъ. Говорятъ: „professeur de quatrième“ (учитель въ четвертомъ классѣ), „professeur de seconde“ (учитель во второмъ классѣ—по нашему, въ 7), „professeur de rhétorique (учитель въ классѣ „rhétorique“—въ восьмомъ). Въ своемъ классѣ такой учитель господствуетъ: онъ одинъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ всѣ остальные учителя (исторіи и географіи, математики, новыхъ языковъ) вмѣстѣ.

Во французскихъ лицеяхъ нѣтъ вступительныхъ экзаменовъ и долго не было переходныхъ. Обыкновенно при вступленіи выборъ класса рѣшается между директоромъ (proviseur) и родителями. Если ученикъ оказывается слабымъ для класса, въ который онъ вступилъ, онъ „спускается“ въ низшій классъ. „Повтореніе класса“, т.-е. оставленіе въ классѣ на второй годъ, рѣшается очень патріархально, по обоюдному соглашенію между учителемъ и родителями.

Переходные экзамены вводятся теперь, но они еще далеко не такъ строги, какъ у насъ, и производятся только изъ предметовъ преподаванія главнаго учителя. Французы придаютъ очень важное значеніе для литературнаго образованія молодыхъ людей такому сосредоточенію въ одномъ лицѣ преподаванія древнихъ языковъ и отечественнаго. По ихъ мнѣнію, только преподаватель словесности способенъ дать возможность юношамъ извлечь всю литературную пользу изъ чтенія древнихъ авторовъ, показать связь между древними и новыми литературами. Одинъ изъ лучшихъ парижскихъ учителей словесности, строгій классикъ, извѣстный литературный критикъ, Emile Faguet, котораго мы въ разговорѣ случайно спросили его мнѣніе о возможности замѣнить въ литературномъ образованіи латинскаго языка какимъ нибудь новѣйшимъ, намъ отвѣтилъ, что, по его мнѣнію, это, пожалуй, возможно, „но съ тѣмъ, чтобы учитель французской словесности стоялъ въ отношеніи новаго языка въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперешніе учителя стоятъ къ древнимъ языкамъ и ихъ литературамъ“. Съ точки зрѣнія чисто-литературнаго образованія, въ этомъ мнѣніи несомнѣнно много вѣрнаго.

Г. Merlet, авторъ доклада „о преподаваніи французскаго языка“

Digitized by Google

—учитель словесности („professeur de rhétorique") въ „Lycée Louis-le-Grand"—по репутаціи первый лицей—по литературному образованію, которое дается въ немъ. Въ докладѣ одна глава посвящена грамматикѣ: она собственно повтореніе оффиціальной программы этого предмета съ весьма легкими измѣненіями. Французская грамматика проходится во всѣхъ классахъ до 7-го включительно. Начиная съ пятаго класса, читается историческая грамматика: законы образованія словъ, этимологія, версификація. Докладъ требуетъ устраненія всякихъ лингвистическихъ тонкостей: учитель долженъ ограничиться практическимъ объясненіемъ *при чтеніи текстовъ* самыхъ необходимыхъ принциповъ, и рекомендуетъ, чтобы учителя не злоупотребляли „логическими разборами", чтобы правила грамматики не заучивались наизусть и усваивались на практическихъ примѣрахъ. Во второй главѣ, посвященной изученію литературы, докладъ рекомендуетъ обширныя чтенія съ объясненіями, причемъ вниманіе будетъ обращено на нравственную сторону произведенія болѣе, чѣмъ на чисто-литературную: преподаватель долженъ объяснить мысли, чувство, которыя обнаруживаются въ произведеніи, а затѣмъ уже пріемы композиціи, тонкости литературныхъ оттѣнковъ, но не вдаваясь въ скучныя подробности. Въ третьей главѣ, посвященной практическому преподаванію литературы, докладъ отводитъ очень важное мѣсто письменнымъ упражненіямъ и рекомендуетъ, чтобы темы для сочиненій соразмѣрялись съ возрастомъ учениковъ; онѣ должны быть возможно просты и привлекательны, такъ чтобы возбуждали мысли и вызывали искреннія впечатлѣнія.

Въ классѣ „Rhétorique" ученики упражняются въ составленіи рѣчей (discours), а въ классѣ „Philosophie" (послѣднемъ—9) они пишутъ сочиненія на философскія темы (dissertations). Между прочимъ, докладъ рекомендуетъ упражненіе: „vers français à retourner et à compléter", что́ означаетъ: возстановленіе и дополненіе французскихъ стиховъ. Это упражненіе заключается въ слѣдующемъ: ученикамъ диктуютъ сначала искаженные стихи, безъ прилагательныхъ или вообще дополнительныхъ словъ, но съ риѳмой, и они должны отъискать выпущенныя слова. Это называется дополнять стихи. На второй, высшей фазѣ диктуются стихи, превращенные въ прозу, слова такъ перемѣшаны, что изъ стиховъ вышла хорошая проза, и ученикъ долженъ *возвратить* (retourner) стихи.

Въ четвертой и послѣдней главѣ о техническомъ и историческомъ преподаваніи (литературы) авторъ высказывается противъ техническаго изученія реторическихъ формъ, противъ „учебниковъ теоріи словесности" и противъ большихъ курсовъ исторіи литературъ. Изъ исторіи литературы нужно исключить всѣ лишнія біографическія по-

Digitized by Google

дробности и оставить въ ней только тó, чтó характеризуетъ эпоху, физіономію вѣка, или самыя достопримѣчательныя произведенія, переломы во вкусѣ, словомъ, все, чтò даетъ представленіе о ходѣ искусства, литературы и цивилизаціи.

Докладъ профессора Lavisse—несомнѣнно одинъ изъ трехъ самый замѣчательныхъ. Опредѣливъ воспитательную роль исторіи, какъ предмета, который развиваетъ память, воображеніе, пріучаетъ оцѣнивать факты, судить о личностяхъ, идеяхъ, эпохахъ и странахъ, видѣть умственныя проявленія въ ихъ настоящей средѣ и т. д., авторъ посвящаетъ цѣлую главу „теоріи преподаванія исторіи". Онъ ставитъ четыре правила: 1) преподаваніе должно быть распредѣлено на достаточное число лѣтъ и приспособлено къ умственной силѣ ученика; 2) преподаватель не долженъ теряться въ массѣ фактовъ и подробностей, „которые составляютъ бичъ историческаго образованія"; онъ долженъ выбирать личности, которыхъ дѣйствія длились, факты, имѣвшіе долговременныя послѣдствія; 3) обученіе исторіи должно быть доказательствомъ. Преподаватель долженъ предпослать своему курсу общую идею обо всемъ цѣломъ и о разныхъ его частяхъ и затѣмъ долженъ вести своихъ учениковъ отъ точки отправленія до заключенія, отмѣчая каждый шагъ такъ, чтобы весь путь былъ виденъ. Курсъ долженъ представлять одно цѣлое (il ne se contentera pas de faire tout son cours: il fera de son cours un tout); 4) преподаваніе должно еще быть живописнымъ, т.-е. преподаватель долженъ рисовать личности и описывать факты такъ, чтобы личности и факты одного періода отличались между собою, и чтобы періодъ въ цѣлости отличался отъ предшествующаго и послѣдующаго періодовъ. Эти принципы г. Lavisse объясняетъ на историческихъ примѣрахъ. Что же до пріема преподаванія, то г. Lavisse предлагаетъ такую методу, которая, впрочемъ, уже давно практикуется; въ рукахъ учениковъ имѣется книга, въ которой каждая глава соотвѣтствуетъ уроку, и въ которой описываются крупныя событія, обычаи, учрежденія съ біографіями и портретами большого числа личностей. Ученикамъ задается прочесть главу, а затѣмъ, убѣдившись, что ученики прочли, онъ резюмируетъ факты, дѣлаетъ свои замѣчанія, произноситъ свои сужденія. Между прочимъ, г. Lavisse совѣтуетъ въ низшихъ классахъ побольше спрашивать и поменьше заставлять дѣтей излагать исторію. „Ребенокъ, читающій лекцію о грекахъ, совершенно смѣшонъ". Къ докладу присоединены новыя программы преподаванія. Во Франціи исторія преподается рѣшительно во всѣхъ классахъ, отъ приготовительнаго и до „philosophie", и главное вниманіе обращается на исторію Францію; отдѣльно всемірная исторія (кромѣ древней) не читается, а читается „исторія Европы въ связи съ исторіей Франціи".

Digitized by Google

По новой программѣ, на исторію Европы, кромѣ Франціи, обращено больше вниманія, чѣмъ прежде, и особенное вниманіе удѣлено исторіи цивилизаціи.

О докладѣ г. Croiset, „о преподаваніи древнихъ языковъ", много говорить не приходится: это повтореніе въ примѣненіи къ древнимъ языкамъ того, что̀ г. Rabier сказалъ о языкахъ вообще. Докладъ упоминаетъ о томъ, что нѣкоторые желаютъ исключить древніе языки изъ средняго классическаго образованія, но секція этого мнѣнія не разсматривала.

Постановленія коммиссіи, касающіяся дисциплины, распредѣленія времени и программъ, были представлены на обсужденіе высшаго совѣта въ его послѣднюю сессію (27-го и 28-го прошлаго декабря). Совѣтъ принялъ всѣ постановленія относительно дисциплины, но слегка измѣнилъ распредѣленіе времени. Согласно его рѣшенію, въ низшихъ классахъ занятіямъ будетъ посвящено 6 часовъ въ день, въ среднихъ —8 часовъ, а въ высшихъ—$10^1/_2$ час. лѣтомъ и 10 часовъ зимой. Урокамъ посвящается 20 и $20^1/_2$ часовъ, включая и рисованіе. Программы приняты, но еще не опубликованы. Измѣненія въ дисциплинѣ и физическое воспитаніе уже теперь вводятся въ лицеяхъ, такъ что воспитанники не ѣдятъ больше молча, и по четвергамъ совершаютъ большія прогулки. Но съ будущаго учебнаго года всѣ реформы войдутъ въ силу.

Замѣтимъ, что реформы пока касаются только основныхъ классовъ. Классы, готовящіе къ „конкурсамъ", остаются на прежнемъ положеніи впредь до измѣненія программъ конкурсовъ.

М.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-го іюня, 1890.

— *Казань въ ея прошломъ и настоящемъ.* Очерки по исторіи, достопримѣчательностямъ и современному положенію города. Съ приложеніемъ краткихъ адресныхъ свѣденій. Съ 8-ю видами города Казани. Составилъ *М. Пинегинъ.* Спб. 1890.

Это—большой, прекрасно изданный томъ въ 600 страницъ, составленный по разнообразной программѣ и весьма внимательно. „Судьбы Казани весьма интересны,—говорится въ предисловіи:—изъ незначительнаго булгарскаго поселенія городъ сталъ гордой столицей татарскаго царства, затѣмъ изъ главнаго пункта русской администраціи на востокѣ европейской Россіи сдѣлался центромъ высшаго образованія, насадителемъ плодовъ европейской науки и просвѣщенія въ глухомъ и на половину дикомъ краю. Такое историческое значеніе Казани привлекло къ себѣ вниманіе ученыхъ и вызвало нѣсколько капитальныхъ работъ, разъяснившихъ нѣкоторые вопросы изъ мѣстной исторіи; впрочемъ, послѣдняя не можетъ быть разработана полно и всесторонне, такъ какъ большая часть матеріаловъ въ Казани была уничтожена пожарами, отъ которыхъ городъ болѣе десяти разъ выгоралъ почти до тла. Поэтому и наши историческіе очерки носятъ отрывочный характеръ“...

„Какъ дополненіе къ историческимъ очеркамъ, прилагается перечень выдающихся событій въ казанской жизни; эта лѣтопись постепенно расширяется по мѣрѣ приближенія къ настоящему времени. Разработать же самостоятельно послѣднее 50-лѣтіе казанской исторіи мы не имѣли возможности какъ по ограниченности времени, такъ и по трудности доставать матеріалы въ провинціи“. Далѣе: „Вопросы объ естественныхъ условіяхъ жизни въ современной Казани, о движеніи народонаселенія и о торгово-промышленной дѣятельности въ ней, помимо высокаго интереса, не лишены и практическаго значенія для лицъ, принимающихъ къ сердцу городскіе интересы. Поэтому

Digitized by Google

въ предлагаемый книгѣ удѣлено значительное мѣсто выясненію современнаго положенія города на основаніи данныхъ, заимствованныхъ изъ оффиціальныхъ источниковъ. Этотъ отдѣлъ разработанъ Н. Д. К—имъ".

Таковъ составъ книги. Надо отдать справедливость обоимъ лицамъ, трудившимся надъ нею, что она составлена добросовѣстно и кромѣ того легко читается, что̀ не всегда встрѣчается у мѣстныхъ бытописателей. О Казани, въ древнемъ періодѣ ея исторіи, существуетъ теперь уже довольно большая литература, изъ которой г. Пинегинъ беретъ обыкновенно только существенное; затѣмъ онъ принялъ во вниманіе то̀, что̀ писано было о дальнѣйшей исторіи города и, наконецъ, въ трудѣ г. К—го дано весьма обстоятельное понятіе о современномъ положеніи города: не впадая въ излишнія подробности, составитель статистическаго очерка приводитъ основныя цифры, рисующія племенной составъ населенія, движеніе этого населенія, экономическое положеніе города, состояніе просвѣщенія и т. д. Для тѣхъ читателей, казанскихъ и не-казанскихъ, которые хотѣли бы познакомиться съ этой столицей сѣверо-восточнаго Поволжья, книга г. Пинегина является лучшимъ руководствомъ, даже единственнымъ въ своемъ родѣ.

Между прочимъ, картина современной Казани съ естественными условіями ея положенія и климата, съ краснорѣчивыми цифрами о движеніи ея народонаселенія, должна бы привлечь особенное вниманіе ея городскихъ дѣятелей и самой власти. Казань давно извѣстна своимъ нездоровымъ климатомъ. Причины этому заключаются прежде всего въ самомъ топографическомъ положеніи города въ болотистой мѣстности, въ изобиліи водъ, между прочимъ, не совершенно полезныхъ для употребленія; но съ другой стороны сами обитатели, кажется, съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ не только не принимали мѣръ къ тому, чтобы какъ-нибудь ограничить вредныя мѣстныя условія, но, напротивъ, старались еще ухудшить ихъ: напримѣръ, небольшія проточныя нѣкогда озерки въ срединѣ самаго города превращали въ непроточные пруды, т.-е. болота; очень большое озеро (Кабанъ) на краю города, откуда жители брали воду для своего употребленія, сдѣлали также и мѣстомъ свалки нечистотъ и, такъ сказать, сами приготовляли настой изъ навоза, который и употребляли потомъ для своей пищи. Только въ 1875 году въ Казани устроенъ водопроводъ, улучшившій водоснабженіе города, но для окрестныхъ жителей озеро Кабанъ остается поставщикомъ воды, сохраняя всѣ тѣ невозможныя условія, о которыхъ говорили уже давніе путешественники и описатели Казани. „Черное озеро", зловонное отъ гніющей воды, остается донынѣ центромъ городского бульвара,

Digitized by Google

привлекающаго каждодневно тысячи гуляющихъ обывателей. Нѣтъ сомнѣнія, что этой полной беззаботности о какомъ-либо улучшеніи санитарныхъ условій надо приписать тѣ статистическія цифры, изъ которыхъ явствуетъ, что Казань, предоставленная самой себѣ, должна вымирать; въ счетѣ прироста и убыли населенія Казань постоянно представляетъ дефициты; если населеніе ея возростаетъ, то, она обязана этимъ только пришлымъ элементамъ, привлекаемымъ ея торговымъ и промышленнымъ значеніемъ.

Населеніе татарское, теперь составляющее, впрочемъ, всего $^1/_{10}$, вымираетъ еще сильнѣе, несмотря на то, что рождаемость въ немъ гораздо выше, чѣмъ у русскихъ: авторъ статистическаго очерка очень правдоподобно объясняетъ это, съ одной стороны, восточнымъ фатализмомъ, который больше полагается на судьбу, чѣмъ на собственную заботу человѣка о себѣ, и, съ другой стороны, рядомъ съ этимъ, отчужденіемъ отъ русскихъ, въ томъ числѣ отъ русскихъ врачей.

Новѣйшія событія казанской жизни изложены авторомъ въ видѣ „лѣтописи", гдѣ приведено въ краткомъ хронологическомъ порядкѣ много крупныхъ и мелкихъ фактовъ казанской жизни. Можно пожалѣть, что авторъ, напротивъ, не ввелъ новѣйшей исторіи въ самый текстъ своего сочиненія. Его изложеніе кончается собственно сороковыми годами: если, какъ говоритъ онъ въ предисловіи, въ разсказѣ о послѣднемъ пятидесятилѣтіи казанской жизни могла помѣшать ему ограниченность времени, то едва-ли могла мѣшать „трудность доставать матеріалы въ провинціи". Мѣстный историкъ окруженъ этимъ матеріаломъ; онъ можетъ имѣть ихъ въ такомъ обиліи и такого качества, съ какими они именно и могутъ быть собраны на мѣстѣ, какъ, напримѣръ, разсказы старожиловъ. Жаль, напримѣръ, что осталась неразсказанной новѣйшая исторія казанскаго университета, для которой авторъ имѣлъ бы возможность имѣть сколько угодно свѣдѣній. Онъ упоминаетъ двумя словами о Мусинѣ-Пушкинѣ, но могъ бы найти о немъ достаточно свѣдѣній не только на мѣстѣ, но и въ печати; упоминаетъ о „знаменитомъ" Лобачевскомъ, но ни однимъ словомъ не объяснилъ, въ чемъ заключалась эта знаменитость, и т. п. Оригинальный бытъ казанскаго университета за нѣсколько послѣднихъ десятилѣтій могъ бы послужить предметомъ для очень интереснаго разсказа. Точно также слишкомъ кратко сказано о казанской духовной академіи, которая именно за послѣднее время развила значительную ученую и образовательную дѣятельность и относительно которой автору опять не трудно было бы имѣть обильный матеріалъ свѣдѣній. Читателю, который хотѣлъ бы познакомиться съ Казанью въ „ея прошломъ и настоящемъ", настоящее, конечно, всегда будетъ интереснѣе прошлаго, и гораздо

Digitized by Google

любопытнѣе было бы прочесть о пятидесятыхъ, шестидесятыхъ и т. д. годахъ, чѣмъ о XVI-мъ столѣтіи, о новѣйшей научной и образовательной дѣятельности казанскихъ учрежденій и ихъ главнѣйшихъ дѣятеляхъ, чѣмъ о первыхъ слабыхъ начаткахъ казанской школы въ концѣ прошлаго и въ первые годы нынѣшняго столѣтія. Учрежденія провинціальныя вообще не бываютъ и не могутъ быть богаты выдающимися силами; но казанскій университетъ и духовная академія тѣмъ не менѣе имѣли въ своей средѣ не мало замѣчательныхъ дѣятелей, имена которыхъ занимаютъ почетное мѣсто въ цѣлой исторіи русскаго образованія. Указать хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ рядъ этихъ именъ и ихъ значеніе было бы необходимо въ цѣльной исторіи Казани.

— *Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства.* Ѳ. И. Булгакова. Томъ I-й, съ изобрѣтенія книгопечат. по XVIII в. включительно. Съ 6-ю хромолитографич. и съ 8-ю автотипическими приложеніями, съ 270 снимками историческихъ шрифтовъ, заглавныхъ листовъ, типографскихъ украшеній, портретовъ типографщиковъ, первопечатныхъ изданій заграничныхъ и русскихъ, съ 150 инициалами и заставками изъ славяно-русскихъ рукописей разныхъ вѣковъ. Спб. (1890).

Въ нашей популярной литературѣ, если исключить недавнюю небольшую книжку г. Кирпичникова, не существуетъ сочиненія объ исторіи книгопечатанія, и книга г. Булгакова кстати восполняетъ этотъ пробѣлъ. По своему содержанію она не представляетъ ничего самостоятельнаго; авторъ опредѣляетъ ее какъ сжатый обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ исторіи развитія типографскаго искусства отъ его начала до новѣйшаго времени. Книга разсчитана на два тома: первый идетъ до конца XVIII столѣтія; во второмъ (имѣющемъ выйти) „подводится итогъ успѣхамъ книгопечатанія въ нашемъ вѣкѣ, ознаменованномъ колоссальнымъ развитіемъ типографской техники, многочисленными усовершенствованіями въ способахъ печатанія, богатствомъ разнообразнѣйшихъ шрифтовъ, типографскихъ украшеній и другихъ частностей дѣла“.

Первый томъ распадается на пять отдѣловъ, въ 12 главахъ; въ началѣ авторъ дѣлаетъ обзоръ развитія письменъ, начиная съ символическаго письма дикихъ народовъ и письменъ народовъ восточныхъ, до изобрѣтенія славянскихъ письменъ, и обзоръ матеріаловъ и орудій письма. Во второмъ отдѣлѣ онъ говоритъ о предшественникахъ книгопечатанія (способы тисненія въ древности; монастыри и рукописи; каллиграфія; рѣзьба на металлѣ и на деревѣ; тисненіе досками; ксилографическія книги); объ изобрѣтеніи книгопечатанія

Digitized by Google

и распространеніи его въ Европѣ. Третій отдѣлъ излагаетъ исторію типографскаго искусства въ XVI—XVIII вѣкахъ. Слѣдующій отдѣлъ посвященъ славянскому и русскому книгопечатанію и русскому гравированію XVII вѣка. Наконецъ, послѣдній отдѣлъ говоритъ о русскомъ книгопечатаніи въ XVIII столѣтіи.

Для исторіи письменъ и западнаго книгопечатанія авторъ имѣлъ обильное руководство въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ нѣмецкихъ и французскихъ изслѣдованій, откуда взяты имъ матеріалъ и пояснительные рисунки. Таковы книги: Фаульмана „Illustrirte Geschichte der Schrift“ и „Illustrirte Geschichte der Buchdruckerkunst“, далѣе „Handbuch der Geschichte der Buchdruckerkunst“ Лорка, „Encyklopädie der graphischen Künste“ Вальдова, „Histoire de l'Imprimerie“ Поля Лакруа, „Le livre et les arts qui s'y rattachent“ Луизи, „Le livre, l'illustration, la reliure“ Бушо, „Die Bücherornamentik der Renaissance“ Бутша и др. Въ русскомъ отдѣлѣ составитель воспользовался нашими изслѣдованіями по исторіи печати и гравированію отъ Сопикова и Строева до Румянцова и Д. А. Ровинскаго, описаніями старопечатныхъ книгъ и рукописей, и т. д.

Изложеніе книги общедоступное и она является весьма полезнымъ вкладомъ въ нашу популярную общеобразовательную литературу. Внѣшность книги весьма изящная: какъ сказано въ заглавіи, она снабжена множествомъ рисунковъ, представляющихъ образцы письма и старой печати, въ снимкахъ съ рукописей и старыхъ книгъ, исполненныхъ иногда въ прекрасныхъ хромолитографіяхъ; въ самый текстъ введено много старинныхъ заглавныхъ буквъ и печатныхъ орнаментовъ и т. п. Случается, что снимки не весьма отчетливы, особливо въ мелкихъ изображеніяхъ и шрифтахъ (напр., стр. 147). Въ другихъ случаяхъ сдѣлано уменьшеніе слишкомъ сильное (напримѣръ, на стр. 193, въ $3^1/_2$ раза), но, вообще говоря, рисунки и снимки весьма отчетливы и даютъ достаточное понятіе объ изображаемыхъ предметахъ.

— *Исторія педагогики*, Карла *Шмидта*. Томъ первый. До-христіанская эпоха. Воспитаніе у дикихъ народовъ, на Востокѣ, у грековъ и римлянъ. Изданіе четвертое, значительно дополненное, исправленное и передѣланное проф. Эммануиломъ *Ганнакомъ*, инспекторомъ педагогическаго института въ Вѣнѣ. Переводъ Эдуарда *Циммермана*. Изданіе К. Т. Солдатенкова. М. 1890.

Рядъ изданій К. Т. Солдатенкова, вообще доставляющихъ столько важныхъ переводовъ изъ европейской ученой литературы, обогащается теперь извѣстной книгой Карла Шмидта.

Книга Шмидта, первое изданіе которой вышло въ четырехъ то-

Digitized by Google

махъ въ 1860—1862 годахъ, была и остается лучшимъ сочиненіемъ по исторіи воспитанія во всей европейской литературѣ и вполнѣ заслуживала того, чтобы быть, наконецъ, внесенной въ нашу литературу, особливо въ ея новѣйшей переработкѣ Ганнакомъ. Судьба самой книги весьма поучительна, какъ образчикъ нѣмецкой научной работы. Карлъ Шмидтъ (1819—1864) былъ сынъ крестьянина; до пятнадцати лѣтъ онъ имѣлъ только обыкновенное деревенское обученіе, и отецъ непремѣнно желалъ, чтобы сынъ его остался землепашцемъ. Но самъ юноша стремился къ образованію съ упорствомъ избраннаго ума и крестьянской натуры. Только въ 1834 году отецъ разрѣшилъ ему поступить въ гимназію въ Кётенѣ. Средства были, конечно, крайне ограниченныя; ему приходилось готовить свои уроки въ самой неблагопріятной обстановкѣ, не имѣя своей комнаты, среди шума и гама семьи и челяди своего хозяина, у котораго онъ жилъ; только въ послѣдніе годы его гимназическаго ученья одинъ изъ благоволившихъ ему учителей далъ ему у себя комнатку, гдѣ онъ могъ заниматься безъ помѣхи. Въ 1841 онъ поступилъ въ университетъ въ Галле, гдѣ предался изученію теологіи и философіи. „Ему,—говоритъ его біографъ,—пришлось вынести въ душѣ жестокую борьбу между внушенною въ отчемъ домѣ вѣрою и философскимъ невѣріемъ, между преподаваемою Мюллеромъ и Толукомъ теологіею и гегеліанизмомъ. Сначала борьба рѣшилась въ пользу Гегелевой философіи. Мало того, въ поискахъ за истиною онъ постепенно дошелъ до предѣла крайняго радикализма. Въ его дневникѣ значится: „Кто разъ присталъ къ Гегелю, тотъ долженъ былъ перейти къ Штраусу, отъ Штрауса къ Фейербаху, отъ Фейербаха къ Бруно Бауеру. Я прошелъ этотъ умственный путь, но пришелъ къ тому заключенію, что Штирнеръ болѣе правъ, нежели Бруно Бауеръ, и что вслѣдъ за Штирнеромъ необходимо дойдешь до самаго отвлеченнаго индивидуализма“... Но, завершивъ такимъ образомъ цѣлый рядъ развитій, онъ тутъ же обратился противъ Бруно Бауера, Фейербаха и Штирнера. Такая богато одаренная натура, какъ Карлъ Шмидтъ, не могла надолго подчиняться односторонности... Съ этой поры сильное чувство зависимости отъ Безконечнаго, отъ Бога, крѣпче прежняго овладѣло его существомъ, стало рѣшительно обнаруживаться въ его сочиненіяхъ... Многочисленныя произведенія Карла Шмидта отличаются искреннею религіозностью и вмѣстѣ съ тѣмъ основательнымъ философскимъ изученіемъ“. Такимъ образомъ, самыя крайнія ученія тогдашней философіи не помѣшали утвердиться въ немъ сильному религіозному убѣжденію, которое становилось, конечно, тѣмъ крѣпче и сознательнѣе, когда перешло черезъ иныя отрицательныя направленія мысли. По окончаніи университетскаго курса онъ вступилъ на педагогическое

Digitized by Google

поприще, котораго не покидалъ потомъ до конца жизни. Философское образованіе побудило его и въ педагогикѣ искать философскихъ основаній и источниковъ, которые могли заключаться только въ свойствахъ и потребностяхъ человѣческаго духа и тѣла. Его первые труды были направлены на антропологію; затѣмъ стремленіе создать для „художника-педагога“ твердую почву, состоящую не въ одномъ единичномъ опытѣ, повело его къ изученію исторіи воспитанія, и результатомъ его труда въ этомъ направленіи была „исторія педагогики“, по окончаніи которой онъ вскорѣ и умеръ. Карлъ Шмидтъ принадлежалъ къ тому длинному ряду нѣмецкихъ педагоговъ, которые еще съ XVII вѣка ставили вопросъ о раціональной постановкѣ воспитанія и обученія и дѣйствительно много содѣйствовали тому, что обѣ эти задачи стали, наконецъ, получать въ теоріи и практикѣ прочную раціональную основу. Въ ту эпоху, когда жилъ Шмидтъ, дѣйствовала новая группа этихъ педагоговъ-мыслителей, имена которыхъ, какъ и вліяніе ихъ трудовъ проникли, между прочимъ, и въ русскую педагогическую литературу и практику, какъ Дистервегъ, Раумеръ, Диттесъ и др.; Шмидтъ былъ ихъ сотоварищемъ въ этомъ направленіи.

Сочиненіе Шмидта по его смерти достигло уже четвертаго изданія. Само собою разумѣется, что съ одной стороны отдѣльному писателю было бы не легко овладѣть съ перваго раза тѣмъ громаднымъ матеріаломъ, какой представляетъ исторія воспитанія на всемъ пространствѣ исторіи цѣлаго человѣчества, какъ съ другой стороны громадное развитіе исторической науки именно относительно древнѣйшихъ эпохъ и расширеніе знаній о бытѣ дикихъ и полудикихъ народовъ должно было дѣлать старыя сочиненія недостаточными; поэтому новые издатели книги Шмидта приняли мѣры къ тому, чтобы содержаніе ея было исправлено и дополнено сообразно съ новыми изслѣдованіями. Эту заботу раздѣлили и личные друзья покойнаго историка. Такимъ образомъ, въ четвертомъ изданіи приняли участіе Диттесъ, нѣкогда другъ Шмидта, и Ганнакъ, ученый педагогъ и писатель болѣе молодого поколѣнія. Редакціонная и дополнительная работа по первому тому принадлежитъ именно Ганнаку. Черезъ почти тридцать лѣтъ послѣ работы самого автора потребовались значительныя исправленія и дополненія, и Ганнакъ не пожалѣлъ труда, чтобы восполнить недостающее, а нерѣдко и привести нѣкоторыя теоретическія увлеченія Шмидта къ болѣе реальной исторической почвѣ. При этомъ, однако, новый редакторъ книги старался бережно относиться къ тому, что составляло нравственную особенность первоначальнаго автора.

Добавленія новаго редактора, отличенныя отъ первоначальнаго

Digitized by Google

текста, весьма значительны и между прочимъ сообщаютъ указанія на новѣйшую литературу тѣхъ предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Диттесъ, который прибавилъ свое предисловіе къ новѣйшему изданію книги Шмидта, между прочимъ касается вопроса, который нерѣдко поднимается въ кругу ученыхъ людей,—вопроса о томъ, возможно ли цѣльное изложеніе предмета, котораго частности еще недостаточно выработаны. Противъ такихъ общихъ обозрѣній возстаютъ обыкновенно спеціалисты, и возстаютъ тѣмъ упорнѣе, чѣмъ тѣснѣе кругъ ихъ спеціальности. Диттесъ рѣшаетъ вопросъ утвердительно, не вдаваясь въ глубокія размышленія, по простому здравому смыслу.

„Нѣкоторые утверждали, — говоритъ онъ, — и пустили въ ходъ избитое мнѣніе, будто *не настало еще время* писать исторію педагогики, оттого что для этого недостаточно подготовлены предварительныя работы. Не станемъ разбирать, основано ли такое мнѣніе на наивномъ невѣденіи или на умышленномъ разсчетѣ; намъ оно кажется скорѣе смѣшнымъ, чѣмъ серьезнымъ. Само собою разумѣется, историческое изслѣдованіе, какъ вообще всякое научное дѣло, еще не довершено. Въ такомъ случаѣ, однако, не настало также время писать исторію искусства, музыки, живописи, литературы, и т. д., и пожалуй, даже всеобщую исторію. Да и вообще всякая наука, напр. географія, естественная исторія, лингвистика, должна бы отказаться отъ связнаго изложенія, если основываться на томъ, что не весь еще матеріалъ собранъ и разработанъ въ монографіяхъ. Вѣдь всякая наука, а слѣдовательно, и исторія, подлежитъ непрерывному развитію, ей постепенно приходится пользоваться новыми выводами, дополненіями, поправками, такъ что она никогда не бываетъ совершенно готова и закончена и во всякое время можетъ сообщать только тò, чтò сама знаетъ“.

Можно прибавить, что подобные общіе обзоры необходимы для развитія самой науки: отдѣльныя спеціальности предмета только здѣсь находятъ свою связь, поддерживаютъ другъ друга и выясняется ихъ значеніе въ общемъ составѣ науки.

Русскій переводъ исполненъ весьма обстоятельно; лишь кое-гдѣ намъ встрѣтилась, кажется, ненужная вычурность языка, напр.: „копотный трудъ“ (стр. VIII); „знатное произведеніе“—вмѣсто замѣчательное, и тамъ же: „знатные педагоги“, т.-е. замѣчательные или извѣстные, стр. XI; „сотворены человѣки“—вмѣсто люди, стр. 225, и т. п.—А. П.

Digitized by Google

— Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ семидесятый: „Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціею въ эпоху Наполеона I". Подъ редакціею профессора *Александра Трачевскаго.* Томъ первый (1800—1802). Спб., 1890. Стр. CXII, 780 и XIX.

Содержаніе этого тома представляетъ особенный интересъ, какъ по собраннымъ въ немъ матеріаламъ, такъ и по обширному введенію и обстоятельнымъ примѣчаніямъ проф. Трачевскаго. Во главѣ своего труда редакторъ поставилъ слова французскаго посланника Эдувилля о важности тѣснаго сближенія „двухъ націй, слишкомъ отдаленныхъ, чтобы имѣть интересъ вредить другъ другу, но которыхъ доброе согласіе можетъ способствовать дѣйствительному сохраненію спокойствія въ Европѣ". Рядомъ съ этимъ эпиграфомъ приведена выдержка изъ одной записки Кочубея: „обѣ державы, на крайностяхъ, такъ сказать, Европы находящіяся, другъ другу вредить не могутъ, а соединяся, важное вліяніе вездѣ имѣть могутъ". Впрочемъ, послѣднее мнѣніе не принадлежитъ вовсе Кочубею, какъ можно было бы думать по этой цитатѣ, а взято изъ отчета о заявленіяхъ Эдувилля, къ которымъ Кочубей относился иронически, какъ это объяснено въ изложеніи самого г. Трачевскаго (стр. CIX). Въ концѣ своего пространнаго и весьма интереснаго введенія редакторъ замѣчаетъ, что „соглашеніе двухъ державъ, на крайностяхъ Европы находящихся, этотъ основной предметъ документовъ, представляемыхъ въ этомъ томѣ на судъ науки и общества, оставалось (до начала 1803 г.) благимъ пожеланіемъ, вопросомъ будущаго".

Дѣйствительный характеръ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціею въ указанный періодъ времени (съ 1800 г. по 1802 г.) не оправдываетъ, какъ намъ кажется, ни приведенныхъ эпиграфовъ, ни заключительнаго замѣчанія редактора. О серьезномъ союзѣ между Франціею временъ консульства и Россіею временъ Павла I и Александра I не могло быть рѣчи; обѣ державы находились не только „на крайностяхъ Европы" въ географическомъ смыслѣ, но представляли двѣ противоположныя крайности въ отношеніяхъ политическомъ, общественномъ и культурномъ. Цѣли и стремленія обоихъ государствъ, какъ и воззрѣнія обоихъ правительствъ, имѣли между собою очень мало общаго; это ярко обрисовывается во всѣхъ документахъ, изданныхъ нынѣ подъ редакціею проф. Трачевскаго, а также въ его поучительномъ и живо написанномъ обзорѣ международныхъ сношеній при Павлѣ I и въ первые годы Александра I. Одно впечатлѣніе выносится изъ чтенія этого обзора, что Россія не имѣла ни малѣйшаго положительнаго интереса принимать столь дѣятельное участіе въ постороннихъ дѣлахъ, и что вся политика наша въ ту эпоху не имѣла

Digitized by Google

ни разумной руководящей идеи, ни общаго сознательнаго плана, направляясь случайно то въ ту, то въ другую сторону, „безъ руля и безъ вѣтрилъ“.

О политикѣ Павла I нечего и говорить. „Онъ предлагалъ Англіи свои войска для усмиренія ирландцевъ и ловилъ ея мятежниковъ на материкѣ въ то самое время, когда негодовалъ на ея предательство. Онъ спѣшилъ возвратить во Францію тѣхъ самыхъ Бурбоновъ и эмигрантовъ, о которыхъ былъ весьма невысокаго мнѣнія. Онъ же двинулъ противъ Франціи неповоротливую, сварливую, завистливую коалицію... Онъ собирался наказать Пруссію, разорвалъ связи съ Даніею и объявилъ войну Испаніи за недостатокъ страстности съ ея стороны. При этомъ представитель мадридскаго двора долженъ былъ въ два дня покинуть Петербургъ и въ 12 дней—имперію, а въ манифестѣ было сказано, что царь изъявляетъ свое негодованіе странѣ, которая лишь „наружно привержена“ къ походу противъ „издыхающаго богомерзкаго правленія во Франціи“ (стр. XII). Черезъ нѣкоторое время Павелъ I готовъ былъ уже заключить союзъ съ французами, и если союзъ не состоялся, то только потому, что тогдашніе русскіе дипломаты считали необходимымъ придавать наибольшее значеніе „правамъ короля сардинскаго“ или даже интересамъ нашего „друга“ султана“.

Наши политическіе дѣятели и позднѣе, при Александрѣ I, относились къ западной Европѣ съ большимъ высокомѣріемъ; они принимали на себя грозный или покровительственный тонъ, строго требовали отъ Франціи „быстраго и полнаго исполненія“ своихъ требованій (не имѣвшихъ никакой связи съ русскими интересами) и въ своихъ донесеніяхъ обнаруживали удивительную легкость сужденій. Русскій посланникъ въ Парижѣ, Колычевъ, сообщалъ, что Бонапартъ—плохой политикъ, что онъ „*политическое ничтожество*, состоящее подъ вліяніемъ злодѣя Фуше́ изъ страха за собственную жизнь“ (стр. L). Даже въ мелочахъ отражался „глубокій разладъ между Россіею и Франціею“ (стр. LXXI). Александръ I принималъ особенно близко къ сердцу интересы второстепенныхъ германскихъ владѣтелей, и изъ-за этого все болѣе запутывались международныя отношенія. На берегахъ Сены гр. Морковъ, какъ выражается проф. Трачевскій, „игралъ подлѣ дерзкаго (?), запальчиваго сына революціи съ казарменными манерами (т.-е. Наполеона) роль медвѣжонка, попавшаго въ одну клѣтку со львомъ“. Спеціальныя заботы нашей дипломатіи о чужихъ дѣлахъ составляютъ главнѣйшее содержаніе переписки между петербургскимъ дворомъ и иностранными кабинетами того времени. Въ частности, много мѣста въ этой перепискѣ занимаетъ „щекотливый и вредный для Россіи вопросъ“ о француз-

Digitized by Google

скихъ эмигрантахъ (стр. 725 и сл.). Наше министерство „осаждало Бонапарта просьбами объ этой „чумѣ“, и по большей части безуспѣшно. Самъ осторожный и бережливый, царь не жалѣлъ для нея русскихъ денегъ, земель и крестьянъ“. Графу Лилльскому (Людовику XVIII) назначена была пенсія изъ русскаго казначейства, въ размѣрѣ 75.000 р. въ годъ, и ему обѣщано еще дать земли на югѣ Россіи, для увеличенія доходовъ. Въ то же время наши собственныя внутреннія дѣла, насколько они были доступны постороннему и поверхностному наблюденію, поражали иностранцевъ своими характерными самобытными чертами. Французскій посланникъ Эдувилль „изумлялся дикимъ обычаямъ“ Петербурга, съ обиднымъ для штатскихъ господствомъ военнаго мундира, съ педантизмомъ чиноначалія, съ заматерѣлой рутиной даже въ способѣ ношенія орденовъ, и съ негодной полиціей. Онъ описывалъ „сплетеніе честолюбія, ненависти и жадности къ богатству“ у вельможъ, которые „любятъ, чтобы ихъ поражали блескомъ, и нуждаются въ строгости“, а также „бѣшеную погоню за модами и роскошью“ у ихъ дамъ. Онъ знакомилъ французовъ съ дерущимися собственноручно генералъ-губернаторами и съ князьями-производителями фальшивыхъ ассигнацій (стр. LXXXVIII и 578—9). Сами русскіе дѣятели обрисовывали себя не лучше въ своихъ взаимныхъ откровеніяхъ. Вотъ что̀ читаемъ мы, напримѣръ, объ одномъ изъ видныхъ дипломатовъ той эпохи, гр. Морковѣ: „Денежныя стремленія стояли у Моркова на высотѣ его спѣсивости и желанія играть роль большого барина. Съ ними встрѣчаешься на каждомъ шагу въ его жизни. Браня всѣхъ и вся, съ высоты своего „русскаго“ ума, сердца и талантовъ, Морковъ даже не соглашался и съ своимъ желчнымъ покровителемъ, тоже „русскимъ“, С. Воронцовымъ, который находилъ, что у насъ есть хоть одинъ порядочный человѣкъ, да и тотъ, впрочемъ, полякъ: въ глазахъ Моркова и Чарторижскій былъ негодяй, ибо тягался съ нимъ изъ-за землицы. Этотъ грозный патріотъ и великій дипломатъ самъ себя выдалъ головой суду потомства наивнымъ признаніемъ другу, которое рисуетъ и высоту души послѣдняго. Онъ писалъ С. Воронцову, что взялъ мѣсто въ Парижѣ съ цѣлью выиграть свой денежный процессъ: его врагъ, генералъ-прокуроръ, не посмѣетъ-де задѣть меня, когда получу нѣкоторую „consistance“ на службѣ. Морковъ осаждалъ министерство просьбами о прибавкѣ жалованья, котораго ему не хватало, несмотря на „скаредную жизнь“ и отсутствіе дѣтей“. Какъ велъ себя Морковъ въ Парижѣ, можно видѣть изъ того, что „въ маѣ 1802 г. произошла цѣлая баталія между нимъ и хозяиномъ квартиры, которую онъ бросилъ до срока и не хотѣлъ платить, а домовладѣлецъ арестовалъ его вещи. Послѣдній жаловался Талейрану, но ему отвѣчали,

Digitized by Google

что онъ не въ правѣ задерживать мебель представителя Россіи" (стр. 713, 715). А между тѣмъ въ какомъ величественномъ тонѣ разговаривала съ Европою наша дипломатія, представляемая столь ничтожными въ сущности дѣятелями! „Но задорнѣе всего,—замѣчаетъ проф. Трачевскій,—выступала она въ сношеніяхъ съ Франціею. Въ концѣ декабря (1802 г.) Морковъ снова съ полною откровенностью отчиталъ Бонапарта въ лицо за все, начиная съ своего пріѣзда. А изъ сферъ (т.-е. изъ Петербурга), куда недавно посылались съ береговъ Сены алмазы мира и любви, доносились грозныя проповѣди нравственности. Оффиціальный вождь англомановъ, А. Воронцовъ (канцлеръ), сталъ болѣе развязнымъ, видя, что царь не станетъ сдерживать ихъ пылъ съ прежнею силою", и т. д. (стр. CX). Послѣ этого нельзя уже особенно винить Францію и Наполеона I за ненужныя столкновенія съ Россіею. Какимъ образомъ можно было высказать мнѣніе, что въ основѣ подобнаго историческаго матеріала лежитъ идея франко-русскаго союза,—для насъ совершенно непонятно!

Во всякомъ случаѣ, не соглашаясь съ нѣкоторыми выводами и характеристиками проф. Трачевскаго, мы не можемъ не отдать справедливости трудолюбію и искусству, съ какими онъ обработалъ и комментировалъ свой богатый матеріалъ.

—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, *В. Левитскаго.* Ярославль, 1890. Стр. 254.

Современная политическая экономія распадается, какъ извѣстно, на различныя школы, исключающія и даже игнорирующія одна другую. Коренныя разногласія господствуютъ въ ученой литературѣ не только по отдѣльнымъ вопросамъ, но и относительно самаго фундамента науки, ея задачъ и способовъ изслѣдованія. Трудъ г. Левитскаго представляетъ собою попытку разобраться въ этой путаницѣ и „сдѣлать общее опредѣленіе задачъ, системы, составныхъ частей и методовъ науки о народномъ хозяйствѣ, имѣя въ виду труды многочисленныхъ экономическихъ школъ, а не одно или нѣкоторыя изъ отдѣльныхъ направленій экономической науки". Авторъ придерживается главнымъ образомъ взглядовъ вѣнскаго профессора Карла Менгера, подвергшаго основательной критикѣ одностороннія притязанія новѣйшей исторической школы и указавшаго на необходимость совмѣстить и примирить отвлеченно-теоретическое направленіе съ историческимъ.

Экономисты различныхъ школъ имѣли бы гораздо меньше поводовъ къ принципіальнымъ спорамъ, еслибы они не смѣшивали противо-

Digitized by Google

положныхъ точекъ зрѣнія и отличали теоретическіе вопросы отъ прикладныхъ и историческихъ. Политическая экономія, по справедливому замѣчанію г. Левитскаго, есть сложная наука, преслѣдующая троякаго рода задачи: двѣ первыя относятся къ изслѣдованію существующихъ явленій, какъ они есть, со стороны причинъ и слѣдствій (исторія хозяйства и теоретическая экономія), а третья задача, состоящая въ выясненіи того, что̀ должно быть, входитъ въ область прикладной науки о народномъ хозяйствѣ. Авторъ подробно объясняетъ важность историческаго элемента въ ученіяхъ экономистовъ-теоретиковъ, разбираетъ условія и характеръ теоретическихъ обобщеній и выводовъ въ политической экономіи, говоритъ объ отношеніи этой науки къ другимъ общественнымъ наукамъ и затѣмъ посвящаетъ главную часть книги (стр. 128—242) критическому обзору воззрѣній исторической школы. Довольно обстоятельно разобраны взгляды нѣмецкихъ проповѣдниковъ этическаго направленія (проф. Шмоллера и др.), ставящихъ, въ сущности, практическія задачи на мѣсто научныхъ. Г. Левитскій находитъ, что „рѣчь объ этическомъ направленіи можетъ быть только въ хозяйственной политикѣ, но зато въ ней, какъ и вообще въ прикладныхъ отдѣлахъ обществовѣденія, не можетъ быть рѣчи ни о какомъ другомъ направленіи, кромѣ этическаго. Требованіе же особаго этическаго направленія въ теоретической экономіи, на которомъ настаиваетъ историческая школа, несовмѣстно съ задачей теоретическаго изслѣдованія и противорѣчитъ элементарнымъ понятіямъ научной систематики“ (стр. 163). Авторъ вполнѣ вѣрно оцѣниваетъ преувеличенныя претензіи нѣмецкихъ экономистовъ, относящихся свысока къ классической англійской школѣ и въ то же время заимствующихъ у нея всѣ существенныя теоретическія положенія своей науки. Проф. Шмоллеръ выразился, между прочимъ, что теперь нѣмецкіе „политико-экономы, какъ и нѣмецкіе генералы, безспорно признаны первыми во всемъ мірѣ“. „Не отрицая — говоритъ по этому поводу г. Левитскій — высокой компетентности нѣмецкихъ экономистовъ и генераловъ, мы можемъ только замѣтить, что еслибы тактическіе пріемы послѣднихъ походили на тѣ аргументы, съ помощью которыхъ Шмоллеръ атакуетъ теоретическую экономію англійской школы, то едва-ли германская армія считала бы за собою столько побѣдъ“ (стр. 175, прим.). Характерная черта методологическихъ воззрѣній исторической школы заключается, по словамъ автора, въ томъ, что она сводитъ задачи науки о народномъ хозяйствѣ къ экономической политикѣ и къ хозяйственной исторіи,—другими словами, она желаетъ сдѣлать изъ политической экономіи то прикладную науку безъ чистой теоріи, то чисто историческую науку (стр. 240). Но, отвергая въ принципѣ методъ классической экономіи, „предста-

Digitized by Google

вители этой школы въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ приходилось рѣшать чисто-теоретическіе вопросы, фактически пользуются дедуктивнымъ методомъ, пріемами Рикардо и его школы".

Автору не трудно было доказать, что разногласія по вопросамъ соціальной политики не могутъ служить критеріемъ при разграниченіи научно-теоретическихъ школъ, ибо различіе практическихъ идеаловъ часто совпадаетъ съ единствомъ основныхъ теоретическихъ воззрѣній. „Такъ, Родбертусъ и Марксъ пришли къ тождественнымъ выводамъ въ своихъ теоретическихъ воззрѣніяхъ, въ ученіи о прибавочной стоимости, въ воззрѣніи на капиталъ; оба одинаково оцѣниваютъ вліяніе экономическихъ факторовъ на складъ соціальныхъ отношеній, а между тѣмъ какая громадная противоположность замѣчается въ практической части ихъ ученій, въ ихъ планахъ экономическихъ реформъ! Первый изъ нихъ былъ противникомъ началъ государственности и всѣ надежды возлагалъ на интернаціональный союзъ рабочихъ. Второй—Родбертусъ—видѣлъ въ современномъ прусскомъ государствѣ могущественнѣйшій органъ для проведенія соціальной реформы, всего ждалъ отъ экономическаго законодательства и сильнаго монархическаго правительства, самъ былъ нѣкоторое время министромъ одного изъ самыхъ консервативныхъ министерствъ. По своимъ соціально-политическимъ воззрѣніямъ Родбертусъ можетъ считаться основателемъ того направленія въ соціально-экономической политикѣ, представителемъ котораго въ современной Германіи является могущественнѣйшій государственный человѣкъ нашего времени—князь Бисмаркъ" (стр. 247). Нельзя не согласиться съ авторомъ, что „проведеніе строгаго разграниченія между вопросами хозяйственной теоріи и хозяйственной политики является однимъ изъ основныхъ требованій правильной критической оцѣнки всякой данной экономической школы, системы, а также воззрѣній того или другого экономиста". Въ такомъ „разграниченіи началъ теоріи, политики и исторіи въ составѣ экономическихъ ученій заключается тотъ основной принципъ, на которомъ должна быть построена классификація экономическихъ школъ" (стр. 252).

Г. Левитскій обнаруживаетъ въ своей книгѣ большое знакомство съ спеціальною литературою предмета, особенно нѣмецкою и англійскою. Внѣшній недостатокъ книги—слабость или небрежность литературной отдѣлки и множество опечатокъ и ошибокъ, даже въ именахъ разбираемыхъ авторовъ. Робертъ фонъ-Моль вездѣ названъ Моллемъ, Книсъ (Knies)—Книссомъ. Едва-ли справедливо также утвержденіе, что Милль и Рикардо „могутъ считаться представителями двухъ различныхъ школъ, или что Дюрингъ (послѣдователь Кэри) есть „экономистъ соціалистическаго оттѣнка" (стр. 1—2). Но

Digitized by Google

частные недостатки и ошибки не уменьшаютъ внутреннихъ достоинствъ изслѣдованія г. Левитскаго.

— Объ умѣ и методѣ его воспитанія. Сочиненіе *Михаила Зеленскаго*. Спб. 1890. Стр. 215. Ц. 2 р.

Книга г. Зеленскаго заслуживаетъ вниманія не только по научной и практической важности своего содержанія, но и по тому теплому, сердечному отношенію къ дѣтямъ и къ учащейся молодежи, которое не часто встрѣчается въ спеціальной педагогической литературѣ. Авторъ не довольствуется критикою существующихъ системъ обученія, а предлагаетъ обстоятельно мотивированную положительную програму умственнаго воспитанія, основанную на чисто-научныхъ данныхъ и на многолѣтнихъ личныхъ наблюденіяхъ. Въ теоретической части своего труда г. Зеленскій вкратцѣ развиваетъ свою теорію мыслительныхъ процессовъ, изложенную подробно въ обширномъ трактатѣ подъ заглавіемъ: „Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства“ (Спб. 1876—82, два тома). Новое сочиненіе почтеннаго автора, написанное весьма популярно и живо, должно заинтересовать не однихъ педагоговъ, а всѣхъ, принимающихъ близко къ сердцу вопросъ о судьбѣ нашихъ молодыхъ поколѣній.

Д-ръ Зеленскій исходитъ изъ той безспорной мысли, что воспитаніе и обученіе должны основываться на знаніи дѣтской психологіи, на пониманіи свойствъ человѣческаго ума и условій его развитія. „Педагогика вытекаетъ изъ психологіи, какъ всякая прикладная наука изъ своей основной, какъ гигіена и діэтетика изъ физіологіи. Если человѣкъ, не имѣющій понятія о послѣдней, вздумалъ бы въ настоящее время поучать людей гигіеническимъ правиламъ или лечить больныхъ, основываясь не на данныхъ науки, а на собственныхъ наблюденіяхъ и мнѣніяхъ, то его почли бы за чудака и шарлатана“. А между тѣмъ такъ именно поступаетъ большинство людей, „слывущихъ въ наше время за педагоговъ“. Правда, „между учащими есть истинные труженики, изучающіе психологію и понимающіе ея значеніе, но они, къ несчастью, составляютъ исключеніе и находятся обыкновенно на низшихъ ступеняхъ педагогической іерархіи. Огромное же большинство учителей, особенно инспекторовъ, директоровъ и выше... пришли къ убѣжденію, что „психологія—это я“. Только и слышите отъ нихъ:—„я“ придерживаюсь того принципа, на основаніи „моихъ“ наблюденій и т. д.“ Отсутствіе психологическихъ знаній и пониманія среди учителей приводитъ къ весьма печальнымъ послѣдствіямъ на практикѣ. Ученіе, руководимое такими

Digitized by Google

педагогами-ремесленниками, дѣлается мучительнымъ для воспитанниковъ. Ученикъ,—говоритъ авторъ,—„трепещетъ, отвѣчая урокъ, и замираетъ отъ страха на экзаменѣ. Первая ошибка—невозможность скораго соображенія отвѣта на заданный вопросъ, описка или неправильность, сдѣланная подъ давленіемъ страха или неувѣренности въ самомъ себѣ, подвергается строгой и неумолимой цензурѣ, и горе несчастному, горе, очень часто ломающее всю его будущность, всю жизнь юнаго неудачника-труженика. Эта мысль, вполнѣ познанная воспитанникомъ, угнетая, дѣлаетъ его еще болѣе ненормальнымъ предъ лицомъ своего учителя. Еслибы послѣдній былъ педагогъ, то онъ понялъ бы это положеніе; ему стоило лишь перевести свой взоръ съ тетради на воспитанника, чтобы увидѣть смертную блѣдность, покрывающую его лицо, его дрожащія руки; онъ услышалъ бы страшное біеніе его сердца, и въ немъ неминуемо явилось бы желаніе всесторонне вникнуть въ познаніе учащагося, не доводя его до излишнихъ волненій". „Болѣе 35 лѣтъ,—замѣчаетъ далѣе д-ръ Зеленскій,—моя профессія постоянно удерживаетъ меня въ средѣ дѣтей всѣхъ возрастовъ до юношескаго включительно. Въ продолженіе этого времени я ихъ наблюдалъ на одрѣ болѣзни, выздоравливающихъ и здоровыхъ. Дружба этихъ дорогихъ мнѣ созданій побуждала ихъ откровенно дѣлить со мною свои радости и печали. Много выстрадалъ я съ ними отъ педагогической кривды. Передъ моими глазами проходили сотни близкихъ мнѣ дѣтей во время ихъ средняго образованія, и я видѣлъ, какъ пропорціонально проходимому курсу блѣднѣли ихъ лица, увядали ихъ мышцы и портился ихъ характеръ. Дѣтская беззаботность, веселье, любопытство и склонность къ энергическимъ тѣлодвиженіямъ вскорѣ замѣнялись старческою угрюмостью, раздражительностью, постоянною боязнью чего-то дурного, неувѣренностью въ себѣ и апатіей къ природѣ, всему окружающему и даже къ активнымъ движеніямъ. Если сравнить результаты знанія и ума, выносимые нашими дѣтьми изъ средней школы, съ жертвами, которыми оно покупается, то невольно сердце обольется кровью у каждаго честнаго и добраго человѣка". Горькій опытъ, по словамъ автора, неоднократно доказывалъ, что, несмотря на строгое проведеніе принятой системы общаго образованія, она не только не дала и не даетъ намъ людей высокаго ума, даровитыхъ ученыхъ, но даже не образуетъ истинно воспитанной молодежи, потому что при подобной системѣ обученія, воспитаніе въ настоящемъ смыслѣ этого слова невозможно... Если зданіе существующаго общеобразованія въ настоящее время лучшими педагогами всего свѣта признано негоднымъ, то будетъ раціонально не исправлять его и перестраивать, а на мѣсто стараго построить новое. Архитекторомъ для плана этой по-

Digitized by Google

стройки можетъ служить только раціональная психологія, соединенная и подкрѣпленная педагогіей (стр. VI—VIII). Въ отдѣльныхъ главахъ книги разсматриваются вопросы о значеніи ума и умственнаго развитія, о роли общеобразовательныхъ наукъ въ дѣлѣ воспитанія, о физіологическихъ основахъ мыслительнаго процесса, о психологіи ума и методѣ его воспитанія, о культурѣ ума въ трехъ главныхъ періодахъ обученія.

Много цѣнныхъ замѣчаній разсѣяно въ книгѣ г. Зеленскаго. Между прочимъ, авторъ рѣшительно осуждаетъ систему механическаго заучиванія фактовъ и свѣдѣній, безполезно обременяющихъ память. „Чѣмъ даровитѣе дитя, тѣмъ больше въ немъ стремленія къ пониманію того, чему оно учится, къ провѣркѣ его на опытѣ, и тѣмъ болѣе претитъ ему работа безсмысленною механическою памятью. Наоборотъ, бездарныя дѣти находятъ для себя доступнѣе и легче работу механическаго заучиванія. Первыя вслѣдствіе этого оказываются несостоятельными при изученіи неправильныхъ глаголовъ, исключеній, недоступныхъ ихъ уму грамматическихъ правилъ, а послѣднія, при нѣкоторомъ прилежаніи, вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ нашихъ современныхъ педагоговъ. Первыя часто исключаются изъ заведеній, и этимъ общество лишается будущихъ людей разума и творчества, а бездарностямъ остаются открытыми всѣ дороги. Имѣетъ ли право общество, при такихъ условіяхъ воспитанія, жаловаться на бездарность и тупость нынѣшняго поколѣнія, на отсутствіе въ немъ талантовъ и творчества? Разумѣется, нѣтъ, потому что оно само, въ лицѣ своихъ учителей, способствуетъ этому“ (стр. 148—9). Авторъ строго—быть можетъ, ужъ слишкомъ строго—относится къ искусственному развитію фантазіи въ дѣтствѣ и юности. „На фантастическихъ сказкахъ,—говоритъ онъ,—воспитываются дѣти, начиная отъ убогихъ хижинъ до роскошнѣйшихъ палатъ. Подростку даютъ произведенія Жюля Верна и тому подобныхъ сочинителей, гдѣ научные факты въ истинномъ значеніи этого слова изуродованы самой незастѣнчивой фантазіей. При изученіи наукъ дѣтямъ мерещатся эти описанія, и они часто смѣшиваютъ ихъ съ фактами дѣйствительности. Далѣе идутъ романы, и т. п. Вслѣдствіе этого, юноши, при первомъ знакомствѣ съ дѣйствительною жизнью и съ науками, разочаровываются ими, потому что онѣ не согласны съ создавшимся въ нихъ фантастическимъ міровоззрѣніемъ. Современное общество вѣритъ во всѣ возможныя нелѣпости, если только онѣ облечены въ фантастическую форму. Столоверченіе, спиритизмъ, вызываніе духовъ и т. п. господствуютъ въ нашемъ обществѣ и даже среди ученыхъ“ (стр. 177—8). Что касается женскаго воспитанія, то авторъ предоставляетъ руководящую роль въ этомъ дѣлѣ мужчинамъ: онъ вообще

Digitized by Google

не признаетъ умственнаго равенства между лицами обоего пола. „Въ душѣ женщины,—поясняетъ онъ,—преобладаетъ субъективность, которую вполнѣ подчинить, путемъ воспитанія, объективнымъ теченіямъ мышленія почти невозможно". Чтобы увеличить въ женскомъ интеллектѣ объективную силу на счетъ субъективной, воспитателями дѣвицъ должны быть не женщины, а мужчины. Слѣпые слѣпыхъ не водятъ. При дѣвочкахъ должны быть лишь женщины-надзирательницы, пекущіяся о поведеніи дѣвочекъ и ихъ отношеніяхъ къ окружающимъ; внутреннее-же ихъ развитіе должно всецѣло быть предоставлено мужчинамъ (стр. 206—7). По этому пункту, какъ и по нѣкоторымъ другимъ, взгляды автора вызовутъ, вѣроятно, вѣскія возраженія. Въ общемъ нельзя не признать, что книга д-ра Зеленскаго, по своему характеру и содержанію, составляетъ весьма пріятное явленіе въ нашей небогатой педагогической литературѣ.—Л. С.

Въ теченіе мая мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Александренко, В. Англійскій тайный совѣтъ и его исторія. Т. I, ч. 2 (1547-1649). Варш. 90. Стр. 144. Ц. 1 р. 25 к.

Альбовъ, М. Н. Пшеницыны. Романъ изъ петербургской жизни. Спб. 90. Стр. 358. Ц. 1 р. 25 к.

Аркадьевъ, Е. И. Чортъ не виноватъ! Разсказъ для народа и дѣтей. М. 90. Стр. 31. Ц. 8 к.

Архіереевъ, А. Сборникъ систематическихъ устныхъ и письменныхъ диктантовъ для начальныхъ городскихъ, сельскихъ и церковно-приходскихъ школъ. Спб. 90. Стр. 95. Ц. 25 к.

Бореніусъ, Г. Акты для выясненія политическаго положенія Великаго Княжества Финляндскаго. Гельсингфорсъ, 90. Стр. 56.

Бориневичъ, А. С. Очеркъ хлѣбной торговли въ Одессѣ. Съ приложеніемъ объяснительной записки Э. Б. Гарриса къ проекту земскихъ элеваторовъ въ Одессѣ. Од. 90. Стр. 110. Ц. 1 р.

Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина. Т. II. Спб. 90. Стр. 506. Ц. 5 р.

Булгаковъ, Ѳ. И. Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства. Т. I. Съ изобрѣтенія книгопечатанія по XVIII вѣкъ включительно. Спб. Изданіе Суворина. 1890. Ц. 3 р. 50 к.

Веберъ, К. инж.-техн. Винокуренное производство. Практическое руководство по винокуренію. Съ 43 рисунк. въ текстѣ. Спб. 90. Стр. 192. Ц. 1 р. 75 к.

Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ, отъ начала русской образованности до нашихъ дней. Вып. 24. Спб. 90. Стр. 97-144.

Виреніусъ, А. С. Заразныя болѣзни въ учебныхъ заведеніяхъ. 2-е, исправл. изд. Спб. 90. Стр. 128. Ц. 1 р. 25 к.

Головачева-Панаева, А. Я. Воспоминанія. Русскіе писатели и артисты. 1824-70. Спб. 90. Стр. 429. Ц. 1 р. 35 к.

Digitized by Google

Джаншіевъ, Гр. Перлъ Кавказа. Боржомъ, Абасъ-Туманъ, Зекаръ. Впечатлѣнія и мысли туриста. М. 90. Стр. 144. Ц. 75 к.

——— По поводу новой организаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ. М. 90. Стр. 24.

Камскій, А. Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. Ворон. 90. Стр. 120.

Карскій, М. Б. (Левинъ). Аккорды и звуки (Стихотворенія). Од. 90. Стр. 117.

Кикодзе, Т. С. Патологическая анатомія крови при крупозномъ воспаленіи легкихъ. Спб. 90. Стр. 128.

Киселевъ, О. М. Праздничный подарокъ маленькимъ ученикамъ. Рига, 90. Стр. 51. Ц. 25 к.

Котляревскій, И. П. Полное собраніе сочиненій на малороссійскомъ яз.: Энеида, Наталка-Полтавка, Москаль-Чаривныкъ, Ода до князя Куракина. Съ портретомъ, біографіею автора и словаремъ къ Энеидѣ, составл. С. П. Катрановымъ. Изд. 3, подъ ред. Н. Левицкаго. Од. 90. Стр. 494. Ц. 1 р.

Крафтъ-Эбингъ, д-ръ. Учебникъ психіатріи, на основаніи клиническихъ наблюденій для практическихъ врачей и студентовъ. Перев. А. Черемшанскій. 2-е изд. Спб. 90. Стр. 890. Ц. 5 р.

Кругловъ, А. На исторической рѣкѣ (Путевые негативы): 1. Женскій Аѳонъ. 2. Вѣчевой городъ. М. 90. Стр. 245. Ц. 1 р.

Крыловъ, проф. Обязательныя патолого-анатомическія изслѣдованія студентовъ-медиковъ имп. харьковскаго университета, выпуска 1890 г. Харьк. 90. Стр. 245.

Крыштафовичъ, Ѳ. Ѳ. Батумское побережье въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Спб. 90. Стр. 16.

Кугель, А. Безъ заглавія. Спб. 90. Стр. 268. Ц. 1 р. 25 к.

Лаппо-Данилевскій, А. Организація прямого обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты до эпохи преобразованій. Спб. 90. Стр. 555. Ц. 3 р. 50 к.

Латкинъ, Н. В. Красноярскій округъ енисейской губерніи. Спб. 90. Стр. 74. Ц. 75 к.

Лёббокъ, сэръ Джонъ. Утѣхи и радости жизни. Съ англ. 14-го изд. Перев. М. Ловцовой, съ предисл. А. Михайлова. Спб. 90.

М. М. Интеллигенція, какъ категорія капиталистическаго строя. Каз. 90. Стр. 52. Ц. 35 к.

Максимовъ, Евг. Статистическія таблицы населенныхъ мѣстъ Терской области. Пятигорскій отдѣлъ. Владикавк. 90. Стр. 77.

Миллеръ, Ор. Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Ч. I: Тургеневъ—Достоевскій. Ч. II: Гончаровъ, Писемскій, Салтыковъ, гр. Л. Н. Толстой. Спб. Стр. 364 и 490. Ц. 4 р.

Милюковъ, А. Литературныя встрѣчи и знакомства (Кокошкинъ, Языковъ, Гоголь, Введенскій, Сенковскій, Бутковъ, Герценъ, Достоевскій, Ап. Григорьевъ и Мей). Спб. Изданіе Суворина. 1890. 279 стр. Ц. 1 р.

Михайловъ, М. Адамъ Адамычъ. Романъ. Спб. 90. Стр. 417. Ц. 1 р. 25 к.

Нивинъ, А. Картинки дѣтства. Поэма. Спб. 90. Стр. 200. Ц. 1 р. 25 к.

Ноздревскій, А. Къ вопросу о патолого-анатомическихъ явленіяхъ при неразрѣшившейся фибринозной пневмоніи. Спб. 90. Стр. 37.

Петровъ, проф., М. Н. Лекціи по всемірной исторіи, издан. подъ ред. пр. В. К. Надлера. Т. IV: Исторія новыхъ вѣковъ. Вып. 1. Харьк. 90. Стр. 256. Ц. за 2 вып. 3 р. 50 к.

Digitized by Google

Пешель, Оск. Народовѣденіе. Перев. подъ ред. проф. Э. Петри, съ 6 изд., дополн. Кирхгоффомъ. Вып. 3. Спб. 90. Стр. 480. Ц. 1 р.

Плискій, Н. Н. Стихотворенія о страхованіи. Спб. 1889. Стр. 43. Ц. 30 к.

——— Женихъ безъ сапогъ. Водев. въ 1 д. Спб. 89. Стр. 32. Ц. 30 к.

——— Месть горничной. Водев. въ 1 д. Спб. 1889. Стр. 31.

——— О клептоманіи (врожденной наклонности къ воровству). Спб. 1884. Стр. 40. Ц. 50 к.

Полевой, П. Н. Братья-соперники. Историч. романъ изъ временъ правленія царевны Софьи. Спб. 90. Стр. 368. Ц. 1 р. 25 к.

Поповъ, Н. А. Акты московскаго государства, изданные Имп. Академіею наукъ. Т. I. Разрядный приказъ. Московскій столъ. 1571-1634. Спб. 90. Стр. 766.

Рубинштейнъ, А. Руководство къ открытію фальсификаціи въ винѣ безъ помощи аппаратовъ, легкимъ, общедоступнымъ способомъ. Вильна, 90. Стр. 36. Ц. 40 к.

Семеновъ, П. Ф. О поворотѣ Аму-Дарьи въ Каспійское море по чарджуйскому руслу. Тифл. 90. Стр. 13.

Созоновичъ, И. Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ (Этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи). Варш. 90. Стр. 80.

Соколовъ, Н. М. Иллюзіи поэтическаго творчества. Эпосъ и лирика графа А. К. Толстого. Спб. 90. Стр. 299. Ц. 2 р.

Соловьевъ, М. П. Алексѣй Владиміровичъ Вышеславцевъ. Спб. 90. Стр. 95.

Терскій, Н. С. Питейные сборы и акцизная система въ Россіи. Историч. очеркъ и настоящее положеніе. Спб. 90. Стр. 252. Ц. 1 р. 75 к.

Фалькнеръ, И. С. Самоубійства въ Одессѣ. Од. 90. Стр. 39. Ц. 50 к.

Фаминцынъ, А. С. Гусли, русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ, съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. Спб. 90. Стр. 135. Ц. 2 р.

Чеховъ, Ант. Хмурые люди. Разсказы. Спб. 90. Стр. 292. Ц. 1 р.

Янчукъ, Н. А. Этнографическое обозрѣніе. Кн. III. М. 89. Стр. 224. Ц. 1 р. 50 к.

Яснопольскій, Н. П. О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ и расходовъ въ Россіи. Ч. I: О географическомъ распредѣленіи государственныхъ доходовъ въ Россіи. Спб. 90. Стр. 234. Ц. 2 р.

Щепкина, Е. Старинные помѣщики на службѣ и дома. Изъ семейной хроники (1578-1762). Спб. Стр. 223. Ц. 1 р. 20 к.

Эльпе. Въ чемъ сила жизни? 2-е изд., дополн. „Популярныхъ очерковъ по естествознанію". Спб. 90. Стр. 320. Ц. 2 р.

Bobtschew, N. Die Gefühlslehre in ihren hauptsächlichen Gestaltungen von Kant bis auf unsere Zeit historisch-kritisch beleuchtet. Leipz. 88. Стр. 20.

Teplow, M. W. Recherches sur l'emplacement de champ de bataille au passage de Granique. Par. 1890. Стр. 21.

Traubenberg, Dr. Paul. Hauptverkehrswege Persiens. Halle a. S. 90. Стр. 191.

— Дешевая библіотека, № 103. Эсхилъ. Прикованный Прометей. Драма. Съ греч. перев. В. Алексѣевъ, съ введ. и примѣч.—№ 104. Мольеръ: Школа женъ, ком., перев. въ стих. В. С. Лихачева.—№ 105. Избранныя сочиненія имп. Екатерины II, кн. 1. Ц. 18, 23 и 28 коп.

— Карское море и его торговое значеніе. Спб. 90. Стр. 28.

— Обзоръ сельскаго хозяйства въ Полтавской губерніи за 1889 г., по сообщеніямъ корреспондентовъ. Полт. 90. Стр. 253.

Digitized by Google

— Общество для доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ. Отчетъ за 1888-89 гг. Спб. 90. Стр. 104.

— Отчетъ каменецъ-подольской коммиссіи Имп. человѣколюбиваго общества за 1889 г. Кам.-Под. 90. Стр. 16.

— Отчетъ общества попеченія о неимущихъ и нуждающихся въ защитѣ дѣтяхъ въ Москвѣ, за 1889 г. М. 90. Стр. 102.

— Отчетъ попечительства Имп. Маріи Александровны о слѣпыхъ за 1889 г. Спб. 90. Стр. 143.

— Отчетъ правленія одесскаго славянскаго общества за 1889 г. Од. 90. Стр. 47.

— Памятная книжка московскаго архива министерства юстиціи. М. 90. Стр. 234. Ц. 2 р.

— Рязанская губернія въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ корреспондентовъ за 1889 г. Вып. II. Осенній обзоръ. Ряз. 90. Стр. 221.

— Чтеніе въ Историческомъ обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 4. Изд. подъ ред. Н. П. Дашкевича. Кіевъ, 90. Стр. 141. Ц. 2 р. 50 к.

— Электрическіе звонки, ихъ примѣненіе, устройство, справочныя цѣны приборовъ, установка, ремонтъ и производство домашними средствами. Со многими рисунками и чертежами. Спб. 90. Стр. 60. Ц. 40.

— Bulletin de la Commission pénitentiaire internationale. Nouvelle série: livraison, I, II, III et IV.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

I.

— *E. de Cyon.* La France et la Russie. Paris, 1890. Стр. 58.

Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала „Nouvelle Revue" (отъ 15 апрѣля) была напечатана статья г. Ціона, которая вышла теперь отдѣльной брошюрою съ дополнительными примѣчаніями и съ краткимъ предисловіемъ. Имя г. Ціона (а не де-Сіона, какъ значится по-французски) достаточно извѣстно русской публикѣ. Послѣ недолгой профессорской дѣятельности по каѳедрѣ физіологіи, г. Ціонъ сдѣлался французскимъ журналистомъ, былъ главнымъ редакторомъ газеты „Gaulois", явился одно время соиздателемъ „Nouvelle Revue" и затѣмъ вдругъ сталъ выказывать какое-то особенное патріотическое усердіе въ духѣ покойнаго Каткова. Онъ выступилъ обличителемъ русской „либеральной" печати въ „Русскомъ Вѣстникѣ", причемъ позволилъ себѣ разныя инсинуаціи и клеветы того специфическаго свойства, которое исключаетъ возможность полемики по существу. Неизвѣстно, когда именно г. Ціонъ почувствовалъ въ себѣ внезапный приливъ спеціальнаго патріотизма; но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ успѣшно совмѣщаетъ роль бульварнаго парижскаго журналиста съ притязаніями суроваго русскаго патріота, проповѣдника „ежовыхъ рукавицъ"... Вотъ когда было бы кстати вспомнить о смѣси „нижегородскаго съ французскимъ"!

Само собою разумѣется, что такой писатель долженъ быть сторонникомъ тѣснаго союза между Франціею и Россіею. Г. Ціонъ написалъ свою брошюру для того, чтобы ускорить заключеніе союзнаго договора и предупредить великія катастрофы, угрожающія европейскому миру; такъ заявляетъ онъ самъ въ предисловіи. Онъ не просто высказываетъ свои личныя мнѣнія, какъ журналистъ, интересующійся политикою, а принимаетъ на себя таинственный видъ закулиснаго политическаго дѣятеля, посвященнаго въ государственныя тайны. Онъ готовъ сообщить публикѣ нѣкоторые секреты только въ видѣ особаго исключенія, подъ вліяніемъ брошюры Стоффеля. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этой публикаціею,—говоритъ онъ—„я рѣшаюсь прервать долгое молчаніе, которое я наложилъ на себя со времени смерти Каткова (?). Отношенія между

Digitized by Google

Франціей и Россіею, вышли, впрочемъ, изъ фазиса разсужденій и вступили въ фазисъ дѣйствія. Но настоящій моментъ принадлежитъ, я думаю, къ числу тѣхъ, когда молчаніе можетъ оказаться болѣе пагубнымъ, чѣмъ всякія разоблаченія". Публика, конечно, въ первый разъ узнаетъ о томъ, что г. Ціонъ наложилъ на себя молчаніе послѣ смерти Каткова; никто также не догадывался, что это молчаніе могло бы сдѣлаться пагубнымъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Г. Ціонъ заговорилъ теперь, въ виду опасныхъ колебаній французскаго общественнаго мнѣнія; „я рѣшаюсь—повторяетъ онъ въ другомъ мѣстѣ—выйти изъ моей сдержанности и приступить съ полною откровенностью къ щекотливому вопросу о соглашеніи или, если угодно, союзѣ между Россіей и Франціей".

Что̀ разумѣетъ Ціонъ подъ „сдержанностью" и какъ онъ понимаетъ „откровенность", можно видѣть изъ того, что онъ не стѣсняется мимоходомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, взводить на умершихъ людей самыя тяжкія обвиненія. Ему ничего не стоитъ сказать, что генералъ Милютинъ, графъ Лорисъ-Меликовъ и Головинъ (Головнинъ?) „старались сознательно (sciemment) вызывать катастрофы" (слово „sciemment" напечатано даже курсивомъ). „Все употреблялось ими,—разсказываетъ г. Ціонъ,—чтобы возбуждать волненія, безпорядки и неудовольствіе въ странѣ. Это они выдумали пресловутую ветлянскую чуму; это одинъ изъ ихъ сообщниковъ (!) пытался вызвать панику въ Петербургѣ, превративъ простой случай венерической болѣзни въ симптомы чумы. Поэтому возможно, что графа Милютина соблазняла мысль вовлечь Россію въ войну, пагубность которой онъ предвидѣлъ" (стр. 46). Высказывая такія возмутительныя и нелѣпыя обвиненія противъ людей, дѣятельность которыхъ была всѣмъ извѣстна, г. Ціонъ забылъ одну простую вещь, что этимъ онъ прямо подрываетъ, въ глазахъ французовъ, всю свою аргументацію въ пользу франко-русскаго союза, и нарушаетъ извѣстный совѣтъ: „ври, да знай же мѣру"! Странно предлагать французамъ довѣриться такому государству, въ которомъ министры, облеченные правительственною властью, могутъ сознательно стремиться къ катастрофамъ и подкапываться подъ государственные интересы. Г. Ціонъ объясняетъ французской публикѣ, что наши дипломаты всегда противодѣйствовали будто бы намѣреніямъ высшей власти, что они нарушали положительныя инструкціи и подчинялись секретнымъ внушеніямъ иностранныхъ кабинетовъ; что даже въ выборѣ лицъ на высшіе дипломатическіе посты наше министерство иностранныхъ дѣлъ руководствуется будто бы не интересами государства, а указаніями и совѣтами, получаемыми изъ-за границы, отъ чужихъ министровъ (напр., князя Бисмарка). Оттого разбивались всѣ планы и попытки дѣйстви-

Digitized by Google

тельнаго сближенія между Франціею и Россіею. Но еслибы это была правда, еслибы у насъ въ самомъ дѣлѣ существовала какая-то дипломатическая анархія, допускающая отдачу нашей политики въ руки иностранныхъ кабинетовъ, вопреки желаніямъ высшей власти, то съ кѣмъ же посовѣтуетъ г. Ціонъ заключить французамъ формальный союзный договоръ, столь настоятельно необходимый, по его мнѣнію?

По нѣкоторымъ намекамъ брошюры можно видѣть, что союзъ слѣдовало заключить съ „великимъ государственнымъ человѣкомъ и патріотомъ, Катковымъ", а теперь, пожалуй, можно имѣть дѣло съ „другомъ" его, г. Ціономъ. Авторъ серьезно разсказываетъ, что его разъ уже приняли въ Москвѣ за устроителя союза съ Франціей, такъ что роль таинственнаго дипломата, соединяющаго двѣ великія державы, не представляла бы для него ничего новаго или непривычнаго. „Въ февралѣ 1887 года,—говоритъ онъ,—я былъ вызванъ въ Москву Катковымъ. Это было время, когда оффиціозная нѣмецкая пресса, по поводу выборовъ въ рейхстагъ, съ неслыханною яростью нападала на Францію. Вѣсть о моемъ прибытіи въ Москву и о моихъ долгихъ совѣщаніяхъ съ Катковымъ распространилась въ городѣ, и на биржѣ передавался странный (дѣйствительно!) слухъ, что я привезъ проектъ союза между Россіею и Франціею. Чувство удовлетворенія между крупными представителями московскаго торговаго міра было настолько сильно, что на другой день явились ко мнѣ нѣкоторые купцы съ предложеніемъ устроить подписку „въ пользу бѣдныхъ французовъ, угрожаемыхъ этимъ мерзавцемъ Бисмаркомъ". Они увѣряли, что могутъ немедленно собрать большія суммы. Я имъ причинилъ истинную радость, объяснивъ, что Франція достаточно могущественна, чтобы оказать отпоръ нападающимъ, и даже достаточно богата, чтобы помочь намъ въ случаѣ надобности" (стр. 56). Хороши эти купцы, обрадовавшіеся союзу съ державою, въ пользу которой можно устраивать благотворительную подписку, но хорошъ также и г. Ціонъ, прибытіе котораго въ Москву было принято будто бы за политическое событіе, имѣющее связь съ отношеніями между Россіею и Франціею! Правда, москвичи ошиблись тогда, и г. Ціонъ не привезъ проекта союзнаго договора; но онъ могъ привезти въ другое время и можетъ привезти даже теперь,—и это есть уже своего рода утѣшеніе. Жаль только, что онъ не довѣряетъ русскимъ дипломатамъ, изъ которыхъ многіе, по его увѣренію, назначены просто княземъ Бисмаркомъ (см. напр. о баронѣ Моренгеймѣ въ Парижѣ, стр. 18 и др.). Г. Ціону пришлось бы поэтому вести теперь свои „долгія совѣщанія" развѣ съ княземъ Мещерскимъ.

Авторъ хочетъ убѣдить французовъ, что у насъ внѣшней поли-

Digitized by Google

тикою управлялъ собственно Катковъ, а министръ иностранныхъ дѣлъ ограничивался только тѣмъ, что велъ противъ него оппозицію и противодѣйствовалъ его дипломатическимъ планамъ, при помощи и подъ руководствомъ германскаго канцлера (стр. 20). Въ концѣ концовъ князь Бисмаркъ едва не побѣдилъ: „подпольный заговоръ, при участіи союзниковъ его (Бисмарка) въ русскихъ посольствахъ Парижа и Берлина, поколебалъ на нѣкоторое время положеніе Каткова, посредствомъ клеветническихъ доносовъ и подложныхъ писемъ". Эта адская интрига, какъ объясняетъ авторъ, была ближайшей причиною смерти „великаго русскаго патріота". „Во время страшной агоніи этого убѣжденнаго христіанина,—говоритъ далѣе г. Ціонъ,—послѣдняя его политическая мысль, идея франко-русскаго союза, не переставала занимать его ни на минуту. Мы убѣждены, что, произнося свои послѣднія слова: „Боже, Боже!"—онъ умственно рекомендовалъ Богу Францію и Россію" (стр. 26). Догадка автора объ этой удивительной рекомендаціи двухъ державъ Катковымъ передъ престоломъ Всевышняго есть все-таки только догадка г. Ціона, и мы думаемъ даже, что она вполнѣ неосновательна. Можно приписывать Каткову какіе угодно грѣхи и недостатки, но въ недостаткѣ ума его обвинить нельзя. Г. Ціонъ, что называется, уже пересолилъ въ своемъ усердіи. Дѣйствительная и вполнѣ практическая рекомендація сдѣлана была, по его разсказу, относительно самого г. Ціона: „я,—говоритъ онъ,—имѣлъ великую честь быть намѣченнымъ со стороны Каткова для приготовленія способовъ обширной финансовой операціи", состоявшей въ открытіи французскаго рынка для русскихъ фондовъ и въ устраненіи нашей зависимости отъ берлинскихъ банкировъ. Не знаемъ, насколько вѣрны свѣденія, разсказываемыя по этому предмету авторомъ; онъ передаетъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто всѣ послѣднія наши конверсіи задуманы и совершены не министерствомъ финансовъ, а лично имъ, г. Ціономъ (стр. 27—28). Въ успѣхѣ этихъ займовъ авторъ видитъ почему-то спеціальное доказательство любви и преданности французовъ по отношенію къ Россіи, тогда какъ гораздо проще считать пріобрѣтеніе русскихъ бумагъ выгоднымъ финансовымъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ не менѣе выгоднымъ, чѣмъ покупка испанскихъ фондовъ или акцій Панамскаго канала.

Политическія разсужденія и разоблаченія г. Ціона мы можемъ спокойно оставить въ сторонѣ, послѣ приведенныхъ образчиковъ его добросовѣстности, тактичности и проницательности.

Digitized by Google

II.

Colonel Villot. L'Alliance russe. Réponse à M. le Colonel Stoffel. Paris, 1890. Стр. 69.

Полковникъ Вильо разсуждаетъ болѣе скромно, чѣмъ г. Ціонъ, и не выдаетъ своихъ личныхъ мнѣній и поступковъ за важные политическіе акты, но и онъ ставитъ гипотезы, которыя можно назвать фантастическими, и приходитъ къ довольно рискованнымъ выводамъ. Г. Ціонъ предлагаетъ устроить новый тройственный союзъ—изъ Россіи Франціи и Австріи, съ цѣлью обезпечить общій миръ въ Европѣ; полковникъ Вильо думаетъ больше о войнѣ, какъ о печальной, но неизбѣжной необходимости. Тонъ автора—воинственный, рѣшительный; онъ повсюду видитъ опасные замыслы Берлина и совѣтуетъ твердо готовиться къ роковой борьбѣ.

Вильо полагаетъ, что Англія и Австрія будутъ дѣйствовать за-одно съ Германіей, чтобы имѣть право участія въ добычѣ; пруссаки имѣютъ будто бы секрэтные виды на Голландію и Скандинавію; англичане, по мнѣнію автора, не станутъ противъ этого возражать, если имъ позволятъ въ свою очередь завладѣть частью французскаго побережья, Калэ, Шербургомъ и цѣлымъ полуостровомъ Cotentin (гдѣ находится Шербургъ). На сближеніе съ Англіей нечего разсчитывать; единственная надежда —это союзъ съ Россіей. Полковникъ Вильо несравненно лучшаго мнѣнія о русской дипломатіи и политикѣ, чѣмъ г. Ціонъ: онъ весьма лестно, съ чисто французскою вѣжливостью, отзывается о нашей „цивилизаціи" и о нашихъ административныхъ порядкахъ. „Авторъ легко и быстро, по военному, рѣшаетъ политическіе, культурные и историческіе вопросы; его очеркъ франко-германскихъ сношеній, начиная съ Хлодвига, долженъ быть признанъ болѣе чѣмъ поверхностнымъ. Хвалебные отзывы такого автора о чужомъ государствѣ не имѣютъ, конечно, большой цѣны; но они любопытны, какъ признакъ извѣстнаго настроенія. „Еслибы,—говоритъ Вильо,—мы разсматривали Россію съ различныхъ точекъ зрѣнія—религіозной, политической и соціальной, намъ очень легко было бы показать, что она ни въ чемъ не ниже Германіи. Ея оружіе больше сдѣлало для всемірной цивилизаціи, чѣмъ весь запасъ нѣмецкихъ книгъ. Ея дипломатія, несравненная по искусству и настойчивости, совершила чудеса, ибо она больше завоевала миромъ, чѣмъ войною". Въ противоположность суровому владычеству англичанъ въ Индіи, наше правительство въ средней Азіи показало примѣръ „господства твердаго, либеральнаго и справедливаго,—однимъ словомъ христіанскаго (стр. 47-8),

Digitized by Google

Хорошія рѣчи пріятно слышать, но въ устахъ горячаго сторонника франко-русскаго союза эти похвалы имѣютъ какой-то особый „политическій“ оттѣнокъ, заставляющій относиться къ нимъ съ нѣкоторою долею скептицизма. Очевидно, Россія очень нужна французамъ, съ военной точки зрѣнія.

Трудно говорить серьезно о политическихъ комбинаціяхъ, обсуждаемыхъ или предлагаемыхъ авторомъ; въ нихъ слишкомъ много фантазіи. Аргументы военнаго свойства разсмотрѣны ужъ черезъ-чуръ бѣгло и едва-ли могутъ обратить на себя вниманіе спеціалистовъ. Вдобавокъ, Вильо обнаруживаетъ не только бонапартистскія, но и узкія клерикальныя симпатіи; онъ считаетъ напримѣръ, что „Италія совершила два великихъ преступленія: захватъ Рима и оставленіе погибающей Франціи безъ помощи“. Съ такими политическими понятіями едва-ли возможно достигнуть чего-либо реальнаго при современныхъ международныхъ условіяхъ.

III.

Antagonismus der englischen und russischen Interessen in Asien. Eine militär-politische Studie, von einem Reichsrathsabgeordneten. Mit einer Karte. Wien, 1890. Стр. 187. Ц. 2 р.

Весьма обстоятельный очеркъ послѣдовательнаго движенія Россіи въ средней Азіи, въ связи съ англо-русскими отношеніями, составленъ неизвѣстнымъ авторомъ для двоякой цѣли: во-первыхъ, чтобы убѣдить читателей въ необходимости противодѣйствовать опаснымъ предпріятіямъ и замысламъ Россіи, и, во-вторыхъ, чтобы доказать пользу и важность присоединенія Англіи къ среднеевропейскому союзу какъ для англичанъ, такъ и для Австріи и Германіи. Для автора было бы „въ высшей степени желательно“, чтобы въ случаѣ столкновенія союзныхъ державъ съ Россіею Франція вынуждена была сохранять вооруженный миръ подъ давленіемъ Англіи, ибо „мы разсматриваемъ такую войну (съ Россіею) какъ борьбу двухъ цивилизацій, и причисляемъ французовъ къ самымъ блестящимъ представителямъ западно-европейской культуры“. Участіе Франціи сдѣлало бы войну труднѣе и кровопролитнѣе; „борьба за могущество выступила бы рѣзче, и ея цивилизаторскій характеръ отступилъ бы на задній планъ“. Авторъ подробно доказываетъ намъ, что Россія стремится овладѣть Индіею, что она имѣетъ всѣ военныя преимущества предъ англичанами въ средней Азіи, и что англичане ни въ какомъ случаѣ не могутъ сами противодѣйствовать русскому наступленію, безъ могущественной поддержки среднеевропейскихъ державъ. Авторъ,

Digitized by Google

членъ австрійскаго рейхсрата, серьезнѣйшимъ образомъ обсуждаетъ планъ отобранія Кавказа у Россіи соединенными англо-турецкими силами, при содѣйствіи средне-европейскаго союза. Этотъ планъ кажется автору осуществимымъ, если исполненіе его будетъ совпадать съ русско-нѣмецкою борьбою. Авторъ входитъ въ разныя военно-политическія подробности, пользуется при этомъ значительною литературою предмета, не только нѣмецкою и англійскою, но и русскою, и выводитъ свои заключенія весьма аккуратно.

Какъ очеркъ среднеазіатскихъ и англо-русскихъ отношеній, книжка заслуживала бы вниманія, но политическая тенденція ея придаетъ всей работѣ какой-то безплодный, фантастическій характеръ. Если Россія думаетъ въ будущемъ завладѣть Индіею, то заботиться объ этихъ будущихъ намѣреніяхъ по меньшей мѣрѣ преждевременно и безцѣльно въ настоящее время. Нельзя защищаться отъ опасности, которой пока не существуетъ; а принимать охранительныя мѣры можно и безъ нелѣпыхъ проектовъ насильственнаго занятія Кавказа союзными войсками. Охранять Индію такими рискованными путями—значило бы навѣрное потерять ее. Такъ какъ англичане народъ практическій, то они конечно не соблазнятся разсужденіями австрійскаго депутата и предпочтутъ жить въ мирѣ и дружбѣ съ Россіею, чтобы не обострять вопросовъ и конфликтовъ, допускающихъ вполнѣ безобидное для обѣихъ сторонъ рѣшеніе. Авторъ брошюры, погружаясь въ свои военно-стратегическіе разсчеты, забываетъ ту простую вещь, что никакими искусственными комбинаціями нельзя устранить со сцены стихійную силу сто-милліоннаго народа, еслибы даже удалось временно одержать побѣду надъ государствомъ. Отодвинуть Россію отъ Балканскаго полуострова и очистить мѣсто для Австріи, отнять Кавказъ и обезопасить этимъ Индію—все это чистыя химеры уже потому, что для осуществленія ихъ потребовались бы коллоссальныя жертвы и усилія, на которыя никогда не рѣшились бы культурные народы Европы; притомъ подобныя цѣли не достигаются одною войною, и результаты никогда не могли бы считаться долговѣчными, какъ это ясно доказалъ опытъ севастопольской кампаніи и парижскаго трактата. Многіе мирные люди готовы выдумывать рядъ страшныхъ войнъ подъ предлогомъ обезпеченія мира въ будущемъ, и эта забота о фантастическомъ будущемъ доходитъ у иныхъ до рѣшимости пожертвовать настоящимъ, отъ которыхъ это будущее только и зависитъ. Не разъ предсказывалась уже война съ Англіею изъ-за среднеазіатскихъ дѣлъ, и чѣмъ больше выясняются дѣйствительные интересы обѣихъ сторонъ, тѣмъ болѣе отдаляется моментъ предполагаемой развязки, и тѣмъ сильнѣе распространяется убѣжденіе, что въ Азіи найдется достаточно мѣста для владѣній Англіи и Россіи.

Digitized by Google

Воинственные проекты, въ родѣ предлагаемаго авторомъ настоящей книжки, оправдываются отчасти неподходящими грозными разсужденіями нѣкоторой части нашей собственной журналистики относительно Англіи, Австріи и Германіи; иностранные публицисты принимаютъ этотъ тонъ за нѣчто серьезное и видятъ для своихъ народовъ дѣйствительныя опасности, отъ которыхъ нужно будто бы обезпечить Европу заранѣе. Въ недавнее еще время этотъ странный задоръ былъ у насъ въ модѣ, и вліяніе его замѣтно отразилось въ нѣкоторыхъ частностяхъ разбираемой брошюры. Въ заключеніе слѣдуетъ прибавить, что книга заключаетъ въ себѣ много свѣденій по данному предмету и что она далеко не проникнута легковѣснымъ шовинизмомъ, составляющимъ обычный удѣлъ подобныхъ военно-политическихъ изданій.—Л. С.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-го іюня 1890.

Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ послѣ ихъ преобразованія.—Личный составъ слушательницъ и распредѣленіе ихъ по отдѣленіямъ.—Вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ.—Открытіе интерната.—Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета.—Открытіе первой сельской общественной библіотеки.

Истекшій учебный годъ былъ первымъ годомъ существованія петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ въ ихъ новомъ, преобразованномъ видѣ. Полныхъ свѣденій о дѣятельности ихъ за этотъ періодъ времени пока еще нѣтъ, но нѣкоторыя данныя, сюда относящіяся, можно найти въ напечатанномъ недавно отчетѣ общества доставленія средствъ высшимъ женскимъ курсамъ за 1888-89 г. (т.-е. за послѣдній годъ существованія курсовъ на прежнихъ, теперь уже отмѣненныхъ, основаніяхъ). Число слушательницъ и въ томъ, и въ другомъ году было почти одно и тоже (въ 1888-89 г.—140, въ 1889-90 г.—144); но это равенство кажущееся. Въ 1888-89 г. на курсахъ были только слушательницы, оканчивающія ученье, въ 1889-90—только слушательницы его начинающія, а послѣднихъ всегда и вездѣ бываетъ сравнительно больше, чѣмъ первыхъ. Другими словами, оканчиваютъ ученье далеко не всѣ, къ нему приступающіе. Когда группа, завершившая свое образованіе въ 1888-89 г., только-что поступила на курсы, она заключала въ себѣ, безъ сомнѣнія, гораздо больше 140 лицъ, и наоборотъ, изъ числа слушательницъ, поступившихъ на курсы осенью 1889 г., окончатъ ученье, въ 1893 г., навѣрное гораздо меньше, чѣмъ сто-сорокъ-четыре. Мы слышали, что ихъ ряды уже теперь значительно порѣдѣли. Между тѣмъ даже первоначальная ихъ цифра уступала той, на которую разсчитывалъ комитетъ общества высшихъ курсовъ, и которую предусматривало правительство; предполагалось ограничить пріемъ 150 слушательницами, но, по просьбѣ комитета, разрѣшено было принять ихъ, въ видѣ исключенія, до двухсотъ.

Любопытно сравнить, далѣе, прежнее и нынѣшнее распредѣленіе слушательницъ между отдѣленіями. Самымъ многочисленнымъ отдѣленіемъ было прежде физико-математическое (въ 1888-89 г. 93 слушательницы); за нимъ слѣдовало словесное (38 слушательницъ), потомъ спеціально-математическое (9 слушательницъ). Теперь на курсахъ только два отдѣленія—словесное и физико-математическое; но

Digitized by Google

послѣднее соотвѣтствуетъ, по своей программѣ, не прежнему отдѣленію того же имени, а прежнему спеціально-математическому. На словесное отдѣленіе записалось 92 слушательницы, на физико-математическое—37 (о томъ, какое отдѣленіе избрали остальныя пятнадцать слушательницъ, въ отчетѣ свѣденій нѣтъ). Итакъ, процентъ учащихся на словесномъ отдѣленіи увеличился весьма сильно—но и на физико-математическомъ отдѣленіи оказалось не такъ мало слушательницъ, какъ можно было бы ожидать, судя по опыту прежняго спеціально-математическаго отдѣленія. Какъ объяснить это явленіе? Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что всего больше привлекали къ себѣ женскую учащуюся молодежь естественныя науки, въ томъ видѣ и объемѣ, въ какомъ онѣ преподавались на прежнемъ физико-математическомъ отдѣленіи. Когда онѣ были исключены изъ программы новыхъ курсовъ, бо́льшая часть слушательницъ по необходимости обратилась къ словесному отдѣленію, потому что занятія высшей математикой далеко не для всѣхъ по сердцу и по силамъ. Нашлось, однако, не мало слушательницъ, въ которыхъ интересъ къ точнымъ наукамъ взялъ верхъ надъ всѣми другими соображеніями; возможность изученія физики и химіи примирила ихъ съ необходимостью изученія математики—и онѣ поступили на физико-математическое отдѣленіе. Въ обоихъ отдѣленіяхъ оказались, такимъ образомъ, слушательницы по-неволѣ, занимающіяся не тѣмъ, къ чему онѣ чувствуютъ наибольшее призваніе, и это едва-ли можетъ способствовать устойчивости состава слушательницъ и успѣшности ихъ занятій. Весьма можетъ быть, что сравнительная многочисленность слушательницъ на физико-математическомъ отдѣленіи,—замѣнившемъ собою, повторяемъ еще разъ, прежнее спеціально-математическое отдѣленіе, зависитъ также отъ персонала преподавателей словеснаго отдѣленія,—на которомъ О. Ѳ. Миллера замѣнили гг. Смирновъ и Новопашенный, а древнюю исторію читаетъ спеціалистъ по древнимъ языкамъ (г. Зелинскій).

Въ 1888-89 г. слушательницы высшихъ курсовъ распредѣлялись по сословіямъ слѣдующимъ образомъ: дочерей дворянъ и чиновниковъ было 77 (55%), изъ духовнаго званія—21 (15%), купеческаго сословія—20 (14½%), мѣщанскаго сословія—18 (13%), крестьянскаго сословія—3 (2%), дочь раввина—1. Мало измѣнились, въ 1889-90 г., только цифры учащихся изъ купеческаго сословія (19) и изъ крестьянъ (2); значительно понизилось число учащихся духовнаго званія (девять, т.-е. около 6%) и мѣщанокъ (пять, т.-е. около 3½%); значительно повысилось число учащихся изъ дворянскаго и чиновничьяго круга (сто-одиннадцать, т.-е. болѣе 77%). Православныхъ, между слушательницами, было въ 1888-89 г. сто-шесть (около

Digitized by Google

75%), въ 1889-90 г.—сто-тридцать (почти 90%). Число слушательницъ еврейскаго исповѣданія уменьшилось впятеро (вмѣсто двадцати-пяти—пять). Послѣднее вполнѣ понятно, такъ какъ новыми правилами о высшихъ курсахъ число слушательницъ не-христіанокъ ограничено тремя процентами общаго числа учащихся; но чѣмъ объяснить громадное повышеніе процента слушательницъ изъ среды семействъ привилегированныхъ и православныхъ? Нѣкоторую роль играетъ здѣсь, безъ сомнѣнія, повышеніе платы за слушаніе лекцій (съ 50 рублей до ста)—но оно едва-ли могло имѣть вліяніе на уменьшеніе числа иновѣрныхъ слушательницъ. Разрѣшеніе вопроса заключается, быть можетъ, въ данныхъ, относящихся къ отказамъ въ принятіи на курсы—данныхъ, которыхъ нѣтъ въ разсматриваемомъ нами отчетѣ комитета.

Съ преобразованіемъ курсовъ значительно возросла сумма обязательныхъ для нихъ расходовъ. При прежнихъ порядкахъ содержаніе получали, кромѣ преподавателей, только два лица: помощница распорядительницы—900 рублей и письмоводительница—600 рублей, всего 1.500 рублей. Теперь въ смѣту курсовъ внесены слѣдующіе расходы: жалованье инспектрисѣ—2.000 рублей, помощницѣ ея—800 рублей, письмоводителю—600 рублей, завѣдующему домомъ—900 р., библіотекарю—240 рублей, квартира инспектрисы съ отопленіемъ—350 рублей, всего—4.890 рублей. Въ близкомъ будущемъ къ этой суммѣ прибавится еще около $2^1/_2$ тысячъ на содержаніе помощницъ инспектрисы, такъ какъ ихъ по штату должно быть четыре. Это еще не все: пособіе въ три тысячи рублей, которое курсы получали отъ министерства народнаго просвѣщенія, обращено теперь на содержаніе директора курсовъ, а назначеніе новаго пособія отложено на неопредѣленное время. Увеличеніе расходовъ и потеря дохода составляютъ, вмѣстѣ взятые, болѣе шести тысячъ рублей. Отсюда необходимость возвышенія платы за слушаніе лекцій, тѣмъ болѣе настоятельная, что общее число слушательницъ, на всѣхъ четырехъ курсахъ, ограничено четырьмя стами, тогда какъ ихъ бывало прежде до восьмисотъ и болѣе... Комитетъ общества ходатайствовалъ объ оставленіи при курсахъ, на должностяхъ административныхъ, всѣхъ прежде занимавшихъ эти должности—но ходатайство его увѣнчалось успѣхомъ только по отношенію къ одному лицу (завѣдывающему библіотекой). Отклонено также ходатайство о возложеніи обязанностей попечительнаго совѣта курсовъ на комитетъ общества или о соединеніи совѣта и комитета въ одно совѣщаніе—но членами совѣта назначены нѣкоторыя изъ лицъ, намѣченныхъ комитетомъ (между прочимъ—товарищъ предсѣдателя комитета, Н. В. Пясецкій, и казначей комитета, В. П. Тарновская). Нельзя не замѣтить, вообще,

Digitized by Google

что высшіе женскіе курсы, въ настоящемъ видѣ, являются учрежденіемъ весьма своеобразнымъ. Они составляютъ, какъ сказано въ временномъ положеніи 3 іюня 1889 г., *частное учебное заведеніе*— а между тѣмъ *всѣ* завѣдывающія ими лица (директоръ, инспектриса, предсѣдатель и члены попечительнаго совѣта) *назначаются* министерствомъ народнаго просвѣщенія. Директоръ курсовъ, въ свою очередь, приглашаетъ преподавателей, инспектриса избираетъ себѣ помощницъ; частное учебное заведеніе управляется, значитъ, совершенно по образцу казенныхъ.

Когда обществу высшихъ женскихъ курсовъ объявлены были, въ мартѣ 1889 г., условія, при которыхъ возможно дальнѣйшее существованіе курсовъ,—исключеніе изъ программы физико-математическаго отдѣленія физіологіи, естественной исторіи и гистологіи было мотивировано тѣмъ, что эти предметы входятъ въ число наукъ, которыя будутъ преподаваться въ проектируемомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ. Общество, желая предупредить, во что бы то ни стало, закрытіе курсовъ, подчинилось всѣмъ предложеннымъ ему условіямъ, но ходатайствовало передъ министерствомъ объ измѣненіи ихъ, между прочимъ, по отношенію къ преподаванію естественныхъ наукъ. На высшихъ женскихъ курсахъ,—сказано въ представленіи комитета, остающемся пока безъ всякихъ послѣдствій, — „естественная исторія должна имѣть совершенно другое значеніе, чѣмъ въ проектируемомъ медицинскомъ институтѣ: она должна имѣть значеніе *общеобразовательное*, признаваемое за нею большинствомъ педагоговъ. Такой взглядъ на естественную исторію, очевидно, раздѣляется и правительствомъ, такъ какъ преподаваніе ея издавна введено во многихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, не только мужскихъ, но и женскихъ, и между прочимъ въ женскихъ гимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія; оно существуетъ также и на женскихъ педагогическихъ курсахъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, гдѣ готовятся преподавательницы для женскихъ учебныхъ заведеній. По очевиднымъ причинамъ, въ интересахъ воспитанія, слѣдуетъ желать, чтобы въ низшихъ и среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе естественной исторіи было поручаемо не мужчинамъ, а женщинамъ. Чтобы быть разумной и полезной преподавательницей естественной исторіи, даже въ низшихъ классахъ женскаго учебнаго заведенія, сама учительница, безъ сомнѣнія, не можетъ ограничиться только тѣми познаніями, которыя даются курсами этого предмета въ низшихъ классахъ женскихъ среднеучебныхъ заведеній. Ей необходимо пройти еще разъ общій курсъ естественной исторіи въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, съ бо́льшею основательностью. Для указанной цѣли нѣтъ никакой нужды на выс-

Digitized by Google

шихъ женскихъ курсахъ изучать подробно физіологію или гистологію, но общіе курсы минералогіи, ботаники и зоологіи, безъ стремленія къ спеціализаціи, составляютъ необходимую существенную часть общаго физико-математическаго образованія. Безъ этихъ предметовъ немыслимо сколько-нибудь серьезное познаніе даже географіи, введеніе которой въ программу высшихъ женскихъ курсовъ также крайне желательно, особенно въ виду того, что географія преподается повсюду, и въ низшихъ классахъ женскихъ учебныхъ заведеній преподаваніе ея весьма часто возлагается на учительницъ. Высшіе женскіе курсы, преслѣдующіе цѣли высшаго общаго образованія, не могутъ и не должны упускать изъ вида, что обязанности воспитательницы и преподавательницы, безъ сомнѣнія, всегда будутъ удѣломъ большинства ихъ питомицъ: для однѣхъ—какъ прямо избравшихъ себѣ педагогическую профессію, для другихъ—какъ матерей и старшихъ членовъ семьи, на долю которыхъ естественно выпадаютъ, хотя и въ болѣе тѣсномъ семейномъ кругу, подобныя же обязанности воспитанія и обученія дѣтей, младшихъ братьевъ и сестеръ. Въ интересахъ семьи, въ высшей степени желательно, чтобы на курсахъ введено было преподаваніе общихъ основаній педагогики, гигіены и агрономіи въ размѣрахъ, необходимыхъ для воспитательницы, матери, хозяйки. Безъ общеобразовательнаго естествознанія преподаваніе названныхъ прикладныхъ предметовъ будетъ лишено своей необходимой основы. Интересы семьи и общаго образованія вполнѣ совпадаютъ и съ стремленіями министерства народнаго просвѣщенія, выступившаго на плодотворный путь развитія въ нашемъ отечествѣ профессіональнаго образованія. По мѣрѣ учрежденія разнообразныхъ профессіональныхъ школъ, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, понадобится для безпрепятственнаго и правильнаго ихъ развитія многочисленный персоналъ преподавателей и преподавательницъ, и подготовленныя къ этой роли женщины окажутся крайне полезными и необходимыми". Эта аргументація такъ убѣдительна, что трудно повѣрить въ совершенную ея безплодность. Мы надѣемся, что возстановленіе преподаванія естественныхъ наукъ на высшихъ женскихъ курсахъ—только вопросъ времени, и времени не особенно отдаленнаго. Весьма полезно было бы, конечно, пойти нѣсколько дальше границы, передъ которою останавливается комитетъ, и включить въ программу физико-математическаго отдѣленія, вмѣстѣ съ минералогіей, зоологіей и ботаникой,—анатомію и физіологію; но если предубѣжденіе противъ этихъ послѣднихъ наукъ еще слишкомъ сильно, то цѣннымъ пріобрѣтеніемъ была бы и одна естественная исторія, въ тѣсномъ смыслѣ слова. Не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе выдающіеся научные труды бывшихъ слушательницъ высшихъ

Digitized by Google

курсовъ относятся именно къ области естествознанія (укажемъ, для примѣра, на труды госпожи Погожевой—по физіологіи, госпожи Соломко—по минералогіи, госпожи Рудинской—по химіи, госпожи Россійской—по зоологіи). Вмѣстѣ съ наплывомъ слушательницъ въ *прежнее* физико-математическое отдѣленіе, не доказываетъ ли это съ полною ясностью особую распространенность, между образованными женщинами, стремленія и способности къ занятіямъ естественными науками?

Единственнымъ утѣшительнымъ результатомъ новой организаціи высшихъ женскихъ курсовъ является открытіе при нихъ интерната. Мысль объ устройствѣ общежитій давно уже занимала общество высшихъ курсовъ, но скорѣйшему ея исполненію безспорно способствовало требованіе министерства, включенное въ число условій пріема иногородныхъ слушательницъ. Интернатъ устроенъ почти рядомъ съ курсами, на сорокъ слушательницъ; за триста рублей каждая изъ нихъ получаетъ помѣщеніе и полное содержаніе съ 1-го августа по 1-е іюня. Освобожденныя отъ житейскихъ заботъ, обставленныя всѣми необходимыми удобствами, обитательницы интерната могутъ сберечь массу силъ и посвятить все свое рабочее время научнымъ занятіямъ. Изъ числа ста-сорока-четырехъ слушательницъ, поступившихъ на курсы осенью 1889 г., восемьдесятъ получили первоначальное образованіе въ предѣлахъ петербургскаго учебнаго округа, шестьдесятъ четыре—въ другихъ учебныхъ округахъ. При отсутствіи интерната, большинство послѣднихъ вовсе не могли бы поступить на курсы, или приступили бы къ занятіямъ, при условіяхъ крайне тяжелыхъ и неблагопріятныхъ для здоровья.

1-го мая исполнилось двадцать-пять лѣтъ со времени открытія младшаго изъ нашихъ университетовъ—одесскаго, или, по оффиціальной терминологіи, новороссійскаго (сибирскій, покамѣстъ, не можетъ еще идти въ счетъ, потому что весь состоитъ изъ одного только факультета). Изъ исторической записки, прочитанной на торжественномъ университетскомъ актѣ, мы узнаемъ, между прочимъ, что на долю Одессы университетъ достался не безъ бою. Ея права на обладаніе высшимъ учебнымъ заведеніемъ были, повидимому, безспорны уже потому, что у нея былъ издавна ришельевскій лицей, соотвѣтствовавшій, болѣе или менѣе, юридическому факультету. Это не помѣшало, однако, появленіе конкуррента, имѣвшаго довольно серьезные шансы успѣха. Послѣ войны, положившей конецъ почти на четверть вѣка существованію черноморскаго флота, городъ Николаевъ потерялъ бо̀льшую часть своего прежняго значенія; незаня-

Digitized by Google

тыми остались здѣсь огромныя зданія, принадлежавшія морскому вѣдомству. Николаевскому военному губернатору, вице-адмиралу Глазенапу, пришло на мысль, что эти зданія могли бы быть обращены въ помѣщеніе для университета, открытіе котораго остановило бы дальнѣйшій упадокъ города. На сторону этого проекта склонился и великій князь генералъ-адмиралъ, нашедшій поддержку въ министрѣ народнаго просвѣщенія, А. В. Головнинѣ, и въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевѣ. Въ особенности горячо стоялъ за Николаевъ П. А. Валуевъ, находившій, что лучше всего открывать университеты въ тихихъ, небольшихъ городахъ, въ родѣ Оксфорда или Кембриджа. За Одессу вступился тогдашній новороссійскій генералъ-губернаторъ, графъ А. Г. Строгановъ. Онъ замѣтилъ, что западно-европейскіе университеты основывались въ небольшихъ городахъ лишь до тѣхъ поръ, пока наука была достояніемъ немногихъ, а не всего народа. Теперь молодые питомцы университетовъ развиваются не только по лекціямъ профессоровъ, но и въ соприкосновеніи съ обществомъ. Открытіе университета въ Николаевѣ было бы, по мнѣнію гр. Строганова, гибельно для молодыхъ людей, „ибо съ кѣмъ имъ пришлось бы тамъ дѣлиться мыслями: не съ адмиралтейскими ли поселенцами, заштатными чинами черноморскаго вѣдомства, матросами или хотя и учеными, но спеціалистами-моряками? А если Николаевъ, какъ можно ожидать (и, прибавимъ отъ себя, какъ дѣйствительно и случилось), пріобрѣтетъ еще разъ утраченное значеніе? Вѣдь если оставаться вѣрнымъ мысли о преимуществѣ малонаселенныхъ пунктовъ, то придется опять перевести университетъ въ какой-нибудь неважный степной городъ“. Соображенія гр. Строганова, поддержанныя ходатайствами бессарабскихъ дворянъ и одесскихъ гражданъ, а также отзывами печати, убѣдили и А. В. Головнина, и государственный совѣтъ, и дѣло было окончательно рѣшено въ пользу Одессы. Всю эту забытую исторію не мѣшаетъ имѣть въ виду теперь, когда вновь начинаютъ толковать о пользѣ перевода университетовъ куда-нибудь подальше, въ глушь, въ медвѣжій уголъ. Примѣръ западной Европы, по справедливому замѣчанію гр. Строганова, здѣсь ни при чемъ; новѣйшіе германскіе и англійскіе университеты открываются именно въ большихъ городахъ или въ столицахъ (Берлинъ, Мюнхенъ, Лондонъ, Страсбургъ). Да и много ли общаго между захолустьями западноевропейскими и русскими? Можно ли сравнить Іену или Марбургъ, Грейфсвальде или Эрлангенъ—не только съ нашими уѣздными городами, но и съ громаднымъ большинствомъ губернскихъ? Велико ли сходство между Оксфордомъ и Смоленскомъ, между Тюбингеномъ и Новгородомъ? Не говоря уже о разстояніяхъ, дѣлающихъ Боннъ какъ бы предмѣстьемъ Кельна,

Digitized by Google

Гейдельбергъ какъ бы предмѣстьемъ Франкфурта-на-Майнѣ, даже самый отдаленный нѣмецкій городъ имѣетъ умственные рессурсы, у насъ доступные только столицамъ и еще немногимъ провинціальнымъ центрамъ. Въ строѣ и теченіи нашей уѣздной и губернской жизни крайне мало благопріятствующаго умственной работѣ. Съ раннихъ лѣтъ погружаясь въ эту обстановку, университетская молодежь начинала бы свою самостоятельную дѣятельность съ слишкомъ небольшимъ запасомъ энергіи, съ слишкомъ мало развитой силой противодѣйствія. Еще скорѣе, чѣмъ теперь, совершался бы переходъ отъ свѣжести къ застою, отъ стремленій впередъ къ примиренію съ рутиной. Сѣренькій колоритъ, лежащій на нашей обыденной дѣйствительности, охватилъ бы собою и періодъ университетскихъ занятій; воспоминанія о немъ перестали бы служить источникомъ бодрости, противовѣсомъ позднѣйшему житейскому гнету. Возвращаясь къ новороссійскому университету, замѣтимъ, что высшій пунктъ его развитія не совпадаетъ съ его двадцати-пяти-лѣтнимъ юбилеемъ. Какъ и въ другихъ нашихъ университетахъ, число студентовъ въ Одессѣ находится въ періодѣ пониженія, и это тѣмъ ярче бросается въ глаза, что особенно значительнымъ оно не было и въ эпоху наибольшаго процвѣтанія университета. Максимальная цифра студентовъ (въ 1886 г.) была 588; теперь ихъ 428. Вновь вступило въ студенты, въ 1889 г., меньшее число лицъ, чѣмъ *въ первый годъ* существованія университета (143—178). Неутѣшительно также распредѣленіе студентовъ между факультетами. Было время, когда на физико-математическомъ факультетѣ числилось въ Одессѣ около двухсотъ-двадцати студентовъ, на историко-филологическомъ—около ста-двадцати; теперь на первомъ ихъ только 152, на послѣднемъ—*сорокъ два*. Нужно надѣяться, что новые учебные планы историко-филологическаго факультета увеличатъ и здѣсь число молодыхъ людей, посвящающихъ себя изученію общеобразовательныхъ предметовъ, и уменьшатъ наплывъ студентовъ на юридическій факультетъ, меньше всего противодѣйствующій модному, узко-практическому направленію [1]).

Въ нашей столичной печати осталось слишкомъ мало замѣченнымъ скромное, но весьма утѣшительное явленіе—открытіе первой сельской общественной библіотеки. Крестьяне давно уже привыкли пользоваться книгами библіотекъ, устроенныхъ при большинствѣ земскихъ школъ, но мы не помнимъ случая устройства деревенской библіотеки, не связанной съ школой и предназначенной, если не исклю-

[1]) Медицинскій факультетъ въ Одессѣ еще не открытъ, хотя о томъ много разъ ходатайствовали представители администраціи и городского самоуправленія.

Digitized by Google

чительно, то преимущественно для взрослыхъ крестьянъ. Починъ новому дѣлу положенъ въ селеніи Марковкѣ, марковской волости, лебединскаго уѣзда, харьковской губерніи. Подробныя свѣденія о немъ мы заимствуемъ изъ „Южнаго Края", куда они были сообщены правленіемъ харьковскаго общества распространенія грамотности въ народѣ [1]). Первая мысль объ открытіи сельской общественной библіотеки принадлежитъ учителю и законоучителю марковской школы, Ѳ. Н. Литкевичу, и попечителю ея, В. М. Добросельскому; поводомъ къ возникновенію ея послужилъ постоянно возроставшій запросъ на чтеніе со стороны бывшихъ учениковъ школы. Въ декабрѣ 1888 г. состоялось постановленіе марковскаго волостного схода объ открытіи библіотеки, на которую изъ волостныхъ суммъ было ассигновано десять рублей. Со всѣхъ сторонъ стали стекаться пожертвованія книгами, деньгами и вещами (книжными шкафами и т. п.), такъ что библіотека, открытая 26-го ноября 1889 г., имѣла къ 1-му января нынѣшняго года 2.419 книгъ, стоимостью до 1.000 рублей. Министерство народнаго просвѣщенія ассигновало на первоначальное обзаведеніе библіотеки 125 рублей. Въ составъ правленія библіотеки входятъ землевладѣльцы, священники, учителя, учительницы и крестьяне (школъ въ марковской волости, повидимому, всего три). По словамъ Ѳ. Н. Литкевича, народъ очень доволенъ устройствомъ библіотеки. Въ первые же три-четыре дня послѣ открытія взято было изъ нея, для чтенія, до четырехсотъ книгъ; такой же запросъ продолжался и далѣе, возбуждая опасенія насчетъ возможности удовлетворенія всѣхъ требованій. Въ теченіе одного мѣсяца взявшихъ книги было: взрослыхъ, свыше 15 лѣтъ—487, дѣтей—856. Хотя крестьяне обнаружили интересъ ко всякаго рода книгамъ, но замѣчено, что люди пожилые предпочитаютъ религіозное чтеніе; молодые хозяева—хозяйственныя книги; молодежь—историческія и по естествознанію; дѣтя—повѣсти, разсказы и сказки. За книгами приходятъ и пріѣзжаютъ даже изъ наиболѣе отдаленныхъ мѣстъ волости и обходятся съ ними весьма осторожно. Многіе крестьяне, возвращая книги, даютъ какія-нибудь суммы, отъ копѣйки, или въ видѣ платы за чтеніе, или въ видѣ пожертвованій въ пользу библіотеки. Для интересующихся вопросомъ, какимъ образомъ возможно устроить сельскую общественную библіотеку, харьковское общество предлагаетъ, на основаніи опыта, слѣдующую программу дѣйствій: волостной сходъ, составивъ постановленіе объ устройствѣ библіотеки, долженъ выбрать

[1]) Предсѣдатель этого общества, профессоръ Шимкевичъ (Харьковъ, Конторская улица, № 11), принимаетъ и теперь пожертвованія въ пользу марковской библіотеки, а также другой, проектируемой въ с. Липцахъ (харьковской губерніи и уѣзда).

Digitized by Google

уполномоченныхъ и имъ поручить подачу прошенія, черезъ уѣздный училищный совѣтъ или инспектора народныхъ училищъ, директору народныхъ училищъ объ исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе библіотеки. За полученіемъ разрѣшенія должно слѣдовать избраніе правленія или попечительства библіотеки. Въ составъ библіотеки допускаются всѣ книги, дозволенныя цензурою, кромѣ тѣхъ, которыя не разрѣшены для библіотекъ городскихъ и при среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также тѣхъ, которыя почему-либо признаются несоотвѣтствующими задачамъ и цѣлямъ сельской библіотеки. Послѣднія слова для насъ не совсѣмъ ясны; кто же рѣшаетъ, къ какому разряду должна быть отнесена книга—соотвѣтствующихъ или несоотвѣтствующихъ? Казалось бы, что къ сельскимъ библіотекамъ можно было бы вполнѣ примѣнить правила, установленныя для библіотекъ городскихъ. Книги, не подходящія для крестьянъ, не станетъ покупать ни одно разумно организованное попечительство. Какъ бы то ни было, нельзя не пожелать, чтобы примѣръ, данный марковскою волостью, нашелъ какъ можно больше подражателей. Сельскія общественныя библіотеки составляютъ необходимое дополненіе къ сельскимъ школамъ и самое надежное средство противъ рецидива безграмотности.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ.

I.—Отъ Совѣта Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ.

Въ общемъ собраніи членовъ Общества, 25-го марта сего года, постановлено: въ ознаменованіе 300-лѣтняго юбилея г. Саратова, имѣющаго совершиться въ маѣ 1891 года, составить и издать отъ имени Общества и въ пользу его: „Очерки по исторіи развитія Саратовской печати", пригласивъ къ участію въ этомъ трудѣ, по выработанной программѣ, по возможности, большее число лицъ, могущихъ по своимъ былымъ или настоящимъ отношеніямъ къ мѣстному обществу и мѣстной печати, сдѣлать вкладъ въ проектируемые „Очерки".

Въ исполненіе этого постановленія, Совѣтъ имѣетъ честь обратиться ко всѣмъ общественнымъ и литературнымъ дѣятелямъ съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ доставленіи ему всякаго рода свѣденій, сообщеній и вообще сырого матеріала, какъ рукописнаго, такъ и печатнаго, а также, если возможно, обработанныхъ статей и замѣтокъ, касающихся возникновенія и развитія Саратовской періодической прессы, изданныхъ въ Саратовскомъ краѣ книгъ, брошюръ, сборниковъ, календарей и пр., и характеристикъ представителей мѣстной печати и Общества.

Совѣтъ ручается за цѣлость и сохранность присланнаго ему матеріала, который будетъ возвращенъ его владѣльцамъ по минованіи въ немъ надобности.

Ниже прилагается программа „Очерковъ", но Совѣтъ будетъ глубоко признателенъ за всякаго рода сообщенія, хотя и не входящія въ рамки намѣченной программы. Всѣ сообщенія должны быть дѣлаемы на имя предсѣдателя совѣта общества Н. П. Фролова.—Саратовъ, Малая Сергіевская улица, свой домъ.

Программа „Очерковъ по исторіи развитія Саратовской печати".

I. Время зарожденія печати въ Саратовѣ и ея дальнѣйшее развитіе съ общей характеристикой тогдашняго общества.

II. Вліяніе эпохи реформъ на мѣстную печать въ связи съ вліяніемъ на общество.

III. Мѣстныя русскія и нѣмецкія періодическія изданія („Саратовскія Губернскія Вѣдомости", „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости", „Коммерческій Листокъ", „Саратовскій Листокъ", „Саратовскій Дневникъ". „Листокъ объявленій" въ Саратовѣ, „Волга", „Вольскій Листокъ объявленій", „Волго-Донской Листокъ"—въ Царицынѣ, „Братская Помощь" и др.).

IV. Цензура въ Саратовѣ прежде и теперь.

V. Русскіе и нѣмецкіе календари, адресъ-календари и памятныя книжки. Обзоръ ихъ.

Digitized by Google

VI. Мѣстныя книги и брошюры. Изданія губернскаго статистическаго комитета, земства и городского управленія. Обзоръ ихъ.

VII. Статистическія данныя о распространеніи произведеній мѣстной печати (газетъ и книгъ).

VIII. Типографіи, книжные магазины и библіотеки въ Саратовѣ и его уѣздахъ.

IX. Характеристика отдѣльныхъ представителей мѣстной печати и общества. (Епископъ Іаковъ, архимандритъ Никодимъ, А. Ф. Леопольдовъ, Жукова, Домогацкая, Тихменевъ, Никольскій, Леопольдовъ, Палимпсестовъ, Макашинъ, Чернышевскій, Костомаровъ, Мордовцевъ, Блюммеръ и др.).

X. Возникновеніе и дѣятельность мѣстнаго общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ (литературнаго фонда).

II. — Отчетъ по изданію сборника „Памяти В. М. Гаршина".

Всего было напечатано и получено изъ типографіи Штейна—3.039 экземпляровъ, въ томъ числѣ было 200 экземпляровъ на веленевой бумагѣ и 2.839 на простой бумагѣ (400 экземпляровъ было переплетено). Записано: 1) на приходъ отъ продажи пожертвованій: 9.347 р. 42 к.; 2) на расходъ—4.224 р. 54 к.; 3) чистый доходъ—5.212 р. 88 к.

Доходъ отъ продажи сборника рѣшено было употребить на устройство народной школы имени Всеволода Михайловича Гаршина. Осуществленіе этой задачи приняло на себя Харьковское Общество распространенія въ народѣ грамотности, вслѣдствіе чего собранный капиталъ былъ переданъ этому Обществу облигаціями 3-го восточнаго займа (5 листовъ по 1.000 р. каждый съ купонами на 1-е мая 1890 г.), пріобрѣтенными въ Волжско-Камскомъ банкѣ за 5.133 руб. 95 коп. и 77 руб. кредитными бумажками. 1 р. 93 коп. израсходованы на пересылку денегъ по почтѣ и печатаніе отчета.

Нижеподписавшіеся считаютъ долгомъ заявить, что успѣху предпринятаго ими дѣла много способствовали: Нина Александровна и Иванъ Яковлевичъ Герды, помогавшіе распространенію и сбыту сборника; г-жа Сабашникова и гг. Сибиряковы, своими пожертвованіями обезпечившіе печатаніе сборника; гг. Варгунины, отпустившіе съ фабрики бумагу въ кредитъ, а тѣ книжные магазины, которые, принявъ на себя продажу сборника съ уступкой всего лишь 10%, доставили тѣмъ самымъ значительное сбереженіе.—Подписали: Я. Абрамовъ, М. Малышевъ, А. Плещеевъ, Н. Ярошенко.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ — ІЮНЬ, 1890.

Май. — Книга пятая.

	стр.
Брусинъ.—Разсказъ.—М. Е. САЛТЫКОВА	5
Реформа гимназій въ германіи.—II-IV.—Окончаніе.—АНТ. ОКОЛЬСКАГО	57
На ущербѣ.—Романъ.—Часть третья: I-XI.—П. Д. БОБОРЫКИНА	108
Впечатлѣнія и дѣйствительность.—И. М. СѢЧЕНОВА	157
Новая фантазія на старую тему.—II-III.—Окончаніе.—И. И. ЯНЖУЛА	173
Наканунѣ переворота.—Романъ.—Соч. Мар. Крофорда.—Часть вторая: XII-XVI.—Окончаніе.—А. Э.	204
Историческія новости.—„Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историческій Вѣстникъ".—А. В—НЪ	257
Современныя замѣтки.—1. О правдивости.—2. О правдѣ.—3. О приличіи.—4. О духовной скудости.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА	302
Старыя и новыя понятія о государствѣ.—III-IV.—Окончаніе.—Л. З. СЛОНИМСКАГО	304
Стихотвореніе.—Цвѣтокъ, обманутый горячими лучами.—М. А. Д.	330
Изученіе психофизическихъ типовъ.—Д. А. Дриль: „Психофизич. типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями.—Д. АНУЧИНА	331
На мотивъ Теккери.—Стих. О. М—ВОЙ	344
Хроника.—Исполненіе государственной росписи за 1889 г., по предварительнымъ свѣдѣніямъ.—О.	346
Внутреннее Обозрѣніе.—Предстоящій международный пенитенціарный конгрессъ.—Подготовительные къ нему труды петербургскаго юридическаго общества.—Вопросы о неисправимыхъ преступникахъ, о судейскихъ внушеніяхъ и выговорахъ, объ условномъ осужденіи.—Предстоящая реформа фабричнаго законодательства.—Газетныя извѣстія объ обязательномъ выкупѣ въ остзейскихъ губерніяхъ	353
Замѣтка.—Кустарная промышленность въ Германіи.—А. А. ИСАЕВА	371
Иностранное Обозрѣніе.—Новыя вѣянія въ правительствѣ Германіи.—Первыя заявленія генерала Каприви.—Вопросъ о личномъ „престижѣ" канцлера.—Роль военнаго элемента въ государственномъ управленіи Пруссіи.—Внутреннія нѣмецкія дѣла.—Рабочее движеніе въ Австро-Венгріи и Германіи.—Толки о празднованіи 1-го мая въ западной Европѣ.—Одна изъ особенностей національной борьбы въ Чехіи.—Старочехи и младочехи.—Чешско-нѣмецкое соглашеніе и антагонизмъ чешскихъ партій	379
Литературное Обозрѣніе.—Сочиненія Н. В. Гоголя. Изд. 10.—Бѣлоруссія и Литва, П. Н. Батюшкова.—Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II, ч. I и II, В. К. Андріевича.—Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири, А. И. Розова.—А. П.—Новыя книги и брошюры	391
Новости иностранной литературы.—I.—Vue générale de l'histoire politique de l'Europe, par Ernest Lavisse.—II. Das Problem der Grundbesitzvertheilung in geschichtlicher Entwick., von Aug. von Miaskowsky.—Л. С.	405
Изъ Общественной Хроники.—Двадцатипятилѣтіе закона 6-го апрѣля 1865 г.—Существуетъ ли прямая связь между свободною печатью и ея вліяніемъ?—Процессъ печати въ петербургскомъ окружномъ судѣ.—Вопросъ о подставныхъ акціонерахъ.—Двѣ журнальныя статьи о Финляндіи.—„Московскія Вѣдомости" и наши гимназіи	408
Извѣщенія.—1.—Отъ Комитета научно-промышленной выставки въ Казани.—II.—Извлеченіе изъ отчетовъ секретаря и казначея Общества для пособія нужд. литерат. и ученымъ за 1889 г.—III. Отъ Редакціи	426
Библіографическій Листокъ.—Исторія русской этнографіи, т. I, А. Н. Пыпина.—Энциклопедическій Словарь, п. р. И. Е. Андреевскаго.—Руководство для живописи на фарфорѣ, А. К. Ламанской.—Очеркъ торговли москов. государ. въ XVI и XVII ст. Изд. 2-ое. Н. Костомарова.	

Digitized by Google

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

На ущербѣ.—Романъ.—Часть третья.—XII-XXIII.—Окончаніе.—П. Д. БОБОРЫКИНА 433
Воспитательные дома въ Россіи.—А. И—ОВА. 485
Стихотворенія.—I. Душистые цвѣты.—II. Скрывай отъ толпы.—П. КОЗЛОВА. 543
Калифорнія и Уссурійскій край.—ПЛАТ. ЧИХАЧЕВА. 545
Стихотворенія.—I. Ни о чемъ не мечтаю.—II. Порою наше поколѣнье.—К. МЕДВѢДСКАГО. 569
По Малой Азіи.—Изъ путевыхъ записокъ.—В. ТЕПЛОВА 571
Экземпляръ.—Эскизъ.—Ѳ. СТУЛЛИ. 619
Сельское общественное призрѣніе.—О. Б. 648
Сто лѣтъ тому назадъ.—Два разсказа Ог. Филона.—I. Дѣвическая грѣза.—II. Кукла. — А. Э. 667
Историческія новости.—„Русская Старина", „Русскій Архивъ", „Историческій Вѣстникъ".—II.—А. В—НА. 710
Изъ венгерскихъ поэтовъ.—Три скорби.—О. М—ВОЙ 756
Внутреннее Обозрѣніе.—Отчетъ оберъ-прокурора св. синода 1887 г.—Положеніе православія въ остзейскомъ краѣ и въ западныхъ губерніяхъ.—Борьба съ язычествомъ на Востокѣ.—Расколъ и сектантство.—Церковно-приходскія школы и школы грамотности.—Международный пенитенціарный конгрессъ и вопросы о преступныхъ дѣтяхъ. 757
Письмо въ Редакцію.—По вопросу о законахъ Финляндіи.—Проф. госуд. права въ Имп. Александровскомъ университетѣ. Р. ГЕРМАНСОНА. 776
Иностранное Обозрѣніе. — Политическія перемѣны въ Германіи.—Результаты удаленія кн. Бисмарка.—Открытіе новаго имперскаго сейма—прежде и теперь.—Настроеніе парламентскихъ партій.—Законы объ увеличеніи состава арміи и объ охранѣ рабочихъ.—Бесѣды кн. Бисмарка съ газетными корреспондентами.—Французскія дѣла 799
Новыя реформы въ среднемъ образованіи во Франціи.—Письмо изъ Парижа.—М. 811
Литературное Обозрѣніе.—Казань въ ея прошломъ и настоящемъ, М. Пинегина.—Иллюстрированная исторія книгопечатанія и типографскаго искусства, Ѳ. Булгакова, т. I.—Исторія педагогики, К. Шмидта, т. I.—А. П.—Сборникъ Русск. Историч. Общества, т. LXX.—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ, В. Левитскаго.—Объ умѣ и методѣ его воспитанія, М. Зеленскаго.—Л. С.—Новыя книги и брошюры 826
Новости иностранной литературы.—I. E. de Cyon, La France et la Russie.—II. Villot, l'Alliance russe.—III. Antagonismus der englischen und russischen Interessen in Asien.—Л. С. 847
Изъ Общественной Хроники.—Высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ послѣ ихъ преобразованія.—Личный составъ слушательницъ и распредѣленіе ихъ по отдѣленіямъ.—Вопросъ о преподаваніи естественныхъ наукъ.—Открытіе интерната.—Двадцатипятилѣтіе новороссійскаго университета.—Открытіе первой сельской общественной библіотеки 855
Извѣщенія.—I. Отъ Совѣта Саратовскаго Общества вспомоществованія нуждающимся литераторамъ.—II. Отчетъ по изданію сборника „Памяти В. М. Гаршина" 865
Библіографическій Листокъ.—Матеріалы для жизнеоп. гр. Н. П. Панина, изд. А. Брикнера, т. II.—Красноярскій округъ Енисейской губерніи, Н. В. Латкина.—Сазоновъ, Г. П. Крестьянская земельная собственность въ Порховскомъ уѣздѣ.—Американская республика, Дж. Брайса, ч. II: Правительство штатовъ. Перев. В. Н. Невѣдомскій.—И. И. Янжулъ. Основныя начала финансовой науки. Ученіе о государственныхъ доходахъ. Вып. 1.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

OCKER

FEB 26 1981

Digitized by Google

Digitized by Google